ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХ.

1897.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.
1897.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія 3

Д. М. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера (*окончаніе*) 1
В. И. Модестовъ. Поэзія въ римской исторіи. . . 66
А. С. Лаппо-Данилевскій. Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе Екатерины II (*продолженіе*). 132
В. Ѳ. Андреевъ. Ученіе о періодѣ въ русскомъ языкѣ. 169
А. А. Шахматовъ. Исходная точка лѣтосчисленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ" 217

Критика и библіографія.

Н. Я. Марръ. Къ вопросу о вліяніи персидской литературы на грузинскую. 223
Н. Н. Дебольскій. *М. Дьяконовъ.* Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. I. Юрьевъ. 1895. Крестьянскія порядныя. Вып. II. Юрьевъ. 1897. Грамоты и Записи 237
С. П. Шестаковъ. Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina nunc primum edidit *Aug. Heisenberg.* Praecedit dissertatio de vita et scriptis Nicephori Blemmydae. Lipsiae. 1896. . 245
Н. В. Ястребовъ. Dr. *Niederle, Lubor.* O původu slovanů. Studie k Slovanským Starožitnostem. V. Praze. 1896 254
Н. И. Карѣевъ. Примѣчанія къ „отвѣту" г. Чечулина. 257
— Книжныя новости. 260

И. Л. Шаталовъ. Русскій языкъ въ инородческой школѣ 1
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ) 22

Современная лѣтопись.

— Наши учебныя заведенія: I. Императорскій Московскій университетъ въ 1896 году 1
II. Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ 1896 году. . . 12
Романовскій. Н. Г. Витте (*некрологъ*) . 23
В. Е. Рудаковъ. П. Г Лебединцевъ (*некрологъ*) 26
В. Е. Рудаковъ. И. И. Малышевскій (*некрологъ*). 29

Отдѣлъ классической филологіи.

А. І. Маленинъ. Марціалъ о своихъ стихотвореніяхъ (*окончаніе*). 81
О. О. Соколовъ. Въ области древней исторіи 92

Объявленія.

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(*Вышла 1-го марта*).

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ СССХ.

1897.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.
1897.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ, ДАННЫЙ НА ИМЯ ПОПЕЧИТЕЛЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА, ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА АПУХТИНА.

Александръ Львовичъ. Соизволивъ, по просьбѣ вашей, на увольненіе васъ отъ должности попечителя Варшавскаго учебнаго округа, съ назначеніемъ къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, Я почитаю долгомъ отнестись съ полной признательностью къ достойному свыше полувѣковому служенію вашему на военномъ и гражданскомъ поприщѣ и особенно къ семнадцатилѣтней дѣятельности вашей на трудномъ и отвѣтственномъ посту въ Варшавѣ, куда по волѣ Дѣда Моего Императора Александра II вы были призваны для высшаго руководительства воспитаніемъ юношества въ Царствѣ Польскомъ. Ревностнымъ и неуклоннымъ стремленіемъ къ упроченію знанія русскаго языка въ многочисленныхъ школахъ края и всегдашнимъ стараніемъ поддержать единеніе его съ Имперіею путемъ усвоенія началъ русской государственности вы снискали себѣ Монаршее довѣріе въ Бозѣ почившаго Родителя Моего, Который, посмотря на просьбу вашу о перемѣнѣ дѣятельности, признавалъ необходимымъ продолженіе вашего служенія въ Варшавскомъ округѣ. Желаю, чтобъ и преемники ваши по должности твердо и неуклонно охраняли начала, кои положены вами въ основу всспитанія польскаго юношества. Выражая вамъ, какъ строгому блюстителю сихъ началъ въ теченіе всей службы вашей въ польскомъ краѣ, Мое особое благоволеніе, пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

29-го января 1897 года.

Библиотека "Руниверс"

II. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ, ДАННЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

(29-го января 1897 года). „Попечителю Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительному тайному совѣтнику *Апухтину*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ".

(1-го февраля 1897 года). „Причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія, чиновнику особыхъ порученій VI класса при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, дѣйствительному статскому совѣтнику *Весселю* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія".

(8-го февраля 1897 года). „Заслуженному ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета, одесскому городскому головѣ, причисленному къ министерству внутреннихъ дѣлъ, доктору прикладной механики, дѣйствительному статскому совѣтнику *Лигину*— Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа".

III. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (2-го декабря 1896 года). *О преобразованіи Кутаисской четырехклассной прогимназіи въ реальное училище.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственнаго совѣта, о преобразованіи Кутаисской четырехклассной прогимназіи въ реальное училище, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Кутаисской четырехклассной прогимназіи въ реальное училище, мнѣніемъ положилъ:

I. Приступить съ начала 1897—1898 учебнаго года къ преобразованію Кутаисской четырехклассной прогимназіи въ реальное учи-

Библиотека "Руниверс"

лище съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ, съ тѣмъ, чтобы съ 1-го іюля 1897 г. были закрыты приготовительный, I и II классы прогимназіи и взамѣнъ этихъ трехъ классовъ были открыты соотвѣтствующіе классы реальнаго училища, а въ послѣдующіе годы закрывалось по одному классу прогимназіи, до окончательнаго упраздненія оной, и прибавлялось по одному слѣдующему классу реальнаго училища, впредь до полнаго сформированія послѣдняго.

II. По закрытіи Кутаисской прогимназіи, служащихъ въ оной лицъ, если они не получатъ новаго назначенія, оставить за штатомъ на общемъ основаніи.

III. Находящееся въ Кутаисской прогимназіи движимое имущество: книги, учебныя пособія и т. п. передать въ учреждаемое реальное училище, или въ другія учебныя заведенія, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія.

IV. Отпускаемую нынѣ на содержаніе Кутаисской прогимназіи сумму *девятнадцать тысячъ сто сорокъ одинъ* рубль обращать въ періодъ преобразованія названнаго учебнаго заведенія, а именно съ 1-го іюля 1897 г. по 1-е іюля 1899 г., на содержаніе остающихся классовъ прогимназіи и вновь открываемыхъ классовъ реальнаго училища и, сверхъ того, ассигновать дополнительно на тотъ же предметъ въ 1898 г.—*тысячу пятьсотъ восемьдесятъ одинъ* рубль, а въ 1899 г. *тысячу шестьсотъ семнадцать* рублей *пятьдесятъ* копѣекъ.

V. По окончательномъ закрытіи Кутаисской прогимназіи, кредитъ на ея содержаніе изъ смѣты министерства народнаго просвѣщенія исключить, на содержаніе же Кутаисскаго реальнаго училища вносить въ означенную смѣту въ 1900 г.—*двадцать четыре тысячи восемьсотъ пятнадцать* рублей, въ 1901 г. *двадцать девять тысячъ пятьсотъ сорокъ пять* рублей и, начиная съ 1902 г.—по *тридцати тысячъ пятисотъ семидесяти* рублей ежегодно, съ тѣмъ, чтобы съ 1902 г. отчислялось изъ спеціальныхъ средствъ Кутаисскаго реальнаго училища по *четыре тысячи* рублей въ годъ въ пособіе казнѣ на содержаніе сего училища.

VI. Могущіе образоваться отъ содержанія Кутаисскаго реальнаго училища остатки раздѣлять, начиная съ 1902 г., на двѣ части, изъ коихъ одну, пропорціональную ассигнованію изъ казны, передавать на общемъ основаніи въ государственное казначейство, другую же, пропорціональную пособію изъ спеціальныхъ средствъ, возвращать въ сіи средства.

VII. Изъ 60 казенныхъ стипендій, учрежденныхъ при Кутаисской

Библиотека "Руниверс"

гимназіи, перевести тридцать, по мѣрѣ ихъ освобожденія, въ Кутаисское реальное училище, съ распредѣленіемъ всѣхъ этихъ стипендій такимъ образомъ, чтобы по двадцати пяти изъ нихъ въ каждомъ учебномъ заведеніи были предоставляемы дѣтямъ князей и дворянъ Кутаисской губерніи, а по пяти стипендій дѣтямъ русскихъ служащихъ или служившихъ въ классныхъ должностяхъ на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Закавказьѣ.

VIII. Отпускаемую нынѣ сумму въ 2.400 руб. на 30 стипендій при Кутаисской прогимназіи обращать, по мѣрѣ освобожденія сихъ стипендій, на увеличеніе размѣра каждой изъ вышеупомянутыхъ (отд. VII) 60 стипендій при Кутаисскихъ гимназіи и реальномъ училищѣ съ *двухсотъ* до *двухсотъ сорока* рублей въ годъ и затѣмъ ассигновать по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на эти послѣднія стипендіи вмѣсто двѣнадцати тысячъ рублей по *четырнадцати тысячъ четыреста* рублей въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

2. (28-го декабря 1896 года). *О предоставленіи преподавателямъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ права на полученіе оклада въ 900 руб. за 12 недѣльныхъ уроковъ по выслугѣ сими лицами пяти лѣтъ, хотя бы и въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о сохраненіи за преподавателями гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ права на полученіе оклада въ 900 руб. при перемѣщеніи ихъ изъ одного изъ сихъ учебныхъ заведеній въ другое, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о сохраненіи за преподавателями гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ права на полученіе оклада въ 900 руб. при перемѣщеніи ихъ изъ одного изъ сихъ учебныхъ заведеній въ другое, мнѣніемъ положилъ:

Библиотека "Руниверс"

Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Преподаватели гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, перемѣщенные въ какое-либо другое изъ сихъ учебныхъ заведеній до истеченія пяти лѣтъ службы, сохраняютъ право на полученіе оклада въ 900 руб. за 12 недѣльныхъ уроковъ по выслугѣ пяти лѣтъ въ томъ случаѣ, если перемѣщеніе ихъ послѣдовало по распоряженію начальства, въ видахъ пользы службы или по другимъ уважительнымъ причинамъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

3. (23-го декабря 1896 года). *О предоставленіи учительницамъ приходскихъ училищъ правъ на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій изъ особаго пенсіоннаго капитала.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи учительницамъ приходскихъ училищъ правъ на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій изъ особаго пенсіоннаго капитала, Высочайше утвердать соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о предоставленіи учительницамъ приходскихъ училищъ правъ на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій изъ особаго пенсіоннаго капитала, мнѣніемъ положилъ:

I) Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Учительницы приходскихъ училищъ, учрежденныхъ на основаніи устава 8-го декабря 1828 г., пользуются равными съ учителями сихъ училищъ правами на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій изъ состоящаго въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія особаго пенсіоннаго капитала (ст. 408 уст. пенс. свод. зак. т. III. изд. 1876 г.), причемъ изъ получаемаго ими по службѣ жалованья производится установленный вычетъ въ означенный капиталъ.

II) Предоставить учительницамъ приходскихъ училищъ, состоящимъ нынѣ на службѣ, право зачета ихъ прежней службы при этихъ

Библиотека "Руниверс"

училищахъ на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій, подъ условіемъ внесенія ими, за все время сей службы, установленнаго вычета въ вышеупомянутый капиталъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (23-го декабря 1896 года). *О правахъ лицъ, прошедшихъ полный курсъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ при дѣйствіи устава 1-го іюня 1868 года.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ лицъ, прошедшихъ полный курсъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ при дѣйствіи устава 1-го іюня 1868 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ лицъ, прошедшихъ полный курсъ наукъ въ императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ при дѣйствіи устава 1-го іюня 1868 года, мнѣніемъ положилъ:

Присвоить права, предоставленныя окончившимъ курсъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ по положенію 6-го іюня 1894 г., тѣмъ изъ прошедшихъ полный курсъ наукъ въ семъ училищѣ при дѣйствіи устава 1-го іюня 1868 г. которые представятъ надлежащія удостовѣренія въ томъ, что они не менѣе пяти лѣтъ занимались практическою техническою дѣятельностью или преподаваніемъ спеціальныхъ предметовъ въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (6-го января 1897 года). *О присвоеніи служащимъ при учреждаемомъ въ г. Шушѣ русско-татарскомъ двухклассномъ училищѣ служебныхъ правъ и преимуществъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о присвоеніи служащимъ

Библиотека "Руниверс"

при учреждаемомъ въ г. Шушѣ русско-татарскомъ двухклассномъ училищѣ служебныхъ правъ и преимуществъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о присвоеніи служащимъ при учреждаемомъ въ г. Шушѣ русско-татарскомъ двухклассномъ училищѣ служебныхъ правъ и преимуществъ, мнѣніемъ положилъ:

Служащимъ при учреждаемомъ въ г. Шушѣ, Елисаветпольской губерніи, на средства мѣстнаго мусульманскаго общества, въ память событія священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, русско-татарскомъ двухклассномъ училищѣ предоставить права и преимущества, присвоенныя служащимъ въ Тифлисскихъ мусульманскихъ училищахъ Аліева ученія и Омарова ученія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (6-го января 1897 года). *О предоставленіи русскимъ учителямъ русско-туземныхъ школъ и надзирателямъ ученическихъ квартиръ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края служебныхъ правъ и преимуществъ со времени опредѣленія этихъ лицъ въ означенныя должности.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи русскимъ учителямъ русско-туземныхъ школъ и надзирателямъ ученическихъ квартиръ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края служебныхъ правъ и преимуществъ со времени опредѣленія этихъ лицъ въ означенныя должности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ

Библиотека "Руниверс"

представленіе министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи русскимъ учителямъ русско-туземныхъ школъ и надзирателямъ ученическихъ квартиръ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края служебныхъ правъ и преимуществъ со времени опредѣленія этихъ лицъ въ означенныя должности, мнѣніемъ положилъ:

I. Русскимъ учителямъ русско-туземныхъ школъ и надзирателямъ ученическихъ квартиръ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края, находившимся на службѣ въ этихъ должностяхъ до обнародованія Высочайше утвержденныхъ, 25-го ноября 1891 г. и 29-го мая 1895 г., мнѣній государственнаго совѣта (собр. узак. и расп. прав. 1892 г. № 4 ст. 28 и 1895 г. № 133 ст. 953), предоставить указанныя въ сихъ узаконеніяхъ служебныя права и преимущества, кромѣ правъ на пенсію и единовременныя пособія, со времени опредѣленія этихъ лицъ въ означенныя должности.

II. Упомянутымъ лицамъ зачислить, если пожелаютъ, въ срокъ выслуги пенсіи и единовременныхъ пособій прежнее время ихъ службы, обязавъ ихъ въ такомъ случаѣ внести установленные на пенсіи вычеты за все означенное время.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (6-го января 1897 года). *О преобразованіи существующей въ г. Вѣрномъ ученической квартиры для киргизскихъ дѣтей въ пансіонъ при Вѣрненской мужской гимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о преобразованіи существующей въ г. Вѣрномъ ученической квартиры для киргизскихъ дѣтей въ пансіонъ при Вѣрненской мужской гимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи существующей въ гор. Вѣрномъ ученической квартиры для киргизскихъ дѣтей въ пансіонъ при Вѣрненской мужской гимназіи, мнѣніемъ положилъ:

Библиотека "Руниверс"

I. Преобразовать существующую въ г. Вѣрномъ ученическую квартиру для киргизскихъ дѣтей въ пансіонъ при Вѣрненской мужской гимназіи на общихъ основаніяхъ (ст. 1547—1578 уст. учебн. зав., св. зак. т. XI ч. I, изд. 1893 г.), съ соблюденіемъ притомъ слѣдующихъ постановленій:

1. Въ пансіонѣ сорокъ воспитанниковъ содержатся на средства, ассигнуемыя ежегодно изъ земскихъ сборовъ Семирѣченской области. Пансіонеры эти избираются мѣстнымъ военнымъ губернаторомъ, причемъ 20 вакансій назначаются для дѣтей инородцевъ (киргизовъ, дунганъ и таранчей), а остальныя 20 для сыновей недостаточныхъ офицеровъ и чиновниковъ, либо умершихъ на службѣ въ области, либо находящихся еще тамъ на службѣ и представившихъ свидѣтельства отъ подлежащаго начальства въ томъ, что они обременены многочисленнымъ семействомъ и не имѣютъ достаточнаго матеріальнаго обезпеченія.

2. Военный губернаторъ Семирѣческой области состоитъ почетнымъ попечителемъ пансіона и пользуется правами, присвоенными почетнымъ попечителямъ гимназій.

3. Въ пансіонѣ имѣется два отдѣленія: одно подготовительное къ поступленію въ гимназію, а второе гимназическое для учениковъ оной.

4. Поступающія въ подготовительное отдѣленіе дѣти инородцевъ должны быть не моложе семи и не старше восьми лѣтъ.

5. Часы занятій, программа и объемъ преподаванія предметовъ въ подготовительномъ отдѣленіи опредѣляются педагогическимъ совѣтомъ Вѣрненской мужской гимназіи и представляются на утвержденіе попечителя мѣстнаго учебнаго округа.

6. Одинъ изъ воспитателей, на котораго возлагаются преподаваніе въ подготовительномъ отдѣленіи и практическія занятія русскимъ языкомъ съ воспитанниками изъ инородцевъ въ приготовительномъ, I и II классахъ гимназіи, избирается изъ лицъ, знающихъ мѣстныя тюркскія нарѣчія, и при томъ преимущественно изъ окончившихъ курсъ по факультету восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета или въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ.

II. На содержаніе пансіона при Вѣрненской мужской гимназіи (отд. I) вносить ежегодно, начиная съ 1897 г., въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія по *десяти тысячъ* рублей (въ томъ числѣ: 2.100 р. жалованья двумъ воспитателямъ, считая по 1.050 р. каждому, 400 р. добавочнаго вознагражд-

Библиотека "Руниверс"

денія за уроки въ подготовительномъ отдѣленіи пансіона и за занятія практическимъ изученіемъ русскаго языка съ воспитанниками изъ инородцевъ (п. 6 отд. I), 300 р. жалованья эконому и 7.200 р. на содержаніе 40 пансіонеровъ, считая по 180 р. на каждаго), и вмѣстѣ съ симъ показывать въ той же смѣтѣ равную сумму пособіемъ на означенную надобность государственному казначейству изъ земскихъ сборовъ Семирѣченской области.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(24-го января 1897 г.). *Назначаются*: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета св. Владиміра докторъ химіи, коллежскій совѣтникъ *Барзиловскій* и приватъ-доцентъ означеннаго университета, магистръ гражданскаго права *Удинцовъ*—въ тотъ же университетъ: первый—ординарнымъ профессоромъ, по каѳедрѣ химіи, а второй—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, по каѳедрѣ торговаго права и судопроизводства; инспекторъ С.-Петербургской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Невзоровъ*—директоромъ С.-Петербургской седьмой гимназіи, съ 14-го января; прозекторъ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Романовъ*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ патологической анатоміи; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ *Истринъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ русскаго языка и русской литературы, съ 1-го января.

Умершіе исключаются изъ списковъ: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ *Бестужевъ-Рюминъ*, со 2-го января, и директоръ С.-Петербургской седьмой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гофманъ*, съ 3-го января.

(1-го февраля 1897 г.). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Кіевскому учебному округу: учителя: гимназій: Кіевской 4-й, *де-Божаръ*—съ 9-го октября 1893 г., Уманской, *Смоличъ*—съ 8-го октября 1895 г., Житомирской, *Стефановъ*—съ 10-го іюля 1896 г., Черниговской,

Библиотека "Руниверс"

Любарскій—съ 1-го іюля 1896 г., Прилукской: *Сенаторскій*—съ 8-го августа 1896 г. *Россоптовскій*—съ 20-го октября 1895 г., Новгородсѣверской, *Монсе*—съ 24-го апрѣля 1896 г., Немировской: Владиміръ *Ивановъ*—съ 1-го іюля 1896 г. и *Вировскій*—съ 1-го августа 1896 г., реальныхъ училищъ: Кіевскаго: Георгій *Ивановъ*—съ 9-го января 1896 г. и *Альдинеръ*—съ 4-го января 1896 г., Роменскаго, *Николайчикъ*—съ 4-го марта 1896 г., Новозыбковскаго, *Билимовичъ*—съ 28-го августа 1896 г., прогимназій: Стародубской: *Гутковскій*—съ 14-го января 1896 г. и *Грембовскій*—съ 8-го августа 1896 г.; инспекторъ народныхъ училищъ 3-го района Черниговской губерніи, *Никольскій*—съ 1-го іюля 1892 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Кіевскому учебному округу: учителя: гимназій: Лубенской, *Семперовичъ*—съ 29-го сентября 1894 г., златопольской, Варсонофій *Ивановъ*—съ 1-го апрѣля 1896 г., Кіевской 4-й, *Славинскій*—съ 1-го іюля 1894 г., реальныхъ училищъ: Винницкаго, *Анцито-Чикунскій*—съ 3-го сентября 1895 г., Ровенскаго, *Лискорапскій*—съ 8-го марта 1896 г., прогимназій: Житомирской, *Соколовскій*—съ 1-го января 1896 г., Острожской шестиклассной, Ѳеодотъ *Ивановъ*—съ 7-го марта 1896 г., Кременчугской женской гимназіи *Николаенко*,—съ 14-го марта 1896 г.; преподаватель Уманской гимназіи *Волковичъ*—съ 19-го марта 1896 г.; наставники учительскихъ семинарій: Коростышевской, *Кочеровъ*—съ 1-го марта 1896 г. и Дедеркальской, *Коцюбинскій*—съ 20-го сентября 1895 г.; надзиратель гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, *Захарченко*—съ 1-го марта 1894 г.; бывшій врачъ Полтавской гимназіи (нынѣ въ отставкѣ) *Богацкій*—съ 16-го ноября 1895 г.; врачъ Каменецъ-Подольской мужской гимназіи и Каменецкаго двухкласснаго городскаго училища *Манасевичъ*—съ 20-го декабря 1877 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Кіевскому учебному округу: учители: гимназій: Житомирской, *Сушицкій*—съ 16-го февраля 1895 г., состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, *Музыченко-Цибульскій*—съ 18-го ноября 1891 г, реальныхъ училищъ: Новозыбковскаго, *Ретшеръ*—съ 28-го января 1895 г., Кременчугскаго Александровскаго, *Голятовскій*—съ 28-го сентября 1891 г., состоящаго при Глуховскомъ учительскомъ институтѣ двухкласснаго городскаго образцоваго училища, *Бойко*—съ 28-го августа 1896 г.; воспитатель пансіона Лубенской гимназіи *Лисьевичъ*—съ 25-го октября 1894 г.; воспитатель и преподаватель коллегіи Павла Галагана *Клячинъ*—съ 1-го января 1896 г.; преподаватель Кіевской женской А.

Библиотека "Руниверс"

Бейтель гимназіи *Жукъ*—съ 20-го августа 1894 г.; врачъ Винницкаго реальнаго училища *Оводовъ*—съ 7-го марта 1896 г.; штатный смотритель и учитель Чигиринскаго двухкласснаго городскаго училища *Павловъ*—съ 20-го августа 1887 г.; штатный смотритель Каневскаго двухкласснаго городскаго училища *Смирновъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Глуховской гимназіи *Шкилевъ*—съ 1-го декабря 1895 г.; помощникъ воспитателей коллегіи Павла Галагана *Зелинскій*—съ 1-го января 1896 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Стародубской прогимназіи *Бѣльскій*—съ 1-го октября 1895 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе асессоры*: по Кіевскому учебному округу: врачи: гимназій: Кіевской 4-й, *Георгіевскій*—съ 29-го октября 1885 г., и Лубенской. *Барскій*—съ 26-го ноября 1893 г., Новозыбковскаго реальнаго училища, *Клюковскій*—съ 23-го августа 1894 г., Стародубской прогимназіи, *Якубенко*—съ 1-го января 1894 г. и Барскаго двухкласснаго городскаго училища, *Герцманъ*—съ 30-го января 1880 г.; исправляющій должность столоначальника канцеляріи попечителя *Забузскій*—съ 17-го февраля 1896 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Роменскаго реальнаго училища. *Квитницкій*—съ 13-го сентября 1895 г. и Черкасской прогимназіи, *Коломацкій*—съ 30-го сентября 1894 г.; учитель Заславскаго двухкласснаго городскаго училища *Гандеръ*—съ 20-го октября 1895 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Кіевскому учебному округу: учитель чистописанія и рисованія Черкасской шестиклассной прогимназіи *Лаврентьевъ*—съ 1-го іюля 1891 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Ровенскаго реальнаго училища *Березовскій*—съ 5-го сентября 1894 г.; учители: приготовительнаго класса Прилукской гимназіи, *Черняковъ*—съ 15-го октября 1895 г., городскихъ двухклассныхъ училищъ: Погарскаго, *Ивженко*—съ 20-го сентября 1894 г., Городнянскаго, *Стеценко*—съ 28-го февраля 1893 г., Сквирскаго, *Рыжковъ*—съ 1-го января 1895 г., Васильковскаго, *Милоченко*—съ 15-го января 1896 г. и Литинскаго, *Гарбузовъ*—съ 19-го мая 1894 г.; письмоводители гимназій: Каменецъ-Подольской, *Голубовичъ*—съ 25-го сентября 1895 г. и Уманской, *Корольковъ*—съ 3-го января 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Кіевскому учебному округу: штатный смотритель Радомысльскаго двухкласснаго городскаго училища *Финицкій*—съ 12-го декабря 1889 г.; учители городскихъ двухклассныхъ училищъ: Звенигородскаго, *Балдовскій*—съ 17-го апрѣля 1894 г., Староконстантиновскаго, *Зленко*—съ 28-го февраля 1893 г. и Луцкаго, *Костылевъ*—съ 25-го августа

Библиотека "Руниверс"

1894 г.; письмоводители: Винницкаго реальнаго училища, *Стеткевичъ*—съ 1-го января 1896 г. и коллегіи Павла Галагана, *Антоненко*—съ 24-го апрѣля 1893 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *губернскіе секретари*: по Кіевскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Хмѣльникскаго, Литинскаго уѣзда, Подольской губерніи, *Кравченко*—съ 3-го сентября 1889 г., Локачскаго фундушеваго однокласснаго, Владиміръ-Волынскаго уѣзда, Волынской губерніи, *Степановъ*—съ 1-го августа 1896 г.; письмоводитель гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, *Процепко*—съ 30-го марта 1895 г.: исправляющій должность письмоводителя Кіевской 4-й гимназій *Яновскій*—съ 27-го января 1879 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Кіевскому учебному округу: почетные смотрители городскихъ училищъ: Черниговскаго трехкласснаго, *Лебедевъ*—съ 29-го сентября 1892 и Мглинскаго двухкласснаго, *Сохапскій*—со 2-го декабря 1894 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Шульжевичъ*—съ 8-го февраля 1896 г.; учители приходскихъ училищъ: Волочискаго, Старо-Константиновскаго уѣзда, Волынской губерніи, *Сусъ*—съ 1-го августа 1894 г., Каменецкаго 1-го фольварецкаго городскаго, *Филипскій*—съ 5-го января 1888 г., Каменецкаго 2-го фольварецкаго городскаго *Осаковскій*—съ 1-го апрѣля 1894 г.; учитель приготовительнаго класса Липовецкаго двухкласснаго городскаго училища *Гордовскій* — съ 17-го сентября 1895 г.; канцелярскіе служители канцеляріи попечителя: *Подвысоцкій*—съ 12-го августа 1895 г. и *Гребеновскій*—съ 29-го октября 1896 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: по Кіевскому учебному округу: учители гимназій: Житомірской мужской, *Штейнбергъ*—съ 6-го февраля 1892 г., Кіевской 3-й, *Лясковронскій*—съ 28-го февраля 1891 г., Немировской, *Царевскій*—съ 26-го августа 1889 г., Кіевской 4-й, сверхштатный, коллежскій регистраторъ *Кивлицкій*—съ 12-го октября 1891 г., Кіевской частной женской Дучинской, *Николаенко*—съ 11-го сентября 1891 г., Глуховской мужской, *Леру*—со 2-го апрѣля 1891 г., Кіевской 1-й, *Назаренко*—съ 14-го декабря 1891 г., Ровенскаго реальнаго училища, *Домушинъ*—съ 1-го іюля 1892 г; наставникъ Дедеркальской учительской семинаріи *Яворовскій*—съ 13-го октября 1894 г.; преподаватель Уманской гимназіи, коллежскій регистраторъ *Дефебръ*—съ 4-го марта 1892 г.; надзиратель гимназіи при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ *Кашировскій*—съ 21-го сентября 1890 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Кіевскому учебному

Библиотека "Руниверс"

округу: врачи: Глуховскаго учительскаго института, *Мокрицкій*—съ 10-го октября 1889 г. и двухклассныхъ городскихъ училищъ: Мглинскаго, *Троицкій*—съ 3-го іюля 1892 г. и Житомірскаго, *Бинштокъ*—съ 5-го сентября 1890 г., всѣ трое по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по департаменту народнаго просвѣщенія, дѣлопроизводитель VII класса особаго отдѣленія департамента для завѣдыванія промышленными училищами *Москалевъ*—съ 11-го іюля 1895 г., по званію инженеръ-технолога.

(1-го февраля 1897 года). *Назначаются*: причисленный къ министерству, чиновникъ особыхъ порученій VI класса при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Весселъ* — членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія; адъюнктъ Императорской академіи наукъ, докторъ ботаники, статскій совѣтникъ *Коржинскій*—экстраординарнымъ академикомъ по ботаникѣ, съ 7-го декабря 1896 г.; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Авиловъ* — дѣлопроизводителемъ V класса того же департамента, съ 1-го января; инспекторъ Кронштадтской гимназіи, статскій совѣтникъ *Клеменчичъ* и учителя, исполняющіе обязанности инспектора гимназій: С.-Петербургской седьмой, статскій совѣтникъ *Діомидовъ* и Тифлисской третьей, мужской, статскій совѣтникъ *Крейсбергъ*—директорами гимназій: Клеменчичъ—Кронштадтской, Діомидовъ—Олонецкой и Крейсбергъ—Тифлисской второй, великой княгини Ольги Ѳеодоровны, женской; столоначальникъ канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ *Богдановъ*—правителемъ той же канцеляріи; губернскій секретарь *Ждановъ*—почетнымъ попечителемъ Одесской прогимназіи, на три года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, консультантъ Тифлисскаго военнаго госпиталя, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Праксинъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по каѳедрѣ госпитальной хирургической клиники, съ 1-го января.

Перемѣщается, директоръ Тифлисской второй, великой княгини Ольги Ѳеодоровны, женской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Козюлькинъ*—на таковую же должность въ Тифлисскую третью мужскую гимназію.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ частныхъ гимназія и реальнаго училища доктора Видемана, въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ *Леве*

Библиотека "Руниверс"

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Острогожской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Турчаковскій*, съ 9-го января.

(7-го февраля 1897 года) *Назначаются*: коллежскій секретарь *Поклевскій-Козелъ* — почетнымъ попечителемъ Пермской гимназіи, на три года; почетный попечитель Симферопольской гимназіи, кандидатъ юридическихъ наукъ *Протопоповъ*—вторымъ почетнымъ попечителемъ Одесской второй гимназіи, на три года.

Утверждается, надворный совѣтникъ *Готовицкій*—вновь почетнымъ попечителемъ Камышинскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года

(14-го февраля 1897 года). *Назначаются*: экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ князь *Дрыгинскій-Долгоруковъ* и Варшавскаго, докторъ русской словесности, коллежскій совѣтникъ *Карскій*—ординарными профессорами тѣхъ же университетовъ: первый—по каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней, съ 1-го января, а второй по каѳедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и исторіи русской литературы; помощникъ главнаго врача Императорской Екатерининской больницы, въ Москвѣ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Кашинъ*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ госпитальной хирургической клиники, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; инспекторъ народныхъ училищъ Астраханской губерніи, статскій совѣтникъ *Аммосовъ* и учитель, исполняющій обязанности инспектора Казанской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Соловьевъ*—директорами народныхъ училищъ губерній: первый—Астраханской, съ 1-го января, а второй—Саратовской.

Увольняется, согласно прошенію, Пензенскій губернаторъ, почетный попечитель Харьковскаго реальнаго училища, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ князь *Святополкъ-Мирскій*—отъ должности почетнаго попечителя.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ медицины и хирургіи, статскій совѣтникъ *Кобертъ*, съ 1-го февраля.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ народныхъ училищъ Саратовской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пановъ*, съ 13-го января.

Библиотека "Руниверс"

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (8-го октября 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени дочери потомственнаго почетнаго гражданина Екатерины Прохоровой при Московской Петропавловской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., учреждается при Московской Петропавловской женской гимназіи одна стипендія въ память покойной дочери потомственнаго почетнаго гражданина Екатерины Прохоровой на счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи* руб., пожертвованнаго для сей цѣли вдовою потомственнаго почетнаго гражданина Прохоровою.

§ 2. Означенный стипендіальный капиталъ, заключающійся въ шести билетахъ, по 500 рублей, 4% государственной ренты, хранится совѣтомъ евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла и остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на взносъ платы за право ученія стипендіатки.

§ 4. Стипендіаткой можетъ быть только лицо русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Право выбора стипендіатки принадлежитъ вдовѣ потомственнаго почетнаго гражданина Прасковьѣ Герасимовнѣ Прохоровой, а по смерти ея дѣтямъ ея Николаю Константиновичу и Маріи Константиновнѣ Прохоровымъ.

§ 6. Въ случаѣ неизвѣстности мѣста жительства поименованныхъ въ § 5 дѣтей дарительницы или за прекращеніемъ рода ея, право выбора стипендіатки переходитъ къ педагогическому совѣту Петропавловской женской гимназіи.

§ 7. Въ случаѣ неуспѣшности въ наукахъ или неодобрительнаго поведенія, стипендіатка по постановленію педагогическаго совѣта можетъ быть лишена стипендіи и уволена изъ гимназіи. Вообще пользованіе стипендіею одной и той же ученицей не можетъ продолжаться болѣе десяти лѣтъ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

Библиотека "Руниверс"

2. (30-го октября 1896 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Троицкосавской графа Муравьева-Амурскаго женской гимназіи имени бывшей начальницы сей гимназіи Елены Александровны Ошурковой.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.)

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ *одну тысячу двѣсти* руб., отчисленнаго изъ экономическихъ суммъ Троицкосавской графа Муравьева-Амурскаго женской гимназіи, учреждаются при сей гимназіи двѣ стипендіи имени бывшей начальницы означеннаго учебнаго заведенія Елены Александровны Ошурковой.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 30-го мая 1885 года, выдаются двумъ бѣднѣйшимъ ученицамъ гимназіи, заслуживающимъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 4. Право выбора стипендіатокъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, по соглашенію съ попечительнымъ совѣтомъ оной.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться, вслѣдствіе незамѣщенія стипендій или по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ, остатки отъ стипендій причисляются къ основному капиталу и обращаются въ процентныя бумаги до тѣхъ поръ, пока получится сумма достаточная для учрежденія новой стипендіи.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Троицкосавской женской гимназіи въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

3. (5-го декабря 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени дочери потомственнаго почетнаго гражданина Нины Баландиной при Енисейской женской гимназіи.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года при Енисейской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени

Библиотека "Руниверс"

умершей дочери потомственнаго почетнаго гражданина Нины Баландиной на $^0/_0$ съ капитала въ *одну тысячу пятьсотъ* руб., пожертвованнаго на сей предметъ отцомъ покойной Александромъ Алексѣевичемъ Баландинымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4$^0/_0$ ренты, составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ Енисейскомъ окружномъ казначействѣ, въ числѣ ея спеціальныхъ средствъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ сбора въ пользу казны, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на плату за обученіе одной ученицы гимназіи.

§ 4. Стипендія предоставляется, по соглашенію педагогическаго и попечительнаго совѣтовъ гимназіи, одной изъ ученицъ, заслуживающей того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 5. По возможности, пользоваться стипендіею предоставляется одной и той же ученицѣ отъ перваго класса до восьмого включительно; стипендія можетъ быть передаваема другой ученицѣ только въ томъ случаѣ, если та, которая уже пользуется стипендіею, окажется малоуспѣвающей въ наукахъ.

§ 6. Остающіяся за внесеніемъ платы за ученіе стипендіатки $^0/_0$ съ капитала употребляются на выдачу пособія бѣднымъ ученицамъ, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта гимназіи.

§ 7. Въ случаѣ прекращенія существованія гимназіи, стипендіальный капиталъ долженъ быть переданъ въ другое женское учебное заведеніе города Енисейска, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ соблюденіемъ указанныхъ условій.

4. (5-го декабря 1896 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени генералъ-маіора Михаила Марковича Маркова и жены ею Александры Соломоновны Марковой при Донской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года, на проценты съ капитала въ *четыре тысячи* руб., завѣщаннаго хорунжимъ войска донскаго Михаиломъ Михайловичемъ Марковымъ, учреждаются при Донской Маріинской женской гимназіи двѣ стипендіи имени генералъ-маіора Михаила Марковича Маркова и жены его Александры Соломоновны Марковой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4-хъ свидѣ-

Библиотека "Руниверс"

тельствахъ 4% государственной ренты, составляетъ неотъемлемую собственность Донской Маріинской женской гимназіи и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи въ мѣстномъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, дѣлятся на двѣ равныя части и образуютъ двѣ стипендіи.

§ 4. Стипендіи назначаются по постановленію попечительнаго совѣта гимназіи двумъ бѣднѣйшимъ воспитанницамъ Донской Маріинской женской гимназіи, донскимъ уроженкамъ, заслуживающимъ этого пособія по своимъ успѣхамъ и поведенію, изъ числа восьми ученицъ, которыя въ качествѣ кандидатокъ избираются педагогическимъ совѣтомъ гимназіи.

§ 5. Могущіе по какимъ либо причинамъ образоваться остатки отъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала употребляются въ пособіе вновь избраннымъ стипендіаткамъ.

§ 6. Стипендіальныя деньги назначаются для уплаты за право ученія въ гимназіи и на пріобрѣтеніе стипендіаткамъ необходимаго платья и учебныхъ пособій.

§ 7. Въ память завѣщателя и его родителей ежегодно, 8-го ноября или въ ближайшій воскресный день, въ гимназическомъ храмѣ совершается панихида по почившимъ жертвователямъ въ присутствіи стипендіатокъ.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Донской Маріинской женской гимназіи въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

5. (5-го декабря 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени Елисаветы Михайловны Зундеваль при Черниговской женской гимназіи.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на проценты съ капитала въ *пять тысячъ* рублей, завѣщаннаго женою отставнаго генералъ-маіора Александрою Ивановною Тельшевскою, учреждаются при Черниговской женской гимназіи четыре стипендіи имени Елисаветы Михайловны Зундеваль.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, № 810, сер. 151, составляя неотъемлемую собственность

Библиотека "Руниверс"

гимназіи, остается неприкосновеннымъ и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ оной.

§ 3. Изъ процентовъ съ сего капитала, за исключеніемъ 5% государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г. ежегодно вносится плата за ученіе четырехъ бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, въ томъ числѣ за одну ученицу приготовительнаго класса.

§ 4. Выборъ стипендіатокъ производится попечительнымъ совѣтомъ женской гимназіи изъ числа бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, всѣхъ безъ различія христіанскихъ исповѣданій, достойныхъ по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ.

§ 5. Оставленіе стипендіатки на 2-й годъ въ томъ же классѣ по независящимъ отъ нея причинамъ, которыя попечительнымъ совѣтомъ будутъ признаны уважительными, не лишаетъ ее права на пользованіе стипендіею.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Черниговской женской гимназіи въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

6. (24-го декабря 1896 года). *Положеніе о стипендіи имени Анны и Моисея Вульфъ при Симферопольской женской гимназіи.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года при Симферопольской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени Анны и Моисея Вульфъ на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи пятьсотъ* рублей завѣщаннаго женской гимназіи умершимъ кандидатомъ правъ Моисеемъ Михайловичемъ Вульфомъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты—два по тысячѣ руб. каждое серіи 94-й №№ 0783 и 0911 и одно на пятьсотъ руб., серіи 131 № 0702 — на предъявителя, составляя неприкосновенную собственность Симферопольской женской гимназіи, хранится въ Таврическомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, расходуются на уплату за право ученія одной воспитанницы Симферопольской женской гимназіи, не ниже 3 класса, изъ числа сиротъ и дѣтей бѣднѣйшихъ родителей, безъ различія вѣроисповѣданія и націо-

Библиотека "Руниверс"

нальности, уроженцевъ города Симферополя. Остатокъ отъ процентовъ, за взносомъ платы за ученіе, раздѣляется на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна ежегодно выдается въ пособіе родителямъ стипендіатки на пріобрѣтеніе книгъ, учебныхъ пособій, платья, обуви и пр., а другая половина остатка отъ процентовъ съ капитала ежегодно удерживается и хранится въ казначействѣ, впредь до окончанія стипендіаткою полнаго курса восьми классовъ гимназіи и затѣмъ выдается стипендіаткѣ вмѣстѣ съ наросшими процентами.

§ 4. Въ случаѣ смерти стипендіатки или выхода ея изъ гимназіи ранѣе окончанія ею полнаго курса гимназіи, накопившаяся изъ остатковъ за время пребыванія стипендіатки въ гимназіи сумма, выдается полностью на руки родителямъ стипендіатки.

§ 5. Право назначенія стипендіи одной изъ лучшихъ по успѣхамъ въ наукахъ, прилежанію и поведенію ученицъ гимназіи принадлежитъ попечительному совѣту Симферопольской женской гимназіи.

§ 6. Проценты, могущіе оказаться свободными по случаю незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ, причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ закрытія Симферопольской женской гимназіи стипендіальный капиталъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ передается тому учебному заведенію, которое будетъ учреждено въ городѣ Симферополѣ взамѣнъ означенной гимназіи.

---

7. (28-го января 1897 года). Препровождая при семъ, въ копіяхъ, отношеніе министерства финансовъ отъ 31-го декабря 1896 года, за № 8.453, и циркулярное распоряженіе по министерству финансовъ отъ 14-го декабря 1896 года за № 118, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство принять изложенныя въ нихъ разъясненія о счетоводствѣ по суммамъ въ золотой валютѣ къ руководству и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія по подвѣдомственнымъ вамъ учебнымъ заведеніямъ и учрежденіямъ.

Подписалъ: за министра народнаго просвѣщенія, товарищъ министра *Н. Аничковъ*.

Библиотека "Руниверс"

МИНИСТЕРСТВО
ФИНАНСОВЪ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ
ГОСУДАРСТВЕННАГО
КАЗНАЧЕЙСТВА.

Бухгалтерія.
Столъ 4.

31 декабря 1896 г.
№ 8453.

Копія.

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

На основаніи ст. 2 т. VIII св. зак. общ. счет. уст., приходъ, расходъ и наличность золота приводятся въ счетахъ кассъ на серебро по опредѣленному въ уставѣ монетномъ постоянному размѣру, то-есть по номинальной стоимости золотой монеты.

Сообразно съ этимъ закономъ, по соглашенію министерства финансовъ съ другими вѣдомствами, послѣдовавшему въ 1889 году, въ ассигновкахъ о производствѣ расходовъ золотомъ, на счетъ смѣтныхъ назначеній, показывается расходомъ сумма золота по номинальной цѣнѣ монеты съ добавленіемъ въ текстѣ ассигновки, что на курсовую разность, причитающуюся, согласно смѣтамъ, на отпускаемую золотую монету, слѣдуетъ уменьшить кредитъ. Отпустивъ деньги по такимъ ассигновкамъ, казначейства выписываютъ въ расходъ по своимъ кассовымъ книгамъ сумму, равную номинальной стоимости выданной золотой монеты, а на курсовую разность закрываютъ кредитъ. По отчетамъ же государственнаго контроля выданная золотая монета показывается въ смѣтныхъ расходахъ вмѣстѣ съ начисленною на нее курсовою разностью.

Въ настоящемъ году, Высочайше утвержденнымъ 20-го мая мнѣніемъ государственнаго совѣта, министру финансовъ предоставлено разрѣшать казначействамъ и другимъ правительственнымъ кассамъ приходъ, расходъ и наличность золота показывать по счетамъ по кур-

Библиотека "Руниверс"

су, устанавливаемому имъ, министромъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 8-го мая и 6-го ноября 1895 г., для пріема россійской золотой монеты въ уплату государственныхъ доходовъ.

Дѣйствіе этого закона, по соглашенію министерства финансовъ съ государственнымъ контролемъ, признано необходимымъ примѣнить въ казначействахъ и приходорасходныхъ кассахъ, съ 1-го января 1897 года, какъ по суммамъ государственнаго казначейства, такъ по спеціальнымъ средствамъ и депозитамъ, о чемъ, циркуляромъ отъ 14-го сего декабря за № 118, сдѣланы распоряженія по главному казначейству и казеннымъ палатамъ. Равнымъ образомъ такое же измѣненіе счетоводства будетъ введено съ будущаго года и по государственному банку. При этомъ вся наличность въ означенныхъ учрежденіяхъ на 1-е января 1897 г. будетъ зачислена по счетамъ по расчету 1 р. золотомъ = 1 р. 50 коп. кред. и по этому же курсу будутъ съ 1897 г. показываться по счетамъ всѣ обороты и наличность золотыхъ цѣнностей.

Для того, чтобы новая система счетоводства дѣйствовала исправно и чтобы при составленіи государственнымъ контролемъ отчетовъ не могло произойти затрудненій, необходимо, чтобы и другія кассы, въ томъ числѣ и кассы спеціальныхъ сборщиковъ, вели свои счеты и доставляли отчетность въ учрежденія контроля, показывая золото въ кредитной валютѣ по тому же курсу 1 р. золотомъ = 1 р. 50 коп. кред. Хотя, по соглашенію министерства финансовъ съ другими вѣдомствами, послѣднія еще въ концѣ прошедшаго 1895 года сдѣлали распоряженія о веденіи кассами спеціальныхъ сборщиковъ счетовъ по оборотамъ золота по курсу, устанавливаемому министерствомъ финансовъ; но тѣмъ не менѣе, для избѣжанія какого бы ни было разногласія въ счетахъ, было бы полезно подтвердить упомянутымъ кассамъ, въ томъ числѣ и подвѣдомственнымъ министерству народнаго просвѣщенія, о соблюденіи означенныхъ распоряженій и на будущее время, а также разъяснить имъ, что счеты золота слѣдуетъ вести по курсу 1 р. золотомъ = 1 р. 50 коп. кред. и поручить при сдачѣ и высылкѣ золотой монеты и депозитныхъ квитанцій въ казначейства и учрежденія государственнаго банка въ препроводительныхъ отношеніяхъ и вѣдомостяхъ обозначать, кромѣ стоимости сдаваемыхъ и высылаемыхъ золотыхъ цѣнностей по курсовой цѣнѣ, еще и номинальную сумму ихъ, которая легко получается отъ дѣленія стоимости золота по упомянутому выше курсу на 3 и помноженія частнаго на 2.

Библиотека "Руниверс"

Измѣненіе въ веденіи счетовъ золота по кассовымъ учрежденіямъ не можетъ остаться безъ вліянія и на счетоводство распорядительныхъ управленій, которыя неизбѣжно должны перейти къ новой системѣ, чтобы не разойтись въ цифрахъ съ казначействами. Это преимущественно касается спеціальныхъ средствъ и депозитовъ, по которымъ распорядительныя управленія ведутъ бухгалтерскіе счеты. Поэтому п. 4 циркуляра за № 118 поручено казначействамъ сообщить распорядительнымъ управленіямъ необходимыя свѣдѣнія о томъ, по какимъ счетамъ спеціальныхъ средствъ и статьямъ депозитовъ казначейства, при переходѣ къ новой системѣ начислять курсовую разность на неизрасходованный къ 1-му января 1897 г. остатокъ золота, чтобы распорядительныя управленія могли исправить свои счеты. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ веденіи счетовъ и составленіи отчетности, распорядительнымъ управленіямъ слѣдуетъ принимать золото по разчету 1 р. золотомъ=1 р. 50 коп. кред.

Кромѣ того, слѣдуетъ измѣнить и текстъ ассигновокъ на производство изъ казначействъ, въ установленныхъ случаяхъ, металлическихъ платежей золотомъ на счетъ смѣтныхъ ассигнованій, именно вмѣсто обозначенія въ ассигновкахъ лишь номинальной суммы подлежащей выдачѣ золотой монеты и введеннаго въ 1889 г. требованія уменьшить, сверхъ того, кредитъ на курсовую разность, причитающуюся на выдаваемое золото, необходимо, чтобы въ ассигновкахъ обозначалось, что распорядительное управленіе проситъ казначейство выдать кредитору „золотомъ *столько-то* номинальныхъ, а по курсу на кредитную валюту *столько-то*“, и эту послѣднюю сумму ставить въ графѣ ассигновки и выводить въ расходъ по счету кредита.

Сообщая о вышеизложенномъ и препровождая при семъ циркуляръ главному казначейству и казеннымъ палатамъ за № 118, имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство не отказать въ распоряженіяхъ, согласно сдѣланнымъ выше разъясненіямъ, по ввѣренному вамъ вѣдомству и о послѣдующемъ сообщить министерству финансовъ.

Подписалъ: за министра финансовъ, товарищъ министра *В. Коковцевъ*.

Библиотека "Руниверс"

МИНИСТЕРСТВО
ФИНАНСОВЪ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ
ГОСУДАРСТВЕННАГО
КАЗНАЧЕЙСТВА.

Бухгалтерія.
Столъ 4.

14 декабря 1896 г.
№ 118.

Циркулярно.

Главному казначейству и казеннымъ палатамъ.

На основаніи ст. 2 общаго счетн. уст., россійская золотая монета нынѣ приводится въ счетахъ кассовыхъ учрежденій на серебро по опредѣленному въ уставѣ монетномъ постоянному размѣру, то-есть по номинальной цѣнѣ съ добавленіемъ 3% къ стоимости монеты старыхъ чекановъ до 1886 года.

Высочайше же утвержденнымъ въ 20-й день мая сего года мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено: ст. 2 общ. счетн. уст. (св. зак. т. VIII, част. 2 по продолж. 1895 г.) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Министру финансовъ предоставляется, по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ, разрѣшать казначействамъ и другимъ правительственнымъ кассамъ показывать въ кассовыхъ книгахъ приходъ, расходъ и наличность золота по курсу, устанавливаемому имъ, министромъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 8-го мая и 6-го ноября 1895 г. мнѣній государственнаго совѣта для пріема россійской золотой монеты въ уплату государственныхъ доходовъ".

Признавая, по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ, необходимымъ изложенное постановленіе примѣнить во всѣхъ казначействахъ и приходорасходныхъ кассахъ съ 1-го января будущаго 1897 г., предлагаю главному казначейству и казеннымъ палатамъ принять къ руководству и исполненію слѣдующее:

1) Всѣ казначейства и приходорасходныя

Библиотека "Руниверс"

кассы обязаны своевременно выяснить, сколько къ 1-му января 1897 г. въ общемъ остаткѣ наличности въ золотой монетѣ и депозитныхъ квитанціяхъ заключается монеты и депозитныхъ квитанцій, принадлежащихъ государственному казначейству, спеціальнымъ средствамъ и депозитамъ отдѣльно по каждому изъ этихъ трехъ видовъ суммъ.

2) Въ началѣ дня 2-го января, до открытія дѣйствій кассы, казначейства и приходорасходныя кассы должны начислить курсовую разность на всю сумму золотой монеты и депозитныхъ квитанцій, какая окажется въ наличности къ 1-му января, считая по 50 к. на каждый рубль золота, и затѣмъ начисленную сумму записать на приходъ по приходному журналу по графѣ золотой монеты, въ трехъ статьяхъ, то-есть отдѣльно по суммамъ государственнаго казначейства, спеціальныхъ средствъ и депозитовъ.

3) На каждую изъ трехъ поименованныхъ въ п. 2 статей казначейства и приходорасходныя кассы должны составить, въ качествѣ приходнаго документа, записку, причемъ въ запискѣ по спеціальнымъ средствамъ должно быть подробно указано, сколько и въ какія именно спеціальныя средства записано начисленной курсовой разности, а въ запискѣ по депозитамъ должно быть обозначено, по депозитамъ какихъ распорядителей и по какимъ именно статьямъ бухгалтерской книги причитается курсовая разность. Означенныя записки подлежатъ отсылкѣ при отчетности въ казенную и контрольную палаты по принадложности.

4) Равнымъ образомъ начисленная по депозитамъ и спеціальнымъ средствамъ курсовая разность должна быть записана въ бухгалтерскія книги депозитовъ и спеціальныхъ средствъ, въ соотвѣтствующей части по каждому счету, по которому оказалось золото въ наличности къ 1-му января, причемъ въ записяхъ курсовой разности по депозитамъ слѣдуетъ обозначить №№ тѣхъ статей бухгалтерской книги, къ которымъ курсовая разность относится, съ указаніемъ и суммы курсовой разности по каждой статьѣ. О суммахъ курсовой разности, записанныхъ въ спеціальныя средства и депозиты, казначейства и приходорасходныя кассы обязаны увѣдомить подлежащихъ распорядителей этими суммами съ указаніемъ въ своихъ увѣдомленіяхъ, по какимъ счетамъ и депозитнымъ статьямъ записана курсовая разность.

5) Курсовая разность по суммамъ государственнаго казначейства должна быть показана по книгамъ и отчетности казенныхъ палатъ и главнаго казначейства въ кассовыхъ оборотахъ особымъ счетомъ подъ названіемъ: „курсовая разность, начисленная на золотую монету и

Библиотека "Руниверс"

депозитныя квитанціи, находившіяся въ казначействахъ и приходорасходныхъ кассахъ къ 1-му января 1897 г. въ суммахъ государственнаго казначества".

6) Золотая монета и депозитныя квитанціи по спеціальнымъ средствамъ и депозитамъ подлежатъ, согласно циркуляру отъ 18-го сентября 1896 г. за № 93 (стр. 15), перечисленію 2-го января 1897 г. на вновь открываемые по правиламъ о банковыхъ операціяхъ текущіе счеты также до открытія дѣйствій кассы. Въ виду сего, вслѣдъ за начисленіемъ на означенныя цѣнности курсовой разности, какъ объяснено выше, эти цѣнности должны быть списаны въ расходъ по расходному реестру уже въ курсовой ихъ стоимости, то-есть считая полуимперіалъ новаго чекана 7 р. 50 к. и т. п., и въ этой-же цѣнѣ слѣдуетъ записать ихъ на приходъ по приходорасходной книгѣ № 35 и по металлическому текущему счету книги № 49.

7) Начиная съ 2-го января 1897 г., по приходному журналу, расходному реестру, приходорасходной книгѣ для банковыхъ операцій и кладовой книгѣ, а также по бухгалтерскимъ и расчетнымъ книгамъ и вообще по всѣмъ, безъ исключенія, счетамъ, а равно по отчетности казначействъ и казенныхъ палатъ, вся поступающая (въ томъ числѣ и изъ другихъ кассъ) и расходуемая золотая монета и депозитныя квитанціи по всѣмъ оборотамъ, то-есть по смѣтнымъ государственнымъ доходамъ и расходамъ, по приходу и расходу спеціальныхъ средствъ и депозитовъ, по всякаго рода кассовымъ оборотамъ и по банковымъ операціямъ показываются не по номинальной стоимости, а по курсу, указанному выше, то-есть считая каждый рубль золотомъ = 1 р. 50 к. кредитныхъ.

8) При исполненіи указаннаго въ ст. 7 правила соблюдается слѣдующее:

а) Приходъ и расходъ золотой монеты и депозитныхъ квитанцій показываются, какъ и въ настоящее время, по приходному журналу и расходному реестру въ особыхъ графахъ, по, какъ сказано выше, въ кредитной валютѣ по указанному курсу. То же слѣдуетъ соблюдать и при веденіи приходорасходной книги для банковыхъ операцій и другихъ счетовъ, въ которыхъ имѣются особыя графы для обозначенія оборотовъ золота.

б) Чтобы не задерживать плательщиковъ и получателей денегъ въ дни значительнаго числа поступленій и выдачъ, казначейства и приходорасходныя кассы могутъ въ присутствіи плательщиковъ и получателей выставлять полученныя и выданныя суммы въ приход-

Библиотека "Руниверс"

номъ журналѣ и расходномъ реестрѣ лишь въ послѣдней графѣ „всего", а затѣмъ разносить составныя части принятыхъ и выданныхъ суммъ по соотвѣтствующимъ графамъ, по роду полученныхъ и выданныхъ знаковъ, послѣ окончанія пріема и выдачи денегъ, на основаніи отмѣтокъ казначеевъ и кассировъ на документахъ.

в) Въ кладовой книгѣ остатокъ золотой монеты и депозитныхъ квитанцій къ каждому слѣдующему дню показывается въ кредитной валютѣ (то-есть съ начисленіемъ курсовой разности) также по графѣ для золота, подъ цифрою же этого остатка къ 1-му каждаго мѣсяца должна быть показана, кромѣ того, красными чернилами, и номинальная стоимость его (съ начисленіемъ 3% лажа на золотую монету чекановъ до 1886 г.).

9) При случайномъ поступленіи въ государственные доходы иностранной монеты казначейства и приходорасходныя кассы должны записывать эту монету на приходъ согласно примѣчанію 1-му къ ст. 187 ипостр. к—мъ, по цѣнамъ, установленнымъ для пріема иностранной монеты въ таможенныя пошлины (*Вѣстникъ Финансовъ* 1895 г. № 34, стр. 638), но съ перечисленіемъ въ кредитную валюту на основаніяхъ указанныхъ выше для русской золотой монеты, то-есть съ надбавкою курсовой разности по 50 к. на каждый рублъ золота.

Примѣчаніе 1. Примѣчаніе 2 къ ст. 187 иностр. к—мъ о порядкѣ записи иностранной монеты, поступающей для передачи въ натурѣ кому-либо внутри или внѣ Имперіи, остается безъ измѣненія.

Примѣчаніе 2. Иностранная монета къ обмѣну на другіе денежные знаки не принимается.

10) Квитанціи, выдаваемыя плательщикамъ, пишутся на общую внесенную сумму, съ перечисленіемъ золота въ кредитную валюту, безъ приведенія разсчетовъ, установленныхъ циркуляровъ отъ 26-го мая 1895 г. за № 8131.

11) Въ отмѣну установленнаго циркулярами отъ 12-го іюля 1889 г., 11-го января 1890 г. и 4-го іюля 1895 г. за №№ 41, 1 и 60 порядка уменьшенія кредитовъ на курсовую разность при исполненіи ассигновокъ распорядительныхъ управленій, выдачи, произведенныя золотомъ,—написаны-ли ассигновки на кредитную валюту или на металлическую,—показываются по бухгалтерскимъ книгамъ съ 2-го января 1897 года дѣйствительнымъ расходомъ на всю выданную сумму съ перечисленіемъ золота въ кредитную валюту.

Библиотека "Руниверс"

12) По монетному двору и нѣкоторымъ кассамъ спеціальныхъ сборщиковъ золотая монета, впредь до измѣненія существующаго порядка, будетъ проводиться въ номинальной, а не въ курсовой цѣнности и, слѣдовательно, означенныя учрежденія при высылкѣ золотой монеты и депозитныхъ квитанцій въ казначейства, или при полученіи монеты изъ казначействъ, будутъ оцѣнивать упомянутые знаки по номинальной стоимости. Почему и въ видахъ вообще болѣе удобной повѣрки, при перечетѣ высланной и полученной золотой монеты и депозитныхъ квитанцій, казначейства и приходорасходныя кассы обязываются, во всѣхъ случаяхъ полученія и высылки золотой монеты и депозитныхъ квитанцій, откуда бы онѣ ни получались или въ въ какія бы кассы ни высылались, въ квитанціяхъ и препроводительныхъ вѣдомостяхъ, обозначать, сверхъ стоимости монеты и депозитныхъ квитанцій въ кредитной валютѣ, также и номинальную ихъ цѣнность (съ 3% лажемъ на монету чекановъ до 1886 года). При полученіи изъ другихъ кассъ квитанцій на высланную золотую монету и депозитныя квитанціи, казначейства и приходорасходныя кассы должны удостовѣряться, — дѣйствительно-ли значащаяся въ квитанціи сумма соотвѣтствуетъ стоимости высланныхъ знаковъ.

13) Порядокъ пріема золотой монеты въ платежи, погашенія депозитныхъ квитанцій, подкрѣпленія казначействъ монетою, обмѣна золотой монеты на кредитные билеты, а сихъ послѣднихъ на золотую монету, а также сдачи излишка, въ томъ случаѣ если вносимая сумма менѣе стоимости представленной въ платежъ монеты и депозитной квитанціи, остается на прежнихъ основаніяхъ, изложенныхъ въ данныхъ по сему предмету циркулярахъ, съ тою лишь разницею, что обмѣнъ золота на кредитные знаки и обратно проводится по приходорасходной книгѣ казначействъ въ равныхъ суммахъ какъ по приходу, такъ и по расходу, съ перечисленіемъ золота на кредитную валюту, но, конечно, въ разныхъ графахъ.

14) Въ установленныхъ циркуляромъ отъ 25-го ноября сего года за № 111 телеграммахъ и вѣдомостяхъ объ оборотахъ и наличности золотой монеты и депозитныхъ квитанцій казенныя палаты обязаны показывать приходъ, расходъ и наличность означенныхъ цѣнностей исключительно въ кредитной валютѣ, то-есть съ начисленіемъ курсовой разности. Упомянутую въ томъ же циркулярѣ книгу объ оборотахъ золота слѣдуетъ продолжать вести, какъ сказано въ циркулярѣ № 111, но показывать всѣ обороты золота по курсовой его стоимости.

Библиотека "Руниверс"

15) Въ представляемыхъ департаменту государственнаго казначейства ежемѣсячныхъ кассовыхъ отчетныхъ вѣдомостяхъ о доходахъ, расходахъ и наличности, обороты и наличность золотомъ начиная съ 1897 г., также должны быть приводимы въ кредитной валютѣ, то-есть, по курсовой стоимости, но подъ цифрами наличности золотой монеты и депозитныхъ квитанцій слѣдуетъ выставлять въ скобкахъ также номинальную стоимость ихъ (съ лажемъ въ 3% на монету старыхъ чекановъ). Такъ же слѣдуетъ поступать при составленіи періодической отчетности и для другихъ распорядительныхъ управленій.

16) Равнымъ образомъ въ годовыхъ кассовыхъ отчетахъ казенныхъ палатъ и главнаго казначейства, которые будутъ представляемы въ департаментъ государственнаго казначейства, съ 1897 г., всѣ, безъ исключенія, обороты золотомъ, какъ въ самомъ отчетѣ, такъ и въ приложеніяхъ къ нему, должны быть показаны въ соотвѣтствующихъ графахъ въ кредитной валютѣ по курсовой стоимости золота, въ томъ числѣ слѣдуетъ приводить въ перечисленіи на кредитную валюту и всѣ обороты по приходу, расходу и наличности золота, депозитныхъ квитанцій, металлическихъ процентныхъ бумагъ и купоновъ, иностранной монеты и иностранныхъ бумагъ по таможеннымъ и другимъ кассамъ спеціальныхъ сборщиковъ, прибавивъ къ номинальной цѣнности ихъ 50%; въ приложеніи же № 6, подъ цифрами остатка ихъ въ кредитной валютѣ, слѣдуетъ показывать также ихъ номинальную стоимость.

Подписалъ: за министра финансовъ, товарищъ министра *В. Коковцевъ.*

8. (29-го января 1897 года). *Циркулярное предложеніе г. попечителямъ учебныхъ округовъ о предоставленіи права держать экзаменъ лицамъ домашняго воспитанія въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ.*

Согласно дѣйствующимъ правиламъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій (§§ 40, 41 и 43) и реальныхъ училищъ (§§ 33, 35 и 45), лицамъ домашняго воспитанія предоставлено право держать экзаменъ вмѣстѣ съ учениками сихъ заведеній въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ—изъ курса IV-хъ, VI-ти и VIII-ми классовъ и въ реальныхъ училищахъ—изъ курса IV-хъ, V-ти, VI-ти классовъ и изъ курса дополнительнаго класса. Выдаваемыя означеннымъ постороннимъ

Библиотека "Руниверс"

лицамъ, въ случаѣ удовлетворительности испытанія, свидѣтельства предоставляютъ имъ всѣ права, какія присвоены какъ по гражданской службѣ, такъ и по отбыванію воинской повинности, а равно въ отношеніи поступленія въ высшія учебныя заведенія, окончившимъ курсъ соотвѣтственныхъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

Нынѣ министерство народнаго просвѣщенія, желая предоставить родителямъ, воспитывающимъ своихъ сыновей у себя дома, способы давать имъ возможно болѣе правильное образованіе и слѣдить за ихъ успѣхами, а съ другой стороны, желая поставить получающихъ таковое домашнее образованіе въ условія, по возможности одинакія съ учениками среднихъ учебныхъ заведеній, признало цѣлесообразнымъ распространить означенный порядокъ испытанія для лицъ домашняго образованія на *всѣ* классы гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, съ соблюденіемъ для руководства въ подобныхъ случаяхъ нижеслѣдующихъ правилъ:

1) Лица домашняго воспитанія могутъ, по желанію ихъ родителей, родственниковъ или опекуновъ, въ теченіе времени, назначеннаго въ упомянутыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ для переводныхъ испытаній, подвергаться испытаніямъ изъ всѣхъ предметовъ въ объемѣ учебныхъ программъ тѣхъ классовъ, курсъ которыхъ пройденъ ими при домашнемъ обученіи.

2) Указанныя въ п. 1 испытанія производятся во всемъ согласно съ правилами, установленными для испытаній пріемныхъ. Такъ, напримѣръ, лицо, желающее подвергнуться испытанію изъ курса трехъ первыхъ классовъ, подвергается какъ бы пріемному испытанію въ четвертый классъ, а желающіе подвергнуться испытанію за пять классовъ, подвергаются какъ бы пріемному испытанію въ шестой классъ и т. д.

3) Одно и то же лицо, подвергаясь нѣсколько разъ послѣдовательно указаннымъ испытаніямъ, должно каждый разъ сдавать испытаніе въ полномъ объемѣ курса тѣхъ классовъ, за которые оно испытанію еще не подвергалось. Испытаніе таковыхъ лицъ производится особенно тщательно и отнюдь не можетъ ограничиваться отвѣтомъ на одинъ случайно взятый билетъ, а должно производиться по всѣмъ отдѣламъ курса даннаго предмета. Не выдержавшіе испытаній изъ какого бы то ни было предмета или не окончившіе ихъ, если пожелаютъ быть допущенными въ слѣдующемъ году къ испытаніямъ въ знаніи курса тѣхъ же классовъ или и слѣдующаго класса, подвергаются

Библиотека "Руниверс"

испытаніямъ изъ всѣхъ предметовъ въ объемѣ пройденнаго въ сихъ классахъ.

4) Лица, выдержавшія испытаніе изъ курса какого-либо класса и получившія въ томъ свидѣтельство, при испытаніи изъ курса слѣдующаго класса, не подвергаются испытаніямъ изъ курса всѣхъ предыдущихъ классовъ лишь въ томъ случаѣ, если со времени полученія ими свидѣтельства прошло не болѣе двухъ лѣтъ.

5) При вторичномъ испытаніи подвергающійся оному долженъ представить выданное ему свидѣтельство о предыдущемъ экзаменѣ, которое педагогическимъ совѣтомъ уничтожается, съ отмѣткой объ этомъ въ новомъ свидѣтельствѣ; то же повторяется и при всѣхъ послѣдующихъ испытаніяхъ.

6) Къ каждому изъ этихъ испытаній допускаются лица домашняго воспитанія по достиженіи ими наименьшаго нормальнаго возраста, который положенъ для соотвѣтственныхъ классовъ, такъ, напримѣръ, лицо, желающее подвергнуться испытанію за два класса гимназіи, должно имѣть отъ роду не менѣе 12-ти лѣтъ и т. д. Впрочемъ, недочетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ (3—4) до означеннаго возраста не можетъ служить препятствіемъ для допущенія къ испытанію, если наружный видъ сихъ лицъ свидѣтельствуетъ о хорошемъ состояніи ихъ здоровья. По отношенію къ бывшимъ ученикамъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ и одинаковыхъ съ ними по курсу другихъ учебныхъ заведеній, подавшимъ прошенія о допущеніи ихъ къ испытаніямъ въ качествѣ постороннихъ лицъ, соблюдаются § 42 дѣйствующихъ правилъ объ испытаніяхъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и § 37 правилъ объ испытаніяхъ въ реальныхъ училищахъ. Постороннія лица, выдержавшія испытаніе и подавшія затѣмъ прошенія о принятіи ихъ въ соотвѣтствующій классъ учебнаго заведенія, въ отношеніи возраста и прочихъ условій подчиняются установленнымъ для пріема воспитанниковъ правиламъ, при чемъ таковыя лица могутъ быть приняты въ учебное заведеніе безъ новаго испытанія лишь въ томъ случаѣ, если со времени полученія ими свидѣтельства о выдержаніи испытанія прошло не болѣе трехъ мѣсяцевъ.

7) Лица, желающія, чтобы дѣти ихъ подвергались какому-либо изъ вышеозначенныхъ испытаній, за мѣсяцъ до наступленія экзаменовъ должны подать о томъ прошеніе начальнику того учебнаго заведенія, въ которомъ желаютъ экзаменовать своихъ дѣтей. Если же учебныхъ заведеній этого типа въ городѣ нѣсколько, то прошеніе подается на имя попечителя учебнаго округа, который и препровож-

Библиотека "Руниверс"

даетъ прошеніе, по своему усмотрѣнію, въ то или другое учебное заведеніе, увѣдомляя о томъ просителей. Къ прошенію прилагается узаконенное свидѣтельство о возрастѣ подвергающагося испытанію, свѣдѣнія о его домашнемъ обученіи (съ обозначеніемъ фамилій преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, если таковые давали частные уроки экзаменующемуся), свидѣтельство, указанное въ п.п. 4 и 5 сихъ правилъ, если таковое имѣется, двѣ фотографическія карточки испытуемаго и 10-рублевый взносъ въ пользу экзаменаторовъ, который ни въ какомъ случаѣ не возвращается и распредѣляется между экзаменаторами на основаніи дѣйствующихъ правилъ. Въ случаѣ удовлетворительности испытанія одна фотографическая карточка припечатывается съ соотвѣтственной на ней надписью къ выдаваемому свидѣтельству, другая же остается въ дѣлахъ учебнаго заведенія.

8) О результатахъ испытанія выдается отъ учебнаго заведенія свидѣтельство, съ обозначеніемъ въ немъ, въ случаѣ удовлетворительности испытанія, что свидѣтельство это предоставляетъ тѣ же права, какія предоставлены, какъ по гражданской службѣ, такъ и по отбыванію воинской повинности, лицамъ, окончившимъ курсъ соотвѣтственныхъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

9) Относительно испытаній зрѣлости въ гимназіяхъ, выпускныхъ и окончательныхъ испытаній въ реальныхъ училищахъ лица домашняго воспитанія вполнѣ подчиняются дѣйствующимъ нынѣ правиламъ.

Вышеозначенныя правила покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить педагогическимъ совѣтамъ среднихъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго вамъ округа для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

Подписалъ: за министра народнаго просвѣщенія, товарищъ министра *Н. Анучковъ*.

9. (1-го февраля 1897 года). *Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія и. попечителямъ учебныхъ округовъ.*

При разсмотрѣніи центральнымъ управленіемъ министра народнаго просвѣщенія относящихся до народнаго образованія ходатайствъ земскихъ учрежденій, неоднократно возникалъ вопросъ о правѣ сихъ учрежденій открывать, независимо отъ епархіальнаго начальства и внѣ его вѣдѣнія, школы первоначальнаго обученія, въ формѣ параллельныхъ и филіальныхъ отдѣленій сельскихъ училищъ существующаго типа или же особыхъ училищъ, съ программою и организаціею, свойственными первой ступени начальнаго обученія, и съ предостав-

Библиотека "Руниверс"

леніемъ права обученія въ нихъ лицамъ, не имѣющимъ свидѣтельствъ на учительское званіе. Вопросъ этотъ центральнымъ управленіемъ министерства всегда былъ разрѣшаемъ отрицательно, въ виду § 2 Высочайше утвержденныхъ правилъ о школахъ грамоты, по силѣ котораго „всѣ школы грамоты, какъ существующія уже, такъ и вновь открываемыя, подлежатъ исключительно вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства". Таковой же взглядъ на дѣло усвоенъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ видно изъ отзывовъ его по предмету означенныхъ земскихъ ходатайствъ.

Вслѣдствіе сего министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, было представлено въ послѣднее время комитету министровъ объ отклоненіи нижеслѣдующихъ ходатайствъ губернскихъ земствъ: *смоленскаго*—о разрѣшеніи земству открывать параллельныя отдѣленія при земскихъ школахъ для обученія въ нихъ первымъ началамъ грамоты; *тверскаго*—о разрѣшеніи земству открывать при начальныхъ училищахъ младшіе параллельные классы, съ назначеніемъ учителями въ эти классы бывшихъ учениковъ начальныхъ училищъ; *пермскаго*—о разрѣшеніи открывать школы грамоты, какъ филіальныя отдѣленія народныхъ училищъ; *калужскаго*—о разрѣшеніи земству самостоятельно открывать школы грамоты; *самарскаго*—о предоставленіи земству, наравнѣ съ епархіальнымъ начальствомъ, права учреждать по всей губерніи школы грамоты, и положеніями комитета министровъ, 13-го февраля, 10-го и 24-го декабря минувшаго года, министерству народнаго просвѣщенія предоставлено было изъясненныя ходатайства отклонить.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, въ видахъ согласованія практики мѣстныхъ учрежденій со взглядами высшаго правительства по означенному вопросу и въ устраненіе случаевъ несоотвѣтствующаго *симъ взглядамъ толкованія относящагося къ дѣлу закона.*

VI ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру: „*М. А. Рылова.* Кожевенное производство. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1896. 154 стр. Цѣна 25 коп."—одобрить

Библиотека "Руниверс"

названную брошюру для библіотекъ низшихъ и среднихъ техническихъ училищъ, а также соотвѣтственной спеціальности ремесленныхъ школъ.

— Книгу: „*В. К. Аѳанасовича*. Плодовый садъ и домашній огородъ любителя въ сѣверной полосѣ Россіи. Съ 7-ю рисунками и планомъ, изд. 2-е. С.-Пб. 1894. 240 стр., 8-ку. Цѣна 1 руб.“—одобрить означенную книгу для библіотекъ учительскихъ семинарій, городскихъ, двухклассныхъ сельскихъ и начальныхъ училищъ сѣверной полосы Россіи.

— Книгу: „*З. Ф. Савеловой*. Кройка и шитье. Съ французскаго. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1896. Въ 16-ю д. л. Цѣна 20 коп.“—рекомендовать названное изданіе къ употребленію въ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „*А. А. Либермана*. Элементарная геометрія. Москва. 1896. 223 стр., въ 8-ку. Цѣна 75 коп.“—допустить названную книгу для употребленія въ ремесленныхъ и низшихъ техническихъ училищахъ.

— Сочиненіе профессора *В. Вейлера*, переводъ со втораго нѣмецкаго изданія В. И. Святскаго: „Практическій электрикъ“. С.-Пб. 1896. Изд. Ф. В. Щепанскаго. 432 стр., въ 8-ку. Цѣна всему сочиненію 8 руб.“ — допустить названную книгу въ качествѣ учебнаго пособія для библіотекъ промышленныхъ училищъ.

— Книгу: „Памяти Евгенія Николаевича Андреева. Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей. Составлено V-мъ отдѣленіемъ Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. С.-Пб. 1896. Стр. IV+212. Цѣна не обозначена“—допустить въ учительскія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и низшихъ училищъ, а также въ безплатныя народныя читальни.

— Брошюру: „Духовное завѣщаніе. Его значеніе, порядокъ составленія и судебнаго утвержденія. *С. Г. Громачевскаго*, члена окружнаго суда. Изданіе второе. Житомиръ. 1896. Стр. 32. Цѣна 30 коп.“—допустить въ народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Популярный очеркъ *Г. Геффдинга*, проф. Копенгагенскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго *М. Эльциной*. Изд. редакціи журнала „Образованіе“. С.-Пб. 1896. Стр. 33. Цѣна 20 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „*И. Я. Ахинфіева*. Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ растеній Европейской Россіи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Систематика растеній Россіи. Стр. 68. Цѣна 30 коп. Екатеринославъ,

Библиотека "Руниверс"

1896"—одобрить, какъ учебное пособіе по ботаникѣ, для учениковъ реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки означенныхъ заведеній.

— Книжку: „Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ. *Е. Странполюбской.* Изданіе редакціи журнала „Образованіе". С.-Пб. 1896. Стр. IV + 92. Цѣна 30 коп." — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

— Книгу: „*Н. В. Горяевъ.* Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка. Тифлисъ. 1896. IV + 451 + LXXII стр. Цѣна 2 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Краткій очеркъ римскихъ древностей. Согласно съ гимназическими учебными планами и правилами для гимназій (§ 69). Составилъ *П. Сапгурскій*, окружной инспекторъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, при участіи *А. Гофмана* и *М. Янко*—директоровъ С.-Пб. гимназій, *П. Барсова*, *И. Діомидова*. и *І. Съдлатаю*—инспекторовъ С.-Пб. гимназій и *Э. Кесслера* и *В. Марданова*—преподавателей С.-Пб. гимназій. С.-Пб. 1897. Стр. VIII + 170. Цѣна 1 р. 50 коп."—рекомендовать какъ учебное пособіе въ классическихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Краткій учебникъ ботаники. *И. П. Бородина*, профессора Императорской военно-медицинской академіи и С.-Петербургскаго лѣснаго института. Съ 378 политипажами въ текстѣ. Четвертое, исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. Изд. А. Ф. Девріена. 1896. Стр. XII + 360 + XI. Цѣна 1 р. 50 коп."—одобрить для употребленія въ видѣ учебнаго руководства въ реальныхъ училищахъ.

— Книги: 1) „*А. Шульцъ*. Новый практическій элементарный курсъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для обученія дома. I-й годъ обученія. Neues praktisches Lehrbuch der deutschen Sprache. I Kursus. 2-е изданіе. С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубояринова. 1896. Стр. VIII + 126. Цѣна 60 коп."—2) „То-же. 2-й годъ обученія. (Конецъ элементарнаго курса). С.-Пб. Изданіе Д. Д. Полубояринова. 1897. Стр. II + 115. Цѣна 60 коп."—одобрить обѣ названныя книги, какъ весьма полезное руководство для низшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Библиотека "Руниверс"

— Книгу: „Педагогическая Библіотека, издаваемая *К. Тихомировымъ* и *А. Адольфомъ*. Выпускъ IX. Ф. Рабле и М. Монтень. Мысли о воспитаніи и обученіи. Избранныя мѣста изъ „Гаргантуа" и „Пантагрюэля" Рабле и „Опытовъ" Монтеня. Переводъ съ французскаго *В. Смирнова*. Съ приложеніемъ портретовъ и очерковъ жизни Рабле и Монтеня М. 1896. Стр. 129. Цѣна 1 рубль"—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Политико-статистическій очеркъ Персіи. (Съ картою). Составилъ *П. А. Риттихъ*. С.-Пб. 1896. Стр. 292. Цѣна 2 р. 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: „*Н. Бучинскій*. Начальная русская грамматика (въ связи съ практическими упражненіями по лучшимъ образцамъ избранныхъ русскихъ писателей). Для приготовительнаго и 1-го классовъ средне-учебныхъ заведеній и для низшихъ училищъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Изданіе книжнаго магазина М. Д. Плумова. М. 1897. Цѣна 35 коп., 140 стр." — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для приготовительнаго и 1-го классовъ гимназій и прогимназій и реальныхъ училищъ, а также и для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Педагогическая библіотека, издаваемая *К. Тихомировымъ* и *А. Адольфомъ*": 1) „Выпускъ V. Избранныя педагогическія сочиненія Генриха Песталоцци. Томъ III. Мелкія сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Смирнова*. М. 1896. Стр. 586. Цѣна 2 р. 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій. — 2) „Выпускъ X. Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ. Переводъ съ французскаго *В. Недачина*. Съ портретомъ Фенелона и краткой его біографіей. М. 1896. Стр. 118. Цѣна 75 коп." — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для библіотекъ педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій.

— Книгу: „Русская литература XVIII столѣтія. (Эпоха преобразованій и ломоносовскій періодъ). Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. *Вл. Штепенко*. Керчь. 1896. Цѣна 1 рубль. Стр. 156

Библиотека "Руниверс"

+ 100 + 4" — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Святый Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ. *И. Соколова.* С.-Пб. 1896. Стр. 48. Цѣна 20 коп. (съ пересылкой 35 коп.)" — одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а также для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

— Книгу: „Житія всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ православною греко-россійскою церковію (поименованныхъ въ мѣсяцесловѣ, изданія св. синода, и другихъ мѣсяцесловахъ), и сказанія о всѣхъ праздникахъ православной церкви и чудотворныхъ иконахъ Пресвятой Богородицы, съ приложеніемъ общихъ тропарей праздникамъ и святымъ. Съ изображеніями праздниковъ и святыхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Составилъ священникъ и законоучитель *І. Бухаревъ.* М. 1896. Стр. II + 768. Цѣна 1 р. 25 коп." — одобрить для учительскихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а равно и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Сочиненія: „преосвященнаго *Іустина,* епископа Рязанскаго и Зарайскаго, въ 10 томахъ, изданія 1895 года (цѣна безъ пересылки: II, IX и X томовъ по 1 р. 35 коп., а остальныхъ томовъ по 85 коп.)," — одобрить для фундаментальныхъ ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Ученіе о Богослуженіи Православной Церкви. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Составилъ законоучитель „дома Анатолія Демидова" священникъ *Никаноръ Темномѣровъ.* С.-Пб. 1896. Стр. 129 + II" — одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ.

— Книгу: „*Князь Сергѣй Волконскій.* Очеркъ русской исторіи и русской литературы. Публичныя лекціи, читанныя въ Америкѣ. С.-Пб. 1896. Стр. VII + 341 + IV. Цѣна 1 р. 50 коп." — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*М. П. Розенгеймъ.* Стихотворенія. Изданіе пятое, дополненное (второе посмертное). Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Въ двухъ частяхъ. С.-Пб. 1896. Стр. LVII + 675. Цѣна 3 рубля" — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Deutsche Fibel oder erstes Lesebuch für die Kirchen-

Библиотека "Руниверс"

schulen der ehemaligen deutschen Kolonien in Russland. In zwei Teilen. Herausgegeben von K. Schölzel, Lehrer an der sechsklassigen Stadtschule in Odessa. I und II Teil, Zweite, vermehrte Auflage. Odessa. 1896. (Въ каждой части 64 стр. Цѣна каждой части въ переплетѣ 30 коп.)" — рекомендовать для употребленія къ качествѣ руководства при первоначальномъ обученіи въ нѣмецкихъ школахъ, въ коихъ преподаваніе нѣмецкаго языка ведется на томъ же языкѣ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книжку: „Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть *В. И. Немировича-Данченко*. М. 1896. Стр. 183. Цѣна 65 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „*Дм. Яичковъ*. Школьный хоръ. Классное пособіе при обученіи пѣнію, приспособленное для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. 2-е изданіе. Рига. 1896. Стр. IV+92. Цѣна 30 коп."—допустить къ употребленію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Рижскаго учебнаго округа.

— Журналъ: „Вѣстникъ Россійскаго Общества Краснаго Креста"—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ и учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*М. М. Соколова*. Бесѣды съ дѣтьми о животныхъ. (Первое знакомство дѣтей съ наиболѣе полезными и наиболѣе вредными для человѣка животными). С.-Пб. 1896. Стр. VII+201. Цѣна 75 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Географія Оренбургской губерніи. Описаніе Оренбургской губерніи въ физическомъ, этнографическомъ и административномъ отношеніяхъ. Составилъ *И. С. Хохловъ*. Оренбургъ. 1896.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 139+IV. Цѣна 50 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ ученическія средне-учебныхъ заведеній Оренбургской и сосѣднихъ съ нею губерній, а также и въ мѣстныя безплатныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Первые уроки географіи, примѣненные къ потребностямъ школъ съ инородческимъ элементомъ. Составилъ согласно съ учебными планами образцовыхъ училищъ *И. С. Штейнауеръ*. Изд. 6-е, исправленное. С.-Пб. 1896. Стр. VI+93. Цѣна 40 коп."—одобрить къ употребленію въ инородческихъ школахъ.

— Книгу „Краткій курсъ географіи Россіи со свѣдѣніями изъ математической, физической и всеобщей географіи. Съ приложеніемъ карты Европейской Россіи. Составили *А. Ступель* и *Е. Глозъ*. 4-е изданіе. Рига. 1896. Изданіе К. Зихмана. Стр. 102. Цѣна 30 коп."—одобрить, какъ учебное руководство, для городскихъ и уѣздныхъ училищъ всѣхъ учебныхъ округовъ, а также для ученическихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Книгу „Практическій учебникъ древнееврейскаго языка для караимскихъ училищъ. Составилъ *И. Казасъ*, инспекторъ Александровскаго караимскаго духовнаго училища. Евпаторія. 1896. Стр. IV+283. Цѣна не обозначена".—одобрить, какъ руководство, для караимскихъ училищъ и допустить для такого же употребленія въ еврейскія училища.

— Книжку: „Сокращенная грамматика церковно-славянскаго языка (новаго періода). (Для низшихъ классовъ духовныхъ училищъ и высшихъ классовъ церковно-приходскихъ школъ). Составилъ *М. Григоревскій*. С.-Пб. 1895. Стр. II+71. Цѣна 25 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Книжку: „Воинъ Христовъ. По поводу стремленія народовъ къ миру и несовмѣстимости войны съ христіанскимъ ученіемъ. Подполковника *В. П. Гамулецкаю*. Брянскъ. 1896. Стр. 183. Цѣна 1 рубль"—допустить въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюру: „Бесѣды о Божественной Литургіи (числомъ 22). Составилъ свящ. *Петръ Бобровъ*. Новгородъ. 1895. Стр. 102. Цѣна 30 коп." — допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Библиотека "Руниверс"

— Брошюру: „Пьянство, его вредныя послѣдствія и средства къ ограниченію его. Составилъ священникъ *Вас. Ганинскій*. Пермь. 1896. Стр. 31. Цѣна 5 коп. (Изданіе Нижне-Тагильскаго общества трезвости)"—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: „Очеркъ Таврической губерніи въ историко-географическомъ отношеніи. (Учебное пособіе по родиновѣдѣнію). Для городскихъ училищъ, среднихъ учебныхъ заведеній и для народныхъ учителей Таврической губерніи. Составилъ *П. Татариновъ*. Симферополь. 1894. Стр. VIII+96. Цѣна (съ географической картой) 60 коп."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ и 2-классныхъ сельскихъ школъ и въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ и среднеучебныхъ заведеній Таврической губерніи, съ тѣмъ, чтобы при 3-мъ изданіи книги въ ней были сдѣланы исправленія, указанныя ученымъ комитетомъ.

— Брошюру: „Основы дидактики. *Д. И. Тихомирова*, директора народныхъ училищъ Витебской губерніи. С.-Пб. 1895. Стр. 45. Цѣна 30 коп."—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Брошюры: 1) „Оспа. Ея заразительность, предохраненіе отъ нея, ея леченіе и отношеніе къ ней въ деревнѣ. Бесѣда *С. П. Миронова*. (Посвящается русскому народу). Хвалынскъ. 1897. Стр. 48. Цѣна 15 коп."—2) „Дифтеритъ. Его заразительность, предохраненіе отъ него, его леченіе и отношеніе къ нему въ деревнѣ. Бесѣда *С. П. Миронова*. (Посвящается русскому народу). Хвалынскъ. 1897. Стр. 42. Цѣна 15 коп."—допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Разсказы о Литвѣ и литовцахъ. Составилъ *Г. Р.* Съ рисунками. № 248. М. 1896. Стр. 101. Цѣна 15 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ. Составилъ по натуральному (реальному) методу *К. Е. Шельцель*, преподаватель Одесскаго городскаго VI-класснаго училища. Часть I-я. 5-е изданіе, переработано и исправлено по указаніямъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Одесса. 1896. Стр. VI+126. (Цѣна не обозначена)"—допустить въ учительскія библіотеки инородческихъ училищъ впредь до появленія въ печати лучшаго въ этомъ родѣ руководства.

Библиотека "Руниверс"

— Изданіе: „*Т. Лубенецъ*. Таблицы для класснаго употребленія, заключающія въ себѣ: 1) Картину Спасителя, благословляющаго дѣтей, и 2) Уроки русской грамоты, перепечатанные съ 6-го изданія „Русско-славянскаго букваря" (того же автора). Отдѣльное приложеніе къ „Русско-славянскому букварю". Кіевъ. 1896. Стр. I + XXI in folio. Цѣна 1 руб. 25 коп."—допустить въ начальныя народныя училища для класснаго употребленія.

— Книгу: „Новая практическая грамматика: этимологія и синтаксисъ. Учебное пособіе для одноклассныхъ и двуклассныхъ училищъ, преимущественно для тѣхъ, въ которыхъ элементъ учащихся смѣшанный—русскій и инородческій, и для самообразованія. Составилъ *А. Тарабукинъ*. С.-Пб. 1896. Стр. 6 + 191. Цѣна 50 коп."—одобрить для учительскихъ библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

— Книжку: „*М. Вальдманъ*. Объясненія словъ и выраженій въ русской рѣчи, выпускъ 2-й. М. Вольпера. Пособіе для учащихся въ начальныхъ и народныхъ училищахъ. Гродно. 1896. Стр. 50. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книжку: „*А. П. Шуйская*. Повторительный курсъ краткой русской грамматики. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1896. Стр. 58. Цѣна 20 коп."—одобрить для употребленія въ низшихъ училищахъ и младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: „Таблицы для руководства при грамматическомъ разборѣ образцовъ правильной русской рѣчи въ учебныхъ заведеніяхъ, курсъ которыхъ по русскому языку приблизительно одинаковъ съ курсомъ городскихъ училищъ. Составилъ *К. Поповъ*. Великій Устюгъ. 1895. Стр. VII. Цѣна 20 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ городскія и уѣздныя училища и двухклассныя сельскія школы.

— Книжку: „Янки Вологодскаго уѣзда. *А. Круглова*. Съ 6 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1884. Стр. 31. Цѣна 25 коп. Изданіе Ф. Павленкова"—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Изданіе: „Общеобразовательныя бесѣды съ нижними чинами и съ народомъ. Выпуски №№ X — XIII. Изданіе артиллеріи подполковника *Павла Меньшикова*. С.-Пб.—Варшава. Цѣна каждой бесѣдѣ 15 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ народныя библіотеки и читальни.

— Составленныя *В. И. Васильевымъ* книги: 1) „Ариѳметика цѣ-

Библиотека "Руниверс"

лыхъ чиселъ. М. 1895. Стр. 66. Цѣна 25 коп.. 2) Ариѳметика дробныхъ чиселъ. М. 1896. Стр. 67. Цѣна 25 коп. 3) Ариѳметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и пр. Изданіе 2-е, исправленное. М. 1897. Цѣна 25 коп."—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго руководства, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

— Книгу: „Сборникъ устныхъ и письменныхъ ариѳметическихъ задачъ. Составилъ *П. Боголѣповъ*. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1895. Стр. 177. Цѣна 40 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для низшихъ учебныхъ заведеній.

— Составленныя *И. Ѳ. Егоровымъ* книги: „1) Собраніе ариѳметическихъ задачъ, вычисленій и другихъ упражненій въ предѣлѣ первой сотни чиселъ для начальнаго преподаванія. Изданіе 6-е. М. 1894. Стр. 94. Цѣна 25 коп. 2) Собраніе ариѳметическихъ задачъ, вычисленій и другихъ упражненій на отвлеченныя и именованныя цѣлыя числа. Изданіе 3-е, съ значительными измѣненіями. М. 1895. Стр. 116. Цѣна 30 коп. 3) Собраніе ариѳметическихъ задачъ и вычисленій на дроби, простыя и десятичныя, и правила тройное, пропорціональнаго дѣленія, процентовъ и другія. Изданіе 2-е (съ измѣненіями). М. 1897. Стр. 135. Цѣна 40 коп. 4) Для учителей. Методика ариѳметики. Изданіе 2-е, значительно дополненное. М. 1893. Стр. 285 + II. Цѣна 1 р."—допустить: первыя три—въ качествѣ учебныхъ пособій для городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а четвертую—въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными его превосходительствомъ г. Товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Книгу *К. Ф. Штейна*: „Полное руководство кройки дамскихъ платьевъ по универсальной методѣ. Харьковъ, 1896. 48 стр., 41 табл., въ 8-ку. Цѣна 3 руб. 50 коп."—одобрить къ употребленію въ жен-

Библиотека "Руниверс"

скихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія.

— Журналъ: „Деревня", редакторъ *П. Глазинъ*, С.-Пб. 1896. Подписная цѣна за 12 выпусковъ 3 рубля" — допустить въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также въ библіотеки духовныхъ семинарій.

— Брошюру профессора *С. Ростовцева*: „Болѣзни растеній. Научно-популярные очерки. Очеркъ I. Картофельная болѣзнь или мокрое гніеніе картофельной ботвы и клубней. Съ одною хромолитографированною таблицею и 11-ю рисунками въ текстѣ. Москва. 1896. Изд. *К. И. Тихомирова*, 39 стр., въ 16-ю д. л, Цѣна 15 коп."— одобрить для библіотекъ реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, сельско-хозяйственно-техническихъ училищъ и сельско-хозяйственныхъ школъ, а также для городскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ училищъ, при чемъ выражено было пожеланіе, чтобы авторъ хотя при второмъ изданіи переработалъ вторую часть брошюры въ смыслѣ бо́льшаго согласованія ея съ указаніями сельско-хозяйственной практики.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, въ настоящее время въ Букеевской ордѣ, въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, открыто 14-ть старшинскихъ школъ, и, между прочимъ, въ минувшемъ году въ слѣдующихъ мѣстностяхъ названной орды: на урочищахъ Тарангулъ и Джуматъ Ишкенъ, Торгунской части орды, Акжунусъ II-го Приморскаго округа, а также въ аулахъ Кабасово, Камышъ — Самарской части орды, Ахуна Аралова и Убиша Исганова, 1-го Приморскаго округа.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ Тургайской области вновь открыты слѣдующія аульныя школы: 22-го октября минувшаго года Табантальская, 25-го того же октября Тастомировская, 28-го ноября того же года Досовская и Жанглышевская.

— По донесенію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, 22-го октября минувшаго года, открыто въ г. Тирасполѣ, Херсонской губерніи, женское начальное училище, въ ознаменованіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Библиотека "Руниверс"

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, Ладыженское одноклассное народное училище, Гайсинскаго уѣзда, Подольской губерніи, преобразовано 3-го ноября минувшаго года въ двухклассное народное училище, при 305 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа. 5-го ноября минувшаго года открыта Сагандыковская аульная школа при 12 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, разрѣшено преобразовать одноклассное земско-общественное начальное народное училище въ селѣ Красномъ Ярѣ, Самарскаго уѣзда, той же губерніи, въ двухклассное училище означеннаго министерства съ 1-го января сего года, съ содержаніемъ на счетъ Самарскаго уѣзднаго земства и мѣстнаго сельскаго общества.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ВОЗСТАНІЕ УОТА ТАЙЛЕРА [1]).

Глава четвертая.

I.

Нарисовавъ картину событій, происшедшихъ въ англійскомъ королевствѣ лѣтомъ 1381 года, мы должны перейдти теперь къ изученію описанныхъ нами фактовъ, къ возможно точному выясненію связи, существующей между ними и позволяющей намъ, и не углубляясь въ анализъ, объединить ихъ подъ общей рубрикой „Возстанія Уота Тайлера".

Внимательно слѣдя за первыми шагами движенія съ того момента, какъ крестьяне эссекской деревни Фоббинга, руководимые хлѣбникомъ Томасомъ, отказали засѣдавшему въ Брентвудѣ мировому судьѣ Джону Бэмптону въ уплатѣ поголовнаго налога и, вступивъ въ соглашеніе съ жителями сосѣднихъ деревень Кэррингэма и Сэмфорда, заставили судью и всѣхъ его чиновниковъ спасать свою жизнь бѣгствомъ, мы выносимъ впечатлѣніе, совершенно несовмѣстимое съ мыслью о заранѣе организованномъ заговорѣ. Провѣряя это впечатлѣніе путемъ тщательнаго анализа всѣхъ подробностей эссекскихъ безпорядковъ, а также всего, что намъ извѣстно о распространеніи этого движенія все дальше и дальше, мы убѣждаемся, что инымъ способомъ объяснять возникновеніе возстанія 1381 года значитъ идти наперекоръ совершенно яснымъ указаніямъ источниковъ, позволяющимъ намъ какъ бы присутствовать при самомъ зарожденіи той клѣточки, изъ которой постепенно, хотя и въ теченіе весьма короткаго времени,

[1]) *Окончаніе.* См. январьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1897 годъ.

Библиотека "Руниверс"

выросла грозная революція, потрясшая основы соціальнаго и политическаго строя Англіи. Источники позволяютъ намъ наблюдать и этотъ постепенный ростъ движенія и даютъ намъ возможность констатировать при этомъ фактъ, что по мѣрѣ расширенія объема движенія расширялось и его содержаніе, по мѣрѣ того, какъ движеніе распространялось по территоріи англійскаго государства, захватывая различные элементы англійскаго общества, и программа движенія (выражаясь не вполнѣ точно) становилась все болѣе и болѣе сложною и пестрою, воспринимая въ себя требованія и чаянія каждаго изъ присоединявшихся къ движенію соціальныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, возстаніе 1381 года, начавшись безъ заранѣе составленнаго плана, безъ заранѣе организованнаго заговора, прошло процессъ эволюціи, и нашею ближайшею задачей будетъ по возможности точно описать этотъ процессъ и тѣмъ сдѣлать для читателя доступною критическую провѣрку выставленныхъ нами положеній.

Задача наша весьма значительно облегчается тѣмъ, что факты, на которые намъ нужно при этомъ обратить вниманіе, уже знакомы читателю изъ предшествующаго изложенія, и намъ остается только напомнить ему ихъ.

Ничто не даетъ намъ основанія предполагать у крестьянъ Фоббинга, Кэррингэма и Сэмфорда какую нибудь заднюю мысль, когда они рѣшили оказать сопротивленіе Бэмптону, кромѣ непосредственнаго желанія избавиться отъ несправедливо налагаемой на нихъ тягости, отъ притѣсненія со стороны откупщиковъ налога и помогавшихъ имъ правительственныхъ чиновниковъ. Въ источникахъ мы не находимъ на это никакого указанія. Не говоритъ объ этомъ ни однимъ намекомъ и народная легенда, связывающая начало возстанія съ убійствомъ одного изъ сборщиковъ, оскорбившаго дочь дартфордскаго кровельщика Джона.

Организація, возникшая въ трехъ названныхъ деревняхъ для сопротивленія сборщикамъ и мировымъ судьямъ, все больше и больше расширялась. Жители этихъ деревень, какъ мы видѣли, разослали своихъ людей въ сосѣднія села, прося помочь имъ въ дѣлѣ, близкомъ имъ всѣмъ; немалую роль при этомъ могъ играть и страхъ правительственной кары, грозившей имъ за произведенные безпорядки, и въ этомъ смыслѣ нельзя не признать заслуживающими вниманія слова ивэмскаго монаха, что крестьяне, оказавшіе сопротивленіе сборщикамъ, однихъ изъ нихъ убивъ, другихъ ранивъ, а остальныхъ заставивъ въ страхѣ бѣжать, „подняли

Библиотека "Руниверс"

ненавистное возмущеніе, такъ какъ боялись, что насиліе принесетъ имъ насиліе, и имъ придется претерпѣть тяжкія бѣдствія“ [1]). Сосѣди съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ нимъ и охотно отозвались на ихъ призывъ. Дѣло было дѣйствительно общее; они и сами, какъ и крестьяне другихъ селъ, сотенъ и графствъ, уже помышляли о томъ, какъ бы положить конецъ познающимъ предѣла вымогательствамъ и притѣсненіямъ сборщиковъ и разслѣдователей, которыя становились наконецъ совершенно невыносимыми, и даже дѣлились своими мыслями другъ съ другомъ; имъ не доставало только рѣшимости, чтобы выйдти изъ пассивнаго состоянія [2]). Силы возставшихъ съ каждымъ днемъ увеличивались, и отправленная въ Эссексъ чрезвычайная судебная комиссія съ Белкнэпомъ во главѣ встрѣтила грозный отпоръ со стороны инсургентовъ; самъ Белкнэпъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, а его чиновники, а также присяжные, представившіе ему списокъ лицъ, обвинявшихся въ безпорядкахъ, были перебиты, и головы ихъ, посаженныя на колья, съ торжествомъ были носимы передъ толпою. Въ этомъ случаѣ впервые было произнесено слово „королевскій измѣнникъ“ (такъ возставшіе обозвали Роберта Белкнэпа, главнаго судью Суда Общихъ Тяжбъ), и слово это громкимъ эхомъ раздалось по всей странѣ и было повторено тысячами голосовъ, явившись для массы населенія готовою формулой, лозунгомъ и паролемъ, а вмѣстѣ и санкціей, превращавшею бунтъ противъ установленныхъ властей въ дѣло высшей справедливости, въ призывъ къ отвѣту невѣрныхъ слугъ верховнаго блюстителя закона. Разъ возникнувъ, идея объ измѣнѣ получаетъ дальнѣйшее развитіе: измѣнники короля и королевства не только мировые судьи, помогавшіе откупщикамъ при сборѣ налога; въ измѣнѣ повинны всѣ королевскіе чиновники, именемъ короля притѣснявшіе народъ, представители какъ провинціальной, такъ и центральной администраціи и суда и всѣ

[1]) „Quoniam, propter hujusmodi perpetrationem, vim timentes eis vi inferri, ac dampna gravia tolerari, detestabilem perturbationem suscitaverunt“, *Mon. Evesh.*, p. 24.

[2]) „Haec et hujusmodi dicti inquisitores facientes maxime provocaverunt populum. Cumque vidissent communes de Cantia et finitimis locis erga eos rem sic graviter peragi, et nova ac nova quasi importabilia onera eis indesinenter absque remedio imponi, istiusmodi oppressionis gravamen ulterius ferre non valentes, conferebant adinvicem quam remedii vel subsidii cautelam inde reperire valerent. Cumque haec et hujusmodi unusquisque in animo revolveret, nec manum inceptricem apponere auderet ne sui dampni irremediale detrimentum pateretur...“ *Knighton*, Lib. V, col. 2688.

Библиотека "Руниверс"

частные люди, которымъ правительство давало по временамъ то или иное порученіе, члены слѣдственныхъ комиссій и обвинительные присяжные. Начинается расправа со всѣми этими судьями, шериффами, коронерами, конфискаторами (escaetores) и др., разгромъ ихъ домовъ и сожженіе найденныхъ въ нихъ документовъ, прежде всего податныхъ списковъ, а затѣмъ и всякихъ другихъ дѣловыхъ бумагъ. Перейдя въ такой фазисъ, движеніе быстро распространяется сначала по всему Эссексу, а затѣмъ переходитъ и за предѣлы этого графства. Народъ охотно поднимается противъ тѣхъ, отъ кого, по единодушнымъ свидѣтельствамъ современной литературы и даже самого парламента, собравшагося послѣ подавленія возстанія [1]), ему постоянно приходилось терпѣть безконечныя обиды и притѣсненія. Къ тому же и тактика возставшихъ мѣняется: если прежде они привлекали сторонниковъ, посылая въ сосѣднія села своихъ тайныхъ агентовъ съ просьбами о помощи, то теперь, когда силы ихъ возросли до пятитысячнаго отряда, они стали дѣйствовать смѣло и открыто, грозя смертью и сожженіемъ дома всякому, кто не захочетъ къ нимъ присоединиться. Многихъ привлекъ къ движенію успѣхъ, сопровождавшій первые шаги инсургентовъ. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и чисто стихійнаго начала, присущаго подобнымъ массовымъ движеніямъ и проявляющагося въ формѣ психической заразы. Все это достаточно, какъ намъ кажется, объясняетъ быстроту, съ которою развивалось движеніе, превращаясь изъ простаго столкновенія съ сборщиками налога и королевскими чиновниками въ возстаніе противъ королевской администраціи и суда [2]).

Очень скоро движеніе принимаетъ и соціальный характеръ. Возставшіе нападаютъ на усадьбы духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ, грабятъ ихъ и съ особенною ревностью истребляютъ протоколы помѣстныхъ судовъ и всякаго рода кустумаріи и рентали, въ которыхъ были записаны натуральныя и денежныя повинности крестьянъ, а также всякіе иные документы, свидѣтельствовавшіе объ экономи-

---

[1]) *Rot. Parl.*, v. III, p. 101.

[2]) См. еще *Chron. Angliae*, p. 287: „Et cum acciperent indies incrementum hujuscemodi congregationes, et jam fere factus fuisset eorum numerus infinitus, ita ut nullius resistentiam pertimescerent, cooperunt facta (sap.: factis) monstrare quaedam quae mente conceperant, et omnes et singulos juris terrae peritos, tam apprenticios quam senes justiciarios, et cunctos juratores patriae, quos apprehendere poterant, sine ullo respectu pietatis, capitis truncatione multare; asserentes non prius quam illis occisis terram ingenua libertate posse gaudere".

Библиотека "Руниверс"

ческой и юридической зависимости крестьянъ отъ крупныхъ и мелкихъ феодаловъ, „для того, чтобы съ утратой памяти о прошломъ ихъ господа не могли потомъ предъявлять къ нимъ никакихъ правъ“ [1]).

Съ двойнымъ характеромъ политическаго возстанія и соціальной революціи, направленной къ ниспроверженію крѣпостной неволи, движеніе переходитъ въ Кентъ, Гертфордъ, Сэффолькъ и ,Норфолькъ, въ Кэмбриджширъ и другія графства и въ каждомъ изъ нихъ пріобрѣтаетъ мѣстный оттѣнокъ въ зависимости отъ условій, въ которыхъ находилось его населеніе. До выхода изъ предѣловъ эссекскаго графства возстаніе носило еще характеръ стихійный, въ томъ смыслѣ, что программы въ истинномъ значеніи этого слова оно еще не имѣло: инсургенты еще не теоретизировали, не ставили своей дѣятельности ясно сознанной, хладнокровно продуманной положительной цѣли, къ которой должны были быть сознательно направлены всѣ отдѣльные поступки, въ виду этого организованные въ систему планомѣрныхъ дѣйствій, хотя общія тенденціи движенія уже вполнѣ опредѣлились.

Съ переходомъ въ Кентъ, куда эссексцы послали своихъ агентовъ немедленно же послѣ столкновенія съ Белкнэпомъ, возстаніе вырабатываетъ свою теорію и въ вмѣстѣ съ нею и нѣкоторую общую организацію, до тѣхъ поръ отсутствовавшую у инсургентовъ.

Лѣтописная традиція поводомъ къ возстанію въ Кентскомъ графствѣ выставляетъ осуществленіе феодальнымъ сеньеромъ своего права собственности на личность своего виллана, разказывая о томъ, какъ рыцарь королевскаго двора Симонъ Бэрли потребовалъ у жителей Грэвзенда выдачи ему одного изъ обывателей ихъ города, такъ какъ онъ былъ его крѣпостной, какъ грэвзендцы просили рыцаря отпустить этого человѣка на волю, и какъ Бэрли, назначивъ за виллана огромную сумму денегъ, которая показалась горожанамъ слишкомъ громадной, приказалъ отправить виллана въ Рочестерскій замокъ и тѣмъ вызвалъ волненіе среди окрестныхъ жителей, искорѣ перешедшее въ открытое возмущеніе. А между тѣмъ именно въ Кентѣ крѣпостнаго права вовсе не было, крестьяне никогда не превращались въ виллановъ, и ссылка на кентское происхожденіе являлась въ глазахъ судей рѣшающимъ аргументомъ въ пользу свободы человѣка, права

[1]) „Placuit iste sermo vehementer rusticis, et, ex minoribus majora concipientes, statuerunt omnes curiarum rotulos et munimenta vetera dare flammis, ut, obsoleta antiquarum rerum memoria, nullum jus omnino ipsorum domini in eos in posterum vindicare valerent. Factumque est ita“, *Chron. Angl.*, p. 287.

Библиотека "Руниверс"

котораго оспаривались какимъ нибудь феодальнымъ владѣльцемъ. Можетъ быть, именно вслѣдствіе этого поступокъ Бэрли и произвелъ здѣсь болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ могъ бы произвести гдѣ нибудь въ другомъ графствѣ. Какъ бы то ни было, не смотря на то, что поводомъ къ возстанію въ Кентѣ послужилъ фактъ соціальный, движеніе приняло здѣсь прежде всего и главнымъ образомъ политическій характеръ, хотя не слѣдуетъ при этомъ игнорировать и соціальную сторону, которую кентское возстаніе все же имѣло, какъ это мы видѣли, разсказывая о ходѣ его, приводя такіе факты, какъ нападеніе кентскихъ инсургентовъ на помѣщичьи усадьбы и сожженіе ими писцовыхъ книгъ, опредѣлявшихъ отношенія между помѣщиками и крестьянами, державшими землю на условіяхъ, фактически мало отличныхъ отъ условій виланскихъ держаній, или оповѣщеніе, сдѣланное въ церкви св. Іоанна на о. Танетѣ капелланомъ Уилльямомъ, сакристаномъ Джономъ Тейлоромъ и другими лицами, чтобы никто изъ держащихъ землю, подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества, не отбывалъ повинностей и не вносилъ обычныхъ платежей, слѣдуемыхъ феодальнымъ владѣльцамъ; отсутствіе личной несвободы не исключало весьма значительной экономической зависимости и цѣлаго ряда тѣсно связанныхъ съ ней послѣдствій, весьма чувствительно отзывавшихся на матеріальномъ положеніи кентскихъ крестьянъ, и въ этомъ смыслѣ свидѣтельство Найтона о томъ, что на Смисфилдѣ вождь кентцевъ Уотъ Тайлеръ просилъ короля уничтожить всѣ загородки, сдѣланныя духовными и свѣтскими землевладѣльцами въ рѣкахъ и лѣсахъ, и превратить такимъ образомъ всѣ рѣки и лѣса въ общее достояніе [1]), имѣетъ въ такой же степени мѣстное, какъ и общее значеніе. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, политическая сторона въ кентскомъ движеніи выступаетъ на первый планъ.

Впервые это съ опредѣленностью обнаруживается на совѣщаніи въ Дартфордѣ, который, какъ мы видѣли, на время сдѣлался центромъ, стягивавшимъ къ себѣ отдѣльные элементы кентскаго возстанія. Можно предположить, что это было первое совѣщаніе инсургентовъ, что здѣсь впервые была намѣчена организація и программа. Не всѣ должны вступать въ ополченіе: живущіе въ двѣнадцати миляхъ отъ моря должны оставаться дома, чтобы не оставить беззащитнымъ берегъ, и такимъ образомъ оградить страну отъ опасности вражескаго нашествія, въ особенности возможнаго при внутренней неурядицѣ. Это распоряженіе

[1]) *Knighton*, col. 2636—2637.

Библиотека "Руниверс"

свидѣтельствуетъ о томъ, что возстаніе уже выходило изъ первоначальнаго фазиса почти стихійнаго погрома всего, что олицетворяло собою фискальный гнетъ, чиновничій произволъ и соціальную неправду, что сознательность и планомѣрность начинали подчинять себѣ безраздѣльно господствовавшій до того момента аффектъ. Инсургенты формулируютъ и причину золъ, заставляющую ихъ подниматься, и вмѣстѣ съ тѣмъ ставятъ опредѣленную общую цѣль своему возстанію. Въ странѣ, заявляютъ они, болѣе одного короля; этого они долѣе терпѣть не могутъ и никакого другаго короля, помимо короля Ричарда, имѣть не желаютъ [1]). Страною управляетъ не король Ричардъ; власть перешла въ другія руки (чьи это руки, это мы сейчасъ увидимъ); нужно ее возвратить тому, кому она принадлежитъ по праву, и тогда все пойдетъ правильнымъ порядкомъ, и народъ не будетъ больше терпѣть угнетеніе. Чтобы возстановить прежній порядокъ, для этого нужно казнить тѣхъ, кто захватилъ власть и ею пользуется для собственной выгоды, кто измѣнилъ королю и своему долгу. Явившись въ Кентербэри, уже имѣя во главѣ Уота Тайлера и др., кентскіе инсургенты, по словамъ Стау, требуютъ, чтобы монахи избрали новаго архіепископа, потому что нынѣшній архіепископъ—измѣнникъ и долженъ быть обезглавленъ [2]). Измѣнилъ онъ королю не въ качествѣ примаса Англіи, но какъ канцлеръ королевства, высшій сановникъ въ государствѣ. Они потребуютъ съ него отчетъ въ доходахъ Англіи и въ большихъ суммахъ, собранныхъ имъ со времени коронаціи короля [3]).

Останавливая всѣхъ богомольцевъ, шедшихъ на поклоненіе гробу Ѳомы Бекета и возвращавшихся домой, кентцы предлагаютъ имъ уже цѣлую готовую программу: они должны дать клятву, что будутъ вѣрны королю Ричарду и общинамъ, не станутъ признавать королемъ никакого короля Джона (герцога ланкастерскаго, носившаго титулъ короля Кастиліи и Леона), никогда не допустятъ никакого другаго налога, кромѣ пятнадцатой деньги (nisi quindecimae), которую одну только знали ихъ отцы и дѣды; кромѣ того, они обязывались привлекать къ возстанію своихъ сосѣдей и дали слово явиться къ инсургентамъ по первому ихъ требованію [4]).

---

[1]) *Stow*, p. 284.

[2]) *Ibid.*

[3]) „Il nous rendera conte temprement des revennes d'Engleitère et des grans proufis que il a levés puis le couronnement dou roy", *Froissart*, IX, p. 394—395.

[4]) *Chron. Angl.*, p. 286.

Библиотека "Руниверс"

Если на дартфордскомъ совѣщаніи (насколько оно намъ извѣстно изъ источниковъ) была высказана лишь общая мысль, принявшая нѣсколько болѣе конкретное выраженіе въ Кентербэри, то теперь она получала болѣе детальное развитіе. Теперь было названо ненавистное народу имя герцога Ланкастерскаго, который съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Эдуарда III не переставалъ руководить высшимъ управленіемъ въ государствѣ и своимъ безцеремоннымъ хозяйничаньемъ и попираніемъ самыхъ священныхъ правъ народа вызвалъ крайнее раздраженіе самыхъ различныхъ слоевъ англійскаго общества, съ особенною силой выразившееся на знаменитомъ Добромъ парламентѣ 1376 года, призвавшемъ къ отвѣту и подвергнувшемъ суровой карѣ его главныхъ сподвижниковъ. Люди, составляющіе правительство, всѣ, начиная съ самого знатнаго среди нихъ, дяди короля,—измѣнники, извращающіе волю короля. Король, которому должна быть возвращена узурпированная другими власть, долженъ править не со знатью, измѣнившею ему, а съ вѣрными общинами, съ народомъ; только тогда перестанетъ царить неправда, угнетающая народъ всевозможными, прежде невѣдомыми, налогами. Мы еще вернемся къ этому положительному политическому идеалу инсургентовъ, этому идеалу демократической монархіи; тогда мы постараемся выяснить его возникновеніе въ политической и соціальной обстановкѣ Англіи конца XIV вѣка; теперь же мы только отмѣтимъ его, какъ основную черту, характеризующую положительную сторону политической программы инсургентовъ 1381 года.

Конечно, нельзя сказать, чтобы программа кентцевъ, только что нами приведенная, отличалась большою опредѣленностью своей, такъ сказать, технической стороны, чтобы она обнаруживала у ея составителей ясность представленія о тѣхъ положительныхъ реформахъ, какія они считали необходимыми для осуществленія своихъ требованій, и о мѣрахъ, съ помощью которыхъ эти реформы могли бы быть выполнены; тѣмъ не менѣе въ ней важно отмѣтить наличность общаго положительнаго принципа и весьма не лишенное опредѣленности указаніе на тѣ отрицательныя задачи, разрѣшеніе которыхъ можетъ разчистить поле для всякихъ положительныхъ комбинацій и во всякомъ случаѣ устранить непосредственный источникъ бѣдствій, дающихъ себя знать въ данный моментъ.

Самый фактъ требованія кентцами клятвы отъ богомольцевъ и предъявленія имъ болѣе или менѣе опредѣленной программы свидѣтельствуетъ о томъ, что организація, зачатки которой мы отмѣтили, говоря

Библиотека "Руниверс"

о дартфордскомъ совѣщаніи, продолжала развиваться. Нельзя при этомъ не признать крайне остроумнымъ способомъ пропаганды обращеніе именно къ богомольцамъ, пришедшимъ въ Кентербэри изъ всѣхъ концовъ англійскаго королевства и, слѣдовательно, обезпечивавшимъ весьма быстрое распространеніе возстанія по всей его территоріи. Обращаемъ вниманіе читателя на этотъ фактъ, въ значительной степени объясняющій почти полную одновременность взрыва на самыхъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго, пунктахъ англійской территоріи, поражавшую современниковъ [1]) и наводившую новѣйшихъ ученыхъ на мысль (или подтверждавшую для нихъ уже раньше составленное ими мнѣніе), что возстаніе 1381 года было задумано, пропагандировано и организовано заранѣе, до столкновенія со сборщиками поголовнаго налога [2]). О стремленіи возставшихъ организовать свои силы говоритъ и требованіе, чтобы богомольцы привлекали къ возстанію своихъ сосѣдей и являлись по первому зову. Въ связь съ этимъ послѣднимъ извѣстіемъ сентъ-албанскаго монаха можно поставить сообщеніе Фруассара, что инсургенты, разославъ своихъ агентовъ въ разныя графства, поручили имъ звать жителей ихъ къ Лондону ко дню праздника Тѣла Христова [3]).

Какіе успѣхи сдѣлала къ этому времени программа и организація кентскихъ инсургентовъ, можно судить по уже раньше приведенному нами свидѣтельству протокола о возстаніи на о. Танетѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, капелланъ Уилльямъ и ризничій Джонъ Тэйлоръ вмѣстѣ съ другими лицами, бывшими съ Уотомъ Тайлеромъ въ Кентербэри и другихъ мѣстахъ, *„исполняя порученіе Джона Рекстроу и Уота Тайлера“* (pro commissione Johannis Rakestraw et Walteri Tegheler), въ четвергъ, 13-го іюня, въ день праздника Тѣла Христова, сдѣлали

[1]) „Acciderunt haec omnia mala diversis provinciis uno eodem tempore, iisdem fere diebus, quamquam itinere longissimo loca distarent, infra octavas videlicet festi Corporis Christi“... *Chron. Angl.*, p. 310.

[2]) „North and south, east and west, it broke out within so short a space of time as makes it impossible to suppose it to have arisen, like an accidental conflagration, from mere ordinary contact of materials. In Yorkshire and Lancashire, Devon, Norfolk, Suffolk, Essex, and Kent, far more rapidly than the news could fly, the people rose“, *Stubbs, Const. Hist.*, v. II, p. 469; „The poll-tax, however, could hardly have been the occasion of the outbreak, for, as we shall see below, the fact of simultaneous action in Kent and Norfolk makes it certain that the uprising was concocted, and could not have been due to an accident“, *Th. Rogers, H. of A. and Pr.*, v. I, p. 84.

[3]) *Froissart*, IX, p. 392: „et estoit leur intention que le jour dou sacrement ou l'endemain il se trouveroient tout ensemble“.

Библиотека "Руниверс"

оповѣщеніе въ церкви св. Іоанна, чтобы всѣ *вѣрные подданные короля* („chescun home lige a ſire Sr̃ le Roi"), подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества, шли къ дому коронера Уильяма Медмегэма съ цѣлью разрушить этотъ домъ, истребить всѣ найденные въ немъ документы и предать смерти самого коронера, если онъ попадетъ имъ въ руки, и чтобы никто изъ держащихъ землю („nulle tenant"), подъ страхомъ той же кары, не отбывалъ повинностей и не платилъ денежныхъ взносовъ, слѣдуемыхъ феодальнымъ сеньерамъ; тѣ же лица, продолжаетъ протоколъ, организовали (очевидно, руководствуясь тѣмъ же указаніемъ) на протяженіи о. Танета налогъ, чтобы добыть средства, необходимыя для борьбы („et ount ordeynes un taxacion, estre paie pour maintenaunce de les dite matieres encountre les Sr̃s par tout Isle de Tent, forpris les tenauntz del Priorie de Caunterbirs et la franchise de Caunterbirs").

Ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что подобныя же воззванія дѣлались и въ другихъ мѣстахъ, что и тамъ принимались подобныя мѣры, тѣмъ болѣе, что на это у насъ есть и положительныя указанія источниковъ, уже намъ знакомыя въ другой связи. Вспомнимъ, напримѣръ, Джона Грэйстона, побывавшаго въ Кентѣ и Лондонѣ и вернувшагося къ себѣ въ Кэмбриджское графство, чтобы поднимать народъ противъ королевскихъ измѣнниковъ, вспомнимъ сѣдельнаго мастера Джона Стэмфорда изъ Лондона, ѣздившаго въ Кэмбриджширъ для той же цѣли, или Ричарда Лестера, явившагося съ большою толпою народа въ монастырь на о. Или и съ церковной каѳедры объявившаго, что всѣ должны идти расправляться съ измѣнниками (versus proditores et alios infideles).

Мы могли бы умножить число примѣровъ; но они всѣ уже знакомы читателю изъ предшествующаго изложенія, и намъ остается только напомнить о нихъ ему. Во всѣхъ ихъ выступаетъ съ полною опредѣленностью черта, еще только намѣченная въ раньше приведенномъ случаѣ: и Грэйстонъ, и Стэмфордъ, и Ричардъ Лестеръ, равно какъ и рядъ другихъ дѣятелей возстанія, всѣ они выставляютъ себя исполнителями воли короля и вѣрныхъ общинъ („ex parte domini Regis Ricardi et fidelis communitatis", „ex consensu et precepto domini Regis"), а нѣкоторые изъ нихъ (Грэйстонъ и Стэмфордъ) даже заявляютъ, что у нихъ есть письменный приказъ короля въ этомъ смыслѣ, за который они иногда выдаютъ совсѣмъ другіе документы. Такимъ образомъ, *самъ король выставляется иниціаторомъ возстанія*. Онъ и вѣрныя общины не могутъ долѣе терпѣть

Библиотека "Руниверс"

беззаконій, чинимыхъ въ утѣсненіе народу представителями правительства, измѣнившими своему долгу.

Разъ возникла идея измѣны королевскихъ слугъ, какъ причины народнаго угнетенія, до мысли о наказаніи ихъ по приказу короля было весьма недалеко, и конструкція возстанія, какъ народнаго движенія, руководимаго самимъ королемъ, была готова. То, что въ началѣ носилось передъ глазами крестьянъ, когда они поднимались противъ сборщиковъ, судей, коронеровъ и другихъ должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ взиманіемъ налога и его доставкой въ королевское казначейство и наконецъ истощившихъ ихъ долготерпѣніе, въ видѣ неясныхъ представленій, разрозненныхъ и расплывающихся, теперь слилось въ опредѣленно формулированную идею, которая стала однимъ изъ весьма сильныхъ стимуловъ, способствовавшихъ быстрому развитію начатаго дѣла, въ особенности, когда ею вполнѣ сознательно воспользовались какъ орудіемъ пропаганды.

Мы уже знаемъ, что идея эта была такъ популярна [1]), что королю пришлось издать особый указъ, въ которомъ онъ доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія, что слухъ, повсюду распространенный возставшими, будто бы они дѣйствуютъ по его королевскому повелѣнію, совершенно ложенъ, являясь ихъ чистѣйшимъ измышленіемъ. Укрѣпленію популярности этой идеи не могъ не способствовать, какъ намъ кажется, фактъ выдачи королемъ народу канцлера, казначея и другихъ „измѣнниковъ“, скрывавшихся въ Тауэрѣ [2]). Знамена съ королевскимъ гербомъ, изображавшимъ Геор-

[1]) Ср. *Knighton*, col. 2641: „.... dux (Lancastriae)... magis sibi timuit ne rex ab aliquibus aemulis ejus sub sinistro consilio ductus ad istiusmodi luporum rabiem inconsulte praeberet assensum; Et ut verum fatear, in multis locis regni divulgatum fuerat, regium assensum intervenisse in hiis quae contra eum fiebant. Quod quidem a nonnullis credebatur...“ По словамъ *Chron. Angl.* (p. 328), многіе изъ свиты герцога Ланкастерскаго, отправлявшейся съ нимъ въ Шотландію для заключенія перемирія, оставили его: „audierant nempe regem, timore ductum, corpus domini sui, ducis, donasse communibus id potentibus“.

[2]) Въ этомъ смыслѣ весьма выразителенъ текстъ сообщенія анонимнаго автора, напечатанный у Riley, и денстэбльскихъ анналовъ. „Where (на Mile End'ѣ) at the prayer of the infuriated rout“, говоритъ упомянутый анонимъ, „our Lord the King granted that they might take those who were traitors against him, and slay them, whoresoever they might be found“, *Memorials*. „Tandem dominus rex“, читаемъ у автора анналовъ, „tactus dolore cordis, et ista mala in regno suo fieri considerans, non credens quod dicta communitas archiepiscopum et dominum Robertum antedictos occidere vellent, extra turrim, eorum consensu et assensu, eos exposuit“, *Annales Monastici*, III, p. 416.

Библиотека "Руниверс"

гія Побѣдоносца, которыя развѣвались передъ ополченіями инсургентовъ, должны были служить внѣшнимъ выраженіемъ полной лойяльности возставшихъ и способствовали привлеченію въ ихъ ряды тѣхъ вѣрныхъ подданныхъ короля, у которыхъ еще могло оставаться какое нибудь сомнѣніе, что ихъ дѣйствительно зовутъ „защищать короля и благо королевства отъ его измѣнниковъ“ [1]), „охранять права короля и общины“ [2]). *„Король Ричардъ и вѣрныя общины“* стало лозунгомъ и паролемъ возставшихъ по всей странѣ. „Ты за кого?“ спрашивали инсургенты всякаго встрѣчнаго. „За короля Ричарда и вѣрныя общины“, долженъ былъ отвѣчать спрошенный, если хотѣлъ сохранить голову на плечахъ [3]). Формула эта наполняла сознаніе возставшихъ радостною гордостью, оставившей слабый отзвукъ на страницахъ монастырской лѣтописи. „Въ то время“, повѣствуетъ Уолсингэмъ, „они очень чванились названіемъ „общинъ“ и никакого другаго названія не считали болѣе почетнымъ, чѣмъ названіе „общины“, и полагали, по глупому своему разумѣнію, что впредь не будетъ никакого другаго господина, кромѣ короля и общинъ“ [4]). Присяга дѣлу возстанія отбиралась въ формѣ клятвы вѣрности королю Ричарду и общинамъ [5]).

Насколько можно судить по данным источниковъ, и эссексцы, и кентцы, возставая противъ королевскихъ измѣнниковъ, громя помѣщичьи усадьбы и истребляя помѣстные архивы, едва ли имѣли въ

---

[1]) *Higden*, IX, p. 1.

[2]) „Et apres cestes choses issint feates, les dites gents fesoient proclamacion en plein march en la dite ville de Seint Auban, que totes gents de pays environ vendroient al dite ville, araiez en lour armes, pur les aforcer en mayntenaunce de les droitures le Roy et de la commune...“ *Gesta Abbatum*, v. III, p. 295; ср. *Stow*, p. 285, гдѣ сообщается, какъ инсургенты просили королевскихъ посланцевъ передать королю, что „they were gathered togethor for his safety, to destroy those that were traytors to him and his kingdome“.

[3]) *Stow*, p. 285.

[4]) „Ita enim tunc temporis gloriabantur eo nomine (communes), ut nullum censerent nomen honorabilius nomine „communitatis“, nec quemquam de caetero reputaturi fuerunt dominum, juxta aestimationem suam stolidam, nisi Regem solummodo et communes“, *Wals.*, *H. A.*, I, p. 472.

[5]) Отправлявшіеся въ столицу сентъ-албанцы встрѣтили у Гайбэри двадцатитысячную толпу инсургентовъ съ Джэкомъ Строу во главѣ, занятую разрушеніемъ дворца магистра госпитальеровъ. „Visi autem a quodam illorum ductore, qui vocabatur Johannes Strawe, mox accersiti et coacti, fecerunt fidem ei quod regi Ricardo et communibus adhaererent“, *Chron. Angl.*, p. 290.

Библиотека "Руниверс"

виду походъ на столицу. Сомнѣнія нѣтъ, что у нихъ было намѣреніе отправиться къ Лондону, чтобы повидаться съ королемъ и изложить ему свои жалобы и требованія. Въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ вниманія черта, весьма подчеркиваемая Фруассаромъ въ его картинѣ народнаго движенія 1381-го года: крестьяне все свое упованіе возлагаютъ на короля; нужно отправиться къ нему и объяснить ему свое положеніе, и онъ найдетъ средство противъ ихъ бѣдствій и освободитъ ихъ отъ рабства, подъ гнетомъ котораго они изнемогаютъ; и они шли изъ Кента, Эссекса и другихъ графствъ, по дорогѣ требуя къ себѣ короля [1]). Не лишено значенія и извѣстіе мэмсбэрійскаго монаха, что Уотъ Тайлеръ изложилъ епископу рочестерскому, приглашенному инсургентами на Блэкгизсъ, жалобы крестьянъ на свои невзгоды, которыя они терпѣли отъ налоговъ и притѣсненій со стороны власть имѣющихъ, прося передать ихъ королю и увѣряя его, что, лишь только противъ этого будетъ дано средство, народъ немедленно разойдется по домамъ [2]). Съ этимъ послѣднимъ извѣстіемъ лѣтописца слѣдуетъ поставить въ связь категорическое заявленіе судебнаго протокола о лондонскихъ олдермэнахъ, что собравшіеся на Блэкгизсѣ инсургенты намѣревались возвращаться домой, не вступая въ столицу [3]).

Подать петицію о своихъ нуждахъ лично королю (приближеннымъ его, какъ „измѣнникамъ", они вѣрить не могли) и, самое бо́льшее, потребовать выдачи „королевскихъ измѣнниковъ",—„разорителя простаго народа" („communis vulgi depraedator"), канцлера королевства, архіепископа кентербэрійскаго Симона Сэдбэри, казначея королевства, магистра

---

[1]) „Ensi venoient ces povres gens et cil villain à Londres de C lieues, de LX lieues, de XL lieues, de XX lieues et de toutes les contrées environ Londres, mais la grigneur plenté en vint de terres dessus dittes de la conté de Kent et d'Essexs et demandoient, en venant, le roy", *Froissart*, IX, p. 390 — 391; см. еще p. 388—389.

[2]) „Jak Straw et Thomas Merlo redeuntes ad campum qui dicitur Blacheth vocaverunt ad se episcopum Rofensem. Et cum quaereret episcopus quis esset principalis qui sibi loqueretur processit unus tegulator de Estsex qui valde eloquens fuerat, exprimebat episcopo multa gravamina virorum simplicium per tallagia et oppressiones maiorum, rogans ut haec narraret Regi, et cogitabant ut dixit repatriare si debita correctio habita sit", *Eulogium*, III, p. 352.

[3]) „et dicunt quod predictus Iohannes Horn ....cum principalibus insurrectoribus conspiravit et predictum populum maleficum pulcris sermonibus versus dictam civitatem vertefecit ubi prius in proposito fuerunt ad hospicia sua revertendum...". *Record Office.* Cor. R. R. Easter 6 Ric. II. Rot. VI. London.

Библиотека "Руниверс"

госпитальеровъ Роберта Гелза и нѣкоторыхъ другихъ,—вотъ та цѣль, которая руководила массой народа, когда онъ двигался къ столицѣ, громя усадьбы представителей администраціи, судей, адвокатовъ, присяжныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ и бросая въ огонь горѣвшихъ зданій всѣ найденные у нихъ владѣльцевъ документы. Намъ поэтому кажется большою ошибкой со стороны короля, что онъ послушался совѣта архіепископа, пріора и другихъ сановниковъ и приближенныхъ, которые отправились съ нимъ (на лодкахъ) на свиданіе съ инсургентами, стоявшими на Блэкгизѣ. Мы, конечно, не можемъ сказать съ опредѣленностью, чѣмъ руководились спутники короля, совѣтуя ему не высаживаться къ „этимъ босоногимъ разбойникамъ“ („tales discaligatos ribaldos“), дѣйствительно ли страхомъ за безопасность короля, или же чувствомъ самосохраненія, но мы имѣемъ основаніе предполагать, что, не поверни король обратно къ Тауэру, а дай онъ возможность вожакамъ толпы изложить ему всѣ ея жалобы и требованія, дѣло приняло бы нѣсколько иной оборотъ, и та кровавая полоса, которая окрашиваетъ возстаніе въ памяти потомства, была бы значительно меньше. Но король не высадился на берегъ, и раздраженная толпа бросилась силою добывать то, что она отчаялась получить мирнымъ путемъ [1]), видя въ своей неудачѣ лишнее доказательство измѣны королевскихъ совѣтниковъ. Такимъ образомъ, появленіе кентскихъ инсургентовъ въ столицѣ мы склонны приписывать въ значительной степени аффекту.

Но наше объясненіе этого факта не вполнѣ будетъ соотвѣтствовать исторической дѣйствительности, если мы не примемъ во вниманіе еще одного обстоятельства, роли Лондона въ возстаніи 1381 года, если мы не отвѣтимъ на вопросъ, какъ отнеслось къ возстанію жителей Кента и Эссекса столичное населеніе. Протоколъ о лондонскихъ олдерменахъ, обнаружившихся въ приглашеніи въ столицу инсургентовъ названныхъ графствъ и въ открытіи имъ ея воротъ, найденный нами въ лондонскомъ Публичномъ Архивѣ (Public Record Office) въ 1889—1890 учебномъ году, даетъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ съ довольно значительною опредѣленностью, недоступной въ прежнее время, когда пришлось бы довольствоваться сравнительно

[1]) „Cumque viderunt Regem redire, exaltaverunt voces suas, clamantes *Treyson*, *Treyson*, et sic rapidissimo cursu usque Londoniam properaverunt“, *Mon. Evesh.*, p. 25. „Unde populus in furorem versus... cursu rapido Londoniam petit“, *Thorne*, col. 2157.

Библиотека "Руниверс"

скудными намеками лѣтописцевъ. Содержаніе этого цѣннаго документа отчасти уже знакомо намъ изъ предшествующаго изложенія; теперь мы остановимся на немъ болѣе подробно, пользуясь при этомъ и другими документальными и лѣтописными указаніями.

Мы уже знаемъ, что къ кентскимъ инсургентамъ на Блэкгизсъ, а затѣмъ въ Саусуаркъ ѣздили лондонскіе олдермены Джонъ Горнъ, Адамъ Карлелъ и Джонъ Фрэшъ (на Блэкгизсъ всѣ трое по порученію лорда-мэра и горожанъ, а въ Саусуаркъ одинъ Джонъ Горнъ, не имѣя такого порученія), что они, вмѣсто того, чтобы уговорить народъ удалиться отъ столицы, сдѣлали совершенно обратное, убѣждая вождей возставшихъ, съ помощью „прелестныхъ рѣчей“ (pulcris sermonibus), не медлить и поскорѣе идти въ Лондонъ, гдѣ они встрѣтятъ самый радушный пріемъ; знаемъ мы также, что въ заговорѣ съ названными олдерменами былъ и олдерменъ Уолтеръ Сайбилъ, который впустилъ кентцевъ въ городъ черезъ лондонскій мостъ (London brigde), отославъ отъ себя всѣхъ, кто хотѣлъ охранять мостъ согласно приказу городскаго управленія; наконецъ, намъ уже приходилось упоминать и о томъ, что Джонъ Горнъ наканунѣ вступленія въ Лондонъ инсургентовъ принималъ у себя ночью многихъ изъ ихъ главныхъ вождей.

Все это факты, относящіеся къ кентскимъ инсургентамъ и позволяющіе намъ, въ связи съ приведенными выше соображеніями, понять ихъ появленіе въ столицѣ, куда они вовсе не думали отправляться, собравшись на Блэкгизсѣ. Мы приведемъ еще одинъ фактъ, свидѣтельствующій о сношеніяхъ лондонскаго населенія съ кентскими инсургентами. Нѣкто Томасъ Рэвенъ изъ Саусуарка (Thomas Raven de Southwark) принималъ дѣятельное участіе въ кентскомъ возстаніи съ самыхъ первыхъ его моментовъ: присяжные называютъ его въ числѣ участниковъ дартфордскихъ безпорядковъ (5-го іюня), разрушенія и сожженія дома Уильяма Torcliyve'a и убійства нѣкоего Джона Стонгелда (7-го іюня), разгрома тюремъ въ кентскомъ графствѣ и освобожденія всѣхъ заключенныхъ, сожженія податныхъ списковъ, задержанія рыцарей и т. п. [1]). Если олдермэны являлись несомнѣнными представителями городскаго нобилитета, то ничто не даетъ намъ основанія видѣть въ Томасѣ Рэвенѣ члена этого класса; по всей вѣроятности, это былъ представитель столичной массы, дѣйствительно весьма радушно принявшей инсургентовъ и немедленно при-

[1]) *Rec. Office.* Cor. R. Roll Mich. 7 Ric. II. Rot. XX. Kanc'.

Библиотека "Руниверс"

соединившейся къ нимъ, лишь только они проникли въ городъ, о чемъ мы положительно знаемъ изъ нашихъ источниковъ, какъ это уже приходилось намъ указывать при описаніи лондонскихъ сценъ.

Въ то время, какъ появленіе въ Лондонѣ кентцевъ объясняется, съ одной стороны, аффектомъ, вызваннымъ въ нихъ отказомъ короля высадиться къ нимъ возлѣ Блэкгизса для выслушанія ихъ петицій, а съ другой—сочувственнымъ отношеніемъ къ ихъ возстанію нѣкоторой части городскаго нобилитета и большинства городской массы столицы, приведшимъ какъ къ прямому призыву кентскихъ инсургентовъ, когда они еще стояли на Блэкгизсѣ и, въ особенности, когда они уже проникли подъ вліяніемъ аффекта въ предмѣстье города, Саусуаркъ, такъ и къ открытію имъ входа черезъ Лондонскій мостъ, когда они уже стояли у воротъ столицы,—проникновеніе сюда эссекскихъ ополченій источники представляютъ исключительно дѣломъ лондонскихъ горожанъ. Протоколъ объ олдермэнахъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующія данныя. Лондонскій житель Томасъ Фарндопъ (Thomas Farndon de London) по собственной своей инціативѣ („ex proprio suo capite“) отправился еще въ самомъ началѣ возстанія къ эссекскимъ инсургентамъ (ad malefactores de Com' Essex') и сталъ жаловаться на пріора госпитальеровъ, который будто бы отнялъ у него его наслѣдство („a recta sua hereditate injuste expulsus“), „вслѣдствіе чего вышеназванные злодѣи негодованіе и великую злобу возымѣли къ вышереченному пріору и учинили много вреда и разоренія его помѣстьямъ и держаніямъ въ Эссекскомъ графствѣ“ [1]). Ставъ во главѣ отряда эссекскихъ инсургентовъ („ut unus eorum capitaneus“), Фарндонъ водилъ его къ Крессингтемплю, эссекскому помѣстью пріора, и принималъ участіе въ его разгромѣ, происшедшемъ, какъ мы знаемъ, въ понедѣльникъ, 10-го іюня [2]), а затѣмъ отправился съ нимъ въ Лондонъ, вошелъ въ столицу въ четвергъ, въ праздникъ Тѣла Христова, и участвовалъ въ разгромѣ Темпля (принадлежавшаго пріору), въ

---

[1]) „ob quam causam malefactores supradicti indignacionem et magnam rancorem habuerunt erga predictum Priorem unde plura dampna et ruinam suis placeis et tenementis in com' Essex' fecerunt“, *Rec. Office*. C. R. R. Easter 6 Ric. II. Ro. VI. London'.

[2]) „...extitit presentatum quod Thomas Farendon de London' die lune prox. post. fest. s. Trinitatis a° r. R. nunc quarto fuit apud Cressyngtemple ductor cujusdam comitive et ibidem proditorie et felonice prostravit domos prioris s. Iohannis Ierusalem in Anglia et bona et catalla ibidem inventa cepit et asportavit. *Rec. Office*. Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. III. London. Midd'.

Библиотека "Руниверс"

сожженіи Савоя и Клеркенуэлла, вечеромъ возвратился съ своими „полчищами“, („cum eisdem turmis“) въ Лондонъ и ночью принималъ у себя въ домѣ вождей возставшихъ (въ числѣ ихъ Роберта de la Warde) и вмѣстѣ съ ними составилъ списокъ горожанъ, которыхъ слѣдовало, по ихъ мнѣнію, обезглавить, разрушивъ при этомъ ихъ дома [1]). Рано утромъ въ пятницу онъ былъ въ Гайбэри и участвовалъ съ своимъ отрядомъ въ разрушеніи и сожженіи здѣсь дворца пріора, возлѣ Майлъ-Энда обращался къ королю съ жалобой на пріора, завладѣвшаго его наслѣдствомъ, „измѣннически, предательски и безъ должнаго почтенія“ схвативъ за узду королевскаго коня (объ этомъ намъ уже приходилось упоминать), отсюда повелъ свою дружину къ Тауэру, ворвался въ Тауэръ и присутствовалъ при казни архіепископа и пріора на Тауэрскомъ холмѣ (Towerhill), а затѣмъ сталъ разъѣзжать съ своимъ отрядомъ по городу, дѣлая нападенія на дома разныхъ лицъ, подвергая ихъ разрушенію, а владѣльцевъ ихъ заставляя давать ему выкупъ за свою жизнь, пока наконецъ его не схватили и не посадили въ тюрьму въ то время, когда онъ былъ занятъ разрушеніемъ усадьбы нѣкоего Джона Нота (Knot) въ Стэнинглэнѣ (in Stanyngiane) (одна изъ улицъ Лондона). Присяжные называютъ Фарндона первымъ изъ всѣхъ вождей, возставшихъ въ графствѣ Эссексъ, и говорятъ, что съ понедѣльника, 10-го іюня, до дня своего ареста онъ все время собиралъ инсургентовъ, чтобы убить пріора и погубить короля и королевство [2]).

На ряду съ Фарндономъ протоколъ называетъ Адама atte Welle и Роджера Гарри (Harry); оба они были лондонскіе мясники (bocheres), при чемъ Адамъ имѣлъ лавку въ торговыхъ рядахъ св. Николая („ad macellas sancti Nicholai London“) и былъ поставщикомъ герцога Ланкастерскаго („provisor victualium dom. Ducis Lancastriae“).

[1]) „accessitque ultra cum eisdem turmis in civitatem London' et ibidem pernoctabat et recepit secum noctanter principales insurrectores videlicet Robertum de la Warde et alios ymaginando illa nocte et cum aliis sociis suis conspirando nomina diversorum civium que fecit scribi in quadam cedula quos vellet decapitare et eorum tenementa prostrare“, *Rec. Off.* Cor. R. R. Easter 6 Ric. II. Ro. VI (intergo). London'.

[2]) „et idem Thomas primus fuit omnium principalium insurrectorum de Com' Essex, et dicunt quod predictus Thomas Farndon a die lune in septimana Pentecostes anno quarto supradicto usque diem sue capcionis continuavit maliciam suam in coligendo et congregando predictos insurrectores in prosequendo mortem predicti Prioris false felonice et proditorie contra fidem et ligeanciam suam in adnullacionem status sui Regis et pervercionem Regis et Regni“, *Ibid.*

Библиотека "Руниверс"

Еще за двѣ недѣли до прихода инсургентовъ Эссекскаго графства въ Лондонъ („per quatuordecim dies ante adventum dictorum insurrectorum de Com' Essex' London'") они отправились въ Эссексъ и разными обѣщаніями склонили возставшихъ къ походу къ столицѣ, а въ четвергъ, 13-го іюня, ввели ихъ въ Лондонъ и повели къ Савою [1]). Присяжные обвиняютъ олдермэна Уилльяма Тонга въ томъ, что, когда эссексцы подошли къ столицѣ, онъ отперъ имъ Олдгэтскія ворота, которыя ему поручено было охранять городскимъ совѣтомъ, но при этомъ не берутся рѣшать, сдѣлалъ ли онъ это съ злымъ умысломъ, или по внушенію вступившихъ въ заговоръ Джона Горна и Уолтера Сайбила, или же, наконецъ, изъ страха передъ угрозами кентскихъ инсургентовъ, уже находившихся въ то время въ предѣлахъ столицы [2]). Въ заключеніе присяжные заявляютъ, что только по незнанію они не могутъ сообщить именъ массы другихъ лицъ, принимавшихъ главное участіе въ привлеченіи инсургентовъ въ столицу и давшихъ имъ возможность войдти въ нее [3]).

Парламентскій протоколъ пятаго года царствованія Ричарда II-го до

---

[1]) „ipsos insurrectores ad veniendum ad dictam Civitatem excitaverunt et procuraverunt et multa super hoc eis promiserunt et postea die Jovis in festo corporis Xp̄i anno supradicto in eandem Civitatem ipsos insurrectores proditorie introduxerunt et ulterius eos in magna multitudine ad manerium domini Ducis Lancastrie dictum Savoye eodem die perduxerunt et ad arsuram et depredacionem eiusdem manerii ut eorum ductores et principales consiliatores procuraverunt et exinde plura jocalia et alia bona ad valorem et precium viginti librarum felonice asportaverunt", *Rec. Office.* C. R. R. Easter 6 Ric. II. London'.

[2]) „Item dicunt super sacramentum suum quod quidam Willelmus Tonge tunc aldermannus predicto die mercurii portam de Algate per predictum majorem pro inimicis excludendis clausam videlicet turbas de Com' Essex' contra pacem dom. Regis ex covina Kentensium levatas idem Willelmus Tonge ipsam portam de nocte aperuit et easdem turbas per dictam portam intrare permisit que statim ut infra Civitatem fuerunt malefactoribus predictis de Com' Kanc' se immiscuerunt et omnia mala predicta simul cum illis et eis adherentibus peregerunt. Set si idem Willelmus Tonge dicte porte apercionem fecit ex sua malicia propria vel ex covina predictorum Johannis Horn et Walteri Sybyle vel ex metu et minis predictorum malefactorum de Com' Kanc' infra Civitatem tum existencium omnino ignorant ad presens", *Ibid.*

[3]) „Et dicunt insuper super sacramentum suum quod nomina plurium predictos malefactores ad dictam civitatem principaliter excitantium seu procurancium vel eosdem in eandem introducentium vel ex propria malicia intrare permittentium ad presens non sciunt nisi talium qui hac de causa justum judicium mortis per legem regni receperunt vel aliorum qui cartas remissionis dom. Regis super hujusmodi malefactis ante istam inquisicionem perquisiverunt", *Ibid.*

Библиотека "Руниверс"

извѣстной степени восполняетъ пробѣлъ, оставленный присяжными, давая намъ списокъ жителей Лондона, принимавшихъ въ возстаніи участіе въ качествѣ „главныхъ вождей, подстрекателей, пропагандистовъ и зачинщиковъ“ (principales ductores, abettores, procuratores et inceptores). Изъ этого списка мы окончательно убѣждаемся что на сторонѣ возстанія были далеко не одни представители городской массы (pauperiores или simpliciores civitatis или plebs communis, по терминологіи сентъ-албанскаго монаха, menues gens en la cittè de Londres, какъ выражается Фруассаръ), но и не мало людей достаточныхъ, изъ тѣхъ, которыхъ *Англійская Хроника* называетъ majores, magis sufficientes burgenses: преобладающее большинство „главныхъ вождей, подстрекателей, пропагандистовъ и зачинщиковъ“—хозяева ремесленныхъ и торговыхъ заведеній (винооторговцы, пивовары, содержатели харчевень, рестораторы, золотыхъ дѣлъ мастера, портные, содержатели цирюленъ, сапожники, кожевники, сукновалы, ткачи и т. п.), а не ремесленники—пролетаріи, живущіе исключительно заработною платой, слуги или чернорабочіе [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ мы, кажется, имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что, не примкни къ возстанію жители Лондона, оно, можетъ быть, не получило бы того грандіознаго вида, который сообщили ему разгромъ столицы и страшная расправа съ высшими сановниками королевства.

Является вопросъ: внесли ли лондонскіе инсургенты что нибудь новое въ программу возстанія, насколько она успѣла выясниться изъ словъ и дѣяній жителей Эссекса и Кента передъ ихъ вступленіемъ въ столицу? Принимая въ соображеніе самые существенные моменты лондонской трагедіи, мы приходимъ къ выводу, что лондонскіе инсургенты всего лишь подчеркнули красною чертою политическую сторону программы; къ этому сводится идейная сторона всѣхъ сценъ смерти и разрушенія, описанныхъ нами въ предыдущей главѣ. Разгромъ и сожженіе Савоя источники представляютъ дѣломъ лондонскихъ горожанъ: такъ думали присяжные, показанія которыхъ мы только что приводили, таково

---

[1]) *Rot. Parl.* v. III, p. 112—118; въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о слугѣ или рабочемъ, въ спискѣ это прямо обозначено прибавкой къ имени, что такой-то *serviens* такого-то (напримѣръ, Willelmus Dymbilby, Grynder, serviens Iohannis Ferrour); прибавка „рабочій“ (laborer) безъ дальнѣйшаго обозначенія встрѣчается только въ одномъ случаѣ (Johannes Roo, Laborer).

Библиотека "Руниверс"

и мнѣніе лѣтописцевъ [1]). Все это заслуживающія вниманія свидѣтельства, вполнѣ согласующіяся со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно объ отношеніи лондонскаго населенія къ герцогу ланкастерскому (объ этомъ будетъ рѣчь впослѣдствіи); тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать того общаго раздраженія, которое вызвалъ въ народѣ герцогъ, стоя во главѣ управленія королевствомъ, и которое такъ рѣзко выразилось на Добромъ Парламентѣ 1376 года. Герцогъ былъ въ особенности ненавистенъ лондонскимъ горожанамъ, и, отправляясь вмѣстѣ съ жителями Кента и Эссекса разрушать Савой, они, по словамъ сентъ-албанскаго монаха, старались опередить своихъ спутниковъ, считая для себя позоромъ, если кто нибудь раньше ихъ причинитъ герцогу какой нибудь ущербъ [2]); но имя его не вызывало добрыхъ чувствъ и у провинціаловъ, и первые шаги своего возстанія они ознаменовали безпощаднымъ разрушеніемъ и сожженіемъ усадебъ и домовъ главнымъ образомъ законовѣдовъ, королевскихъ чиновниковъ и людей, находившихся въ зависимыхъ отношеніяхъ съ герцогомъ Ланкастерскимъ, болѣе всего ненавидя ихъ и считая достойными смерти [3]). Производя разгромъ Темпля, Клеркенуэлла, Гайбэри, осаждая Тауэръ и казня архіепископа и пріора госпитальеровъ, инсургенты Кента и Эссекса только продолжали то, съ чего и для чего они начали возстаніе; лондонскіе жители только увеличили ихъ силы, но къ идейному содержанію революціи едва ли прибавили свою собственную ленту. Конечно, какъ и въ другихъ мѣстахъ, и здѣсь инсургенты сводили свои старые счеты, и въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ вниманіе избіеніе лондонской толпою фламанд-

[1]) Мэмсбэрійскій монахъ выражается въ этомъ смыслѣ весьма категорически. „Et antequam pervenirent London", говоритъ онъ объ инсургентахъ Кента и Эссекса, „ipsi de London' combusserunt Savoye, manerium ducis Lancastriae, et jocalia sua ibidem inventa projecerunt in Thamisiam, dicentes: „Nolumus esse fures", *Eulogium*, III, p. 352. По словамъ Стау, кентцы, разгромивъ Темпль, отправились къ Савою и разрушили и сожгли все то, „which were left by the Commons of the Citie of London", *Stow*, p. 286.

[2]) „et ipsi in primis foedum reputantes, si quisquam duci ante eos injuriae aut dampni aliquid irrogaret, illico velut amentes cucurrerunt ad locum, et, ignibus in gyro conjectis, destructioni loci vacabant", *Chron. Angl.*, p. 288—289.

[3]) „ac multa manoria et domos sumptuosas cremantes, et usque ad solum funditus prosternentes, et maxime illorum, quos sciverunt esse juris peritorum vel ministrorum Regis, et illorum, quos noverunt esse de retenemento Ducis Lancastriae. Nam omnes tales maxime eis fuerant odiosi, et omnes hujuscemodi, si quos possent reperire, omnino cogitaverunt occidere, et memoriam eorum de terra delere", *Mon. Evesh.*, p. 24.

Библиотека "Руниверс"

цевъ и разграбленіе домовъ ломбардцевъ; въ первыхъ столичные ремесленники и купцы видѣли сильныхъ конкуррентовъ, вторыхъ народъ ненавидѣлъ какъ ростовщиковъ, дѣятельность которыхъ въ глазахъ средневѣковаго человѣка являлась грѣхомъ и беззаконіемъ [1]); весьма возможно, что убивали фламандцевъ и грабили ломбардцевъ не одни жители столицы, что съ ними вмѣстѣ дѣйствовалъ, подъ ихъ руководствомъ, и пришлый людъ, пользовавшійся ихъ указаніями и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, при разгромѣ Темпля, Клеркенуэлла и пр., къ которымъ сами провинціалы, въ большинствѣ никогда не бывавшіе въ столицѣ, можетъ быть, не нашли бы и дороги; тѣмъ не менѣе въ общемъ, можно сказать, разгромъ столицы и казнь высшихъ сановниковъ въ такой же мѣрѣ дѣло населенія столицы, какъ и инсургентовъ Кента и Эссекса, поднявшихся противъ „королевскихъ измѣнниковъ“ и явившихся въ столицу для расправы съ самыми главными изъ нихъ послѣ того, какъ они потеряли надежду получить ихъ для казни изъ рукъ самого короля.

Лондонское населеніе находилось въ самомъ центрѣ политической жизни страны и неоднократно выражало свой живой интересъ къ ней весьма энергичными проявленіями, какъ это мы еще увидимъ впослѣдствіи. Весьма естественно, поэтому, что начавшееся въ Эссексѣ и Кентѣ движеніе съ политическимъ характеромъ должно было найдти сочувственный откликъ въ населеніи столицы, доказавшемъ своими частыми волненіями почти наканунѣ возстанія, что враждебное отношеніе къ правительству въ немъ не менѣе сильно, чѣмъ у жителей провинціи. Но, повторяемъ, ничего новаго въ программу возстанія столица не внесла: и послѣ вступленія инсургентовъ въ Лондонъ развитіе возстанія шло по раньше намѣтившемуся пути.

Если мы спросимъ, каково было организаціонное воздѣйствіе лондонскаго населенія, то самымъ близкимъ къ истинѣ отвѣтомъ будетъ слѣдующее: въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ, позволяющихъ намъ констатировать это воздѣйствіе хоть въ сколько нибудь осязательной формѣ; возможно, что слишкомъ кратковременное пребываніе кентцевъ и эссексцевъ въ столицѣ, быстрота, съ которою развивались лондонскія событія, въ извѣстной степени объясняютъ отсутствіе результатовъ, возможныхъ при другихъ условіяхъ.

---

[1]) Объ ограбленіи ломбардцевъ сообщаетъ Фруассаръ. „Et efforchierent plusieurs maisons de Lombars et prissent des biens qui dedans estoient, à leur vollenté; car nuls ne leur osoit aler au devant“, *Froissart*, IX, p. 400.

Библиотека "Руниверс"

Для полноты картины лондонскаго разгрома нужно еще вспомнить, что инсургенты, по словамъ лѣтописцевъ, выпили много вина, которое они въ большомъ изобиліи нашли въ погребахъ разрушенныхъ ими домовъ; сентъ-албанскій монахъ даже утверждаетъ, будто лондонскіе горожане открыли для нихъ всѣ свои погреба [1]); не слѣдуетъ также забывать, что вмѣстѣ съ инсургентами дѣйствовало не мало профессіональныхъ грабителей и иныхъ преступниковъ, выпущенныхъ ими изъ лондонскихъ и иныхъ тюремъ. Мы сказали, что программа возстанія развивалась своимъ путемъ, не воспринявъ въ себя никакихъ новыхъ пунктовъ вслѣдствіе перенесенія мѣста дѣйствія въ столицу. Сцена на Майлъ-Эндѣ раскрываетъ намъ въ извѣстной мѣрѣ содержаніе этой программы въ томъ видѣ, какой она приняла къ этому времени. Уничтоженіе личной несвободы виллановъ, переводъ на деньги всѣхъ натуральныхъ повинностей крестьянъ и установленіе нормы арендной платы, свобода торговли и полная амнистія всѣмъ участникамъ возстанія, — вотъ основные пункты петиціи, поданной королю народомъ; въ заключеніе королю было заявлено, что до сихъ поръ онъ пользовался совѣтами дурныхъ совѣтниковъ, что впредь самъ народъ будетъ руководить имъ [2]).

Въ этой петиціи насъ поражаетъ прежде всего ея почти исключительно соціальный характеръ; политическая сторона здѣсь совершенно въ тѣни, и въ то время, какъ соціальныя требованія инсургентовъ формулированы весьма ясно и опредѣленно, ихъ политическое недовольство выражено весьма глухо и нечленораздѣльно, что, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ слишкомъ общему характеру положительнаго смысла уже раньше извѣстнаго намъ лозунга „король и вѣрныя общины“.

Чѣмъ объяснить такую односторонность петиціи? Изъ „Англійской хроники“ мы узнаемъ, что жители Эссекса были вполнѣ удо-

---

[1]) „Cum autem eodem die sol altius elevatus incaluisset, et ipsi pro votis ubique vina diversa et pretiosissima pocula praegustassent, et facti fuissent non tam ebrii quam dementes (nam Londoniarum majores et plebs communis cuncta cellaria illis aperta reliquerant,) coeperunt cum simplicioribus civitatis multa tractare de proditoribus; et inter cetera se mutuo cohortati sunt, ut properantes Saveyam, hospitium ducis Lancastriae, cui nullum usquam in regno in pulchritudine et nobilitate potuit comparari, injectis flammis conflagrarent, ad diffiduciandum videlicet ipsum ducem, quem proditorem vocabant, et metum ceteris proditoribus incutiendum“, *Chron. Angl.*, p. 288.

[2]) См. текстъ петиціи въ третьей главѣ.

Библиотека "Руниверс"

влетворены королевскою грамотой, полученной ими въ отвѣтъ на эту петицію, и мирно разошлись по домамъ; въ Лондонѣ остались одни кентцы съ Тайлеромъ, Боллом и другими вождями [1]). Весьма естественно предположить, что это была какъ разъ программа эссекскихъ инсургентовъ, не успѣвшая еще, какъ мы видѣли, принять опредѣленную форму до выхода движенія за предѣлы Эссекса и только, очевидно, теперь окончательно сложившаяся. Если въ Кентѣ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій (отсутствіе вилланства), въ движеніи возобладала, какъ мы видѣли, политическая сторона, то въ Эссексѣ свои мѣстныя условія дали движенію почти исключительно соціальное направленіе, и въ этомъ отношеніи Эссексъ былъ типичнымъ англійскимъ графствомъ.

Эссекская программа приняла свою окончательную форму майлъэндской петиціи уже послѣ разгрома столицы, въ которомъ эссексцы принимали участіе наравнѣ съ кентцами и жителями Лондона, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ современные документы; да и сама петиція не оставляетъ на этотъ счетъ сомнѣній: эссексцы просятъ короля предать забвенію всѣ совершенныя ими теперь возстанія, измѣны и иныя преступленія (omnimodas insurrectiones... proditiones, felonias, transgressiones et extorsiones... hiis occasionibus provulgatas) и даровать имъ свой крѣпкій миръ. Приведенный параграфъ, какъ и все содержаніе петиціи, свидѣтельствуетъ также о мирныхъ намѣреніяхъ эссексцевъ, съ которыми они направлялись къ столицѣ. Произведя расправу надъ „королевскими измѣнниками“ у себя дома и разгромивъ усадьбы мѣстныхъ землевладѣльцевъ, эссексцы шли къ Лондону, чтобы просить короля законнымъ порядкомъ отмѣнить то, на что они, подъ вліяніемъ аффекта, наложили собственныя руки. Особыя, непредвидѣнныя ими обстоятельства сдѣлали ихъ участниками кровавыхъ сценъ внутри столицы. Но когда имъ пришлось болѣе или менѣе спокойно обсудить свои истинныя цѣли и стремленія и предложить ихъ въ видѣ петиціи королю, предварительно опредѣленно формулировавъ ихъ и изложивъ на бумагѣ („redacta in scriptis“), то оказалось, что въ сущности они стояли на весьма легальной почвѣ, и все то, что было совершено ими въ пылу страсти, было признано ими самими беззаконіемъ, требующимъ кары, отъ которой можетъ освободить только королевское помилованіе.

Односторонній характеръ эссекской программы и исходъ майлъ-

[1]) *Chron. Angliae*, p. 294—295.

Библиотека "Руниверс"

эндскаго свиданія бросаютъ яркій свѣтъ на организацію возстанія. Въ виду подобныхъ фактовъ едва ли можетъ быть рѣчь о какой нибудь дисциплинѣ, необходимой для достиженія хотя бы нѣкотораго единства въ дѣйствіяхъ разнородныхъ элементовъ, присоединившихся къ движенію; тѣ зачатки организаціи, которые мы наблюдали у кентскихъ инсургентовъ, если и развились во что нибудь болѣе прочное, то во всякомъ случаѣ не связали кентскаго и эссекскаго возстаній въ одно организованное цѣлое и, по всей вѣроятности, даже совсѣмъ не распространились за предѣлы Кентскаго графства. Присутствіемъ у кентцевъ нѣкоторой организаціи, а также преимущественно политическимъ характеромъ ихъ программы, не нашедшимъ себѣ отвѣта въ освободительной грамотѣ, которою вполнѣ удовлетворились эссекскіе инсургенты, объясняется то, что они не послѣдовали примѣру этихъ послѣднихъ, какъ предлагалъ имъ сдѣлать король, и остались въ Лондонѣ, чтобы добиться осуществленія своихъ требованій. Къ сожалѣнію, источники не позволяютъ намъ дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ же именно заключались эти требованія. Основываясь на томъ, что мы уже знаемъ о программѣ кентскихъ инсургентовъ до вступленія ихъ въ Лондонъ, мы можемъ только сказать, что кентцы совмѣстно съ жителями Лондона явились на Смисфилдъ съ жалобами на дурное управленіе, на злоупотребленія правительства, его высшихъ сановниковъ и самыхъ мелкихъ агентовъ, на безконечные налоги, принимавшіе все новыя и новыя формы, и, повидимому, хотѣли добиться отъ короля какихъ нибудь болѣе или менѣе прочныхъ гарантій въ этомъ смыслѣ; выражаясь языкомъ сентъ-албанскаго монаха, они хотѣли „измѣнить королевство и его худые обычаи“ (pro regno regnique malis consuetudinibus immutandis) [1]); ничего болѣе опредѣленнаго мы сказать не можемъ.

Найтонъ, разсказывая о сценѣ на Смисфилдѣ, сообщаетъ, будто Уотъ Тайлеръ, между прочимъ, требовалъ превращенія въ общинную собственность всѣхъ лѣсовъ и рѣкъ въ королевствѣ [2]). Это извѣстіе даетъ намъ основаніе предполагать, что въ программу кентцевъ входили требованія и соціальнаго характера. Вопросъ объ угодьяхъ игралъ огромную роль

---

[1]) *Chron. Angliae*, p. 286.

[2]) „Petunt à rege ut omnes warrenae tam in aquis quam in parco et boscis communes fierent omnibus, ita ut libere posset, tam pauper quam dives, ubicunque in regno in aquis et stagnis piscariis et boscis et forestis feras capere, in campis lepores fugare, et sic haec et hujusmodi alia multa sine contradictione exercere...“ *Knighton*, col. 2636—2637.

Библиотека "Руниверс"

въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, и, въ виду захватовъ со стороны духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ, это былъ вопросъ наболѣвшій, порождавшій не мало гражданскихъ тяжбъ и уголовныхъ процессовъ, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи. Нужно было такъ или иначе разрѣшить его, и возстаніе 1381 года, поднявшее всѣ нерѣшенные вопросы, не могло обойдти и этого, существеннѣйшаго для всего сельскаго, да и городскаго, населенія вопроса. Въ данномъ случаѣ возставшіе поступили такъ же, какъ и съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ: сначала они сами, собственными средствами, рѣшили его, а затѣмъ обратились къ королю за легальною санкціей. При разказѣ о ходѣ возстанія намъ приходилось приводить факты разрушенія крестьянами и горожанами изгородей, поставленныхъ феодальными владѣльцами на ихъ общинныхъ пастбищахъ, засыпанія ими рвовъ, которыми были окопаны экспропріированные у нихъ общинные луга, завладѣнія заповѣдными лѣсами и парками, а также уничтоженія загородокъ, которыми были обозначены границы рыбныхъ садковъ, устроенныхъ сеньерами въ рѣкахъ и озерахъ; особенно много данныхъ этого рода сообщаютъ намъ, какъ мы видѣли, источники, откуда мы черпаемъ наши свѣдѣнія о возстаніи подданныхъ сентъ-албанскаго аббатства, что̀ объясняется совершенно исключительною обстоятельностью сентъ-албанскихъ хроникъ сравнительно съ другими находящимися въ нашемъ распоряженіи источниками [1]).

---

[1]) См. *Wals., H. A.*, p.p. 467—468, 470; *Gesta Abbatum*, v. III, p.p. 290, 303, 319, 325, 326, 326—327, 328, 329; см. также протоколъ объ отнятіи кэмбриджскими горожанами своего общиннаго пастбища, захваченнаго монахами бернвилскаго пріората (*Rec. Off.* Ch. H. Pl. 33. Cantebr'. Plac etc. 5 Ric. II. Ro. XII). Характернымъ является и королевскій патентъ отъ 22-го мая 5-го года царствованія Ричарда II-го, отправленный Уильяму de Skipwyth, Томасу Hungerford'у, Роджеру de Walisham, Роджеру de Boys и Джону Plays'у, въ которомъ король назначаетъ ихъ членами комиссіи для разслѣдованія безпорядковъ, происшедшихъ во владѣніяхъ герцога Ланкастерскаго. Герцогъ жаловался королю, что девятнадцать извѣстныхъ ему по именамъ лицъ (имена эти приведены) „ac quidam alii malefactores et pacis nostre perturbatores liberam Warennam ipsius Regis (Castelle et legionis ducis Lancastric) apud Gymmyngham Methewold Tonstede et Crabbegate vi et armis intraverunt et clausa domos et parcos sua ibidem fregerunt et in eisdem Warenna et parcis sine licencia et voluntate sua fugaverunt et in solo suo ibidem foderunt et terram inde projectam ac maeremium de domibus praedictis necnon alia bona et catalla sua ibidem inventa ad valenciam duarum millium librarum necnon leporos cuniculos phasianos et perdices de Warenna predicta ac feras de parcis predictis ceperunt et asportaverunt et viginti equos et viginti boves quinquaginta vaccas et mille oves suos precii ducentarum marcarum

Библиотека "Руниверс"

Требованіе, предъявленное королю Тайлеромъ на Смисфилдѣ, являлось весьма важнымъ дополненіемъ къ майль-эндской петиціи, трактуя объ одномъ изъ существенныхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы получившіе личную и экономическую свободу крестьяне могли вполнѣ ее осуществить, и мы съ полнымъ основаніемъ можемъ повторить слова современныхъ лѣтописцевъ, что на свиданіи съ королемъ Уотъ Тайлеръ просилъ короля *исправить и улучшить* грамоту, которую онъ раньше выдалъ возставшимъ [1]).

А между тѣмъ, дѣйствуй эссексцы и кентцы какъ организованное цѣлое, возникши возстаніе 1381-го года въ результатѣ заранѣе задуманнаго заговора, тщательно подготовленнаго путемъ энергичной и искусной пропаганды, какъ хотятъ увѣрить насъ нѣкоторые ученые, у нихъ была бы общая программа, принявшая во вниманіе, всесторонне обдумавшая и гармонически согласовавшая интересы всѣхъ возставшихъ; тогда и результаты движенія были бы иные, и факты подобные мирному удаленію эссексцевъ, лишь только они получили согласіе короля на то, о чемъ они просили его въ своей петиціи, поданной ему на Майль-Эндѣ, едва ли были бы возможны.

Такимъ образомъ, у инсургентовъ Эссекса, Кента и Лондона (включая и графства Миддльсексъ и Сэррэй), у жителей смежныхъ территорій, не оказалось ни общей организаціи, ни общей программы, и даже когда имъ пришлось дѣйствовать общей массой внутри столицы, даже и это обстоятельство не сплавило ихъ въ организованное цѣлое, и части конгломерата продолжали сохранять свою индивидуальность и дѣйствовали каждая на свой страхъ, не получая направляющаго импульса изъ общаго центра. Это дало возможность правительству и правящимъ классамъ очень скоро, даже, можно сказать, совершенно неожиданно для себя, разъединить случайно соединившіяся силы и, устранивъ такимъ образомъ самый критическій моментъ.

---

ibidem inventos ceperunt et abduxerunt et cartas scripta rotulos et alia munimenta sua ibidem inventa combusserunt et in homines et servientes suos ibidem insultum fecerunt et ipsos verberaverunt, vulneraverunt et male tractaverunt per quod idem Rex servicium eorumdem hominum et servientum suorum per magnum tempus amisit et alia enormia ei intulerunt ad grave dampnum ipsius Regis et contra pacem nostram", *Rec. Office.* Patent Roll 5 Ric. II. Part 2. m. 12. d.

[1]) „Et statim unus de ducibus eorum Watte Tailar capite cooperto cum torvo vultu Regem processit, petens ab eo ore minatim praecipiendo literas, quas eis concesserat, meliorari et corrigi", *Mon. Evesh.*, p. 29; „...et Walterus tegulator capicinus accessit ad regem, dicens, se velle emendare cartam libertatis quam ex sibi alias tradidit", *Eulogium*, III, p. 353—354.

Библиотека "Руниверс"

затѣмъ безъ особеннаго уже затрудненія окончательно раздавить по началу грозное движеніе. Если мы разсмотримъ, что представляли собою, съ точки зрѣнія программы и организаціи, возстанія въ другихъ англійскихъ графствахъ, то заключеніе, къ которому мы только что пришли, получитъ только дальнѣйшее подтвержденіе.

Гертфордширъ, Бедфордское графство, Сэффолькъ, Норфолькъ и Кэмбриджское графство—мѣстности, ближайшія къ центру движенія; съ нихъ поэтому и слѣдуетъ начинать исканіе отвѣта на поставленный вопросъ.

Разказывая о ходѣ возстанія въ названныхъ графствахъ, мы видѣли, что въ каждомъ изъ нихъ оно носило по крайней мѣрѣ внѣшніе признаки нѣкоторой организаціи: въ каждомъ изъ нихъ возставшіе постепенно соединялись въ большіе отряды, во главѣ которыхъ стояли предводители, повидимому, пользовавшіеся авторитетомъ и вводившіе нѣкоторую дисциплину въ ряды инсургентовъ. Мало того. Мы видѣли даже намеки на болѣе широкую организацію. Напомнимъ эти данныя. Главнымъ вождемъ сэффолькскаго возстанія былъ, какъ мы знаемъ, капелланъ изъ Сэдбэри Джонъ Роу. Судебный протоколъ сообщаетъ, что въ среду, 12-го іюня, онъ явился въ Листонъ возлѣ Мелфорда въ Сэффолькскомъ графствѣ и немедленно сталъ во главѣ расположившейся у Листона огромной толпы изъ жителей Эссекса, Гертфордшира, Сэффолька и Норфолька [1]). Рыцарь Роджеръ Бэконъ, одинъ изъ главныхъ предводителей норфолькскихъ инсургентовъ, у котораго въ отрядѣ были и сэффолькцы, подступаетъ къ г. Ярмуту и заставляетъ ярмутскихъ горожанъ выдать ему королевскую грамоту о вольностяхъ ихъ города; грамоту эту онъ разрываетъ на двѣ части, одну часть оставляетъ у себя, а другую отсылаетъ Джону Роу и другимъ, которые дѣйствовали съ нимъ въ Сэффолькѣ [2]). Капелланъ Джонъ Майкелъ прежде, чѣмъ сдѣлаться однимъ изъ руководителей возстанія на о. Или, былъ помощникомъ (subductor) Джона Роу въ Сэффолькѣ [3]). Робертъ Тэнеллъ, одинъ изъ вождей сэффолькскихъ инсургентовъ, дѣйствовалъ съ своимъ отрядомъ въ Кэмбриджширѣ (въ окрестностяхъ Кэмбриджа и на о. Или) и въ Гэнтингдонскомъ графствѣ [4]). Факты эти не оставляютъ сомнѣнія, что нѣкоторые признаки

---

[1]) *Rec. Office.* Cor. R. R. Easter 5 Ric. II Rot. XXVI. Suff'.
[2]) *Rec. Office.* Cor. R. R. Hilary 5 Ric. II т. XIX Norff'.
[3]) *Rec. Office.* Ch. H. Pl. 33. Cantebr' Plac etc. 5 Ric. II. Ro. X.
[4]) *Ibid.*

Библиотека "Руниверс"

общей организаціи дѣйствительно успѣли уже намѣтиться у инсургентовъ, дѣйствовавшихъ въ Сэффолькѣ, Норфолькѣ, Кэмбриджширѣ и Гэнтингдонскомъ графствѣ, что капелланъ Джонъ Роу былъ, повидимому, центромъ ея.

Ничто, однако, не говоритъ, чтобы эта организація преслѣдовала опредѣленную положительную общую цѣль и чтобы ей удалось направить силы возставшихъ къ осуществленію этой цѣли. Въ каждомъ изъ названныхъ графствъ возставшіе преслѣдуютъ свои мѣстныя цѣли, дробящіяся въ свою очередь на цѣлый рядъ отдѣльныхъ интересовъ, далеко не всегда укладывающихся въ категорію расправы съ королевскими измѣнниками и уничтоженія основъ крѣпостнаго права. Особенно это слѣдуетъ сказать о городахъ, примкнувшихъ къ возстанію, напримѣръ, о Кэмбриджѣ и Эдмондсбэри. И тотъ, и другой только эксплуатируютъ возстаніе, пользуясь силами вооруженнаго народа для своихъ исключительно городскихъ цѣлей: кэмбриджскіе горожане, заключивъ союзъ съ полчищами инсургентовъ, собравшихся въ окрестностяхъ ихъ города, направляютъ ихъ на университетъ, производятъ разгромъ въ его коллегіяхъ и заставляютъ университетское начальство выдать имъ всѣ грамоты королей и другіе документы, опредѣлявшіе феодальныя права, вольности и привилегіи университета, а также дать имъ обязательства, что университетъ отказывается отъ всякихъ исковыхъ претензій, имѣющихъ основаніе какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ, и освобождаетъ ихъ, на свои средства, отъ всѣхъ обязательствъ въ отношеніи къ королю и другимъ лицамъ, возникшихъ вслѣдствіе споровъ и тяжбъ между университетомъ и горожанами; горожане Эдмондсбэри, пользуясь присутствіемъ въ ихъ городѣ инсургентовъ Джона Роу, направляютъ ихъ на мѣстное аббатство и заставляютъ монаховъ выдать имъ грамоты, которыми англійскіе короли утвердили за монастыремъ его феодальныя права, а также обязательства, когда то выданныя горожанами монахамъ, и требуютъ грамоты городскихъ вольностей, пожалованныя горожанамъ королями, начиная съ короля Кнута. Ни у кэмбриджцевъ, ни у эдмондсбэрійцевъ нѣтъ и мысли объ общихъ задачахъ возстанія; ихъ, повидимому совсѣмъ не занимало то, что происходило въ столицѣ.

Такое же впечатлѣніе производитъ въ общемъ и все движеніе въ выше названныхъ графствахъ. Въ сущности одинъ только фактъ—разгромъ отрядомъ Роу усадьбы извѣстнаго Ричарда Лайэнса въ Листонѣ (въ Сэффолькѣ)—какъ будто говоритъ о болѣе широкомъ

Библиотека "Руниверс"

политическомъ сознаніи возставшихъ, о ихъ способности выйдти на время изъ узкихъ рамокъ чисто мѣстныхъ интересовъ. Но, во-первыхъ, фактъ этотъ слишкомъ единиченъ, чтобы изъ него можно было дѣлать выводы для общей характеристики, а во-вторыхъ, онъ не свидѣтельствуетъ объ организаціонной связи движенія въ упомянутыхъ графствахъ съ центромъ возстанія и не ослабляетъ свидѣтельства всѣхъ другихъ фактовъ, не позволяющихъ намъ предполагать, чтобы у руководителей этого движенія было намѣреніе вести свои дружины къ столицѣ для соединенія съ инсургентами Эссекса, Кента и Лондона. Уже одно направленіе, по которому двигался отрядъ главнаго руководителя возстанія Джона Роу, не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній: вмѣсто того, чтобы двигаться къ югу и къ юго-западу, онъ двигался къ сѣверу, и притомъ вовсе не спѣша, останавливаясь для грабежа, гдѣ чувствовалъ богатую добычу, и комфортабельно располагаясь на зеленомъ лугу гдѣ нибудь у Мелфорда, чтобы распить бочку краснаго вина (pipam vini rubei), отпущенную сосѣднимъ кабатчикомъ подъ закладъ награбленныхъ вещей.

Переходя къ Гертфордскому графству, еще болѣе близко расположенному къ центру движенія, мы еще болѣе поражаемся партикуляризмомъ поднятаго въ немъ возстанія. Центромъ этого возстанія, какъ мы знаемъ, былъ городъ Сентъ-Албансъ. Сентъ-албанскіе горожане хвалились, что съ ними въ союзѣ тридцать двѣ общины, и это было не простое хвастовство. О чемъ, однако, хлопочутъ сентъ-албанцы и ихъ союзники? Исключительно о своихъ собственныхъ интересахъ. И имъ, какъ и жителямъ разсмотрѣнныхъ нами графствъ, знакомы всѣ лозунги и пароли возстанія. Мало того: они даже отправляются въ столицу, не доходя до нея, у Гайбери даютъ клятву вѣрности дѣлу революціи Джэку Строу, находившемуся здѣсь съ двадцатитысячнымъ отрядомъ, но, прибывъ въ Лондонъ, останавливаются у церкви св. Маріи на Чипсайдѣ (St. Mary-le-Bow) и начинаютъ совѣщаться о своихъ собственныхъ дѣлахъ, о тѣхъ правахъ и вольностяхъ, которыхъ они хотятъ добиться отъ сентъ-албанскаго аббатства, объ общинномъ выгонѣ, о правѣ ловить рыбу и охотиться въ водахъ и лѣсахъ, захваченныхъ монахами въ частное владѣніе, о правѣ молоть хлѣбъ на ручныхъ мельницахъ, а не на мельницѣ аббата, о муниципальныхъ правахъ города Сентъ-Албанса и т. п. [1]), и о томъ, къ какимъ средствамъ обратиться, чтобы успѣшнѣе добиться своихъ

[1]) *Chron. Angl.*, p. 299. См. предыдущую главу.

Библиотека "Руниверс"

цѣлей. Рѣшено было обратиться одновременно къ королю и къ Тайлеру. Король согласился выдать имъ грамоту, повелѣвающую аббату исполнить требованія возставшихъ, а Тайлеръ, съ своей стороны, обѣщалъ сентъ-албанцамъ вооруженное содѣйствіе, если въ немъ окажется надобность. Лишь только сентъ-албанскіе инсургенты получили эти обѣщанія, они ни минуты дольше не сочли нужнымъ оставаться въ Лондонѣ и немедленно отправились обратно въ Сентъ-Албансъ. Такимъ образомъ, они просто воспользовались общимъ возстаніемъ, чтобы обдѣлать свои собственныя дѣла. Весьма характернымъ въ этомъ смыслѣ является разговоръ одного изъ руководителей возстанія Ричарда Уолингфорда съ аббатомъ. Уолингфордъ привезъ аббату королевскую грамоту, о которой только что была рѣчь. Прочтя грамоту, аббатъ заявилъ Уолингфорду, что всѣ требованія горожанъ и другихъ подданныхъ монастыря незаконны, что онъ можетъ представить документы, доказывающіе это. Уолингфордъ заявилъ на это, что въ настоящее время вся власть перешла къ общинамъ, для которыхъ законы не имѣютъ никакого значенія („communes jam pro tempore dominari, leges penitus non curare"), и совѣтовалъ аббату лучше подумать о вооруженной толпѣ, стоявшей у воротъ монастыря, которая еще можетъ увеличиться двадцатью тысячами подъ начальствомъ самого Тайлера, если только аббатъ будетъ упорствовать и ссылаться на законы [1]).

То немногое, что намъ извѣстно о движеніи въ остальныхъ графствахъ, еще меньше свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы у него была общая программа и организація. Возстаніе дэнстэблскихъ горожанъ въ Бедфордширѣ можетъ быть приведено въ качествѣ типичнаго, хотя и нѣсколько карикатурнаго примѣра. Намъ уже приходилось сообщать о томъ, какъ дэнстеблскіе купцы, поднявшіе возстаніе противъ дэнстэблскаго монастыря, заставили пріора этой обители выдать имъ грамоту о городскихъ вольностяхъ Дэнстэбла и, между прочимъ, внушили ему включить въ эту грамоту статью, воспрещавшую жителямъ сосѣднихъ селъ и деревень продавать мясо и рыбу въ предѣлахъ города, статью, едва не вызвавшую

[1]) „Considerate", inquiunt, „ad millia populi ante fores Monasterii festinum responsum praestolantis, qui in nos proculdubio suum furorem convertent, si diutius immorati fuerimus pro hac causa; aut enim decreverunt obtenire petita repente, aut pro Waltero Tylere nuncios mittere, ut cum viginti millibus veniat, in subversionem loci istius, et periculum capitum monachorum", *Gesta Abbatum*, v. III, p. 307.

Библиотека "Руниверс"

кровопролитія въ раздраженной толпѣ, возмущенной такимъ беззастѣнчивымъ посягательствомъ городскихъ нотаблей на ея карманы. Тутъ ужъ не можетъ быть и рѣчи о широкихъ горизонтахъ, о безкорыстіи, соціальномъ энтузіазмѣ. Не многимъ лучше обстояло дѣло въ Йоркѣ, Скарборо, Беверли или въ Бриджуотерѣ. Во всѣхъ этихъ городахъ возставшіе сводили свои мѣстные счеты, вовсе не думая объ общемъ дѣлѣ: въ первыхъ трехъ городахъ (Йоркскаго графства) произошла борьба городской массы съ probiores и magis sufficientes burgenses, захватившими въ свои руки руководство городскими дѣлами и экономическое преобладаніе, въ послѣднемъ (Бриджуотеръ въ Сомерсетширѣ) горожане заставили представителей ордена госпитальеровъ возвратить выданное имъ городомъ обязательство и отказаться въ пользу приходской церкви въ городѣ отъ всѣхъ jura et proficua, которыми пользовался здѣсь орденъ [1]). Единственный фактъ, который сообщаютъ намъ наши источники о возстаніи въ Беркширѣ, состоитъ въ томъ, что клирикъ Давидъ Колуилъ, собравъ толпу беркширскихъ инсургентовъ, отправляется въ деревню Cleobury и сгоняетъ съ прихода мѣстнаго священника Уилльяма Солсбэри, чтобы захватить приходъ въ свои руки.

Всѣ приведенные нами факты и соображенія позволяютъ намъ утверждать, что возстаніе 1381 года возникло безъ заранѣе составленнаго заговора, безъ заранѣе выработанной программы и безъ заранѣе образовавшейся организаціи, что и программа, и организація развивались по мѣрѣ развитія самого движенія, даже идя позади его, не поспѣвая за нимъ, и не успѣли объединить возставшихъ въ организованное цѣлое, дѣйствующее по одному опредѣленному общему плану, стремящееся къ осуществленію общихъ для всѣхъ или по крайне мѣрѣ гармонически согласованныхъ цѣлей.

II.

Расправа съ „королевскими измѣнниками“, олицетворявшими административный произволъ, фискальный гнетъ и судебную неправду, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной неволи, вилланства, какъ путемъ истребленія документовъ, служившихъ юридическимъ основаніемъ ихъ личной и экономической несвободы, зависимости отъ свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ, такъ и силою королевскаго

[1]) См. предыдущую главу.

Библиотека "Руниверс"

указа, переводъ на деньги всѣхъ натуральныхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянской землѣ какъ виллановъ, такъ и свободныхъ держателей, установленіе нормы арендной платы за землю въ 4 пенса за акръ, возвращеніе крестьянамъ общинныхъ угодій, захваченныхъ въ частную собственность и пользованіе ихъ сеньерами, и освобожденіе внутренней торговли отъ всѣхъ феодальныхъ стѣсненій, крайне затруднявшихъ уже значительно развившійся гражданскій оборотъ англійскаго общества,—вотъ основное содержаніе того, что можно назвать программой возстанія, поднятаго въ 1381-мъ году отъ имени короля Ричарда его вѣрными общинами, и что сообщило инсургентамъ, дѣйствовавшимъ въ разныхъ графствахъ англійскаго королевства, если не единство организаціи, то по крайней мѣрѣ значительное единство стремленій, позволяющее намъ разсматривать всю совокупность фактовъ, описанныхъ нами въ предыдущей главѣ, какъ нѣчто цѣлое, поддающееся объясненію изъ общихъ причинъ, изъ общихъ матеріальныхъ и культурныхъ процессовъ, которыми опредѣлялась эволюція англійскаго общества и государства. Если мы прибавимъ къ этому перечню борьбу присоединившихся къ возстанію городовъ за муниципальную свободу, а также классовую борьбу, происходившую внутри нѣкоторыхъ изъ нихъ, то намъ въ сущности ничего больше не остается сказать для характеристики той, какъ увидимъ еще болѣе впослѣдствіи, совершенно реальной почвы, на которой стояла масса возставшаго народа.

Но на ряду съ этою основною программой, выражавшею стремленія и требованія огромнаго большинства, возставшіе выставили еще и другую программу, заключавшую въ себѣ рядъ положеній гораздо болѣе крайняго характера, къ тому же въ весьма значительной мѣрѣ проникнутыхъ отвлеченнымъ духомъ теоріи, исходившей не столько отъ данныхъ конкретной дѣйствительности, сколько отъ общихъ положеній соціально-религіозной доктрины.

Отчасти мы уже знакомы съ этою радикальной программой: содержаніе *Исповѣди* Джэка Строу и общій характеръ проповѣдей Джона Болла, „сумасшедшаго англійскаго попа изъ Кентскаго графства“ („uns fols prestres d'Engleterre, de la conté de Kent“), какъ его энергично именуетъ Фруассаръ [1]), были уже трактованы въ предшествующихъ главахъ. Разбирая содержаніе *Исповѣди* въ связи со свидѣтельствами другихъ источниковъ, мы, если помнитъ читатель, пришли къ

[1]) *Froissart*, IX, p. 388.

Библиотека "Руниверс"

заключенію, что ею можно пользоваться вполнѣ безопасно, что въ ней слѣдуетъ видѣть литературное переложеніе подлиннаго документа [1]). Мимоходомъ мы указали и на то, что свѣдѣнія, сообщаемыя сентъ-албанскимъ монахомъ о дѣятельности Джона Болла и о его ученіи, также вполнѣ заслуживаютъ довѣрія, находя себѣ подтвержденіе и дополненіе какъ въ данныхъ другихъ хроникъ, такъ и въ показаніяхъ вполнѣ офиціальныхъ документовъ. Намъ необходимо теперь подвергнуть подробному разсмотрѣнію показанія Строу и пропаганду Болла, чтобы выяснить основные пункты радикальной программы и установить связь ея какъ съ умѣренною программой большинства, уже нами разсмотрѣнною, такъ и съ идеями, уже много лѣтъ предъ тѣмъ распространявшимися Болломъ среди англійскаго народа.

Напомнимъ содержаніе *Исповѣди*. Когда инсургенты, стоя на Блэкгизсѣ, послали за королемъ, то ихъ намѣреніемъ было, по словамъ Строу, завладѣть особой короля, перебивъ для этого всѣхъ рыцарей, оруженосцевъ и прочихъ дворянъ, которые явятся съ нимъ въ качествѣ его свиты. Захвативъ въ свои руки короля, они стали бы оказывать ему всѣ царскія почести („inter nos regaliter exhibitum in universis“) и, переѣзжая съ нимъ съ мѣста на мѣсто по всему королевству, дали бы тѣмъ понять народу, что самъ король стоитъ во главѣ возстанія. Такимъ путемъ они надѣялись привлечь на свою сторону огромную массу простаго народа и тогда приступили бы къ выполненію задуманнаго плана. Планъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Возставшіе намѣревались умертвить всѣхъ свѣтскихъ сеньеровъ (dominos), которые бы вздумали оказать имъ сопротивленіе или имѣли противъ нихъ злой умыселъ. Та же участь грозила госпитальерамъ и всѣмъ духовнымъ землевладѣльцамъ (cunctos possessionatos): епископамъ, монахамъ, каноникамъ, а также настоятелямъ приходовъ (rectores insuper ecclesiarum). Изъ всего духовнаго сословія остались бы въ живыхъ одни нищенствующіе монахи (soli mendicantes), и ихъ было бы вполнѣ достаточно для удовлетворенія религіозныхъ потребностей всего народа („qui sufficissent pro sacris celebrandis aut conferendis universae terrae“). Перебивъ, такимъ образомъ, всѣхъ, кто могъ быть значительнѣе, храбрѣе или ученѣе ихъ („cum vero nullus major, nullus fortior, nullus scientior, nobis superfuissent“), инсургенты собирались издать для себя новые законы („leges condidissimus ad placitum“) и во главѣ каждаго графства поставить особаго короля.

[1]) См. главу вторую.

Библиотека "Руниверс"

при чемъ кентскимъ королемъ они избрали бы Уота Тайлера. Архіепископъ помѣшалъ имъ осуществить этотъ планъ (припомнимъ его совѣтъ королю не высаживаться на берегъ къ „босоногимъ разбойникамъ"), и они рѣшили предать его смерти. Вечеромъ того дня, когда былъ убитъ Уотъ Тайлеръ, инсургенты, имѣя на своей сторонѣ лондонское простонародье, преимущественно бѣднѣйшихъ, собирались зажечь столицу съ четырехъ концовъ, предать ее грабежу и затѣмъ раздѣлить между собою всѣ ея богатства [1]).

Когда въ одной изъ предшествующихъ главъ мы разбирали *Исповѣдь* съ критической точки зрѣнія, намъ приходилось сопоставлять отдѣльныя показанія Строу съ соотвѣтствующими свидѣтельствами другихъ источниковъ и видѣть, что всѣ эти свидѣтельства очень часто являются почти перифразомъ того, что мы находимъ въ текстѣ *Исповѣди*. Это дало намъ основаніе утверждать, что Строу дѣйствительно открылъ на судѣ намѣренія инсургентовъ, что его показанія, какъ и показанія другихъ участниковъ возстанія (напримѣръ Джона Роу), были записаны въ протоколъ и затѣмъ подверглись литературной переработкѣ подъ перомъ сентъ-албанскаго монаха. Теперь мы можемъ прибавить къ этому, что тотъ же протоколъ былъ, по всей вѣроятности, тѣмъ источникомъ, откуда почерпнули свои отрывочныя свѣдѣнія о крайнихъ намѣреніяхъ возставшихъ и другіе лѣтописцы—Найтонъ, Фруассаръ (не говоря уже объ ивэмскомъ монахѣ, приводящемъ даже текстъ Confessio Johannis Straw по с.-албанскому хроникёру), можетъ быть, поэтъ Гауэръ, а также составители парламентской петиціи, поданной королю въ седьмой годъ его царствованія [2]).

Прежде, чѣмъ перейдти къ рѣшенію поставленной нами задачи, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать еще одно критическое замѣчаніе. Слова Строу, будто инсургенты рѣшили убить архіепископа кентербэрійскаго за то, что онъ „помѣшалъ осуществленію плана" ихъ („quia istud nostrum propositum impeditum fuit per archiepiscopum"), находящіяся въ такомъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно объ отношеніи возставшихъ къ этому канцлеру королевства, „разорителю простаго народа", наводятъ насъ на мысль, что точность не была отличительною особенностью показаній Строу, что, впрочемъ, можетъ быть, находится въ нѣкоторой зависимости отъ самого содержанія этихъ показаній, отъ того, что Строу приходилось, можетъ

[1]) *Chron. Angliae*, 309—310.
[2]) *Rot. Parl.*, v. III, p. 175.

Библиотека "Руниверс"

быть, впервые давать себѣ и другимъ полный отчетъ въ томъ, что рисовалось ему и его соратникамъ въ далеко не ясныхъ очертаніяхъ.

Въ *Исповѣди* Строу едва ли можно видѣть изложеніе вполнѣ опредѣленной программы одной вполнѣ организованной группы. Кажется, какъ будто всѣ крайнія тенденціи революціи 1381 года нашли въ ней свою формулировку. Рядомъ съ безспорно идейными стремленіями секуляризаціоннаго и соціалистическаго характера мы встрѣчаемъ здѣсь чисто анти-соціальное намѣреніе разграбить Лондонъ, свойственное не „ревнителямъ правды и справедливости", но ворамъ и разбойникамъ, какъ выпущеннымъ инсургентами изъ всѣхъ тюремъ Лондона и другихъ городовъ и деревень, черезъ которые они проходили, такъ и не успѣвшимъ еще попасть въ руки правосудія. Не смотря однако на эту мозаичность *Исповѣди*, объясняющуюся, какъ намъ кажется, только что приведеннымъ соображеніемъ, все же въ ней можно выдѣлить элементы, которые представляютъ собою части нѣкотораго цѣлаго, можетъ быть, и не вполнѣ опредѣленнаго въ своихъ подробностяхъ, но все же достаточно яснаго въ своихъ основныхъ очертаніяхъ, въ особенности при томъ свѣтѣ, какой бросаетъ на него ученіе Джона Болла.

Намъ уже приходилось отмѣтить фактъ, весьма характерный для возстанія 1381 года,—полное отсутствіе біографическихъ свѣдѣній о главныхъ дѣятеляхъ его. Единственное исключеніе представляетъ Джонъ Боллъ. Источники не поскупились сообщить намъ цѣлый рядъ крайне интересныхъ данныхъ, которыя знакомятъ насъ съ жизнью и дѣятельностью Болла до того, какъ онъ вмѣстѣ съ Уотомъ Тайлеромъ и другими сталъ во главѣ инсургентовъ, а также позволяютъ намъ опредѣлить ту роль, которую онъ игралъ въ возстаніи въ качествѣ одного изъ его руководителей.

Первыя извѣстія о Джонѣ Боллѣ относятся еще къ 1366 году. До слуха Симона Лэнгэма (Langham), занимавшаго въ то время каѳедру архіепископа кентербэрійскаго, дошло („ad nostrum pervenit auditum, fama publica referente"), что въ предѣлахъ его непосредственной юрисдикціи какой то Джонъ Боллъ, едва ли по праву именующій себя священникомъ („quidem Iohannes Balle presbyterum se praetendens"), проповѣдуетъ многоразличныя заблужденія и соблазны („multiplices errores et scandala praedicet") на погибель какъ своей душѣ, такъ и душамъ тѣхъ, кто ему покровительствуетъ, а также къ явному соблазну всей церкви („tam in animae suae et ipsius in hac parte fautorum animarum salutis dispendium, quam universalis eccle-

Библиотека "Руниверс"

siae scandalum manifestum"). Архіепископъ шлетъ приказъ бокингскому декану (decano de Bockyng) и всѣмъ настоятелямъ (rectoribus), викаріямъ и приходскимъ капелланамъ того же округа Бокингъ, чтобы они запрещали своимъ прихожанамъ присутствовать на проповѣдяхъ Болла („eis peremptorie inhibendo, ne quis eorum praedicationibus dicti Johannis interesse praesumat"); сначала они должны воздѣйствовать на своихъ прихожанъ путемъ увѣщаній, затѣмъ, въ случаѣ ослушанія, подвергать ихъ большому отлученію (sub poena excommunicationis majoris) и, наконецъ, привлекать ихъ къ суду архіепископа. Тѣ же лица должны представить на судъ архіепископа и Джона Болла, и Боллъ долженъ будетъ дать здѣсь отвѣтъ на нѣкоторые вопросные пункты, касающіеся исправленія и спасенія его души, которые предложитъ ему архіепископъ, и взять на себя обязательство во всемъ повиноваться закону [1]).

Удалось ли бокингскому декану и подвѣдомственнымъ ему настоятелямъ, викаріямъ и капелланамъ задержать Болла и представить его на судъ примаса Англіи, а также, насколько оказались дѣйствительными мѣры, рекомендованныя архіепископомъ для того, чтобы отбить охоту у ихъ прихожанъ слушать проповѣди, завѣдомо опасныя для ихъ будущей жизни, мы не знаемъ. Прошло десять лѣтъ. За все это время источники наши ни словомъ не обмолвились о Джонѣ Боллѣ. Но вотъ, 13-го декабря 1376 года король Эдуардъ III въ пятидесятый годъ своего царствованія снаряжаетъ комиссію изъ пяти лицъ (въ составъ ея вошли два священника—Роберть Adewyne изъ Пэнтфилда и Реджиналдъ изъ parva Teye—и Томасъ Джойсъ изъ Колчестера, Джонъ Блайтонъ изъ того же города и Джонъ Флечэмъ изъ Shaldeford'a) и поручаетъ ей разыскать Болла и препроводить его къ шерифу Эссекскаго графства, чтобы тотъ арестовалъ его и держалъ подъ стражей, пока онъ не дастъ удовлетворенія святой церкви за ослушаніе и обиды, ей нанесенныя. Сдѣлать такое распоряженіе побудило короля письмо архіепископа кэнтербэрійскаго Симона Сэдбэри, въ которомъ архіепископъ доводитъ до свѣдѣнія Эдуарда, что капелланъ его діоцеза Джонъ Боллъ за свое явное непослушаніе от-

[1]) „Citeris insuper, seu citari faciatis peremptorie dictum Iohannem Balie, quod comparent personaliter coram nobis aliquo certo die juridico, quem sibi videritis praefigendum, super certis articulis et interrogatoriis correctionem et salutem animae suae tangentibus, ex officio nostro eidem objiciendis, responsurum, et de veritate dicenda, si oporteat, personaliter juraturum, et juri in omnibus parituru m", *Wilkins, Concilia*, vol. III, p. 64—65.

Библиотека "Руниверс"

лученъ имъ отъ церкви, но не желаетъ подчиняться церковной дисциплинѣ. Всѣ шерифы, мэры, бэйлиффы и другіе слуги короля и его вѣрные подданные должны оказать свое содѣйствіе комиссіи въ задержаніи непокорнаго капеллана [1]).

Но и вмѣшательство королевской власти, обязательное, по словамъ короля, въ случаяхъ раздоровъ, происходящихъ внутри святой церкви („potestas regia sacrosancte ecclesie in querelis suis deesse non debet"), оказалось, повидимому, безъ результатовъ. „До нашего слуха дошло, пишетъ 26-го апрѣля 1381 года тотъ же архіепископъ Симонъ Сэдбэри своему генеральному комиссару кентербэрійской провинціи (commissario nostro Cantuar. generali) и оффиціалу кентербэрійскаго архидіакона (ac archidiaconi nostri Cant. officiali), а также всѣмъ настоятелямъ, викаріямъ и заступающимъ ихъ мѣсто (et eorum loca tenentibus) и капелланамъ (ac capellanis curatis et non curatis) церквей, находящихся подъ его непосредственною юрисдикціей, „что нѣкій схизматикъ, господинъ Джонъ Боллъ, именующій себя пресвитеромъ,... не боится узурпировать въ свою пользу право и обязанность церковной проповѣди (quidam schismaticus dominus Iohannes Balle, presbyterum se praetendens, cum doctorum et praedicatorum ordo sit quasi praecipuus, in ecclesia sibi praedicationis officium usurpare non veretur)", не имѣя на то никакого разрѣшенія ни со

---

[1]) *Record Office.* Patent Roll. 50 Edw. III. Part. II. A tergo m. 8. De excommunicato capiendo: Rex dilectis Roberto Adewyne persone ecclesie de Pantfeld Reginaldo persone ecclesie de parva Teye Thome Joyce de Colcestr' Iohanni Blyton de Colcestr' et Iohanni Flecham de Shaldeford salutem. Significavit nobis Venerabilis pater Simon Archiepiscopus Cantuariensis totius Anglie Primas per literas suas patentes quod Iohannes Balle Capellanus sue dioc' propter manifestam contumaciam suam auctoritate ipsius Archiepiscopi ordinaria excommunicatus est nec se vult per censuram ecclesiasticam justiciari. Quia vero potestas regia sacrosancte ecclesie in querelis suis deesse non debet, assignavimus vos conjunctim et divisim ad prefatum Iohannem ubicumque inveniri potorit capiendum et vicecomiti nostro Essex' per indenturam liberandum ad ipsum Iohannem per corpus suum secundum consuetudinem Anglie justiciandum donec sancte ecclesie tam de contemptu quam de injuria ei illata ab eo fuerit satisfactum. Et ideo vobis et cuilibet vestrum mandamus quod circa premissa diligenter intendatis in forma predicta. Damus autem prefato vicecomiti ac aliis vicecomitibus majoribus Ballivis ministris et fidelibus nostris infra libertates et extra tenore presentium in mandatis quod vobis et cuilibet vestrum in premissis faciend' et exequend' ut predictum est intendentes sint respondentes consulentes et auxiliantes quociens et prout per vos vel aliquem vestrum fuerint super hoc premuniti ex parte nostra. In cujus etc. Teste Rege apud Westm' XIII die Decembris.

Библиотека "Руниверс"

стороны апостольскаго престола, ни со стороны епископа своего діоцеза. „Предшественникъ нашъ, досточтимый господинъ Симонъ Ислипъ (Islip), будучи архіепископомъ кентербэрійскимъ (отъ 1349 по 1366 годъ), отлучилъ отъ церкви вышеназваннаго бродягу Джона Болла за заблужденія и расколоученія, которыя онъ сѣялъ („praedictum vagabundum Iohannem Balle, propter errores et schismata per eum seminata, publice excommunicatum fecit denunciari")"; то же сдѣлали и суффраганы архіепископа въ своихъ діоцезахъ и самъ нынѣшній архіепископъ, который былъ тогда епископомъ лондонскимъ, и отлученіе это никогда не было снято съ Болла, да онъ и не безпокоился объ этомъ („a quibus quidem excommunicationum sententiis beneficium absolutionis nunquam obtinuit, seu obtinere curavit"). „И вотъ теперь, подобно волку, избѣгающему засадъ охотниковъ", продолжаетъ архіепископъ, которому, какъ и его собратьямъ, повидимому, не чужды были благородныя утѣхи рыцарской жизни, „онъ направился къ предѣламъ нашего діоцеза и здѣсь иногда въ церквахъ и на погостахъ, противъ желанія настоятелей этихъ церквей, а иногда и на общественныхъ рынкахъ возлѣ торговыхъ рядовъ и въ другихъ неосвященныхъ мѣстахъ, услаждая слухъ мірянъ поносительными рѣчами, говоритъ вещи, позорящія какъ нашу персону, такъ и другихъ прелатовъ и церковниковъ, и, что̀ еще болѣе достойно порицанія, поднявъ глаза къ небу, о самомъ верховномъ первосвященникѣ дерзаетъ высказываться дурно и нестерпимымъ для благочестивыхъ ушей образомъ и не боится проповѣдывать многія заблужденія и расколоученія и развивать мысли, которыя являются чистѣйшею ересью, а также учить и другимъ несообразностямъ, которыя мы считаемъ необходимымъ пройдти молчаніемъ" [1]). „Не желая, чтобы порокъ тайно прокрадывался подъ видомъ добродѣтели, и желая обуздать нескаванную дерзость этого пославателя" (nolentes igitur vitia occulte sub virtutis specie subintrare, ac hujusmodi praesumptorem a

[1]) „iamque more vulpino insidias fugiens venatorum, ad nostram dioec. se divertit, ibique aliquando in ecclesiis et coemeteriis, praeter et contra ipsarum ecclesiarum praesidentium voluntatem, aliquando ad macellas in publicis mercatis, et aliis locis profanis auros mulcendo laicorum opprobriis, et scandala tam de persona nostra, quam aliorum praelatorum et virorum ecclesiasticorum, et, quod nequius est, os in caelum ponendo, de ipso summo pontifice sinistra et piis auribus detestanda nonnullaque errores et schismata, et talia, quae haereticam sonant pravitatem, et alia enormia quae ex causa silentio duximus praetermittenda, praedicare et dogmatizare nullatenus pertimescit".

Библиотека "Руниверс"

suis nefandis ausibus refraenare volentes), архіепископъ приказываетъ названнымъ выше лицамъ, чтобы они въ своихъ церквахъ и въ другихъ мѣстахъ торжественно и всенародно провозглашали Джона Болла, „скорѣе схизматика и отступника, чѣмъ пресвитера", отлученнымъ отъ церкви [1]). Архіепископъ грозитъ большимъ отлученіемъ тѣмъ изъ своихъ пасомыхъ, кто вздумаетъ оказывать Боллу какое нибудь содѣйствіе совѣтомъ, помощью или благорасположеніемъ или станетъ слушать его проповѣди [2]).

Таковы свидѣтельства офиціальныхъ документовъ. Осторожности архіепископовъ мы обязаны молчаніемъ документовъ о томъ, въ чемъ же именно состояли тѣ соблазны, расколоученія и ереси, которыми Боллъ прельщалъ слухъ мірянъ, стекавшихся на его проповѣди въ церкви и на рыночныя площади. Лѣтописцы, менѣе опасавшіеся за правовѣріе своихъ читателей, заполнили этотъ чрезвычайно важный для насъ пробѣлъ, каждый по мѣрѣ силъ своихъ и знаній. Они же нѣсколько дополняютъ и біографическія данныя о немъ.

По словамъ сентъ-албанскаго монаха, Найтона, Фруассара и одного изъ авторовъ повѣствовательной части сборника матеріаловъ для исторіи лоллардизма, такъ называемыхъ *Fasciculi Zizaniorum* (Стефана Пэтрингтона), архіепископу Симону Сэдбери, при содѣйствіи лондонскаго епископа Уильяма Кортнэя, удалось, наконецъ, заставить Болла прекратить свою проповѣдническую дѣятельность: его схватили и заключили въ архіепископскую тюрьму въ Мэдстонѣ, откуда, какъ мы знаемъ, онъ былъ освобожденъ инсургентами [3]). Выйдя изъ тюрьмы, Боллъ, по

[1]) „firmiter injungentes, quatenus dictum Iohannem Balle, quem non presbyterum, sed potius schismaticum et apostaticum reputamus, publice et solenniter in ecclesiis vestris et aliis locis, ubi videritis dictum Iohannem plus posse confundi, excommunicatum denuncietis".

[2]) „Inhibentes omnibus et singulis nostris subditis, ne eorum aliquis dicto Iohanni Balle audientiam seu adiciam de caetero dare, nec sibi consilio, auxiliio, vel favore praesumat assistere, sub poena excommunicationis majoris, quam in contravenientes et rebelles, canonica monitione praemissa, ferimus in hiis scriptis..." *Denunciatio contra Ioh. Balle ab archiepiscopo Cantuar. facta.* (*Wilkins*, v. III, p. 152—153).

[3]) *Knighton*, col. 2634; *Chron. Angliae*, p. 321: „Postremo excommunicatus, cum nec sic desisteret, carceri mancipatur, ubi praedixit se deliberandum per viginti millia amicorum. Quod postea evenit in turbatione regni praefata, cum communes omnes carceres confregerunt, et incarceratos abire compulerunt". *Fasc. Zizaniorum* (изъ серіи R. B. M. A. Scriptores, изд. Shirley. London. 1858), p. 273: „...sacerdos dominus Iohannes Balle, qui incarceratus erat per Simonem Cantuariensem archiepiscopum, et Willelmum Londoniensem episcopum, propter haereses quas

Библиотека "Руниверс"

выраженію Стоу, сдѣлался капелланомъ и проповѣдникомъ возставшихъ общинъ [1]). Схваченный въ Ковентри, онъ, какъ мы знаемъ, былъ приведенъ въ Сентъ-Албансъ, гдѣ въ это время находился король, и по приговору Тресильяна былъ казненъ здѣсь (четвертованъ) 15-го іюля (1381 года). Голова его, по словамъ Малверна, была выставлена въ Лондонѣ на Лэдгетскихъ воротахъ [2]).

Если церковные сановники видѣли въ проповѣдяхъ Болла опасность для душъ своихъ пасомыхъ, то свѣтская власть карала въ немъ, какъ ей казалось, агитатора, своими рѣчами возбуждавшаго, какъ она думала, народъ къ возстанію [3]), а во время возстанія взявшаго на себя руководство имъ [4]). Разсмотримъ и ту, и другую сторону его пропаганды.

---

praedicavit; et in illa insurrectione communitas liberavit eum a carcere..." Сообщеніе Фруассара нѣсколько расходится съ только что приведенными извѣстіями: у него Боллъ нѣсколько разъ сидитъ въ тюрьмѣ, и освобождаетъ его самъ архіепископъ, вызывая этимъ неодобреніе со стороны автора, который рекомендовалъ бы архіепископу разъ навсегда покончить съ безпокойнымъ и опаснымъ проповѣдникомъ. Вотъ его слова: „...et pour ses folles parolles, il en avoit jeut en prison par l'arcevesque de Cantorbie par trop de fois" (p. 388). „Li archevesques de Cantorbie qui on estoit enfourmés, faissoit prendre che Iehan et le mettre en prisson et l' i tenoit II on trois mois pour ly castyer, et mieux vausist que très la première fois il l' eust condempné a tousjours en prisson ou fait morir, que che que il en faissoit; car il le delivroit et n' avoit point conscience de le faire mourir. Et quant Iehans estoit hors de la prisson de l'arcovesque, il ren troit en sa ruse comme en devant", *Froissart*, IX, p. 389.

[1]) „These Commons had to their Chapleine or Preacher a wicked Priest, called Sir John Boll", *Stow*, p. 284.

[2]) „...ejus caput super portam de Ludgate est affixum", *Higden*, IX, p. 7.

[3]) „Онъ проповѣдывалъ по разнымъ деревнямъ Англіи (villas Angliae) то, что больше всего возбудило (stimularunt) черянь къ этому заговору (conjurationem)" *Higden*, IX, p. 7; „Ad villam tandem Sancti Albani dominus rex divertens, principales hujus sceleris auctores secundum leges puniri fecit; inter quos dominus Iohannes Balle, sacerdos, tractus erat et suspensus, et per quarteria divisus, pro eo quod tempore seditionis illius in partibus borialibus praedicando, populum, ut dicebatur, ad seditionem excitavit", *Ann. Mon.*, v. III, p. 418—419; „...Capellanus quidam, nomine Iohannes Ball, ...apud Coventre erat captus, qui publice in multis locis praedicando populum ad hujusmodi insurrectiones et perturbationes animaverat et induxerat...", *Mon. Evesh.*, p. 33.

[4]) „Cumque taliter deliberatus fuisset, eos secutus est, instigans ad plura mala perpetranda, et praedicans ita omnino fore faciendum", и затѣмъ слѣдуетъ изложеніе уже извѣстной намъ рѣчи Болла на Блэкгизѣ на текстъ двустишія: „когда Адамъ пахалъ землю, а Ева пряла, кто былъ джентельменомъ?", *Chron. Angliae*, p. 321.

Библиотека "Руниверс"

Тѣ обвиненія общаго свойства, какими аттестуютъ „схизматика господина Джона Болла“ приказы архіепископовъ, встрѣчаемъ мы и у лѣтописцевъ. По словамъ Найтона, Боллъ въ теченіе многихъ лѣтъ неразумно сѣялъ слово Божье, мѣшая пшеницу съ плевелами, и пріобрѣлъ большое расположеніе къ себѣ среди мірянъ; онъ крайне поносилъ вольности церкви и, достойный проклятія, распространялъ множество заблужденій среди клира и мірянъ [1]).

Но рядомъ съ этимъ хроникеры сообщаютъ намъ и болѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ ученіи проповѣдника, который „болѣе стремился пріобрѣсть благосклонность простаго народа, чѣмъ выслужиться передъ Богомъ“ [2]), и всегда умѣлъ собрать большую аудиторію, говорилъ ли онъ въ церквахъ или же на площадяхъ, на улицахъ и на поляхъ, куда ему пришлось перенести свою дѣятельность послѣ того, какъ духовныя власти заперли передъ нимъ церковныя двери [3]).

Прежде всего проповѣдь Болла носила обличительный характеръ и направлена была на церковное неустройство, на рѣзкое несоотвѣтствіе между идеаломъ и дѣйствительностью. Въ этомъ сходятся всѣ наши свидѣтельства, выставляя Болла нападающимъ на привиллегіи церкви и въ угоду черни поносящимъ прелатовъ и весьма непочтительно отзывающимся о самомъ папѣ [4]). Обличая духовенство за его дурную жизнь, за неисполненіе имъ своихъ обязанностей, Боллъ предлагалъ и мѣры для лѣченія болѣзни. Онъ училъ, что священнику только въ томъ случаѣ слѣдуетъ давать десятину, когда дающій богаче его [5]). Если окажется, что прихожанинъ ведетъ лучшую жизнь,

---

[1]) „...per plura retroacta tempora verbum Dei insipienter sparserat, lollium cum tritico immiscendo, laicis nimis placens, et libertati juris ecclesiastici et status quam maxime derogans, atque multos errores in ecclesiam Christi inter clerum et laicos execrabiliter introducens, multis annis provinciam sic obnubulavit...“ *Knighton*, col. 2634.

[2]) „Benevolentiam magis communis populi quam meritum penes Deum captabat“, *Chron. Angliae*, p. 320.

[3]) „Prohibitus ab episcopis, in quorum parochiis haec praesumpsit, ne in ecclesiis de cetero praedicaret, concessit in plateas et vicos, vel in campos, ad praedicandum“, *Ibid.*, p. 321.

[4]) Къ приведеннымъ мѣстамъ документовъ можно еще прибавить слѣдующія слова сентъ-албанскаго монаха: „Nec defuerunt ei de communibus auditores, quos semper studuit per detractiones praelatorum, et placentia verba, allicere ad sermonem“, *Chron. Angliae*, p. 321.

[5]) „Docuit nempe plebem decimas non esse dandas curato, nisi is qui daturus esset foret ditior quam vicarius qui acciperet, sive rector“, *Chron. Angliae*, p. 320—321.

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ его священникъ, то въ такомъ случаѣ онъ можетъ не давать ему ни десятины, ни другихъ приношеній [1]).

Повидимому, въ теченіи болѣе, чѣмъ двадцатилѣтней своей дѣятельности (per viginti annos et amplius) [2]), Боллъ постепенно приходилъ къ все болѣе и болѣе крайнимъ воззрѣніямъ на средства церковной реформы. Только что приведенныя положенія его, надо думать, относятся къ раннему періоду его пропаганды, потому что они слишкомъ умѣренны сравнительно съ тѣмъ, что намъ извѣстно о дѣятельности Болла во время возстанія. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что предметомъ его нападокъ въ этотъ ранній періодъ были и монастыри, ихъ несмѣтныя богатства и роскошь ихъ обитателей, отказавшихся на словахъ отъ міра и его соблазновъ. Впослѣдствіи Боллъ сталъ учить, что монастырскія владѣнія должны быть конфискованы въ пользу мірянъ, и число монаховъ должно быть уменьшено до двухъ человѣкъ въ каждомъ монастырѣ [3]). Епископскія каѳедры онъ считалъ необходимымъ упразднить; только одинъ архіепископъ долженъ былъ оставаться во главѣ церкви [4]), и наши хроники довольно согласно показываютъ, что на этотъ постъ возставшія общины хотѣли избрать самого Болла [5]). Къ числу заблужденій Болла сентъ-албанскій монахъ относитъ еще его мнѣніе, что кто не рожденъ въ бракѣ, не можетъ войдти въ царствіе небесное [6]).

Тотъ же авторъ утверждаетъ, что Боллъ проповѣдывалъ еще док-

[1]) „Docuit etiam decimas et oblationes subtrahendas curatis, si constaret subjectum aut parochianum melioris vitae fore quam curatum suum", *Ibid.*, p. 321.

[2]) *Ibid.*, p. 320.

[3]) „that there should not bee above two religious persons in one house, and their possessions should be devided among the laye men", *Stow*, p. 285.

[4]) „that there should be no Bishop in England, but one Archbishoppe". *Ibid.*, p. 284—285.

[5]) *Chron. Angliae*, p. 321—322: „...commune vulgus eum tanto favore prosequitur, ut acclamarent eum archiepiscopum futurum, et regni cancelarium"; *Mon. Evesh*, p. 38: „Quem (ut dicebatur) si habuissent eorum nephandum propositum, in Archiepiscopum Cantuariae erexissent"; *Knighton*, col. 2634: „Dicti vero populares carcerem fregerunt, et eum extraxerunt, atque abire secum fecerunt, nam in archiepiscopum eum sublimare proposuerunt". Stow обвиняетъ самого Болла въ стремленіи къ кентерберійской каѳедрѣ, прибавляя къ приведенной въ предыдущемъ примѣчаніи фразѣ слова: „which should bee himselfe" (*Stow*. p. 285).

[6]) „Docuit insuper neminem aptum regno Dei, qui non in matrimonio natus fuisset", *Chron. Angliae*, p. 321.

Библиотека "Руниверс"

трины Уиклиффа [1]). Ученикомъ Уиклиффа называетъ его ивзэмскій монахъ [2]), а также авторъ повѣствовательной части въ *Fasciculi Zizaniorum* [3]). Этотъ послѣдній сообщаетъ даже, будто передъ казнью Боллъ пригласилъ къ себѣ лондонскаго епископа Уилльяма Кортнэя, рыцаря Уолтера Ли (Lee) и нотарія Джона Профета (Profete) и сознался передъ ними, что въ теченіе двухъ лѣтъ онъ былъ ученикомъ Уиклиффа и отъ него усвоилъ ереси, которыя потомъ самъ проповѣдывалъ, между прочимъ ересь о таинствѣ евхаристіи; кромѣ того, онъ открылъ этимъ лицамъ, что послѣдователи Уиклиффа образовали тайное общество, поставившее себѣ цѣлью разнести ученіе Уиклиффа по всей странѣ, и если не поставить имъ преграды, они въ два года погубятъ все королевство; главными дѣятелями въ этомъ обществѣ являются прежде всего самъ Уиклиффъ, а затѣмъ Николай Герефордъ, Джонъ Астонъ и Лаврентій Бидмэнъ, оксфордскіе уиклиффиты [4]). Авторъ прибавляетъ, что показаніе Болла было записано въ протоколъ, и обѣщаетъ помѣстить этотъ протоколъ въ своей книгѣ [5]), но, къ сожалѣнію, мы его здѣсь не находимъ [6]).

О сознаніи Болла говоритъ и Стоу, дѣлая почти буквальный

---

[1]) „Docuit et perversa dogmata perfidi Iohannis Wyclife, et opiniones quas tenuit, et insanias falsas, et plura, quae longum foret recitare", *Ibid.*, p. 321.

[2]) „unus, ut dicebatur, de Iohannis Wyclyff discipulis", *Mon. Evesh.*, p. 33.

[3]) „dilectus sequax Wycclyff sacerdos dominus Iohannes Balle", *Fasc. Zis.*, p. 273.

[4]) „Qui videns se damnatum esse, vocavit ad se Willelmum Londoniensem episcopum, et post Cantuariensem, et dominum Walterum Lee militem, et dominum Johannem Profete notarium, et ibi confitebatur publice eis quod per biennium erat discipulus Wycclyff, et ab eo didicerat haereses quas docuit, et ejus ortam haeresim de sacramento altaris, et alias per eum doctas publice praedicavit. Qui etiam dixit quod erat certa comitiva de secta et doctrina Wycclyff, qui conspiraverant quandam confoederationem, et se ordinaverant circuire totam Angliam praedicando praedicti Wycclyff materias quas docuerat, ut sic simul tota Anglia consentiret suae perversae doctrinae. Unde nominavit eis praedictum Wycclyff principalem auctorem, et secundo loco Nicolaum Herforde, et Johannem Aston, et Laurentium Bedenam (sm. Bedeman), magistros in artibus. Unde adjecit quod nisi foret resistentia facta praedictis, ipsi infra biennium destruerent totum regnum", *Fasc. Zis.*, p. 273–274.

[5]) „Ista confessio redacta est in certam formam sub instrumento publico, sicut in fine patebit", *Ibid.*, p. 274.

[6]) Не было его и въ рукописи XV вѣка, принадлежавшей Джону Бэлу (Bale), епископу оссорійскому (Ossory), (умершему въ 1563 году), какъ это видно изъ сдѣланнаго имъ на поляхъ рукописи противъ только что приведеннаго мѣста слѣдующаго замѣчанія: „sed hucusque non patet", *Fasc. Zis.*, p. 274, n. 1.

Библиотека "Руниверс"

переводъ на англійскій языкъ только что приведеннаго извѣстія изъ *Fasc. Zizaniorum* [1]); встрѣчаемъ мы его, что особенно важно, и въ стихотворномъ памфлетѣ 1381-го года, направленномъ противъ лоллардовъ („Against the Lollards", какъ его назвалъ издатель Томасъ Райтъ) [2]). Авторъ памфлета прямо обвиняетъ лоллардовъ въ возбужденіи возстанія 1381-го года и ссылается на сознаніе Болла, сдѣланное имъ передъ казнью. „Они", говоритъ онъ, „виновники ненависти къ клиру, распри въ народѣ и смятенія въ королевствѣ. Отъ нихъ идутъ кровопролитія, убійства, пожары и возстаніе рабовъ. Это сообщилъ Джонъ Боллъ, приговоренный къ смерти за свои злодѣянія. Въ этомъ гнѣздѣ находились развращенные птенцы и воспитывались на позоръ королевству. Этимъ онъ указывалъ на секту Уиклиффа, какъ на главную причину междоусобія, приведшаго въ ужасъ все королевство" [3]).

Мы не считаемъ возможнымъ отрицать подлинность показаній Болла въ томъ видѣ, въ какомъ они переданы въ *Fasc. Zizaniorum*. Но мы вовсе не видимъ въ нихъ обвиненія Уиклиффа и лоллардовъ въ возбужденіи возстанія, какъ это дѣлаетъ анонимный авторъ пам-

---

[1]) „...more, he confessed to William then Byshop of London, to Walter Lee Knight, and John Perfoot Notarie, that a certaine company of his sect, were confederate to goe rounde about all England, and to preach these poynts which he had taught, naming J. W. N. A. L. B. masters of Artes. Whereupon hee added, that except remedy were had, they within 2 yeares space would destroy the whole Realme, and this confession, under a certain a forme was brought into a public instrument", *Stow*, p. 294.

[2]) *Political Poems and Songs*, v. I, pp. 231—249.

[3]) „Hi sunt auctores odii
Cleri, vulgi dissidii,
Et regni perturbatio.
Hinc clades, homicidii,
Venit et fax incendii
Servilis ac rebellio.
Johannes Balle hoc docuit,
Quando morti succubuit
Propter suam nequitiam.
Quod quidem nidus tenuit
Pullos pravos, et aluit
In regni ignominiam.
Monstrans Wyccleffe familiam,
Causam brigae primariam,
Quae totum regnum terruit". *Ibid.*, p. 235.

Библиотека "Руниверс"

флета и единомышленные съ нимъ прелаты съ Уилльямомъ Кортнеемъ, будущимъ преемникомъ убитаго архіепископа Симона Сэдбэри, во главѣ, для которыхъ достаточно было услышать изъ устъ Болла одно имя ненавистнаго имъ реформатора, чтобы почувствовать увѣренность (не оправдавшуюся все-таки, впрочемъ), что теперь ихъ врагъ не уйдетъ отъ нихъ, что теперь, при едва ослабѣвшей паникѣ, онъ едва ли найдетъ въ какомъ нибудь изъ сильныхъ міра сего поддержку, страшно скомпрометированный въ связи съ недавними событіями (мы даже склонны думать, что Кортнэй именно это имѣлъ въ виду, когда ходатайствовалъ объ отсрочкѣ казни Болла на два дня, хотя сентъ-албанскій лѣтописецъ и увѣряетъ насъ, что епископъ безпокоился исключительно о спасеніи его души и хотѣлъ доставить ему время для покаянія) [1]). Боллъ просто констатируетъ существованіе организованныхъ Уиклиффомъ проповѣдниковъ, такъ называемыхъ „бѣдныхъ священниковъ“ (poor priests), которыхъ онъ дѣйствительно разсылалъ по странѣ для распространенія среди народа евангельскихъ истинъ на понятномъ для всѣхъ родномъ языкѣ. Ничего новаго не сообщалъ Боллъ и тогда, когда назвалъ Герефорда, Астона и Бидмэна главными сподвижниками реформатора. Наконецъ, ничего рѣзко расходившагося съ дѣйствительностью не видимъ мы и въ томъ, что Боллъ и себя назвалъ

---

[1]) „cujus mors dilationem accepit usque in diem Lunae, interventu domin Willelmi, Londoniensis episcopi, qui, circa salutem sollicitus suae animae, illud si spatium poenitentiae impetravit“, *Chron. Angliae*, p. 320.

Приведенное выше показаніе Болла—все, чего могъ добиться отъ Болла епископъ; его въ сущности и извѣтомъ назвать нельзя, и мы подозрѣваемъ, что и сама обстановка этого „сознанія“, приглашеніе *самимъ Боллом* Кортнэя, Уолтера Ли и нотарія Джона Профета, чтобы имъ повѣдать свою *тайну* и тѣмъ облегчить передъ смертью свою душу, едва ли не тенденціозное извращеніе дѣйствительнаго факта, произведенное съ цѣлью представить дѣло въ какъ можно болѣе миніонирующемъ видѣ. Боллъ едва ли придавалъ своимъ показаніямъ тотъ смыслъ, какой съ жадностью ловилъ въ нихъ Кортнэй. Онъ вовсе не имѣлъ въ виду сваливать свою вину на Уиклиффа и его послѣдователей и тѣмъ заслужить прощеніе отъ короля въ качествѣ доносителя. Такихъ доносителей (probatores), какъ мы знаемъ, оказалось не мало; но Джонъ Боллъ до конца дней своихъ остался вѣренъ своимъ идеаламъ. Перспектива лютой казни его не устрашила и не заставила измѣнить дѣлу всей своей жизни. „Онъ не захотѣлъ просить короля о помилованіи, но выразилъ ему свое крайнее презрѣніе (nec voluit à Rege veniam petere, set ipsum omnino despexit)“, говоритъ о немъ вавэмскій монахъ (Mon. Evesh., p. 32), едва ли склонный восхвалять одного изъ главныхъ вождей грозной соціальной революціи.

Библиотека "Руниверс"

ученикомъ Уиклиффа, въ теченіе двухъ лѣтъ усваивавшимъ его доктрины, хотя на первый взглядъ это какъ будто противорѣчитъ совершенно безспорному факту, что Боллъ выступилъ на поприще народнаго проповѣдника болѣе, чѣмъ за двадцать лѣтъ до возстанія, то-есть, въ то время, когда Уиклиффъ былъ еще въ полномъ ладу съ католическою церковью, погруженный въ науку и въ университетскіе интересы. Вполнѣ правъ Найтонъ, называя Болла предшественникомъ Уиклиффа, подготовившимъ для него почву подобно тому, какъ Іоаннъ Креститель приготовилъ путь Христу [1]). Но не совсѣмъ неправы будемъ, можетъ быть, и мы, если продолжимъ это сравненіе и скажемъ, что какъ Іоаннъ Креститель, лишь появился Христосъ на проповѣдническомъ поприщѣ, немедленно указалъ на него народу и самъ вступилъ въ число первыхъ его послѣдователей, такъ и Боллъ, лишь только раздалось вѣское и авторитетное слово оксфордскаго реформатора, одинъ изъ первыхъ сталъ внимательно прислушиваться къ нему, находя въ немъ родственные звуки, часто болѣе опредѣленную и основательную формулировку того, чему онъ самъ училъ народъ, а иногда и совершенно новыя для себя идеи. Секуляризація монастырской собственности, лишеніе приходскаго священника десятины за его худую жизнь и даже такая догматическая подробность, какъ мнѣніе, что рожденный внѣ законнаго брака не можетъ войдти въ царствіе небесное, — всѣ эти указанные лѣтописцами пункты въ ученіи Болла, не говоря уже о его обличительныхъ филиппикахъ по адресу прелатовъ и даже самого папы, находятъ себѣ полную параллель въ ученыхъ трактатахъ и популярныхъ проповѣдяхъ Уиклиффа и его несомнѣнныхъ послѣдователей [2]). Секуля-

---

[1]) „Hic habuit praecursorem Johannem Balle veluti Christus Johannem Baptistam, qui vias suas in talibus opinionibus praeparavit, et plurimos quoque doctrina sua ut dicitur perturbavit...“ *Knighton*, col. 2644. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается о немъ такимъ образомъ: „...Hic magister Johannes Wiclyf in suo adventu habuit Johannem Balle suae pestiferae inventionis praemeditatorem, ecclesiasticae unitatis validum cissorem, discordiarum inter clerum et laicos suscitatorem, illicitorum dogmatum indefessum satorem, et Christocolae ecclesiae perturbatorem...“. *Ibid.*, col. 2655.

[2]) Мы отсылаемъ читателя къ сборнику *Fasc. Zis.* и къ собранію англійскихъ трактатовъ и проповѣдей Уиклиффа и его послѣдователей, напечатанному подъ редакціей F. D. Matthew *Обществомъ древнихъ англійскихъ текстовъ* (Early English Text Society) подъ заглавіемъ *The English Works of Wyclif hitherto unprinted*. London. 1880, а здѣсь укажемъ только нѣсколько мѣстъ изъ *Fasc. Zis.* Въ числѣ двадцати четырехъ conclusiones Уиклиффа, осужденныхъ провин-

Библиотека "Руниверс"

ризаціонныя тенденціи были весьма не чужды въ то время и правительственнымъ кругамъ и нашли своего выразителя въ герцогѣ Ланкастерскомъ, стоявшемъ во главѣ цѣлой анти-церковной партіи при дворѣ, мечтавшей о конфискаціи земельныхъ богатствъ церкви и объ упраздненіи правительственной роли ея высшихъ представителей. Обо всемъ этомъ намъ придется говорить подробно въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь мы имѣемъ въ виду только указать на то, что ничего революціоннаго сами по себѣ приведенныя мнѣнія Болла въ себѣ не заключали, раздѣляемыя отчасти даже тѣми, на кого съ особенною силой обрушилось народное негодованіе въ 1381-мъ году. Отмѣченное единомысліе Болла и Уиклиффа такъ же мало компрометируетъ этого послѣдняго, какъ и герцога Ланкастерскаго, котораго возставшіе ненавидѣли „больше всѣхъ смертныхъ“ („super omnes mortales... magis exosum habebant“) [1]).

Призыва къ революціи, къ насильственному ниспроверженію существующаго церковнаго строя не усматривали въ дѣятельности Болла и сами церковныя власти, какъ это мы видѣли, приводя содержаніе архіепископскихъ приказовъ, обвинявшихъ Болла въ распространеніи заблужденій и расколоученій, опасныхъ для душъ его слушателей, но не грозившихъ революціоннымъ потрясеніемъ всему общественному порядку; въ противномъ случаѣ, вмѣсто того, чтобы подвергать Болла дисциплинарному наказанію путемъ заключенія въ архіепископскую тюрьму, церковная администрація не замедлила бы передать его свѣтской власти, и тогда Боллу едва ли бы пришлось участвовать въ возстаніи 1381-го года.

Но не одни церковные порядки критиковалъ Боллъ, не однихъ прелатовъ, монаховъ и настоятелей приходскихъ церквей бичевалъ онъ своими обличеніями. И въ соціальномъ строѣ своего отечества онъ видѣлъ воплощеніе неправды. Крѣпостная организація труда, характеризующая феодальный строй и опредѣляющая рѣзкое расчлененіе общества на господъ (сеньеровъ) и лично и экономически несвободныхъ

ціальнымъ синодомъ, собравшимся въ Лондонѣ 17-го мая 1382 года, мы находимъ слѣдующія. „X. Item asserere quod est contra sacram Scripturam, quod viri ecclesiastici habeant possessiones temporales“. „XVIII. Item quod decimae sunt purae eleemosynae, et, quod parochiani possunt propter peccata suorum curatorum eas detinere, et ad libitum aliis conferre“ (pp. 279, 280—281). Среди положеній, которыхъ держался лоллардъ Ричардъ Wyche, читаемъ слѣдующее: „VIII. Octavo, quod filius sacerdotis vel alicujus extra matrimonium natus potest salvari“ (p. 376).

[1]) *Knighton*, col. 2640.

Библиотека "Руниверс"

виллановъ, вызывала съ его стороны рѣзкое осужденіе, какъ совершенно противорѣчащая Божьему закону. „Когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла, кто былъ дворяниномъ?“ любилъ онъ повторять передъ своими слушателями популярное среди простаго народа двустишіе, и вся его рѣчь обыкновенно являлась подробнымъ и патетическимъ развитіемъ простой мысли, заключающейся въ этой близкой сердцу трудящагося поговоркѣ. Въ началѣ міра не было ни рабовъ, ни господъ; всѣ были равны, происходя отъ одного отца и одной матери, отъ Адама и Евы. Если бы Богу угодно было создать рабовъ, онъ бы еще въ самомъ началѣ опредѣлилъ, кому быть рабомъ, а кому господиномъ. Но Онъ этого не сдѣлалъ. Если рабство существуетъ, то корень его—несправедливое угнетеніе своихъ ближнихъ нечестивцами, нарушившими волю божью. Виллапы—такіе же люди, какъ и сеньеры, а ихъ, между тѣмъ, держатъ какъ звѣрей. „Почему тѣ, кого мы называемъ сеньерами, властвуютъ надъ нами?“ говорилъ Боллъ: „Чѣмъ они этого заслужили? Почему они держатъ насъ въ рабствѣ? Въ чемъ ихъ бо́льшее основаніе быть сеньерами, кромѣ того, что они заставляютъ насъ работать и пріобрѣтать то, что они тратятъ? Они одѣты въ бархатъ и мѣха, а мы—въ плохое сукно. У нихъ хорошія вина, пряности и хорошій хлѣбъ, а у насъ ржаной хлѣбъ, мякина и солома, а для питья—вода. У нихъ досугъ и пышные дворцы, а у насъ заботы и трудъ, и дождь и вѣтеръ на поляхъ. А между тѣмъ отъ насъ, отъ нашего труда идетъ то, чѣмъ держится государство (et faut que de nous vïègne et de nostre labeur ce dont il tiennent les estas)“ [1]). По словамъ Болла, дѣла только тогда пойдутъ хорошо въ Англіи, когда имущество станетъ общимъ, когда не будетъ ни виллановъ, ни дворянъ, но всѣ будутъ въ одинаковомъ положеніи [2]).

Мы не видимъ, чтобы Боллъ сопровождалъ эту проповѣдь того, что можетъ быть названо христіанскимъ соціализмомъ, практическими указаніями, какъ эти идеи осуществить, какъ доставить торжество правдѣ и истинѣ, нарушенной нечестивыми, чтобы онъ призывалъ къ насильственному ниспроверженію существующаго строя передъ началомъ возстанія 1381 года. Изъ подробнаго разказа Фруассара этого не слѣдуетъ: у него Боллъ совѣтуетъ народу обратиться къ королю,

---

[1]) *Froissart*, IX, p. 888.

[2]) „... les coses ne poent bient aler en Engletière, ne yront jusques à tant que li bien yront tout de commun et que il ne sera ne villains, ne gentils homs, que nous ne soions tout ouny“, *Ibid.*, p. 388.

Библиотека "Руниверс"

и король найдетъ способъ избавить его отъ угнетенія и рабства [1]); только въ томъ случаѣ, когда король не поможетъ имъ, придется обратиться къ собственнымъ средствамъ [2]). То же заключеніе можно какъ будто сдѣлать и изъ повѣствованія сентъ-албанскаго монаха: до заключенія въ тюрьму ничего революціоннаго Боллъ какъ будто не проповѣдывалъ; по крайней мѣрѣ все, что говоритъ о немъ авторъ *Англійской Хроники* до этого факта, рисуетъ его только какъ обличителя духовныхъ особъ и свѣтскихъ сеньеровъ („detrahens tam personis ecclesiasticis quam dominis secularibus“) и лолларда по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ; агитаторомъ и революціонеромъ является онъ уже послѣ освобожденія своего инсургентами [3]). Совершенно такъ же изображаетъ дѣятельность Болла и авторъ повѣствовательной части въ *Fasciculi Zizaniorum* [4]). Наконецъ, мы опять позволимъ себѣ привести наше соображеніе: если бы до возстанія Боллъ возбуждалъ народъ къ революціи, свѣтская власть едва ли оставила бы его въ живыхъ; а между тѣмъ король Эдуардъ III, какъ мы видѣли, если и принимаетъ какія-нибудь мѣры противъ Болла, то только оказывая содѣйствіе церковной власти въ задержаніи отлученнаго отъ церкви, не желающаго добровольно предстать предъ духовнымъ трибуналомъ, только для того, чтобы способствовать скорѣйшему прекращенію раздора, возникшаго исключительно внутри церкви.

Такимъ образомъ, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя позволяютъ намъ говорить о Джонѣ Боллѣ, какъ о революціонерѣ, *только послѣ того, какъ началось возстаніе*. Ничто не даетъ намъ права утверждать, что до іюньскихъ событій 1381 года его дѣятельность выходила изъ рамокъ обличенія, правда, весьма энергичнаго и

---

[1]) „Alons au roy; il est jovènes, et li remonstrons nostre servitude et li dissons que nous vollons qu' il soit autrement .... Et quant li rois nous vera ou ora, ou bellement ou aultrement, de remède il y pourvera“, *Ibid.*, p. 388—389.

[2]) „Ou nous y pourverons de remède“, *Ibid.*, p. 389.

[3]) „Cumque taliter deliberatus fuisset, eos secutus est, instigans ad plura mala perpetranda, et praedicans ita omnino fore faciendum“ и т. д. (слѣдуетъ рѣчь на Блэкгизсѣ), p. 321.

[4]) „Et praecipue cum esset dilectus sequax Wycclyff sacerdos dominus Iohannes Balle, qui incarceratus erat per Simonem Cantuariensem archiepiscopum, et Willelmum Londoniensem episcopum, *propter haereses quas praedicavit*; et in illa insurrectione communitas liberavit eum a carcere. *Et tunc incepit* eis praedicare et docere interficere Simonem archipraesulem Cantuariensem, et alios; quod cum factum esset, et regnum in turbatione esset ejus ductu...“ *Fasc. Zis.*, p. 273.

Библиотека "Руниверс"

едва ли стѣснявшагося въ выраженіяхъ по адресу сильныхъ міра сего, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, и пропаганды христіанскаго соціализма, какъ такого общественнаго порядка, который вполнѣ согласенъ съ евангельскимъ закономъ, представляя собою воплощеніе правды и истины.

Обличалъ при этомъ Боллъ и политическое нестроеніе Англіи, безконечные поборы правительства и злоупотребленія его агентовъ, ложившіеся тяжелымъ гнетомъ на народъ, и въ этомъ случаѣ его языкъ былъ не менѣе рѣзокъ и силенъ, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ бичевалъ соціальную неправду, не щадя и особы самого короля. Народъ видѣлъ въ немъ божьяго пророка, праведника, своего благодѣтеля [1]) и готовъ былъ идти за нимъ, куда бы онъ его ни повелъ. Объ этомъ говоритъ лѣтописная традиція; то же показали и присяжные передъ судебной комиссіей, творившей судъ и расправу надъ участниками возстанія въ Кэмбриджскомъ графствѣ, какъ это видно изъ найденнаго нами въ Лондонскомъ архивѣ (Public Record Office) протокола о нѣкоемъ Джонѣ Шерли изъ Нотингэмскаго графства.

По словамъ протокола, Шерли все время возстанія бродяжничалъ (fuit vagabundus) по разнымъ графствамъ и разносилъ изъ одного въ другое „ложныя измышленія и вредный вздоръ", благодаря чему скорѣе нарушался королевскій миръ, и народъ начиналъ волноваться и поднимать возмущеніе. Какъ то, ужъ послѣ того, какъ былъ оповѣщенъ королевскій миръ, и судебная комиссія засѣдала въ городѣ Кэмбриджѣ, Шерли сидѣлъ въ харчевнѣ (in quadam taberna), находившейся на одной изъ кэмбриджскихъ улицъ, Бриджстритѣ. Въ харчевнѣ собралось много народа, чтобы послушать новостей, которыя онъ станетъ разсказывать (pro novis ac frivolis ab eo audiendis). И вотъ Шерли сталъ говорить, что королевскіе сенешалы, юстиціаріи и многіе другіе сановники и слуги короля болѣе достойны висѣлицы и другихъ закономъ опредѣленныхъ мученій и каръ, чѣмъ капелланъ Джонъ Боллъ, котораго съ королевскаго согласія эти слуги короля осудили на смерть несправедливо и изъ ненависти. А онъ былъ праведный человѣкъ, пророчествовавшій во благо общинѣ королевства и обличавшій несправедливости и притѣсненія, чинимыя народу королемъ и его слугами, и смерть его не останется безна-

[1]) „... for which doctrine they held him as a Prophet", *Stow.*, p. 285; „... et quasi propheta inter eos reputabatur", Gower, *Vox Clamantis*, 49.

Библиотека "Руниверс"

казанною, но скоро послѣдуетъ за нее расплата какъ королю, такъ и его сановникамъ и слугамъ. За такія рѣчи и угрозы, „служившія явнымъ предосужденіемъ и поношеніемъ для королевской короны и вызывавшія волненіе среди народа", Шерли погибъ на висѣлицѣ по приговору Гугона Ла-Зуша и его товарищей, членовъ чрезвычайной судебной комиссіи, назначенной въ Кэмбриджское графство [1]).

Революціонеромъ сталъ Боллъ, повидимому, уже послѣ своего освобожденія изъ мэдстонской тюрьмы; его, какъ и многихъ другихъ, съ неудержимою силой охватило общее увлеченіе; и онъ, какъ и они, увидѣлъ въ начавшемся возстаніи народа противъ своихъ угнетателей удобный случай для осуществленія всѣхъ своихъ желаній, стремленій и мечтаній и началъ проповѣдывать насильственное ниспроверженіе существующаго строя, чтобы на развалинахъ его возвести новый порядокъ идеальныхъ общественныхъ отношеній, основанный на свободѣ, всеобщемъ равенствѣ, братствѣ и общности имущества. Рѣчь на Блэкгизсѣ и прокламаціи, разосланныя Болломъ вождямъ инсургентовъ, знакомятъ насъ съ Болломъ, какъ съ агитаторомъ, перешедшимъ отъ критики къ дѣйствію и, подобно древне-еврейскимъ пророкамъ, призывавшимъ мечъ и огонь на головы нечестивыхъ. „Насталъ назначенный Богомъ часъ сбросить иго долголѣтняго рабства", говорилъ Боллъ двумъ стамъ своихъ слушателей на Блэкгизсѣ и совѣтовалъ имъ быть подобными доброму хозяину, который вырываетъ плевелы на своей нивѣ, чтобы они не заглушали пшеницы. Прежде

[1]) „Iohannes Shirle de Com' Notyngham captus est pro eo quod compertum est quod ipse fuit vagabundus per diversos Comitatus toto tempore perturbacionis insurrectionis et rumoris gerens mendacia ac frivola incommoda de patria in patriam per quod pax dom. Regis cicius infringi potuit et populus inquietari et turbari. Et inter alia verba rumosa scilicet post proclamacionem pacis dom. Regis factam die et anno supradictis Assignatis dom. Regis in villa oxistentibus et sedentibus dixit in quadam taberna in vico de Briggestrete Cant' ubi multi congregati fuerunt pro novis ac frivolis ab eo audiendis quod senescall' dom. Regis Justic' et alii quamplures officiarii et ministri ipsius Regis digniores esse tractari et suspendi ac aliis penis et tormentis legalibus pati quam Iohannes Balle capellanus proditor et felo legitime convictus quia dixit quod ipse per dictos ministros ex assensu Regis falso injuste et per invidiam condempnatus fuit ad mortem eo quod fuit verus et probus homo prophetizans utilia communitati Regni et narrans injurias et oppressiones per Regem et ministros predictos populo facta cujus mors non erit impunita set infra breve bene remuneratur tam Regi quam officiariis et ministris suis predictis que dicta et mine sonant in prejudicium corone dom. Regis et contemptum et inquietacionem populi manifestam. Suspensus est", *Record Office*, Ch. H. Pl., 33; Cantebr'. Plac etc. 5 Ric. II, Ro. V.

Библиотека "Руниверс"

всего нужно перебить всѣхъ магнатовъ (majores regni dominos), затѣмъ законовѣдовъ, судей и присяжныхъ и вообще всѣхъ, кто можетъ быть вреденъ общинамъ. Только, когда у всѣхъ будетъ одинаковая свобода, одинаковая знатность и одинаковая власть (si... esset inter eos aequa libertas, eadem nobilitas, par dignitas, similisque potestas), только тогда наступитъ миръ и спокойствіе [1]). Поступая такъ, они доставятъ торжество божьей правдѣ на землѣ, и это зачтется имъ и въ будущей жизни [2]).

Прокламацій Болла дошло до насъ нѣсколько. Въ одной изъ нихъ (приведенной у сентъ-албанскаго монаха) Боллъ, называя себя Джономъ Шепомъ (John Schepe), нѣкогда священникомъ церкви св. Маріи въ Йоркѣ, а нынѣ въ Колчестерѣ, привѣтствуетъ Джона Безымяннаго (Jon Nameles), Джона Мельника (Jon the mellere) и Джона Возчика (Jon Karter) и проситъ ихъ помнить о коварствѣ, господствующемъ въ городѣ (въ государствѣ? of gyle in burge), и стоять вмѣстѣ во имя божье (and stondith to gidre in Goddes name); проситъ онъ также Петра Пахаря (Piers Ploughman) приняться за дѣло (go to his werk) и наказать разбойника Гобба (and chastise wel Hob the robbere); они должны взять съ собою Джона Праведнаго (Jon Treweman) и всѣхъ его товарищей и больше никого, и зорко смотрѣть на одну только голову (and loke scharpe you to on heued, and no mo) [3]).

Въ другихъ прокламаціяхъ Боллъ говоритъ отъ своего собственнаго имени. Въ одной изъ нихъ онъ привѣтствуетъ всякаго званія людей (alle maner men) и проситъ ихъ именемъ Троицы—Отца, Сына и св. Духа—мужественно стоять въ правдѣ (stonde manlyche togedyr in trewthe) и помогать правдѣ, и правда поможетъ имъ. „Теперь въ мірѣ господствуетъ гордость, жадность считается мудростью, развратъ не знаетъ стыда, чревоугодіе не вызываетъ никакого осужденія. Зависть царствуетъ вмѣстѣ съ измѣной, лѣность въ полномъ почетѣ. Боже, дай удачу: теперь время. Аминь“ [4]). Въ другой изъ этихъ прокламацій

---

[1]) *Chronicon Angliae*, p. 321.

[2]) „Asserens eos exinde animabus suis salvationem posse adquirere“, *Mon. Evesh.*, p. 33.

[3]) *Chron. Angliae*, p. 322; *Walsingham*, H. A., II, p. 33—34. См. вторую главу.

[4]) *Knighton*, col. 2638: Prima epistola Johannis Balle.

„John Balle Seynte marye priest greteth welle alle maner men and byddes hem in the name of the Trinite, Fadur and Sone and holy Gost stonde manlyche to gedyr in trewthe and helpeth trewthe, and trewthe schal helpe yowe. Now

Библиотека "Руниверс"

языкъ Болла болѣе конкретенъ. Боллъ увѣдомляетъ всѣхъ, что онъ уже прозвонилъ въ свой колоколъ (doth yow to understande, he hath rungen youre belle), и проситъ Бога поторопить лѣнивыхъ и помочь хорошо закончить то, что они начали [1]). Таковъ же смыслъ еще трехъ прокламацій, написанныхъ, по словамъ Стау, тѣмъ же Болломъ отъ имени Джэка Мельника, Джэка Возчика и Джэка Праведнаго. Мельникъ проситъ помочь ему поставить, какъ слѣдуетъ, его мельницу, которая пойдетъ надлежащимъ образомъ только въ томъ случаѣ, когда сила будетъ помогать праву, умъ будетъ идти впереди воли, право впереди силы (let myght help ryght, and skyl go before wille, and right before might, than goth oure mylne aryght) [2]). Возчикъ проситъ хорошо кончить начатое: когда конецъ хорошъ, тогда все хорошо. „Пусть братъ мой Петръ Пахарь остается дома и приготовляетъ намъ зерно, а я пойду съ вами и помогу приготовить вамъ вашу пищу и питье... Смотрите, чтобы разбойникъ Гоббъ былъ наказанъ, какъ слѣдуетъ, за то, что потерялъ ваше расположеніе... Теперь время быть на сторожѣ“ [3]). Джэкъ праведный указываетъ на то, что ложь и коварство долго царствовали, а правда была подъ замкомъ, и никто

---

regneth pride in pris, and covetys is hold wys, and lecherye with outen shame and glotony with outen blame. Envye regneth with tresone, and slouthe is take in grete sesone. God do bote, for now is tyme amen“; *Stow*, p. 294.

[1]) *Knighton*, col. 2638: Exemplar epistolae Johannis Balle.

„Jon Balle gretyth you wele alle and doth yow to understande, he hath rungen youre belle. Now ryght and myght, wylle and skylle. God spede every y dele. Nowe is tyme Lady helpe to Jhesu thi sone, and thi sone to his fadur, to make a gode ende, in the name of the Trinite of that is begunne, amen amen pur charite amen“.

[2]) *Knighton*, col. 2637: „Jakke Mylner alloquitur socios sic.

„Jakke Mylner asket help to turne his mylne aright. He hath grounden smal smal the kings of the heven he schal pay for alle. Loke thy mylne go a right, with the foure sayles, and the post stande in steadfastnesse. With ryght and with myght, with skyl and with wille, lat myght help ryght, and skyl go before wille, and right before might, than goth oure mylne aryght. And if myght go before ryght, and wylle before skylle; than is oure mylne mys a dyght“; *Stow*, p. 294.

[3]) *Knighton*, ibid.: „Jak Carter.

„Jakke Carter pryes yowe all that ye make a gode ende of that ye hane begunnen, and doth welle and ay bettur and bettur. for at the even men heryth the day. For if the ende be well, than is alle wele. Lat Peres the Plowman my brother duelle at home and dyght us corne, and I will go with yowe and helpe that y may to dyghte youre mete and youre drynke, that ye none fayle, lokke that Hobbe robbyoure be wele chastysed for lesyng of youre grace. for ye have gret nede to take God with yowe in alle youre dedes: For nowe is tyme to be war“.

Библиотека "Руниверс"

не можетъ достичь ее, если не запоетъ „Если дамъ". „Боже, дай удачу: время наступило" [1]).

Языкъ прокламацій свидѣтельствуетъ о сильномъ религіозно-нравственномъ возбужденіи того, кто говорилъ на немъ, и тѣхъ, кто его понималъ. Это языкъ тѣхъ, кто называлъ себя ревнителями правды и справедливости (zelatores veritatis et justitiae), кто шелъ за Болломъ громить дворцы, жечь монастыри, предавать казни королевскихъ измѣнниковъ не съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ихъ неправдою нажитыми богатствами, но въ качествѣ воровъ и грабителей (non fures aut latrones), но охваченный религіознымъ пыломъ фанатика, съ радостью отправляясь огнемъ и мечемъ насаждать попранный нечестивыми Божій законъ (Goddislawe). Въ призывныхъ словахъ своего пророка возставшій народъ видѣлъ высшую санкцію своему дѣлу, религіозное освященіе возстанія, и они, подобно тревожнымъ звукамъ набатнаго колокола, поднимали даже лѣнивыхъ.

Но Боллъ былъ не одинъ. Въ возстаніи, какъ мы знаемъ, принимали участіе и другія духовныя лица, преимущественно того же скромнаго общественнаго положенія, что и онъ самъ,— капелланы, составлявшіе особый, совершенно своеобразный классъ тогдашняго общества, мало чѣмъ отличавшійся экономическими условіями своей жизни отъ рабочаго класса. Классъ этотъ возникъ и развился въ значительной мѣрѣ благодаря развитію плюрализма (совмѣщенія въ однихъ рукахъ нѣсколькихъ и даже многихъ приходовъ) и тѣсно связаннаго съ нимъ абсентензма настоятелей приходовъ. За извѣстную годовую плату настоятель прихода нанималъ капеллана, и тотъ исполнялъ всѣ его обязанности, оставляя за своимъ патрономъ всѣ доходы, позволявшіе ему вести веселую и даже роскошную жизнь, вовсе не обременяя себя заботами о душахъ своихъ пасомыхъ. Когда послѣ чумы 1348 года былъ изданъ цѣлый рядъ узаконеній о рабочихъ съ цѣлью нормировать ихъ заработную плату, сильно поднявшуюся вслѣдствіе весьма значительной убыли населенія, то не забыли и капелановъ и предписали и имъ умѣрить свои требованія подъ угрозой

[1]) *Knighton*, col. 2638: „Jak Trewman.

„Jakke Trewman doth yow to understande that falsnes and gyle havith regned to long, and trewth hat bene sette under a lokke, and falsnes and gyle regneth in everylk flokke no man may come trewthe to, bot he syng *si dedero*. Speke, spende and spede, quoth Ion. of Bathon. and therefore synne fareth as wilde flode, trew love is away, that was so gode. and clerkus for welthe worthe hem wo. God do bote, for nowghe is tyme"; *Stow*, p. 294.

Библиотека "Руниверс"

лишенія правъ и даже отлученія отъ церкви [1]). Поставленные даже закономъ на одномъ уровнѣ съ сельско-хозяйственными рабочими и съ рабочими-ремесленниками, капелланы, естественно, чувствовали въ унисонъ съ народной массой, жили ея интересами, печалились ея печалями. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что, когда началось возстаніе, они оказались на сторонѣ возставшихъ, явившись ихъ вождями и руководителями. Такъ они поступили бы и въ томъ случаѣ, если бы къ этому времени и не началось въ англійскомъ обществѣ религіозно-нравственное броженіе, извѣстное подъ названіемъ лоллардизма, движеніе, которое подняло и поставило на почву евангелія (ставшаго доступнымъ массѣ благодаря переводу его на англійскій языкъ) самые основные вопросы человѣческаго общежитія. Тѣмъ съ бо́льшимъ рвеніемъ примкнули они къ народному дѣлу, уже затронутые этимъ движеніемъ, которое не оставалось въ узкихъ рамкахъ абстрактнаго морализированія, но съ самого же начала стало на широкую жизненную дорогу критики современной общественной дѣйствительности. Живя одною жизнью съ народной массой, капелланы направили свою критику прежде всего на то, что являлось злобой дня для простолюдиновъ, на фискальный гнетъ, давившій народъ, на безконечныя злоупотребленія представителей королевской администраціи, на продажность судей, законовѣдовъ и присяжныхъ и на крѣпостное безправіе, такъ рѣзко противорѣчащее евангельскому ученію о свободѣ, равенствѣ и братствѣ людей, происходящихъ отъ одного отца и отъ одной матери, отъ Адама и Евы; однимъ словомъ, едва ли было хоть одно больное мѣсто въ жизни крестьянина и городскаго рабочаго или мелкаго ремесленника, котораго бы не коснулось сочувственное слово его духовнаго наставника, такъ что, не рискуя впасть въ преувеличеніе, можно сказать, что всѣ тѣ условія политической, соціальной и экономической жизни Англіи второй половины XIV-го вѣка, которыя дѣлали народъ недовольнымъ своимъ положеніемъ и, наконецъ, вызвали взрывъ 1381-го года, въ конкретной формѣ отдѣльныхъ фактовъ и явленій подверглись обличительной критикѣ со стороны этихъ истинныхъ представителей народа, его сыновъ и духовныхъ руководителей, отдавшихъ на служеніе ему весь тотъ запасъ

---

[1]) *The Statutes of the Realm*, v. I, p. 307—308, p. 373—375 и *Rot. Parl.*, v. II, p. 270. Подробно объ этомъ будетъ говорено впослѣдствіи, а пока см. мое *Рабочее законодательство Эдуарда III-го.* 1889 (изъ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій* 1889 г.), въ особенности стр. 10 и 18—19.

Библиотека "Руниверс"

знаній, который они почерпнули изъ непосредственнаго источника тогдашней науки, отбросивъ всѣ ея схоластическія ухищренія. Возстаніе началось, и за народомъ пошли и его просвѣтители. Народъ и теперь не переставалъ видѣть въ нихъ своихъ наставниковъ. Какъ явствуетъ изъ судебнаго протокола, достаточно было капеллану Джону Роу изъ Сэдбэри явиться въ Листонъ возлѣ Мелфорда въ сэффольк-скомъ графствѣ, какъ стоявшая здѣсь огромная толпа инсургентовъ изъ Эссекса, Гертфорда, Сэффолька и Норфолька признала его своимъ предводителемъ [1]). Вспомнимъ еще подручниковъ Роу — Гальфрида Парфи, состоявшаго викарнымъ священникомъ въ церкви Всѣхъ Святыхъ въ Сэдбэри, и капеллана его Томаса, вспомнимъ капеллана Джона Майкела, сначала дѣйствовавшаго въ отрядѣ Роу, а потомъ ставшаго однимъ изъ вождей возстанія на о. Или, вспомнимъ капеллана Уильяма изъ церкви св. Іоанна на о. Тэнетѣ, поднявшаго возстаніе на этомъ островѣ вмѣстѣ съ ризничимъ той же церкви Джономъ Тэйлоромъ и другими... [2]).

Не лолларды вызвали возстаніе 1381 года. Вполнѣ реальной и научной будетъ та постановка вопроса, которая станетъ искать объясненія возстанія въ политическихъ, соціальныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ тогдашней Англіи, вызывавшихъ въ народѣ недовольство своимъ положеніемъ. Лолларды играли чисто публицистическую роль:

---

[1]) *Record Office.* Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Ro. XXVI. Suff.

[2]) Протоколы называютъ еще не мало и другихъ именъ духовныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: Джонъ Роу (Wrawe), священникъ рингфилдской церкви въ Сэффолькѣ (nuper persona ecclesie de Ringefeld) (*Rot. Parl.*, v. III, p. 111 и *Rec. Office.* Cor. R. R. Hilary 6 Ric. II. Ro. IV), капелланъ Томасъ David de Braunston въ Сэффолькѣ (*Rec. Office.* Pat. Roll 6 Ric. II. P. 2. m. 18), Джонъ Batisford клирикъ (cliricus), дѣйствовавшій въ Инсунчѣ (*Rec. Office.* Cor. R. R. Hilary 6 Ric. II. Ro. XIV), Джонъ Tubbe cliricus, Радульфъ Vernoun капелланъ и Adam Martyn cliricus, вмѣстѣ съ другими сдѣлавшіе нападеніе на усадьбу пріора церкви св. Маріи Гэнтингдонской въ Southelonetoft (*Rec. Office.* Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 11. d.), капелланъ Николай Фромптонъ изъ сомерсетскаго графства (*Rec. Office.* Patent Roll 5 Ric. II. P. 1. m. 31. d.), капелланъ Уильямъ Potton изъ Кента (*Rec. Office.* Cor. R. R. Easter 5 Ric. II. Rot. XXII. Kant'.), капелланъ Джонъ, сынъ Уильяма Clerk'a, изъ того же графства (*Rec. Office.* Cor. R. R. Hilary 5 Ric. II. m. XXVII. d.), Робертъ Sibthorp, священникъ мэдстонской церкви (persona ecclesie de Maydenston), и Джонъ, священникъ дэпингтонской церкви (persona ecclesie de Depyngton), изъ того же графства (*Rec. Office.* Close Roll 5 Ric. II. m. 38), Джонъ, приходскій капелланъ изъ Мейгэма (capellanus parochialis de Mepham), изъ того же графства (*Rec. Office.* Close Roll 5 Ric. II. m. 40), и пр.

Библиотека "Руниверс"

какъ люди болѣе чуткіе къ нравственнымъ и общественнымъ несовершенствамъ окружавшей ихъ дѣйствительности и болѣе образованные, они разъясняли народу его положеніе, дѣлали для него болѣе понятными и болѣе чувствительными всѣ его горести и печали, давали болѣе опредѣленную и часто весьма рѣзкую формулировку тому, что иногда представлялось народному сознанію въ смутномъ и нерасчлененномъ видѣ. Волна возстанія подхватила и многихъ изъ нихъ, нѣкоторые очутились даже во главѣ движенія; и все таки мы не имѣемъ данныхъ утверждать, что они повинны въ возбужденіи народа къ революціи, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть агитаторовъ, сознательно подготовлявшихъ взрывъ 1381 года; не можемъ мы сказать этого даже о Джонѣ Боллѣ, въ чемъ мы имѣли уже случай убѣдиться, разбирая всѣ дошедшія до насъ, далеко не скудныя, извѣстія о его проповѣднической дѣятельности.

Возстаніе, какъ мы видѣли, вспыхнуло случайно, то-есть, безъ заранѣе организованнаго заговора, и его содержаніе, его программа развивалась параллельно съ расширеніемъ его объема, съ увеличеніемъ охватываемой имъ территоріи. На революціонный путь стали, совершенно неожиданно для себя, всѣ тѣ лица и группы, которыя до этого едва ли и думали о насильственномъ переворотѣ, объ общемъ возстаніи, какъ о способѣ осуществить свои требованія, стремленія и мечты; они принесли съ собой въ возстаніе все то, что составляло главное содержаніе ихъ повседневной, будничной борьбы за жизнь, а также и то, что мерцало вдали свѣтлой точной идеала, становившейся все ярче и ярче въ атмосферѣ развивавшагося въ массѣ нравственно-религіознаго броженія съ его жизненнымъ отношеніемъ къ религіи, къ христіанству, съ его страстнымъ стремленіемъ возродить и воплотить въ жизни евангельскіе принципы въ ихъ чистомъ видѣ, освободивъ ихъ изъ подъ груды историческихъ наслоеній. Все это разнообразіе интересовъ нашло свое выраженіе въ программахъ возставшихъ, какъ въ умѣренной программѣ большинства, уже нами разсмотрѣнной, такъ и въ программѣ радикальной, съ которой знакомитъ насъ главнымъ образомъ *Исповѣдь* Строу. Истребленіе госпитальеровъ и всѣхъ вообще духовныхъ землевладѣльцевъ (possessionatos)—епископовъ, монаховъ, канониковъ и настоятелей приходовъ — и оставленіе въ живыхъ однихъ нищенствующихъ монаховъ, а также полное уравненіе всѣхъ членовъ общества во всѣхъ отношеніяхъ,—эти пункты радикальной программы, безспорно, тѣсно связаны съ реформаціоннымъ движеніемъ второй половины XIV вѣка,

Библиотека "Руниверс"

представляя собою крайнее выраженіе его секуляризаціонныхъ и соціалистическихъ (вѣрнѣе, коммунистическихъ) тенденцій.

Идеологическій характеръ присущъ не только этимъ пунктамъ радикальной программы. Въ сущности имъ пропикнута вся эта программа, ставящая цѣлью революціи полное разрушеніе всѣхъ основъ стараго общества и созданіе совершенно новаго порядка общественныхъ отношеній на принципахъ свободы, равенства и политическаго самоопредѣленія. Она требуетъ смерти сеньерамъ, всѣмъ судьямъ, законовѣдамъ, чиновникамъ; нѣкоторые изъ ея сторонниковъ, можетъ быть, даже готовы были предать сожженію и совершенному разрушенію столицу этого беззаконнаго государства, это средоточіе всего, отъ чего страдалъ и не находилъ защиты простой, небогатый и незнатный человѣкъ. Не было пощады и королю: и онъ обреченъ былъ на смерть послѣ того, какъ исполнитъ насильственно навязанную ему роль главы революціи и тѣмъ привлечетъ на ея сторону огромную массу народа. Всѣ прежніе законы, державшіе народъ въ угнетеніи, должны погибнуть [1]). Послѣ этого общины приступили бы къ созидательной работѣ.

Нельзя сказать, чтобы эта положительная сторона программы отличалась опредѣленностью своихъ требованій, чтобы она шла дальше самыхъ общихъ заявленій, чтобы она обнаруживала у своихъ сторонниковъ технически точное представленіе о тѣхъ конкретныхъ формахъ, въ какія эти общія идеи должны были облечься, безъ чего, какъ извѣстно, не можетъ разсчитывать на прочный успѣхъ никакая общественная или политическая программа. Изданіе новыхъ законовъ, которые бы вполнѣ удовлетворяли желаніемъ общинъ („leges condidissimus ad placitum"), которые бы, слѣдовательно, регулировали новыя отношенія, возникшія на почвѣ полнаго равенства и свободы, программа считаетъ, повидимому, первымъ дѣломъ, за которое долженъ приняться народъ, сбросивъ всѣ свои оковы; но каковы должны быть эти законы, какъ ихъ будутъ издавать, какъ ихъ будутъ приводить въ исполненіе, какіе будутъ органы власти въ этомъ новомъ государствѣ, каково будетъ ихъ отношеніе къ народу и другъ къ другу, эти и цѣлый рядъ подобныхъ вопросовъ совершенно отсутствуютъ въ программѣ даже въ самой общей формѣ; да едва ли они

[1]) Ср. *Gower*, *Vox Clamantis*, Lib. I, cap. IX, v. 699 — 700, p. 46:

„Subdere quae dudum lex nos de jure solebat
Cesset, et ulterius curia nostra regat".

Библиотека "Руниверс"

и представлялись сознанію Строу и ему подобныхъ. Правда, въ *Исповѣди* мы находимъ свидѣтельство о томъ, что инсургенты намѣревались раздѣлить Англію на нѣсколько отдѣльныхъ королевствъ, въ каждомъ графствѣ поставивъ особаго короля; съ своей стороны, сентъ-албанскій монахъ сообщаетъ, что нѣкоторые изъ вождей возстанія (Робертъ Уэстбромъ и Джонъ Листэръ) носили королевскій титулъ, называя себя королями общинъ (rex communium), а Фруассаръ говоритъ о раздѣлѣ Англіи на пять частей между главными вождями возстанія. Но эти извѣстія едва ли прибавляютъ что нибудь существенное къ скудному содержанію положительной стороны радикальной программы.

Какъ ни абстрактна эта программа, тѣмъ не менѣе связь ея съ современной ей дѣйствительностью не подлежитъ сомнѣнію. Это мы видѣли уже отчасти, останавливаясь на тѣхъ пунктахъ ея, которые отражаютъ на себѣ реформаціонное движеніе второй половины изучаемаго нами столѣтія. Связь эта станетъ для насъ еще яснѣе, если мы сопоставимъ радикальную программу съ раньше разсмотрѣнною нами вполнѣ реальною программой громадной массы возставшаго народа. Намѣреніе предать смерти всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ сеньеровъ находитъ себѣ параллель въ выраженномъ въ майлъ-эндской петиціи требованіи уничтожить крѣпостную зависимость виллановъ, отнявъ у сеньеровъ право распоряжаться ихъ личностью и трудомъ. Намѣреніе захватить короля и возить его по странѣ, выставляя его иниціаторомъ возстанія съ цѣлью привлечь къ возстанію возможно больше народа, а затѣмъ умертвить его не такъ ужъ далеко отъ того, что извѣстно намъ о тактикѣ инсургентовъ, которые, какъ мы видѣли, дѣйствительно выставляли себя исполнителями воли короля Ричарда и вѣрныхъ общинъ, такъ что королю пришлось потомъ особымъ манифестомъ опровергать распространенный въ народѣ слухъ о его связи съ возставшими. Намѣреніе упразднить всѣ законы, все прежнее право—только крайнее выраженіе той ненависти къ закону и его представителямъ, какую воспитали въ народѣ его блюстители своей продажностью, произволомъ и вымогательствами. Мы уже знаемъ о жестокой расправѣ, ихъ постигшей; они были первыми жертвами народнаго гнѣва. Лѣтописцы сообщаютъ, что ненависть эту возставшіе распространили даже на науку, видя въ ней послушное орудіе въ рукахъ своихъ властителей, не говоря уже о наукѣ юридической и ея служителяхъ и продуктахъ, всякаго рода документахъ.

Библиотека "Руниверс"

безпощадно истреблявшихся ими, гдѣ только ихъ можно было найдти [1]). По словамъ сентъ-албанскаго монаха, они заставляли учителей грамматическихъ школъ давать клятвенное обѣщаніе никогда больше не обучать мальчиковъ своей наукѣ [2]). „Опасно было тогда быть признаннымъ за клирика (то-есть по крайней мѣрѣ за грамотнаго человѣка)", говоритъ тотъ же авторъ, „но гораздо большей опасности подвергался тотъ, у кого находили у пояса чернильницу: такіе почти никогда не уходили изъ ихъ рукъ живыми" [3]). Кэмбриджская старушка, развѣявшая по вѣтру пепелъ сожженнаго на городской площади университетскаго архива, весьма краснорѣчиво выразила это отношеніе къ наукѣ своимъ напутственнымъ пожеланіемъ: „Пусть такъ исчезнетъ и мудрость ученыхъ" [4]).

Такимъ образомъ, радикальная программа представляетъ собою лишь крайнее выраженіе тѣхъ требованій и стремленій, какія составили главное содержаніе реальной программы возстанія 1881 года, и вызвана она къ жизни тѣми же условіями, какія породили и эту послѣднюю. Въ извѣстной мѣрѣ эти крайнія тенденціи не чужды всей массѣ возставшихъ, поскольку рѣчь идетъ о *настроеніи* ея въ первые моменты движенія, когда аффектъ игралъ преобладающую роль, и въ этомъ смыслѣ *Исповѣдь* Строу имѣетъ болѣе общее значеніе. Но въ формѣ программы, сознательно поставленной цѣли онѣ могли быть только у сравнительно небольшой группы, остающейся за вычетомъ изъ всей массы инсургентовъ громаднаго большинства съ его въ сущности весьма умѣренными требованіями и желаніями. Если бы, напримѣръ, намѣреніе захватить короля было намѣреніемъ всѣхъ явившихся на Майль-Эндъ, то оно было бы осуществленно тутъ же безъ всякихъ препятствій; тутъ же толпа могла бы перебить и всѣхъ, прибывшихъ въ королевской свитѣ. А вмѣсто этого народъ обратился къ королю съ петиціей законнымъ путемъ удовлетворить его требованіямъ и не причинилъ при этомъ никакого вреда ни ему, ни его

---

[1]) Ср. *Chron. Angliae*, p. 308: „Munimenta studuerunt dare flammis; et ne de novo quis reperiri valeret qui vetera sive nova de cetero posset, vel nosset, commendare memoriae, hujusmodi trucidabant".

[2]) „Magistros scholarum grammaticalium jurare compulerunt, se nunquam parvulos instructuros in arte praefata", *Ibid.*, p. 308.

[3]) „Periculosum erat agnosci pro clerico, sed multo periculosius, si ad latus alicujus atramentarium inventum fuisset; nam tales vix aut nunquam ab eorum manibus evaserunt". *Ibid.*, p. 308.

[4]) *Cajus*, p. 98—99.

Библиотека "Руниверс"

свитѣ, а на Смисфилдѣ вождь кентцевъ былъ такъ проникнутъ довѣріемъ къ королю, что не побоялся выѣхать одинъ для переговоровъ съ нимъ, не смотря на то, что король былъ окруженъ отрядомъ вооруженныхъ людей. Поднимая возстаніе, народная масса въ громадномъ большинствѣ была настроена вполнѣ монархически, совершенно искренне считая свое дѣло и дѣломъ короля, называя ненавистныхъ ей представителей администраціи и суда измѣнниками короля и общинъ и питая глубокую увѣренность въ томъ, что, обратившись къ королю и изложивъ ему свои жалобы, она получитъ отъ него полное удовлетвореніе.

Подведемъ итоги.

Возстаніе 1381-го года вспыхнуло, можно сказать, совершенно неожиданно для его участниковъ: ему не предшествовалъ заранѣе организованный заговоръ, у него не было заранѣе заготовленной для него программы. И организація, и программа явились уже послѣ того, какъ произошло столкновеніе народа съ сборщиками поголовнаго налога въ предѣлахъ Эссекскаго графства, немедленно же встрѣтившее сочувственный откликъ въ Кентѣ, Гертфордширѣ, Лондонѣ и въ другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Возстаніе вспыхнуло на почвѣ аффекта, какъ протестъ противъ притѣсненій и вымогательствъ правительственныхъ агентовъ, въ концѣ истощившихъ терпѣніе народной массы. Такимъ образомъ, непосредственную причину возстанія нужно искать въ политическихъ условіяхъ даннаго момента и въ предшествующей возстанію исторіи отношеній правительства и народа, давшей въ результатѣ весьма острое политическое настроеніе, для котораго нуженъ былъ только поводъ, чтобы прорваться бурнымъ потокомъ ненависти и злобы противъ „королевскихъ измѣнниковъ“.

Но, политическое по своему происхожденію и по своему началу, движеніе 1381-го года немедленно же приняло и соціальный характеръ, вскорѣ оттѣснившій на второй планъ его первоначальную политическую сторону, и превратилось въ широкій протестъ противъ феодальнаго строя во имя свободы личности, свободы труда и земли, свободы торговли, свободы всего гражданскаго оборота. Присутствіе въ рядахъ возставшихъ нѣкоторыхъ представителей господствующихъ классовъ, представителей того общественнаго порядка, противъ котораго было направлено движеніе, не измѣняетъ

Библиотека "Руниверс"

характера движенія: мятежные дворяне явились рѣдкимъ исключеніемъ; ихъ было всего лишь нѣсколько человѣкъ, и все, что мы знаемъ о нихъ изъ нашихъ источниковъ, позволяетъ намъ видѣть въ нихъ лишь авантюристовъ, приставшихъ къ возстанію съ самыми низменными цѣлями поправить свои денежныя дѣла, воспользовавшись вынужденнымъ бездѣйствіемъ власти, охранявшей законъ, (вспомнимъ рыцаря Павла Солсбэри, подвизавшагося въ столицѣ); они такіе же паразиты возстанія, какъ и тѣ разбойники и профессіональные грабители, которые въ немаломъ количествѣ были освобождены инсургентами изъ королевскихъ и частно-владѣльческихъ тюремъ на всемъ протяженіи охваченной возстаніемъ территоріи; рѣшительно ничто не даетъ намъ основанія подозрѣвать въ рыцарѣ Павлѣ Солсбэри и ему подобныхъ (а ихъ только мы и встрѣчаемъ въ нашихъ источникахъ) и принципіальныхъ сторонниковъ возстанія, манившаго будто бы ихъ „перспективой легкаго обогащенія на счетъ церкви и верховныхъ собственниковъ", перспективой, которую открывало передъ ними ученіе лоллардовъ, пользовавшихся успѣхомъ въ средѣ мѣстнаго дворянства и, повидимому, имѣвшихъ также намѣреніе „подчинить приходское духовенство надзору и даже карательной власти сидящихъ на своихъ земляхъ дворянъ или джентри" [1]).

Въ то время, какъ политическая программа возставшихъ (употребляя слово *программа* въ широкомъ смыслѣ) отличается, съ одной стороны, значительной неопредѣленностью своихъ положительныхъ требованій, и съ другой, крайней несложностью и примитивностью требованій отрицательнаго характера, не свидѣтельствуя о политической зрѣлости народной массы, не представленной въ парламентѣ и не пріобрѣвшей навыковъ политической мысли и дѣйствія, программа соціальная поражаетъ насъ полной отчетливостью своихъ параграфовъ. Въ ней тоже преобладаетъ отрицательная сторона. Но тогда, какъ осуществленіе политической программы или сводилось къ простому акту истребленія „королевскихъ измѣнниковъ", ни въ чемъ не измѣняя существующаго политическаго порядка, или же приводило (въ рукахъ приверженцевъ радикальной теоріи) къ безусловному разрушенію всѣхъ политическихъ связей, къ полному политическому хаосу, надъ которымъ витали туманные призраки какихъ то новыхъ законовъ, изданныхъ самимъ народомъ

---

[1]) *Англійская Пугачевщина*, *Русская Мысль*, 1895, май, стр. 11—15. Смотри нашу первую главу.

Библиотека "Руниверс"

и закрѣпляющихъ торжество правды на землѣ, обезпечивающихъ свободу, равенство и братство,—осуществленіе соціальной программы давало сразу весьма опредѣленные результаты, замѣняя одинъ весьма опредѣленный порядокъ отношеній другимъ, столь же опредѣленнымъ и столь же конкретно представляемымъ порядкомъ, вполнѣ осуществимымъ въ условіяхъ тогдашней общественной дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ. Уничтоженіе личной несвободы и натуральныхъ повинностей крестьянъ превращало ихъ въ свободныхъ держателей, въ сокменовъ, которыхъ было весьма не мало въ средневѣковой Англіи. А это вѣдь было основное и самое популярное изъ требованій, общее всей массѣ возставшаго крестьянства. Опредѣленность его доведена отчасти до математической точности: установленъ максимумъ арендной платы за акръ земли—4 пенса. Какъ естественное дополненіе къ свободѣ личности и труда, выставлено требованіе свободы торговли.

Вся эта опредѣленность и конкретность соціальной программы наводитъ на мысль, что содержаніе этой программы сложилось въ сознаніи народа уже давно, что въ возстаніе онъ принесъ его въ готовомъ уже видѣ, воспользовавшись неожиданно вспыхнувшимъ политическимъ мятежомъ, чтобы осуществить свои давно назрѣвшія соціальныя идеи. Событія 1381-го года не даютъ отвѣта на вопросъ, какъ возникли эти идеи. Его слѣдуетъ искать въ предшествующей исторіи. За этой соціальной программой стоитъ цѣлая эпоха классовой борьбы, не прекращавшейся все предшествовавшее тридцатилѣтіе. Изученіе этой эпохи дастъ намъ возможность выяснить, въ какой степени соціальныя идеи возставшихъ соотвѣтствовали матеріальной дѣйствительности, хозяйственнымъ и соціальнымъ условіямъ момента, въ какой степени онѣ развивались въ сознаніи народа параллельно съ ходомъ матеріальнаго процесса, являясь отраженіемъ этого процесса въ народномъ сознаніи, въ какой степени попытка осуществить ихъ, когда неожиданно представился благопріятный случай, можетъ быть названа попыткой насильственно ускорить прошедшій черезъ сознаніе процессъ, совершавшійся въ матеріальной дѣйствительности. Можно ли сказать, что анти-феодальныя идеи возставшихъ были лишь формулировкой тенденцій матеріальной дѣйствительности, что имъ соотвѣтствовало, параллельно развиваясь, самопроизвольное разложеніе феодальнаго строя съ его хозяйственной и соціальной стороны? Вотъ въ общихъ терминахъ основной вопросъ о генезисѣ соціальной стороны возстанія 1381 года. Только такая постановка его

Библиотека "Руниверс"

можетъ привести къ опредѣленію мѣста, занимаемаго возстаніемъ въ соціальной эволюціи средневѣковой Англіи, къ научному объясненію возстанія.

Само собою разумѣется, что этотъ общій вопросъ обнимаетъ собою цѣлый рядъ вполнѣ конкретныхъ частныхъ вопросовъ, указывая то направленіе, въ какомъ должно вестись изслѣдованіе, и съ полной опредѣленностью онъ возникаетъ въ умѣ изслѣдователя не апріорнымъ путемъ, а уже послѣ обстоятельнаго предварительнаго знакомства съ матеріаломъ этихъ частныхъ вопросовъ, въ качествѣ конечной цѣли всѣхъ отдѣльныхъ изысканій, стремящихся разъяснить характеръ общественныхъ явленій предшествующей возстанію эпохи и связать съ ними это послѣднее явленіе, уже изученное нами въ его индивидуальности.

Повторяемъ: событія 1381 года не даютъ отвѣта на вопросъ о генезисѣ тѣхъ соціальныхъ идей, какія они обнаружили у возставшихъ. Прибавимъ въ дополненіе къ этому, что не даютъ они отвѣта и на другой, тѣсно связанный съ нимъ вопросъ, какимъ образомъ эти идеи сложились въ весьма разработанную и строго опредѣленную соціальную программу, нашедшую сочувственный откликъ въ сердцахъ, можно сказать, всей массы возставшаго народа и сплотившую ее, — правда, весьма не прочными узами и на весьма непродолжительное время, — для совмѣстной борьбы за свободу, лишь только начался кровавый протестъ противъ политическаго гнета. Вопросъ этотъ станетъ передъ читателемъ во всей своей настоятельности, если мы напомнимъ, что данныя источниковъ не позволяютъ намъ примѣнить къ объясненію возстанія 1381 года совершенно не приличествующую наукѣ полицейскую точку зрѣнія, разыскивающую зачинщиковъ, подстрекателей, склонявшихъ народъ къ мятежу, организовавшихъ среди него заговоръ, подготовившихъ возстаніе 1381 года. Разсмотрѣніе дѣятельности Джона Болла и подобныхъ ему представителей соціально-религіознаго движенія второй половины XIV-го вѣка не дало намъ фактовъ, которые бы подкрѣпили взглядъ Роджерса и другихъ изслѣдователей, что лолларды вообще и „бѣдные священники“ въ частности и были организаторами возстанія, подготовившими его вмѣстѣ съ его программой задолго до взрыва 1381 года. Какъ мы видѣли раньше, анализируя факты, рисующіе событія 1381 года, организація явилась уже послѣ столкновенія народа со сборщиками поголовнаго налога. Фактъ этотъ весьма краснорѣчиво свидѣтель-

Библиотека "Руниверс"

ствуетъ о томъ, что содержаніе соціальной программы дѣйствительно выработано предшествующей исторіей, что оно явилось продуктомъ весьма развитаго общественнаго сознанія, воспитаннаго въ атмосферѣ соціальной борьбы съ весьма опредѣленными лозунгами, борьбы, сдѣлавшей возможнымъ для народной массы взаимное пониманіе и, при случаѣ, совмѣстную дѣятельность для достиженія всѣмъ одинаково понятныхъ и дорогихъ цѣлей. Такимъ случаемъ и былъ неожиданный взрывъ народнаго раздраженія противъ королевской администраціи, освѣтившій яркимъ свѣтомъ все то, что только таилось на днѣ народной души, открывшій народу путь для проведенія въ жизнь всего того, за что онъ боролся всю предшествующую эпоху. Изслѣдовать эту эпоху, понять эту борьбу и значитъ найдти ключъ къ выясненію генезиса возстанія Уота Тайлера съ его соціальной стороны. Борьба эта сосредоточивается вокругъ *рабочаго законодательства*, вызваннаго къ жизни Черной Смертью съ ея экономическими послѣдствіями, выдвинувшими на авансцену *рабочій вопросъ*, все болѣе и болѣе обострявшійся. Если мы обратимъ вниманіе читателя на то обстоятельство, что рабочій вопросъ, вообще говоря, чуждъ средневѣковому строю съ натуральнымъ характеромъ его хозяйства и несвободой труда, то для него станетъ вполнѣ понятнымъ тотъ захватывающій широкій научный интересъ, какой представляетъ изученіе этого вопроса въ англійскомъ обществѣ XIV-го вѣка для изслѣдователя экономической и соціальной эволюціи средневѣковой Англіи; вмѣстѣ съ тѣмъ для него станетъ ясной и та связь, какая существуетъ между этой эволюціей и изученнымъ уже нами конкретнымъ явленіемъ, возстаніемъ 1381 года.

Такимъ образомъ, изслѣдователь, стремящійся научно выяснить генезисъ возстанія Уота Тайлера, долженъ броситься въ самый водоворотъ быстро несущагося потока народной жизни средневѣковой Англіи, чтобы разобраться въ основныхъ, по крайней мѣрѣ, ея теченіяхъ, уяснить ихъ взаимодѣйствіе и прослѣдить ихъ до ихъ источниковъ. Маякомъ для него будетъ служить кровавое зарево 1381 года.

Библиотека "Руниверс"

ПОЭЗІЯ ВЪ РИМСКОЙ ИСТОРІИ [1]).

I.

Сказаніе о Коріоланѣ.

Вступленіе.

По изгнаніи царей, для Рима, успѣвшаго уже занять твердое положеніе въ Лаціумѣ, насталъ періодъ большихъ опасностей. Онъ долженъ былъ прежде всего выдержать борьбу съ этрусскими, пришедшими на помощь къ изгнанному царю, въ лицѣ котораго было свергнуто этрусское господство въ главномъ городѣ Лаціума, затѣмъ съ сабинянами, затѣмъ съ соединенными латинянами, послѣ чего начался періодъ почти непрерывной полуторавѣковой борьбы съ вольсками, къ этому времени распространившимися и утвердившимися въ южномъ Лаціумѣ и нашедшими себѣ, на Востокъ отъ Рима, вѣрныхъ и неизмѣнныхъ союзниковъ въ лицѣ экковъ. Это была для римской республики настоящая борьба за существованіе, и во всякомъ случаѣ для нея это было тяжкое время испытанія, когда ей предстояло или погибнуть отъ истощенія силъ, или закалиться для новой борьбы съ еще болѣе страшными врагами, на болѣе широкой аренѣ. Римъ, какъ мы знаемъ, не погибъ въ этой борьбѣ за существованіе и вышелъ съ торжествомъ изъ этого времени испытанія.

Войны, которыя требуютъ напряженія всѣхъ силъ народа, порождаютъ героевъ. Герои эти, въ которыхъ народъ какъ бы воплощаетъ свою мощь и самоутвержденіе, овладѣваютъ его воображеніемъ и долго остаются въ его памяти, какъ его любимые образы, какъ фигуры бо-

[1]) Читано въ засѣданіи Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ, 30-го октября 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

гатырей, на которыя ему пріятно оглядываться, какъ на все, что льститъ народному самолюбію и гордости. Война съ этрусками, явившимися съ Порсеной во главѣ раздавить только-что зародившуюся республику, породила богатырскій образъ Горація Коклита, защищавшаго только съ двумя товарищами противъ цѣлой этрусской рати деревянный мостъ на Тибрѣ, чтобы дать своимъ согражданамъ возможность, сломавъ часть его, не допустить непріятеля на исконно римскую почву, затѣмъ во всемъ вооруженіи бросившагося въ Тибръ и среди непріятельскихъ стрѣлъ доплывшаго до своего берега. Рядомъ съ этимъ непосредственно возстаетъ передъ нами въ повѣствованіи тѣхъ же римскихъ историковъ геройская фигура Муція Сцеволы, положившаго свою руку въ огонь, чтобы доказать Порсенѣ, съ какими безстрашными людьми ему придется имѣть дѣло, если онъ не отойдетъ отъ Рима. Какъ будто не достаточно было этихъ двухъ героевъ войны съ Порсеной, въ которыхъ такъ ярко сказывается гордое сознаніе несокрушимости римскаго духа въ минуту опасности,—памъ рисуется тутъ же фигура героини дѣвицы Клелія, убѣжавшей изъ плѣна у Порсены, которому она была дана въ числѣ десяти заложницъ, и переплывшей, по нѣкоторымъ извѣстіямъ на конѣ, Тибръ въ виду осыпавшихъ ее стрѣлами непріятелей. Вотъ какъ въ сознаніи народномъ послѣдующихъ столѣтій Римъ велъ первую свою войну за укрѣпленіе республики! Въ дѣйствительности Порсена наложилъ на принужденный къ сдачѣ Римъ [1]) тяжкія условія мира [2]), а въ народномъ преданіи онъ долженъ былъ уступить передъ несокрушимостью сопротивленія, которому не могъ не удивляться при видѣ подвиговъ поименованныхъ героевъ. Мы не входимъ пока въ разрѣшеніе вопроса, насколько разказываемые историками геройскіе подвиги въ данномъ случаѣ отвѣчаютъ исторической дѣйствительности, и насколько сами фигуры этихъ героевъ являются историческими личностями: для насъ важенъ лишь фактъ, что первый натискъ, сдѣланный противъ республики, вызвалъ, по установившемуся римскому преданію, рядъ героевъ, которые своею удивительною отвагой спасли Римъ отъ возвращенія царской тираніи и иноземнаго господства.

Но отстоявъ себя отъ покушенія изгнаннаго царя возвратить себѣ престолъ при помощи чужеземной силы, Римская республика избѣгла только перваго фазиса смертельной опасности. Воспользовавшись за-

[1]) Tac. *Hist.* III, 72.
[2]) Plin. N. H., XXXIV, 139.

Библиотека "Руниверс"

мѣшательствами, возникшими изъ государственнаго переворота, и видимымъ ослабленіемъ государства, послѣдовавшимъ за войною съ Порсеной, окрестные народы одинъ за другимъ нападаютъ на Римъ, не давая ему опомниться и собраться съ силами. Съ сабинянами, ослабленными домашнею враждою, римляне справились скоро и даже пріобрѣли себѣ съ этой стороны подкрѣпленіе въ переселеніи въ Римъ рода Клавдіевъ съ многочисленными его кліентами. Иное дѣло была борьба съ латинянами, которые видѣли теперь благопріятный случай сбросить съ себя римское иго: и вотъ всѣ тридцать латинскихъ общинъ рѣшили вступить въ войну подъ предводительствомъ тускуланскаго вождя Октавія Мамилія, выставлявшаго предлогомъ возстановленіе на престолѣ Тарквинія, его тестя. Принужденные въ столь крайнемъ положеніи выбрать диктатора, римляне одолѣли, однако, и этого врага, одержавъ, по дошедшему до насъ историческому преданію, блестящую побѣду при Регильскомъ озерѣ въ 258 году города. Борьба была отчаянная, и въ ней погибло не мало героевъ, но побѣда была одержана, между прочимъ благодаря прямому заступничеству Діоскуровъ, которымъ диктаторъ далъ обѣтъ построить храмъ послѣ побѣды [1]). Результатомъ войны съ латинянами былъ союзный договоръ, заключенный въ 261 (495 до Р. Хр.) консуломъ Спуріемъ Кассіемъ съ латинскими городами,—договоръ, который былъ вырѣзанъ на поставленной на форумѣ мѣдной колоннѣ и сохранился до эпохи классическихъ писателей [2]). И была пора прекратить всякую вражду среди латинскихъ общинъ, такъ какъ у нихъ былъ общій врагъ, который захватывалъ въ Лаціумѣ одну область за другою, и съ которымъ надо было вести войну настоящую. Врагъ этотъ были вольски.

Что̀ за народъ были эти вольски, когда они появились въ Лаціумѣ, это—вопросы не разъясненные. Мы стали бы напрасно искать у древнихъ писателей данныхъ, касающихся ихъ происхожденія. Своихъ памятниковъ письменности этотъ народъ также намъ не оставилъ, за исключеніемъ двухъ надписей [3]) религіознаго значенія, одну

[1]) Храмъ этотъ былъ посвященъ въ 270 (484) сыномъ Постумія (Liv. II, 42) на Форумѣ и есть въ основѣ своей тотъ самый, три бѣломраморныхъ колонны котораго служатъ теперь украшеніемъ развалинъ Форума.

[2]) Liv. II, 33, 9; Cic. pro Balb., 23; Dionys. Halic. Ant. Rom. VI, 95, гдѣ сообщено и содержаніе договора.

[3]) Бронзовую надпись, происходящую изъ Велитръ (нынѣ Velletri) и изданную первоначально Ланци въ Saggio di lingua Etrusca (Римъ, 1789), II, p. 616, можно читать между прочимъ у Моммзена въ Unteritalische Dialekte, p. 320 и у Цѣтаева въ Inscriptiones Italiae mediae (Лпц., 1884), p. 42, и на X табл., № 4, атласа по фотографическому снимку.

Библиотека "Руниверс"

изъ которыхъ (найденную въ Антинѣ—нынѣ городъ Cività d' Antina), впрочемъ, новѣйшій издатель этихъ надписей, профессоръ Цвѣтаевъ, считаетъ принадлежащею языку марсовъ [1]), изъ земли которыхъ она происходитъ. Изъ этихъ надписей или изъ надписи видно, что языкъ, которымъ говорили вольски, представляетъ много сходства съ умбрскимъ [2]) и былъ ближе къ осскому, чѣмъ къ латинскому. Что онъ существенно отличался отъ послѣдняго, составляя самостоятельное нарѣчіе, это прямо слѣдуетъ изъ дошедшаго до насъ у Феста подъ словомъ: *Obscum*, стиха изъ комедіи Титинія, въ которомъ говорится о людяхъ, говорящихъ по-осски и по-вольски, такъ какъ они не умѣютъ говорить по-латыни:

Qui obsce et volsce fabulantur, nam latine nesciunt.

Но этотъ стихъ въ то же время свидѣтельствуетъ, что, отличаясь отъ латинскаго языка, языкъ вольсковъ отличался и отъ языка южныхъ ихъ сосѣдей, осковъ, хотя бронзовая надпись изъ Велитръ, несомнѣнный памятникъ вольскаго языка, и говоритъ о большей близости его къ осскому, чѣмъ къ латинскому. Все это показываетъ, что вольски, живя въ южномъ Лаціумѣ, не смѣшивались ни съ осками, ни съ послѣдующими господами Кампаніи, самнитами, а обличая существенное сходство съ наиболѣе сѣверною вѣтвью италійцевъ, съ умбрами, отъ которыхъ были отдѣлены фалисско-латинскою вѣтвью, съ одной стороны, и народами сабелльской вѣтви—съ другой, были народомъ, поселившимся не ко времени основанія Римской республики, какъ безъ всякихъ основаній утверждаетъ Максъ Цёллеръ въ своей очень рискованной книгѣ о Лаціумѣ [3]), а въ очень древнее время, которое должно даже предшествовать поселенію въ долинѣ Тибра латинскаго племени. Для болѣе поздняго поселенія въ горахъ и равнинахъ южнаго Лаціума направляющемуся съ сѣвера народу не было свободной дороги: новымъ поселенцамъ пришлось бы пробиваться черезъ земли фалисковъ и латинянъ, еслибы они пошли долиной Тибра, черезъ земли сабинянъ, эквовъ, марсовъ, герниковъ, еслибы они двинулись горными мѣстностями, занятыми народами са-

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1882, мартъ, стр. 24 слд.; ср. его Inscr. Ital. med., p. 36.

[2]) См. анализъ и объясненія Велитрской надписи у Моммзена въ Op. cit., у Бреаля въ *Revue Archéol.*, 1876, p. 241, Бюхелера въ Lexic. Ital., у Цвѣтаева въ *Журн. Мин. Нар. Прос.*, мартъ, 1882 г.

[3]) Latium und Rom (Лпц., 1878), p. 273 слд.

Библиотека "Руниверс"

беллскаго племени. Но о какомъ бы то ни было появленіи вольсковъ по обѣимъ сторонамъ Лириса и въ понтинскихъ земляхъ въ эпоху, слѣдовавшую за основаніемъ Рима, римское преданіе совершенно ничего не знаетъ. Къ тому же, ко времени столкновенія Рима съ вольсками страна этихъ послѣднихъ представляла культуру, которая была далеко выше римской. Нездоровыя и почти необитаемыя теперь земли Понтинской области, сдѣлавшіяся въ значительной степени такими уже со времени разоренія ихъ войнами и подчиненія римскому владычеству, въ вольскую эпоху, какъ показываютъ новѣйшія археологическія изслѣдованія [1]), были цвѣтущими, имѣли густое населеніе (около 80 человѣкъ на квадратную версту) и были прорѣзаны густою сѣтью подземныхъ каналовъ (cuniculi), которая, будучи устроена въ видахъ спуска заражавшихъ воздухъ испареніями подпочвенныхъ водъ, тщательно охранялась и поддерживалась, но которая пришла въ упадокъ и разрушеніе, когда этотъ крѣпкій и воинственный народъ долженъ былъ сойдти со сцены и уступить свои обезлюженныя земли и разрушенные города римлянамъ. О солидной культурѣ этого народа ясно свидѣтельствуетъ то, что малочисленные города, частью существующіе доселѣ подъ измѣненными или и совсѣмъ новыми названіями, частью представляющіе груды развалинъ, частью превратившіеся въ деревни, были соединены между собою хорошими дорогами, идущими въ разныхъ направленіяхъ. Мѣстности, по которымъ проходили эти дороги, теперь пустынны, но развалины, которыми онѣ усѣяны, показываютъ, что въ то далекое время здѣсь жило населеніе не только многочисленное, но дѣятельное и зажиточное. Этой зажиточности вольскаго населенія не скрываютъ и римскіе писатели. Т. Ливій [2]), говоря о взятіи Тарквиніемъ Гордымъ Суэссы Пометской, сообщаетъ, что изъ добычи, доставшейся римлянамъ по этому

---

[1]) См. по-преимуществу De la Blanchère, Un chapitre d'histoire Pontine État ancien et décadence d'une partie du Latium) Paris. 1889. Какъ объ этомъ, такъ и о другихъ трудахъ этого замѣчательнаго французскаго археолога, къ сожалѣнію, такъ рано умершаго (въ нынѣшнемъ году) я писалъ въ одной изъ своихъ статей подъ заглавіемъ: „Ученая жизнь въ Римѣ", помѣщенныхъ въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* См. мартъ, 1892. Предпринятыя въ послѣднее время серьезныя раскопки въ нѣсколькихъ пунктахъ земли вольсковъ обѣщаютъ дать интересныя свѣдѣнія о культурѣ этого народа. См., напримѣръ, отчетъ Барнабеи и Коцца о раскопкахъ на мѣстѣ древняго Сатрика въ Atti академіи Линчеевъ, январь, 1896, p. 23—48.

[2]) I, 53,3.

Библиотека "Руниверс"

поводу, Тарквиній выручилъ сорокъ талантовъ серебра [1]), на каковые деньги и сталъ строить храмъ Юпитера Капитолійскаго. Земледѣліе вольсковъ на столько было въ цвѣтущемъ состояніи, что, по сообщенію тѣхъ же историковъ, римляне во время своихъ неурожаевъ неоднократно обращались къ нимъ за покупкой хлѣба [2]), а по завоеваніи Помптинской области римскіе трибуны указываютъ на нее, какъ на лакомый кусокъ, для надѣленія землей плебеевъ [3]), и римскій сенатъ прибѣгаетъ къ раздѣлу тамошнихъ земель, какъ къ средству расположить плебеевъ къ готовности взяться за оружіе на новыхъ непріятелей [4]).

Таковъ былъ народъ, съ которымъ римлянамъ пришлось вступить въ нескончаемый рядъ войнъ вскорѣ по основаніи республики. Римская исторія III и IV вѣка города переполнена описаніемъ этихъ войнъ, которыя были тѣмъ тяжелѣе для Рима, что рядомъ съ ними шла въ его стѣнахъ внутренняя борьба, сословная и экономическая, борьба между патриціями и плебеями. Уклониться отъ войнъ съ вольсками римляне не могли, такъ какъ это былъ врагъ, который видимо стремился къ подчиненію себѣ всего Лаціума, отбирая у латинянъ одинъ городъ за другимъ и не думая остановиться даже подъ стѣнами самого Рима. Начало войнъ съ вольсками въ римскомъ историческомъ преданіи не ясно. Титъ Ливій [5]) относитъ его ко времени Тарквинія Гордаго, который въ своемъ воинственномъ угарѣ пошелъ на богатый вольскій городъ Суессу Пометскую, взялъ его и вывезъ оттуда, какъ мы только-что говорили, богатую добычу. Римскій національный историкъ положительно говоритъ, что это была *первая* война Рима съ вольсками, и что Тарквиній этимъ своимъ походомъ открылъ двухсотлѣтній періодъ борьбы съ этимъ народомъ [6]). Но

---

[1]) Талантъ состоялъ изъ 60 минъ, или 6.000 драхмъ=приблизительно 5.500 франкамъ, слѣдовательно въ общей сложности всего 220.000 франковъ. Эта сумма, на нашъ взглядъ незначительная, но по-тогдашнему все-таки большая, въ сообщеніи Діонисія Галикарнасскаго (IV, 50) увеличивается во много разъ, такъ какъ одна десятая часть серебра, посвященная богамъ, дала не менѣе *четырехсотъ* талантовъ, то-есть, 2.200.000 фр.

[2]) *Liv.*, II, 9,6; 34,3; IV, 25, 4; Dionys. Hal., V, 26; VII, 1.

[3]) *Liv.*, VI, 5—6.

[4]) *Liv.*, VI, 21.

[5]) I, 53,2.

[6]) Ibid.: is primus Volscis bellum in ducentos amplius post suam aetatem annos movit.

Библиотека "Руниверс"

Діонисій Галикарнасскій [1]) сообщаетъ о походѣ еще Анка Марція противъ вольскаго города Велитръ, который кончился миромъ и союзомъ. Хотя то обстоятельство, что Ливій не знаетъ о походѣ Анка Марція, и отнимаетъ значеніе у сообщенія Діонисія, но въ виду несомнѣннаго факта упорнаго стремленія вольсковъ къ распространенію своего владычества въ Лаціумѣ очень естественно предполагать, что столкновеніе между ними и римлянами началось раньше, чѣмъ римская гегемонія въ латинскомъ союзѣ стала неоспоримымъ фактомъ при Тарквиніи Гордомъ, который, по словамъ Цицерона [2]), omne Latium bello devicit. Во всякомъ случаѣ со времени взятія и ограбленія Суэссы Пометской и начался періодъ почти безпрерывныхъ войнъ съ вольсками, войнъ, въ которыхъ перевѣсъ въ теченіе почти всего третьяго столѣтія города не былъ на сторонѣ римлянъ, несмотря на разказы о побѣдахъ у римскихъ историковъ. Трудному положенію римлянъ въ этой борьбѣ способствовало то, что вольски рѣдко стояли противъ нихъ въ войнѣ одни, а чаще въ союзѣ съ другими народами. Обыкновенными и самыми ревностными ихъ союзниками были эквы, которые, какъ только вольски двигались противъ Рима съ юга, нападали на него съ востока. Связывало ли эти двѣ народности такъ тѣсно единство ихъ происхожденія (эквы, какъ еще утверждаетъ Нибуръ [3]), были древнѣйшимъ народомъ, ein uralter Volk, чѣмъ, какъ слѣдуетъ думать, были и вольски въ Южномъ Лаціумѣ), или общая ненависть къ Риму и латинянамъ вообще, но крѣпость ихъ союза противъ Рима была удивительна, хотя каждый изъ этихъ народовъ воевалъ подъ предводительствомъ своего военачальника, послѣ того какъ печальный опытъ 266 (488) г. доказалъ, какъ трудно согласиться на счетъ общаго предводителя. Что въ войнахъ, въ которыхъ римляне, одерживая побѣды, часто терпѣли пораженія, и которыя, требуя отъ нихъ постояннаго напряженія, дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на воображеніе многихъ поколѣній, что въ этихъ войнахъ, говоримъ мы, были герои, подвиги которыхъ давали возбужденному воображенію пищу и приковывали его къ именамъ этихъ героевъ съ особенною силою, было дѣломъ очень естественнымъ.

[1]) III, 41.

[2]) Rep. II, 24, 44.

[3]) Römische Geschichte, p. 42 изданія 1853 г. въ одномъ томѣ (I, 81, 3-го изд.).

Библиотека "Руниверс"

Такимъ геройскимъ именемъ, прославленнымъ въ борьбѣ съ вольсками и плѣнившимъ народное воображеніе болѣе всякаго другаго имени, было имя Коріолана. Объ немъ осталось у римлянъ навсегда не только воспоминаніе о совершенномъ имъ подвигѣ, какъ это можно сказать относительно Горація Коклита, Муція Сцеволы и дѣвицы Клеліи, но цѣлое сказаніе и притомъ такое, въ которомъ съ эпическимъ элементомъ тѣсно соединялся драматическій, сказаніе о героѣ, оказавшемъ своему отечеству важныя услуги, покрывшемъ свое имя неувядаемою славой, но въ силу партійныхъ раздоровъ осужденномъ народомъ на изгнаніе, явившемся затѣмъ съ иноземною ратью предъ стѣнами изгнавшаго его города, чтобъ отомстить неблагодарному отечеству, удержанномъ отъ этой мести просьбами и укоризнами матери и удалившемся, чтобъ окончать жизнь изгнанникомъ на чужбинѣ. Драматичность сказанія, переданнаго римскими историками италійскаго и греческаго происхожденія, такова, что могла стать содержаніемъ одной изъ трагедій величайшаго изъ драматическихъ поэтовъ, Шекспира, сдѣлавшаго образъ Коріолана близкимъ воображенію и новыхъ европейскихъ народовъ. Діонисій Галикарнасскій [1]) утверждаетъ, что въ Римѣ даже въ его время, черезъ пятьсотъ лѣтъ послѣ смерти Коріолана, герой этотъ „всѣми воспѣвается и прославляется, какъ мужъ благочестивый и праведный“. Трагедія Шекспира сдѣлала его имя популярнымъ для новыхъ временъ и увѣковѣчила его для отдаленнаго будущаго образованнаго человѣчества.

1.

Содержаніе сказанія.

Въ 261 году Рима, въ семнадцатый годъ республики, римскій консулъ Постумъ Коминій выступилъ противъ вольсковъ, главная сила которыхъ, особенно угрожавшая Риму, была въ Аптіѣ, или, если угодно, Анціумѣ (Antium, нынѣ Porto d'Anzio), какъ обыкновенно это у насъ пишется и произносится. Римскому войску не стоило большихъ хлопотъ взять два находившихся въ ихъ власти и недалеко отстоявшихъ одинъ отъ другаго латинскихъ города—Полуску и Лонгулу, чтобы послѣ того подступить къ Коріоламъ, городу богатому и

[1]) A. R. VIII. 62.

Библиотека "Руниверс"

хорошо укрѣпленному, который у Діонисія Галикарнасскаго [1]) называется очень знаменитымъ городомъ, бывшимъ притомъ „какъ бы метрополіей вольсковъ". Но такъ какъ противъ Римской арміи вышло войско изъ Антія, то консулъ Коминій долженъ былъ раздѣлить свою силу на два отряда: съ однимъ изъ нихъ онъ пошелъ на встрѣчу антіатамъ, а другой подъ предводительствомъ Тита Ларція оставилъ для осады Коріолъ. Жители Коріолъ, видя малочисленность оставленнаго для борьбы съ ними отряда, вышли изъ своихъ стѣнъ и бросились на римлянъ, которые въ большинствѣ не выдержали натиска [2]) и обратились въ бѣгство къ своему лагерю. Но въ отрядѣ находился молодой патрицій Гней Марцій. Онъ съ горстью стоявшихъ съ нимъ молодцовъ не только не пошатнулся, но, изрубивъ многихъ изъ нападающихъ, заставилъ коріоланскую рать поворотить назадъ и бѣжать въ городъ. Молодой герой, сзывая своихъ обратившихся раньше въ бѣгство, товарищей, преслѣдовалъ непріятеля до стѣнъ города и вмѣстѣ съ нимъ ворвался въ растворенныя ворота. Рубя направо и налѣво, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ произвелъ въ городѣ пожары, и, не смотря на отчаянное сопротивленіе коріоланцевъ, которымъ помогали и женщины, бросая въ непріятеля черепицы съ крышъ своихъ домовъ, и на малочисленность предводительствуемаго имъ отряда, городъ принужденъ былъ сдаться отважному побѣдителю. Тогда этотъ послѣдній, не теряя времени, летитъ съ горстью храбрецовъ на помощь отряду, который долженъ былъ сражаться съ антіатами. Видъ покрытаго кровью, но полнаго радости героя, возвѣстившаго о взятіи города, зданія котораго продолжали дымиться и вспыхивать пламенемъ пожара, поднялъ духъ въ отрядѣ Коминія, но все-таки, когда началась битва, Гнею Марцію и здѣсь пришлось выдержать наибольшую рѣзню и оказать такія чудеса храбрости, что онъ былъ признанъ единогласно главнымъ виновникомъ и этой побѣды. На слѣдующій день консулъ предъ лицомъ всего войска воздалъ храбрости героя торжественную похвалу и благодарность за совершенные подвиги, при чемъ предложилъ ему въ награду боеваго коня, снабженнаго полководческими украшеніями, и предоставилъ ему, прежде дѣлежа добычи, выбрать себѣ десять плѣнниковъ, какихъ онъ пожелаетъ, взять серебра, сколько онъ можетъ съ собой унести, и изъ остальной

[1]) A. R. VI, 92: πόλιν ἐπιφανῆ σφόδρα καὶ ὥσπερ ἂν μητρόπολιν τῶν Οὐολούσκων. Ср. Плутарха *Coriolan.* 8: ἡ Κοριολάνων πόλις ἀξίωμα μέγιστον εἶχε.

[2]) Т. Ливій совсѣмъ опускаетъ или скрываетъ эту черту сказанія, но она рѣзко выступаетъ у Плутарха (ibid.) и въ смягченномъ видѣ у Діонисія (ibid.).

Библиотека "Руниверс"

добычи все, что есть лучшаго. Войско общимъ крикомъ одобрило предложеніе консула. Но Гней Марцій взялъ только коня, да изъ числа плѣнниковъ просилъ освободить лицо, съ которымъ онъ былъ въ связяхъ гостепріимства. Войско не могло надивиться безкорыстію и скромности героя и громкими возгласами выражало свое удивленіе. Когда шумъ голосовъ умолкъ, консулъ Коминій обратился къ войску съ заявленіемъ, что такъ какъ Гней Марцій не хочетъ брать никакихъ подарковъ, то его соратникамъ остается только почтить его отличіемъ, которое онъ завоевалъ себѣ, отъ котораго отказаться не можетъ, прозвищемъ Коріолана. Окруженный славою, Гней Марцій возвратился въ Римъ. Титъ Ливій замѣчаетъ, что слава эта была такъ велика, что совершенно затмила славу консула, такъ что и самый фактъ веденія консуломъ Постуміемъ Коминіемъ войны съ вольсками исчезъ бы изъ исторіи, еслибъ на мѣдной колоннѣ, на которой былъ начертанъ заключенный въ этомъ же году союзный договоръ съ латинянами, не стояло имя лишь *одного* консула, Спурія Кассія [1]).

Съ такою славой и съ такими заслугами Гней Марцій могъ разсчитывать на высшія почести въ республикѣ, но судьба ему сулила другое. Въ Римѣ въ это время шла ожесточенная борьба между патриціями и плебеями. Послѣдніе незадолго до этого, удалившись на Священную гору, выговорили себѣ у сената представителей и защитниковъ въ лицѣ трибуновъ, личность которыхъ была объявлена священною. Многіе изъ патриціевъ не одобряли этого шага уступчивости со стороны сената, и въ числѣ такихъ недовольныхъ былъ Коріоланъ. Онъ не скрывалъ своего образа мыслей и высказывалъ его открыто, видя въ учрежденіи должности трибуновъ большія опасности для будущаго республики. На бѣду въ Римѣ, на другой годъ послѣ совершенныхъ имъ въ войнѣ съ вольсками подвиговъ, былъ большой голодъ, порожденный частію войною, которая истребляла посѣвы, частію тѣмъ, что поля остались не обработанными по причинѣ удаленія въ 260 г. плебеевъ на Священную гору, какъ это объясняется Ливіемъ [2]). Плебеи, подстрекаемые трибунами, не хотѣли записываться въ ряды арміи, которую нужно было выслать противъ вольсковъ, собиравшихся снова воевать съ римлянами. Гней Марцій съ своими кліентами и съ добровольцами изъ патриціевъ, къ которымъ присоединилась часть плебеевъ, выступилъ противъ антіатовъ, разбилъ

[1]) Ливій (II, 33, 9) хочетъ этимъ сказать, что другой консулъ, значитъ, отсутствовалъ въ Римѣ, то-есть, былъ занятъ войною.

[2]) II, 34, 2.

Библиотека "Руниверс"

ихъ и привезъ въ Римъ огромную добычу, которую раздѣлилъ между своими соратниками. Не хотѣвшіе отправиться на войну плебеи, теперь завидуя возвратившимся съ добычею гражданамъ, увидѣли себя въ накладѣ и роптали на трибуновъ, которые въ свою очередь старались распространять въ народѣ молву о стремленіи Коріолана къ тираніи. Поэтому, когда онъ выступилъ кандидатомъ въ консулы слѣдующаго года, то, не смотря на поддержку, оказанную ему патриціями, потерпѣлъ неудачу. Обиженный этою несправедливостью, Коріоланъ еще болѣе сталъ возставать противъ трибунской власти и хотѣлъ добиться того, чтобы плебеи отказались отъ своихъ представителей.

Между тѣмъ голодъ продолжалъ свирѣпствовать, и многіе граждане искали спасенія въ переселеніи въ колоніи—въ Велитры, въ Норбу [1]). Правда, консулы 262 года Т. Гегавій и П. Минуцій озаботились посылкой людей для закупки хлѣба всюду, въ окрестныя страны, гдѣ его можно было купить: къ этрускамъ, къ вольскамъ, въ Кумы, въ Сицилію. Изъ Этруріи по Тибру хлѣбъ былъ привезенъ, и это нѣсколько облегчило положеніе, хотя не надолго. Въ странѣ вольсковъ скупщиковъ чуть не перебили и никакого хлѣба не дали. Не лучше дѣло обошлось и въ Кумахъ; хлѣбъ тамъ былъ закупленъ, но его конфисковалъ тиранъ Аристодемъ въ вознагражденіе за оставшееся въ Римѣ имущество Тарквинія и его, удалившихся съ нимъ, приверженцевъ. Хлѣбъ былъ привезенъ въ достаточномъ количествѣ только изъ Сициліи, при чемъ значительная часть его была дана римскому народу въ подарокъ отъ сиракузскаго тирана Гелона. Оставалось теперь только рѣшить, по какой цѣнѣ продавать его народу, который надѣялся, что купленный хлѣбъ будетъ продаваться дешево, а подаренный раздаваться безъ платы. Нѣкоторые изъ сенаторовъ думали тоже, но многіе изъ нихъ смотрѣли на дѣло такъ, что нужно воспользоваться обстоятельствами, чтобъ заставить плебеевъ отказаться отъ правъ, недавно ими пріобрѣтенныхъ, благодаря своему рѣшенію удалиться на Священную гору. Однимъ изъ главныхъ представителей этого мнѣнія былъ Коріоланъ, ожесточенный врагъ трибунской власти. Онъ рѣзко возсталъ противъ мнѣнія тѣхъ сенаторовъ, которые предлагали дешевую продажу и безвозмездную раздачу хлѣба,

[1]) Вольскій городъ, на территоріи котораго недавно произведены были большія раскопки директоромъ американской археологической школы въ Римѣ, проф. Фрозсингемомъ (Frothingham), давшія весьма важные результаты, между прочимъ, и тотъ, что циклопическія стѣны этого древняго города Лаціума признаны относящимися по меньшей мѣрѣ къ VIII столѣтію до Р. Хр.

Библиотека "Руниверс"

и говорилъ: если плебеи хотятъ получать хлѣбъ попрежнему, то пусть попрежнему и подчиняются патриціямъ. Къ чему онъ станетъ терпѣть долѣе плебейскихъ властей, притязанія трибуновъ? Я, который не могъ сносить царя Тарквинія, говорилъ онъ, буду сносить Сицинія? Пусть онъ теперь удаляется съ плебеями на Священную гору или на другіе холмы! Дорога открыта... Рѣчи въ такомъ родѣ показались чрезчуръ жестокими даже сенаторамъ; въ народѣ же, которому о нихъ тотчасъ же было доложено трибунами, онѣ произвели взрывъ негодованія, такъ что онъ готовъ былъ броситься въ курію, гдѣ засѣдали сенаторы. Но трибуны, сваливъ всю вину на Коріолана, направили на него одного и народное негодованіе. По однимъ извѣстіямъ, они послали ликторовъ въ курію, чтобы привести его на судъ народа; но ликторы были вытолканы Коріоланомъ изъ зданія сенатскихъ засѣданій. Тогда они пошли сами съ эдилами и наложили было на него руки; но патриціи оттолкнули трибуновъ и нанесли удары эдиламъ. Ливій не сообщаетъ этихъ подробностей, а говоритъ только, что когда Коріоланъ выходилъ изъ куріи, то трибуны удержали народъ, готовый броситься на него, только тѣмъ, что успѣли предъявить оскорбителю народа требованіе явиться въ судъ. Народное волненіе прекратила ночь. Но на слѣдующее утро консулы, видя, что волненіе, руководимое трибунами, возобновилось, созвали сенатъ и просили его содѣйствовать успокоенію умовъ увѣщаніями и благосклонными постановленіями. Сенаторы въ большомъ числѣ вышли на форумъ и стали уговаривать народъ прекратить волненіе, увѣряя, что никто не думаетъ отнимать у плебеевъ пріобрѣтенныя права, и что на счетъ пониженія цѣны на хлѣбъ между ними нѣтъ разногласія. Народъ выслушивалъ такія рѣчи съ удовольствіемъ, и настроеніе его противъ сената и Коріолана стало видимо смягчаться. Но эта перемѣна настроенія не нравилась трибунамъ, а главное — все дѣло испортилъ самъ Коріоланъ. Въ своей высокомѣрной рѣчи къ народу онъ не только не старался смягчить словъ, произнесенныхъ имъ въ сенатѣ, не только не обнаруживалъ какого либо раскаянія, но отвергалъ всякое право суда надъ собой со стороны плебеевъ, ничѣмъ не стѣсняясь, порицалъ низкія страсти толпы, собравшейся судить его, и съ особенною яростью напалъ на трибуновъ, къ которымъ питалъ непримиримую ненависть. Тогда трибунъ Сицицій, отличавшійся наибольшею смѣлостью между своими коллегами, объявляетъ ему, что онъ за оскорбленіе, нанесенное наканунѣ эдиламъ, представителямъ ихъ народной власти, осужденъ на смерть, и приказываетъ эдиламъ схватить его,

Библиотека "Руниверс"

вести на Капитолій и сбросить тамъ съ Тарпейской скалы. Но окружавшіе Коріолана патриціи оказали сопротивленіе насилію. Произошла свалка, которой положили конецъ своимъ появленіемъ консулы, давшіе своимъ ликторамъ приказъ заставить толпу разступиться и удалиться. Трибуны должны были удовольствоваться согласіемъ консуловъ и сената на преданіе Коріолана суду народнаго собранія, и тотъ же трибунъ Сициній назначилъ ему терминъ для судебной явки. Такъ какъ сенатъ не далъ согласія на обвиненіе Коріолана за его слова и дѣйствія въ сенатѣ, то Сициній высказалъ передъ собравшимися для суда трибунами обвиненіе въ стремленіи къ тираніи. Когда обвиняемый безъ труда доказалъ, что такое обвиненіе лишено основанія, и когда въ народѣ видно было намѣреніе оправдать его, то трибунъ Децій указалъ на то, что Коріоланъ взятую имъ въ походѣ, сдѣланномъ имъ недавно въ антіатскую область, добычу не предоставилъ, какъ того требуетъ законъ, государству, чтобы вырученныя за нее деньги поступили въ казну, а самовольно раздѣлилъ ее между своими приверженцами. Это ли не доказательство его стремленія къ тираніи? Такъ какъ отрицать фактъ раздѣла добычи между участниками похода было невозможно, то было приступлено къ собиранію голосовъ. Девять трибъ высказались за оправданіе, двѣнадцать за осужденіе. Наказаніемъ ему было опредѣлено изгнаніе.

У Ливія [1]) въ противность другимъ историкамъ [2]) говорится, что Коріоланъ на судъ не явился и обвиненъ былъ заочно. Затѣмъ, хотя эти историки, у которыхъ самъ Марцій Коріоланъ присутствуетъ на судѣ и даже говоритъ рѣчь въ свое оправданіе, и сообщаютъ, что осужденіе вызвало въ немъ величайшій приливъ гнѣва, но они не говорятъ, чтобы онъ далъ волю этому гнѣву и тутъ же высказалъ презрѣніе и угрозы осудившему его народу. Это молчаніе историковъ не помѣшало, однако, Шекспиру вложить въ уста герою слова, въ которыхъ онъ, удаляясь изъ Рима, высказалъ свои чувства къ людямъ, изгнавшимъ изъ отечества столь заслуженнаго гражданина.

Вы—стая подлыхъ сукъ! Дыханье ваше
Противнѣй мнѣ, чѣмъ вонь гнилыхъ болотъ,
Любовью вашей дорожу я столько-жъ,
Какъ смрадными, раскинутыми въ полѣ,
Остатками враговъ непогребенныхъ.
Я изгоняю васъ! Живите здѣсь
Съ безумiемъ и малодушьемъ вашимъ!

[1]) II, 35, 6.
[2]) Dionys. Hal., VII, 62—64; Plut. *Coriol.*, 20.

Библиотека "Руниверс"

Пусть тѣнь бѣды васъ въ дрожь и страхъ кидаетъ,
Пускай враги, встряхнувши гривой шлемовъ,
Шлютъ бурей вамъ отчаянье въ сердца!
Храните дольше вашу власть и право
Въ изгнанье слать защитниковъ своихъ, покуда,
Наконецъ, глупцы, придется
Вамъ на себѣ извѣдать, слишкомъ поздно,
Что врагъ вашъ—сами вы! И пусть тогда
Чужой народъ придетъ на васъ, безумцевъ,
И въ рабство васъ, рабовъ, возьметъ безъ боя!
Я презираю васъ и городъ вашъ.
Я прочь иду: есть міръ и кромѣ Рима [1]).

Великій поэтъ, безспорно, съ величайшею вѣрностью обпажаетъ этими стихами передъ нами душу оскорбленнаго неблагодарностью согражданъ героя, который, когда говорилъ къ толпѣ, не стѣснялся въ выраженіяхъ. Изгнанный изъ отечества Коріоланъ, наскоро простившись съ матерью и женою, не медля вышелъ изъ чужаго теперь для него города, съ намѣреніемъ искать убѣжища у самыхъ непримиримыхъ враговъ Рима, которымъ самъ онъ лично наболѣе надѣлалъ зла, у вольсковъ. Онъ ничего не припялъ отъ сопровождавшихъ его до границы города патриціевъ, ни о чемъ никого не просилъ и пошелъ въ путь, сопровождаемый всего тремя или четырьмя кліентами [2]). Уходя онъ былъ занятъ одною мыслью — отомстить своей неблагодарной родинѣ, abiit, minitans patriae hostilesque jam tum spiritus gerens, какъ говорится у Ливія [3]).

Коріоланъ направился въ Антій и прямо въ домъ къ своему смертельному врагу, предводителю [4]) антіатовъ, Аттію Туллію [5]). Раз-

---

[1]) *Коріоланъ*, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ Дружинина. Дѣйствіе 3-е, сцена 3, въ концѣ.

[2]) Plut., *Coriol.*, 21.

[3]) II, 35, 6.

[4]) Нибуръ (Röm. Gesch., p. 485, изд. 1853, въ одномъ томѣ, II, 267 3-го изд. называетъ его *царемъ* (König) несообразительно. Ни Ливій, ни Діонисій не приписываютъ Аттію Туллію такого титула. Плутархъ (*Coriol.*, 22) приписываетъ ему лишь царское достоинство, ἀξίωμα βασιλικόν, что, если даже и придавать этому обозначенію Плутарха серіозное значеніе, не одно и то же съ титуломъ царя. Царемъ (rex) его называютъ позднѣйшіе писатели (Aur. Vict. *De vir. ill.*, 81; ср. прим. Іеронима къ хроникѣ Евсевія подъ Olymp. 168). Ср. также Скліа Ист. лика, VIII, 405; XII, 175. Нужно замѣтить, что царская власть въ началѣ V столѣтія до Р. Хр. уже исчезла у народовъ Лаціума и ихъ сосѣдей, какъ это можно заключить и изъ словъ Діонисія (VI, 62), влагаемыхъ въ уста Аппію Клавдію: ἀριστοκρατεῖται δὲ καὶ τὰ ἔθνη τὰ πέριξ ἡμῶν ἅπαντα.

[5]) У Плутарха (*Coriol.*, 22) стоитъ: Туллъ Амфидій (Τύλλος Ἀμφίδιος).

Библиотека "Руниверс"

казываетъ ему въ смиренныхъ выраженіяхъ, какія обстоятельства заставили его искать убѣжища и покровительства у человѣка, который къ нему до сихъ поръ не могъ питать никакого чувства, кромѣ ненависти, заявляетъ, что теперь, имѣя съ вольсками общаго врага, онъ можетъ этому народу принести не меньше пользы, чѣмъ сколько раньше нанесъ вреда, и прибавляетъ, что онъ впрочемъ готовъ хоть сейчасъ принять смерть, если съ нимъ захотятъ поступить, какъ съ непріятелемъ, а не какъ съ пришедшимъ искать убѣжища изгнанникомъ изъ своего отечества. Предводитель антіатскихъ вольсковъ былъ польщенъ тѣмъ, что ему предалъ себя въ руки человѣкъ такого значенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовался, что теперь вольски пріобрѣтаютъ такого союзника въ войнѣ съ ненавистными имъ римлянами. Поэтому Коріоланъ нашелъ въ его домѣ вполнѣ дружелюбный пріемъ, и между ними вскорѣ зашла рѣчь о войнѣ съ Римомъ. Населеніе вольсковъ не было расположено къ скорому начатію войны послѣ недавнихъ неудачъ, особенно послѣ опустошенія, которое произвела въ немъ недавно свирѣпствовавшая моровая язва; къ тому же, между римлянами и вольсками, какъ это по крайней мѣрѣ значится у Діонисія Галикарнасскаго [1]), было заключено еще недавно на два года перемиріе. Поэтому надо было пріискать поводъ, который бы съ одной стороны заставилъ вольсковъ рѣшиться на войну съ Римомъ, съ другой — былъ бы достаточнымъ оправданіемъ нарушенія ими перемирія. Поводъ этотъ былъ придуманъ Коріоланомъ и немедленно былъ пущенъ въ ходъ Аттіемъ Туллiемъ. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Въ это время въ Римѣ шли приготовленія къ возобновленію „большихъ игръ“ (ludi magni). Это instauratio ludorum, то-есть, повтореніе зрѣлища заново сначала, что дѣлалось тогда, когда начатыя уже игры (въ честь боговъ) чѣмъ нибудь осквернялись, — было вызвано тѣмъ, что утромъ того дня, когда должны были начаться положенныя въ этомъ году большія игры, одинъ римлянинъ въ циркѣ, служившемъ мѣстомъ для этихъ игръ, безчеловѣчно наказывалъ и засѣкъ до смерти своего раба, послѣ чего начались игры, какъ бы это обстоятельство совсѣмъ не затрагивало религіи [2]). Разгнѣванный Юпитеръ, явившись во снѣ нѣкоему Титу Лавинію, повелѣлъ ему сообщить объ его неудовольствіи консуламъ, а когда тотъ не испол-

[1]) VIII, 2.

[2]) Liv., II, 36, 1: Velut ea res nihil ad religionem pertinuisset.

Библиотека "Руниверс"

нилъ божескаго велѣнія, то наказалъ непослушнаго тѣмъ, что онъ сперва лишился сына, а потомъ и самъ былъ пораженъ разслабленіемъ, послѣ чего онъ, уже несомый на носилкахъ, далъ знать сначала консуламъ, а затѣмъ, по ихъ приказанію, и сенату о томъ, что ему было возвѣщено божествомъ. Сенатъ, чтобъ не навлечь на Римъ большаго несчастія, постановилъ, что нужно начать игры сызнова съ предварительнымъ умилостивленіемъ очистительными жертвами верховнаго бога. Игры готовились богатѣйшія, и смотрѣть ихъ собралось также много вольсковъ съ дѣтьми и женами. По наущенію Коріолана Туллій явился (по Діонисію [1])—подослалъ человѣка) къ римскимъ консуламъ и сказалъ имъ, что онъ опасается, какъ бы вольски, собравшись въ такомъ числѣ, не сдѣлали, когда общее вниманіе будетъ устремлено на зрѣлище, нападенія на Римъ и не зажгли его, и что онъ самъ заблаговременно удаляется изъ города. Результатомъ такого лукаваго сообщенія было то, что всѣмъ вольскамъ было приказано до заката солнца оставить Римъ. Такое оскорбительное распоряженіе естественно должно было вызвать негодованіе не только среди тѣхъ вольскихъ семействъ, которыхъ оно непосредственно касалось, но и во всемъ племени, и безъ того нерасположенномъ къ римлянамъ.

Туллій и воспользовался этимъ настроеніемъ. Встрѣтивъ возвращавшихся домой, послѣ такого срама, онъ выставилъ имъ на видъ всю тяжесть оскорбленія, нанесеннаго имъ на глазахъ представителей сосѣднихъ народовъ, и сказалъ, что это не что иное, какъ вызовъ [2]), на который они должны отвѣтить подобающимъ образомъ. Усиленное такими рѣчами раздраженіе возвратившіяся изъ Рима вольскія семьи принесли домой, и возбужденіе противъ Рима охватило всѣ вольскія земли. Были отправлены изъ каждой общины депутаты въ городъ Эцетру на народное собраніе, которое и рѣшило объявить римлянамъ войну. О томъ, какъ лучше вести эту войну, былъ, по предложенію Туллія, спрошенъ Коріоланъ. Воспользовавшись случаемъ представиться вольскому народу и объяснить ему, какимъ образомъ онъ сталъ врагомъ римлянъ и другомъ вольсковъ, онъ посовѣтовалъ прежде всего отправить въ Римъ пословъ съ требованіемъ возвратить всѣ города, отнятые у вольсковъ, и уйдти изъ укрѣпленій, построенныхъ на вольской землѣ, а равно и побудить его возвратить все,

[1]) Dionys., VIII, 8.

[2]) Liv., II, 38, 5: „Bellum vobis indictum est: magno eorum malo, qui indixere, si viri estis".

Библиотека "Руниверс"

что было взято у вольсковъ силою. Тогда, говорилъ Коріоланъ, вы или получите безъ хлопотъ и издержекъ то, что было у васъ отнято, или будете имѣть прекрасный и справедливый предлогъ къ войнѣ. Принужденные взяться за оружіе, вы будете имѣть въ этой войнѣ союзниками эквовъ, албанцевъ, этрусковъ и всѣхъ, кому ничего не остается для возвращенія своего достоянія, какъ прибѣгнуть къ оружію. Къ тому же, болѣе благопріятнаго случая для нападенія на римлянъ представить себѣ нельзя, такъ какъ они раздираются междусобіемъ и не обладаютъ теперь искусными полководцами. Что же касается его, Коріолана, то какое бы мѣсто ему ни дали въ этой войнѣ— простаго воина, центуріона, полководца, онъ будетъ служить имъ всѣми силами и постарается быть такъ же полезнымъ въ качествѣ союзника, какъ прежде приносилъ имъ вредъ, будучи врагомъ. Рѣчь Коріолана очень понравилась. Поспѣшно были отправлены въ Римъ послы, а Коріолану было дано въ каждомъ вольскомъ городѣ право засѣдать въ сенатѣ, отправлять высшія должности и право на всѣ почести, какія были у нихъ наибольшими. Римляне отвѣтили посламъ съ обычнымъ высокомѣріемъ. Вольски собрались снова на совѣщаніе, на которомъ съ согласія всего племени было постановлено начать войну съ римлянами. Предводителями на войнѣ были избраны Аттій Туллій и Коріоланъ.

Принявъ начальство надъ арміей, Коріоланъ направляется сначала къ приморскому городу Цирцеямъ, куда еще Тарквиніемъ была выведена римская колонія, какъ оплотъ противъ вольсковъ [1]). Римскихъ колонистовъ онъ выгоняетъ, а городъ отдаетъ вольскамъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ беретъ одинъ за другимъ города, лежавшіе между латинскимъ берегомъ моря и позднѣйшей Аппіевой дорогой: Сатрикъ, Лонгулу, Полуску, Коріолы, Мугиллу, а за ними уже и Лавиній, общую мать латинскихъ городовъ, мѣстопребываніе привезенныхъ Энеемъ пенатовъ. Покончивъ съ завоеваніемъ латинскаго побережья, онъ поперечными дорогами прошелъ къ Латинской дорогѣ и взялъ лежавшіе за нею латинскіе города: Корбіонъ, Вителлію, Требій, Лабики, Педъ [2]). Наконецъ онъ двинулся къ Риму и, расположившись лагеремъ у Клуи-

---

[1]) См. Liv. I, 56, 3; Dionys., IV, 63.

[2]) Всѣ эти города, какъ и предыдущіе, и въ томъ же порядкѣ поименовываетъ Т. Ливій (II, 39, 3—4). Діонисій (VIII, 14—36) разсказываетъ о походѣ Коріолана совсѣмъ иначе, и завоеваніе указанныхъ городовъ, за исключеніемъ Цирцеевъ, слѣдуетъ у Діонисія въ обратномъ порядкѣ.

Библиотека "Руниверс"

лѣвыхъ рвовъ, въ пяти миляхъ отъ города, принялся за опустошеніе собственно римской области, при чемъ опустошаемы были только плебейскіе участки, а патриційскіе оставались нетронутыми, потому ли, чтобъ удовлетворить своей непріязненности къ плебеямъ, или въ томъ расчетѣ, что это вызоветъ раздоръ между сословіями [1]). Римъ, лишенный союзниковъ, терзаемый внутренними раздорами, не находитъ никакого выхода изъ отчаяннаго положенія, какъ просить мира. О рѣшеніи дѣла оружіемъ, какъ хотѣли бы сенатъ и консулы, по словамъ Ливія [2]), нельзя было и думать, такъ какъ плебеи рѣшительно отказывались идти на войну, предпочитая другія средства спасенія, plebes omnia, quam bellum malebat. Эта plebes подозрѣвала патриціевъ въ томъ, что, желая войны и находясь въ то же время въ заговорѣ съ врагомъ, они хотятъ этимъ путемъ отъ нея отдѣлаться.

Рѣшено было съ общаго согласія — отправить къ Коріолану пословъ, которые должны были предложить ему возвращеніе его изъ ссылки и просить мира [3]). Послами были избраны пять сенаторовъ, связанныхъ съ нимъ узами родства или дружбы. Проведенные черезъ непріятельскій лагерь, они нашли его сидящимъ съ суровымъ видомъ среди вольской знати. Когда на вопросъ, зачѣмъ они пришли, они скромно и почтительно изложили причину своего появленія, то онъ, сердито и рѣзко замѣтивъ имъ, что они имѣютъ теперь съ нимъ дѣло, какъ съ предводителемъ вольсковъ, потребовалъ, чтобъ римляне возвратили вольскамъ взятые у нихъ города и земли, отозвали оттуда своихъ колонистовъ и вступили съ вольсками въ союзъ на правахъ, одинаковыхъ съ латинскимъ союзомъ; иначе о мирѣ рѣчи быть не можетъ. На обдумываніе этихъ условій онъ далъ имъ тридцать дней, а самъ поспѣшно поднялся лагеремъ, чтобъ тѣмъ временемъ повоевать въ Лаціумѣ. Тридцать дней прошли. Римляне не могли принять столь тяжкихъ условій мира и отправили къ нему новое посольство, которое состояло изъ десяти лицъ консульскаго званія. Оно пришло просить, чтобъ онъ, не навязывая униженія римскому народу, вывелъ вольскія войска изъ предѣловъ его государства и тогда прислалъ по-

[1]) Такъ именно разсуждаетъ Ливій, говоря (II, 39, 6): sive infensus plebi, sive ut discordia inde inter patres plebemque oriretur.

[2]) II, 39, 8.

[3]) Въ такой формѣ сообщается о предложеніяхъ посольства Коріолану у Плутарха, *Coriol*., 30, ср. Zonar. *Chron*., VII, 16. У Ливія о возвращеніи Коріолана изъ изгнанія, какъ объ одномъ изъ предложеній пословъ, не говорится ни слова; у Діонисія (VIII, 25) говорится условно.

Библиотека "Руниверс"

словъ для заключенія союза между вольсками и римлянами. Коріоланъ потребовалъ, чтобъ римляне безъ возраженія приняли предложенныя имъ раньше условія мира, грозя, въ противномъ случаѣ, двинуться къ стѣнамъ города. Сроку для принятія рѣшенія далъ имъ три дня. Тогда, чтобъ склонить его на милость, являются въ лагерь понтифики, авгуры и другіе представители религіознаго культа въ своихъ священныхъ одеждахъ и просятъ согласиться на то, о чемъ ходатайствовало предыдущее посольство. Коріоланъ не сдѣлалъ и имъ никакой уступки, а сказалъ, что римлянамъ предстоитъ или исполнить его требованія, или вступить съ нимъ въ войну, и, кромѣ того, далъ приказаніе, чтобъ никто больше не являлся къ нему для переговоровъ. Между тѣмъ истекалъ и послѣдній срокъ. Римляне стали готовиться, какъ могли, къ защитѣ города противъ угрожавшей ему немедленной осады, а женщины съ плачемъ бросились въ храмы молить боговъ объ отвращеніи опасности. Тогда одной изъ нихъ, Валеріи, сестрѣ Валеріи Попликолы, одного изъ виновниковъ низверженія царской тираніи, пришла мысль обратиться къ другимъ матронамъ съ предложеніемъ идти въ домъ матери Коріолана, Ветуріи, и жены его, Волумніи, и побудить ихъ отправиться вмѣстѣ съ ними въ лагерь непріятеля и постараться слезами и мольбой защитить Римъ, котораго мужчины не могутъ защитить оружіемъ. Удрученныя болѣе другихъ горемъ, Ветурія и Волумнія, хотя и не ожидали пользы отъ своего ходатайства передъ человѣкомъ, отказавшимся отъ матери, жены и дѣтей своихъ, двинулись въ путь вмѣстѣ съ другими. На рукахъ у Волумніи были два сына суроваго предводителя непріятелей. При видѣ плачущихъ женщинъ, своихъ малютокъ съ убитою горемъ женой, своей престарѣлой матери, обратившейся къ нему съ упреками и мольбами, герой не устоялъ и, облобызавъ своихъ, снялся лагеремъ и вывелъ свои войска изъ римской земли. Одно преданіе [1]) говоритъ, что Коріоланъ, удалившись къ вольскамъ, дожилъ до старости; другое, болѣе распространенное [2]), гласитъ, что онъ умеръ насильственною смертію, при чемъ главнымъ виновникомъ этой смерти

---

[1]) Его сообщаетъ анналистъ Фабій Пикторъ, на котораго по этому поводу и ссылается Ливій (II, 40, 10—11); его же передаетъ и Діонъ Кассій (Fragm. 18, 12), а за нимъ и Зонара (l. c.).

[2]) Главнымъ представителемъ этого преданія является Діонисій Галикарнасскій (VIII, 57—59), изъ котораго прямо заимствовали его Плутархъ (*Coriol.*, 39) и Аппіанъ (De reb. Ital. fragm. V, 5). Діонъ Кассій (Fr. 18, 12) сообщаетъ то и другое преданіе, какъ и Ливій, который видимо держится перваго.

Библиотека "Руниверс"

считается Туллій, прежде его врагъ, а по переходѣ Коріолана къ вольскамъ—его соперникъ и завистникъ [1]). Былъ ли онъ осужденъ на смерть народнымъ собраніемъ вольсковъ за измѣну, какъ это значится у нѣкоторыхъ писателей [2]), или само войско, которое онъ отвелъ отъ Рима, учинило съ нимъ расправу, какъ хотятъ представить дѣло другіе [3]), или, наконецъ, онъ былъ умерщвленъ толпой окружившихъ его агентовъ Туллія въ тотъ моментъ, когда онъ, поднявшись на трибуну, хотѣлъ передъ народнымъ собраніемъ вольсковъ оправдать свое поведеніе, какъ это сообщается Діонисіемъ и Плутархомъ [4]),—всѣ эти варіанты преданія одинаково противорѣчатъ свидѣтельству древнѣйшаго римскаго анналиста [5]), что знаменитый римскій изгнанникъ дожилъ среди своихъ бывшихъ враговъ до старости. Ходило впрочемъ еще одно преданіе, которое говорило, что Коріоланъ самъ на себя наложилъ руки. Оно въ римской литературѣ нашло себѣ мѣсто у Цицерона [6]), который сравниваетъ его смерть съ смертью также изгнанника изъ отечества, побѣдителя персовъ, Ѳемистокла.

Отъ чего бы ни произошла смерть Коріолана, она вызвала большое сожалѣніе какъ среди вольсковъ, такъ и въ Римѣ. Римскія матроны, замѣчаетъ Діонисій [7]), носили по немъ трауръ и оплакивали его втеченіе цѣлаго года. Но память о немъ не исчезла и позже, и даже черезъ пятьсотъ лѣтъ послѣ его смерти, когда писалъ свой трудъ о римскихъ древностяхъ указанный греческій писатель, онъ „воспѣвается всѣми, какъ мужъ благочестивый и праведный“ [8]).

Таково сказаніе о Коріоланѣ [9]). Въ римскомъ преданіи съ нимъ соединена постройка храма Женской Фортуны (Fortuna Muliebris) въ память избавленія женщинами Рима отъ страшной опасности. Храмъ

---

[1]) Dionys., ibid.; Plut., ibid.

[2]) Polyaen., *Strat.* VIII, 25, 3.

[3]) Ampel., *Lib. mem.*, 27, 1.

[4]) Dionys., VIII, 59; Plut. *Coriol.*, 39.

[5]) Фабія Пиктора. Ливій, II, 40, 10—11, говоритъ: Apud Fabium, longe antiquissimum auctorem, usque ad senectutem vixisse eundem (Coriolanum) invenio; refert certe hanc saepe eum exacta aetate usurpasse vocem, multo miserius seni exilium esse.

[6]) *Lael.*, 12, 42; *Brut.*, 10, 42.

[7]) Dionys., VIII, 62; Plut., *Coriol.*, 39.

[8]) Dionys., ibid.

[9]) Оно нами изложено на основаніи комбинаціи данныхъ у Ливія, Діонисія и Плутарха.

Библиотека "Руниверс"

этотъ былъ воздвигнутъ въ четырехъ миляхъ отъ Рима на Латинской дорогѣ, на томъ будто бы самомъ мѣстѣ, гдѣ мольбы и слезы женщинъ сломили упорство Коріолана и заставили его увести свое войско отъ Рима [1]).

II.

Сказаніе о Коріоланѣ въ ученой литературѣ со временъ Нибура.

(Разныя теоріи и разборъ ихъ).

Сказаніе это какъ по своему содержанію, такъ и по своему складу до того необыкновенно, что со времени, когда началось критическое изслѣдованіе римской исторіи, вызывало множество недоумѣній и очень разнообразныя толкованія. Передъ критическимъ умомъ Нибура не могло не обнаружиться, что сказаніе это не есть настоящая исторія, что тутъ рядомъ съ историческимъ элементомъ есть другой, присутствіе котораго онъ видитъ во всей исторіи первыхъ четырехъ столѣтій Рима. „Гней Марцій", говоритъ онъ [2]), „передъ городомъ, который онъ одинъ завоевываетъ, это — *мысль героической пѣсни*". Между тѣмъ это-то чудесное завоеваніе — хотя нигдѣ не говорится, что Гней Марцій *одинъ* взялъ Коріолы — и служитъ исходнымъ пунктомъ цѣлаго сказанія. Какъ историческое повѣствованіе, оно несостоятельно и въ цѣломъ и въ подробностяхъ. Оно есть для Нибура, поэтому, *сага*, какъ онъ и озаглавливаетъ весь эпизодъ римской исторіи, касающійся Коріолана. Эпизодъ этотъ прежде всего поставленъ не на своемъ мѣстѣ. „Я", говоритъ Нибуръ [3]), „не вижу никакого основанія не вѣрить, что какой либо сицилійскій царь прислалъ въ Римъ во время голода хлѣба, но сицилійскіе тираны выступаютъ нѣсколькими олимпіадами позже времени, куда поставленъ разказъ о Коріоланѣ. Я вѣрю, что Коріоланъ впервые былъ потребованъ на судъ плебеевъ, но до Публиліева закона они не могли на это отважиться; римляне не могли бы при Сп. Кассіѣ спорить о раздѣлѣ ager publicus, еслибы вольски продвинулись до Лавиніи. Я вѣрю, далѣе,

---

[1]) Dionys., VIII, 55; Val. Max., I, 8, 4; V, 2, 1; Fest., *Pudicitiae* (ed. M., p. 242).

[2]) Röm. Geschichte, p. 489 изданія 1853 г. въ одномъ томѣ (II, 275 2-го изд.).

[3]) Vorträge über Römische Geschichte, herausg. von M. Isler, I, Berlin, 1846, p. 246—247. Ср. p. 288.

Библиотека "Руниверс"

что нѣкій Л. Юній Брутъ установилъ строгія наказанія для тѣхъ, кто помѣшалъ бы говорить трибунамъ, но тотъ, кто помѣстилъ эту исторію подъ 262 годомъ, не могъ всему этому вѣрить. Потому именно я и говорю, что она не принадлежитъ къ этому времени, но могла произойдти лишь послѣ Публиліева закона. Гней или Гай Марцій, быть можетъ, отличился въ войнѣ противъ антіатовъ, но Коріолъ онъ не могъ завоевать, ибо этотъ городъ въ томъ же году принимаетъ участіе въ союзѣ латинскихъ городовъ. Надо или всю эту исторію отвергнуть, какъ романъ, или пріурочить ее совсѣмъ къ другому времени". Это другое время, къ которому подходитъ историческая часть сказанія о Коріоланѣ, Нибуръ находитъ нѣсколькими десятилѣтіями позже, именно онъ полагаетъ его между 278 и 295 гг. Рима. Въ 278 г. былъ, дѣйствительно, голодъ. Послѣ этого года и начинаются обвиненія трибунами патриціевъ. Въ 283 былъ изданъ lex Publilia, на основаніи котораго плебейскія власти, то-есть, трибуны и эдилы, должны были выбираться въ трибныхъ комиціяхъ. Къ этимъ же годамъ (а не къ традиціонному 262) относится и законъ трибуна Иціилія, по которому всякій, кто позволитъ себѣ прервать трибуна во время его рѣчи къ народу, подлежитъ народному суду. Крайне тяжелыя обстоятельства для Рима дѣйствительно наступили съ 290 г., когда очень несчастливо обернулась для него большая война съ вольсками, впомоществуемыми ихъ союзниками эквами, когда Лаціумъ былъ разгромленъ, и вольски доходили до стѣнъ Рима, когда, наконецъ, въ 295 г. былъ заключенъ съ вольсками миръ, которымъ римляне обязывались вывести своихъ колонистовъ изъ Антія и заключить съ вольсками союзъ, въ которомъ послѣдніе выговариваютъ себѣ исополитію, какая существовала между римлянами и латинянами, что входило въ требованія Коріолана въ дошедшемъ до насъ сказаніи и что подтверждается увеличеніемъ, по цензу 295 года, числа гражданъ на 13.000 человѣкъ противъ ценза 289 г., несмотря на опустошительную войну и моровую язву. Это увеличеніе Нибуръ приписываетъ получившимъ исополитическія права съ Римомъ вольскамъ Эцетры и Антія [1]).

Такимъ образомъ событія, изъ которыхъ у древнихъ историковъ соткано повѣствованіе о Коріоланѣ, въ своихъ главныхъ чертахъ приходятся, по Нибуру, на конецъ семидесятыхъ, восьмидесятые и первую половину девяностыхъ годовъ 3-го столѣтія Рима. Событія эти

[1]) Römische Geschichte, p. 496 изд. 1853 г. въ одномъ томѣ (II, 289 2-го изд.).

Библиотека "Руниверс"

пріурочены къ имени Коріолана и обставлены обстоятельствами легендарнаго свойства, которыя или противорѣчатъ подлиннымъ преданіямъ, или сами по себѣ были невозможны. Такъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы говорили о войнѣ съ вольсками въ 261, и Титъ Ливій даже прямо говоритъ, что еслибъ не обстоятельство, что Сп. Кассій одинъ подписалъ договоръ съ латинянами, то ни изъ чего нельзя было бы заключить о веденіи другимъ консуломъ войны съ вольсками; при этомъ ему приходится молчаніе источниковъ о консулѣ объяснять затмившею его имя славой Коріолана, завоевателя Коріолъ. Но Коріоланъ не могъ взять въ 261 г. Коріолъ уже потому, что Коріолы стоятъ въ спискѣ 30 латинскихъ городовъ, которые въ этомъ году заключаютъ союзъ съ Римомъ, а перешли къ вольскамъ уже въ большую вольскую войну и затѣмъ были разрушены. Не могъ слѣдовательно Коріоланъ получить и своего прозвища отъ взятія этого города, такъ какъ прозвища отъ побѣжденныхъ городовъ и странъ не давались будто бы до временъ Сципіона Африканскаго [1]). Исторически твердо стоитъ лишь фактъ возстанія Коріолана противъ заключеннаго между патриціями и плебеями договора и его осужденія. Но вся исторія его процесса, ходъ его войны во главѣ вольсскаго войска, между прочимъ завоеваніе латинскихъ городовъ безъ всякаго движенія Рима на ихъ защиту, и переговоры, которые велъ съ нимъ Римъ черезъ свои депутаціи, кончая уступкою его плачу женщинъ и просьбамъ матери, все это не входитъ въ настоящую исторію. Но Нибуръ не могъ сказать и того, чтобъ все здѣсь было выдумано. „Коріоланъ слишкомъ живое лицо въ римскихъ сагахъ“, говоритъ онъ. Что онъ является въ повѣствованіи предводителемъ вольсскаго войска, то это потому, что римскому національному чувству было не такъ тяжело переносить побѣду отъ своего земляка, чѣмъ отъ чужестранца. Это чувство заставляло ихъ говорить о великодушіи Коріолана, какъ и объ его трагической смерти; но Нибуръ убѣжденъ, что Фабій Пикторъ имѣлъ право сообщить, что Коріоланъ жилъ среди вольсковъ до глубокой старости. Что Римъ былъ близокъ къ гибели, это онъ считаетъ вѣ-

[1]) Ливій (XXX, 45) дѣйствительно приписываетъ полученіе такого титула въ первый разъ побѣдителю Карѳагена П. Корнелію Сципіону Африканскому (Primus certe hic imperator nomine victae a se gentis est nobilitatus), между тѣмъ изъ тріумфальныхъ фастовъ 425 г. и консульскихъ 438 извѣстно, что консулъ Л. Эмилій именно получилъ свое прозвище Привернатъ (Privernas) отъ завоеванія имъ города Приверна. Слѣдовательно показаніе Ливія ошибочно, и начало обычая давать прозвище по побѣдамъ могло восходить гораздо къ болѣе раннему времени.

Библиотека "Руниверс"

роятнымъ, но считаетъ неоспоримымъ, что три слѣдовавшихъ одна за другой депутаціи отъ сената жрецовъ и матронъ выдуманы для прославленія героя.

На самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Нибура, Коріоланъ, по удаленіи къ вольскамъ, является у нихъ лишь средоточіемъ для римскихъ эмигрантовъ, которыхъ со временъ Тарквиніевъ тамъ было не мало. Къ этому войску римскихъ эмигрантовъ присоединяются вольски, съ которыми онъ и появляется на римской границѣ и объявляетъ римлянамъ войну. Онъ даетъ имъ срокъ сначала въ 30 дней, чтобы сенатъ могъ обсудить его предложенія, затѣмъ еще три дня, какъ это обыкновенно дѣлается со стороны требующаго удовлетворенія государства или полководца. Республика предлагаетъ ему возвратиться въ отечество, ему одному, а не всей его бандѣ, о чемъ также умоляютъ его мать, жена и матроны. Онъ, конечно, отвѣчаетъ, что онъ не можетъ покинуть своихъ товарищей. Онъ скорѣе соглашается распустить ихъ и самъ отказаться отъ отечества, что̀ не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на тѣхъ, кому онъ собой жертвовалъ. Вольскамъ онъ уплатилъ свой долгъ развѣ тѣмъ, что могъ быть посредникомъ въ переговорахъ о возвращеніи имъ Антія и пріобрѣтеніи исополитіи, что̀ доставило Риму огромную выгоду, такъ какъ этимъ путемъ онъ избавился отъ самаго страшнаго непріятеля [1]).

Такимъ образомъ, Нибуръ, находя въ дошедшемъ до насъ повѣствованіи древнихъ историковъ о Коріоланѣ явные слѣды эпической поэмы, въ то же время видитъ въ этомъ повѣствованіи несомнѣнную историческую основу и только переноситъ ее на другое время, находя исторически невозможнымъ помѣстить эти событія въ шестидесятые годы третьяго столѣтія Рима, когда только что появившееся на свѣтъ учрежденіе особыхъ плебейскихъ властей (260 г.) не могло получить еще значительнаго развитія, и когда войны съ вольсками не приняли такого тревожнаго характера, какимъ ознаменовалась особенно первая половина послѣдняго десятилѣтія этого столѣтія. Сильный даромъ исторической комбинаціи, великій историкъ представляетъ себѣ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности эпизодъ римской исторіи, соединенный съ именемъ Коріолана и принявшій въ дошедшемъ до насъ повѣствованіи легендарную форму, которой не замѣтили древніе историки.

Извѣстно, какую оппозицію встрѣтила нибуровская теорія о рим-

[1]) Vorträge über Römische Geschichte, herausg. von Isler, I, p. 292—295.

Библиотека "Руниверс"

скомъ національномъ эпосѣ, какъ источникѣ древнѣйшей исторіи Рима. Одни, какъ Авг. Вильг. Шлегель [1]), утверждали, что древнѣйшая римская исторія сочинена греками, есть „греческій романъ"; другіе, какъ Ульрици [2]), что то, что́ Нибуръ называетъ поэзіей, есть скорѣе риторика, что было высказываемо раньше и Шлегелемъ; третьи, какъ Лахманъ [3]), Вахсмутъ [4]) и др.. указывали на то, что содержаніе традиціонной римской исторіи представляетъ скорѣе противоположность поэзіи. Не была въ свое время поддержана эта теорія и историками римской литературы, каковы Бэръ [5]) и Бернгардя [6]), которые, какъ и Корсенъ [7]), не находили сколько-нибудь замѣтныхъ слѣдовъ народной эпической поэзіи въ Римѣ и не сомнѣвались, что тѣ, составляющія основу Нибуровской теоріи, застольныя пѣсня, о которыхъ говоритъ со словъ Катона Цицеронъ [8]), и о пѣніи которыхъ свидѣтельствовалъ также Варронъ [9]), были больше лирическими, чѣмъ эпическими, и во всякомъ случаѣ настолько короткими пѣснями, что никакъ не могли дать нужнаго матеріала для повѣствованія римскихъ историковъ. Приступая къ разбору этой теоріи, двадцать лѣтъ спустя послѣ 2-го изданія Нибуровской исторіи, въ которомъ мысль великаго историка приняла окончательную форму, Швеглеръ, безспорно самый сильный послѣ Нибура представитель критическаго направленія въ Римской исторіи, прямо заявляетъ [10]), что теорія эта *можетъ быть разсматриваема какъ всѣми покинутая*. Отвергаетъ ее и самъ

---

[1]) Въ рецензіи на I томъ Исторіи Нибура, помѣщенной въ *Heidelberger Jahrbücher der Literatur*, 1816, №№ 53—57.

[2]) Charakteristik der antiken Historiographie. Berlin, 1853, p. 96 слд.

[3]) De fontibus Livii, I, 1822, p. 18 слд.

[4]) Die ältere Geschichte des Röm. Staates. Halle, 1819, p. 19—23.

[5]) Geschichte der Röm. Literatur, I, § 43 (4-го изд.).

[6]) Grundriss der Röm. Litteratur, p. 196, прим. 121 (5-го изд.).

[7]) Origines poesis Romanae. Berolini, 1846, p. 112 sqq.

[8]) *Tusc.* IV, 2, 3: Gravissimus auctor in *Originibus* dixit Cato, morem apud majores hunc epularum fuisse, ut deinceps, qui accubarent, canerent ad tibiam clarorum virorum laudes atque virtutes. Ibid. I, 2, 3: Quamquam est in *Originibus* solitos esse in epulis canere convivas ad tibicinem de clarorum hominum virtutibus. *Brut*, 19, 75: Utinam extarent illa carmina, quae multis saeculis ante suam aetatem in epulis esse cantitata a singulis convivis de clarorum virorum laudibus in *Originibus* scriptum reliquit Cato.

[9]) У Нонія, *Assa voce*: In conviviis pueri modesti ut cantarent carmina antiqua, in quibus laudes erant majorum, et assa voce et cum tibicine.

[10]) Römische Geschichte, I, p. 54.

Библиотека "Руниверс"

Швеглеръ какъ совершенно несостоятельную. Пользуясь аргументами раньше его высказавшихся противниковъ Нибура, онъ прежде всего выставляетъ то обстоятельство, что нѣтъ никакого слѣда преемственной передачи въ Римѣ эпическихъ пѣсенъ. Что же касается засвидѣтельствованнаго Катономъ и Варрономъ обычая въ старое время пѣть во время пиршествъ хвалу знаменитымъ предкамъ, то не говоря уже о томъ, что нигдѣ не сказано, были ли эти пѣсни эпическаго или, скорѣе, лирическаго характера, важно знать, обнимали ли они также и періодъ царей. Нибуръ именно такъ и думаетъ. Но это не вѣроятно уже потому, что за исключеніемъ исторіи дѣтства Ромула и его augurium'a преданія о первыхъ шести царяхъ лишены всякаго поэтическаго колорита. Богата поэтическими красками и драматическими эффектами исторія Тарквинія Гордаго, но она-то всего менѣе могла быть предметомъ тѣхъ пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвались доблести великихъ людей. Могли, поэтому, воспѣвать Коріолана, Цинцинната, Камилла, но ужъ никакъ не царей, „память о которыхъ, повидимому, рано поблекла“. Возвращаясь къ характеру самихъ пѣсенъ, о которыхъ говорятъ Катонъ и Варронъ, Швеглеръ утверждаетъ, что уже одно обстоятельство пѣнія ихъ мальчиками и подъ аккомпаниментъ не струннаго инструмента, а флейты, достаточно показываетъ, что тутъ рѣчь идетъ не о длинныхъ эпическихъ пѣсняхъ, какія, напримѣръ, пѣлись греческими рапсодами, а о короткихъ, въ нѣсколько строфъ, пѣсняхъ въ родѣ греческихъ сколій (такъ назывались у грековъ тоже застольныя пѣсни, σκόλια) куда и входило историческое содержаніе, каковъ сколій относящійся къ Гармодію и Аристогитону. Что пѣсни, воспѣвавшія Ромула и Коріолана, были лирическаго характера, это свидѣтельствуется выраженіями ὕμνοι и φδαί, а не ἔπη, употребленными въ этихъ случаяхъ Діонисіемъ Галикарнасскимъ [1]). Выраженіе „гимны“ онъ употребляетъ [2]) о пѣснопѣніяхъ жрецовъ саліевъ чисто богослужебнаго характера, а „оды“ по отношенію къ пѣснямъ, въ которыхъ прославлялся богъ Фавнъ. Что касается до похоронныхъ пѣсенъ, неній, которыя Нибуръ также причисляетъ къ поэтическимъ источникамъ римской исторіи, то совершенно неизвѣстно, насколько въ этихъ пѣсняхъ по усопшимъ было историческаго: но такъ какъ они обыкновенно пѣлись плакальщицами, то надобно думать, что двигались въ готовыхъ формулахъ, лишенныхъ содержанія, чѣмъ

[1]) A. R. I; 79; VIII, 62.
[2]) II, 79; I, 31.

Библиотека "Руниверс"

и вызывали впослѣдствіи презрительное отношеніе къ себѣ у латинскихъ писателей (въ родѣ ineptum et inconditum carmen у Нонія [1]). Такимъ образомъ, Швеглеръ не видитъ никакой основы для теоріи Нибура о національномъ римскомъ эпосѣ. Мало того: онъ считаетъ существованіе такого эпоса у римлянъ даже прямо невѣроятнымъ. Онъ говоритъ [2]): „У римлянъ отсутствовали всѣ элементы и условія, вызвавшія и сдѣлавшія возможнымъ въ Греціи національный эпосъ, каковъ Гомеровскій. Жители лежащаго внутри страны города, безъ странствованій и приключеній, безъ мореплаванія и матеріала для сказаній, предоставленные лишь земледѣлію и скотоводству, защищавшіе свою полевую межу и свои продовольственные запасы въ безпрерывныхъ маленькихъ войнахъ съ сосѣдними племенами, находившіеся подъ властію педантически суевѣрнаго, съуживающаго умъ и чувство культа, воспитанные въ строгой дисциплинѣ нравовъ и представленій, двигавшіеся въ предѣлахъ прочно разчлененнаго гражданскаго общества, безъ всякой выдающейся склонности къ искусству и поэзіи, скорѣе трезвый, фактическій, преданный наживѣ народъ, съ преобладающимъ расположеніемъ къ рефлексіи, наконецъ, населеніе безъ первоначальнаго племеннаго единства, поэтому съ самого начала связанное вмѣстѣ не общностью крови, а одною лишь общностью права, не нація, а съ самаго начала государство и притомъ правовое государство, отсюда направленное односторонне на правовое развитіе—какъ могли бы эти римляне развить у себя поэзію сказаній, какая рождается у народовъ, которые, будучи отъ природы богаты фантазіей, ввѣряютъ себя волнующемуся морю и стремятся вдаль съ завоевательными цѣлями?“

Мнѣніе Швеглера не есть наше мнѣніе, и мы никакъ не можемъ согласиться съ его заключеніемъ, такъ, повидимому, строго выведеннымъ изъ высказанныхъ имъ посылокъ. Но въ данномъ случаѣ мы лишь воспроизводимъ мнѣніе этого первостепеннаго ученаго, которое необ-

---

[1]) См. о неніяхъ въ моихъ лекціяхъ по исторіи римской литературы, р. 56 изд. 1888 г. въ одномъ томѣ. Но Нибуръ полагаетъ, что это—неніи позднѣйшаго времени, о которыхъ презрительно выражаются римскіе писатели, между прочимъ и Горацій (Carm. II, 20, 21: absint inani funere neniae), не имѣли ничего общаго съ древнѣйшими неніями (см. Vorträge über Römische Geschichte, herausg. von Isler, I, p. 92). Остатками этихъ древнихъ неній служатъ, по мнѣнію Нибура, стихотворныя надписи на гробницахъ Сципіоновъ. См. Röm. Gesch., p. 14 изданія въ одномъ томѣ (I, 286, 3-го изд.); Vorträge etc. I, 93.

[2]) Röm. Geschichte, I, p. 58.

Библиотека "Руниверс"

ходимо выставить на видъ, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ рѣшенію вопроса, насъ занимающаго. Пойдемъ однако далѣе.

Швеглеръ въ опроверженіи Нибуровской теоріи не останавливается на томъ, что римскій народъ уже по самому своему происхожденію и природнымъ наклонностямъ не могъ имѣть героической поэзіи. Указавъ въ этой теоріи тотъ ея промахъ, что она приписываетъ народному эпосу тенденціозно-плебейскій характеръ (въ противоположность будто бы патриційскому характеру лѣтописи понтификовъ), тогда какъ прославленные герои древне-римской традиціи, Коріоланъ, Цинцинатъ, Камиллъ были наиболѣе упорными противниками плебеевъ, Швеглеръ видитъ еще новую „невѣроятность“ Нибуровской гипотезы въ полномъ и безслѣдномъ исчезновеніи этихъ эпическихъ пѣсенъ. „Какъ, говоритъ онъ [1]), случилось, что ни одна изъ нихъ не сохранилась до временъ литературнаго развитія? Что ни одна изъ нихъ не была записана? Что никакой антикваріи или грамматикъ не писалъ къ этимъ народнымъ пѣснямъ комментаріевъ, какъ Элій Стилонъ къ пѣснопѣніямъ Саліевъ? Что ни одинъ изъ многихъ грамматиковъ, писавшихъ о глоссахъ, не упоминаетъ о нихъ?“

Но самымъ рѣшительнымъ аргументомъ противъ существованія у римлянъ народнаго эпоса Швеглеръ выставляетъ характеръ и содержаніе древнѣйшей римской исторіи, которые не допускаютъ предположенія о томъ, что она „первоначально существовала въ формѣ пѣсенъ“. „Исторія эта, говоритъ онъ [2]), въ главномъ есть скорѣе продуктъ рефлексіи и разсудочнаго размышленія; она хотя и вымыселъ, а не чистое историческое преданіе, но она вертится около даннаго, около дошедшихъ по преданію именъ, фактовъ, учрежденій, обрядовъ, около святилищъ, предметовъ культа и другихъ памятниковъ первобытной древности и соткана частію изъ этихъ элементовъ: словомъ она по своему главному содержанію состоитъ изъ этіологическихъ миѳовъ“

Въ заключеніе однако Швеглеръ находитъ нужнымъ нѣсколько смягчить свою оппозицію Нибуровской теоріи и высказывается такъ [3]): „Предположивъ даже, что у римлянъ существовали народныя пѣсни историческаго содержанія, все-таки черезъ одно это посредство могла быть передана лишь небольшая часть римской исторіи, ибо допустить

[1]) Röm. Geschichte, I, p. 61.
[2]) Röm. Geschichte. I. p. 62.
[3]) Ibid.

Библиотека "Руниверс"

существованіе большаго связнаго, распространяющагося на цѣлый составъ древнеримской исторіи народнаго эпоса [1]), по объему и богатству такого же, какъ эпосъ Гомеровскій или Нибелунговъ—послѣдній Нибуръ приводитъ для сравненія—было бы столько же бездоказательнымъ, сколько и невѣроятнымъ".

Теперь посмотримъ, какъ Швеглеръ, при своемъ полномъ отрицаніи Нибуровской теоріи о существованіи эпическихъ пѣсенъ, какъ источникѣ древнѣйшей римской исторіи, относится къ повѣствованію о Коріоланѣ, находящемуся у древнихъ историковъ.

Онъ относится къ нему какъ къ „сагѣ", то-есть, какъ къ народному сказанію, которое, по его опредѣленію [2]), есть не что иное, какъ воспоминаніе о замѣчательныхъ событіяхъ въ устахъ народа, *передаваемое изъ рода въ родъ преимущественно въ народной пѣснѣ*"... Въ какой формѣ передавалось изъ рода въ родъ сказаніе о Коріоланѣ, въ прозаической или въ стихотворной, Швеглеръ не высказываетъ. Согласно его опредѣленію „саги", оно должно было передаваться скорѣе въ стихотворной, то-есть, въ народной пѣснѣ, а по его отношенію къ Нибуровской теоріи относительно римскаго народнаго эпоса—оно должно было переходить изъ устъ въ уста въ формѣ прозаическаго разказа. Какъ же именно это сказаніе дошло до анналистовъ, которые первые, какъ онъ объ этомъ дальше высказывается [3]), его записали? Анналисты въ Римѣ появились уже въ шестомъ столѣтіи Рима, и первый, то-есть, древнѣйшій изъ нихъ Фабій Пикторъ писалъ около половины этого столѣтія. Слѣдовательно отъ времени Коріолана, которое Швеглеръ, согласно съ Нибуромъ, относитъ [4]) къ послѣднимъ десятилѣтіямъ третьяго столѣтія, до времени перваго писателя, отмѣтившаго въ своемъ повѣствованіи это сказаніе, прошло болѣе двухсотъ пятидесяти лѣтъ. Вѣроятно ли поэтому, чтобы сказаніе это, полное жизненности, могло жить больше двухъ съ половиною столѣтій безъ посредства стихотворной формы,

---

[1]) О такомъ эпосѣ у римлянъ, который обнималъ бы въ цѣломъ событія древнѣйшей римской исторіи или представлялъ бы собою непрерывную эпическую поэму, Нибуръ нигдѣ не говоритъ. Это было замѣчено еще покойнымъ Н. М. Благовѣщенскимъ противъ Шлегеля въ рѣчи: „De carminibus convivalibus (Petropoli, 1854), p. 19.

[2]) Röm. Geschichte, I, p. 68: „Sage ist das Andenken merkwürdiger Begebenheiten, in Volksmund, besonders im Volkslied von Geschlecht zu Geschlecht fortgepflanzt".

[3]) Röm Geschichte, II, p. 381.

[4]) Ibid.

Библиотека "Руниверс"

въ которой оно, какъ и наши былины, можетъ дѣйствительно переживать многія столѣтія? Не запутался ли тутъ Швеглеръ между своимъ опредѣленіемъ понятія о „сагѣ“ и своимъ отрицаніемъ существованія у римлянъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ?

Этимъ вопросомъ однако Швеглеръ не задается, хотя сказанію о Коріоланѣ онъ посвятилъ болѣе пятидесяти страницъ. Страницы эти, какъ и вся „Римская Исторія“ Швеглера, конечно полны интереса для всякаго ученаго историка и разбираютъ вопросъ съ чрезвычайною обстоятельностью, которая вообще составляетъ характеристическое достоинство этого достойнѣйшаго изслѣдователя. Но все вниманіе его въ данномъ случаѣ употреблено на то, чтобъ доказать историческую несостоятельность дошедшаго до насъ повѣствованія, на которое и Титъ Ливій, и Діонисій Галикарнасскій, и Плутархъ, и Діонъ Кассій, и Валерій Максимъ смотрѣли какъ на чисто историческое сообщеніе. Не смотря однако на подробность критическаго анализа „саги“, въ сущности этотъ анализъ немногимъ разнится отъ Нибуровскаго, и потому мы на немъ останавливаться не будемъ, тѣмъ болѣе, что намъ придется не разъ коснуться его при дальнѣйшемъ изложеніи нашего предмета. Намъ необходимо только отмѣтить, что Швеглеръ все-таки признаетъ въ дошедшемъ до насъ повѣствованіи историческую подкладку, „den historischen Thatbestand, der diesen Ueberlieferungen zu Grunde liegt“ [1]), историческую подкладку, чрезвычайно затемненную вымыслами сказанія.

Совершенно на другой точкѣ зрѣнія стоитъ Моммзенъ, посвятившій повѣствованію о Коріоланѣ спеціальное, хотя и небольшое изслѣдованіе [2]), которое дало вопросу объ этомъ повѣствованіи другое направленіе. Онъ находитъ его очень искусно составленнымъ, живымъ—по мысли и поэтическимъ по обработкѣ, и заявляетъ, что мы ничего подобнаго не имѣемъ изъ ранней эпохи Рима. „Величавый героическій образъ доведеннаго до несчастія неблагодарнымъ народомъ консула, который, Камиллъ навыворотъ, возвращается на родину во главѣ ея враговъ, чтобы принести своему отечеству погибель, и, когда это послѣднее побѣждено и лежитъ повергнутымъ на землѣ, выпускаетъ изъ рукъ свою побѣду и свою месть изъ любви къ матери,—едва ли находятъ себѣ равнаго въ греческомъ преданіи,

[1]) Ibid., p. 363.

[2]) Die Erzählung von Cn. Marcius Coriolanus, сначала напечатанное въ *Hermes*, IV (1870), p. 1—26, а затѣмъ вошедшее въ его Römische Forschungen. II (Berlin, 1879), p. 113—152.

Библиотека "Руниверс"

не говоря уже о безцвѣтной римской хроникѣ. Черезъ все повѣствованіе идетъ романтическая и гуманная черта, особенно же почитаніе женщины, какое не имѣетъ себѣ подобнаго, быть можетъ, во всемъ античномъ преданіи. Что храбрый воинъ не принимаетъ никакой добычи изъ своей побѣды, кромѣ свободы попавшагося въ плѣнъ своего гостепріимца; что немилосердое бичеваніе раба, какъ введеніе къ веселому народному празднеству, дѣлаетъ это послѣднее неугодвымъ передъ очами высочайшаго, наиблагаго Юпитера; что изгнанный римлянинъ не только идетъ къ врагамъ отечества, но, ища права гостепріимства и убѣжища, прямо садится у очага непріязненнаго царя—все это живые образы и поэтическіе мотивы глубочайшаго эффекта". Такими и подобными чертами Моммзенъ рисуетъ [1]) поэтичность дошедшаго до насъ повѣствованія о Коріоланѣ, ставя его съ этой стороны въ положеніе исключительное въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что до насъ дошло изъ преданій о герояхъ древняго Рима. По рядомъ съ признаніемъ такого выдающагося поэтическаго значенія этого повѣствованія, онъ отнимаетъ у него всякій историческій характеръ, считая его литературною выдумкою и притомъ довольно поздняго времени, хотя и нѣсколько предшествующаго возникновенію литературы въ собственномъ смыслѣ, какъ она возникла въ VI столѣтіи Рима подъ вліяніемъ образцовъ греческаго литературнаго творчества. Онъ относитъ его именно ко второй половинѣ V столѣтія Рима, ко временамъ Пирровой или даже первой пунической войны. И это не есть уже произведеніе народнаго эпоса, какъ думалъ Нибуръ, и не есть даже продуктъ народной саги, какъ это понималъ Швеглеръ, а есть разказъ возникшій *изъ интересовъ* нѣкоторыхъ плебейскихъ фамилій, желавшихъ связать себя съ патриціискими родами, имѣвшій въ тоже время въ виду „прославленіе сословія плебеевъ и его политическихъ правъ, являющихся здѣсь на своей высшей точкѣ", и внесенный затѣмъ въ лѣтопись понтификовъ [2]) однимъ изъ Марціевъ, попавшимъ въ ихъ коллегію.

---

[1]) Römische Forschungen, II, p. 142 слд.

[2]) Ibid., p. 149 до конца. Наиболѣе характеристическое мѣсто здѣсь находится на страницѣ 151, гдѣ говорится: So darf die Erzählung von Coriolan als *ein plebejisches Einschiebsel*, betrachtet werden, nicht älter als die erste Hälfte des fünften Jahrhunderts, aber auch nicht viel junger, entstanden etwa in der zweiten Hälfte desselben vor dem Anheben der eigentlichen Schriftstellerei, als die Stadtchronik in Schosse des seit dem J. 454 beiden Ständen angehörigen Pontificalcollegiums ihre erste Redaction empfing.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ эти смѣлыя и очень рискованныя мысли не приходили Моммзену въ голову, когда онъ писалъ свою Римскую исторію. Разказавъ въ этой исторіи въ краткихъ словахъ исторію Коріолана, какъ „извѣстнѣйшее событіе“ изъ эпохи сословной борьбы въ древнемъ Римѣ, онъ разсуждаетъ такъ [1]): „сколько тутъ правды, нельзя рѣшить, но повѣствованіе, изъ котораго наивная дерзость римскихъ анналистовъ сдѣлала отечественную славу, древне и позволяетъ заглянуть въ глубокую нравственную и политическую мерзость этихъ сословныхъ стычекъ. „Какъ далеко это заявленіе отъ того, что мы привели выше изъ его спеціальнаго изслѣдованія о Коріоланѣ, и еще болѣе отъ тѣхъ заключительныхъ словъ, которыми онъ снабдилъ это изслѣдованіе!“ Кто, говоритъ онъ [2]), въ этихъ повѣствованіяхъ ищетъ такъ называемаго историческаго ядра, во всякомъ случаѣ найдетъ орѣхъ пустымъ; но о величіи и пользѣ произведшей ихъ эпохи свидѣтельствуетъ сила и благородство этихъ вымысловъ, особенно вымысловъ о Коріоланѣ, которые не Шекспиръ впервые создалъ“.

Итакъ, раньше Моммзенъ смотрѣлъ на повѣствованіе о Коріоланѣ, какъ на сказаніе древняго происхожденія, съ патріотическимъ чувствомъ воспроизведенное анналистами; потомъ онъ увидѣлъ въ немъ довольно позднюю „плебейскую вставку“ въ Большую лѣтопись, вставку, сдѣланную въ интересахъ нѣкоторыхъ знатныхъ плебейскихъ фамилій, какъ и въ видѣ прославленія всего плебейскаго сословія; раньше онъ видѣлъ въ немъ до извѣстной степени историческій документъ, свидѣтельствующій о глубокой нравственной и политической мерзости сословной борьбы, потомъ сталъ видѣть разказъ, не пріуроченный ни къ какому опредѣленному времени (eine von Haus aus zeitlose Erzählung) и, какъ пустой орѣхъ, не заключающій въ себѣ никакого историческаго ядра, а могущій лишь „свидѣтельствовать о величіи и полетѣ времени, его произведшаго“. Еслибы взгляды эти были высказаны разными лицами, то и тогда нельзя было бы не удивляться, какіе могутъ быть противоположные взгляды на одинъ и тотъ же предметъ въ исторической наукѣ. Но тутъ эти противоположные взгляды принадлежатъ одному и тому же лицу, и притомъ очень авторитетному, играющему въ этой наукѣ нѣкоторымъ образомъ роль хозяина, по крайней мѣрѣ въ глазахъ особенно горячихъ его почи-

[1]) Römische Geschichte, I, p. 280 (4-oe изд).

[2]) Römische Forschungen, II, p. 152.

Библиотека "Руниверс"

тателей [1]). Еслибы эта перемѣна взглядовъ мотивировалась открытіемъ новыхъ данныхъ, какъ это сплошь да рядомъ происходитъ въ наукахъ естественныхъ, тогда она была бы вполнѣ понятна и натуральна. Но тутъ не было ничего подобнаго. Данныя въ исторіи о Коріоланѣ тѣ же, какія были и въ распоряженіи Нибура. Еслибъ, наконецъ, новое воззрѣніе Моммзена на дѣло было по своимъ мотивамъ яснѣе, еслибы оно вытекало изъ фактовъ естественнѣе; но и этого нѣтъ. Прежнее его воззрѣніе было естественнѣе, не заключало въ себѣ никакихъ искусственныхъ комбинацій, ничего натянутаго, ничего придуманнаго. Оно говорило: тутъ древнее преданіе, перешедшее потомъ къ анналистамъ, а отъ нихъ къ историкамъ; если въ немъ и много не историческаго, то во всякомъ случаѣ фондъ его историческій, и оно хорошо характеризуетъ эпоху ожесточенной борьбы плебеевъ съ патриціями. Новое же воззрѣніе говоритъ: разказъ этотъ сочиненъ для плебейскихъ фамилій Марціевъ, Ветуріевъ и Волумніевъ и вставленъ ими въ офиціальную лѣтопись (что само по себѣ невѣроятно), какова была лѣтопись понтификовъ (Annales maximi); искать въ немъ какихъ-либо историческихъ слѣдовъ было бы безцѣльно, такъ какъ содержаніе его не характеризуетъ никакой эпохи (eine zeitlose Erzählung), а можетъ говорить только о духѣ эпохи, когда онъ былъ сочиненъ, именно объ эпохѣ, когда римляне, покорители Италіи, помѣрились силами съ Пирромъ и вступили въ борьбу съ Карѳагеномъ.

Не смотря на то, что въ такомъ разсужденіи даже на первый взглядъ открывается не мало произвола, оставляющаго безъ разъясненія разные вопросы и между прочимъ очень серьезный вопросъ о томъ, кто въ V столѣтіи Рима могъ написать разказъ, „столь тщательно и строго скомпанованный“, столь „живо придуманный“ и столь „поэтически обработанный“, когда только начатки литературы въ смыслѣ сознательнаго литературнаго искусства начались у римлянъ лишь въ слѣдующемъ столѣтіи, да и то по почину взятаго въ плѣнъ тарентскаго грека, получившаго въ Римѣ имя Ливія Андроника, не смотря, говоримъ мы, на явный произволъ сужденій и выводовъ Моммзена

[1]) Въ рефератѣ, прочтенномъ о Моммзенѣ въ концѣ 1893 г. въ засѣданіи Историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ однимъ изъ членовъ этого общества было повторено заявленіе одного нѣмецкаго ученаго, будто римская исторія на три четверти обязана своей разработкой Моммзену (см. *Историческое Обозрѣніе*, VII, 1894 г., стр. 138). Заявленіе очень странное и очень неосновательное.

Библиотека "Руниверс"

въ его изслѣдованіи о Коріоланѣ, оно считается въ настоящее время капитальнымъ трудомъ по данному вопросу. Къ нему примыкаетъ между прочимъ и изслѣдованіе италіанскаго историка, пизанскаго профессора Пайса, который поставилъ себѣ задачей объяснить, какъ *составилась* легенда о Коріоланѣ [1]).

Пайсъ, называя изслѣдованіе Моммзена „магистральнымъ“ (una magistrale ricerca), выходитъ изъ его предположенія, будто легенда о Коріоланѣ создана съ цѣлію прославленія плебейскихъ фамилій Марціевъ, Ветуріевъ и Волумніевъ, желавшихъ возвести свое происхожденіе къ патриційскимъ фамиліямъ того-же имени, и, находя, что предположенія Моммзена въ существѣ дѣла вѣрны, думаетъ вывести „выводъ изъ теоремы“. Моммзенъ [2]) указываетъ на Г. Марція Рутила, консула 444 года Рима, какъ на лицо, которое находилось въ числѣ четырехъ понтификовъ, выбранныхъ впервые въ этомъ году изъ плебеевъ. Какъ извѣстно, на обязанности коллегіи понтификовъ было между прочимъ вести офиціальную лѣтопись, а такъ какъ Моммзенъ съ этимъ введеніемъ плебеевъ въ коллегію понтификовъ связываетъ включеніе въ ихъ лѣтопись повѣствованія о Коріоланѣ, то предполагается (на какомъ, впрочемъ, основаніи, неизвѣстно), что имя этого консула изъ фамиліи плебейскихъ Марціевъ должно играть извѣстную роль въ исторіи этой легенды. Пайсъ не сомнѣвается въ томъ, что именно этотъ Г. Марцій Рутилъ далъ начало преданію, что первый понтификъ, назначенный царемъ Нумой, былъ Марцій [3]). Но образованію самого сказанія о Коріоланѣ долженъ былъ, по мнѣнію италіанскаго историка [1]), послужить отецъ этого консула 444 г., также называвшійся Г. Марцій Рутилъ и бывшій четыре раза консуломъ (въ 397, 402, 410 и 412 г. Рима), первымъ диктаторомъ (398) изъ плебеевъ и первымъ же плебейскимъ цензоромъ (403 г. Рима). Отличаясь отъ (легендарнаго) Коріолана тѣмъ, что онъ былъ другомъ плебеевъ, этотъ Г. Марцій Рутилъ имѣлъ съ нимъ то сходство, что воевалъ съ вольсками и послѣ похода въ первое свое консульство противъ вольсковъ привернатовъ раздѣлилъ богатую добычу

---

[1]) Intorno alla genesi della legenda di Coriolano въ *Studi Storici* (трехмѣсячномъ журналѣ, издаваемомъ въ Пизѣ профессорами Амедеемъ Кривеллуччи и Гекторомъ Пайсомъ), vol. III (1894), fasc. 1—2.

[2]) Römische Forschungen, II, p. 151, прим. 78.

[3]) *Liv.*, I, 20, 5: Pontificem deinde Numam Marcium Marci filium ex patribus legit. Plut. *Num.* 21.

Библиотека "Руниверс"

между солдатами, ничего не отдѣливъ въ казну [1]), какъ въ свое время поступилъ Коріоланъ послѣ похода противъ вольсковъ антіатовъ. Замѣчателенъ при этомъ еще тотъ фактъ, что городъ Привернъ былъ взятъ храбрымъ центуріономъ Секстомъ Тулліемъ почти тѣмъ же способомъ, какимъ, по сказанію о Коріоланѣ, были взяты Коріолы. Такъ объ этомъ говоритъ Пансъ, но совсѣмъ не такъ говоритъ о подвигѣ Секста Туллія Т. Ливій [2]), и совсѣмъ молчатъ о немъ другіе источники; Привернъ же былъ взятъ не Г. Марціемъ Рутиломъ или его центуріономъ, а консуломъ 425 г. Л. Эмиліемъ Мамерциномъ [3]), который и получилъ прозвище Приверната (Privernas) [4]): это мы замѣчаемъ мимоходомъ лишь для того, чтобы показать, какъ иногда подгоняются факты учеными, заинтересованными своей теоріей. Но послѣдуемъ за Пансомъ, желающимъ доказать, какъ черты Гнея Марція Коріолана взяты будто бы изъ жизни Г. Марція Рутила. Самымъ важнымъ фактомъ исторіи этого послѣдняго въ дѣлѣ образованія легенды о Коріоланѣ онъ считаетъ происшедшее въ четвертое его консульство (412 г. Рима) возмущеніе солдатъ, находившихся подъ его начальствомъ въ Кампаніи, и укрощеніе этого возмущенія. Консулъ, желая очистить свое войско отъ безпокойныхъ элементовъ, сталъ подъ разными предлогами удалять ихъ изъ лагеря, иногда цѣлыми когортами (собственно: манипулами). Одна изъ такихъ „когортъ", отосланная въ Римъ, понявъ цѣль, съ какою она была отправлена, остановилась близъ Анксура, у мѣстечка Лаутулъ, при узкомъ лѣсистомъ проходѣ между горами и моремъ, гдѣ стала ожидать другихъ солдатъ, но тѣмъ или другимъ причинамъ посланныхъ консуломъ въ Римъ. Увеличившись такимъ способомъ въ числѣ, солдаты двинулись дальше и, грабя попути, дошли до албанской территоріи,

---

[1]) Studi Storici, III, 1, p. 72.

[2]) У Ливія VII, 16, 5 говорится: Signum poscunt (milites) ingenti clamore: celsique et spe haud dubia feroces in proelium vadunt. Ibi ante signa Sex. Tullius, de quo ante dictum est, exclamat: Aspice, imperator, inquit, quemadmodum exercitus tuus tibi promissa praestet; piiloque posito stricto gladio in hostem impetum fecit. Sequuntur hostem antesignani omnes primoque impetu avertere hostem; fusum inde ad oppidum persecuti, cum jam scalas mocnibus admoverent, in deditionem urbem accepernnt. По нашему мнѣнію, тутъ нѣтъ ни одной черты, сходной со взятіемъ Гн. Марціемъ, впослѣдствіи прозваннымъ Коріоланомъ, города Коріолъ. См. у Ливія II, 83, 6 sqq., Діонисія. VI, 92; у Плутарха *Coriol.*, 8.

[3]) Liv., VIII, 20.

[4]) См. Fasti triumphales 425 г. (C. I. L., I, p. 455) и Fasti. Cons. Cap. 438. (C. I. L., I, p. 432).

Библиотека "Руниверс"

гдѣ и остановились лагеремъ. Тутъ они стали искать вождя, который бы ихъ повелъ на Римъ, и, захвативъ насильно проживавшаго въ своемъ тускуланскомъ имѣніи Т. Квинктія, человѣка хромаго отъ полученной имъ раны и совсѣмъ покинувшаго общественную дѣятельность, провозгласили его своимъ военачальникомъ. Двинувшись подъ его предводительствомъ къ Риму, они дошли до восьмаго (отъ Рима) столба дороги, которая потомъ называлась Аппіевой. Тутъ они услышали, что противъ нихъ идетъ съ войскомъ диктаторъ М. Валерій Корвъ. Встрѣтившись, войска вспомнили объ отечествѣ, и какъ полководцы, такъ и солдаты искали кончить дѣло переговорами. Диктаторъ, обратившись съ рѣчью къ бунтовщикамъ, между прочимъ сказалъ имъ: „ждите, пока къ каждому изъ васъ, какъ нѣкогда къ Коріолану, выйдутъ изъ Рима на встрѣчу матери и жены съ распущенными волосами“. Т. Квинктій съ своей стороны, со слезами на глазахъ, plenus lacrimarum, обратился къ своимъ также съ увѣщаніемъ, говоря, что въ немъ они имѣютъ скорѣе вождя мира, чѣмъ войны. Когда солдаты одобрили кликомъ его миролюбивую рѣчь, онъ сталъ просить диктатора позаботиться о томъ, чтобы имъ ихъ secessio не было вмѣнено въ преступленіе, на что̀ и получено было согласіе сената и римскаго народа [1]).

Спрашивается: что въ этой исторіи солдатскаго возмущенія, кончившагося мирно, благодаря увѣщанію вождей той и другой стороны, напоминаетъ исторію Коріолана, хотя бы его походъ на Римъ? Немногимъ больше напоминаетъ ее и варіантъ этого происшествія, передаваемый нѣсколько дальше Ливіемъ [2]), гдѣ, какъ это aliis annalibus proditum est, говорится, что диктатора не было назначено, а дѣло было ведено консулами, что возмущеніе произошло не на пути въ Римъ, а въ самомъ Римѣ, и что не Т. Квинктій былъ захваченъ въ вожди возмутившимися, а Г. Манлій, что они стали лагеремъ не у восьмаго столба или, лучше, кампя, какъ выражались римляне, а у четвертаго, и что не полководцы уговорили солдатъ къ заключенію мира, а сами войска, встрѣтившись, поздоровались, подали другъ другу руки, и, прослезившись, стали обниматься, а консулы, видя, что дѣло уладилось безъ сраженія, сдѣлали сенату представленіе de concordia reconciliandа.

Мы привели два разказа о солдатскомъ возмущеніи 412 г., ко-

[1]) Liv., VII, 39—41.
[2]) VII, 42, 3—7.

Библиотека "Руниверс"

торые, въ глазахъ Паиса, могутъ объяснить намъ происхожденіе легенды о Коріоланѣ, насколько она касается по Моммзеновской теоріи, прославленія рода плебейскихъ Марціевъ. Пизанскій историкъ видитъ связь между Коріолановской легендой и этимъ событіемъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ играютъ роль Марціи, и что какъ здѣсь солдаты растрогались при видѣ своихъ товарищей и согражданъ, такъ тамъ сынъ при видѣ матери, а затѣмъ, въ томъ, что эти трогательныя сцены произошли въ обоихъ случаяхъ въ четырехъ миляхъ отъ Рима. Все это сравненіе, разумѣется, очень натянуто, но оно еще не даетъ полнаго понятія о методѣ, которымъ г. Паисъ идетъ въ разрѣшеніи своей задачи объясненія происхожденія легенды о Коріоланѣ, исходя изъ предположенія Моммзена о томъ, что легенда или, какъ мы выражаемся, сказаніе создано въ видахъ облагороженія извѣстныхъ плебейскихъ родовъ установленіемъ связи ихъ съ родами патриційскими. Кромѣ Марціевъ, Моммзенъ называетъ Ветуріевъ и Волумніевъ, которымъ эта легенда была наруку. Дѣйствительно, мать Коріолана была изъ рода Ветуріевъ. Но такъ какъ родъ Ветуріевъ не представляетъ никакого историческаго факта, который бы могъ быть поставленъ въ связь съ сказаніемъ о Коріоланѣ, то итальянскій историкъ отъ Ливія и Діонисія переходитъ на сторону Плутарха, у котораго [1]) мать Коріолана называется не Ветуріей, а Волумніей, а жена героя вмѣсто имени Волумніи носитъ имя Вергиліи, а по чтенію Паиса—Вергиніи. Плутархъ, который разказъ о Коріоланѣ почти цѣликомъ заимствовалъ у Діонисія, совсѣмъ не авторитетъ сравнительно съ Ливіемъ и тѣмъ же Діонисіемъ, но въ данномъ случаѣ его показаніе можетъ быть выгодно для извѣстной теоріи, и ему безъ дальнихъ разсужденій жертвуется Ливій, пользовавшійся въ исторіи о Коріоланѣ древнѣйшимъ изъ анналистовъ, Фабіемъ Пикторомъ,[2]), и обыкновенно играющій у итальянскихъ ученыхъ роль гораздо большаго авторитета въ дѣлѣ преданій древне-римской исторіи, чѣмъ у германскихъ и стоящихъ въ зависимости отъ послѣднихъ ученыхъ другихъ странъ. Въ оправданіе своему предпочтенію Плутарха болѣе авторитетнымъ древнимъ историкамъ г. Паисъ, конечно, высказываетъ предположеніе, что Плутархъ въ данномъ случаѣ пользовался „особымъ источникомъ“. который будто бы „приписывалъ Волумніямъ и Вергиніямъ то, что

[1]) *Coriol.*, 4 и 33.

[2]) II, 40, 11: Apud Fabium, longe antiquissimum auctorem.... *incerto.*

Библиотека "Руниверс"

болѣе распространенная версія относила къ Ветуріямъ и Волумніямъ[6] [1]). Предположеніе, по нашему мнѣнію, мало вѣроятное не только потому, что у Плутарха въ біографіи Коріолана нигдѣ не видно другаго источника, какъ это еще выяснилъ Петеръ [2]), и подтвердилъ Моммзенъ, но и потому, что странно думать, что, заимствуя всюду факты изъ Діонисія, онъ обращался къ другимъ источникамъ тамъ, гдѣ дѣло касалось именъ дѣйствующихъ лицъ, чтобы измѣнить имена жены и матери Коріолана и вмѣсто Діонисіева Тулла Аттія назвать Тулла Амфидія [3]). Во всякомъ случаѣ, Плутархъ не такой историкъ, который, преслѣдуя въ своихъ біографіяхъ моралистическія цѣли, сталъ бы добиваться исторической точности не только въ именахъ, но и въ изображеніи событій, болѣе римскихъ историковъ, и мы имѣли достаточно случаевъ убѣдиться въ этомъ, сравнивая его біографіи Гальбы и Отона съ свѣдѣніями, сообщаемыми объ этихъ лицахъ у Тацита [4]).

Но все это предпочтеніе Плутарха Ливію и Діонисію, предпочтеніе, оказанное г. Пансомъ даже въ противорѣчіе съ своимъ „великимъ учителемъ", il grande maestro, какъ онъ неоднократно называетъ Моммзена, дало для выясненія происхожденія легенды о Коріоланѣ очень мало. Назвавъ мать Коріолана Волумніей вмѣсто Ветурія, а жену героя Верginіей вмѣсто Волумнія, г. Пансъ могъ привести для цѣли своей теоріи лишь разказъ Ливія о томъ, какъ въ 458 г. Рима (296 до Р. Хр., какъ вообще считаетъ годы г. Пансъ) Верginія, женщина патриційскаго рода, вышедшая замужъ за плебея Л. Волумнія, который былъ въ этомъ году консуломъ, поссорившись съ патриційскими дамами, не допустившими ее, какъ вышедшую замужъ за плебея, до участія въ жертвоприношеніи патриційской богинѣ цѣломудрія Pudicitiae patriciae, святилище которой стояло на Forum Boarium, посвятила, въ присутствіи плебейскихъ матронъ, жертвенникъ Pudicitiae plebejae, отведши для небольшаго святилища-ея (sacellum) часть дома, въ которомъ жила, in vico Longo [5]). Такъ какъ, по сообщенію Діонисія Галикарнасскаго [6]), храмъ жен-

[1]) Studi Storici, III, 2, p. 264.

[2]) Die Quellen Plutarchs in den Biographien der Römer (Halle, 1895), p. 7—17.

[3]) *Coriol.*, 41 и 23.

[4]) См. наши „Замѣтки по Тациту", въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894, апрѣль, стр. 281.

[5]) Liv., X, 23.

[6]) A. R. VIII, 55.

Библиотека "Руниверс"

ской Фортуны, построенный in via Latina въ память спасенія римскими женщинами Рима заступничествомъ передъ Коріоланомъ и посвященный на слѣдующій годъ консуломъ Валеріемъ, былъ во второй разъ посвященъ консуломъ слѣдующаго года, Прокуломъ Вергиніемъ, то г. Паисъ дѣлаетъ изъ всего этого такое заключеніе[1]): „Итакъ *очевидно*, что родъ Вергиніевъ, давшій происхожденіе культу плебейской богинѣ цѣломудрія, связанъ также съ тождественнымъ въ сущности культомъ женской Фортуны“ Положимъ, большой очевидности тутъ нѣтъ, но особенно для непредубѣжденнаго ума не ясно, что̀ собственно для легенды о Коріоланѣ даетъ, кромѣ имени Вергиніи, при томъ еще вдвойнѣ спорнаго, разсказъ о посвященіи жертвенника плебейской Pudicitiae. Правда, изъ этого разсказа выходитъ еще фактъ родства Вергиніевъ съ Волумніями, но въ немъ нѣтъ какого бы то ни было указанія на родство Вергиніевъ съ Марціями, которое для точки зрѣнія г. Паиса было бы гораздо важнѣе.

Объяснивъ до нѣкоторой степени по-своему хронологическое мѣсто исторіи Коріолана у писателей, происхожденіе его прозвища и нѣкоторыя другія частности легенды, г. Паисъ высказываетъ положеніе, что легенда эта обнаруживаетъ столько же руку художника, какъ и политическую тенденцію, и что „*она не есть миѳъ народнаго происхожденія, а созданіе ума образованнаго и геніальнаго*“ [2]). Вслѣдъ за этимъ уже самъ собою является вопросъ: кто же былъ этимъ образованнымъ и геніальнымъ умомъ, кто былъ авторомъ этого разсказа, или *изобрѣтателемъ* его, какъ выражается въ этомъ случаѣ г Паисъ?

Идею отвѣта на этотъ вопросъ подаетъ ему уже не Моммзенъ, который неопредѣленно считаетъ легенду произведеніемъ семейныхъ традицій, а Ине, по мнѣнію котораго [3]) легенда эта есть произведеніе греческаго писателя. Сближаясь съ Ине въ томъ, что греческое вліяніе тутъ несомнѣнно и что оно сказывается ясно прежде всего въ параллелизмѣ между Коріоланомъ и Ѳемистокломъ, на который указывается и Цицерономъ[4]), онъ все-таки находитъ, что Ине правъ только на половину, такъ какъ невозможно отрицать, что легенда „носитъ на себѣ печать чисто римскую“. „Трудно, говоритъ онъ да-

[1]) Studi Storici, III, 2, p. 266.

[2]) Ibid., p. 276.

[3]) Romische Geschichte, 2-го изд. (1893) p. 150. Въ находящемся у насъ подъ руками первомъ изданіи (Lpzg., 1868), p. 137 Ине видитъ въ исторіи Коріолана римское сказаніе, но украшенное греческой фантазіей.

[4]) Cic. *Brut.*, 10—11; *Lael.*, 42.

Библиотека "Руниверс"

лѣе [1]) и говоритъ основательно, допустить, чтобы грекъ III вѣка [2]), или врагъ римлянъ, или наемникъ, могъ дать жизнь легендѣ, въ которой дышитъ такая любовь къ римскому отечеству и столь живое чувство правъ плебеевъ". Да и сообщеніе Діонисія о томъ, что Коріоланъ и до его времени воспѣвался римлянами, повидимому, имѣетъ въ виду тѣ національныя пѣсни, о которыхъ говорилъ Катонъ, какъ о пѣсняхъ въ честь славныхъ предковъ. Поэтому г. Пансъ приходитъ къ заключенію, что легенда о Коріоланѣ могла быть въ первоначальномъ своемъ видѣ составлена „*римляниномъ, напоеннымъ греческимъ ученіемъ*". Онъ даже дѣлаетъ догадку о томъ, гдѣ именно надобно искать ея автора. Такъ какъ древнимъ писателямъ были хорошо извѣстны сборники предсказаній, составленные въ эпоху, предшествовавшую 2-й пунической войнѣ, братьями Марціями, которыхъ Цицеронъ [3]) называетъ Marcios quosdam fratres, nobili loco natos, а въ послѣдующее время Марцій Цензоринъ, консулъ 605 (149 до Р. Хр.), былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ, которому академикъ Клитомахъ посвятилъ книгу, и такъ какъ корни легенды скрываются въ фамильныхъ воспоминаніяхъ, то этимъ и указывается, гдѣ нужно искать автора легенды, то-есть, между Марціями, бывшими съ давнихъ поръ людьми книжными.

Сдѣлавъ такимъ образомъ противъ своихъ предшественниковъ критико-субъективной школы, гораздо болѣе полагающихся на свои филологическія и историческія комбинаціи, чѣмъ на преданія и свидѣтельства самой древности, шагъ впередъ заявленіемъ, что легенда о Коріоланѣ есть произведеніе римскаго писателя, проникнутаго греческимъ образованіемъ (странно только, что о такомъ писателѣ и вдобавокъ столь талантливомъ, ничего не знали ни Цицеронъ, ни Ливій, ни ихъ предшественники, ни ихъ преемники), что родовое имя этого писателя должно быть Марцій, г. Пансъ на этомъ не останавливается, а идетъ дальше. Моммзенъ, il grande storico, il grande maestro, пришелъ къ выводу, что легенда, о которой идетъ рѣчь, сочинена не только въ прославленіе Марціевъ, Ветуріевъ и Волумніевъ, но и въ прославленіе правъ плебейскаго сословія. Ученикъ его зна-

---

[1]) Studi Storici, III. 2, p. 277.

[2]) Сицилійскіе греки, какъ сиракузянинъ Каллій и тавроменецъ Тимей, на которыхъ указываетъ и г. Пансъ, писали о Римѣ еще въ 3-мъ вѣкѣ до Р. Хр., Тимей, можетъ быть, еще въ концѣ 4-го, около половины котораго онъ родился.

[3]) *Acad.*, II, 32, 102.

Библиотека "Руниверс"

етъ нѣчто большее: она сочинена еще для того, чтобъ показать все преимущество Рима передъ Карѳагеномъ. Тамъ тоже былъ свой Коріоланъ, по имени Малконъ или Мазеонъ, генералъ, послѣ многократныхъ побѣдъ потерпѣвшій пораженіе отъ сардовъ на о. Сициліи и потому присужденный карѳагенскимъ сенатомъ вмѣстѣ съ своими соратниками къ изгнанію. Не добиваясь прощенія, этотъ карѳагенскій Коріоланъ является подъ стѣнами Карѳагена и осаждаетъ городъ. Въ лагерь къ нему является сынъ его въ пышной одеждѣ и съ знаками священническаго званія: отецъ вмѣсто того, чтобы обрадоваться прибытію сына, сталъ упрекать его въ неуваженіи и гордости и затѣмъ велѣлъ распять на крестѣ. И послѣ этого онъ беретъ приступомъ Карѳагенъ и казнитъ десять сенаторовъ [1]). Разница между Малкономъ и Коріоланомъ бросается въ глаза. Выставляя великодушіе и нѣжность семейныхъ чувствъ Коріолана, римскій авторъ сказанія о немъ имѣлъ будто бы въ виду выставить добродѣтели и благородство римскихъ нравовъ въ параллель порокамъ и жестокостямъ своихъ соперниковъ. Навязавши такую тенденцію автору сказанія о Коріоланѣ, г. Паисъ идетъ еще дальше. И всѣ тѣ сказанія о герояхъ, которыми полна древнѣйшая римская исторія, каковы сказанія о Брутѣ, Горація Коклитѣ, Клеліи, Муціи Сцеволѣ и Цинциннатѣ, по его мнѣнію, „*нарочно сочинены* для того, чтобы исторія владыкъ міра не казалась менѣе благородною и прекрасною, чѣмъ исторія великихъ государствъ, достигшихъ, какъ Карѳагенъ, Сиракузы, Спарта и Аѳины, еще раньше замѣчательнаго политическаго значенія“ [2]).

Болѣе смѣлыхъ соображеній намъ не приходилось читать о преданіяхъ римской исторіи. Авторъ хорошо дѣлаетъ, что, высказывая ихъ, прямо обращается „къ суду тѣхъ, съ кѣмъ онъ въ существенномъ раздѣляетъ методъ изслѣдованія“ [3]). Внѣ своихъ единомышленниковъ ему было бы и трудно найдти ученыхъ, которые бы сочли дѣломъ естественнымъ и возможнымъ, что лучшія преданія римской исторіи *нарочно* сочинены для анналистовъ и историковъ, которые ничего такого не подозрѣвая, воспроизводили ихъ передъ с воими соотечественниками, какъ историческую истину. Est modus in rebus. должны быть границы и критической фантазіи.

* * *

[1]) См. Iust. XVIII, 7.
[2]) Ibid., p. 281.
[3]) Ibid.

Библиотека "Руниверс"

Заключенія, къ которымъ пришелъ г. Паисъ въ своемъ изслѣдованіи „Intorno alla genesi della leggenda di Coriolano", дѣйствительно были крайнимъ предѣломъ критическаго субъективизма въ данномъ вопросѣ. Дальше идти было некуда, и потому необходимо было повернуть назадъ, къ точкѣ отправленія Нибура. На этотъ путь и вступилъ одинъ изъ выдающихся итальянскихъ ученыхъ въ области классической древности, еще довольно молодой неаполитанскій профессоръ Энрико Коккіа [1]), недавно помѣстившій три очень тщательно и талантливо написанныхъ статьи въ *Nuova Antologia* [2]) подъ заглавіемъ: „La leggenda di Coriolano e l'origine della poesia in Roma" (легенда о Коріоланѣ и происхожденіе въ Римѣ поэзіи).

Исходнымъ пунктомъ своего труда г. Коккіа взялъ такъ же изслѣдованіе Моммзена, какъ и г. Паисъ, но не для того, чтобы продолжать и развивать его выводы, какъ сдѣлалъ этотъ послѣдній, а для того, чтобы доказать его научную несостоятельность. И съ первыхъ же страницъ онъ основательно указываетъ на то, что легенда о Коріоланѣ не могла создаться во второй половинѣ V вѣка Рима, какъ это утверждалъ Моммзенъ. Пятый вѣкъ былъ временемъ, когда Римъ поглощенъ былъ войнами совсѣмъ другаго значенія и размѣровъ, чѣмъ какими были сосѣднія войны съ вольсками и эквами,—войнами съ самнитянами, затѣмъ съ Пирромъ и послѣ того съ Карѳагеномъ. Что могло заставить въ такое время направить воображеніе къ давнимъ войнамъ, когда и самый народъ, съ которымъ онѣ велись, былъ совершенно укрощенъ и проливалъ свою кровь съ общими врагами Лаціума? „Еслибъ,—говоритъ онъ [3]),—происхожденіе легенды, которую римская традиція намъ передала относительно имени Коріолана, долженствовало быть отстроченнымъ вплоть до эры пуниче-

---

[1]) Кромѣ довольно многочисленныхъ статей филологическихъ и историко-литературныхъ, относящихся къ римской древности и помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, намъ ближе извѣстны его книги: „La tomba di Virgilio" (Torino, 1889); La Sintassi latina, esposta scientificamente ad uso delle scuole di magistero" (Napoli, 1890); „Il libro XXII delle storie di Tito Livio" съ историко-критическимъ введеніемъ въ 3-ю декаду Т. Ливія, комментаріями и картою битвы при Тразименскомъ озерѣ (Torino, 1892). Въ 1887 были имъ изданы по тому же плану 1-я и 2-я книги Ливія. Кромѣ Т. Ливія, г. Коккіа много занимался также Плавтомъ и издалъ *Captivi* и *Trinummus*.

[2]) Въ книжкахъ отъ 15-го ноября и 1-го декабря 1895 (vol. LX) и въ первой апрѣльской книжкѣ 1896 (vol. LXII).

[3]) Vol. LX, p. 317.

Библиотека "Руниверс"

скихъ войнъ, то можно биться объ закладъ, что она никогда бы не родилась, такъ какъ въ этомъ потрясеніи первой пунической войны, когда территорія сабинянъ и вольсковъ стала составною частью латинской націи, могла чувствоваться потребность совсѣмъ въ другомъ, чѣмъ въ разжиганіи соперничествъ, къ счастію, уже погасшихъ. Подобная попытка, даже еслибъ она была сдѣлана плебейскими родами съ цѣлью прославить недавнее происхожденіе, не была предназначена къ тому, чтобъ найдти себѣ продолженіе, и во всякомъ случаѣ она не могла бы объяснить огромной популярности, пріобрѣтенной легендою съ самаго начала. Исторія Рима насчитываетъ не мало другихъ преданій, которыя превышаютъ въ благородствѣ и величіи преданіе о Коріоланѣ, но ни объ одномъ Діонисій намъ не сообщаетъ, что оно было популярно наравнѣ съ этимъ. „Спустя пятьсотъ лѣтъ,—пишетъ онъ въ VIII кн., гл. 62, *Ant. Rom.*,—память объ этомъ мужѣ не исчезла, но онъ воспѣвается и прославляется всѣми, какъ благочестивый и праведный мужъ". Очевидное свидѣтельство, что слава его имени восходитъ за гораздо болѣе столѣтій назадъ, чѣмъ сколько расположены признать ихъ новѣйшіе критики древней исторіи Рима".

Таково первое замѣчаніе г. Коккіа противъ Моммзеновской теоріи, не принимающей въ разсчетъ ни твердости преданія о глубокой древности легенды, ни недостаточности однѣхъ смѣлыхъ комбинацій для того, чтобъ теорія могла получить прочное существованіе.

Какъ произвольно предположеніе объ образованіи легенды въ пятомъ вѣкѣ Рима, такъ произвольна и гипотеза Моммзена о томъ, что цѣль легенды прославленіе плебейскаго рода (плебейскихъ родовъ?), желавшаго создать себѣ въ Коріоланѣ начало своего благородства. Плебейскіе Марціи всегда старались быть угодными народной массѣ. Таковы были Марціи Рутилы Цензорины, изъ которыхъ Г. Марцій Рутилъ, бывшій четыре раза консуломъ и первый изъ плебеевъ диктаторомъ и цензоромъ, отличался чисто демагогическими свойствами: онъ отдалъ, напримѣръ, послѣ осады Приверна (397 г. Рима) всю добычу солдатамъ безъ внесенія какой либо доли въ казну (о чемъ у насъ было говорено раньше); онъ-же отпраздновалъ въ слѣдующемъ году тріумфъ надъ фалисками безъ позволенія сената и, сдѣлавшись второй разъ консуломъ, содѣйствовалъ въ 402 г. вмѣстѣ съ своимъ коллегой П. Валеріемъ Публиколой освобожденію плебеевъ отъ долговъ посредствомъ назначенія комиссіи quinqueviri mensarii, которые пришли на помощь обремененному долгами народу съ ка-

Библиотека "Руниверс"

зенными деньгами, mensis cum aere in foro positis [1]). Г. Коккіа спрашиваетъ: съ какой стати этимъ плебейскимъ Марціямъ, искавшимъ популярности въ народѣ, было искать себѣ такихъ предковъ, которые отличались непримиримою враждою къ правамъ его, когда для нихъ было бы цѣлесообразнѣе выставлять въ своихъ предкахъ благосклонное отношеніе къ плебеямъ? Тѣ выдуманныя *transitiones ad plebem*, на которыя указываетъ Цицеронъ [2]), какъ на одинъ изъ грубыхъ фактовъ искаженія исторіи, и которыя придумывались для того, чтобы оправдать претензію происхожденія отъ патриційскихъ родовъ, должны были также служить свидѣтельствомъ уваженія къ плебеямъ и самоотверженія въ ихъ пользу. И отсюда выходитъ, что любви народа ищутъ не иначе, какъ льстя ему, и торжество демагогіи непримиримо съ характеромъ легенды, которая такъ рѣзко противорѣчитъ природѣ и тенденціямъ этой послѣдней. „И въ самомъ дѣлѣ, скажемъ мы, что общаго съ демагогіей имѣетъ образъ легендарнаго Коріолана, чтобы выставлять его на показъ было выгодно Марціямъ Цензоринамъ, на монетахъ которыхъ выбивался образъ сатира Марсіи, символъ плебейской свободы [3]), и которые, какъ и Marcii Reges Philippi, и безъ того могли считать себя достаточно благородными, ставя свое происхожденіе въ связь съ четвертымъ царемъ Рима, Анкомъ Марціемъ и даже съ Нумой, и съ первымъ понтификомъ Марціемъ, Нумою назначеннымъ [4])? Къ чему имъ было особенно стараться о томъ, чтобы въ ихъ родословной стоялъ предокъ, отличавшійся особеннымъ пренебреженіемъ къ плебеямъ и хотѣвшій голодомъ заставить ихъ отказаться отъ правъ, только-что ими пріобрѣтенныхъ, и создавать этому предку, стоящему въ столь рѣзкой противоположности ихъ политическимъ правиламъ и поведенію, ореолъ героя, единственный во всей римской исторіи?

Раньше мы видѣли, что Моммзенъ, для котораго сказаніе о Коріоланѣ есть völlig zeitlos [5]), eine von Haus aus zeitlose... Erzählung, [6]), считаетъ его лишеннымъ всякой исторической подкладки, не заключаю-

---

[1]) Liv., VII, 21, 5.

[2]) *Brut.*, 16, 62.

[3]) См. *Babelon*, Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine etc. Paris, 1885—1886, II, p. 195, и *Pais*, Studi Storici, III, 2, p. 274, въ примѣч.

[4]) Valer. Maxim., IV, 1, 3; Plut. *Coriol.*, 1.

[5]) Römische Forschungen, II, p. 136.

[6]) Ibid., p. 149.

Библиотека "Руниверс"

щимъ въ себѣ никакихъ историческихъ элементовъ. Для г. Коккіа дѣло представляется иначе. Сказаніе заключаетъ въ себѣ не только элементы поэтическіе, но и элементы историческіе. Безъ этихъ послѣднихъ оно было бы невозможно: ex nihilo nihil. Ни народная фантазія, ни воображеніе поэтовъ, какъ бы они ни были сильны, не могутъ создавать историческихъ положеній сами изъ себя, безъ комбинаціи, хотя бы на совсѣмъ другой ладъ, чѣмъ это свойственно исторіи, данныхъ, существовавшихъ въ дѣйствительности. Нельзя не признать, что, высказывая такія мысли, неаполитанскій профессоръ совершенно правъ, какъ правы были и всѣ ученые, начиная съ Нибура до Швеглера включительно, которые не могли отказать дошедшему до насъ повѣствованію о Коріоланѣ въ несомнѣнной исторической основѣ. Но, твердо стоя на почвѣ, съ которой не думали уходить эти два наиболѣе сильныхъ ума въ критикѣ римской исторіи, г. Коккіа находитъ возможнымъ видѣть въ сказаніи о Коріоланѣ болѣе историческихъ данныхъ, чѣмъ сколько допускала ихъ критика Нибура и Швеглера. Такъ, онъ не находитъ никакихъ затрудненій признать фактъ взятія Коріоланомъ города Коріолъ въ 261 году Рима. Главнымъ возраженіемъ противъ историчности этого факта приводится то, что Коріолы въ заключенномъ въ этомъ самомъ году союзномъ договорѣ Сп. Кассія съ латинянами значатся въ числѣ заключившихъ союзъ съ Римомъ латинскихъ городовъ [1]), и что слѣдовательно онъ не могъ быть вольскимъ, или въ рукахъ вольсковъ находившимся городомъ, а былъ городомъ латинскимъ, съ которымъ воевать Риму въ годъ заключенія союза не приходилось [2]). Противъ этого возраженія г. Коккіа непосредственно замѣчаетъ, что въ томъ же самомъ спискѣ латинскихъ городовъ стоятъ также Велитры и Сатрикъ, города несомнѣнно вольскіе, а между тѣмъ Моммзенъ [3]), которому собственно отвѣчаетъ г. Коккіа, допускаетъ, по крайней мѣрѣ относительно Велитръ, что съ ними, какъ и съ Антіемъ, римляне вели войны именно въ 260—262 гг. Рима. Г. Коккіа высказываетъ при этомъ предположеніе, что списокъ городовъ, значившихся въ foedus Cassianum, былъ дополненъ впослѣдствіи именами городовъ, позже присоединившихся къ этому союзу, и этотъ дополненный списокъ мы читаемъ у Діонисія. Что же касается до утвержденія Моммзена, что Коріолы,

[1]) Dionys., V, 61.

[2]) *Швеглеръ*, Röm. Geschichte, II, p. 363; *Моммзенъ*, Op. cit., 137.

[3]) Моммзенъ (ibid.) тутъ ссылается на Швеглера, который въ свою очередь указываетъ на анналистическое преданіе.

Библиотека "Руниверс"

въ силу своего положенія между Ардеей и Ариціей, къ сѣверу отъ Ланувія, не могли принадлежать къ вольской конфедераціи, а были латинскимъ городомъ, то г. Коккіа на это не безъ основательности отвѣчаетъ, что при недостаточности извѣстій объ этой древнѣйшей борьбѣ между Римомъ и вольсками нельзя съ точностью опредѣлить всѣхъ ея превратностей, но все-таки при свѣтѣ, какой бросаетъ на нее легенда о Коріоланѣ, нельзя не видѣть, что тотъ и другой народъ попеременно оспаривали другъ у друга верховенство надъ Лаціумомъ. и что пограничныя мѣстности особенно были подвержены несчастью подчиняться то одному, то другому господину. Если, продолжаетъ онъ, внимательнѣе всмотрѣться въ преданіе, какъ его доводитъ до насъ Ливій, то даже легко можно усмотрѣть, что борьба, завязавшаяся между римлянами и антіатами подъ Коріолами, имѣла именно цѣлью обезпечить за собой владѣніе этимъ городомъ, представлявшимъ собой нѣчто въ родѣ аванпоста, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, въ непріятельскую территорію. Наконецъ, можно еще подозрѣвать, что, какъ и во многихъ другихъ городахъ Италіи, въ этомъ городѣ было двѣ партіи, римская и вольская, что и дало легендарному Коріолану смѣлость ворваться туда одному (?) среди фаланги осажденныхъ.

Вопросъ о Коріолахъ въ исторіи Коріолана очень важенъ, и потому читатель не посѣтуетъ на насъ за то, что мы передаемъ тутъ точку зрѣнія г. Коккіа, которая имѣетъ за себя интересъ не только новизны, но и безспорной вѣскости, почти съ тою подробностью, съ какою она изложена самимъ авторомъ. Но сказаннымъ она еще не исчерпана. Г. Коккіа въ рѣшеніе вопроса вводитъ еще разказъ Т. Ливія [1]) о томъ, какъ въ 308 г. города въ Римѣ созваны были трибныя комиціи рѣшать возникшій между жителями города Антія и жителями города Ардеи споръ о границахъ, въ сущности о томъ, кому изъ нихъ, долженъ принадлежать бывшій ager Coriolanus. Споръ, какъ извѣстно, былъ въ этихъ комиціяхъ рѣшенъ присоединеніемъ этой территоріи къ Риму, что было вызвано разъясненіемъ восьмидесятидвухлѣтняго плебея Скаптія, который припомнилъ, какъ онъ на двадцатомъ году своей военной службы былъ участникомъ войны подъ Коріолами, которые тогда были взяты римскимъ оружіемъ. Присоединенная территорія дала поводъ къ образованію новой трибы, которая и впослѣдствіи называлась tribus Scaptia.

[1]) III, 81—82.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ разказъ Ливія, если видѣть въ немъ точное воспроизведеніе древняго преданія, дѣйствительно подтверждаетъ взятіе Коріолъ въ эпоху, куда его помѣщаютъ римскіе историки, то-есть, въ 261 г. Рима. Но дѣло въ томъ, что этотъ плебей Скаптій съ его рѣчью есть лицо подозрительное, и все заставляетъ думать, что имя его явилось въ разказѣ лишь потому, что спорная мѣстность принадлежала tribus Scaptia. Подозрѣніе въ этомъ смыслѣ высказано было еще Нибуромъ [1]) и получило полное развитіе подъ перомъ Швеглера [2]), указывавшаго вслѣдъ за Нибуромъ съ удареніемъ на то, что созванное консулами народное собраніе, называющееся въ сообщеніи Ливія concilium populi, не могло быть собраніемъ трибныхъ комицій, созывавшихся трибунами и никогда не называвшихся concilium populi, какъ называлось собраніе курій, то-есть, патриціевъ, а обозначавшихся названіемъ concilium plebis; да и, кромѣ того, плебеямъ не было никакого разсчета настаивать, чтобы спорная мѣстность была обращена въ ager publicus, въ которомъ имъ не полагалось имѣть участія. Между тѣмъ г. Коккіа, не обративъ никакого вниманія на подобныя возраженія, спокойно заявляетъ: „преданіе это даетъ намъ *несомнительныя указанія*, что въ Коріолановскомъ эпизодѣ не оживаетъ передъ нами только эхо легенды, но вмѣстѣ съ нею торжественнымъ образомъ утверждаетъ свои права исторія *противъ какой-бы то ни было смѣлости критики*“ [3]). Для такого рѣшительнаго заявленія г. Коккіа, безъ сомнѣнія, права не имѣлъ, не опровергнувъ возраженій, столь авторитетно высказанныхъ. Мы относимся съ полнымъ одобреніемъ къ методу автора держаться въ древней исторіи основы, доставляемой преданіемъ, такъ какъ внѣ этой основы шаткость ученыхъ комбинацій не имѣетъ предѣловъ, но принимать какое бы то ни было преданіе безъ критики, необходимой даже при оцѣнкѣ извѣстій изъ новѣйшей исторіи, въ наше время не позволительно. Швеглеръ [4]) даетъ сообщенію Ливія, о которомъ идетъ рѣчь, такую оцѣнку: „Въ древнихъ хроникахъ не стояло ничего,

---

[1]) Röm. Geschichte, p. 603 изд. въ одномъ томѣ (II, 506). „Jene Landschaft“, говоритъ Нибуръ въ прим. 985, lag in der Region der tribus Scaptia; und der welcher sie für das römische Volk fordert wird Scaptius genannt: ein bedenklicher Umstand für den Glauben an sein historisches Dasein!“ Рельефный примѣръ здороваго пріема исторической критики.

[2]) Röm. Geschichte, III, p. 98 слд.

[3]) *Nuova Antologia*, vol. LX, p. 326.

[4]) Op. cit. III, p. 100.

Библиотека "Руниверс"

кромѣ сухаго и односложнаго извѣстія, что въ 308 году concilium populi, то-есть, курій, произнесъ вышеуказанный третейскій приговоръ; все остальное есть изобрѣтеніе и раскраска позднѣйшаго анналиста". Съ такимъ заключеніемъ можно согласиться или не согласиться, находя его слишкомъ рѣшительнымъ, но нельзя не признать, что оно сдѣлано на основаніи серьезной критики древняго сообщенія. Итакъ отъ приводимой Ливіемъ [1]) рѣчи плебея Скантія историческій элементъ въ повѣствованіи о Коріоланѣ ничего не выигрываетъ.

Швеглеръ [2]) считаетъ рѣшительнымъ доказательствомъ противъ историчности факта взятія Коріолъ въ 261 году показаніе Ливія, что въ древнихъ хроникахъ ничего не говорится о походѣ консула Постума Коминія. На это показаніе римскаго историка напираетъ также и Моммзенъ [3]). Правда, прямо такого показанія онъ не дѣлаетъ, но косвенно оно несомнѣнно вытекаетъ изъ его словъ [4]), что слава Коріолана до такой степени затмила славу консула, подъ командой котораго онъ сражался, что еслибъ подъ заключеннымъ въ томъ же году союзнымъ договоромъ въ Римѣ съ латинянами не значилось за отсутствіемъ другаго консула имя одного Сп. Кассія, то исчезла бы и память о томъ, что Коминій воевалъ съ вольсками. Г. Коккіа, для котораго война съ вольсками 261 г. не подлежитъ сомнѣнію, не обращаетъ вниманія и на это возраженіе противниковъ защищаемаго имъ мнѣнія, но лишь защищаетъ Ливія отъ обиднаго будто бы для него предположенія, что сдѣланное имъ здѣсь критическое замѣчаніе принадлежитъ не ему, а его источнику, говоря, что Ливію не было нужды брать у анналиста соображеніе, которое ему не разъ приходило въ голову при видѣ бронзовой колонны, стоявшей за рострами. Не сомнѣваясь, слѣдовательно, что Ливій хорошо знакомъ былъ съ этимъ памятникомъ, г. Коккіа въ немъ именно и видитъ историческій источникъ Коріолановской легенды, котораго Моммзенъ искалъ напрасно. „Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ онъ,—и какимъ другимъ способомъ надпись, въ которой былъ начертанъ договоръ Кассія, могла говорить объ одержанныхъ Коминіемъ побѣдахъ

---

[1]) III, 71.

[2]) Röm. Geschichte, II, p. 364.

[3]) Röm. Forschungen, II, p. 114.

[4]) II, 33, 9. Tantumque sua laude obstitit famae consulis Marcius, ut, nisi foedus cum latinis columna aenea insculptum monumento esset, ab Sp. Cassio uno, quia collega afuerat, ictum, Postumium Cominium bellum gessisse cum Volscis memoria cessisset.

Библиотека "Руниверс"

надъ вольсками, какъ обозначая города, которые онъ отъ нихъ возвратилъ или завоевалъ, и которые потомъ Римъ сдѣлалъ себѣ вѣрными, согласившись на foedus aequum? И самый списокъ, переданный намъ Діонисіемъ, развѣ не можетъ служить свидѣтельствомъ, что собственно здѣсь сохранилось имя города Коріолъ, исчезнувшаго по этой причинѣ изъ тріумфальныхъ фастовъ“ [1])? Такое объясненіе, безспорно, до извѣстной степени примиряетъ фактъ принадлежности Коріолъ къ составу латинскихъ городовъ, упомянутыхъ въ союзномъ договорѣ Сп. Кассія, съ отвоеваніемъ его у вольсковъ. Коріолы остаются латинскимъ городомъ, захваченнымъ было вольсками, но, благодаря храбрости Коріолана, у нихъ отнятымъ и затѣмъ вмѣстѣ съ другими латинскими городами приставшимъ къ латинскому союзу, какъ онъ опредѣлился договоромъ съ Кассіемъ. Объясненіе новое и интересное.

Что касается присвоеннаго Гнею Марцію прозвища *Коріоланъ*, то г. Коккіа, соглашаясь съ Моммзеномъ въ томъ, что cognomen этотъ объясняется всего скорѣе происхожденіемъ Гнея Марція изъ семейства, переселившагося въ Римъ изъ Коріолъ, видитъ въ этомъ основаніе приписывать роду, къ которому принадлежала фамилія Коріолана, значеніе центра, около котораго сгруппировалась въ Коріолахъ римская партія, восторжествовавшая надъ вольсками.

Такимъ образомъ выходитъ, что и безъ помощи сомнительной рѣчи плебея Скаптія можно доказывать, что повѣствованіе древнихъ историковъ о Коріоланѣ не есть до такой степени zeitlos, какъ это нравится говорить Моммзену, и что есть даже возможность не пріурочивать легендарныхъ подвиговъ этого римскаго героя къ большой вольской войнѣ конца III столѣтія Рима, какъ на это смотрѣлъ Нибуръ, а вслѣдъ за нимъ и Швеглеръ. Соображенія г. Коккіа, хотя они и идутъ въ разрѣзъ съ выводами,—правда, разнообразными и одинъ другому противорѣчащими,—нѣмецкой критической школы съ ея послѣдователями, не могутъ не быть приняты дальнѣйшими изслѣдователями во вниманіе.

Продолжая искать историческихъ элементовъ въ легендѣ и полемизируя при этомъ то съ Пансомъ, собирающимъ, какъ мы видѣли раньше, элементы легенды самымъ искусственнымъ и натянутымъ образомъ, то съ Моммзеномъ, не допускающимъ даже того, чтобъ Ливій, ссылаясь на Фабія Пиктора [2]), цитовалъ его изъ первыхъ рукъ,

---

[1]) *Nuova Antologia*, LX, p. 327.

[2]) Liv., II, 40, 10—11.

Библиотека "Руниверс"

то противъ Ине, который утверждаетъ, что побѣды вольсковъ, дошедшихъ почти до стѣнъ Рима, существовали только въ воображеніи римскихъ анналистовъ [1]), неаполитанскій ученый не остается въ своихъ поискахъ безъ результата. Онъ приводитъ соображенія, по которымъ процессъ Коріолана, хотя въ немъ права трибуновъ и являются, повидимому, неумѣстными на второй годъ учрежденія этой должности по lex sacrata, не представляется чистою выдумкой, какъ и поводъ къ нему, сопротивленіе Коріолана дешевой продажѣ хлѣба во время голода, въ смыслѣ сообщенія объ этомъ Ливія [2]); онъ не находитъ, далѣе, основаній не допускать, что причиной ополченія вольсковъ противъ Рима, кончившагося подступленіемъ ихъ вмѣстѣ съ Коріоланомъ почти къ самымъ воротамъ города, было оскорбленіе, нанесенное вольскамъ, сошедшимся смотрѣть на ludi magni, такъ какъ рѣчь идетъ, по его мнѣнію, о вольскахъ изъ городовъ, присоединившихся къ латинскому союзу, и не считаетъ, вопреки Моммзену, невѣроятнымъ собраніе вольсковъ ad caput Ferentinae, то-есть, въ мѣстѣ собранія представителей латинскихъ городовъ, такъ какъ, будто бы, здѣсь имѣлось въ виду привлечь на свою сторону и латинскіе города: но все это онъ высказываетъ безъ особой настойчивости. Ему представляется, какъ безспорнымъ историческимъ элементомъ въ легендѣ, лишь заимствованное Ливіемъ изъ Фабія Пиктора извѣстіе о томъ, что Коріоланъ дожилъ среди вольсковъ до старости, какъ это видно изъ приписываемыхъ Фабіемъ ему словъ, что „изгнаніе особенно тяжело переносить старику“ [3]).

Это извѣстіе о смерти Коріолана, сообщаемое древнѣйшимъ изъ всѣхъ римскихъ анналистовъ, по своей простотѣ и естественности, представляетъ собой дѣйствительно „древнѣйшее и достойнѣйшее вѣроятія преданіе“, какъ выражается Швеглеръ [4]) и можетъ быть по этому разсматриваемо, какъ историческій элементъ въ сказаніи.

---

[1]) Противъ этого смѣлаго утвержденія гейдельбергскаго ученаго г. Коккія очень резонно замѣчаетъ: „Признаюсь чистосердечно, что этотъ родъ фальсификацій является для меня по крайней мѣрѣ совсѣмъ новымъ, такъ какъ дѣйствительно случается, что народы преувеличиваютъ число или важность своихъ побѣдъ, но не бываетъ, чтобъ они сочиняли легенду о своихъ пораженіяхъ“ (*Nuova Antologia*, LX, p. 342).

[2]) II, 34, 8 слд.

[3]) Liv. II, 40, 11: Refert certe (Fabius) hanc saepe eum exacta aetate usurpasse vocem, *multo miserius senî exilium esse.*

[4]) Röm. Geschichte, II, p. 361.

Библиотека "Руниверс"

Г. Коккіа, переходя отъ историческихъ элементовъ легенды къ поэтическимъ, первымъ изъ нихъ отмѣчаетъ именно насильственную смерть Коріолана, которая народной фантазіи казалась естественнѣе, чѣмъ смерть натуральная среди чуждаго и враждебнаго Риму народа. Эта насильственная смерть въ первоначальной своей формѣ, какъ ее воспроизводятъ Діонисій и Плутархъ, а за ними Шекспиръ, является послѣдствіемъ ненависти къ своему сопернику со стороны вольскаго вождя Туллія Аттія. Риторская школа, идя далѣе, нашла болѣе подходящимъ дѣломъ превратить убійство въ самоубійство, приравнявъ участь Коріолана къ участи Ѳемистокла [1]). Г. Коккіа прибавляетъ еще слѣдующее разсужденіе: извѣстіе, сообщаемое Фабіемъ Пикторомъ, такого рода, что могло отнять вѣру въ участіе Коріолана съ вольсками въ войнѣ противъ Рима. Поэтому Т. Ливій, не желая отказаться отъ наиболѣе поэтической черты легенды, отъ трогательной сцены появленія римскихъ женщинъ въ лагерѣ Коріолана съ матерью его во главѣ, не извлекъ изъ взятаго имъ у Фабія сообразнаго заключенія. Это вмѣшательство женщинъ въ дѣло спасенія Рима свидѣтельствовалось еще близостью храма Fortuna Muliebris къ тому мѣсту, гдѣ, ad fossas Cluilias, былъ расположенъ лагерь Коріолана, близостью того храма, постройку котораго народное преданіе именно пріурочивало къ этому событію, хотя на самомъ дѣлѣ храмъ имени Фортуны на четвертой милѣ отъ Рима принадлежалъ болѣе раннему времени, и именно его существованіе послужило, какъ думаетъ еще Нибуръ, [2]) извѣстнымъ толчкомъ къ образованію легенды. При этомъ мы должны, однако, замѣтить, что уступка Коріолана просьбамъ матери, явившейся въ лагерь сына ходатайствовать за Римъ вмѣстѣ съ его женою и другими римскими матронами, занимаетъ въ повѣствованіи о римскомъ героѣ такое важное мѣсто, что смѣло можно утверждать, что безъ этого событія не составилось бы и самое сказаніе о Коріоланѣ. Что память о немъ, была связана съ постройкой храма женской фортуны, это было дѣломъ народной фантазіи, но самое событіе, въ силу своей капитальной важности, какую оно имѣетъ въ сказаніи о Коріоланѣ, должно имѣть непремѣнно фактическую основу. Поэтому и Швеглеръ [3]), какъ ни мало его критика оставила истори-

---

[1]) Cic., *Brut.* 11, 41; *Lael.*, 12, 42.

[2]) Röm. Geschichte, p. 409 изд. въ одномъ томѣ (II, 115 2-го изданія).

[3]) Röm. Geschichte, II, p. 384: Die in vorstehenden an der traditionellen Geschichte Coriolans geübte Kritik hat wenig historisches an ihr übrig gelassen.

Библиотека "Руниверс"

ческаго въ традиціонной исторіи Коріолана, признавая все-таки въ дошедшемъ до насъ сказаніи историческую основу, видитъ ее именно въ „фактѣ, что Коріоланъ, тронутый мольбами матери, пощадилъ Римъ въ тотъ моментъ, когда отъ него зависѣло причинить ему пагубу".

Но возвратимся къ г. Коккіа. Неаполитанскій ученый справедливо замѣчаетъ, что въ разказѣ Ливія можно найдти лишь незначительную часть поэтическихъ элементовъ сказанія о Коріоланѣ. Главнымъ представителемъ чисто легендарной стороны дошедшаго до насъ повѣствованія о римскомъ героѣ онъ считаетъ Плутарха, при чемъ указываетъ на извѣстный фактъ, что Шекспиръ почти исключительно у Плутарха заимствовалъ содержаніе своей трагедіи. Вопреки приведеннаго нами раньше [1]) мнѣнію Моммзена, онъ не считаетъ источникомъ Коріолановой біографіи у Плутарха единственно Діонисія, но согласно съ Петеромъ [2]) и съ Пансомъ [3]) признаетъ пользованіе съ его стороны и другимъ источникомъ, съ чѣмъ едва ли можно согласиться, хотя у Плутарха и есть кое-что такое, чего, повидимому, у Діонисія не находится. Ошибки, напримѣръ,, въ именахъ и комбинаціи, каковъ фактъ указываемой имъ (гл. 22) старой вражды между Коріоланомъ и Аттіемъ Туллліемъ (по Плутарху, Туллліемъ Амфидіемъ), достаточно объясняютъ эти и подобныя отступленія отъ разказа Діонисія.

Какъ много въ сказаніи о Коріоланѣ поэзіи, всякій знаетъ по драмѣ Шекспира, на немъ основанной. Но Шекспиръ ничего не выдумывалъ; онъ бралъ событія и характеры Плутарха и изображалъ ихъ съ силою и выразительностью геніальнаго поэта. Такова материнское воспитаніе Гнея Марція, лишившагося отца еще въ младенчествѣ, развившаяся отсюда нѣжная любовь и почитаніе матери, для доставленія которой радости и утѣшенія онъ совершалъ подвиги и отъ

Um so entschiedener muss betont werden, dass ihr ein historischer Kern, wenn gleich von der Dichtung bis zur Unkenntlichkeit überwuchert zu Grunde liegt. Dieser Kern ist die Thatsache, dass Coriolan, von den Flehen seiner Mutter gerührt, Rom in einem Augenblicke verschont hat, wo es in seiner Hand lag, es zu verderben".

[1]) См. стр. 95.

[2]) См. его Die Quellen Plutarchs in den Biographien der Römer, Halle, 1865, p. 17. Петеръ, сводящій всѣ свѣдѣнія Плутарха къ Діонисію, допускаетъ заимствованіе изъ другаго источника лишь относительно его (гл. 4) извѣстія объ участіи Гнея Марція въ сраженіи при Регильскомъ озерѣ и полученіи за храбрость въ этой битвѣ дубоваго вѣнка.

[3]) Studi Storici, III, 2, p. 263 слд.

Библиотека "Руниверс"

которой не хотѣлъ отдѣлиться, и вступивши въ супружество, по ея настоянію. И что это была за превосходная мать! При всемъ томъ, что она не могла глазъ спустить съ своего, увлекавшаго всѣхъ красотою, дѣтища, она, говоря ея словами у Шекспира, — „радостно посылала его искать опасности и съ нею славы". „Я понимала", говоритъ она вслѣдъ за этимъ своей невѣсткѣ, „что такому сыну нуженъ людской почетъ, что, не отзываясь на призывъ чести, сынъ мой былъ бы не человѣкомъ, а картиной для украшенія стѣнъ. На тяжкую войну я его послала. и онъ вернулся ко мнѣ съ дубовымъ вѣнкомъ за заслуги. И повѣрь, дочь моя, меньше радовалась я, услыхавъ, что родила мальчика, меньше радовалась я тогда, нежели въ тотъ часъ, когда увидала его послѣ похода, увидѣла его истиннымъ героемъ. — А если бы онъ погибъ на войнѣ, что̀ сказала бы ты тогда?—Память о немъ стала бы мнѣ за сына: въ его славѣ нашла бы я себѣ потомство" [1]). Такъ отвѣчала мать на вопросъ невѣстки, опасавшейся за жизнь мужа-героя, когда тотъ пожиналъ лавры въ войнѣ съ вольсками и отнималъ у нихъ Коріолы.

Мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи привести, вслѣдъ за г. Коккіа, это мѣсто изъ Шекспира, обрисовывающее передъ нами какъ бы чертами эпической поэмы мать героя, будущую спасительницу Рима отъ его мести за нанесенное ему оскорбленіе. Но не менѣе живыми чертами эта поэма рисовала характеръ самого героя, который, по Плутарху [2]), не только успѣлъ разбить непріятелей, но устрашалъ ихъ своимъ видомъ и голосомъ и который, какъ это было передъ Коріоламъ, почти одинъ бросался на непріятельскіе ряды, „какъ орелъ среди стаи голубей", прогонялъ ихъ и преслѣдовалъ. Отъ одной побѣды онъ идетъ къ другой, не зная ни усталости, ни изнеможенія, изумляя враговъ, изумляя своихъ, бросается на непріятеля въ то время, какъ цѣлые ряды римскаго войска колеблются вступить въ бой. Это какой-то Ахиллесъ, или лучше, это богатырь, какого можетъ нарисовать только народная фантазія, это Илья Муромецъ, который одинъ побиваетъ и топчетъ конемъ „силушку великую". Но этотъ могучій герой, одерживающій въ одинъ день двѣ побѣды, отличается величайшимъ безкорыстіемъ. Изъ всей добычи, предоставленной въ его распоряженіе, онъ беретъ себѣ только

---

[1]) Коріоланъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ Дружинина. Дѣйствіе первое, сцена 3-я.

[2]) *Coriol.*, 8 слд.

Библиотека "Руниверс"

боеваго коня да проситъ освободить плѣннаго друга. Такимъ образомъ, съ безкорыстіемъ онъ, какъ и прилично истинному герою, соединяетъ вѣрность дружбѣ. Но въ то же время онъ гордъ и не хочетъ унизиться до оправданій въ взведенныхъ противъ него обвиненій передъ толпой, правъ которой судить себя онъ не признаетъ, и когда его упрашиваютъ это сдѣлать, то онъ вмѣсто оправданія высказываетъ передъ своимъ обвинителями лишь негодованіе и презрѣніе къ ихъ интригамъ и подлости. Онъ не идетъ ни на какую сдѣлку и безъ страха отправляется въ изгнаніе, предпочитая искать убѣжища среди непріятелей своей страны, чѣмъ склонить свою, покрытую лаврами голову передъ неблагодарностью своего народа. Пришедши въ чужую землю, онъ обращается прямо къ своему смертельному врагу, который не только не отказываетъ ему въ гостепріимствѣ, но и считаетъ за особенную честь видѣть въ своемъ домѣ столь виднаго противника, говоря ему у Шекспира: [1])

И сладко мнѣ въ любви съ тобою спорить,
Какъ спорили мы ревностно и жарко
Въ безстрашіи на нашихъ встрѣчахъ бранныхъ!

Бурное сердце изгнанника требуетъ мщенія своимъ оскорбителямъ. Онъ идетъ съ своими прежними врагами на Римъ, покоряя по пути одинъ союзный Риму городъ за другимъ, и, наконецъ, останавливается лишь предъ самымъ городомъ. Онъ высокомѣрно диктуетъ условія пощады и не умолимъ въ своихъ требованіяхъ. Его сломилъ лишь видъ матери, явившейся съ его женою и другими матронами, ихъ удрученный видъ и слезы. Онъ самъ не удержался отъ слезъ и, сказавши: „мать, ты побѣдила меня“, сталъ снимать лагерь къ изумленію и досадѣ предводительствуемой имъ чужеземной рати. Вспыхнувшая при повыхъ его тріумфахъ старая ненависть его смертельнаго врага, остававшагося все время похода въ тѣни, предводителя вольскихъ дружинъ, нашла теперь удобный моментъ для мщенія, и римскій герой падаетъ отъ руки убійцъ. Смерть его оплакиваютъ вольски, оплакиваютъ римскія женщины. На этомъ оканчивается римская легенда. Шекспиру показалось, что въ ней недостаетъ одной черты—раскаянія его убійцы, и онъ заставляетъ его при видѣ бездыханнаго тѣла Коріолана воскликнуть:

Прошелъ мой гнѣвъ, и скорбью потрясенъ я [2]).

---

[1]) Дѣйствіе IV, сцена 5, перев. Дружинина.
[2]) Дѣйствіе V въ концѣ, переводъ Дружинина.

Библиотека "Руниверс"

Всякій видитъ, что разказъ о Коріоланѣ полонъ поэтическихъ чертъ, и что въ сущности своей онъ есть поэтическое произведеніе. Вопросъ теперь только въ томъ, какая это поэзія—литературная, или народная. До извѣстной статьи Моммзена вопросъ этотъ не поднимался, такъ какъ тѣ, которые не видѣли въ сказаніяхъ древнѣйшей римской исторіи народной поэзіи, произведеній римскаго народнаго эпоса, на существованіе котораго съ такою настойчивостью указывалъ Нибуръ, не видѣли и никакой поэзіи. Но съ тѣхъ поръ, какъ Моммзенъ объявилъ повѣствованіе о Коріоланѣ составленнымъ въ V столѣтіи Рима, въ интересахъ нѣкоторыхъ плебейскихъ родовъ и въ прославленіе будто бы правъ, достигнутыхъ плебсомъ (странная идея!), а Пансъ, развивая это положеніе, пришелъ къ заключенію, что сказаніе о Коріоланѣ есть „созданіе ума образованнаго и геніальнаго", la creazione di une mente colta e geniale, сдѣланный нами вопросъ является на сцену самъ собою. На него отвѣчаетъ г. Коккіа, по нашему мнѣнію, говоря вообще, удовлетворительнымъ образомъ. Только онъ не тѣмъ начинаетъ свои доказательства того, что здѣсь не можетъ идти рѣчи о поэтическомъ произведеніи, составленномъ лицомъ, получившимъ греческое образованіе, какъ это старался доказать Пансъ, что, напротивъ, здѣсь передъ нами преданіе, вышедшее изъ народнаго сознанія, а не такое, которое имѣло бы „ученое происхожденіе" (origine dotta).

Онъ прежде всего увѣряетъ, что „заслуга этой высокой поэзіи, которую оставилъ неприкосновенною и перелилъ въ свою драму геній Шекспира", не принадлежитъ *Плутарху* (но развѣ одинъ Плутархъ передаетъ повѣствованіе о Коріоланѣ?), который передалъ лишь то, что дошло до него изъ анналистическаго преданія (правильнѣе было бы сказать: что онъ нашелъ у Діонисія).

Намъ думается, первымъ возраженіемъ со стороны г. Коккіа его противникамъ долженъ былъ бы быть вопросъ: если сказаніе о Коріоланѣ, столь поэтическое, имѣло литературное происхожденіе, то почему объ этомъ литераторѣ, какъ и объ этомъ произведеніи ровно ничего не знаетъ исторія литературы? Если оно составлено писателемъ, то этотъ писатель долженъ былъ быть очень искуснымъ, выдающимся писателемъ, а какіе же были въ V вѣкѣ Рима искусные и выдающіеся писатели, коль скоро для того, чтобы учить римское юношество въ VI столѣтіи латинскому языку, Ливій Андроникъ, начинающій собою рядъ образованныхъ поэтовъ въ Римѣ, долженъ былъ перевести сатурническимъ стихомъ на латинскій языкъ Одиссею

Библиотека "Руниверс"

Гомера и сдѣлалъ этотъ переводъ такимъ шероховатымъ латинскимъ языкомъ [1]), что произведеніе его, имѣвшее большой успѣхъ у современниковъ, казалось Цицерону [2]) opus aliquod Daedali? Далѣе: еслибы сказаніе о Коріоланѣ было готовое литературное произведеніе, то оно, какъ таковое, и было бы въ рукахъ у анналистовъ, начиная съ Фабія Пиктора, а этого очевидно не было, такъ какъ анналисты передавали исторію Коріолана различно, что̀ и отразилось потомъ у пользовавшихся ими историковъ (Ливія, Діонисія, Аврелія Виктора). Вспомнимъ хоть разнообразныя сообщенія о смерти Коріолана или о ходѣ его завоеваній по пути къ Риму. Ясно, что анналисты брали свои свѣдѣнія не изъ книги, не изъ сочиненія чьего нибудь, а изъ такого источника, который допускалъ разные варіанты въ разказѣ, какимъ всегда бываетъ народное преданіе (хотя бы оно передавало свой разказъ въ стихотворной формѣ, болѣе способной сохранить преданіе въ однообразномъ видѣ), въ чемъ мы можемъ убѣдиться и на русскихъ былинахъ, представляющихъ въ записи Кирши Данилова, Рыбникова и Гильфердинга, объ однихъ и тѣхъ же лицахъ какъ бы разныя повѣствованія, вытекающія, однако, изъ одного народнаго преданія.

Уже этихъ, такъ сказать, внѣшнихъ основаній было бы достаточно для того, чтобы оставить всякую мысль о книжномъ происхожденіи сказанія о Коріоланѣ. Но есть основанія внутреннія, истекающія изъ самой природы народной поэзіи, которыя не позволяютъ видѣть въ этомъ сказаніи ничего иного, какъ произведеніе изъ области народнаго творчества. Эти внутреннія основанія и указываетъ г. Коккіа. И прежде всего тутъ выступаетъ на видъ то свойство народной традиціи, что она, не принимая во вниманіе мѣста и времени, приписываетъ своимъ героямъ и такія событія, въ которыхъ они совсѣмъ не участвовали. Такимъ образомъ Гней Марцій является участникомъ, и вдобавокъ еще получившимъ за отличіе дубовый вѣнокъ [3]), въ эпической битвѣ при Регилльскомъ озерѣ, въ которой Римъ одержалъ побѣду надъ тридцатью латинскими городами, въ битвѣ, бывшей по обыкновенной лѣтописной традиціи въ 258 году Рима, то-есть, тремя годами раньше взятія Коріолъ, которымъ прославилось имя молодаго

[1]) *Brut.*, 18, 71.

[2]) См. въ моихъ „Лекціяхъ по исторіи римской литературы", стр. 75 слд. изданія 1888 г. (въ одномъ томѣ).

[3]) Plut., *Coriol.*, 3.

Библиотека "Руниверс"

героя, получившаго, какъ передаютъ историки, отъ этого подвига свое прозвище Коріолана. Мало того: ему приписывается этимъ народнымъ преданіемъ болѣе 17 лѣтъ военной карьеры, предшествовавшей времени, когда онъ заявилъ свою кандидатуру на консульство [1]). Удаляя жизнь героя, народная легенда не стѣсняется вводить въ его исторію лицъ умершихъ. Такъ, знаменитый по исторіи удаленія плебеевъ на священную гору Мененій Агриппа, умершій, по описанію Ливія [2]), въ самый годъ взятія Коріолъ, выступаетъ черезъ два года посредникомъ въ ссорѣ Коріолана съ трибунами [3]), какъ та же народная фантазія заставляетъ самого Коріолана выступить противникомъ плебеевъ еще до выступленія ихъ на священную гору [4]). Сюда же относится и то, что современникомъ римскаго голода 268 года дѣлается сиракузскій тиранъ Діонисій, царствовавшій цѣлымъ столѣтіемъ позже, именно въ 348—387 годахъ Рима, — анахронизмъ, исправляемый самимъ Плутархомъ [5]), который на мѣсто Діонисія поставилъ Гелона. Эта хронологическая путаница служитъ явнымъ свидѣтельствомъ полнаго отсутствія въ составителѣ легенды историческаго образованія и тѣмъ самымъ указываетъ на происхожденіе ея не изъ литературнаго источника. Странно послѣ этого говорить о греческомъ (литературномъ) происхожденіи легенды, какъ это дѣлаетъ Ине [6]), или видѣть въ ней, „произведеніе художника“, „созданіе ума образованнаго и геніальнаго“, но произведеніе римлянина, „напоеннаго греческою наукой“, какъ высказывается Пансъ [7]), очень удачно опровергающій Ине, какъ это мы видѣли раньше. Но интересно въ этомъ мѣстѣ замѣчаніе г. Коккіа относительно только-что приведенныхъ нами словъ самого Панса: „можно биться объ закладъ, что еслибы въ теченіе четвертаго вѣка существовалъ въ Римѣ умъ, способный вообразить поэтическую ситуацію, равную той, какую воспроизвелъ и сдѣлалъ безсмертною геній Шекспира, индивидуальность поэта наложила бы на это замѣчательное произведеніе искусства неизгладимую печать своего имени, и римскій разумъ достигъ бы, задолго до гре-

[1]) Ibid., 15.

[2]) II, 33, 10: Eodem anno Agrippa Menenius moritur, vir omni in vita pariter patribus ac plebi carus, post secessionem carior plebi factus.

[3]) Plut., *Coriol.*, 16 (?).

[4]) Ibid., 5.

[5]) Ibid., 16.

[6]) Röm. Geschichte, I, p. 150 (2-е изд.).

[7]) Studi Storici, III, 2, 276 слд.

Библиотека "Руниверс"

ческаго вліянія, самыхъ высокихъ вершинъ искусства" [1]). Мотивъ этотъ мы высказывали раньше, но г. Коккіа выражаетъ его по-своему и, по нашему мнѣнію, сильно и краснорѣчиво. Положеніе дѣла не измѣняется отъ того, что Паисъ имѣетъ въ виду автора не четвертаго, а *пятаго* вѣка, такъ какъ и въ пятомъ вѣкѣ литературно-художественная поэзія въ Римѣ еще не начиналась.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

И такъ, если поэтическое сказаніе о Коріоланѣ не есть произведеніе „книжной" литературы, если оно не сочинено ни греческимъ писателемъ, ни римскимъ, проникнувшимся греческою образованностью, то остается лишь одно предположеніе, что оно получило свое происхожденіе въ народной массѣ, и есть произведеніе народной поэзіи. Мы не будемъ здѣсь входить въ разсужденіе о сущности народнаго поэтическаго и именно эпическаго творчества, — какъ поступаетъ г. Коккіа въ своей третьей статьѣ [2]), — чтобы доказать существованіе у римлянъ эпической поэзіи въ эпоху, предшествовавшую греческому вліянію. Вопросомъ этимъ мы занимались еще въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи римской литературы" [3]) и тогда еще, около тридцати лѣтъ назадъ, пришли къ твердому убѣжденію, что у римлянъ въ до-грекоподражательный періодъ ихъ литературы былъ свой эпосъ точно такъ же, какъ у нихъ для всѣхъ несомнѣнно были начатки лирической и драматической поэзіи. Оспаривая заявленіе Моммзена [4]) о непоэтичности натуры италійскаго племени, авторъ этихъ строкъ, вопреки также утвержденію тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые, вмѣстѣ съ Швеглеромъ [5]), не видѣли въ римскомъ народѣ существованія даже элементовъ для національнаго эпоса, говорилъ: „мнѣ кажется по крайней мѣрѣ, что у римскаго народа были всѣ данныя, чтобы создать свой національный эпосъ, и что было бы въ высшей степени удивительно, если бы такой героическій народъ, какъ римляне, народъ съ самой колыбели своей обреченный на подвиги, народъ смѣлый, предпріимчивый, еслибы такой народъ, говорю я, не могъ создать памятника своимъ дѣяніямъ въ пѣсняхъ и былинахъ. Невозможно до-

[1]) *Nuova Antologia*, LX (1 декабря 1895 г.), p. 499.
[2]) *Nuova Antologia*, LXII (1 апрѣля 1896 г.).
[3]) Курсъ 1-й. Кіевъ, 1873, стр. 67—75; полнаго изд. 1888 г. стр. 52 слд.
[4]) Röm. Geschichte, I, p. 215 (3-е изд.).
[5]) Röm. Geschichte, I, p. 58. Мѣсто это приведено выше въ переводѣ.

Библиотека "Руниверс"

пустить, чтобы народъ, наполнившій впослѣдствіи вселенную славой своего имени, не былъ способенъ въ своей юности къ восхваленію дѣлъ своихъ предковъ въ народной думѣ и былинѣ, которыми обладаютъ всѣ народы, имѣвшіе какую нибудь исторію". Отвѣчая, съ своей стороны, на отрицаніе существованія у древнихъ римлянъ элементовъ, необходимыхъ для произведенія національнаго эпоса, г. Коккіа прежде всего задаетъ себѣ вопросъ: можетъ ли быть вообще внутренняя вѣроятность въ предположеніи, что Римъ былъ совершенно лишенъ „той формы поэзіи, которая была свойственна всѣмъ варварскимъ народамъ древности, гетамъ, кантабрамъ, друидамъ (sic!), и которая еще теперь встрѣчается, какъ живая и цвѣтущая, у русскихъ, сербовъ, хорватовъ, болгаръ, сибирскихъ татаръ и у другихъ народовъ, едва сдѣлавшихъ остановку между варварствомъ и порогомъ своей исторической жизни?" Затѣмъ онъ замѣчаетъ, что если главное ядро эпической формаціи почти всегда образуется изъ воспоминаній о великихъ военныхъ предпріятіяхъ, то никакой народъ больше римскаго не кажется способнымъ къ воспріятію и усвоенію себѣ подобнаго рода поэзіи,"—мысль, которая намъ представлялась съ настойчивостью всякій разъ, когда намъ приходилось говорить по вопросу, нами теперь обсуждаемому. „На зарѣ", говоритъ онъ далѣе, „новыхъ временъ мы находимъ эпопею французскую, испанскую и русскую, предшественницу исторической жизни этихъ трехъ великихъ націй, и на почвѣ Ирландіи, Бретани и Сербіи видимъ процвѣтаніе эпической пѣсни, какъ послѣдняго побѣга свободной жизни кельтовъ и сербовъ. Не прибѣгая къ столь родственной въ столь многихъ отношеніяхъ параллели Индіи, Ирана и Греціи, героическая сага и въ Германіи является продуктомъ или отголоскомъ большихъ политическихъ переворотовъ, которые потрясли чрезмѣрное могущество феодаловъ и положили основы новой и болѣе плодотворной исторической эпохи. Вѣроятно ли послѣ этого, чтобъ въ одномъ Римѣ большіе соціальные перевороты, въ которыхъ скрѣпилось политическое единство націи, и большія войны, которыя закалили ея характеръ для всемірнаго владычества, не зашевелили народнаго воображенія, и чтобъ никакое историческое воспоминаніе не преувеличило ихъ и не передало въ своихъ разказахъ на удивленіе потомства?" Наконецъ, г. Коккіа спрашиваетъ, котораго изъ двухъ элементовъ, необходимыхъ для образованія національнаго эпоса, наслѣдія ли великихъ историческихъ преданій, или индивидуальнаго генія поэта, способнаго ихъ выразить, недоставало Риму, и отвѣчаетъ: „если ему отказываютъ въ блескѣ богатаго преданія, то

Библиотека "Руниверс"

противорѣчатъ одному изъ самыхъ торжественныхъ уроковъ исторіи; если же у него оспариваютъ поэтическій геній, то вѣдь существуетъ всемірная литература, всегда готовая намъ напомнить, что муза, вдохновительница поэзіи, удаляясь съ Олимпа, не надѣлила никакого другаго народа большимъ обиліемъ своихъ безсмертныхъ даровъ“ [1]).

Мы очень охотно приводимъ всѣ эти строки итальянскаго ученаго по вопросу, насъ теперь занимающему, и тѣмъ болѣе охотно, что у насъ рѣже всего слышится голосъ ученыхъ Италіи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ бы представлять особенный интересъ для нашихъ научныхъ соображеній. Странѣ Виргилія и Данта отказывать въ недостаткѣ высокаго поэтическаго дарованія — слишкомъ смѣлый шагъ даже и для Моммзена, вообще не стѣсняющагося въ высказываніи самыхъ рискованныхъ приговоровъ не только о лицахъ, но и о народахъ, объ ихъ душевныхъ свойствахъ и способностяхъ. „Итальянцу“, говоритъ онъ [2]), „недостаетъ сердечной страсти, живаго стремленія идеализировать человѣческое и очеловѣчивать безжизненное и вмѣстѣ съ этимъ святая святыхъ поэтическаго искусства“. Это „святая святыхъ“ поэтическаго творчества, по мнѣнію берлинскаго профессора, дано было послѣ грековъ только нѣмцамъ, у которыхъ пѣснь сама собой выливается изъ души. Голословность такого рода отзывовъ и произвольность такого рода сужденій бросаются въ глаза, но даже еслибъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, эти отзывы и сужденія были справедливы, и тогда не было бы основаній отрицать у древнихъ римлянъ способность къ былинному эпосу, къ народному поэтическому воспроизведенію выдающихся событій ихъ героической эпохи. Если составленію такого мнѣнія содѣйствовалъ тотъ фактъ, что итальянское народное творчество среднихъ вѣковъ не участвовало въ созданіи эпическихъ повѣствованій, какія создались у всѣхъ народовъ Западной Европы, до которыхъ доходила молва о подвигахъ Карла Великаго и его паладиновъ, то не трудно доказать, что фактъ этотъ ничего не говоритъ въ пользу мнѣнія, на немъ основываемаго. Вотъ какъ по этому поводу высказывается г. Коккіа. „Италія не обогатила легенды о Карлѣ Великомъ никакимъ новымъ и оригинальнымъ фантастическимъ элементомъ, но она принесла ей болѣе драгоцѣнную и прочную дань, — дань художества. Къ безформенному эпическому произведенію трувеpовъ Франціи Италія прибавила

[1]) *Nuova Antologia*, LXII (апрѣль, 1896), p. 531—535.

[2]) Röm. Geschichte, II, 15-я глава въ началѣ.

Библиотека "Руниверс"

безсмертную жизнь высокой поэзіи, и поэмы Пульчи, Баярда и Аріоста содѣйствуютъ и до сихъ поръ сохраненію для этой легенды извѣстности, которую она утратила въ народномъ преданіи. У итальянскаго духа нѣтъ недостатка въ художественномъ чувствѣ, но вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ у него находится въ преизбыткѣ чувство мѣры, или, какъ мы еще сказали бы, историческое сознаніе, не позволяющее ему создавать безпорядочныхъ вымысловъ, каковы вымыслы романическихъ поэмъ, или вѣрить въ нихъ. Они могли плѣнять грубые и необработанные умы младенческихъ народовъ, которые въ то время едва пробуждались къ сознанію исторической жизни; но не производили впечатлѣнія на воображеніе народа уже взрослаго, наслѣдника классическаго преданія и продолжавшаго гордиться своимъ древнимъ происхожденіемъ отъ троянцевъ. Эти чудесные разказы могли скорѣе вызывать улыбку или иронію и могли пріобрѣтать лишь въ благородствѣ и строгомъ достоинствѣ искусства тотъ серьезный и торжественный тонъ, котораго они были лишены передъ лицомъ историческаго сознанія; но они не могли питать источниковъ искусства, созданнаго исключительно на служеніе народу" [1]).

Такъ неаполитанскій профессоръ классической филологіи защищаетъ свою страну отъ нареканій въ недостаткѣ поэтическаго таланта вообще и въ неспособности къ созданію національнаго эпоса въ древнѣйшую пору Рима, въ частности.

По намъ, какъ и ему, нѣтъ нужды ограничиваться доказательствами существованія у древнихъ римлянъ народнаго эпическаго творчества à priori. Изъ римской литературы, какъ она ни скудна свѣдѣніями о своихъ начаткахъ въ періодъ самобытнаго творчества, до насъ дошли извѣстія о существованіи застольныхъ пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвались доблести предковъ. Извѣстія эти идутъ, хотя и не непосредственно, отъ двухъ важныхъ изслѣдователей римскихъ древностей—отъ Катона и Варрона. На Катона ссылается Цицеронъ [2]), на Варрона Ноній [3]). Правда, противники Нибуровской теоріи о національномъ эпосѣ римлянъ, какъ объ источникѣ древнѣйшей римской исторіи, утверждали [4]), что эти carmina convivalia, пѣтыя участ-

[1]) Ibid., p. 535—536.

[2]) Мѣста приведены выше.

[3]) Мѣсто приведено выше.

[4]) Шлегель въ рецензіи на 1-й томъ исторіи Нибура (*Heidelb. Jahrbuch.* 1816, p. 839, Корсенъ въ Origines poesis Romanae, p. 119, исторіяхъ римской литературы въ Германіи, начиная съ Крузе и кончая Тэнфелемъ, изъ англійскихъ историковъ литературы Селларъ (The romans poets of the Republik, Oxc-

Библиотека "Руниверс"

никами пиршествъ (cantitata a singulis convivis) поочередно, одинъ за другимъ (deinceps), были больше лирическаго, чѣмъ эпическаго характера, и были очень кратки,—что̀ вытекаетъ будто бы изъ того, что они какъ взрослыми людьми по Катону, такъ и мальчиками (pueri modesti) по Варрону пѣлись подъ звуки флейты, игра на которо̀й не допускаетъ продолжительности, — но это были утвержденія произвольныя и не доказанныя [1]). Самая преемственность пѣнія пировавшими (deinceps, a singulis convivis)на одномъ и томъ же пиршествѣ указываетъ на длинноту этихъ пѣсенъ или на связь одной пѣсни съ другою, продолжавшею первую; слова же Валерія Максима [2]), говорящаго о томъ, что на этихъ пиршествахъ воспѣвались egregia superiorum *opera* и воспѣвались для того, чтобы юношество охотнѣе подражало этимъ *дѣяніямъ*, показываютъ, по мнѣнію этого историка, что характеръ застольныхъ пѣснопѣній было не лирическій, а эпическій. Но еслибы онѣ и были большею частью коротки, и еслибы даже въ иныхъ пѣсняхъ, пѣтыхъ подъ звуки флейты, и преобладалъ лирическій элементъ, онѣ все-таки заключали въ себѣ данныя о подвигахъ и жизни героевъ, слѣдовательно сохраняли о нихъ поэтическое преданіе. Это поэтическое преданіе, въ одномъ случаѣ болѣе полное, въ другомъ менѣе, во всякомъ случаѣ было зерномъ эпическихъ поэмъ, которое могло расширяться и развиваться, образуя современемъ и дѣйствительныя поэмы, когда дѣло касалось героевъ и событій, произведшихъ на воображеніе народа особенно сильное впечатлѣніе. Къ числу такихъ поэмъ могла принадлежать или, лучше, одною изъ наиболѣе выработанныхъ могла быть пѣснь о Коріоланѣ, поэтическая память о которомъ сохранялась живо если не до временъ самого Діонисія Галикарнасскаго (то-есть, до Августова вѣка), то до временъ тѣхъ анналистовъ, которые служили для него источникомъ [3]).

фордъ, 1889, 3-е изд., p. 38). Идя въ разрѣзъ съ своими собратами, Риббекъ въ своей Geschichte der Römischen Dichtung, I (Stuttg. 1887), p. 8, расположенъ стоять за Нибуровскую гипотезу, eine Vermutung Niebuhrs, welcher die grösste innere Wahrscheinlichkeit nicht absusprechen ist".

[1]) См. *Благовѣщенскій*, De carminibus convivalibus, p. 17 sqq.

[2]) Val. Max., II, 1, 10.

[3]) О томъ, что Діонисій, говоря въ настоящемъ времени (VIII, 65 ᾄδεται καὶ ὑμνεῖται) о воспѣваніи Коріолана, какъ и употребляя о божественномъ происхожденіи Ромула и Рема выраженіе ἔτι καὶ νῦν ᾄδεται, воспроизводитъ лишь время своихъ источниковъ, говорилъ еще Петерсенъ (De originibus historiae Romanae, Hamb., 1835, p. 3), и на томъ же настаиваетъ г. Коккіа (*Nuova Antol.*, LXX, p. 555).

Библиотека "Руниверс"

Свидѣтельства Катона и Варрона въ томъ видѣ, какъ они намъ передаются, сами по себѣ еще не рѣшаютъ вопроса о томъ, можно ли въ застольныхъ пѣсняхъ, о которыхъ въ нихъ говорится, видѣть образцы такихъ же, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ родѣ, эпическихъ пѣсенъ, изъ какихъ у грековъ составились впослѣдствіи большія Гомеровскія поэмы. Не подлежитъ сомнѣнію, что у римлянъ до созданія подобнаго обширнаго и связнаго эпоса дѣло не дошло, но что элементы этого эпоса у нихъ существовали, можно заключить не только изъ того, что до насъ въ повѣствованіи римскихъ историковъ дошли поэтическія сказанія, каково сказаніе о Коріоланѣ, по главнымъ образомъ изъ того факта, что литературная эпическая поэзія у римлянъ получаетъ столь же быстрое развитіе, какъ и комедія, что этими двумя видами и начинается римская литература съ момента, когда римляне стали знакомиться съ греческою литературой. Но быстрое развитіе въ Римѣ комедіи, которое уже во второмъ поколѣніи римскихъ литераторовъ достигаетъ въ лицѣ Плавта роскошнаго цвѣта, прямо объясняется именно тѣмъ, что римляне, отъ природы одаренные остроуміемъ и бывшіе всегда любителями сценическихъ представленій, въ своихъ народныхъ видахъ драматической поэзіи—*Фесценнинахъ* и *Сатурѣ*, сдѣлали столь значительную подготовку къ комически-сценическому жанру литературы, что стоило тарентскому греку, Ливію Андронику, имъ только показать на сценѣ нѣсколько драмъ, построенныхъ по греческому образцу, какъ у нихъ возникаетъ крупный комическій талантъ въ лицѣ Невія, а непосредственно за Невіемъ является и Плавтъ. Нельзя поэтому думать иначе и о фактѣ появленія рядомъ съ комедіей такихъ двухъ эпическихъ поэмъ съ національнымъ содержаніемъ, какими были поэмы Невія и Эннія. Особенно въ этомъ отношеніи важна поэма Невія, первая эпическая поэма римлянъ, которая, имѣя ближайшею цѣлью описаніе первой пунической войны, начинала римскую исторію съ троянскихъ временъ и которая внесла въ римскую литературу множество преданій въ стихотворной обработкѣ. Стихъ, какимъ писалъ Невій свою поэму, былъ національный, сатурническій (versus Saturnius). Дошедшіе до насъ отрывки изъ поэмы указываютъ намъ не только на замѣчательную чистоту языка, но и на столь же замѣчательную легкость стиха, такъ что вся эта поэма представлялась Цицерону [1]), какъ артистическое произведеніе въ родѣ статуи Мирона,

[1]) *Brut.*, 19, 76: Bellum Punicum, quasi Myronis opus, delectat.

Библиотека "Руниверс"

знаменитаго греческаго художника начала классической эпохи, отличавшагося жизненностью и натуральностью своихъ произведеній. Ясное дѣло, что такая прелесть національной эпической поэмы, которая могла увлекать классическаго писателя, каковъ Цицеронъ, и которую мы чувствуемъ по дошедшимъ до насъ шести десяткамъ отрывочныхъ стиховъ [1]), не могла явиться не подготовленною болѣе ранними опытами въ этомъ родѣ. Этою подготовкой ни по содержанію, ни по стилю, ни по стиху не могла служить Одиссея Ливія Андроника, переведенная на латинскій языкъ сатурническимъ размѣромъ, такъ какъ этотъ трудъ, исполненный привезеннымъ въ Римъ и выучившимся тамъ по-латыни плѣннымъ грекомъ изъ Тарента, отличался такимъ неуклюжимъ языкомъ и стихомъ, что казался тому-же Цицерону чѣмъ-то допотопнымъ, произведеніемъ Дедала, opus aliquod Daedali, какъ онъ выражается [2]). Очевидно, не только эпическое содержаніе, не только языкъ, но и сатурническій стихъ для эпическаго употребленія были у римлянъ до извѣстной и даже значительной степени выработаны. Гдѣ же они были выработаны?

Конечно, не tituli или tabulae triumphales, которые перечисляли заслуги тріумфаторовъ, по словамъ латинскихъ грамматиковъ, сатурническимъ стихомъ, и въ которыхъ не могло быть поэзіи, были тутъ важнымъ руководствомъ для Невія, какъ объ этомъ говоритъ въ своей, впрочемъ, очень солидной статьѣ „О древнѣйшей италійской литературѣ“ [3]) г. Ниттльшпиъ, а скорѣе всего тѣ carmina, въ которыхъ воспѣвались, по словамъ Катона, „за много вѣковъ до его времени“ заслуги и доблести знаменитыхъ предковъ, clarorum virorum laudes atque virtutes, и которые пѣлись то взрослыми людьми, то отроками, то подъ звуки флейты, то простымъ голосомъ, assa voce, какъ, по показанію Нонія [4]), было сказано у Варрона, относительно отроковъ. Сатурническимъ стихомъ, природа котораго, правда, до сихъ поръ еще не опредѣлена съ надлежащею точностью, римляне пользовались въ разныхъ случаяхъ съ древнѣйшихъ временъ. Онъ употреблялся и въ религіозныхъ гимнахъ, каковъ дошедшій до насъ

[1]) Образчики этихъ стиховъ, съ русскимъ ихъ переводомъ, приведены въ моихъ „Лекціяхъ по исторіи римской литературы“, стр. 82—83 изданія 1888 г.

[2]) Ibid, 18, 71.

[3]) The earliest italian literature, considered with especial reference to the evidence afforded on the subject by the latin language въ *The Journal of Philology*, vol. XI (1882), p. 187.

[4]) Non. *Assa voce.*

Библиотека "Руниверс"

гимнъ братьевъ Арвальскихъ, и для предсказаній, которыя еще въ раннее время стали предметомъ сборниковъ и составили потомъ цѣлые томы, судя по выраженію Горація [1]), annosa *volumina vatum*, и въ надписяхъ на Капитоліѣ, прославлявшихъ подвиги тріумфаторовъ, и въ эпитафіяхъ, каковы надписи на гробницахъ Сципіоновъ (elogia Scipionum), или эпитафія, составленная самому себѣ Невіемъ, и въ стихотворныхъ посвященіяхъ богамъ, каково посвященіе Л. Мумміемъ храма и статуи Геркулесу, и, наконецъ, въ застольныхъ пѣсняхъ, прославлявшихъ подвиги героевъ. Объ употребленіи сатурническаго стиха въ этихъ послѣднихъ carmina слѣдуетъ думать потому, что у римлянъ никакого другаго стиха, кромѣ сатурническаго, до знакомства ихъ съ греческими размѣрами и усвоенія ихъ сначала въ драматической, потомъ въ эпической и, наконецъ, въ лирической поэзіи, не было, такъ что даже и стихотворныя колкости, которыми Невій обмѣнялся съ Метеллами, могли на римскій манеръ быть написаны только сатурническимъ размѣромъ, хотя въ то время были уже въ полномъ ходу греческіе размѣры, употреблявшіеся въ драматической поэзіи. Это разнообразное употребленіе сатурническаго размѣра само собой объясняетъ достаточную выработку его къ тому времени, когда Невій сталъ писать свою національную поэму (о первой пунической войнѣ). Но то обстоятельство, что онъ, второй по счету латинскій писатель, какого знаетъ исторія римской литературы, и первый писатель изъ природныхъ римлянъ или во всякомъ случаѣ изъ латинянъ, взялся за большое эпическое произведеніе, разказывающее судьбу Рима отъ первыхъ преданій о ней до пережитой имъ эпохи включительно, свидѣтельствуетъ, что къ его услугамъ былъ не только достаточно разработанный отечественный и стихотворный размѣръ, но и достаточно разработанный видъ національной поэзіи, отлившійся у него въ форму чисто художественную, которая дозволила сравнить его *Bellum Punicum* съ прелестнымъ въ своей артистической простотѣ и естественности скульптурнымъ произведеніемъ Мирона. Какъ бы ни былъ значителенъ литературный талантъ у этого писателя, собственно говоря, начинающаго собой римскую литературу, такъ какъ плохо владѣвшій латинскимъ языкомъ Ливій Андроникъ своими, взятыми изъ греческаго репертуара, трагедіями, комедіями и переводомъ Одиссеи только показалъ ей дорогу,—онъ не могъ бы такъ легко справиться съ своей задачей большой національной поэмы, еслибъ задача эта

[1]) Ep. II, 1, 26.

Библиотека "Руниверс"

не была облегчена для него предшествовавшими опытами, въ которыхъ и были разработаны національныя преданія, и найденъ былъ подходящій способъ ихъ поэтическаго выраженія. Мы поэтому вполнѣ раздѣляемъ заявленіе г. Ниттльшина [1]), что „искусство писанія эпическихъ поэмъ не рождается въ одинъ день". Невій несомнѣнно долженъ былъ имѣть предшественниковъ въ національной эпопеѣ, и этими предшественниками были народныя пѣсни о римскихъ герояхъ, о подвигахъ славныхъ предковъ, тѣ пѣсни, которыя, вѣроятно, по крайней мѣрѣ часть ихъ, и распѣвались въ торжественные дни на пиршествахъ каждымъ изъ пирующихъ поочередно или же отроками, долженствовавшими видѣть въ воспѣваемыхъ ими доблестныхъ дѣяніяхъ предковъ примѣръ для подражанія.

Къ такимъ предшественницамъ поэмы Невія надо, по всѣмъ соображеніямъ, причислить и поэтическое сказаніе о Коріоланѣ.

В. Модестовъ.

---

[1]) Op. cit., p. 186.

Библиотека "Руниверс"

СОБРАНІЕ И СВОДЪ ЗАКОНОВЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ, СОСТАВЛЕННЫЕ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II [1]).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кодификаціонныя работы, подготовившія составленіе перваго собранія и свода законовъ Россійской Имперіи.

Взглядъ на педагогическое значеніе кодификаціи права первоначально развивался въ русскомъ обществѣ и правительствѣ независимо отъ причинъ, вызвавшихъ кодификаціонныя работы надъ уложеніемъ. Въ XVIII вѣкѣ сильно нуждались, конечно, въ согласованной системѣ законодательныхъ нормъ, но эти нужды были болѣе практическаго свойства: къ примиренію сословныхъ интересовъ и упрощенію дѣятельности государственнаго механизма, не находившей достаточно прочной опоры и сдержки въ законѣ, казалось, возможно было приступить съ обнародованія свода или новаго уложенія.

Предпріятіе подобнаго рода въ это время поставлено было, однако, въ зависимость отъ цѣлаго ряда тяжелыхъ условій, значеніе которыхъ выяснить не трудно, если сравнить ихъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ съ тою обстановкой, въ какой производились работы надъ уложеніемъ 1649 года. Въ самомъ дѣлѣ, когда, послѣ

---

[1]) *Продолженіе.* См. январьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1897 годъ.

Библиотека "Руниверс"

московскаго мятежа 1648 г. принялись за составленіе уложенія, государственная жизнь еще не представляла черезмѣрныхъ осложненій: правительство могло воспользоваться старымъ, заранѣе подготовленнымъ и однороднымъ матеріаломъ, довольно скромнымъ по объему, не принуждено было считаться съ мѣстными законодательствами и политическими преданіями вновь покоренныхъ областей, да и не преслѣдовало широкихъ цѣлей: оно подводило итоги прошедшему, не заглядывая въ далекое будущее; его не смущали и не останавливали теоретическія соображенія. Положеніе законодателя въ XVIII вѣкѣ было совсѣмъ иное: ему приходилось имѣть дѣло съ громаднымъ и чрезвычайно разнообразнымъ матеріаломъ, въ которомъ на ряду съ старыми московскими указами попадались разные новые уставы и регламенты, частью вызванные потребностями текущей жизни, частью кое-какъ скопированные съ иноземныхъ образцовъ; къ этой грудѣ плохо систематизированныхъ данныхъ присоединялись иной разъ совсѣмъ несогласныя съ ними мѣстныя законодательства, разныя остзейскія и малороссійскія привиллегіи, а также обычаи инородцевъ [1]). Справиться со всѣмъ этимъ матеріаломъ было тѣмъ труднѣе, что времени на спокойную и обдуманную его обработку не ставало, да и надлежащихъ работниковъ на лицо большею частью не оказывалось. Не смотря на столь неблагопріятныя условія, требованія, какія предъявлялись предстоящей кодификаціи, повысились: задача ея, по мнѣнію образованныхъ людей того времени, должна была состоять не въ простой компиляціи законодательнаго матеріала, составленной въ виду однѣхъ практическихъ цѣлей, а въ теоретической его пере-

[1]) „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія, писала по этому поводу императрица Екатерина въ секретномъ наставленіи кн. А. Вяземскому,—суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привиллегіями и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было, однакожъ и называть ихъ чужестранцами и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупостью. Сіи провинціи также и Смоленскую надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу“ (Имп. Публ. Библ., F., IV, № 484, Сборникъ, л. 26; вообще инструкція часто попадается въ рукописныхъ сборникахъ; она напечатана въ *Чтеніяхъ* М. О. И. и Д., 1858 г., кн. I, Смѣсь, стр. 101—104 и въ С. Р. И. О., VII, 345—348). „Imaginez, je vous prie, писала императрица Екатерина II Вольтеру, qu'elles (les lois) doivent servir pour l'Asie et pour l'Europe et quelle difference de climat, de gens, d'habitudes, d'idées même!“ (С. Р. И. О., X, 204).

Библиотека "Руниверс"

работкѣ, опирающейся не столько на позитивныя данныя, сколько на начала „здраваго разума“; такой матеріалъ, во всякомъ случаѣ, казалось желательнымъ подчинить новой системѣ, гдѣ на ряду съ обязанностями населенія были бы указаны его права и законные предѣлы дѣятельности подчиненныхъ властей. Замѣтимъ, наконецъ, что мечтатели того времени придавали уложенію не одно только формальное, но и вполнѣ реальное значеніе: обезпечивая извѣстный порядокъ въ юридическихъ отношеніяхъ на „нескончаемые вѣки“, законодатель долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, сверхъ того, сдѣлать населеніе счастливымъ и такимъ образомъ удовлетворить будущимъ запросамъ русской государственной жизни [1]).

Какова бы ни была, однако, задача, преслѣдуемая русскими кодификаторами прошлаго вѣка, выполненіе ея поставлено было въ прямую зависимость отъ болѣе или менѣе полнаго собранія матеріаловъ, одинаково нужныхъ какъ для составленія свода, такъ и для сочиненія новаго уложенія. Такія работы, дѣйствительно, производились въ теченіе всего XVIII столѣтія въ разнаго рода государственныхъ установленіяхъ. Съ одной стороны сенатъ занимался собираніемъ и разборомъ указовъ, временныхъ и „принадлежащихъ до вѣчнаго опредѣленія“, которые издавалъ впослѣдствіе въ видѣ особыхъ сборниковъ, съ другой и кодификаціонныя комиссіи XVIII вѣка, въ особенности комиссіи 1754 — 1766 и 1767—1774 гг., посвятили не мало времени и усилій на приготовленіе историко-юридическихъ

---

[1]) *И. Посошковъ*, Сочиненія, изд. М. Погодинымъ, М. 1842 г., т. I, стр. 75, *В. Татищевъ*, Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ изд. Н. Попова М., 1887, стр. 152. *Strube de Piermont*, Discours sur l'origine et les changements des loix Russiennes. 1756, S.-Pt., pp. 36—37.—См. также мнѣніе и проекты многихъ законодательныхъ комиссій XVIII вѣка. „Мы сочиняемъ проектъ законовъ, говорилъ одинъ изъ депутатовъ комиссіи 1767 — 1774 гг. съ тѣмъ, что бы содѣлати всѣхъ поданныхъ Ея Величества счастливыми“ (С. Р. И. О., XXXVI, 290; ср. 291 и 293).— „Многіе-ль вникли, писалъ кн. М. Щербатовъ, въ тѣ обстоятельства которыя должны быть основаніемъ законовъ? взяли ли весь надлежащій трудъ сообразить политическіе и гражданскіе законы съ божественными и естественными? Разсмотрѣли ли умопачертаніе народное и расположеніе страны? вникнулъ-ль въ пребывающіе законы и съ какими намѣреніями они были содѣляны и въ самые обычаи? И мудро умѣютъ ли соединить пользы народныя съ пользою государевою и государства?“ (*Кн. М. Щербатовъ*, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., т. I, стб. 356 — 357; ср. его же разныя размышленія о правленіи въ *Чтеніяхъ* Моск. Общ. Ист. и Древ. за 1860 г., кн. I, стр. 44).

Библиотека "Руниверс"

матеріаловъ, необходимыхъ для правильнаго пониманія предстоящихъ задачъ кодификаціи русскаго права. Обратимся къ краткому обозрѣнію этихъ работъ, обусловившихъ возможность появленія въ концѣ XVIII вѣка такого сборника, который могъ въ извѣстной мѣрѣ претендовать на названіе „полнаго“ собранія и свода „законовъ“ Россійской Имперіи.

I. Собираніе, разборъ и изданіе указовъ временныхъ и „принадлежащихъ до вѣчнаго опредѣленія“.

Матеріалы, нужные для кодификаціонныхъ работъ, на первыхъ порахъ поручено было собирать сенату [1]).

Въ 1714 (марта 16-го) и 1720 (апрѣля 29-го) годахъ ему велѣно было разобрать всѣ указы „за подписаніемъ Его Величества собственныя руки“, при чемъ тѣ изъ нихъ, „которые въ постановленіе какого дѣла изданы, припечатывать въ регламенты, артикулы, уставы и прочее по вся годы“, а временные помѣщать въ особливую книгу [2]). Въ силу этого распоряженія указы состоявшіеся съ 1714 г. по 1730 дѣйствительно были разобраны и напечатаны [3]). Дѣло тянулось, однако, очень долго (съ 1718 по 1743 годъ) и не получило дальнѣйшаго движенія. Докладъ Миниха о необходимости собрать и издать всѣ россійскіе указы и регламенты, представленный имъ въ 1735 году императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, повидимому, также остался безъ послѣдствій [4]). Только восемь лѣтъ спустя, въ 1743 году, бывшій тогда генералъ-прокуроромъ кн. Н. Ю. Трубецкой велѣлъ приступить къ

---

[1]) Въ 1695 г. приступили къ сочиненію проектовъ для пополненія уложенія и новоуказныхъ статей „во всѣхъ приказахъ“, безъ того уже обремененныхъ всякаго рода дѣлами и поэтому едва ли выполнившихъ возложенное на нихъ порученіе (П. С. З., т. III, № 1513).

[2]) П. С. З., т. V, № 2785 и т. VI, № 3574. Ср. указы 1723 г. ноября 6-го и 1724 г. марта 11. (П. С. З. т. VII, № 4347).

[3]) Перечисленіе отдѣльно изданныхъ въ XVIII вѣкѣ инструкцій (едва ли впрочемъ полное) см. у *В. Сопикова*: Оп. Росс. Библ., ч. III, №№ 4566—4646. Указы 1714—1730 гг. были напечатаны книгами, вышедшими въ разное время въ 1718—1743 гг.; подробности см. въ предисловіи къ П. С. З., прим. 3.

[4]) *Отеч. Зап.* П. Свиньина, т. V, 1821 г., стр. 270—277. Подобное же мнѣніе высказывалъ, повидимому, и А. Волынскій въ своемъ „генеральномъ проектѣ“ *Д. Корсаковъ*, „А. П. Волынскій“ въ *Древ. и Нов. Рос.*, 1877 г., № 8, стр. 292).

Библиотека "Руниверс"

такой работѣ надъ указами 1730—1743 гг., различая временные отъ тѣхъ, которые принадлежатъ „до вѣчнаго опредѣленія". Но и эта попытка едва ли увѣнчалась успѣхомъ. Еще въ 1760 г. (сентября 14-го) императрица Елисавета поручила генералъ-прокурору кн. Я. П. Шаховскому сочинить реэстръ по матеріямъ, содержащимся въ указахъ, которые состоялись при жизни родителя ея Петра перваго и слѣдующихъ за нимъ государей; „господа сенаторы" должны были объявить свое мнѣніе объ указахъ отмѣненныхъ или новыхъ, пополнявшихъ прежніе. Но и это распоряженіе не привело къ желанному результату. Черезъ три года (1763 г. февраля 14-го) сенатъ принужденъ былъ сознаться, что съ 1730 г. „и понынѣ указовъ не собрано и въ печать не выдано". „Сожалѣтельно, писалъ около того же времени Ф. Г. Дильтей, что продолженіе всѣхъ данныхъ указовъ не имѣется отъ 1730 года до славнаго царствованія Екатерины II" [1]).

Кромѣ сборниковъ сенатъ занимался составленіемъ „книгъ"; въ каждой изъ нихъ собраны были указы, утвержденные въ теченіе небольшаго промежутка времени, напримѣръ, одного года. Въ генералъ-прокурорской экспедиціи до 1767 года успѣло накопиться нѣсколько такихъ книгъ; ими впослѣдствіи воспользовалась комиссія 1767 года [2]). Въ означенныя книги, однако, попадали не всѣ узаконенія. При началѣ печатанія указовъ каждаго года, генералъ-прокуроръ представлялъ докладъ о нихъ императрицѣ и „въ сходственность высочайшей апробаціи" вносилъ указы, „слѣдующіе къ непремѣнному законоположенію", въ число печатаемыхъ въ книгахъ. Такой порядокъ соблюдался, по крайней мѣрѣ, въ царствованіе императрицы Екатерины II и, быть можетъ, въ числѣ другихъ причинъ, задержи-

---

Нѣкоторые изъ манифестовъ, регламентовъ и уставовъ, отдѣльно изданныхъ въ XVIII вѣкѣ до 1762 г., указаны *С. Хилковымъ*: Систематическое собраніе россійскихъ законовъ и проч., ч. I, С.-Пб. 1817, стр. 33—35. Перечисленіе изданныхъ въ XVIII вѣкѣ сборниковъ указовъ см. въ ст. *Е. Карновича*: О новомъ изданіи полнаго собранія законовъ въ *Русск. Стар.*, 1874 г., т. X, стр. 412.

[1]) *Ф. Г. Дильтей*, Опытъ Рос. Геогр. М., 1771 г., стр. 305.

[2]) До 18-го января 1767 г. въ генералъ-прокурорской экспедиціи имѣлись собранные указы въ книгахъ нижеписанныхъ годовъ: 1727, 1730, 1731, 1733 (послѣднія двѣ даты писаны другою рукой) и 1735; 1732; 1734, съ 1741 по 1745; 1745; съ 1746 по 1750; 1751 и 1752; 1753 и 1754; 1755 и 1756; 1757; 1758; 1759 и 1760. (Арх. Мин. Юстиц. III Отд. Сенат. Отд., Ген.-прок. дѣла, № 6446, л. 447).

Библиотека "Руниверс"

валъ своевременный выходъ „указныхъ“ книгъ изъ типографіи. Указовъ, состоявшихся, напримѣръ, послѣ 1-го іюля 1766 г., не было напечатано (въ книжкахъ) еще въ 1779 г.; всѣ они „хотя и находились въ разныхъ сената экспедиціяхъ по принадлежности, но оставались неразобранными“; книга указовъ за 1768 годъ вышла, повидимому, еще позднѣе, о чемъ можно судить по одному изъ приказовъ генералъ-прокурора объ уплатѣ типографскаго счета по ея печатанію и о покупкѣ 3000 экземпляровъ этой книги, для разсылки ихъ по намѣстничествамъ [1]).

Затрудненія, какія испытывалъ Сенатъ при изданіи „указныхъ книгъ“ заставили его, вѣроятно, возложить выполненіе этого дѣла на Академію Наукъ и Московскій университетъ. Въ февралѣ 1763 года сенатъ поручилъ экспедиціи о сочиненіи Уложенія собрать всѣ указы со временъ Петра Великаго, имѣвшіе характеръ вѣчныхъ узаконеній и изданные во всенародное извѣстіе, съ тѣмъ, чтобы отослать ихъ въ Академію и Университетъ для напечатанія ихъ особыми книгами и для продажи въ народѣ [2]).

Не успѣвая издавать болѣе или менѣе значительные сборники узаконеній, сенатъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими присутственными мѣстами довольствовался обнародываніемъ текущихъ указовъ. Это право долгое время оставалось за типографіями сенатской и синодальной; съ появленіемъ губернскихъ типографій, которыхъ, впрочемъ, въ то время было очень не много, оно распространилось и на эти послѣднія. Вмѣстѣ съ тѣмъ печатаніе трактатовъ и другихъ публичныхъ актовъ, заключенныхъ между Россіею и иностранными державами, поручено было типографіи, учрежденной при архивѣ иностранной коллегіи въ 1783 году, а затѣмъ черезъ полтора года и при самой коллегіи въ С.-Петербургѣ [3]). Кромѣ того, указы, предназначенные для всенароднаго свѣдѣнія, печатались Академіей Наукъ и Мо-

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, III Отд. Сенат. Отд., ген.-прок. дѣла, № 6467, приказъ 1786 г. декабря 30-го № 6480. (Отвѣтъ кн. А. Вяземскаго на записку П. Соймонова, который нуждался во всѣхъ состоявшихся отъ 1775 г. по „нынѣшнее время“ слѣдующихъ къ законоположенію указахъ, 12-го сентября 1779 года). Указная книга за 1767 г. издана въ 1781—1783 гг., а за 1768 г.—въ 1786 г.

[2]) П. С. З., т. XVI, 11.757 (1763 г. февраля 14-го). *С. Порошинъ*, Записки, стб. 133; сравн. стб. 261.

[3]) П. С. З., т. XXI, № 15633 (14-го января 1783 г.); т. XXII, № 16048 (1784 г. августа 17-го: О заведеніи особой типографіи для кабинета и Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ).

Библиотека "Руниверс"

сковскимъ университетомъ въ „Вѣдомостяхъ", а также появлялись вмѣстѣ съ другими правительственными распоряженіями на страницахъ „С.-Петербургскаго Вѣстника" [1]). Всѣ эти работы по обнародованію указовъ не могли, конечно, замѣнить печатныхъ сборниковъ содержащихъ болѣе или менѣе значительное число узаконеній и облегчавшихъ предстоящія работы по кодификаціи права [2]).

Итакъ, собираніе указовъ, ихъ разборъ и изданіе сенатомъ шло очень медленно; его работы не приводили къ удовлетворительнымъ результатамъ.

II. Подготовительныя работы по собиранію, разбору и своду законодательнаго матеріала, нужнаго для сочиненія проекта новаго уложенія.

Причины неудачнаго исхода работъ, производившихся въ сенатѣ, состояли прежде всего въ томъ, что выполненіе этихъ трудовъ требовало значительнаго числа работниковъ, свободныхъ отъ какихъ бы то ни было посторонннихъ служебныхъ занятій; въ противномъ случаѣ обычное теченіе дѣлъ остановилось бы.

---

[1]) О позднѣйшихъ работахъ сената надъ „экстрактами" изъ законовъ см. ниже въ гл. III.

[2]) Въ Указѣ 1780 г. апрѣля 8-го императрица Екатерина во всякомъ случаѣ обнаружила нежеланіе предоставить право такимъ учрежденіямъ, какъ Академія Наукъ и Московскій университетъ, печатать въ издаваемыхъ ими вѣдомостяхъ какія бы то ни было узаконенія, которыя „до свѣдѣнія въ народѣ не принадлежатъ" и дозволяла имъ помѣщать на страницахъ своихъ вѣдомостей, лишь то, что „объявляется для всенароднаго свѣдѣнія или что заблагоразсудитъ назначить само правительство" (П. С. З., т. XX, № 15001; Ср. т. XXI, № 15212), Нѣсколько позднѣе общество любителей наукъ, по второй части издаваемаго имъ съ 1-го января 1778 года періодическаго „сочиненія" подъ названіемъ „*С.-Петербургскій Вѣстникъ*", печатало между прочимъ „всѣ указы Ея Императорскаго Величества и Правительствующаго Сената, а также трактаты" и кромѣ того разнородныя политическія извѣстія (*С.-Петербургскій Вѣстникъ*, ч. I, 1778 г., Предув., стр. 4—5). Изданіе *С.-Петербургскаго Вѣстника* разрѣшено было императрицею не позднѣе 6-го ноября 1777 г. (Арх. Мин. Юстиц., III, Отд. Сената. Отд. № 6480, лл. 165—167). Въ Вѣстникѣ дѣйствительно печатались немногіе новѣйшіе указы и правительственныя распоряженія; въ теченіе 1778 г. изданіе это привлекло до 376 подписчиковъ изъ разныхъ слоевъ общества; въ 1779 г. ихъ было всего 293. Но уже въ послѣдней части этого изданія (за 1781 г.) указовъ не встрѣчается.

Библиотека "Руниверс"

Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ правительство рѣшило возложить часть своихъ обязанностей по кодификаціи на русское общество; въ числѣ прочихъ службъ, оно призвало его къ отправленію и новой не легкой для него повинности, которая сводилась къ обязательному участію депутатовъ, пріѣхавшихъ изъ провинціи, въ разныхъ столичныхъ комитетахъ и комиссіяхъ для составленія проекта новаго уложенія.

Работы по собиранію и „сведенію" указовъ стали сосредоточиваться въ этихъ установленіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, уже палата объ уложеніи поручила подьячимъ распредѣлить внесенныя изъ приказовъ статьи по главамъ уложенія 1649 г. [1]); одно изъ отдѣленій комиссіи 1730 года также занималось составленіемъ систематическихъ сводовъ, при чемъ по силѣ сенатскихъ опредѣленій 1720 и 1721 годовъ имѣло право требовать отъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ копіи съ нужныхъ ему указовъ. Составители сводовъ, однако, сами сознавались въ томъ, что „на нихъ утвердиться невозможно и печатать опасно, понеже оные сочинены токмо для одного слушанія, а не для напечатанія" [2]). Проектъ 1740 года объ учрежденіи особой комиссіи, „которая впрочемъ ничего другаго не дѣлала бы", какъ только занималась составленіемъ „новой книги законовъ", остался, какъ извѣстно, не выполненнымъ, а между тѣмъ предлагаемый „способъ" для веденія кодификаціонныхъ работъ вскорѣ былъ примѣненъ въ сосѣднихъ государствахъ (Пруссіи и Австріи) и позднѣе привелъ къ довольно выгоднымъ результатамъ [3]). Вообще, работы на первыхъ порахъ шли очень вяло; за полстолѣтія еле успѣли приготовить нѣсколько отдѣльныхъ главъ уложенія.

Дѣло пошло гораздо быстрѣе благодаря трудамъ комиссіи, учрежденной сенатскимъ указомъ отъ 28-го іюля 1754 г. и частныхъ

---

[1]) П. С. З., т. IV, № 1765. *Д. Поленовъ*, Палата о Уложеніи, стр. 43—44.

[2]) Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 599 (старой нумераціи). П. С. З., т. XVI, № 11757. Въ 1764 г. (дек. 15-го) сенатъ снова освободилъ комиссію отъ разобранія имѣющихъ силу закона указовъ и сенатскихъ приговоровъ для напечатанія и составленія реестровъ; все это дѣло онъ предоставилъ сенатскому архиву подъ наблюденіемъ генералъ-прокурора (П. С. З., т. XVI, №№ 11927, 11958, 12292).

[3]) *Гр. Остерманъ*, Представленіе и пр. въ Памят. нов. рус. истор., С.-Пб., 1878 г., т. III, отд. 2, стр. 259.

Библиотека "Руниверс"

комиссій (до 35), образованнымъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ [1]). Работы по собиранію и разбору указовъ окончательно сосредоточились въ этой комиссіи. Такое мѣропріятіе вызвано было тѣмъ, что параллельныя занятія, какія велись въ комиссіяхъ и въ сенатѣ по одному и тому же дѣлу, „разбору указовъ по матеріямъ", давали возможность каждому изъ этихъ установленій объяснять свои проволочки нерадѣніемъ другаго. Такъ какъ на сенатѣ лежало множество другихъ дѣлъ, а комиссія была созвана въ виду спеціальныхъ цѣлей кодификаціи, то ей и поручено было (съ 11-го марта 1754 г.) веденіе законодательныхъ работъ, производившихся въ сенатѣ, на что указывали сенаторы въ сентябрѣ 1760 г.; черезъ годъ съ небольшимъ (октября 1-го) по предложенію гр. Р. Л. Воронцова и кн. М. И. Шаховскаго сенатъ постановилъ: „сочинителей по матеріямъ каждаго присутственнаго мѣста пунктовъ, такожъ и забиранія штатовъ подчинить всѣхъ въ единственную власть комиссіи, дабы опая о каждомъ изъ нихъ сколько кѣмъ сдѣлано и зачѣмъ неокончано и нѣтъ ли въ произведеніи какого препятствія, то все знать и ко окончанію кого слѣдуетъ принуждать могла". Наконецъ, въ 1763 г. (февраля 14-го) сенатъ опредѣлилъ указамъ, состоявшимся „въ вѣчное узаконеніе" и ненапечатаннымъ съ 1730 г., сочинить реэстръ въ экспедиціи при сочиненіи уложенія и отослать ихъ въ Московскій университетъ и въ канцелярію Академіи Наукъ для напечатанія указныхъ книгъ. Такимъ образомъ собираніе указовъ, разборъ ихъ по „матеріямъ", „сочиненіе" экстрактовъ или выписокъ изъ законовъ и составленіе изъ нихъ „сводовъ", словомъ всѣ предварительныя занятія по кодификаціи временно сосредоточились въ комиссіи 1754 — 1766 гг. [2]), а это, вѣроятно, доставило ей возможность передать слѣдующей комиссіи значительное количество накопленныхъ ею матеріаловъ.

Кромѣ печатныхъ книгъ указовъ 1714 — 1742 годовъ, комиссія 1754 г. располагала довольно обширнымъ законодательнымъ матеріаломъ, переданнымъ ей изъ важнѣйшихъ присутственныхъ мѣстъ въ столицѣ. По опредѣленіямъ правительствующаго сената (4-го и

---

[1]) *В. Латкинъ*, ibid., стр. 82—86. Въ тоже время независимо отъ комиссіи „уложенной" дѣйствовало еще нѣсколько частныхъ комиссій; таковы, напримѣръ: воинская (съ 1762 г.) и комиссія о бѣглыхъ, однодворцахъ и о торговлѣ; въ послѣднюю (8-го декабря 1763 г.) Императрица предполагала привлечь „торгующихъ россійскихъ купцовъ 2 человѣка" (П. С. З., т. XVI, № 11985; С. Р. И. О., VII, 327 и 329).

[2]) П. С. З., т. XVI, № 11757.

Библиотека "Руниверс"

11-го августа 1754 г.) велѣно было, напримѣръ, „всѣ имѣющіеся въ сенатѣ законодательные акты и поданные о приходящихъ въ судахъ споры, доношенія и мнѣнія и какія еще по сенату о сумнительныхъ дѣлахъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ представленія и дѣла и указамъ сочиненные реэстры имѣются, оные всѣ отдать въ комиссію". Въ ея распоряженіе попали также книги указовъ, собранныхъ по коллегіямъ съ 7157 по 1736 годъ; книги эти, повидимому, содержали богатый законодательный матеріалъ по вѣдомству 48 центральныхъ учрежденій (не считая московской губернской канцеляріи), частью уже упраздненныхъ, частью еще существовавшихъ въ половинѣ прошлаго вѣка. Наконецъ, комиссія имѣла возможность воспользоваться работами предшествующихъ учрежденій подобнаго же рода: „всѣ имѣвшіяся въ сенатѣ копіи съ указовъ, собранныя къ сочиненію уложенія своды указовъ по нѣкоторымъ учрежденіямъ и что того уложенія сочинено и скрѣплено, также и тѣ кои слушаны, а не скрѣплены и кои же сочинены, а не слушаны, бѣлыя и черныя, и реэстры, и что еще сочинить надлежитъ", сенатъ опредѣлилъ передать въ комиссію 1754 г. [1]).

Систематическіе экстракты изъ законовъ, собранныхъ такимъ образомъ въ ея архивѣ, велись такъ, что къ каждой изъ главъ, на которыя распадались отдѣльныя части проекта, сообразно заранѣе изготовленному плану подобраны были узаконенія, начиная большею частью съ уложенія царя Алексѣя Михаиловича и кончая половиною пятидесятыхъ годовъ, при чемъ выписки каждой главы слѣдовали одна за другой въ хронологическомъ порядкѣ [2]).

---

[1]) Арх. Мин. Юстиц., Сенат. Отд., № 2847 (Дѣла Комиссіи 1754—1766 гг.), лл. 7, 133, 157—159.

[2]) Имп. Публ. Библ., F II № 215, томы 1, 2, 3 и 4: экстракты изъ законовъ для составленія проекта новаго Уложенія 1754—1766 года. Въ I томѣ экстракты по судной части, во 2-мъ и 3-мъ по уголовной части, въ 4-мъ по четвертой, „земской", части. Выписки въ 1-й части экстрактовъ расположены приблизительно по тѣмъ же статьямъ, какія намѣчены и въ первой части проекта, хотя въ нѣсколько иномъ порядкѣ, съ небольшими пропусками и добавленіями. (*В. Латкинъ*, Op. cit., стр. 140—144). Порядокъ, въ какомъ идутъ выписки втораго и третьяго томовъ этого любопытнаго собранія, почти вполнѣ соотвѣтствуетъ плану, по которому расположены статьи уже изданнаго проекта уголовнаго уложенія; въ рукописномъ текстѣ вѣтъ: 2-й и 10-й главъ печатнаго, далѣе главы 55 и 56, 61 и 62 послѣдняго въ рукописи поставлены въ обратномъ порядкѣ. Каждый отдѣлъ рукописи начинается такъ: выписка по 2-й части (очевидно плана проекта новаго уложенія) о... томъ-то къ главѣ такой-то. — Подобные же экстракты по второй части (неполные) находятся въ другомъ сборникѣ Имп.

Библиотека "Руниверс"

Несмотря на рѣзкій и едва ли вполнѣ безпристрастный приговоръ, высказанный кн. Щербатовымъ о членахъ комиссіи 1754—1766 гг.[1]), имъ удалось составить двѣ части уложенія: судную и криминальную[2]), къ которымъ вслѣдъ за тѣмъ присоединилась третья: о состояніи подданныхъ вообще, по видимому окончательно выработанныя комиссіей 1761 года; четвертая, судя по плану, должна была содержать нѣкоторые изъ основныхъ отдѣловъ гражданскаго права[3]).

Публ. Библ., F II, № 22, лл. 389 sqq.—Отрывки изъ экстрактовъ по 3-й части проекта вошли въ IV „земскую“ часть. То же соотвѣтствіе замѣчается между порядкомъ выписокъ четвертой части и планомъ этой части, хранящимся въ Архивѣ Иностр. Дѣлъ, Государств. древлехранилище, Отд. V, карт. 6, св. 6.

[1]) *Кн. М. Щербатовъ*, О поврежденіи нравовъ въ *Русской Старинѣ*, 1870 г., т. II, стр. 109—110. Въ числѣ членовъ комиссіи авторъ не упоминаетъ извѣстнаго знатока естественнаго права Штрубе де Пирмонта, а также Безобразова и Вихляева.

[2]) Характеристику ихъ см. въ „Краткомъ обозрѣніи хода работъ и предположеній по составленію новаго кодекса законовъ о наказаніяхъ“. С.-Пб., 1846 г. стр. 15—17 и 24 и въ изданіи А. Востокова и Н. Сергѣевскаго.

[3]) Обозрѣніе, стр. 22 и 26. Первоначально порядокъ плана былъ иной: на второмъ мѣстѣ стояла третья часть (о состояніяхъ), на третьемъ—четвертая (объ имѣніяхъ) и на четвертомъ—вторая (о розыскѣ). Первыя двѣ части готовы были къ 25-му іюлю 1755 года. Третья изготовлена гораздо позже. До конца 1760 г. готовы были лишь первыя 17 главъ этой III части, но депутатамъ, собравшимся въ 1762 г. уже предложены были три части уложенія. Такимъ образомъ, третья часть, оконченная во всякомъ случаѣ не ранѣе 27-го марта 1761 года, была повидимому, готова въ 1762 году. Нѣкоторыя изъ ея редакцій, однако, можетъ быть, еще болѣе поздняго происхожденія. Сохранилось, напримѣръ, извѣстіе объ одномъ изъ указовъ Петра III, въ силу котораго дѣлопроизводство въ правительственныхъ мѣстахъ должно было производиться на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ (*Laveaux*, Hist. de Pierre III, p. 186). Между тѣмъ въ третьей части проекта главы IV, ред. Б. § 4 читаемъ слѣдующее: „которые въ россійскомъ языкѣ довольнаго искусства имѣть не будутъ, и тѣмъ впредь въ Россійскомъ нашемъ государствѣ уже никакого произвожденія не ожидать, понеже незнающихъ россійскаго языка ни въ какомъ, правительствѣ съ сего уложенія уже вновь опредѣлять не намѣрены“. (Проектъ Новаго Уложенія, изд. В. Латкинымъ, С.-Пб. 1898, стр. 269). Статья эта, вѣроятно, направлена противъ предшествующаго распоряженія Петра III. Во второй части есть ссылки на четвертую (см. гл. XIX, 9; XX, 7; XLVIII, 3 и 4; LIV, 8, 12 и 24 и т. д.; ср. проектъ уголовнаго уложенія 1754—1766 г. изд. А. Востоковымъ, С.-Пб. 1882 г., предисловіе *Н. Сергѣевскаго*, стр. III), да и въ третьей встрѣчаются такія же указанія (изд. В. Латкина, стр. 45, 72, 88, 122, 128 и 134). Нѣкоторые экстракты изъ законовъ для составленія этой четвертой части были готовы къ концу 1760 г.; и главы ея дѣйствительно сохранились въ рукописи, хотя и не даютъ точныхъ указаній на время ихъ происхожденія.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ эти попытки не увѣнчались, однако, успѣхомъ: уже въ сентябрѣ 1763 года появился сенатскій указъ, повелѣвавшій комиссіи возвратить въ сенатъ разобранные ею указы для напечатанія, а съ 15-го декабря слѣдующаго года веденіе этого дѣла снова перешло въ „правленіе при сенатскомъ архивѣ; что же касается до самого уложенія, то, какъ извѣстно, первыя двѣ части проэкта возвращены были императрицею обратно въ комиссію, а послѣднія двѣ не дождались утвержденія", такъ какъ члены комиссіи въ 1766 году окончателено были распущены по домамъ [1]). Впрочемъ, составленныя комиссіей три части уложенія поднесены были генералъ-прокуроромъ А. Глѣбовымъ императрицѣ Екатеринѣ II въ 1763 году и „всѣ въ одной связкѣ по повеленію ея Величества въ малинкомъ кабинетѣ на лѣвой сторонѣ у дверей не развязывая положены". Первая часть этого уложенія, повидимому, была кое гдѣ исправлена едва ли не рукою Г. Козицкаго, секретаря императрицы по такого рода дѣламъ [2]). Екатерина II, какъ видно, первоначально имѣла въ виду воспользоваться уложеніемъ 1754—1766 гг., но вскорѣ, должно быть, оставила мысль издать этотъ сводъ и принялась за подготовительныя работы по учрежденію новой комиссіи 1767 года [3]).

Причины, вызвавшія появленіе комиссіи 1767 — 1774 гг., были довольно разнообразны и предопредѣлили частью характеръ этого установленія, частью направленіе его дѣятельности.

Замѣтимъ прежде всего, что потребность въ новомъ сводѣ законовъ или уложеніи, продолжала чувствоваться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе неосуществившихся надеждъ возлагали на дѣятельность предшествовавшихъ комиссій [4]) и чѣмъ значительнѣе были перемѣны, которыя успѣли обнаружиться со времени преобразованій Петра Великаго до поло-

---

[1]) *Кн. М. Щербатовъ*, О поврежденіи нравовъ въ *Русской Старинѣ* 1870 г., т. II, стр. 110. Тотъ-же разказъ, можетъ быть взятый изъ этого сочиненія кн. Щербатова, сообщаетъ и гр. *М. Сперанскій* въ Обозрѣніи Историч. свѣд. о сводѣ законовъ, стр. 24; ср. бумаги *И. И. Шувалова* въ *Русскомъ Архивѣ* за 1867 г., стб. 76. П. С. З., т. XVI, № 11, 732.

[2]) Г. А., X, 15: Письмо ген.-прок. А. Глѣбова С. М. (Ковьмину?) 1766 года октября 13-го въ бумагахъ Г. Козицкаго, ч. II.

[3]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не останавливаемся на небольшихъ комиссіяхъ (напримѣръ 1768 года), члены которыхъ назначались самой императрицей, такъ какъ работы ихъ, насколько намъ извѣстно, остались безъ всякаго вліянія на составленіе „описанія внутренняго правленія Россійской имперіи".

[4]) Гр. *И. Шуваловъ*, Бумаги въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 г., стб. 76 и 81.

Библиотека "Руниверс"

вины шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. При такихъ условіяхъ временный характеръ указовъ, уставовъ и регламентовъ преобразователя, да и послѣдующихъ узаконеній выступалъ еще яснѣе [1]), недостаточность дѣйствующихъ законовъ по однимъ отраслямъ и чрезмѣрный ихъ избытокъ по другимъ порождалъ большую запутанность системы нормъ нѣкоторыхъ изъ отдѣловъ дѣйствующаго права; а плохое различіе между „непремѣнными и временными законами, неопредѣленность отдѣльныхъ законоположеній противорѣчія между ними, становились весьма тягостными". „Всѣ желали, чтобы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ" [2]). Нѣкоторые изъ депутатовъ комиссіи 1767 года ярко выразили это настроеніе. „До нынѣ, писали они, усматривали мы токмо, что въ старомъ соборномъ уложеніи на многіе случаи не достаетъ предписаній, а въ послѣдовавшихъ указахъ много неясности; ...въ другихъ, наоборотъ, каждое дѣло умножено законами", тогда какъ полезнѣе было бы для общества „когда бы всякое дѣло имѣло свой единственный законъ; ибо за умноженіемъ на каждое дѣло многихъ указовъ въ дѣлахъ чинится продолженіе". При всемъ томъ въ законахъ, слѣдовавшихъ за уложеніемъ 1649 г., депутаты видѣли еще больше противорѣчій чѣмъ неясности, да и съ самымъ характеромъ законодательства не были согласны. „Теперь, пишутъ составители одного изъ проектовъ, ощутительно видимъ, что помянутое уложеніе тотчасъ начинается опредѣленіемъ наказаній за преступленія, но имѣетъ ли кто къ чему либо право или чѣмъ кто обязанъ, о томъ тамъ умалчивается, какъ бы на то особливое уложеніе уже предварительно издано было, равнымъ образомъ и въ послѣдовавшихъ указахъ весьма многое случайно запрещено, но того трудно сыскать, по какому праву остальнымъ кто пользуется" [3]).

---

[1]) *В. Латкинъ*, Op. cit., стр. 82. С. Р. И. О., IV, 207; XXXVI, 387; XLIII, 3—4 и 206—207 и мн. др.

[2]) *Императрица Екатерина II*, Разказъ о первыхъ годахъ царствованія въ *Русскомъ Архивѣ*, 1865 г., № 4, стр. 478 — 479. Множество указаній см. въ Матеріалахъ по исторіи Екатерин. Ком. для составленія новаго уложенія въ С. Р. И. О., тт. IV, VIII, XIV, XXXII, XLIII, LXVIII и XCIII. Кн. *М. Щербатовъ*, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., т. I, стб. 412—415. П. С. З., т. XVII, № 12801.

[3]) С. Р. И. О., IV, 346 и XXXII, 575—576. (Предисловіе къ проекту о правахъ благородныхъ). „Слѣдуя вашему совѣту, писалъ А. Полѣновъ И. Тауберту, разбираю я русскіе указы и уложенія и, кромѣ безпорядка, замѣшательства, недостатка и несправедливости ничего почти не нахожу. Я примѣтилъ столь знатныя въ нашихъ правахъ погрѣшности, что оныя могутъ иногда нанести великій вредъ и государю и народу".

Библиотека "Руниверс"

Такую же точку зрѣнія готовы были признать и правительственныя мѣста. Судя по наказу одного изъ нихъ, они также считали нѣкоторыя изъ инструкцій „во многомъ недостаточными и съ теченіемъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ дѣлъ несогласными, чего ради благоволено бы было имъ, соображая нынѣшнее... состояніе, надлежащимъ образомъ исправить и дополнить" [1]). Итакъ, русскіе люди шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка чувствовали потребность въ „новыхъ, съ перемѣнившимися государственными обстоятельствами и съ перемѣнившимися правами всякаго званія гражданъ сходственнѣйшихъ и на естественной (а также божественной) справедливости основанныхъ законахъ" [2]), при чемъ думали достигнуть желаемаго, установивъ единообразныя законодательныя нормы, согласованныя въ одномъ общемъ сводѣ или новомъ уложеніи [3]).

Всѣ эти мнѣнія въ сущности повторяли и развивали положенія, высказанныя императрицей въ манифестѣ отъ 14-го декабря 1766 года и въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ законодательныхъ актовъ этого рода [4]). Въ самомъ дѣлѣ, потребность въ новомъ уложеніи испытывала, конечно, и сама императрица Екатерина II. Идея о единообразномъ, согласованномъ во всѣхъ своихъ частяхъ и правомѣрномъ государствѣ увлекала ее особенно въ первые годы ея царствованія; между тѣмъ приступить къ систематическому выполненію этой идеи казалось всего легче съ составленія новаго уложенія [5]).

---

[1]) С. Р. И. О., XLIII, 141. (Наказъ отъ герольдмейстерской конторы).

[2]) С. Р. И. О., IV, 225. Кн. *М. Щербатовъ*, Размышленія о законодательствѣ вообще въ Соб. соч., т. I, стб. 356. 372 и 379.

[3]) С. Р. И. О., XXXVI, 372; XLIII, 200 и 208; LXVIII, 134 — 135, 148, 284—285 и 448. Ср. *С. Порошинъ*, Записки, стб. 258 и 394.

[4]) *Императрица Екатерина*, Разказъ о первыхъ годахъ ея царствованія въ *Русскомъ Архивѣ* за 1865 г., № 4, стр. 478—479. П. С. З., т. XVII, № 12,801; ср. Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, ч. 2-я (С.-Пб. 1869 г.), стб. 208.

[5]) Такое построеніе хорошо выражено однимъ изъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма, современникомъ Екатерины. „Совершенное собраніе законовъ, писалъ онъ, было бы главнымъ въ своемъ родѣ искуства опытомъ для человѣческаго разума въ разсужденіи того, что надлежитъ для политики правленія. Въ нихъ можно бы было примѣтить сходство намѣренія и столь точныя и столь уравненныя правила, что управляемое по симъ законамъ государство походило бы на часы, въ которыхъ всѣ колеса сдѣланы на одинъ конецъ; въ нихъ можно бы было сыскать глубокое познаніе человѣческаго сердца и свойства народа; въ наказаніяхъ, была бы мѣра, такъ чтобы они, сохраняя чистоту во нравахъ, не были ни легки, ни тяжки: ясныя и опредѣленныя узаконенія не подали бы никогда поводу къ тяжбамъ; они состояли бы изъ отмѣннаго выбору всего того,

Библиотека "Руниверс"

Примѣръ сосѣднихъ государей, также стремившихся къ славѣ законодателей, вѣроятно, повліялъ на Екатерину II, укрѣпивъ ее въ этомъ намѣреніи. Въ самомъ дѣлѣ Фридрихъ Великій уже въ указѣ отъ 31-го декабря 1746 г. выражалъ желаніе издать кодексъ законовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Хотя кодификаціонныя работы по составленію „Corpus juris Fridericiani", порученныя министру юстиціи Кокцеи, уже пріостановились въ 1751 г. и снова возобновились лишь съ 1780 г., когда дѣло поступило подъ руководство Кармера [1]), однако предпріятіе короля, повидимому, обратило на себя вниманіе Екатерины: „соревнуя по возможности Фридриху она вознамѣрилась даровать новое уложеніе своей пространной имперіи" [2]). Такія же попытки кодификаціи почти одновременно предприняты были и въ Австріи: въ февралѣ 1753 г. по приказанію Маріи Терезіи образовалась комиссія, которая послѣ тринадцатилѣтнихъ занятій поднесла ей Codex Theresianus (гражданское уложеніе), потерпѣвшее, впрочемъ, такую же участь, какъ и проектъ Елисаветинской комиссіи, а два года спустя изготовила Constitutio criminalis Theresiana, обнародованную 31-го декабря 1768 года [3]). При томъ вліяніи, какое Австрія оказывала на Россію въ это время въ области правовыхъ теорій (см. ниже) едва ли и эти попытки кодификаціи права, предпринятыя Маріей Терезіей, могли остаться неизвѣстными императрицѣ Екатеринѣ II [4]).

что мы въ гражданскихъ законахъ за лучшее почитаемъ и изъ благоразумнаго и простаго приложенія сихъ законовъ къ народнымъ обыкновеніямъ: все бы было предусмотрѣно, все бы связано и ничто не было бы подвержено несходствіямъ; но совершенныя дѣла превышаютъ человѣческій разумъ". (*Фридрихъ Великій*, Разсужденіе о законахъ, рус. переводъ А. Щ[олѣнова?], С.-Пб., 1769 г., стр. 31—32).

[1]) *M. Philippson*, Geschichte des Preussischen Staatswesens etc., Leipz., 1880, B. I, s. 298. Въ 1751 г. появился Codex juris Bavarici criminalis, въ 1753 г.— Codex juris Bavarici judiciarii (*R. Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 2-te auf., Leipz. 1894, S. 858).

[2]) *Г. Тѣбо*, Записки въ *Русской Старинѣ* за 1878 г., т. XXIII, стр. 577.

[3]) *A. v. Arneth*, Geschichte Maria Theresia's, Wien, 1870, B. IV, ss. 31—38; B. IX, ss. 193—195, 198. Работы надъ гражданскимъ уложеніемъ тянулись вплоть до 1776 года.

[4]) Франція въ этомъ отношеніи едва ли имѣла какое-нибудь значеніе. Хотя при Людовикѣ XIV и думали приняться за кодификацію ордонансовъ (*P. Viollet*, Précis de l'histoire du droit Français, 1-re éd., Par. 1884, p. 171), а канцлеръ Дагессо (Daguesseau) мечталъ даже объ общемъ сводѣ французскихъ законовъ (*A. Esmein*, Cours élémentaire de l'histoire du droit français, 2 éd., Paris. 1895,

Библиотека "Руниверс"

Помимо отвлеченныхъ соображеній, дѣйствительное положеніе дѣлъ вызывало со стороны императрицы желаніе возможно скорѣе приступить къ новымъ работамъ по кодификаціи права. Русскіе законы, чрезвычайно разнообразные и подвергавшіеся частымъ перемѣнамъ, какъ казалось ей, требовали поправленія не только для того „чтобы все ввести въ одну систему", отрѣшивъ тѣ постановленія, которыя прекословили ей и „раздѣливъ временныя и на персонъ данныя (распоряженія) отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ законовъ" [1]), но и потому, что „существующіе законы мало соотвѣтствуютъ положенію имперіи вообще". Къ этому заключенію императрицу привели между прочимъ и личныя наблюденія, сдѣланныя ею во время своего путешествія по Волгѣ [2]). Не трудно было, наконецъ, замѣтить ей, что отъ столь печальнаго состоянія законодательства затягивались дѣла и страдало правосудіе [3]).

Самый способъ организаціи кодификаціонныхъ работъ путемъ созванія депутатовъ вызванъ былъ, конечно, частью примѣромъ предшественниковъ императрицы Екатерины II, частью знакомствомъ ея съ иностранною политическою литературой, въ особенности съ „Духомъ законовъ" Монтескьё и съ нѣкоторыми изъ политическихъ учрежденій западной Европы [4]). Слѣдуетъ имѣть въ виду также, что осуществленіе всеобщей потребности въ новомъ сводѣ давало императрицѣ возможность взять на себя инціативу и непосредственное руководство „эффектнымъ" дѣломъ, которое должно было „занять ея

---

p. 792), но всѣ эти предположенія далеко не были осуществлены на дѣлѣ (ср. *A. Esmein*, Op. cit., p. 761 et passim) и едва ли были извѣстны Екатеринѣ. „Discours de M. D'Aguesseau", пріобрѣтенный ею въ свою библіотеку еще въ 1757 году, вѣроятно, ничто иное, какъ составленный канцлеромъ „discours sur la vie et la mort de M. d'Aguesseau"; см. Oeuvres de d'Aguesseau Par. 1789, t. XIII, pp. 1—160. Эта рѣчь содержитъ, какъ видно, описаніе жизни и дѣятельности отца интересующаго насъ лица. Впрочемъ, экземпляръ полнаго собранія сочиненій канцлера находился въ Эрмитажной библіотекѣ.

[1]) С. Р. И. О., VII, 848; XLII, 458.

[2]) С. Р. И. О., X, 206. (Письмо Екатерины къ Панину изъ Казани 31-го мая 1767 года).

[3]) С. Р. И. О., XLII, 458.

[4]) Комиссія 1754 г., какъ извѣстно, продолжала дѣйствовать и въ первые годы царствованія Екатерины. При открытіи комиссіи 1767 г. императрица препроводила маршалу А. М. Бибикову экземпляръ засѣданій англійскаго парламента (*В. Сергѣевичъ*, Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи въ *Вѣстникѣ Европы* за 1878 г., январь, стр. 189—193). Прусская и Австрійская комиссіи были учрежденіями бюрократическаго характера.

Библиотека "Руниверс"

подданныхъ" и распространить славу мудрой законодательницы по всей Европѣ [1]).

Слѣдуя тому пути для составленія новаго кодекса, который намѣченъ былъ въ предшествующія царствованія и соотвѣтствовалъ ея либеральному настроенію, самодержица всероссійская манифестомъ отъ 14-го декабря 1766 года снова призвала народныхъ представителей къ участію въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія [2]). Отъ депутатовъ она надѣялась не только „лучше спознать каждой округи состояніе" [3]), нужды и чувствительные недостатки своего народа, но созывала ихъ и для выработки проекта новаго уложенія, начала котораго изложила въ извѣстномъ Наказѣ. Въ составъ большой комиссіи на ряду съ выборными отъ правительственныхъ мѣстъ (кромѣ губернскихъ и воеводскихъ), а также отъ дворянства и купечества (какъ это было въ предшествующей комиссіи) вошли и представители отъ казачьихъ войскъ, отъ однодворцевъ, пахотныхъ солдатъ, старыхъ службъ служилыхъ людей и прочихъ ландмилицію содержащихъ, далѣе отъ государственныхъ крестьянъ, раскольничьихъ слободъ и инородцевъ [4]). Самыя задачи комиссіи поставлены были чрезвычайно широко: предшествующія работали, въ сущности, лишь надъ двумя уложеніями (гражданскимъ и уголовнымъ), между тѣмъ какъ депутаты, созванные въ 1767 г., кромѣ того, должны были пересмотрѣть все остальное законодательство и составить проектъ уложенія почти по всѣмъ отраслямъ государственной жизни.

Члены комиссіи 1767—1774 гг., вѣроятно, имѣли въ виду кромѣ печатнаго матеріала, работы предшествовавшей комиссіи 1754—1766 гг.

---

[1]) Намёки см. въ рѣчи маршала *А. Бибикова* 18-го февраля 1768 г. (С. Р. И. О., XIV, 1), въ одной изъ статей кн. *М. Щербатова*, (Сочиненія, т. I, отд. 355) и въ запискахъ *Винскаю* (*Русск. Арх.* за 1877 г., стр. 100). Ширлей въ депешѣ своей о собраніи депутатовъ 1767 г. (отъ 24-го августа) замѣчаетъ между прочимъ: „Благодаря этимъ мѣрамъ и еще нѣкоторымъ другимъ, достаточно эффектнымъ, чтобы ослѣпить русскихъ, власть императрицы растетъ съ каждымъ днемъ"... „Императрица, сообщаетъ тотъ же повѣренный по дѣламъ Англіи въ депешѣ отъ 10-го марта 1768 г., поставила себѣ цѣлью занимать ихъ (своихъ подданныхъ) какъ можно болѣе дѣлами внѣшней и внутренней политики" (*Русская Старина* 1896 г., № 2, стр. 407—409).

[2]) П. С. З., т. XVII, № 12801.

[3]) *Имп. Екатерина*, Разсказъ о первыхъ годахъ царств. въ *Рус. Арх.* 8165 г., № 4, стр 479; ср. С. Р. И. О., XCIII, 27.

[4]) Выборные отъ присутственныхъ мѣстъ, какъ извѣстно, появляются уже въ комиссіи 1725 г., а представители отъ общества—съ 1728 г.

Библиотека "Руниверс"

На это встрѣчаются косвенныя указанія: одно изъ извѣстныхъ намъ собраній экстрактовъ, составленныхъ ею, повидимому, до 1763 года принадлежало гр. Ѳ. Орлову; между тѣмъ онъ, какъ извѣстно, состоялъ, согласно обряду, помощникомъ генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго по дѣламъ комиссіи 1767 г. о сочиненіи проекта новаго уложенія [1]) и, вѣроятно, пользовался своимъ сборникомъ для кодификаціонныхъ работъ. Вообще, нѣкоторые изъ членовъ комиссіи 1754—1766 гг. участвовали вслѣдъ за тѣмъ въ выборахъ депутатовъ и въ занятіяхъ комиссіи 1767—1774 гг.: странно было бы предполагать, что эти лица не воспользовались добытыми знаніями для новыхъ работъ. Дѣйствительно, въ расположеніи нѣкоторыхъ изъ экстрактовъ, сдѣланныхъ въ той и другой комиссіи, обнаруживается сходство [2]), понятное, если припомнить, что членамъ комиссіи 1767 г. извѣстенъ былъ проектъ, выработанный въ 1754—1766 гг. [3]). Прежніе экстракты однако не могли удовлетворить членовъ комиссіи 1767 года: они доведены были приблизительно лишь до времени учрежденія Елизаветинской комиссіи; по крайней мѣрѣ большая часть указовъ, помѣ-

---

[1]) Обрядъ, ст. VII С. Р. И. О., IV, 69. Избранный кандидатомъ въ члены директіонной комиссіи, гр. Ѳ. Орловъ, однако не былъ утвержденъ государыней въ этой должности (С. Р. И. О., IV, 43 и 68—69).

[2]) Имп. Публ. Библ., F. II, № 215, т. 1 и F II, № 17. Румянц. и Публич. Музей, № 2802 (сводное уложеніе). Примѣры см. ниже въ текстѣ и примѣчаніяхъ.

[3]) Въ первой части проекта, составленнаго предшествующею комиссіей въ 1754—1766 гг. („о судѣ"), глава IX посвящена вопросу о томъ, „какимъ образомъ челобитныя или доношенія писать надлежитъ", а глава XVIII—вопросу „о разныхъ препятствіяхъ, для которыхъ челобитчику и отвѣтчику въ томъ правительствѣ, гдѣ ихъ дѣло произвесть должно, на срокъ явиться нельзя и объ объявленіи оныхъ" (Арх. Госуд. Сов., К. О., св. 57, 58 и 59; Г. А., X, № 15: бумаги г. Козицкаго, лл. 363 sq. Имп. Публ. Библ., F II № 215, т. 1 и Погод. древлехран., № 1886. Перечисленіе главъ см. у *B. Latkin* Op. cit., стр. 140—143). Между тѣмъ на засѣданіи членовъ большой комиссіи 25-го февраля 1768 г. читана была „выписка изъ первой части IX главы объ исковыхъ и другихъ челобитныхъ и доношеніяхъ, въ какой силѣ оныя писать и о сообщеніи при исковыхъ челобитныхъ всѣхъ документовъ", а участвующіе въ засѣданіи 6-го марта того же года слушали между прочимъ чтеніе „выписки изъ первой части къ XVIII главѣ о разныхъ препятствіяхъ, которыя челобитчику и отвѣтчику случиться могутъ, что имъ на срокъ къ суду стать нельзя и объ объявленіи оныхъ до суда" (С. Р. И. О., XIV, 7 и 14). Редакторъ означеннаго тома сборника указываетъ на то, что „не означено, откуда заимствованы эти выписки". При сопоставленіи ихъ съ вышеприведенными заглавіями соотвѣтствующихъ главъ первой части уложенія („о судѣ"), ясно, что они взяты были изъ проекта 1754—1766 гг.

Библиотека "Руниверс"

щенныхъ въ собраніи гр. Орлова, не старше 1755—1756 гг., немногіе относятся къ 1760—1761, а указовъ 1762 года почти вовсе уже не встрѣчается [1]). Наконецъ, и система, въ какой расположены были выписки, повидимому не всегда удовлетворяла членовъ комиссіи 1767 г. Порядокъ экстрактовъ по „земской" части (гражданскому праву) для проекта 1754—1766 гг. отличается отъ реэстра матеріямъ по вотчинной части, составленнаго для уложенія 1767 г., хотя обѣ онѣ довольно близко подходятъ другъ къ другу по содержанію [2]). То же можно сказать и о проектѣ о состояніи подданныхъ вообще, мало напоминающемъ въ этомъ отношеніи проекты правамъ благородныхъ, средняго и третьяго рода государственныхъ жителей; слѣдовательно и выписки изъ законовъ, вѣроятно составленныя по тому же плану для этой части, должны были оказаться недостаточными для новыхъ задачъ, преслѣдуемыхъ большою комиссіей. Слѣдуетъ замѣтить, наконецъ, что экстракты, сдѣланные въ комиссіи 1754—1766 гг., обнимали далеко не всѣ части законодательства: ей, какъ извѣстно, велѣно было „разсуждать о дѣлахъ подлежащихъ до юстицъ и вотчинной коллегій, до суднаго и сыскнаго приказовъ и до порядочнаго произведенія въ судахъ магистратскихъ". Поэтому „сверхъ въ планѣ означенныхъ матерій" (по гражданской, торговой и уголовной части) ни о чемъ больше въ комиссіи выписокъ не дѣлали, такъ какъ остальныя работы должны были производиться въ 35 частныхъ комиссіяхъ при коллегіяхъ и канцеляріяхъ. И дѣйствительно, на запросъ сената, признавшаго нужнымъ издать полное собраніе законовъ, не имѣется-ли въ комиссіи таковое, она донесла въ 1764 году, что у нея есть сокращенныя выписки изъ законовъ по уложеніямъ гражданскому и уголовному, не внушающія ей, однако, полнаго довѣрія, но ни реэстровъ указовъ, ни полнаго ихъ собранія она не имѣетъ [3]).

Неудивительно, поэтому, что императрица Екатерина II передъ

---

[1]) Въ 1-й части старѣйшій указъ относится къ январю 1760 г. (Имп. Публ. Библ. F. II, 215, т. 1, л. 209), во 2-й части къ 1754 и 1761 годамъ (Ib., т. 2, л. 9 об. и т. 3, л. 291), а въ 4-й части къ 1762 г. іюлю 30 д. (Ib., т. 4, л. 417). Послѣднее наблюденіе не согласно съ отвѣтомъ самой комиссіи, даннымъ ею сенату (см. текстъ и пред. прим.).

[2]) Имп. Публ. Библ., F. II, № 215, т. 4 и Румянц. и Публ. Музей, № 2801.

[3]) П. С. З., т. XVI, № 12292. Обозрѣніе, стр. 43—44. Такимъ образомъ комиссія въ 1764 году еще не имѣла выписокъ изъ законовъ по четвертой части проекта.

Библиотека "Руниверс"

созваніемъ депутатовъ позаботилась въ началѣ 1767 года объ открытіи при „комиссской архивѣ“ особой комиссіи сводовъ [1]), долженствовавшей подготовить матеріалъ, нужный для производства законодательныхъ работъ въ собраніи 1767 — 1774 годахъ. Управленіе комиссіей ввѣренно было С. Кошкильту, получившему по этому поводу особую инструкцію отъ генералъ-прокурора (8-го или 18-го января); новое „установленіе“ должно было „приготовить всѣ законы и особые указы, вшедшіе въ законы, какого бы званія они ни были со 157 по 1700 годъ и отъ 1700 по 1767-й“; ей же поручено было „разобрать оныя по числамъ и матеріямъ особыми книгами“, съ присовокупленіемъ „реэстровъ матеріямъ“ [2]) и такимъ образомъ облегчить предстоящія занятія комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Несмотря на опытность С. Кошкильта, уже принимавшаго участіе въ занятіяхъ предшествующихъ комиссій [3]), выполненіе подобнаго рода задачи и для него сопряжено было, съ значительными затрудненіями. Число служащихъ въ комиссіи сводовъ оказалось недостаточнымъ; въ полномъ составѣ она стала работать лишь полгода спустя; далеко не всѣ копіисты, при этомъ были пригодны для этого дѣла: „нѣкоторые писать весьма мало умѣли, отчего въ переписанныхъ ими указахъ бывали великіе описки и пропуски“; приходилось такимъ образомъ „оныя вновь переписывать, от-

---

[1]) Обозрѣніе ист. свѣд. о сводѣ законовъ, стр. 30. Послѣдующіе историки комиссіи 1767 г., пользовавшіеся архивными данными, даже не упоминаютъ о комиссіи сводовъ, хотя она несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. (*С. Соловьевъ*, И. Р., XXVII, гл. II. *В. Сергѣевичъ*, Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи? въ *Вѣст. Евр.* за 1878 г., № 1. *В. Латкинъ*, Законодательныя Комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., С.-Пб. 1887 г.).

[2]) Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 93, Опредѣленіе 1767 г. сентяб. 12.

[3]) С. Кошкильтъ, опредѣленный секретаремъ въ комиссію 1754 г. по приказу сената отъ 5-го августа того же года и въ 1760 г. по представленію этой комиссіи произведенный въ оберъ секретари, при чемъ съ 16-го іюля 1761 г. отчисленъ былъ изъ сената для того, чтобы состоять „единственно“ въ этой комиссіи; въ 1764 г. Кошкильтъ перешелъ въ комиссію о коммерціи, а послѣдъ затѣмъ попалъ въ комиссію 1767 — 1774 гг. (Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 599 по стар. нум., дѣло № 4, л. 45, ср. *С. Порошинъ*, Записки, стб. 75). Канцелярія Кошкильта въ началѣ 1768 г. состояла изъ трехъ секретарей, одного регистратора и нѣсколькихъ приказнослужителей. (Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 93: опредѣленія частныхъ комиссій 1768 г., январь). Вслѣдъ за С. Кошкильтомъ тѣмъ же дѣломъ (послѣдовательно) завѣдывали: Петръ Вешняковъ, Григорій Протопоповъ и Гуляевъ (тамъ-же, № 95, опредѣленія 1776 г. іюля 9-го и 1779 г. сентября 10-го).

Библиотека "Руниверс"

чего впредь и скорости не обнаруживалось". Работы, между тѣмъ, было не мало. Лишь незначительное количество узаконеній оказалось напечатаннымъ; кромѣ уложенія 1649 г. и отдѣльно изданныхъ законодательныхъ актовъ существовалъ еще сборникъ указовъ 1714—1730 гг.; но онъ не отличался полнотою; въ немъ пропущено было за разные годы до 578 указовъ [1]). Большею цѣльностью отличалось собраніе, составленное комиссіей 1754—1766 г. „Что надлежитъ до указовъ со 157 г. до 1700 г., писалъ генералъ-прокуроръ въ своей инструкціи С. Кошкильту, то какъ оныя уже въ комиссіи уложенной собраны въ книгахъ, слѣдовательно остается оныя пересмотрѣть". Поэтому главное вниманіе комиссіи сводовъ обращено было на собираніе узаконеній 1700 — 1767 гг., которыя пришлось выискивать и требовать изъ разныхъ древлехранилищъ (напримѣръ, сенатскаго архива) и государственныхъ установленій, на что уходило не мало времени и силъ. Съ 27-го марта членамъ комиссіи поручено было приступить къ разобранію законовъ, „зачавъ противъ каждой въ уложеньѣ (1649 г) напечатанной статьи всѣхъ отъ того времени и до сего году состоящихъ, а къ помянутымъ статьямъ приличныхъ матеріямъ указовъ". При такихъ условіяхъ комиссіи сводовъ трудно было закончить порученную ей работу къ назначенному сроку, то-есть, къ 1-му іюля до открытія засѣданій въ большой комиссіи; несмотря на усиленныя занятія „коніистовъ", которые работали съ 5 часовъ утра до 10 часовъ вечера ежедневно, не исключая воскресныхъ дней, лишь 15-го сентября 1767 г. Кошкильтъ счелъ возможнымъ донести генералъ-прокурору, что дѣло, наконецъ, уже сдѣлано [2]).

Матеріалъ, которымъ располагала комиссія, открывшая свои засѣданія съ 30-го іюля 1767 года [3]), состоялъ не только изъ указовъ, уставовъ и „учрежденій", преимущественно со времени уложенія 1649 г., собранныхъ комиссіей о сводахъ, но и изъ наказовъ, привезенныхъ депутатами отъ своихъ избирательныхъ округовъ, далѣе мнѣній и проектовъ, поданныхъ отдѣльными депутатами или цѣлыми комиссіями.

Весь этотъ матеріалъ, конечно, сразу не могъ поддаться кодификаціи; его приводили въ порядокъ, а отчасти подвергали пе-

---

[1]) Особенно много пропусковъ оказалось за 1722 г. (80 указовъ) и 1719 г. (64 ук.); всего менѣе за 1715 г. (18 ук.).

[2]) Арх. Мин. Юст., III Отд., Сенат. Отд., ген.-прок. дѣла, № 6446, лл. 444, 452, 463, 491 и 526.

[3]) П. С. З., т. XVIII, № 12945.

Библиотека "Руниверс"

реработкѣ частныя комиссіи, выдѣлявшіяся изъ большой по мѣрѣ надобности въ разное время. За исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя, какъ напримѣръ, комиссіи дирекціонная и экспедиціонная, заняты были руководствомъ и дѣлопроизводствомъ большой комиссіи, остальныя принялись за приведеніе въ порядокъ матеріала сообразно спеціальнымъ задачамъ дѣятельности каждой изъ нихъ. Однѣ изъ малыхъ комиссій стали дѣлать экстракты изъ законовъ, другія работали надъ такими же экстрактами изъ наказовъ и мнѣній. Для составленія экстрактовъ изъ законовъ большинство малыхъ комиссій могло воспользоваться предшествующими „реэстрами“ и сборниками или, что еще болѣе вѣроятно, собраніемъ, подготовленнымъ комиссіей сводовъ. Но комиссіи для разбора наказовъ и мнѣній въ этомъ отношеніи приходилось дѣйствовать самостоятельнѣе: она сводила новый, свѣжій матеріалъ, внесенный общественнымъ мнѣніемъ въ засѣданія большой комиссіи 1767 года. Учрежденная еще обрядомъ, эта малая комиссія окончательно образовалась 14-го августа 1767 года [1]) и къ концу слѣдующаго года (28-го декабря) уже подносила государынѣ „книги, въ которыхъ написаны были своды краткіе и съ пунктами матеріямъ или прошеніямъ содержащимся въ наказахъ господъ депутатовъ отъ всѣхъ родовъ всея имперіи съ приложеніемъ при оныхъ вѣдомости, сколько наказовъ каждаго рода, сколько въ оныхъ оказалось матерій или разныхъ прошеній и сколько изъ оныхъ учинено въ силу обряда выписокъ“ [2]). Трудно, впрочемъ, предполагать чтобы работы комиссіи для разбора наказовъ и мнѣній могли повліять на составленіе описанія внутренняго правленія Россійскаго государства, такъ какъ, за исключеніемъ руководящихъ общихъ введеній въ отдѣльныя его главы, все оно состоитъ изъ законодательнаго матеріала, расположеннаго въ извѣстномъ порядкѣ.

Какъ бы то ни было комиссія 1767 г. предстояло не только вос-

[1]) Обрядъ, ст. XI. С. Р. И. О., IV, 44, 67—68.

[2]) Румянц. и Публич. Музей, № 2935, т. I, прот. 1768 г. декабря 28-го. Въ „историческихъ свѣдѣніяхъ о Екатерининской комиссіи“, напечатанныхъ въ С. Р. И. О., встрѣчается, если не ошибаемся, всего *одно* упоминаніе о *будущей* комиссіи для разсмотрѣнія всѣхъ проектовъ, изъ которую на общемъ собраніи 8-го октября 1767 года по предложенію маршала рѣшено было послать проектъ депутата отъ коммерцъ-коллегіи Сергѣя Меженинова (С. Р. И. О., VIII, 68). Въ дѣлахъ комиссіи сохранились записи частной комиссіи „о разборѣ наказовъ и *проектовъ*“ (С. Р. И. О., XLIII, IV—V).—П. С. З., т. XVIII, № 12948 (Обрядъ, ст. 11).

Библиотека "Руниверс"

пользоваться старыми экстрактами, но пополнить ихъ, добавить къ нимъ новыя серіи и въ тѣхъ и другихъ выработать самостоятельную систему. Эти то работы и поручены были частнымъ комиссіямъ, которыя продолжали дѣйствовать несмотря на непрочность большой комиссіи.

Въ самомъ дѣлѣ, собраніе народныхъ представителей отъ избирательныхъ округовъ дѣйствовало не долго. Организація его не соотвѣтствовала тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ оно было созвано. Депутаты оказались слишкомъ мало образованными и мало подготовленными для того, чтобы въ общихъ собраніяхъ при неумѣломъ руководствѣ ихъ засѣданіями успѣшно выполнить возложенное на нихъ крайне сложное дѣло; подготовительныя кодификаціонныя работы перешли изъ большой комиссіи въ малыя, а подоспѣвшая война потребовала большинство членовъ комиссіи [1]) къ другаго рода занятіямъ. Поэтому императрица, оставившая за собою право распустить комиссію „по своему усмотрѣнію“ [2]), неувѣренная въ успѣхѣ предпріятія и, быть можетъ, нѣсколько смущенная поведеніемъ и заявленіями нѣкоторыхъ изъ депутатовъ, самостоятельностью однихъ, сословною враждою, какую выказывали другіе [3]), распустила „большое собраніе „до тѣхъ поръ, доколѣ паки созваны будутъ (ею), то-есть до окончанія дѣлъ порученныхъ частнымъ комиссіямъ“ [4]). Въ силу манифеста, прочитаннаго депутатамъ 18-го декабря 1768 года, ко-

[1]) „Война 1768—1774 гг., разсуждала Екатерина, отвлекла людей и возможность отъ продолжительнаго сочиненія цѣлаго уложенія и умножила собою бремя, заняла время и мысли упражненіемъ не менѣе важнымъ, оборономъ вѣры и отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ“. (*Имп. Екатерина*, Записка объ учрежденіяхъ и проч. въ С. Р. И. О., XXVII, 176). „Assurément, monsieur, писала Императрица Вольтеру 5-го марта 1771 г. по поводу его статьи о законахъ, sans la guerre ....une grande partie de ce que vous dites serait fait; mais pour le présent.... nous sommes trop occupés à nous battre et cela nous donne trop de distraction pour mettre toute l'application convenable à cet immense ouvrage dans le moment présent“. (С. Р. И. О., XIII, 75). Ср. П. С. З., т. XX, № 14392 (уч. о губ., стр. 280). Арх. Госуд. Сов., т. I, ч. 2-я, стб. 208.

[2]) При составленіи обряда и начертаніи имп. Екатерина въ черновыхъ своихъ замѣткахъ уже обратила вниманіе на этотъ вопросъ. „Въ манифестѣ, писала она, упомянуть надобно, что сіи депутаты распущены будутъ по нашему усмотрѣнію или по прошествіи года, если болѣе въ нихъ нужда не усмотрится“ (Г. А., X, 19, л. 419). П. С. З., т. XVII, № 12801 (манифестъ 14-го декабря 1766 года).

[3]) *С. Соловьевъ*, И. Р., XXVII, 378.

[4]) С. Р. И. О., XXXVI, 146.

Библиотека "Руниверс"

миссія, только что „пришедшая въ прямое движеніе", ликвидировала дѣла и, выслушавъ торжественную рѣчь маршала, въ которой онъ еще разъ увѣрилъ ея членовъ, „что порученное имъ дѣло съ успѣхомъ окончается и общему разсмотрѣнію предложится тогда, какъ благоугодно будетъ всемилостивѣйшей самодержицѣ паки созвать ихъ", „окончила" послѣднее изъ своихъ собраній 12-го января 1769 года [1]).

Но закрытіе большой комиссіи не повело къ немедленному уничтоженію малыхъ комиссій. Здѣсь сосредоточились работы по составленію экстрактовъ и проектовъ; послѣ полуторагодичной дѣятельности депутатовъ эти работы не находились уже въ прямой зависимости отъ общихъ собраній комиссіи и даже подготовляли матеріалъ для этихъ послѣднихъ. Пока длились подготовительныя работы въ малыхъ комиссіяхъ, нельзя было ожидать большаго успѣха и отъ общихъ собраній. Такимъ образомъ, съ прекращеніемъ ихъ въ началѣ 1769 года, дѣятельность малыхъ комиссій не остановилась, хотя и получила болѣе замкнутый, скорѣе бюрократическій характеръ, ускорившій ихъ постепенное омертвѣніе [2]). Эта дѣятельность однако, не оказалась совершенно безплодною: она подготовила матеріалъ, нужный для составленія описанія внутренняго правленія Россійской имперіи.

Частныя комиссіи, установленныя при коллегіяхъ, въ 1754 году, уже производили подготовительныя кодификаціонныя работы; съ этою цѣлью онѣ должны были „имѣть разсужденіе по тѣмъ однимъ дѣ-

---

[1]) С. Р. И. О., X, 294; XXXVI, 158 — 160. Въ одномъ изъ своихъ писемъ кн. М. Н. Волконскому, вѣроятно въ 1775 г., императрица предполагала комиссію уложенія „оборотить" въ особую палату при сенатѣ „дабы сенатъ имѣлъ гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ"... „а ея частныя комиссіи" употребить „для разбора непужныхъ" (Осмнад. вѣкъ, изд. П. Бартенева, т. I; М. 1869, стр. 182). Не совсѣмъ понятенъ высочайше утвержденный докладъ бѣлорусскаго генералъ-губернатора гр. Чернышева о выборѣ депутатовъ изъ вновь присоединенныхъ губерній къ сочиненію проекта новаго уложенія (П. С. З., т. XIX, № 13938). Большой комиссіи тогда уже не существовало, о чемъ еще разъ свидѣтельствуетъ хотя бы указъ 28-го февраля 1773 г. (П. С. З., т. XIX, № 13593); возможно, что рѣчь шла, въ данномъ случаѣ, о малыхъ комиссіяхъ; ср. нижеслѣдующія замѣчанія въ текстѣ.

[2]) Члены частныхъ комиссій однажды сошлись на общее („большое") собраніе 8-го іюля 1770 г. (С. Р. И. О., XXXVI, 160); впрочемъ, такія собранія могли происходить и не разъ, ибо дѣла, подобныя внесеннымъ въ дневную записку 8-го іюля, должны были, конечно, повторяться, а между тѣмъ, какъ видно, рѣшались на „большомъ" собраніи.

Библиотека "Руниверс"

лямъ, которыя до нихъ касались, изыскивая, отчего, по обстоятельствамъ нынѣшняго времени въ теченіи оныхъ происходитъ продолженіе, отъ недостатковъ или излишковъ, и обо всемъ томъ съ яснымъ описаніемъ довольныхъ резоновъ сочинить на всякую матерію одинъ указъ въ пунктахъ"...; задача каждой комиссіи сводилась, такимъ образомъ, къ сочиненію по предмету своего вѣдомства устава, исторически обоснованнаго и раздѣленнаго на „пункты" [1]). Такія же цѣли преслѣдовали и при учрежденіи малыхъ комиссій 1767; впрочемъ по составу своему и дѣятельности онѣ непосредственно примыкали къ большому собранію, чего не было въ предшествующемъ случаѣ; депутаты избирали изъ своей среды большинство членовъ частныхъ комиссій, а для того, что бы не задерживать хода работъ, составъ каждой изъ нихъ при закрытіи большаго собранія велѣно было пополнить сверхъ комплекта еще новыми тремя кандидатами. Обрядъ управленія комиссіей предопредѣлялъ дѣятельность этихъ учрежденій, поручивъ имъ разсмотрѣніе законовъ и составленіе проектовъ положеній или уставовъ почти по всѣмъ важнѣйшимъ отраслямъ государственной жизни, для чего онѣ могли, независимо отъ большаго собранія, испрашивать по разнымъ вопросамъ мнѣнія соотвѣтствующихъ присутственныхъ мѣстъ, вѣдомства которыхъ касались составляемые ими проекты, или требовать дополнительныхъ свѣдѣній отъ депутатовъ [2]). Члены большаго собранія, обыкновенно, придавали частнымъ комиссіямъ значеніе установленій, развивающихъ начала, высказанныя на собраніяхъ всѣхъ депутатовъ лишь въ общихъ чертахъ и подвергающихъ ихъ детальной разработкѣ [3]); въ рѣдкихъ случаяхъ къ частнымъ комиссіямъ прибѣгали для исправленія недостатковъ въ мнѣніяхъ одного изъ депутатовъ [4]) или для разъясненія споровъ, возникшихъ между членами общаго собранія [5]). Частныя комиссіи подчинены были, однако, дирекціонной, черезъ которую и сносились съ общимъ собраніемъ [6]).

Въ одной изъ этихъ частныхъ комиссій, вообще дѣлавшихъ экстракты изъ законовъ, приступили сверхъ того къ работѣ, которая по

---

[1]) Обозрѣніе, стр. 23. *В. Латкинъ*, Законодательныя ком., I, 82—86.

[2]) Обрядъ, ст. VIII. Впрочемъ маршалъ и генералъ-прокуроръ въ силу обряда предлагали въ эти комиссіи своихъ кандидатовъ (С. Р. И. О., XXXII, 420).

[3]) С. Р. И. О., XIV, 56, 69, 106, 125, 131, 135 и т. д.; XXXII, 384, 386.

[4]) С. Р. И. О., XXXII, 359.

[5]) С. Р. И. О., XXXII, 513.

[6]) Обрядъ, ст. 7.

Библиотека "Руниверс"

характеру своему отличалась отъ остальныхъ и представляла изъ себя первую попытку составить хотя бы часть „описанія Россійской имперіи". Такая работа предпринята была въ комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права, поставленной уже начертаніемъ о приведеніи къ окончанію комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія во главѣ учрежденій этого рода [1]). Къ образованію ея состава большое собраніе приступило 15 апрѣля 1768 года; черезъ недѣлю (22-го апрѣля) онъ окончательно опредѣлился [2]). Эта комиссія должна была выяснить современное состояніе государственныхъ установленій и предложить мѣры къ исправленію ихъ. Неудивительно поэтому что она „не могла ни какъ съ успѣхомъ работать, не бывъ безпрестанно подъ глазами" государыни, и должна была ожидать отъ нея особаго наставленія „къ основанію общаго въ государствѣ порядка" [3]). Наставленіе не замедлило появиться въ трехъ „урокахъ", данныхъ императрицей частной комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права 29-го апрѣля, 20-го и 26-го мая 1768 года [4]). Имъ предшествовало небольшое введеніе, въ которомъ императрица указывала комиссіи направленіе и характеръ ея занятій [5]). „Сія комиссія, читаемъ мы здѣсь, по данному нами начертанію имѣетъ два важные предмета: первый о властяхъ среднихъ, подчиненныхъ, зависящихъ отъ верховной и составляющахъ существо правленія; второй — распредѣленіе на части цѣлаго общества, для лучшаго соблюденія въ немъ порядка. Но приступать къ сему иначе невозможно, какъ узнавъ прежде совершенно то, что въ государствѣ нашемъ теперь дѣлается въ разсужденіи обоихъ сихъ предметовъ. Отъ чего послѣдуетъ свѣдѣніе, въ чемъ иногда недостатокъ, въ томъ ли или въ другомъ потребуетъ перемѣны. Ибо перемѣна не для произвольной перемѣны должна быть сдѣлана, но для поправленія недостаточнаго, есть ли что сыщется; а хорошее и полезное отъ оной изъемлется, потому что оно всегда въ своей силѣ остаться должно. И такъ первое дѣло сей комиссіи будетъ то, чтобы сдѣлать себѣ общій съ точнымъ всѣхъ подробностей означеніемъ, такъ сказать чер-

---

[1]) П. С. З., т. XVIII, № 13095.

[2]) С. Р. И. О., XXXII, 21, 22, и 28.

[3]) П. С. З., т. XVIII, № 13095.

[4]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Госуд. Древлехран. Дѣла касающіеся до образованія учрежденія комиссіи 1767 г., Кар. VII, шк. 8.

[5]) Отрывокъ предисловія см. у *В. Сергѣевича*, Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи въ *Вѣстникѣ Европы* за 1878 г. январь, стр. 199.

Библиотека "Руниверс"

тежъ нынѣшняго Россіи правленія". Въ первомъ изъ данныхъ ею „уроковъ" императрица и пытается намѣтить главнѣйшіе вопросы, которыхъ придется коснуться комиссіи при выполненіи „этого перваго дѣла". Комиссія, по ея мнѣнію, должна прежде всего заняться обозрѣніемъ современныхъ ей русскихъ „правительствъ", т. е. по всей вѣроятности, „властей среднихъ, подчиненныхъ и зависящихъ отъ верховной, составляющихъ существо правленія [1])" и соблюдающихъ общій порядокъ; далѣе комиссія должна была опредѣлить, какія „установленія сдѣланы правительствомъ и каковы ихъ учрежденія: 1-е въ разсужденіи ихъ самихъ, яко тѣла (то-есть ихъ вѣдомства), 2-е въ разсужденіи особъ, ихъ составляющихъ и 3-е въ разсужденіи союза и сношенія одного правительства съ другимъ" (§§ 1—3) [2]). Разъясняя въ слѣдующихъ пунктахъ своего урока вопросы, намѣченные ею въ предшествующихъ, императрица совѣтуетъ комиссіи обратить вниманіе на то, „какова власть правительствъ въ исполненіи должности и надъ чѣмъ оная состоитъ, а также отъ кого они зависятъ и кто отъ нихъ" (§§ 4 и 5), причемъ считаетъ нужнымъ выдѣлить въ особую группу обозрѣніе правительствъ, учрежденныхъ ради „управленія государственнаго строительства съ частьми онаго", то-есть такъ называемое камерное управленіе и правительства, цѣль которыхъ состоитъ въ „устроеніи полезнаго", или въ полиціи благосостоянія (§§ 6 и 7) [3]). Уже въ начертаніи императрица указывала на то, что для лучшаго соблюденія порядка въ управленіи надлежитъ раздѣлить государство на части и возложила рѣшеніе этой задачи на комиссію о порядкѣ государства въ силѣ общаго права; въ §§ 8—13 своего урока государыня объясняетъ комиссіи, что ей придется выяснить себѣ дѣленіе государства на намѣстничества и губерніи, пограничныя или внутреннія, а также подраздѣленія губерній на извѣстное число областей или провинцій, а этихъ послѣднихъ

---

[1]) Наказъ, ст. 18.

[2]) Въ запискѣ, предшествовавшей составленію „уроковъ", императрица пишетъ: „L'on pourrait encore partager le travail ci dessus nommé en différentes parties, comme: 1) leurs fondamentales institutions (сверху: установленіе) dans laquelle (i. e. partie) naturellement entrerait дозволеніе представлять государю и сенатъ (сенату?); 2) leurs devoirs (учрежденіе) comme membres et vis à vis de leurs égaux; 3) l'éxecution (исполненіе) de leurs devoirs vis à vis de ceux sur lesquels ils ont autorité conformément aux lois" (Г. А., X, 17, л. 14).

[3]) Начертаніе. (П. С. З., т. XVIII, № 13095) даетъ указаніе на смыслъ терминовъ употребляемыхъ въ этихъ §§ 6 и 7 перваго урока.

Библиотека "Руниверс"

на уѣзды; вопросы о томъ, какія нынѣ города имѣютъ степени и какое въ губерніяхъ правленіе, также входятъ въ этотъ отдѣлъ. Слѣдующій за нимъ посвященъ уясненію того значенія, какое могутъ имѣть для частной комиссіи наказы отъ правительствъ и отъ избирательныхъ округовъ, голоса или примѣчанія, сдѣланныя въ большомъ собраніи (§§ 14—16). Лишь по предварительномъ и „порядочномъ объясненіи всѣхъ этихъ вопросовъ касательно нынѣшняго состоянія государства во всѣхъ онаго частяхъ", комиссія, по мнѣнію императрицы, будетъ имѣть возможность „приступить къ обсужденію недостатковъ и неудобностей, обрѣтающихся въ нынѣшнихъ правительствахъ и въ распредѣленіи частей цѣлаго общества по всѣмъ ихъ разнымъ предметамъ, смотря и на обширность россійской имперіи" (§ 17). Этотъ послѣдній пунктъ перваго урока получаетъ дальнѣйшее развитіе въ послѣднихъ двухъ урокахъ „касавшихся до раздѣленія частей цѣлаго общества и до правительствъ". Второе и третье наставленія, данныя императрицей 20-го и 26-го мая комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права, уясняютъ, какъ видно, уже не историческую, а догматическую сторону занятій, предстоящихъ комиссіи [1]). Наставленія, преподанныя ей императрицей, послужили конечно руководствомъ для ея членовъ въ ихъ занятіяхъ. „Первый урокъ, говорилъ одинъ изъ нихъ обращаясь къ своимъ сочленамъ, произвелъ въ васъ то, что вообще знаніе ваше обняло уже все необходимое ко исполненію"... Оставалось приступить къ этому послѣднему.

Такимъ образомъ, для того, чтобы заняться реформою „правительственныхъ мѣстъ", комиссія должна была прежде всего приступить къ составленію „чертежа" современнаго ей правленія Россійской имперіи. Основаніемъ для такого рода работъ послужилъ конечно законодательный матеріалъ, собранный въ „комиссской архивѣ": реестры законовъ, взятые изъ этого учрежденія, читались, напримѣръ, на засѣданіяхъ комиссіи [1]). Но матеріалъ этотъ поступалъ въ комиссію уже въ обработанномъ видѣ: по указу государыни, подъ наблюденіемъ самого генералъ-прокурора составлялись вѣдомости или „сведенія" матерій изъ указовъ по правительствамъ. Въ 1768 году, напримѣръ, члены комиссіи не разъ читали „сведенія" о томъ, какимъ образомъ

[1]) Послѣдніе два урока не имѣютъ прямаго отношенія къ главной темѣ предлагаемаго очерка.

[1]) Рум. и Публич. муз., № 2935, т. I, 1768 г.

Библиотека "Руниверс"

разныя правительства Россійской имперіи отправляютъ производство дѣлъ. Кромѣ того, члены комиссіи „о порядкѣ государства“ получили право входить во всѣ присутственныя мѣста, не исключая сената и синода, „дабы черезъ полученіе лучшаго свѣдѣнія о порядкѣ, производствѣ и теченіи дѣлъ, сію комиссію тѣмъ болѣе привести въ состояніе совершить къ общему удовольствію ей отъ насъ порученное дѣло“ [1])

Составленіе „чертежа“ съ перваго взгляда показалось членамъ комиссіи дѣломъ не труднымъ, „маханальнымъ кратковременнымъ, не зависящимъ ни отъ знанія и отъ просвѣщенія членовъ, ниже отъ прилежанія ихъ; но единственно отъ свѣдѣнія установленій и распредѣленій, какія гдѣ быть должны“; составители чертежа полагали, притомъ, что „каждое правительство имѣетъ всѣ свѣдѣнія до ея установленія и до исполненія должности принадлежащія“. Оставалось „взять сіи свѣдѣнія, сократить ихъ и привести въ порядокъ по вопросамъ перваго урока, что и привело бы комиссію вскорѣ къ окончанію чертежа“. Но приступивъ къ работамъ, члены комиссіи увидѣли, что дѣло выполнить далеко не такъ легко, какъ это казалось въ самомъ началѣ. Вскорѣ они убѣдились въ томъ, что общій въ государствѣ порядокъ основанъ „на связи многихъ частей и безчисленныхъ подробностей, его составляющихъ“. Эти „подробности“ приходилось разыскивать въ архивахъ. Между тѣмъ, архивы всѣхъ въ Россіи правительствъ находились „не весьма въ желательномъ состояніи“, что объяснялось „похищающимъ все временемъ, ошибками или несовершенствами человѣчества и разными приключающимися обстоятельствами“. Такимъ образомъ, „многія свѣдѣнія, подлежавшія правительствамъ, были растеряны, „а о иныхъ и совсѣмъ неизвѣстно было, существуютъ они или нѣтъ?“ Многія изъ присутственныхъ мѣстъ не имѣли ни регламента, ни особой инструкціи, а придерживались „обряда“ генеральнаго регламента, въ производствѣ же и рѣшеніи дѣлъ поступали по разнымъ указамъ [2]). Но и эти указы до-

---

[1]) Ibid., Прот. отъ 1768 г., іюля 18-го и 26-го; іюля 4-го; октября 20-го. С. Р. И. О., X, 209. И. С. З., т. XVIII, № 13140 (1768 г. іюля 1-го).

[2]) Мѣста эти въ одной изъ официальныхъ бумагъ того времени перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ: коллегіи—военная, иностранная, юстицъ и вотчинная; далѣе канцеляріи—ямская и глав. полиціймейстерская, канцелярія отъ строеній государств. дорогъ и главная канцелярія надъ таможенными сборами; наконецъ, судный приказъ, соляная контора и малороссійская коллегія. (Г. А., X, 15. Бумаги Г. Козицкаго, ч. I).

Библиотека "Руниверс"

быть было трудно. „Чувствительные члены отечества съ прискорбіемъ взирали на то, что иное правительство до своея только должности принадлежащихъ всѣхъ законовъ не имѣетъ". Въ виду подобнаго рода затрудненій чертежъ внутренняго правленія Россійской имперіи еще въ половинѣ 1770 г. оставался неоконченнымъ. Въ теченіе этого времени, однако, комиссія сдѣлала не мало: члены ея „ознакомились лучше многихъ съ подлежащей системой внутренняго управленія", записали уничтоженіе излишнихъ правительствъ и раздѣлили свойства оныхъ; составленіе чертежа также значительно подвинулось впередъ: „главная, (чтобы не сказать вся) и большая половина дѣла, говорилъ А. Нарышкинъ 31-го мая (1770 г.), уже сдѣлана; остается только получить нѣкоторыя свѣдѣнія... и чертежъ будетъ оконченъ".

Такимъ образомъ, комиссія для составленія сводовъ и комиссія о порядкѣ государства въ силѣ общаго права вѣроятно, болѣе другихъ содѣйствовали послѣдующимъ работамъ надъ полнымъ собраніемъ и сводомъ законовъ: первая, несомнѣнно, подготовила работу по составленію описанія внутренняго правленія Россійской имперіи; вторая отчасти принялась даже за это дѣло, но, повидимому, не успѣла довести его до конца.

Остальныя частныя комиссіи также могли повліять на составленіе экстрактовъ по разнымъ отраслямъ законодательства, но непосредственнаго отношенія къ составленію „описанія", кажется, не имѣли [1]).

Комиссіи 1767—1774 гг., какъ видно, неудалось составить цѣлаго „описанія". Выполненіе этой задачи, повидимому, возложено было на канцеляріи, оставшіяся по закрытіи частныхъ комиссій, члены которыхъ уволены были отъ должностей 4-го декабря 1774 г. [2]). Факты,

---

[1]) „Для управленія письмоннаго производства какъ по большому собранію, такъ и по частнымъ комиссіямъ" первоначально состояло изъ дворянъ и разнаго званія людей—160 человѣкъ. По распущеніи большаго собранія при малыхъ комиссіяхъ осталось: сочинителей — 20, помощниковъ—20, держателей дневныхъ записокъ — 20, писцовъ — 80; кромѣ того, при маршалѣ: сочинитель 1, помощникъ 1, писцовъ—2, да для всѣхъ комиссій вообще: экзекуторъ—1, при немъ: помощникъ—1, писецъ - 1; архиваріусъ—1, при немъ: помощникъ—1, писецъ—1, назначей—1, при немъ: помощникъ—1, писецъ—1; всего 153 чел. (Арх. Госуд. Сов., Дѣла. Код. Отд., № 228, Акты и бумаги по комиссіямъ 1797—1804 гг., № 11).

[2]) Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., № 228: Акты и бумаги по комиссіи 1797—1804 гг., № 11. *В. Сергѣевичъ*, (Откуда неудачи Екатерининской законо-

Библиотека "Руниверс"

извѣстные намъ изъ „репортовъ", которые губернаторы подавали въ сенатъ послѣ этого времени, съ перваго взгляда могутъ, однако, вызвать нѣкоторое сомнѣніе въ справедливости подобнаго вывода. Въ 1775 году (29-го апрѣля) сенатъ слушалъ, напримѣръ, докладъ сибирскаго губернатора о томъ, что знаки умершихъ депутатовъ отъ города Тобольска, а также отъ служилыхъ и ясашныхъ татаръ отданы имъ (губернаторомъ) вновь выбраннымъ на ихъ мѣсто депутатамъ. Такіе же случаи происходили и въ другихъ мѣстахъ: судя по „репортамъ" за вторую половину 1775 г. взамѣнъ прежнихъ депутатовъ избраны были новые въ Тетюшахъ, Саратовѣ, Динабургѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Кашинѣ и т. д. [1]). Выборы эти вызваны были, повидимому, отсутствіемъ какого-нибудь опредѣленнаго указа, который уничтожалъ бы званіе депутата, и необходимостью, въ силу одной изъ статей обряда управленія комиссіей (ст. 25), передать новымъ выборнымъ знаки, наказы и бумаги, оставшіяся послѣ умершихъ или лишенныхъ своего званія депутатовъ. Сенатъ на первыхъ порахъ, кажется, также держался этого мнѣнія, хотя и измѣнилъ его впослѣдствіи [2]). Слѣдуетъ имѣть въ виду притомъ, что вновь избираемые депутаты, насколько можно судить по отдѣльнымъ примѣрамъ, оставались въ провинціи, такъ какъ „отпускались до востребованія въ домъ" [3]). Во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній сенатъ счелъ нужнымъ, однако, разъяснить губернаторамъ, что „имянными Ея Императорскаго Величества указомъ избран-

---

дательной комиссіи въ *Вѣстникѣ Европы* за 1878 г., № 1, стр. 261) указываетъ на то, что послѣднее извѣстіе о комиссіи относится къ 1775 году по случаю переѣзда ея въ Москву. Дѣйствительно комиссія должна была явиться въ сенатъ въ Москву 7-го января 1775 года (Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд. № 94; кн. 273, опред. 48-е). Но подъ комиссіей въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, разумѣли одни канцеляріи.

[1]) Арх. Мин. Юстиц. III Отд. Сенат. Отд. Дѣла ген.-пров., № 6478, лл. 257, 274, 278—285 и мн. др.

[2]) Ibid., л. 274. Казанскій губернаторъ кн. Мещерскій доносилъ Сенату, что ему поручено было генералъ-аншефомъ и кавалеромъ Панинымъ *„вслѣдствіе правительствующаго сената указа* на мѣсто умершихъ изъ пахотныхъ солдатъ депутатовъ пригорода Тетюшъ А. Танбовцева Саратовскаго М. Моченцова выбрать другихъ, что и сдѣлано было въ силу обряда 1766 г.". Сенатъ слушалъ рапортъ кн. Мещерскаго 15-го іюля 1775 г.

[3]) Ibid., л. 274. Избранный на мѣсто А. Танбовцева города Уржума пахотный солдатъ С. Лихтинъ получилъ надлежащее полномочіе, депутатскій знакъ съ приложеніями и „отпущенъ до востребованія въ домъ".

Библиотека "Руниверс"

ные въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія депутаты распущены впредь до указа, а потому въ выборѣ новыхъ депутатовъ не настоитъ нужды до того времени доколѣ всѣмъ депутатамъ будетъ общій позывъ" [1]). Такимъ образомъ, въ силу этого сенатскаго опредѣленія отъ 8-го августа 1776 г. выборы депутатовъ окончательно прекратились. Проэктъ императрицы превратить комиссію уложенія въ палату при сенатѣ „дабы сенатъ имѣлъ гдѣ (куда) отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ, причемъ частныя комиссіи „по матеріямъ" должны были послужить" для разбора ненужныхъ" дѣлъ, также остался не осуществленнымъ [2]).

Взамѣнъ прежнихъ комиссій въ Петербургѣ продолжали дѣйствовать однѣ канцеляріи, въ силу „обряда" состоявшія подъ управленіемъ генералъ-прокурора и депутатскаго маршала съ самаго учрежденія большой комиссіи [3]). Въ самомъ дѣлѣ уже современники указывали на то, что по распущеніи большаго собранія „комиссія въ небольшомъ числѣ письмоводцевъ осталась въ вѣдомствѣ генералъ-прокурора" и продолжала трудиться до самой кончины государыни и даже послѣ ея смерти „спустя нѣкоторое время", хотя мало по малу и пришла въ совершенное бездѣйствіе [4]). И дѣйствительно, въ 1775—1796 гг. не разъ въ качествѣ еще дѣйствующихъ учрежденій упоминаются частныя комиссіи, директіонная, экспедиціонная, комиссія о разборѣ наказовъ, далѣе комиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права, о среднемъ родѣ людей, о лицахъ, имѣніяхъ и обязательствахъ, а также объ училищахъ и о городахъ, наконецъ комиссія духовно-гражданская [5]). Но подъ всѣми этими учрежденіями

---

[1]) Арх. Мин. Юстиц. III Отд. Сенат. Отд. Дѣла ген.-прок., № 6485, лл. 217, 224, 238, № 6492 (1777 г., ноября 27-го) Сенатъ ссылается притомъ на указъ 1773, а не 1774 года.

[2]) Письмо Екатерины II кн. Волконскому около 1775 г. (XVIII-й вѣкъ, I, 182).

[3]) Обрядъ управленія комиссіи, ст. 29.

[4]) *Г. Державинъ.* Записки, изд. 1860 г., стр. 38. *Шторхъ*, Лѣтописи царствованія Екатерины II, ч. I, русскій переводъ Г. Глинки, С.-Пб. 1801, стр. 375—376. *А. Артемьевъ.* (Краткое начертаніе римскихъ и россійскихъ правъ, М. 1777, стр. 185) говоритъ о комиссіи, какъ объ установленіи еще дѣйствующемъ. А. Грибовскій поступилъ на службу къ Державину въ 1784 г. изъ комиссіи о сочиненіи новаго Уложенія (*Г. Державинъ*, Op. cit., стр. 250, прим.). Ки. *М. Щербатовъ*, Статистика въ Разсужденіи Россіи, стр. 92.

[5]) Арх. Гос. Сов., Дѣла Кад. Отд., №№ 93 — 97: Опредѣленія частныхъ комиссій. Судя по этимъ даннымъ, напримѣръ, упоминаются комиссіи: да-

Библиотека "Руниверс"

слѣдуетъ разумѣть не прежнія частныя комиссіи депутатовъ, выбранныхъ еще на большомъ собраніи, а состоявшія при нихъ канцеляріи въ составъ которыхъ, однако, входили вѣроятно, не одни приказные люди [1]). На существованіе такихъ канцелярій вполнѣ опредѣленныя указанія встрѣчаются въ генералъ-прокурорскихъ дѣлахъ и въ расходныхъ книгахъ комиссіи за 1770—1796 годы. Число служащихъ въ комиссіи по закрытіи малыхъ комиссій (въ 1775 г.) доходило до сотни слишкомъ; нѣсколько позднѣе, за три года до смерти императрицы „въ дирекціи" генералъ-прокурора по этому учрежденію все еще состояло: 19 сочинителей, 8—сочинительскихъ помощниковъ, 14—журналистовъ, 20 старшихъ писцовъ и 33 младшихъ, всего до 74 человѣкъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не малая часть служила въ канцеляріи генералъ-прокурора, въ особой комиссіи при сенатѣ и во 2-й, а также 3-й экспедиціяхъ [2]). Судя по расходнымъ записямъ въ періодъ 1770—1775 гг. жалованье выдаваемое лицамъ служившимъ въ частныхъ комиссіяхъ членамъ и канцеляріямъ доходило среднимъ числомъ до 12.142 р. 75 к. въ годовую треть. Съ 1775 г. въ комиссіи остались одни чиновники; поэтому, средніе размѣры выдаваемаго имъ жалованья спустились до 5.307 р. 45 к. въ годовую

рекціонная — въ 1775 г. октября 19-го, 1776 г. декабря 31-го, 1780 г. марта 14-го 1781 г. февраля 17-го, 1782 г. марта 5-го, 1782 г. апрѣля 1-го, 1882 г. іюля 16-го, 1783 г. ноября 1-го, 1786 г. марта 29-го, 1788 г. января 29-го, мая 12-го и іюня 3-го, 1790 г. декабря 11-го и 1793 г. іюля 18-го; экспедиціонная 1781 г. мая 1-го; о разборѣ наказовъ и проектовъ 1784 г. іюля 1-го, 1786 г. марта 29-го; о государствѣ въ силѣ общаго права—1775 г. ноября 12-го, 1777 г. мая 27-го; о среднемъ родѣ людей—1776 г. апрѣля 11-го, 1785 г. апрѣля 18-го; о лицахъ—1775 г. іюня 19-го 1783 г. августа 15-го, 1785 г. іюня 3-го; о имѣніяхъ—1784 г. октября 1-го, 1785 г. марта 21-го; объ обязательствахъ—1783 г. декабря 31-го; о училищахъ—1776 г. декабря 26-го, 1784 г. марта 6-го; о городахъ—1786 г. марта 29-го; духовно-гражданская 1784 г. іюля 1-го, 1786 г. апрѣля 5-го. Всѣ эти установленія упоминаются въ разное время, какъ существующія. Вѣроятно, подъ ними слѣдуетъ разумѣть канцеляріи, оставшіяся послѣ нѣкогда бывшихъ частныхъ комиссій изъ депутатовъ.

[1]) Императрица Екатерина настаивала на томъ, чтобы для письма въ комиссіи отнюдь не брали бы приказныхъ людей, а приглашали бы молодыхъ дворянъ. (П. С. З., т. XVIII, № 12948, Обрядъ, ст. 29; С. Р. И. О., X, 232). Дѣйствительно въ числѣ упомянутыхъ 160 канцеляристовъ (см. выше) были и дворяне. Составъ же канцеляріи 1767—1774 гг. оставался повидимому безъ существенныхъ измѣненій и въ послѣдующее время.

[2]) Арх. Мин. Юстиц., III Отд. Сенат. Отд. Дѣла генералъ-прокур., № 6679, дѣло № 2.

Библиотека "Руниверс"

треть, что продолжалось вплоть до мая 1796 года [1]). Дѣятельность этихъ канцелярій сосредоточена была, повидимому, на пополненіи ранѣе сдѣланныхъ выписокъ новыми экстрактами изъ законовъ, обнародованныхъ до изданія жалованныхъ грамотъ 1785 г., и на „описаніи внутренняго правленія Россійской имперіи"; по крайней мѣрѣ наиболѣе старательные изъ чиновниковъ, служившихъ въ означенныхъ канцеляріяхъ, какъ напримѣръ, Трофимъ Вишняковъ и Иванъ Смирновъ, принимали большое участіе въ составленіи „описанія" [2]). Послѣднее, какъ видно, оказывается результатомъ дѣятельности цѣлаго ряда установленій, функціонировавшихъ въ теченіе значительнаго промежутка времени, по меньшей мѣрѣ тридцати лѣтъ слишкомъ. Вызванная насущными потребностями русской государственной жизни, а не однѣми случайными причинами, работа надъ „описаніемъ", не смотря на всѣ препятствія, продолжалась до тѣхъ поръ, пока не принесла давно ожидаемый, хотя и запоздалый плодъ.

Въ теченіе XVIII вѣка общая потребность государства въ согласованной системѣ законодательныхъ нормъ, какъ видно, все возрастала; для удовлетворенія ея правительство предприняло рядъ мѣръ, важнѣйшими изъ которыхъ слѣдуетъ признать учрежденіе кодификаціонныхъ комиссій. Работы, производившіяся въ этихъ установленіяхъ, хотя и не привели къ составленію новаго уложенія, однако подготовили значительный матеріалъ для изданія полнаго собранія и свода законовъ Россійской имперіи. А между тѣмъ въ такомъ именно сборникѣ нуждалось и русское общество и русское правительство того времени (см. выше гл. I). Естественно, поэтому, что послѣднее воспользовалось накопленнымъ матеріаломъ для достиженія указанной цѣли, при чемъ выполненіе ея поручило канцеляріямъ, оставшимся послѣ закрытія большой комиссіи 1767—1774 гг.

---

[1]) Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд., №№ 9397. При вычисленіи среднихъ размѣровъ жалованья мы имѣли въ своемъ распоряженіи свѣдѣнія о величинѣ его за 18 третей въ 1770—1775 гг. и за 59 третей въ теченіе 1775—1796 гг.

[2]) Съ 1-го января 1777 г. Трофиму Вишнякову и Ивану Смирнову велѣно было давать годоваго жалованья по 350 р. вмѣсто 300 р., а въ 1783 г. еще прибавлено по 50 р. „по особливой усмотрѣнной ихъ *въ поручаемомъ дѣлѣ* (составленіи описанія?) рачительности" (Арх. Госуд. Сов., Дѣла Код. Отд. №№ 95 и 96, Опредѣленія части. ком. 1776 г. декабря 31-го и 1783 г. апрѣля 29-го).

Библиотека "Руниверс"

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Сравненіе системы экстрактовъ 1767 г. съ системой „описанія вышняго правленія".

Полнаго сходства между системами, по которымъ расположены экстракты 1767 г. и „описаніе вышняго правленія", не замѣтно.

То и другое собраніе дѣлятся на три части или „предметы", озаглавленные нижеслѣдующимъ образомъ:

По плану расположенія экстрактовъ (1767 г.). (Арх. Госуд. Сов., К. О., № 166. Имп. Публ. Библ., F II, № 130).

I. О учрежденіяхъ, должностяхъ, преимуществахъ и штатахъ правительствъ.

II. О должностяхъ и преимуществахъ, принадлежащихъ единственно до персонъ въ присудствіяхъ находящихся, каждаго званія особенно.

III. Нѣтъ.

По „реестру" первой главы описанія. (Румянц. Музей, № 2937 т. 1).

I. О вышнемъ правленіи, состоящемъ въ столицахъ и съ подчиненными онаго мѣстами.

II. О нижнемъ правленіи, состоящемъ по губерніямъ или намѣстничествамъ и о генеральномъ раздѣленіи Всероссійскія Имперіи на части.

III. О установленіи должности власти и преимуществахъ, относящихся прямо до персонъ.

Заглавія §§ той и другой системы однородны по содержанію, хотя и попали тамъ и здѣсь на разныя мѣста. Сопоставимъ порядокъ изложенія въ экстрактахъ и „описаніи", означая въ скобкахъ положеніе, какое занимаетъ данный параграфъ въ той и другой системѣ, при чемъ подъ буквами сопровождающими цифры будемъ разумѣть дѣленія второстепенныя въ предѣлахъ параграфа, означеннаго цифрою.

А) *По первой части:*

Сенатъ (1,1).
Герольдмейстерская контора (9,1d).
Синодъ (2,2).

Библиотека "Руниверс"

Кабинетъ (28,8).
Коллегія иностранныхъ дѣлъ (4,4).
„ военная (5,5).
Счетная контора (5a,5a).
Главный кригскомиссаріатъ (5b,5b).
Главная провіантская канцелярія (5c,5c).
Главная канцелярія отъ артиллеріи и фортификаціи (5d,5d).
Коллегія Адмиралтейская (6,6).
Юстицъ коллегія (7,7).
Коллегія Вотчинная (8,8).
Бергъ коллегія (13,9).
Монетная канцелярія (18,9a).
Мануфактуръ коллегія (14,10).
Коммерцъ коллегія (12,11).
Медицинская коллегія (16,18).
Коллегія экономіи (15,14).
Ревизіонъ коллегія (11,15).
Главный магистратъ (19,16).
Правленіе Банковъ (25,17).
Главная полиціймейстерская канцелярія (20,19).
Ямская канцелярія (21,20).
Канцелярія конфискаціи (22,21).
Главная дворцовая канцелярія (29,23).
Главная дворцовая конюшенная канцелярія (30,24).
Канцелярія опекунства (26,27).
Статсъ-контора (23,30).
Соляная контора (24,31).
Контора Государственнаго банка (25,32).
Мастерская оружейная палата (27,34).

B) *По второй части плана и третьей реэстра*:

О должности и проч.:

Президентовъ, вицепрезидентовъ и главныхъ судей (4,18).
Генералъ-прокурора, оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ (1,20).
Губернаторовъ, вице-губернаторовъ и проч. (3,22).
Генералъ-рекетмейстера (2,22).
Оберъ-секретарей (5,27).

Библиотека "Руниверс"

Секретарей (5,28).
Казначеевъ и рекетмейстеровъ (7,31a)
Камергеровъ (5f,31d).
Экзекуторовъ (5b,32a).
Регистраторовъ (5e,32c).
Нотаріусовъ (5c,32c).
Актуаріусовъ (5c,32c).
Переводчиковъ (5d,32d).
Канцеляристовъ и писцовъ (5kl,32f).

Какъ видно, большинство рубрикъ въ той и другой системѣ одинаковы по содержанію, хотя сочетанія ихъ различны.

А. Лаппо-Данилевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

УЧЕНІЕ О ПЕРІОДѢ ВЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

I.

Въ школьныхъ учебникахъ грамматики и теоріи словесности періодъ, въ отношеніи грамматическаго состава, понимается двояко: по мнѣнію однихъ, періодъ есть непремѣнно сложное грамматическое предложеніе, по мнѣнію другихъ, періодъ можетъ быть выраженъ не только въ сложномъ, но и въ простомъ предложеніи. Несходство во взглядѣ на грамматическій составъ періодовъ, замѣчаемое въ школьныхъ учебникахъ, показываетъ, что авторы или составители учебниковъ сами сбивчиво представляютъ себѣ отличительныя свойства періодовъ и эту сбивчивость сообщаютъ учащемуся юношеству. Возьмемъ для примѣра слѣдующій періодъ, находящійся въ нѣсколькихъ школьныхъ учебникахъ: „Русскій императоръ Петръ Великій, намѣреваясь сблизять Россію съ Европой, въ 1703 году основалъ на берегахъ Невы новую столицу Петербургъ, населивъ его купцами, дворянами и служилыми людьми изъ Москвы, Твери, Вереи и другихъ городовъ“. Это, по школьному ученію, сложно-составное грамматическое предложеніе, состоитъ изъ одного главнаго и двухъ придаточныхъ предложеній. Для выясненія сущности періода стоитъ отвѣтить лишь на слѣдующій вопросъ: въ только что приведенномъ примѣрѣ соединеніе какого изъ двухъ придаточныхъ предложеній съ главнымъ даетъ въ результатѣ форму періода, или же непремѣнно оба придаточныя должны стоять на лицо, для образованія періода? Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ показалъ бы, гдѣ предѣлъ періода: его minimum и maximum, его простѣйшая и сложная форма. Если соединить главное только съ первымъ придаточнымъ, то получимъ слѣ-

Библиотека "Руниверс"

дующее предложеніе: „Русскій императоръ Петръ Великій, намѣреваясь сблизить Россію съ Европой, въ 1703 году основалъ на берегахъ Невы новую столицу Петербургъ". Спрашивается: есть ли здѣсь періодъ? и если есть, то въ чемъ его характеристическое свойство? Соединивъ главное со вторымъ придаточнымъ, получимъ слѣдующее предложеніе: „Русскій императоръ Петръ Великій въ 1703 году основалъ на берегахъ Невы новую столицу Петербургъ, населивъ его купцами, дворянами и служилыми людьми изъ Москвы, Твери, Вереи и другихъ городовъ". Любопытно знать: составляетъ ли собою періодъ послѣднее грамматическое предложеніе?

Для образованія періода рекомендуется развивать извѣстную тему по топикамъ или вопросамъ: quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando? Если бы непремѣнно обязательны были отвѣты на всѣ эти вопросы, тогда сущность періода была бы вполнѣ ясною, и отличить его отъ грамматическаго предложенія не было бы затрудненія. Но положительно всѣми признается, что достаточно отвѣтить лишь на нѣкоторые изъ семи приведенныхъ вопросовъ; а на какіе именно, объ этомъ не говоритъ никто. При прохожденіи элементарнаго курса грамматики учащихся пріучаютъ образовывать такъ называемое распространенное грамматическое предложеніе по вопросамъ: какой, что (accusativus casus), гдѣ, почему, какъ и проч. ? Это—тѣже вопросы, рекомендуемые для составленія періодовъ. Въ грамматикѣ весьма опредѣленно говорится, что отвѣтъ даже только на одинъ изъ перечисленныхъ вопросовъ дѣлаетъ предложеніе распространеннымъ; напримѣръ, „жилъ старикъ"—предложеніе нераспространенное, но „жилъ старикъ въ землянкѣ"—предложеніе распространенное. Прибавка реченія „въ землянкѣ" сообщаетъ предложенію minimum распространенности. Возьмемъ еще примѣръ: „старикъ ловилъ неводомъ рыбу на берегу моря". Это грамматическое распространенное предложеніе отвѣчаетъ на слѣдующіе вопросы:

quis?—старикъ,
quid?—рыбу (ловилъ),
ubi?—на берегу моря,
quibus auxiliis?—неводомъ.

Полные и понятные отвѣты на выписанные четыре вопроса, по указываемымъ нынѣ правиламъ, способствуютъ образованію періода. Любопытно знать, составляетъ ли собою періодъ предложеніе: „старикъ ловилъ неводомъ рыбу на берегу моря"?

Библиотека "Руниверс"

Для полной характеристики современнаго ученія о періодѣ слѣдуетъ 1) привести нѣсколько типичныхъ образцовъ опредѣленія его, 2) указать виды періодовъ. Такъ, въ одномъ распространенномъ школьномъ учебникѣ говорится: „періодомъ называется такое предложеніе, которое отличается особенною распространенностію и законченностію мысли. Въ періодѣ обыкновенно различаютъ два рода: періодъ простой и сложный. Періодомъ простымъ называется простое распространенное предложеніе, отличительнымъ признакомъ котораго служитъ тоже особенная своего рода полнота и законченность въ выраженіи мысли. Періодомъ сложнымъ называется сложное предложеніе съ тѣмъ же отличительнымъ признакомъ". Это опредѣленіе не есть строго логическое, какъ не указывающее опредѣленно характеристическаго признака (differentia specifica) періода, ибо, въ самомъ дѣлѣ, выраженіе—„отличается *особенною распространенностію*" допускаетъ неограниченность и безпредѣльность въ сочетаніи понятій и выраженія этихъ понятій въ словесной формѣ. Законченность же мысли имѣетъ всякое простое предложеніе. Приведемъ другое опредѣленіе періода: „одно или нѣсколько главныхъ предложеній, которыя распространены придаточными, называются періодомъ". Большинство нынѣшнихъ грамматистовъ склоняются ко второму приведенному опредѣленію, то-есть, простаго грамматическаго предложенія періодомъ не признаютъ. Но логично ли и второе опредѣленіе? Нѣтъ,—оно указываетъ только на внѣшнюю форму (descriptio) періода, но ни однимъ словомъ не означаетъ внутренней его сущности; да и внѣшняя форма выражена неопредѣленно, ибо выраженіе: „распространены придаточными", не указываетъ, сколькими и какими придаточными должны быть распространены главныя, для составленія періодовъ.

Періоды дѣлятъ на простые и сложные. Сложные періоды, по ученію однихъ школьныхъ учебниковъ, бываютъ 12 родовъ, по ученію другихъ—7 родовъ, по ученію третьихъ—10 родовъ; въ нѣкоторыхъ учебникахъ указывается 11 родовъ сложнаго періода. Въ современныхъ школьныхъ учебникахъ преимущественно признается 12 родовъ, именно—слѣдующіе: причинный, заключительный, условный, относительный, изъяснительный, сравнительный, противоположный, уступительный, соединительный, послѣдовательный, раздѣлительный, смѣшанный. Въ школьныхъ учебникахъ, вышедшихъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, преимущественно признавалось 7 родовъ сложнаго періода, именно—слѣдующіе: причинный, условный, послѣдовательный, сравнительный, изъяснительный, противоположный, уступительный.

Библиотека "Руниверс"

Другихъ дѣленій сложнаго періода мы приводить не будемъ. Буквально ни въ одномъ школьномъ учебникѣ не объясняется, по какимъ основаніямъ въ сложномъ періодѣ указывается, напримѣръ, 12 или 10 родовъ, а не другое какое нибудь число. Также ни въ одномъ учебникѣ не выясняется, почему только сложный періодъ можетъ быть разныхъ родовъ, простой же періодъ подраздѣленій имѣть не можетъ.

Съ такими качествами представляется нынѣ ученіе о періодѣ, и учащееся юношество воспринимаетъ въ себя всю туманность, безосновательность, неопредѣленность и шаткость этого ученія, руководясь потомъ въ самостоятельной жизни всѣми воспринятыми отрицательными качествами. Живыя наблюденія показываютъ, что учащіеся выносятъ изъ школьнаго ученія о періодѣ одно слѣдующее впечатлѣніе, неизгладимое на всю жизнь: періодъ представляется имъ очень *длиннымъ* предложеніемъ; и если таковое встрѣтится имъ—въ печати, въ письмѣ, въ разговорѣ, въ поученіи, они, нимало не разсуждая, признаютъ таковое предложеніе періодомъ, считая вполнѣ достаточнымъ основаніемъ для такого огульнаго рѣшенія вынесенное изъ школьной жизни впечатлѣніе о значительной пространности предложеній для признанія ихъ періодами. Неясное и неотчетливое представленіе о періодѣ имѣютъ и учащіе, въ томъ числѣ составители школьныхъ учебниковъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ, признаваемыхъ нынѣ одними авторами учебниковъ за періоды, другими же за грамматическія предложенія. „Быть счастливымъ есть быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ". „Мнѣ предстоялъ переходъ чрезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка, и небо было покрыто тучами". „Ночь была темная: казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу". „Я сытъ, можъ тѣмъ какъ у иного нѣтъ хлѣба и ломтя въ сумѣ". „Римская имперія узнала, что есть славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны". Эти примѣры самими авторами учебниковъ разбираются различно, различно же разберутся они и учащимися; одни въ этихъ примѣрахъ видятъ періоды, другіе же—грамматическія предложенія, при чемъ въ обоихъ случаяхъ недостаетъ одного—основаній. Возьмемъ еще два слѣдующіе примѣра:

1) „Писателю, описывающему черную сторону жизни, не собрать народныхъ рукоплесканій; ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единственнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяніи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать

Библиотека "Руниверс"

наконецъ современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданія, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ у него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни и возвести ее въ перлъ созданія; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій, восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха".

2) „Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Пахнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ,—
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать".

Если предложить для разбора два приведенные примѣра, то единогласно они признаются всѣми за періоды, при чемъ внутреннее чувство каждаго лица причину названія періодами обоихъ примѣровъ будетъ указывать въ значительной длинѣ предложеній, со стороны же внѣшней основаніемъ укажутъ то, что въ этихъ примѣрахъ есть округленность, единство, законченность, распространенность, плавность, цѣльность, удобообозрѣваемость, соотвѣтственность мыслей и проч. и проч.

Библиотека "Руниверс"

II.

Для полноты сужденій о періодѣ надлежитъ, хотя кратко, разсмотрѣть ученіе о немъ у Аристотеля, Цицерона, Квинтиліана. У Аристотеля весьма подробно ученіе о періодѣ изложено въ сочиненіи— „Риторика" (Ρητορική). Онъ дѣлитъ періодъ на два рода: простой и сложный; простымъ называетъ, какъ и нынѣ принято, одночленный періодъ. Аристотель указываетъ форму членовъ въ сложномъ періодѣ, заботясь особенно о томъ, чтобы они (то-есть, члены) не были ни „заостренными", ни „растянутыми", потому что періодъ въ этихъ случаяхъ теряетъ благозвучіе и стройность и не въ состояніи произвести на слушателя должнаго впечатлѣнія. Вотъ буквальныя слова самого Аристотеля о періодѣ [1]): Περίοδος δὲ ἡ μὲν ἐν κώλοις, ἡ δ' ἀφελής. Ἔστι δ' ἐν κώλοις μὲν λέξις ἡ τετελειωμένη τε καὶ διῃρημένη καὶ εὐανάπνευστος, μὴ ἐν τῇ διαιρέσει ὥσπερ ἡ εἰρημένη περίοδος, ἀλλ' ὅλη. Κῶλον δ' ἐστὶ τὸ ἕτερον μόριον ταύτης. Ἀφελῆ δὲ λέγω τὴν μονόκωλον. Δεῖ δὲ καὶ τὰ κῶλα καὶ τὰς περιόδους μήτε μικρὰς εἶναι, μήτε μακράς;... Τὰ μὲν μακρὰ ἀπολείπεσθαι ποιεῖ, ὥσπερ οἱ ἐξωτέρω ἀποκάμπτοντες τοῦ τέρματος... Αἱ τε λίαν βραχύκωλοι οὐ περίοδος γίγνεται· προπατῇ οὖν ἄγει τὸν ἀκροατήν. Періодъ по Аристотелю [2]) есть предложеніе, которое въ удобообозрѣваемомъ объемѣ имѣетъ одному ему свойственное начало и конецъ. Такимъ образомъ, Аристотель съ внѣшней стороны отъ періода требовалъ благозвучности, съ внутренней — законченности, именно—чтобы мысль извѣстнаго періода, взятая самостоятельно, представлялась обоснованною и завершенною. Въ нынѣшнихъ школьныхъ учебникахъ эти требованія отъ періода и указываются теоретически и выясняются на литературныхъ примѣрахъ.

Въ древнихъ риторическихъ школахъ, имѣвшихъ цѣлью подготовлять искусныхъ ораторовъ и виртуозовъ діалектики, большое значеніе имѣли и часто употреблялись риторическіе періоды. Риторическая техника судейскаго краснорѣчія достигала тогда высокаго искусства. Въ сочиненіи римскаго писателя Цицерона „De oratore" съ мельчайшими подробностями изображаются тѣ качества, которыми должна

---

[1]) Ἀριστοτέλης. Aristotelis opera omnia. Graece et latine cum indice nominum et rerum absolutissimo. Parisiis, editore Ambrosio Firmin Didot, instituti Francie typographo. MDCCCXLIII. Ρητορικης, Γ, cap. IX, 35—46.

[2]) Та же глава 3-й книги риторики.

Библиотека "Руниверс"

отличаться рѣчь (періодъ) оратора. Цицеронъ [1]) о внѣшнемъ строѣ періода говоритъ слѣдующее: Orator sic illigat sententiam verbis, ut eam numero quodam complectatur, et astricto et soluto. Numerus autem in continuatione nullus est, distinctio et aequalium et saepe variorum intervallorum percussio numerum conficit. Подъ именемъ numerus, а также подъ выраженіемъ numerus oratorius разумѣется стройность въ расположеніи частей періода и благозвучіе въ чтеніи отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ грамматическихъ простыхъ предложеній, входящихъ въ составъ періода.

Квинтиліанъ подробно разсматриваетъ отдѣльныя части въ періодѣ: начало, средину и конецъ, и указываетъ, какихъ недостатковъ должно избѣгать въ нихъ, при чемъ приводитъ, для разъясненія своихъ мыслей, примѣры періодовъ. О началѣ періодовъ Квинтиліанъ [2]) говоритъ слѣдующее: „начало періодовъ требуетъ почти равнаго тщанія, поелику слушатель устремляетъ на него первое свое вниманіе. Но здѣсь успѣть легче. Ибо начало не связывается ни съ какою предыдущею мыслію, а выводитъ оную; напротивъ того, конецъ, какъ бы онъ мѣренъ не былъ, потеряетъ самую красоту, если захотимъ къ нему достигнуть прерывистою дорогою. И дѣйствительно, для чего находимъ мы у Демосѳена слѣдующее словосложеніе правильнымъ: πρῶτον μὲν, ὦ ἄνδρες ἀθηναῖοι, τοῖς θεοῖς εὔχομαι πᾶσι καὶ πάσαις, и другое, которое одинъ Брутъ, сколько мнѣ извѣстно, не одобряетъ, но которое многимъ нравится: Κἂν μήκω βάλλῃ, μηδὲ τοξεύῃ: для чего, говорю, порицаютъ иные за сіе Цицерона: Familiaris cooperat esse balneatori; и, Archipiratae? Ибо Balneatori и Archipiratae имѣютъ тѣ же стопы и тѣ же числа. Для того, что въ приведенныхъ примѣрахъ Демосѳенъ начинаетъ періодъ такъ, какъ Цицеронъ оканчиваетъ... надлежитъ остерегаться оканчивать періодъ многосложными словами“.

Приведемъ слова Квинтиліана о срединѣ періода: „и на средину періода надлежитъ обращать вниманіе, чтобы не только во всемъ была взаимная связь, но чтобы отъ излишества долгихъ слоговъ рѣчь не сдѣлалась, такъ сказать, вялою и растянутою, или, каковый по-

---

[1]) De orat. lib. III, c. 43.

[2]) Марка Фабія Квинтиліана двѣнадцать книгъ риторическихъ наставленій. Переведены съ латинскаго Императорской Россійской Академіи членомъ Александромъ Никольскимъ и оною Академіею изданы. С. П. 1834 г. (часть II-я Страницы 184, 185, 186).

Библиотека "Руниверс"

рокъ еще обыкновеннѣе, отъ теченія многихъ короткихъ не казалась скачущею, и не издавала звуковъ, подобно дѣтскимъ гремушкамъ. Ибо какъ начало и конецъ имѣютъ значительнѣйшія ударенія, такъ въ срединѣ должны быть легкія движенія, которыя хотя непримѣтны, но бываютъ ощутительны, какъ нога бѣгущаго человѣка, хотя не останавливается, однако на землѣ слѣдъ оставляетъ... Кто не скажетъ, что слѣдующія слова заключаютъ одну мысль и однимъ духомъ произнесены быть могутъ: Animadverti, judices, omnem accusatoris orationem in duas divisam esse partes?".

О концѣ періодовъ Квинтиліанъ говоритъ такъ: „иногда періодъ оканчивается нескладно и, такъ сказать, вяло; но въ такомъ случаѣ послѣдующій періодъ обыкновенно поддерживаетъ его, составляя съ нимъ какъ бы одно предложеніе, и тѣмъ самымъ поправляетъ порокъ въ окончаніи перваго: Non vult Populus Romanus obsoletis criminibus accusari Verrem. Окончаніе некрасиво: но тотчасъ читай и послѣдующее: Nova postulat, inaudita desiderat. И теченіе слова будетъ гладко, несмотря на различіе смысла. Ut ideas, tantum dabis: такъ кончить было бы нехорошо; ибо и трехстопный стихъ имѣетъ то же окончаніе; почему ораторъ тотчасъ прибавляетъ: ut cibum vestitumque introferre liceat, tantum. Да и сіе паденіе нѣсколько скороспѣшно; но поддерживается послѣдними словами: Recusabat nemo; и непріятность для слуха исчезаетъ".

Въ періодахъ Аристотелемъ, Цицерономъ и Квинтиліаномъ преимущественное вниманіе обращено на соразмѣрность, стройность и благозвучіе отдѣльныхъ частей. Внѣшняя сторона періодовъ особенно занимала Квинтиліана, предусмотрѣвшаго возможные недостатки въ началѣ, серединѣ и концѣ ихъ. Но ни одинъ изъ упомянутыхъ авторовъ не говоритъ о существенномъ отличіи предложенія отъ періода и о предѣлахъ, за которыми грамматическое предложеніе становится періодомъ. Подражая древнимъ, современные стилисты и грамматисты а) заботятся объ округленности и благозвучіи періодовъ и б) не могутъ отличить грамматическаго предложенія отъ періода. Если современнымъ стилистамъ дать для разбора тѣ примѣры на періоды, которые приводитъ Квинтиліанъ, напримѣръ, Animadverti, judices, omnem accusatoris orationem in duas divisam esse partes, то подымется разноголосица: одни назовутъ эту рѣчь грамматическимъ предложеніемъ, другіе—періодомъ.

Библиотека "Руниверс"

III.

Наиболѣе обстоятельно о періодѣ изъ русскихъ ученыхъ высказались Ломоносовъ и Востоковъ; мнѣніе перваго мы считаемъ выше всѣхъ мнѣній древнихъ и новѣйшихъ ученыхъ. Ученіе о періодѣ Ломоносовъ подробно развилъ въ своей риторикѣ; но понятіе о періодѣ онъ отчасти даетъ въ своей грамматикѣ [1]), въ отдѣлѣ о соединеніи предложеній, гдѣ говоритъ слѣдующее (стр. 39): „сочиненіе сложное: то-есть, соединеніе нѣсколькихъ рѣчей, полной разумъ въ себѣ содержащихъ. Сіе бываетъ: 1) мѣстоименіями возносительными: „кто", „который", „тотъ": „кто Бога не боится, тотъ людей бояться не долженъ", 2) дѣепричастіями: „человѣкъ, боясь Бога, людей бояться не долженъ", 3) союзами: „Ежели ты Бога боишься, то не бойся человѣка". Отсюду раждаются разные періоды: одночленные, двучленные, тричленные, четыречленные".

Въ своей риторикѣ [2]) Ломоносовъ опредѣляетъ періодъ слѣдующимъ образомъ (§ 40, стр. 31): „сопряженіемъ простыхъ идей составленныя предложенія называются по-риторически періодами, которые ежели когда полагаются въ словѣ безъ такой взаимной принадлежности, которая разумъ одного связываетъ съ разумомъ другаго, то называются они одночленными, напримѣръ:

Доброе начало есть половина всего дѣла.
Добрый конецъ все дѣло вѣнчаетъ".

Многочленный періодъ онъ опредѣляетъ такъ (§ 42, стр. 32): „когда два или многія логическія предложенія будутъ между собою имѣть взаимную принадлежность, которая разумъ одного связываетъ съ разумомъ другихъ; въ такомъ случаѣ періодъ называется двучленный, ежели два; тричленный, ежели три; четыречленный, еже четыре

---

[1]) Россійская грамматика Михаила Ломоносова. Печатана въ С.-Петербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года.

[2]) Краткое руководство къ краснорѣчію, книга первая, въ которой содержится *Риторика*, показующая общія правила обоего краснорѣчія, то-есть, ораторіи и поэзіи, сочиненная въ пользу любящихъ словесныя науки трудами Михаила Ломоносова, Императорской Академіи Наукъ и Историческаго собранія члена, химіи профессора. Девятымъ тисненіемъ. Въ С.-Петербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1810.

Библиотека "Руниверс"

предложенія помянутымъ образомъ связаны. Примѣръ двучленнаго періода:

Кто хочетъ большимъ быть,
Тотъ долженъ всѣмъ служить.

„Примѣръ тричленнаго:

„Ежели бы небо благоволило, чтобъ человѣкъ препровождалъ жизнь свою безбѣдно: то бы онъ своего щастія не могъ чувствовать.

„Примѣръ четыречленнаго:

„Кто благодѣянія не помнитъ, тотъ не токмо онаго не достоинъ, но равно такъ оставленъ быть долженъ, какъ неплодная земля презрѣна бываетъ".

Далѣе приведемъ слова Ломоносова о составленіи періодовъ.

На стр. 37 (§ 45) своей риторики онъ говоритъ слѣдующее: „въ составленіи періодовъ нѣкоторые учатъ полагаться много на союзы, которыми ихъ члены соединены бываютъ, разсуждая, что по нимъ предлагаемые разумы яснѣе изображены и украшены быть могутъ. Но сіе отъ искусныхъ почитается за самую тщету: ибо что можетъ то пособить, ежели и расположить союзы, напримѣръ: „хотя", „однако"; „не токмо, но и"; ежели идеи въ нихъ не вмѣстны, или еще и не пріисканы? А когда ихъ довольно изобрѣтено, то уже союзы сами собою найдутся".

Простое и ясное ученіе о періодѣ у Ломоносова есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самое вѣрное. Предложеніе: „Доброе начало—половина дѣла", есть несомнѣнно періодъ. Ни до, ни послѣ Ломоносова вполнѣ ясно не различали одно отъ другаго ученія—грамматическое и риторическое. Ломоносовъ просто и вѣрно говоритъ, что предложенія, заключающія въ себѣ соединенія простыхъ понятій, въ *риторикѣ* называются періодами; другими словами, терминъ „періодъ" ни въ какомъ случаѣ не *грамматическій*, какъ нынѣ думаютъ буквально всѣ авторы школьныхъ грамматикъ, на разные лады налагающіе теорію періодовъ, а *риторическій*, то-есть, свойственный наукѣ риторикѣ, имѣющей своимъ предметомъ ученіе, отличное отъ ученія грамматическаго. Объ этомъ мы далѣе будемъ говорить подробно. Точно также безусловно вѣрно и то, что союзы, на которые опираются нынѣ въ большинствѣ школьныхъ учебниковъ правила о періодахъ, въ риторическомъ *отношеніи ровно ничего* не значатъ.

Востоковъ въ своей грамматикѣ [1]) такъ опредѣляетъ періодъ

[1]) Русская грамматика, по начертанію сокращенной грамматики полнѣе изложенная. С.-Петербургъ. 1831.

Библиотека "Руниверс"

(§ 140, стр. 315): „изъ предложеній, то-есть, изъ рѣчей или словосочетаній, заключающихъ въ себѣ по одной мысли, составляются періоды, словосочетанія, заключающія въ себѣ полный смыслъ. Рѣчь имѣетъ полный смыслъ, когда въ ней сказано все, что нужно было, въ утвержденіе, въ отрицаніе или доказательство какого либо положенія".

О составѣ періода Востоковъ говоритъ слѣдующее (§ 141): „а какъ для полнаго смысла рѣчи иногда довольно одной мысли, иногда нужно противоположеніе или послѣдованіе нѣсколькихъ мыслей, объясняющихъ одна другую; то и періодъ можетъ состоять изъ одного предложенія, простаго или сложнаго, или же изъ нѣсколькихъ таковыхъ предложеній, соединенныхъ союзами.

„Въ первомъ случаѣ періодъ есть простый или одночленный; во второмъ случаѣ—сложный или двучленный, трехчленный и четырехчленный, по числу входящихъ въ оный предложеній, называемыхъ членами періода".

Ученіе о періодѣ, какъ оно изложено у Востокова, напоминаетъ во многомъ нынѣшнее школьное ученіе о періодѣ, то-есть, оно не имѣетъ ни ясности, ни простоты и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сопоставляемо или сравниваемо съ ученіемъ Ломоносова о томъ же предметѣ. Востоковъ, сказавъ, что періодъ есть словосочетаніе, заключающее полный смыслъ, самъ находитъ непонятнымъ это опредѣленіе и тотчасъ пускается въ объясненіе того, что такое есть „полный смыслъ". Объяснивъ общими фразами, что „полный смыслъ" имѣетъ та рѣчь, въ которой сказано все „въ утвержденіе, въ отрицаніе или въ доказательство какого либо положенія", Востоковъ сбивается далѣе, считая самъ данное имъ объясненіе „полнаго смысла" не вполнѣ законченнымъ, и говоритъ, что для „полнаго смысла" рѣчи иногда достаточно одной мысли, иногда нужно противоположеніе и проч. Да и здѣсь ясности не получается, ибо возникаетъ вновь вопросъ: что такое одна мысль?.... Нынѣшнее школьное ученіе о періодѣ основано во многомъ на словахъ Востокова.

Отрывистую рѣчь Востоковъ опредѣляетъ такъ (§ 144): „Когда рѣчь состоитъ изъ краткихъ предложеній, зависящихъ по смыслу одно отъ другаго, но не соединенныхъ союзами, тогда называется отрывистою рѣчью, напримѣръ: „Время драгоцѣнно; ничѣмъ не можно замѣнить его; оно проходитъ скоро; возвратить или остановить теченіе его не въ нашихъ силахъ; не беречь онаго худо; употреблять во зло еще того хуже".

Библиотека "Руниверс"

Въ этомъ опредѣленіи отрывистой рѣчи слишкомъ много значенія придано союзамъ, какъ будто періодъ есть грамматическій, а не риторическій терминъ. Обратимъ вниманіе на приведенный Востоковымъ примѣръ отрывистой рѣчи. Должно сказать, что пунктуація въ этомъ примѣрѣ, по современному употребленію знаковъ препинаній, невѣрна, и потому производитъ, при чтеніи примѣра, впечатлѣніе, не соотвѣтствующее его содержанію. Если бы Востоковъ поставилъ двоеточіе послѣ слова „драгоцѣнно", а вмѣсто точекъ съ запятыми, для раздѣленія предложеній одного отъ другаго, начиная со втораго, поставилъ только запятыя, то могъ ли бы онъ сказать, что приведенный имъ примѣръ есть образецъ отрывистой, а не періодической рѣчи? Лучше всего испытать въ дѣйствительности впечатлѣніе отъ чтенія приведеннаго Востоковымъ примѣра, приноровляя при этомъ интонацію голоса къ показаннымъ нами знакамъ препинанія. Приводимъ тотъ же примѣръ съ надлежащей пунктуаціей: „Время драгоцѣнно: ничѣмъ не можно замѣнить его, оно проходитъ скоро, возвратить или остановить теченіе его не въ нашихъ силахъ, не беречь онаго худо, употреблять во зло еще того хуже". Употребляющіеся въ письменности знаки препинанія показываютъ остановку голоса съ обозначеніемъ характера этой остановки; знаки вопросительный и восклицательный, точка, двоеточіе, запятая и тире, точка съ запятой и запятая показываютъ не только продолжительность остановки голосомъ или паузы, но и свойство этой паузы, выражающееся въ окраскѣ голоса. Въ примѣрѣ Востокова всѣ отдѣльныя предложенія суть грамматически независимыя; такъ какъ всѣ эти предложенія кратки и служатъ въ одинаковой степени поясненіемъ къ первому: „время драгоцѣнно", то мы предпочитаемъ въ примѣрѣ Востокова поставить запятыя и считаемъ этотъ примѣръ вполнѣ правильнымъ періодомъ. Взглядъ Востокова на отрывистую рѣчь перешелъ цѣликомъ въ школьную учебную литературу, въ которой всѣ независимыя другъ отъ друга предложенія, рядомъ стоящія въ рѣчи, называются въ своей совокупности рѣчью отрывистою. Къ рѣчи отрывистой школьные учебники еще относятъ такъ называемую лаконическую рѣчь, отличающуюся особенною краткостью и эллипсисами; таково донесеніе Юлія Цезаря о побѣдѣ, одержанной надъ Фарнакомъ: veni, vidi, vici, донесеніе Суворова Екатеринѣ II: „Прага у ногъ Вашего Величества!"

Библиотека "Руниверс"

IV.

Рѣчь можетъ быть разсматриваема съ трехъ сторонъ: а) логической—для выясненія главной мысли и ея отношенія къ второстепеннымъ, б) риторической — для выясненія характера словеснаго выраженія, какъ формы заключающейся въ немъ мысли, и в) грамматической — для выясненія соотношенія предложеній другъ къ другу и морфологіи отдѣльныхъ словъ въ каждомъ предложеніи. Первый разборъ есть логическій, второй—риторическій, третій—грамматическій. Риторическій и грамматическій разборы оба касаются языка, но не мыслей. Логическій анализъ обыкновенно не смѣшиваютъ ни съ какимъ другимъ; что же касается риторическаго и грамматическаго разборовъ, то тутъ не только смѣшиваютъ одно ученіе съ другимъ, но въ большинствѣ случаевъ отдѣльнаго разбора, такъ называемаго риторическаго, вполнѣ основательно существовавшаго во времена Ломоносова, нынѣ даже не представляютъ себѣ, и въ школьной практикѣ слово „риторическій“ совершенно не существуетъ. Изъ этого справедливо сдѣлать заключеніе, что современное ученіе грамматики настолько представляется неопредѣленнымъ, что о единствѣ матеріала, служащаго ей предметомъ, не можетъ быть и рѣчи. Въ виду такого неопредѣленнаго матеріала, служащаго предметомъ грамматическаго ученія, слѣдуетъ обстоятельно выяснить сущность грамматики, какъ науки, и ея предѣлъ въ анализѣ словеснаго выраженія нашихъ мыслей; кромѣ того, надлежитъ указать значеніе риторики и свойства, отличающія ее не только отъ грамматики, но и логики. Безъ яснаго разграниченія названныхъ наукъ нельзя съ полною опредѣленностью и обстоятельностью производить анализъ мышленія человѣка и его словеснаго выраженія.

Возьмемъ слѣдующій примѣръ: „Смѣло отвѣчалъ Меншиковъ на обвиненіе въ томъ, что онъ дерзалъ думать о родственномъ союзѣ съ императорскимъ домомъ“. Въ данной рѣчи грамматическій разборъ долженъ указать, что это есть сложно-составное предложеніе, состоящее изъ одного (именно перваго) главнаго и одного придаточнаго предложенія; разборъ же по частямъ предложеній, а также по частямъ рѣчи довершитъ грамматическій анализъ этого примѣра. Изъ сказаннаго видно, что ученіе грамматики ограничивается лишь двумя пунктами: а) выясненіемъ соотношенія простыхъ предложеній, находящихся въ предложеніи сложномъ, а также указаніемъ главныхъ и второстепенныхъ членовъ въ каждомъ отдѣльномъ предложеніи и

Библиотека "Руниверс"

б) разсмотрѣніемъ морфологическаго строенія каждаго въ отдѣльности члена рѣчи. Скажемъ короче, грамматическій анализъ состоитъ въ уясненіи внутренняго и внѣшняго значенія слова, находящагося въ цѣлой рѣчи. Рѣчь можетъ быть устною, письменною или даже лишь въ умѣ представляемою въ качествѣ комбинаціи знаковъ, помощію которыхъ думаетъ человѣкъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ грамматическій разборъ состоитъ въ указаніи внутренняго и внѣшняго свойства каждаго отдѣльнаго слова, входящаго въ составъ рѣчи. Если грамматика указываетъ эти свойства въ каждомъ изъ словъ рѣчи, то она выполняетъ свою роль, и задача ея исчерпывается. *Совокупность словъ, образующихъ цѣлую, связную рѣчь, при грамматическомъ анализѣ представляется уже данною, съ извѣстнымъ расположеніемъ отдѣльныхъ словъ, и въ ученіе грамматики отнюдь не входитъ указывать расположеніе или отдѣленіе словъ другъ отъ друга какими нибудь знаками.* Послѣднее, то-есть расположеніе и отдѣленіе словъ въ рѣчи, составляютъ предметъ науки риторики. Съ сказаннымъ о грамматикѣ вполнѣ гармонируетъ общенаучный взглядъ на назначеніе этой науки. Здѣсь мы приведемъ авторитетныя слова Ломоносова о сущности этой науки. Во вступленіи къ „Россійской грамматикѣ“ онъ говоритъ слѣдующее: „При вступленіи въ Россійску грамматику больше общаго понятія о человѣческомъ словѣ не требуется. Довольно для краткости будетъ знать, что общая грамматика есть философское понятіе всего человѣческаго слова; а особливая, какова *Россійская* [1]), *есть знаніе, какъ говорить и писать чисто Россійскимъ языкомъ* по лучшему разсудительному его употребленію“. Слова Ломоносова: „какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ“, очевидно, слѣдуетъ понимать такъ: русская грамматика должна научить правильному употребленію словъ въ готовой рѣчи, въ отношеніи согласованія, склоненія и спряженія, и притомъ какъ въ устной, такъ и въ письменной русской рѣчи. Такое грамматическое употребленіе языка и есть вѣрное пониманіе, какъ мы сказали выше, внутренняго и внѣшняго значенія слова, находящагося въ готовой или данной рѣчи. Неосновательно нѣкоторыми признается, что въ ученіе грамматики будто входитъ порядокъ словъ и цѣлыхъ предложеній въ связной рѣчи; гораздо основательнѣе поступаютъ тѣ авторы учебниковъ, которые не допускаютъ въ свои грамматики этого отдѣла. Въ тѣхъ грамматическихъ учебникахъ, которые содержатъ правила о словорасположеніи, гово-

[1]) Курсивъ принадлежитъ самому Ломоносову.

Библиотека "Руниверс"

рится—или о логическомъ, или о риторическомъ размѣщеніи словъ. *Но ни въ одной—ни научной, ни школьной грамматикѣ не указывается грамматическаго словорасположенія, которое въ сущности и должно быть въ грамматикѣ.* Таковаго, то-есть, грамматическаго размѣщенія словъ, нѣтъ и быть не можетъ. Для цѣлей грамматики совершенно безразлично, скажемъ ли мы: „никакое другое животное не можетъ перенести того, что переноситъ въ степи верблюдъ", или же: „что переноситъ въ степи верблюдъ, того не можетъ перенести никакое другое животное", то-есть, поставимъ ли мы главное впереди придаточнаго, или придаточное впереди главнаго, въ грамматическомъ отношеніи разницы не можетъ быть никакой, лишь бы только не нарушился и не исчезъ бы смыслъ цѣлой рѣчи. Въ риторическомъ же отношеніи получится значительная разница отъ того, какъ мы расположимъ всю рѣчь: поставимъ ли сначала главное, а потомъ придаточное, или же наоборотъ.

Вотъ частный случай, гдѣ грамматическія и риторическія требованія совершенно расходятся. Извѣстно, что въ каждомъ грамматическомъ предложеніи главными членами считаются два: подлежащее и сказуемое. Въ силу главенства одинъ изъ нихъ долженъ бы имѣть на себѣ повышеніе голоса. Что же мы видимъ въ дѣйствительности? Повышеніе голоса, при чтеніи предложенія, весьма часто бываетъ не на подлежащемъ, не на сказуемомъ, а на какомъ нибудь второстепенномъ членѣ, особенно это замѣтно въ такъ называемыхъ вопросительныхъ предложеніяхъ, напримѣръ: „Куда ведетъ эта дорога?" „Какой же русскій не любитъ ѣзды?" „Чѣмъ былъ ты? Гдѣ родился?" Во всѣхъ этихъ примѣрахъ логическое удареніе стоитъ на вопросительныхъ словахъ, а не на грамматическихъ подлежащихъ или сказуемыхъ. Изъ этого ясно видно, что грамматическое правило совсѣмъ не то, что риторическое.

Разсмотрѣніемъ жизни языка занимаются и риторика и грамматика; но та и другая наука имѣютъ каждая свое ученіе, свои правила, свои принципы.

V.

Разсмотримъ подробнѣе сущность риторическаго ученія. Рѣчь служитъ для взаимнаго обмѣна мыслей; чѣмъ она понятнѣе и полнѣе выражаетъ мысли и чувства человѣка, тѣмъ лучше исполняетъ свое назначеніе. Рѣчь содержитъ въ себѣ извѣстную мысль; для

Библиотека "Руниверс"

того, чтобы оттѣнить свойства мысли, человѣкъ придаетъ разнообразныя формы самой рѣчи: онъ а) строитъ вопросительное, восклицательное или повѣствовательное предложеніе, б) дѣлаетъ прямую или косвенную рѣчь, в) намѣренно выставляетъ впередъ одни слова и отодвигаетъ назадъ другія, г) повышаетъ интонацію голоса на томъ или другомъ словѣ, д) выражается простыми или сложными предложеніями. Все это наблюдается въ разговорной рѣчи каждаго человѣка. Въ письменной рѣчи для выраженія всѣхъ упомянутыхъ оттѣнковъ употребляются: а) знаки препинанія, б) кавычки и скобки, в) опредѣленное размѣщеніе словъ, соотвѣтственно мысли, г) курсивное письмо и ударенія, д) простыя и сложно-составныя предложенія. Если человѣкъ читаетъ что либо не про себя, а вслухъ, то онъ въ самомъ процессѣ чтенія долженъ голосомъ выражать всѣ названные письменные знаки, другими словами, интонація голоса при чтеніи должна вполнѣ соотвѣтствовать всѣмъ письменнымъ знакамъ, сопутствующимъ рѣчи. Соблюденіе при чтеніи всѣхъ этихъ условій называется декламаціей. Перечисленные отличительные признаки рѣчи разговорной и письменной, а также декламаціи бо́льшее отношеніе имѣютъ къ логикѣ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, чѣмъ къ грамматикѣ; для грамматики безразличны повѣствовательный или восклицательный характеръ рѣчи, то или другое размѣщеніе въ ней словъ и проч., ибо ея задача—опредѣлить роль или функцію слова, находящагося въ цѣлой связной рѣчи, при чемъ въ грамматическомъ отношеніи не принимается въ расчетъ мѣсто этого слова. Совокупность правилъ, имѣющихъ отношеніе къ внѣшнему сложенію или строю рѣчи, составляетъ предметъ не грамматики, а другой науки, нынѣ теоретически изгнанной изъ школьнаго употребленія, но фактически живущей въ школѣ полною жизнію, такъ называемой риторики. Ея ученіе подѣлили между собою въ школѣ двѣ науки: грамматика и теорія словесности. Воспринявъ въ себя чуждые элементы, эти науки представляются нынѣ недостаточно опредѣленными, ибо не заключаютъ въ себѣ того единства матеріала, которое служитъ отличительнымъ признакомъ или физіономіей каждой спеціальной науки.

По ученію древнихъ риторика есть наука о краснорѣчіи; она касается, главнымъ образомъ, слога прозаическихъ сочиненій, преимущественно—разсужденій и ораторской рѣчи. По Ломоносову „риторика показуетъ общія правила обоего краснорѣчія, то-есть ораторіи и поэзіи“. Въ ученіе риторики должны входить всѣ правила, касающіяся внѣшняго строенія и сложенія рѣчи, именно: 1) ученіе

Библиотека "Руниверс"

о повѣствовательномъ, вопросительномъ и восклицательномъ характерѣ словеснаго выраженія, 2) прямая и косвенная рѣчь, 3) словорасположеніе, 4) ученіе о произношеніи, или декламація, 5) ученіе о простомъ и сложномъ періодѣ. Въ связи съ этимъ въ предметъ риторики должны входить знаки препинанія, кавычки, скобки, ударенія, правила о строчныхъ и прописныхъ буквахъ. По нашему глубокому убѣжденію, терминъ „риторика“ столь характеренъ для означенія ученія о выше поименованныхъ предметахъ, что замѣнять его другимъ не представляется никакой надобности. Нынѣ же не только не замѣняютъ, но прямо обходятъ его, и ученіе риторики, какъ мы сказали выше, частію отнесли къ грамматикѣ, частію къ теоріи словесности. Ломоносовъ такъ говоритъ о важности знанія правилъ грамматики [1]).

„Туна ораторія, косноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики. И хотя она отъ общаго употребленія языка происходитъ, однако правилами показываетъ путь самому употребленію... Въ грамматикѣ всѣ науки нужду имѣютъ“. Трудно возразить что либо противъ этого мнѣнія; но мы нисколько не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что безъ знанія правилъ риторики не только „косноязычна поэзія, неосновательна философія“..., но и непонятна сама грамматика, ибо мѣстоположеніе, свойство ударенія и другія качества, данныя и опредѣленныя слову риторическимъ ученіемъ, сообщаютъ ему бытіе грамматическое.

Опредѣлимъ сущность прямой и косвенной рѣчи съ грамматической и риторической точекъ зрѣнія. Возьмемъ слѣдующій примѣръ: „Князь Игорь отвѣтствовалъ: я могъ уйдти во время битвы, но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ!“ Въ косвенной рѣчи этотъ примѣръ будетъ имѣть слѣдующій видъ: „Князь Игорь отвѣтствовалъ, что онъ могъ уйдти во время битвы, но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ“. Въ грамматическомъ отношеніи разница между двумя приведенными примѣрами состоитъ лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ оба предложенія являются равносильными или независимыми другъ отъ друга, во второмъ же случаѣ первое предложеніе есть главное, а второе — придаточное, подчиненное главному; частный разборъ отдѣльныхъ словъ въ каждомъ изъ двухъ предложеній будетъ совершенно тожественный въ обоихъ упомянутыхъ случаяхъ.

[1]) Россійская грамматика, стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

Въ риторическомъ же отношеніи между тѣми же двумя примѣрами заключается слѣдующая разница: въ первомъ случаѣ слова Карамзина приводятся подлинно, образуя риторическій оборотъ—такъ называемую прямую или, иначе, вносную рѣчь, во второмъ же случаѣ сообщается лишь содержаніе мысли Карамзина въ повѣствовательной формѣ. Какъ въ грамматическомъ разборѣ должны отсутствовать термины: „прямая“ и „косвенная рѣчь“, точно также въ риторическомъ не слѣдуетъ употреблять терминовъ: „главное“ и „придаточное предложеніе“. Для выясненія сущности риторическаго ученія возьмемъ еще примѣры вопросительнаго, повѣствовательнаго и восклицательнаго изложенія.

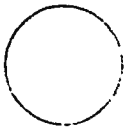
Пріятель дорогой! гдѣ ты былъ?
Въ кунсткамерѣ, мой другъ. Часа тамъ три ходилъ.
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!

По грамматическому разбору всѣ приведенныя предложенія сходны: они суть главныя, каждое изъ нихъ имѣетъ—подлежащее, сказуемое и второстепенные члены. Въ риторическомъ же отношеніи они совершенно различны: первое предложеніе есть вопросительная рѣчь, второе и третье, — повѣствовательная, четвертое — восклицательная рѣчь. Къ ученію риторики же должны быть отнесены знаки препинанія, ударенія и прочее. Въ настоящее время въ школахъ знаки препинанія изучаются совмѣстно съ правилами синтаксиса, при прохожденіи конструкціи и состава простаго и сложнаго предложенія. Такое положеніе дѣла съ научной точки зрѣнія не можетъ быть оправдано; только педагогическія или школьныя цѣли лишь отчасти могутъ мирить съ принятою системой. Знаки препинанія служатъ не для того только, чтобы показывать отдѣленіе одного предложенія отъ другаго, но, главнѣйшимъ образомъ, для того, чтобы обозначить характеръ произношенія рѣчи; такъ, знакъ вопросительный показываетъ, что съ удареніемъ или повышеніемъ голоса должно произнести тѣ слова, на которыхъ сосредоточивается сила вопроса; знакъ восклицательный показываетъ такое произношеніе, которое выражало бы удивленіе или интенсивность духовнаго состоянія; двоеточіе указываетъ на произношеніе, выражающее причину, слѣдствіе; тире, означаетъ произношеніе, указывающее мгновенность или быстроту мысли и такъ далѣе.

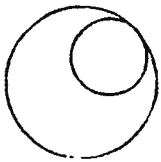
Библиотека "Руниверс"

VI.

Ученіе грамматики состоитъ изъ двухъ частей: первая—сочетаніе и форма словъ, находящихся въ простомъ предложеніи вторая—правила взаимоотношеній простыхъ предложеній, входящихъ въ составъ сложнаго. Предложеніе простое, а также предложеніе сложное суть грамматическія единицы. Сложное предложеніе представляется сцѣпленіемъ въ большей или меньшей степени предложеній простыхъ. Единство простаго предложенія сосредоточивается въ взаимоотношеніи подлежащаго и сказуемаго съ относящимися къ нимъ словами, единство сложнаго—во взаимодѣйствіи или соотношеніи предложеній простыхъ. Въ предложеніи простомъ, какъ бы оно распространено ни было, есть одинъ простой кругъ мысли, происшедшій отъ взаимодѣйствія подлежащаго и сказуемаго; предложеніе сложное [1]), изъ скольких и какихъ простыхъ оно ни состояло бы, есть соприкосновеніе нѣсколькихъ круговъ мысли, которые, въ отношеніи другъ друга, могутъ быть равносильными или же одинъ подчиненъ другому. Графически простое предложеніе можетъ быть изображено въ видѣ одного круга.

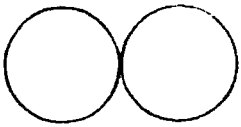
Предложеніе сложное, состоящее изъ одного главнаго и одного придаточнаго, находящагося внутри главнаго и вообще относящагося къ главному, можетъ быть изображено въ видѣ слѣдующихъ двухъ круговъ:

[1]) Въ сложномъ предложеніи здѣсь отчасти имѣются въ виду полныя придаточныя предложенія, а не такъ называемыя сокращенныя, каковыя, съ научной точки зрѣнія, за предложенія не признаются.

Библиотека "Руниверс"

Предложеніе сложное, состоящее изъ двухъ равносильныхъ предложеній. можетъ быть изображено въ видѣ слѣдующихъ двухъ круговъ:

Всякое сложное предложеніе можетъ быть изображено въ видѣ совокупности такъ или иначе соприкасающихся круговъ.

Изъ графическаго изображенія разнообразныхъ грамматическихъ предложеній видно, что простое предложеніе имѣетъ только одинъ простой кругъ мысли, сложное же не менѣе двухъ, но можетъ имѣть и болѣе: три, четыре... и при томъ въ разныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Далѣе мы представимъ словесные примѣры на всѣ эти виды грамматическихъ предложеній.

Когда мы изображаемъ въ видѣ одного круга простое грамматическое предложеніе, то мы этимъ показываемъ, что оно представляетъ собою такую фигуру—а) по заключающейся въ немъ (то-есть, предложеніи) цѣлой мысли, б) по силочепію или риторическому соединенію въ немъ словъ, в) по грамматическому взаимодѣйствію подлежащаго и сказуемаго съ относящимися къ нимъ словами. Если всѣ эти элементы человѣкъ представляетъ себѣ совмѣстно, то онъ одновременно въ словѣ способенъ видѣть нераздѣльную жизнь или бытіе—а) человѣческаго разума, б) духовнаго организма языка, в) вещественнаго или флексивнаго словеснаго выраженія мысли; другими словами, нераздѣльно сливаются въ словѣ—логика, риторика и грамматика, какой бы области человѣческаго знанія мы ни касались. То, что мы сказали о предложеніи простомъ, цѣликомъ приложимо къ предложенію сложному, какой бы видъ или форму оно ни имѣло, то-есть, сложное предложеніе можетъ также быть представлено въ видѣ одного круга. Анализируя грамматическое предложеніе, мы не должны на каждое отдѣльное въ немъ слово смотрѣть только, какъ на звуковый аппаратъ или графическій знакъ, пріуготовленные для обмѣна мыслей, ибо тогда языкъ людей не могъ бы считаться живымъ, имѣющимъ свою кровь и плоть; также не должно въ грамматическомъ предложеніи видѣть одну мысль и не принимать въ соображеніе ея словеснаго выраженія. Мысль и ея выраженіе: риторическое и грамматическое, суть тѣ отдѣльныя части или элементы,

Библиотека "Руниверс"

совокупностью которыхъ человѣкъ выражаетъ свое духовное бытіе. Кругъ мысли, заключенный въ предложеніи простомъ, составляетъ собою логическую единицу—сужденіе; кругъ словесно-стилистическаго выраженія, заключенный также въ простомъ предложеніи, означаетъ риторическую единицу—періодъ; кругъ флексивнаго взаимодѣйствія одного подлежащаго и одного сказуемаго, съ относящимися къ нимъ словами, образуетъ грамматическую единицу — предложеніе. Три названные термина: сужденіе, періодъ и предложеніе, нераздѣльно сосуществующіе въ словесной или язычной формѣ, относятся къ различнымъ областямъ знанія и отнюдь не должны быть смѣшиваемы или принимаемы одинъ за другой. Близость понятій, означаемыхъ терминами: сужденіе, періодъ и предложеніе, заключается въ томъ, что они не могутъ быть отдѣлены отъ языка, которымъ живутъ и безъ котораго не могутъ имѣть существованія.

Возьмемъ слѣдующіе примѣры: „Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли три гордыя пальмы высоко росли". „Длинный день покончилъ рядъ заботъ". „Горитъ востокъ зарею новой". „Трудящійся достоинъ пропитанія". Въ грамматическомъ отношеніи это—простыя предложенія, въ логическомъ—простыя сужденія, въ риторическомъ—простые періоды. Грамматическая сущность во всѣхъ этихъ примѣрахъ заключается въ правильномъ флексивномъ согласованіи словъ, риторическая—въ характерѣ строенія или сложенія самой рѣчи, согласно духовному настроенію авторовъ и особенностямъ изображенія предметовъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ безразлично, будутъ ли приведенные примѣры написанными, или сказанными, или, наконецъ, представляемыми только въ воображеніи.

VII.

Объяснимъ внутреннія свойства сложнаго предложенія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „Кто добръ по истинѣ, въ молчаньи тотъ добро творитъ". „Не было человѣка, который не встрѣтилъ бы съ радостнымъ сердцемъ благовѣста". „Ворота отворились, и выступило войско". „Тише ѣдешь—дальше будешь". „Хвалы приманчивы: какъ ихъ не пожелать". Въ каждомъ изъ этихъ примѣровъ находится по два простыхъ предложенія. Грамматическое единство приведенныхъ сложныхъ предложеній заключается въ тѣсномъ словесномъ сліяніи—или главнаго съ придаточнымъ или двухъ главныхъ предложеній, ло-

Библиотека "Руниверс"

гическое—въ образованіи цѣлаго сужденія или умозаключенія, риторическое—въ ритмическомъ образованіи періода. Грамматическое сложное предложеніе—состоитъ ли оно изъ главнаго съ придаточнымъ, или изъ двухъ главныхъ предложеній, сравнительно съ простымъ грамматическимъ предложеніемъ, представляетъ соотношеніе двухъ грамматическихъ единицъ, совокупность и тѣсное сліяніе которыхъ образуетъ полный грамматическій кругъ; въ логическомъ отношеніи сложное грамматическое предложеніе, сравнительно съ простымъ предложеніемъ, представляетъ соотношеніе причины и слѣдствія или наоборотъ; риторическое значеніе сложнаго же грамматическаго предложенія состоитъ въ стройности или ритмѣ словеснаго выраженія мысли. Если мы сравнимъ простое грамматическое предложеніе: „Патріотизмъ требуетъ разсужденія", съ слѣдующимъ сложнымъ: „Патріотизмъ требуетъ разсужденія, и потому не всякій имѣетъ его", то увидимъ, что послѣднее (то-есть, сложное предложеніе) представляетъ собою связное сочиненіе, именно—въ немъ второе простое предложеніе дополняетъ первое, служа ему слѣдствіемъ. Точно также сопоставленіе двухъ слѣдующихъ предложеній: 1) „Мы должны любить пользу отечества", 2) „Мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная", показываетъ, что сложное предложеніе есть цѣлое, связное сочиненіе, въ которомъ придаточное раскрываетъ или объясняетъ мысль, сжато выраженную въ главномъ предложеніи. Какъ простое предложеніе, такъ и сложное образуетъ періодъ, при чемъ сложное грамматическое предложеніе представляетъ такой періодъ, который отличается обстоятельностію и полнотою мысли, сравнительно съ періодомъ, образуемымъ простымъ грамматическимъ предложеніемъ. Для выясненія другихъ признаковъ сложнаго предложенія, возьмемъ еще слѣдующія два грамматическія предложенія: 1) „Житель Гельвеціи сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, когда бываетъ удаленъ отъ снѣжныхъ горъ своихъ" (или: „Житель Гельвеціи сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію: онъ удаленъ отъ горъ своихъ"), 2) „Житель Гельвеціи сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, по удаленіи отъ горъ своихъ". Первое изъ этихъ предложеній есть сложное, состоящее изъ главнаго и придаточнаго (или двухъ главныхъ), второе—простое, но въ немъ слова: „по удаленіи отъ снѣжныхъ горъ своихъ", по смыслу совершенно равны придаточному: „когда бываетъ удаленъ отъ снѣжныхъ горъ своихъ". Здѣсь сложное предложеніе отъ простаго, въ отношеніи смысла повидимому, ничѣмъ не отличается. Въ чемъ же можно

Библиотека "Руниверс"

указать разницу между двумя приведенными съ равнымъ смысломъ предложеніями? Разница заключается въ слѣдующемъ: сложное предложеніе изображаетъ *конкретно*, наглядно, причину тяжелаго духовнаго состоянія жителя Гельвеціи, именно: удаленіе отъ горъ, словами: „когда бываетъ удаленъ“ (или: „онъ удаленъ...“); въ простомъ же предложеніи слова: „по удаленіи отъ снѣжныхъ горъ своихъ“, изображаютъ фактъ удаленія отвлеченно или абстрактно. Слѣдовательно, разница между двумя приведенными о жителѣ Гельвеціи предложеніями заключается не въ суммѣ логическихъ чертъ или признаковъ, а въ качественномъ ихъ изображеніи. Наибольшей конкретности изображенія въ сложномъ грамматическомъ предложеніи способствуютъ слова: „бываетъ удаленъ“ (то-есть, verb. finit. въ сліяніи съ краткой формой причастія), абстрактность же изображенія въ предложеніи простомъ производитъ отвлеченное существительное „удаленіе“. Если сложное предложеніе, въ сравненіи съ простымъ, способно конкретнѣе изображать мысль, то одно уже это качество принуждаетъ ставить его значительно выше предложенія простаго, какъ бы послѣднее распространено ни было. Но мы выше видѣли, что сложное предложеніе имѣетъ весьма часто передъ простымъ еще то преимущество, что оно обстоятельнѣе выясняетъ или изображаетъ мысль. Такимъ образомъ, сложное предложеніе имѣетъ слѣдующія два качества: 1) полноту мысли и 2) конкретность ея изображенія. Первое качество есть внутреннее, второе—внѣшнее; первое—логическое, второе—риторическое.

До сихъ поръ мы говорили только о такихъ сложныхъ предложеніяхъ, которыя состоятъ изъ двухъ простыхъ. Прежде, чѣмъ перейдти къ сложнымъ, состоящимъ изъ трехъ и болѣе простыхъ предложеній, отвѣтимъ на слѣдующій вопросъ: какая рѣчь лучше—та ли, въ которой больше сложныхъ предложеній, при чемъ каждое состоитъ изъ двухъ простыхъ предложеній, или же та, въ которой больше простыхъ, значительно распространенныхъ предложеній, при чемъ каждое по своему внутреннему смыслу равно сложному, состоящему изъ двухъ простыхъ предложеній? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: та рѣчь и лучше, которая конкретно выражаетъ мысль, и, напротивъ, та—темнѣе и безжизненнѣе, которая рисуетъ мысль отвлеченно или абстрактно, слѣдовательно, первая должна быть предпочтена второй.

Разсмотримъ теперь такія сложныя предложенія, которыя состоятъ изъ трехъ и болѣе простыхъ предложеній. Приведемъ нѣсколько при-

Библиотека "Руниверс"

мѣровъ. „Кто самолюбіемъ чрезъ мѣру зараженъ, тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшонъ". „Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе, ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе". „Хотя я нрава отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мною, что я поминутно погонялъ своего ямщика". Въ первыхъ двухъ примѣрахъ находится по одному главному и двумъ придаточнымъ предложеніямъ; въ третьемъ примѣрѣ—четыре предложенія: одно—главное и три—придаточныхъ предложенія. Если, какъ мы выше видѣли, сложное предложеніе, состоящее изъ двухъ простыхъ, конкретнѣе выражаетъ мысль, чѣмъ простое распространенное предложеніе, равное по смыслу сложному, то точно также конкретнѣе и наглядиѣе будетъ рисовать мысль такое сложное предложеніе, которое состоитъ изъ трехъ простыхъ предложеній. Сравнимъ три равныя по смыслу предложенія:

1) Съ появленіемъ солнечнаго свѣта трактирщикъ опять началъ говорить о неустрашимости берущихъ за все умѣренную цѣну.

2) Съ появленіемъ солнечнаго свѣта трактирщикъ опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну.

3) Солнце освѣтило землю (или: „Когда солнце освѣтило землю, то..."), и трактирщикъ опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну.

Изъ приведенныхъ предложеній первое есть простое, весьма распространенное предложеніе, второе—сложное, состоящее изъ двухъ простыхъ довольно распространенныхъ предложеній. третье—сложное, состоящее изъ трехъ простыхъ мало распространенныхъ предложеній. Смыслъ всѣхъ предложеній одинаковъ. Въ чемъ же разница между ними? Отвѣтъ на это простъ: второй примѣръ конкретнѣе выражаетъ мысль, чѣмъ первый, третій же примѣръ изображаетъ ту же мысль конкретнѣе, чѣмъ оба первые. Если конкретность въ словесномъ выраженіи мыслей имѣетъ великое значеніе въ жизни, то изъ разбора приводимыхъ нами разнообразныхъ грамматическихъ предложеній съ одинаковымъ смысломъ весьма полезно научиться тому, какъ въ школьныхъ письменныхъ и устныхъ отвѣтахъ достигать этого высокаго качества. Очевидно, нужно, и учащимъ и учащимся говорить краткими предложеніями, тѣсно сливая ихъ, и избѣгать длинныхъ или слишкомъ распространенныхъ предложеній.

Подробный разборъ нѣсколькихъ примѣровъ показываетъ, что сложное грамматическое предложеніе—состоитъ ли оно изъ двухъ или же

Библиотека "Руниверс"

изъ трехъ простыхъ предложеній, изъ однихъ только главныхъ или же главныхъ въ соединеніи съ придаточными, отличается неизмѣнно слѣдующими двумя свойствами: а) полнотою мысли и б) конкретностью ея словеснаго выраженія. Гармоническое соединеніе этихъ качествъ образуетъ совершенные: періодъ и предложеніе. Между тремя приведенными предложеніями о разказѣ трактирщика въ логическомъ отношеніи нѣтъ буквально никакой разницы; въ риторическомъ—весьма большое различіе по характеру выраженія мысли: первое предложеніе изображаетъ ее вполнѣ абстрактно, послѣднее—вполнѣ конкретно, второе или среднее занимаетъ средину между первымъ и третьимъ предложеніями по характеру словеснаго выраженія; въ грамматическомъ отношеніи первое предложеніе есть простое, второе—сложное, состоящее изъ двухъ простыхъ предложеній, третье—сложное, состоящее изъ трехъ простыхъ предложеній. Но какъ первое, точно также второе и третье предложенія образуютъ собою риторическіе круги, заключающіеся въ словесномъ расположеніи и выраженіи мыслей, другими словами, всѣ приведенныя предложенія, имѣя полное единство выраженія, составляютъ собою риторическіе періоды.

VIII.

Намъ надлежитъ теперь разсмотрѣть внѣшній составъ различныхъ типовъ сложнаго предложенія. Тѣ, кто вникали въ риторическія свойства слога у разныхъ писателей, несомнѣнно убѣждались, что у каждаго изъ нихъ есть излюбленные словесные обороты, которые наиболѣе часто и встрѣчаются въ его сочиненіяхъ. Стоитъ только сравнить риторическій строй рѣчи Карамзина съ прозой Пушкина или Ломоносовскій „штиль“ съ рѣчью С. Т. Аксакова, чтобы убѣдиться въ сказанномъ. Разнообразіе въ слогѣ писателей замѣчается не только въ отношеніи прозаическаго языка, но и стихотворнаго. Стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова и другихъ содержатъ оригинальныя свойства въ риторическомъ строеніи рѣчи, производя этими свойствами то или другое впечатлѣніе на читателей. Слогъ каждаго писателя также оригиналенъ, какъ его характеръ или личность. Въ грамматическомъ отношеніи сложныя предложенія могутъ быть двухъ родовъ: или равносильныя или главныя въ соединеніи съ придаточными. Пѣсни Кольцова: „Что ты спишь мужичокъ?“ „Пѣсня пахаря“, „Сяду я за столъ“, Цыганова: „По полю, полю чистому“, „Полетай, соловеюшко“, Лермонтова: „Казачья колыбельная пѣсня“, баллады—

Библиотека "Руниверс"

„Василій Шибановъ“ А. Толстого, „Власъ“ Некрасова, ода: „Клеветникамъ Россіи“ Пушкина, весьма многія мѣста „Капитанской дочки“ его же, вся народная поэзія: былины, сказки, пословицы и проч., содержатъ почти только главныя предложенія, соотвѣтственно предметамъ изображенія и внутреннему настроенію создававшихъ перечисленныя произведенія авторовъ. Впечатлѣніе, производимое риторическимъ строемъ главныхъ предложеній, находящихся въ какомъ либо литературномъ произведеніи, есть чувство мужества, силы и крѣпости. Гораздо чаще въ словесныхъ произведеніяхъ риторическое строеніе рѣчи представляетъ собою соединеніе главныхъ съ однимъ или нѣсколькими придаточными предложеніями. Дѣловыя бумаги, научныя сочиненія, беллетристика, разговорная устная рѣчь—все это представляетъ собою соединеніе главныхъ съ однимъ или нѣсколькими придаточными, соотвѣтственно предметамъ, которые въ нихъ описываются, и духовному настроенію авторовъ. Впечатлѣніе, производимое такою рѣчью, которая состоитъ изъ главныхъ въ соединеніи съ придаточными, въ зависимости отъ предметовъ изображенія бываетъ различное, но, во всякомъ случаѣ, оно возбуждаетъ въ читателѣ чувство болѣе или менѣе покойное, ровное, нѣжное, тихое. Всякое сложное предложеніе, заключая въ себѣ три элемента: логическій, риторическій и грамматическій, сообразно имъ, въ чтеніи или въ устной рѣчи производитъ троякое воздѣйствіе на читателя или слушателя: въ логическомъ отношеніи—большую или меньшую убѣдительность, въ риторическомъ—чувство мужества или нѣжности, въ грамматическомъ—національное звуковое и флексивное удовлетвореніе. Эти три впечатлѣнія или воздѣйствія столь тѣсно сливаются между собою, что человѣкъ лишь съ большими усиліями, да и то не всякій, можетъ изолировать ихъ одно отъ другаго. Причина такого нераздѣльнаго психическаго воздѣйствія на насъ письменной и устной рѣчи, заключается въ томъ, что мысли, ихъ расположеніе и выраженіе имѣютъ жизнь только въ языкѣ, другими словами, разумъ и дѣятельность человѣка безъ языка мертвы; если же функціонируетъ языкъ, то жизнедѣйствуетъ умъ и самъ человѣкъ. Если важенъ въ рѣчи каждаго человѣка словесный строй или порядокъ, посредствомъ котораго онъ выражаетъ свои мысли, то настолько же важна наука, которая имѣетъ своимъ предметомъ разборъ или указаніе качествъ, которыя должны быть сообщены рѣчи.

Выше мы приводили разнообразные по своему строю и составу примѣры на сложное предложеніе. Самая краткая форма сложнаго

Библиотека "Руниверс"

предложенія есть предложеніе слитное: „Не знаю скуки съ звѣотою, и благодарю Бога". Далѣе, по объему, слѣдуетъ сложное предложеніе, состоящее изъ одного главнаго и одного придаточнаго: „ужъ сколько разъ твердили міру, что лесть гнусна вредна". Сложныя предложенія, состоящія изъ одного главнаго и двухъ придаточныхъ, встрѣчаются съ разнымъ строемъ; размѣщаются придаточныя такъ, что одно предшествуетъ главному, а другое слѣдуетъ за нимъ, или же второе придаточное стоитъ позади перваго, какъ зависящее отъ него. Вотъ примѣры на оба эти случая: „Когда я тронулся съ мѣста, то увидѣлъ, какъ побѣжалъ Панаевъ". „Въ 1701 году явился въ Кіевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ, и всѣ земли перемѣстятся!" Иногда одно изъ двухъ придаточныхъ предложеній находится посреди главнаго, а другое слѣдуетъ за главнымъ, напримѣръ: „Дворъ, который нѣкогда былъ украшенъ правильными цвѣтниками, теперь обращенъ былъ въ некошенный лугъ, на которомъ паслась бурая корова". Иногда второе придаточное входитъ въ средину перваго придаточнаго предложенія: „Рѣчка прибываетъ до тѣхъ поръ, пока, перевысивъ толщину древеснаго ствола, начнетъ переливать чрезъ него излишнюю воду". Иногда два придаточныя, находясь оба въ зависимости отъ одного и того же слова главнаго, полагаются рядомъ—или впереди главнаго, или позади его. „Когда снѣга растаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтра и яркихъ лучей солнца, когда воды съ шумомъ утекли въ моря, тогда природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго и продолжительнаго усыпленія". Сложныя предложенія, состоящія изъ одного главнаго и одного или двухъ придаточныхъ, встрѣчаются довольно часто, какъ въ письменной, такъ и въ устной рѣчи. Рѣже наблюдаются такія сложныя предложенія, въ которыхъ есть одно главное и три придаточныхъ, стоящихъ не въ одинаковой зависимости отъ главнаго. „Бабочка, которая была испугана нашимъ преслѣдованіемъ, особенно потому, что я забѣжалъ ей на встрѣчу, поднялась вверхъ такъ, что скрылась отъ нашихъ глазъ!" Еще рѣже можно найдти такія сложныя предложенія, въ которыхъ при одномъ главномъ есть четыре полныхъ придаточныхъ, имѣющихъ различное грамматическое отношеніе къ главному, то-есть, одно придаточное зависитъ отъ главнаго, другое придаточное—отъ перваго придаточнаго и т. д. „Когда я находилъ червяка, то срывалъ растеніе или вѣтку того куста, на которомъ находилъ его, для того, чтобы знать, чѣмъ кормить". Почти не приходится встрѣчать такія сложныя предложенія, въ которыхъ

Библиотека "Руниверс"

было бы одно главное и пять или болѣе полныхъ придаточныхъ предложеній, стоящихъ въ различныхъ грамматическихъ отношеніяхъ къ главному.

Приведенные нами примѣры различны по объему, но одинаковы въ грамматическомъ смыслѣ, именно они образуютъ такъ называемыя сложныя предложенія; въ риторическомъ отношеніи—все это періоды, въ логическомъ — сужденія. Разнообразные виды сложныхъ грамматическихъ предложеній показываютъ, что языкъ, служа выраженіемъ духовнаго состоянія человѣка, настолько отличается гибкостью, эластичностью, подвижностью, что способенъ принимать весьма разнообразные внѣшніе виды или формы. Отличительною чертою всѣхъ сложныхъ предложеній, приведенныхъ нами для показанія различнаго объема ихъ, служитъ то, что придаточныя, входящія въ составъ сложныхъ, суть такъ называемыя полныя грамматическія предложенія. Для полноты сужденій о разнообразныхъ видахъ сложныхъ предложеній намъ надлежитъ сдѣлать разборъ слога одного какого нибудь писателя. Такъ какъ почти всѣ нынѣшніе школьные учебники и по грамматикѣ, и по теоріи словесности указываютъ, для изученія періода, рѣчь Карамзина, то, чтобы болѣе приспособить къ школѣ теоретическіе выводы о періодѣ, мы рѣшили остановиться на этомъ классическомъ писателѣ. Выпишемъ нѣсколько такихъ примѣровъ, которые характеризуютъ риторическій складъ рѣчи Карамзина.

1) Іоаннъ (III), рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царя-града, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленія, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства.

Въ данномъ примѣрѣ главное предложеніе есть слѣдующее: „Іоаннъ сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней, изо-

Библиотека "Руниверс"

брѣлъ благоразумнѣйшую систему войны и мира". Около подлежащаго, а также трехъ сказуемыхъ этого слитнаго предложенія расположились весьма многія придаточныя опредѣленія [1]), выраженныя—а) *причастіями* (рожденный, воспитанный, чтимый...), стоящими впереди или позади сказуемаго, б) *дѣепричастіями* (возстановляя, губя, тѣсня, обрывая...), стоящими впереди сказуемаго. Каждое изъ трехъ приведенныхъ сказуемыхъ настолько распространено придаточными опредѣленіями, что оно можетъ считаться законченною мыслію и законченнымъ предложеніемъ; другими словами, на мѣстѣ точекъ съ запятыми вполнѣ законно поставить въ приведенномъ нами примѣрѣ Карамзина точки и начать съ большихъ буквъ слѣдующія слова: а) „*безъ* ученія", б) „*силою* и хитростію". Вообще разборъ Карамзинской рѣчи приводитъ къ тому несомнѣнному выводу, что Карамзинъ часто ставилъ точки съ запятыми тамъ, гдѣ вполнѣ основательно ставить точки.

Приводемъ другой примѣръ, также характеризующій риторическій строй рѣчи Карамзина: „Сигизмундовъ посланникъ объявилъ Іоанну, что во многихъ нѣмецкихъ городахъ ходятъ письма браныя; что царь долженъ торжественно отказаться отъ сихъ клеветъ; что герцогъ Магнусъ съ помощію россіянъ воевалъ королевскія мызы; что мы въ противность договору заняли Торвастъ, что"... Здѣсь мы видимъ при одномъ главномъ нѣсколько придаточныхъ. Синтаксическое свойство этихъ придаточныхъ таково, что всѣ они находятся въ одинаковой грамматической зависимости отъ главнаго; другими словами, всѣ эти придаточныя предложенія равносильны въ отношеніи главнаго. Примѣровъ, подобныхъ приведенному, то-есть, съ *повтореніемъ союза* „что" или какого нибудь другаго союза, въ Карамзинской рѣчи можно найдти многое множество.

Въ сочиненіяхъ Карамзина часто встрѣчается еще иной родъ словеснаго расположенія мысли, не похожій ни на одинъ изъ предыдущихъ. Вотъ примѣръ изъ „Письма I": „На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои,—на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце,—на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные,—однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ

[1]) По школьной грамматикѣ—сокращенныя придаточныя предложенія.

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но зато мыслями и чувствами обильной". Въ этомъ сложномъ предложеніи къ словамъ: „на что", стоящимъ въ первомъ придаточномъ предложеніи, въ качествѣ грамматическихъ *приложеній*, относятся существительныя: „окно", „домъ", около которыхъ группируются полныя придаточныя предложенія.

Вотъ главные типы грамматическихъ сложныхъ [1]) предложеній, встрѣчающихся въ Карамзинской рѣчи. Не смотря на то, что Карамзинъ писалъ весьма длинными предложеніями, однако они не производятъ на читателя ни чувства утомительности, ни чувства однообразія; напротивъ, рѣчь Карамзина, по общему справедливому признанію, отличается стройностью и изящностью, и этими высокими качествами вполнѣ удовлетворяетъ эстетическому вкусу и чувству читателей. Спрашивается: какъ же достигалъ всего этого Карамзинъ?— Отвѣтъ на это простъ: Карамзинъ съ чувствомъ художества употреблялъ *причастія* и *дѣепричастія*, стройно располагалъ, помощью *повторенія союзовъ*, придаточныя въ одинаковой зависимости отъ главнаго, сопровождалъ имена мѣткими *приложеніями*. Разнообразя свою рѣчь всѣми перечисленными оборотами, Карамзинъ придавалъ ей особенную пріятность, и съ именемъ „карамзинистъ" нынѣ соединяется понятіе о такомъ писателѣ, слогъ котораго имѣетъ названныя характеристическія качества, то-есть, изящность и пріятность.

IX.

Если всякая рѣчь: и краткая, и сложная, въ риторическомъ отношеніи, есть періодъ, какъ въ грамматическомъ—предложеніе, а въ логическомъ—сужденіе, то какъ возможно различать періоды — простые и сложные? Въ грамматическомъ отношеніи предложенія—простое и сложное, главнымъ образомъ, отличаются другъ отъ друга числомъ подлежащихъ и сказуемыхъ; въ простомъ предложеніи есть одно подлежащее и одно сказуемое, въ сложномъ—нѣсколько подлежащихъ и нѣсколько сказуемыхъ. Возможно ли такъ различать и риторическіе періоды? Ломоносовъ сближалъ періоды съ предложеніями: по его ученію, простое грамматическое предложеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ простой или одночленный періодъ, напримѣръ: „добрый конецъ все дѣло вѣнчаетъ"; сложный періодъ, по ученію Ломоносова, мо-

[1]) Простыя предложенія у Карамзина рѣдки и отличаются обычнымъ расположеніемъ.

Библиотека "Руниверс"

жетъ быть двухчленный, трехчленный, четырехчленный. Вотъ примѣры Ломоносова—а) на двухчленный періодъ: „кто хочетъ большимъ быть, тотъ долженъ всѣмъ служить“, б) на трехчленный: „ежели бы небо благоволило; чтобы человѣкъ препровождалъ жизнь свою безбѣдно: то бы онъ своего щастія не могъ чувствовать“, в) на четырехчленный: „кто благодѣянія не помнитъ; тотъ не токмо онаго недостоинъ; но равно такъ оставленъ быть долженъ, какъ неплодная земля презрѣна бываетъ“. Изъ этихъ примѣровъ видно, что Ломоносовъ количество членовъ сложнаго періода опредѣлялъ грамматическими (*полными*) предложеніями. Судя по примѣрамъ, какіе приводитъ Востоковъ на простой, а также на разные виды сложнаго періода, онъ, повидимому, такъ же различалъ разные виды періодовъ, какъ и Ломоносовъ, то-есть, по грамматическимъ предложеніямъ. Вотъ примѣръ Востокова на трехчленный періодъ: „Лѣнивый рѣдко успѣваетъ въ своихъ предпріятіяхъ отъ того, что всякій трудъ для него тягостенъ; а безъ труда, какъ говоритъ пословица, нѣтъ плода“.

Въ современныхъ школьныхъ учебникахъ, какъ мы говорили выше, ученіе о періодѣ представляется крайне неопредѣленнымъ. Отличіе простаго отъ сложнаго періода, по однимъ учебникамъ, зависитъ отъ главныхъ предложеній: одно главное съ придаточными или безъ нихъ дѣлаетъ періодъ простымъ; нѣсколько главныхъ дѣлаютъ періодъ сложнымъ; по другимъ учебникамъ отличіе простаго періода отъ сложнаго заключается въ слѣдующемъ: въ простомъ періодѣ—одна мысль, въ сложномъ—нѣсколько: одна—главная, другія второстепенныя, сопоставляемыя съ главною. По инымъ школьнымъ учебникамъ въ сложномъ періодѣ разумѣются такія самостоятельныя предложенія, которыя имѣютъ форму придаточныхъ предложеній. Вотъ примѣръ простаго періода, находящійся въ одномъ школьномъ учебникѣ: „Науки и искусства необходимы: ибо они суть плодъ природныхъ склонностей и дарованій человѣка, и соединены съ существомъ его, подобно какъ дѣйствія соединяются съ причиною, то-есть, союзомъ неразрывнымъ“. А вотъ примѣръ сложнаго періода также изъ школьнаго учебника: „Любя вольную дѣятельность и подвергая жизнь свою безпрестаннымъ опасностямъ, предки наши мало успѣвали въ зодчествѣ, требующемъ времени, досуга и терпѣнія, и не хотѣли строить себѣ домовъ прочныхъ“. Почему первый примѣръ есть простой періодъ, а не сложный, и почему второй примѣръ есть сложный, а не простой періодъ, удовлетворительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы нельзя найдти въ школьныхъ учебникахъ. Мало того, по ученію нѣкоторыхъ школь-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ руководствъ сложное грамматическое предложеніе не считается періодомъ, если въ немъ нѣтъ союзныхъ реченій, связывающихъ главное предложеніе съ придаточнымъ, такъ что второй выписанный нами примѣръ на сложный періодъ („Любя вольную дѣятельность"...) по этому ученію не есть періодъ. Большинство же школьныхъ учебниковъ различіе между простымъ и сложнымъ періодомъ полагаетъ въ количествѣ сопоставляемыхъ мыслей.

Рѣчь человѣка, выражая его мысли и чувства, въ зависимости отъ предмета и характера изображенія, бываетъ то болѣе, то менѣе полной, и имѣетъ множество видовъ въ отношеніи состава и формы. Въ грамматическомъ отношеніи рѣчь есть простое или сложное предложеніе; въ логическомъ — сужденіе или умозаключеніе; въ риторическомъ — простой или сложный періодъ. Такъ называемая нынѣ рѣчь отрывистая и лаконическая риторически также образуетъ собою періодъ. Если бы мы захотѣли прослѣдить какую нибудь литературную связную рѣчь, напримѣръ, разсужденіе, разказъ, описаніе и проч., то мы замѣтили бы въ ней рядъ простыхъ и сложныхъ грамматическихъ предложеній — или правильно чередующихся между собою, или съ преобладаніемъ одного типа предложеній надъ другимъ. Для того, чтобы больше основаній имѣть въ выводахъ о риторическомъ строѣ мысли, возьмемъ какой либо литературный отрывокъ и разсмотримъ его словесный строй. Такъ, Карамзинъ въ разсужденіи „О счастливѣйшемъ времени жизни" говоритъ:

„Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость; однакожъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство. Можно ли хвалить болѣзнь! а старость сестра ея".

Основная мысль всего этого отрывка есть слѣдующая: „нельзя хвалить старость", или — „нѣтъ основаній хвалить старость". Частныя мысли, раскрывающія общую или главную мысль, въ порядкѣ ихъ слѣдованія у Карамзина, суть слѣдующія: а) по человѣколюбію Цицеронъ хвалилъ старость, б) трактатъ его не могъ утѣшить старцевъ, в) остроуміе трактата плѣняетъ разумъ, но не побѣждаетъ естественнаго чувства, г) нельзя хвалить болѣзнь и ея сестру — старость. Всѣ эти частныя мысли находятся въ тѣсной связи между собою; близость же между второй и третьей мыслью настолько значительна, что онѣ могутъ и должны считаться одною, сложною мыслью, имѣющею свою причину и свое слѣдствіе. Послѣднюю, то-есть, четвертую мысль самъ

Библиотека "Руниверс"

Карамзинъ внѣшне отдѣлилъ отъ предыдущихъ мыслей. Изъ этого разбора самъ собою получается слѣдующій выводъ: первое предложеніе — „человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость", можетъ быть отдѣлено отъ послѣдующихъ точкою (у Карамзина стоитъ точка съ запятой); далѣе слѣдуетъ считать за одно сложное предложеніе слова: „однакожъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство". Наконецъ, за одно сложное предложеніе должно считать послѣднія слова: „можно ли хвалить болѣзнь! а старость сестра ея". Такимъ образомъ, въ выписанномъ нами отрывкѣ изъ Карамзина находятся — одно простое и два сложныхъ предложенія. Всѣ эти предложенія суть риторическіе періоды. Но чѣмъ именно второе предложеніе сложнѣе перваго? Въ первомъ есть причина и слѣдствіе: причина — человѣколюбіе Цицерона, слѣдствіе — онъ хвалитъ старость; во второмъ предложеніи также есть причина и слѣдствіе: причина — трактатъ Цицерона остроуміемъ плѣнялъ разумъ, но не побѣждалъ естественнаго чувства, слѣдствіе — трактатъ его не могъ утѣшить старцевъ. Такимъ образомъ, въ логическомъ отношеніи между первымъ и вторымъ предложеніями буквально никакой разницы нѣтъ. Въ грамматическомъ отношеніи первое предложеніе есть простое: въ немъ одно только подлежащее и одно сказуемое; во второмъ грамматическомъ предложеніи находится четыре простыхъ предложенія. Если судить о составѣ періода по суммѣ простыхъ предложеній, въ него входящихъ, тогда второе предложеніе есть четырехчленный періодъ, какъ и придется назвать его согласно ученію Ломоносова и Востокова. Но можно ли съ этимъ мириться? Мы говорили, что въ большинствѣ современныхъ школьныхъ учебниковъ указывается слѣдующее отличіе простаго періода отъ сложнаго: въ простомъ періодѣ — одна мысль, а въ сложномъ—нѣсколько. Если примѣнить эту мѣрку къ разбираемому нами отрывку изъ разсужденія Карамзина, то увидимъ слѣдующее: въ первомъ предложеніи — двѣ мысли: а) человѣколюбіе Цицерона, б) онъ хвалилъ старость; во второмъ — также двѣ: а) трактатъ Цицерона не могъ утѣшить старцевъ, б) онъ не побѣждалъ ихъ естественнаго чувства. Согласно такому ученію придется сказать, что первое и второе предложенія, выписанныя выше изъ разсужденія Карамзина, суть двучленные періоды. Можно ли съ этимъ согласиться? Разбирая отрывокъ изъ разсужденія Карамзина, мы сказали, что вмѣсто точки съ запятою лучше поставить точку послѣ слова „старость" (хвалить старость); но, можетъ

Библиотека "Руниверс"

быть, многіе не согласятся съ этимъ и скажутъ, что первое предложеніе рѣзко отдѣлять отъ второго не слѣдуетъ, и что всѣ три предложенія, то-есть, весь выписанный нами отрывокъ, составляютъ одинъ періодъ, вторая часть котораго начинается со слова „однакожъ". Можно ли принять это?

Приводя различныя основанія для дѣленія періодовъ на простые и сложные, мы видѣли, что въ этомъ дѣленіи — весьма много условнаго. Прежде всего, строй рѣчи и постановка знаковъ препинанія у различныхъ авторовъ суть субъективные. Такъ, мы знаемъ, что у Карамзина встрѣчается такая рѣчь, которая состоитъ только изъ грамматическихъ приложеній и придаточныхъ опредѣленій [1]); Гоголь часто съ союза „ибо" начиналъ новую рѣчь, отдѣляя ее отъ предыдущей точкою; Пушкинъ нерѣдко ставилъ точки тамъ, гдѣ мы поставили бы точки съ запятыми и проч. Чѣмъ можно объяснить это? Кто внимательно разсматривалъ риторическій строй рѣчи хоть одного писателя, тотъ поймете болѣе или менѣе основательно всѣ упомянутыя особенности. Риторическій складъ рѣчи писателя отражаетъ его характеръ и вообще душу. Сентиментальному характеру Карамзина свойственно, при изображеніи предметовъ, придавать имъ многіе эпитеты. Совокупность этихъ эпитетовъ, то-есть, грамматическихъ приложеній, а также придаточныхъ опредѣленій, иногда до того удлиняла рѣчь Карамзина, что онъ, для остановки голоса, ставилъ точки тамъ, гдѣ мысль далеко не кончилась, но гдѣ голосъ далѣе произносить не можетъ, безъ значительной паузы. Вотъ примѣръ, состоящій изъ приложеній и опредѣленій и не имѣющій сказуемаго: „Жена знаменитая и душевными качествами и судьбою необыкновенною, — безъ отца, безъ матери, въ печальномъ сиротствѣ взысканная удивительнымъ счастіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ и добродѣтельная; первая державная царица Россіи, и въ юныхъ лѣтахъ монахиня; чистая сердцемъ передъ Богомъ, но омраченная въ исторіи союзомъ съ злымъ властолюбцемъ, коему она указала путь къ престолу, хотя и невинно, будучи ослѣплена любовію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не зная его тайныхъ преступленій или не вѣря онымъ" (И. Г. Р., т. XI, стр. 117). Въ выше приведенномъ нами примѣрѣ изъ Гоголя о писателѣ, изображающемъ черную сторону жизни, стоитъ послѣ точки союзъ „ибо", начинавшій собою новую рѣчь. Вотъ рѣчь изъ „Капитанской дочки" Пушкина: „Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на

[1]) По школьному ученію — сокращенныхъ придаточныхъ предложеній.

Библиотека "Руниверс"

востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Пошелъ мелкій дождь и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ, сдѣлалась мятель". Въ этомъ примѣрѣ всѣ предложенія суть короткія, и всѣ они весьма близки другъ къ другу по внутреннему содержанію; на основаніи этихъ двухъ признаковъ вполнѣ законно въ примѣрѣ Пушкина поставить точки съ запятыми вмѣсто точекъ. Въ весьма длинной рѣчи Карамзина, выше приведенной нами изъ характеристики Іоанна III („Іоаннъ, рожденный и воспитанный..."), по нашему мнѣнію, есть три періода, а не одинъ, а вмѣсто точекъ съ запятыми основательно въ этомъ примѣрѣ поставить точки.

X.

Мы приведемъ собственныя основанія для дѣленія періодовъ на простые и сложные. Когда мы говорили о томъ, что рѣчь въ грамматическомъ отношеніи представляетъ собою или простыя, или сложныя предложенія, то, между прочимъ, указывали, что въ отношеніи смысла часто не бываетъ никакой разницы между этими обоими видами предложеній. Въ подтвержденіе мы привели примѣры изъ Карамзина: о жителѣ Гельвеціи и о разказѣ трактирщика; примѣры эти мы привели также въ собственныхъ риторическихъ словесныхъ формахъ, для нагляднаго выясненія разницы между риторическими оборотами рѣчи. Мы видѣли, что личный глаголъ, стоитъ ли онъ въ главномъ, или въ придаточномъ предложеніи, имѣетъ въ риторическомъ отношеніи то высокое свойство, что онъ придаетъ рѣчи характеръ конкретности; отглагольное же имя существительное, а также такъ называемая причастная форма, если онѣ замѣняютъ, въ логическомъ отношеніи, личный глаголъ, сообщаютъ рѣчи отвлеченность или абстрактность, качество низшее и во всякомъ случаѣ уступающее конкретному риторическому характеру выраженія. Если простое грамматическое предложеніе имѣетъ только одно риторическое выраженіе конкретности (то-есть, одинъ только личный глаголъ), а сложное грамматическое предложеніе имѣетъ ихъ не менѣе двухъ,—будутъ ли въ сложномъ грамматическомъ предложеніи всѣ главныя предложенія, или же главныя въ чередованіи съ придаточными,—то сложное предложеніе будетъ преимуществовать предъ простымъ въ риторическомъ отношеніи, то-есть, въ отношеніи наглядности или конкретности выраженія, хотя бы, въ отношеніи смысла, оно было равно ему. Главнымъ образомъ, на основаніи этого признака, то-есть, конкретности,

Библиотека "Руниверс"

мы называемъ простое грамматическое предложеніе, хотя бы оно было распространено многими придаточными опредѣленіями [1]), простымъ риторическимъ періодомъ; сложное же грамматическое предложеніе, хотя бы состояло изъ двухъ только краткихъ простыхъ грамматическихъ предложеній („Тише ѣдешь — дальше будешь"), мы считаемъ сложнымъ риторическимъ періодомъ.

Признакъ конкретности, при дѣленіи періодовъ на простые и сложные, мы считаемъ выше всѣхъ другихъ признаковъ въ рѣчи. На основаніи признака конкретности, въ словесномъ изображеніи предметовъ и явленій, мы отдаемъ преимущество тому или другому писателю, одному литературному произведенію предъ другимъ, тѣмъ или другимъ свидѣтельскимъ показаніямъ, однимъ отвѣтамъ предъ другими и т. д. Что признакъ конкретности выше другихъ признаковъ въ рѣчи, это— такая истина, которая ясна сама собою до очевидности и не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ или объясненіяхъ. Риторическій складъ рѣчи въ басняхъ Крылова, въ прозѣ и стихахъ Пушкина, въ повѣствовательныхъ отрывкахъ сочиненій Гоголя и т. д. мы значительно отличаемъ отъ Ломоносовскаго „штиля", карамзинскихъ періодовъ и проч., на основаніи качества конкретности, въ большей степени присущей первымъ писателямъ и въ гораздо меньшей— вторымъ.

Сложное грамматическое предложеніе есть непремѣнно и сложный риторическій періодъ еще по слѣдующему признаку: въ немъ непремѣнно есть соотвѣтствіе между причиною и слѣдствіемъ, что въ простыхъ грамматическихъ предложеніяхъ бываетъ далеко не всегда. Какъ бы мало по объему ни было сложное грамматическое предложеніе, оно въ логическомъ отношеніи представляетъ собою цѣлое, хотя и небольшое, связное сочиненіе, въ которомъ можно найдти тему и доказательство. Простое же грамматическое предложеніе это качество имѣетъ довольно рѣдко. Если сравнимъ два слѣдующія предложенія: а) поѣзжай тише, б) тише ѣдешь — дальше будешь, то увидимъ, что первое въ логическомъ отношеніи есть совѣтъ или прюсьба, а второе—убѣдительное разсужденіе. Въ этомъ разсужденіи (тише ѣдешь—дальше будешь) темою служитъ слѣдующая мысль— „тихая или неспѣшная ѣзда полезна"; доказательство этой мысли— такая ѣзда скорѣе приближаетъ къ цѣли. Въ логическомъ отношеніи первое предложеніе есть сужденіе, а второе—умозаключеніе, именно—

[1]) По школьному ученію — сокращенными придаточными предложеніями.

Библиотека "Руниверс"

индукція, выведенная путемъ наблюденія разнообразныхъ случаевъ изъ жизни людей. Такимъ образомъ, признакъ конкретности въ соединеніи съ полнотою мысли служатъ отличительными свойствами сложнаго риторическаго періода.

Теперь должно отвѣтить на слѣдующій вопросъ: сколько видовъ сложнаго періода можетъ быть въ рѣчи? Выше мы говорили, что въ школьныхъ учебникахъ отвѣтъ на этотъ вопросъ дается не одинаковый: меньшее количество видовъ признается семь, большее— двѣнадцать. Въ послѣднемъ дѣленіи виды сложнаго періода суть слѣдующіе: причинный, заключительный, условный, относительный, изъяснительный, сравнительный, противоположный, уступительный, соединительный, послѣдовательный, раздѣлительный, смѣшанный. Названія видовъ сложнаго періода, очевидно, даются по внутреннему смыслу предложеній. Количество видовъ сложнаго періода, именно— 12, должно быть значительно сокращено. Причинные и заключительные періоды суть одни и тѣ же: въ причинномъ слѣдствіе стоитъ во второй половинѣ, а въ заключительномъ — въ первой половинѣ періода; но мысль періода отъ этого не измѣняется. Вотъ примѣры:

„Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ великъ какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго; *ибо* сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе“.

Сквозитъ невидимо сквозь презрѣнное прекрасная душа создавшаго, презрѣнное уже получило высокое выраженіе; *слѣдовательно*, въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго.

Изъ остальныхъ видовъ сложнаго періода раздѣлительный иногда относится къ условному, иногда—къ причинному; относительный и соединительный періоды суть виды послѣдовательнаго; уступительный относится къ противительному; смѣшаннаго же періода, по самой сущности рѣчи періодической, быть не можетъ. Вотъ примѣры на раздѣлительный періодъ:

И святъ, о Боже! твой избранникъ.
Мечомъ *ли* руку ополчитъ:
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполнитъ сокрушитъ.

Рѣдкіе успѣхи въ воспитаніи происходятъ отъ трехъ погрѣшностей: *или* начинаютъ ученіе преждевременно, *или* стараются о сооб-

Библиотека "Руниверс"

щенія знаній, не заботясь о дѣятельности мыслящей способности, или не всѣ стихіи души нашей развиваются въ воспитаніи.

Въ первомъ изъ приведенныхъ примѣровъ союзъ „ли“ равенъ союзу „если“ (мечомъ ли руку ополчитъ=если мечомъ онъ руку ополчитъ), то-есть, періодъ есть условный; во второмъ примѣрѣ союзъ „или“ равенъ сложному союзу: „*или потому что*“, и весь періодъ есть причинный.

Приведемъ примѣры періодовъ: относительнаго, соединительнаго и послѣдовательнаго.

а) Гдѣ одна какая либо способность развертывается въ высшей степени, тамъ легко можетъ нарушиться гармонія прочихъ силъ души, нужныхъ къ составленію цѣлаго.

б) Не только жители Москвы и въ радостяхъ и въ горестяхъ своихъ посѣщаютъ Троицкую лавру, но и другіе изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ ѣздятъ сюда на богомолье.

в) Начался благодарственный молебенъ; послѣ пѣнія „Тебе, Бога, хвалимъ“ первосвятитель окропилъ памятникъ святою водою; потомъ священники съ хоругвями и крестомъ пошли обратно мимо арміи, и скоро ихъ свѣтлый строй, и кресты, и хоругви исчезли въ отдаленіи.

Въ приведенныхъ примѣрахъ есть слѣдующее общее свойство: главная мысль въ каждомъ изъ нихъ постепенно пріобрѣтаетъ себѣ свойство послѣдовательности или градаціи; поэтому эти періоды справедливо могутъ быть названы послѣдовательными.

Приведемъ примѣры уступительнаго и противительнаго періодовъ.

а) Хоть слушать всякій вздоръ богамъ бы и не сродно,
На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ.
б) Олегъ усмѣхнулся, однакожъ чело
И взоръ омрачился думой.

Сравнивая эти два примѣра, видимъ, что они различаются между собой единственно присутствіемъ союза „хотя“ въ первомъ періодѣ и подразумѣваніемъ его во второмъ („Хотя Олегъ...“). Явно, что въ обоихъ примѣрахъ союзъ „хотя“ можетъ стоять и можетъ быть опущенъ; но смыслъ обоихъ примѣровъ въ томъ и другомъ случаѣ не измѣнится и не получитъ иного характера. Каковъ бы по формѣ ни былъ уступительный періодъ, въ немъ всегда есть свойство противоположности.

Приведемъ примѣръ смѣшаннаго періода. „Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни

Библиотека "Руниверс"

мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но исторія не романъ и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ". Въ приведенномъ примѣрѣ слѣдуетъ видѣть два, а не одинъ сложный періодъ; именно союзъ „но" должно считать началомъ втораго сложнаго періода. Этотъ же примѣръ поучителенъ въ слѣдующемъ отношеніи: онъ показываетъ, что противополагаться другъ другу могутъ распространенные сложные періоды; если же увеличить въ объемѣ каждый изъ двухъ упомянутыхъ періодовъ и сохранить во второмъ періодѣ союзъ „но", тогда будутъ противополагаться другъ другу цѣлыя большія части сочиненія.

Такимъ образомъ, главные виды сложнаго періода суть слѣдующіе: причинный, условный, послѣдовательный, сравнительный, противоположный и изъяснительный. По внутреннему значенію они такъ должны сопоставляться другъ съ другомъ: причинный—условный, послѣдовательный — противоположный, изъяснительный — сравнительный. Всѣ другіе виды сложныхъ періодовъ должны быть относимы къ шести перечисленнымъ.

XI.

Изъ скольких членовъ и каковъ по объему можетъ быть сложный періодъ? Сложное предложеніе, состоящее изъ одного главнаго и одного придаточнаго предложенія, очевидно, состоитъ изъ двухъ членовъ или частей. Таково, напримѣръ, предложеніе: „Извѣстно, что слоны съ диковинку у насъ". Первый членъ его — „извѣстно то", второй членъ—остальныя слова. Если же при одномъ главномъ предложеніи случится нѣсколько придаточныхъ, то, при опредѣленіи числа членовъ сложнаго періода, возможны два случая: а) или всѣ придаточныя будутъ относиться къ главному, б) или нѣкоторыя изъ нихъ будутъ относиться къ придаточнымъ же. Только придаточныя перваго рода законно назвать отдѣльными членами періода, придаточныя же втораго рода особыхъ членовъ въ періодѣ не образуютъ. Вотъ примѣръ перваго рода:

Я то люблю, что сердце грѣетъ,
Что я своимъ могу назвать,
Что наслажденье въ полной чашѣ
Намъ предлагаетъ каждый день.

Въ этомъ риторическомъ періодѣ слову „то", стоящему въ главномъ предложеніи, соотвѣтствуетъ слово „что", находящееся въ пер-

Библиотека "Руниверс"

вомъ, второмъ и третьемъ придаточныхъ предложеніяхъ; поэтому и весь приведенный періодъ есть четырехчленный. Но вотъ примѣръ съ придаточными иного рода: „Замѣчаютъ, что на французскомъ языкѣ съ перваго раза не различишь глупца отъ умнаго, потому что много готовыхъ фразъ, много ума на прокатъ, которыми равно пользуется тотъ и другой". Въ этомъ сложно-составномъ предложеніи лишь первое придаточное („что на французскомъ языкѣ съ перваго раза не различишь глупца отъ умнаго") зависитъ и соотвѣтствуетъ главному, второе же придаточное зависитъ не отъ главнаго, а отъ перваго придаточнаго предложенія; послѣднее придаточное зависитъ отъ предшествующаго придаточнаго. Явно, что все это сложное предложеніе есть лишь двучленный періодъ: первый членъ его — „Замѣчаютъ то", второй членъ составляетъ главнымъ образомъ первое придаточное предложеніе; остальныя придаточныя, составляя собою часть перваго придаточнаго, въ счетъ членовъ періода идти ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Ломоносовъ, вполнѣ вѣрно указавши сущность и характеристическій признакъ періода, неосновательно опредѣляетъ количество членовъ въ немъ по количеству грамматическихъ предложеній. Примѣръ трехчленнаго періода, приводимый Ломоносовымъ: „Ежели бы небо благоволило; чтобы человѣкъ препровождалъ жизнь свою безбѣдно: то бы онъ своего щастія не могъ чувствовать", — есть двухчленный періодъ; въ немъ первый членъ — „Ежели бы небо благоволило, чтобы человѣкъ препровождалъ жизнь свою безбѣдно", второй членъ — остальныя слова. Изъ двухъ придаточныхъ, находящихся въ періодѣ Ломоносова, лишь первое соотвѣтствуетъ главному; второе же придаточное предложеніе соотвѣтствуетъ и зависитъ не отъ главнаго, а отъ перваго придаточнаго, какъ часть его.

Риторическій періодъ можетъ состоять изъ однихъ только главныхъ или равносильныхъ грамматическихъ предложеній. Какъ въ такомъ случаѣ опредѣлить число членовъ въ немъ? Если періодъ состоитъ только изъ двухъ главныхъ предложеній, соотвѣтствующихъ другъ другу, то онъ есть двучленный. Вотъ примѣры двучленныхъ періодовъ: „Вѣкъ живи — вѣкъ учись"; „По платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ"; „Семь разъ отмѣрь, а одинъ отрѣжь"; „Хвалы приманчивы: какъ ихъ не пожелать?" Если же періодъ будетъ состоять изъ трехъ и болѣе равносильныхъ предложеній, то, при опредѣленіи числа членовъ сложнаго періода, возможны два случая: а) главныя предложенія, начиная со втораго, или въ одинаковомъ отношеніи будутъ къ первому, б) или же въ логической зависимости отъ вто-

Библиотека "Руниверс"

раго или третьяго. Въ первомъ случаѣ количество членовъ сложнаго періода будетъ равно количеству главныхъ грамматическихъ предложеній, во второмъ случаѣ количество членовъ періода есть только два. Вотъ примѣръ на первый случай:

„Явленія, одно другого страннѣе, представлялись чиновнику безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ какими-то западнями для воровъ; то спрашивалъ, зачѣмъ виситъ предъ нимъ старый капотъ, тогда какъ у него есть новая шинель; то чудилось ему, что онъ стоитъ предъ генераломъ, выслушивая надлежащее распеканіе...“. Этотъ періодъ есть четырехчленный, именно въ немъ первому главному, на равномъ основаніи, соотвѣтствуютъ три послѣдующихъ главныхъ (то видѣлъ... то спрашивалъ... то чудилось ему...). Но вотъ примѣръ иного рода сочетанія главныхъ предложеній. „Какъ тяжело намъ проходить передъ язвительной толпой,—но я рѣшился: я пойду, и до конца тебя не брошу“ Здѣсь первому главному соотвѣтствуетъ лишь второе главное („но я рѣшился“); остальныя же два главныхъ предложенія соотвѣтствуютъ не первому, но второму главному предложенію; поэтому и весь періодъ есть двухчленный.

Выше мы приводили разнообразные по *формѣ* риторическіе періоды: такъ мы видѣли, что около одного главнаго предложенія можетъ быть нѣсколько придаточныхъ, зависящихъ непосредственно отъ главнаго; могутъ быть также такіе сложные періоды, въ которыхъ придаточныя, кромѣ перваго, зависятъ не отъ главнаго, а отъ придаточныхъ же. Сложные риторическіе періоды могутъ также состоять изъ однихъ главныхъ предложеній. По *объему* періоды также могутъ быть весьма разнообразны: нѣкоторые сложные періоды, именно состоящіе изъ краткихъ или нераспространенныхъ простыхъ предложеній, суть весьма небольшіе; другіе, наоборотъ, отличаются весьма большимъ составомъ или объемомъ. Примѣры тѣхъ и другихъ риторическихъ періодовъ мы приводили выше. Такъ, многіе періоды Карамзина, Гоголя, Лермонтова отличаются значительнымъ объемомъ. Главное риторическое требованіе отъ всякаго періода есть слѣдующее: періодъ долженъ быть—а) легко читаемъ и б) свободно (или безъ затрудненія) понимаемъ. Эти два качества: внѣшнее и внутреннее, суть самыя существенныя. Иначе ихъ можно выразить такъ: періодъ долженъ отличаться съ внѣшней стороны — стройностью и эвритмическимъ расположеніемъ частей, съ внутренней — единствомъ мысли. Еще проще существенныя свойства періода мы выразили бы такъ: періодъ

Библиотека "Руниверс"

долженъ составлять собою *кругъ* — а) по риторическому сцѣпленію словъ и грамматическому ихъ взаимодѣйствію и б) по логическому соединенію понятій для образованія цѣлой мысли. Каковъ бы періодъ по формѣ и составу ни былъ, онъ непремѣнно долженъ имѣть внѣшнее и внутреннее единство или, какъ бы мы сказали, риторическо-логическій кругъ.

У древнихъ грековъ, во время Олимпійскихъ игръ, возница выѣзжалъ изъ извѣстнаго мѣста и, обогнувъ поставленный для мѣты столбъ, возвращался на свое прежнее мѣсто. Этотъ *кругъ* пространства, опредѣленный для мѣты, назывался періодомъ, то-есть, обходомъ. Нынѣ слово „періодъ“ прилагается къ разнымъ понятіямъ; такъ, говорятъ: періодъ времени, удѣльный періодъ, періодъ царствованія и проч. Во всѣхъ этихъ случаяхъ „періодъ“ сохраняетъ слѣдующее существенное значеніе: онъ показываетъ *цѣльный промежутокъ* времени, имѣющій внѣшнее и внутреннее единство. Внѣшнее единство выражается въ годахъ, которыми означается періодъ, внутреннее—въ характерѣ эпохи, означаемой годами. Въ риторическомъ смыслѣ періодъ, какъ мы уже видѣли, имѣетъ также внѣшнее и внутреннее единство. Такимъ образомъ, слово „періодъ“, получивъ переносный смыслъ, неизмѣнно сохраняетъ характеръ прежняго или перваго значенія.

Періодъ, какъ мы сказали, можетъ имѣть разнообразные объемы. Такъ, простое грамматическое предложеніе есть въ риторическомъ отношеніи — періодъ, именно простой. Точно также сложно-составное грамматическое предложеніе есть періодъ, именно сложный. Мы приводили выше разнообразные по объему риторическіе періоды и говорили, между прочимъ, что періодъ долженъ отличаться внѣшнимъ и внутреннимъ единствомъ. Относительно внѣшняго состава періода должно сказать слѣдующее: какъ бы великъ по длинѣ своей ни былъ періодъ, онъ непремѣнно долженъ быть произнесенъ въ *одинъ* только *пріемъ голоса*, а не въ два или три. Съ этимъ, повидимому, согласуются и знаки препинанія. Самая большая остановка бываетъ послѣ точки. Она (то-есть, точка) показываетъ, что съ этимъ знакомъ и мысль и рѣчь уже кончились, и что послѣ точки начинается совершенно новая мысль и новая же рѣчь. Остановки для отдыха, требуемыя среди періода запятою и нѣкоторыми другими знаками, должны быть таковы, чтобы голосъ отнюдь не начиналъ съ нихъ новаго пріема. Изъ этого видно, что риторическая рѣчь, въ отношеніи объема, должна измѣряться степенями голосовыхъ паузъ, большая изъ кото-

Библиотека "Руниверс"

рыхъ должна падать на точку, а меньшая—на запятую. Каковъ же, поэтому, долженъ быть наибольшій объемъ періода? Уже изъ предыдущаго видно, что скопленіе придаточныхъ грамматическихъ предложеній около одного или нѣсколькихъ главныхъ производитъ туманное впечатлѣніе въ отношеніи пониманія смысла. Если же къ этому прибавимъ, что такія предложенія (то-есть, длинныя, со многими придаточными) нерѣдко трудно бываетъ, а иногда даже невозможно произнести „однимъ духомъ", или однимъ пріемомъ голоса, то само собою становится понятнымъ, что объемъ риторическихъ періодовъ долженъ быть, по возможности, меньше. Только при этомъ условіи періодъ можетъ дѣйствовать на слушателя съ удвоенною силою.

XII.

Кто внимательно слѣдилъ за риторическимъ строемъ рѣчи въ произведеніяхъ писателей, въ періодической печати, въ торгово-промышленныхъ документахъ, канцелярскихъ бумагахъ, дружескихъ письмахъ, въ духовныхъ завѣщаніяхъ, юридическихъ актахъ и проч., тотъ видѣлъ, какъ много выигрываетъ всякое дѣло отъ умѣлаго изложенія его въ риторическомъ отношеніи. Для выясненія сущности какого нибудь дѣла надо умѣть изложить его такъ, чтобы оно представлялось, даже для незаинтересованнаго читателя, въ истинномъ свѣтѣ, со всѣми истинными своими аттрибутами. Риторическій строй рѣчи, соотвѣтствуя сущности дѣла, долженъ быть таковъ, чтобы онъ а) гармоніей словъ производилъ пріятное впечатлѣніе и б) силою мысли убѣждалъ въ истинности ея содержанія. Иной фактъ или предметъ лучше выразить въ формѣ главныхъ грамматическихъ предложеній, иной—лучше въ соединеніи главнаго съ однимъ или нѣсколькими придаточными предложеніями. Иногда умѣстно придаточныя поставить впереди главнаго, иногда же — наоборотъ: главное впереди придаточнаго; порядокъ предложеній, можетъ быть, не такъ важенъ въ грамматическомъ отношеніи, но огромное значеніе имѣетъ въ риторическомъ отношеніи, ибо онъ въ разныхъ комбинаціяхъ предложеній производитъ и различное впечатлѣніе. Главнѣе же всего и выше всего въ риторическомъ отношеніи должно быть то, чтобы рѣчь, по своему объему, была по возможности короче, дабы она внѣшнимъ своимъ строемъ и внутреннимъ смысломъ производила наиболѣе сильное впечатлѣніе на читателя или слушателя. Но часто, даже у лучшихъ представителей науки и литературы, замѣчается слѣдующее-

Библиотека "Руниверс"

непріятное явленіе: излагая какую нибудь мысль, авторъ до того запутывается въ строѣ имъ же созданной рѣчи, что едва-едва оканчиваетъ, едва-едва справляется съ нею. Такого автора справедливо сравнить съ человѣкомъ, насильственно дышащимъ зловредными испареніями; какъ только минуетъ время неестественнаго состоянія, онъ, захлебываясь свѣжимъ воздухомъ, не можетъ, въ продолженіе нѣсколькихъ моментовъ, ни спокойно говорить, ни правильно дѣйствовать. Точно также мысли человѣка, высказанныя въ слишкомъ длинной рѣчи, при всей вѣрности и глубинѣ ихъ, кажутся припадками нервнаго человѣка или состояніемъ агоніи. Чтобы убѣдиться въ худомъ впечатлѣніи не въ мѣру длинной рѣчи, мы приведемъ хоть одинъ образчикъ такой рѣчи. Возьмемъ слѣдующій періодъ, которымъ Бѣлинскій начинаетъ свои „Литературныя мечтанія“ [1]).

„Хотя я и не имѣю чести быть барономъ, но у меня есть своя фантазія, вслѣдствіе которой я упорно держусь той роковой мысли, что, несмотря на то, что нашъ Сумароковъ далеко оставилъ за собою въ трагедіяхъ господина Корнеля и господина Расина, а въ притчахъ — господина Лафонтена; что нашъ Херасковъ, въ прославленіи на лирѣ громкой славы россовъ, сравнялся съ Гомеромъ и Виргиліемъ, и подъ щитомъ Владиміра и Іоанна подобру-поздорову пробрался въ храмъ безсмертія [2]); что нашъ Пушкинъ въ самое короткое время успѣлъ стать на ряду съ Байрономъ и сдѣлаться представителемъ человѣчества; несмотря на то, что нашъ неистощимый Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, истинный бичъ и гонитель злыхъ пороковъ, уже десять лѣтъ доказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что не годится плутовать и мошенничать человѣку comme il faut, что пьянство и воровство суть грѣхи непростительные, и который своими нравоописательными и нравственно-сатирическими (не правильнѣе ли — полицейскими) романами и народно-юмористическими статейками на цѣлыя столѣтія двинулъ впередъ наше гостепріимное отечество по части нравоисправленія; несмотря на то, что нашъ юный левъ поэзіи, нашъ могущественный Кукольникъ съ перваго прыжка догналъ всеобъемлющаго исполина Гете, и только со втораго поотсталъ немного отъ Крюковскаго; несмотря на то, что нашъ достопочтенный Николай Ивановичъ [3]) Гречь (вкупѣ въ любѣ съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ)

---

[1]) Бѣлинскій, томъ I, „Литературныя мечтанія“, стр. 8 — 10. Москва, 1859.

[2]) То-есть, во Всеобщую Исторію Кайданова. Примѣчаніе Бѣлинскаго.

[3]) Правописаніе Бѣлинскаго удерживается въ точности.

Библиотека "Руниверс"

разанатомировалъ, разнялъ по суставамъ нашъ языкъ и представилъ его законы въ своей тройственной грамматикѣ—этой истинной скиніи завѣта, куда кромѣ, его, Николая Ивановича Греча, и друга его, Ѳаддея Венедиктовича, еще доселѣ не ступала нога ни одного профана; тотъ Николай Ивановичъ Гречь, который во всю жизнь свою не дѣлалъ грамматическихъ ошибокъ и только въ своемъ дивномъ поэтическомъ созданіи—„Черная Женщина"—еще въ первый разъ, по уликѣ чувствительнаго князя Шаликова, поссорился съ грамматикою, видно увлекшись слишкомъ разыгравшеюся фантазіею; несмотря на то, что нашъ г. Калашниковъ заткнулъ за поясъ Купера въ роскошныхъ описаніяхъ безбрежныхъ пустынь русской Америки—Сибири, и въ изображеніи ея дикихъ красотъ; несмотря на то, что нашъ геніальный баронъ Брамбеусъ своею толстою фантастическою книгою на смерть пришибленулъ Шамполіона и Кювье, двухъ величайшихъ шарлатановъ и надувателей, которыхъ невѣжественная Европа имѣла глупость почитать доселѣ великими учеными, а въ ѣдкомъ остроуміи смялъ подъ ногами Вольтера, перваго въ мірѣ остроумца и балагура; несмотря, говорю я, на убѣдительное и краснорѣчивое опроверженіе нелѣпой мысли, будто у насъ нѣтъ литературы, опроверженіе такъ умно и сильно провозглашенное въ *Библіотекѣ для Чтенія* глубокомысленнымъ азіятскимъ критикомъ Тютюнджи-Оглу. Уфъ! усталъ! Дайте перевести духъ—совсѣмъ задохнулся!...

„Право, отъ такого длиннаго періода поперхнется въ горлѣ даже и у барона Брамбеуса, который и самъ мастакъ на великіе періоды".....

Вотъ буквальная выписка цѣлой, связной рѣчи Бѣлинскаго. Если самъ авторъ, не скрывая, говоритъ, что онъ „совсѣмъ задохнулся" отъ такого длиннаго періода, то читатель опытомъ убѣждается въ искренности сознанія автора. Что можно сказать о приведенной весьма длинной рѣчи Бѣлинскаго? Еслибы кто захотѣлъ выяснить, какъ Бѣлинскій однимъ длиннымъ періодомъ доказываетъ отсутствіе у насъ литературы, тотъ убѣдился бы, что и мысли и словесное ихъ выраженіе у автора приняли складъ и форму запутанную, противорѣчащую законамъ—и логическимъ, и риторическимъ. Относительно періода Бѣлинскаго законно сказать, что онъ удовлетворяетъ только правиламъ грамматическимъ, то-есть, въ немъ нѣтъ ни одной ошибки ни противъ правилъ согласованія или управленія словъ, ни противъ правильнаго сочетанія другъ съ другомъ отдѣльныхъ или простыхъ грамматическихъ предложеній. Еслибы вмѣсто одного столь простран-

Библиотека "Руниверс"

наго періода Бѣлинскій привелъ примѣрно десять или даже болѣе періодовъ, объемомъ въ совокупности равняющихся выше приведенному одному, не въ мѣру пространному періоду, то онъ поступилъ бы гораздо лучше: и мысли и риторическое ихъ выраженіе были бы и болѣе понятны и легко произносимы. Сказаннаго, повидимому, вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что чрезмѣрно длинныя предложенія или риторическіе періоды не только не способствуютъ ясности пониманія, но даже значительно затемняютъ всякое дѣло, придавая ему туманную окраску и неопредѣленное выраженіе. Надлежитъ, поэтому, считать аксіомой, что риторическій періодъ долженъ быть, по возможности, короче и проще, чтобы онъ вполнѣ оправдывалъ своимъ словеснымъ выраженіемъ наименованіе „кружокъ", „кругъ" (περίοδος), то-есть, фигуру самую удобопонятную, самую простую.

XIII.

Выше мы говорили о томъ, что словесное выраженіе должно быть разсматриваемо съ трехъ сторонъ: съ логической, риторической и грамматической. Эти три элемента въ рѣчи неразрывны между собою, ибо всѣ они имѣютъ силу въ языкѣ человѣка. Будучи нераздѣльны между собою, они часто, особенно въ школѣ, неразграничиваются строго другъ отъ друга; отсюда являются смѣшенія и ошибки. Повидимому, сама жизнь не только не заставляетъ человѣка разграничивать эти элементы, но даже побуждаетъ его замѣнять одни понятія другими, часто отдаленными, но имѣющими другъ съ другомъ что нибудь общее. Явленіе это объясняется слѣдующимъ образомъ: языкъ, данный человѣку Богомъ, никогда не былъ только совокупностью словъ; слово человѣка никогда не было только сочетаніемъ членораздѣльныхъ звуковъ,—языкъ и слово человѣка суть всегда высшіе или духовные аттрибуты человѣческаго существованія, орудіе человѣческой мысли и разума. Мысль и ея выраженіе есть то же, что душа и тѣло человѣка. Рѣчь или словесное выраженіе есть не комбинація только словъ, но и мысль, рожденная человѣкомъ. Слово не есть только звуковой аппаратъ, но и высшее, духовное существо человѣка; слово есть даже цѣлая связная бесѣда, разговоръ, ученіе, проповѣдь; такъ, мы говоримъ: „Слово въ великій пятокъ", „Слово о полку Игоревѣ" и проч. Въ Евангеліи отъ Іоанна [1]) говорится, что слово было Богъ: „Въ началѣ бѣ слово, и

[1]) Отъ Іоанна, первая глава, первый стихъ.

Библиотека "Руниверс"

сло́во бѣ къ бГу, и бГъ бѣ сло́во (ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεὸν, καὶ Θεὸς ἦν ὁ λόγος). Наименованіе Сына Божія „словомъ" (λόγος) показываетъ, что „слово" есть высшій даръ отъ самого Бога. Сила слова такъ изображается въ Евангеліи [1]): „Вся̑ тѣ́мъ (то-есть, словомъ) бы́ша и без̀ него̀ ничто́же бы́сть, е̃же бы́сть".

Высшее существо человѣка есть душа; она проявляетъ свою дѣятельность въ поступкахъ и жизни человѣка. Мыслитъ ли человѣкъ самъ съ собою или съ другими, онъ облекаетъ мысли въ словесный покровъ; точнѣе сказать: словесное выраженіе есть уже мысль человѣка, ибо ни мысль отъ языка, ни языкъ отъ мысли не отдѣлимы,— они образуютъ въ своемъ соединеніи нѣчто цѣльное, единое. Наука, имѣя предметомъ, главнымъ образомъ, мысли человѣка, путемъ анализа старается разложить каждое понятіе и каждый ему соотвѣтствующій предметъ на отдѣльные элементы; она старается постигнуть самостоятельную жизнь каждаго изъ элементовъ, соединяя познанные признаки въ ассоціацію правилъ. Разграниченіе наукъ показываетъ, что человѣкъ все точнѣе и глубже постигаетъ самую жизнь. Взаимодѣйствіе же отдѣльныхъ наукъ, въ анализѣ человѣческой мысли, способно всесторонне изобразить жизнь души, силу мысли, земное существованіе человѣка. Если мысль и ея словесное выраженіе представляютъ собою нѣчто единое, неразрывное, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы оба понятія: а) мысль, б) языкъ, считали тождественными,—иначе точнаго разграниченія понятій не было бы, и они (то-есть, понятія) другъ съ другомъ смѣшивались бы. Мысль и языкъ, сочетаясь или сливаясь другъ съ другомъ для выраженія мышленія человѣка, при научномъ анализѣ, являются отдѣльными и разными понятіями, и науки, занимающіяся этими предметами: а) логика (наука о мышленіи) и б) лингвистика (наука о языкѣ),—суть вполнѣ независимыя другъ отъ друга. Мало того, языкъ самъ по себѣ представляетъ двѣ стороны: риторическую, касающуюся словеснаго строя, и грамматическую, касающуюся правильнаго согласованія и управленія словъ и связи предложеній. И риторика и грамматика суть науки о языкѣ, но каждая изъ нихъ разсматриваетъ въ языкѣ только одну какую нибудь сторону. Какой бы области человѣческаго знанія мы ни касались, непремѣнно въ этой области мы должны видѣть нераздѣльное участіе трехъ наукъ: логики, риторики и грамматики; логика повѣряетъ мысли и доказываетъ ихъ правиль-

[1]) Ibidem., третій стихъ.

Библиотека "Руниверс"

ность или неправильность, риторика разсматриваетъ строй словеснаго выраженія и опредѣляетъ характеръ или способъ словеснаго расположенія, грамматика указываетъ на правильность или неправильность флексивнаго согласованія, управленія словъ и отношенія другъ къ другу простыхъ предложеній. Логика, риторика и грамматика имѣютъ собственные термины, имъ только принадлежащіе; главнѣйшіе и простѣйшіе изъ этихъ терминовъ суть: сужденіе—въ логикѣ, періодъ—въ риторикѣ, предложеніе въ грамматикѣ. Эти три термина: сужденіе, періодъ и предложеніе, сосуществуютъ въ языкѣ, который даетъ имъ жизнь. Смѣшеніе нѣкоторыми лицами означенныхъ терминовъ показываетъ, что они понятіе или предметъ лишь видятъ цѣлыми, живыми, но судить объ этихъ понятіяхъ или предметахъ, то-есть, видѣть въ нихъ индивидуальные признаки жизни, они не въ состояніи; другими словами, эти лица научнаго анализа не имѣютъ. Если точность имѣетъ большое значеніе въ практической жизни человѣка, то въ наукѣ она положительно и безусловно необходима. Научная точность показываетъ, что риторика и грамматика, будучи близки другъ къ другу, различаются между собою сущностью и совокупностью правилъ, и что періодъ, какъ риторическая единица, ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть предметомъ ученія грамматики.

В. Андресевъ.

Библиотека "Руниверс"

ИСХОДНАЯ ТОЧКА ЛѢТОСЧИСЛЕНІЯ „ПОВѢСТИ ВРЕМЕННЫХЪ ЛѢТЪ".

Въ лѣтописномъ сводѣ „Повѣсть временныхъ лѣтъ", вслѣдъ за разказами о событіяхъ, которыхъ нельзя было пріурочить къ опредѣленнымъ годамъ (основаніе Новгорода и Кіева, покореніе Кіевской области Козарами и проч.), читаемъ: „Въ лѣто 6360, индикта 15 (день), наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска[я] земля. О семь бо увѣ(и)дѣхомъ, яко при семь царѣ приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмь. Тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ". Сводчикъ дѣйствительно исполняетъ свое намѣреніе и ведетъ дальнѣйшій разказъ въ хронологическомъ порядкѣ. И такъ, исходною точкою лѣтосчисленія его является 6360 г. отъ сотворенія міра (852-ой отъ Р. Х.), годъ, въ которомъ началось царствованіе Михаила. Передъ изслѣдователемъ является вопросъ, въ какомъ источникѣ могъ найдти сводчикъ Повѣсти временныхъ лѣтъ указаніе на этотъ 6360 годъ, несомнѣнно ошибочный, такъ какъ Михаилъ, сынъ Ѳеофила, вступилъ на престолъ въ 6350 году, а именно 21-го января 842 года отъ Р. Х. (Muralt, Essai de chron. Byz. p. 425).

Если не ошибаюсь, академикъ Куникъ первый обратилъ вниманіе на важность разрѣшенія этого вопроса („Хронологическія ошибки Нестора вслѣдствіе неясной системы" 1864 г.). Онъ же предложилъ нѣсколько догадокъ, какъ могло явиться ошибочное число 6360 вмѣсто 6350. Такъ возможно допустить, по мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, описку въ числѣ индикта: если при 6350 году въ греческомъ подлинникѣ „индикта 15-го" стояло ошибочно вмѣсто „индикта 5-го" (є'ι

Библиотека "Руниверс"

вм. ε'), эта ошибка могла вызвать измѣненіе 6350 года на 6360-ый, который приходился на 15-ое индикта (Mélanges Russes, V, l. 1, p. 30).—Возможно также, что нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ себѣ этотъ ошибочный годъ въ связи съ тѣмъ, что русскіе списки Амартола опредѣляютъ число лѣтъ соправительства Михаила съ матерью цифрою 4, вмѣсто цифры 14 византійскихъ хронографовъ: при этомъ 4 вмѣсто 14 вызвано ошибкою можетъ быть еще греческаго оригинала. Такимъ образомъ общее число лѣтъ царствованія Михаила опредѣлялось бы не 26-ю, а 16-ю. Вычитая 16 изъ года смерти Михаила и вступленія на престолъ Василія (6376-го), сводчикъ получилъ бы въ результатѣ 6360-й годъ [1]). Но еще въ 1886 году (въ упом. статьѣ изъ Mélanges Russes V) академикъ Куникъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы вопросъ о 6360 годѣ можно было разрѣшить путемъ предположенія описки (15-ое индикта вмѣсто 5-ое; 4 года вмѣсто 14).

Въ виду важности разрѣшенія этого вопроса о краеугольномъ камнѣ нашей хронологіи, рѣшаюсь представить слѣдующія соображенія. Извѣстно, что подъ греческимъ лѣтописаніемъ, изъ котораго сводчикъ Повѣсти временныхъ лѣтъ увналъ о походѣ Руси подъ Константинополь, надо разумѣть лѣтописаніе Георгія Амартола и его продолжателя. У Амартола (собств. у его продолжателя) не только не указанъ годъ этого событія, но не приведенъ даже годъ вступленія Михаила на престолъ: вообще Амартолъ лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ приводитъ года отъ сотворенія міра, ограничиваясь указаніемъ на продолжительность цар-

---

[1]) Замѣчу здѣсь, что врядъ ли возможно сравнивать указаніе русскихъ списковъ Амартола на четырехлѣтнее соправительство Михаила съ Ѳеодорою съ такимъ же указаніемъ въ одномъ греческомъ лѣтописцѣ (о которомъ см. de Boor Byz. Zeitschrift IV, 444—466 и въ особенности с. 445—446). Въ греческомъ лѣтописцѣ δ' вслѣдствіе описки могло замѣнить ιδ' (какъ предполагаетъ de Boor). Въ русскихъ же спискахъ Амартола Ι замѣнило не Ιδ (14), а ιϛ (15): такъ греческому σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ Θεοδόρᾳ ἔτη ιε' въ серб. сп. Амартола Синод. библ. № 148 соотвѣтствуетъ: съ матерью своею Ѳеодорою лѣтъ. ιϛ (379 об.), тогда какъ въ сп. Ундол. № 1289 (болгар. сп. рус. ред.): с материю своею лѣта. Ι (352 об.), въ Еллин. лѣт. Синод. библ. № 280: с материю своею лѣта. Ι (357). Между тѣмъ въ Никифоровомъ лѣтописцѣ: лѣтъ 14 (П. С. Р. Л. I, 251). Я думаю что 15 замѣнено 4-мя въ русскихъ спискахъ Амартола подъ вліяніемъ Повѣсти вр. лѣт (ср. заимствованіе изъ нея же именъ Аскольда и Дира), опредѣлявшей общее число лѣтъ царствованія Михаила 16-ю, а не 26-ю годами. Слѣдовательно, искать въ цифрѣ „4" русскихъ списковъ Амартола объясненіе 6360 года нельзя.

Библиотека "Руниверс"

ствованія отдѣльныхъ императоровъ и изрѣдка располагая событія по годамъ этихъ царствованій.

Желая опредѣлить время, когда впервые упоминается въ греческой хроникѣ Русь, сводчикъ долженъ былъ заняться изслѣдованіемъ, въ которомъ году вступилъ Михаилъ на престолъ, по другимъ источникамъ. Единственная греческая лѣтопись, которую сводчикъ начала XII вѣка могъ найдти въ славянскомъ переводѣ кромѣ Амартола, это „Лѣтописецъ вскорѣ“ Никифора патріарха Царяграда въ распространенной редакціи (Никифоръ умеръ въ 828 г.) [1]). Онъ и обратился къ нему за разрѣшеніемъ вопроса, въ которомъ году отъ сотворенія міра вступилъ на престолъ царь Михаилъ. Результатомъ работы сводчика Повѣсти временныхъ лѣта надъ Никифоровымъ лѣтописцемъ является хронологическая таблица, помѣщенная вслѣдъ за приведенными въ началѣ нашей статьи словами сводчика.

Это ясно изъ того, что всѣ цифры этой таблицы до года 1-го Вселенскаго собора совпадаютъ съ цифрами Никифорова лѣтописца, при чемъ выясняется, что славянскій переводъ, которымъ пользовался сводчикъ, близокъ къ спискамъ второй редакціи de Boor'a (рукописи C, J, C, R—обозначенныя имъ N' въ случаяхъ совпаденія). Отъ Адама до потопа сводчикъ считаетъ 2242 года: ср. у Никифора (de Boor 83 и 102): ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τοῦ κατακλυσμοῦ ἔτη, βσμβ'. Отъ потопа до Авраама лѣтъ 1000 и 82: ср. у Никифора (с. 84 пр. 16): ἀπὸ δὲ τοῦ κατακλυσμοῦ ἕως τοῦ Ἀβραὰμ ἔτη ,απβ'. Отъ Авраама до исхоженья Моисѣева лѣтъ 430—ср. у Никифора (с. 102): ἀπὸ δὲ τοῦ Ἀβραὰμ ἕως τῆς ἐξόδου τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ ἔτη υλ'. А отъ исхоженья Моисѣева до Давида лѣтъ 600 и 1 (вмѣсто 600 и 30, по смѣшенію $\overline{\lambda}$ съ $\overline{\alpha}$); ср. у Никифора (с. 87): ἀπὸ τῆς ἐξόδου τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ ἕως Δαυὶδ ἔτη χλ'. А отъ Давида и отъ начала царства Соломоня до плѣненія Іерусалимля лѣтъ 448 ср. у Никифора (с. 88): ἀπὸ ἀρχῆς βασιλείας Σολόμωνος ἕως ἁλώσεως Ἱεροσολὺμ ἔτη υμη'. А отъ плѣненья до Олександра лѣтъ 318; ср. у Никифора (с. 102): ἀπὸ δὲ τῆς αἰχμαλωσίας ἕως Ἀλεξάνδρου ἔτη τιη'. А отъ Олександра до Рожества Христова лѣтъ 313 (такъ въ Лавр. ошибочно вмѣсто 300 и 3, въ прочихъ спискахъ 383): ср. у.

---

[1]) Νικηφόρου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Χρονογραφικὸν σύντομον. Нов. изд. de Boor'a, Lipsiae 1880. Отрывокъ изъ него уже въ Сборн. 1073. Напечатанъ по сп. XIII вѣка въ прилож. къ I т. П. С. Р. Л., ср. также Изв. VIII, 390—408, и при Никон. лѣт. (П. С. Р. Л. т. IX).

Библиотека "Руниверс"

Никифора (с. 102): ἀπὸ δὲ Ἀλεξάνδρου ἕως Χριστοῦ ἔτη τγ' [1]). А отъ Христова рождества до Константина лѣтъ 318 (Лавр. пропущено); ср. у Никифора (с. 102): ἀπὸ δὲ Χριστοῦ ἕως Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου ἔτη τιη' [2]). Вслѣдъ за этимъ сводчикъ читалъ (с. 102): Ἀπὸ δὲ Κωνσταντίνου ἕως Θεοφίλου ἰνδ. ε' ἔτη φλ'. Имѣя въ виду, что до Θеофила отъ Константина прошло 530 лѣтъ, а что Θеофилъ по даннымъ Никифора царствовалъ 12 лѣтъ 3 мѣсяца и 20 дней (Θεόφιλος ἔτη ιβ' μῆνας γ' ἡμέρας κ', с. 101), сводчикъ разчиталъ, что отъ Константина до Михаила прошло 542 года: „отъ Константина же до Михаила сего лѣтъ 542". Сложивъ 318 и 542, сводчикъ получилъ цифру 860, которая означала годъ вступленія Михаила на престолъ, считая отъ Р. Х. Для того чтобы получить соотвѣтствующій годъ отъ сотворенія міра сводчикъ прибавилъ къ цифрѣ 860 цифру 5500, такъ какъ по даннымъ того же Лѣтописца отъ сотворенія міра до Р. Х. прошло 5500 лѣтъ (Никифоръ с. 92 и 102: γίνονται οὖν ὁμοῦ τὰ πάντα ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τῆς ἀνανθρωπήσεως τοῦ κυρίου καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἔτη, ϛφ' [3]). Такъ получилась цифра 6360; къ ней приставлено сводчикомъ по извѣстнымъ ему пасхальнымъ таблицамъ число индикта—15.

И такъ ошибка, вслѣдствіе которой вмѣсто 6350 (842) года явился

---

[1]) Вслѣдствіе несогласія итоговъ Лѣтописца вскорѣ (изд. de Boor'a, с. 102 съ данными самой лѣтописи, а также вслѣдствіе двухъ ошибокъ сводчика или вѣрнѣе позднѣйшаго переписчика, итогъ лѣтъ до Р. Х. вмѣсто 5500 равенъ 5434, а за устраненіемъ ошибокъ 5458.

[2]) Эта цифра (318) явилась въ Никифоровомъ лѣтописцѣ вмѣсто 325 въ слѣд. фразѣ: τῷ ιβ' ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἡ πρώτη σύνοδος γέγονε τῶν τιη' πατέρων τῶν ἐν Νικαίᾳ, ἔτους τιη' ἀπὸ τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ; очевидно число отцовъ собора (318) вызвало при переписвѣ замѣну 325 (въ 325-мъ году, въ 12-ый годъ царствованія Константина былъ первый вселенскій соборъ) цифрою 318.

[3]) Разчетъ 5500 (вмѣсто 5508) лѣтъ отъ С. М. до Р. Х. былъ извѣстенъ на Руси еще и въ XVI вѣкѣ. Ср. въ Повѣсти о перенесеніи мощей Николая Чудотворца (Твер. лѣт. подъ 6596 г.), вслѣдствіе вычета изъ 6596 5500, указаніе на то, что это событіе имѣло мѣсто въ 1096 году отъ Р. Х. (вм. 1087 г.).— Димитрій Толмачъ въ переводѣ толкованія на Псалтырь, говоритъ, что по русскому счету отъ С. М. прошло 6044, а отъ Р. Х. 1544 (вм. 1536, такъ какъ Макарій названъ архіепископомъ, а съ 1542 г. онъ былъ митрополитомъ). Ср. Оп. Гор. и Нев., № 77, с. 106. Тотъ же счетъ ср. у грековъ: въ одной рукописи XII вѣка годъ отъ С. М. указанъ 6529, а отъ Р. Х. 1020 (вм. 1021), ср. Gardthausen, Griech. Palaeographie s. 388.

Библиотека "Руниверс"

6360 (852), какъ годъ вступленія Михаила на столъ, вызвана ошибочными данными, найденными сводчикомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ въ Никифоровомъ лѣтописцѣ. Въ этомъ лѣтописцѣ онъ нашелъ въ хронологическихъ данныхъ послѣ Р. Х. ошибочную цифру 318 (происхожденіе этой цифры вмѣсто 325 объяснено выше въ примѣчаніи) и цифру 530. Является вопросъ, какъ явилась эта послѣдняя цифра, которую также слѣдуетъ признать ошибочною, такъ какъ отъ перваго собора до царя Ѳеофила, то есть отъ 325 до 829 года прошло 504 года, а отъ 318 (если принять, что счетъ велся съ этого ошибочнаго года) до 829 года прошло 511 лѣтъ. Я не нахожу объясненія этой цифры въ тѣхъ спискахъ Никифорова лѣтописца, которые обнародовалъ de Boor. Но въ томъ греческомъ спискѣ, съ котораго сдѣланъ славянскій переводъ, находится разгадка такого ошибочнаго счета. А именно въ томъ спискѣ, кромѣ указаній на продолжительность царствованія того или другаго императора, находились данныя, опредѣлявшія хронологическій промежутокъ между отдѣльными Вселенскими соборами. Ср. въ спискѣ, изданномъ въ приложеніи къ I т. Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, с. 250—251: отъ 1-го сбора до 2-го лѣтъ 60; отъ 2-го сбора до 3-го лѣтъ 58; отъ 3-го сбора до 4-го лѣтъ 10; отъ 4-го сбора до 5-го лѣтъ 100; отъ 5-го сбора до 6-го лѣтъ 130; отъ 6-го сбора до 7-го лѣтъ 122. Продолжатель Никифорова лѣтописца (которому принадлежитъ замѣчаніе, что отъ Константина до Ѳеофила прошло 530 лѣтъ) сложилъ всѣ эти цифры; число 480 лѣтъ (сумма этихъ цифръ) означало по его мнѣнію промежутокъ времени отъ Константина до седьмого собора. Но со времени седьмаго собора до Ѳеофила по его разчету прошло 49 лѣтъ и 3 мѣсяца: это число онъ получилъ, сложивъ 24 г. 2 м. 2 д. царствованія Константина послѣ собора [1]), съ 5 г. 2 м. 12 д. царствованія Ирины, 1 г. 9 м. царствованія Никифора [2]), 2 м. царствованія Ставракія, 1 г. 9 м. 11 д. царствованія Михаила, 7 г. 5 м. 14 д. царствованія Льва, 8 г. 9 м. царствованія другого Михаила, предшественника Ѳеофила. Приложивъ къ 480 годамъ отъ 1-го собора до 7-го цифру 50 (вмѣсто 49 и 3 м.), продолжатель Никифора получилъ цифру 530, означавшую по его

[1]) Константинъ по указанному греческому списку царствовалъ 31 г. 2 м. 2д. (у de Boor'a 16 л. 11 м. 10 д.): ср. слав. списокъ. А седьмой соборъ былъ на 8-ой годъ его царствованія.

[2]) У de Boor'a: 8 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ.

Библиотека "Руниверс"

мнѣнію число лѣтъ отъ Константина до Ѳеофила. Цифра эта ошибочна потому, что ошибочны показанія годовъ между соборами: такъ между 1-нымъ и 2-мъ соборомъ прошло не 60, а 56 лѣтъ и т. д.; ошибочна и потому, что основывалась также на невѣрномъ показаніи числа лѣтъ царствованій Константина VI и Никифора.

И такъ цифра 6360, означающая годъ вступленія Михаила на престолъ, получилась сводчикомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ вслѣдствіе ошибочныхъ данныхъ того греческаго списка Никифорова лѣтописца, который легъ въ основаніе славянскаго перевода съ него.

А. Шахматовъ.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Къ вопросу о вліяніи персидской литературы на грузинскую.

Est modus in rebus.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ востоковѣдѣнія—это взаимныя культурныя связи азіатскихъ народовъ. Болѣе широкій вопросъ о вліяніи Азіи на Европу, столь интересный для оріенталистовъ и неоріенталистовъ, выясненіе теченій, съ которыми вносилось или могло вноситься это вліяніе въ Европу, тогда только и можетъ, по нашему крайнему разумѣнію, быть поставленъ на путь вѣрнаго рѣшенія, когда передъ нами будетъ во всѣхъ деталяхъ разобрана сѣть отношеній, взаимно сплетающая отдѣльныя культурныя единицы Востока, и крупныя, и мелкія. Каждый узелъ, каждая, даже самая тонкая, нить этой сѣти имѣетъ, понятно, свой самостоятельный, частный интересъ, но кромѣ того—при извѣстныхъ обстоятельствахъ на ихъ долю можетъ выпасть крупная служебная роль въ разрѣшеніи болѣе важныхъ общихъ вопросовъ. Сравнительное въ этомъ направленіи изученіе литературъ такихъ мелкихъ народностей, какъ сирійцы, армяне и грузины, дало бы, мы въ томъ не сомнѣваемся, фактическую опору въ иныхъ вопросахъ средневѣковой культурной жизни, при обсужденіи которыхъ въ настоящее время волей-неволей приходится прибѣгать къ рискованному пути болѣе или менѣе субъективныхъ гаданій и комбинацій.

Независимо отъ сказаннаго, для лицъ, видящихъ въ Востокѣ синонимъ косности и умственнаго затворничества, нашлось бы не лишній разъ много поучительнаго во взаимныхъ культурныхъ отноше-

Библиотека "Руниверс"

ніяхъ восточныхъ народовъ; между прочимъ выяснилось бы, что и въ Азіи, даже въ ея сравнительно менѣе творческій періодъ, новая умственная жизнь, гдѣ бы и какъ бы она ни зарождалась, при маломальски благопріятныхъ условіяхъ, тѣмъ или другимъ путемъ легко и быстро пробивала дорогу изъ средоточія въ окружныя сферы черезъ такія препятствія, какъ чуждая раса, иноязычіе, политическая вражда, религіозный фанатизмъ и т. п.

Въ этомъ смыслѣ глубокій интересъ представляетъ литературное вліяніе семитовъ-сирійцевъ на аріизованныхъ армянъ и арійцевъ-персовъ на грузинъ, находящихся, какъ скоро будемъ имѣть случай доказывать, въ несомнѣнномъ лингвистическомъ родствѣ съ семитами [1]). Для филологовъ — кавказовѣдовъ съ разрѣшеніемъ указанныхъ двухъ вопросовъ и будетъ положенъ краеугольный камень въ дѣлѣ изученія древнеармянской, по преимуществу—духовной, литературы и древнегрузинской свѣтской [2]). И тотъ, и другой вопросъ можетъ быть разработанъ путемъ отдѣльныхъ монографій, сличеніемъ отдѣльныхъ переводныхъ памятниковъ съ подлинниками или выслѣживаніемъ иноземныхъ заимствованій и вліяній въ болѣе или менѣе самостоятельныхъ произведеніяхъ. Но при случаѣ, мы полагаемъ, полезно хотя бы только разсѣивать туманъ, которымъ, почему бы то ни было, готовы заранѣе окружить иные изслѣдователи указанные дѣйственные еще вопросы.

Въ частности, по вопросу о вліяніи персидской литературы на грузинскую мы имѣли случай высказаться и посильно обосновать свое мнѣніе пока въ двухъ замѣткахъ [3]). Кромѣ того въ виду замѣченныхъ нами попытокъ противоставить національное толкованіе романа „Амирандареджаніани“ нашему мнѣнію о персидскомъ его про-

---

[1]) Это еще не значитъ, чтобы мы признавали грузинскій языкъ семитическимъ. Грузинскій языкъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими кавказскими составляютъ одну группу, а семитическіе другую, и мы будемъ устанавливать лишь родство между языками первой группы) на первыхъ порахъ наиболѣе древнимъ и чистымъ (менѣе подвергшимся аріизованію) изъ нихъ—грузинскимъ) съ семитическими. Поэтому назвать грузинскій языкъ семитическимъ было бы такъ же неправильно, какъ, напримѣръ, еслибы кто назвалъ русскій языкъ — германскимъ по тому, что славянскіе языки находятся въ родствѣ съ германскими.

[2]) Древнегрузинская духовная литература находится подъ вліяніемъ совсѣмъ другихъ теченій.

[3]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895 г., № 6, стр. 352—365; *Восточныя Замѣтки*. Сборникъ статей и изслѣдованій профессоровъ и преподавателей факультета восточныхъ языковъ, стр. 221—259.

Библиотека "Руниверс"

исхожденіи, мы воспользовались брошюрою г. Джанашвили, собравшаго все, что можно было собрать, въ пользу самобытности романа „Амирандареджаніани", и показали на ея разборѣ, къ какимъ печальнымъ результатамъ можетъ привести внесеніе національнаго самообольщенія въ обсужденіе историко-литературныхъ вопросовъ [1]).

Но если касательно персидскаго происхожденія нѣкоторыхъ древнегрузинскихъ памятниковъ можно поддерживать сомнѣнія въ непосвященныхъ, такъ какъ дѣло осложнено отсутствіемъ персидскихъ оригиналовъ, утерянныхъ, по крайней мѣрѣ, пока не открытыхъ, то въ совершенно иномъ положеніи находится вопросъ о *Висраміани*, переводѣ персидской поэмы *Вис о Рамин*: тутъ переводъ и подлинникъ на лицо. Замалчивать это обстоятельство, конечно, нѣтъ никакой возможности, но нашелся спеціалистъ (г. Хахановъ, читающій грузинскій языкъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ), который взялся за неблагодарную задачу во что бы то ни стало затемнить вопросъ. Г. Хаханову, одно время принявшему калькутское изданіе персидскаго текста Wīs o Rāmīn за англійскій переводъ того же романа, лично признавшему себя незнающимъ персидскаго языка и въ то же самое время не стѣснявшемуся аттестовать грузинскій переводъ *Шахмаме* однимъ „изъ самыхъ полныхъ и вѣрныхъ переводовъ [2])", называвшему извѣстнаго персидскаго поэта Джамія Джамис'омъ и т. д. и т. д. [3]), въ свое время было сдѣлано болѣе, чѣмъ мы, авторитетнымъ лицомъ, совсѣмъ недвусмысленное, поддержанное указанными и другими фактами, внушеніе, что однимъ зна-

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1895, № 10, стр. 324—328. Г. Джанашвили въ очевидномъ предположеніи, что мы интересуемся именно *его* брошюрами и *его* личнымъ мнѣніемъ, помѣстилъ въ тифлисской газетѣ *Новое Обозрѣніе* (іюнь, 1896 г., №№ 4280 и 4285) статью *О происхожденіи грузинскихъ классиковъ* (отвѣтъ г. Марру); статья однако никакого отвѣта не представляетъ, въ ней нѣтъ ни одного указанія, которое могло бы сколько-нибудь поколебать наши положенія, защищенныя въ цитованныхъ замѣткахъ, или хотя бы ослабить одинъ изъ нашихъ доводовъ, но мы въ ней встрѣтились, для насъ впрочемъ лишній разъ, исключительно съ новыми доказательствами полной неподготовленности автора статьи для обсужденія затронутаго нами научнаго вопроса.

[2]) Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что г. Хахановъ перемѣнилъ „свое" мнѣніе объ этомъ переводѣ и въ настоящее время признаетъ (*Моамбэ*, ор. c., стр. 86) его „своеобразною" стихотворною передѣлкой персидской эпопеи: прибавимъ отъ себя, что все своеобразіе грузинскаго текста состоитъ въ неполнотѣ перевода, сокращеніяхъ и пропускахъ.

[3]) См. Этнографическое Обозрѣніе, Москва. 1889, стр. 36—39.

Библиотека "Руниверс"

ніемъ грузинскаго языка и умѣніемъ разбирать грузинское письмо *хуцури* не покрыть его „полнѣйшей неподготовленности къ ученымъ историко-литературнымъ работамъ“ (Зап. Вост. Отд. Имп. Рус. Арх. Общ. IV, стр. 421—422).

Но урокъ прошелъ даромъ.

Сравнительно недавнею статьею въ грузинскомъ журналѣ *Моамбэ* (1896, VI, стр. 70—86) подъ заглавіемъ: *Персидскій „Вис о рамин“ и грузинскій Висраміани* г. Хахановъ воочію доказываетъ, что ни убѣдительная критика, ни образумляющее время не способны измѣнить его „научныхъ“ пріемовъ. Если же тѣмъ не менѣе мы рѣшились поговорить о статьѣ г. Хаханова на этихъ страницахъ, такъ главнымъ образомъ потому, что подобныя quasi—научныя статьи, помѣщаемыя въ такомъ серьезномъ грузинскомъ органѣ [1]), какъ *Моамбэ*, да еще отъ имени профессора [2]), несомнѣнно содѣйствуютъ распространенію превратныхъ свѣдѣній о памятникахъ древне-грузинской литературы, окутываютъ туманомъ персидско-грузинскія культурныя связи. Вліяніемъ подобныхъ „авторитетныхъ“ измышленій слѣдуетъ объяснить и то, что въ спеціальномъ изслѣдованіи *Нѣсколько словъ о персидскомъ эпосѣ „Виса и Рамина“*. (Труды Вост. Ком. Имп. Моск. Арх. Общ., II) бар. Штакельбергъ „грузинскій“ романъ *Висраміани* признаетъ [3]) „повидимому“ прозаическою *переработкой* персидскаго романа (стр. 12).

Мы не думаемъ вовсе занимать читателя образчиками развязнаго обращенія г. Хаханова съ основными вопросами грузинской филологіи, къ которымъ и подходить неудобно лицу безъ спеціальной научной подготовки, а рѣшать ихъ и совсѣмъ не пристало. Какъ смѣло затрогиваетъ г. Хахановъ, не знающій ни одного восточнаго языка

---

[1]) Не говоря о прочихъ, въ томъ же іюньскомъ номерѣ этого журнала помѣщены чрезвычайно любопытныя статьи по нашей же спеціальности *Дм. С—швили Поддольныя мѣста въ Барсовой кожѣ*, *Гадо Дмитіашвили*, *Персидскіе грузины* (записки путешественника), *Важа-Пшавела*, *Старая и новая поэзія у пшавовъ* (грузинскаго горскаго племени). Статьи эти почти безъ измѣненія могли бы съ честью быть помѣщены въ любомъ европейскомъ органѣ востоковѣдѣнія; онѣ же наглядно подтверждаютъ, что въ нашей спеціальности могутъ быть полезными и лица, мало свѣдующія или вовсе не свѣдующія въ персидскомъ и вообще въ иныхъ восточныхъ языкахъ, если только будутъ работать исключительно въ предѣлахъ своей компетенціи.

[2]) См. Оглавленіе цитованнаго номера *Моамбэ*, статья VIII.

[3]) Самъ бар. Штакельбергъ грузинскаго языка, насколько намъ извѣстно, не знаетъ, и потому мы не рѣшаемся приписать ему лично это мнѣніе.

Библиотека "Руниверс"

кромѣ своего роднаго—грузинскаго, вопросъ хотя бы о вліяніи персидскаго языка на грузинскій, даже иллюстрируя „свое" мнѣніе примѣрами! Напримѣръ, на стр. 72 г. Хахановъ утверждаетъ, что „гандзи" заимствованъ изъ персидскаго, именно это персидское „гандж", отъ котораго, продолжаетъ г. Хахановъ, происходитъ персидское „ганджин" и грузинское „ганджина". „Въ первомъ случаѣ мы внесли слово съ измѣненіемъ, а во второмъ оно сохранило персидскую форму". На самомъ дѣлѣ грузинское „гандзи" вовсе не заимствовано изъ персидскаго, а есть точная грузинская транскрипція армянскаго „гандз": „мы" (то-есть, грузины) тутъ ничего не измѣняли. А затѣмъ въ персидскомъ слова „ганджин" и нѣтъ, а есть „ганджина". Но все это мелочи [1]). Въ данномъ случаѣ насъ занимаетъ то, что г. Хахановъ въ цитованной статьѣ старается убѣдить читателя, будто грузинскій романъ *Вискраміани* не есть переводъ персидской поэмы *Вѣс о Рамѣн* [которой, замѣтимъ кстати, г. Хахановъ не читалъ, ибо персидскаго языка, какъ было сказано, онъ не знаетъ, подходящихъ же переводовъ [2]) пока не существуетъ], а восходитъ непосредственно къ недошедшему до насъ пехлевійскому тексту, какъ предполагается, оригиналу персидской поэмы. „Мы думаемъ" пишетъ г. Хахановъ (стр. 74—75): „что грузинскому „Вискраміани" источникомъ служитъ „пехлевійскій" подлинникъ, который и обработанъ имъ (sic) своеобразно".

---

[1]) Кстати, самыя сопоставленія принадлежатъ покойному Д. Чубинову (см. его *Груз.-рус.-франц. словарь*, 1840 г., подъ словами „гандзи" и „ганджина").

[2]) Извѣстный нѣмецкій стихотворный переводъ Графа (Zeitschr. D. Morgenl. Ges., 1869, стр. 375—433), наиболѣе обширный, далеко не полонъ, но даже имъ не пользовался г. Хахановъ, хотя въ литературѣ предмета, заимствованной изъ цитованной выше статьи бар. Штакельберга, онъ и увѣряетъ читателей въ этомъ. Во всякомъ случаѣ пересказъ персидской поэмы *Вѣс о Рамѣн*, сдѣланный въ *Моамбѣ* (стр. 75—80) г. Хахановымъ, представляетъ частью буквальный переводъ, частью пересказъ съ сокращеніями исключительно русскаго пересказа бар. Штакельберга, ор. с., стр. 3—8, начиная со словъ „Въ городѣ Мервѣ" и кончая фразой „этимъ кончается нашъ персидскій романъ". Болѣе того, г. Хахановъ переводитъ далѣе (*Моамбѣ*, стр. 80—83) все дальнѣйшее разсужденіе бар. Штакельберга вплоть до 12 страницы, включительно до словъ „въ связи съ миѳологическими воззрѣніями", опустивъ лишь персидскіе стихи, причемъ онъ искусно маскируетъ зависимость исключительно отъ почтеннаго московскаго ираниста фразою (стр. 74): „мы при составленіи настоящей замѣтки воспользуемся въ качествѣ матеріала (sic) этими двумя изслѣдованіями (нѣмецкимъ—Графа и русскимъ—барона Штакельберга), а гдѣ понадобятся, мы обратимся къ персидскому подлиннику". Между тѣмъ слѣдовъ знакомства съ нѣмецкою работою Графа и подавно съ персидскимъ подлинникомъ въ статьѣ г. Хаханова абсолютно нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Мысль, выраженную въ этой нѣсколько замысловатой фразѣ, г. Хахановъ повторяетъ въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ на стр. 85, гдѣ читается: „мы уже говорили, что „Висраміани“ не есть заимствованіе на грузинскій языкъ поэмы *Гургана* (sic), а передѣланъ съ пехлевійскаго источника, которымъ, какъ извѣстно, пользовался и самъ *Гургань* (sic)“.

Мы съ своей стороны не думаемъ тутъ доказывать, что *Висраміани* представляетъ переводъ именно персидской поэмы *Фахр-еддина Гургани Вис о Рамин*; что за исключеніемъ введенія, частью опущеннаго, частью сокращеннаго переводчикомъ ввиду отсутствія связи его съ фабулой, равно какъ потому же сокращеннаго эпилога, вся остальная поэма *Фахр-еддина* воспроизведена въ грузинскомъ текстѣ по возможности съ дословною точностью; что переводчикъ переводилъ стихъ за стихомъ, двустишіе за двустишіемъ, почему проза грузинскаго текста при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается цѣпью краткихъ парныхъ фразъ; что отступленія грузинскаго текста объясняются очень рѣдко недостаткомъ знанія персидскаго языка [1]), у переводчика, нѣсколько разъ невозможностью передачи персидскаго текста на грузинскій [2]) и лишь два три раза добровольнымъ отступленіемъ отъ подлинника [3]), и то впрочемъ частью по винѣ переписчиковъ [4]);

[1]) Чаще встрѣчаемся съ тѣмъ, что переводчикъ ошибался въ чтеніи персидскаго текста, что зависитъ, конечно, отъ несовершенства арабскаго письма, употребляемаго персами.

[2]) Такъ напримѣръ, часть девятаго письма (стр. 289), представляющую длинный рядъ сравненій съ формами буквъ арабскаго алфавита, грузинскій переводчикъ принужденъ былъ опустить, такъ какъ для грузинскихъ читателей, незнакомыхъ съ арабскимъ письмомъ, эти сравненія теряли значеніе, передѣлать же эти сравненія примѣнительно къ формамъ грузинскихъ буквъ переводчикъ не рѣшился, очевидно, не имѣя для этого достаточной смѣлости.

[3]) Напримѣръ, персидскій подлинникъ гласитъ (стр. 113, ст. 18) „когда учитель станетъ пѣть мелодію, ученикъ (досл. малышъ) тотчасъ же затѣваетъ пляску“, грузинскій же переводъ это передаетъ такъ (стр. 121, 23—24): „когда попъ играетъ на скрипкѣ, то что дѣлать дьячку, какъ не плясать?“.

[4]) Ниже (стр. 234) мы указываемъ случаи порчи текста переписчиками; переписчикамъ же, быть можетъ, принадлежитъ замѣна рѣки Джихона Курою въ четырехъ случаяхъ (стр. 56, 77, 171, 267), такъ какъ въ большинствѣ случаевъ Джихонъ персидскаго оригинала оставленъ и въ грузинскомъ переводѣ, именно девять разъ (стр. 65, 143, 187, 213, 261, 267, 288, 431 и 449). Но если бы Джихонъ былъ замѣненъ Курою во всѣхъ случаяхъ, и замѣненъ самимъ переводчикомъ, то и тогда было бы смѣшно приводить это обстоятельство въ пользу самостоятельности грузинской редакціи, разъ нѣтъ никакихъ основаній, чтобы признать въ „Висраміани“ вообще особую редакцію.

Библиотека "Руниверс"

что грузинскій переводчикъ не только употребляетъ массу персидскихъ словъ, но слова эти новоперсидскія, иногда даже арабскаго происхожденія, но никогда не въ пехлевійской формѣ, да при томъ слова тѣ же, которыя употреблены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ персидскаго подлинника [1]); что авторъ персидской поэмы Фахреддинъ Гургани и есть авторъ „грузинскаго“ романа, хотя имя его искажено переписчиками въ Фахфура [2]) Джурджан'скаго [3]); что этотъ авторъ во вступленіи грузинскаго текста (стр. 3) сообщаетъ о томъ, какъ съ пехлеви онъ взялся перелагать въ стихахъ повѣсть о Висѣ и Рамінѣ на персидскій языкъ (а не грузинскій) и то же самое читаемъ въ персидскомъ подлинникѣ. Всего этого мы тутъ и доказывать не будемъ потому, что въ данномъ случаѣ и доказывать нечего: фактъ перевода грузинскаго *Вискраміани* съ персидской поэмы *Вис* о *Фамин* совершенно ясное дѣло. Вопросъ, слѣдовательно, лишь въ томъ, съ какимъ умѣніемъ отнесся грузинскій переводчикъ къ своей задачѣ, не пользовался ли онъ нѣсколько отличнымъ и, быть можетъ, даже лучшимъ мѣстами спискомъ, чѣмъ тотъ, по которому сдѣлано существующее изданіе персидскаго текста, къ какомъ видѣ сохранили переписчики древне-грузинскій переводный памятникъ и т. д. Въ связи съ этими вопросами стоитъ, конечно, и вопросъ о времени перевода. Всѣ эти вопросы въ свое время и будутъ разобраны посильно въ томъ органѣ, въ которомъ сосредоточиваются у насъ подобныя спе-

---

[1]) Чтобы не казаться голословнымъ, укажемъ на нѣсколько случаевъ, отчасти такихъ, въ какихъ дѣло имѣемъ со словами арабскаго [со звѣздочкой] происхожденія, слѣдовательно, невозможными въ текстѣ пехлеви: *аліз *дорогой* перс. 92, 16=груз. 94, 18), бахтар *востокъ* (перс. 197, 13=груз. 213, 17—18), хавар *западъ* (перс. 197, 13=груз. 213, 17: въ изданіи „хорав“), бѣчара *несчастный* (перс. 166, 16=груз. 179, 3), бут *идолъ* (перс. 74, 20=груз. 75, 2),* давлат *счастіе* (перс. 76, 7=груз. 76, 17), *махмур *опьяненный* (перс. 282, 19=груз. 306, 16—17), мехман *гость* (перс. 338, 16=груз. 375, 8), *таррар *воръ* (перс. 345, 14=груз. 387, 17) и т. д.

[2]) Это плохое чтеніе исправляется рукописью Имп. Пуб. Биб., Собр. кн. Груз. № 182, гдѣ тоже имя читается Фахуръ=перс. Фахръ.

[3]) По грузински джорджанели; „джорджанъ“ тоже что „гурганъ“ съ обычнымъ переборомъ г въ дж; быть можетъ, эта арабская форма имѣлась уже въ томъ спискѣ *Вису и Рамина*, который былъ въ рукахъ грузинскаго переводчика. Во всякомъ случаѣ и въ другихъ случаяхъ „Гургани“ персидскаго подлинника у грузинскаго переводчика звучитъ „Джорджани“, напр. перс., стр. 238,2=груз., 255, 9, но не всегда, такъ напримѣръ на той же страницѣ грузинскаго изданія (строка 3-ья) находимъ „Гургани“ въ соотвѣтствіе персидскому „Гургани“ (стр. 237, 18).

Библиотека "Руниверс"

ціальныя работы по востоковѣдѣнію. Мы здѣсь ограничимся лишь указаніемъ на то, что значеніе „Висраміани“ не въ его двухъ, трехъ случайныхъ уклоненіяхъ, возводимыхъ къ особой „грузинской“ редакціи, а въ томъ, что онъ въ общемъ хорошій, гдѣ дословный, а гдѣ нѣсколько свободный, но всегда, по возможности, точный переводъ персидской поэмы Фахр-еддѣна, и съ его помощью часто удается исправлять и дополнять персидскій текстъ, такъ какъ грузинскій переводчикъ работалъ, по всей вѣроятности, въ XII вѣкѣ и во всякомъ случаѣ имѣлъ въ рукахъ сравнительно хорошій списокъ [1]). Но какимъ же путемъ г. Хахановъ, минуя дѣйствительность—фактъ перевода *Висраміани* съ персидскаго, уносится въ фантастическій міръ пехлевійскихъ сказокъ? Мы не знаемъ, какъ назвать этотъ путь, и предпочитаемъ указать самые факты.

„Для доказательства этой мысли [2]) мы, пишетъ г. Хахановъ (стр. 75), приведемъ содержаніе персидскаго „Висраміани“, какъ его сохранилъ поэтъ Гурганъ (sic) въ XI вѣкѣ [3]). Такъ какъ съ повѣстью этой на грузинскомъ знакомы всѣ [читатели *Моамбе*], то мы не будемъ сопоставлять содержанія грузинскаго „Висраміани“, тѣмъ болѣе, что съ этой стороны разница не имѣетъ значенія для сравненія“. И такъ, г. Хахановъ отвергая непосредственную зависимость грузинскаго текста романа о Висѣ и Раминѣ отъ стихотворной обработки Гурганскаго поэта, въ доказательство ссылается на то, что между грузинскимъ „Висраміани“ и персидской поэмой Фахр-еддѣна Гурганскаго въ отношеніи содержанія нѣтъ никакой значительной разницы. Комментаріи излишни. Но, можетъ быть, признавая тожество сюжета, г. Хахановъ выясняетъ независимость „грузинской редакціи“? Но до-

---

[1]) Что списокъ этотъ не былъ идеальнымъ, это тоже видно изъ сличенія: многіе пробѣлы грузинскаго текста, внѣ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ разсматривать въ зависимости отъ бывшаго въ рукахъ грузинскаго переводчика персидскаго списка. Списокъ этотъ, по всей видимости, раздѣлялъ съ изданнымъ персидскимъ текстомъ многія неясности, чѣмъ надо объяснить то, что сомнительныя мѣста имѣющагося у насъ персидскаго текста грузинскій переводчикъ въ рядѣ случаевъ то толкуетъ болѣе или менѣе произвольно, то благоразумно опускаетъ. Такихъ неточностей, понятно, мы не можемъ поставить въ счетъ добровольныхъ отступленій грузинскаго переводчика.

[2]) То-есть той, что „Висраміани“ есть передѣлка непосредственно пехлевійскаго текста, а не переводъ персидской поэмы Гургани.

[3]) Мимоходомъ напомнимъ, что это невѣрно, ибо г. Хахановъ приводитъ содержаніе персидской поэмы, какъ его пересказалъ бар. Штакельбергъ (см. выше, стр. 227), а не какъ его сохранилъ персидскій поэтъ XI вѣка.

Библиотека "Руниверс"

воды? Послушаемъ: „Что грузинскій текстъ не переводъ персидской поэмы, видно изъ того", пишетъ г. Хахановъ, (стр. 85), „что авторъ ея Гурган[и] романъ Висы и Рамина изложилъ въ стихахъ, а грузинскій текстъ предлежитъ въ прозѣ".

Если этого мало, то г. Хахановъ предлагаетъ повѣрить ему, что „Висраміани" передѣланъ непосредственно съ пехлевійскаго текста, такъ какъ собственныя имена Мервъ, Мобедъ и Шехру въ грузинскомъ текстѣ звучатъ въ иной формѣ, и кромѣ того въ немъ *одинъ раз* встрѣчается рѣка Кура (стр. 85—86). Очевидно, г. Хахановъ не можетъ постичь, какъ это первыя три слова древне-грузинскій переводчикъ произноситъ не такъ, какъ транскрибируетъ ихъ по русски бар. Штакельбергъ. Но чтобы постичь это, достаточно было разбирать буквы персидскаго текста. Что же касается Куры, то она встрѣчается не разъ, а четыре раза (см. выше, стр. 228 прим. 4), но неужели это говоритъ сколько нибудь въ пользу того, что грузинскій *Висраміани* переведенъ съ пехлевійскаго текста? Впрочемъ Хахановъ этотъ памятникъ древне-грузинской литературы считаетъ не переводомъ, а передѣлкою, своеобразною обработкою иностраннаго подлинника. Перечислимъ всѣ безъ исключенія доводы въ пользу этого утвержденія.

Г. Хахановъ пишетъ (стр. 81): „самъ (Раминъ) великолѣпно играетъ на „чангѣ", и судя по грузинскому тексту, этотъ музыкальный инструментъ изобрѣтенъ имъ". Повидимому авторъ статьи думаетъ, и во всякомъ случаѣ онъ внушаетъ читателю, что изобрѣтеніе „чанга" Рамину приписываетъ лишь грузинскій текстъ, между тѣмъ грузинскій текстъ въ данномъ случаѣ, какъ и всюду, представляетъ переводъ персидскаго, именно двустишія 7-го на 396 стр.

„Заслуживаетъ вниманія", пишетъ г. Хахановъ (стр. 83): „еще одно мѣсто, гдѣ читаемъ имена „Соломонъ и Балавъ", съ которымъ [съ которыми?] авторъ сравниваетъ Мобеда. Быть можетъ, Балавъ есть „Балаваръ", каковое имя извѣстно на грузинскомъ языкѣ (*Мудрость Балавара*) уже въ XI вѣкѣ".

Указаніе чрезвычайно интересное, но, къ сожалѣнію, основанное на непониманіи грузинскаго текста. Въ оправданіе г. Хаханову можно однако въ данномъ случаѣ привести то, что онъ не знаетъ языка подлинника, а безъ сличенія съ персидскимъ подлинникомъ, быть можетъ, и трудно замѣтить пропускъ имени Висы въ подлежащемъ мѣстѣ грузинскаго текста (стр. 128, строки 7—9): „когда шахъ Моабадъ при хорошей звѣздѣ возвратился изъ Константа, прибылъ въ

Библиотека "Руниверс"

городъ Маравъ (Мервъ), то сидѣлъ на замкѣ [1]) [вмѣстѣ съ среброгрудою Висой] точно Соломонъ и Балавъ". Пропускъ, восполняемый нами въ прямыхъ скобкахъ, внѣ всякаго сомнѣнія, дѣло рукъ переписчиковъ, а не „редактора" грузинскаго перевода: сейчасъ же за этимъ сравненіемъ Моабада и Висы съ Соломономъ и Балавомъ ведется бесѣда мервскаго властелина съ Висою, внезапное появленіе которой безъ указанія о ней раньше было бы болѣе чѣмъ странно. Такимъ образомъ, „Балавъ" не только нельзя отожествлять съ именемъ мудраго Балавара, но въ немъ нельзя признавать вообще мужское имя, такъ какъ съ носительницею его сравнивается Виса, какъ съ Соломономъ Моабадъ. Не трудно бы догадаться, кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ Балавомъ, упоминаемой съ именемъ Соломона, если бы была нужда въ догадкѣ, когда въ нашихъ рукахъ персидскій подлинникъ, гдѣ то же самое мѣсто (стр. 119, стихи 10—11) въ буквальномъ переводѣ на русскій языкъ гласитъ:

„При хорошей звѣздѣ гордый міродержецъ [то-есть Мобедъ]
Изъ Коѳистана возвратился въ Мервъ;
На крышѣ замка [2]) со среброгрудою Висой
Сидѣлъ (Мобедъ), точно Соломонъ и Балкисъ".

Какъ извѣстно Балкѣсъ это царица Савская, посѣтившая Соломона и вышедшая, по мусульманскимъ преданіямъ, за него замужъ. Въ персидскомъ текстѣ краткіе гласные не пишутся, и потому слово имѣетъ видъ б-л-кис; грузинскій переводчикъ отбросилъ ѣс [3]), а остальную часть прочелъ съ гласнымъ „а" при двухъ первыхъ коренныхъ [4]): „балак", что и слѣдуетъ читать въ грузинскомъ текстѣ, такъ какъ форма „балав" обязана своимъ происхожденіемъ тому, что буквы „к" и „в" въ грузинскомъ письмѣ легко смѣшиваются.

„Въ поэмѣ Гургана (sic)", пишетъ г. Хахановъ (стр. 83): „упомя-

---

[1]) Въ текстѣ персидское слово „кошк", тоже, что и въ персидскомъ подлинникѣ.

[2]) Кошк см. грузинскій переводъ выше—прим. 1.

[3]) Такой же пропускъ наблюдаемъ напримѣръ въ имени одного лица въ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ: Рак вмѣсто Ракѣс. Въ грузинскомъ „ис" есть окончаніе родительнаго падежа и потому не терпится въ концѣ имени въ именительномъ падежѣ, если это не названіе города; названія городовъ въ грузинскомъ ставятся и въ родительномъ падежѣ, ср. Тпилис-и (Тифлисъ), Кутаис-и (Кутаисъ) и др.

[4]) Такая же вокализація наблюдается при заимствованіи съ персидскаго въ названіи города Мервъ: перс. м-р-в (читается марв, мерв), но грузинскій переводчикъ *Висы и Рамина* читаетъ „марав".

Библиотека "Руниверс"

нуты прославленные герои Персіи, Александръ Великій, стрѣлокъ Аришъ, мудрый Хосрой и другіе. Въ грузинскомъ [текстѣ *Вися и Рамина*] вмѣсто нихъ мы встрѣчаемъ [имя] Амиранъ". Въ подтвержденіе употребленія въ романѣ имени „грузинскаго національнаго" героя Амирана тутъ же приводятся двѣ столь блестящія цитаты, что передъ ними положительно блѣднѣютъ такіе перлы только-что приведенной тирады, какъ то, во-первыхъ, что Гуранъ (Hyrcania), родина поэта Фахр-еддина, автора персидской поэмы, обращена въ самого поэта и то, во-вторыхъ, что сочинено, будто въ грузинскомъ текстѣ нѣтъ имѣющихся въ персидской поэмѣ перечисленныхъ именъ „персидскихъ героевъ". Чтобы убѣдиться въ измышленности послѣдняго факта, достаточно указать, что:

a) Александръ Великій встрѣчается на 439 стр. грузинскаго текста (строка 9), и именно тамъ, гдѣ требуетъ этого персидскій подлинникъ (стр. 382, стихъ 4). Въ обоихъ текстахъ говорится о томъ, что небесное воинство, то-есть свѣтила, выступило такъ, какъ Александръ съ войсками вышелъ изъ полнощной страны;

b) Арашъ [1]), въ грузинскомъ произношеніи Рашъ, то-есть съ пропускомъ [2]) начальнаго „а" (ср. Рани вмѣсто Арани, *Висраміани*,

---

[1]) Мы умышленно читаемъ слово съ гласнымъ „а" послѣ „р". Въ персидскомъ краткіе гласные звуки не пишутся, и это имя можно читать съ фатхою: „ӑраш"=ӑреш, какъ вокализируетъ его Вуллерсъ въ *Словарѣ*, равно Абдулъ-Кадиръ Багдадскій (*Lexicon Salmānianum*, edidit C. Salemann, I, 65), и какъ, очевидно, читалъ грузинскій переводчикъ, или съ кесрою: „ӣриш", какъ произносятъ въ настоящее время цитованные у бар. Шёнкельберга, op. c., стр. 12, иранцы. По всей вѣроятности, имя этого стрѣлка носилъ упоминаемый армянскимъ историкомъ (VII вѣка) Себеосомъ (изд. К. Патканова, стр. 96), персидскій князь Рашъ (рукоп. варіантъ въ одномъ случаѣ: „ъреша̃ш").

[2]) Впрочемъ „раши" вмѣсто „араши" въ грузинскомъ текстѣ мы предпочитаемъ объяснить, какъ „поправку" невѣжественныхъ переписчиковъ, которые въ немъ признали, по всей вѣроятности, грузинское слово „раши" *конь*=перс. рахш". Съ этимъ невѣрнымъ въ данномъ случаѣ пониманіемъ слова „раши"= „араши" связано, надо полагать, и искаженіе географическаго названія „Сарит" изъ „*Сари*" въ сіарулит *кодомъ*, о чемъ рѣчь будетъ сейчасъ. Въ вѣроятности такого объясненія потери начальнаго „а" именемъ „араша" насъ убѣждаетъ другой случай, кстати еще разъ опровергающій заявленіе г. Хаханова, будто въ грузинскомъ текстѣ нѣтъ этого имени, именно персидскій стихъ (стр. 280, 20) гласитъ: „тебѣ подобаетъ, не Арашу, (какъ славному стрѣлку), слава рыцаря (дословно: рыцарство)", грузинъ переводитъ: „имя рыцарства тебѣ подобаетъ во славу, а *не Рашу*". Послѣднія два слова въ грузинскомъ текстѣ звучатъ „ар рашса", но такъ читаются они въ изданіи, а въ рукописи Собр. кн. Грузинскаго, № 182, стр. 513—„ар арашса" (написано „ара рашса") *не Арашу*.

Библиотека "Руниверс"

стр. 155, 177, 199, 214 и 262), находимъ на страницѣ 308, строки 17—18; это мѣсто интересно для характеристики печатнаго изданія грузинскаго текста, и потому его приведемъ сличительно съ персидскимъ текстомъ:

перс., стр. 280, ст. 18.	груз., l. c.
„...Называютъ Араша стрѣлкомъ, такъ какъ онъ изъ Сари до-бросилъ въ Мервъ стрѣлу".	„Раша хвалятъ потому что, изъ *Сари* въ Мервъ стрѣлу до-бросилъ".

Въ соотвѣтствіе городу Сари (перс. сāрī) въ грузинскомъ стоитъ „сіарулиѓ" *ходомъ*, что, очевидно, есть искаженіе вмѣсто сариѓ или, быть можетъ, саравиѓ, твор. падежъ (на вопросъ: откуда) отъ „сари" или „сарави", какъ передано это географическое названіе [1]) у грузинскаго переводчика въ другомъ мѣстѣ (стр. 134, 6).

c) Хосрой также упоминается въ грузинскомъ текстѣ, и не только мудрый, но и другой, безумно влюбленный въ красавицу Ширину, Но, быть можетъ, въ „грузинской редакціи" романа эти Хосрои играютъ совсѣмъ иную роль, чѣмъ въ персидской поэмѣ, и тѣмъ придаютъ произведенію мѣстный грузинскій колоритъ? Ничуть не бывало.

---

[1]) Что издатели грузинскаго текста (Тифлисъ 1884), работавшіе втроемъ, напечатали эту безсмысленную фразу безъ всякой оговорки, тому мы давно перестали удивляться, такъ какъ въ изданіи, вышедшемъ подъ ихъ редакціею, встрѣчаемся и съ другими не менѣе характерными курьезами. Вотъ еще два примѣра: a) 18-й стихъ на 66-й стр. персидскаго текста гласитъ: „прошелъ тотъ день и то счастливое время, когда одинъ офицеръ (шахматный, буквально, *слонъ*) могъ побить двѣ туры (шахматныя, по-персидски шеһрух)"; точный переводъ этого стиха и имѣемъ въ 19—20 строкахъ на 60-й стран. грузинскаго текста, но неумѣстное тутъ „куроман" *телецъ* надо исправить въ слово „рцуман" или „куман" (что и находимъ въ рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки, Собр. кн. Груз., № 112, л. 16 b и № 182, стр. 95), означающее собственно *черепаху*, а въ шахматной игрѣ *офицера*, и кромѣ того въ „шарухи", грузинской транскрипціи персидскаго „шеһрух" *тура*, никакъ нельзя видѣть „собственное имя человѣка", какъ толкуютъ издатели (стр. 474); b) на стр. 94 грузинскаго текста (стр. 8—9) няня укоряетъ Вису, почему она такъ теряется и разсыпаетъ печать (бечеѓ-са) по золоту (блѣднымъ лалитамъ)? При сличеніи съ персидскимъ оригиналомъ (стр. 92, 8) оказывается, что „бечеѓ-са" *печать* надо исправить въ „беджада-са": это стоящее и въ подлинникѣ персидское слово „бедждāдаһ" *родъ краснаго яхонта*, въ данномъ случаѣ метафорически *кровавыя слезы*. Впрочемъ мы нисколько не упрекаемъ издателей въ подобныхъ довольно многочисленныхъ упущеніяхъ, разъ они не задавались мыслью дать критическое изданіе.

Библиотека "Руниверс"

Такъ первый разъ читаемъ про Хосроя въ слѣдующемъ двустишіи персидскаго подлинника (стр. 85, 12):

„Какъ хорошо, сказалъ Хосрой воину:
—Когда нѣтъ у тебя стыда, иди и дѣлай то, что хочешь!"

Это довольно назидательное изреченіе грузинскій переводчикъ сохранилъ, но, повидимому, прочтя въ персидскомъ подлинникѣ гуй *говори* вм. кун *дѣлай* [1]), опъ пишетъ:

„Какъ хорошо сказалъ Хосрой воину:
—Такъ какъ нѣтъ у тебя стыда, говори то, что хочешь!"

Отъ Хосроя-же имѣемъ и другое изреченіе о злыхъ, сотворенныхъ изъ ада для ада, и это какъ въ персидскомъ подлинникѣ (стр. 394, 4—5), такъ въ грузинскомъ переводѣ (стр. 451, 8—11). Кромѣ этого Хосроя, быть можетъ, Анушпрвана, которому и приписываются обыкновенно на Востокѣ мудрыя изреченія, въ персидской поэмѣ упоминается романтическій герой, съ тѣмъ же именемъ, въ слѣдующемъ двустишіи (стр. 367. 4):

„Серебряная рука схватилась за золотую чашу,
Какъ рука Хосроя за руку Ширины".

Грузинскій переводчикъ въ данномъ случаѣ переводитъ свободно [2]), но все же переводитъ, нисколько не думая наложить на мысль персидскаго поэта „своеобразную мѣстную (грузинскую) печать", и этотъ свободный переводъ въ буквальной русской передачѣ гласитъ:

„Онъ не выпускалъ (изъ руки) стакана съ цвѣтистымъ (золотистымъ) виномъ,
Какъ Хосрой не выпускалъ (изъ своей руки) руки Ширины".

Послѣ всего сказаннаго можно было бы предположить, что г. Хахановъ не читалъ и грузинскаго текста *Висы и Рамина*. Но мы думаемъ, что такое предположеніе было бы несправедливо: г. Хахановъ настолько [3]), конечно, читалъ *Висраміани*, чтобы замѣтить въ немъ за-

---

[1]) Если однако „итходи" *говори* грузинскаго текста не есть описка вмѣсто „имоди" *дѣлай*.

[2]) Случаи такого вольнаго обращенія съ подлинникомъ сравнительно рѣдки и, по всей вѣроятности, свидѣтельствуетъ не о произволѣ переводчика, а объ особенностяхъ бывшаго въ его рукахъ персидскаго списка.

[3]) Извѣстная степень небрежности г. Хахапова въ чтеніи грузинскаго текста также очень вѣроятна, въ противномъ случаѣ г. Хахановъ, думается намъ, не преминулъ бы съ своей точки зрѣнія подтвердить самостоятельность грузинской редакціи ссылкою между прочимъ на слѣдующую фразу грузинскаго текста (стр. 257): „рѣсницы ея (красавицы Гулъ) искусству стрѣлка учились у

Библиотека "Руниверс"

мѣченное нами, но ложно понятый патріотизмъ рука объ руку съ полнымъ отсутствіемъ знанія персидскаго языка и персидской литературы, позволяли ему видѣть въ бѣломъ черное и въ черномъ бѣлое. Приведенные выше случаи съ собственными именами довольно ярко иллюстрируютъ нашъ взглядъ. Но если ихъ недостаточно, то двѣ цитаты, о которыхъ мы упомянули раньше, въ состояніи устранить всякое сомнѣніе на этотъ счетъ.

Цитаты эти устанавливаютъ, по увѣренію г. Хаханова (см. выше, стр. 233), тотъ фактъ, что въ „грузинскомъ" романѣ *Виса и Рамина* введенъ Амиранъ, по крайней мѣрѣ въ немъ названо его имя (Амиранъ). Но это значитъ, что или г. Хахановъ не умѣетъ читать по-грузински, или онъ сознательно искажаетъ смыслъ текста. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на цитату съ 388 страницы. Соотвѣтствующій стихъ персидскаго подлинника (стр. 345, двуст. 20) гласитъ:

„Быстро пустѣетъ городъ при двухъ эмирахъ".

Грузинскій текстъ, цитованный г. Хахановымъ en toutes lettres, есть точный переводъ этого стиха и въ буквальномъ переводѣ на русскій языкъ гласитъ:

„Скоро пустѣетъ городъ, гдѣ два эмира стоятъ".

Тутъ рѣчи нѣтъ ни о какомъ грузинскомъ героѣ Амиранѣ, нахожденіе котораго въ глазахъ г. Хаханова должно было наложить на романъ „своеобразную мѣстную (грузинскую) печать". Въ грузинскомъ текстѣ интересующая г. Хаханова часть только-что приведенной фразы звучитъ: „орни (два) *амирани* (эмира) дген (стоятъ)", но подчеркнутое „амирани" тутъ—множественное число съ окончаніемъ

абхазцевъ". Сослаться на это можно было тѣмъ съ большимъ правомъ, что объ абхазцахъ рѣчи нѣтъ въ печатномъ персидскомъ текстѣ. Прибавимъ однако, что соотвѣтствующій стихъ (стр. 239, 3) въ персидскомъ текстѣ, съ сомнительнымъ чтеніемъ послѣднихъ двухъ словъ, гласитъ:

„бечеши āвурдеӣ тīрафкеи *беӣ анджāз*"

Грузинскій переводчикъ сомнительныя слова „беӣ анджāз", очевидно, прочелъ „з абхāз", что легко допустить при арабскомъ письмѣ (достаточно переставить точки). Въ такомъ видѣ персидскій стихъ по существу будетъ обозначать то же, что и приведенная выше грузинская фраза, именно:

„глазами она принесла стрѣлка изъ Абхаза".

Быть можетъ, такое чтеніе и было уже въ персидскомъ спискѣ, бывшемъ въ рукахъ грузинскаго переводчика. Укажемъ еще, что персамъ „Абхазъ" извѣстенъ въ качествѣ области въ Туркестанѣ.

Библиотека "Руниверс"

„ни“ отъ слова „амира“, означающаго по-грузински „эмиръ“. Не вѣрится, чтобы этой фразы дѣйствительно не понялъ сколько нибудь грамотный грузинъ.

Совершенно тождественнаго характера и другая цитата (со стр. 425); и здѣсь во фразѣ „всѣ эмиры (амирани) и цари опоясываютъ себя подобно рабу, чтобы служить вамъ“ г. Хахановъ мн. число того же слова „амира“ *эмиръ*, звучащее „амирани“ *эмиры*, предлагаетъ принять за собственное имя „Амиранъ“.

Но довольно! Мнѣніе, ищущее опоры въ перечисленныхъ выше доводахъ (а другихъ нѣтъ), едва ли можетъ получить двоякую оцѣнку, и едва ли кто либо изъ лицъ, умѣющихъ понять силу раскрытыхъ нами фактовъ, будетъ оспаривать, что зависимость „Висраміани“ непосредственно отъ пехлевійскаго источника и грузинская своеобразная передѣлка его редакціи есть очень плохая восточная сказка.

Н. Марръ.

М. Дьяконовъ. Акты, относящіяся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. I, Юрьевъ 1895. Крестьянскія порядныя. Вып. II, Юрьевъ 1897 „Грамоты и Записи“.

Настоящее изданіе профессора Юрьевскаго университета М. А. Дьяконова является плодомъ его работъ въ московскихъ архивахъ, гдѣ онъ собиралъ матеріалы по исторіи тяглаго населенія Московской Руси [1]). Авторъ въ предисловіяхъ къ обоимъ выпускамъ подробно указываетъ, откуда какіе документы заимствованы, отмѣчаетъ тѣ, которые уже были напечатаны. Кромѣ того, въ приложеніи къ первому выпуску своего изданія онъ даетъ перечень ранѣе сего изданныхъ порядныхъ и ссудныхъ записей. Мы не будемъ останавливаться на археографической сторонѣ изданія, во-первыхъ, такъ какъ это уже сдѣлано по отношенію къ первому выпуску [2]), а во-вторыхъ, такъ какъ эта сторона дѣла очень мало, по нашему мнѣнію, имѣетъ значенія въ подобномъ изданіи, сравнительно съ содержаніемъ. Укажемъ лишь, что внѣшность изданія безукоризненна и замѣтимъ, что пр. Дьяконовъ задался весьма полезною мыслью, сперва издать матеріалы и затѣмъ, выпустить въ свѣтъ изслѣдованіе, произведенное на основаніи ихъ; это

---

[1]) Вып. I, стр. III.

[2]) Рецензія г. *Шумакова* въ Жур. Юрид. Общества 1896, апрѣль, стр. 6—9.

Библиотека "Руниверс"

единственный плодотворный способъ работы по архивнымъ документамъ; безъ этого отнимается, по крайней мѣрѣ, половина убѣдительности въ выводахъ автора [1]). Обращаясь къ содержанію изданія М. А. Дьяконова, мы позволимъ себѣ, прежде всего, остановиться на терминологіи издателя. Во-первыхъ, нельзя не отмѣтить, что въ наукѣ принято подъ тяглымъ населеніемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова разумѣть не владѣльческихъ крестьянъ, а черныхъ [2]). Поэтому заглавіе, данное пр. Дьяконовымъ своему изданію: „Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія", не можетъ быть названо вполнѣ точнымъ, такъ какъ большинство этихъ актовъ касается именно владѣльческихъ крестьянъ. Затѣмъ, издатель и въ предисловіи и оглавленіи употребляетъ названіе „Ссудная запись", какъ синонимъ порядной [3]). Равнымъ образомъ встрѣчается наименованіе „Подможная запись [4])". Позволимъ себѣ по этому поводу замѣтить слѣдующее: для юриста въ каждомъ изслѣдуемомъ явленіи важна его юридическая сущность, а не названіе. Является ли ссудная или подможная запись *особымъ* видомъ порядныхъ, даетъ ли она особыя права одному изъ контрагентовъ или налагаетъ, быть можетъ, на другаго особыя обязанности, не встрѣчаемыя въ другихъ порядныхъ? П. Н. Милюковъ, въ своей обширной рецензіи на цитированную нами книгу пр. Лаппо-Данилевскаго, говоритъ [5]), что ссудная запись была нѣчто среднее между крестьянскою порядной и холопскою служилою кабалой. Посмотримъ, существуетъ ли разница между порядною и ссудною

---

[1]) Позволимъ себѣ отмѣтить, какъ блестящее доказательство пользы такого способа обращенія съ матеріаломъ, трудъ покойнаго *С. А. Бершадскаго* „Литовскіе евреи" С.-Пб. 1883, которому предшествовало капитальное изданіе „Документы къ исторіи литовскихъ евреевъ изъ актовыхъ книгъ Метрики Литовской, Кіевскаго и Виленскаго центральнаго архива". С.-Пб. 1882 и трудъ пр. *Г. В. Форстена* по исторіи балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ, которому предшествовало изданіе „Актовъ и писемъ", относящихся до сего и добытыхъ авторомъ въ архивахъ западной Европы. (С.-Пб. 1889). Доказательствомъ неубѣдительности однихъ цитатъ по рукописямъ можетъ служить прекрасная книга *П. Н. Милюкова* „Госуд. хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра В.", многіе выводы коего такъ и остались спорными

[2]) *Лаппо-Данилевскій* „Организація прямаго обложенія въ Московскомъ гос.". С.-Пб. 1894, стр. 140.

[3]) Вып. I, стр. VII, IX, 89 и др.

[4]) Вып. 1, стр. 86.

[5]) „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства" С.-Пб. 1892. стр. 86.

Библиотека "Руниверс"

записью одного и того же времени. Возьмемъ, на выборъ, любую порядную XVII в. изъ изданія пр. Дьяконова. Напр., подъ № 5 (1627 г.) [1]). Передъ стольникомъ, воеводами и дьякомъ была положена порядная запись для занесенія въ книги [2]). А въ порядной сказано, что такіе то крестьяне Чиркина дали ему на себя запись, чтобы впредь имъ жить за нимъ въ крестьянахъ, пашню пахать и т. д., а если не исполнятъ своего обязательства или уйдутъ „и гдѣ насъ Иванъ съ сею жилецкою записью сыщетъ, и мы Семенъ и Ортемей крѣпки ему во крестьянствѣ въ его поимѣстьѣ, на тѣ деревню, гдѣ онъ насъ посадитъ, да ему же взяти на насъ заставы 4 рубли московскихъ“ [3]). Возьмемъ теперь ссудную запись подъ № 49. Тамъ прямо сказано, что въ книгахъ записано слѣдующее: такой то крестьянинъ взялъ ссуду у князя Борятинскаго и обязывается жить за нимъ въ крестьянахъ, пашню пахать и т. п. Если онъ не будетъ работать, или уйдетъ, то Борятинскій воленъ его вернуть, сдѣлать вновь своимъ крестьяниномъ и взять на немъ данную ему ссуду. Очевидно, что между порядною и между ссудною нѣтъ никакой юридической разницы, особенно въ смыслѣ ограниченій лица, давшаго ссудную запись: напротивъ, его преимущество въ томъ, что онъ получилъ, по крайней мѣрѣ, ссуду, которую съ него не возьмутъ иначе, если онъ уйдетъ или будетъ лѣниться, а крестьянинъ по порядной № 5 платитъ заставу (неустойку), не получивъ ее предварительно въ видѣ ссуды. Очевидно, что изслѣдователей смущаетъ лишь внѣшность, да произвольность приказной терминологіи. Что касается до первой, то можно привести порядныя совершенно необычнаго типа [4]): такой то крестьянинъ порядился въ вотчину Новгородскаго митрополита и обязуется никуда не уходить (подробно перечисляется къ кому онъ могъ-бы уйдти) и представляется, въ случаѣ ухода крестьянина, митрополичьимъ приказнымъ взять на немъ заставу въ десять рублей московскихъ. Ни постановленія объ исполненіи крестьянскихъ работъ, ни предоставленія митрополиту права вернуть бѣглаго нѣтъ. Очевидно,

---

[1]) Вып. I, стр. 4—5.

[2]) Эти записи являются предшественниками порядка, установленнаго Уложеніемъ (XI, 20). Должно, впрочемъ замѣтить, что и послѣ Уложенія, вопреки мнѣнія В. И. Сергѣевича (Юрид. Др. I, стр. 149) продолжаютъ заключаться порядныя—см. напр. М. Дьяконовъ, наст. изд. вып. I, стр. 62, № 62.

[3]) Вып. I, стр. 49.

[4]) Ркпи-сь Археографической коммиссіи, изъ Новгородской Казенной палаты за № 432. (18 декабря 1621). См. Прилож. I къ сей рецензіи.

Библиотека "Руниверс"

если бы мы не предполагали, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сокращенною редакціей договора, составленнаго къ тому же площаднымъ подьячимъ (какъ видно изъ скрѣпы), мы съ бо́льшимъ основаніемъ могли бы считать эту порядную за особый видъ договора, чѣмъ вышеприведенную ссудную запись. Спутанность московской юридической терминологіи неоднократно уже отмѣчалась [1]). Очевидно, что только потому актъ за № 55 [2]) попалъ въ число документовъ, печатаемыхъ пр. Дьяконовымъ. Это тоже, судя по словамъ площаднаго подъячишки, ссудная запись. Но стоитъ даже бѣгло на нее взглянуть, чтобы понять, что это служилая кабала, въ которой, какъ это часто дѣлалось, заемъ названъ ссудой. Дѣйствительно, такой то послуживецъ такого-то князя, съ семействомъ, взяли у своей княгини хлѣба, лошадь, корову, овецъ, всякой животины и 15 рублей денегъ „А жити мнѣ... у государыни своей съ женою и съ дѣтьми за дворомъ себѣ избою, потому что взялъ у государыни своей ссуду денегъ и хлѣба и животину, и за ту ссуду мнѣ у государыни своей съ женою и съ дѣтьми служити и всякую работу работать. А на то послуси ... и т. д.". Низъ грамоты оторванъ. Очевидно, что это кабала, а не порядная.

Быть можетъ пр. М. А. Дьяконовъ въ своемъ изслѣдованіи укажетъ на характеръ печатаемыхъ имъ актовъ, но мы не можемъ не замѣтить, что именно историкъ права имѣетъ бо́льшую, сравнительно съ историками вообще, возможность отличать въ документахъ ихъ юридическое значеніе и сообразно сему давать имъ то или иное заглавіе и помѣщать ихъ въ ту или иную рубрику: онъ не можетъ быть стѣсненъ при этомъ ни словами подлинника, ни требованіями археографіи. Профессоръ же Дьяконовъ—да позволено намъ будетъ это замѣтить,—нѣсколько находился подъ вліяніемъ, съ одной стороны, тѣхъ подьячихъ, которые составляли акты, а съ другой стороны, историковъ, стремящихся всякую букву документа помѣстить въ своемъ изслѣдованіи. Это стремленіе весьма почтенно, плоды его неоцѣненны, но не въ этомъ задача, какъ намъ кажется, историка права.

Мы, конечно, не въ состояніи, въ этой краткой замѣткѣ обозрѣть содержаніе интереснаго изданія пр. М. А. Дьяконова, ни тѣмъ менѣе сдѣлать изъ него какіе нибудь выводы. Мы позволимъ себѣ

---

[1]) *В. И. Сергеевичъ* „Лекціи и изслѣдованія" С.-Пб. 1894, стр. 20.

[2]) Вып. I, стр. 55.

Библиотека "Руниверс"

лишь остановиться на нѣкоторыхъ, бросившихся намъ въ глаза документахъ.

Прежде всего укажемъ, что въ выпускѣ первомъ актовъ проф. Дьяконова всѣ порядныя, кромѣ № 1 (1591 г.) принадлежатъ къ XVII вѣку (отъ 1615—1699 г.). Только въ приложеніи А (стр. 77—78) приведены два документа 1589 и 1592 г. Это память дьяка Тимоѳея Петрова о взятіи на оброкъ у властей Троицкаго Сергіева монастыря трети селца Сущова и запись Михаила Скобельцина и Абрама Кудрявцева о взятіи на оброкъ у старца Троицкаго Сергіева монастыря Левкея Кондратьева деревни Григоровы и пустоши Заиковы. Оба эти документа интересны, какъ арендные договоры между свободными служилыми людьми и монастыремъ. Оба они представляютъ столь распространенный и въ Западной Европѣ въ средніе вѣка precarium, то-есть, отдачу вещи собственникомъ арендатору до востребованія. На прекаріальныхъ отношеніяхъ съ самаго ранняго времени строили права сюзерена и вассаловъ [1]). Весьма вѣроятно, что и первоначальныя крестьянскія порядныя представляли собой договоры precarii [2]). Въ печатаемыхъ проф. Дьяконовымъ двухъ документахъ мы видимъ нѣкоторое развитіе тенденціи помѣщика господствовать. № I представляетъ договоръ, по которому дьякъ Тимоѳей Петровъ взялъ у Троицы-Сергіева монастыря участокъ земли, обязуясь платить за нее оброкъ, не присвоивать ея и обѣщая возвратить по востребованію. Документъ за № II уже является съ нѣкоторыми ограниченіями для прекариста, въ данномъ случаѣ—двухъ, Михайла Скобельцина и Абрама Кудрявцева. Они должны, кромѣ сохраненія въ цѣлости precarium'a, произвести въ немъ улучшенія, и если они, затѣмъ, этого не исполнятъ и уйдутъ до этого конъ, то платятъ неустойку (заряду) въ 30 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они обязуются подчиниться монастырской юрисдикціи. Мы, затѣмъ, имѣемъ еще подобный договоръ, въ которомъ уже окончательно ограничиваются права прекариста [3]): Давидъ Матѳѣевъ, выходецъ изъ-за нѣмецкаго рубежа изъ-за Невы рѣки, порядился съ Софійскимъ казначеемъ Саватіемъ

---

[1]) *Max Weber*, „Römische Agrarverfassung", s. 244.

[2]) О юридическомъ значеніи precarium см. 4, pr. D. de precario XXXXIII, 26, 5 § 2 D. eod., 8 § 7 D. eod., 11 D. eod., 20 pr. D. eod.

[3]) Рукопись Археогр. Комиссіи изъ Новгородской казенной палаты (1 мая 1619 г.). См. прилож. II къ сей рецензіи.

Библиотека "Руниверс"

Тишневымъ [1]) въ томъ, что Давидъ беретъ около половины деревни Саблуново-Олдреевско. Первые два года онъ оброка не платитъ, затѣмъ платитъ оброкъ и подати. Монастырскимъ крестьянамъ до земли Давида дѣла нѣтъ, онъ отдѣляетъ себя отъ нихъ, онъ не крестьянинъ. Но засимъ, если онъ уйдетъ изъ той деревни безъ государева указу или безъ вѣдома митрополита, то сей послѣдній воленъ Давида взять, вернуть, и посадить его, но уже въ качествѣ крестьянина, въ какую угодно деревню. Не останавливаясь, затѣмъ, подробнѣе на первомъ выпускѣ, укажемъ, что всѣ порядныя, приведенныя въ немъ заключены или между вольными людьми и помѣщиками, или между сими послѣдними и ихъ крестьянами. Цѣль послѣднихъ записей довольно темна.

Съ нѣкоторою долей вѣроятія можно предположить, что новыя порядныя являлись, во-первыхъ, обезпеченными болѣе сильною неустойкой, а во-вторыхъ, какъ видно изъ изданія проф. Дьяконова, заключались съ докладу, то-есть, имъ приданъ былъ болѣе официальный характеръ. Конечно, помѣщики къ XVII вѣку получили юридическую возможность возвращать своихъ крестьянъ, но фактически это было весьма затруднительно и они предпочитали обезпечивать себя усиленною неустойкой. Въ числѣ печатаемыхъ М. А. Дьяконовымъ порядныхъ есть нѣсколько, заключенныхъ между помѣщикомъ и возвратившимся къ нему бѣглымъ крестьяниномъ [2]), при чемъ крестьянинъ обязуется впредь не убѣгать отъ помѣщика.

Изъ документовъ втораго выпуска разбираемаго изданія, отмѣтимъ, прежде всего, отпускную подъ № 37 [3]): Семенъ и Борисъ Нелединскіе отпускаютъ своего стариннаго крестьянина, Рычка Бухарова. Документъ составленъ въ весьма гуманномъ тонѣ. Этотъ крестьянинъ собрался уходить. Помѣщикамъ нечѣмъ ему помочь. И вотъ они даютъ ему, во-первыхъ, отпускную за своими руками, а во-вторыхъ, обязуются отдать ему его рожь или заплатить 30 рублей. Профессоръ Дьяконовъ, послѣ словъ „какъ онъ Рычко захочетъ и за насъ вонъ

---

[1]) Имя этого казначея фигурируетъ въ массѣ порядныхъ, заключенныхъ новгородскими владыками съ крестьянами.

[2]) Вып. I, стр. 17 (№ 18), стр. 22 (№ 23) и др. Въ цитированной выше рецензіи г. Шумакова приводится еще интересный № изъ изданія проф. Дьяконова, именно 40,—это запись помѣщика, обязующагося не сгонять своего крестьянина. Мы на ней не останавливаемся, въ виду того, что она уже обратила на себя вниманіе критики.

[3]) Вып. II, стр. 37 (1616 года).

Библиотека "Руниверс"

понти и за нашими руками" ставитъ значекъ „(sic.)". Не то, по нашему мнѣнію, удивительно, что крестьянинъ уходитъ лишь съ отпускною помѣщика—иначе и быть не можетъ въ XVII вѣкѣ, если только крестьянинъ не бѣжитъ,—а нѣсколько необычнымъ является тонъ отпускной, черезъ чуръ обязательный для помѣщиковъ. Но это можно объяснить лишь въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли свѣдѣнія объ обстоятельствахъ выдачи отпускной. Должно замѣтить еще, что эта отпускная писалась самими помѣщиками, безъ всякихъ формальностей и даже не имѣетъ числа. Затѣмъ, укажемъ, что во второмъ выпускѣ изданія проф. Дьяконова нѣсколько болѣе документовъ ранняго времени; такъ тамъ напечатанъ документъ 1448 г., 33 документа XVI вѣка (1514 — 1599 г.) и затѣмъ уже 61 документъ XVII вѣка (1606—1694 г.). Мы отмѣтимъ грамоту царя Ивана Васильевича въ Нижній Новгородъ ключникамъ Юрью Матюнину и Якову Бухвалову, 1 апрѣля 1574 г., запрещающую возвращать на мѣста ушедшихъ въ дворники въ монастырь тяглыхъ крестьянъ [1]). Далѣе, интересна льготная грамота 1575 года, данная по государеву указу княземъ Друтцкимъ и дьякомъ Горинымъ Ивану Григорьевичу Нагово, по которой Нагово освобождается отъ уплаты податей на 5 лѣтъ. За эти льготные годы онъ долженъ назвать на свою землю крестьянъ: „а называти ему на льготу крестьянъ отъ отцовъ дѣтей, и отъ братей братью, и отъ дядь племянниковъ, и отъ сусѣдъ захребетниковъ, а не съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ; а съ тяглыхъ черныхъ мѣстъ на льготу ему крестьянъ не называти" [2]). Такое же постановленіе помѣщено и въ грамотѣ за № 25 [3]). Грамотой царя Ивана Грознаго въ Бѣжецкій Верхъ, къ приказчику городовому Назиму Прокофьеву [4]) предлагается ему въ вотчинѣ Ивана Грязнова брать подати не со всѣхъ дворовъ, но съ пустыхъ дворовъ не брать, а съ жилыхъ брать съ полполтрети сохи. Наконецъ, замѣтимъ, что грамота того же царя, помѣщенная въ изданіи проф. Дьяконова подъ № 27 [5]), уже ранѣе сего напечатанная въ приложеніи къ статьѣ проф. Дьяконова „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія", напечатанной въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1893 г. въ № 6, хотя, повидимому, могла бы служить доказательствомъ возврата ушедшихъ отъ помѣщика

[1]) Вып. II, стр. 20, № 22.
[2]) Вып. II, стр. 24, № 24.
[3]) Вып. II, стр. 24—25.
[4]) Вып. II, стр. 25—26, № 26.
[5]) Вып. II, стр. 26—27.

Библиотека "Руниверс"

крестьянъ и ранѣе послѣдняго десятилѣтія XVI вѣка, но въ дѣйствительности, скорѣе служитъ доказательствомъ противнаго, какъ это уже было нами ранѣе сего указано [1]).

На этомъ мы кончаемъ наши замѣчанія на интересное и полезное изданіе проф. М. А. Дьяконова, при чемъ не можемъ не пожелать ему дальнѣйшихъ подобныхъ изданій, въ которыхъ весьма нуждается наука исторіи русскаго права.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Се азъ Ѡндрей Ѡнтиповъ сынъ волнои человѣкъ порядился есми в Соѳеискую вотчину въ селцо в Черници за митрополита за новъгородцкаго за макарія въ крестьяне а живучи мнѣ в Соѳеискои вотчинѣ за макарьемъ за митрополитомъ въ хрестьянехъ и без митрополичья вѣдому из волости никуда въ иную волость не порядитца ни за кого не вытти въ крестьяне за иного ни за какова сына бояръсково никуда а не учну в соѳеискои вотчинѣ в селе в черницах въ крестьянехъ жити или без митрополичья вѣдома куды за волость выиду или за иного во хрестьянѣ поряжусь за кого нибуди и на мнѣ на Ѡндрѣе Ѡнтиповѣ сыне по сои порядноі записи взяти застава въ Соѳиискую казну десять рублеи денег московъскаго числа в том есми яз Ѡндреи на собя в Соѳеискую казну и запись дал а на то послуси Кирило Михаилов сынъ Серебряников а запись порядную писалъ нестерко микулинъ сынъ Торопчанинъ Добрынинъ с площади подъячеи лѣта 7129 году декабря въ 18 день.

На оборотѣ: Послух Кирилко руку приложилъ.

II.

Се азъ Давыдъ Матѳѣевъ сынъ Пищиваловъ выходецъ изъ немецкого рубежа изъ за невы реки по указу великого государя преосвященного исидора митрополита новгородцкого и великолуцкого порядился есме софѣйского дому у казначия старца Саватия Тишнева

[1]) „Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ". С.-Пб. 1895 (оттискъ изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, № XI за тотъ же годъ), стр. 20—21.

Библиотека "Руниверс"

да у митрополичего дворецкого у Бориса Семеновича Косылина в софѣискую вотчину черницкое село в деревню в саблуново въ ондреевско в грузинском погостъ на волхово на лготу а лготы мнѣ дали въ государевых податях и в софѣйскомъ оброке дворового ставленіа на два годы с нынешняго стодвадесятъ седмаго году мая с перваго числа до стадвадесятъ девятаго году маия по первое же число а какъ та волгота выиде и мнѣ платить оброкъ в софѣискую казну на год по полтора рублю со всеи деревни а ему я тое деревни половину или болши или менши и мнѣ платит поросчету а митрополичимъ черницким крестьяномъ никому до тои деревни дѣла нѣтъ ни в пашни ни в сенокосы ни в какие угодья не вступатися а в государеве тягле после лготных тѣх дву годов с чево меня великии государь преосвященныи исидор митрополит противъ иныхъ крестьян пожалует обложити с тово мнѣ государевы подати и платити а с софѣиские с митрополичие вотчины и с черницкие волости из ондреевского изъ грузинского погоста из деревни из саблунова никуды за волость не сойти и не сбежать а сойду я из софѣиские вотчины или збегу без государеву указу и без митрополичьяго вѣдому и гдѣ меня свѣдаютъ и митрополичьимъ приказнымъ волно меня взять и вывесть в софѣискую вотчину и в деревню на участокъ посадить гдѣ меня митрополитъ прикажетъ а на то послуси Казаринъ Перевфѣрьевъ сынъ а запись писалъ Васька Ильинъ лѣта 7127 мая въ 1 день.

На оборотѣ: Послух Казаринъ руку приложилъ.

П. Дебольскій.

Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina nunc primum edidit *Aug. Heisenberg*. Praecedit dissertatio de vita et scriptis Nicephori Blemmydae. Lipsiae. 1896.

Это первое изданіе автобіографіи знаменитаго ученаго и богослова XIII вѣка Никифора Влеммида появляется въ Тейбнеровой серіи изданій греческихъ и римскихъ авторовъ.

Кромѣ автобіографіи, въ изданіе вошли три главы изъ типика Никифора и стихотвореніе его: къ царю Іоанну Дукѣ, къ новорожденному сыну Ѳеодора (II) Ласкариса Іоанну, героическаго и ямбическаго размѣра стихи на монастырь Сосандрскій (τῶν Σωσάνδρων), св. Димитрію и церковныя пѣснопѣнія. Греческому тексту предше-

Библиотека "Руниверс"

ствуютъ Prolegomena г. Гейзенберга, гдѣ излагается біографія Никифора, и дается обзоръ его многосторонней научной дѣятельности, рукописей и изданій различныхъ его произведеній. Между прочимъ, по поводу трактатовъ Никифора объ исхожденіи Св. Духа, авторъ довольно подробно останавливается на вопросѣ объ отношеніи Никифора къ латинской уніи.

Личность Никифора Влеммида интересна не только потому, что въ немъ мы имѣемъ одного изъ выдающихся представителей византійской науки, что онъ стоялъ очень близко ко двору никейскихъ императоровъ, былъ учителемъ Ѳеодора II и его сверстника, историка Георгія Акрополита, но, можетъ быть, еще болѣе по тѣмъ нравственнымъ чертамъ его характера, которыя привлекаютъ къ нему наши симпатіи, въ особенности на фонѣ современнаго ему общества.

До сихъ поръ, однако, мы должны были довольствоваться для характеристики Никифора отзывами современниковъ (Георгія Акрополита, Георгія Кипрскаго) и болѣе позднихъ историковъ (Пахимера, Никифора Григоры) и немногими сообщаемыми этими авторами эпизодами, могущими подтверждать или дополнять общіе отзывы. Правда, мы имѣли уже нѣсколько ученыхъ и богословскихъ трудовъ самого Влеммида, но изъ всѣхъ его литературныхъ произведеній развѣ только такъ называемая „Царская статуя“ (то-есть, изображеніе идеала царя) могла бы служить къ характеристикѣ личности автора.

Заслуга перваго издателя Νικηφόρου τοῦ Βλεμμύδου περὶ τῶν κατ' αὐτὸν διηγήσεως μερικῆς заключается, прежде всего, въ томъ, что онъ даетъ намъ возможность мысленно возстановить во всей полнотѣ сильный и цѣльный характеръ ученаго, глубоко вѣрующаго богослова и аскета, руководясь его собственнымъ разказомъ, писаннымъ подъ конецъ его жизни, тогда, когда уже всѣ счеты его съ земною жизнью были покончены, какъ онъ самъ выражается въ концѣ своего втораго слова (Διήγησις, λόγος β', p. 89, 11 καὶ ἡμεῖς, ὅσον ἐκ τῶν ἄλλοις ἐπισυμβεβηκότων, οὐ μένομεν ἐπὶ γῆς), когда онъ окончательно замкнулся въ стѣнахъ своего монастыря отъ всякаго участія въ политическихъ событіяхъ [1]).

Никифоръ написалъ свою автобіографію въ два пріема: во второмъ словѣ, помѣченномъ апрѣлемъ мѣсяцемъ 1265 года, онъ, по собственнымъ его словамъ (p. 52 sq.), имѣлъ задачею возстановить пробѣлы прежняго разказа и дополнить его (τὸν ἐπανακλήρωσον διαλειμ-

[1]) Къ этому періоду относится посѣщеніе Никифора Влеммида въ его монастырѣ въ Имаѳіяхъ патріархомъ Іосифомъ 1-мъ (Pachym., vol. I, p. 388 sqq., ed. Bonn.).

Библиотека "Руниверс"

μάτων, ἤδη δὲ καὶ προσθήκην ἐλλειμμάτων ὡρμήσαμεν). Первое слово помѣчено маемъ 1264 года, когда Никифору, согласно его свидѣтельству въ началѣ этого слова, уже минуло 66 лѣтъ отъ роду (по Гейзенбергу, Prolegg., p. X, adn. 1, онъ родился въ 1197 г.). Значительная часть втораго слова посвящена изложенію богословскихъ преній съ латинянами, которыя Никифоръ велъ въ оба посѣщенія папскими легатами резиденціи византійскихъ императоровъ въ Малой Азіи при Іоаннѣ Ватацѣ (въ 1234 г. и въ 1250 г., Prolegg., p. XV, p. XXII). Слѣдуетъ отмѣтить, что самый ходъ состязанія въ первое посѣщеніе папскими послами Никеи описывается въ автобіографіи (p. 63 sq.) вполнѣ согласно съ ихъ докладомъ папѣ по возвращеніи (cf. Mansi, Sacror. concil. nova et ampl. coll. t. XXVII. Venet. 1779, p. 282 sqq. ap. Heisenb., Prolegg., p. XLI sq.). Для характеристики отношенія Влеммида къ вопросу объ уніи, кромѣ автобіографіи (къ преніямъ въ 1250 г. срв. Διήγ., p. 74 sqq.), у насъ есть и болѣе спеціальные источники, его трактаты объ исхожденіи Св. Духа. Его сочувствіе самому принципу уніи ясно прорывается въ одномъ мѣстѣ трактата, адресованнаго къ архіепископу болгарскому Іакову. Неужели не найдется никогда никого—восклицаетъ онъ здѣсь, кто—τῶν τῆς νομῆς προβάτων τὸ σύνταγμα διατμηθὲν οὐ καλῶς εἰς μίαν πάλιν ποίμνην διὰ τοῦ κοινοῦ ποιμένος ἐπισυνάψει τῷ μονογενεῖ καὶ ἀγαπητῷ, ἔστιν οὗ καὶ τὴν αὐτοῦ δὴ τοῦ καλοῦ ποιμένος ἐκμιμησάμενος συγκατάβασιν; (Migne, Patr. gr. 142, col. 549 C—D). Эти прекрасныя слова стоятъ всѣхъ тонкихъ споровъ, вращавшихся около предлоговъ ἐκ или διά и глаголовъ ἐκπορεύεσθαι, или χορηγεῖσθαι, въ которыхъ, слѣдуя духу времени, участвовалъ Никифоръ, вооруженный всѣмъ запасомъ Аристотелевой діалектики и философіи, и въ которыхъ и онъ, вслѣдъ за своими предшественниками, не могъ придти къ полному согласію съ латинянами. При второмъ состязаніи съ латинянами Никифору пришлось имѣть дѣло также съ еретическимъ ученіемъ нѣкіихъ „мужей изъ Киликіи, знатоковъ Св. Писанія“ [1]) (p. 80 sq.). Въ этомъ же состя-

[1]) Никифоръ Влеммидъ не пошелъ далѣе формулы: ἐκ πατρὸς δι' υἱοῦ ἐκπορευόμενον (о св. Духѣ), но и то въ болѣе позднихъ трактатахъ, адресованныхъ къ арх. Іакову и къ Ѳеодору (между 1250—1254 гг., Heisenb., Prol., p. XLVI). Въ автобіографіи, въ состязаніи съ латинянами, мы не находимъ самого глагола ἐκπορεύεσθαι, а только ἐκφαίνεται, παράγεται, χορηγεῖται (Prol., p. XLII). Въ своемъ Ἐγκωμίῳ св. Іоанну евангелисту Никифоръ доказывалъ πάντα παρὰ τοῦ πατρὸς διὰ τοῦ λόγου (i. e. διὰ τοῦ υἱοῦ) γίνεσθαι (cf. Prolegg., p. LVI). О пререканіяхъ, вызванныхъ этимъ тезисомъ, и о защитѣ своей его Никифоръ также разсказываетъ подробно во 2-мъ словѣ автобіографіи (p. 84 sqq.).

Библиотека "Руниверс"

занія любопытно разсужденіе Никифора о таинствѣ Евхаристіи, гдѣ, какъ кажется, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отражается медицинская спеціальность автора: въ молодости Влеммидъ, сынъ врача, и самъ занимался врачебною практикой (срв. Διήγ. p. 3, 3).

Отмѣтимъ еще во второмъ словѣ образчикъ діалектическаго спора на основѣ теоріи силлогизма, p. 55—59. Никифоръ Влеммидъ составилъ руководство по логикѣ (Ἐπιτομὴ λογικῆς, Migne. col. 685 sqq.), по отзыву Прантля (Gesch. d. Logik im Abendlande. II[1]. 395), одна изъ лучшихъ книгъ этого рода (cf. Heisenb., Prol., p. LXX). Занятія логикой и вообще философіей знаменитаго богослова, руководившаго преніями съ латинянами, и здѣсь подтверждаютъ философскую подкладку догматическихъ споровъ въ Византіи въ XI и слѣдующихъ вѣкахъ, которая выясняется въ „Очеркахъ по исторіи византійской образованности", проф. Ѳ. И. Успенскаго (С.-Петербургъ. 1892 г.). Вотъ книга, разгоняющая предразсудокъ относительно застоя философской науки въ Византіи, отмѣчаемый авторомъ предисловія къ Влеммиду (p. LXVIII). Для XI вѣка рядомъ съ Иселлomъ, на которомъ одномъ болѣе подробно останавливается К. Прантль (2-е изданіе его „Исторіи логики на западѣ", коимъ пользуется проф. Успенскій, содержитъ новый матеріалъ и новыя соображенія относительно вліянія Пселла на Западную науку), нашъ изслѣдователь выдвигаетъ Іоанна Итала. Оба ученые останавливаются на любопытномъ фактѣ вліянія византійской философіи на Западѣ. Оба считаютъ несомнѣннымъ распространеніе логики Пселла въ качествѣ учебника въ западныхъ школахъ XIII вѣка (срв., однако, статью *П. В. Безобразова* въ *Визант. Вр.* 1896 г., стр. 125 и сл.).

Здѣсь умѣстно упомянуть объ одномъ открытіи г. Гейзенберга. Послѣднія двѣ книги физіологіи Георгія Валлы (XV—XVI вѣка) представляютъ не что иное, какъ переводъ руководства по физикѣ, составленнаго Влеммидомъ. Валла присвоилъ себѣ чужой трудъ (Prol., p. LXXXI sq.). Весьма вѣроятно предположеніе г. Гейзенберга, что это далеко не единственный примѣръ подобныхъ позаимствованій западныхъ ученыхъ у византійцевъ въ тѣ времена, когда понятія о правѣ литературной собственности далеко не были такъ строги, какъ теперь [1]).

[1]) Въ параллель къ вліянію Византіи на Западъ въ научной области г. Гейзенбергъ цитуетъ изслѣдованіе *K. Wotke*: „Ueber den Einfluss der byz. Litt. auf die älteren Humanisten Italiens. Verh. d. 42 Phil. Vers. Leipzig. 1894",—о заимствованіяхъ въ области поэзіи.

Библиотека "Руниверс"

Около ²/₃ втораго слова автобіографіи Никифора посвящены богословскимъ (въ одномъ мѣстѣ діалектическому) разсужденіямъ. Остальное восполняетъ изложеніе воспоминаній автора о своей жизни въ первомъ словѣ. Такъ, во второмъ словѣ находимъ подробности объ ученьи Никифора, p. 55, о проживаньи на островѣ Родосѣ на пути въ Палестину, p. 61—63, о принятіи монашества родителями Никифора, p. 71, о постройкѣ монастыря (τοῦ Ὄντος, Сущаго) въ Имаеіяхъ близъ Ефеса, p. 72—74, объ инцидентѣ съ Гавріиломъ и, въ связи съ этимъ, о защитѣ Никифоромъ монастыря св. Григорія Чудотворца отъ притязаній на его имущество Ѳеодота Калоѳета, p. 90—92.

Главная масса біографическаго матеріала сосредоточивается въ первомъ словѣ. Разказъ Никифора, прежде всего, конечно, является лучшимъ и наиболѣе полнымъ источникомъ для обрисовки его нравственнаго облика. Будучи человѣкомъ искренно преданнымъ религіи, аскетомъ по природному расположенію, Никифоръ не довольствовался подвигами христіанскаго воздержанія и смиренія; онъ является твердымъ и непроклонимымъ тамъ, гдѣ оказывалось невозможнымъ для него поступиться своими нравственными принципами. Такъ, онъ возстаетъ противъ политическаго злоупотребленія церковнымъ отлученіемъ, допущеннаго царемъ Ѳеодоромъ II (Διήγ. Λόγος α′, p. 45 sq). Онъ не даетъ этому царю отпущенія грѣховъ, въ увѣренности, что Богъ оставилъ его (Ibid., p. 47 sq.). Вопреки мнѣнію цѣлаго собора, Никифоръ вооружается противъ возстановленія въ правахъ діакона Великой Церкви Авторіана, виновнаго въ нарушеніи церковныхъ каноновъ, и смѣло изобличаетъ въ томъ же беззаконіи Ефесскаго митрополита Монастеріота (p. 15). Идеаломъ церковнаго начальника для Никифора является его тезка, митрополитъ Ефесскій, преемникъ Монастеріота, впослѣдствіи патріархъ Никифоръ II, который со святостью жизни и кротостью соединялъ строгость, властность тамъ, гдѣ она нужна, и строго преслѣдовалъ нарушеніе церковныхъ правилъ; ἱεράρχης συντόμως εἰπεῖν οὐ κεχρωματισμένος, οὐκ ἐπίπλαστος, οὐ ψευδώνυμος, выражается о немъ Никифоръ Влеммидъ [1]). Въ послѣд-

[1]) Не можемъ не указать здѣсь на то, что эта сочувственная характеристика будущаго патріарха строгимъ и нелицепріятнымъ Влеммидомъ доказываетъ полную превратность анализа свидѣтельствъ о двухъ Никифорахъ Пахимера въ Очеркахъ исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI до половины XV вѣка—проф. А. Лебедева (Москва, 1892). Почтенный изслѣдователь увлекся идеей о смѣшеніи Пахимеромъ двухъ современниковъ, о перенесеніи имъ чертъ Влем-

Библиотека "Руниверс"

нихъ словахъ явно звучитъ горечь ревнителя благочестія, слишкомъ часто встрѣчавшаго на своемъ пути противоположные типы. Монастеріотъ, Авторіанъ, или тотъ монахъ, который сбросилъ съ себя свой ангельскій чинъ и ушелъ въ міръ, и котораго направляетъ Никифоръ на путь истины, были, конечно, далеко не единичными примѣрами (о монахѣ cf. Διήγ., p. 19) [1]).

О столкновеніи Никифора Влеммида съ маркизою Фриггою [2]) мы знали еще прежде изъ Григоры (ed. Bonn., I, p. 46). На эту слабость царя Іоанна Ватацы указываетъ и Георгій Акрополитъ (p. 110 sq.

мида на патріарха. Послѣдній характеризуется въ Очеркахъ съ крайне невыгодной стороны (стр. 47). Смѣемъ заявить, что ни одинъ пунктъ этой характеристики не находитъ подтвержденія у Пахимера. Можно ли, напримѣръ, упрекать Никифора патріарха въ ненасытномъ корыстолюбіи на основаніи только простаго сообщенія Пахимера о богатствахъ, привезенныхъ имъ изъ Ефеса (p. 118, 15, p. 127, 1)? Въ такомъ случаѣ надо бы ужъ обвинять въ томъ же и Влеммида (cf. Διήγ., p. 72 sq.). Вопреки проф. Лебедеву (Очерки, стр. 336, прим. 98), характеристика патріарха у Ефремія сходна, частью даже дословно, съ отзывомъ Никифора Влеммида (p. 88, 22 σεμνοπρεπῆς ἁγνείᾳ καὶ παρθενίᾳ).

[1]) Много матеріала для характеристики нравственной распущенности духовенства и монаховъ собрано въ упомянутыхъ въ предшествующемъ примѣчаніи Очеркахъ проф. Лебедева, срв. стр. 194 сл., 161, 873, 889, 503 и проч. и проч.

[2]) Это имя впервые выведено г. Гейзенбергомъ изъ намека Никифора: ἧς καὶ τοὔνομα φρίκην ἐνεποίει (Prol., p. XXI). Еще въ статьѣ Древеке Theodoros Lascaris (*Byz. Ztschr.*, B. III, 1894, S. 506) Μαρκεσίνα (Gregor., p. 45, 12, ὄνομα Μαρκεσίνα, Acgop., p. 110, 23 Μαρκεσίνης δὲ ὀνομαζομένης) принято за собственное имя. Гейзенбергъ предполагаетъ здѣсь титулъ—marchesina (μαρκέσιος marchio, напримѣръ, Gregor., p. 14, 6). Замѣтимъ, что спутница дочери Фридриха II Анны была не простою дамой изъ свиты, но, по Григорѣ, τροφὸς καὶ παιδαγωγός ея, слѣдовательно едва ли „Mädchen", какъ выражается о ней Древеке. Почему не допустить, что она была немногимъ моложе своего царственнаго ухажпвателя, коему въ 1241 г. (годъ смерти первой супруги—Ирины) было подъ пятьдесятъ? Игру словами, подобную φρίκη—Frigga, представляетъ другое мѣсто автобіографіи, не разъясняемое издателемъ, — p. 18, 12 sqq. Никифоръ разсказываетъ объ освобожденіи епархомъ (?) Никеи (у Никифора ὁ ἄρχων) псаломщика, несправедливо арестованнаго: λύεται δὲ καὶ ὁ τῆς ζάλης ἐπώνυμος ἢ φερώνυμος, ὁ παρενθήκην γενικὴ φέρων πρώτης ἀντωνυμίας, ἀλογοπραγήτως τὸν κατεχόμενον. Можно подозрѣвать здѣсь извѣстную фамилію Музалоновъ. Пахимеръ разсказываетъ о назначеніи Θеодоромъ II на высокія должности трехъ братьевъ Музалоновъ (Pachym., vol. I, p. 23 sq.), при чемъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что они далеко не принадлежали къ знати. Слѣдуетъ ли видѣть въ епархѣ Никеи родственника этихъ братьевъ, сказать трудно. Георгій Музалонъ происходитъ, по Пахимеру, изъ Адрамитія. Случай, разсказываемый Никифоромъ, относится еще къ первымъ годамъ царствованія Іоанна Ватацы (cf. Prol., p. XIV).

Библиотека "Руниверс"

ed. Bonn.). Въ автобіографіи случай въ монастырѣ описывается болѣе подробно и нѣсколько иначе, чѣмъ у Григоры, срв. Λεήγ., p. 40.

Никифоръ не разъ отказывался отъ предлагавшихся ему архіерейскихъ каѳедръ (Охридской, p. 36, 28 sqq., Ефесской, p. 38). Его всегда влекло къ уединенію отъ міра и къ ученымъ занятіямъ. Съ какимъ удовольствіемъ разказываетъ онъ о своихъ занятіяхъ въ ученой командировкѣ во Ѳракію, Ѳессалію и Македонію (p. 33, 26 χάριν ἐντυχίας ὧν οὔκω βίβλων ἐντετυχήκαμεν), о массѣ книгъ, которыя онъ штудировалъ на Аѳонѣ, потомъ въ Солунѣ, въ Ларисѣ и другихъ городахъ, при чемъ ему попадались рѣдкіе фоліанты сочиненій, изъ коихъ „нныя даже по названію незнакомы ученымъ“ (p. 36, 23—24). За учеными занятіями постигаетъ его несчастье, едва не стоившее ему жизни, обвалъ галлереи его помѣщенія (ἐν οἷς ὑποκαυσθέντες ἠθράσμεθα συνήθως ἐφ' ὅσοις καιροῖς, p. 37, 12 — 13). На Родосѣ въ тиши монастырской онъ дни и ночи проводитъ въ чтеніи книгъ (p. 62), и здѣсь также оказавшихся въ изобиліи.

Къ этимъ склонностямъ Никифора Влеммида присоединялись и другія причины при отказѣ его отъ патріаршаго престола.

Георгій Акрополитъ, говоря о кандидатурѣ своего наставника на патріаршую каѳедру по смерти патріарха Манупла (II), обвиняетъ царя Ѳеодора II въ недостаткѣ настойчивости (p. 113, 5 μικράν τινα πεῖραν λαβὼν τοῦ ἀνδρὸς ἐφ' ἑτέρους ἐτράπετο). Совсѣмъ иначе представляется дѣло въ разказѣ самого Никифора, p. 41 — 44. Мы видимъ здѣсь, что царь вполнѣ присоединяется къ общему желанію и духовенства, и свѣтскихъ властей, и народа, и войска (p. 43, 10 cf. Acrop., p. 112, 11), но самъ избранникъ въ рѣшительный моментъ отказывается отъ высокаго званія. Мы не сомнѣваемся, что чувство разочарованія заставило Акрополита придать невѣрную окраску всему дѣлу. Та причина отказа, какую выставляетъ Никифоръ (p. 43, 25 εἰ περὶ τῆς τοῦ θεοῦ τιμῆς ἤκουον.... ἀπεκρινάμην ἂν καὶ αὐτός, νῦν δὲ τί φθέγξομαι κτέ), служитъ, конечно, лишь нѣкоторою формулой соображеній, руководившихъ имъ при его поступкѣ: съ его истинною религіозностью, твердостью нравственныхъ убѣжденій онъ никогда не могъ бы сдѣлаться послушнымъ слугою царя во всемъ, чего бы тотъ ни потребовалъ отъ него.

Никифоръ разказываетъ, что̀ еще раньше, при царѣ Іоаннѣ Ватацѣ, патріархъ Германъ (II), всегда расположенный къ нему, передъ смертью указалъ на него царю, какъ на достойнѣйшаго преемника своего (p. 39). Но царь избралъ Меѳодія, а послѣ (это было

Библиотека "Руниверс"

уже послѣ значительнаго промежутка, въ теченіе коего престолъ патріаршій оставался незапятымъ. 1240 — 1244) „перваго изъ дворцоваго клира“ (Мануила) [1]).

Религіозность Никифора слышится, можно сказать, въ каждой строкѣ его разказа. Цѣль самой автобіографіи для него—στήλην ὁμολογίας εἰς τὸν βοηθὸν καὶ σώστην ἐγεῖραι. Во всѣхъ подробностяхъ своей жизни, въ избавленіи отъ опасностей, въ судьбѣ враговъ своихъ, несправедливо его преслѣдующихъ, онъ видитъ непосредственное участіе божества (въ свою очередь дѣйствія искусителя рода человѣческаго представляются имъ вполнѣ реальными, срв. въ особенности въ эпизодѣ съ убійцей Косьмой, p. 25, 21 κατ' αἴσθησιν οὐ λογισμοῖς αλλ' ἀκουστῶς ἔμοιγε φθέγγεται, также p. 37). Онъ вспоминаетъ о томъ моментѣ въ ходѣ своего образованія, когда онъ погрузился въ спеціальное изученіе боговдохновеннаго писанія, и когда св. книги стали для него предметомъ постоянныхъ думъ и спутниками всей его жизни (p. 6). Въ этомъ отношеніи автобіографія носитъ характеръ житій святыхъ [2]).

Но какъ во всякой автобіографіи, или мемуарахъ, кромѣ біографическаго матеріала, мы можемъ искать въ разказѣ Никифора отраженія современныхъ политическихъ и соціальныхъ условій. Съ этой стороны можно отмѣтить описаніе трудностей посѣщенія Скамандра, находившагося во власти латинянъ (p. 4), или указанія на отношеніе Никейскаго двора къ независимымъ греческимъ деспотіямъ на европейскомъ материкѣ (напр., p. 14, p. 45) и на островахъ (на Родосѣ

[1]) Пахимеръ разказываетъ (vol. I, p. 117) о томъ, что „раньше патріарха Мануила“ соборъ при Іоаннѣ Дукѣ подалъ голосъ за избраніе Никифора, архидіакона, но царь отказался утвердить его, въ виду его ревности и неподатливости. Никифоръ получилъ Ефесскую каѳедру. Проф. Лебедевъ (въ Очеркахъ, стр. 45, прим. 65, стр. 327, прим. 85) и здѣсь опять видитъ перенесеніе Пахимеромъ случая съ Влеммидомъ, сообщаемаго Акрополитомъ (то-есть, передъ избраніемъ Арсенія), на другого Никифора. Но вѣдь оба эпизода такъ различны и въ существенныхъ подробностяхъ, и по времени? Правда, и Влеммидъ не говоритъ ничего о неудачѣ Никифора Ефесскаго передъ полученіемъ митрополіи (отмѣтимъ p. 38, 27 ἀλλὰ ταῦτα μετὰ μικρόν, чѣмъ устанавливается порядокъ событій, согласный съ Пахимеромъ), но, намъ кажется, здѣсь возможно допустить простую деликатность по отношенію къ покойному патріарху (Никифоръ II, вступившій на патріаршую каѳедру въ 1260 г., — Лебедевъ, стр. 336, — не прожилъ и году).

[2]) Даже чисто научный трактатъ свой Никифоръ заканчиваетъ толкованіемъ псалма (Ἐπιτομὴ φυσικὴ; cf. Heisenb., Prolegg., p. LXXIX).

Библиотека "Руниверс"

61 p. sq., при чемъ любопытно признаніе самимъ Никифоромъ исконныхъ наслѣдственныхъ правъ кесаря, p. 62, 11 sq.). Для характеристики современнаго общества упомянемъ, напримѣръ, столь широко распространенныя среди византійцевъ суевѣрія (p. 5 противъ астрологіи, p. 30 о волшебномъ камнѣ καντάρβη, p. 31 о черной собакѣ, являющейся неизвѣстно откуда на могилѣ, p. 40 колдовство и чары, коими предводитель свиты маркизы объясняетъ тщетность своей попытки извлечь мечъ изъ ножонъ). Подробности о ходѣ образованія Никифора (p. 2, p. 55 etc.) могутъ быть комментированы нашими свѣдѣніями о воспитаніи Пселла, Георгія Кипрскаго, Акрополита.

Автобіографія издана по ркп.—cod. Monac. gr. № 225 XIV вѣка, но для нѣкоторыхъ отрывковъ, встрѣчающихся въ рукописяхъ отдѣльно, привлечены Laurent. gr. plut. VI, 12 (въ крит. апп. лит. L) и Marcianus gr. 154 (лит. U), обѣ рукописи XIV вѣка (cf. Prol., p. XXV, p. XXVIII sq.). Мы замѣтили только одну опечатку въ текстѣ, не исправленную въ errata — p. 91, 28 чит. ἐχλιχμᾷ вм. ἐχλιμᾷ.

Не будемъ касаться прочихъ текстовъ, напечатанныхъ въ изданіи, но обращаемъ вниманіе на замѣтки автора предисловія о стихосложеніи Влеммида и о его подражаніяхъ Іоанну Дамаскину (Prolegg., p. C sqq.).

Вообще Prolegomena написаны съ большимъ знаніемъ дѣла и даютъ превосходный очеркъ плодовитой и разнообразной литературной дѣятельности Никифора. Въ особенную заслугу автору слѣдуетъ поставить тщательный сводъ тѣхъ рукописей, гдѣ встрѣчаются тѣ или другія произведенія Никифора. При этомъ г. Гейзенбергъ исправляетъ нѣкоторыя заблужденія прежнихъ изслѣдователей. Кромѣ того, сводъ рукописей для отдѣльныхъ трудовъ Никифора служитъ лучшею иллюстраціей распространенія ихъ въ западныхъ или восточныхъ библіотекахъ.

Говоря о письмахъ Влеммида, авторъ сообщаетъ о намѣреніи своего флорентійскаго друга Николая Фесты издать письма Ѳеодора (II) къ Никифору (Prol., p. XXXV). Выше упомянутая статья Древеке знакомитъ съ нѣкоторыми подробностями литературной дѣятельности Ѳеодора и съ вліяніемъ на него Влеммида. Изданіе писемъ, вѣроятно, прольетъ новый свѣтъ на эти литературныя отношенія ученика къ учителю.

С. Шестаковъ.

Библиотека "Руниверс"

Dr. *Niederle, Lubor.* O původu slovanů. Studie k Slovanským Starožitnostem. V. Praze. 1896.

Небольшая, въ 149 стр., книжка доктора Нидерле, доцента антропологіи и славянскихъ древностей въ Пражскомъ чешскомъ университетѣ, представляетъ собою пересмотръ вопроса о происхожденіи славянъ и попытку разрѣшить его на основаніи имѣющихся, хотя бы и скудныхъ, данныхъ.—Такъ какъ признаки всякой народности распадаются на: 1) тѣлесные (антропологическіе), 2) культурные и 3) язычные, то докторъ Нидерле и обращается къ собиранію тѣхъ данныхъ, которыя могутъ доставить для рѣшенія вопроса о происхожденіи славянъ отдѣльныя науки: языковѣдѣніе—о происхожденіи языка, антропологія — о тѣлесномъ устройствѣ, и археологія — о начаткахъ славянской культуры.

Въ первой главѣ собраны данныя языковѣдѣнія по поставленному въ сочиненіи вопросу. Авторъ сознаетъ условное значеніе языковѣдѣнія въ рѣшеніи вопроса. Хотя факторы образованія новыхъ языковъ — дифференціація діалекта, мѣстная изоляція и ассимиляція чужихъ элементовъ — установлены, однако не установлена еще степень участія каждаго фактора въ образованіи того или другаго языка, напримѣръ, славянскаго; существующія классификаціи арійскихъ языковъ (Нидерле принимаетъ систему Бругманна) имѣютъ въ виду скорѣе современное ихъ состояніе, чѣмъ первоначальное, для установленія котораго необходимо болѣе тщательное изученіе исторіи отдѣльныхъ языковъ, замѣняемое теперь отчасти данными географіи. Нидерле даетъ краткое обозрѣніе теорій развитія арійскихъ языковъ изъ пра-языка: родословнаго древа (Шлейхеръ и другіе), периферическаго расширенія (І. Шмидтъ и др.) и комбинирующихъ двѣ предыдущія. Съ точки зрѣнія родства славянъ съ другими арійскими народами всѣ теоріи согласны въ томъ, что болѣе близкія отношенія у славянъ имѣются къ германцамъ, азійскимъ аріямъ (иранцамъ) и балтамъ. Если родство (лингвистическое) славянъ съ германцами и иранцами и не можетъ быть установлено съ полною ясностью, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что нѣкогда балты (прусы, латыши и литовцы) и славяне представляли единое лингвистическое цѣлое. Изъ первоначальнаго арійскаго пра-языка, принадлежавшаго единому народу, отдѣлилась часть, которую можно назвать балто-славянскою, и которая до этого отдѣленія, вѣроятно, была въ соприкосновеніи съ позднѣйшею германщиной, съ одной стороны, и иранщиной—съ другой, если

Библиотека "Руниверс"

только ранѣе не была объединена съ одною изъ нихъ. Но лингвистика не можетъ рѣшить, выдѣлилась-ли вмѣстѣ съ языкомъ къ новой жизни и часть пра-арійскаго народа, иначе сказать: были-ли славяне и племенною частью арійскаго пра-народа, или они были только аріизированными инородцами, племенемъ чуждаго происхожденія, только принявшимъ арійскій языкъ. Здѣсь необходима уже помощь антропологическихъ данныхъ, которыя собраны во 2-й главѣ книги Нидерле, ставящей три вопроса: 1) существуютъ-ли или существовали-ли какіе-нибудь тѣлесные признаки славянщины, можно-ли съ точки зрѣнія антропологіи отличать славянъ отъ другихъ народовъ? 2) какого происхожденія эти признаки, то-есть, что они могутъ сообщить намъ о происхожденіи и первоначальномъ развитіи славянъ? 3) съ какого времени должны мы принимать существованіе самостоятельнаго славянскаго типа?—Что касается современныхъ славянъ, то они не составляютъ еднаго антропологическаго цѣлаго, типа; напротивъ, отдѣльные славянскіе народы болѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ отъ своихъ сосѣдей. Господствующая антропологическая теорія, исторію развитія которой даетъ здѣсь Нидерле, различаетъ среди европейскихъ аріевъ два типа: германскій—съ долихокефаліей и свѣтлою комплексіей—и кельто-славянскій—съ брахикефаліей и темною комплексіей. Нидерле опровергаетъ эту теорію. Данныя имъ въ книгѣ таблицы черепнаго индекса и комплексіи у разныхъ славянскихъ народовъ, правда, подтверждаютъ обычную характеристику славянскаго антропологическаго типа въ общемъ, хотя оказывается, что въ направленіи къ сѣверу и востоку убываетъ брахикефалія и еще болѣе темная комплексія (Польша и Россія). Господствующая теорія дѣлаетъ ту ошибку, что она имѣетъ въ виду германцевъ старшихъ, германцевъ южно-нѣмецкихъ могильниковъ эпохи переселенія народовъ, а славянъ—въ современномъ ихъ состояніи. Между тѣмъ современный тѣлесный характеръ славянъ нельзя переносить въ прошлое, нельзя признавать его старо-славянскимъ. Нидерле приводитъ результаты изслѣдованій могильниковъ въ Чехіи, Польшѣ и Россіи, доказывающіе, что въ VIII—XII вѣкахъ славяне скорѣе отличались долихокефаліей и, отдаляясь отъ современнаго ихъ типа, болѣе приближались такимъ образомъ къ германскому типу аллеманскихъ, франкскихъ и саксонскихъ могильниковъ. Такимъ образомъ одно основаніе теоріи объ особомъ тѣлесномъ характерѣ славянъ въ отличіе отъ германцевъ падаетъ; точно такъ же падаютъ доказательства этническаго родства славянъ съ туранскимъ и монгольскимъ племенами; въ связи съ послѣднимъ Ни-

Библиотека "Руниверс"

дерле опровергаетъ теорію Европеуса о финскомъ вліяніи на долихокефалію славянъ. — И другой признакъ славянскаго типа въ отличіе отъ германскаго долженъ, по мнѣнію Нидерле, потерять свое конститутивное значеніе. Разборъ извѣстій классическихъ и арабскихъ писателей о славянахъ, данныя раскопокъ и нѣкоторыя другія соображенія заставляютъ Нидерле признать у славянъ свѣтлую комплексію, подобную германской. Общее заключеніе Нидерле таково: славяне и балты вмѣстѣ съ германцами, а, вѣроятно, и съ другими вѣтвями арійскаго племени, какъ антропологически, такъ и лингвистически, составляли первоначально одну родственную группу, соединявшую въ своемъ характерѣ значительную долихокефалію и развившуюся постепенно (не примарную) свѣтлую комплексію. Наука не позволяетъ отожествить этотъ типъ съ общеарійскимъ, а говоритъ лишь то, что часть аріевъ на сѣверѣ средней Европы развила особый тѣлесный характеръ, и что изъ этой части на ряду съ галло-германцами вышли и сосѣдніе балто-славяне. Во всякомъ случаѣ славянскій языкъ развился, какъ самостоятельное цѣлое еще въ чистомъ ядрѣ арійскаго племени; тѣлесно славяне начали различаться уже тогда, когда они стали встрѣчаться съ чужеродными элементами. Тѣлесная индивидуализація славянъ — болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ язычная.

Въ III главѣ Нидерле ставитъ вопросъ о роли культуры въ обособленіи славянскаго племени. Общее его положеніе таково, что долгое время послѣ язычнаго обособленія нельзя указать своеобразныхъ чертъ славянской культуры. Своеобразность славянской культуры, состоящая въ сильномъ вліяніи востока, изъ Месопотаміи и Средней Азіи, сказывается уже только въ историческую эпоху, когда славяне были обособившимся племенемъ. Однако археологія, въ связи съ лингвистикой, можетъ приблизительно указать эпоху появленія славянскаго племени. Образъ общеарійской культуры, составленный Шрадеромъ и Геномъ на основаніи общеарійскаго лексикальнаго запаса, совпадаетъ съ тою картиной культуры, которую представляетъ намъ археологія въ такъ называемый неолитическій вѣкъ. Но конецъ неолитическаго вѣка и начало мѣдной и бронзовой культуры падаетъ въ средней и сѣверной Европѣ на время за 2000 лѣтъ до Р. Хр.; слѣдовательно, около этого времени произошло распаденіе аріевъ и выдѣленіе балто-славянъ. Желѣзо, пришедшее въ Европу приблизительно за 1000 лѣтъ до Р. Хр., нашло аріевъ, судя по различію названій его, уже раздѣлившимися. О времени раздѣленія балтовъ и

Библиотека "Руниверс"

славянъ трудно сказать что-либо опредѣленное; но, несомнѣнно, это раздѣленіе произошло за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр.

Въ заключеніе Нидерле сводитъ добытые имъ результаты въ единую картину развитія европейскихъ аріевъ. Въ книгѣ имѣются еще два приложенія. Въ первомъ авторъ даетъ списокъ сочиненій, которыми онъ пользовался при составленіи своей работы—числомъ до 70; второе приложеніе представляетъ собою небольшое разсужденіе объ отношеніи угро-финновъ къ славянамъ въ связи съ обзоромъ литературы предмета.

Книга Нидерле, написанная живо и популярно, ставящая вопросъ на широкую научную почву, заслуживала бы перевода на русскій языкъ, подобно книгѣ того же автора „Lidstvo v době předhistorické“ (Praga, 1893), обѣщанной въ русскомъ переводѣ книгоиздательствомъ г. Пантелѣева.

И. Нетребовъ.

Примѣчанія къ „отвѣту“ г. Чечулина.

Прочитавъ въ февральской книжкѣ: *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* отвѣтъ г. Чечулина на мою замѣтку о его диссертаціи „Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II“, я позволяю себѣ снабдить этотъ отвѣтъ своими примѣчаніями, которыя, можетъ быть, пригодятся лицамъ, интересующимся указанной книгой и вызванными ею въ печати отзывами.

1. Авторъ отвѣта хочетъ доказать, что его книга есть изслѣдованіе, находя, что я неправъ, отказавшись признать его за таковое. Моей замѣткѣ онъ противопоставляетъ, между прочимъ, „сочувственную“ его книгѣ статью проф. Маркевича, который, однако, тоже думаетъ, что книга г. Чечулина не можетъ быть названа изслѣдованіемъ,—и даже, особенно объ этомъ говоритъ въ своей „сочувственной“ статьѣ.

2. Г. Чечулинъ заявляетъ, что „не называлъ политики Екатерины и Панина національною“, и что слѣдовательно, я ему приписываю то, чего онъ не говорилъ. „Какъ слѣдствіе всѣхъ тѣхъ отношеній, которыя мы изучали,—читаемъ мы на стр. V его книги,—явилось очень замѣтное усиленіе международнаго значенія Россіи. Для насъ безспорно, что и всегда таковъ же будетъ результатъ политики истинно

Библиотека "Руниверс"

національной, такой политики, которая цѣли себѣ ставитъ соотвѣтствующія всему прошлому народа, его существеннымъ потребностямъ и стремленіямъ, а пріемы свои и дѣйствія основываетъ на самомъ высокомъ уваженіи къ чести и достоинству своего народа". Но вѣдь это именно характеристика политики Екатерины II и Панина, какъ ее понимаетъ г. Чечулинъ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 456) онъ говоритъ еще, что такія изслѣдованія, какія онъ произвелъ, только будутъ подверждать, что во внѣшнихъ отношеніяхъ приноситъ государству и народу пользу только „политика истинно національная". Если теперь г. Чечулинъ не считаетъ политику Екатерины II вполнѣ „національною" и защищать тезисъ о томъ, что эта политика была „полезною и государству русскому и русскому народу", по его собственному признанію, „вполнѣ, пожалуй, и не рѣшится", то это лишь свидѣтельствуетъ объ одномъ: прежняя его увѣренность, очевидно, поколеблена сдѣланными ему возраженіями. Прибавлю, что не я одинъ былъ „введенъ въ заблужденіе", говоря, что г. Чечулинъ считаетъ политику Екатерины II національною.

3. Г. Чечулинъ соглашается со мною, что „необходимо знать современное положеніе вопроса въ ученой литературѣ". Но вѣдь я и доказываю, что у него этого-то знанія и нѣтъ. Я не требовалъ, чтобы онъ былъ „знакомъ со всѣми книгами": я указывалъ лишь на то, что онъ не знаетъ многихъ новѣйшихъ трудовъ, пользуясь, вмѣсто нихъ, болѣе старыми, которые могъ бы оставить въ покоѣ. Это мое возраженіе остается, думаю, въ силѣ.

4. Что г. Чечулинъ и теперь не знаетъ того, что, по моему мнѣнію, ему можно было бы узнать, возражая на сдѣланныя мною указанія, это доказывается слѣдующимъ. Я упрекнулъ его въ томъ, что онъ не пользовался совсѣмъ *сочиненіемъ* Арнета о Маріи Терезіи и *изданною* имъ перепискою этой государыни. Мой оппонентъ теперь говоритъ: я имѣлъ „полное право, не обращаться къ трудамъ такихъ изслѣдователей, или, лучше сказать, издателей матеріаловъ" и т. д.; „я рѣшился оставить безъ обстоятельнаго изученія сочиненія, или, лучше сказать, изданія Арнета, но и то все-таки ихъ пересмотрѣлъ". Будемъ вѣрить г. Чечулину на слово, но читателя настоящихъ примѣчаній я прошу убѣдиться въ маленькой ошибкѣ г. Чечулина: „сочиненіе, или лучше сказать, изданія Арнета"—сказано несовсѣмъ хорошо, ибо Арнетъ былъ и изслѣдователемъ (десять томовъ „Исторіи Маріи Терезіи"), и издателемъ (ея переписка).

5. Разъ самъ г. Чечулинъ заявляетъ, что „польскія отношенія

Библиотека "Руниверс"

составляютъ важнѣйшую часть" его труда и что ему приходилось касаться внутреннихъ польскихъ дѣлъ, онъ, повторяю, долженъ былъ выучиться по польски и познакомиться съ польскою литературою: русскому историку писать о русско-польскихъ отношеніяхъ, игнорируя польскую литературу, по моему мнѣнію, прямо непростительно.

6. Кстати: г. Чечулинъ находитъ, что, пожалуй, съ книгой Корзона ему и слѣдовало бы познакомиться, но находитъ, что по вопросу о народонаселеніи Польши въ XVIII вѣкѣ я не далъ труда заглянуть въ эту книгу, когда писалъ свою замѣтку. Самъ г. Чечулинъ, конечно, заглянулъ; но только напрасно остановился лишь на стр. 57—71 перваго (а не втораго, какъ сказано въ его „Отвѣтѣ") тома сочиненія Корзона, ибо объ этомъ предметѣ онъ нашелъ бы въ книгѣ неизмѣримо больше.

7. Обратиться г. Чечулину къ Энциклопедическому словарю, я рекомендовалъ не потому, чтобы считалъ его „руководствомъ, пригоднымъ для ученыхъ изслѣдованій". Смыслъ моего указанія былъ иной: г. Чечулину осталась неизвѣстною даже та литература, которая приведена въ Энциклопедическомъ Словарѣ, предназначенномъ для большой публики.

8. Кое въ чемъ вину свою г. Чечулинъ сваливаетъ на меня: именно моя книга „Паденіе Польши въ исторической литературѣ" вводила его въ заблужденіе. Если бы, однако, онъ принялъ въ расчетъ, что моею темой были причины внутренняго разложенія Польши, а не дипломатическіе переговоры, приведшіе это государство къ раздѣламъ, онъ не долженъ былъ бы смущаться тѣмъ, что я говорю о разсматриваемыхъ трудахъ очень неравномѣрно. И относительно незнакомства г. Чечулина съ книгою Сореля о польскомъ раздѣлѣ виновнымъ себя не признаю. Существованіе ея отмѣчено въ моей книгѣ, но для моей цѣли было достаточно передать лишь главную мысль Сореля, повторенную имъ въ другомъ сочиненіи. Г. Чечулину по свойству его темы нужно было поступить какъ разъ наоборотъ, такъ какъ въ спеціальномъ сочиненіи Сореля разсмотрѣна подробно только дипломатическая сторона вопроса. И въ своемъ „Отвѣтѣ" г. Чечулинъ говоритъ лишь о первомъ изданіи книги, но дѣло въ томъ, что книга существуетъ въ двухъ изданіяхъ, изъ коихъ г. Чечулинъ знаетъ теперь все-таки только первое, тогда какъ для него было бы особенно важно второе (1889).

9. Иногда г. Чечулинъ приписываетъ мнѣ то, чего я не говорилъ

Библиотека "Руниверс"

совсѣмъ. Дройзена и Опкена, напримѣръ, я никогда ему въ образецъ не ставилъ, а только говорилъ, что съ ними г. Чечулину слѣдовало бы познакомиться. Нужды нѣтъ, что трудъ Дройзена и политическая переписка Фридриха II не доведены до изучаемой г. Чечулинымъ эпохи, но изъ этихъ изданій г. Чечулинъ познакомился бы съ ранними планами Фридриха II относительно Польши и кое-чего въ своей книгѣ на этотъ счетъ не сталъ бы говорить.

Эти примѣчанія я дѣлаю только въ видѣ примѣрныхъ пунктовъ для характеристики „Отвѣта“ г. Чечулина. Ихъ можно было бы и продолжить, но для себя считаю достаточнымъ и этого, тѣмъ болѣе что по другимъ пунктамъ (объ отношеніи г. Чечулина къ отвлеченнымъ принципамъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, о статьѣ г. В. К., которую я считаю болѣе вѣрною, чѣмъ книга г. Чечулина, о нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ, коими онъ не пользовался и т. п.) пришлось бы говорить слишкомъ долго, а въ этихъ „примѣчаніяхъ“ я хотѣлъ быть по возможности краткимъ.

П. Карѣевъ.

Книжныя новости.

Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи, издаваемый подъ редакціею *Кричтафовича*. Томъ I, вып. 1 (первая половина). Варшава. 1896, in 4°, цѣна 1 р. 50 к.—Цѣль этого изданія знакомить спеціалистовъ въ краткомъ видѣ съ всѣми работами и изслѣдованіями въ области геологіи и минералогіи Россіи, двухъ наукъ, которыя за послѣднее время сдѣлали большіе успѣхи въ нашемъ отечествѣ, благодаря ихъ значенію въ общественно культурной жизни. Предполагается каждый годъ издавать два выпуска съ текстомъ, напечатаннымъ со одной стороны по русски, съ другой по французски или по нѣмецки, съ тою цѣлью, чтобы „Ежегодникъ“ могъ идти заграницею. Въ вышедшемъ 1-мъ выпускѣ помѣщены: 1) оригинальныя статьи и замѣтки, а именно: вывѣтриваніе глауконита, происхожденіе ледниковыхъ котловъ въ Швейцаріи, результаты поѣздки по Черному морю и Крымскому полуострову и ледниковыя образованія въ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ; 2) рефераты и библіографическія указанія по минералогіи, кристаллографіи, петрографіи, палеонтологіи, физической и исторической геологіи; 3) свѣдѣнія объ экспедиціяхъ, экскурсіяхъ и командировкахъ; 4) свѣдѣнія относительно русскихъ изслѣдователей, скончавшихся въ 1895 году. Въ заключеніе сообщаются различныя данныя по продажѣ и обмѣну коллекцій и отдѣльныхъ дублетовъ. Чтобы дать понятіе о характерѣ „Ежегодника“, позволю себѣ по-

Библиотека "Руниверс"

знакомить съ содержаніемъ нѣкоторыхъ статей и рефератовъ. Статья Егунова: результаты поѣздки по Черному морю. Профессоръ Виноградскій, какъ извѣстно, доказалъ существованіе особыхъ микроскопическихъ организмовъ, такъ-называемыхъ сѣробактерій, имѣющихъ свойство окислять сѣроводородъ и превращать его въ сѣрную кислоту; въ одесскихъ лиманахъ они образуютъ пластинку, которая находится на извѣстномъ разстояніи отъ дна и поверхности воды. Это дало мысль г. Егунову объяснить характерное явленіе въ процессѣ сѣроводороднаго броженія, констатированное проф. Андрусовымъ въ Черномъ морѣ, а именно, что поверхъ глубины 160—200 метровъ не замѣчается выдѣленія упомянутаго сѣроводороднаго газа. На основаніи изслѣдованія грунтовъ въ лиманахъ Азовскаго моря, Севастопольской бухты и Чернаго моря и открытія въ двухъ послѣднихъ сѣробактерій, Егуновъ пришелъ къ заключенію, что въ Черномъ морѣ на глубинѣ 170—200 метрахъ долженъ залегать тонкій пластъ изъ подобныхъ организмовъ, приноровившихся къ извѣстному давленію, составу воды Чернаго моря и ея температурѣ. Этотъ пластъ и составляетъ причину, почему поверхъ его не замѣчается сѣроводорода: находящіяся въ немъ сѣробактеріи окисляютъ этотъ газъ и переводятъ его въ сѣрную кислоту.

Что касается рефератовъ, то большинство имѣютъ вполнѣ научный и спеціальный характеръ, таковы статьи *Штукенберга*, Кораллы каменноугольныхъ отложеній Урала и Тимана; *Дилера*, Тріасовая фауна головоногихъ моллюсковъ въ Приморской области и Восточной Сибири; *Амалицкій*, О непрерывности въ пермскій періодъ русско-индо-африканскаго материка; *Вешняковъ*, Осадки девонской системы въ Мугоджарскихъ горахъ и др. Не мало помѣщено и такихъ статей, которыя имѣютъ значеніе не для однихъ спеціалистовъ по минералогіи и геологіи, но и для географовъ; таковы рефераты: 1) проф. *Зографа*, опытъ объясненія происхожденія фауны озеръ Европейской Россіи; авторъ дѣлитъ всю Россію на четыре озерныя полосы, изъ коихъ каждая отличается преобладаніемъ извѣстныхъ рыбъ въ озерахъ: a) финляндскія озера, ладожское и онежское, b) озера, окружающія ихъ, c) озера на пространствѣ отъ верховья рѣки Урала до верхняго теченія рѣки Днѣстра и d) южная полоса, заключающая озера [illegible] происхожденія, по преимуществу соленыя; 2) *Ген. Тилло*, о томъ, проникаютъ ли отроги Карпатъ въ Россію; на основаніи гипсометрической карты авторъ отрицаетъ это мнѣніе, давно установившееся въ географіи и именно потому, что рѣшался этотъ вопросъ только на основаніи изученія внѣшней орографіи, между тѣмъ какъ необходимо обращать вниманіе и на связь орографіи съ тектоникой, иначе сказать съ внутреннимъ сложеніемъ; 3) проф. *Анучина*, объ озерахъ, находящихся въ области истоковъ Западной Двины, какъ о типахъ, свойственныхъ морскимъ ландшафтамъ; 4) *Маркграфа*, о великой сибирской низменности, какъ о величайшей и глубочайшей складкѣ Сибири и по формѣ своей подходящей къ фигурѣ Обской губы; 5) *Высоцкаго*, геологическія изслѣдованія въ черноземной полосѣ Западной Сибири, отличающейся недостаткомъ рѣкъ, но обиліемъ болотъ и озеръ; послѣднія трехъ сортовъ: прѣсныя (сѣрныя), тухлыя, горькія и горьковоселеныя (болѣе южныя); 6) *Краснопольскаго*, о геологическихъ изслѣдованіяхъ въ Барабинской степи; эта степь въ общемъ пред-

Библиотека "Руниверс"

ставляетъ равнину, покрытую увалами и гривами, почва ея черноземная и только въ низинахъ встрѣчаются солонцы или богатый черноземъ; 7) проф. *Мушкетова*, о геологическихъ изслѣдованіяхъ хребта Ергени, долины Маныча и Калмыцкой степи. Всѣхъ рефератовъ 182 и хотя большинство ихъ кратки, тѣмъ не менѣе они сообщаютъ много интереснаго и важнаго въ научномъ отношеніи. Не лишены также интереса всѣ свѣдѣнія, касающіяся экспедицій и экскурсій, предпринимаемыхъ различными учеными для ознакомленія съ геологіею Россіи. Изданъ Ежегодникъ и написанъ вообще хорошимъ простымъ удобопонятнымъ языкомъ, хотя отличается вполнѣ научнымъ характеромъ и мѣстами представляетъ спеціальные обороты, которые, къ сожалѣнію, за послѣднее время часто стали проникать въ естественноисторическую литературу, такъ на стр. 6—7 читаемъ: „полную картину даютъ только культуры въ весьма узкихъ сосудахъ, а въ широкихъ“... „картины получаются слишкомъ нѣжныя“; на стр. 9: „выдѣляетъ ихъ въ извѣстную зону иногда въ идеально-чистомъ составѣ“ и т. под. Подобныя выраженія, казалось, можно было бы безъ всякаго ущерба содержанію замѣнить болѣе простыми оборотами. Изъ вышесказаннаго видно, что „Ежегодникъ“, издаваемый Криштафовичемъ, представляетъ цѣнное научное изданіе.

Эльзенгансъ. Элементарное описаніе душевныхъ явленій. („Краткая психологія для самообразованія“). Перевелъ съ нѣмецкаго *М. Столяровъ*. Харьковъ. 1896. 12°. Ц. 40 коп., 73 стр. Изданіе книжнаго магазина *Карчагина*. — Издательская фирма Гешена въ Штутгартѣ напечатала большое количество учебниковъ по разнымъ предметамъ; эти учебники представляютъ собой краткіе повторительные курсы, и въ Германіи изданіе подобныхъ учебниковъ было встрѣчено весьма сочувственно. Въ составъ изданія вошла и книжка доктора Elsenhans'a Psychologie und Logik zur Einführung in die Philosophie; въ 1895 году эта книжка вышла уже третьимъ изданіемъ; она состоитъ изъ введенія, въ которомъ авторъ коротко излагаетъ исторію философіи, и изъ изложенія психологіи и логики. Переводчикъ г. Столяровъ опустилъ введеніе автора и изложеніе логики; онъ перевелъ только одну психологію. Г. Эльзенгансъ придерживается гербартовой теоріи при изложеніи ученія о познаніи; но въ ученіи о чувствѣ и волѣ авторъ отступаетъ отъ Гербарта; въ этихъ главахъ г. Эльзенгансъ ограничивается самымъ общимъ изложеніемъ фактовъ, безъ всякой теоріи, объясняющей факты; авторъ думаетъ, что эмпирическая психологія имѣетъ право поступать такъ, однако авторъ касается и такихъ вопросовъ, съ которыми эмпирическая психологія ничего подѣлать не можетъ (напримѣръ, вопроса о свободѣ воли). Къ тому же на данныхъ эмпирической психологіи г. Эльзенгансъ останавливается слишкомъ мало, напримѣръ онъ ничего не сообщаетъ о результатахъ новѣйшей экспериментальной психологіи. Однако, въ общемъ книжка г. Эльзенганса написана вполнѣ толково. Переводъ г. Столярова нельзя одобрить. Переводчикъ очевидно недостаточно знакомъ съ нѣмецкимъ языкомъ. Онъ не только неточно переводитъ нѣкоторыя предложенія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ видомъ перевода, приводитъ фразы ничего общаго съ текстомъ неимѣющія. Въ доказательство приведу нѣсколько примѣровъ: стр. 23. Говоря объ ассоціаціяхъ г. Столяровъ пишетъ, „что ассоціаціи основываются: 1) на сходствѣ представ-

Библиотека "Руниверс"

ленія (ассоціація по сходству) представленіе одной личности вызываетъ представленіе о другой, ей подобной": въ нѣмецкомъ текстѣ: auf der Beziehung der Vorstellungen nach; ihrem Inhalt (Beziehungsassoisation) Z. B. Ueber und Unterordnung, Aehnlihkeit und Gegensatz und Zweckbeziehung. Возьмемъ другой примѣръ: стр. 12 переводчикъ пишетъ: „На такомъ же особенномъ соединеніи единства и многообразія, какое мы видимъ въ духовной жизни *основывается* также матеріализмъ, какъ изъ двухъ движеній тѣлесныхъ атомовъ, возникаетъ новое, уничтожающее первыя, такъ единство сознанія ведетъ къ соединенію прежнихъ представленій съ позднѣйшими, причемъ эти послѣднія, по большей части, имѣютъ преимущество передъ первыми: колоритъ настоящаго зависитъ преимущественно отъ болѣе позднихъ". Это совершенно непонятное мѣсто по нѣмецки читается слѣдующимъ образомъ: An dieser eigentümlichen Verbindung von Einheit und Mannigfaltigkeit im Geistesleben *scheitert* auch der Materialismus. Während aus zwei Bewegungen körperlicher Atome eine neue Bewegung entsteht, welche die andere ablöst, führt die Einheit des Bewusstseins zu einer Verbindung früherer Vorstellungen mit späteren, ohne das diese deshalb darin aufgehen müssen. In der Einheit des Bewusstseins sind vielmehr die einzelnen Vorstellungen zugleich mit ihrer Verbindung untereinander und mit deren Resultat gegenwärtig. Многія мѣста въ книгѣ г. Столярова совершенно непонятны безъ нѣмецкаго текста. Напримѣръ, стр. 24. „Относительно исчезновенія представленій одни думаютъ, что это явленіе естественное, и никакого объясненія въ этомъ случаѣ быть не можетъ, другіе, наоборотъ требуютъ объясненія, такъ какъ все прочно установленное и само собой понятное объясняется закономъ постоянства". Выходитъ, что то, что естественно не можетъ быть объяснено, а то, что само собой понятно, то объясняется какимъ то закономъ постоянства. И это мѣсто легко понять, ежели заглянуть въ нѣмецкій текстъ. Такихъ непонятныхъ фразъ въ переводѣ г. Столярова много.

Н. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Опытъ изученія русскихъ проектовъ и неизданные ихъ тексты. С.-Пб. 1897 г.—Въ настоящемъ изданіи помѣщены: *Изъявленія прибыточныя государству*, Ѳедора Салтыкова; *Пункты о кабинетъ-коллегіумѣ*, Алексѣя Курбатова; *Доношеніе объ уравнительномъ платежѣ*, Алексѣя Нестерова; *Доношеніе* Ивана Филиппова; *Письмо о генералъ-ревизорѣ*, Конона Зотова и нѣсколько документовъ, могущихъ послужить для объясненія и дополненія только что перечисленныхъ. Г. Павловъ-Сильванскій неограничился изданіемъ этихъ документовъ, но приложилъ къ нему и очень интересный очеркъ, въ которомъ подвергъ ихъ тщательному изученію. „Петръ, по его словамъ, съ ближайшими своими сотрудниками вовсе не былъ такъ одинокъ въ современномъ обществѣ, какъ думаютъ нѣкоторые, основываясь на извѣстномъ изреченіи Посошкова..... Замѣчаніе автора книги „о скудости и богатствѣ" можетъ быть принято лишь въ смыслѣ противоположенія массы народа, оставшейся на прежномъ культурномъ уровнѣ, немногочисленнымъ сравнительно высшему и среднему классамъ, легко подчинявшимся вліянію западно-европейской культурѣ". Напечатанные теперь проекты служатъ прямымъ тому доказательствомъ. Мало того, проекты эти, какъ замѣчаетъ г. Павловъ-Силь-

Библиотека "Руниверс"

ванскій, не всегда были принимаемы безъ всякой критики Петромъ Великимъ, который, вообще, очень самостоятельно относился ко взглядамъ и предложеніямъ своихъ сотрудниковъ. Проекты эти такимъ образомъ, свидѣтельствуютъ, что верхи русскаго общества начала XVIII вѣка, сходясь съ царемъ-преобразователемъ во взглядѣ на необходимость заимствованій съ запада, въ частностяхъ расходились съ нимъ и обнаруживали, такимъ образомъ, далеко не рабскую подражательность. Г. Павлову-Сильванскому удалось отмѣтить нѣсколько группъ среди сотрудниковъ Петра Великаго, различающихся другъ отъ друга своими взглядами на желательный характеръ заимствованія съ запада. Крайнимъ западникомъ среди этихъ сотрудниковъ является Ѳедоръ Салтыковъ, долго жившій въ Англіи и увлеченный порядками и обычаями этой страны. Проекты Салтыкова обнаруживаютъ въ немъ человѣка съ широкими взглядами; его взглядъ на образованіе далеко превосходитъ господствовавшую въ то время утилитарную точку зрѣнія (онъ стоялъ, между прочимъ, за организацію общественнаго женскаго образованія), много мѣста удѣляетъ онъ также въ своихъ проектахъ торгово-промышленнымъ реформамъ, и организаціи экспедиціи въ Азію. Реформъ административныхъ онъ почти не касался, что, быть можетъ, объясняется его же собственными словами, что онъ „потщился выбрать изъ правленія уставовъ здѣшняго англійскаго государства и прочихъ европейскихъ, которое приличествуетъ токмо самодержавію, а не такъ какъ республикамъ и парламенту". Идеалъ Салтыкова. Англія, мало, конечно, могла дать матеріала для государственныхъ реформъ Россіи. Петръ къ проектамъ Салтыкова относился довольно сдержано, и, какъ видно, напримѣръ, изъ его указа о майоратѣ, о чемъ писалъ и Салтыковъ, внесъ много своего личнаго въ свои соотвѣтствующія реформы. Близко примыкаютъ по своимъ взглядамъ къ Салтыкову, хотя далеко и не сходятся съ нимъ вполнѣ. Курбатовъ и Кононъ Зотовъ. Это также вполнѣ убѣжденные западники; но въ своемъ преклоненіи передъ западомъ они рѣже доходятъ до крайняго увлеченія и меньше даютъ непрактичныхъ совѣтовъ, чѣмъ Салтыковъ. Условія русской дѣйствительности больше принимаются ими въ разчетъ, чѣмъ въ „изъявленіяхъ прибыточныхъ государству". Къ тому же они преслѣдуютъ и болѣе опредѣленную цѣль; они—„прибыльщики" и государственная, порою—исключительно фискальная—польза болѣе выдвигается ими на первый планъ. Имѣя въ виду пользу государственную, они больше говорятъ, чѣмъ Салтыковъ, и о желательныхъ реформахъ въ области администраціи. Рѣзко отличаются и отъ Ѳ. Салтыкова, и отъ Курбатова съ Конономъ Зотовымъ московскіе прогрессисты, представителемъ которыхъ является извѣстный Ив. Посошковъ, стоящій, однако, вовсе не такъ одиноко, какъ это принято обыкновенно думать: г. Павловъ-Сильванскій указываетъ на „двѣнадцать статей", обозрѣніе которыхъ сохранилось въ кабинетныхъ дѣлахъ, авторъ которыхъ неизвѣстенъ, но по взглядамъ близко подходитъ къ Посошкову; къ этому же типу подходятъ и другіе: оберъ-фискалъ Нестеровъ, вице-губернаторъ Ершовъ, полковникъ Зотовъ, Иванъ Филипповъ и Василій Ладыгинъ. Хорошо знакомые съ русскою дѣйствительностью, всѣ эти лица ясно видѣли ея отрицательныя стороны и горячо желали ихъ искоренить, для чего не прочь были даже и отъ сближенія съ западомъ. Въ принципѣ, однако, къ этому сближенію они относились довольно

Библиотека "Руниверс"

критически и если и признавали законность заимствованія, то развѣ только въ области матеріальной культуры. Въ духовномъ отношеніи московскіе прогрессисты были довольно-таки цѣльные старо-завѣтные, москвичи, готовые даже порою на такія мѣры, какъ запрещеніе иноземцамъ, пріѣхавшимъ въ Россію и обучившихъ русскихъ, возвращаться на родину. Такова въ общихъ чертахъ группировка сторонниковъ Петра, сдѣланная г. Павловымъ-Сильванскимъ на основаніи изданныхъ имъ документовъ. Документы эти, какъ онъ самъ замѣчаетъ, имѣютъ еще и другое значеніе. Изъ нихъ ясно рисуется отношеніе Петра къ тѣмъ совѣтамъ и проектамъ, которые ему подавались, и та значительная доля его собственной иниціативы, которую вносилъ онъ въ проведеніе своихъ реформъ. Въ послѣднее время высказывался взглядъ, что реформа Петра въ значительной степени была дѣломъ его сотрудниковъ—изданные теперь документы показываютъ, однако, что Петръ относился порою очень критически къ подававшимъ ему проектамъ. Многія его реформы, въ томъ видѣ, въ какомъ они были проведены въ жизнь, сильно разнствуютъ отъ соотвѣтствующихъ имъ совѣтовъ Ѳ. Салтыкова, К. Зотова и др. Новые документы даютъ, такимъ образомъ, и новый матеріалъ для характеристики Петра Великаго. Отмѣчая новое изданіе и изслѣдованіе г. Павлова-Сильванскаго, мы вовсе не беремъ на себя задачи подвергать его разбору; это дѣло спеціальной критики, которая не преминетъ указать то мѣсто, какое должна занять эта книга въ текущей исторической литературѣ. Детальный разборъ настроенія петровскаго общества, создавшагося подъ вліяніемъ предпринятыхъ имъ реформъ, выходящій за предѣлы общихъ характеристикъ, вполнѣ своевременъ, и первый опытъ такого разбора, сдѣланный г. Павловымъ-Сильванскимъ нельзя, намъ кажется, не признать удачнымъ.

В. Е. Романовскій. Императрица Екатерина II. Историческій очеркъ. Тифлисъ. 1896. Стр. 66. Цѣна 60 коп.—Брошюра г. Романовскаго написана очень бойко, хотя не всегда съ одинаковою основательностью. Она дѣлится на три очерка. Первый озаглавленъ: „Екатерина II до воцаренія“ и заключаетъ въ себѣ общеизвѣстныя подробности о характерѣ и поведеніи какъ самой великой княгини, затѣмъ Императрицы Екатерины Алексѣевны, такъ и мужа ея Императора Петра III. Въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны отношенія супруговъ между собою и къ Императрицѣ мѣнялись, постепенно ухудшаясь; постепенность эта не уловлена авторомъ. Точно также нѣтъ надлежащей точности и въ передачѣ обстоятельствъ царствованія Императора Петра и воцаренія Екатерины II. Авторъ находитъ возможнымъ выражаться, напримѣръ, на страницѣ 9-й, такъ: при Петрѣ III „министры прусскаго короля имѣли въ *Россіи* большее вліяніе, чѣмъ русскіе дипломаты“—рѣчь должна идти объ одномъ посланникѣ прусскомъ, а не о „министрахъ“, и не о всей „Россіи“, а о русско-голштинскомъ дворѣ. Далѣе, авторъ говоритъ, что въ 6 мѣсяцевъ правленія Петра III Россія дошла до „полнѣйшаго разстройства“ „и въ администраціи, и въ судопроизводствѣ, и въ финансахъ“ (стр. 10); онъ забываетъ, что Екатерина, говоря о такомъ разстройствѣ, разумѣла, что виною здѣсь не столько Петръ III, сколько Елизаветинскіе порядки. Второй очеркъ (стр. 15—32) посвященъ „внѣшней политикѣ

Библиотека "Руниверс"

Императрицы Екатерины II". О политикѣ самой Екатерины авторъ говоритъ бѣгло, но въ общемъ удовлетворительно. За то характеристика русской политики за годы 1725—1762 очень слаба. Существуютъ разные взгляды на этотъ предметъ, но никто не согласится съ г. Романовскимъ, что до Екатерины „существовала уже опредѣленная политическая программа, которой предшественники великой императрицы весьма послѣдовательно держались" (стр. 17). По мнѣнію автора, политика Россіи тогда „покоилась уже на ясно сознанномъ принципѣ европейскаго равновѣсія, ради котораго Россія *смѣло и рѣшительно вмѣшивалась* въ общеевропейскую политику" (стр. 16). Это идеализація, которой не остается вѣренъ и самъ авторъ: на 17-й страницѣ онъ уже говоритъ, что Екатерина традиціонно *устранялась отъ „рискованныхъ предпріятій"* и считала главною задачей *„соблюденіе мира"*, а на страницѣ 18-й утверждаетъ даже, что при Елизаветѣ „большое вліяніе на нее имѣла Австрія, а Петръ III строго говоря игралъ роль вассала Пруссіи". Итакъ „строго говоря" Россія шла за другими державами, а не строго говоря—имѣла свой собственный „ясно сознанный принципъ". Столь же поверхностны въ третьемъ очеркѣ „Внутренняя дѣятельность Императрицы Екатерины II" (стр. 32—68) строки, относящіяся къ исторіи первой половины XVIII вѣка: авторъ идетъ такъ далеко, что (на стр. 33) заявляетъ, будто „порядки", созданные Петромъ Великимъ, „съ особенною силою, какъ извѣстно, обнаружились въ эпоху бироновщины" Это такъ оригинально, что походитъ на шутку. Разсказъ же собственно о Екатерининскомъ времени не лишенъ живости и интереса. Въ общемъ брошюра можетъ заинтересовать и дать нѣкоторое понятіе объ изображаемомъ времени.

Сборникъ русскихъ памятниковъ, извлеченныхъ изъ семейнаго архива графовъ Делагарди. Издалъ *Георгій Сабллеръ*. Юрьевъ. 1896.—Десятый археологическій съѣздъ, собиравшійся осенью прошлаго года, оказалъ, между прочимъ, нѣкоторое вліяніе и на оживленіе нашей исторической литературы. Изданіе, названіе котораго мы только что выписали, также посвящено этому съѣзду; первоначально оно было помѣщено въ „Ученыхъ Запискахъ Юрьевскаго университета". Въ болѣе раннихъ трудахъ, посвященныхъ разработкѣ архива графовъ Делагарди, не опубликовано ни одного русскаго документа изъ этого архива. Документы подобные, однако существуютъ, и всѣ тѣ изъ нихъ, которые сохранились до нашего времени, какъ по своему содержанію, мѣсту и времени, такъ даже и по своему языку представляютъ изъ себя нѣчто цѣлое. Авторы ихъ, какъ объясняетъ издатель, въ большинствѣ случаевъ—лица, принадлежавшія къ шведской партіи, люди, подчиненные графу Якову Делагарди. Въ хронологическомъ отношеніи изданные документы дѣлятся на двѣ категоріи. Первые четыре относятся къ 1608—1610 гг. и касаются переговоровъ царя Василія Ивановича Шуйскаго съ Карломъ IX о союзѣ противъ поляковъ и литовцевъ, а также воровскихъ шаекъ, безпокоившихъ ихъ государства. Остальные одиннадцать нумеровъ датируются 1615, 1616, 1617 и 1619 гг. и содержатъ въ себѣ дипломатическіе переговоры, частью предшествовавшіе Столбовскому миру, частью послѣдовавшіе за нимъ; въ нихъ заключаются также отношенія русскихъ воеводъ Пскова и Осташкова къ шведскимъ намѣстникамъ Пскова и Новгорода и просьбы или донесе-

Библиотека "Руниверс"

нія отъ подчиненныхъ шведскихъ властей къ графу Якову Делагарди. Напечатанные въ изданіи г. Саблера документы по своей внѣшней формѣ могутъ быть раздѣлены на четыре вида: восемь изъ нихъ представляютъ изъ себя офиціальныя отношенія, три—частныя прошенія, три—донесенія служебнаго характера и одинъ, наконецъ,—записка, переданная русскимъ толмачемъ графу Як. Делагарди по приказанію кн. М. В. Скопина-Шуйскаго и касающаяся современнаго положенія дѣлъ въ Московскомъ государствѣ. Въ историко-дипломатическомъ отношеніи документы эти не могутъ быть признаны первостепенными: они не вносятъ какихъ-либо новыхъ крупныхъ фактовъ въ современную имъ эпоху и не проливаютъ новаго свѣта на извѣстные уже факты. За то здѣсь не мало найдется любопытныхъ подробностей, подъ-часъ мелочныхъ, ярко характеризующихъ будничную жизнь новгородскаго края, во время Смуты, взаимныя отношенія русскихъ и шведовъ, интересы, которые, волновали въ тѣ дни мѣстное населеніе; въ этомъ отношеніи разсматриваемые документы любопытны и по своему содержанію, и по языку, порою смиренному и робкому, порою смѣлому и даже вызывающему. Къ подобному культурно-историческому значенію русскихъ документовъ архива графа Делагарди присоединяется ихъ значеніе для уясненія исторической топографіи и исторіи служилыхъ родовъ, а также и отдѣльныхъ лицъ Швеціи и Россіи, а особенно балтійскаго поморья; ярко рисуется въ нихъ выдающееся положеніе графа Делагарди. Наконецъ, изданные памятники дадутъ немало матеріала для языкознанія вообще и славянской (а частью и инородской) фонетики въ особенности. Русская рѣчь памятниковъ находится, очевидно, подъ вліяніемъ шведскаго, вслѣдствіе чего въ нихъ на ряду съ интересными старыми чистославянскими формами встрѣчаются и другія, образовавшіяся подъ явнымъ воздѣйствіемъ шведскаго языка, вродѣ, напримѣръ, „чужонскаго“ (вмѣсто „чухонскаго“) и „задѣрхѣны“ (вмѣсто „задержаны“). Въ настоящій сборникъ, по заявленію издателя, вошли всѣ русскіе документы, находящіеся въ настоящее время въ архивѣ графа Делагарди, хотя ранѣе тамъ были и другіе. По внѣшности своей изданіе г. Саблера производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Оно будетъ далеко не лишнимъ вкладомъ въ серію изданныхъ историческихъ источниковъ, относящихся къ русско-шведскимъ отношеніямъ начала XVII вѣка.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— *И. Карѣевъ.*—Основные вопросы философіи исторіи. Объ части въ одномъ томѣ. Третье (сокращенное изданіе). С.-Пб. 1897.

— *Д. Я. Самоквасовъ.*—Лекціи по исторіи русскаго права. (Студенческій конспектъ). Выпускъ второй. Происхожденіе и содержаніе общихъ законовъ Русской земли эпохи удѣльныхъ государствъ. Москва. 1896.

— *Д. Я. Самоквасовъ.*—Изслѣдованія по исторіи русскаго права. Выпускъ второй.—Средства познанія системы русскаго права языческой эпохи. Москва. 1896.

— *Н. Кондаковъ.*—Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. С.-Пб. 1896.

Библиотека "Руниверс"

— Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1897—Содержаніе: Грамоты 7080—7111 годовъ съ подписями Бориса, Дмитрія и Степана Годуновыхъ, съ предисловіемъ гр. С. Д. Шереметева;—Къ вопросу о раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ въ началѣ XVIII вѣка, съ предисловіемъ А. П. Зорцалова;—Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII вѣковъ, сообщены В. и Г. Холмогоровыми (окончаніе);—Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ Кіевѣ, вып. 2, Н. И. Петрова;—Дневникъ втораго похода Стефана Баторія на Россію (1580) Яна Зборовскаго и Луки Дзялынскаго, переводъ О. Милевскаго:—О большихъ строеніяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Н. Успенскій;—Исторія города Торопца (до 1500 г.), И. И. Побойнина;—Смѣсь.

— *Рождественскій, С. В.* — Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка. С.-Пб. 1897.

— *Александровъ, А.*—По поводу перехода въ католичество княжны Елены Черногорской. Казань. 1897.

— *Александровъ, А.*—Отчетъ мужской воскресной школы со времени ея открытія по 1-е января 1897 г. въ городѣ Казани. Казань. 1897.

— *Лихачевъ, Н. П.*—„Государевъ родословецъ" и родъ Ардашевыхъ. С.-Пб. 1897.

— *Zibrt, Čeněk,* O snovnávacím studiu Eldového Podání na vysvětlenou a a na obranu. V Praze. 1899.

— *Вучетичъ, И. Г.*—Дѣтская библіотека.—Двѣ легенды. Одесса. 1897.

— *Саховичъ, В. А.*—Государственный контроль въ Россіи, его исторія и временное устройство въ связи съ изложеніемъ сметной системы, кассоваго порядка и устройства государственной отчетности. С.-Пб. 1896.

— Краткая историческая записка о высшихъ женскихъ курсахъ въ С.-Петербургѣ. С.-Пб. 1896.

— Βοζαντινὰ χρονικά.—Византійскій Временникъ. Т. III, вып. 3 и 4. Содержаніе. Изслѣдованія и матеріалы.—Новый списокъ древняго устава Константинопольскихъ церквей. *Д. Беляева.* — О Тайной Исторіи Прокопія. *В. Панченко.* — Критическія замѣчанія къ Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαϊάρου. *Θ. Корша.*—Анонимнаго автора поучительное стихотвореніе. *И. Г. Досіоса.*—Два надгробныхъ стихотворенія Симеона Логоѳета. *В. Васильевскаго.*—Надгробное стихотвореніе Ѳеодора Продрома. *В. Васильевскаго.* О греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. *А. Васильева.*—Критика.—Архимандритъ Владиміръ. Систематическое описаніе рукописей Московской синодальной библіотеки—рец. *Э. Курца.—И. Помяловскій.* Житіе препод. Аѳанасія Аѳонскаго — рец. *И. Соколова.—I. I. Tikkanen.* — Die Psalterillustration im Mittelalter. — рец. *А. Кирпичникова.—И. Покровскій.* Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства. — рец. *Д. Айналова.* — *G. Schlumberger.* Mélanges d'archeologie byzantine—рец. *П. Безобразова.*—Библіографія—статьи И. Соколова, Б. Мелioранскаго, А. Васильева, А. Шападопуло-Керамевса. — Мелкія замѣтки и смѣсь.

Библиотека "Руниверс"

Въ книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ въ теченіе января мѣсяца 1897 года поступили въ продажу слѣдующія академическія изданія:

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. № 1 (январь) 1897 года. Цѣна 1 руб., годовая цѣна 6 руб.

— Византійскій Временникъ (подъ редакціею *В. Г. Васильевскаго* и *В. Э. Регеля*). Томъ III, вып. 3 и 4. Годовая цѣна 5 рублей.

Подписка на оба эти изданія принимается исключительно въ книжномъ магазинѣ комиссіонера Академіи Наукъ К. Л. Риккера (С.-Пб., Невскій пр., 14).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ ИНОРОДЧЕСКОЙ ШКОЛѢ.

На необъятныхъ пространствахъ Россіи обитаетъ много племенъ и народностей, чуждыхъ славяно-русскому корню. Тѣ изъ нихъ, которыя не могутъ быть отнесены къ народностямъ, имѣющимъ самостоятельные политическіе организмы, извѣстны у насъ въ большинствѣ случаевъ подъ общимъ именемъ инородцевъ. Многіе изъ нихъ примкнули къ составу Русскаго государства уже въ отдаленныя времена, меньшая часть сравнительно въ недавніе дни; одни приняли русское подданство доброю волею, другіе—либо залиты переселенческою русскою народною волной, либо покорены силою русскаго оружія. Разбросанные по окраинамъ ископныхъ областей нашихъ, инородцы съ первыхъ же дней своего присоединенія къ намъ испытываютъ на себѣ культурное вліяніе русскаго народа. Дѣйствуя на нихъ рѣшительно во всѣхъ областяхъ быта, вліяніе это само собой, какъ необорная могущественная сила, пріобщаетъ новыя и новыя величины къ государственному организму. Чѣмъ ближе чужеродный элементъ подходитъ къ историческимъ народожизненнымъ центрамъ нашимъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него и наше культурное вліяніе, чѣмъ далѣе отстоитъ онъ отъ этихъ центровъ, тѣмъ означенное вліяніе дѣйствуетъ на него слабѣе. Всего менѣе сказывается оно въ жизни племенъ, разметавшихся по берегамъ нашихъ студеныхъ морей въ Европѣ и Азіи, по необозримымъ пространствамъ нашихъ лѣсовъ и степей; не можетъ быть названо оно значительнымъ и въ жизни племенъ, по сравненію съ первыми, болѣе культурныхъ, поселившихся близъ нашихъ западныхъ и южныхъ границъ. И тамъ и здѣсь существеннѣйшею причиной явленія служитъ малочисленность русскихъ людей, поселившихся между инородцами, а также и унаслѣдованное отъ былыхъ временъ, еще сильно звучащее въ быту

Библиотека "Руниверс"

послѣднихъ. На нѣкоторыя же племена несомнѣнно дѣйствуетъ и ближайшее зарубежное сосѣдство, удерживая ихъ отъ быстраго сближенія съ русскимъ народомъ въ формахъ его быта. Но не смотря на все сказанное, болѣе культурныя инородческія племена, а изъ остальныхъ болѣе культурные ихъ представители, вполнѣ сознаютъ, что рано или поздно сближеніе это станетъ совершившимся фактомъ, что противодѣйствовать ему, какъ непреложному требованію жизни, безполезно, что наоборотъ всѣми мѣрами ему должно содѣйствовать, такъ какъ оно принесетъ новое счастіе народу. Главнымъ средствомъ къ такому сближенію служитъ, конечно, образованіе, въ частности же—русскій языкъ. По убѣжденію, напримѣръ, эстовъ и латышей только русскій языкъ можетъ сдѣлать каждаго изъ нихъ полноправнымъ членомъ многомилліонной русской семьи, только онъ одинъ откроетъ для нихъ „по всему царству русскому широкому“ полный просторъ и свободу. Это-то убѣжденіе и руководило эстами, когда они посылали отъ себя извѣстную депутацію къ Императору Александру Второму съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ — даровать имъ русскій судъ, даровать новую школу, которая научила бы ихъ дѣтей говорить по-русски.

Для обученія дѣтей инородцевъ у насъ открываются такъ называемыя русско-инородческія начальныя училища. Много такихъ училищъ на Кавказѣ, въ Крыму, не мало ихъ въ Поволжьѣ, въ Пріуральѣ, есть такія школы въ Сибири, но всего болѣе ихъ, конечно, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ этихъ училищахъ дѣти инородцевъ обучаются правиламъ вѣры согласно съ природнымъ ихъ исповѣданіемъ, учатся чтенію, письму, ариѳметикѣ, и, что всего важнѣе, учатся они русскому языку. Для того, чтобъ успѣхи по русскому языку достигались возможно прочные и полные, учебная администрація вводитъ его языкомъ преподаванія въ русско-инородческихъ училищахъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія обязываетъ учителей въ третьемъ году обученія проходить все, положенное по программамъ начальной школы, уже на русскомъ языкѣ. Значитъ въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ обученія дѣти-инородцы должны на столько овладѣть русскимъ языкомъ, чтобы быть въ состояніи въ третьемъ учебномъ году понимать живую русскую рѣчь учителя, равно какъ и русскую учебную книгу. Это ставитъ учителя русско-инородческой школы въ весьма отвѣтственное и нелегкое положеніе. Въ три-четыре учебныхъ зимы онъ долженъ научить дѣтей, до поступленія въ школу не слыхавшихъ ни одного русскаго слова, читать, писать и

Библиотека "Руниверс"

говорить на русскомъ языкѣ съ тою степенью бѣглости, правильности и сознательности, которая требуется отъ экзаменующихся на извѣстную льготу по отбыванію воинской повинности. Выполняя обычныя программы по вѣроученію, русскому языку, ариѳметикѣ, учитель русско-инородческой школы нерѣдко сообщаетъ своимъ ученикамъ краткій курсъ географіи Россіи, отечественной исторіи, чего во многихъ чисто русскихъ училищахъ, къ величайшему сожалѣнію, весьма часто не проходится.

Въ виду разъясненныхъ особенностей педагогическаго труда въ русско-инородческой начальной школѣ, въ виду высокой общекультурной, а также и государственной важности этой школы позволю себѣ остановиться на томъ, какъ до сихъ поръ учили въ ней государственному языку, и какъ должно учить ему, согласно съ здравою педагогическою теоріею, а также и новѣйшими указаніями жизненнаго опыта.

До самыхъ послѣднихъ дней обученіе въ русско-инородческихъ школахъ начиналось обыкновенно съ азбуки природной рѣчи дѣтей. Далѣе одолѣвалось письмо и чтеніе на родномъ языкѣ, послѣ чего приступали уже и къ русской азбукѣ. Такъ какъ способъ пользованія звуковою и буквенною азбукой во всѣхъ языкахъ одинъ и тотъ же, то грамотному человѣку буквы новой азбуки даются весьма быстро. Десятилѣтніе ученики I-го класса гимназіи выучиваются читать и записывать простыя латинскія слова въ 3—4 часовыхъ урока. Новая азбука предлагается имъ въ параллельномъ столбцѣ съ русскою. Дѣти читаютъ ихъ одну за другой и запоминаютъ, какая латинская буква соотвѣтствуетъ той или другой русской, какъ пишется и какъ выговаривается она. Точно также усваивалась русская азбука и въ нашихъ русско-инородческихъ школахъ. Такой именно способъ прохожденія ея предлагается и въ изданныхъ инородцами-педагогами учебныхъ пособіяхъ г. Германомъ—для эстскихъ училищъ (Учебникъ русскаго языка, Дерптъ, 1887 г.), гг. Григоріемъ и Теръ-Давидіемъ—для армянскихъ училищъ (Учитель русскаго языка для армянскихъ школъ, Тифлисъ, 1883 г.; Русское Слово, руководство для армянскихъ училищъ, Тифлисъ, 1884 г.); тотъ же способъ рекомендуется и въ книгахъ г. Ислентьева, изданныхъ имъ для вотяковъ, чувашей и казанскихъ татаръ. Послѣ усвоенія азбуки ученикамъ предлагался рядъ упражненій въ чтеніи и письмѣ русскихъ словъ и фразъ (иногда и складовъ), помѣщенныхъ въ учебной книжкѣ. Что учащіеся не понимали при этомъ написаннаго и прочитаннаго, ни-

Библиотека "Руниверс"

сколько не смущало педагоговъ: они предлагали этотъ матеріалъ не для какого либо уразумѣнія его смысла (смысла въ немъ и не было), а только для упражненія въ произношеніи русскихъ звуковъ въ ихъ разнообразнѣйшихъ сочетаніяхъ. Далѣе учебный трудъ дѣтей сводился къ тому же самому, къ чему давно уже свелся онъ у учениковъ гимназіи по классическимъ языкамъ. Строка за строкой прочитываются слова и фразы учебника, переводятся на родной языкъ дѣтей, переведенное задается для заучиванія наизустъ въ классѣ или чаще всего внѣ класса. Но для учениковъ начальной школы, гораздо менѣе развитыхъ и возрастныхъ по сравненію съ гимназистами, трудъ этотъ оказывался въ высшей степени скучнымъ, утомительнымъ, а при отсутствіи какой бы то ни было домашней помощи даже и неодолимымъ. Послѣ изученія нѣкотораго запаса словъ и фразъ обыкновенно приступали къ изученію грамматическаго строя языка. Главнѣйшимъ учебнымъ средствомъ служилъ при этомъ переводъ. При помощи перевода одолѣвался необходимый лексическій запасъ языка, переводомъ уяснялись его этимологическія формы, переводомъ же раскрывались и особенности синтаксическаго строя русской рѣчи. Ученики продѣлывали цѣлыя массы переводовъ и вмѣстѣ съ громаднымъ количествомъ правилъ заучивали ихъ наизустъ. Для многихъ все это оказывалось не по силамъ, болѣе же крѣпкіе памятью одолѣвали затрудненія — осиливали языкъ. Но переводъ до того всасывался ими въ плоть и кровь, что они живутъ и дышатъ имъ, они говорятъ и даже думаютъ какимъ-то непереводимымъ способомъ, который остается свойствомъ ихъ рѣчи до конца дней. И. С. Тургеневъ давно уже отмѣтилъ его въ русскомъ языкѣ остзейскихъ нѣмцевъ, а Л. Н. Толстой—даже въ ученыхъ трудахъ нѣкоторыхъ авторовъ.

Учебная практика убѣждаетъ насъ въ томъ, что такой способъ изученія отечественнаго языка въ русско-инородческой начальной школѣ не цѣлесообразенъ. Начнемъ съ усвоенія азбуки. Многіе инородческіе языки еще не имѣютъ письменности, слѣдовательно сопоставлять въ нихъ русскую азбуку не съ чѣмъ. Другіе мало культурные инородческіе языки разбились на такіе мелкіе говоры, что для нихъ весьма трудно установить общую звуковую азбуку и даже грамматику. Третьи хотя имѣютъ собственную письменность, даже литературу, но характеръ ихъ звуковъ до того отличается отъ характера звуковъ русской рѣчи, что параллельное сопоставленіе ихъ для нетвердыхъ въ искусствѣ чтенія грамотеевъ не только безполезно, а даже вредно: дѣти обыкновенно переносятъ характеръ зву-

Библиотека "Руниверс"

ковъ родной рѣчи на соотвѣтственные русскіе звуки, отъ чего впослѣдствіи отвыкаютъ съ большимъ трудомъ. Все это тормозитъ успѣхи обученія, но тѣмъ не менѣе способъ этотъ долгое время остается въ ходу, и лучшіе педагоги-практики понемногу устраняютъ его неудобства окольными путями. Извѣстны случаи, когда для безписьменнаго языка у насъ составлялись новыя азбуки, а также и грамматики. До какой степени оригинальны эти труды, видно изъ заявленія г. Ислентьева, въ какихъ вотскихъ и татарскихъ деревняхъ, при помощи какихъ лицъ онъ провѣрялъ свои книги, прежде чѣмъ предалъ ихъ тиснепію. Нечего и говорить, на сколько книги эти не похожи на труды св. Константина Философа, и на сколько излишни онѣ въ области современной науки и жизни. Въ томъ случаѣ, когда инородческій языкъ оказывается письменнымъ, тогда весьма часто приходится въ изображеніи русскихъ звуковъ прибѣгать къ сложенію звуковъ родной рѣчи дѣтей. Результатомъ такого пріема получаются всѣмъ извѣстныя параллели. Въ „Учебникѣ“ г. Германа мы читаемъ: „ч—tsch, щ—schtsch, сосна — ssassna, арфа — arwha, лицо — litsoo, туча—tutscha, чаще—tschaschtsche!“... Не смотря на то, что созвучія эти нисколько не передаютъ русскихъ звуковъ, дѣти заучиваютъ, затверживаютъ ихъ, чтобы потомъ прійдти къ заключенію о полной непригодности ихъ. Послѣ того, какъ академикъ Я. К. Гротъ въ своихъ „Филологическихъ разысканіяхъ“ показалъ несходство даже въ сходныхъ, повидимому, звукахъ языковъ; пора бы и отрѣшиться отъ такого способа усвоенія въ инородческихъ школахъ русской азбуки, но находится не мало русскихъ людей, которые и до сего дня распинаются за него.

Переходя теперь къ изученію собственно языка, должно сказать, что начинать его въ русско-инородческой начальной школѣ съ грамматики — весьма неудобно. „Молодой, цѣльный, стройный русскій языкъ,—говоритъ А. С. Будиловичъ,—труденъ для изученія“; особенно же труденъ онъ, прибавимъ мы, когда приступаютъ къ изученію его съ грамматической стороны, особенно трудно такое изученіе для сельскихъ дѣтей, не умѣющихъ еще сосредоточиться въ области отвлеченнаго мышленія о словѣ и его формахъ. Грамматическія понятія усвояются ими только послѣ нѣкотораго предварительнаго развитія уже въ третьемъ году обученія, да и то съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ силъ. Вслѣдствіе всего изложеннаго и успѣхи учениковъ инородческихъ школъ по русскому языку получались весьма и весьма незначительные.

Библиотека "Руниверс"

Отмѣченная малоуспѣшность занятій по языку рѣзко бросалась въ глаза. Многіе практики-педагоги задумываются надъ тѣмъ, какъ бы облегчить трудъ дѣтей; болѣе смѣлые изъ нихъ производятъ опыты, устраняя то или другое затрудненіе для учащихся. Дѣло начинается съ азбуки. Видя, что параллелизація буквъ ведетъ къ усвоенію дѣтьми ложнаго произношенія, нѣкоторые учителя послѣ окончанія родной азбуки дѣтей, послѣ упражненій въ чтеніи и письмѣ на родномъ языкѣ приступаютъ къ прохожденію русской азбуки такъ, какъ проходится она съ дѣтьми, совершенно неграмотными. Заучивается нѣкоторое количество русскихъ словъ съ переводомъ на родной языкъ, берутся изъ нихъ такъ называемыя нормальныя слова, разлагаются на звуки; далѣе продѣлываются звуковыя упражненія, сообщаются буквы—и дѣти приступаютъ къ чтенію и письму. Первые удачные опыты такого прохожденія азбуки, на сколько извѣстно, были произведены на Кавказѣ. Въ 80-хъ годахъ попечительный совѣтъ Кавказскаго учебнаго округа постановилъ рекомендовать начальнымъ учителямъ туземныхъ школъ именно такое прохожденіе русской азбуки. Иниціаторами такого постановленія были извѣстные наши педагоги К. П. Яновскій, попечитель Кавказскаго учебнаго округа, и Д. Д. Семеновъ, бывшій въ то время директоромъ Закавказской учительской семинаріи. Постановленіе это было утверждено его императорскимъ высочествомъ, намѣстникомъ Кавказа. Потомъ способъ этотъ былъ примѣненъ въ нѣкоторыхъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа. И здѣсь оказалось, что онъ устраняетъ смѣшеніе учениками характера русскихъ и родныхъ звуковъ, избавляетъ дѣтей отъ усвоенія ложныхъ привычекъ произношенія. Но по этому способу дѣти-инородцы поздно приступаютъ къ изученію русскаго языка, такъ какъ много времени уходитъ у нихъ на родную грамоту. Кромѣ того, приступая къ русскимъ словамъ, звукамъ и буквамъ, они слишкомъ глубоко чувствуютъ различіе въ трудности усвоенія русской и родной рѣчи. Это ослабляетъ въ нихъ трудовую энергію, расхолаживаетъ учебный порывъ и сильно вредитъ общему успѣху. Чтобъ устранить и эти неудобства, произведены были попытки прохожденія съ инородцами русской азбуки безъ всякаго посредства азбуки родной рѣчи. Неграмотныя дѣти съ первыхъ же дней пребыванія въ школѣ усваиваютъ нѣкоторый запасъ русскаго текста, заключающій въ себѣ по возможности всѣ звуки русскаго языка и главнѣйшія ихъ сочетанія. Текстъ этотъ заучивается въ бесѣдѣ учителя съ дѣтьми, заучивается онъ изустно, по слуху, какъ заучиваются дѣтьми мо-

Библиотека "Руниверс"

литвы со словъ матери, няни, или неграмотными учениками со словъ священника-законоучителя. Каждое слово при этомъ разъясняется дѣтямъ надлежащимъ толкованіемъ, каждое предложеніе переводится на родной языкъ, потомъ повторяется ими до полнаго сознательнаго усвоенія его. Когда запасъ текста оказывался достаточнымъ, тогда изъ него брались извѣстныя уже дѣтямъ русскія слова, разлагались на звуки—и такимъ образомъ усваивалась русская азбука. Опытъ показываетъ, что текста, необходимаго для выдѣленія всѣхъ звуковъ русской азбуки, требуется немного: маленькій разказецъ, школьная пѣсенка—заключаютъ въ себѣ всю русскую звуковую азбуку. Выгода такого способа усвоенія азбуки представляется въ томъ, что русскіе звуки улавливаются дѣтьми далеко естественнѣе и легче, комбинаціи ихъ одолѣваются далеко скорѣе, а при томъ и русскій языкъ начинается въ школѣ безъ всякаго промедленія. Въ русско-инородческихъ училищахъ Прибалтійскаго края (волостныхъ или вспомогательныхъ), гдѣ учебный годъ состоитъ всего изъ 100 учебныхъ дней, послѣдняя выгода имѣетъ особенную важность. Послѣ цѣлаго ряда болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ русскую азбуку начали проходить въ инородческихъ школахъ разумно — и скоро, и легко, и съ вѣрнѣйшимъ успѣхомъ. Но усвоеніе русскаго языка остается прежнее—то же самое чтеніе и письмо, тѣ же самые переводы и заучиваніе ихъ наизусть. Русскіе педагоги не додумались ни до чего лучшаго, зато додумались до этого другіе люди за далекими морями-океанами.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки былъ произведенъ совершенно новый опытъ изученія живыхъ языковъ. Замѣчено, что дѣти европейскихъ переселенцевъ въ играхъ со своими американскими сверстниками выучиваются англійскому языку далеко скорѣе и легче, чѣмъ взрослые, посѣщающіе публичныя школы. На основаніи наблюденія надъ дѣтьми одинъ учитель нѣмецкаго языка Готлибъ Хенесъ создалъ новый методъ обученія языку. Въ своемъ „Руководствѣ для обученія нѣмецкому языку безъ грамматики и словаря“ онъ высказалъ мысль, что иностранному языку надобно учиться безъ всякой помощи роднаго языка. Переводъ словъ и фразъ съ одного языка на другой у него замѣненъ наглядным обученіемъ, подборомъ словъ, сходственныхъ въ языкѣ, составленіемъ фразъ, своимъ содержаніемъ объясняющихъ введенное въ нихъ новое слово и т. п. Такимъ образомъ методъ этотъ составляетъ подражаніе тому процессу, которымъ ребенокъ усваиваетъ родной

Библиотека "Руниверс"

языкъ, а потому онъ и названъ „естественнымъ (натуральнымъ)“ методомъ. Усовершенствованіе этого метода принадлежитъ другому учителю г. Берлицу, устроившему очень большую школу для изученія языковъ въ Провиденсѣ (штатѣ Родъ-Айлэндъ). Съ перваго же учебнаго дня онъ требовалъ отъ своихъ учениковъ, чтобы въ объясненіяхъ между собой, а также со своими руководителями они не употребляли никакого языка, кромѣ изучаемаго; отъ учителей своей школы онъ требуетъ хорошаго владѣнія только преподаваемыми языками, знаніе же языка учащихся онъ не считаетъ необходимымъ для преподавателя. Послѣдователи Берлица перенесли его методъ и въ Европу; здѣсь онъ довольно быстро примѣняется къ дѣлу въ двуязычныхъ школахъ Германіи. Довольно популярное изложеніе этого метода представляетъ собой небольшая книжечка подъ заглавіемъ — „Wie ich meine kleinen Utraquisten deutsch sprechen lehre“, A. Jelitto, Gleivitz, 1892. За Германіей этотъ практическій методъ изученія языковъ появляется и у насъ, главнымъ образомъ въ инородческихъ школахъ. Здѣсь онъ извѣстенъ подъ именемъ „американскаго“ метода, называютъ его также „естественнымъ (натуральнымъ)“, или же просто методомъ Берлица. Въ свое время опыты съ новымъ методомъ породили у насъ не мало споровъ между защитниками его, доходившими въ своихъ увлеченіяхъ до рекламнаго пошиба, и противниками, видѣвшими всю несостоятельность и опасность такого рода увлеченій. Теперь споры эти улеглись, потому что многое въ новомъ методѣ отброшено, какъ не состоятельное, другое вполнѣ провѣрено практикой и пріобрѣло характеръ уже неоспоримаго. Въ настоящее время у насъ уже имѣются и руководства къ обученію русскому языку въ инородческихъ школахъ по новому методу — Шельцеля: „Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ, Одесса, 1893 г.“, и Мюльмана: „Руководство для первоначальнаго обученія русскому языку со смѣшаннымъ по языку элементомъ, Рига, 1893 г.“. Оба руководства весьма похожи на приведенную уже мной книжечку г. Jelitto, оба они не совсѣмъ удачны, такъ какъ составлены лицами, плохо владѣющими русскимъ языкомъ.

Вчитываясь во всѣ эти руководства, провѣряя указанія ихъ на живомъ дѣлѣ, неминуемо приходишь къ выводу, что ничего новаго авторы ихъ не создали, а только воротились на тотъ естественный путь въ изученіи языковъ, который былъ указанъ уже 300 лѣтъ тому назадъ отцомъ новѣйшей педагогіи, славяниномъ Яномъ Амосомъ Ко-

Библиотека "Руниверс"

менскимъ. Въ своей „Великой Дидактикѣ" относительно обученія языкамъ онъ даетъ между прочимъ слѣдующія основныя правила:

1) „Каждый языкъ лучше усвояется посредствомъ практики, чѣмъ посредствомъ правилъ;

„2) однако правила должны содѣйствовать практикѣ и упрочивать ее; и

3) „правила эти должны быть грамматическія, а не философскія" (Я. А. Коменскій, Великая Дидактика, гл. XXII, §§ 11, 12 и 13, С.-Пб., 1874 г.). Это значитъ, что языкъ лучше всего усвояется въ живой рѣчи посредствомъ слушанія, разговора, чтенія, перечитыванія, посредствомъ устнаго и письменнаго подражанія, заучиванія наизусть. Главнѣйшія же свойства изучаемаго языка вполнѣ возможно заключить въ опредѣленныя ясныя правила. Кто намѣренъ свободно владѣть языкомъ, тотъ долженъ твердо знать, когда и какъ произносится тотъ или другой звукъ, въ какихъ формахъ употребляется то или другое слово, какъ составляется та или другая фраза. Это знаніе придаетъ нашей рѣчи живую бѣглость, спокойную увѣренность въ томъ, что выражаемая ею мысль вполнѣ ясна, точна и убѣдительна. Само собою понятно, что практическому употребленію нѣтъ дѣла до того, почему должно такъ или иначе произносить слово, по какой причинѣ такъ или иначе составляется фраза; ему важно только, что то и другое въ данномъ случаѣ дѣлается именно такъ, а не иначе. Поэтому-то Коменскій и говоритъ, что правила, содѣйствующія практическому усвоенію рѣчи, должны быть грамматическими, а не философскими. Эти положенія великаго педагога находятся въ тѣсной связи съ причиной, которую ставитъ онъ въ основаніе изученія языковъ: „языки изучаются не какъ часть образованія или мудрости, но какъ средство для пріобрѣтенія познаній и обмѣна ихъ съ другими" (Великая Дидактика, гл. XXII, § 1). Справедливость положеній Амоса Коменскаго подтверждается многочисленными фактами. Извѣстный русскій путешественникъ Миклуха-Маклай, высадившись на берегу Новой Гвинеи, быстро выучивается языку папуасовъ, выучивается, конечно, не грамматическимъ способомъ. Русскій же ученый Шлиманъ однажды въ Петербургѣ нанялъ себѣ всю прислугу изъ финновъ, не говорившихъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ природнаго; всѣ домашніе разговоры у Шлимана потекли на финскомъ языкѣ, и хозяинъ скоро выучился новому языку. Заглянувъ въ исторію, мы увидимъ, что задолго до открытія Америки Колумбомъ перуанскіе инки точно также обучали своихъ сыновей тѣмъ языкамъ, на кото-

Библиотека "Руниверс"

рыхъ говорили подвластныя имъ народности. Обыкновенно царевичей въ извѣстномъ возрастѣ окружали цѣлымъ штатомъ лицъ, говорившихъ только на изучаемомъ языкѣ, — и они отъ свиты выучивались новому языку. Замѣчу при этомъ, что практическій способъ изученія языковъ для древнихъ перуанцевъ былъ единственно возможнымъ, такъ какъ они не знали письма въ обычномъ смыслѣ этого слова. Точно также выучиваются языкамъ весьма многіе и въ настоящее время.

Наши старовѣры, поселившіеся на западномъ берегу озера Пейпуса, довольно часто говорятъ по-эстски и по-нѣмецки съ такимъ совершенствомъ, что ихъ нельзя даже отличить отъ природныхъ эстовъ и нѣмцевъ. Между юными посѣтителями прошлогодней нижегородской выставки можно было увидѣть мальчика-абиссинца, обучающагося въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Пробывъ около года въ Россіи, онъ какъ ни въ чемъ не бывало разговариваетъ со своими сверстниками по-русски, и рѣчь его далеко лучше рѣчи молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ дореформенныхъ прибалтійскихъ гимназіяхъ. Приведенныя мной высокоавторитетныя положенія Я. А. Коменскаго, а также и факты, дополняющіе ихъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что имѣется полная возможность при обученіи инородцевъ русскому языку примѣнить правила такъ называемаго „естественнаго“ метода, то-есть, учить ихъ устно, наглядно, практически. На основаніи извѣстныхъ мнѣ опытовъ постараюсь объяснить, какъ примѣняется методъ этотъ къ школьной практикѣ, и какіе результаты достигаются имъ. При этомъ главнымъ образомъ остановлюсь я на томъ, какъ ведется дѣло преподаванія русскаго языка въ начальныхъ русско-инородческихъ школахъ Рижскаго учебнаго округа.

Знаніе русскаго языка слагается изъ трехъ существенныхъ элементовъ. Первымъ изъ нихъ должно признать—усвоеніе достаточнаго запаса русскихъ словъ, необходимыхъ для обозначенія понятій и ихъ отношеній, вторымъ — знакомство съ формами словъ, свойственными языку, и третьимъ — знакомство съ типичнымъ устройствомъ разнаго рода фразъ, составляющихся изъ этихъ формъ. На языкѣ нашихъ грамматикъ элементы эти обозначаются терминами — словарь, этимологія и синтаксисъ. Для полнаго же овладѣнія языкомъ необходимо еще умѣнье свободно пользоваться заученными словами и ихъ формами съ цѣлію выраженія мысли. Это умѣніе бываетъ сильно въ человѣкѣ только тогда, когда оно соединяется съ такъ называемымъ „чувствомъ языка“, которымъ руководствуемся мы, говоря нашею при-

Библиотека "Руниверс"

родною рѣчью. Значитъ при обученіи дѣтей инородцевъ русскому языку необходимо —

1) усвоить съ ними достаточный запасъ русскихъ словъ, обозначающихъ доступныя дѣтямъ понятія,

2) уяснить главнѣйшія этимологическія формы этихъ словъ и правила, по которымъ соединяются они въ связную рѣчь, наконецъ —

3) какъ можно болѣе говорить съ ними по-русски. Такимъ образомъ общій вопросъ разбивается у насъ на три частныхъ—объ изученіи словаря, русской грамматики и искусства русскаго разговора. Прежде какихъ бы то ни было разъясненій по каждому изъ этихъ вопросовъ необходимо замѣтить, что въ дѣлѣ практическаго изученія языка словарь, грамматика и устная рѣчь связаны такъ же тѣсно, какъ и въ нашей природной рѣчи, когда мы начинали говорить ею. Поэтому главная задача педагога-практика состоитъ въ томъ, чтобы въ преподаваніи своемъ названные элементы соединить въ живое, цѣлое, ясное для учащагося знаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастить его и въ смѣлое практическое умѣніе.

Выше было замѣчено, что словарь изучается въ нашихъ школахъ довольно однообразнымъ способомъ. Учитель задаетъ по книгѣ выучить 10, 15 иногда и болѣе словъ съ переводомъ на родной языкъ; ученики выписываютъ заданныя слова въ тетради, заучиваютъ ихъ наизустъ, а на слѣдующій день отвѣчаютъ ихъ учителю. Простой разчетъ показываетъ, что въ 100 учебныхъ дней при такомъ задаваніи учащіеся должны запомнить 1.000, 1.500 или даже болѣе словъ, а это уже такой лексическій запасъ, съ которымъ вполнѣ возможно уже и объясняться на изучаемомъ языкѣ. Извѣстный ученый Максъ Мюллеръ полагаетъ, что обыкновенно у интеллигентнаго человѣка весь лексическій запасъ ограничивается 3.000 — 4.000 словъ, а чернорабочій, не посѣщавшій школы, обходится въ своей рѣчи даже 300 словъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что 16-лѣтній юноша, обучающійся въ средне-учебномъ заведеніи, употребляетъ для выраженія своихъ мыслей не болѣе 800 — 1.200 словъ (*А. Ечинацъ*, Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ, стр. 28—29). Рѣчь дѣтей, конечно, еще болѣе скудна запасомъ словъ, такъ какъ кругъ понятій у нихъ еще болѣе ограниченъ. Казалось бы, что каждодневное заучиваніе по 5 или 10 словъ должно быстро вести дѣтей къ цѣли, то-есть, дать имъ необходимый для выраженія понятій лексическій запасъ, но на самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно обратное. Словарь изучается нашими учениками медленно, потому что весь успѣхъ изу-

Библиотека "Руниверс"

ченія его основывается только на памяти. Выученное съ большимъ трудомъ, иногда и съ горькими слезами, быстро забывается дѣтьми. Усмотрѣвъ забытое, учитель назначаетъ повтореніе; исполнивъ задачу кое-какъ, ученики вновь забываютъ заученное. Для облегченія труда дѣтей заданіе нѣсколько разнообразится: то слова задаются въ связномъ текстѣ басенъ, стихотвореній писателей, то въ видѣ дополнительной работы при переводѣ, то въ видѣ совершенно безсмысленныхъ стиховъ, составленныхъ досужими авторами различныхъ учебниковъ. Для характеристики заучиваемаго стихоплетства приведу выписку изъ „Учебника государственнаго языка для эстовъ, А. Гренцштейна, Дерптъ, 1888—1889 г.“. Въ 7-омъ урокѣ первой части этого учебника напечатаны вирши:

Лампа, лагерь, стулъ, сигара;
Лапа, грифель, гипсъ, вагонъ;
Фабрика, *директоръ*, пара,
Нуль, сортъ, супъ, соль, сумма, вонъ.
Адресъ, *клиника*, инспекторъ,
Павелъ, планъ, корона, валъ,
Милліонъ, вагонъ, *директоръ*,
Роза, клиника, металлъ.

Но не смотря на усилія преподавателей какъ нибудь облегчить дѣтей, существо ученическаго труда при этомъ нисколько не измѣняется: ученикъ долженъ одолѣть заданное ему исключительно памятью. Очевидно, педагоги забываютъ при этомъ, что „никакой памяти не достало бы для того, чтобы затвердить не только всѣ слова языка (рѣчь идетъ о родномъ языкѣ), но даже всѣ возможныя сочетанія этихъ словъ и всѣ ихъ видоизмѣненія“, забываютъ, что „если бы мы изучали языкъ одною памятью, то никогда бы вполнѣ не изучили ни одного языка“ (*К. Д. Ушинскій*, Педагогическія сочиненія, стр. 203). Кромѣ тѣхъ особенностей ученическаго труда, которыя уже указаны, надобно помнить, что изученіе словаря тѣсно связывается съ грамматикой и переводами. Это еще болѣе отягощаетъ дѣтей.

Само собой понятно, что такъ изучать слова могутъ только ученики гимназіи, хотя съ большимъ трудомъ; ученики же начальной школы такъ изучать слова не могутъ, потому что многіе изъ нихъ совсѣмъ неграмотны, другіе полуграмотны, и всѣ они маловозрастны, а слѣдовательно и неразвиты. Что будетъ по силамъ гимназисту, уже прошедшему начальную школу и проживающему въ городѣ при обстановкѣ, въ большинствѣ случаевъ приноровленной къ его учебному

Библиотека "Руниверс"

труду, того никакъ нельзя требовать отъ деревенскихъ ребятишекъ 8—12 лѣтъ, вовсе лишенныхъ условій жизни, хотя бы до нѣкоторой степени способствующихъ обученію. Но какъ бы ни были ученики начальной школы маловозрастны, какъ бы ни различались они по ихъ развитію, всѣ они могутъ заучивать слова устно, наглядно, практически, какъ заучивали они слова своей природной рѣчи. Заучивать слова устно—это значитъ услышать ихъ отъ учителя и, подражая ему, повторить за нимъ; заучивать слова наглядно—разсматривать все то, что обозначается словами, собственными очами: наконецъ, заучивать ихъ практически — это значитъ усвоенное новое слово тотчасъ примѣнять къ дѣлу, ставя его въ связь съ другими для выраженія своей мысли. Опытъ показываетъ, что въ русско-инородческой начальной школѣ устный, наглядный, практическій способъ заучиванія словъ—самый легкій, самый продуктивный, а потому и самый естественный. Чтобы уяснить, какъ примѣняется этотъ способъ къ учебной практикѣ, я опишу занятія въ дѣйствительной школѣ, открытой въ 1894 году при Юрьевскихъ курсахъ для учителей евангелическо-лютеранскихъ школъ'[1]). Всего въ эту школу было принято 42 ученика. Изъ нихъ 27 оказалось грамотныхъ, а 15—неграмотныхъ. Принадлежа къ эстской народности, послѣдніе не знали ни одного слова по-русски, такъ какъ до того никакой школы не посѣщали. Уроки въ этой школѣ давались прибывшими на курсы сельскими учителями подъ наблюденіемъ своихъ руководителей и завѣдывающаго курсами. Первый урокъ велся одновременно съ грамотными и неграмотными дѣтьми. Въ началѣ его практикантъ на эстскомъ языкѣ разъяснилъ для неграмотныхъ дѣтей, какъ они должны сидѣть въ классѣ, слушать учителя, заявлять о своемъ желаніи спросить его или отвѣтить ему. Послѣ этого, обратившись къ одному изъ грамотныхъ учениковъ, онъ сказалъ ему по-русски „встань", затѣмъ „сядь". Мальчикъ исполнилъ приказаніе. Слова „встань" и „сядь" произносились громко, отчетливо, кромѣ того, они сопровождались соотвѣтственнымъ движеніемъ руки преподающаго. Потомъ то же самое исполнилъ другой грамотный ученикъ, далѣе третій, послѣ чего приказанія, отдававшіяся на русскомъ языкѣ, обращены были къ неграмотнымъ ученикамъ—одному, другому, третьему. Хотя слова „встань" и „сядь" го-

[1]) Курсы эти были открыты для учителей Юрьевскаго района и продолжались съ 7-го іюня по 29-е іюля; при курсахъ была открыта и временная начальная школа.

Библиотека "Руниверс"

ворились по-русски, но дѣти безъ всякаго затрудненія исполняли, что требовалось отъ нихъ. Когда практикантъ убѣдился, что слова эти вполнѣ понятны новичкамъ, онъ обратился къ старшему отдѣленію (грамотнымъ) съ приказаніемъ „встаньте", затѣмъ „сядьте". Когда они исполнили приказаніе, потомъ повторили исполненіе, тогда то же самое продѣлали и новички (неграмотные). Послѣ этого они приступили къ заучиванію русскихъ словъ: „книга, грифель, линейка, мѣлъ, карандашъ". Каждая вещь сначала показывалась ученикамъ, потомъ имъ задавался вопросъ: „что это такое?" Для неграмотныхъ онъ нѣсколько разъ предлагался по-эстски: „mis see on?" Вслѣдъ за предложеннымъ вопросомъ практикантъ самъ же отвѣчалъ на него, потомъ отвѣчали болѣе бойкіе неграмотные ученики, далѣе — тѣ, кто послабѣе, а наконецъ—и всѣ хоромъ. Чтобы провѣрить, запомнили ли дѣти предложенныя имъ слова, практикантъ потребовалъ отъ нихъ названія вещи, которую онъ показывалъ, далѣе—указанія вещи, которую онъ называлъ. Дѣти безъ затрудненія исполнили его требованія, чѣмъ и закончился первый урокъ. Послѣ небольшой перемѣны на слѣдующемъ урокѣ новый практикантъ первые полчаса занимался только съ новичками, старшее отдѣленіе въ это время исполняло самостоятельную работу. Быстро повторивъ усвоенное на первомъ урокѣ, онъ подошелъ къ счетамъ, отложилъ на верхней проволокѣ шарикъ и сказалъ по-эстски „üks", затѣмъ по-русски — „одинъ". Потомъ онъ приказалъ встать одному, другому, третьему ученику и повторить новое русское слово. Когда нѣкоторыя изъ дѣтей не понимали его приказанія „встань и скажи", тогда онъ обращался къ грамотному ученику. Его отвѣтъ вполнѣ разъяснялъ, чего требуетъ учитель, и новички другъ передъ другомъ спѣшили повторить требуемый отвѣтъ. Далѣе къ шарику былъ придвинутъ другой. Указывая на нихъ вмѣстѣ, практикантъ сказалъ „два". Это слово понято было сразу и усвоено весьма быстро, точно также усвоено слово „три". Во вторую половину урока занимались только старшіе ученики, новичкамъ былъ данъ отдыхъ. Они тихо сидѣли на своихъ мѣстахъ и внимательно слушали, какъ учатся грамотные. Въ слѣдующій день было также два урока. На первомъ изъ нихъ новички повторили заученныя наканунѣ слова (названія учебныхъ вещей) и заучили новыя — перо, бумага, тетрадь, доска, скамейка, столъ; на второмъ они повторили пройденныя числительныя и усвоили новыя — четыре, пять, шесть. Третій учебный день приходился въ понедѣльникъ, поэтому весь первый урокъ его употребленъ былъ на повтореніе, на второмъ же

Библиотека "Руниверс"

урокѣ заучены были числительныя до 10-ти. На слѣдующій день новички усвоили названія частей человѣческаго тѣла. Во время урока одинъ мальчикъ былъ вызванъ со своего мѣста и поставленъ передъ классомъ. Указывая на него, практикантъ спросилъ у всего класса: „кто это?“ Старшіе отвѣчали: „это—мальчикъ“. Далѣе, показывая на голову, практикантъ продолжалъ: „что есть у мальчика?“ Ученики отвѣчали: „у мальчика есть голова“. Отвѣты эти неоднократно повторены были всѣмъ классомъ. Далѣе точно также были показаны и названы рука, нога, носъ, глазъ. Новички повторяли отвѣтъ старшихъ, выходили изъ-за своихъ столовъ, показывали названныя части тѣла у самихъ себя, у своихъ товарищей. Въ слѣдующіе два дня они заучили названія людей по возрасту и названія членовъ семьи. Наглядными пособіемъ служила при этомъ картина Д. Д. Семенова „Лѣто“, одна изъ четырехъ его картинъ, изображающихъ „Времена года“, а дополненіемъ къ ней изображеніе великорусской семьи, помѣщенное въ III части *Русской Рѣчи* Вольнера. Кромѣ изученія этихъ словъ, дѣти занимались прямымъ и обратнымъ счетомъ въ предѣлѣ 10-ти. Такимъ образомъ въ первую учебную недѣлю младшее отдѣленіе заучило до 50-ти русскихъ словъ, заключенныхъ въ краткія фразы, составляющія область ежечасныхъ обращеній и приказаній учителя. Оно пріучилось къ обычнымъ школьнымъ порядкамъ, пріучилось считать въ предѣлѣ 10-ти взадъ и впередъ, присчитывать и отсчитывать по 2, по 3. Не смотря на скромный объемъ усвоеннаго, успѣхи учениковъ, до поступленія въ школу не знавшихъ ни одного слова по-русски, надобно назвать значительными: заученныя слова они говорятъ вполнѣ правильно, всѣ требованія учителя понимаютъ ясно. Этотъ успѣхъ былъ настолько очевиденъ и значителенъ, что во время разбора урока по ариѳметикѣ, даннаго на шестой день учебныхъ занятій, одинъ изъ присутствовавшихъ на урокѣ сельскихъ учителей замѣтилъ: „хорошая сторона урока состоитъ въ томъ, что урокъ счета съ неграмотными дѣтьми-инородцами дѣйствительно происходилъ на русскомъ языкѣ“. Это краткое замѣчаніе служитъ выразительнымъ свидѣтельствомъ высокой успѣшности, достигнутой новичками въ теченіе одной только недѣли. Во вторую учебную недѣлю неграмотные заучили личныя мѣстоименія, далѣе глаголы (сидѣть, стоять, читать, писать), продолжили изученіе названій членовъ человѣческаго тѣла, заучили новые глаголы (пахать, боронить, сѣять жать), названія предметовъ домашней обстановки. Всего по приблизительному подсчету заучено было до 30—40 словъ. Учебными по-

Библиотека "Руниверс"

собіями служили картины Д. Д. Семенова „Лѣто“ и картина Winkelmann'а—„Осень“. Увеличившійся запасъ словъ, принадлежащихъ къ четыремъ частямъ рѣчи, далъ возможность болѣе свободно составлять изъ нихъ предложенія. Поэтому бойкій ученикъ,—руководимый тароватымъ практикантомъ, подошедши къ картинѣ, разказывалъ усвоенное по ней уже осмысленными предложеніями. Въ теченіе третьей недѣли новички заучили наизусть стихотвореніе В. А. Жуковскаго „Птичка“. Весь текстъ его заключалъ въ себѣ очень мало новыхъ для дѣтей словъ. Соединенныя по два, по три въ простыя краткія предложенія, они говорятъ немудрыя мысли о птичкѣ. Иллюстраціей нѣкоторыхъ дѣйствій птички служила одна изъ картинъ Winkelmann'а. Въ дальнѣйшихъ занятіяхъ дѣти усвоили новые глаголы (ходить, видѣть, слышать, работать, говорить), новыя имена существительныя (дверь, печь, полъ, потолокъ, стѣна). Глаголы съ самаго перваго изъ нихъ заучивались въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа, при чемъ иллюстраціей понятій служили, какъ дѣйствія самихъ же дѣтей, такъ и фигуры, изображенныя на картинахъ. Одинъ изъ уроковъ посвященъ былъ усвоенію названія разнообразныхъ звуковъ (шумъ, трескъ, звонъ) тоже наглядными способомъ; на слѣдующій день добавлены новыя понятія — стукъ, громъ, и вмѣстѣ съ предыдущими сложены въ одно понятіе „звукъ“. Закончились трехнедѣльныя занятія съ неграмотными дѣтьми повтореніемъ понятія о звукѣ и разложеніемъ на звуки слова „ура“, примѣнительно къ тому, какъ разъясняется это въ извѣстномъ руководствѣ Бунакова. Всѣ данные въ практической школѣ уроки обсуждались на общихъ собраніяхъ начальныхъ учителей, обязательно присутствовавшихъ на этихъ урокахъ, а также и ихъ руководителей. Въ первомъ же собраніи практикантъ, давшій урокъ, выразилъ опасеніе, что привлекать грамотныхъ дѣтей къ участію въ занятіяхъ съ новичками нельзя, потому что для грамотныхъ должны быть назначены другія занятія. Когда опасеніе это было разсѣяно соотвѣтственнымъ объясненіемъ, тогда другой практикантъ сдѣлалъ замѣчаніе болѣе сильное: „Неграмотныя дѣти въ своихъ отвѣтахъ подражали грамотнымъ, но сами не понимали смысла отвѣтовъ. Для устраненія этого слѣдовало бы перевести имъ всѣ слова на родной языкъ“. Когда ему объяснили, что въ затруднительныхъ случаяхъ, конечно, можно воспользоваться и переводомъ, какъ это и практиковалось на нѣкоторыхъ урокахъ, тогда одинъ изъ сельскихъ учителей прибавилъ къ этому объясненію весьма резонное дополненіе: „если предметы показываются дѣтямъ

Библиотека "Руниверс"

хорошо, то перевода не надобно, такъ какъ и родному языку дѣти научились посредствомъ наблюденія и подражанія, а не переводовъ". Въ одномъ изъ послѣдующихъ общихъ собраній указано, что надѣяться на переводъ нельзя: трое изъ дѣтей, поступившихъ въ школу, не умѣютъ по-эстски считать до 10-ти. Далѣе на основаніи наблюденій надъ занятіями дѣтей было объяснено, что устное, наглядное и практическое изученіе словъ весьма интересуетъ учащихся. Они съ удовольствіемъ повторяютъ одно и то же слово много разъ подъ рядъ; во время хороваго повторенія лица ихъ дѣлаются оживленными, веселыми. Потомъ указано, что начинающія дѣти понимаютъ иногда такіе вопросы учителя, которые еще ни разу не предлагались имъ, понимаютъ такія мысли, которыя еще не объяснялись въ классѣ. Какъ дается имъ такое пониманіе, это составляетъ таинство молодой души, неудержимо стремящейся къ познанію; но самый фактъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что дѣти, поставленныя въ дѣлѣ обученія на вѣрный путь, благодаря этому стремленію, дѣлаютъ весьма быстрые успѣхи.

Я нарочито остановился на занятіяхъ въ практической школѣ подольше, чтобы показать, какъ ведется дѣло обученія по новому способу, и какіе достигаются при этомъ результаты. Подводя все сказанное къ немногимъ обобщеніямъ, мы видимъ, что учитель обыкновенно показываетъ дѣтямъ вещь, говоритъ по-русски ея названіе, заставляетъ дѣтей повторить его сначала поодиночкѣ, потомъ хоромъ; повтореніе это продолжается до тѣхъ поръ, пока дѣти не усвоятъ даннаго слова. Точно также усваиваются названія дѣйствій, признаковъ предмета. Когда самаго предмета, дѣйствія или признака показать нельзя, они замѣняются изображеніями ихъ на картинѣ, рисункѣ или чертежѣ. Разсматривая предметы, наблюдая ихъ признаки и дѣйствія, ученики яснѣе понимаютъ значеніе заучиваемыхъ ими словъ, тверже и легче запоминаютъ ихъ: слово, сказанное въ тотъ моментъ, когда ученики наблюдаютъ предметы, признаки и дѣйствія, закрѣпляется въ памяти одновременно съ живыми впечатлѣніями отъ предметовъ, дѣйствій и признаковъ, въ тѣснѣйшей ассоціаціи съ ними. Какъ только вспомнится заученное такимъ образомъ слово, такъ вспомнится и предметъ, дѣйствіе, признакъ, обозначаемые этимъ словомъ. Здѣсь нѣтъ необходимости въ добавленіи посредствующаго слова родной рѣчи. Поэтому-то „наглядное" изученіе словъ представляется особенно важнымъ: наглядно усвоенное слово—не условный только звукъ, обозначающій понятіе, а отображеніе живаго впе-

Библиотека "Руниверс"

чатлѣнія, настроенія души, продуктъ созерцательной психической дѣятельности учащагося. Это-то и напитываетъ, какъ говоритъ К. Д. Ушинскій, слово наше полнотой внутренняго содержанія.

При такомъ способѣ заучиванія словъ весьма важное значеніе имѣетъ разумный подборъ ихъ, какъ примѣнительно къ возрасту учениковъ, такъ и къ ихъ классной и домашней обстановкѣ. Не слѣдуетъ въ русско-инородческой сельской школѣ заучивать спѣшно слова „жираффъ", „страусъ", „аллигаторъ", потому что дѣти никогда не видѣли этихъ животныхъ, а потому не будутъ и говорить о нихъ; но слѣдуетъ на первыхъ порахъ заучивать такія слова, какъ „отношеніе", „вѣчность", „пространство", потому что дѣти и въ своей природной рѣчи не употребляютъ этихъ словъ, такъ какъ не понимаютъ ихъ. Всѣ такія слова оказываются лишнимъ грузомъ въ головѣ дѣтей, а потому весьма быстро и забываются ими. Наоборотъ, дѣти должны знать названіе каждой вещи, находящейся въ классѣ, въ ихъ жилищѣ, деревнѣ, названіе всѣхъ внѣшнихъ дѣйствій человѣка, внѣшнихъ признаковъ предмета,—и знать это довольно скоро. Такимъ образомъ при ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса словарь для учениковъ начальной школы долженъ заимствоваться изъ трехъ областей, съ которыми дѣти имѣютъ постоянныя связи,—области школы и ученія, области дома и семьи, области деревни и мѣстнаго быта. Кромѣ такого общаго подбора словъ, необходимо внимательно группировать ихъ для каждаго урока, соединяя вмѣстѣ слова однородныя, связанныя какою нибудь общею идеею. На одномъ урокѣ можно заучить названія учебныхъ вещей, на другомъ—игрушекъ, на третьемъ—классной мебели и т. п. Такъ подобранныя слова легче удерживаются въ памяти дѣтей, потому что связуются нѣкоторою общностью. Выбравъ для урока слова, необходимо заключить ихъ въ предложенія, и уже въ такомъ видѣ заучивать съ дѣтьми, потому что безсвязныя слова—нелѣпость на языкѣ человѣческомъ. Предложенія, въ которыхъ заключаются данныя для заучиванія слова, должны удовлетворять двумъ непремѣннымъ условіямъ—они должны стоять въ логической связи одно съ другимъ и должны быть типичны по своему синтаксическому устройству. Весьма часто въ учебныхъ книгахъ предлагаются для чтенія и перевода ученикамъ совершенно безсвязныя фразы, не имѣющія между собой ничего общаго. Вотъ образецъ такихъ фразъ: „Вечеромъ я погуляю. Мальчикъ кончилъ урокъ. Корова даетъ намъ молоко. Товарищъ рисуетъ картину. Чистое поле. Я хочу только меду. Братъ отвѣчалъ урокъ. Гдѣ наша хвастунья?"

Библиотека "Руниверс"

(Первый шагъ въ изученіи русскаго языка для начальныхъ грузинскихъ школъ, Агніашвили, Тифлисъ, 1883 г.). Подумавъ хорошенько надъ текстами, состоящими изъ подобныхъ фразъ, непремѣнно придешь къ мысли, что они являются отрывками изъ какихъ-то безконечныхъ записокъ сумасшедшаго. Понятно, какое производятъ тексты эти „воспитательное“ воздѣйствіе на логику молодаго разума дѣтей! Относительно устройства этихъ предложеній было уже сказано, что они должны быть типичны, то-есть, должны представлять собой совершеннѣйшіе образцы общеупотребительной литературной рѣчи, какою владѣетъ каждый образованный человѣкъ. Такой характеръ ихъ будетъ учить дѣтей духу языка, мало-по-малу подготовляя ихъ къ овладѣнію его сокровеннѣйшими свойствами.

Заучивъ съ дѣтьми новыя слова, необходимо дать и упражненія для закрѣпленія ихъ въ дѣятельномъ сознаніи учениковъ. Упражненія эти на первыхъ порахъ могутъ быть только устными, и уже впослѣдствіи, когда дѣти одолѣютъ грамоту, письменными. Главнѣйшимъ видомъ упражненій перваго рода въ начальной русско-инородческой школѣ долженъ служить разговоромъ учителя съ учениками и послѣднихъ между собою. Разговоръ этотъ можетъ заключать въ себѣ только изученныя слова. Онъ даетъ дѣтямъ привычку и между собою говорить по-русски, а въ развитіи этой привычки заключается самая серьезная гарантія дальнѣйшаго успѣха дѣтей по языку. Въ привычкѣ говорить на томъ или другомъ языкѣ вырабатывается та „могущественнѣйшая сила внутреннихъ языковыхъ аналогій“, которая сильнѣе всякой грамматики открываетъ широкій просторъ смѣлому и увѣренному употребленію языка для выраженія уже самостоятельной дѣятельности мысли. А лишь только пробудится въ человѣкѣ этотъ инстинктъ языка, онъ быстро пойдетъ впередъ, усваивая уже не слова и ихъ измѣненія, а множество понятій, воззрѣній на предметы, множество мыслей, чувствъ, художественныхъ образовъ, логику и философію языка.

До сихъ поръ шла рѣчь о томъ, какъ должно изучать русскія слова съ неграмотными дѣтьми, о дѣтяхъ грамотныхъ еще не говорилось. Кто хорошо знаетъ начальную школу, возрастъ ея учениковъ, тотъ, конечно, пойметъ, что и въ занятіяхъ съ грамотными до самаго послѣдняго года обученія долженъ быть сохраненъ тотъ же самый способъ изученія словъ. Но такъ какъ грамотныя дѣти могутъ слова читать и записывать, то они въ состояніи повторять заученное и внѣ класса, а потому и заучиваютъ они слова далеко въ большемъ

Библиотека "Руниверс"

количествѣ. Ученики образцовой практической школы при Юрьевской учительской семинаріи въ теченіе перваго учебнаго года заучиваютъ приблизительно по 5 русскихъ словъ въ теченіе получасоваго урока, ученики же втораго отдѣленія заучиваютъ ихъ почти вдвое больше.

Люди, мало знакомые съ дѣломъ начальнаго обученія, обыкновенно недоумѣваютъ, какъ это возможно наглядное изученіе общихъ (нарицательныхъ) именъ существительныхъ, какъ возможно таковое же усвоеніе понятій о внутреннихъ дѣйствіяхъ человѣка (думать, говорить, надѣяться), какъ возможно, наконецъ, усвоеніе отвлеченныхъ понятій (время, отношеніе, пространство). Дѣйствительно, для поверхностнаго наблюденія вопросы эти должны представляться непонятными; но для педагога-практика онѣ вполнѣ разрѣшимые вопросы. Положимъ, дѣти заучили имена—столъ, стулъ, скамья, лавка, диванъ, кресло,—учитель все это объединяетъ въ одномъ понятіи „мебель"; точно также изъ словъ: огурецъ, дыня, арбузъ, тыква и т. п., получается новое понятіе „овощь", изъ березы, дуба, ракиты, ольхи—„дерево". Такимъ сложеніемъ (обобщеніемъ) видовыхъ понятій о предметахъ усвояются и родовыя понятія о нихъ. Далѣе, понятія о внутреннихъ дѣйствіяхъ человѣка могутъ быть объяснены дѣтямъ даже наглядно. Не стоитъ никакого труда показать или указать имъ лицо веселое (радостное), сердитое, грустное, задумчивое и вывести заключеніе „человѣкъ радуется", „сердится", „груститъ", „задумывается" или просто „думаетъ". До чего у опытнаго преподавателя выходитъ все это удачно, мнѣ приходилось наблюдать на практикѣ. Не надо забывать при этомъ, какую великую помощь находитъ учитель въ хорошо подобранномъ учебномъ пособіи. Наконецъ, относительно затрудненій при усвоеніи названій отвлеченныхъ понятій я, во-первыхъ, приведу заключеніе Я. А. Коменскаго: „Если кто сомнѣвается въ возможности подвести этимъ путемъ все подъ чувственное воспріятіе, даже предметы духовнаго міра и не находящіеся передъ глазами (напримѣръ, все, что находится и совершается на небѣ или въ преисподней и заморскихъ мѣстностяхъ), тотъ пусть помнитъ, что все создано Божественною волею по законамъ гармоніи, такъ что верхнее вполнѣ можно представить себѣ на основаніи нижняго, отдаленное по находящемуся передъ нами, невидимое—черезъ видимое". (Великая Дидактика, гл. XX, § 11). Надобно сознаться, что многіе учителя, даже школы, весьма часто усиливаютъ затрудненія эти тою неразумною поспѣшностію, съ которою приступаютъ къ изученію понятій высшаго порядка. Руководя практическими заня-

Библиотека "Руниверс"

тіями учениковъ старшаго класса учительской семинаріи, а также и курсами для начальныхъ учителей, я неоднократно наблюдалъ, какъ, натолкнувшись на понятіе, еще недоступное ученику, преподаватель кое-какъ толкуетъ его, потомъ поспѣшно переводитъ на родной языкъ и идетъ далѣе; вдругъ получается отъ ученика заявленіе, что онъ не знаетъ этого (то-есть, понятія) и на родномъ языкѣ. И это въ порядкѣ вещей. Кто занимался обученіемъ дѣтей, тотъ хорошо знаетъ, какъ много приходится бесѣдовать съ ними на урокахъ такъ называемаго объяснительнаго чтенія, разъяснять новыя понятія, новыя словесныя формы, синтаксическіе обороты. Казалось бы, что простыя статьи, изложенныя родною рѣчью дѣтей, должны быть понятны имъ, но практика убѣждаетъ въ противномъ: хорошіе уроки объяснительнаго чтенія самые трудные уроки, какъ для дѣтей, такъ и для преподавателя. Чтобы провести какъ слѣдуетъ такой урокъ, преподаватель долженъ быть находчивымъ, долженъ обладать до нѣкоторой степени художественнымъ чутьемъ, даже творчествомъ. То же самое требуется и отъ учителя русско-инородческой начальной школы, только, пожалуй, въ высшей степени, когда онъ уясняетъ дѣтямъ новыя понятія при изученіи новыхъ для нихъ словъ.

И. Шаталовъ.

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Н. В. Горяевъ. Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка. Тифлисъ. 1896. IV+451+LXXII. стр. Цѣна 2 руб,

Подъ этимъ заглавіемъ явилось второе изданіе книги, которая въ первомъ изданіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1892 году, или, судя по датѣ предисловія, 1-го января 1893 года, имѣла болѣе скромное заглавіе: „опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка". Научная критика отнеслась къ этому „опыту" г. Горяева болѣе, такъ сказать, поощрительно, чѣмъ одобрительно; потому что пріемы автора въ обращеніи съ матеріаломъ своего труда не соотвѣтствуютъ современнымъ требованіямъ сравнительнаго языкознанія. (См. *Вѣстникъ Европы* апрѣль 1893 г., стр. 867 и слѣд., *Русскій Филологическій Вѣстникъ* 1893 г. № 1, стр. 181 — 183 и № 3, стр. 174 — 181). Во второмъ изданіи г. Горяевъ значительно разширилъ содержаніе книги, такъ, что объемъ ея увеличился болѣе, чѣмъ вдвое, сравнительно съ первымъ изданіемъ; исправилъ кое-что по указаніямъ гг. рецензентовъ, и воспользовался отчасти ихъ замѣчаніями; но научные пріемы его остались тѣ же, которые были и въ первомъ изданіи и которые дозволяютъ ему вносить въ свой трудъ и вѣрное и невѣрное въ научномъ отношеніи. Небольшая статья, занимающая мѣсто предисловія, написана г. Горяевымъ въ такомъ тонѣ, который не можетъ служить къ возвышенію научнаго достоинства книги. Авторъ говоритъ въ ней сначала о томъ матеріалѣ, которымъ онъ увеличилъ объемъ своего труда; но не объясняетъ, по-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

чему онъ полагалъ необходимымъ внести въ свою книгу именно этотъ матеріалъ: почему, напримѣръ, онъ „вездѣ почти привелъ", какъ онъ говоритъ „изъ словаря Миклошича слова, заимствованныя изъ славянскихъ языковъ—литовскія, тюркскія, финскія, албанскія, новогреческія, румынскія и мадьярскія" — и почему въ этимологическій словарь русскаго языка онъ „впервые внесъ изъ списковъ Гюбшмана, Бругмана, Вс. Миллера и Эліазарова-Загурскаго множество индоевропейскихъ словъ—армянскихъ, курдскихъ и осетинскихъ"?—Потомъ во второй половинѣ статьи онъ говоритъ о важномъ значеніи своего труда, какъ въ научномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи. „Конечно", говоритъ онъ, „найдется у меня и въ этомъ изданіи болѣе сотни словъ (на 6.400 слишкомъ), этимологіи которыхъ или ошибочны, или сомнительны, или еще не найдены, но, мнѣ кажется, это не должно ронять достоинства и полезности моего труда въ общемъ и въ цѣломъ и пр.". А далѣе онъ продолжаетъ уже такъ: „кромѣ научной цѣли—собрать матеріалъ для исторіи нашего языка въ лексикологическомъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіи нашей культуры по лексикальнымъ даннымъ и представить нашъ языкъ въ связи и во всѣхъ его отношеніяхъ къ языкамъ сплеменнымъ, родственнымъ и языкамъ сосѣднихъ народовъ, мой трудъ имѣетъ въ виду и педагогическія цѣли, вполнѣ согласно съ тѣми цѣлями, которыя преслѣдуются *въ особенности* въ кавказскомъ учебномъ округѣ по руководящимъ принципамъ глубоко уважаемаго представителя его г. Попечителя округа, его превосходительства Кирилла Петровича Яновскаго: связывать и объединять въ школьномъ преподаваніи родственные предметы и не оставлять непонятнаго учащимся безъ объясненія (!) для усвоенія преподаваемаго одною только памятью, а при преподаваніи языковъ, въ особенности имѣть въ виду, что изученіе ихъ должно приводить учащихся къ сознательному знанію языка отечественнаго". Нельзя не пожалѣть, что авторъ сравнительнаго этимологическаго словаря русскаго языка не изложилъ своихъ принциповъ, которыми онъ руководился при составленіи своей книги. Знаніе послѣднихъ необходимо для читателя, чтобы уразумѣть нѣкоторыя, можетъ быть, кажущіяся лишь непослѣдовательности въ изложеніи ея содержанія. Такъ, напримѣръ, авторъ внесъ во второе изданіе своей книги цѣлый новый отдѣлъ въ 40 страницъ противъ перваго изданія, заключающій въ себѣ списки словъ въ русскомъ языкѣ незаимствованныхъ и заимствованныхъ, и сдѣлалъ это, вѣроятно, вслѣдствіе замѣчанія рецензента (см. *Вѣстникъ Европы*),

Библиотека "Руниверс"

что „нельзя въ сравнительно этимологическомъ словарѣ, основывающемся прежде всего на унаслѣдованномъ изъ индо-европейской общей эпохи лексическомъ матеріалѣ, ставить на одну доску слова въ родѣ: *мать, братъ, имя, волкъ* и т. д., и *геній, герой, гигантъ, гитара, ехидна, иконостасъ, иссопъ, кактусъ, кардамонъ*, даже *рицинъ* (?) и т. д.“; и что „подобныя слова слѣдовало бы или вовсе исключить изъ словаря, или выдѣлить въ особый глоссарій, что было бы гораздо яснѣе и въ отношеніи историческомъ“. Г. Горяевъ, раздѣливъ въ своемъ глоссаріи слова русскаго языка на два главныхъ разряда: А) *слова незаимствованныя* и Б) *слова заимствованныя*, дѣлитъ еще каждый разрядъ въ свою очередь на нѣсколько рубрикъ и въ числѣ этихъ послѣднихъ, относящихся къ разряду словъ незаимствованныхъ помѣщаетъ рубрику подъ буквою *з* съ заглавіемъ: „изъ старославянскаго языка (кромѣ заимствованныхъ изъ греческаго языка)“; слѣдовательно,—слова заимствованныя! Въ разрядѣ же словъ заимствованныхъ онъ относитъ къ одной и той же рубрикѣ слова заимствованныя „изъ тюркскихъ языковъ и новоперсидскаго“, какъ будто бы тюркскіе языки съ новоперсидскимъ языкомъ могутъ считаться, какъ родственные языки, въ одномъ классѣ! Точно также для читателя остается непонятнымъ, почему авторъ сопровождаетъ только нѣкоторыя слова, мало употребительныя, краткими поясненіями ихъ значенія, а другія, столь же мало употребительныя, оставляетъ безъ всякихъ объясненій, довольствуясь сопоставляемыми съ ними словами изъ другихъ языковъ; напримѣръ, слова: *аба, абазъ, азартъ, аиръ, алтей, алыра, анахоретъ, андронъ, антологія, антрацитъ, анчаръ, аракъ, арника, артель, арчакъ, арыкъ, ассенизація, ассимиляція, атомъ, ахань; бавиться, бавольникъ, баню, базлыкъ* и *базлукъ, базъ, байбакъ, бакалда, бакла, баклань, баклуша, бакулить, балакать, балагурить, баламутить* и многихъ другихъ сопровождаются указаніями на ихъ значенія; а слова: *аббатъ, абрикосъ, агатъ, агентъ, аюнія, агрономъ, адвокатъ, адмиралъ, адресъ, адъютантъ, аистъ, айва, акація, акварель, актёръ, актъ, акула, акустика, акушёръ, акцизъ, акція, алебастръ, алкать, алкоголь, алмазъ, алмій, альбомъ, амальгама, амбаръ, амбра, аметистъ, амнистія, амулетъ, амуниція, анисъ, антипатія, анчоусъ, апатія, апоплексія, арба, арбузъ, арестъ, арія, арканъ, армія, армякъ, артерія, арфа, архалукъ, архимандритъ, архіепископъ, аршинъ, аскетъ, асфальтъ, атака, аулъ, багажъ, бадья, бадяга, байка, бакенъ* и *бакань, балабанъ, балахонъ, балдырьянъ, бамбукъ, бананъ, бандитъ, бандура, баракъ* и многія другія оставлены безъ поясненія

Библиотека "Руниверс"

ихъ значенія. Оправдать эти нельзя тѣмъ, что бо́льшая часть приведенныхъ здѣсь словъ можетъ считаться довольно употребительными въ русскомъ языкѣ; потому что слова такія, какъ, напримѣръ: *августъ* (мѣсяцъ), *авось*, *азбука*, *академія*, *акавистъ*, *аллегорія*, *аллилуя*, *алтынъ*, *алфавитъ*, *альковъ*, *аманатъ*, *аминь* и другія, такъ же, если не болѣе, употребительны въ русской рѣчи; однако въ словарѣ при нихъ указывается значеніе.—Остается также невыясненнымъ для читателя и методъ дѣленія звуковой формы словъ на ея составныя частя: какими соображеніями руководствовался авторъ, анализируя одинаковыя формы словъ различнымъ образомъ? Почему, напримѣръ, въ *адъютантъ* авторъ не отдѣляетъ ъ въ концѣ слова, а въ словѣ *аксельбантъ*-ъ отдѣляетъ? почему въ словахъ *агроном-ія*, *академ-ія*, *амнист-ія*, *апат-ія*, *аристократ-ія*, *арм-ія*, *ваканс-ія*, *вакац-ія*, *гильд-ія*, *губерн-ія*, *дивиз-ія*, *импер-ія*, *истор-ія*, *канцел-яр-ія*, *кол-ія*, *компан-ія*, *кот-ія*, *мал-ія*, *лин-ія*, *народ-ія*, *провинц-ія*, *пропорц-ія*, *прос-од-ія*, *процесс-ія*, *психо-лог-ія*, *ре-ви-зія*, *симпат-ія*, *спекул-яція*, *стереометр-ія*, *страт-ег-ія*, *терап-ія*, *фамил-ія*, *фото-граф-ія*, *цере-мон-ія*, *элег-ія*, *энерг-ія*, *этнограф-ія* окончаніе *ія* отдѣлено отъ остальной части слова, а въ словахъ: *аюнія*, *акація*, *аллегорія*, *амуниція*, *антипатія*, *антологія*, *арія*, *артерія*, *ассенизація*, *ассимиляція*, *бактерія*, *бестія*, *библія*, *гармонія*, *дистанція*, *инфантерія*, *иронія*, *квассія*, *коллегія*, *коллекція*, *коммиссія*, *корпія*, *орія*, *перипетія*, *пивонія*, *проскомидія*, *ракалія*, *скумбрія* (рыба), *трагедія*, *унія*, *унція*, *фанаберія*, *эпитафія*, окончаніе *ія* неотдѣлено отъ остальной части словъ? Кромѣ того въ нѣкоторыхъ словахъ окончаніе *ія*, будучи отдѣлено отъ остальной части словъ, дѣлится еще на двѣ части: *і* и *я*; напримѣръ: *авар-і-я*, *вит-і-я*, *камел-і-я*, *лил-і-я*, *лин-і-я*, *лит-і-я*, *литург-і-я*, *мант-і-я*, *молн-і-я*, *пин-і-я*, *порц-і-я*, *провиз-і-я*, *скин-і-я*; а въ нѣкоторыхъ отдѣлено только *я*; напримѣръ, *гимназ-і-я*, *ов-аці-я*, *парт-і-я*, *профессі-я*, *территорі-я*. Все это и многое другое требуетъ объясненій, которыхъ авторъ не далъ въ своей книгѣ.

Не смотря однако на указанные и неуказанные нами недостатки, нельзя не признать трудъ г. Горяева полезнымъ, особенно, для спеціалистовъ, которые могутъ отличить въ немъ достовѣрное отъ сомнительнаго и невѣрнаго. Авторъ добросовѣстно собралъ научный матеріалъ для своей книги изъ всего того, что имѣлъ у себя подъ рукою. Другаго лучшаго сравнительнаго этимологическаго словаря русскаго языка до сихъ поръ въ русской ученой литературѣ мы не имѣемъ.

Библиотека "Руниверс"

Учебникъ этимологіи нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. В. Барономъ*, преподаватель 3-ей Казанской гимназіи. С.-Пб. и Казань. 1896. Стр. X + 125 + XII. Цѣна 50 коп.

Изъ предисловія къ названному учебнику мы усматриваемъ, что назначеніе его, по словамъ самаго автора, — служить руководствомъ при систематическомъ прохожденіи и повтореніи этимологіи нѣмецкаго языка въ среднихъ классахъ (IV и V) мужскихъ гимназій и равныхъ имъ по курсу учебныхъ заведеній.

Распространяясь довольно подробно о значеніи новыхъ языковъ, которое они должны имѣть въ курсѣ нашихъ гимназій по программѣ 1890 года, авторъ разбираемой книги нѣсколько разъ указываетъ на самыя главныя положенія этихъ программъ и наиболѣе существенное требованіе объяснительныхъ къ нимъ записокъ, по которому конечная цѣль преподаванія новыхъ языковъ въ гимназіяхъ заключается въ томъ, „чтобы ученики по окончаніи гимназическаго курса были въ состояніи въ подлинникѣ пользоваться научными и вообще литературными произведеніями нѣмецкихъ и французскихъ писателей". Такія указанія подтверждаются цитатами изъ названныхъ объяснительныхъ записокъ.

Вслѣдствіе всего этого можно было бы предполагать, что авторъ хорошо знакомъ какъ съ новыми программами по нѣмецкому и французскому языкамъ, такъ и съ объяснительными къ нимъ записками. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается совершенно противоположное. Г. Барономъ предназначаетъ свой учебникъ этимологіи нѣмецкаго языка, какъ мы читаемъ въ предисловіи къ нему, „главнымъ образомъ для среднихъ классовъ (IV-го и V-го) мужскихъ гимназій и равныхъ имъ по курсу учебныхъ заведеній"; а между тѣмъ по новой программѣ по нѣмецкому языку въ V классѣ правительственныхъ гимназій этимологія вовсе болѣе не полагается, но требуется, чтобы попутно, при чтеніи, ученикамъ объяснялись только нѣкоторыя статьи изъ нѣмецкаго синтаксиса, какъ-то: „выраженіе членовъ предложенія частями рѣчи; управленіе употребительнѣйшихъ глаголовъ и прилагательныхъ и употребленіе членовъ (въ общихъ чертахъ)".

Въ IV же классѣ этимологія уже оканчивается. Здѣсь ученикамъ сообщаются болѣе трудныя части изъ ученья объ имени существительномъ, какъ напримѣръ склоненіе именъ собственныхъ; проходится спряженіе глаголовъ въ сослагательномъ и условномъ наклоненіяхъ (Conjunctiv и Conditionalis); спряженіе глаголовъ неправильныхъ, возвратныхъ и безличныхъ; дается ученикамъ полная таблица спряже-

Библиотека "Руниверс"

нія съ обозрѣніемъ производства всѣхъ глагольныхъ формъ, а въ концѣ курса полагается ознакомленіе учениковъ съ управленіемъ предлоговъ падежами.

Изъ вышеприведеннаго видно, что въ одномъ изъ тѣхъ классовъ, для которыхъ предназначается разбираемый учебникъ нѣмецкой этимологіи самимъ авторомъ, а именно въ V классѣ, по новой программѣ, этимологія нѣмецкаго языка вовсе болѣе не полагается, а въ другомъ классѣ, то-есть въ IV, проходится только весьма незначительная ея часть. Слѣдовательно, для этихъ двухъ классовъ предлагаемый г. Барономъ учебникъ оказывается совершенно излишнимъ. Правда, авторъ въ предисловіи говоритъ также о необходимости „систематическаго повторенія нѣмецкой грамматики", но тамъ же самъ указываетъ и на то обстоятельство, что такое повтореніе, которое прежде должно было происходить въ старшихъ классахъ гимназіи, новою программою по нѣмецкому языку отмѣнено и „за грамматикою вообще, при изученіи живаго языка, признано лишь служебное значеніе. А чтобы по новымъ программамъ такое систематическое повтореніе было перенесено изъ старшихъ классовъ въ средніе, то-есть въ IV и V классы, объ этомъ нигдѣ ничего не говорится".

И это вполнѣ естественно: такое перенесеніе повторенія столь обширнаго отдѣла нѣмецкой грамматики, какъ этимологія, въ средніе классы, при маломъ числѣ уроковъ, которое назначено для этого предмета въ нашихъ гимназіяхъ, оказывается положительно невозможнымъ и при томъ ограниченномъ значеніи, которое новыми программами признано за грамматикою новыхъ языковъ вообще, и вполнѣ излишнимъ. А если это такъ, то предлагаемый учебникъ, какъ руководство для нашихъ гимназій не годится, не говоря уже о томъ, что по нашему мнѣнію никоимъ образомъ нельзя допускать, чтобы наши ученики были поставлены въ необходимость, предметъ, который они цѣлые годы изучали по одному учебнику, повторять по другому учебнику и при этомъ еще по такому обширному и весьма подробному, заключающему въ себѣ весьма много вполнѣ лишняго, какъ предлагаемый г. Барономъ учебникъ этимологіи нѣмецкаго языка.

Вообще слѣдуетъ сказать, что разбираемая книга какъ по большому изобилію предлагаемаго матеріала, такъ, и во многихъ мѣстахъ, по формѣ изложенія, мало годится для учениковъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній не только младшихъ, но также и среднихъ и старшихъ классовъ. Она, можетъ быть, принесла бы не мало пользы ученикамъ высшихъ классовъ нѣмецкихъ, то-есть германскихъ гимназій.

Библиотека "Руниверс"

если оставить въ сторонѣ то обстоятельство, что она написана на русскомъ языкѣ; она оказалась бы, пожалуй, весьма полезною книгою и для студентовъ-филологовъ, желающихъ продолжать изученіе нѣмецкаго языка въ высшемъ учебномъ заведеніи, но для тѣхъ учениковъ, для которыхъ она предназначается самимъ авторомъ, она не пригодна и еще менѣе, конечно, для учениковъ низшихъ классовъ нашихъ русскихъ гимназій, въ которыхъ, по новымъ программамъ, проходится этимологія нѣмецкаго языка. Такъ, напримѣръ, оказалось бы совершенно излишнимъ балластомъ для нихъ все изложенное на слѣдующихъ страницахъ предлагаемой книги: стр. 4, 5 и 6 — (§ 8) о разныхъ суффиксахъ и ихъ значеніи; самый матеріалъ, или скорѣе изложеніе матеріала, предлагаемаго въ §§ 15, 16 и 17 на стр. 8, 9 и 10, слишкомъ трудно для пониманія учениковъ; на стр. 14 и 15, § 28, не ясно изложено различіе между приведенными тамъ же тремя главными разрядами существительныхъ сильнаго мужескаго склоненія. То же самое слѣдуетъ сказать объ изложенномъ въ § 32 на стр. 18, 19 и 20 о трехъ разрядахъ существительныхъ сильнаго средняго склоненія.

На стр. 31, § 45 мы читаемъ, что имена прилагательныя по *значенію* раздѣляются на a) прилагательныя *знаменательныя* и b) прилагательныя *служебныя*. Не слѣдуетъ обременять память учениковъ новыми терминами, а пользоваться обще принятыми въ русской и латинской грамматикахъ. Во многихъ мѣстахъ встрѣчается слишкомъ сухое, чисто теоретическое изложеніе, безъ всякихъ примѣровъ, такъ напримѣръ, на стр. 34, примѣчаніе 2, стр. 49, примѣчаніе 5; сюда относятся и все ученіе о нарѣчіяхъ—стр. 116, 117, 118 § 129, ученіе о предлогахъ и союзахъ на стр. 121—124—§§ 131 и 132, которыя представляютъ ничто иное какъ голый перечень всѣхъ существующихъ въ нѣмецкомъ языкѣ нарѣчій, предлоговъ, союзовъ, представляющихъ, въ данной формѣ, совершенно сырой матеріалъ, никуда не годный для учениковъ нашихъ гимназій. — И редакція не малаго числа мѣстъ слишкомъ тяжелая, какъ напримѣръ всего § 65, § 66 прим. 1. § 72 прим. 5; § 74 прим. 3 и т. д.

Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ. *Е. Странполюбской.* Изданіе редакціи журнала «Образованіе». С.-Пб. 1896. Стр. IV+92 Цѣна 30 коп.

Послѣ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ нельзя указать ни одной страны, начальное образованіе въ которой возбу-

Библиотека "Руниверс"

ждало бы такой интересъ заграницей, какъ Скандинавскія государства. Причина этого заключается прежде всего, конечно, въ оригинальности и своеобразіи школьнаго устройства; болѣе же всего въ томъ, что на западѣ Европы нѣтъ странъ, которыя бы по суровости климата и по рѣдкости населенія представляли бы столько почти непреодолимыхъ препятствій для веденія школьнаго дѣла какъ Швеція и Норвегія, а между тѣмъ школы въ нихъ хорошо устроены, и обученіе въ нихъ при относительно небольшихъ издержкахъ даетъ такіе результаты, какъ ни въ какомъ государствѣ Европы. Въ нашей педагогической литературѣ давно уже появлялись статьи о школьномъ образованіи въ Швеціи и въ Норвегіи, но статьи эти, главнымъ образомъ, были взяты изъ вторыхъ рукъ — нѣмецкихъ, и только въ послѣднее приблизительно десятилѣтіе стали появляться описанія нѣкоторыхъ школъ Швеціи уже на основаніи личныхъ посѣщеній ихъ, преимущественно учительницами и, какъ кажется, по связи, главнымъ образомъ, съ введеніемъ въ нашихъ школахъ ручнаго труда.

Озаглавленная же книжка знакомитъ болѣе обстоятельно и всесторонне съ организаціею низшаго народнаго образованія въ Скандинавіи. Видимо, что все сообщаемое въ книжкѣ заимствовано изъ отчетовъ, уставовъ и весьма немногихъ обработанныхъ сочиненій, особенно Hippeau „L'instruction publique dans les états du Nord Suède-Norwège-Danemark“, поименованнаго, впрочемъ, авторомъ. Въ каждомъ государствѣ берутся однѣ и тѣ же стороны и тѣ же вопросы, именно сначала сообщаются краткія историческія данныя о ходѣ образованія въ каждой странѣ, при чемъ наибольшая остановка дѣлается на различныхъ мѣрахъ и законодательныхъ актахъ, послужившихъ исходнымъ пунктомъ для общаго обязательнаго и почти дароваго обученія; далѣе даются общія свѣдѣнія объ организаціи разныхъ видовъ школъ, сельскихъ и городскихъ, объ учебныхъ курсахъ ихъ, о мѣстномъ или центральномъ надзорѣ за ними, объ учителяхъ, именно о способѣ приготовленія учителей, о выборѣ ихъ, о матеріальномъ обезпеченіи ихъ, о школьныхъ домахъ, о средствахъ содержанія ихъ, о библіотекахъ, разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, подкрѣпляющихъ учебное дѣло и т. д. Мѣстами перечисляются предметы преподаванія въ школахъ, сообщаются дисциплинарные правила и пріемы. Сверхъ того, даются мѣстами въ большомъ числѣ и статистическія свѣдѣнія, какъ напримѣръ, о числѣ начальныхъ народныхъ школъ въ Швеціи за 1876, 1880, 1885 и 1889 годы и свѣдѣнія за тѣ же годы о населеніи школьнаго возраста, о числѣ учителей и учительницъ въ народ-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ училищахъ, о бюджетѣ и т. п. Вообще же книжка эта даетъ весьма много разнообразныхъ вѣрныхъ свѣдѣній объ учебномъ дѣлѣ въ Скандинавіи. Правда, она весьма суха и, если исключить немногія страницы о такъ называемыхъ скандинавскихъ крестьянскихъ университетахъ, о подвижныхъ школахъ, о слойдѣ, о приготовленіи учителей въ Даніи и Швеціи, повторяемъ, если исключить все это, то остальной матеріалъ какъ бы намѣчается только и излагается въ видѣ программы. Нельзя не пожалѣть, что г-жа Страннолюбская оказывается малорѣчивою даже по отношенію къ тѣмъ немногимъ извѣстнымъ въ Швеціи педагогамъ, о которыхъ она упоминаетъ въ книгѣ, хотя симпатичныя черты ихъ, какъ напримѣръ, Мейерберга, перечисляются въ сочиненіи, которымъ она пользовалась, именно у Гиппо. Но во всякомъ случаѣ, трудъ этотъ небезполезенъ и тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ объ устройствѣ школъ, болѣе или менѣе вѣрны, какъ это можно судить по сравненію съ другими болѣе обстоятельными сочиненіями, вышедшими ранѣе у французовъ.

Нѣкоторыя сообщенія вызываютъ, впрочемъ, замѣчанія. Такъ, напримѣръ:

Стр. 2. „Съ 1637 года въ сельскомъ населеніи Швеціи почти не было безграмотныхъ дѣтей. Въ 1640 году королева Христина учредила школы въ каждомъ городѣ". Здѣсь неточности двоякаго рода: во-первыхъ упоминаемые годы 1637—1640 падаютъ на царствованіе Христины, а въ ея царствованіе, какъ это уже извѣстно изъ обстоятельныхъ монографій, даже въ высшемъ классѣ были безграмотные; во-вторыхъ, въ Швеціи, какъ и во всей романо-германской Европѣ, въ средніе вѣка и въ новое время до начала XIX вѣка города по образованію вообще, а слѣдовательно и по начальному обученію шли впереди деревень.

Стр. 3. „Въ Стокгольмѣ и Готебургѣ образовались ассоціаціи, положившія начало основанію нормальныхъ школъ (учительскихъ семинарій) и поставившія себѣ задачею пропаганду Бель-Ланкастерской системы обученія. Дѣятельность ихъ была такъ успѣшна, что уже съ 1824 года система эта стала обязательною для каждой шведской школы, и лица, незнакомыя съ нею, не допускались къ преподаванію". Въ этомъ мѣстѣ кое-что перепачено и недоговорено. Ходъ дѣла былъ таковъ, какъ это представлено въ „l'Instruction du peuple" par Emile de Laveleye. Въ 1820 году былъ изданъ законъ, чтобы въ народныя школы назначались способные учителя, а въ 1824 году изданъ новый законъ, вводившій методы взаимнаго обученія во всѣ школы, гдѣ бы

Библиотека "Руниверс"

это позволило мѣсто; также въ 1824 году образовалось частное общество взаимнаго обученія въ Готебургѣ по образцу возникшаго раньше такого же общества, учрежденнаго архіепископомъ Розенштейномъ и графомъ Делагарди. Общества эти въ 1824 году не могли еще снабдить всѣ школы надлежащими учителями, какъ это утверждаетъ г-жа Страннолюбская, и учителя, приготовленные въ учительскихъ семинаріяхъ этихъ обществъ, появились черезъ 10—15 лѣтъ, такъ какъ и первая учительская семинарія возникла въ Стокгольмѣ 1830 г., и она выпустила менѣе 200 учителей (171). Далѣе, забота этихъ обществъ состояла не въ пропагандѣ только Бель-Ланкестерской методы, но и въ снабженіи школъ дешевою обстановкою и дешевыми учебными пособіями.

На стр. 4 читаемъ: „Радикальная реформа 1842 года не только не пыталась устранить духовенства отъ школьнаго дѣла, какъ это происходило почти во всѣхъ прочихъ европейскихъ государствахъ, а, напротивъ, еще упрочила это вліяніе, поставивъ священника во главѣ каждаго школьнаго совѣта и подчинивъ этотъ совѣтъ духовной консисторіи". Изъ этого и изъ другаго еще мѣста можно видѣть, что духовенство будто добровольно удовольствовалось только надзоромъ за преподаваніемъ, и само добровольно какъ бы отказалось отъ преподаванія Закона Божія, но на дѣлѣ это было не такъ: не далѣе какъ за два года до изданія закона 1842 года оно настаивало на участіи въ преподаваніи Закона Божія въ школахъ; но королемъ такое предложеніе было отклонено.

На той же страницѣ замѣчена опечатка; именно вмѣсто законъ 1842 года, сказано законъ 1824 года.

На стр. 8 авторъ восторгается новѣйшими стокгольмскими школьными зданіями, но ничего не говоритъ о томъ, что такихъ школьныхъ зданій недостаетъ для столицы и что многія школы помѣщаются въ темныхъ, нездоровыхъ, лишенныхъ самыхъ необходимыхъ удобствъ зданіяхъ.

Стр. 9. Въ § „Учебные планы" говорится: „изученіе библіи, то-есть Ветхаго и Новаго Завѣта, должно предшествовать изученію катехизиса". Такая редакція освѣщаетъ дѣло неправильно. Во-первыхъ, библія вовсе не изучается, а изъ нея происходятъ только чтенія, какъ въ классѣ, такъ и на утреннихъ молитвахъ и далѣе классное чтеніе изъ библіи начинается уже тогда, когда ученики прослушали по разказу учителя, безъ учебника, исторію Ветхаго и Новаго Завѣта и когда они уже знаютъ на память молитву Господню и Символъ

Библиотека "Руниверс"

вѣры; съ того же времени, какъ происходитъ чтеніе отрывковъ изъ библіи, идетъ и изученіе катехизиса.

На стр. 10 говорится: „Обученіе Закону Божію обязательно". Такое сообщеніе наводитъ на мысль, что другіе предметы необязательны, и дѣйствительно. въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ годахъ бо́льшая часть учебныхъ предметовъ народной школы считались факультативными; вѣроятно, въ нѣкоторыхъ школахъ такой порядокъ сохраняется и до сихъ поръ.

Подобныя замѣчанія, хотя и въ меньшемъ числѣ, можно бы высказать и по отношенію къ главѣ о датскихъ школахъ. Особенно жаль что въ этой главѣ книжки недостаточно полно освѣщена дѣятельность Грундвига, по мысли котораго была учреждена первая высшая народная школа въ Даніи.

Н. Я. Аким фіевъ. Опредѣлитель семействъ цвѣтковыхъ растеній Европейской Россіи. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Систематика растеній Россіи. 68 стр. Ц. 30 к. Екатеринославъ 1896.

Означенный опредѣлитель состоитъ изъ дихотомическаго ключа, по которому на основаніи извѣстныхъ признаковъ отыскивается, къ какому семейству относится разсматриваемое растеніе. Предварительно идетъ краткое наставленіе къ опредѣлителю, а въ концѣ списокъ наиболѣе распространенныхъ семействъ родовъ и видовъ; но, къ сожалѣнію не указано, къ какой мѣстности относится этотъ списокъ, и только по нѣкоторымъ помѣщеннымъ въ немъ видамъ можно думать, что онъ имѣетъ примѣненіе къ южнымъ губерніямъ.

Признаки семействъ составлены основательно и, насколько можно было провѣрить ихъ, точно и вѣрно. Если составитель опредѣлителя имѣлъ въ виду употребленіе его учениками реальныхъ училищъ, знакомыхъ съ основами ботаники и ея терминологіею, то не нужно было сообщать, какъ называются всѣ части цвѣтка; но для лицъ, незнакомыхъ съ ботаникою, не мѣшало бы пояснить и многіе термины. встрѣчающіеся въ опредѣлителѣ, какъ напримѣръ на стр. 8: однодольное и двудольное растеніе. стр. 10: цвѣтоложе, подчашіе и т. п. Напрасно авторъ помѣстилъ такія семейства, которыя не встрѣчаются у насъ, какъ напримѣръ Frankeniaceae, Haloragеae, по крайней мѣрѣ въ спискѣ не упоминаются ихъ представители, а также совершенно излишенъ ненужный терминъ: мужской и женскій цвѣтокъ.

На стр. 1-й говорится, что цвѣтень оплодотворяетъ (опыляетъ) сѣмяпочки; первое вѣрно, но со вторымъ нельзя согласиться: цвѣ-

Библиотека "Руниверс"

тень можетъ опылить только рыльце, а никакъ не сѣмяпочку, заключенную внутри завязи.

Не смотря на небольшой объемъ въ сочиненіи встрѣчаются кой какіе промахи.

На стр. 6 говорится, что къ однодомнымъ растеніямъ относятся дубъ, тополь, ива и другіе, но два послѣдніе отнюдь не однодомныя, а двудомныя растенія.

На стр. 10 читаемъ, что къ маковымъ относятся травы съ красноватымъ сокомъ, но извѣстно, что у мака сокъ бѣлый, а у чистотѣла желтый.

На стр. 13, 14, 32 одинъ и тотъ же органъ носитъ три названія: листья тройчатые, тройственные и тройные, тогда какъ слѣдовало бы вездѣ употреблять послѣдній терминъ.

Изданъ опредѣлитель хорошо, встрѣчаются однако типографскія погрѣшности, такъ на стр. 9-й напечатано „однодольнымъ“ вмѣсто „однодомныхъ“, стр. 20: „Лобеліевыя“, вмѣсто „Лобеніевыя“, стр. 25: „Розенныя“ вмѣсто „Розанныя“, стр. 29: „Ароидныя“ вмѣсто „Ароидныя“, стр. 43: „borbatus“ вмѣсто „barbatus“.

Краткій учебникъ ботаники. *И. П. Бородина*, профессора Императорской военно-медицинской академіи и С.-Петербургскаго лѣснаго института. Съ 373 политипажами въ текстѣ. Четвертое исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. Изд. *А. Ф. Девріева*. 1896. Стр. XII + 360 + XI. Цѣна 1 р. 50 к.

Три первыхъ изданія краткаго учебника ботаники Бородина были разобраны на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Нынѣшнее изданіе нѣсколько расширено противъ прежнихъ, помѣщено нѣсколько новыхъ семействъ, прибавлена къ физіологіи статья о ростѣ, движеніи и раздраженіи растеній. Со стороны научной учебникъ заслуживаетъ только похвалы: изложеніе точное, ясное, всѣ факты сообщаются на основаніи новыхъ научныхъ изслѣдованій, языкъ простой, удобопонятный. Что же касается до его примѣнимости къ курсу реальныхъ училищъ, то слѣдуетъ замѣтить, что матеріалъ расположенъ въ немъ не совсѣмъ согласно съ новымъ учебнымъ планомъ. По этому плану въ 3-мъ классѣ полагается изученіе семействъ и внѣшняго строенія цвѣтковыхъ растеній, въ учебникѣ же Бородина сначала идетъ органографія, а затѣмъ уже систематика, казалось бы, что это неудобство поправимо, стоитъ только сначала пройдти семейства, а потомъ познакомить учащихся съ внѣшнимъ

Библиотека "Руниверс"

устройствомъ растеній, но при семействахъ упоминаются характерные признаки извѣстныхъ органовъ растеній, а послѣдніе объяснены раньше въ курсѣ органографіи. Затѣмъ если строго держаться учебника, то согласно плану слѣдовало бы пройдти въ 3-мъ классѣ 177 страницъ. Тоже слѣдуетъ замѣтить и о курсѣ физіологіи; составленъ онъ прекрасно, но занимаетъ 100 страницъ, а потому едва ли можетъ быть пройденъ въ дополнительномъ классѣ, гдѣ на него возможно удѣлить очень немного времени; въ этомъ классѣ всего полагается только два урока на естествовѣдѣніе, а между тѣмъ приходится познакомить еще учащихся съ отправленіями человѣческаго организма. Собственно учебникъ ботаники Бородина написанъ для сельскохозяйственныхъ школъ по порученію департамента земледѣлія, а не для реальныхъ училищъ; этимъ объясняется то, что слишкомъ много дается мѣста описанію полезныхъ растеній, такъ злаки описаны на 17 страницахъ.

Не находя ни одного мѣста и ни одного выраженія, противъ которыхъ можно было бы сдѣлать какое либо замѣчаніе, считаю нужнымъ указать только, что совершенно напрасно, по моему мнѣнію, авторъ употребляетъ на нѣкоторыхъ страницахъ вмѣсто тычинки, тычиночнаго цвѣта, плодники и плодниковаго цвѣта выраженія: мужской органъ, мужской цвѣтокъ, женскій органъ и женскій цвѣтокъ. Тоже въ отдѣлѣ безцвѣтковыхъ растеній при папоротникѣ антеридіи называются мужскими органами, архегоніи—женскими. Конечно все это совершенно вѣрно и дѣйствительно существуетъ аналогія между указанными органами въ животномъ царствѣ и растительномъ, въ особенности въ классѣ безцвѣтковыхъ растеній, но въ школѣ такія указанія неумѣстны, излишни, и лучше довольствоваться общепринятыми названіями: тычинка, плодникъ, антеридій и архегоній.

Учебникъ зоологіи, составленный примѣнительно къ программамъ реальныхъ училищъ. Часть вторая. (Безпозвоночныя животныя. Общая зоологія). Составилъ *С. К. Персональный*, преподаватель Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища. Стр. VIII+210 + II (большаго формата), 190 рис. Цѣна 1 руб. Москва. 1896.

О первой части уже былъ данъ отчетъ на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Во второй части описаны моллюски, членистоногія, черви, иглокожія, кишечнополостныя и простѣйшія животныя, а затѣмъ въ видѣ приложенія помѣщена общая зоологія (ученіе о клѣткѣ, тканяхъ, основы построенія тѣла животныхъ и ха-

Библиотека "Руниверс"

рактеристика всѣхъ отдѣловъ). Всѣ отдѣлы описаны однимъ и тѣмъ же порядкомъ: сначала дается краткая характеристика отдѣла, дѣленіе его на классы, внутреннее устройство каждаго класса, характеристика отрядовъ, описаніе главнѣйшихъ представителей и наконецъ, въ заключеніе разсматривается устройство всего отдѣла. Только низшія животныя, начиная съ иглокожихъ, описываются нѣсколько иначе: послѣ краткой характеристики отдѣла тотчасъ же разсматриваются отдѣльные представители.

Даже говоря объ устройствѣ животныхъ, авторъ въ большинствѣ случаевъ держится однѣхъ и тѣхъ же рубрикъ: сначала идетъ внѣшнее устройство, потомъ мышечная, пищеварительная, дыхательная, кровеносная, выдѣлительные органы, нервная система, а въ заключеніе при нѣкоторыхъ классахъ говорится о размноженіи и развитіи.

Матеріалъ съ научной стороны вообще обработанъ хорошо и съ большимъ знаніемъ, изложеніе ясное, точное, послѣдовательное, сжатое и краткое.

Строгая послѣдовательность и систематичность изложенія составляютъ достоинство учебника; напрасно только въ концѣ каждаго отдѣла авторъ снова толкуетъ объ его устройствѣ, по крайней мѣрѣ слѣдовало бы въ самыхъ краткихъ словахъ сообщить только отличительныя черты, свойственныя отдѣлу, а не повторять старое на нѣсколькихъ страницахъ—это значительно сократило бы размѣръ учебника.

Непонятно для чего авторъ, описавъ устройство извѣстнаго класса, перечисляетъ семейства и даже иногда соединяетъ ихъ въ группы, обозначаемыя буквами *A* и *B*, но на чемъ основано дѣленіе на семейства и соединеніе ихъ въ группы, объ этомъ ни слова.

Сравнительно съ многими другими учебниками авторъ не злоупотребляетъ терминами и относительно описываетъ не много формъ, но все-таки больше, чѣмъ слѣдуетъ въ элементарномъ курсѣ. Уже примѣрная программа зоологіи требуетъ знанія немалаго числа животныхъ, а авторъ еще прибавляетъ отъ себя; такъ разныхъ насѣкомыхъ у него описано до 40, тогда какъ въ программѣ упоминается до 20-ти; правда многія изъ нихъ описаны очень кратко, такъ, напримѣръ, о шелкопрядѣ тутовомъ говорится всего на пяти строчкахъ.

Прежде чѣмъ перейдти къ описанію отдѣльныхъ представителей, авторъ даетъ общую характеристику класса. Противъ этого нельзя возразить, если разсматриваются такія группы, которыя всѣмъ знакомы, напримѣръ, млекопитающія, птицы; но слизняки, черви боль-

Библиотека "Руниверс"

шею частью незнакомы учащимся, а потому сразу изученіе устройства такихъ классовъ безъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ представителей будетъ затруднительно для учащихся.

Послѣднее замѣчаніе въ особенности касается внутренняго устройства животныхъ. Даже и при низшихъ животныхъ авторъ подробно толкуетъ объ органахъ пищеваренія и кровообращенія, о нервной системѣ, о различныхъ ея узлахъ, говоритъ даже о различной формѣ трахей (вѣтвистыя и трубчатыя у пауковъ); но сомнительно, чтобы въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи демонстрировались эти органы, а потому учащіеся естественно вынесутъ о нихъ не ясное представленіе, придется имъ только заучивать множество фактовъ едва ли имѣющихъ образовательное значеніе. Казалось бы въ элементарномъ курсѣ достаточно ограничиться внѣшнимъ описаніемъ животныхъ, а изъ внутреннихъ органовъ указать только тѣ, которые имѣютъ біологическое значеніе, напримѣръ, органы дыханія; если, напримѣръ, однѣ улитки дышатъ жабрами, а другія легкими, то это вліяетъ на ихъ мѣстообитаніе и на весь образъ жизни.

Изданъ учебникъ хорошо, отпечатанъ яснымъ, четкимъ шрифтомъ, опечатокъ совсѣмъ незамѣтно; рисунки удовлетворительны, хотя желательно было бы имѣть побольше изображеній, особенно незнакомыхъ животныхъ, напримѣръ, змѣекъ, нерендъ и т. под.

Изъ научныхъ неточностей укажемъ только на нѣкоторыя:

Стр. 1: „Такъ какъ скелетъ у слизняковъ не развитъ, то дѣленіе ихъ тѣла на области не можетъ быть отчетливымъ и рѣзкимъ". Невольно напрашивается возраженіе, что вѣдь у насѣкомыхъ тоже нѣтъ скелета, а тѣло ясно разграничивается на три части. Кстати замѣтимъ, что прочтя о неразвитіи скелета у слизняковъ, какъ то странно встрѣтить на страницѣ 4-й заголовокъ: скелетъ (у головоногихъ слизняковъ).

Стр. 43: „Насѣкомыя различаютъ цвѣта въ ультрафіолетовой части солнечнаго спектра"—нѣкоторыя наблюденія, правда, какъ будто указываютъ на это, но во всякомъ случаѣ это не установившійся фактъ и потому излишне его приводить, тѣмъ болѣе, что ученики 4-го класса не имѣютъ никакого представленія о спектрѣ.

Стр. 134: „Аскариды и острицы извѣстны въ общежитіи подъ именемъ глистовъ"; но вѣдь солитеръ и лентецъ тоже называются глистами.

Нерѣдко попадаются мѣста съ претензіею на обобщенія, неумѣстныя въ учебникѣ. На стр. 44 читаемъ: „Подобно тому, какъ отдѣль-

Библиотека "Руниверс"

ные навыки, усвоенные человѣкомъ, благодаря сознательной дѣятельности ума, превращаются затѣмъ въ безсознательно выполняемыя дѣйствія, такъ вполнѣ обдуманный (?) и строго цѣлесообразный поступокъ отдѣльнаго насѣкомаго, повторяясь въ длинномъ рядѣ поколѣній и постепенно теряя сознательность, сталъ наконецъ совершенно безсознательнымъ, то-есть, обратился въ инстинктивный". Или (стр. 177): „Плазма вещество живое, способное чувствовать, оттого и амеба, какъ и плазма, не лишена этого свойства". Первое положеніе—чистая гипотеза, вытекающая изъ теоріи Дарвина; второе наводитъ на возраженіе, что, амеба, какъ плазма, не чувствуетъ, а только обладаетъ способностью реагировать на внѣшнія раздраженія.

Къ числу неудачныхъ выраженій относятся слѣдующія:

Стр. 80: „Удлиненное тѣло кузнечика имѣетъ длинные (болѣе половинной (?) длины тѣла) усики".

Стр. 15: „Органомъ передвиженія улитокъ служитъ нога, на которой (?) онѣ медленно ползаютъ".

Стр. 21: „Такой мерцательный покровъ можетъ быть уподобленъ нивѣ, густо поросшей колосьями злаковъ" (черезъ чуръ вычурное сравненіе).

Общее заключеніе: учебникъ Персональнаго, изобилуя зоотомическими данными, будетъ полезенъ для учителей, но затруднителенъ для учащихся. Мы посовѣтовали бы автору въ слѣдующемъ изданіи сократить статьи о внутреннемъ устройствѣ животныхъ, вмѣсто подробной характеристики отдѣловъ ограничиться самою критикою, описать только тѣхъ представителей, которые помѣщены въ примѣрной программѣ, и выпустить общую зоологію, такъ какъ краткія свѣдѣнія о тканяхъ сообщаются ученикамъ реальныхъ училищъ только въ дополнительномъ классѣ при прохожденіи физіологіи. Такія сокращенія значительно уменьшили бы размѣръ учебника, тогда какъ въ настоящемъ его видѣ одолѣть учащимся 200 страницъ при одномъ урокѣ зоологіи въ 4-мъ классѣ, возможно только развѣ при значительныхъ усиліяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

I.

ИМПЕРАТОРСКІЙ МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ состояли къ 1-му января 1897 г. преподавателями 244 ч., въ томъ числѣ: профессоръ богословія—1, ординарныхъ профессоровъ—59 (въ томъ числѣ 17 выбывшихъ изъ штата и 1 сверхштатный), экстраординарныхъ 33 (въ томъ числѣ 10 сверхштатныхъ), прозекторовъ 5, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ 4; приватъ-доцентовъ 142 (въ числѣ ихъ состояли астрономъ-наблюдатель и 1 прозекторъ); по факультетамъ преподаватели распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ факультетѣ было 45 преподавателей (въ томъ числѣ 14 ординарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ и 26 приватъ-доцентовъ), на физико-математическомъ 56 преподавателей (въ томъ числѣ 15 ординарныхъ профессоровъ, 6 экстраординарныхъ и 35 приватъ-доцентовъ), на юридическомъ—26 преподавателей (въ томъ числѣ 13 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ и 11 приватъ-доцентовъ) и на медицинскомъ 107 преподавателей (въ томъ числѣ 17 ординарныхъ профессоровъ, 20 экстраординарныхъ и 70 приватъ-доцентовъ). Лицъ, занимавшихъ не преподавательскія должности, къ 1 января 1897 г., состояло при университетѣ 271 чел.; изъ нихъ 128 занимали штатныя должности и 148 состояли сверхъ штата.

Библиотека "Руниверс"

Въ теченіе истекшаго года въ составъ преподавателей Московскаго университета вступили: ординарные профессора: университета Св. Владиміра Соколовскій, Казанскаго университета—Нефедьевъ и Юрьевскаго университета Бубновъ, назначенные — первый на каѳедру римскаго права, второй — торговаго права и торговаго судопроизводства и третій — на каѳедру гигіены, и экстраординарный профессоръ Юрьевскаго университета Лахтинъ, назначенный на каѳедру чистой математики. Въ число приватъ-доцентовъ вступили 21 человѣкъ, изъ нихъ 14 докторовъ медицины приватъ-доцентами на медицинскій факультетъ; сверхъ того: профессоръ Московскаго Техническаго училища Рудневъ—по каѳедрѣ технической химіи, адъюнктъ-профессоръ сельско-хозяйственнаго института Ростовцевъ по каѳедрѣ ботаники, магистръ Новгородцевъ—по каѳедрѣ философіи права, кандидатъ Харузинъ—по каѳедрѣ этнографіи, докторъ философіи Страсбургскаго университета Лебедевъ—по каѳедрѣ физики и магистранты—Болотовъ и Базановъ—первый по каѳедрѣ прикладной математики, второй—гражданскаго права. Выбыли изъ числа преподавателей: приватъ-доценты: Линниченко—назначенный экстраординарнымъ профессоромъ Новороссійскаго университета по каѳедрѣ русской исторіи, Берви—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Юрьевскаго университета по каѳедрѣ чистой математики. Миклашевскій—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея по каѳедрѣ политической экономіи, Введенскій—экстраординарнымъ профессоромъ Томскаго университета по каѳедрѣ оперативной хирургіи и топографической анатоміи, Виппперъ—экстраординарнымъ профессоромъ Новороссійскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи и прозекторъ Хлопинъ—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Юрьевскаго университета по каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія; сверхштатный лаборантъ при лабораторіи органической и аналитической химіи Коноваловъ назначенъ профессоромъ въ московскій сельскохозяйственный институтъ по каѳедрѣ химіи; прекратили чтеніе лекцій приватъ-доценты университета: по физико-математическому факультету магистръ Яковкинъ и кандидатъ Мѣшаевъ и по медицинскому докторъ Яблоковъ. Уволены отъ службы ординарный профессоръ медицинскаго факультета Эрисманъ и приватъ-доцентъ юридическаго факультета, магистрантъ Доробецъ; уволенъ отъ службы по болѣзни экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ греческой словесности Зубковъ. Умерли—заслуженные ординарные профессора: по каѳедрѣ зо-

Библиотека "Руниверс"

ологіи Анатолій Петровичъ Богдановъ, (родился въ 1834 г., умеръ 16-го марта 1896 г.) и по каѳедрѣ физики Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ (родился въ 1836 г., умеръ 15-го мая 1896 г.). Ординарные профессора Янжулъ и Анучинъ назначены ординарными академиками Академіи Наукъ съ оставленіемъ въ профессорскихъ должностяхъ.

Изъ числа почетныхъ членовъ университета умерли въ 1896 г.: окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Я. И. Вейнбергъ, членъ государственнаго совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Г. П. Небольсинъ и профессоръ берлинскаго университета Эмиль Дюбуа-Реймондъ. Избраны въ почетные члены Московскаго университета: вице-предсѣдатель Императорскаго Русскаго Географическаго Общества сенаторъ Петръ Петровичъ Семеновъ, профессоръ берлинскаго университета и академикъ, тайный совѣтникъ Адольфъ Кирхгофъ и профессоръ гласковскаго университета лордъ Кельвинъ.

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на принятіе Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ званія почетнаго члена Московскаго университета.

Списокъ ученыхъ изслѣдованій, статей, рефератовъ, докладовъ и т. д. преподавателей Московскаго университета заключаетъ не менѣе 500 названій; въ ученыхъ командировкахъ въ Россіи и за-границей находились въ теченіе года 46 преподавателей, практическія занятія со студентами вели: на историко-филологическомъ факультетѣ 15 преподавателей—по философіи и психологіи, по римской, греческой и русской словесности, по славянской филологіи, по исторіи западно-европейскихъ литературъ и по всеобщей и русской исторіи,—на юридическомъ 7 преподавателей,—по римскому праву, по исторіи русскаго права, по уголовному праву и судопроизводству, по полицейскому праву, по международному праву, по финансовому праву и по политической экономіи и статистикѣ; на физико-математическомъ факультетѣ существовало до 15 семинаріевъ, въ которыхъ руководили студентами 39 преподавателей; студенты медицинскаго факультета еще болѣе заняты были практическими работами подъ наблюденіемъ профессоровъ и преподавателей.

На историко-филологическомъ факультетѣ сверхъ курсовъ, положенныхъ по программѣ, читаемы были еще слѣдующіе курсы, частью разсчитанные на два, частью — на одно полугодіе: „Частная жизнь римлянъ въ связи съ описаніемъ Помпей“ (проф. Шефферъ), „Поэ-

Библиотека "Руниверс"

зія вѣка Августа" (приватъ-доцентъ Касицынъ), „Исторія преподаванія древнихъ языковъ" (приватъ-доцентъ Адольфъ), „Римскія бытовыя древности" (приватъ-доцентъ Семеновъ), „Исторія религіознаго искусства въ древней Греціи" (приватъ-доцентъ Аппельротъ), „Искусство въ эпоху возрожденія" и „Эстетика въ ея историческомъ развитіи" (приватъ-доцентъ Мироновъ), „Исторія языковѣдѣнія" (приватъ-доцентъ Поржезинскій), „Исторія англійской и американской литературы XIX вѣка" (проф. Стороженко), „Исторія XIX вѣка" (проф. Корелинъ), „Общее землевѣдѣніе" (приватъ-доцентъ Михайловскій), „Эпоха семилѣтней войны" (приватъ-доцентъ Щепкинъ), „Соціальная исторія средневѣковой Англіи" (приватъ-доцентъ Петрушевскій), „Общая этнографія" (приватъ-доцентъ Харузинъ), „Исторія Малороссіи и Бѣлоруссіи въ XVII—XIX вѣкѣ" (приватъ-доцентъ Любавскій) и др.; изучаемы были произведенія Оукидида, Софокла, Эврипида, Тибулла, Горація Сатиры и Ars poëtica, Теренція; изъ курсовъ физико-математическаго факультета отмѣтимъ два курса приватъ-доцента Бобынина: „Исторія древней математики" и „Исторія новой математики".

Въ теченіи 1896 г. Московскій университетъ возвелъ въ высшія ученыя степени 32 человѣка; изъ нихъ числа 22 лѣкаря получили степень доктора медицины; затѣмъ получили степени: доктора политической экономіи магистръ Яроцкій за изслѣдованіе „Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей", доктора русской словесности магистръ Карскій, за изслѣдованіе: „Западнорусскіе переводы псалтыри XV — XVII вѣковъ"; доктора астрономіи магистръ Бѣлопольскій за „Изслѣдованіе спектра перемѣнной звѣзды δ Cephei"; степень магистра получили кандидаты: Челпановъ—степень магистра философіи за сочиненіе: „Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ априорности и врожденности, часть I", Хвостовъ степень магистра римскаго права за изслѣдованіе „Опытъ характеристики понятій aequitas и aequum jus въ римской классической юриспруденціи", Пряниишниковъ—степень магистра агрономіи за сочиненіе: „О распаденіи бѣлковыхъ веществъ при прорастаніи", Сибирцевъ—степень магистра минералогіи и геогнозіи за геологическій очеркъ „Окско-Клязминскій бассейнъ", Голенкинъ—магистра ботаники за „Матеріалы для характеристики соцвѣтій крапивноцвѣтныхъ", и окончившіе курсъ съ дипломомъ первой степени—Берви, степень магистра чистой математики за „Рѣшеніе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ теоріи числовыхъ интеграловъ" и По-

Библиотека "Руниверс"

ковскій—степень магистра римской словесности за „Семасіологическія изслѣдованія въ области древнихъ языковъ". Кромѣ того утверждены: въ степень магистра фармаціи—1, въ званіи инспектора врачебной управы два доктора медицины; въ званіи акушера два лѣкаря, въ степени лѣкаря одинъ; получили свидѣтельства на званіе учителя гимназіи двое; кромѣ того утвержденны: въ званіи уѣзднаго врача 154, въ званіи зубнаго врача 17, въ степени провизора 60, въ степени аптекарскаго помощника 77, въ званіи дентиста 8 и въ званіи повивальной бабки 182.

Лицъ, оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, въ теченіе минувшаго года состояло 50, изъ нихъ получали стипендіи: изъ суммъ министерства 14, изъ благотворительныхъ суммъ 12, остальные 24 стипендіями не пользовались. По факультетамъ оставленные при университетѣ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: при историко-филологическомъ факультетѣ состояли 14 человѣкъ, изъ нихъ получали стипендіи 6; при физико-математическомъ факультетѣ — 26, изъ нихъ получали стипендіи 11; при юридическомъ факультетѣ 9, изъ нихъ 8 получали стипендіи, и при медицинскомъ факультетѣ 1, получавшій стипендію. Были командированы министерствомъ за границу, по ходатайству университета на минувшій и предыдущій годъ 6, изъ нихъ 3 съ содержаніемъ и 3 безъ содержанія. Такимъ образомъ всѣхъ молодыхъ людей, приготовлявшихся къ профессорскому званію, было 56. — Собственно въ 1896 году для приготовленія къ профессорскому званію были оставлены при университетѣ окончившіе испытанія съ дипломомъ первой степени: по физико-математическому факультету Костаревъ, Житковъ и Боголюбовъ, по историко-филологическому Орловъ и по юридическому Стратонитскій и Липеровскій съ содержаніемъ; окончившіе испытанія въ испытательной комиссіи съ дипломомъ первой степени: по историко-филологическому факультету Трескинъ, по физико-математическому Соловьевъ, Усовъ, Казаковъ и Рахмановъ, по юридическому Живаго—безъ содержанія.

Въ истекшемъ академическомъ году для сочиненій на соисканіе студентами медалей были заданы слѣдующія темы: на историко-филологическомъ факультетѣ: „Критическое сравненіе и разборъ ученій Локка и Лейбница о познаніи на основаніи изученія „Опыта о человѣческомъ разумѣ" Локка и „Новыхъ опытовъ о человѣческомъ разумѣ" Лейбница"; „О смягченіи согласныхъ въ славянскихъ языкахъ" и „Олигархическія движенія въ Аѳинахъ V вѣка"; на физико-математи-

Библиотека "Руниверс"

ческомъ факультетѣ: „Приложеніе свойствъ функцій комплекснаго перемѣннаго къ выводу каноническихъ уравненій, интегрируемыхъ при помощи квадратутъ“; „Историческое развитіе и методы ученія объ электро-магнитномъ полѣ“ и „Способы превращеній соединеній парафиноваго ряда въ соединенія съ циклическою связью углеродныхъ атомовъ“; на юридическомъ факультетѣ: „О вліяніи юнаго возраста на уголовную отвѣтственность“ и на медицинскомъ факультетѣ: „Сравнительная оцѣнка матеріаловъ, примѣняемыхъ для перевязки сосудовъ и для наложенія швовъ“ и „Какой повязкѣ, сухой или влажной, надо отдавать преимущество при лѣченіи зараженныхъ ранъ, и что́ имѣетъ больше значенія: физическія ли свойства повязки или вліяніе обеззараживающихъ веществъ“. За представленныя сочиненія награждены медалями: золотыми: окончившій испытанія въ физико-математической испытательной комиссіи съ дипломомъ первой степени Станкевичъ Иванъ и окончившій испытанія въ медицинской испытательной комиссіи со степенью лѣкаря Раевскій Петръ и студенты физико-математическаго факультета: VII семестра Горлицынъ Леонидъ и Соколовъ Иванъ, юридическаго факультета VII семестра Гернетъ Михаилъ и III семестра Добрынинъ Николай и медицинскаго факультета IX семестра Черняевъ Василій; серебряными: окончившій курсъ юридическаго факультета съ выпускнымъ свидѣтельствомъ Рейчицкій Петръ и студенты: историко-филологическаго факультета V семестра Ковалевскій Михаилъ, физико-математическаго факультета VII семестра Бритманъ Михаилъ, Чичкинъ Алексѣй, юридическаго факультета VII семестра Поповъ Владиміръ и III семестра Сперанскій Валентинъ и медицинскаго факультета IX семестра Грузиновъ Ѳедоръ и Невядомскій Павелъ. Окончившій испытанія въ физико-математической испытательной комиссіи съ дипломомъ 1-й степени Генерозовъ Алексѣй и студенты юридическаго факультета VII семестра Ротъ Викторъ и медицинскаго факультета IX семестра Кампе Александръ удостоены почетнаго отзыва. Премія имени почетнаго члена Московскаго университета и бывшаго профессора сего университета Александра Павловича Разцвѣтова медицинскимъ факультетомъ: назначена на 1897 годъ сверхштатному ординатору при клиникѣ глазныхъ болѣзней, лѣкарю Алексѣю Маклакову и присуждена сверхштатному ординатору при факультетской хирургической клиникѣ, лѣкарю Викентію Свенцицкому. Премія имени Сазиковой историко-филологическимъ факультетомъ присуждена окончившему курсъ съ дипломомъ 1-й степени Сер-

Библиотека "Руниверс"

гѣю Котляревскому. Преміи имени Володи Павлова присуждены: историко-филологическимъ факультетомъ окончившему курсъ съ выпускнымъ свидѣтельствомъ Алексѣю Артюшкову и медицинскимъ факультетомъ сверхштатному ординатору при госпитальной терапевтической клиникѣ, лѣкарю Николаю Кабанову. На соисканіе преміи имени заслуженнаго профессора Сергѣя Михайловича Соловьева въ текущемъ году сочиненій представлено не было.

Къ 1-му января 1896 г. въ Московскомъ университетѣ состояло студентовъ 4.147 чел., сторонннхъ слушателей — 111 и аптекарскихъ помощниковъ — 153, всего слѣд. 4.411 чел. Въ теченіе года выбыло слушателей: до окончанія курса 329 чел. и послѣ окончанія полнаго курса—767, всего 1.096 чел.; принято къ началу 1896—1897 акад. года въ число студентоаъ — 1.155 и къ 1-му января 1897 г. состояло: студентовъ 4.206, постороннихъ слушателей—101, аптекарскихъ помощниковъ 154, всего, слѣд. получали въ Московскомъ университетѣ высшее образованіе 4.461 чел. По прежнему Московскій университетъ объединяетъ въ своихъ стѣнахъ наибольшее въ Россіи число молодыхъ людей, ищущихъ высшаго образованія, хотя по числу слушателей на трехъ общихъ всѣмъ русскимъ университетамъ факультетахъ—историко-филологическомъ, юридическомъ и физико-математическомъ—С.-Петербургскій университетъ и превосходитъ Московскій почти на 400 чел.

Изъ общаго числа студентовъ 4.206 состоитъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 217; на физико-математическомъ факультетѣ—1.022, изъ нихъ на отдѣленіи математическихъ наукъ 441 и на отдѣленіи естественныхъ наукъ 581; на юридическомъ факультетѣ 1.578 и на медицинскомъ факультетѣ 1.389.

Изъ общаго числа 767 окончившихъ курсъ получили свидѣтельства: по историко-филологическому факультету—53 чел., по физико-математическому — 121 (44 по математическому отдѣленію и 77 по естественному), по юридическому—365 и по медицинскому—225.

Въ 1896 году было выдано стипендій на сумму 156.509 руб. 76 к. Въ первомъ полугодіи эта сумма была распредѣлена между 508 студентами, во второмъ — между 516. Размѣръ стипендій колебался отъ 50 до 600 руб. въ годъ.

Въ прошломъ году было освобождено отъ платы за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи изъ числа 4.150 студентовъ—761, въ томъ числѣ на основаніи университетскаго устава 620 студентовъ и казеннокоштныхъ 141, во второмъ же полугодіи изъ 4.350 студентовъ

Библиотека "Руниверс"

освобождено на основаніи Университетскаго устава 653 и казенно-коштныхъ 140, итого 793.

Въ минувшемъ году выдано было единовременныхъ пособій: въ первомъ полугодіи 684 студентамъ 9.966 руб. 89 коп. и во второмъ полугодіи 309 студентамъ 7.929 руб. 97 коп. Размѣръ пособій колебался отъ 4 руб. 50 коп. до 100 руб.

Кромѣ того изъ процентовъ съ капитала генералъ-маіора Митрино внесено за слушаніе лекцій за трехъ студентовъ въ первомъ полугодіи 138 руб. и во второмъ полугодіи за четырехъ студентовъ—183 руб.

Денежныхъ пособій на руки студентамъ выдано 2.777 р. 18 к. Въ томъ числѣ 5 стипендіатамъ имени почетнаго члена А. В. Баевой 565 р. 50 к., одному стипендіату имени Н. С. Тростянскаго 118 р. 68 к.; остальная же сумма 2.093 р. распредѣляется между 124 студентами. Сверхъ того, уплачено въ Екатерининскую больницу за лѣченіе студентовъ 189 р. 20 к.

Ссудъ подъ стипендіи выдано 9.447 р. 27 к., что вмѣстѣ съ остаткомъ невозвращенныхъ ссудъ отъ прошлаго года 581 р. 14 к. составляетъ 10.028 р. 14 к.; въ возвратъ ихъ получено изъ университета 9.707 р. 15 к., такъ что остается неполученныхъ ссудъ 321 р. 26 к.

Московскій университетъ отлично обставленъ учебновспомогательными учрежденіями; кромѣ своихъ обширныхъ и во многихъ отношеніяхъ образцовыхъ клиникъ, числомъ 18, онъ имѣетъ еще обсерваторію, ботаническій садъ, 11 кабинетовъ, 9 лабораторій, 6 музеевъ, 5 институтовъ. Нѣкоторые изъ этихъ учрежденій имѣютъ чрезвычайно обширныя и цѣнныя коллекціи; такъ, въ зоологическомъ музеѣ считается до 87.000 №№, въ антропологическомъ—почти 14.000, въ географическомъ—7.400 и т. д.

Въ библіотекѣ къ 1-му января 1896 г. числилось 138.310 названій книгъ и періодическихъ изданій въ 242.787 томовъ и 21.227 тетрадяхъ и отдѣльныхъ листахъ. Въ теченіе 1896 года, по 1-е декабря, поступило въ библіотеку книгъ, брошюръ, періодическихъ изданій, атласовъ, картъ и рисунковъ, всего 3.497 томъ и 159 тетрадей и отдѣльныхъ листовъ. Въ этомъ числѣ новыхъ изданій 1.479, въ 1.902 томахъ и 20 тетрадяхъ и 1.595 томовъ и 139 тетрадей продолженій уже получавшихся изданій и къ 1-му декабря 1896 года въ библіотекѣ состояло 139.789 названій, въ 246.284 томахъ и 21.386 тетрадяхъ и отдѣльныхъ листахъ. Въ особыхъ библіотекахъ: семи-

Библиотека "Руниверс"

наріевъ при историко-филологическомъ институтѣ, студенческихъ библіотекахъ математическаго и естественнаго отдѣленій физико-математическаго факультета, студенческой библіотекѣ юридическаго факультета и студенческой медицинской библіотекѣ, при отдѣльныхъ кабинетахъ и музеяхъ было до 40.000 книгъ, такъ что всего Московскій университетъ имѣетъ свыше 300.000 томовъ книгъ.

При Московскомъ университетѣ состояли 18 ученыхъ обществъ. Изъ нихъ Императорское Московское общество испытателей природы имѣло 70 почетныхъ членовъ, 487 дѣйствительныхъ и 85 членовъ корреспондентовъ; оно обмѣнивалось своими изданіями съ 711 учрежденіями всего земнаго шара: съ 575-ю учрежденіями Европы (въ томъ числѣ въ Россіи со 135 учрежденіями, въ Германіи со 128, во Франціи 91 и т. д.), въ Америкѣ съ 98 учрежденіями, въ Азіи съ 18, въ Австраліи съ 11, въ Африкѣ съ 7 и въ Полинезіи съ 2; въ истекшемъ году оно по прежнему издавало свои Bulletin и „Матеріалы къ познанію флоры и фауны Россійской Имперіи"; оно имѣло 10 собраній, въ которыхъ было сдѣлано 28 сообщеній; при содѣйствіе общества разныя лица производили геологическія, ботаническія и зоологическія изслѣдованія въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи. Затѣмъ при Московскомъ университетѣ состояли: Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, Императорское Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Общество любителей россійской словесности, Математическое Общество, Физико-медицинское общество, Психологическое Общество, Московское юридическое Общество, Общество невропаталоговъ и психіатровъ, Общество дѣтскихъ врачей, Историческое Общество, Московское терапевтическое общество и Акушерско-гинекологическое Общество.

Бюджетъ Московскаго университета далеко перешелъ за полтора милліона рублей. По Высочайше утвержденной смѣтѣ и дополнительнымъ кредитамъ отпущено было: на содержаніе личнаго состава 369.340 р., на учебно-вспомогательныя учрежденія и хозяйственные расходы 519.535 р., на стипендіи и пособія студентамъ 48.040 р. на постройку библіотеки и квартирнаго корпуса—65.000, затѣмъ на вознагражденіе приватъ-доцентовъ, содержаніе разныхъ стипендіатовъ—славянскихъ и варшавскаго округа, на содержаніе оставленныхъ при университетѣ, на вознагражденіе членамъ испытательныхъ комиссій, на командировки и пр.—около 40.000, всего 1.040.720 руб. Затѣмъ суммы сбора за слушаніе лекцій поступило 178.280 р., да оставалось

Библиотека "Руниверс"

къ 1-му января 1896 г. 236.800 р., всего въ распоряженіе университета было этой суммы 415.000 р.; изъ нихъ израсходовано въ теченіе года 158.800 р. (въ томъ числѣ 41.680 р. на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. 60.200 руб. на хозяйственные расходы, 17.000 на жалованье сверхштатнымъ служащимъ, 9.000 на добавочное жалованье профессорамъ и т. д.); подлежатъ израсходованію на покрытіе смѣтныхъ назначеній еще 199.000, такъ что остается свободныхъ 56.446 р. Кромѣ того отъ продажи растеній ботаническаго сада, сбора съ экзаменующихся фармацевтовъ и сбора за лѣченіе въ клиникахъ собрано было въ теченіе 1896 г. 58.000, да оставалось къ 1-му января 1896 г. 57.000, всего 115.000; израсходовано 48.000; такимъ образомъ университетъ расходовалъ помимо процентовъ съ своихъ капиталовъ—до 1.470.000 р, Капиталовъ университета состояло 3.264.917 р., проценты съ которыхъ и шли на разнообразную помощь учащимся.

Въ истекшемъ году капиталы университета получили довольно значительныя приращенія—всего свыше 750.000 р.; вообще въ Московскій университетъ пожертвованія притекаютъ постоянно. Университетъ получилъ: по завѣщанію потомственнаго почетнаго гражданина Владиміра Ивановича Щукина 70.000 р., проценты съ которыхъ послѣ смерти его брата И. И. Щукина предназначены на слѣдующія благотворительныя дѣла: 30.000 руб. для учрежденія 4-хъ стипендій имени завѣщателя—двухъ на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета и двухъ на медицинскомъ факультетѣ; 20.000 р., проценты съ конхъ поровну имѣютъ быть выдаваемы за лучшія сочиненія — одно по химіи и другое по физіологіи; 20.000 руб. на устройство изъ процентовъ съ этого капитала безплатныхъ кроватей имени завѣщателя въ психіатрической клиникѣ и въ клиникѣ дѣтскихъ болѣзней. Отъ присяжнаго повѣреннаго округа московской судебной палаты Николая Михайловича Городецкаго 23.700 руб. на учрежденіе трехъ стипендій имени умершихъ дѣтей его — сыновей Николая и Александра и дочери Лидіи Городецкихъ, для студентовъ историко-филологическаго, юридическаго и медицинскаго факультетовъ. По духовному завѣщанію коллежскаго совѣтника Михаила Ивановича Иванова 16.400 руб. на учрежденіе трехъ стипендій имени завѣщателя для студентовъ физико-математическаго факультета и 15.800 руб. на учрежденіе при физико-математическомъ факультетѣ московскаго университета стипендіи имени М. И. Иванова для лицъ, оставленныхъ при университетѣ для приготовленія

Библиотека "Руниверс"

къ профессорскому званію. Отъ профессора московскаго университета А. А. Остроумова, статскаго совѣтника С. А. Муромцева и потомственнаго почетнаго гражданина С. В. Лепешкина 8.000 руб. на учрежденіе стипендіи имени профессора Александра Ивановича Чупрова для студентовъ юридическаго факультета. Отъ бывшихъ учениковъ и почитателей профессора московскаго университета Александра Богдановича Фохта внесены 8.000 руб. на учрежденіе стипендіи его имени для студентовъ медицинскаго факультета въ память двадцатипятилѣтней его ученой дѣятельности. Отъ ближайшихъ учениковъ его же, профессора А. Б. Фохта, представлены 2.000 р. на учрежденіе премін его имени на медицинскомъ факультетѣ для врачей и воспитанниковъ Московскаго университета. По завѣщанію генералъ-лейтенанта Ѳедора Агафоновича Преображенскаго поступили 5.000 р. на учрежденіе одной стипендіи имени завѣщателя при Московскомъ университетѣ. Отъ семьи бывшаго заслуженнаго профессора Московскаго университета и президента московскаго математическаго общества Августа Юльевича Давидова внесены 3.000 руб. на учрежденіе премін имени А. Ю. Давидова на физико-математическомъ факультетѣ. По завѣщанію потомственной почетной гражданки Анны Степановны Старшиной поступили 5.000 р. на учрежденіе при университетѣ стипендіи имени завѣщательницы. Отъ присяжнаго повѣреннаго округа московской судебной палаты Ивана Тимофеевича Сакса поступили 2.365 руб. на учрежденіе стипендіи имени присяжнаго повѣреннаго Ѳедора Никифоровича Плевако для студентовъ юридическаго факультета.

Въ 1896 г. Московская городская дума пожертвовала университету участокъ земли въ 1.200 кв. саженъ для сооруженія на немъ музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III съ тѣмъ, чтобы музей со всѣми его коллекціями былъ собственностью Московскаго университета и находился въ непосредственномъ его завѣдываніи, чтобы означенный музей и всѣ его коллекціи въ опредѣленное время были доступны публикѣ и чтобы въ его зданіи на видномъ мѣстѣ была надпись, напоминающая, что земля подъ этотъ музей пожертвована Московскою городскою думой. Потомственная почетная гражданка Юлія Ивановна Базанова пожертвовала въ собственность Императорскаго Московскаго университета зданіе для клиники ушныхъ, носовыхъ и горловыхъ болѣзней, выстроенное на принадлежащей ей землѣ на Дѣвичьемъ полѣ съ полнымъ при ней обзаведеніемъ. Сверхъ того, Ю. И. Базанова внесла въ университетъ

Библиотека "Руниверс"

515.000 руб. на постоянное содержаніе этой клиники. Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Иванъ Николаевичъ Новацкій пожертвовалъ 50.000 р. на общежитія для студентовъ. Потомственная почетная гражданка Юлія Ивановна Базанова представила 3.000 руб., какъ основаніе капитала на устройство студенческой библіотеки при медицинскомъ факультетѣ.

Министръ финансовъ статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ С. Ю. Витте, посѣтивши университетъ 12-го мая и 7-го іюня 1896 г., внимательно осмотрѣлъ его аудиторіи и учебно-вспомогательные его заведенія; въ послѣдніе годы особая комиссія при университетѣ выработала общій планъ перестройки университета, на что потребуется до 2.000.000 р.; министръ финансовъ, въ результатѣ своего обозрѣнія университетскихъ зданій, выразилъ свое согласіе на ходатайство университета объ отпускѣ 1.085.000 р., потребныхъ на начало этихъ работъ.

Милостивый знакъ высокаго вниманія Государя Императора къ нуждамъ русскаго просвѣщенія и учащейся молодежи явленъ былъ Высочайшимъ повелѣніемъ: на устройство въ Москвѣ, при участіи казны и частныхъ благотворителей, общежитія для студентовъ „отпустить изъ Государственнаго Казначейства, въ видѣ почина, 800.000 руб.".

II.

ИМПЕРАТОРСКІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1896 ГОДУ.

Въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ къ 1-му января 1897 г. состояли: профессоръ богословія 1, ординарныхъ 57 (въ томъ числѣ 23 заштатныхъ), экстраординарныхъ 14 (въ томъ числѣ 1 заштатный и 4 сверхштатныхъ), академикъ 1, лекторовъ новыхъ языковъ 3, восточныхъ 3, приватъ-доцентовъ 92 (въ числѣ ихъ и два лектора), астрономъ наблюдатель 1, прозекторъ 1, препараторъ при каѳедрѣ физики 1, лаборантовъ и хранителей кабинетовъ 46 (изъ нихъ 8 были вмѣстѣ съ тѣмъ и приватъ-доцентами)—всего по учебной части состояло при университетѣ 212 лицъ. По факультетамъ преподаватели распредѣлялись такъ: на историко-филологическомъ факультетѣ было 49 преподавателей (13 ординарныхъ профессоровъ, 3 экстраординарныхъ и 33 приватъ-доцента), на юридическомъ—34 преподавателя (11 ординарныхъ профессоровъ, 5 экстраординарныхъ

Библиотека "Руниверс"

и 18 приват-доцентовъ), на физико-математическомъ — 61 преподаватель (23 ординарные профессора, 4 экстраординарные и 34 приват-доцента) и на факультетѣ восточныхъ языковъ—19 преподавателей (9 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарные и 8 приватъ-доцентовъ). На не преподавательскихъ должностяхъ было при университетѣ по прежнему 23 человѣка.

Въ теченіе 1896 г. въ составѣ преподавателей С.-Петербургскаго университета произошли слѣдующія перемѣны:

Приватъ-доцентъ И. П. Ждановъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ на каѳедрѣ русскаго языка и русской литературы; приватъ-доценты Г. В. Форстенъ, В. Т. Шевяковъ и А. Е. Фаворскій назначены сверхштатными экстраординарными профессорами: Форстенъ — по каѳедрѣ всеобщей исторіи, Шевяковъ — по каѳедрѣ зоологіи, сравнительной анатоміи и физіологіи, и Фаворскій—по каѳедрѣ технологіи и технической химіи; допущены къ чтенію лекцій въ званіи приватъ-доцентовъ: *по историко-филологическому факультету*: С. Л. Штейнъ—по каѳедрѣ славянской филологіи, В. Н. Перетцъ—по каѳедрѣ русскаго языка и русской словесности, Б. А. Тураевъ—по каѳедрѣ всеобщей исторіи; *по физико-математическому факультету*: Н. А. Булгаковъ—по каѳедрѣ физики, В. А. Кистяковскій—по каѳедрѣ химіи; *по юридическому факультету*: В. М. Грибовскій и В. М. Гессенъ — по каѳедрѣ государственнаго права; И. М. Гвоздевъ—по судебной медицинѣ; *по факультету восточныхъ языковъ*: В. В. Бартольдъ и Д. М. Позднѣевъ — по каѳедрѣ исторіи востока; экстраординарный профессоръ Новороссійскаго университета И. А. Ивановскій переведенъ на службу въ С.-Петербургскій университетъ экстраординарнымъ же профессоромъ по каѳедрѣ государственнаго права; ординарный профессоръ по каѳедрѣ государственнаго права Н. М. Коркуновъ перемѣщенъ тѣмъ же званіемъ на каѳедру энциклопедіи права и исторіи философіи права; академикъ А. С. Фаминцынъ прекратилъ чтеніе лекцій въ университетѣ; изъ состава приватъ-доцентовъ кромѣ И. Н. Жданова, Г. В. Форстена, В. Т. Шевякова и А. Е. Фаворскаго, — назначенныхъ профессорами С.-Петербурскаго университета,—выбыли М. Н. Крашенинниковъ и Н. И. Андрусовъ—назначенные профессорами другихъ университетовъ, Э. Д. Гримъ—назначенный приватъ-доцентомъ Казанскаго университета, М. П. Петровъ—перешедшій на службу въ Государственный Контроль, П. О. Морозовъ, В. П. Михайловъ, П. А. Висковатовъ и Н. Н. Баженовъ—прекратившіе чтеніе лекцій въ университетѣ; умерли: за-

Библиотека "Руниверс"

служенный профессоръ И. Н. Березинъ, экстраординарный профессоръ С. А. Бершадскій, исправлявшій должность экстраординарнаго профессора А. И. Незеленовъ, приватъ-доцентъ И. М. Гвоздевъ и хранитель кабинета физической географіи А. Н. Барановскій.

Изъ числа почетныхъ членовъ университета умерли: профессоръ Московскаго университета Анатолій Петровичъ Богдановъ (родился въ 1834 г., умеръ 16-го марта 1896 г.), заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Илья Николаевичъ Березинъ (родился въ 1812 г., умеръ 22-го марта 1896 г.). академикъ Берлинской академіи наукъ, Дюбуа Реймонъ (умеръ 6-го декабря 1896 г.); въ началѣ уже 1897 г. умерли почетные члены — ординарный академикъ, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета, Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ (родился въ 1829 г., умеръ 2-го января 1897 г.) и лейбъ-медикъ Николай Ѳедоровичъ Здекауеръ (родился въ 1815 г., умеръ 18-го января 1897 г.); 9-го мая 1896 г. скончался бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета Егоръ Егоровичъ Замысловскій. Званіе почетныхъ членовъ университета приняли. съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Александръ Михаиловичъ и Георгій Михаиловичъ.

Въ 1896 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ получили степень доктора 4 магистра и степень магистра — 6 магистрантовъ. — Степень доктора получили: *по физико-математическому факультету*: Д. А. Граве — степень доктора чистой математики, по защищеніи диссертаціи „Объ основныхъ законахъ математической теоріи построенія географическихъ картъ“; В. Т. Шевяковъ—степень доктора зоологіи, по защищеніи диссертаціи „Организація и систематика Infusoria Aspirotricha (Holotricha auctorum“); Ю. Н. Вагнеръ—степень доктора зоологіи, по защищеніи диссертаціи „Наблюденія надъ развитіемъ Arthropoda“ и П. А. Земятченскій—степень доктора минералогіи и геогнозіи, по защищеніи диссертаціи „Каолинитовыя образованія южной Россіи“; степень магистра получили: *по физико-математическому факультету*: Н. М. Кижнеръ — степень магистра химіи, по защищеніи диссертаціи „Амины и гидразины полиметиленоваго ряда“; Ѳ. Ѳ. Селивановъ—степень магистра химіи, по защищеніи диссертаціи „Къ вопросу о галоидныхъ соединеніяхъ азота“; Г. А. Шнейдеръ—степень магистра зоологіи, по защищеніи диссертаціи „I. О развитіи половой системы у костистыхъ рыбъ. II. О фагоцитарныхъ органахъ и хлоразогенныхъ клѣткахъ олигохетъ“; *по*

Библиотека "Руниверс"

юридическому факультету: А. Г. Гусаковъ—степень магистра гражданскаго права, по защищеніи диссертаціи „Деликты и договоры"; баронъ М. А. Таубе — степень магистра международнаго права, по защищеніи диссертаціи „Исторія зарожденія современнаго международнаго права" и *по факультету восточныхъ языковъ*: Г. А. Халатьянцъ—степень магистра армянской словесности, по защищеніи диссертаціи „Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго".

Кромѣ того, приватъ-доцентъ С. Ѳ. Глинка получилъ степень доктора минералогіи и геонозіи, по защитѣ въ Казанскомъ университетѣ диссертаціи „Химическій составъ и оптическія свойства альбитовъ изъ русскихъ мѣсторожденій".

Еженедѣльно въ С.-Петербургскомъ университетѣ читалось 684 лекціи; на историко-филологическомъ факультетѣ—159, на юридическомъ—176, на физико-математическомъ—226 и на восточномъ—123; кромѣ того на всѣхъ факультетахъ, особенно на физико-математическомъ, происходили подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей практическія занятія. Предметомъ изученія на историко-филологическомъ факультетѣ были: „Пиръ" Платона, „Иракль" Еврипида и избранныя произведенія и отрывки греческихъ лириковъ, Аристотеля Πολιτεία Ἀθηναίων, „Анналы" Тацита, „Рѣчь за Росція Амерійскаго" и „De officiis" Цицерона, „Форміонъ", Теренція и сочиненія Юлія Цезаря. Кромѣ обязательныхъ, положенныхъ по программѣ курсовъ, объявлены были еще слѣдующіе: „Филологическая энциклопедія" (проф. Зѣлинскій) „Фонологія и діалектологія литовскаго языка" и „Археологія Литвы" (прив.-доц. Вольтеръ), „Обзоръ вопросовъ сравнительнаго синтаксиса индоевропейскихъ языковъ" (прив.-доц. Кудрявскій), „Исторія древнерусской переводной литературы" и „Заимствованныя слова" (проф. Соболевскій), „Гоголь" (проф. Ждановъ), „Введеніе въ эпосъ" (прив.-доц. Перетцъ), „Чешская грамматика", „Сербская грамматика" (прив.-доц. Лось), „Исторія русскаго литературнаго языка петровскаго періода" (прив.-доц. Волковъ), „Общій курсъ исторіи польской литературы" (прив.-доц. Пташицкій), „Курсъ исторической энциклопедіи" (проф. Карѣевъ), „Исторія нѣмецкой исторіографіи съ эпохи возрожденія" (проф. Форстенъ), „Вѣкъ Комниновъ" (прив.-доц. Регель), „Исторія Франціи до распаденія монархіи Карла Великаго" (прив.-доц. Гревсъ), „Исторія древняго Востока со времени Гиксовъ" и „Исторія древней Эѳіопіи" (прив.-доц. Тураевъ), „Исторія служилаго сословія въ XV—XVII вѣкахъ" и „Историческая географія Московскаго государства (XV—

Библиотека "Руниверс"

XVII вѣковъ)" (прив.-доц. Середонинъ), „Историческая поэтика: исторія сюжета, исторія стиля" (проф. Веселовскій), „Исторія англійской литературы" (прив.-доц. Ланге), „Исторія нѣмецкаго литературнаго языка", „Готскій языкъ" (прив.-доц. Браунъ), „О дуализмѣ и дуалистическихъ представленіяхъ народовъ въ миѳѣ и поэзіи" (прив.-доц. Мандельштамъ). На юридическомъ факультетѣ читаны было совмѣстно нѣсколькими профессорами курсы по слѣдующимъ предметамъ: по политической экономіи (проф. Георгіевскій и прив.-доц. Исленъ), статистикѣ (проф. Кауфманъ, проф. Ходскій и прив.-доц. Яроцкій), финансовому праву (проф. Лебедевъ, проф. Ходскій и прив.-доц. Судейкинъ), по догмѣ римскаго права (прив.-доц. Кремлевъ и прив.-доц. Гриммъ), русскому государственному праву (проф. Ивановскій и прив.-доц. Свѣшниковъ), по гражданскому праву (проф. Дювернуа, проф. Гольмстенъ и прив.-доц. Вальтеръ). На юридическомъ факультетѣ сверхъ курсовъ, опредѣленныхъ по учебному плану читаны были: „Нотаріатъ въ Россіи", „Реформы гражданскаго процесса на Западѣ" (прив.-доц. Адамовичъ); „Вексельное право" (прив.-доц. Каминка); „Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ" (прив.-доц. Тимофѣевъ); „Судебная медицина" (прив.-доц. Косоротовъ); „Судебная психіатрія" (прив.-доц. Томашевскій); „Судебная психопатологія" (прив.-доц. Баженовъ); „Практика судебной медицины" (прив.-доц. Гвоздевъ); „Дворянскіе и городскіе наказы 1767 года" (проф. Латкинъ); „Государственное право иностранныхъ державъ" (прив.-доц. Дымша); „Общее ученіе о государствѣ" (прив.-доц. Гессенъ); „Исторія науки полиціи" (проф. Ведровъ); „Статистическій обзоръ русскихъ финансовъ сравнительно съ финансами главнѣйшихъ иностранныхъ государствъ" (проф. Лебедевъ); „Пути сообщенія въ народномъ хозяйствѣ и государствѣ" (проф. Георгіевскій); „Очерки экономическихъ системъ" (прив.-доц. Яроцкій).

Списокъ ученыхъ трудовъ, изданій и сообщеній, сдѣланныхъ 76-ю изъ профессоровъ и преподавателей университета въ 1896 г. обнимаетъ почти 300 названій; въ ученыхъ командировкахъ внутри Россіи и за границей были 11 человѣкъ.

Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1896 году было 86. По факультетамъ они распредѣлялись такимъ образомъ: при историко-филологическомъ факультетѣ состояло 19; при физико-математическомъ 29; при юридическомъ 33; при факультетѣ восточныхъ языковъ 5; изъ этого числа получали стипендіи 32; оставлены были при университетѣ безъ стипендій 54.

Библиотека "Руниверс"

Студентовъ и постороннихъ слушателей къ 1-му января 1896 года числилось: студентовъ 3.057 и постороннихъ слушателей — 45, а всего 3.102; въ отчетномъ году поступило: 1.040 студентовъ (изъ гимназій—761, изъ университетовъ—76, изъ духовныхъ семинарій—33, изъ другихъ учебныхъ заведеній—64, вновь поступило бывшихъ студентовъ—106), выбыло—777 (по окончаніи курса—519, до окончанія курса—258) и къ 1-му января 1897 года числилось: студентовъ—3.320 и постороннихъ слушателей—72, а всего—3.392.

Изъ общаго числа студентовъ состояло: на факультетѣ историко-филологическомъ 172; на физико-математическомъ 1.181 (на математическомъ разрядѣ 508, на естественномъ 673); на юридическомъ 1.842 и на факультетѣ восточныхъ языковъ 125.

Въ теченіи 1896 года на основаніи устава 1884 года выдано выпускныхъ свидѣтельствъ — 516, а именно: по факультету историко-филологическому 35; по физико-математическому: по разряду математическихъ наукъ 59; по разряду естественныхъ наукъ 74; по юридическому 333; по факультету восточныхъ языковъ 15. Въ томъ же году на основаніи устава университетовъ 1863 года утверждены въ степени кандидата: по юридическому факультету 2 и удостоены званія дѣйствительнаго студента: по разряду математическихъ наукъ 1; по разряду естественныхъ наукъ 1.

На предложенныя факультетами темы представлено было въ концѣ 1896 года двадцать шесть сочиненій и одно сочиненіе на соисканіе премія имени заслуженнаго профессора Ю. Э. Янсона, всего 27 сочиненій; изъ числа ихъ два удостоены награды золотыми медалями, двѣнадцать—серебряными медалями, шесть сочиненій удостоены почетныхъ отзывовъ и семь сочиненій награды не удостоены.

Золотыми медалями награждены студенты: VI семестра историко-филологическаго факультета Григорій Ильинскій за сочиненіе „Орбольская тріодь“ и студентъ VIII семестра юридическаго факультета Владиміръ Пландовскій, за сочиненіе „Народная перепись“ причемъ сочиненіе это постановлено напечатать на счетъ университета. Серебряными медалями награждены студенты: историко-филологическаго факультета VI семестръ Петръ Фридолинъ, за сочиненія „Марсилій Падуанскій“; юридическаго факультета: студенты VI семестра Евгеній Андреевскій и VIII семестра Михаилъ Сазоновъ и прослушавшій курсъ наукъ Николай Варадиновъ, за сочиненія на тему „О недѣйствительности юридическихъ сдѣлокъ по русскому праву“, студенты: IV семестра Николай Гаршиновъ и VIII семестра Николай Стремо-

Библиотека "Руниверс"

уховъ и Михаилъ Немировскій—за сочиненія: „О третейскомъ международномъ судѣ“ и студентъ VI семестра Александръ Шебановъ, за сочиненіе на тему „Народная перепись“; физико-математическаго факультета: студенты VI семестра Леонъ Симановичъ—за сочиненіе на тему „Историческій очеркъ и современное состояніе вопроса о строеніи терпеновъ“, Владиміръ Шатровъ — за сочиненіе о „Вліяніи вещества на скорость распространенія свѣта“ и студенты VIII семестра: Константинъ Васильевъ за сочиненіе „О вліяніи атмосферическихъ перемѣнъ на состояніи животнаго организма“ и Алексѣй Мулинъ за сочиненіе „О микроструктурѣ мѣловыхъ коралловъ“. Почетный отзывъ за свои сочиненія получили студенты: историко-филологическаго факультета: Владиміръ Балкъ и Владиміръ Овсянниковъ, юридическаго Николай Растеряевъ, Николай Нечаевъ и Дмитрій фонъ Гибшманъ и факультета восточныхъ языковъ Эдуардъ Шиндлеръ.

Для соисканія наградъ медалями въ будущемъ году предложены студентамъ университета слѣдующія темы: Исторія IV Скиескаго легіона (Legio IV Scythica)—продолжена на 1 годъ; Дѣло А. Клуенція и участіе въ немъ Цицерона (на 1 годъ); Отношенія Польши къ папству и Имперіи до конца XIII и начала XIV вѣка,—сравнить съ тѣми же отношеніями Чехіи за тотъ же періодъ (на 2 года); Языкъ Святославова сборника 1073 г. (на 1 годъ); Борьба съ татарщиной въ эпическомъ изображеніи русскихъ былинъ (на 2 года); Сказаніе Аѳродитіана Персянина сравнительно съ греческою повѣстью о событіяхъ въ Персидѣ (Ἐξήγησις περὶ τῶν ἐν Περσίδι πραχθέντων) (на 1 годъ); Очеркъ исторіи русской басни до Крылова (на 2 года); Организаціонная работа Наполеона I во Франціи въ эпоху консульства; Собрать свѣдѣнія объ окрашиваніи жидкостей растворенными тѣлами и изложить касающіяся этого предмета теоріи; Изучить эмбріональное развитіе одного изъ низшихъ червей; Изучить строеніе и развитіе непарнаго глаза у Chordata; Антропологическая характеристика одной изъ народностей, обитающихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи; Теорія гальваническихъ элементовъ; Объ интегрированіи дифференціаловъ, содержащихъ корень квадратный изъ цѣлаго полинома; О выдѣленіи слизи растительными клѣтками. (Изучить строеніе, физическія и химическія свойства этой слизи. Выяснить условія ея выдѣленія путемъ наблюденія и опытовъ)—(всѣ на 1 г.). Possessio juris,—владѣніе правомъ; Доходъ на капиталъ; Политическое ученіе Руссо; Восьмизнаменныя войска Дайцинской династіи въ

Библиотека "Руниверс"

ихъ историческомъ развитіи и нынѣшнемъ состояніи. Кромѣ того, остается предложенная въ прошломъ году тема для соисканія преміи имени покойнаго проф. Ильенкова *по физической географіи и метеорологіи*: Снѣгъ и ледъ на равнинахъ прибрежныхъ и на внутреннихъ водахъ. Условія ихъ образованія, залеганія и таянія. Температура въ нихъ. Вліяніе на температуру почвы, воды и воздуха. Кромѣ того: 1) предлагается на соисканіе преміи имени заслуженнаго проф. Ю. Э. Янсона тема по *статистикѣ*, на три года: „Исторія цѣнъ въ Россіи въ XIX вѣкѣ", и 2) сохраняется предложенная въ 1896 г. на два года тема для соисканія преміи имени Мирзы Топчибашева, по *полицейскому праву*: „Значеніе Р. фонъ-Моля въ наукѣ полиціи".

При С.-Петербургскомъ университетѣ состояли слѣдующія вспомогательныя учрежденія: библіотека, музей древностей и изящныхъ искусствъ, минцъ-кабинетъ, астрономическій кабинетъ и обсерваторія, метеорологическая обсерваторія и кабинетъ физической географіи; кабинеты практической механики, антропологіи и географіи, физическій, минералогическій, геологическій и палеонтологическій, агрономическій, зоологическій, зоотомическій, физіологическій, анатомо-гистологическій, ботаническій съ оранжереей и садомъ, статистическій, уголовнаго права, химическая лабораторія и кабинетъ судебной медицины, какъ особое отдѣленіе анатомическаго кабинета. Среди этихъ учрежденій первое мѣсто занимаетъ библіотека. Въ 1896 году библіотека Императорскаго С.-Петербургскаго университета пріобрѣла покупкою: 1.422 названія въ 3.260 томахъ на сумму 12.553 руб. и получила въ даръ отъ разныхъ учрежденій, русскихъ и иностранныхъ, отъ авторовъ, переводчиковъ, издателей и частныхъ жертвователей 2.698 названій въ 4.452 томахъ—всего прибыло 4.120 названій въ 7.712 томахъ, исключено изъ инвентаря 9 названій въ 11 томахъ; къ 1-му января 1896 года состояло 104.959 названій въ 237.151 томѣ; къ 1-му января 1897 года состоитъ въ библіотекѣ 109.070 названій въ 244.852 томахъ. Наиболѣе цѣнныя пожертвованія сдѣлали Его Императорское Высочество Великій Князь Георгій Михаиловичъ; его сіятельство г-нъ министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ; оберъ-прокуроръ святѣйшаго правительствующаго синода К. П. Побѣдоносцевъ; попечитель Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскій; ректоръ университета П. В. Никитинъ; деканъ историко-филологическаго факультета И. В. Помяловскій и др. Изъ русскихъ учрежденій наиболѣе щедрое пожертвованіе сдѣлалъ первый департаментъ сената, согласившійся по-

Библиотека "Руниверс"

дарить библіотекѣ томы его изданій, недостававшіе въ библіотекѣ. Въ концѣ года племянница покойнаго писателя Н. Н. Страхова черезъ своего мужа, преподавателя Кіевскаго реальнаго училища Ивана Павловича Матченко, принесла въ даръ университету всю библіотеку своего покойнаго дяди (около 14.000 томовъ) весьма цѣнную во всѣхъ отношеніяхъ; къ пріему и каталогизаціи ея будетъ приступлено въ 1897 году. Въ минувшемъ году заявили желаніе пользоваться библіотекою и получили установленные на сей предметъ билеты 1633 студента; за истекшій 1896 г. выдано было студентамъ и посторонними читателямъ книгъ по 13.045 квитанціямъ. Съ разрѣшенія г-на министра народнаго просвѣщенія въ отчетномъ году библіотека открывалась и по вечерамъ. Дней, въ которые такимъ образомъ открыта была библіотека для вечернихъ занятій было въ истекшемъ году 93, посѣтителей 859 чел., изъ нихъ 59 профессоровъ и приватъ-доцентовъ, истребовано было 1089 томовъ.

При С.-Петербургскомъ университетѣ существуетъ семь ученыхъ обществъ, а именно: Императорское С.-Петербургское общество естествоиспытателей, учрежденное 21-го декабря 1868 г.; Филологическое общество, учрежденное 4-го февраля 1869 г.; Юридическое, учрежденное 22-го января 1877 г.; Русское физико-химическое, образовавшееся въ 1878 г. изъ соединенія двухъ отдѣльныхъ обществъ—физическаго и химическаго и состоящее нынѣ изъ двухъ отдѣленій; Русское антропологическое, учрежденное 10-го ноября 1887 г.; Неофилологическое, учрежденное 27-го сентября 1889 г.; Историческое, учрежденное 18-го октября 1889 г.

Императорское С.-Петербургское общество естествоиспытателей состояло подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Александра Михаиловича; три отдѣленія его имѣли 20 засѣданій, на которыхъ прочитано было 70 рефератовъ и сообщеній. Общество издало въ 1896 г. три выпуска XXVI тома „Трудовъ“. По порученію и на средства Общества производили въ разныхъ мѣстахъ Россіи экскурсіи и изслѣдованія ботаническія, зоологическія и геологическія слѣдующія лица: гг. Левандовскій, Антоповъ, Пурингъ, Сибирцевъ, Шмидтъ, Шульцъ, Графтіо, Пекарскій, Линко, Закусевъ, Ламанскій и Амалицкій.

Въ юридическомъ обществѣ къ 1-му января 1897 г. числилось 2 почетныхъ члена, 277 дѣйствительныхъ и 26 членовъ-сотрудниковъ. Три отдѣленія его имѣли 16 засѣданій, на которыхъ было сдѣлано 19 докладовъ.

Нео-филологическое общество къ 1-му января 1896 г. имѣло 3

Библиотека "Руниверс"

почетныхъ и 125 дѣйствительныхъ членовъ. Общихъ собраній состоялось въ отчетномъ году десять, на которыхъ заслушано было 20 сообщеній и рефератовъ.

Въ историческомъ обществѣ числятся 274 дѣйствительные члена и 1 членъ соревнователь. Въ теченіе года общество имѣло 9 собраній, причемъ присутствіе публики было допущено въ 3 засѣданіяхъ; научныхъ сообщеній было сдѣлано 10.

Разрѣшенныя въ 1894 году бесѣды по предметамъ факультетскаго преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ велись въ истекшемъ году подъ руководствомъ приватъ-доцента А. С. Лаппо-Данилевскаго. На 11 бесѣдахъ, происходившихъ обыкновенно по два раза въ мѣсяцъ, было прочитано и обсуждено 20 сообщеній. Нѣкоторыя изъ бесѣдъ происходили въ присутствіи гг. профессоровъ и приватъ-доцентовъ.

Денежныя средства С.-Петербургскаго университета въ минувшемъ году по прежнему состояли изъ 1) суммъ штатныхъ, 2) суммъ спеціальныхъ и 3) суммъ стипендіальныхъ.

Изъ штатныхъ суммъ университета, ассигнованныхъ по смѣтѣ 1896 г., а также изъ остатковъ отъ 1895 г., израсходовано было: на содержаніе личнаго состава университета 230.089 руб. 09 коп. и на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 136.660 руу. 47 к. Расходъ изъ спеціальныхъ суммъ былъ 131.154 р. 99 к.

Въ теченіе года выдано стипендій: изъ суммъ государственнаго казначейства: 160 студентамъ на сумму — 49.428 руб., изъ % съ пожертвованныхъ капиталовъ 101 студенту на сумму 22.690 руб. 95 коп. и изъ суммъ, высылаемыхъ разными учрежденіями— 51 студенту на сумму 13.608 руб. 97 к., а всего выдано стипендій 312 студентамъ на сумму 85.727 руб. 92 к., и пособій: изъ суммъ государственнаго казначейства: 207 студентамъ на сумму 2.946 р., изъ спеціальныхъ суммъ 133 студентамъ на сумму 1.956 р. и изъ другихъ источниковъ 134 студентамъ на сумму 2.856 р. 65 к., а всего 474 студентамъ на сумму 7.758 р. 65 к.; кромѣ того, освобождены были отъ платы въ пользу университета: на основаніи существующихъ правилъ въ первой половинѣ года 528 студентовъ на сумму 13.100 руб., во второй 569, на сумму 14.225 руб. и на основаніи Высочайшаго манифеста отъ 14-го мая въ первой половинѣ года 239 студентовъ на сумму 5.935 р.; во второй 105, на сумму 1.575 р.

Государь Императоръ въ 9-й день ноября 1896 г. Высочайше соизволилъ утвердить положеніе комитета министровъ о безвозмездной

Библиотека "Руниверс"

уступкѣ Императорскому С.-Петербургскому университету подъ постройку зданія для астрономической обсерваторіи части принадлежащаго таможенному вѣдомству Биржеваго сквера въ количествѣ 2.273,8 кв. саженъ. 18-го декабря 1896 г. Государь Императоръ Высочайше соизволилъ утвердить мнѣніе государственнаго совѣта объ отпускѣ съ 1-го января 1897 года на усиленіе преподаванія восточныхъ языковъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по 3.000 руб. въ годъ.

Стипендіальныя суммы университета увеличились въ теченіе года новыми пожертвованіями:

1) По духовному завѣщанію отставнаго полковника Емельяна Ивановича Юркевича отъ конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельной должницы М. Ѳ. Руадзе поступилъ капиталъ на учрежденіе стипендіи имени Е. И. Юркевича.

2) Коллежскій совѣтникъ М. К. Дембровскій пожертвовалъ 2.000 р. на учрежденіе стипендіи имени покойной сестры его, дворянки дѣвицы Пелагеи Ивановны Саханевой.

3) По духовному завѣщанію бывшаго члена государственнаго совѣта дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Павла Петровича Убри пожертвованы 5.000 р. на учрежденіе стипендіи имени завѣщателя.

4) Пожертвованъ собранный по подпискѣ между крестьянами Эстляндской губерніи капиталъ въ 3.021 р. 76 к. на учрежденіе стипендіи имени бывшаго Эстляндскаго губернатора князя Сергѣя Владиміровича Шаховскаго.

Библиотека "Руниверс"

НЕКРОЛОГЪ.

I.

Н. Г. Витте.

25-го іюля 1896 г. около 5-ти часовъ пополудни скончался за границей, въ Ёдляхѣ директоръ Бѣлостокскаго реальнаго училища Николай Германовичъ Витте, на 53-мъ году жизни.

По окончаніи курса наукъ въ Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ по физико-математическому факультету, покойный былъ назначенъ въ 1866 г. 23 декабря учителемъ математики въ Бобруйскую прогимназію. Плодотворная педагогическая дѣятельность Николая Германовича, который, кромѣ преподавательскихъ обязанностей, исправлялъ еще обязанности воспитателя и члена хозяйственнаго комитета, быстро обратила на себя вниманіе окружнаго начальства, и 1-го августа 1871 г. онъ переведенъ былъ въ Вильну, гдѣ состоялъ преподавателемъ математики, физики и естественныхъ наукъ въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ: классической гимназіи и высшемъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ. Можно думать, что переводъ Николая Германовича въ Вильну вызванъ былъ не столько намѣреніемъ поощрить молодаго преподавателя, сколько желаніемъ ближе присмотрѣться къ личности этого замѣчательнаго человѣка. И дѣйствительно, 1-го августа 1875 г. мы видимъ Николая Германовича въ роли директора Пинскаго реальнаго училища. — Всякому извѣстно, какъ тяжела нравственная обстановка службы на нашихъ западныхъ окраинахъ, тѣмъ болѣе это можно сказать относительно службы на административно-педагогическомъ поприщѣ. Николай Германовичъ

Библиотека "Руниверс"

высоко держалъ русское знамя и, благодаря своему уму и неустанной энергіи, съ честью вышелъ изъ этого положенія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ занесенная подъ 1882 г. въ его формулярный списокъ благодарность г. попечителя округа за успѣшные и усердные труды по управленію Пинскимъ реальнымъ училищемъ и журналъ засѣданія Пинской городской думы отъ 5-го апрѣля 1882 года, въ коемъ выражается благодарность Николаю Германовичу за учрежденіе по его иниціативѣ въ Пинскѣ общества вспомоществованія нуждающимся ученикамъ и вообще за его горячее отношеніе къ дѣлу образованія пинской молодежи. Отъѣздъ Николая Германовича изъ Пинска въ Бѣлостокъ, куда онъ былъ перемѣщенъ на тотъ же постъ 5-го марта 1882 г., былъ днемъ сѣтованія не только для сослуживцевъ и учениковъ, но и для горожанъ. Въ бумагахъ покойнаго сохранилось много писемъ, свидѣтельствующихъ о неподдѣльной благодарности „глубокоуважаемому начальнику", „товарищу", „дорогому наставнику и отцу".

Дѣятельность покойнаго въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ составляетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи этого заведенія. Въ сравнительно короткое время Николай Германовичъ измѣнилъ до неузнаваемости внѣшній видъ заведенія и цѣлесообразными мѣрами поднялъ успѣшность учащихся до той высоты, которая лучше всего опредѣляется количествомъ поступившихъ въ спеціальныя высшія учебныя заведенія: можно сказать, что ученики Бѣлостокскаго реальнаго училища при поступленіи въ высшія учебныя заведенія стояли внѣ всякой конкуренціи. — Заботясь о научномъ образованіи питомцевъ ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, Николай Германовичъ обращалъ вниманіе и на другія стороны образованія и еще задолго до введенія музыки въ кругъ предметовъ реальнаго училища успѣлъ развить въ учащихся любовь къ этому дѣлу заботами объ устройствѣ хорошаго хора, литературно-музыкальныхъ вечеровъ, ученическихъ концертовъ и т. п. Сердечное отношеніе Николая Германовича къ своему дѣлу невольно передавалось и мѣстному обществу, отзывчивость котораго къ нуждамъ школы выражалась крупнымъ пожертвованіемъ на пріобрѣтеніе смежнаго съ училищемъ участка земли и дома для квартиръ тѣмъ лицамъ учебнаго персонала, которыя имѣютъ на это право, а равно—участіемъ въ дѣятельности общества вспомоществованія нуждающимся ученикамъ, въ устройствѣ концертовъ, спектаклей въ пользу этого общества и т. д.

Отданный всею душою дѣлу воспитанія молодежи, Николай Гер-

Библиотека "Руниверс"

мановичъ стремился сблизить семьи со школою и искалъ этого сближенія на поприщѣ благотворительной дѣятельности. Состоя предсѣдателемъ и членомъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій и гласнымъ думы, Николай Германовичъ снискалъ себѣ всеобщее уваженіе, какъ неутомимый работникъ, часто на себѣ одномъ выносившій всю тяжесть дѣла. Нужно было удивляться его энергіи и силамъ; казалось, ни одна минута не пропадала у него даромъ.

Въ принципіальныхъ вопросахъ это былъ человѣкъ строгій безъ отклоненій, безъ дружбы и безъ вражды, и рядомъ съ этою непреклонною нравственною требовательностію, прилагаемою безусловно къ собственной личности, уживалось доброе, мягкое и гуманное чувство въ частныхъ проявленіяхъ личной жизни и готовность помочь и матеріально и нравственно.

На учащуюся молодежь Николай Германовичъ всегда оказывалъ большое нравственное вліяніе. Ученики уважали въ лицѣ своего директора человѣка, глубоко преданнаго дѣлу, постоянно работающаго, отзывчиваго ко всѣмъ ихъ нуждамъ, горячо и страстно преданнаго интересамъ школы,—человѣка высочайшей честности, непреклонной прямоты и совершеннѣйшей искренности своихъ воззрѣній, правилъ и поступковъ. Самъ не отступавшій отъ своихъ высокихъ идеаловъ, Николай Германовичъ безпощаднымъ словомъ мѣткаго и сурового обличенія казнилъ другихъ за отступленіе отъ идеаловъ правды и добра. Впечатлѣніе его словъ усиливалось живою игрой его глазъ и лица, краснаго, изящнаго, благороднаго, способнаго выражать оттѣнки разнообразныхъ чувствъ. Ученики не знали за Николаемъ Германовичемъ отклоненій отъ правилъ законности, честности, правды и добра, и онъ казался имъ олицетвореніемъ идеала въ дѣйствительности. Для нихъ Николай Германовичъ—символъ всего лучшаго въ природѣ человѣческой, яркій лучъ свѣта изъ временъ школьной жизни. Кому изъ бывшихъ его питомцевъ случалось пріѣзжать въ Бѣлостокъ, для того было нравственною потребностью побывать у него, подѣлиться съ нимъ своимъ горемъ и радостью, освѣжиться въ бесѣдѣ съ нимъ. И къ нимъ покойный относился замѣчательно тепло, съ сердечнымъ отеческимъ участіемъ къ ихъ нуждамъ, радости и горю. И измученные дрязгами житейскими уходили отъ него, очарованные его рѣчами, ободренные свѣтлою вѣрой въ торжество разума, правды и добра, которою самъ покойный былъ глубоко проникнутъ. — Тяжело обществу терять такого дѣятеля, но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ, еще тяжелѣе потерять человѣка, который

Библиотека "Руниверс"

зналъ и умѣлъ учить „чѣмъ люди живы“. Его жизнь, полная беззавѣтной преданности дѣлу, чуждая житейской суеты, далекая отъ борьбы и столкновенія личныхъ интересовъ, да послужитъ образцомъ для тѣхъ, кого онъ воспитывалъ, опорою для колеблющихся и утѣшеніемъ для тѣхъ, которые избрали такой же путь. Смерть прекратила его земную жизнь, но запечатлѣла въ насъ его образъ, представленіе о его трудовой жизни отъ ея начала до конца. Да дастъ ему Господь, по отшествіи отъ насъ, услышать тѣ неизреченные на языкѣ человѣческомъ глаголы, которые составляютъ радость и блаженство сущихъ въ небесныхъ обителяхъ Отца свѣтовъ и Господа разумовъ!

Романовскій.

II.

П. Г. Лебединцевъ.

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго года Кіевская духовная академія, а вмѣстѣ съ нею и историческая наука въ области изученія юго-западнаго края, понесли двѣ тяжелыя утраты въ лицѣ скончавшихся протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева и профессора Ивана Игнатьевича Малышевскаго.

П. Г. Лебединцевъ скончался 3-го декабря 1896 г. въ Кіевѣ. Онъ происходилъ изъ священническихъ дѣтей, родился въ 1819 г., воспитывался въ Кіевской духовной семинаріи и Кіевской академіи и по окончаніи курса въ послѣдней въ 1843 г. началъ службу преподавателемъ русской словесности въ Орловской духовной семинаріи. Но преподавательская дѣятельность не удовлетворяла его; въ 1851 году онъ принялъ священство и былъ назначенъ законоучителемъ въ гимназію въ Бѣлой Церкви. Среди обязательныхъ занятій онъ чуть ли не съ первыхъ лѣтъ службы на этомъ мѣстѣ сталъ ратовать за устройство школъ для крестьянъ; но только въ 1857 г. ему удалось устроить четыре школы; впослѣдствіи онѣ послужили образцомъ для устройства подобныхъ же въ Кіевской епархіи и въ другихъ. Въ 1855—1856 гг. П. Г. Лебединцевъ игралъ дѣятельную роль въ усмиреніи крестьянъ, благодаря своему высокому проповѣдническому таланту; въ то же время онъ явился сохранителемъ немногихъ памятниковъ мѣстной русской старины. Въ концѣ 1860 г. онъ былъ переведенъ

Библиотека "Руниверс"

въ Кіевъ, гдѣ и умеръ, уже въ санѣ протоіерея каѳедральнаго Кіево-Софійскаго собора. Первымъ его дѣломъ, по прибытіи въ Кіевъ, было основаніе *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей*, редакторомъ которыхъ онъ и состоялъ, съ небольшими перерывами, до конца жизни. Затѣмъ его дѣятельность была обращена на устройство, улучшеніе двухъ женскихъ епархіальныхъ училищъ и на завѣдываніе ими. Весьма дѣятельнымъ членомъ былъ онъ въ комиссіи для разбора древнихъ актовъ (съ 1863 г.), въ комиссіи по обновленію Спасской церкви (1864—1865 гг.), въ комиссіи по реставраціи Софійскаго собора, и въ церковно-археологическомъ обществѣ при Кіевской духовной академіи.

Съ переходомъ П. Г. Лебединцева въ Кіевъ началась его 35-тилѣтняя непрерывная ученая дѣятельность въ области изученія мѣстной старины, дѣятельность, которая стяжала ему обширную извѣстность. Всѣхъ литературныхъ трудовъ за этотъ періодъ весьма много, но большинство изъ нихъ представляютъ небольшія статьи въ нѣсколько страницъ. Большинство статей своихъ Лебединцевъ печаталъ въ *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*, *Трудахъ Кіевской духовной академіи*, *Чтеніяхъ историческаго общества лѣтописца Нестора*, *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*, *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ*, *Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей*, и др. Между прочимъ онъ обнародовалъ цѣнные матеріалы, относящіеся къ исторіи Кіевской епархіи и южно-русской церкви и къ общей исторіи города Кіева, извлеченные какъ изъ мѣстныхъ архивовъ и монастырскихъ ризницъ, такъ и изъ центральныхъ архивовъ: синодальнаго, сенатскаго, главнаго штаба, министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи въ Москвѣ. Въ числѣ ихъ назовемъ: „Акты, уясняющіе состояніе православія и уніи въ Кіевѣ въ первой половинѣ XVII вѣка“; „Акты стариннаго судопроизводства“; „Документы, уясняющіе древнюю исторію церквей и монастырей Кіевской епархіи“; „Матеріалы для исторіи Кіевской епархіи“; „Матеріалы для исторіи южно-русскаго штундизма“ и др.; далѣе: „Росписной списокъ Кіева 1700 г.“ (*Чтенія историческаго общества Нестора лѣтописца*, т. VI, 1892 г.), содержащій свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи крѣпости и сдѣланныхъ поправкахъ, перечисленіе крѣпостнаго гарнизона, описаніе приказной палаты и ея архива, перечень дворовъ, занятыхъ служилыми людьми и т. д.

Въ ряду церковно-историческихъ работъ П. Г. Лебединцева наи-

Библиотека "Руниверс"

болѣе цѣнны: „Описаніе Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора“ (1874 г.), составленное почти исключительно по рукописнымъ матеріаламъ „Кіевопечерская лавра въ ея прошломъ и настоящемъ“; „Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь въ его прошломъ и настоящемъ“ и „Изслѣдованіе о святой Софіи Кіевской“; статьи: „Предѣлы Кіевской епархіи въ древнія и нынѣшнія времена“, „Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ 1843 — 1853 гг.“; „Предшественники духовныхъ консисторій въ XV и XVI вѣкахъ“; „Св. Владиміръ равноапостольный, великій князь Кіевскій“ „О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго его принятія при св. Владимірѣ“; „Баптизмъ или штунда въ Кіевской губерніи“; „Къ вопросу о началѣ Кіевской академіи“ и др.

Изъ статей по церковной археологіи назовемъ: „О времени написанія фресокъ Кіево-Софійскаго собора“ (*Извѣстія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*, т. VIII); „Софія премудрость Божія въ иконографіи сѣвера и юга Россіи“; „Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія?“ (К. 1888 г.); „Остатки церквей въ развалинахъ древняго Корсуня, ихъ открытіе и значеніе“ и др.

Къ общей исторіи города Кіева и Кіевской губерніи относятся слѣдующія статьи: „Историческая замѣтка о Кіевѣ“; „Описаніе малороссійскихъ городовъ, мѣстечекъ и сель Бѣлоцерковскаго полка съ переписью жителей, приведенныхъ къ присягѣ на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу“ (*Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости*, 1893, № 15).

Археологіи города Кіева и Кіевской губерніи касаются статьи: „Какая мѣстность въ древности называлась Олеговой могилой“ (*Кіевскія Университетскія Извѣстія*, 1876, № 12); „О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго городка Тороческа“ (*Чтенія историческаго общества лѣтописца Нестора*, т. II), „О Копыревѣ концѣ города Кіева“; „О планѣ города Кіева въ XVIII вѣкѣ“ и др.

За свои научные труды П. Г. Лебединцевъ былъ выбранъ почетнымъ членомъ университета св. Владиміра, Кіевской духовной академіи и многихъ историческихъ и археологическихъ обществъ. Большую часть своей богатой библіотеки покойный завѣщалъ во вновь образующуюся епархіальную Кіевскую библіотеку, а лучшіе экземпляры изъ нея въ библіотеку Духовной академіи, своей almae matris. На женскія епархіальныя училища Лебединцевъ завѣщалъ 20.000 руб.

В. Рудановъ.

Библиотека "Руниверс"

III.

И. И. Малышевскій.

Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій, скончавшійся 11-го января сего года, пользовался уваженіемъ и извѣстностью въ ученомъ мірѣ. Помимо обширной и плодотворной дѣятельности на научно-литературномъ поприщѣ Малышевскій находилъ еще время и для широкой дѣятельности общественной.

Родился Малышевскій въ семьѣ священника Минской епархіи, въ 1828 г.; воспитывался въ Минской духовной семинаріи, а затѣмъ въ Кіевской духовной академіи; по окончаніи курса въ послѣдней въ 1853 году былъ оставленъ въ званіи баккалавра при академіи по каѳедрѣ исторіи русскаго раскола. Въ 1863 г. назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ русской церковной исторіи и на ней оставался до самой смерти, посвятивъ, такимъ образомъ, Кіевской академіи 48 года своей дѣятельности.

Учено-литературная дѣятельность И. И. Малышевскаго, посвященная, главнымъ образомъ, церковной исторіи, очень обширна. На ряду съ разработкой исторіи русской церкви онъ много писалъ о церкви византійской, о состояніи церквей въ славянскихъ земляхъ, о народномъ образованіи, о начальномъ періодѣ общей русской исторіи и т. п. Многочисленныя его статьи помѣщались по преимуществу въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*, *Кіевской Старинѣ*, *Кіевлянинѣ*, *Чтеніяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца*, *Воскресномъ Чтеніи* и др.

По исторіи церкви въ первые вѣка христіанства и при византійскихъ императорахъ онъ оставилъ слѣдующія сочиненія: „Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера“ (Кіевъ, 1892 г.; первоначально въ *Трудахъ Кіевской Дух. Акад.*); „Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви“ (2 т., К. 1872 г.). Это—докторская диссертація; посвящена она весьма мало изслѣдованному до Малышевскаго предмету и вноситъ въ изученіе его много новаго и цѣннаго. Остановившись, главнымъ образомъ, на жизни и дѣятельности александрійскаго патріарха, Малышевскій въ то же время представилъ живую и многостороннюю характеристику какъ XVI столѣтія, времени жизни Мелетія, такъ и предшествующей эпохи съ момента подчиненія Константинополя тур-

Библиотека "Руниверс"

камъ. „Замѣтка объ антіохійскомъ святителѣ Флавіанѣ, какъ ходатаѣ за антіохійцевъ предъ императоромъ Ѳеодосіемъ Великомъ“ (*Труды*, 1892 г., № 11); „Константинопольская патріархія и греческая церковь въ подвластныхъ латинянамъ греческихъ земляхъ, съ половины XV до 80-хъ годовъ XVI столѣтія“ (ib. 1873 г., № 1), и „Патріархъ Іеремія II и кн. К. К. Острожскій“ (ib., 1886 г., № 1).

По исторіи славянской церкви Малышевскій останавливался преимущественно на жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, и на эпохѣ близкой къ нимъ. Сюда относятся два крупныхъ сочиненія: „Судьба славянской церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ св. Кирилла и Меѳодія“ (1886 г.) и „Св. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе“ (удостоенное Синодомъ полной Макарьевской премія); изъ статей наиболѣе цѣнная: „Вопросы критики относительно нѣкоторыхъ источниковъ для исторіи св. Кирилла и Меѳодія“ (*Труды*, 1877 г., № 12).

Вопросу объ отношеніи восточной и западной церквей посвящены статьи: „Отношеніе Руси къ церкви римской при св. князѣ Владимірѣ“ (*Труды*, 1863 г., № 2); „О грамотѣ кіевскаго митрополита Михаила къ папѣ Сиксту IV, 1476 г.“ (*Литовскія Епарх. Вѣдомости* 1875 г. № 44 и *Труды III-го Археологическаго Съѣзда*) и „Откуда происходятъ сочувственные отзывы протестантовъ о восточной, особенно русской церкви“ (*Труды Кіевской Дух. Акад.*, 1867 г., № 11).

По исторіи русской церкви наибольшее число статей Малышевскаго относится къ эпохѣ св. Владиміра: „Варяги въ началѣ исторіи христіанства въ Кіевѣ“ (Кіевъ, 1887 г.); „Подложное письмо половца Ивана Смеры къ великому князю Владиміру“ (1876 г.); „Рѣчь по поводу 900-лѣтія крещенія Руси“ (*Труды Кіевской Дух. Акад.*, 1888 г. № 8); другія статьи, относящіяся къ позднѣйшимъ событіямъ, носятъ болѣе или менѣе случайный характеръ: „Митрополитъ кіевскій не былъ отравителемъ князя Скиргайла“ (*Кіевлянинъ*, 1875 г., № 45); „Доминиканецъ Яцекъ Одровонжъ, мнимый апостолъ земли русской“ (*Труды Кіевской Дух. Акад.*, 1867 г., № 4 и отд.); „Русскій приходскій священникъ-проповѣдникъ XVII в.“ (ib., 1861 г., № 4); „Кіевскіе церковные соборы“ (ib., 1884 г., № 12); „Первый соборникъ въ Минской епархіи, державный въ Минскѣ 1865 г.“ (ib. 1866 г., № 3), и „Неизданное письмо св. Тихона Задонскаго и замѣтки по поводу этого письма“ (ib., 1893 г., № 9).

Затѣмъ Малышевскому принадлежатъ нѣсколько работъ, посвященныхъ исторіи Кіевской духовной академіи: „Историческая записка о

Библиотека "Руниверс"

состоянiи академiи за минувшее 50-лѣтiе" (К., 1869 г.); „Рѣчь по случаю поминовенiя Кiевскою духовною академiею ея основателей, благодѣтелей, начальниковъ и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся, совершаемаго 31-го декабря" (*Труды Кiевской Дух. Акад.*, 1865 г. № 12) и „Слово въ день поминовенiя основателей, благотворителей и покровителей академiи" (ib., 1892 г., № 2).

Къ области церковной археологiи относятся статьи: „О придорожныхъ крестахъ" (*Труды Кiевской Дух. Акад.*, 1865 г., № 11) и „О церкви и иконѣ св. Богородицы, подъ названiемъ „Пирогощи", упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и въ Словѣ о Полку Игоревѣ" (*Чтенiя Истор. Общ. Нестора Лѣтописца*", 1891 г., V т.); обѣ представляютъ весьма обстоятельныя изслѣдованiя.

Къ статьямъ по общей русской исторiи относятся: „Происхожденiе великой княгини Ольги" (*Кiевская Старина*, 1869 г., № 7 и 8). Авторъ полемизируетъ съ архимандритомъ Леонидомъ, выводящимъ св. Ольгу изъ Болгарiи, и доказываетъ ея происхожденiе изъ русскаго Плескова. „Евреи въ южной Руси и Кiевѣ въ X—XII вѣкахъ" (*Труды Кiевской Дух. Акад.*, 1878 г., № 6 и 9) и „Характеристика участливыхъ отношенiй Россiи къ славянамъ въ историческомъ развитiи отъ начала до настоящаго времени" (ib., 1893 г., № 5); назовемъ также нѣсколько биографiй и некрологовъ разныхъ историческихъ дѣятелей: „Дѣятельность митрополита Евгенiя, въ званiи предсѣдателя Кiевской духовной академiи" (*Труды Кiевской Дух. Акад.* 1867 г., № 12); „Логоѳетъ Ѳеоктистъ, покровитель Константина философа" (ib., 1887 г., № 2); „Новыя данныя для биографiи Ивана Ѳедорова, русскаго первопечатника" (*Чтенiя Истор. Общ. Нестора Лѣтописца*, 1892 г., VII т.), извлеченныя изъ актовъ гродскихъ книгъ 1575 и 1576 гг. г. Луцка и пополняющiя и исправляющiя свѣдѣнiя прежнихъ биографовъ; „Ал. Дм. Вороновъ" (*Труды Кiевской Дух. Акад.*, 1884 г., № 1); „Рѣчь о М. А. Максимовичѣ" (1871) и „И. М. Скворцовъ" (ib., 1863 г., II т.).

Церковно-приходскимъ школамъ посвящена статья, получившая и практическое примѣненiе: „Къ вопросу о лучшемъ устройствѣ церковно-приходскихъ школъ" (ib., 1883 г., № 1).

Наконецъ И. И. Малышевскiй оставилъ нѣсколько научно-популярныхъ статей, отличающихся чрезвычайно легкимъ и доступнымъ изложенiемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ содержащихъ строго провѣренные научною критикой факты, каковы: „Житiе святаго равноапостольнаго князя Владимiра" (С.-Пб., 1888 г.), „Память св. благовѣрныхъ кня-

Библиотека "Руниверс"

зей Бориса и Глѣба въ церкви и землѣ русской" (*Воскресное Чтеніе*, 1861 г., № 11); „Правда объ уніи къ православнымъ христіанамъ" (*Воскресное Чтеніе*, 1863 г., № 22—24; то же въ *Вѣстникѣ Юго-Зап. и Зап. Россіи*, 1863 г., II т. и *Русскія Вѣдомости*, 1864 г., № 40), и „Чтенія для народа по исторіи русской церкви" (*Воскресное Чтеніе*, 1864 г., № 1—30). Здѣсь сообщается о язычествѣ на Руси, о семейномъ и общественномъ бытѣ русскихъ славянъ до принятія христіанства, о христіанствѣ въ X и XI вѣкахъ и о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ.

В. Рудневъ.

Библиотека "Руниверс"

который, принимая всѣ имена, употребленныя этимъ поэтомъ за истинныя, строилъ невозможныя комбинаціи, основанныя на чистой фантазіи [1]). Гораздо любопытнѣе то, что Марціалъ употребляетъ иногда одинаковыя вымышленныя имена со своими предшественниками; такъ съ Горапіемъ [2]) у него общее Glycera (VI 40 и XI 40), Lalage (II 66, также въ Priap. 4), Lesbia (I 34, II 50, V 68, VI 23, X 39, XI 62 и 99, также у Катулла), Lycoris (I 72, 102; III 39, IV 24 и 62, VI 40, VII 13; дѣйствительное имя возлюбленной Корнелія Галла), Lyde (I 71; имя возлюбленной Колофонскаго поэта Антимаха), Lydia (XI 21 и 102), Mamurra (IX 59, X 4; дѣйствительный прототипъ у Катулла [3]), Myrtale (V 4). Еще интереснѣе прослѣдить нѣкоторыя одинаковыя собственныя имена у Марціала и Ювенала, такъ какъ оба поэта были современниками. Несмотря на это, тожество лицъ съ одними и тѣми же именами у обоихъ поэтовъ часто бываетъ подвержено большому сомнѣнію, въ виду того, что Ювеналъ, въ противоположность Марціалу, не прибѣгаетъ почти къ псевдонимамъ [4]). Поэтому Фридлэндеръ (Sittengeschichte

[1]) Разумѣю книгу барона de Walckenaer: Histoire de la vie et de la poesie d'Horace², Paris 1858, 2 тома 16°.

[2]) Напомню, что и самъ Горацій имѣетъ нѣкоторыя имена, одинаковыя съ Луциліемъ.

[3]) Упоминаю это имя въ спискѣ вымышленныхъ, такъ какъ у Горація оно играетъ роль нарицательнаго Sat. I, 5, 37.

[4]) Вопросъ о собственныхъ именахъ у Ювенала разрабатывался неоднократно. Такъ, кромѣ многочисленныхъ замѣтокъ въ комментаріяхъ къ поэту и общихъ трудовъ объ его жизни и творческой дѣятельности, могу назвать Геттингенскую диссертацію Strauch'a De personis Juvenalianis (1869 г.) и Кенигсбергскую программу Фридлэндера 1872 г. (IV): Dissertatio de nominibus personarum in Juvenalis Satiris, которая, какъ всѣ другія подобныя его программы, вошла, въ переработанномъ видѣ, въ его большой трудъ Sittengeschichte Rom's (III⁶ стр. 495 слл. 1891) и, наконецъ, еще съ измѣненіями въ изданіе Ювенала (Лейпцигъ 1895, т. I, стр. 99 слл.). Штраухъ, очевидно, не признаетъ псевдонимовъ у Ювенала. Того же мнѣнія держался и Фридлэндеръ въ цитованной программѣ (стр. 5), но въ Sittengeschichte Rom's онъ выразился уже гораздо осторожнѣе (стр. 498): „Die Möglichkeit, dass Juvenal sich ausnahmsweise auch beliebig gewählter oder willkürlicher Namen bedient hat, lässt sich allerdings nicht bestreiten, aber beweisen lässt sich dies in keinem einzelnen Falle". Еще дальше пошелъ названный ученый въ изданіи Ювенала (I 100), гдѣ онъ уничтожаетъ послѣднюю фразу приведенной цитаты и признаетъ за недѣйствительныхъ лицъ Постума шестой сатиры, Понтика восьмой и, можетъ быть, Фусцина четырнадцатой и voc. Galli шестнадцатой. Возможность псевдонимовъ у Ювенала признаетъ всѣми преслѣдуемый и гонимый издатель этого поэта, Andreas Weidner, ср. напр. его примѣч. къ Sat. VI 142 (¹ стр. 100—101).

Библиотека "Руниверс"

Rom's III[e] 495; изданіе Ювенала I 99), признавая весьма важнымъ изслѣдованіе вопроса о тожествѣ именъ у Марціала и Ювенала, говоритъ, что это тожество допустимо только въ томъ случаѣ, когда его можно доказать при помощи иныхъ источниковъ. На ряду съ этимъ, почтенный авторъ отвергаетъ иногда тожество лицъ у Марціала и Ювенала на основаніи того, что первый часто обозначаетъ однимъ и тѣмъ же именемъ совершенно различныя лица. Не останавливаясь на лицахъ историческихъ [1]), упоминаемыхъ обоими поэтами, позволю себѣ привести нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній о personae privatae.

Aufidius. Марціалъ въ эп. V 61, 10 (Acrior hoc Chius noverit Aufidius) упоминаетъ его, какъ ходатая по дѣламъ у женщинъ; Ювеналъ въ Sat. IX 25 (notior Aufidio moechus) — какъ извѣстнаго прелюбодѣя. Въ Fragmentum Vatican. № 77 встрѣчается также адвокатъ съ этимъ именемъ, но все же Фридлэндеръ, сообразно выставленному имъ самимъ строгому закону о возможности тожества лицъ у обоихъ поэтовъ, поступаетъ смѣло, отожествляя обѣ личности, такъ какъ у насъ очень мало посторонникъ свидѣтельствъ на этотъ счетъ.

Catulla. Марціалъ, съ замѣтнымъ подражаніемъ извѣстному 49-му стихотворенію Катулла (на Цицерона), отмѣчаетъ (эп. VIII 58) большую красоту этой развратной женщины, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ея крайнюю распущенность. У Ювенала два раза упоминается женщина съ именемъ Катуллы, и притомъ также весьма развратная, именно Sat. II 49 (Media non lambit Cluviam, nec Flora Catullam) и X 321 сл. (quid enim ulla negaverat udis inguinibus? sive est haec Oppia, sive Catulla?). Поэтому предположеніе о тожествѣ обѣихъ личностей мнѣ кажется во всякомъ случаѣ болѣе возможнымъ, чѣмъ курьезное мнѣніе Фридлэндера (изданіе Марціала. II 30): „Die Reminiscenz an Catull 49 hat *offenbar* (sic!) auch die Wahl des Namens Catulla bewirkt". Это мнѣніе вовсе не вяжется съ тѣмъ уваженіемъ, которое питалъ всегда Марціалъ къ Катуллу.

Chione. Ювеналъ упоминаетъ это имя распутной женщины всего

---

[1]) Полный перечень этихъ лицъ см. въ названной диссертаціи Штрауха; въ послѣднее время этимъ вопросомъ занимался и Nettleship въ статьѣ: „Life and poems of Juvenal" (Journ. of philol. т. 16, 1888 г.), но данный здѣсь списокъ (стр. 52—53) составленъ съ поразительной небрежностью.

Библиотека "Руниверс"

одинъ разъ, и притомъ такъ, что его можно принять за нарицательное, именно III 134 sqq.:

at tu,
cum tibi vestiti facies scorti placet, haeres
et dubitas alta Chionen deducere sella.

Въ противоположность Ювеналу, у Марціала имя Chione встрѣчается очень часто, и притомъ постоянно для meretrix. Конечно, предположеніе о тожествѣ обоихъ персонажей является болѣе, чѣмъ рискованнымъ. но позволяю себѣ думать, что у Марціала имя Chione — далеко не всегда вымышленно; такъ, въ двухъ эпиграммахъ третьей книги (88 и 87) эта женщина изображается, какъ fellatrix, и поэтъ говоритъ въ эп. III 97 по поводу открытія имъ этого порока:

Ne legat hunc, Chione, mando tibi, Rufe, libellum.
Carmine laesa meo est, laedere et illa potest.

Если Chione есть только псевдонимъ, то для поэта не было бы никакого смысла прибѣгать къ этой просьбѣ, не смотря на весь ея шуточный характеръ. Въ той же книгѣ (эп. 34) Марціалъ даетъ игру словъ съ именемъ Chione, производя его отъ χιών, почему и здѣсь опять трудно думать о псевдонимѣ. Подобная же игра словъ съ двумя именами Chione и Phlogis заключается въ эп. XI 60. Къ Ювеналовой Хіонѣ всего болѣе подходитъ у Марціала Хіона въ эп. III 30, которая близко напоминаетъ третью сатиру Ювенала по основной мысли, именно, что для бѣднаго человѣка жизнь въ Римѣ очень трудна; въ стихѣ 4-мъ этой эпиграммы поэтъ, перечисляя мелкія и дешево стоющія потребности бѣднаго человѣка, спрашиваетъ его: „unde vir es Chiones?“ Съ этой эпиграммой стоятъ въ близкой связи два стихотворенія первой книги (34 и 92), Chione которыхъ представляется бѣдной публичной женщиной послѣдняго разбора.

Fabulla. Штраухъ (l. c. p. 61) безъ особо убѣдительныхъ основаній считалъ, что это—одно изъ немногихъ живыхъ лицъ, упоминаемыхъ Ювеналомъ (Sat. II 68: est moecha Fabulla) и сближалъ эту Фабуллу съ Фабуллой у Марціала въ эп. XII 93. Однако новѣйшія изслѣдованія рукописнаго преданія этой эпиграммы показали, что для нея лучше засвидѣтельствовано имя Labulla, чѣмъ Fabulla. Затѣмъ послѣднія изысканія по хронологіи Ювенала позволяютъ считать вторую сатиру одновременной съ XII-й книгой Марціала. такъ

Библиотека "Руниверс"

что гипотеза Штрауха вполнѣ несостоятельна. У Марціала имя Fabulla встрѣчается неоднократно, но данныхъ для отожествленія его Фабуллы съ Ювеналовой нѣтъ никакихъ, хотя въ эпиграммахъ I 64 и IV 81 женщина съ этимъ именемъ можетъ быть названа moecha.

Hamillus. У Марціала эта личность является желающей прослыть за пидераста (эп. VII 62), у Ювенала (X 224) учителемъ пидерастомъ, при чемъ рукописи Марціала даютъ Amillus, а лучшія рукописи Ювенала—Hamillus. Несомнѣнно вѣрнѣе второе правописаніе, такъ какъ Фридлэндеръ, дающій въ своемъ изданіи Amillus, не обратилъ должнаго вниманія на замѣтку Бюхелера (Rheinisch. Mus. т. 35, стр. 397; что эта замѣтка извѣстна Фридлэндеру, показываетъ его замѣчаніе въ изданіи Марціала т. II стр. 545), который указалъ на одну помпейскую надпись, гдѣ это имя приведено въ обратной формѣ (два раза: Sullimah; по мнѣнію Бюхелера, для того, чтобы означить, что эта личность—fossor perversae Veneris); такимъ образомъ правописаніе Hamillus засвидѣтельствовано очень прочно. Въ виду рѣдкость этого имени, предположеніе о тожествѣ личности у обоихъ поэтовъ очень легко и вѣроятно. Мнѣ кажется, что и въ Марціаловомъ Гамиллѣ можно усмотрѣть школьнаго учителя: намекъ на это я вижу въ словѣ grandes перваго стиха (reclusis forilus *grandes* percidis, Amille), такъ какъ этотъ эпитетъ иногда прилагается дѣтямъ школьнаго возраста, ср. Mart. VIII, 3, 16 (oderit et *grandis virgo* bonusque puer) и XII 49, 13 (grandes, non pueros, sed uniones); также Iuv. VII 210 (metuens virgae iam *grandis* Achilles).

Laronia. Это имя встрѣчается у Марціала и Ювенала по разу. У перваго женщина съ этимъ именемъ характеризуется, какъ dives anus vidua (II 32, 6), у Ювенала (II 36) Ларонія громитъ лицъ, qui Curios simulant et Bacchanalia vivunt. Считать ее за безстыдную и безнравственную, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, Фридлэндеръ и Руперти, не имѣемъ достаточнаго основанія. Другое предположеніе Фридлэндера (см. его примѣчанія къ цитованнымъ мѣстамъ Марціала и Ювенала), что Ларонія—извѣстная личность Неронова времени, не выходитъ изъ области догадокъ. Единственное, слабое основаніе для этого домысла можно видѣть въ томъ, что у Марціала Ларонія упоминается наряду съ Patrobas, въ которомъ Фридлэндеръ хочетъ видѣть вольноотпущенника Нерона. Впрочемъ, на основаніи разсужденій Фридлэндера объ именахъ этой эпиграммы, Ларонію слѣдуетъ отнести скорѣе къ эпохѣ послѣнероновой.

Lycisca. По свидѣтельству Ювенала (VI 123), это имя брала

Библиотека "Руниверс"

себѣ Мессалина, когда, желая удовлетворить своей ненасытной страсти, она отправлялась въ публичные дома. Марціалъ называетъ такъ нѣкую fellatrix въ эп. IV 17. Что касается значенія имени, то трудно согласиться съ Вейднеромъ, который видитъ въ немъ простое описаніе слова lupa (Weidner², p. 100); съ другой стороны неправъ и Руперти (II² 273), считая, что Lycisca была meretrix famosa, такъ какъ въ этомъ случаѣ обманъ могъ бы быть легко обнаруженъ.

Matho. Это имя, встрѣчающееся у Ювенала три раза (I 32, VII 129, XI 34), можетъ сильно противорѣчить положенію Фридлэндера, что у Ювенала извѣстное имя, сколько бы оно разъ ни встрѣчалось, (Königsberg. Progr. 1872. p. 4; SG. III⁶ p. 496; изданіе Ювенала I p. 100) предполагаетъ одну и ту же личность, такъ какъ въ первой сатирѣ Matho — богатый адвокатъ, въ седьмой — адвокатъ банкротъ, въ одиннадцатой — плохой адвокатъ. Конечно, можно дѣлать различныя предположенія касательно такого различія, но всѣ эти предположенія будутъ имѣть столько же вѣроятности, какъ объясненіе древняго схоліаста, цитуемаго въ Adversaria Каспара Барта (XIII 18, ср. Ruperti II² p. 18) или комментарій Фридлэндера къ I 32. Что касается Марціала, то у него именемъ Matho означаются разнообразныя лица какъ по профессіи, такъ и по имущественному положенію; но все же Фридлэндеръ неправъ, говоря (SG. III⁶ 495—496; изданіе Ювенала I 100), что ни одно изъ лицъ съ именемъ Matho, упоминаемыхъ Марціаломъ, не имѣетъ сходства съ этой личностью у Ювенала, такъ какъ ничто не препятствуетъ назвать адвокатомъ того Matho, который упоминается въ эп. X 46; о богатствѣ Matho и его возможномъ разореніи говоритъ Марціалъ въ эп. VII 10 (ст. 3—4).

Naevolus. Марціалъ употребляетъ это имя для разнообразныхъ лицъ въ пяти эпиграммахъ, въ двухъ изъ которыхъ (III 71 и 95) Нэволъ, по своей профессіи, можетъ напоминать собою извѣстнаго героя IX-й сатиры Ювенала, такъ что Фридлэндеръ опять неправъ въ своемъ утвержденіи, что ни одинъ изъ Нэволовъ, упоминаемыхъ у Марціала, не сходенъ съ Ювеналовымъ (SG. III⁶ 496 и изданіе Ювенала I 100).

Saufeia. Ювеналъ изображаетъ женщину изъ этого мало извѣстнаго рода предающейся крайней степени разврата и пьянства въ храмѣ Bonae Deae (VI 320 и IX, 117); Марціалъ приглашаетъ свою Сауфейю мыться съ нимъ въ банѣ, такъ что предполагать тожество обѣихъ личностей нѣтъ никакого основанія. Интересно отмѣтить противорѣчіе Вейднера, который въ примѣч. къ VI 320 (³p. 115) ото-

Библиотека "Руниверс"

жествляетъ Сауфей обоихъ поэтовъ, а въ примѣчаніи къ IX 117 раздѣляетъ (²p. 194). Собственно говоря, мы не имѣемъ даже права считать съ Вейднеромъ (ibid.) Марціалову Сауфейю за scortum, если сравнить всѣ мѣста древнихъ писателей объ общихъ баняхъ для мужчинъ и женщинъ, собранныя въ Privatleben der Römer Marquardt-Mau (I² p. 282).

Telesinus. Лица съ этимъ именемъ не имѣютъ между собою ничего общаго у обоихъ поэтовъ, такъ какъ у Ювенала это — эпическій поэтъ, неизвѣстный намъ изъ другихъ источниковъ (предположенія Вейднера ad Iuv. VII 25 о тожествѣ его съ философомъ Люцеемъ Телезиномъ, изгнаннымъ Домиціаномъ, и ни на чемъ не основано, и весьма мало вѣроятно), а у Марціала — богатый и скупой патронъ (III 40 и XII 25), стяжавшій себѣ состояніе далеко не честными путями (VI 50).

Изъ позднѣйшихъ поэтовъ Авзоній имѣетъ нѣкоторыя вымышленныя имена, общія съ Марціаломъ; такъ, онъ говоритъ слѣдующее по поводу встрѣчающихся и у Марціала именъ Lais и Glycera (эп. 17; изд. Schenkl, p. 200):

Laidas et Glyceras, lascivae nomina famae,
Coniunx in nostro carmine cum legeret,
Ludere me dixit falsoque in amore locari:
Tanta illi nostra est de probitate fides.

Galla въ эп. 12 (Schenkl p. 199) напоминаетъ собою Галлу у Марціала въ эп. IV 38; грамматика Филомуза въ эп. 40 (Schenkl p. 207) можно поставить въ связь съ болтуномъ Филомузомъ у Марціала въ VII 76 и IX 35; semivir Zoilus въ эп. 93 (Schenkl p. 220) напоминаетъ собою порочныхъ личностей съ этимъ именемъ у Марціала; плохой врачъ Alcon (эп. 69 и 70; Schenkl, p. 215) носитъ это имя въ честь своего знаменитаго тезки, упоминающагося у Марціала въ эпп. VI 70 и XI 94.

По видимому, Марціалъ надѣялся, что шутки и насмѣшки надъ псевдонимами вполнѣ безобидны, а потому и возможны для него (innocuos potest censura permittere lusus, говоритъ поэтъ императору въ эп. I 4), такъ что въ спеціально посвященной Домиціану пятой книгѣ Марціалъ напоминаетъ ему о томъ, что онъ твердо соблюдаетъ свой девизъ (V 15):

Quintus nostrorum liber est, Auguste, iocorum,
Et queritur laesus carmine nomo meo.

Библиотека "Руниверс"

Замѣчу однако, что эти слова поэта не совсѣмъ вѣрны, такъ какъ выше замѣчено было о шутливомъ опасеніи его предъ Хіоной за ея оскорбленіе (III 97). Гораздо серьезнѣе звучатъ оправданія Марціала въ двухъ другихъ случаяхъ. Въ эп. III 8 поэтъ написалъ слѣдующее:

„Thaïda Quintus amat". Quam Thaïda? „Thaïda luscam".
Unum oculum Thaïs non habet, ille duos.

Эта эпиграмма, какъ говорится, не въ бровь, а въ глазъ попала нѣкоему дѣйствительному Квинту, который поспѣшилъ заявить поэту, что его возлюбленная—и не одноглазая, и не Танда, а Герміона. Марціалъ отвѣчаетъ, что если это такъ, то нечего Квинту и обижаться (III 11), но, впрочемъ, для его спокойствія онъ готовъ перемѣнить имя и въ эпиграммѣ III 8, именно изъ Quintus (пятый) сдѣлать Sextus (шестой). Второй изъ указанныхъ случаевъ представляетъ эп. III 99. Нѣкій богатый сапожникъ изъ Бононіи устроилъ игры. Марціалъ не преминулъ провести ядовитую параллель между этими играми и ремесломъ ихъ устроителя (III 16); тотъ обидѣлся. Поэтъ резонно отвѣтилъ ему на это, что онъ затронулъ его ремесло, а не его самого, а потому оставляетъ за собою право на подобныя шутки: innocuos permitte sales (ср. I, 4, 7: innocuos... permittere lusus). Сюда же можно отнести и эпиграмму IV 3, хотя, по видимому, она содержитъ отвѣтъ на обиду, причиненную не стихотвореніемъ. Вскорѣ послѣ изданія пятой книги Марціалу снова пришлось прибѣгать къ подобнымъ оправданіямъ. Дѣло въ томъ, что пріобрѣтенная поэтомъ слава и успѣхъ его стихотвореній побудили многихъ завистниковъ утрировать его эпиграммы и свести ихъ на пасквили [1]). Зная отношеніе императора къ произведеніямъ подобнаго рода, Марціалъ спѣшилъ оправдаться предъ Домиціаномъ чрезъ своего друга Фаустина. Въ сильныхъ стихахъ жалуется поэтъ и опять повторяетъ: ludimus innocui, въ вѣрности чего клянется высшей клятвой для поэта:

iuro potentis
Per genium famae Castaliumque gregem
Perque tuas aures, magni mihi numinis instar,
Lector, inhumana liber ab invidia.

---

[1]) Черта эта очень обща литературнымъ нравамъ. Такъ, изъ „Избранныхъ мѣстъ переписки съ друзьями" Гоголя извѣстно, что Пушкину приписывали такія безграмотныя произведенія, какъ „Первая ночь".

Библиотека "Руниверс"

Съ подобной же просьбой обращается поэтъ и къ адвокату Павлу (VII 72). Особенно хочется оборонить себя отъ дурной молвы Марціалу во второмъ изданіи X-й книги, появившемся, какъ извѣстно, весьма незадолго до отъѣзда поэта въ Испанію, почему эта книга представляетъ собою какъ бы итоги дѣятельности поэта въ Римѣ (см. эпп. 3 и 34). Съ весьма вѣроятнымъ намекомъ на подобные пасквили, Марціалъ желаетъ здѣсь въ длинной эпиграммѣ всевозможныхъ несчастій поэту, который quos colere debet. laesit impio versu (эп. 5, 2). Также и въ знаменитой эпиграммѣ X 9, звучащей горечью недостаточно оцѣненнаго таланта, поэтъ называетъ себя извѣстнымъ multo sale, nec tamen proterво, какъ объ этомъ было сказано выше.

Эпиграммы поэта служили не только для нападокъ, но также и для прославленія его друзей. По мѣткому замѣчанію Фридлэндера (SG. III[6] p. 448), многія стихотворенія тогдашней поэзіи являлись какъ бы суррогатомъ журналистики, и потому часто друзья и знакомые извѣстныхъ поэтовъ обращались къ нимъ съ просьбою увѣковѣчить свое имя въ ихъ произведеніяхъ. Конечно, на первыхъ порахъ дѣятельности поэта такая просьба могла особенно польстить его самолюбію, поэтому Марціалъ очень любезно и скромно отвѣчаетъ нѣкоему Гипподаму (что это мужчина, а не женщина, я пытаюсь доказать въ „Филолог. Обозр." IX 1), который обратился съ подобной просьбой къ нашему поэту еще во время изданія IV-й книги (эп. 31). Впрочемъ, Марціалъ очень скоро созналъ значеніе своихъ стиховъ въ этомъ отношеніи; такъ, уже въ эп. V 15 онъ писалъ императору: gaudet honorato sed multus nomine lector. Особенно замѣтенъ этотъ мотивъ у нашего поэта въ эпитафіяхъ, гдѣ онъ говоритъ, напримѣръ, что его стихотвореніе сохраняетъ гораздо лучше память объ усопшемъ, нежели портретная живопись (IX 76). и что если поэту не удалось оплакать своего друга лично, то взамѣнъ онъ соорудитъ ему вѣчный памятникъ въ своихъ произведеніяхъ (X 26). Марціалъ былъ до того гордъ своими произведеніями, что одинъ разъ нарочно не назвалъ своего врага, чтобы такимъ образомъ не увѣковѣчить его имени невольно (V 60). Подобное же содержаніе имѣетъ и эп. XII 61, гдѣ Марціалъ проводитъ ту мысль, что далеко не всѣ лица достойны его нападокъ.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Рѣзкая перемѣна произошла съ Марціаломъ послѣ убійства Домиціана. Желая польстить новому императору, поэтъ величаетъ его новымъ Августомъ, ниспосланнымъ милостивыми божествами на землю (XI 3). Но, очевидно, Марціалу самому жилось лучше „sub principe duro", какъ называетъ онъ Домиціана въ эп. XII 6, въ сравненіи съ кроткимъ Нервой. Понятно, что съ воцареніемъ Нервы при дворѣ появились новые люди, начались новые порядки, къ которымъ тяжело было привыкать поэту на шестомъ десяткѣ. Поэтому, наряду съ тѣмъ весельемъ и разгуломъ, которые проглядываютъ въ написанной сряду по смерти Домиціана одиннадцатой книгѣ, въ ней замѣтны и горькія нотки, звучащія положительной дисгармоніей къ общему тону. Именно, какъ разъ въ первой эпиграммѣ Марціалъ говоритъ, что изъ досужей толпы, собирающейся въ портикахъ, развернутъ его стихотворенія, осужденныя на добычу тлѣ, только двое или трое, да и то когда надоѣдятъ имъ разговоры о цирковыхъ состязаніяхъ. Эта эпиграмма стоитъ въ довольно сильномъ противорѣчіи къ третьей, въ которой поэтъ толкуетъ о повсемѣстномъ распространеніи своихъ произведеній, но и это не радуетъ его, такъ какъ онъ не видитъ въ этомъ распространеніи пользы для своего кошелька. Вообще, наряду съ новыми порядками при дворѣ, вопросъ о вознагражденіи начинаетъ довольно сильно интересовать Марціала, такъ что онъ прямо обращается къ читателю съ предложеніемъ: „Solve" (XI 118). Какъ видно, чѣмъ дальше, тѣмъ дѣла поэта шли все хуже и хуже, такъ что онъ начинаетъ подумывать объ отдыхѣ отъ жизни въ Римѣ на лонѣ родной Испаніи. Въ виду того, что въ одиннадцатой книгѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на это намѣреніе поэта, я позволяю себѣ предположить, что мысль о возвращеніи на родину явилась у него значительно позже смерти Домиціана, и потому всѣ эпиграммы десятой книги, связанныя съ этой мыслью о возвращеніи, могутъ принадлежать только второму изданію названной книги. Этой гипотезѣ не долженъ препятствовать конецъ предисловія IX-й книги, обращенный къ „frater carissimus" поэта, Торанію [2]): vale et para hospitium. Совершенно произвольный домыселъ Фридлэндера ad loc., будто Тораній долженъ былъ находиться внѣ Рима, если онъ не зналъ консуляра Стертинія Авита, и притомъ въ Испаніи, такъ что

[1]) У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для отожествленія этого Торанія съ Toranius въ эп. V 78, кромѣ того, что тотъ и другой были друзьями поэта.

Библиотека "Руниверс"

въ словахъ para hospitium можно видѣть намекъ на мысль Марціала о возвращеніи на родину, разрушается совершенно тѣмъ соображеніемъ, что когда Марціалъ дѣйствительно думалъ о возвращеніи на родину, онъ ни разу и не вспомнилъ о Торніѣ.

Проглядывающій въ одиннадцатой книгѣ оттѣнокъ горечи и недовольства особенно замѣтенъ во второмъ изданіи десятой книги. Даже при самомъ бѣгломъ просматриваніи ея легко замѣтить двѣ довольно значительныя группы эпиграммъ: однѣ, посвященныя описанію тягостей кліентелы; другія, указывающія на прелесть жизни въ провинціи вдали отъ суеты Рима. Что касается первой группы, то Марціалъ обращается даже къ императору Траяну и проситъ его сдѣлать распоряженіе объ улучшеніи быта кліентовъ (34). Никогда не жаловался поэтъ съ такой горечью на скупость богатыхъ патроновъ (11, 14, 29, 57), на ихъ тщетныя обѣщанія (16), на то, что богатые и знатные, становясь сами въ ряды кліентовъ, отбиваютъ хлѣбъ у бѣдныхъ; на безплодность хожденія по атріямъ для salutatio matutina (82); глупыми называетъ Марціалъ своихъ собратій по кліентелѣ, если они служатъ такимъ патронамъ (18). Конечно, эта кліентела сильно вредила развитію поэтической дѣятельности Марціала, такъ какъ онъ занятъ съ ранняго утра до поздняго вечера (X 70). Во второй группѣ эпиграммъ [1]) особенно обращаетъ на себя вниманіе 47-ая, посвященная Юлію Марціалу, съ которымъ поэтъ привыкъ дѣлиться самыми задушевными мечтами и идеалами счастливой жизни. На первомъ мѣстѣ ставитъ Марціалъ то, чего, очевидно, у него вовсе не было: res non parta labore, sed relicta, и потомъ перечисляетъ условія тихой, спокойной жизни въ уединеніи. Интересно сравнить это стихотвореніе съ эп. V 20, посвященной тому же самому предмету и обращенной также къ Юлію Марціалу. Сходство, конечно, есть, правда, не особенно большое: такъ, въ томъ и другомъ случаѣ желаетъ поэтъ отсутствія тяжбъ (V 20: nec lites tetricas... nossemus; XII 47: lis nulla; можетъ быть, намекъ на занятія Марціала адвокатурой) и прекращеніе кліентелы; но во время изданія пятой книги поэту нуженъ былъ Римъ, и онъ не могъ представить себѣ жизни внѣ его:

Campus, porticus, umbra, virgo, thermae,
Haec essent loca semper.

Очевидно, что тогда Марціалъ былъ далекъ отъ мысли, высказанной имъ въ той же 10-й книгѣ, что если люди имѣютъ одинаковый

[1]) Къ нимъ причисляю, напр., 12, 20, 30, 47, 51, 58 и 96.

Библиотека "Руниверс"

образъ мыслей и взаимную заботу другъ о другѣ, то Римъ можетъ быть для нихъ во всякомъ мѣстѣ (X 20). Въ сущности говоря, этотъ послѣдній по времени идеалъ счастья поэта — не новъ, а является повтореніемъ его самыхъ раннихъ мечтаній, высказанныхъ въ посланіи къ Фронтону (I 55) и Квинтиліану (II 90).

Съ удаленіемъ въ Испанію поэтическую дѣятельность Марціала можно считать почти прекратившейся. Посвященная Приску двѣнадцатая книга, которую поэтъ, по его собственному признанію, приготовилъ въ теченіи весьма короткаго срока (paucissimis diebus; praef. ad libr.), и которую онъ называетъ brevis (XII 1, 3), содержитъ весьма небольшое число эпиграммъ, достовѣрно написанныхъ въ Испаніи [1]); добрая же треть ея, несомнѣнно, посвящена римской жизни [2]) и представляетъ собой собраніе почему-либо неизданнаго раньше запаса. Нельзя не обратить вниманія, наконецъ, и на то обстоятельство, что 29 эпиграммъ этой книги (изъ 98; стало быть, больше четвертой части) суть двустишія. Все это, вмѣстѣ взятое, не позволяетъ думать о двухъ изданіяхъ этой книги: одного для Приска и другаго для публики, какъ это предполагаетъ Фридлэндеръ. Такимъ образомъ, поэзія Марціала была продуктомъ чисто римской жизни и, будучи оторвана отъ родной почвы, она не могла существовать.

А. Малеинъ.

---

[1]) Къ эпиграммамъ, написаннымъ несомнѣнно въ Испаніи, слѣдуетъ причислить 1—4, изъ которыхъ 1 и 4 непосредственно посвящены Приску (также и 14), а 2 и 3 представляютъ обращеніе въ XII-й книгѣ по поводу ея путешествія изъ Испаніи въ Римъ; 8—9 содержатъ косвенное и прямое обращеніе къ Траяну изъ Испаніи, какъ объ этомъ легко можно догадаться по содержанію этихъ стихотвореній; 18—посланіе къ Ювеналу, представляющее сравненіе жизни въ Римѣ и въ Испаніи; то же сравненіе и въ 68; 21 и 34—прославленіе испанской патроннессы Марцеллы, подарившей поэту по его возвращеніи землю; 24—описаніе безопасности путешествія въ испанской повозкѣ covinnus, имѣющей мѣсто только для двоихъ и потому недопускающей нескромныхъ ушей слугъ; 62—приглашеніе Сатурна на пиръ, устраиваемый Прискомъ-отцомъ по поводу возвращенія его сына изъ Рима; 95 и 98—обращеніе къ Инстанцію Руфу, готовящемуся занять мѣсто проконсула въ Бэтикѣ.

[2]) Навѣрное къ римскому періоду дѣятельности поэта относятся эпиграммы, въ которыхъ упоминается еще время Нервы (5, 6, 11); жалобы на скупость патроновъ (13, 36, 53 и 81) и, вообще, намеки на римскую жизнь и тамошнее общество: 7 (ѳевр. X 90), 13, 16, 17, 19, 22 (ѳевр. II 33), 25, 26 (ѳевр. X 10), 28, 29, 32 (ѳевр. XI 66 и 77), 38 (ѳевр. V 61), 39 (ѳевр. VII 85), 40 (ѳевр. V 66), 42, 48, 54 (ѳевр. II 16 и сл.), 57 (ѳевр. X 70), 65, 74, 77, 82 и,вѣ3 вѣроятно, нѣкоторыя другія.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

I.

Дань лакедэмонскихъ союзниковъ.

Діодоръ (XIV 10) говоритъ, что лакедэмоняне, окончивъ побѣдоносно пелопоннисскую войну, имѣли безспорную игемонію на сушѣ и на морѣ и наложили дань на покоренныхъ войною (ἔταξαν φόρους τοῖς καταπολεμηθεῖσι), такъ что прежде не держали денегъ, а теперь стали собирать дани болѣе тысячи талантовъ въ годъ. Это извѣстіе стоитъ одиноко, хотя касается самаго важнаго дѣла: каково было устройство и состояніе новаго всеобщаго союза Эллады подъ спартанскою игемоніею. Когда Ксенофонтъ съ *киренцами* прибылъ на берега Воспора, то онъ вступилъ въ несомнѣнную сферу спартанскаго вліянія. „Теперь не только спартанское правительство, но и каждый спартанецъ можетъ сдѣлать въ греческомъ городѣ что захочетъ", говоритъ онъ. По городамъ Азіи, ѳракійскаго берега, острововъ были лакедэмонскіе армосты. Лисандръ установилъ и насильственно поддерживалъ въ городахъ декархіи. Скоро однако спартанское правительство, видя всеобщую ненависть къ декархіямъ, объявило, что не стѣсняетъ города какой-либо опредѣленной формой правленія, и дозволило возстановить прежнее устройство. Примирительный и сочувственный аѳинской демократіи образъ дѣйствій Павсанія соотвѣтствовалъ общему тогдашнему (403 г.) направленію спартанской политики.

Дж. Гротъ, горячій защитникъ аѳинской демократіи, пользуется извѣстіемъ Діодора о дани для изображенія притѣсненій, которыя приходилось греческимъ городамъ испытывать отъ спартанцевъ. Об-

Библиотека "Руниверс"

щее положеніе Грота: спартанцы во время своей гегемоніи притѣсняли грековъ болѣе, чѣмъ аѳиняне во время своей. Гротъ ссылается и на Панигирическую рѣчь Исократа, въ которой дѣйствительно есть упоминаніе о лакедэмонскихъ поборахъ. Повторяя увѣщаніе соединиться для покоренія варваровъ, Исократъ говоритъ: „предпринять такое дѣло было бы гораздо приличнѣе (для спартанцевъ), чѣмъ собирать деньги съ островитянъ (ἢ τοὺς νησιώτας διαμολογεῖν), которыхъ стоитъ пожалѣть, что они принуждены по недостатку земли обрабатывать горы (132)". Слова Исократа относятся прежде всего къ порядкамъ 380 года.

Записи о дани городовъ аѳинскихъ дошли до насъ въ значительномъ количествѣ драгоцѣнныхъ обломковъ, принадлежащихъ къ числу важнѣйшихъ документовъ греческой исторіи. Спартанцы были *неписьменнымъ* народомъ, и не удивительно, что не сохранилось надписей о дани городовъ спартанцамъ. Есть однако одна надпись, заключающая въ себѣ перечень *пожертвованій* городовъ и частныхъ лицъ лакедэмонянамъ на войну (Dittenberger Sylloge № 34). Къ сожалѣнію, надпись извѣстна только по списку Фурмона. Ее относятъ къ архидамовской войнѣ и даже къ событіямъ 478 года. Во всякомъ случаѣ, она не относится къ дани времени послѣ битвы при Эгоспотамахъ.

Во второй періодъ пелопоннисской войны спартанцы получили большія суммы отъ персидскаго правительства. Упоминаются у Ксенофонта и добровольные взносы городовъ Азіи (при Калликратидѣ). По Исократу (de pace 97), царь далъ лакедэмонянамъ на войну болѣе 5.000 талантовъ. Исократъ рисуетъ яркими красками, какъ пріобрѣтеніе могущественной власти надъ всею Элладою испортило лакедэмонянъ, какъ они стали злоупотреблять властью. Для Отфрида Мюллера доряне и особенно спартанцы были идеаломъ. Прекрасно изображаетъ онъ суровые, патріархальные и вмѣстѣ съ тѣмъ высоконравственные обычаи и порядки Спарты. Идеализація неизбѣжна была въ такой картинѣ. Прекрасно объясняетъ онъ, какъ необходимо было спартанцамъ вступить въ рѣшительную борьбу съ аѳинянами, и какъ старые порядки оказались совершенно несостоятельными въ этой борьбѣ, какъ спартанцы принуждены были организовать флотъ, казну, должны были доставать огромныя суммы денегъ, и какъ неизбѣжно было паденіе всего древняго строя. Поливій излагаетъ то же самое короче (VI 48—50). Ликургово устройство было хорошо для

Библиотека "Руниверс"

частной жизни, хорошо для внутренняго порядка, для прочной политической свободы, но не годилось для господства надъ другими, для внѣшняго могущества. Пока они стремились къ власти надъ сосѣдями, надъ пелопоннисцами, то соразмѣряли свои дѣйствія съ достатками и средствами самой Лаконіи, имѣя подъ руками необходимые запасы, скоро могли возвращаться домой и перевозить обозы. А когда они предприняли высылать флоты въ море, выходить войскомъ за предѣлы Пелопоннеса, ясно, что нельзя было остаться при желѣзной монетѣ, не хватало на покрытіе расходовъ ежегоднаго сбора плодовъ страны. Поэтому принуждены были они ходить къ дверямъ персовъ, *налагать дань на островитянъ, собирать деньги со всѣхъ эллиновъ.*

Передъ началомъ пелопоннисской войны всѣ греки сочувствовали спартанцамъ, сравнивали униженіе аѳинскихъ союзниковъ, платившихъ дань, бывшихъ въ полномъ повиновеніи у аѳинянъ, съ полною свободою пелопоннисскихъ союзниковъ Спарты. Никакихъ денегъ спартанцы не брали съ пелопоннисскихъ городовъ. Пелопоннисцы добровольно признавали предводительство спартанцевъ въ рѣдкихъ случаяхъ общихъ воинскихъ походовъ. „У другихъ много денегъ и кораблей и лошадей, а у насъ доблестные союзники, которыхъ мы не выдадимъ“—такъ говоритъ истинный спартанецъ.—Но другую сторону рисуетъ Сократъ молодому Алкивіаду въ платоновскомъ діалогѣ „Алкивіадъ первый“. „Золота и серебра нѣтъ столько у всѣхъ эллиновъ, сколько въ Лакедэмонѣ у частныхъ людей: уже много поколѣній входитъ туда отъ всѣхъ эллиновъ, часто и отъ варваровъ, и никуда не выходитъ, но просто по Эзоповой баснѣ, что лисица сказала льву, много видно слѣдовъ денегъ идущихъ въ Лакедэмонъ и никакихъ слѣдовъ выходящихъ оттуда денегъ. Такъ что надобно хорошо помнить, что тамошніе золотомъ и серебромъ первые богачи изъ грековъ“. Спартанцы были извѣстны своимъ корыстолюбіемъ, частные дома ихъ богатѣли, конечно, и раньше пелопоннисской войны. Оффиціальная желѣзная монета, оффиціальная простота жизни, обязательный плохой обѣдъ въ сисситіяхъ не мѣшали, напримѣръ, Павсанію получить богатѣйшіе дары на платэйскомъ полѣ отъ всего эллинскаго войска, и между прочимъ десять талантовъ. Но главнымъ образомъ изображенный Платономъ притокъ денегъ въ Спарту отъ эллиновъ и варваровъ начался со второй половины пелопоннисской войны, съ вооруженіемъ большаго флота, съ установленіемъ владычества на морѣ.

До сихъ поръ важный фактъ дани союзниковъ во время лакедэ-

Библиотека "Руниверс"

монской гегемоніи не былъ установленъ съ точностью, а были только самыя краткія, общія, косвенныя упоминанія, приведенныя выше. Въ аристотелевской Πολιτεία Ἀθηναίων мы встрѣчаемъ въ первый разъ упоминаніе объ этой дани въ текстѣ государственнаго акта 403 года. Аристотель приводитъ полный текстъ состоявшагося, при посредствѣ царя Павсанія и десяти (по Ксенофонту, пятнадцати) присланныхъ изъ Лакедэмона *примирителей* (διαλλακταί), договора между народомъ аѳинскимъ, бывшимъ въ Пирэѣ съ Ѳрасивуломъ, и гражданами, оставшимися въ городѣ, а также Тридцатью, завладѣвшими Элевсиномъ. Этотъ договоръ—εἰρήνη καὶ διαλύσεις или αἱ διαλύσεις κατὰ τὰς συνθήκας τάσδε (38, 39)—окончилъ междоусобную войну. Лисандръ хотѣлъ поддержать Тридцать и послѣ смерти Критія, хотѣлъ доставить имъ побѣду, самъ пріѣзжалъ въ Элевсинъ (Хенорѣ. Hell. II, 4, 29). Но и Павсаній и правительство спартанское не выдали Тридцать аѳинянамъ. Приведемъ этотъ важный и интересный актъ. „Желающіе изъ аѳинянъ, оставшихся въ городѣ, выселиться будутъ владѣть Элевсиномъ, сохраняя права гражданства, съ полною независимостью и политическою самостоятельностью (ἐπιτίμους ὄντας καὶ κυρίους καὶ αὐτοκράτορας ἑαυτῶν) и пользуясь доходами со своихъ имуществъ (τὰ αὐτῶν καρπουμένους—то-есть съ земель, гдѣ бы въ Аттикѣ онѣ ни находились). Святыня будетъ общею для обѣихъ сторонъ, о ней будутъ заботиться Кирики и Евмолпиды по отчинѣ (κατὰ τὰ πάτρια). Нельзя ни живущимъ въ Элевсинѣ приходить въ городъ, ни живущимъ въ городѣ въ Элевсинъ, кромѣ мистерій тѣмъ и другимъ (такъ какъ празднованіе великихъ мистерій начиналось въ Элевсинѣ, продолжалось въ Аѳинахъ и оканчивалось въ Элевсинѣ, въ опредѣленные дни). Будутъ платить (живущіе въ Элевсинѣ) отъ своихъ доходовъ *въ союзническій сборъ* (εἰς τὸ συμμαχικόν) такъ, какъ и прочіе аѳиняне. Которые изъ уходящихъ возьмутъ домъ въ Элевсинѣ, пусть входятъ въ соглашеніе съ владѣльцемъ; если не придутъ къ соглашенію, пусть тотъ и другой выберутъ по три оцѣнщика, и какую цѣну тѣ положатъ, такую пусть получаетъ домовладѣлецъ. Изъ элевсинцевъ могутъ жить въ Элевсинѣ тѣ, кому позволятъ они (то-есть переселяющіеся въ Элевсинъ). Запись (ἀπογραφή) желающимъ выселиться (изъ Аѳинъ), находящимся въ Аѳинахъ дается въ теченіе десяти дней, считая отъ того дня, когда будутъ даны клятвы, а на выселеніе дается двадцать дней, отсутствующимъ—когда прибудутъ, по тому же разчету. Поселившійся въ Элевсинѣ не можетъ править

Библиотека "Руниверс"

никакой должности въ городѣ, пока не запишется снова, что желаетъ жить въ городѣ. Судъ за убійство будетъ по отчинѣ, если кто кого своею рукою убилъ или ранилъ. О прошломъ нельзя никому ни противу кого злопамятствовать, кромѣ противу Тридцати и Десяти и Одиннадцати и правившихъ къ Пирэѣ, даже и противу нихъ нельзя будетъ, если согласятся подвергнуться суду. Судъ будетъ надъ правившими въ Пирэѣ передъ гражданами, живущими въ Пирэѣ, надъ правившими въ городѣ передъ *входящими въ цензъ* (ἐν τοῖς τὰ τιμήματα παρεχομένοις): и потомъ такимъ образомъ выселяться желающимъ. Деньги, занятыя на войну, обѣ стороны уплатятъ отдѣльно".

Такимъ образомъ, теперь мы имѣемъ *подлинный текстъ соглашенія и амнистіи что при Евклидѣ архонтѣ*. Необходимы нѣкоторыя объяснительныя примѣчанія. Еще Критій приготовилъ себѣ Элевсинъ какъ убѣжище, послѣ отбитія отъ Филы. Онъ арестовалъ въ Элевсинѣ бывшихъ на лицо гражданъ и заставилъ народное собраніе въ Аѳинахъ („горожанъ" или Три Тысячи) осудить ихъ на смерть. Въ соглашеніи 403 года остававшіеся въ живыхъ Тридцать и ихъ приверженцы и желающіе выселиться въ Элевсинъ признаются хозяевами въ Элевсинѣ; настоящіе граждане элевсинскаго дима должны уступать свои дома этимъ хозяевамъ; изъ элевсинцевъ могутъ въ Элевсинѣ жить только тѣ, кого допустятъ хозяева. Исключенные изъ амнистіи всѣ были, вѣроятно, въ день изданія акта соглашенія внѣ власти аѳинянъ, въ безопасности. Въ выраженіи εἰθ' οὕτως ἐξοικεῖν τοὺς ἐθέλοντας (по моему переводу: „и потомъ такимъ образомъ—то-есть, послѣ оправданія по суду — выселяться желающимъ") Классъ пишетъ εἰθ', то-есть εἴτε, и переводитъ sive qui malint, emigrare ut supra scriptum est. То-есть, по его объясненію исключеннымъ изъ амнистіи предоставлено *или* подвергнуться суду, *или* выселиться. Мнѣ кажется, что аѳиняне не предоставляли такого выбора исключеннымъ изъ амнистіи. Всякому исключенному изъ амнистіи и попавшему въ руки аѳинянъ грозила смерть, или по меньшей мѣрѣ страшный судъ народный, предъ тѣмъ народомъ, надъ которымъ такъ свирѣпо владычествовали бывшіе правители въ Аѳинахъ или въ Пирэѣ, а только *въ случаѣ оправданія* предоставлялся выборъ, остаться въ Аѳинахъ или выселиться въ Элевсинъ: и потому должно оставить въ текстѣ акта εἰθ' οὕτως, то-есть εἴτε.—Разбираемый актъ относится къ времени наибольшаго могущества Спарты: спартанцы отдѣляютъ Элев-

Библиотека "Руниверс"

синъ отъ Аѳинъ, какъ особое государство, налагаютъ дань на аѳинянъ, и аѳинскіе граждане вносятъ деньги *по цензу* на уплату этой дани. Казна аѳинская была совершенно истощена, Десять (*первая* олигархическая коллегія Десяти), правившіе въ Аѳинахъ послѣ Тридцати, заняли у спартанцевъ 100 талантовъ для веденія войны съ бывшими въ Пирэѣ: пришлось разложить дань, какъ εἰσφοράν, на достаточныхъ гражданъ. Слова οἱ τὰ τιμήματα παρεχόμενοι не могутъ означать ничего другаго.

Въ числѣ условій мира 404 года не упоминается дань: но это совершенно въ духѣ древнихъ, и особенно въ духѣ спартанцевъ. Истолкованіе условій или законовъ иногда значительно расширяло ихъ содержаніе. Въ условіяхъ мира было сказано: „аѳиняне будутъ считать врагомъ и другомъ однихъ и тѣхъ же вмѣстѣ съ лакедэмонянами и будутъ сопровождать лакедэмонянъ и на сушѣ и на морѣ, куда поведутъ". Такимъ образомъ аѳиняне стали подвластными союзниками лакедэмонянъ, и къ нимъ было примѣнено требованіе *союзническаго сбора* (συμμαχικόν), какъ къ островитянамъ, азіатскимъ и, вѣроятно, ѳракійскимъ грекамъ. Теперь оправдываются слова Діодора, приведенныя нами въ началѣ статьи, что лакедэмоняне наложили дань на покоренныхъ войною—ἔταξαν φόρους τοῖς καταπολεμηθεῖσι.—Лакедэмоняне опредѣлили условія мира исключительно въ своихъ выгодахъ, не обращая никакого вниманія на интересы своихъ пелопоннисскихъ союзниковъ или ѳивянъ. Ѳивскіе послы говорятъ аѳинянамъ въ 895 г.: „коринѳяне, аркады и ахэйцы во время войны противъ насъ участвовали во всѣхъ трудахъ, издержкахъ и опасностяхъ, а когда лакедэмоняне достигли чего хотѣли, какой власти или чести, или *какихъ денегъ* долю дали имъ?" (ἢ ἀρχῆς ἢ τιμῆς ἢ ποίων χρημάτων μεταδεδώκασιν αὐτοῖς; Хен. Hell. III, 5, 12). Охлажденіе отношеній союзниковъ къ Спартѣ началось тотчасъ послѣ конца пелопоннисской войны: коринѳяне и віотійцы отказались участвовать въ походѣ Павсанія на Пирэй, зная, что лакедэмоняне хотятъ сдѣлать землю аѳинянъ себѣ близкою и вѣрною — τὴν τῶν Ἀθηναίων χώραν οἰκείαν καὶ πιστὴν ποιήσασθαι Хен. Hell. II, 4, 30. Ἀθηναίων χώραν вмѣсто Ἀθηναίους необычное выраженіе,—намекъ на будущее раздробленіе Аттики.

Аѳиняне конечно съ трудомъ выносили такое подвластное и униженное положеніе. Павсаній, вѣроятно, *тотчасъ* по заключеніи соглашенія и клятвъ очистилъ Аѳины и Аттику, потому что одно изъ *трехъ прекрасныхъ дѣлъ* Архина (Aristotel. Πολ. Ἀθ. 40)'—*отнятіе*

Библиотека "Руниверс"

послѣднихъ дней записи въ Элевсинъ — конечно не могло состояться въ присутствіи Павсанія. Не будемъ теперь говорить о другихъ двухъ *прекрасныхъ дѣлахъ* Архина (по нашимъ понятіямъ всѣ три дѣла весьма нехороши): но произвольное сокращеніе договорнаго срока избранія принадлежности къ какому-либо гражданству или государству (option) по нашимъ понятіямъ немыслимо. „Многіе намѣревались переселиться, но откладывали запись до послѣднихъ дней, какъ всѣ обыкновенно дѣлаютъ. Архинъ, видя, что ихъ большое количество, и желая удержать ихъ, отнялъ послѣдніе дни записи, такъ что принуждены были многіе остаться поневолѣ, а потомъ перестали бояться"—ἕως ἐθάρρησαν—то-есть, бояться мести аѳинянъ за содѣйствіе Тридцати.

О записи (ἀπογραφή) выселенія въ Элевсинъ упоминаютъ Ксенофонтъ и Лисій. Разказавъ объ амнистіи и вступленіи Ѳрасивула съ пирэйскимъ ополченіемъ въ Аѳины, Ксенофонтъ заключаетъ: „И тогда установили власти и вступили въ политическія права; а впослѣдствіи (ὑστέρῳ δὲ χρόνῳ), услышавъ, что правящіе въ Элевсинѣ набираютъ наемныхъ воиновъ, пошли на нихъ всенароднымъ ополченіемъ и вождей ихъ, вышедшихъ для переговоровъ, убили, а къ остальнымъ послали (въ Элевсинъ—εἰσπέμψαντες) друзей и родственниковъ и уговорили войдти въ соглашеніе; и давъ клятвы, что не будутъ злопамятствовать, и до сихъ поръ вмѣстѣ пользуются политическими правами, и народъ пребываетъ вѣренъ клятвамъ" (Hell. конецъ II книги). Лисій говоритъ, что граждане часто переходятъ отъ одной политической партіи къ другой, смотря по личной выгодѣ или по необходимости. „Есть нѣкоторые изъ записавшихся въ Элевсинъ (τῶν Ἐλευσῖνάδε ἀπογραψαμένων), которые, выступивъ въ походъ съ вами, осаждали бывшихъ съ ними" (XXV 9).—Аристотель Πολ. Ἀθ. 40 говоритъ въ двухъ строкахъ: „Примирились и съ выселившимися въ Элевсинъ, на третій годъ послѣ выселенія, при Ксенэнетѣ архонтѣ", то-есть 401—400. Нѣтъ никакого упоминанія о противодѣйствіи спартанцевъ, да и легко понять, что спартанцамъ, послѣ соглашенія аѳинянъ съ выселившимися въ Элевсинъ, осталось примириться съ совершившимся фактомъ.

Въ 399 году Ѳивронъ, назначенный командовать въ Азіи, попросилъ у аѳинянъ 300 всадниковъ, обѣщая давать имъ жалованье. Аѳиняне послали изъ числа тѣхъ, которые служили всадниками при Тридцати, считая, что будетъ прибыль для народа, если они отпра-

Библиотека "Руниверс"

вится и погибнуть (Xen. Hell. III, 1, 4).—Въ 395 году аѳиняне вступили въ союзъ съ ѳивянами, аргосцами, коринѳянами и начали войну противъ спартанцевъ. Вѣроятно, аѳиняне очень не долго платили дань спартанцамъ, но пока нѣтъ болѣе никакихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ аѳинянъ къ спартанцамъ въ ближайшее время послѣ амнистіи. Кратковременная спартанская ѳалассократія сокрушена была морскимъ сраженіемъ при Книдѣ 394 года.

II.

Четыре совѣта.

Послѣ заключенія Никіева мира союзники лакедэмонянъ были въ высшей степени недовольны ихъ эгоистическимъ поведеніемъ, особенно коринѳяне и віотійцы, которые даже не хотѣли признавать мира. Коринѳяне предложили аргосцамъ взять предводительство въ Пелопоннисѣ, такъ какъ лакедэмоняне заключили миръ, а потомъ и союзъ съ аѳинянами не на добро, а на порабощеніе Пелопоннниса. Аргосцы съ готовностью взялись за дѣло. Мантинейцы, элейцы, коринѳяне, халкидцы ѳракійскіе стали союзниками аргосцевъ. Віотійцы и мегарцы колебались: аргосская демократія *къ ихъ олигархическому правленію* менѣе подходила, чѣмъ лакедэмонское государственное устройство (Ѳукид. V 31). Осенью 421 года въ числѣ новыхъ эфоровъ было два враждебно настроенные къ аѳинянамъ, Клеовулъ и Ксенаръ. Они внушили бывшимъ въ Спартѣ посламъ віотійскимъ и коринѳскимъ стараться, чтобы віотійцы, сдѣлавшись сначала союзниками аргосцевъ, потомъ вмѣстѣ съ віотійцами аргосцевъ сдѣлали союзниками лакедэмонянъ. Лакедэмоняне очень желали вступить въ прочныя дружественныя отношенія къ аргосцамъ (36). Этихъ віотійскихъ и коринѳскихъ пословъ сторожили на возвратномъ пути два главныхъ чиновника аргосскихъ и имѣли свиданіе съ ними. Аргосцамъ хотѣлось, чтобы віотійцы стали ихъ союзниками, какъ коринѳяне, элейцы и мантинейцы. Віотійскимъ посламъ рѣчи аргосцевъ нравились: случайно они просили о томъ же, о чемъ хлопотать дали имъ порученіе ихъ лакедэмонскіе друзья. Аргосскіе чиновники, замѣтивъ, что віотійцы сочувственно принимаютъ ихъ рѣчи, сказали, что пришлютъ пословъ къ віотійцамъ. Возвратясь домой, віотійскіе послы передали віотархамъ, что говорили лакедэмоняне, и что аргос-

Библиотека "Руниверс"

скіе чиновники. Віотархи также отнеслись къ этимъ предположеніямъ съ полнымъ сочувствіемъ, потому что въ одно и то же время съ обѣихъ сторонъ и ихъ лакедэмонскіе друзья, и аргосцы стремились къ одной цѣли. Не много спустя прибыли послы аргосскіе съ прямыми предложеніями: віотархи отпустили ихъ, одобривъ ихъ рѣчи и обѣщавъ прислать пословъ о союзѣ въ Аргосъ (37). Віотархи, коринеяне, мегарцы и послы эракійскихъ грековъ рѣшили, что лучше будетъ сначала дать взаимныя клятвы, что будутъ защищать другъ друга и не будутъ ни воевать, ни заключать мира ни съ кѣмъ безъ общаго согласія, и потомъ уже віотійцы и мегарцы заключатъ союзъ съ аргосцами. Но прежде чѣмъ приступить къ клятвамъ, віотархи сообщили дѣло *четыремъ совѣтамъ* віотійцевъ, *которые имѣютъ всю власть* (ταῖς τέσσαρσι βουλαῖς τῶν Βοιωτῶν, αἵπερ ἅπαν τὸ κῦρος ἔχουσι), и убѣждали, чтобы состоялись клятвы между городами, которые желаютъ для общей пользы войдти во взаимныя клятвы съ віотійцами. Но *члены віотійскихъ совѣтовъ* не принимаютъ этой рѣчи, боясь, чтобы не сдѣлать противность лакедэмонянамъ, если вступятъ во взаимныя клятвы съ коринеянами, отпавшими отъ нихъ. Віотархи не сказали совѣтамъ, что было говорено въ Лакедэмонѣ, что изъ эфоровъ Клеовулъ и Ксенаръ и віотійскіе друзья уговариваютъ ихъ стать сначала союзниками аргосцевъ и коринеянъ, а потомъ вмѣстѣ со всѣми быть на сторонѣ лакедэмонянъ. Віотархи думали, что *совѣты*, если они и не скажутъ, не иное что постановятъ, какъ то, что они, напередъ разузнавъ дѣло, предложатъ. Когда же встрѣчено было противодѣйствіе, послы коринескіе и эракійскихъ грековъ ушли съ отказомъ, віотархи уже и не внесли предложенія о союзѣ съ аргосцами *въ совѣты* и пр. (38).

Итакъ, объ одномъ и томъ же высшемъ учрежденіи віотійскаго союза Ѳукидидъ безразлично употребляетъ выраженія: четыре совѣта, совѣты, совѣтъ. — Приведенный Аристотелемъ Πολ. Ἀθ. 30 проектъ олигархической конституціи четырехсотъ объясняетъ, мнѣ кажется, эти четыре совѣта віотійцевъ. — До открытія трактата Аристотеля ученые не могли найдти разгадки. Думали, не было ли какой нибудь связи четырехъ совѣтовъ съ раздѣленіемъ самой Віотіи на части (въ родѣ четырехъ четвертей Ѳессаліи?). Hermann Staatsalt. 5-ое изд., p. 723. „Большой совѣтъ составлялся изъ четырехъ малыхъ совѣтовъ“ Gilbert Staatsalt. 2-й томъ, p. 57: „Что эти совѣты — олигархическое учрежденіе и уничтожены Эпаминондомъ и Пелопидомъ,

Библиотека "Руниверс"

правдоподобное (ansprechende) предположеніе Лимана. Какъ намъ мыслить отношеніе четырехъ малыхъ совѣтовъ къ большому, нельзя опредѣлить. Klütz предполагаетъ, что четыре совѣта засѣдали въ четырехъ важнѣйшихъ городахъ Віотіи и оттуда управляли каждый четвертью страны, а въ важныхъ случаяхъ собирались въ одинъ большой совѣтъ, учрежденіе, которое хорошо соотвѣтствовало бы олигархическому отвращенію къ централизаціи управленія" — Ibidem.

Въ Πολιτεία Ἀθηναίων приводится нѣсколько подлинныхъ актовъ, относящихся къ перевороту четырехсотъ. Народному собранію, созванному или *запертому* въ Колонѣ (Thuc. VIII 67), комиссія ξυγγραφέων αὐτοκρατόρων представила сначала только отмѣну γραφῆς παρανόμων и другихъ конституціонныхъ гарантій демократіи. И притомъ, вѣроятно, олигархическіе заговорщики прямо повели дѣло въ народномъ собраніи такъ, что это предоставленіе уже не подлежитъ обсужденію, а должно быть принято какъ законъ *полномочной* комиссіи. Затѣмъ та же комиссія (οἱ μὲν οὖν αἱρεθέντες ταῦτα συνέγραψαν) внесла слѣдующее предложеніе: „доходы нельзя издерживать никуда кромѣ какъ на войну, всѣ власти будутъ править безъ жалованья и пр.— Всю государственную власть поручить тѣмъ изъ аѳинскихъ гражданъ, которые всего болѣе въ состояніи служить и сами, и своимъ имуществомъ, числомъ не менѣе пяти тысячъ, до тѣхъ поръ пока будетъ война. Они будутъ имѣть власть и договоръ заключать, съ кѣмъ хотятъ. Выбрать изъ каждой филы по десяти человѣкъ старше сорока лѣтъ, которые составятъ списокъ Пяти Тысячъ, поклявшись при высшихъ жертвахъ".

Народное собраніе утвердило это предложеніе. „Тогда Пять Тысячъ выбрали изъ своей среды сто человѣкъ для написанія государственнаго устройства". Заговорщики, напугавшіе народъ, руководившіе преніями, объявили слѣдовательно, что здѣсь присутствующій народъ представляетъ собою Пять Тысячъ. Сто человѣкъ выбраны были въ этомъ же самомъ народномъ собраніи, и они должны были составить списокъ Пяти Тысячъ; но въ протоколъ было записано, что Пять Тысячъ избрали сто человѣкъ.—„Избранные написали и вынесли (въ народное собраніе) слѣдующее: засѣдать въ совѣтѣ на годъ гражданамъ старше тридцати лѣтъ безъ жалованья и пр. — Сдѣлать *четыре совѣта* изъ вышесказаннаго возраста на будущее время, и изъ нихъ засѣдать въ совѣтѣ (βουλεύειν) части (то есть, одной изъ

Библиотека "Руниверс"

четырехъ частей) по жребію; раздѣлить и другихъ на каждую долю (νεῖμαι δὲ καὶ τοὺς ἄλλους πρὸς τὴν λῆξιν ἑκάστην: то-есть, раздѣлить на четыре очереди всѣхъ δυνατωτάτους καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν λητουργεῖν, всѣхъ Πεντακισχιλίους: требованію τοῖς σώμασιν δύνασθαι λητουργεῖν удовлетворяетъ возрастъ старше 30 лѣтъ). Сто человѣкъ раздѣлятъ самихъ себя и другихъ на четыре части какъ можно равнѣе и жребіемъ опредѣлятъ, и на годъ будутъ въ совѣтѣ" и пр.

Эта конституція осталась, такъ сказать, на бумагѣ. Но Оирамент и нѣкоторые другіе относились къ ней серьезно: по крайней мѣрѣ она вполнѣ соотвѣтствуетъ идеалу Оирамена.—Можно предположить, что въ Віотіи всѣ достаточные люди (можетъ быть, былъ опредѣленный цензъ) входили въ составъ совѣта, раздѣлявшагося на четыре очереди: онѣ и назывались τέσσαρες βουλαί. Дѣла не первой важности рѣшалъ правящій очередной совѣтъ; для важнѣйшихъ рѣшеній приглашали остальныя три очереди, то-есть, всѣхъ пользовавшихся политическими правами. Въ аѳинскомъ проектѣ сказано: „если захотятъ о чемъ либо посовѣтоваться съ большимъ числомъ, то каждый (совѣтникъ) можетъ пригласить одного, кого желаетъ, изъ того же возраста" — ἐκκλητὸν ὃν ἂν ἐθέλῃ. Мы приводили выше слова Ѳукидида, что въ Віотіи было тогда олигархическое правленіе. Но оно могло быть болѣе и менѣе тѣснымъ: все зависѣло отъ ценза. — Въ IV столѣтіи учрежденъ былъ аркадскій союзъ, и верховная власть предоставлена была собранію Десяти Тысячъ аркадовъ. Вѣроятно, устройство аркадскаго союза было болѣе демократично, чѣмъ устройство віотійскаго союза въ 421 году; но также вѣроятно, что не всѣ граждане всѣхъ аркадскихъ городовъ были въ числѣ Десяти Тысячъ, а былъ нѣкоторый цензъ. Μύριοι Ἀρκάδων, конечно, значитъ Десять Тысячъ, а не „die Unzähligen", какъ переводитъ Gilbert 2, p. 133, не „весьма многіе" аркады, какъ переводитъ проф. Мищенко (предисловіе къ переводу Полиція, стр. LX слѣд.). Когда въ Аѳинахъ олигархи предложили вручить власть Πεντακισχιλίοις, то разумѣли Пять Тысячъ; и въ то же время Пять Тысячъ аѳинскихъ и Десять Тысячъ аркадовъ были *приблизительными* числами.

Библиотека "Руниверс"

III.

Договоръ Аминта съ халкидцами оранійскими.

Надпись, найденная въ развалинахъ Олинѳа, находящаяся въ Вѣнѣ, изданная, между прочимъ, Sauppe—Inscriptiones Macedonicae quattuor, въ сборникѣ Le Bas-Waddington III № 1406, Dittenberger Sylloge № 60, точный снимокъ даетъ Swoboda—Archaeolog.-epigr. Mitth. aus Oest. VII p. 1 sqq. (1883).

Συνθῆκαι πρὸς Ἀμύνταν τὸν Ἐρριδαίο.
Συνθῆκαι Ἀμύνται τῶι Ἐρριδαίου
καὶ Χαλκιδεῦσι· συμμάχους εἶν
ἀλλήλοισι κατὰ πάντας ἀνθρώπους
ἔτεα πεντή[κοντα· ἐ]άν τις ἐπ' Ἀμύν
ταν ἴηι ἐς τ[ὴν χώρην ἐπὶ π]ολέμωι
[ἢ] ἐπὶ Χαλ[κιδέας, βοηθέειν] Χαλκ[ιδέ
[ας] Ἀμ[ύνται.....

На оборотѣ:

ἐξαγωγὴ δ' ἔστω καὶ πίσσης καὶ ξύλων
[ο]ἰκοδομιστηρίωμ πάντων, ναυπηγη
σίμων δὲ πλὴν ἐλατίνων, ὅτι ἄμ μὴ τὸ
κοινὸν δέηται, τῶι δὲ κοινῶι καὶ τούτων
εἶν ἐξαγωγήν, εἰπόντας Ἀμύνται πρὶν ἐξ
άγειν, τελέοντας τὰ τέλεα τὰ γεγραμμένα.
καὶ τῶν ἄλλων ἐξαγωγὴν δὲ εἶν καὶ δι
αγωγὴν τελέουσιν τέλεα καὶ Χαλκιδεῦ
σι ἐκγ Μακεδονίης καὶ Μακεδόσιν ἐκ
Χαλκιδέων. πρὸς Ἀμφιπολίτας, Βοττι
αίους, Ἀκανθίους, Μενδαίους μὴ [ποιεῖ]
[σθ]αι φιλίην Ἀμύνταμ μηδὲ Χαλκιδ[έας]
[χωρὶς] ἑκατέρους, ἀλλὰ μετὰ μιᾶ[ς γνώ]
[μης, ἐὰν ἀ]μφοτέροις δοκῆι, κοιν[ῆι σπεί]
[σασθαι πρὸς ἐκεί]νους. ὅρκος συμμα[χίας

и пр. Далѣе слѣдуютъ ничтожные остатки.

Дополненія послѣднихъ строкъ принадлежатъ Зауппе. Вмѣстѣ съ Диттенбергеромъ приходится принять, что εἶν вмѣсто εἶναι была діа-

Библиотека "Руниверс"

лектическая форма халкидцевъ ѳракійскихъ, такъ какъ εἶν повторяется три раза въ маленькой надписи. Содержаніе договора не представляетъ затрудненій; интересно время его заключенія.

„*Договоръ съ Аминтомъ сыномъ Эрридэя.* Договоръ между Аминтомъ сыномъ Эрридэя и халкидцами: быть союзниками другъ съ другомъ противъ всѣхъ людей на пятьдесятъ лѣтъ; если кто пойдетъ войною на Аминта или на халкидцевъ, халкидцы будутъ помогать Аминту"...

„Вывозъ позволяется и смолы, и дерева домостроительнаго всякаго, а кораблестроительнаго за исключеніемъ еловаго, что не для нуждъ союза, а для союза допускается вывозъ и этого, сказавши Аминту прежде вывоза, платя установленныя пошлины. И другихъ товаровъ вывозъ позволяется и провозъ (транзитъ) съ уплатою пошлинъ и халкидцамъ изъ Македоніи, и македонянамъ изъ земли халкидцевъ. Съ амфиполитами, воттіэйцами, акаенянами, мендэйцами не заключать дружбы ни Аминту, ни халкидцамъ отдѣльно, по единомысленно, когда обѣ стороны рѣшатъ, сообща заключать договоръ съ ними. Клятва союза"...

Въ договорѣ Аминта съ Аѳинами онъ названъ сыномъ Арридэя (Köhler C. I. Att. II p. 397, 423, Dittenberger № 61). У Діодора XV 60 Θαρραλέου признано опиской вмѣсто ὁ Ἀρριδαίου. Исторія царей македонскихъ до Филиппа извѣстна очень плохо и отрывочно. Хронологическія показанія Діодора о царяхъ отъ смерти Архелая до смерти Аминта, дѣда Александра Великаго, согласны между собою, такъ что выигрываютъ при сравненіи со страшною путаницею, которая оказывается у нашихъ древнихъ хронографовъ, Евсевія и Синкелла. Списки македонскихъ царей до и послѣ Александра Великаго у Евсевія и Синкелла взяты изъ одного источника, изъ сочиненія Порфирія тирскаго, знаменитаго философа (что доказываетъ K. Müller Frag. Hist. Graec. III p. 690). Но у Евсевія и Синкелла, при выписываніи изъ Порфирія, сдѣланы разныя ошибки, кромѣ того являются варіанты чтеній, записки на поляхъ. При составленіи хронологическихъ таблицъ Евсевій работалъ поспѣшно, рѣшалъ свои затрудненія произвольно. Основа этихъ таблицъ и выписокъ, то-есть, работа Порфирія, прекрасна, но возможно-ли добиться до этой основы? Поэтому всѣ знаменитые ученые хронологи и историки, Клинтонъ, Гротъ, Арнольдъ Шеферъ принимали показанія Діодора.—По Діодору, въ 400 — 399 году послѣ убіенія Архелая былъ провозгла-

Библиотека "Руниверс"

шенъ царемъ малолѣтній сынъ его Орестъ, а правителемъ Аэропъ. Аэропъ убилъ малолѣтняго царя и самъ сталъ царствовать; умеръ въ 395 году; ему наслѣдовалъ Павсаній, его сынъ. Въ 394 Аминтъ сынъ Арридэя убилъ измѣною Павсанія и самъ сталъ царемъ; царствовалъ 24 года. до 370 (XIV 37, 84, 89. XV 60). Зауппе относитъ договоръ Аминта съ халкидцами къ самому началу, къ первому году царствованія Аминта, 394 — 393. Онъ основывается на разказѣ Діодора XIV 92, подъ 393 — 392 годомъ: „Аминтъ былъ изгнанъ изъ Македоніи иллирійцами; отчаявшись во власти (ἀπογνοὺς τὴν ἀρχήν) подарилъ олинѳянамъ ближнюю къ нимъ землю, а самъ тогда потерялъ царство, а немного времени спустя, приведенный (καταχθείς) ѳессалійцами, возвратилъ себѣ власть и царствовалъ 24 года. Нѣкоторые говорятъ, что послѣ изгнанія Аминта два года царствовалъ надъ македонянами Аргэй, а потомъ Аминтъ возвратилъ себѣ царство“. Итакъ, заключаетъ Зауппе, въ первый годъ царствованія Аминтъ былъ въ дружбѣ съ олинѳянами; а потомъ уже не было времени его дружбы съ ними до конца его царствованія. Шеферъ въ первомъ изданіи Demosthenes und seine Zeit соглашается съ Зауппе относительно времени договора Аминта съ халкидцами, II pag. 7.

Гутшмидъ (въ Symbola philologorum Bonnensium in honorem Ritschelii, 1867, p. 103 sqq.) отступилъ отъ хронологіи Діодора и составилъ изъ показаній хронографовъ такой списокъ македонскихъ царей, p. 107: Архелай убитъ въ 399; сына его Ореста свергъ въ 396 году Аэропъ [1]), который принялъ имя Архелая II; за нимъ слѣдовалъ въ 392 Аминтъ II, вѣроятно сынъ перваго Архелая; послѣ убіенія Аминта II въ 390 царствовалъ Павсаній сынъ Аэропа. Аминтъ III сталъ царствовать съ 389 года; Аргэй съ 383 до 381; Аминтъ III снова съ 381 до 369. Гутшмидъ основывается главнымъ образомъ на записи на поляхъ рукописей Синкелла (см. Karl Müller l. c.); Аминта сына Архелая находитъ онъ въ Политикѣ Аристотеля (V 8). „Архелай младшую свою дочь выдалъ за своего сына Аминта, думая, что такъ Аминтъ не будетъ ссориться съ сыномъ Клеопатры“. Этотъ сынъ Архелая и Клеопатры не Орестъ-ли? Нѣсколькими строками выше у Аристотеля упоминается, что Аминтъ малый (ὁ μικρός)

[1]) Изъ Полiэна II, 1, 17 и IV, 4, 3 видно, что въ концѣ лѣта 394 года въ Македоніи царствовалъ Аэропъ.

Библиотека "Руниверс"

убитъ Дердомъ. Что Аэропъ назвался Архелаемъ, Гутшмидъ взялъ опять изъ записи на поляхъ Синкелла: противъ имени Аэропа на полѣ написано Ἀρχέλαος. Порядокъ царей у Гутшмида есть порядокъ marginis Синкелла и таблицъ Евсевія, но годы царствованій въ таблицахъ Евсевія показаны невозможные. Орестъ по таблицамъ Евсевія (р. 108 и сл. II тома Schöne) царствуетъ съ 407 года (по армянскому переводу; годомъ раньше по переводу Іеронима), Архелай съ 404. Аминтъ въ 400, Павсаній въ 399, Аминтъ съ 398, Аргэй съ 392, Аминтъ съ 390, Александръ съ 372. Первыя цифры и послѣдняя противорѣчатъ достовѣрнымъ извѣстіямъ. О времени Аргэя согласно съ варіантомъ, приведеннымъ у Діодора.

Диттенбергеръ и Шеферъ во второмъ изданіи совершенно принимаютъ предположенія Гутшмида (по объясненію Макса Гофманна, издавшаго трудъ Шефера послѣ его смерти, все, что не въ скобкахъ, взято изъ помѣтокъ самого Шефера). Свобода (Archaeologisch-epigraphische Mitth. aus Oest. VII) отвергаетъ разчетъ Гутшмида и возвращается къ Діодору и къ мнѣнію Зауппе о времени договора съ халкидцами.

Мы приводили разказъ Діодора объ изгнаніи Аминта въ 393 — 392 году. Объ этихъ изгнаніяхъ и возвращеніяхъ Аминта сохранились разныя отрывочныя извѣстія. У историковъ, которыми пользовался Діодоръ, онъ находилъ не одинаковыя извѣстія: ἔνιοι δέ φασι и пр. (см. выше). Разказъ о подаркѣ земли олинеянамъ, сдѣланномъ, когда Аминтъ отчаялся возвратить себѣ царство, Діодоръ повторяетъ подъ 383 годомъ, излагая причины олинѳской войны. „Въ Македоніи Аминтъ царь, побѣжденный иллирійцами и отчаявшійся во власти (καὶ τὰ κατὰ τὴν ἀρχὴν ἀπογνόντος), подарилъ олинеянамъ значительную пограничную землю, потому что отчаялся возвратить себѣ господство (διὰ τὴν ἀπόγνωσιν τῆς ἑαυτοῦ δυναστείας). Сначала олинеяне получали доходы съ дарованной земли, а потомъ царь неожиданно поправился и возвратилъ себѣ всѣ свои владѣнія и тогда потребовалъ назадъ землю, а олинеяне не въ состояніи были отдать (οὐχ οἷοι ἦσαν ἀποδιδόναι). Тогда Аминтъ и собственное войско составилъ и заключилъ союзъ съ лакедэмонянами и убѣдилъ ихъ послать войско противъ олинеянъ“.—Діодоръ нерѣдко сокращаетъ разказы своихъ источниковъ до неузнаваемости, любитъ анекдотичную, моральную и эффектную оболочку, и по временамъ событія въ его сокращенномъ изложеніи принимаютъ нелѣпый видъ, въ родѣ только что приведен-

Библиотека "Руниверс"

наго мѣста. Выходитъ, что Аминтъ даритъ землю олинеянамъ, потому что все равно ему, все царство пропало. И потомъ олинеяне не въ состояніи отдать. какъ будто растратили сумму, данную на храненіе.

Нѣчто совсѣмъ другое является въ извѣстномъ разказѣ Ксенофонта о жалобѣ акаенянъ и аполлоніатовъ въ Спартѣ и о началѣ Олинеской войны — Hell. V, 2, 11 sqq. „Пришли въ Лакедэмонъ послы изъ Аканеа и Аполлоніи, самыхъ большихъ городовъ изъ числа сосѣднихъ съ Олинеомъ. Эфоры, выслушавъ ихъ, представили ихъ народному собранію и союзникамъ". Послы держали такую рѣчь: „Вы знаете, что самый большой изъ оракійскихъ городовъ Олинеъ. Они присоединили къ себѣ нѣкоторые города на томъ условіи, чтобы имѣть одни и тѣже законы и *одно гражданство* (καὶ συμπολιτεύειν). Потомъ и нѣкоторые болѣе значительные города присоединили. Послѣ этого предприняли и города Македоніи освобождать отъ Аминта царя македонянъ. Когда послушались ихъ ближайшіе къ нимъ, скоро они пошли и на дальніе и болѣе значительные; и мы оставили ихъ владѣющими уже кромѣ многихъ другихъ городовъ и Поллою, главнымъ городомъ Македоніи; и Аминтъ, какъ мы слышали, отступилъ изъ городовъ и только что не вытѣсненъ уже изъ всей Македоніи — ὃσον οὐκ ἐκπεπτωκότα ἤδη ἐκ πάσης Μακεδονίας. Олинеяне послали и къ намъ и объявили намъ, что если не пришлемъ нашего ополченія въ ихъ войско въ походъ, они пойдутъ на насъ. Мы хотѣли бы сохранять отеческіе законы и наше особое гражданство (αὐτοκολῖται εἶναι): но если никто намъ не поможетъ, необходимо будетъ и намъ присоединиться къ нимъ". Послы описываютъ силу и энергію олинеянъ. Аеняне и еивяне уже вступили въ сношенія съ ними. „Они имѣютъ Потидэю, лежащую на перешейкѣ Паллины: считайте, что и города внутри Паллины будутъ подвластны имъ. Вотъ вамъ будетъ доказательство того, какъ сильно эти города напуганы: они сильно ненавидятъ олинеянъ, но все-таки не осмѣлились вмѣстѣ съ нами послать пословъ. Вы заботитесь, чтобы Віотія не была соединена; какъ же вы будете не обращать вниманія на то, что собирается гораздо большая сила, и притомъ не только на сушѣ, но и на морѣ? Что можетъ тому воспрепятствовать, когда кораблестроительный лѣсъ находится въ самой землѣ, а денежные доходы изъ многихъ гаваней, изъ многихъ торговыхъ портовъ, и многолюдное населеніе, потому что много хлѣба?"

Библиотека "Руниверс"

Спартанцы и союзники рѣшили воевать съ олинѳянами, заключили союзъ съ Аминтомъ. Спартанскій вождь Телевтій „послалъ къ Аминту и предложилъ ему и наемниковъ собирать и сосѣднимъ царямъ деньги давать, чтобы они были его союзниками, если хочетъ возвратить себѣ власть—τὴν ἀρχὴν ἀναλαβεῖν.. Послалъ и къ Дерду владѣтелю Элиміи, представляя ему, что олинѳяне покорили (κατεστραμμένοι εἶεν) большую силу Македоніи и не оставятъ въ покоѣ меньшую (Элимію)". Аминтъ и Дердъ помогали спартанцамъ противъ олинѳянъ. Олинѳяне сопротивлялись храбро и долго и даже одержали полную побѣду надъ войскомъ Телевтія, который самъ былъ убитъ. Послѣ этого пораженія спартанцы послали царя Агисиполида и сильное войско. Агисиполидъ прошелъ, какъ вѣроятно и Телевтій, чрезъ Македонію (Xen. Hell. V, 3, 18). Онъ опустошилъ всю землю олинѳянъ, взялъ приступомъ Торону. По смерти Агисиполида вождь Поливіадъ довелъ олинѳянъ до крайняго голода, съ моря также былъ отрѣзанъ подвозъ хлѣба. Олинѳяне заключили миръ на томъ, чтобы считать одного и того же врагомъ и другомъ съ лакедэмонянами и сопровождать войскомъ куда поведутъ и быть союзниками (V, 3, 26). Демосѳенъ для ораторской цѣли совсѣмъ иначе говоритъ объ этомъ мирѣ. Когда не было измѣнниковъ, олинѳяне отбились отъ лакедэмонянъ, хотя имѣли меньше силы, чѣмъ при Филиппѣ — вотъ главная мысль Демосѳена (de falsa leg. 263 sqq.). „У нихъ было только 400 всадниковъ и всѣхъ ихъ было не болѣе пяти тысячъ, *тогда еще не всѣ халкидцы соединены были въ одно государство* — οὔπω Χαλκιδέων πάντων εἰς ἓν συνῳκισμένων, но все-таки они нѣсколько разъ побѣждали лакедэмонянъ, не потеряли ни одного города, ни одной крѣпости и наконецъ покончили войну на тѣхъ условіяхъ, на какихъ хотѣли — ὅπως ἐβούλοντο, οὕτω τὸν πόλεμον κατέθεντο". Мы видѣли, что олинѳяне вполнѣ покорились лакедэмонянамъ, заключили миръ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ аѳиняне въ 404 году; но власть лакедэмонянъ надъ олинѳянами и халкидцами ѳракійскими была также точно кратковременна, какъ и надъ аѳинянами. — Во время войны спартанцевъ съ олинѳянами Аминтъ возвратилъ себѣ потерянныя владѣнія. „Аминтъ царь македонянъ, побѣжденный сосѣдними варварами въ сраженіи и лишенный всей Македоніи, сначала думалъ оставить страну и спасать жизнь, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе, занялъ маленькое мѣстечко и доставъ помощь отсюда (то-есть, изъ Спарты), въ три мѣсяца завладѣлъ всей Македоніей и съ тѣхъ поръ

Библиотека "Руниверс"

царствовалъ до смерти въ старости"—Isocrat. Archid. 46.—Есть упоминаніе, что *оессалійцы* изгнали Аминта (Demosthen. c. Arist. 111). Эсхинъ разказываетъ, какъ онъ, будучи посломъ, перечислялъ Филиппу услуги аѳинянъ, оказанныя его отцу Аминту (de falsa leg. 26). Схоліастъ примѣчаетъ: „когда Аминтъ былъ изгнанъ изъ царства оессалійцами, аѳиняне и лакедэмоняне возвратили его снова на царство". Эсхинъ далѣе описываетъ сцену, какъ вдова Аминта Евридика съ малолѣтними сыновьями Пердиккомъ и Филиппомъ прибѣгла къ защитѣ Ификрата и напомнила, что Аминтъ усыновилъ Ификрата.—Что было на самомъ дѣлѣ, трудно сказать: самъ Эсхинъ, несмотря на все увлеченіе краснорѣчія, прибавляетъ: „какъ по крайней мѣрѣ говорятъ всѣ присутствовавшіе".

Храбрые и искусные аѳинскіе стратиги IV вѣка часто надобны были царямъ и династамъ и были вознаграждаемы. Котисъ выдалъ за Ификрата сестру свою; Ясонъ и Алкетъ пріѣзжали въ Аѳины заступаться за Тимоѳея, бывшаго подъ судомъ; могъ и Аминтъ усыновить Ификрата. Но когда оессалійцы изгнали Аминта? Былъ-ли такой фактъ когда нибудь? По Діодору, напротивъ, оессалійцы возстановили Аминта на царство скоро послѣ 393 — XIV 92 (см. выше). О томъ, что аѳиняне вмѣстѣ съ лакедэмонянами помогали возстановить Аминта, упоминается только въ схоліяхъ на Эсхина, и ораторы аѳинскіе ничего не говорятъ объ этомъ, перечисляя услуги аѳинянъ македонскому дому.

Исократъ въ Панигирической рѣчи, написанной во время Олинѳской войны (380), говоритъ: „нынѣ спартанцы осаждаютъ олинѳянъ, а Аминту, царю македонянъ, помогаютъ". Это сказано въ порицаніе; еслибы аѳиняне помогали лакедэмонянамъ, Исократъ не могъ-бы такъ сказать.

Арн. Шеферъ (какъ и другіе ученые) составляетъ изъ всѣхъ различныхъ упоминаній объ изгнаніяхъ и возстановленіяхъ Аминта одинъ разказъ (Demosthenes und seine Zeit, 1-е изд., томъ II, p. 6 sqq.; во второмъ изданіи повторяется то же самое), въ которомъ находитъ мѣсто каждое упоминаніе. Но пользоваться отрывочными указаніями какъ одинаково достовѣрными можно только, если мы имѣемъ дѣло съ указаніями надписей. Намъ остается главною опорою разказъ Ксенофонта.

Въ 379 году Олинѳъ покорился спартанцамъ. Шеферъ примѣчаетъ: „Ксенофонтъ и Діодоръ не упоминаютъ особо объ уничтоженіи хал-

Библиотека "Руниверс"

кидскаго союза, но оно само собою разумѣется при присоединеніи къ спартанскому союзу. Въ словахъ Діодора (XV 23) ἐγγραφέντων δὲ τῶν Ὀλυνθίων εἰς τὴν τῶν Σπαρτιατῶν συμμαχίαν, πολλαὶ καὶ τῶν ἄλλων πόλεων ἔσπευσαν εἰς τὴν Λακεδαιμονίων ἡγεμονίαν καταλεχθῆναι слѣдуетъ разумѣть города халкидско-ѳракійской земли". Мнѣ кажется, что спартанцы могли оставить въ силѣ симполитію халкидскую, подчинивъ ее своей игемоніи.—Скоро послѣ начала Олинѳской войны лакедэмоняне заняли Кадмею. Скоро послѣ конца Олинѳской войны ѳивяне освободились, и начинается время Пелопида и Эпаминонда. Въ 378 году лакедэмоняне поссорились съ аѳинянами, и аѳиняне возстановляютъ свою игемонію на морѣ, составляютъ союзъ на условіи равенства, приглашаютъ всѣхъ желающихъ и грековъ и варваровъ, кромѣ находящихся въ землѣ царя, къ союзу, для того чтобы принудить лакедэмонянъ оставить эллиновъ свободными. Такъ говорится въ знаменитомъ актѣ архонтства Навсиника. Аѳиняне сосчитали свои силы, сдѣлали большія вооруженія, ввели постоянную εἰσφορὰν и симморіи. Въ борьбѣ съ аѳинскимъ союзомъ и Ѳивами лакедэмоняне также сосчитали свои силы и раздѣлили союзъ свой на десять долей, между которыми поставка войска, флота и денегъ была раздѣлена поровну. Это любопытное раздѣленіе сообщаетъ Діодоръ (XV 31). Первую долю держали лакедэмоняне, вторую и третью аркады, четвертую элейцы, пятую ахейцы, шестую коринѳяне и мегарцы, седьмую сикіонцы, фліасійцы и города Акты арголійской, восьмую акарнаны, девятую фокейцы и локрійцы, десятую олинѳяне и ѳракійскіе союзники. Акарнановъ подчинили себѣ спартанцы незадолго до Анталкидова мира, олинѳянъ и халкидцевъ ѳракійскихъ только два года передъ этимъ. Спартанцы не уничтожали союза ахейскаго, союза фокейскаго и, конечно, не потребовали уничтоженія союза акарнанскаго; вѣроятно, не потребовали и уничтоженія халкидско-олинѳскаго союза. Поэтому, можетъ быть, Демосѳенъ и сказалъ, что олинѳяне заключили миръ ὅπως ἐβούλοντο.— Война пошла неудачно для спартанцевъ. Если около 374 года спартанцы не могли послать войска въ Ѳессалію противъ Ясона, то тѣмъ паче не могли держать подъ своею властью халкидцевъ ѳракійскихъ. На лѣвой узкой сторонѣ стилы союза, заключеннаго при Навсиникѣ архонтѣ, записаны государства, вступившія въ союзъ съ аѳинянами послѣ написанія союзнаго акта, послѣ, положимъ, февраля 377 года, записаны по мѣрѣ того, какъ вступали въ союзъ, что постановлено въ самомъ союзномъ актѣ, и что видно по разности самихъ начерта-

Библиотека "Руниверс"

ній. На четвертомъ мѣстѣ записаны [Χαλκι]δῆς ἀπὸ [Θράικης]. Шеферъ и за нимъ Бузольтъ, Диттенбергеръ и Свобода думаютъ, что дѣло идетъ о какой-то неизвѣстной Халкидѣ на Аѳонѣ, упоминаемой однимъ Стефаномъ Византійскимъ; что о союзѣ халкидскомъ не можетъ быть и рѣчи [1]). Я думаю, что записаны именно халкидцы ѳракійскіе цѣлымъ союзомъ, или, лучше сказать, цѣлою симполитіею. Тутъ же подъ ними записаны акарнаны, конечно всѣмъ союзомъ, записанъ Алкетъ царь молоссовъ, былъ записанъ, кажется, самъ Ясонъ; а при самомъ составленіи акта записаны ѳивяне. Ни акарнаны, ни Алкетъ, ни ѳивяне не были подвластны аѳинянамъ и не платили συντάξεις, а вступили въ союзъ по приглашенію аѳинянъ, на равныхъ правахъ. Такъ точно и симполитія халкидцевъ ѳракійскихъ, отпавъ отъ спартанцевъ, какъ отпали акарнаны, и раньше акарнановъ и Алкета, слѣдовательно раньше похода Тимоѳея 375 года, или въ самомъ 375 г., заключила союзъ съ аѳинянами на равныхъ правахъ. Потомъ, въ 360-хъ годахъ, аѳиняне хотѣли покорить халкидцевъ ѳракійскихъ и вели съ ними серьезную войну, поссорившись съ олинѳянами изъ за Амфиполя; но въ 375 году было другое положеніе.

Договоръ Аминта съ халкидцами ѳракійскими, сохранившійся въ надписи, относится не къ первому году, а къ концу царствованія Аминта, ко времени около 375 года, когда олинѳяне со своею симполитіею отпали отъ спартанцевъ. Раньше олинѳской войны олинѳяне были врагами Аминта. Комбинація ученыхъ, что Аминтъ самъ далъ полцарства своего и самую столицу олинѳянамъ во время войны съ Аргэемъ, *um seinem Feinde nicht alles zu gönnen* (Schäfer, повторено и во 2-мъ изданіи), невозможна. Ничего подобнаго нѣтъ у Ксенофонта. Въ надписи нѣтъ ничего ни о враждѣ, ни о подаркѣ или занятіи земли.

„Олинѳяне не потеряли ни одного города", говоритъ Демосѳенъ. Изъ надписи можно заключить, что къ халкидской симполитіи принадлежатъ на полуостровѣ Халкидикѣ тѣ же города, какъ и до войны (македонскіе города потеряны). Аканѳъ и Менда не въ союзѣ, какъ и до войны (см. выше рѣчь аканѳскаго посла). Амфиполь не въ союзѣ. На конгрессъ въ Спарту въ 371 году, до битвы при Левктрахъ,

---

[1]) Schäfer, De sociis Atheniensium, 1856, p. 15, Demosthenes, 2-е изд., томъ I, p. 44; Busolt, D. zweite Ath. Bund, 1874, p. 760 (изъ Jahrbücher f. cl. Phil.).

Библиотека "Руниверс"

Аминтъ послалъ своего депутата, синедра, какъ бы членъ обще-эллинскаго союза, и македонскій синедръ подалъ голосъ за то, чтобы Амфиполь былъ отданъ аоинянамъ, и конгрессъ постановилъ такъ (Aeschin. de falsa leg. 32). Шеферъ предполагаетъ, что Аминтъ подалъ такой голосъ изъ зависти къ олинеянамъ, и что олинеяне тогда уже завладѣли Амфиполемъ. По Демосѳену, олинеяне владѣли Амфиполемъ около 364 года (C. Aristocr. 150). Я думаю, что они завладѣли Амфиполемъ послѣ 371 года.

Въ договорѣ съ халкидцами Аминтъ обязуется не заключать отдѣльнаго договора съ Амфиполемъ, съ Аканѳомъ. Раньше олинѳской войны гдѣ было Аминту думать объ Амфиполѣ и объ Аканѳѣ, когда онъ нѣсколько разъ былъ изгнаніемъ изъ самой Македоніи? Онъ утвердился и сталъ спокойно царствовать въ Македоніи съ 382 года; и вотъ изъ Эсхина мы знаемъ, что въ 371 году онъ подаетъ голосъ объ Амфиполѣ.

Договоръ Аминта съ аоинянами, дошедшій до насъ въ обломкѣ надписи (см. выше), относится къ тому же времени и къ тому же политическому положенію, какъ и договоръ Аминта съ халкидцами. Въ договорѣ съ аоинянами упомянутъ Александръ, юный наслѣдникъ Аминта. Халкидцы ѳракійскіе заключили, какъ мы видѣли, около 375 г. договоръ съ аоинянами. Къ этому же году, или къ одному изъ слѣдующихъ, относятся оба дошедшіе до насъ на камняхъ договора Аминта.

IV.

Александръ сынъ Кратера.

Въ 1879 году въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* напечатана моя статья „Аѳинское постановленіе въ честь Аристомаха аргосскаго", объясняющая надпись № 161 II-го тома Corporis Inscr. Att. Надпись, по моему мнѣнію, имѣетъ существенное значеніе для греческой исторіи средины III вѣка до Р. Хр.—времени, намъ почти совершенно неизвѣстнаго—упоминаетъ о войнѣ, бывшей въ свое время главнымъ событіемъ въ жизни собственной Эллады. Эллада потеряла въ то время свое политическое могущество, обезсилѣла, можетъ быть, главнымъ образомъ потому, что отдала свои лучшія силы на завоева-

Библиотека "Руниверс"

ніе и эллинизацію Азіи. Греко-македонскія царства Египта, Азіи, Македоніи были гораздо могущественнѣе собственной Эллады: но исторія ихъ въ продолженіе III вѣка до 220 года также почти совершенно потеряна. Надписи и египетскіе папирусы постепенно увеличиваютъ наши свѣдѣнія, но большая часть этихъ документовъ относятся къ религіозному культу, къ государственнымъ учрежденіямъ, къ юридическому и экономическому быту, и только самая малая часть касается общаго хода политическихъ событій, войнъ и отношеній между государствами.

Необходимо представить главное содержаніе моей статьи: постараюсь сдѣлать это какъ можно короче. Въ обломкѣ аѳинскаго постановленія въ честь Аристомаха, очевидно аргосскаго гражданина, упоминается объ общей войнѣ аѳинянъ и аргосцевъ противъ Александра и объ общемъ мирѣ, заключенномъ Аристомахомъ. Почтенный издатель втораго тома аѳинскихъ надписей принялъ упомянутаго Александра за Александра Великаго, и во второмъ изданіи исторіи Эллинизма Дройзенъ въ примѣчаніи отнесъ надпись, согласно съ Кёлеромъ, къ началу царствованія Александра Великаго. Но ни аѳиняне, ни аргосцы не воевали противъ Александра Великаго. Я доказывалъ, что Аристомахъ, имѣвшій такую власть въ Аргосѣ, что ἐποιήσατο τὴν εἰρήνην, есть тиранъ аргосскій III вѣка, притомъ Аристомахъ Старшій, извѣстный изъ біографіи Арата Плутарха; что Александръ—есть сынъ Кратера, племянникъ царя Антигона Гоната, упоминаемый въ той же біографіи и у другихъ древнихъ авторовъ; что война упоминается въ оглавленіи XXVI книги Трога Помпея,—какъ война Антигона противъ его племянника; что Аѳины и Аргосъ были въ войнѣ съ Александромъ потому, что были подъ властью или подъ покровительствомъ Антигона (въ родѣ того, какъ Гамбургъ и Мекленбургъ воевали противъ Франціи въ 1870—71 году). Эти предположенія подтверждены нѣсколькими эпиграфическими находками: найдены двѣ надписи, упоминающія объ Александрѣ сынѣ Кратера, найденъ верхній обломокъ стилы въ честь Аристомаха, и открыто, что между обломками раньше найденными и изданными есть третій обломокъ той же стилы, подходящій съ правой стороны къ № 161. Каждый изъ четырехъ камней даетъ новые историческіе факты.

I. Членъ французской аѳинской школы Монсо (Monceaux) первый списалъ и издалъ найденную на Саламинѣ слѣдующую надпись (Bulletin de corr. Hellén. 1882 p. 525 sqq. В. В. Латышевъ доста-

Библиотека "Руниверс"

вилъ мнѣ копію покойнаго Лоллинга; также по копіи Лоллинга издалъ Кёлеръ въ Supplementa C. I. A. voluminis II, 1895, № 591 b.).

Χαιρέδημος Ἐπιχαρίνου Κολωνῆθεν εἶπεν· ἐπειδὴ Ἡρά
κλειτος Ἀσκληπιάδου Ἀθμονεὺς πρότερόν τε παρὰ τῶι βα
σιλεῖ Ἀντιγώνωι (sic) τεταγμένος διατέλει λέγων καὶ πράττ
ων ὑπὲρ τοῦ δήμου τοῦ Σαλαμινίων ὅσα ὑπελάμβανεν συμ
φέρειν καὶ τοῖς ἰδίαι Σαλαμινίων ἀφικνουμένοις πρὸς τὸν
βασιλέα συμφιλοτιμούμενος (sic) εἰς τὸ μηθενὸς τῶν δυνατῶ
[ν] ἀπράκτους γενομένους ἀπιέναι, καὶ νῦν καθεστηκὼς ὑπὸ τ
[ο]ῦ βασιλέως στρατηγὸς ἐπὶ τοῦ Περαιέως (sic) καὶ τῶν ἄλλων τῶν
ταττομένων μετὰ τοῦ Πειραιέως διατελεῖ πολλὴν πρόνοιαν
ποιούμενος ὅπως ἂν μηθὲν ἀδίκημα γίνηται κατὰ τὴν χώρ
[α]ν, καὶ τῶν τειχῶν τῶν ἐν τῆι νήσωι πεπτωκότων συνεπεμε
[λ]ήθη ὅπως ἀνοικοδομηθεῖ, καὶ πολέμου γενομένου τοῦ περὶ Ἀ
λέξανδρον καὶ πειρατικῶν ἐκπλεόντων ἐκ τοῦ Ἐπιλιμνίου
τὴν πᾶσαν πρόνοιαν ἐποεῖτο τοῦ μηθὲν βλαβερὸν γίνεσθαι π
ερὶ τὴν χώραν, ἀκολούθως τὴν τούτων ἐπιμέλειαν ποιούμεν
ος τῆι τοῦ βασιλέως πρὸς τὸν δῆμον αἱρέσει, ἔτι δὲ καὶ σώματ
ος ἁρπ[ασ]θέντος ἐκ τῆς νήσου καὶ ἐξαχθέντος εἰς τοὺς ὑπεναντ
[ίου]ς ἀν[τέλυ]σεν καὶ τοὺς ἀδικήσαντας ἐκόλασεν φανερ[ὸ]ν ποιῶν
[ὡς οὐ]κ ἐπιτρέψει τοῖς ἀδικοῦσιν τὰ ἐν τῆι πόλει καὶ τὰ ἐν τῆι χώ
[ραι, π]αρέχεται δὲ καὶ κοινῆι καὶ ἰδίαι χρείαν τῶι βουλομένωι Σαλ
[αμι]ν[ίων κα]ὶ τἄλλα πράττων διατελεῖ τὰ συμφέροντα Σαλαμινί
[οις καὶ ἰδία]ι κα[ὶ] κοινεῖ· ἀγαθεῖ τύχει δεδόχθαι τῶι δήμωι τῶι Σα[λ]
[αμινίων ἐπαινέσαι] Ἡρά[κλει]τον Ἀσκ[λη]π[ιάδου Ἀθμονέα κτλ.].

Въ строчкѣ 18-й Моисеаих издалъ ΚΕΝΚΑΙ и въ транскрипціи ἀπέδω]κεν καὶ. Но въ копіи Лоллинга начало строки читается ///ΣΛΝ/Ι'Σ///ΣΕΝΚΑΙ. Третья буква несомнѣнно N, четвертая Т, пятая Е. Кёлеръ принялъ однако чтеніе Моисб. Къ смыслу текста слово ἀπέδωκεν не подходитъ, такъ какъ плѣнный былъ увезенъ къ непріятелямъ. Ираклитъ *размѣнялъ* его на непріятельскаго плѣннаго. У Θукидида ἀνὴρ ἀντ' ἀνδρὸς λυθείς V 3.

Библиотека "Руниверс"

„Хэредимъ сынъ Эпихарина изъ Колона предложилъ: такъ какъ Ираклитъ сынъ Асклипіада аѳмонеецъ и прежде служа у царя Антигона постоянно говорилъ и дѣйствовалъ за народъ саламинскій въ чемъ считалъ полезнымъ, и для саламинцевъ, по частнымъ дѣламъ пріѣзжавшихъ къ царю, старался, чтобы они ни въ чемъ возможномъ безуспѣшными не возвращались; и нынѣ поставленный отъ царя надъ Пирэемъ и надъ всѣмъ, что состоитъ подъ командою начальника Пирэя, постоянно оказываетъ большую предусмотрительность, чтобы не было никакой обиды по мѣстности, и приложилъ со своей стороны заботы, чтобы были снова выстроены на островѣ обрушившіяся стѣны; и когда произошла война по поводу Александра, и пиратскія суда выѣзжали изъ Эпилимнія, всякую предусмотрительность оказывалъ, чтобы ничего вреднаго не было для мѣстности, прилагая объ этомъ заботу соотвѣтственно благосклонности царя къ народу; кромѣ того когда одинъ человѣкъ былъ похищенъ съ острова и вывезенъ къ непріятелямъ, разыскалъ и совершившихъ преступленіе наказалъ, явнымъ дѣлая, что не дастъ въ обиду ни города, ни земли; и оказываетъ и со стороны государства, и лично услуги каждому желающему изъ саламинцевъ, и въ прочемъ постоянно дѣйствуетъ на пользу и частныхъ людей, и общины саламинцевъ: съ добрымъ счастьемъ пусть постановитъ народъ саламинскій похвалить Ираклита сына Асклипіада аѳмонейца...“

Документъ съ перваго взгляда доказываетъ вѣрность главнаго содержанія моей статьи объ Аристомахѣ: война Антигона противъ Александра была тогда, когда Аѳины были подъ властью Антигона, когда гарнизоны Антигона стояли въ Пирэѣ и въ другихъ мѣстахъ Аттики (въ Мунихіи, на Суніи, въ Мусэѣ). Дройзенъ внесъ войну противъ Александра внутрь Хремонидовской войны, но этимъ только сильно запуталъ дѣло. Изъ пролога Трога Помпея уже видно, что возмущеніе Александра было *послѣ* Хремонидовской войны (то есть, той войны, которую Антигонъ велъ для покоренія Аѳинъ): regemque Lacedaemoniorum Area Corinthi interfecit, *dehinc* cum fratris sui filio Alexandro bellum habuit. Смерть Арея была или во время Хремонидовской войны, или послѣ нея. Теперь уже никакого сомнѣнія не остается.

Саламинъ былъ отторгнутъ отъ аѳинскаго государства Антипатромъ въ 322 году и поставленъ въ положеніе независимой общины. Во время осады Аѳинъ Кассандромъ (318—317) саламинцы показали, по

Библиотека "Руниверс"

выраженію Павсанія, злорадство—ἐθελοκακία — въ отношеніи къ аѳинянамъ, за что потомъ (въ 229 году) аѳиняне изгнали ихъ изъ острова (I, 35, 2).—Такъ какъ изъ надписей II и I вѣковъ до Р. Хр. видно, что саламинцы были аѳинскіе клирухи (признакъ: аѳинскія δημοτικά), то прежніе ученые (напримѣръ, Авг. Бёкъ) думали, что Саламинъ сталъ аѳинскою клирухіею только въ 229 году, когда Діогенъ, начальникъ гарнизоновъ Пирэя. Мунихіи, Сунія, Саламина, выдалъ аѳинянамъ эти четыре крѣпости. Но потомъ достовѣрно узнали, что Саламинъ былъ аѳинскою клирухіею съ самаго древняго времени, съ VI вѣка, не говоря уже о Солонѣ. Кёлеръ считалъ невозможнымъ, чтобы клирухи аѳинскіе на Саламинѣ возмутились противъ аѳинянъ. Онъ думалъ, что между *саламинцами* надобно различать потомковъ древнихъ жителей Саламина и клируховъ аѳинскихъ, и что въ 318 году клирухи аѳинскіе были изгнаны изъ Саламина, а въ 229 году аѳиняне изгнали саламинцевъ, потомковъ древнихъ жителей, и поселили снова своихъ клируховъ на Саламинѣ (Mittheilungen d. deutsch. Instit. zu Athen, томъ IV, p. 253 sq.). Лоллингъ въ статьѣ о саламинскихъ всадникахъ совершенно слѣдуетъ мнѣнію Кёлера и даже поломку части разбираемой имъ надписи приписываетъ ожесточенію возмутившихся саламинцевъ (Mitth. Ath., томъ VII). Но много ли надписей дошло безъ всякой поломки?

Постановленіе въ честь Ираклита есть первая найденная надпись саламинская за столѣтіе саламинской независимости, и она опровергаетъ мнѣніе Кёлера: саламинецъ титулуется аѳинскимъ δημοτικόν, слѣдовательно клирухи аѳинскіе оставались на островѣ, слѣдовательно клирухіи могли отдѣляться отъ Аѳинъ, что мы знаемъ также изъ исторіи Лимноса и Имброса.

Нѣсколько разъ Лимносъ и Имбросъ отторгаемы были отъ Аѳинъ, а въ надписяхъ лимносцы и имбросцы носятъ аѳинскія δημοτικά. Мало того, я думаю, что *клирухи не были непремѣнно аѳинскими гражданами*, какъ думаютъ всѣ ученые, что между клирухами были такіе, которые имѣли аѳинское гражданство, и такіе, которые не имѣли его, *и всѣхъ называлисъ по демамъ аѳинскимъ*. Но это должно быть предметомъ особой статьи. Разбираемая саламинская надпись имѣетъ важное значеніе для вопроса о клирухіяхъ. Замѣтимъ, на всякій случай, что Кёлеръ напечаталъ ее подъ рубрикою Decreta cleruchorum, значитъ отказался отъ мнѣнія, высказаннаго имъ въ IV томѣ Mittheilungen.

Библиотека "Руниверс"

Ираклитъ аѳонеецъ упоминается и въ другихъ надписяхъ: о немъ скажемъ нѣсколько дальше. Очевидно, что на Саламинѣ былъ тоже гарнизонъ Антигона, состоявшій подъ главною командою Ираклита, такъ какъ потомъ четыре крѣпости состояли подъ командою Діогена.

Война противъ Александра (πρὸς Ἀλ. въ постановленіи объ Аристомахѣ) называется въ саламинской надписи πόλεμος ὁ περὶ Ἀλέξανδρον—„война по поводу (возмущенія) Александра". Александръ владѣлъ Евбеею и Коринѳомъ, такъ что могъ нападать на Аттику съ двухъ сторонъ. Мы узнаемъ, что онъ выпускалъ пиратовъ изъ Эпилимнія, нападавшихъ на Саламинъ. Ἐπιλίμνιον встрѣчается въ первый разъ. Монсо приводитъ Исихія: Ἐπιλίμνιος· Ποσειδών (editio minor Морица Шмидта col. 592, съ примѣчаніемъ—μένιος? теперь мы видимъ, что въ текстѣ Исихія нѣтъ ошибки). Монсо предполагаетъ, что Ἐπιλίμνιον былъ портъ въ Коринѳской землѣ, на Саронической заливѣ, со святынею Посидона. Ничего другаго и мы не можемъ придумать.

Въ стр. 18-й я перевелъ ἀδικήσαντας „совершившихъ преступленіе" въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, кто нибудь выдалъ пиратамъ похищеннаго. Ираклитъ *наказалъ* виновныхъ, но *разыскалъ* плѣннаго. Конечно подробности намъ останутся неизвѣстными. Σῶμα употребляется и о гражданинѣ, плѣненномъ пиратами. Такъ, Dittenberger № 193: πειρατῶν εἰς τὴν χώραν ἐμβαλόντων καὶ ἀλουσῶν παρθένων τε καὶ γυναικῶν καὶ ἄλλων σωμάτων καὶ ἀλευθέρων καὶ δούλων.

Въ строкѣ 20-й я перевелъ слова κοινῇ καὶ ἰδίᾳ, относя къ Ираклиту, который могъ оказывать свои услуги саламинцамъ какъ главный начальникъ и какъ частный человѣкъ:—въ предположеніи, что нѣтъ тавтологіи со строчкою 22-ю.

II. Wilhelm списалъ надпись, находящуюся въ музеѣ въ Эретріи, и первый издалъ вмѣстѣ съ многими евбейскими въ Ἐφημερὶς Ἀρχαιολογική за 1892 годъ, col. 125—126 и слѣд. Онъ замѣчаетъ, что надпись вырѣзана небрежно и неглубоко и маленькими буквами. Только наверху и по краямъ сохранились письмена, въ срединѣ поверхность камня стерта.

Библиотека "Руниверс"

Οἱ στρατηγοὶ καὶ οἱ πρόβουλοι εἶπον·
ἐπειδὴ Ἀρριδαῖος Ἀλεξάνδρου Μα
κεδὼν ἀνὴρ ἀγαθὸς γέγονεν περί τε
Ἀλέξανδρον τὸν βασιλέα εὐεργέτην
γεγεννημένο[ν τοῦ δήμ]ου τοῦ Ἐρετρι-
[έ]ων καὶ π[ερὶ τοὺς συν]όντας βασιλεῖ
καὶ τῶι δ[ήμ]ω[ι τῶι Ἐρετριέ]ων διατελεῖ
[ε]ὔνους ὢ[ν καὶ λέγει καὶ πράτ]τει ὑπὲρ
τῆς πόλ[εως ὅτι ἂν δύνηται] ἀγαθὸν καὶ
[σ]υναγω[νι — τ]ο[ῖ]ς Ἕλλησ[ι]
[τ]οῦ τὰ ἐκ τῶν πό
[λ]εων [πρ]ό[ξ]ενον ε[ἶ]
ναι καὶ [εὐεργέτην τοῦ δήμου τ]οῦ Ἐρετρ[ι]-
έων [καὶ αὐτὸν καὶ ἐκγόνους· εἶν]αι δὲ αὐ
τῶι κ[αὶ γῆς καὶ οἰκίας ἔγκτησιν κ]αὶ ἀσυλί
αν κ[αὶ ἄδειαν καὶ ἀσφάλειαν καὶ κ]ατὰ γῆν
καὶ κ[ατὰ θάλατταν αὐτῷ καὶ ἐκγόν]οις κα[ὶ]
[π]οὶ[έμου καὶ εἰρήνης καὶ ἀτέλε]ιαν ε[ἰ]
σάγο[ντι εἰς Ἐρέτριαν καὶ ἐξάγοντι καὶ] πρόσο
δ[ον [πρὸς τὴν βουλὴν καὶ τὸν δῆμ]ον πρώ
τωι με[τὰ τὰ ἱερά· ἀναγράψαι δὲ τόδ]ε τὸ ψ[ήφ]
φισμα ἐ[ν στήληι λιθίνηι καὶ στῆσ]αι ἐν
τῶι ἱερῶ[ι τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ δαφ]νηφόρο[υ
Στρατ[ηγοὶ — — καὶ] συνάρ
[χ]ων· πρό[βουλοι —]ου καὶ συ
νάρχων.

Дополненія Вильгельма.

„Стратиги и провулы предложили: такъ какъ Арридэй сынъ Александра македонянинъ былъ доблестнымъ человѣкомъ въ отношеніи къ царю Александру, благодѣтелю народа эретрійскаго, и къ лицамъ окружающимъ царя, и пребываетъ благонамѣреннымъ къ народу эретрійскому, и говоритъ и дѣлаетъ за народъ все, что можетъ хорошее, и — — — — для эллиновъ — — — — изъ городовъ — — пусть будетъ онъ проксеномъ и въ числѣ оказавшихъ услуги народу эретрійскому и самъ и его потомки; пусть будетъ онъ имѣть право пріобрѣтенія земли и дома, и обезпеченіе отъ обидъ и безбоязненность и безопасность самъ и его потомки и въ мирѣ и въ войнѣ

Библиотека "Руниверс"

и безпошлинный ввозъ въ Эретрію и вывозъ, и пріемъ у совѣта и народа первымъ послѣ богослуженія; написать это постановленіе на каменной стилѣ и поставить въ святынѣ Аполлона лавроносца. Стратиги такой то съ товарищемъ, провулы такой то съ товарищемъ".

Въ статьѣ объ Аристомахѣ собраны мѣста, относящіяся къ Александру. Въ лексиконѣ Свиды сказано, что онъ царствовалъ въ Евбеѣ. Эретрійская надпись даетъ ему титулъ царя, между тѣмъ какъ саламинская и аѳинская не даютъ, по совершенно понятной причинѣ: эретрійцы были подданными Александра, аѳиняне и саламинцы подъ властью Антигона; если бы эретрійцы упомянули объ Антигонѣ, они не дали бы ему царскаго титула.

Въ строкахъ 10 и слѣдующихъ упомянуто объ эллинахъ и о городахъ; можетъ быть, тамъ было сказано что нибудь въ родѣ: συναγω [νιζόμενος αἴτιός ἐστι] τοῖς Ἕλλησι τοῦ τὰ[ς φρουρὰς ἐκβληθῆναι] ἐκ τῶν πόλεων.

Довольно было изгнанія гарнизоновъ Антигона изъ двухъ-трехъ городовъ для того, чтобы въ оффиціальномъ актѣ воздана была похвала служившему у Александра лицу, хотя бы Александръ въ то же время поставилъ гарнизоны въ другихъ городахъ. Вильгельмъ предполагаетъ, что было подобное содержаніе въ строкахъ 10—12, но что дѣло шло о выводѣ гарнизоновъ, поставленныхъ самимъ Александромъ.

Арридэя этой надписи Вильгельмъ склоненъ считать за Арридэя—одного изъ трехъ соперниковъ Антигона Гоната, упомянутыхъ Евсевіемъ (изъ Порфирія—Euseb. Schöne томъ I pag. 237. Porphyrii Tyrii fr. въ F. H. Gr. томъ III, pag. 699).

III, IV. Эретрійская надпись привела Вильгельма къ мысли, что C. I. A. II 161 упоминаетъ объ Александрѣ сынѣ Кратера. Какъ онъ разказываетъ въ Ath. Mitthell. XVI p. 150, онъ сталъ искать по C. I. A. II, нѣтъ ли другихъ обломковъ того же камня, и обратилъ вниманіе на № 285. По сравненію обоихъ обломковъ (Вильгельмъ былъ тогда въ Аѳинахъ), оказалось, что оба отъ одного камня, и что № 285 подходитъ справа къ № 161. Къ верхней части той же надписи, оказалось, принадлежитъ обломокъ, изданный въ Sitzungsberichte der Berliner Akad. 1887, p. 1194. Всѣ три обломка подходятъ другъ къ другу, но на поверхости часть камня съ письменами выломана. Кёлеръ въ Supplementa Vol. II издалъ всѣ три обломка—№ 371. c. p. 94 sq.

Библиотека "Руниверс"

[Ἐπὶ —] ἀρ[ίχοντος — —
[ἐπὶ — —] προταν[είας]
ουσει
δεκάτηι
[τῶν προέδ]ρων ἐπε[ψήφιζεν]
ος καὶ σ[υμπρόεδροι]
[Ἀλ]αιεὺς [εἶπε]
ος ὁ Ἀρι[στομάχου]
π[ρ]ὸς τὸ[ν δῆμον]
[παρέ]σχετο χ[ρείας]
[τοῦ δή]μου· Κασσ[άνδρου δὲ]
[στρατ]ηγῶν αι —
[πρ]ο[ν]όησεν ?

[π]ό[λ]εων — — [δύ]
ναμιν ἀποσ[τ]ελλο[μέν]ης στρατ[ιᾶς — — τῶι]
τε τῶν πεζῶν ἡγεμόνι καὶ τῶν ἱππ[έων οὐθὲν τιθέμενος πρό]
σθ[εν] τῆς οἰκειότητ[ος] καὶ φιλία[ς τῆς ὑπαρχούσης Ἀρ]
[γ]είοις πρὸς τὸν δῆμον τὸν Ἀθη[ναίων· μετὰ δὲ τὴν ἀποσ]
τολὴν ταύτην ὡς συ[ν]έβη τοὺς ὑ[πὸ τοῦ δήμου σταλέν]
[τα]ς τὴν ἀποχώρησιν ποιήσα[σθαι, ἀκολουθῶν μετὰ]
[τ]ῶν Ἀργείων συν[κατ]έστησεν α[ὐτοὺς ἅπαντας ἀσφα]
λῶς εἰς τὰ μακρὰ τείχη καὶ τὸμ [Πειραι]ᾶ. [Πατρόθεν μὲν]
οὖν παρειλημφὼς Ἀ[ρι]στόμαχος [τὴν π]ρὸς τ[ὸν δῆμον φι]
λοτιμίαν διατη[ρεῖν] πᾶσιν Ἀθ[η]ν[α]ίοις ἐ[σπούδασ]
[εν κ]αὶ μνείαν διατετέ[λ]εκεν πο[ιούμενος πε]ρὶ τῆς ἐ]
λευ[θ]ερίας [τ]οῦ δήμου τὴν ἀρίσ[τη]ν ἐμ παντ[ὶ καιρῶι.]
καὶ συνβάντος κοινοῦ πολέμο[υ τῶ]ι τε δήμω[ι καὶ τῆι]
πόλει τῶν Ἀργείων πρὸς Ἀλέξα[νδρ]ον τὸν Κρα[τέρου, γε]
[ν]ομένης ἐξουσίας ποιήσασθα[ι τὰ]ς ἀνοχὰς το[ῖς Ἀργεί]
[οις κα]θ' αὑτοὺς δι' ἐλαττόνων ἀ[ναλ]ωμάτων καὶ τ[αῦτα]
[ἐθέλ]οντος Ἀλεξάνδρου γεν[έσθ]αι οὐκ ὠιήθη δε[ῖν]
[καὶ ἐκ τῶ]ν ἰδίων ἀναλωμάτων [δανει]σθεὶς τάλαντα πέ[ντε]
[Ἀθηναίοις κοι]νὴν ἐπ[οιή]σατο τὴν εἰρ[ήν]ην ταῖς πόλεσιν [ἀμφο]
[τέραις· ἐπιμε]λεῖτ[αι] δὲ καὶ ἐν τ[οῖ]ς λοιποῖς κοινεῖ τ[ε τοῦ]
[δήμου καὶ ἰδία]ι Ἀθηναίων τῶν [ἀφι]κνουμένων εἰς [Ἄργος]
[ὧν ἂν παρακαλῶσι]ν, ἐπ[α]ν[γ]έλλ[ε]τ[αι δὲ καὶ] —
— ὅπως [ἂν οὖν καὶ ὁ δῆμος] —

Библиотека "Руниверс"

Изъ *первой строки* стилы сохранились двѣ буквы; цѣла часть *лѣваго края* надписи; правый край и нижній край обломаны.

Въ началѣ были обыкновенныя вступительныя формулы постановленія.

„Такъ какъ и Аристиппъ отецъ Аристомаха....“

Такъ въ настоящее время возстановляетъ Кёлеръ 8-ую строку верхняго обломка. Слѣдовало перечисленіе услугъ, оказанныхъ аѳинянамъ Аристиппомъ. Въ 11-ой строкѣ является имя Кассандра. Далѣе дѣло идетъ о какомъ то походѣ. О немъ продолжается рѣчь въ первыхъ строкахъ обломка № 161. Кёлеръ предполагаетъ, что Кассандръ, послѣ того какъ Димитрій Поліоркитъ въ 302 году переправился въ Азію, послалъ войска въ Пелопоннисъ, чтобы покорить Аргосъ, недавно отнятый у него Димитріемъ; что аѳиняне послали на помощь Аргосу войска; что Аристиппъ оказалъ войскамъ аѳинскимъ услуги. Но вполнѣ вѣроятно, что слова 2-й строки обломка № 161 ἀποστελλομένης στρατιᾶς, 3-я строка τῶν πεζῶν ἡγεμόνι καὶ τῶν ἱππέων, 4-ой и 5-ой μετὰ δὲ τὴν ἀποστολὴν ταύτην, 5-ой и 6-ой τοὺς σταλέντας относятся къ одному походу и къ одному войску, къ тому, которому Аристиппъ оказалъ услугу; слѣдовательно, къ *аѳинскому войску*; слѣдовательно, въ 6-ой строкѣ надобно возстановлять τοὺς ὑπὸ τοῦ δήμου σταλέντας, а не τοὺς ὑπὸ Κασσάνδρου στ., какъ думаетъ Кёлеръ; слѣдовательно, въ 7-й строкѣ τὴν ἀποχώρησιν ποιήσασθαι (συνέβη—6 стр.) сказано не о войскахъ Кассандра, а объ аѳинскихъ войскахъ: аѳинскимъ войскамъ пришлось отступать, и Аристиппъ помогалъ при этомъ, будучи вождемъ аргосскимъ (см. 12 стр. верхняго обломка). Объ отраженныхъ непріятельскихъ войскахъ (periculo a patria *propulso*, говоритъ Кёлеръ) аѳиняне не употребили бы такого деликатнаго выраженія.—Діодоръ намъ говоритъ, что дѣлалъ Кассандръ въ 302 году, послѣ отъѣзда Димитрія въ Азію. Кассандръ возвратилъ себѣ города въ Ѳессаліи (Diod. XX 112). До отъѣзда въ Азію Димитрій воевалъ съ Кассандромъ въ Ѳессаліи, отнялъ нѣсколько городовъ; получивъ отъ отца приказаніе ѣхать съ войскомъ въ Азію, онъ заключилъ съ Кассандромъ перемиріе, которое обѣ стороны принимали не серьезно. Значитъ, въ 302 году, послѣ переправы Димитрія въ Азію, Кассандръ далѣе Ѳессаліи не пошелъ. Онъ конечно не оставался праздднымъ въ 301 году; часть своихъ войскъ онъ послалъ въ Азію на помощь Лисимаху и Селевку; что онъ самъ дѣлалъ въ Греціи во время кампаніи, рѣшенной битвою при Ипсѣ, Діодоръ разказывалъ въ XXI книгѣ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ нашей надписи становится вѣроятнымъ, что среднюю Грецію должны были защищать противъ Кассандра ополченія освобожденныхъ Димитріемъ греческихъ городовъ, можетъ быть съ отрядомъ, оставленнымъ въ Европѣ Димитріемъ. У Діодора нѣсколько разъ говорится о войскахъ самихъ эллиновъ, союзныхъ съ Димитріемъ. „Кассандръ, видя, что сила эллиновъ увеличивается, и вся война собирается на Македонію (ὁρῶν τὴν δύναμιν τῶν Ἑλλήνων αὐξομένην), былъ испуганъ и послалъ просить мира у Антигона", но тотъ потребовалъ полной покорности (Diod. XX, 106).—„Кассандръ пошолъ въ Оессалію, воевать противъ Димитрія и эллиновъ"—διαπολεμήσων Δημητρίῳ καὶ τοῖς Ἕλλησι (107). Въ войскѣ Димитрія было въ Оессаліи въ 302 году 1.500 конницы, 8.000 пѣхоты македонской, 25.000 изъ греческихъ городовъ (ἐκ δὲ τῶν κατὰ τὴν Ἑλλάδα πόλεων δισμύριοι καὶ πεντακισχίλιοι), φιλικὰ δὲ τάγματα καὶ πειρατῶν παντοδαπῶν τῶν συντρεχόντων ἀπὶ τοὺς πολέμους καὶ τὰς ἁρπαγάς 8.000 (сорокъ лѣтъ спустя у Александра сына Кратера тоже дѣйствуютъ пираты) (110). Въ договорѣ Димитрія съ Кассандромъ было постановлено (подъ условіемъ утвержденія со стороны Антигона), что всѣ эллинскіе города въ Европѣ и Азіи будутъ свободны. Димитрій заключилъ договоръ для того, чтобы спокойно переправиться въ Азію (βουλόμενος τὴν ἐκ τῆς Ἑλλάδος ἀποχώρησιν εὐσχήμονα ποιήσασθαι καὶ μὴ φυγῇ παραπλησίαν) (111).—Мы знаемъ изъ надписи въ честь Филиппида, что Димитрій взялъ съ собой въ Азію значительный аѳинскій отрядъ. Пораженіе войска Антигона и Димитрія при Ипсѣ было полнѣйшее; аѳинскій отрядъ, вѣроятно, положилъ оружіе въ бѣгствѣ: изъ надписи видно, что плѣнныхъ аѳинянъ было довольно много, такъ какъ болѣе трехсотъ изъ нихъ, по ходатайству Филиппида, были отпущены Лисимахомъ, а изъ желавшихъ служить въ войскѣ Лисимаха можно было составить особый отрядъ. Совершенно невѣрно замѣчаетъ Диттенбергеръ, слѣдуя Дройзену: Mercennarios potius, quam milites ab ipsa Atheniensium civitate Antigono et Demetrio auxilio missos (Syllogе p. 226). Это совершенно противорѣчитъ изложенію Діодора: нѣтъ, Димитрій взялъ съ собою въ Азію часть аѳинскаго ополченія. Въ статьѣ объ Аристомахѣ я изложилъ, что аѳиняне имѣли еще значительную силу въ концѣ IV вѣка. Мы видимъ, какъ упорно два раза воюютъ они въ началѣ III вѣка противъ Димитрія, въ 260-хъ годахъ противъ Антигона Гоната. Въ 301 году въ Европѣ дѣйствовала другая часть аѳинскаго ополченія противъ Кассандра: такъ явствуетъ изъ разбира-

Библиотека "Руниверс"

мой надписи. Съ аѳинянами были аргосцы и другіе эллины. Эллинамъ пришлось отступать передъ Кассандромъ, и Аристипп, предводитель аргосцевъ, проводилъ аѳинянъ до самыхъ длинныхъ стѣнъ Пирэя. Въ статьѣ объ Аристомахѣ я не разбиралъ начала обломка № 161, потому что въ немъ шло дѣло о совершенно неизвѣстныхъ фактахъ (имя Кассандра въ обломкѣ № 161 не встрѣчается); но всетаки понималъ также, что отца или дѣда Аристомаха хвалятъ за то, что онъ проводилъ войско аѳинское благополучно домой (возстановлялъ стр. 8: συν[κατ]έστησεν Ἀ[θήναζε ἀσφαλῶς]). Въ статьѣ объ Аристомахѣ я предполагалъ, что Аристиппу отцу Аристомаха могло быть въ 272 году 65 лѣтъ; въ такомъ случаѣ въ 301 году ему было 36 лѣтъ: онъ могъ быть выбранъ стратигомъ аргосцевъ.

Надпись Аристомаха заключаетъ въ себѣ самое позднее упоминаніе о длинныхъ стѣнахъ въ цѣломъ, очевидно, видѣ. Кёлеръ какъ въ 1877 (C. I. Att. II 1), такъ и въ 1895 (Supplementa) думаетъ, что аргосецъ далъ денегъ на ремонтъ Пирэя и длинныхъ стѣнъ. Въ статьѣ объ Аристомахѣ я былъ согласенъ, потому что полагалъ, что надпись была гораздо шире. См. стр. 44 отдѣльнаго оттиска моей статьи: „но включить упоминаніе о денежномъ пожертвованіи на длинныя стѣны и Пирэй въ мѣсто, остающееся для этого упоминанія на камнѣ согласно съ возстановленіями Кёлера,—нѣтъ никакой возможности“.—Теперь оказывается, что надпись была именно такъ широка, какъ предполагалъ Кёлеръ. Я сейчасъ докажу, что упомянутая невозможность дѣйствительно должна быть признана. Вотъ какъ Кёлеръ возстановляетъ строки 7—10 обломка № 161.

τὴν ἀποχώρησιν ποιήσα[σθαι ἐκ τῆς χώρας τῆς]
[τ]ῶν Ἀργείων συν[κατ]έστησεν Ἀ[θηναίοις τὴν πόλιν ἀσφα]
λῶς εἰς τὰ μακρὰ τείχη καὶ τὸμ [Πειραιέα ἐπιδιδούς· καὶ]
[ν]ῦν παρειληφὼς Ἀριστόμαχος

Фраза выходитъ неловкая и неясная. Могъ ли аргосскій дружественный вождь συγκαταστῆσαι τὴν πόλιν ἀσφαλῶς пожертвованіемъ εἰς τὰ μακρὰ τείχη καὶ τὸν Πειραιέα?—Просто сказано было бы „далъ деньги на стѣны“. Затѣмъ ἐπιδιδόναι говорится о гражданахъ или метикахъ, а не объ иностранцахъ. Но главное, первая буква 10-й строки о, а не ν, какъ ясно видно на эстампажѣ № 161, которымъ я обязанъ любезности В. В. Латышева; и самъ Кёлеръ раньше издалъ οὖν (и теперь въ эпиграфическомъ текстѣ). Значитъ, въ концѣ 9-й строки

Библиотека "Руниверс"

должно было относиться къ Аристомаху никакъ не три буквы, а во всякомъ случаѣ больше. А съ другой стороны непремѣнно требуется, чтобы про пожертвованіе Аристиппа было сказано χρήματα δοὺς, или что нибудь не короче. Еще яснѣе дѣло будетъ, если сравнимъ концы строкъ обломка № 285.

ΤΟΜ (πειραι) Α	строка 9
ΧΟΣ (τὴν π) ΡΟΣΤ (ὸν δῆμον φι)	10
ΑΟΝ . ΙΟΙΣ	11
ΠΟ (ιοῦ) ΜΕΝΟΣ ΠΕ (ρὶ τῆς ἐ	12

Лѣвый край строкъ 10-й, 11-ой, 13-й цѣлъ, и онѣ начинаются:

10. οὖν
11. λοτιμίαν
13. λευθερίας

Въ 9-ой строкѣ послѣ Α оставалось *десять буквъ*. Въ нихъ надо помѣстить начало фразы объ Аристомахѣ, передъ οὖν. Итакъ несомнѣнно, что въ надписи *не было* упоминанія о деньгахъ, данныхъ на длинныя стѣны и Пирэй, и, значитъ, упоминалось объ этихъ укрѣпленіяхъ какъ о крайнемъ пунктѣ отступленія.

Само собою разумѣется, что я представляю только приблизительное объясненіе содержанія первой части надписи (до исчисленія заслугъ Аристомаха). Не доказано даже, что дѣло шло объ Аристиппѣ, отцѣ Аристомаха.

Исчисленіе заслугъ самого Аристомаха могло начинаться словами: Παρὰ πατρὸς οὖν παραλη φὼς и т. д.

Переведемъ эту вторую и главную часть надписи.

„Итакъ Аристомахъ, принявъ отъ отца такое усердіе къ народу (аѳинскому), сохранить ко всѣмъ аѳинянамъ старался и постоянно напоминалъ наилучшимъ образомъ о свободѣ народа при всякомъ случаѣ; и когда произошла общая война у народа (аѳинскаго) и у города аргосцевъ противъ Александра сына Кратера, когда отъ него зависѣло заключить перемиріе для аргосцевъ отдѣльно съ меньшими издержками, и Александръ желалъ, чтобы такъ было, онъ не призналъ приличнымъ и на свой счетъ занялъ пять талантовъ для аѳинянъ и сдѣлалъ общій миръ для обоихъ городовъ; заботится и во всемъ прочемъ какъ вообще о народѣ (аѳинскомъ), такъ и въ частности объ аѳинянахъ пріѣзжающихъ въ Аргосъ—;обѣщаетъ"—затѣмъ

Библиотека "Руниверс"

слѣдовало опредѣленіе почестей Аристомаху.—При переводѣ приняты дополненія Кёлера для 17—20 строкъ № 161. Можетъ быть, слѣдуетъ дополнить иначе. Фраза ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων δανεισθεὶς τάλαντα πέντε Ἀθηναίοις едва ли удобна. Можетъ быть, текстъ былъ такой: καὶ ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων προσθεὶς τάλαντα πεντεκαίδεκα κοινὴν ἐποιήσατο τὴν εἰρήνην ταῖς πόλεσιν ἀμφοτέραις. Сумма въ 5 талантовъ слишкомъ мала.

Я предполагалъ, что въ надписи было упомянуто имя царя Антигона, и оттого принималъ, что она была гораздо шире: изъ моихъ возстановленій буквально подтвердилось только одно πρὸς Ἀλέξανδρον τὸν Κρατέρου въ строкѣ 15-й. Ἀσχολία τοῦ βασιλέως, которую я вставилъ въ 15-ую строку, подтвердилась въ существѣ дѣла, потому что Аристомаху и аѳинянамъ пришлось откупаться отъ Александра,—значитъ, Антигонъ не могъ помогать имъ. Вмѣсто моихъ возстановленій διαλύσεις оказалось ἀνοχάς, вмѣсто οὐχ ὑπήκουσαν оказалось οὐκ ᾠήθη δεῖν.

И теперь остаются въ силѣ и подтверждаются мысли моей статьи: что Александръ возмутился противъ Антигона, вѣроятно, тотчасъ послѣ смерти Кратера, захвативъ команду отца надъ войсками, бывшими въ Коринѳѣ и Евбеѣ; что это было около 263 года; что Александръ удержалъ подъ своею властью Коринѳъ и Евбею до самой смерти своей, случившейся послѣ 251 года и раньше 243.—Köhler p. 95 напрасно приписываетъ мнѣ предположеніе, что война Антигона противъ Александра началась послѣ 255 года: постановленіе въ честь Аристомаха, можетъ быть, около 254 года. Кёлеръ приводитъ мнѣніе Гаэтана de Sanctis, что Александръ отпалъ отъ Антигона около 245 года, и заключаетъ: atque illud quidem in dubium vocari nequit, quin eo anno, quo Sicyon ab Arato liberata et foederi Achaico introducta est (250), Corinthus etiamtum penes Antigonum fuerit; Plut. Arat. c. 15 in.—Здѣсь Плутархъ разказываетъ, что (послѣ освобожденія Сикіона Аратомъ) когда Антигонъ пріѣзжалъ въ Коринѳъ, то посылалъ Арату доли мяса отъ жертвъ (μερίδας) въ Сикіонъ, съ демонстративною цѣлью. Само собою разумѣется, что такія посылки мяса могли быть только *послѣ смерти Александра* и послѣ захвата Акрокоринѳа Антигономъ во время свадьбы Никэи, вдовы Александра, съ Димитріемъ сыномъ Антигона. Плутархъ разказываетъ въ безпорядкѣ, но изъ его 17-ой и 18-ой главъ дѣло совершенно ясно. Когда Аратъ освободилъ Сикіонъ, Коринѳомъ владѣлъ

Библиотека "Руниверс"

Александръ. и Аратъ покушался завладѣть Коринѳомъ при жизни Александра, но когда ахэйцы заключили союзъ съ Александромъ, прекратилъ покушенія. Наконецъ, въ прологѣ Трога Помпея освобожденіе Сикіона Аратомъ прямо поставлено послѣ войны Антигона противъ Александра. Ошибка г. де-Санктисъ и Кёлера совершенно непонятна. Когда же царствовалъ Александръ, если возмутился въ 245? Александръ умеръ, конечно, раньше 245 года. Такія удивительныя ошибки показываютъ, какъ мало ученые знаютъ греческую исторію III вѣка [1]).

Весьма вѣроятно, что въ началѣ войны противъ своего дяди, царя Антигона, Александръ сынъ Кратера взялъ Эретрію, въ которой не было гарнизона, или гарнизонъ которой не съ перваго раза передался на его сторону. Произошла какимъ-то образомъ ἅλωσις Ἐρετρίας, и объ этомъ важномъ въ свое время событіи Іероклъ, начальникъ Пирэи на службѣ Антигона, разговариваетъ съ философомъ Менедимомъ, эретрійцемъ, имѣвшимъ вліяніе на дѣла роднаго города, *много говорилъ* (πολλὰ λέγοντος, очевидно съ раздраженіемъ), прохаживаясь съ нимъ въ святынѣ Амфіарая—(συναναχάμπτοντος, исправленіе принятое Генрихомъ Стефаномъ и Эгидіемъ Менагіемъ, вмѣсто чтенія парижской рукописи συναναχόπτοντος). Оропская святыня Амфіарая противъ Эретріи. Іероклъ какъ будто опѣшилъ въ Эретріи и опоздалъ ее спасти, упрекалъ, можетъ быть, Менедима. Менедимъ отвѣчалъ грубѣйшимъ выраженіемъ (εἰς τί αὐτὸν Ἀντίγονος παραίνει;). Эту сцену у Діогена Лаэртія II 127 я и теперь объясняю также, какъ въ прежней статьѣ. Я приводилъ также и упоминанія объ Іероклѣ въ біографіи Аркесилая. Теперь это мѣсто Діогена становится ещё болѣе интереснымъ для насъ. Приведемъ его вполнѣ (IV 39, 40).

Πολλῶν δὲ καὶ τὸν Ἀντίγονον θεραπευόντων, καὶ ὅτε ἥκοι ἁπάντων, αὐτὸς ἡσύχαζε, μὴ βουλόμενος προεμπίπτειν εἰς γνῶσιν. Φίλος τε ἦν μάλιστα Ἱεροκλεῖ τῷ τὴν Μουνυχίαν ἔχοντι καὶ τὸν Πειραιᾶ· ἔν τε ταῖς ἑορταῖς κατῄει πρὸς αὐτὸν ἑκάστοτε. Καὶ δὴ καὶ πολλὰ ἐκείνου συμπείθοντος ὥστε ἀσπάσασθαι τὸν Ἀντίγονον, οὐκ ἐπείσθη, ἀλλὰ ἔως πυλῶν ἐλθὼν ἀνέστρεφε.

[1]) Статья де Санктиса помѣщена въ Studi di storia antica, pubblicati da Beloch, fasc. 2, Roma. 1893, p. 1—62. De Sanctis считаетъ, слѣдуя Виламовицу—Мелленцорфу, Іерокла ξεναγόν, служившаго у Димитрія Поліоркита въ Пирэѣ около 285 года (Polyaen. 5, 17), за одно лицо съ Іероклемъ, упоминаемымъ Діогеномъ Лаэртіемъ (p. 33). Я совсѣмъ другаго мнѣнія.

Библиотека "Руниверс"

Μετά τε τὴν Ἀντιγόνου ναομαχίαν πολλῶν προσιόντων, καὶ ἐπιστόλια παρακλητικὰ γραφόντων, αὐτὸς ἐσιώπησεν. Ἀλλ' οὖν ὅμως ὑπὲρ τῆς πατρίδος εἰς Δημητριάδα ἐπρέσβευσε πρὸς Ἀντίγονον, καὶ οὐκ ἐπέτυχε. Τὸ πᾶν δὴ διέτριβεν ἐν τῇ Ἀκαδημίᾳ, τὸν πολιτισμὸν ἐκτοπίζων. Καί ποτε καὶ δὴ καὶ Ἀθήνησιν ἐν τῷ Πειραιεῖ πρὸς τὰς θέσεις λέγων ἐχρόνισεν, οἰκείως ἔχων πρὸς Ἱεροκλέα. Ἐφ' ᾧ καὶ πρός τινων διεβάλλετο.

„Многіе (изъ философовъ и литераторовъ) искали благорасположенія Антигона, и когда онъ пріѣзжалъ въ Аѳины, выходили на встрѣчу; Аркесилай ничего не дѣлалъ, не желая выставляться и стараться, чтобы (царь Антигонъ) зналъ его. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ Іерокломъ, командовавшимъ въ Мунихіи и Пирэѣ, и по праздникамъ каждый разъ приходилъ къ нему (буквально: сходилъ, то-есть, къ морю, въ Пирэй). Тотъ часто уговаривалъ его явиться съ привѣтствіемъ къ Антигону, но Аркесилай не послушался: однажды дошелъ до воротъ и вернулся (можетъ быть, Антигонъ былъ тогда въ Аѳинахъ, и Аркесилай дошелъ изъ Пирэя до воротъ города). Послѣ морской побѣды Антигона многіе являлись къ нему (съ поздравленіями) и писали письма съ совѣтами, Аркесилай промолчалъ. Но все-таки однажды ѣздилъ посломъ за отечество (Питану) въ Димитріаду къ Антигону, но не имѣлъ успѣха. Онъ постоянно жилъ въ Академіи, чтобы быть въ сторонѣ отъ политическихъ разговоровъ. Бывало, что и въ Аѳинахъ, въ Пирэѣ, онъ оставался долгое время, разсуждая на какіе-либо тезы, въ гостяхъ у пріятеля своего Іерокла. За эту дружбу нѣкоторые худо говорили о немъ". Пирэй въ этомъ разказѣ является частью города, а Академія загороднымъ мѣстомъ.

Итакъ, по Діогену Іероклъ продолжительное время командуетъ въ Пирэѣ и Мунихіи при Антигонѣ. По моему объясненію сцены въ біографіи Менедима Іероклъ командуетъ въ этихъ крѣпостяхъ во время войны противъ Александра сына Кратера. Становится въ высшей степени вѣроятнымъ, что Ираклитъ аѳмонеецъ и Іероклъ—одно и то же лицо, то-есть, что Іероклъ долженъ исчезнуть, какъ ошибка Діогена Лазртія. Діогенъ могъ ошибиться, прочитавъ въ какомъ-либо своемъ источникѣ Ἱεροκλεῖ τῷ τὴν Μουνυχίαν ἔχοντι вмѣсто Ἡρακλείτῳ, и потомъ уже полагалъ, что тогдашній командиръ Пирэя и Мунихіи назывался Ἱεροκλῆς.

Дошло постановленіе аѳинскаго совѣта въ честь Ираклита аѳмонейца (Köhler—Supplementa voll. II № 371 b. p. 93 sq.). Ему поручена была жертва и, вѣроятно, совершеніе всего праздника Па-

Библиотека "Руниверс"

наѳинэй. Онъ тотє στάδιον κατ[εσκεύασεν ἐπαξί]ως καὶ ἀνατίθησιν τῇ Ἀθηνᾷ τῇ Νίκῃ [γραφ]ὰς ἐχούσας ὑπομνήματα τῶν [τῷ βασιλεῖ π]επραγμένων πρὸς τοὺς βαρβάρους ὑπὲρ τῆς τῶν Ἑλλήνων σωτηρίας· ὅπως ἂν οὖν ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος φαίνηται διαφυλάττων [τοῖς εὐεργέταις] τὰς χάριτας, ἀγαθῇ τύχῃ δεδόχθαι τῇ βουλῇ, ἐπαινέσαι μὲν Ἡράκλειτον Ἀσκληπιάδου Ἀθμονέα, καὶ στεφανῶσαι χρυσῷ στεφάνῳ εὐσεβείας ἕνεκα τῆς πρὸς τοὺς θεοὺς καὶ εὐνοίας καὶ φιλοτιμίας, ἧς ἔχων διατε[λεῖ περί] τε [τὸν βασιλέα Ἀντίγονον καὶ] τὴμ βουλ[ὴν καὶ τὸν] δῆμον τὸν Ἀθηναίων. καὶ ἀναγορεῦσαι и пр. Итакъ, Иракліть пожертвовалъ въ храмъ Аѳины Побѣды картины, изображавшія побѣды Антигона надъ галлами. Въ надписи упоминанія о царѣ Антигонѣ умышленно выскоблены.

Иракліть аѳмонеецъ является архонтомъ эпонимомъ въ спискѣ архонтовъ С. І. А. II № 859. Этотъ списокъ прекрасно разобранъ А. Н. Щукаревымъ и отнесенъ имъ къ послѣдней четверти III вѣка до Р. Х. (*Bulletin de corr. Hellén.* XII, p. 69—81. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* 1888, іюнь). Принимая во вниманіе поправку, сдѣланную С. А. Жебелевымъ (Στέφανος, p. 25), слѣдуетъ архонство Иракліта отнести къ 215—214 году.

Иракліть былъ, вѣроятно, молодымъ человѣкомъ, когда Антигонъ поручилъ ему команду: онъ могъ быть 20—25 лѣтъ при началѣ войны противъ Александра и могъ быть архонтомъ—эпонимомъ 66—70 лѣтъ.

Такимъ образомъ въ слабыхъ штрихахъ возстановляется возмущеніе Александра сына Кратера противъ Антигона и царствованіе Александра надъ Евбеею и Коринѳомъ. Война, поднятая имъ, называется не только πόλεμος πρὸς Ἀλέξανδρον, но также περὶ Ἀλέξανδρον, вѣроятно потому, что пираты играли въ ней значительную роль.

О свадьбѣ Александра сына Кратера съ Никэей упоминаетъ Ливій, XXXV 26. Филопименъ въ 192 году вздумалъ поплыть противъ Навпида на старой гнилой квадриремѣ, нѣкогда великолѣпной, которая была взята ахейцами за 80 лѣтъ передъ тѣмъ, когда везла супругу Кратера Никэю изъ Навпакта въ Коринѳъ. Ученые справедливо принимаютъ, что въ текстѣ пропущено: „Александра сына (Кратера)". Если свадьба была ровно въ 272 году, то значитъ при жизни Кратера. Чья дочь была Никэя, неизвѣстно. Въ 272 году ахейскій союзъ, только что возобновленный, былъ враждебенъ царю Антигону и слѣдовательно Кратеру, правителю греческихъ владѣній Антигона. Но 80 лѣтъ, конечно, круглая цифра.

Александръ сынъ Кратера царствовалъ 15, или 12 лѣтъ; можетъ

Библиотека "Руниверс"

быть, меньше; 263 годъ для его возмущенія самый ранній годъ: оно могло быть и позже нѣсколькими годами. Также и годъ смерти его не можетъ быть установленъ съ точностью, пока не найдутся новые источники.

Молва (Plut. Arat. 17), что Антигонъ отравилъ Александра, была несправедлива, конечно, такъ точно какъ и молва, что Филиппъ отравилъ Арата, или Евриклида и Микіона. Аратъ, можетъ быть, самъ подозрѣвалъ, что онъ отравленъ Филиппомъ. Извѣстна сцена у Плутарха Arat. 52: Тавріонъ вождь Филиппа медленнымъ ядомъ отравилъ Арата; Аратъ догадывался, но молчалъ; однажды, откашлянувшись кровью, онъ показалъ одному изъ друзей, сказавъ: „вотъ барышъ царской дружбы".

Подобную сцену изображаетъ Аѳиней (VI 58. p. 251 c): „Филархъ въ 6-й книгѣ исторіи разказываетъ, что Никисій, льстецъ Александра, видя, какъ царь терзается отъ полученнаго имъ яда (σπαρασσόμενον ὑφ' οὗ εἴληφε φαρμάκου), сказалъ: „о царь, что же намъ дѣлать, если вы, боги, такъ страдаете?" и Александръ, насилу взглянувъ, произнесъ: „какіе боги? боюсь, не враги ли божіи"—ποῖοι θεοί; φοβοῦμαι μὴ τοῖς θεοῖσιν ἐχθροί. Этотъ разказъ относится къ Александру сыну Кратера, и Филархъ, изъ котораго Плутархъ сохранилъ намъ столько интересныхъ разказовъ, относящихся къ III вѣку, вѣрилъ, очевидно, что болѣзнь Александра сына Кратера произошла отъ яда, подосланнаго Антигономъ. Къ Александру Великому анекдотъ не подходитъ. Льстецъ Александра Никисій упомянутъ еще Аѳин. VI 55, p. 249 d. e. (изъ Игисандра).

Въ статьѣ моей объ Аристомахѣ было также изслѣдованіе объ Евриклидѣ и Микіонѣ и о времени архонтства Діомедонта: этого архонта относилъ я къ 229—228 году. Въ настоящее время многими надписями доказана вѣрность моихъ положеній. Еще въ 1883 году Диттенбергеръ въ Sylloge относилъ дѣятельность Евриклида какъ ταμίας τῶν στρατιωτικῶν къ Хремонидовской войнѣ и архонта Діомедонта ставилъ раньше 265 года. Вотъ что теперь говоритъ Кёлеръ: Nemo hodie dubitat quin Diomedon archon non ad tempora belli Chremonidei sed ad ultima decennia saeculi tertii referendus sit (Suppl. vol. II C. I. A. p. 163).

Ѳ. Соколовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1897 годъ. **годъ VIII.**

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

I-ая (январь-февраль) КНИГА ЖУРНАЛА

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ,"

издаваемаго Московскимъ Психологическимъ Обществомъ

Содержаніе ея: *Б. Н. Чичеринъ.* Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Граповскаго.—*М. С. Корелинъ* Очерки развитія философской мысли въ эпоху Возрожденія. I Міросозерцаніе Франческо Петрарки.—*В. В. Ивановскій.* Общество и государство.—*Кн. С. Н. Трубецкой.* Ученіе о Логосѣ въ древней философіи въ связи съ развитіемъ идеализма.—*В. О. Ключевскій.* Западное вліяніе въ Россіи XVII в (Историко-психологическій очеркъ).—*Вѣра Джунтовъ.* Шри-Шанкара-Агарія, индійскій мудрецъ.—*А. Н. Бернштейнъ.* О воспріятіи постоянныхъ и перемѣнныхъ раздраженій.—*Кн. С. Н. Трубецкой* Къ библіографіи исторіи религій.—*Вл. И. Ивановскій.* Къ исторіи ученія объ апперцепціи въ психологіи.—*П. И. Карповъ.* Экономическій матеріализмъ и закономѣрность соціальныхъ явленій.—*П. Б. Струве.* Свобода и историческая необходимость. — *Критика и библіографія* Обзоръ книгъ. 2) Обзоръ журналовъ. 3) Новости иностранной философской литературы.—*Психологическое Общество. Извѣстія и замѣтки.*

Въ предстоящей къ выходу II книгѣ (мартъ-апрѣль) предполагается помѣстить, между прочимъ, продолженія статей *В. О. Ключевскаго* и *М. С. Корелина.* Существо и методы идеализма. *Б. Н. Чичерина.* Психическая энергія. *Н. Я. Грота.* Филонъ Александрійскій. *Кн. С. Н. Трубецкаго.* Время и пространство и ихъ общій субъектъ. *Вл. С. Соловьевъ.* Атеизмъ въ философіи Спинозы. *А. И. Введенскаго.* Къ вопросу о воспріятіи пространства. *Г. И. Челпанова.* Основанія макіавеллизма. *В. Э. Вальденберга.* Біологическій механизмъ и матеріализмъ. *Н. Д. Виноградова.* и др.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1897 г. по 1-го января 1898 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р.

Подписка кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ журнала:

Москва, Большая Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль").

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества ***П. Я. Гротъ.***

Редакт.: ***Л. М. Лопатинъ*** и ***В. П. Преображенскій.***

Библиотека "Руниверс"

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА".

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе пятнадцатое. 1896 г.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сунодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ. Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ".

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ. 1896 г.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сунодѣ—въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ".

Второй годъ обученія. Изданіе **седьмое**, безъ перемѣнъ. 1896 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЫШКО".

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое, дополненное, 1895 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящена священной памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХ.

1897.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.
1897.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія 51

А. Н. Веселовскій. Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ . . 271
И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Кашубскій языкъ, кашубскій народъ и „кашубскій вопросъ" 307
А. А. Чебышевъ. Очерки изъ исторіи европейской драмы. 369
О. И. Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (*продолженіе*) . . 408
А. А. Шахматовъ. Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ 463

Критика и библіографія.

Н. Я. Марръ. The Barlaam and Josaphat Legend in the ancient Georgian and Armenian Literatures by *F. C. Conybeare* Folk-Lore. London. 1896 483
Н. В. Ястребовъ. *Julius Lippert.* Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. B. I. Prag, Wien, Leipzig. 1896 491
— Книжныя новости. 514

М. Столяровъ. Народныя школы Прибалтійскаго края 39
— Наша учебная литература (разборъ 8 книгъ) 79

Современная лѣтопись.

А. Т. Письмо изъ Рима. . . 33
Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. А. Н. Майковъ (*некрологъ*) 46

Отдѣлъ классической филологіи.

С. Вульфъ. „Имена любимцевъ" на аттическихъ вазахъ. 1
Д. Н. Кудрявскій. Славянская конструкція отрицательнаго глагола съ родительнымъ падежомъ и родственныя явленія другихъ индоевропейскихъ языковъ . 22
Schmidt. Georgius. Exegetica. 29

Въ приложеніи.

А. Н. Любимовъ. Исторія физики 1

Овъявленія.

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го апрѣля).

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХ.

1897.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.
1897.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

8. (6-го октября 1896 года). *Объ учрежденіи при Ташкентской мужской гимназіи стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на учрежденіе при Ташкентской мужской гимназіи на проценты съ пожертвованнаго родителями учащихся и нѣкоторыми изъ бывшихъ учениковъ капитала въ 1.200 руб. стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Государь Императоръ, въ 6-й день октября 1896 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

9. (18-го ноября 1896 года). *Объ учрежденіи рисунка медали за труды по критическому разбору сочиненій на премію имени Ю. Ѳ. Самарина.*

За министра народнаго просвѣщенія, товарищъ министра всеподданнѣйше повергалъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе составленный Московскимъ университетомъ проектъ рисунка медали за труды по критическому разбору сочиненій на премію имени бывшаго почетнаго члена сего университета Юрія Оедоровича Самарина.

Государь Императоръ, въ 18-й день ноября 1896 г., Высочайше соизволилъ на утвержденіе означеннаго рисунка.

Библиотека "Руниверс"

10. (18-го ноября 1896 года). *Объ учрежденіи при С.-Петербургскомъ Рождественскомъ городскомъ училищѣ стипендіи въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 18-й день ноября 1896 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе при С.-Петербургскомъ Рождественскомъ трехклассномъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ стипендіи на проценты съ капитала въ *четыреста* рублей, пожертвованнаго обществомъ вспомоществованія приказчикамъ и сидѣльцамъ въ С.-Петербургѣ, въ ознаменованіе дня бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

11. (3-го февраля 1897 года). *О кредитѣ на содержаніе Бакинскаго низшаго механико и химико-техническаго училища съ низшею ремесленною при немъ школою.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о кредитѣ на содержаніе Бакинскаго низшаго механико и химико-техническаго училища съ низшею ремесленною при немъ школою, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о кредитѣ на содержаніе Бакинскаго низшаго механико и химико-техническаго училища съ низшею ремесленною при немъ школою, *мнѣніемъ положилъ*:

Отпускать изъ государственнаго казначейства ежегодно, начиная съ 1-го января 1897 года, по *тридцать четыре тысячи девятьсотъ восемьдесятъ девять* рублей, на содержаніе Бакинскаго низшаго механико и химико-техническаго училища съ низшею ремесленною при немъ школою, съ обращеніемъ, съ того же срока, въ доходъ казны по *семнадцати тысячъ* рублей въ годъ, жертвуемыхъ на содержаніе названнаго училища мѣстнымъ городскимъ обществомъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

Библиотека "Руниверс"

12. (3-го февраля 1897 года). *Объ учрежденіи при Варшавскомъ казенномъ помологическомъ садѣ школы садоводства.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Варшавскомъ казенномъ помологическомъ садѣ школы садоводства, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Варшавскомъ казенномъ помологическомъ садѣ школы садоводства, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить съ 1-го іюля 1897 года, при Варшавскомъ казенномъ помологическомъ садѣ школу садоводства, на основаніи Высочайше утвержденнаго 27-го декабря 1883 года нормальнаго положенія о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ (Собр. узак. 1884 г. ст. 92) и другихъ относящихся до сихъ школъ узаконеній, а также нижеслѣдующихъ особыхъ правилъ.

1) Школа находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, причемъ права, присвоенныя нормальнымъ о низшихъ сельскохозяйственныхъ школахъ положеніемъ министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ, предоставляются, по учреждаемой школѣ, министру народнаго просвѣщенія.

2) Школа подчиняется непосредственному наблюденію попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Попечителемъ школы состоитъ профессоръ Варшавскаго университета, завѣдывающій мѣстнымъ помологическимъ садомъ.

3) Уставъ школы утверждается министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

II. На содержаніе упомянутой въ отдѣлѣ I школы отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства *три тысячи пятьсотъ* рублей въ годъ, внося означенную сумму съ 1-го января 1898 года въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія.

III. Отпустить въ 1897 году: а) на содержаніе названной (отд. I)

Библиотека "Руниверс"

школы—тысячу семьсотъ пятьдесятъ рублей, и б) на первоначальное ея обзаведеніе—шестьсотъ рублей, а всего двѣ тысячи триста пятьдесятъ рублей изъ кредита, занесеннаго на сей предметъ къ условному отпуску по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1897 годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

13. (3-го февраля 1897 года). *Объ учрежденіи при Златоустовскомъ ремесленномъ училищѣ столярнаго отдѣленія.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Златоустовскомъ училищѣ столярнаго отдѣленія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Златоустовскомъ ремесленномъ училищѣ столярнаго отдѣленія, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить съ 1897 года при Златоустовскомъ ремесленномъ училищѣ столярное отдѣленіе.

II. Ассигновать на содержаніе упомянутаго отдѣленія по *сто пятидесяти* рублей въ годъ, начиная съ 1-го января 1898 года; расходъ же въ *одну тысячу шестьсотъ пятьдесятъ* рублей, потребный на его устройство и содержаніе съ 1897 году, отнести на могущіе образоваться отъ кредитовъ по § 7 смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(14-го февраля 1897 года). *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Кавказскому учебному округу: учителя гимназій: Тифлисской 1-й, *Бого-*

Библиотека "Руниверс"

словскій—съ 1-го іюля 1896 г., Тифлисской 2-й, *Храпко*—съ 1-го августа 1896 г., Бакинскаго реальнаго училища, *Медеръ*—съ 9-го августа 1896 г.; по западно-сибирскому учебному округу: учителя гимназій: Томской, *Вяткинъ*—съ 8-го ноября 1895 г., Томской Маріинской женской, *Основинъ*—съ 15-го августа 1895 г., реальныхъ училищъ: Александровскаго Тюменскаго, *Захаровъ*—съ 19-го ноября 1895 г., Алексѣевскаго Томскаго, *Ивачевъ*—съ 27-го августа 1896 г.; исправляющій должность прозектора Императорскаго Томскаго университета *Чугуновъ*—съ 11-го января 1897 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Кіевскому учебному округу: учитель Винницкаго реальнаго училища *Жалковскій*—съ 5-го ноября 1895 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя-инспекторы городскихъ училищъ: Ставропольскаго четырехкласснаго, *Крининъ*—съ 7-го іюля 1885 г. и Асхабадскаго трехкласснаго *Федоровъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; по западно-сибирскому учебному округу; прозекторъ Императорскаго Томскаго университета *Герценъ*—съ 1-го мая 1896 г.; изъ коллежскихъ асессоровъ въ *надворные совѣтники*: по археографической коммиссіи, членъ археографической коммиссіи *Дружининъ*—съ 24-го апрѣля 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя гимназій: Тифлисской 3-й, *Джаваришвейшвили*—съ 1-го іюля 1896 г., Ставропольской, *Чейшвили*—съ 22-го августа 1895 г., прогимназій: Пятигорской, *Вьюнниковъ*, Кутаисской, *Лебедевъ*, оба—съ 1-го іюля 1896 г.; реальныхъ училищъ: Тифлисскаго, *Козюлькинъ*—съ 26-го іюля 1895 г., Бакинскаго, *Лавровъ*—съ 24-го августа 1895 г., Ейскаго, *Тупицынъ*—съ 23-го августа 1894 г.; учитель-инспекторъ Батумскаго городскаго шестикласснаго училища *Мачаваріани*—съ 1-го сентября 1892 г.; врачи: Кутаисскаго городскаго шестикласснаго училища, *Лорджипанидзе*—съ 8-го января 1895 г. и Батумскаго ремесленнаго училища, *Кутлэринъ*—съ 10-го іюня 1895 г.; учитель Бакинскаго мореходнаго класса *Ярченко*—съ 1-го декабря 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Ставропольскаго четырехкласснаго, *Лагазидзе*—съ 14-го августа 1894 г., Екатеринодарскаго Александровскаго шестикласснаго, сверхштатный, *Георгіевъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Анапскаго трехкласснаго, *Хундадзе*—со 2-го сентября 1896 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Екатеринодарской гимназіи, *Черный*—съ 1-го сентября 1896 г. и Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища, *Дунинъ*—съ 15-го сентября 1896 г.; учитель приготовительнаго класса при татарскомъ отдѣленіи Закавказской учительской семинаріи *Гаракандидзе*—съ 9-го іюля 1893 г.; по западно-сибирскому учебному

Библиотека "Руниверс"

округу: учителя: Тобольской гимназіи, *Терновскій*—съ 7-го іюля 1895 г., реальныхъ училищъ: Александровскаго Тюменскаго: *Перешивалова*—съ 15-го ноября 1894 г. и *Кауфмана*—съ 1-го іюля 1895 г., Алексѣевскаго Томскаго, *Васильева*—съ 7-го сентября 1895 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Омской гимназіи, *Полякова*—съ 8-го февраля 1896 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: по Императорской академіи наукъ: библіотекарь 1-го отдѣленія библіотеки академіи, *Вольтеръ*—съ 15-го сентября 1896 года; *Кулябко*—съ 10-го мая 1896 г.; адъюнкты главной физической обсерваторіи: отдѣленія по изданію ежемѣсячнаго и еженедѣльнаго бюллютеней, *Кузнецовъ*—съ 1-го августа 1896 г. и отдѣленія морской метеорологіи, телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій, *Комовъ*—съ 1-го мая 1896 г.; по Московскому публичному и Румянцовскому музеямъ: помощникъ хранителя отдѣленія рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ *Георгіевскій*—съ 10-го ноября 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Екатеринодарскаго Александровскаго шестикласснаго, *Сахновъ*—съ 1-го августа 1896 г., Майконскаго Александровскаго трехкласснаго: *Меликовъ*—съ 30-го ноября 1895 г. и *Раздорскій*—съ 1-го іюля 1895 г., Александропольскаго трехкласснаго, *Суховъ*—съ 20-го августа 1895 г.; учитель Батумскаго ремесленнаго училища *Лозовой*—съ 15-го августа 1896 г.; смотритель-учитель Кирильскаго нормальнаго училища *Іосселіани*—съ 20-го іюля 1889 г.; по западно-сибирскому учебному округу: штатный смотритель Березовскаго уѣзднаго училища *Грязновъ*—съ 21-го марта 1895 г.; учителя уѣздныхъ училищъ: Березовскаго, *Гущинъ*—съ 24-го октября 1893 г., Тарскаго, *Погадаевъ*—съ 8-го августа 1895 г., Курганскаго, *Кухлевскій*—съ 1-го октября 1895 г. и Тобольскаго, *Нехаевъ*—съ 8-го октября 1896 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по археографической комиссіи: сотрудникъ комиссіи *Адріановъ*—съ 1-го января 1897 г.; по Кіевскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Каменецъ-Подольской гимназіи *Сапѣжко*—съ 1-го декабря 1893 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Бакинской Императора Александра III гимназіи *Дмитріевъ*—съ 10-го сентября 1894 г.; помощники воспитателей пансіоновъ: Ставропольской гимназіи *Ларіоновъ*—съ 11-го сентября 1894 г. и Бакинскаго реальнаго училища, *Агафоновъ*—съ 10-го октября 1894 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Екатеринодарскаго Александровскаго училища *Иваненковъ*—съ 15-го января 1895 г.;

Библиотека "Руниверс"

учителя городскихъ училищъ: Асхабадскаго трехкласснаго, *Попандопуло*—съ 23-го октября 1895 г., Кутаисскаго шестикласснаго, *Россика*—съ 1-го августа 1895 г., Екатеринодарскаго Александровскаго шестикласснаго, сверхштатный, *Соловьевъ*—съ 31-го января 1892 г.; учителя Анапскаго мореходнаго класса *Борисовъ*—съ 16-го марта 1893 г.; смотрителя-учителя нормальныхъ сельскихъ училищъ: Кагызманскаго двухкласснаго, *Новрузовъ*—съ 27-го октября 1896 г. и Мужальскаго одноклассnаго, *Нижарадзе*—съ 1-го февраля 1894 г.; по западно-сибирскому учебному округу: учителя, завѣдывающіе городскими училищами: Копальскимъ, *Архангельскій*—съ 15-го января 1893 г., Бійскимъ, *Никитинъ*, пишпекскимъ, *Свирчевскій*, оба—съ 1-го іюля 1893 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Вѣрненской гимназіи *Шнейдеръ*—съ 1-го сентября 1894 г.; учитель Туринскаго уѣзднаго училища *Поповъ*—съ 20-го января 1895 г.; письмоводитель Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища *Рудаковъ*—съ 10-го ноября 1895 г.; хранитель физическаго кабинета Императорскаго Томскаго университета *Гиляновъ*—съ 15-го мая 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Императорской академіи наукъ, архиваріусъ и журналистъ канцеляріи правленія академіи *Ивайленко*—съ 1-го января 1897 г. и лаборантъ химической лабораторіи академіи *Щербачевъ* съ 22-го ноября 1896 г.; по Одесскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Екатеринославской гимназіи *Сахненко*—съ 9-го октября 1896 г.; исправляющій должность письмоводителя и бухгалтера Кишиневской 1-й гимназіи *Дога*—съ 15-го декабря 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель приготовительнаго класса Эриванской гимназіи *Семеновъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; учитель Грузинскаго начальнаго училища при Закавказской учительской семинаріи *Кіасовъ*—съ 5-го сентября 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Карсскаго, *Бакрадзе*—съ 12-го ноября 1894 г. и Зугдидскаго, *Гомелауровъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; учитель Ардаганскаго нормальнаго двухкласснаго сельскаго училища *Капитоновъ*—съ 21-го сентября 1892 г.; письмоводитель Эриванской гимназіи *Гильманъ*—съ 19-го января 1897 г.; по западно-сибирскому учебному округу: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Борисоглѣбскій*—съ 10-го августа 1896 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Кавказскому учебному округу: учитель Татарскаго начальнаго училища Закавказской учительской семинаріи *Мухтаровъ*—съ 17-го сентября 1896 г.; по западно сибирскому учебному округу: помощники учителей городскихъ училищъ:

Библиотека "Руниверс"

Бійскаго, *Воронинъ*—съ 7-го августа 1888 г., Колыванскаго, *Чирковъ*—съ 18-го апрѣля 1890 г. и учитель Константиновскаго сельскаго приходскаго училища *Синебрюховъ*—со 2-го августа 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Императорской академіи наукъ: канцелярскій служитель канцеляріи правленія академіи *Андрейченко*—съ 1-го октября 1896 г.; по Кавказскому учебному округу: смотрителя сельскихъ училищъ: Саровскаго, *Григоровъ*—съ 15-го ноября 1894 г., Дигорскаго, *Алексѣевъ*—съ 3-го іюня 1895 г.; учителя сельскихъ училищъ: Бахвскаго, *Ширашидзе*—съ 28-го апрѣля 1884 г., Кельвинскаго земскаго однокласснаго. *Алибековъ*—съ 1-го іюля 1895 г., Попутненскаго, *Бережной*—съ 1-го августа 1895 г., Новотроицкаго, *Никитинъ*—съ 1-го августа 1896 г.; по западно-сибирскому округу: учитель Тополевскаго сельскаго приходскаго училища *Денякинъ*—съ 31-го августа 1895 г. и письмоводитель Омской гимназіи *Сартаковъ*—съ 21-го ноября 1896 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: по Императорскому С.-Петербургскому историко-филологическому институту: сверхштатный преподаватель гимназіи при институтѣ *Ловягинъ*—съ 2-го октября 1892 г.; по кавказскому учебному округу: учителя гимназій: екатеринодарской городской: *Дѣячковъ-Тарасовъ*, *Некрасовъ*, *Брожъ*, всѣ трое—съ 1-го сентября 1892 г. и *Сысоевъ*—съ 28-го сентября 1892 г., ставропольской: *Епифановъ*—съ 8-го августа 1892 г. и *Сариджанцъ*—съ 1-го августа 1892 г., тифлисской 1-й, *Авиловъ*—съ 24-го августа 1892 г., реальныхъ училищъ: ейскаго: *Болотовъ* и *Михайловъ*, оба—съ 1-го августа 1892 г., бакинскаго: *Стась*—съ 27-го сентября 1892 г. и *Шульцъ*—съ 7-го ноября 1892 г., женскихъ гимназій: Бакинской Маріинской, *Харжевичъ*—съ 5-го сентября 1892 г. и Ейской, *Харламовъ*—съ 8-го сентября 1892 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Императорской академіи наукъ: вычислитель главной физической обсерваторіи *Коростелевъ*—съ 1-го ноября 1896 г.; по западно-сибирскому учебному округу: врачъ Императорскаго Томскаго университета *Дочевскій*—съ 1-го іюня 1892 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по кавказскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Кутаисской гимназіи, *Тепцовъ*—съ 1-го октября 1892 г. и Бакинскаго реальнаго училища, *Красноуховъ*—съ 1-го октября 1892 г.; учителя городскихъ училищъ: Екатеринодарскаго Александровскаго шестикласснаго, *Скопецъ*—съ 1-го декабря 1891 г., Дербентскаго, *Казаровъ*—съ 1-го августа 1892 г., Бакинскаго, Михайловскаго, сверхштатный *Чикваидзе*—съ 1-го августа

Библиотека "Руниверс"

1892 г., Асхабадскаго, сверхштатный *Беделадзе* — съ 1-го сентября 1892 г.; смотритель-учитель Лечхумскаго начальнаго училища *Назаровъ*—съ 30-го августа 1889 г.; смотритель-учитель Александровскаго нормальнаго сельскаго однокласснаго училища *Адамія*—съ 1-го сентября 1892 г.; по западно-сибирскому учебному округу: учитель-завѣдывающій Лепсинскимъ городскимъ училищемъ *Прохудиновъ* — съ 1-го іюля 1889 г.; учителя городскихъ училищъ: Пржевальскаго, *Куценко*—съ 1-го іюля 1889 г. и Лепсинскаго, *Троеранов*—съ 15-го іюня 1891 г.; лаборантъ Императорскаго Томскаго университета Николай *Ивановъ* — съ 12-го сентября 1892 г., по степени провизора; *губернскаго секретаря*: по археографической комиссіи, сотрудникъ комиссіи *Турчаниновъ*—съ 1-го декабря 1896 г., по диплому 2-й степени Императорскаго С.-Петербургскаго университета; по кавказскому учебному округу, учитель-надзиратель Нальчикской окружной горской школы *Ткачевъ*—съ 5-го февраля 1892 г.; по западно-сибирскому учебному округу: учителя уѣздныхъ училищъ: Курганскаго, *Герасимовъ*— съ 1-го августа 1891 г., Березовскаго: *Волковъ* — съ 28-го ноября 1891 г. и *Ѣнарьевъ*—съ 31-го марта 1892 г.; *коллежскаго регистратора*, по кавказскому музею и тифлисской публичной библіотекѣ, консерваторъ музея, аптекарскій помощникъ *Кенигъ* — съ 1-го іюня 1896 года.

(21-го февраля 1897 года). По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: преподаватели гимназій: С.-Петербургскихъ: 2-й, *Кедровъ* — съ 15-го октября 1896 г. и 5-й, *Спицревскій* — съ 18-го ноября 1895 г. и Гельсингфорской Александровской, *Лемерсье* — съ 21-го октября 1896 г.; преподаватели С.-Петербургскихъ училищъ: при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ: св. Екатерины: *Петерсонъ* и *фонъ-Липгенъ*, оба—съ 9-го января 1896 г. и св. Петра, *Гулеке*— съ 9-го октября 1896 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватели гимназій: С.-Петербургскихъ: 6-й: *Шубингъ* — съ 1-го августа 1896 г. и *Зрячковъ*— съ 18-го ноября 1895 г., Введенской: *Суровцевъ*— съ 16-го октября 1896 г. и *Невзоровъ*— съ 18-го ноября 1895 г. и Императорскаго человѣколюбиваго общества, *Бажинъ*—съ 1-го августа 1896 г., Новгородской, *Максимовъ* — съ 1-го августа 1894 г.; врачъ Бѣлозерской женской прогимназіи *Строгановъ*—съ 1-го октября 1896 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*: преподаватели гимназій: С.-Петербургской 6-й, *Рощинъ*, Императорскаго человѣколюбиваго общества, *Береніусъ*, частной Гуревича:

Библиотека "Руниверс"

Тычинкинъ и *Колтуяло*, всѣ четверо съ 1-го августа 1895 г., частной женской Гедда, *Кондратьевъ*—съ 15-го октября 1895 г. и училища при церкви св. Петра, *Натинъ*—съ 1-го сентября 1893 г., Императорской Николаевской Царскосельской, *Мухинъ*—съ 1-го сентября 1895 г., Нарвской, *Семеновъ*—съ 18-го ноября 1895 г.; помощники классныхъ наставниковъ С.-Петербургскихъ гимназій: 5-й, *Норбековъ*—съ 1-го августа 1896 г., 7-й, *Разумовъ*—съ 1-го декабря 1896 г. и 2-го реальнаго училища, *Маяковъ*—съ 11-го декабря 1896 г.; учитель Крестецкаго городскаго трехкласснаго училища *Стодолинскій*—съ 1-го іюля 1896 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*, учитель Повѣнецкаго двухкласснаго городскаго училища *Кирсановъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: дѣйствительный членъ Охтенскаго ремесленнаго училища *Мельцеръ*—съ 26-го января 1893 г.; учитель Каргопольскаго трехкласснаго городскаго училища *Баданинъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, почетный смотритель С.-Петербургскаго Воздвиженскаго городскаго училища *Романовъ*—съ 7-го августа 1896 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*, профессоръ технологическаго института Императора Николая I *Львовъ*—съ 15-го ноября 1896 г.; *коллежскаго совѣтника*: адъюнктъ-профессоръ технологическаго института Императора Николая I титулярный совѣтникъ *Яковкинъ*—съ 30-го ноября 1896 г.; инспекторы народныхъ училищъ: 3-го района Новгородской губерніи, коллежскій секретарь *Георгіевскій*—съ 1-го октября 1892 г. и 8-го района Олонецкой губерніи, *Гончаревскій*—съ 1-го сентября 1892 г.; *надворнаго совѣтника*: преподаватели технологическаго института Императора Николая I: коллежскій ассесоръ *Ганешинъ*—съ 25-го октября 1896 г., титулярный совѣтникъ *Ивановскій*, *Тихвинскій* и *Юпатовъ*—всѣ трое съ 1-го сентября 1896 г.; *коллежскаго ассесора*: преподаватели гимназій: С.-Петербургскихъ: 7-й, *Реха* и Введенской, *Якобсонъ*, оба—съ 1-го августа 1892 г., Императорской Николаевской Царскосельской: *Лаппо*—съ 1-го октября 1892 г. и *Александровъ*—съ 1-го августа 1892 г. и Олонецкой, *Ивановскій*—съ 1-го іюля 1892 г.; врачъ С.-Петербургской 7-й гимназіи *Хетагуровъ*—съ 1-го августа 1891 г., по степени доктора медицины; воспитатель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи *Рейнштейнъ*—съ 1-го января 1892 г.; учитель Петергофской прогимназіи Императора Александра II *Ядрышевъ*—съ 1-го августа 1892 г.; сверхштатный преподаватель С.-Петербург-

Библиотека "Руниверс"

скаго 2-го реальнаго училища *Маттей* — съ 1-го ноября 1892 г.; преподаватели училища при церкви св. Петра: *Зеіботъ* и *Піотровскій* — съ 1-го августа 1892 г.; *коллежскаго секретаря*: бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ, нынѣ преподаватель С.-Петербургской 6-й гимназіи *Смирновъ* — съ 1-го августа 1890 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи, *Фишеръ* — съ 1-го марта 1892 г. и Вологодскаго реальнаго училища, *Устиновъ* — съ 5-го сентября 1892 г.; учителя городскихъ училищъ: Гатчинскаго, *Котельниковъ* — съ 1-го августа 1892 г. и Гдовскаго, *Троицкій*—съ 1-го ноября 1891 г.; *коллежскаго регистратора*: домашніе учителя: *Соловейчикъ* — съ 21-го декабря 1896 г. и *Шпинатусъ*—съ 13-го декабря 1896 г.

(21-го февраля 1897 года). *Увольняются* отъ службы: согласно прошенію, сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Малѣевъ*; согласно прошенію, по болѣзни, ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Брувъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

(3-го марта 1897 года). *Назначаются*: въ званіи камергера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Араповъ* и коллежскій совѣтникъ *Соломирскій*—вновь, на три года, почетными попечителями гимназій: Араповъ—Пензенской второй, а Соломирскій—Екатеринбургской, послѣдній—съ 13-го августа 1896 г., съ оставленіемъ Арапова въ придворномъ званіи; корнетъ запаса армейской кавалеріи *Волковъ* — почетнымъ попечителемъ алферовской учительской семинаріи, на три года; почетный попечитель Московской четырехклассной прогимназіи, кандидатъ юридическихъ наукъ *Булочкинъ* — почетнымъ попечителемъ Московской шестиклассной прогимназіи на остальной срокъ текущаго трехлѣтія.

Утверждаются: въ должности егермейстера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Леонтьевъ* и въ должности гофмейстера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шиповъ* — согласно избранію, на три года, почетными попечителями: первый — вновь, Владимірской гимназіи, а второй — Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими придворныхъ должностяхъ.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, док-

Библиотека "Руниверс"

торъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бродовскій*—за выслугою срока, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

(8-го марта 1897 года). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, коллежскій ассесоръ *Кузнецовъ* — съ утвержденіемъ, согласно избранію, помощникомъ попечителя Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, на три года.

Назначаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поповъ* — сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ названнаго университета, по каѳедрѣ фармакологіи; статскій совѣтникъ *Старосѣльскій* — вновь почетнымъ попечителемъ Житомірской гимназіи, на три года; причисленный къ министерству, инженеръ-технологъ, межевой инженеръ, надворный совѣтникъ *Грузовъ*—директоромъ Казанскаго промышленнаго училища, съ 1-го января; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ санскритской словесности *Ольденбургъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета, по каѳедрѣ санскритской словесности; причисленный къ министерству, инженеръ-механикъ, статскій совѣтникъ *Серпьевъ*—директоромъ Рыбинскаго низшаго механико-техническаго училища, имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Комарова, съ 1-го января.

Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ зоологіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Заленскій* и старшій геологъ геологическаго комитета министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, горный инженеръ, коллежскій совѣтникъ *Чернышевъ* — въ Императорскую академію наукъ: первый—ординарнымъ академикомъ по зоологіи, съ 18-го января, а второй—адъюнктомъ по геологіи, съ 11-го января, изъ нихъ Чернышевъ—съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; исправляющій должность адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, по общей зоотехніи, кандидатъ сельскаго хозяйства *Калугинъ*—въ исправляемой имъ должности.

Умершій исключается изъ списковъ, ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ физики, статскій совѣтникъ *Слугиновъ*, съ 10-го февраля.

(8-го марта 1897 года). По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ

Библиотека "Руниверс"

въ *статскіе совѣтники*: воспитатель при пансіонѣ С.-Петербургской 3-й гимназіи *Арсеньевъ*—съ 5-го декабря 1896 г. и штатный преподаватель С.-Петербургской женской гимназіи княгини Оболенской *Фидлеръ*—съ 6-го ноября 1896 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* преподаватель С.-Петербургской 3-й гимназіи *Желватыхъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; лекторъ нѣмецкаго языка Императорскаго университета *Браунъ*—съ 17-го октября 1896 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Волковъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* хранители кабинетовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: ботаническаго, *Антоновъ*—съ 9-го сентября 1892 г. и зоологическаго: *Книповичъ*—съ 3-го іюня 1896 г. и *Страховскій*—съ 1-го ноября 1896 г. и лаборантъ химической лабораторіи того же университета *Созоновъ*—съ 4-го декабря 1896 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* хранители минералогическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета: *Агафоновъ*—съ 1-го іюня 1896 г. и *Отоцкій*—съ 9-го ноября 1896 г.; секретарь правленія того же университета *Ферейнъ-Сороцкій* — съ 1-го февраля 1897 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго регистратора*: домашніе учители: *Нетунахинъ*—съ 14-го декабря 1896 г. и *Алексѣевъ*—съ 1-го ноября 1896 г.

По варшавскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ Варшавской 2-й мужской прогимназіи *Баранъ*—съ 17-го сентября 1896 г.; преподаватели, исправляющіе должность инспекторовъ мужскихъ гимназій: Варшавской 5-й, *Бржезинскій* — съ 14-го сентября 1896 г. и Лодзинской, *Лаврентьевъ*—съ 1-го января 1897 г.; учителя; мужскихъ гимназій: Варшавской 5-й, *Бѣляевъ* — съ 1-го октября 1896 г., Варшавской 6-й, *Модинъ*—съ 1-го іюля 1896 г., Калишской, *Брамманъ*—съ 12-го іюля 1896 г. и Плоцкой, *Еггеръ* — съ 1-го января 1895 г., Варшавскаго реальнаго училища, *Золотаревъ*—съ 1-го ноября 1896 г., женскихъ гимназій: Варшавской 1-й, *Косминскій*—съ 26-го сентября 1896 г. и Кѣлецкой, *Кублицкій* — съ 24-го іюля 1896 г.; штатный учитель Вымыслинской учительской семинаріи *Полотебновъ* — съ 1-го ноября 1896 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: дѣлопроизводитель Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Парисевичъ*—съ 17-го апрѣля 1893 г.;

Библиотека "Руниверс"

учителя: мужскихъ гимназій: Прагской: *Белима-Пастернаковъ* — съ 1-го сентября 1896 г. и *Заленскій*—съ 16-го декабря 1895 г., ченстоховской, *Яворскій*—съ 26-го августа 1890 г. и Радомской, *Липскій*—съ 19-го октября 1896 г., Варшавской 3-й женской гимназіи, *Рута*—съ 20-го августа 1895 г.; штатные учителя учительскихъ семинарій: Варшавской, *Зальсскій*—съ 1-го ноября 1896 г. и Холмской, *Морозовъ*—съ 15-го августа 1894 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: бухгалтеръ и казначей Ново Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Петрущинскій*—съ 1 го ноября 1893 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 1-й, *Слащевскій*—съ 10-го января 1894 г., Варшавской 5-й, *Гладжевичъ* и Прагской, *Аванасьевъ* оба—съ 1-го августа 1895 г.; Калишской: *Новакъ*—съ 8-го сентября 1890 г. и *Реуттъ*—съ 1-го августа 1873 г., Варшавской 1-й женской гимназіи, *Крохинъ*—съ 1-го сентября 1896 г., Пултусской мужской прогимназіи, *Ивановъ*—съ 20-го апрѣля 1892 г. и Сейпскаго трехкласснаго городскаго училища *Олифиренко*—съ 1-го августа 1896 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: дѣлопроизводитель канцеляріи попечителя *Старосивильскій* — съ 1-го ноября 1896 г. и учитель Сѣдлецкой мужской гимназіи *Бецъ*—съ 6-го сентября 1896 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ зоологіи Императорскаго Варшавскаго университета *Мордвилко*—съ 7-го ноября 1896 г.; учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 2-й, *Архангельскій*—съ 24-го ноября 1895 г., Маріампольской, *Теодоровичъ*—съ 15-го августа 1896 г.. Ломжинской: *Виноградовъ*—съ 26-го августа 1892 г. и *Винклеръ*—съ 15-го сентября 1894 г. и Лодзинской, *Голушкевичъ* — съ 9-го декабря 1895 г.; учитель-инспекторъ Варшавскаго трехкласснаго городскаго училища *Бакхановскій* — съ 1-го октября 1894 г. и штатные учители городскихъ училищъ: Варшавскаго трехкласснаго, *Попенюкъ*—съ 1-го октября 1892 г. и Плоцкаго трехкласснаго, *Соломьевъ* — съ 16-го мая 1895 г.; учитель приготовительнаго класса Прагской мужской гимназіи *Давыдовъ*—съ 1-го ноября 1889 г. и учитель Маріампольской мужской гимназіи *Миленскій*—съ 16-го августа 1894 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учителя: Варшавской 2 й мужской гимназіи, *Сверчковскій* — съ 1-го сентября 1896 г., Замостской женской прогимназіи, *Лебедевъ*—съ 10-го сентября 1893 г. и приготовительнаго класса Варшавской 5-й мужской гимназіи, *Шантай*—съ 1-го сентября 1893 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, учитель Варшавскаго 8-го одно-

Библиотека "Руниверс"

класснаго городскаго начальнаго училища *Михалевичъ*—съ 1-го августа 1894 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, дѣлопроизводитель канцеляріи Ломжинской учебной дирекціи *Юрашкевичъ* — съ 1-го августа 1891 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, помощникъ директора Варшавскаго ветеринарнаго института, титулярный совѣтникъ *Захаровъ* — съ 1-го января 1894 г.; *коллежскаго ассессора*: учителя: мужскихъ гимназій: Ченстоховской, *Румянцевъ* — съ 18-го ноября 1891 г. и Радомской, *Истринъ* — съ 1-го ноября 1892 г., Сандомирской мужской прогимназіи, *Срѣтенскій*—съ 1-го января 1892 г. и штатный учитель Ломжинской женской гимназіи *Калихевичъ* — съ 1-го января 1890 г.; *титулярнаго совѣтника*: штатный ординаторъ при госпитальной терапевтической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Клейнъ*—съ 1-го января 1890 г., сверхштатные ординаторы того же университета: при діагностическо-терапевтической клиникѣ, *Бернацкій*—съ 29-го января 1890 г., при акушерской клиникѣ, *Бржезинскій* — съ 1-го февраля 1892 г., при госпитальной терапевтической клиникѣ, *Кнастеръ* — съ 20-го марта 1892 г. и бывшіе сверхштатные ординаторы того же университета: при діагностическо-терапевтической клиникѣ (нынѣ въ отставкѣ) *Броновскій*—съ 1-го ноября 1891 г. и при клиникѣ акушерства женскихъ и дѣтскихъ болѣзней (нынѣ въ отставкѣ *Павловъ*—съ 20-го декабря 1891 г., всѣ шестеро по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ: Томашовскаго Александровскаго четырехкласснаго, *Желѣзниковъ* — съ 1-го августа 1892 г. и Петроковскаго Александровскаго трехкласснаго, *Ящикъ*—съ 15-го октября 1892 г.; помощники классныхъ наставниковъ мужскихъ гимназій: Варшавской 6-й, *Ящукъ*—съ 15-го сентября 1892 г. и Прагской, *Львовъ*—съ 1-го марта 1890 г.; *губернскаго секретаря*: учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Фуксъ* — съ 11-го декабря 1896 г., по степени магистра бывшей Варшавской главной школы: учитель Варшавскаго реальнаго училища *Францевъ*—съ 1-го августа 1888 г., по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго Варшавскаго университета.

(15-го марта 1897 года). *Назначаются*: инспекторъ Воронежской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Коноровъ*—директоромъ Острогожской прогимназіи; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Херцъ* — вновь, почетнымъ попечителемъ Кишиневской второй гимназіи, на три года; лаборантъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ меди-

Библиотека "Руниверс"

цины, коллежскій совѣтникъ *Чирвинскій*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго университета, по каѳедрѣ фармакологіи.

Утверждаются: генералъ-маіоръ *Яцкевичъ*—вновь, почетнымъ попечителемъ Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища, на три года; адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, коллежскій совѣтникъ *Ковальскій*—старшимъ астрономомъ той же обсерваторіи, съ 15-го января.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Сабуровъ*.

Умершій исключается изъ списковъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Аванасьевъ*, съ 21-го февраля.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

10. (11-го февраля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Никандра Захарьевича Карпенко при Севастопольской женской гимназіи.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу четыреста* руб., пожертвованнаго сестрой и братьями покойнаго потомственнаго почетнаго гражданина Никандра Захарьевича Карпенко, учреждается при Севастопольской женской гимназіи одна стипендія его имени.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты на сумму 1,400 р., хранится въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность этого заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за исключеніемъ изъ нихъ слѣдующаго въ пользу казны сбора по закону 20-го мая 1885 г., обращаются въ соотвѣтственномъ количествѣ въ плату за ученіе стипендіатки, а остальныя деньги выдаются ей на книги и другія учебныя пособія.

§ 4. Право избранія стипендіатки, а равно и лишеніе ея стипендіи

Библиотека "Руниверс"

принадлежитъ педагогическому совѣту Севастопольской женской гимназіи.

§ 5. Въ стипендіатки избирается ученица Севастопольской женской гимназіи, безъ различія званія, недостаточнаго состоянія, русская подданная, православнаго вѣроисповѣданія, заслуживающаго того по успѣхамъ, прилежанію и поведенію.

§ 6. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій остатки причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Севастопольской женской гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее, для употребленія по назначенію.

11. (27-го февраля 1897 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Бѣлозерской женской прогимназіи имени бывшаго предсѣдателя попечительнаго совѣта сей прогимназіи Дмитрія Васильевича Поздынина*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на проценты съ капитала въ *пятьсотъ* руб., пожертвованнаго Бѣлозерскимъ купцомъ Анисимомъ Дмитріевичемъ Поздынинымъ, учреждаются при Бѣлозерской женской прогимназіи двѣ стипендіи въ память покойнаго отца его Дмитрія Васильевича Поздынина бывшаго предсѣдателя попечительнаго совѣта означенной прогимназіи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ пяти свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, каждое въ 100 руб., за №№ 1369, 1370, 1371, 1372 и 1373, составляетъ неотъемлемую собственность Бѣлозерской женской прогимназіи и, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится съ прочими спеціальными средствами оной въ мѣстномъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, расходуются полугодно на нужды двухъ стипендіатовъ.

§ 4. Стипендіи назначаются бѣднѣйшимъ и лучшимъ по успѣхамъ и поведенію ученицамъ, начиная съ приготовительнаго класса, православнаго исповѣданія, преимущественно изъ дѣтей гражданъ, и таковымъ присваивается наименованіе стипендіатокъ памяти Д. В. Поздынина.

Библиотека "Руниверс"

§ 5. Право избранія стипендіатокъ предоставляется попечительному совѣту прогимназіи.

§ 6. Стипендіаткѣ, оставшейся на второй годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена въ томъ лишь случаѣ, если ученица оставлена по болѣзни или по другимъ уважительнымъ, по мнѣнію педагогическаго совѣта, обстоятельствамъ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендій остатки присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Бѣлозерской женской прогимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

12. (27-го февраля 1897 года). *Положеніе о стипендіи имени врача Александра Эдуардовича Ландезена при Екатеринбургской женской гимназіи.*

(Утверждено г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при Екатеринбургской женской гимназіи учреждается стипендія имени почетнаго члена Уральскаго медицинскаго общества въ г. Екатеринбургѣ, врача Александра Эдуардовича Ландезена на проценты съ капитала въ *одну тысячу триста двадцать* рублей, собраннаго на сей предметъ членами упомянутаго общества.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя ея неотъемлемую собственность и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей по закону 20-го мая 1885 г. обращенію въ казну, употребляются, по усмотрѣнію попечительнаго совѣта женской гимназіи, на уплату за право ученія, на учебныя пособія или на другія надобности одной изъ бѣднѣйшихъ ученицъ гимназіи, отличающейся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

§ 4. Выборъ таковой стипендіатки, преимущественно изъ жителей г. Екатеринбурга, предоставляется усмотрѣнію попечительнаго совѣта женской гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

§ 5. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 6. Фамилія воспитанницы, которой попечительный совѣтъ предоставитъ стипендію, каждый разъ должна быть сообщаема Уральскому медицинскому обществу въ г. Екатеринбургъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Екатеринбургской женской гимназіи въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

13. (16-го марта 1897 года). *Положеніе о стипендіи при Императорской Казанской первой гимназіи имени бывшаго директора этого заведенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гейнриха Ивановича Крелленберга.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу* руб., пожертвованнаго въ 1885 г. жителями г. Казани по случаю двадцатипятилѣтней службы въ должности директора Императорской Казанской 1-й гимназіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гейнриха Ивановича Крелленберга, и возросшаго въ настоящее время до *одной тысячи шестисотъ двадцати двухъ руб. пятидесяти девяти коп.*, учреждается при Императорской Казанской 1-й гимназіи одна стипендія, съ наименованіемъ ея стипендіею бывшаго директора Императорской Казанской 1-й гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гейнриха Ивановича Крелленберга.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ Казанскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Право избранія стипендіата принадлежитъ Г. И. Крелленбергу, а послѣ смерти его педагогическому совѣту названной гимназіи. Стипендіаты избираются изъ учениковъ Императорской Казанской 1-й гимназіи, лучшихъ по успѣхамъ и поведенію, безъ различія вѣроисповѣданія и званія, изъ числа дѣтей недостаточныхъ родителей г. Казани.

§ 4. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ 5% государственнаго сбора, ежегодно выдаются родителямъ стипендіата или лицамъ, заступающимъ ихъ мѣсто.

§ 5. Педагогическій совѣтъ гимназіи можетъ, съ согласія Крелленберга, лишить ученика стипендіи за дурное поведеніе и неудовлетворительные успѣхи въ наукахъ.

Библиотека "Руниверс"

§ 6. Стипендіатъ, остающійся въ томъ же классѣ на другой годъ по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, не лишается стипендіи.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіальнаго капитала присоединяются къ оному, для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*И. Маслов*ъ, генералъ-лейтенантъ. Научныя изслѣдованія по тактикѣ. Выпускъ I. Предварительныя понятія о тактикѣ, какъ наукѣ. Элементарныя силы бойца. С.-Пб. 1896. Стр. II+II+74. Цѣна 80 коп. Выпускъ II. Анализъ нравственныхъ силъ бойца. С.-Пб. 1896. Стр. 75+478+X. Цѣна 3 р. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Изъ жизни звѣрей и птицъ. Популярные очерки. Проф. *М. А. Мензбира*. Съ 20 рисунками Іос. Вольфа. М. 1897. Стр. VIII+160, въ 4-ку. Цѣна 3 р.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ (средняго и старшаго возрастовъ) библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и для выдачи въ видѣ награды ученикамъ реальныхъ училищъ, а также допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Переписка *Я. К. Грота* съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ редакціею К. Я. Грота. 3 тома. Стр. XV+702+966+850. С.-Пб. 1896. Цѣна 9 р.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*В. П. Желиховская*. Мое отрочество. Второе изданіе, съ рисунками С. С. Соломко. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Деврієна. 1896.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 320. Цѣна 3 р." — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни.

— Книгу: „Рѣчи Демосѳена противъ Филиппа. Переводъ *Іосифа Добіаша*. Нѣжинъ. 1896. Стр. XXX+112. Цѣна 1 р." — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Deutsches Lesebuch von *R. Grethmann*. Dritte umgearbeitete Auflage. Dritter Theil für die oberen Klassen. Historische Prosa. Erste Abtheilung. *Нѣмецкая хрестоматія*. Составилъ *Р. Гретманъ*. Третье передѣланное изданіе. Часть III для старшихъ классовъ. Историческая проза. Отдѣлъ I. М. 1896. Изданіе книжнаго магазина В. В. Думнова. Цѣна 65 коп. Стр. VIII+178+87" — допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приложенный къ хрестоматіи словарь былъ напечатанъ болѣе крупнымъ и четкимъ шрифтомъ.

— Книгу: „Пѣснь о Роландѣ (La Chanson de Roland). Переводъ размѣромъ подлинника графа *Ф. де Ла-Барта*. Съ предисловіемъ Академика *А. Н. Веселовскаго*, введеніемъ и примѣчаніями переводчика. С.-Пб. 1897. Стр. XXIII+144. Цѣна 1 р. 75 коп."—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Счастливецъ и другіе разказы для дѣтей отъ 10 до 13 лѣтъ. *А. В. Борисовой*. М. 1890. Стр. 155. Цѣна 80 коп."—допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, а также и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „Учебникъ Зоологіи, составленный примѣнительно къ программѣ реальныхъ училищъ. Часть I. (Отдѣлъ позвоночныхъ). Составилъ *К. Персональный*, преподаватель естественной исторіи и физики въ Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ. М. 1893. Цѣна 85 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Обзоръ учебной и научной литературы по русскому языку. Изданіе педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1896. Предисловіе. 250+VI и оглавленіе. Цѣна 1 р." — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ качествѣ пособія для преподавателей русскаго языка и словесности.

Библиотека "Руниверс"

— Книгу, подъ общимъ заглавіемъ: „Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціею *А. Н. Чудинова*. Серія вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей: 1) Выпускъ третій. Поэмы Оссіана Джемса Макферсона. Переводъ и примѣчанія *Е. В. Балабановой*. Изданіе И. Глазунова. С.-Пб. 1897. Стр. III+103. Цѣна 35 коп. 2) Выпускъ четвертый. Старшая Эдда (Семунда Мудраго). Сборникъ миѳологическихъ, гномическихъ и эпическихъ пѣсенъ, въ переводахъ русскихъ писателей. Изданіе И. Глазунова. С.-Пб. 1897. Стр. III+129. Цѣна 40 коп." — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціею Льва Георгіевскаго и Сергѣя Маштейна. Маркъ Туллій Цицеронъ. Рѣчь въ защиту царя Дейотара. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 3 рисунками и картою М. Азіи. Объяснилъ *И. П. Цвѣтковъ*, преподаватель Варшавской 1-й гимназіи. Часть I: Текстъ. Стр. 43. Часть II: Комментарій. Стр. 53. С.-Пб. 1895. Цѣна за обѣ части 40 коп."—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій и прогимназій.

— Книжки: 1) „Иліада Гомера. Пѣснь VIII. М. 1896. Стр. 56. Цѣна 35 коп." и 2) Иліада Гомера. Пѣсни IX и X. М. 1896. Стр. 123. Цѣна 65 коп. Объяснилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи"— одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій.

— Книгу: „Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга шестая. Саратовъ. 1896. Стр. XV+482. Цѣна 3 р."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „И все это правда. Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разказовъ. *И. Дружбина*. Съ рисунками В. Шпехта, С. Животовскаго и др. С. Пб. Изданіе А. Ф. Девріена. Стр. 161. Рис. 48. Цѣна 2 р."—одобрить для ученическихъ, средняго и младшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Изданныя А. Ф. Девріеномъ книги: 1) „Царство животныхъ. 250 изображеній для наглядnаго обученія съ объяснительнымъ текстомъ *П. Ю. Шмидта*. 23 табл. + 39 стр, больш. форм. С.-Пб. Цѣна 4 р." и 2) „Царство растеній и минераловъ. 270 изображеній для наглядnаго обученія съ объяснительнымъ текстомъ *П. Ю Шмидта*. 23 табл. + 39 стр. больш. форм. С.-Пб. Цѣна 4 р."—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-

Библиотека "Руниверс"

учебныхъ заведеній и для раздачи воспитанникамъ этихъ заведеній въ видѣ награды.

— Книгу: „Г. Циглеръ. Что такое нравственность. Переводъ съ нѣмецкаго *Александра Острогорскаго*. Изданіе редакціи журнала „Образованіе". С.-Пб. 1896. Стр. 102. Цѣна 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери*. Переводъ съ французскаго. Третье изданіе. Съ 52 рисунками. С.-Пб. Изданіе Ф. Павленкова. 1893. Стр. 199. Цѣна 75 коп."—одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: „Элементарный курсъ нѣмецкой грамматики. Составили *Доннеръ* и *К. Грубе*. Elementarkursus der deutschen Grammatik v. *W. Donner* и *K. Grube*. III. Stufe. Zweite Auflage. Riga. 1897. Verlag von W. Mellin und Co. Стр. XII+57. Цѣна не обозначена"—рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для тѣхъ начальныхъ училищъ и для низшихъ классовъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподаваніе нѣмецкаго языка ведется на нѣмецкомъ же языкѣ.

— Брошюру: „Краткое изложеніе славянофильскаго ученія. *А. Кирѣевъ*. Изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. С.-Пб. 1896. Стр. II+90. Цѣна съ пересылкою 15 коп."—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданную фирмою „Посредникъ" книжку: „Земля. Повѣсть *И. Н. Потапенко*. № 152. М. 1894. Стр. 214. Цѣна 12 коп."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки-читальни.

— Книжку: „*М. Хитровъ*. Евстафій Плакида. Повѣсть изъ исторіи христіанской церкви конца I и начала II столѣтія. М. 1896. Стр. 165. Цѣна 50 коп. Изданіе 2-е, К. И. Тихомирова"—допустить

Библиотека "Руниверс"

въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: „Грамотей. Букварь и первые уроки чтенія. Съ приложеніемъ упражненій для самостоятельныхъ письменныхъ работъ. Составили *Е. Попова* и *А. Пышехонова*. Изд. 2-е. С.-Пб. 1896. Стр. 68. Цѣна 20 коп."—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ ея изданіи были устранены указанные въ рецензіи недостатки.

— Брошюру: „*Босовъ. Н.* Памятная книжка по ариѳметикѣ для учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ всѣхъ наименованій и типовъ. Часть I. Цѣлыя числа. Изданіе 2-е. Новочеркасскъ. 1896. Стр. VI + 27. Цѣна 7 коп."—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособія въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книжку: „Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ по типамъ, съ приложеніемъ численныхъ примѣровъ на 4 дѣйствія съ цѣлыми числами. Составилъ *А. А. Терешкевичъ*. Изданіе 3-е, книжнаго магазина К. И. Тихомирова. М. 1896. Стр. VI + 110 + II. Цѣна 30 коп."—допустить въ учительскія и ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Изданныя Московскимъ отдѣломъ Общества распространенія духовно-нравственныхъ книгъ брошюры: „1) житіе св. отца нашего Іоанна Златоуста. М. 1890. Цѣна 4 коп. 2) Житіе иже во св. отца нашего Митрофана, епископа воронежскаго. М. 1895. Цѣна 8 коп. 3) Св. Филиппъ, митрополитъ московскій. М. 1889. Цѣна 5 коп. 4) Житіе св. равноапостольной мироносицы Маріи Магдалины. Сергіевъ Посадъ. 1894. Цѣна 3 коп. 5) Страданія св. мучениковъ Адріана и Наталіи. Сергіевъ Посадъ. Цѣна 3 коп. 6) Жизнь св. отца нашего Ѳеодора, еп. Едесскаго. М. 1887. Цѣна 5 коп. 7) Жизнь и страданія преп. отцевъ нашихъ Патермуѳія и Копрія и съ ними мирянина Александра. М. 1892. Цѣна 1 коп. 8) Неблагопріятныя встрѣчи. М. 1895. Цѣна 1 коп. 9) Шестопсаліе на утреннемъ богослуженіи Православной Церкви съ краткимъ объясненіемъ. М. 1892. Цѣна 5 коп. 10) Ночь христіанина. М. 1892. Цѣна 2 коп. 11) Псаломъ XXIII. М. 1893. Цѣна 2 коп. 12) О почитаніи родителей. М. 1892. Цѣна 3 коп. 13) Разказы дѣдушки Антоновича про то, какъ вѣра христіанская побѣдила вѣру языческую. 1895. Цѣна 4 коп. 14) О провожденіи воскресныхъ и праздничныхъ дней. М. 1892. Цѣна 5 коп. 15) Жизнь и страданіе св. мучениковъ князя Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора. Сергіевъ Посадъ. 1895. Цѣна 3 коп. 16) Гроза. М.

Библиотека "Руниверс"

1892. Цѣна 2 коп. 17) Не унывай, а на Бога уповай. Сергіевъ Посадъ. 1896. Цѣна 3 коп. 18) Псалтирь св. царя и пророка Давида. М. 1892. Цѣна 5 коп. 19) Страданіе св. священномученика Кирилла. М. 1891. Цѣна 1 коп. 20) Бесѣда пастыря со старцемъ о званіи христіанина. М. 1894. 21) Поученіе противъ пьянства. М. 1896. Цѣна 1 коп. 22) Слезы матери. М. 1896. Цѣна 1 коп. 23) О значеніи земледѣлія и доброе слово земледѣльцамъ. Сергіевъ Посадъ. 1895. Цѣна 1 коп. 24) Воскресный день и его провожденіе. М. 1893. 25) Верба. М. 1893. Цѣна 1 коп. 26) Ропотъ на многочадіе. М. 1893. Цѣна 1 коп. 27) Жизнь препод. Пафнутія, боровскаго чудотворца. Цѣна 1 коп. 28) Жизнь св. отца нашего Меѳодія, патріарха цареградскаго. М. 1891. Цѣна 1 коп. 29) Св. великомученица Евфимія всехвальная. М. Цѣна 3 коп. 30) Жизнь св. славнаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова. М. 1892. Цѣна 3 коп. 31) Клятва отцовская. Сергіевъ Посадъ. 1895. Цѣна 3 коп. 32) О воровствѣ. Сергіевъ Посадъ. 1895. Цѣна 3 коп. 33) Зачѣмъ учатся и учатъ грамотѣ христіане. М. 1891. Цѣна 2 коп. 34) Троицкая Лавра. М. 1891. Цѣна 5 коп. 35) Св. равноапостольная Нина. Сергіевъ Посадъ. 1894. Цѣна 3 коп. 36) Сказаніе о жизни и благочестивыхъ подвигахъ преп. Савватія и Зосимы. Сергіевъ Посадъ. 1895. Цѣна 4 коп. 37) Житіе преподобнаго отца нашего Максима Грека. М. 1890. Цѣна 8 коп. 38) Житіе и страданіе св. великомученицы Екатерины. М. 1892. Цѣна 3 коп. 39) Житіе св. мученика Бонифатія. Сергіевъ Посадъ. 1894. Цѣна 3 коп. 40) Св. великомученикъ Димитрій Мироточецъ. М. 1891. Цѣна 5 коп. 41) Жизнь и страданія св. великомученика Пантелеймона. Сергіевъ Посадъ. 1895. Цѣна 3 коп. 42) О грѣхахъ внутреннихъ. М. 1893. Цѣна 10 коп. 43) Объ обязанности каждаго православнаго христіанина поучаться въ словѣ Божіемъ. М. 1893. Цѣна 4 коп. 44) Страсти Христовы. Сергіевъ Посадъ. 1893. Цѣна 5 коп. 45) Притчи Господа нашего Іисуса Христа. М. 1894. Цѣна 5 коп. 46) 90-й псаломъ св. царя и пророка Давида. М. 1892. Цѣна 5 коп. 47) Краткія катихизическія понятія, необходимыя каждому православному христіанину. Сергіевъ Посадъ. 1894. Цѣна 3 коп. 48) Бесѣды о покаяніи по руководству евангельскаго сказанія о покаявшейся грѣшницѣ. М. 1889. Цѣна 5 коп. 49) Краткое наставленіе о благочестивой жизни. Сергіевъ Посадъ. 1894. Цѣна 3 коп. 50) Бесѣды о таинствѣ св. причащенія. Сергіевъ Посадъ. 1895. Цѣна 3 коп. 51) Бесѣды о таинствѣ покаянія. Сергіевъ Посадъ. 1893. Цѣна 3 коп. 52) Молись Господу о покаяніи. М. 1896. Цѣна 2 коп. 53) О постахъ

Библиотека "Руниверс"

въ православной церкви. Сергіевъ Посадъ. 1896. Цѣна 5 коп. 54) Поминовеніе усопшихъ по ученію православной церкви. М. 1891. Цѣна 5 коп. 55) Объ ангелахъ-хранителяхъ и о подражаніи святымъ М. 1892. Цѣна 5 коп."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: „Опасно ли мясо больныхъ животныхъ? Составилъ ветеринарный врачъ *Г. И. Гуринъ*. М. 1896. Стр. 70. Цѣна 5 коп."—допустить въ библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Изданныя картографическимъ заведеніемъ *А. Ильина* въ С.-Петербургѣ стѣнныя карты Европы: 1) политич., съ надписями. Цѣна 2 руб.; 2) то же, нѣм. Ц. 2 руб.; 3) физич., съ надписями. Цѣна 2 руб. и 4) то же, нѣм. Цѣна 2 руб. (каждая карта на 4-хъ листахъ)—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебныхъ пособій, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

По донесенію г. главнаго инспектора училищъ восточной Сибири, *Балахтинское*, Ачинскаго округа, Енисейской губерніи, одноклассное смѣшанное училище, въ ознаменованіе дня священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, преобразовано въ сельское двухклассное училище.

Библиотека "Руниверс"

Съ Высочайшаго соизволенія Августѣйшей Покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, при всѣхъ кассахъ учрежденій Общества Краснаго Креста открытъ сборъ пожертвованій для устройства въ Имперіи колоній, въ которыхъ будутъ призрѣваться подъ покровительствомъ Краснаго Креста прокаженные.

—

Съ соизволенія Августѣйшей Покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста и по соглашенію съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ при всѣхъ кассахъ Общества Краснаго Креста открывается сборъ пожертвованій на усиленіе врачебной помощи нуждающимся переселенцамъ. Сборъ этотъ предназначается на устройство учрежденіями Общества Краснаго Креста въ Сибири, въ мѣстахъ поселеній новоселовъ, наиболѣе пораженныхъ эпидемическими формами заболѣваній и лишенныхъ медицинской помощи, а также въ мѣстахъ больныхъ скопленій переселенцевъ по пути ихъ движенія, амбулаторныхъ лѣчебницъ и питательныхъ пунктовъ Краснаго Креста и на командированіе въ тѣхъ же цѣляхъ санитарныхъ отрядовъ Краснаго Креста.

Сочувствующіе этому доброму дѣлу Общества Краснаго Креста дадутъ Обществу матеріальныя для выполненія его средства.

Въ С.-Петербургѣ касса главнаго управленія Общества открыта ежедневно отъ 12 до 4 час. дня.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЭПИЧЕСКІЯ ПОВТОРЕНІЯ, КАКЪ ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ.

О типическихъ повтореніяхъ французскаго эпоса много было писано и высказано для объясненія ихъ нѣсколько гипотезъ. Я касался этого вопроса въ моей статьѣ: Новыя изслѣдованія о французскомъ эпосѣ [1]); съ тѣхъ поръ литература возросла, она указана проф. Кремини въ его прекрасномъ введеніи къ итальянскому переводу Пѣсни о Роландѣ, сдѣланномъ Москетти [2]). Эпическимъ повтореніямъ посвящены были недавно [3]) два чтенія въ нефилологическомъ обществѣ, состоящемъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, г. Тіандера [4]) и гр. Де Ла Барта; подойдя къ анализу одного и того же явленія съ разныхъ сторонъ, они выдвинули тотъ или другой моментъ его развитія; я старался обобщить и вмѣстѣ обособить этотъ вопросъ въ предлагаемомъ далѣе отрывкѣ изъ моихъ чтеній по исторической поэтикѣ.

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Ч. CCXXXVIII, отд. 2, стр. 245 слѣд.

[2]) Сл. Dietrich въ Roman. Forschungen I, 1—50; Groeber въ Zs. f. rom. Philologie VI, 492—500; Pakscher, Zur Kritik u. Geschichte d. franz. Rolandliedes, стр. 100 слѣд. и Zs. für rom. Philol. XIII, 563—7; Nordfelt, Les couplets similaires dans la vielle épopée française, Stockholm 1898 (сл. Romania XXII, 632: G. Paris; сл. ib. XXIII 619: о мнѣніи Ландинера); G. Paris, Extraits de la Chans. de Roland p. XXIX, 75 № 26 и 122. Къ этой библіографіи присоединю: I principali episodi della canzone d'Orlando, trad. da Andrea Moschetti, con un proemio di Vincenzo Crescini, стр. LV слѣд.; Heinzel въ разборѣ Ten-Brink'a (Anzeiger, XV 166); сл. еще Gautier y Petit de Julleville, Hist. de la langue et de la littérature française t. I стр. 118 слѣд.

[3]) 24-го марта и 20-го ноября 1895-го года.

[4]) Сл. *К. Тіандеръ*, Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпическаго стиля: О повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ. *Живая Старина*, ч. VI, вып. 2-й, стр. 202 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

I.

Въ слѣдующемъ обзорѣ я касаюсь лишь стороною такихъ народно-пѣсенныхъ пріемовъ, какъ дословные захваты изъ конца одного стиха въ начало слѣдующаго, какъ сходныя начала нѣсколькихъ стиховъ подъ-рядъ и повтореніе одного стиха въ теченіи пѣсни, родъ внутренняго refrain. Я имѣю въ виду повторенія другаго рода.

Я различаю *повтореніе—формулу*, извѣстное греческому эпосу, встрѣчающееся и во французскомъ, но особенно развитое въ славянскомъ и русскомъ: постоянныя формулы для извѣстныхъ положеній, неотдѣлимыя отъ нихъ, приставшія къ нимъ, какъ приставъ къ слову характеризующій его эпитетъ; съ повтореніемъ извѣстнаго положенія въ теченіи разказа возвращаются и соотвѣтствующія формулы: герой снаряжается, выѣзжаетъ, бьется, держитъ рѣчь такъ сказать, по одному иконописному подлиннику; посолъ дословно повторяетъ данное ему порученіе; въ пѣснѣ о Роландѣ CCLXXXII бароны сговариваются между собою просить Карла, чтобы онъ простилъ Ганелона; въ строфѣ CCLXXXIII-ой они обращаются къ императору почти въ тѣхъ же выраженіяхъ.

Иное дѣло повторенія спеціально-французскаго типа: *не сходныя положенія*, а *одно и то же* задерживаются передъ нами въ теченіе 2-хъ, 3-хъ, 5-и и болѣе строфъ, и эта длительность подчеркивается повтореніями одного или нѣсколькихъ стиховъ.

Позволю себѣ привести здѣсь сказанное мною по этому поводу въ моей упомянутой выше замѣткѣ [1]). Повторенія встрѣчаются обыкновенно въ нѣсколькихъ послѣдовательно строфахъ. „Общее построеніе такое: строфа открывается какимъ-нибудь положеніемъ, сценой, которыя и развиваются въ дальнѣйшихъ стихахъ. Начало слѣдующей строфы снова возвращаетъ насъ къ положенію, иногда (съ небольшими видоизмѣненіями) къ запѣву первой, и снова то же положеніе развивается почти такъ же, новымъ является одинъ какой-нибудь штрихъ, одна подробность, незамѣтно подвигающая дѣйствіе. То же можетъ повториться и въ третьей строфѣ".

Я привелъ въ доказательство строфы CXXXV—VII пѣсни о Роландѣ; я разберу ихъ теперь въ связи съ строфами LXXXIV—VI [2]).

---

[1]) l. c. стр. 247.

[2]) Далѣе пѣснь о Роландѣ цитуется по Оксфордскому списку въ изданіи Theodor Müller, La Chanson de Roland.

Библиотека "Руниверс"

Сарацины окружили аррьергардъ Карла; Оливье говоритъ товарищу Роланду, что враговъ много; пусть затрубитъ въ свой рогъ, Карлъ услышитъ и явится на помощь. Но Роландъ отнѣкивается, и это положеніе развито трижды такимъ образомъ:

LXXXIV... „Товарищъ Роландъ, затруби въ свой рогъ! Услышитъ его Карлъ и вернется войско. Отвѣчаетъ Роландъ: Безумно поступилъ бы я, уронилъ бы въ милой Франціи мое славное имя. Стану я наносить Дюрандалемъ столь могучіе удары, что лезвее обагрится до головки меча. Въ недобрый часъ подошли къ ущельямъ поганые язычники; ручаюсь тебѣ, всѣ они обречены на смерть“ (Cumpaign Rollanz, kar sunez vostre corn! Si l'orrat Carles, si returnerat l'ost. Respunt Rollanz: Jo fereie que fols, En dulce France en perdreie mun los. Sempres ferrai de Durendal granz colps, Sanglant en ert li branz entresqu' al or. Felun païen mar i vindrent as porz; Jo vos plevis, tuz sunt jugez à mort).

LXXXV. „Товарищъ Роландъ, затруби въ олифантъ, услышитъ его Карлъ, велитъ войску вернуться... Отвѣчаетъ Роландъ: Да не попуститъ того Господь, чтобы мои родичи черезъ меня посрамились и была приниженна милая Франція, ослибъ изъ-за язычниковъ я сталъ трубить въ мой рогъ! Напротивъ, я стану сильно рубить Дюрандалинъ... Всѣ вы увидите его окровавленное лезвее. Въ недобрый часъ собрались сюда поганые язычники; ручаюсь тебѣ, всѣ они осуждены на смерть“ (Cumpains Rollanz, l'olifan car sunez! Si l'orrat Carles, ferat l'ost returner... Respont Rollanz: Ne placet damne Deu Que mi parent pur mei seient blasmet, Ne France dulce ja cheet en viltet! [1]). Einz i ferrai de Durendal asez,... Tut en verrez le bran ensanglentez. Felun païen mar i sunt asemblez; Jo vos plevis, tuz sunt à mort livrez).

LXXXVI. „Товарищъ Роландъ, затруби въ свой олифантъ! Услышитъ его Карлъ, онъ проходитъ теперь ущельями. Ручаюсь вамъ, французы вернутся. —Да не попуститъ того Господь, чтобы кто-нибудь изъ живущихъ сказалъ, что я затрубилъ изъ-за язычниковъ; не будетъ изъ-за того попрека моимъ родичамъ. Когда я буду въ жаркой битвѣ, я нанесу тысячу и семьсотъ ударовъ, увидите вы обагренное кровью лезвее Дюрандала“ (Cumpainz Rollanz, sunez vostre olifan! Si l'orrat Carles ki est as porz passant; Je vos plevis, ja re-

[1]) Въ переводѣ я воспользовался далѣе стихомъ, недоставшимъ въ Оксфордскомъ спискѣ: Se por paiens je sonasse mon corn (ср. текстъ G. Paris въ его Extraits).

Библиотека "Руниверс"

turnerunt Franc. — Ne place Deu, ço li respunt Rollanz, Que ço seit dit de nul hume vivant, Ne pur païen que ja seie cornant! [1]). Ja n'en avrunt reproece mi parent. Quant jo serai en la bataille grant, E jo ferrai e mil colps e. VII. cenz, De Durendal verrez l'acer sanglent)...

Лишь впослѣдствіи, послѣ жестокой сѣчи, когда и опасность и смерть на виду и самъ Роландъ истекаетъ кровью, онъ рѣшается затрубить, но уже поздно.

CXXXV. „Роландъ приставилъ ко рту олифантъ, хорошо его захватилъ, сильно въ него затрубилъ. Высоки горы, далеко разносится звукъ, на тридцать большихъ льё слышали, какъ онъ раздался... Слышитъ его Карлъ и дружина (Rollanz ad mis l'olifan à sa buche, Empeint le ben, par grant vertut le sunet. Halt sunt li pui e la voiz est mult lunge, Granz. XXX. liwes l'oïrent il respundre. Karles l'oït e ses cumpaignes tutes). Говоритъ императоръ: То бьются наши люди! А Ганелонъ ему въ отвѣтъ: Еслибъ такое сказалъ кто иной, за великую ложь то показалось бы.

CXXXVI „Графъ Роландъ трубитъ въ свой олифантъ съ трудомъ и усиліемъ и великою болью (Li quens Rollanz par peine e par ahans, Par grant dulor sunet sun olifan), алая кровь струится у него изо рта, лопаются жилы на вискахъ (Par mi la buche en salt fors li cler sancs, De sun cervel le temple en est rumpant). Далеко слышенъ звукъ его рога, слышитъ его Карлъ, проходя ущельями (Del corn qu'il tient l'oïe en est mult grant; Karles l'entent, ki est as pors passant), слышитъ его герцогъ Немонъ, слышатъ французы. Говоритъ императоръ: Слышу я рогъ Роланда. Отвѣчаетъ Ганелонъ: Нѣтъ никакой битвы!"— и онъ обличаетъ престарѣлаго императора въ дѣтской легковѣрности: будто онъ не знаетъ, какъ заносчивъ Роландъ? Это онъ тѣшится передъ перами. Впередъ, до Франціи еще далеко!

CXXXVII „У графа Роланда ротъ въ крови, лопнули жилы на вискахъ, онъ трубитъ въ олифантъ съ болью и трудомъ. Слышитъ его Карлъ, слышатъ французы (Li quens Rollanz a la buche sanglente, De sun cervel rumput en est li temples, L'olifan sunet à dulor e à peine. Karles l'oït e ses Franceis l'entendent). Говоритъ императоръ: Силенъ звукъ этого рога! Отвѣчаетъ герцогъ Немонъ: Бароны, работаетъ тамъ добрый вассалъ [2]), по моему тамъ идетъ битва. Онъ бросаетъ подозрѣніе на Ганелона; надо подать помощь своимъ.

---

[1]) Ja por paiens que jo seie cornant (G. Paris ib.).

[2]) Оксфордскій текстъ: Baron i fait là peine; переведено согласно съ VS. и текстомъ G. Paris'a.

Библиотека "Руниверс"

Эти своеобразныя повторенія, съ захватами стиховъ изъ строфы въ строфу, вызвали различныя толкованія. Одни находили въ нихъ слѣды простѣйшихъ эпическихъ пѣсенъ, сведенныхъ впослѣдствіи въ цѣлую поэму, причемъ однозначущія строфы очутились иногда рядомъ; другіе говорили о варіантахъ одной какой-нибудь пѣсни, которые плодились въ исполненіи бродячихъ жонглёровъ, и они заносили ихъ порой въ свои книжки, выбирая изъ нихъ, при пѣніи, тотъ или другой варіантъ, какой полюбится; послѣ чего явились переписчики и всѣ эти разночтенія списали подъ рядъ. Третье объясненіе опять-же исходитъ изъ идеи записи: сходныя строфы — дѣло интерполяціи, пріемъ позднѣйшихъ перескащиковъ, составителей большихъ эпопей, основанныхъ на пѣсенномъ преданіи. Если вторая гипотеза объясняла, болѣе или менѣе вѣроятно, механическою работой переписчиковъ существованіе въ однородныхъ строфахъ нѣкоторыхъ (иногда кажущихся) противорѣчій, то, идеи сознательнаго свода и интерполяціи ихъ исключали.—Въ настоящее время преобладаетъ, кажется, воззрѣніе, что повторенія французскаго эпоса слѣдуетъ объяснить, какъ особенность французской народно-поэтической, наивной стилистики. Но это не объясненіе, а новая постановка вопроса. Старая точка зрѣнія (Wolf-Lachmann) на большія поэмы, какъ на сводъ народныхъ пѣсенъ, не выдержала критики; теоріи варіантовъ и интерполяцій покоятся на гипотезѣ записи, текста, не считаясь съ тѣмъ фактомъ, что и въ народной не-писанной поэзіи встрѣчаются образцы такихъ-же повтореній и захватовъ. Примѣры тому представляютъ фарейскія пѣсни — и малорусская дума, которую мнѣ уже случилось привлечь къ сравненію:

Верхъ Бескида Калинова
Стоїть мі там корчма нова,
А в той корчмі турчин піе,
Пред ним дівка поклон біе:
„Турчин, турчин, турчинойку,
Не губь мене молодойку,

мой отецъ уже несетъ за меня выкупъ. Но отецъ не является, и дѣвушка плачетъ. Слѣдующая строфа повторяетъ ту-же картину: Бескидъ и турчинъ и мольба дѣвушки; на этотъ разъ будто-бы ея мать несетъ выкупъ. Въ третьей то-же повтореніе — и является съ выкупомъ „милый".—Аналогиченъ пріемъ русскихъ пѣсенъ, задерживающихъ повтореніемъ одинъ какой-нибудь моментъ дѣйствія:

Ударили ў званы кылыкалы,
Садитесь, быяре, усѣ на кони,

Библиотека "Руниверс"

Паѣдимъ быяре, ў новый горыдъ.
А ў новымъ горыди кыиями дорють:
То таму, то сяму ды па коніку,
Нашаму Ванички што налуччага.

Это положеніе повторяется еще дважды, съ тою разницею, что въ новомъ городѣ дарятъ уже не конями, а хустками и наконецъ дѣвками; лучшая достается жениху [1]).

Я пытался психологически выяснить себѣ подобнаго рода повторенія по поводу эпизода пѣсни о Роландѣ: о томъ, какъ онъ трубитъ [2]). „Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глазъ и памяти, какъ бы ни было впечатлѣніе болѣзненно, томительно, и, можетъ быть, потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытиться. Веселые моменты жизни переживаются быстрѣе. Встрѣтивъ образъ изнеможеннаго Роланда, трубящаго, надрываясь, на вѣсть своимъ, современный поэтъ схватилъ бы его, быть можетъ, цѣликомъ, исчерпалъ бы въ одинъ присѣстъ присущее ему, либо связанное съ нимъ поэтическое содержаніе. Народная поэзія и поэзія, стоящая еще подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводятъ дѣйствительный процессъ психологическаго акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницею, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону, и снова возвращаются къ основной нотѣ и образу: обезсиленный Роландъ трубитъ".

Для поэта, каковымъ мнѣ представляется слагатель пѣсни о Роландѣ, и именно въ разобранномъ нами эпизодѣ, я готовъ удержать мое психологическое объясненіе, предполагающее и художественный тактъ, и сознательное отношеніе къ средствамъ стиля. Но эти средства выработаны, очевидно, ранѣе и могли быть лишь примѣнены къ новой цѣли. Передъ нами фактъ болѣе древняго распорядка, и притомъ синтаксическаго: *сподчиненіе* впечатлѣній, слѣдующихъ другъ за другомъ въ порядкѣ времени, еще не нашло себѣ соотвѣтствующей формулы и выражается *координаціей*, свойственною народно-поэтическому стилю. Мы сказали бы напримѣръ: *пока* Роландъ тру-

[1]) Ср. *Добровольскій*, Смоленскій сборникъ II № 89; см. ib. №№ 223, 231, 270, 296, 303, 404.

[2]) Ср. l. c. стр. 249—50.

Библиотека "Руниверс"

бить (умираетъ, рубитъ и т. д.), совершается то-то и то-то; старый пѣвецъ нѣсколько разъ повторяетъ: Роландъ трубитъ, и со всякимъ воспоминаніемъ соединяется новая подробность, современная цѣлому, единичному дѣйствію. Такъ у старыхъ мастеровъ нѣтъ пространственной перспективы, близкое и далекое лежитъ въ одномъ планѣ; такъ и на средневѣковой сценѣ соединены бывали мѣстности, далеко отстоящія другъ отъ друга, хотя бы Римъ и Іерусалимъ. Зрители подсказывали перспективу, какъ подсказывали ее слушатели пѣсни.

Грёберъ (и за нимъ Пакшеръ) называютъ это явленіе диттологіей и также объясняютъ его, какъ синтаксическое; это исключаетъ эстетическія цѣли. Другое дѣло—эстетическое впечатлѣніе, которое эти своеобразныя повторенія производятъ порой на *насъ*: впечатлѣніе *длительности* основнаго акта при смѣнѣ развивающихъ его эпизодовъ. Былины достигаютъ этого другимъ путемъ; вмѣсто того, чтобы сказать: богатыри взяли коней, осѣдлали ихъ, сѣли и т. д., поется:

Брали они молодыхъ коней,
Брали сѣделышка черкасскія,
И *седлали* они молодыхъ коней;
Брали они кисточки шелковыя
И *бросали* они кисточки шелковыя,
Брали въ руки тросточки дубовыя,
Садилися они на добрыхъ коней (Рыбн. III № 3, стр. 9).

Могутъ замѣтить (и возраженія такого рода явились), что какъ въ приведенномъ выше рядѣ строфъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ, дѣло идетъ не объ одномъ моментѣ, развитомъ повтореніями, а о нѣсколькихъ: пѣвецъ дѣйствительно хотѣлъ сказать, что Роландъ трижды принимается трубить, что онъ затрубилъ трижды, какъ въ другомъ мѣстѣ три раза пытается раздробить свой мечъ о камень. Съ этимъ толкованіемъ согласятся лишь тѣ, которые и въ аналогическихъ пріемахъ русскаго эпоса (повтореніе удара, спроса и т. п.) способны усмотрѣть выраженіе дѣйствительно повторенныхъ актовъ, а не реторическое усиленіе одного и того же, плеоназмъ, подчеркивающій впечатлѣніе, какъ въ эпитетахъ: хитроумный, стародревній [1]), какъ напримѣръ въ сербскихъ пѣсняхъ у витязя три сердца или даже десять сердецъ, то-есть сердце богатырское. Это только особый видъ той координаціи, о которой шла рѣчь выше.

Замѣтимъ, что рядомъ съ повтореніями, допускающими, повиди-

[1]) Ср. Изъ исторіи эпитета, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1895 г., декабрь, отд. 2, стр. 192.

Библиотека "Руниверс"

мому, реалистическое толкованіе, французскій эпосъ знаетъ и другое, гдѣ дѣйствіе, очевидно, единичное (покаяніе и смерть Роланда), тронтся, разчленяясь на разные моменты. И тѣ и другія повторенія подлежатъ одной и той же оцѣнкѣ.

Естественно является вопросъ: если повторенія французскаго типа — фактъ координаціи, свойственной народному синтаксису, то чѣмъ объяснить, что лишь во французскомъ эпосѣ онъ развился до значенія стилистическаго пріема, тогда какъ поэзія другихъ народовъ представляетъ лишь отдѣльные примѣры?

Я попытаюсь объяснить начала этого явленія изъ предполагаемаго мною способа исполненія древнихъ эпическихъ пѣсенъ.

II.

Древнѣйшее исполненіе пѣсни, соединенной съ музыкой и дѣйствомъ, было хорическое, оставившее свой далекій слѣдъ и въ нѣкоторыхъ явленіяхъ поэтики современной [1]). То были пѣсни обрядовыя, аграрныя, бытовыя и героическія. Древне-греческій дифирамбъ, до его видоизмѣненія въ V — IV вѣкахъ, пѣлся хоромъ: пѣвецъ, ἐξάρχων, повѣствовалъ о страданіяхъ, либо подвигахъ бога или героя, хоръ подхватывалъ, отвѣчая (ἐφύμνιον). Хоромъ пѣлись, по всей вѣроятности, и похоронныя и героическія пѣсни у готовъ и франковъ, какъ, по свидѣтельству начала XII вѣка (у автора Vitae Sancti Willelmi), пѣсни о Вильгельмѣ. Для кантилены о св. Фаронѣ, была-ли это боевая пѣсня о побѣдѣ Клотарія, или нѣчто вродѣ духовнаго стиха [2]), засвидѣтельствовано такое же исполненіе: ex qua victoria carmen publicum juxta rusticitatem per omnium paene volitabat ora ita canentium, feminaeque choros inde plaudendo componebant:

De Chlotario est canere rege Francorum,
Qui ivit pugnare in gentem Saxonum,
Quam graviter provenisset missis Saxonum,
Si non fuisset inclytus Faro de gente Burgundionum.

Et in fine hujus carminis:

Quando veniunt missi Saxonum in terram Francorum,
Faro ubi erat princeps (de gente Burgundionum?)
Instinctu Dei transeunt per urbem Meldorum,
Ne interficiantur a Rege Francorum.

---

[1]) Я резюмирую далѣе часть моихъ докладовъ въ Неофилологическомъ обществѣ 19-го февраля, 11-го марта и 25-го ноября 1896 года: о синкретизмѣ и дифференціаціи поэтическихъ родовъ.

[2]) Сл. Новыя изслѣдованія, l. c. стр. 250—3.

Библиотека "Руниверс"

Можно представить себѣ, что пѣсня пѣлась однимъ лицомъ, женщины не только рукоплескали въ хороводѣ, но и подпѣвали. Первое изъ приведенныхъ четверостиший принадлежитъ-ли запѣву, или хоровому, повторявшемуся refrain? Такого рода refrain пять разъ прерываетъ описаніе битвы въ отрывкахъ старофранцузской поэмы о Gormond et Isembard.

И теперь еще раздаются въ хоровомъ исполненіи старыя эпическія пѣсни и игровыя балладнаго содержанія. Ихъ характерная черта—*припѣвъ*, refrain, и *подхватываніе* стиха изъ одной строфы въ другую. Таковъ типъ старо-французскихъ rondets: солистъ (Vorsinger, запѣвало) начиналъ запѣвомъ, который подхватывалъ хоръ; далѣе пѣсня исполнялась солистомъ, за каждымъ стихомъ хоръ вступалъ съ тѣмъ же запѣвомъ, получавшимъ теперь значеніе *припѣва*, тогда какъ солистъ велъ пѣсню отъ строфы къ строфѣ, *повторяя* въ началѣ каждой послѣдующей послѣдній стихъ предыдущей. Въ хоровой импровизаціи бретонцевъ повторенія простираются и на нѣсколько стиховъ.—Датскія viser указываютъ на такое-же распредѣленіе припѣва и подхваченныхъ стиховъ [1]).

Иногда вмѣсто одного хора выступало два, отвѣчавшихъ другъ другу при естественномъ усиленіи діалогическаго момента. Такъ въ малорусскихъ веснянкахъ, въ весеннемъ-же нѣмецкомъ пренія Лѣта и Зимы; свадебныя пѣсни Саффо, отразившіяся въ превосходномъ гименеѣ Катулла, имѣли въ виду хоры дѣвушекъ и юношей; хоры мужчинъ и женщинъ являются и въ обрядѣ французской и эстонской свадьбы [2]); подобную двойственность предположили и для началъ древне-аттической комедіи.

При томъ и другомъ исполненіи могло случиться, въ теченіи времени, что лирико-эпическая схема пѣсни отрывалась отъ хора и пѣлась самостоятельно. Тому способствовали и забвеніе обрядоваго начала, въ связи съ которымъ развилась хорическая поэзія, и интересъ къ объективному содержанію пѣсни. Заплачки и причитанія входили въ обрядовую тризну, лирическія сѣтованія чередовались съ воспоминаніями объ усопшемъ, о его дѣлахъ и доблестяхъ; то и другое сопровождалось иногда и дѣйствомъ, пляской, какъ напримѣръ у армянъ. Когда дѣло шло о видномъ членѣ рода, витязѣ, властителѣ,

---

[1]) *Jeanroy*, Les origines de la poésie lyrique en France стр. 309, 406 и слѣд., 414, 419 слѣд.; *Tiersot*, Histoire de la chanson populaire en France, стр. 353; *Steenstrup*, Vore Folkeviser fra Middelalderen, стр. 23 слѣд.; 69 слѣд.; 75 слѣд.; 192 слѣд.

[2]) *Tiersot* l. c. стр. 205 слѣд.; сл. Новыя книги по народной словесности въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXLIV, отд. 2, стр. 180.

Библиотека "Руниверс"

эпическія воспоминанія переживали моментъ лирической заплачки, потому что аффектъ слабѣлъ со временемъ, новое поколѣніе ощущало его менѣе страстно, а личная память о подвигахъ продолжала держаться и крѣпнуть. Историческія пѣсни выдѣлялись изъ тризны, гомеровскій θρῆνος уже поется внѣ обряда, французскія complaintes обозначаютъ вообще пѣсни съ трагическимъ исходомъ дѣйствія.

Выдѣлялись изъ обрядовой поэзіи и другія, если ихъ содержаніе представляло интересъ и внѣ хорическаго дѣйства. Въ народной поэзіи весенняго и іюньскаго цикловъ много наивнаго эротизма, въ которомъ чувствуются отголоски давно пережитыхъ общественныхъ порядковъ. Они выражены типически: либо дѣвушка просить мать выдать ее замужъ, либо жена глумится надъ старымъ мужемъ, бѣжитъ отъ него, ей хочется поплясать, повеселиться и т. д. Въ Минской губерніи дѣвушки образуютъ хороводъ, одна изъ нихъ становится посреднѣ; хоръ поетъ:

Я на старца наскачусь, наплечусь, наруманюся!
Охъ старецъ, лихъ-лихонмецъ!
Ой, лихъ, невеликъ, а лихъ дома сидѣть,
Богу молицца, Спасу кланицца,
А мнѣ молодешенькѣ не хочецца.
Хотѣлось молодешенькѣ еще погулять,
Честно, хорошо, хорошохонько.

Тутъ дѣвушка, находящаяся въ срединѣ, спрашиваетъ: „А далеко старецъ?“ Хоръ отвѣчаетъ, указывая деревню. Тогда опять поется: „Я на старца“ и т. д.; въ послѣдній разъ отвѣчаютъ, что старецъ „а вотъ уже на той вулицы“. Тогда является дѣвушка, наряженная старикомъ. Хороводъ замолкаетъ, дѣвушка, съ увлеченіемъ плясавшая въ срединѣ, останавливается какъ вкопанная. Старецъ вступаетъ въ кругъ и ведетъ строгія рѣчи къ женѣ. Дѣло кончается тѣмъ, что старецъ съ палкой бросается за ней, но ему подставляютъ ногу, и онъ падаетъ [1]).

Слѣдующая провансальская плясовая пѣсня понятна лишь на почвѣ такого-же хорическаго исполненія; что она принадлежала къ Kalendas mayas, пѣснямъ, сопровождавшимъ весеннія празднества, это мы знаемъ изъ провансальской новеллы Flamenca [2]). Въ основѣ — весенній хороводъ, съ такимъ-же содержаніемъ, какъ и въ русскомъ,

[1]) См. *Грузинскій*, Изъ этнографическихъ наблюденій въ Рѣчицкомъ уѣздѣ Минской губерніи, *Этнограф. Обозрѣніе* XI, стр. 144—5.

[2]) *Jeanroy*, l. c. стр. 88—9; ср. припѣвы на тотъ-же сюжетъ, стр. 179, 395; *Raynaud*, Motets I, 151.

Библиотека "Руниверс"

но діалогъ, видимо, сократился, перешелъ въ цѣльную пѣсню, хору принадлежитъ лишь припѣвъ; дѣйствующія лица — король и „апрѣльская“ королева [1]). Приведу въ подлинникѣ первую строфу:

A l'intrade del tens clar—eya
Pir iolo recomençar—eya
E pir ialous irritar—eya
Vol la regina mostrar
K'ele est si amourouse.

Припѣвъ, повторяющійся за каждой строфой:

A la vi', a la vie, ialous!
Lassar nos, lassar nos
Ballar entre nos, entre nos.

„Наступило ясное время года—ай люли; для начала веселья,—ай люли, чтобы подразнить ревнивца—ай люли, королева хочетъ показать, что она исполнена любви. (Припѣвъ): Прочь, прочь, ревнивецъ, оставь меня, оставь, дай поплясать намъ другъ съ другомъ, другъ съ другомъ.

„Она приказала всюду оповѣстить, до самаго моря, чтобы не осталось ни дѣвушки, ни молодца, которые не пришли бы поплясать въ веселомъ танцѣ. (Припѣвъ).

„Пришелъ туда съ другой стороны король, чтобы помѣшать пляскѣ, ибо онъ боится, что у него хотятъ похитить апрѣльскую королеву. (Припѣвъ).

„А ей это не по сердцу, нечего ей дѣлать со старикомъ, охота до ловкаго парня, который съумѣлъ бы, какъ слѣдуетъ, утѣшить прекрасную даму. (Припѣвъ).

„Кто бы увидѣлъ ее тогда въ пляскѣ, какъ она тамъ веселилась, могъ бы по правдѣ сказать, что нѣтъ на свѣтѣ равной апрѣльской королевѣ. (Припѣвъ)“ [2]).

---

[1]) La regine avrillouse. Romer читаетъ aurillouse въ значеніи: munter, веселая. Это не измѣняетъ дѣла.

[2]) Къ весеннимъ игровымъ пѣснямъ сходнаго содержанія ср. *Чубинскій*, Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край, юго-западный отд., т. III, стр. 69 слѣд., № 18 (Жона та мужъ), стр. 141—142, № 46. Ср. весеннюю игру № 4: *Чоловікъ та жінка*: грачи сидятъ въ кружкѣ, выбираютъ двухъ—быть мужемъ и женой; жена бѣгаетъ кругомъ грачей, а мужъ за ней съ „ломакою“. Хоръ поетъ за того и за другого. За мужа: „Гей, мати, до дому!... Дiти плачуть, iсти хочуть, Никому дати“. Она отвѣчаетъ: „Тамъ на полиці Три паляниці, Нехай iдять“. Мужъ говоритъ, что дѣти хотятъ спать, она отвѣчаетъ: „Тамъ на лiжечці Е три подушечки, Нехай спляться!“... Въ заключ-

Библиотека "Руниверс"

Такія выдѣлившіяся изъ хороваго состава пѣсни носятъ слѣды своего происхожденія не только въ припѣвѣ, но и въ повтореніи стиховъ. Таково, напримѣръ, построеніе датской баллады о Минерингѣ: она начинается двустишіемъ, какъ бы запѣвомъ, за нимъ refrain, повторяющійся за каждой изъ слѣдующихъ четырестишныхъ строфъ; первая строфа повторяетъ 1½ стиха начальнаго двустишія и присоединяетъ два новыхъ стиха; слѣдующая подхватываетъ послѣдніе 1½ стиха предыдущей, и снова ведетъ пѣсню далѣе такимъ же порядкомъ:

1. Mimering vor den mindste mandt,
   Som foedd vor paa Karl kongens landt.

Припѣвъ: Min skoeniste iomffruer.

2. Then mindste mandt
   Som foedd vor paa Karl kongens landt.
   Foerr hand bleff til verden baarn,
   Da vore hans kleder till. ham skarnn.

(Припѣвъ).

3. Till verden baren
   Da vore и т. д. [1]).

Хору принадлежала партія refrain'a, пѣсня съ ея повтореніями пѣвцу—или пѣвцамъ? Стенструпъ предполагаетъ послѣднее для датскихъ viser, Вигфуссонъ [2]) для англійскихъ балладъ: хоръ при двухъ чередовавшихся пѣвцахъ; лишь въ послѣдствіи, когда баллада утратила свой лирическій характеръ, пѣвецъ явился одинъ. Я присоединю къ этому и другое соображеніе: при системѣ одного хора съ двумя пѣвцами, или двухъ хоровъ, отвѣчавшихъ другъ другу, солисты невольно выдѣлялись; отнимите у нихъ хоръ, пѣсня останется съ ея захватами и повтореніями изъ строфы въ строфу, исчезнетъ элементъ припѣва.

На этой стадіи развитія и, вмѣстѣ, разложенія хорическаго на-

---

ніи мужъ угоняетъ жену домой. Сл. хоровую пѣсню изъ Лесбоса: (Речитативъ) Сосѣдушка, твоему мужу пить хочется. (Пѣніе) Онъ хочетъ пить, а мнѣ все равно, пляска въ ходу. Есть вода въ горшкѣ, пусть напьется. (Речитативъ) Сосѣдушка, твой мужъ ѣсть хочетъ. (Пѣніе) Онъ хочетъ ѣсть, а мнѣ все равно: есть что поѣсть въ шкапу, пусть поѣстъ. (Речитативъ) Сосѣдушка, твой мужъ умеръ. (Пѣніе) Умеръ, а мнѣ все равно, пляска въ ходу. Пусть женщины поплачутъ, пѣвчіе попоютъ, попы его погребутъ, черви поѣдятъ. Georgakis et Pineau, Le Folk-lore de Lesbos, стр. 161—162. Сл. Tiersot l. c. стр. 59—60.

[1]) Сл. Grundtvig, DgF. I № 14 (я обязанъ этимъ указаніемъ В. Ѳ. Шишмареву); Steenstrup, l. c., стр. 85 слѣд.

[2]) Vigfusson, Corpus poet. bor. II, стр. 389.

Библиотека "Руниверс"

чала явилось пѣніе амебейное, антифоническое, вдвоемъ или болѣе, взапуски, засвидѣтельствованное и въ древности и въ среднихъ вѣкахъ и до сихъ поръ широко распространенное въ народномъ обиходѣ. Укажу на фесценнины (versibus alternis opprobria rustica), на лодочниковъ Горація, проводившихъ ночь въ пѣніи certatim; на застольныя аттическія сколіи; въ средніе вѣка на діалогическій принципъ пастурелей. Можетъ быть, слѣдуетъ допустить вліяніе школьныхъ диспутовъ въ искусственныхъ тенцонахъ и débats, contrasti, въ преніяхъ о вѣщей мудрости въ миѳологическихъ пѣсняхъ стихотворной Эдды, въ „евангелистой пѣсни“ и ея родичахъ, и въ пѣснѣ о „превращеніяхъ“ [1]), въ вопросахъ и отвѣтахъ, нерѣдко съ характеромъ загадокъ, которыми обмѣниваются въ иныхъ мѣстностяхъ Германіи начальники двухъ народныхъ трупиъ, исполняющихъ рождественскую мистерію [2]); но во всемъ этомъ, какъ и въ увлеченіи средневѣковыхъ латинскихъ поэтовъ Виргиліевской буколикой, отразилась, вѣроятно, и народная струя, привычка къ пѣсенному антифонизму.

Въ настоящемъ случаѣ я обойдусь немногими примѣрами.

Начну съ нѣмецкаго народнаго обычая, извѣстнаго уже въ XVI вѣкѣ: объ Ивановѣ днѣ, или и въ другую пору лѣта, дѣвушки водили по вечерамъ хороводы съ пѣснями (in ein Ring herumb singen), туда являлись и парни и пѣли *взапуски о вѣнкѣ*; кто споетъ лучше, тому вѣнокъ и достанется. Въ одномъ летучемъ листкѣ, напечатанномъ въ Страсбургѣ въ 1570 году, сохранилась пѣсня съ мотивомъ такого прѣнія. Изъ далекихъ странъ прибылъ пѣвецъ, много вѣстей принесъ: тамъ уже лѣто настало, показались алые и бѣлые цвѣты, дѣвушки вьютъ изъ нихъ вѣнокъ, чтобы выступить съ нимъ въ пляскѣ и было бы о чемъ пѣть молодцамъ, пока вѣнокъ не достанется одному изъ нихъ. Весело подходитъ молодецъ къ хороводу, всѣмъ поклонъ кладетъ, богатому и бѣдному, большому и малому, вызываетъ другого пѣвца, пусть разрѣшитъ его загадки и заслужитъ вѣнокъ. Загадки такія: Что выше Бога? Сильнѣе насмѣшки? Бѣлѣе снѣга? Зеленѣе клевера? — Другой отвѣчаетъ: Выше Бога вѣничикъ (на иконахъ), стыдъ сильнѣе насмѣшки, бѣлый день бѣлѣе снѣга, мартовская зелень зеленѣе клевера. Не достанется вѣнокъ тому, кто заганулъ, заключаетъ пѣвецъ и въ свою очередь предлагаетъ красавицѣ дѣвушкѣ

[1]) О нихъ см. Разысканія VI, стр. 67 слѣд. Съ тѣхъ поръ библіографія вопроса разрослась и потребовала бы особой замѣтки.

[2]) Ср. Schröer, Rätselfragen, Wett— und Wunschlieder, въ Zs. des Vereins für Volkskunde III, стр. 67 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

вопросъ; коли отвѣтитъ, вѣнокъ останется за нею и дольше. У вѣнка нѣтъ ни начала, ни конца, говоритъ онъ, цвѣтковъ парное число; какой цвѣтокъ посрединѣ? Никто не отвѣчаетъ, разрѣшаетъ загадку самъ молодецъ: цвѣтокъ посрединѣ—сама красавица; и онъ еще разъ проситъ дѣвушку: пусть возьметъ вѣнокъ своею бѣлоснѣжной ручкой и возложитъ его на его бѣлокурые волосы. Вѣнокъ достается побѣдителю, и игра кончается его привѣтомъ и благодареніемъ.—Въ пѣснѣ по рукописи XV вѣка сама дѣвушка задаетъ загадки прохожему молодцу: У моего отца на крышѣ семь птичекъ сидятъ; чѣмъ онѣ кормятся? Коли скажешь, вѣнокъ твой.— Одна живетъ твоей юностью, другая твоей добродѣтелью, третья твоимъ милымъ взглядомъ, четвертая твоимъ добромъ, пятая твоимъ мужествомъ, шестая твоею красой, седьмая твоимъ чистымъ сердцемъ. Подари меня твоимъ розовымъ вѣнкомъ, дорогая! — Далѣе такая загадка: Скажи, что то за камень, надъ которымъ не звонилъ ни одинъ колоколъ, который ни одинъ песъ не облаялъ, вѣтеръ не обвѣялъ, дождь не омочилъ? — Тотъ камень лежитъ въ глубинѣ ада, зовутъ его Dillestein, на немъ покоится земля, и онъ расторгнется отъ призывнаго гласа, отъ котораго воскреснутъ усопшіе.

Мотивъ вѣнка и преніе загадками знакомы русской народной поэзіи: укажу на витье весеннихъ и иванопскихъ вѣнковъ, на соединенный съ нимъ обычай гаданья и загадки русальныхъ, волочебныхъ и колядныхъ пѣсенъ. Въ одной русальной русалка задаетъ дѣвушкѣ три загадки; коли та угадаетъ, она отпуститъ ее, коли нѣтъ, возьметъ съ собою:

Ой що росте безъ коріння,
А що біжить безъ повода,
А що цвіте да безъ цвіту?
Камень росте безъ коріння,
Вода біжить безъ повода,
Папороть росте безъ цвіту.
Панночка загадочекъ не взгадала,
Русалочка панночку защекотала [1]).

Въ колядкѣ такія же загадки предлагаетъ дѣвушкѣ ея милый: коли угадаетъ, его будетъ, коли нѣтъ—„людская“ будетъ: что ростетъ безъ корня? что цвѣтетъ безъ посѣва? что горитъ безъ жарінія? Отвѣты дѣвушки: камень, папороть, огонь [2]).

[1]) Чуб. l. c., стр. 190, № 7. Очевидно, разрѣшеніе загадокъ не принадлежитъ дѣвушкѣ, а объясненіе пѣвца.

[2]) Чуб. l. c., стр. 314—315, № 44.

Библиотека "Руниверс"

Вѣнокъ нѣмецкаго обряда и его пѣніе взапуски еще ближе отвѣчаютъ армянскому обычаю наканунѣ праздника Вардаваръ (6-го августа: Преображеніе Христово), замѣнившаго древнее празднованіе Афродиты. Въ селѣ Чайкендъ, Елисаветпольскаго уѣзда, дѣвушки и парни собираютъ въ навечеріе Вардавара цвѣты и дѣлаютъ одинъ общій букетъ. Вечеромъ на церковномъ дворѣ или за селомъ и тѣ и другіе усаживаются отдѣльно, кружками, послѣ чего между ними начинается диспутъ въ пѣсняхъ; иные, не пѣсенные, переговоры строго воспрещены. Обмѣниваются импровизированными четверостишіями, которыя поются речитативомъ; за каждымъ изъ нихъ refrain—двустишіе вродѣ: „Душа—роза моя, душа, душа!“ Самое названіе Вардаваръ означаетъ: „сіяніе розы“; это, вѣроятно, наслѣдіе Афродиты, впрочемъ, уже переиначенное новымъ толкованіемъ: будто бы Христосъ до Своего Преображенія, былъ подобенъ розѣ въ бутонѣ, а во время Преображенія на Ѳаворѣ изъ Его тѣла разлилось и загорѣлось розовое сіяніе, которое было и у Адама въ раю и которымъ Христосъ показалъ славу и величіе Творца. Пѣніе продолжается до разсвѣта и прекращается лишь когда одна сторона окажется уже не въ состояніи продолжать его. Побѣдители получаютъ букетъ [1]).

Въ другихъ случаяхъ обрядовый характеръ народнаго антифоническаго пѣнія выраженъ менѣе ярко, но являются и новыя данныя: зарожденіе цѣльной пѣсни изъ чередующихся вопросовъ и отвѣтовъ. Такъ, напримѣръ, въ южной Германіи: одно импровизированное четверостишіе (Schnaderhüpfel) вызываетъ другаго пѣвца, онъ отвѣчаетъ, повторяя отчасти схему предыдущаго, подхватывая послѣдній стихъ; образуется такимъ образомъ, въ чередованіи пѣвцовъ, серія четверостишій, которая поется впослѣдствіи какъ нѣчто цѣлое. Schnaderhüpfel—живая форма народнаго творчества: въ баварскихъ и австрійскихъ Альпахъ онъ раздается подъ окнами милой, на церковныхъ праздникахъ и свадьбахъ, особенно при пляскѣ. Выступая со своею дамой, парень кидаетъ музыкантамъ какую-нибудь монету и напѣваетъ мелодію, которую и подхватываетъ оркестръ; за первою парой слѣдуютъ другія, одинъ за другимъ танцоры поютъ Schnaderhüpfel, все на ту же мелодію, обыкновенно обращенные къ ихъ дамамъ, которыя имъ и отвѣчаютъ. Это напоминаетъ любовныя пѣсенки, которыми обмѣнивались въ Исландіи мужчины и женщины во время пляски

[1]) *Халатянцъ*, Вардаваръ, въ Сборн. матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, XVIII, отд. 2, стр. 1—4 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

и противъ которыхъ еще въ XII вѣкѣ возставалъ епископъ Ión Ögmundarson (1106—21): пѣли попарно, схватившись руками и раскачиваясь взадъ и впередъ, опираясь на правую ногу, но не сходя съ мѣста [1]).

Сардинскія battorinas — четверостишія, нерѣдко съ припѣвомъ, повторяющимъ одинъ или два начальныхъ стиха, импровизированныя или усвоенныя въ живой смѣнѣ пѣвцовъ; порой онѣ слагаются въ цѣлую концону (canthone). Сардинскіе muttos также пѣлись амебейно во время жнитва или при молотьбѣ: когда лошади ступали по снопамъ вокругъ жерди, утвержденной въ срединѣ тока, погонщикъ-что стоялъ у жерди, запѣвалъ muttu, ему отвѣчали другіе, заня, тые другими работами. Muttu начинается запѣвомъ въ два, три и болѣе стиховъ, часто не стоящимъ въ связи съ содержаніемъ слѣдующаго muttu, подхватывающаго первый стихъ запѣва и далѣе развивающагося самостоятельно, вторя риѳмамъ запѣва, но въ обратномъ порядкѣ (ab = ba). Серіи такихъ muttos, недавно записанныя, свидѣтельствуютъ, что амебейность и здѣсь выражалась повтореніями, но онѣ приняли крайне искусственную форму, указывающую на внѣшнее переживаніе когда-то органическаго пѣсеннаго пріема. Рядъ muttos открывается запѣвомъ (isterria), напримѣръ, четверостишіемъ, которое мы выразимъ: 1, 2, 3, 4; слѣдующія четверостишія построены такимъ образомъ: первое начинается съ перваго стиха запѣва и присоединяетъ три новыхъ стиха: abc; второе открывается вторымъ стихомъ запѣва и продолжается стихами предыдущей строфы, лишь въ иномъ порядкѣ; третье беретъ третій стихъ запѣва и снова переставляетъ стихи второй строфы и т. д. Графически это можно выразить такъ: 1, 2, 3, 4; 1 abc; 2 cba; 3 cab; 4 abc. Все это отзывается чѣмъ-то механическимъ, хотя каждый перебой стиховъ открываетъ въ новомъ музыкальномъ впечатлѣніи и новыя стороны для психологическаго анализа. Серіи прелестныхъ малайскихъ четверостиший (pantun), связанныхъ другъ съ другомъ повтореніемъ, лишь въ иномъ порядкѣ, двухъ стиховъ, производятъ впечатлѣніе большей поэтической цѣльности.

Въ Сициліи, во время полевыхъ работъ, кто-нибудь сложитъ и

---

[1]) См. Новыя книги по народной словесности, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCXIV, отд. 2, стр. 193—5; Hauffen, Das deutsche Volkslied in Oesterreich—Ungarn въ Zs. d. Vereins für Volkskunde IV, стр. 11 слѣд.; Vigfussen, Corp. poet., II, стр. 385, 388.

Библиотека "Руниверс"

запоетъ stornello: двустишіе, либо трехстишіе, при чемъ первый стихъ играетъ роль запѣва, не связаннаго содержательно съ слѣдующими; иногда это—полустихъ съ названіемъ цвѣтка. На stornello отвѣчаетъ другой пѣвецъ, воспринимая порой его рифму и вводя новую, которая въ свою очередь можетъ быть подхвачена въ слѣдующемъ отвѣтѣ. Такія поэтическія состязанія распространены по всей Италіи, гдѣ живетъ stornello въ его разныхъ видахъ и обозначеніяхъ. Д'Анкона выводитъ его метрическую форму изъ разложенія четверостишія, съ рифмующимъ вторымъ и четвертымъ стихами: древней, предположительно, формѣ сицилійскаго strambottu, strammottu. Уже Дицъ отождествлялъ это названіе съ старофранцузскимъ estrabot (estribot) у Benoît de Saint-More: пѣсенка сатирическаго содержанія; у Guillaume de Machaut и въ современномъ валлонскомъ говорѣ estrabot означаетъ: насмѣшку, издѣвку, raillerie [1]); Пасквалино опредѣляетъ сицилійское strammottu: ridicula cantiuncula, a *strammu*, ut insinuatur deflexio a vera significatione in malam partem accepta [2]). Этимъ указаніемъ опредѣлена и ходячая этимологія strambotto: отъ лат. класс. strambus—косой, вульгарно-латинскаго strambus: хромой; оттуда strambotto, strammottu, estribot. Поводы къ такому обозначенію объяснялись различно. G. Paris, основываясь, вѣроятно, на провансальскомъ rims estrams=не рифмующіе стихи и исп. estrambote=неправильная строфа, слѣдующая за правильно построенною, предполагаетъ, что первоначальный estribot могъ быть сложенъ по испанскому типу; такого рода построеніе встрѣчается въ старофранцузскихъ пѣсняхъ; неправильная строфа и производитъ впечатлѣніе чего-то неконченнаго, неполнаго, хромого. Но старофранцузскихъ estribots мы не знаемъ, а предполагаемый древнѣйшій strambotto—четверостишіе также симметриченъ, какъ и современный сицилійскій: изъ восьми стиховъ всѣ четные рифмуются, нечетные связаны тождествомъ послѣдней гласной, стоящей внѣ ударенія.

Иное объясненіе далъ Нигра: strambotto обозначало, по его мнѣнію, единичную строфу, стоящую по себѣ, въ отличіе отъ серіи строфъ, связанныхъ взаимно.

Если представить себѣ, что strambotto—estribot, любовнаго (какъ

[1]) См. G. Paris, отчетъ о Nigra, Canti popolari del Piemonte, въ Journal des Savants 1889, стр. 532 и слѣд. Авторъ оставляетъ подъ сомнѣніемъ вопросъ: отвѣчаетъ ли estrabot провансальскому estribot, исп. estribote.

[2]) l. c., стр. 535, прим. 3.

Библиотека "Руниверс"

въ Италіи) или сатирическаго содержанія, пѣлись антифонно, какъ stornelli, то каждый изъ нихъ получалъ цѣльный смыслъ лишь въ чередованіи, когда одна строфа отвѣчала другой, дополняя ее; выхваченная изъ череда она была несвязною, хромала: strambotto?

Не въ такомъ ли же переносномъ смыслѣ слѣдуетъ объяснить названіе аттическихъ застольныхъ пѣсенокъ, σκόλια, то-есть, кривыя [1])? Онѣ пѣлись на пирахъ и свадьбахъ; запѣвалъ возлежавшій на первомъ мѣстѣ за первымъ столомъ и передавалъ миртовую вѣтку тому, кто занималъ то же мѣсто за вторымъ столомъ. Затѣмъ вѣтка переходила ко второму гостю перваго стола, который передавалъ ее по порядку второму гостю второго и т. д. Принимавшій вѣтку перенималъ и пѣсню, доканчивая ее или продолжая; это называлось: τὸ δέχεσθαι τὰ σκόλια. Ихъ названіе „кривыя“ объясняется, между прочимъ, этой передачей пѣсни отъ стола къ столу, по кривой линіи; но, можетъ быть, и здѣсь „кривой“ слѣдуетъ истолковать, какъ недоконченный, не полный, ожидающій восполненія. Содержаніе пѣсенокъ гномическое, шутливое, съ элементами басни и личной сатиры, но и эпическихъ и патріотическихъ воспоминаній: объ Адметѣ, Теламонѣ и и Аяксѣ, Гармодіи и Аристогитонѣ. Подхватываніемъ пѣсни объясняется парность нѣкоторыхъ сколій; въ слѣдующемъ примѣрѣ двѣ пары сколій, распредѣленныя между четырьмя пѣвцами, развиваютъ одно и то-же содержаніе: прославляются герои Аониской свободы. Гармодій и Аристогитонъ. Первая сколія начинается запѣвомъ: въ миртовой вѣткѣ по несу мечъ, какъ Гармодій и Аристогитонъ.

ἐν μύρτου κλαδὶ τὸ ξίφος φορήσω
ὥσπερ Ἁρμόδιος καὶ Ἀριστογείτων.

Прославляется ихъ подвигъ, ибо они убили тиранна и сдѣлали Аѳины свободными: ὅτι τὸν τύραννον ἐκτανέτην ἰσονόμους τ' Ἀθήνας ἐποιησάτην. Отвѣтная, вторая, сколія говоритъ объ ихъ пребываніи среди героевъ древности на островахъ блаженныхъ. Третья сколія начинается съ запѣва первой; слѣдуютъ похвалы Гармодію и Аристогитону, ибо, во время жертвоприношенія Аѳинѣ они убили тиранна Гиппарха (ὅτ' Ἀθηναίης ἐν θυσίαις ἄνδρα τύραννον Ἵππαρχον ἐκαινέτην). Четвертая, отвѣтная, сколія говоритъ о безсмертной славѣ героевъ и кончается заключительнымъ стихомъ первой: ὅτι τὸν τύραννον ἐκτανέτην и т. д.

Это подхватываніе начала и конца строфъ, объясняется амебейнымъ исполненіемъ. Въ цѣльномъ (литературномъ) сколіи Габрія эти повторенія уже окаменѣли, явились средствомъ стиля: „Большое бо-

[1]) О сколіяхъ см. *Reitzenstein*, Epigramm und Scolion, стр. 8—44.

Библиотека "Руниверс"

ятство—мнѣ *копье и мечъ и прекрасный щитъ, защита тѣла.* Имъ
пашу и жну, имъ давлю сладкое вино изъ винограда, въ силу сего
ленія *зовутъ господиномъ* челяди. У меня, не осмѣливающагося имѣть
копье и мечъ и прекрасный щитъ, защиту тѣла, всѣ, преклоняясь,
цѣлуютъ колѣна, *зовутъ господиномъ*, великимъ царемъ".

ἔστι μοι πλοῦτος μέγας δόρυ καὶ ξίφος,
καὶ τὸ καλὸν λαισήιον, πρόβλημα χρωτός·
τούτῳ γὰρ ἀρῶ, τούτῳ θερίζω,
τούτῳ πατέω τὸν ἁδὺν οἶνον ἀπ' ἀμπέλῳ,
τούτῳ δεσπότας μνοίας κέκλημαι.
τοὶ δὲ μὴ τολμῶντ' ἔχειν δόρυ καὶ ξίφος
καὶ τὸ καλὸν λαισήιον, πρόβλημα χρωτός,
πάντες γόνυ πεπτηῶτες ἐμὸν κυνέοντι, δεσπόταν
καὶ μέγαν βασιλῆα φωνέοντες.

Припѣвъ, *stef*, то правильно перемежающійся, то разбитый на части (klofa-stef, rek-stef) въ старо-сѣверныхъ драпахъ, является такимъ же искусственнымъ стилистическимъ пріемомъ; объяснить ли его изъ хорическаго исполненія, какъ во французскихъ rondets и датскихъ viser, или изъ амебейной смѣны? Въ Норвегіи stef'омъ зовутся теперь строфы, которыя поются взапуски, въ чередованіи вопросовъ и отвѣтовъ [1]).

III.

Содержаніе такого рода амебейныхъ пѣсенъ лирическое, но для извѣстной поры развитія мы вправѣ предположить его лирико-эпическимъ, или эпическимъ. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о старыхъ пѣвцахъ, хотя бы средневѣковыхъ, касаются ихъ быта, инструментовъ и сюжетовъ и правовыхъ отношеній, и весьма мало способа исполненія ими пѣсенъ. Отъ соборныхъ постановленій противъ мимовъ и гистріоновъ и ихъ бѣсовскихъ игръ такихъ свѣдѣній нельзя и ожидать; когда поздпѣе онѣ становятся обстоятельнѣе, уже наступило царство большихъ поэмъ, которыя заслонили память о лежавшихъ за ними эпическихъ пѣсняхъ—кантиленахъ и ихъ исполнителяхъ. Пѣвцы уже руководились книжками.

Предположимъ, однако, что тѣ кантилены-былины, которыя дали впослѣдствіи матеріалъ для chansons de geste и опредѣлили особенности ихъ стиля, пѣлись антифонически; въ нихъ будутъ повторенія, но припѣвъ исчезъ вмѣстѣ съ хоромъ, отзываясь развѣ въ загадоч-

[1]) См. *Möbius*, Vom Stef, Germania N. R. XVIII, стр. 129 слѣд.; *Vigfusson*, Corp. poet. I, 451 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

помъ Aoi, которымъ кончаются нѣкоторыя строфы поэмы о Роландѣ [1]). Одинъ пѣвецъ пѣлъ о томъ, какъ Роландъ затрубилъ въ призывный рогъ: „*Роландъ приставилъ ко рту олифантъ*, хорошо его захватилъ, *сильно затрубилъ*. Высоки горы, *далеко разносится звукъ*, на тридцать большихъ льё слышно, какъ онъ разнесся. *Слышитъ его Карлъ* и его товарищи". Другой пѣвецъ вступалъ въ то же положеніе: „*Графъ Роландъ трубитъ въ свой олифантъ* съ трудомъ и усиліемъ и великой болью; алая кровь струится у него изо рта, лопаются жилы на вискахъ. *Далеко слышенъ звукъ сего рога; Карлъ слышитъ его...*" Затѣмъ первый изъ пѣвцовъ велъ разказъ далѣе, и второй вступалъ въ его содержаніе, варьируя его въ новой laisse, присоединяя подробности, не предусмотрѣнныя въ предыдущей и производящія на насъ порой *впечатлѣніе* противорѣчій. Иныя изъ нихъ устраняются при связномъ чтеніи: когда напримѣръ, въ строфѣ 2-й Марсилій жалуется, что у него нѣтъ войска, а въ 44-й говоритъ, что у него четыреста тысячъ всадниковъ, то въ первомъ случаѣ онъ держитъ рѣчь своимъ, во второмъ хвастается передъ посломъ, Ганелономъ. Фактическія противорѣчія дѣйствительно существуютъ въ chansons de geste, но не во всѣхъ подобныхъ случаяхъ позволено говорить объ интерполяціяхъ и неумѣлыхъ варіантахъ, введенныхъ въ текстъ въ ту пору, когда онъ подвергся записи и литературной обработкѣ. Пѣвцы стояли въ живомъ преданіи, одинъ досказывалъ то, что обошелъ другой, противорѣчія принадлежатъ иной разъ нашему впечатлѣнію, котораго слушатели не получали: преданіе объединяло для нихъ эти противорѣчія, и они подсказывали себѣ многое изъ запаса воспоминаній. Пѣсни о какомъ-нибудь событіи изъ цикла хотя бы Косовской битвы—эпизодъ, естественно вставлявшійся для нихъ въ связь другихъ событій, тогда какъ мы потребуемъ комментарія.

Обратимся съ указанныхъ точекъ зрѣнія къ разбору нѣкоторыхъ повтореній въ пѣснѣ о Роландѣ.

Послѣдній стихъ IX строфы (о Карлѣ: Baisset sun chef, si comencet à penser) повторяется, по содержанію, въ началѣ слѣдующей (X: Li empereres en tint sun chef enclin; см. такое же повтореніе въ заключеніи CL и началѣ CLI строфы; LXXIX и LXXX).

Въ концѣ XI-й поется, что Карлъ усѣлся подъ сосною, велитъ позвать на совѣтъ своихъ бароновъ:

Desuz un pin en est li reis alez,
Ses baruns mandet pur sun cunseill finer.

[1]) 178 строфы изъ 198 по Оксфордскому списку.

Библиотека "Руниверс"

Обращеніе къ собравшимся баронамъ въ началѣ XIII-й laisse отвѣчало бы логически развитію дѣйствія; XII-я строфа останавливаетъ его перечисленіемъ лицъ, явившихся на призывъ, подхватывая, съ варіантами, приведенные выше стихи:

Li empereres s'en vait desuz un pin,
Ses baruns mandet pur sun cunseill fenir.
(Сл. начала строфъ V и VI).

Слѣдующія строфы LIX—LXIII характеризуютъ не столько повторенія, сколько тѣ противорѣчія, которыя повели къ теоріи интерполяцій.

Въ началѣ поэмы Карлъ совѣтуется съ баронами: кого бы ему послать посломъ къ Марсилію; порученіе опасное; Роландъ указываетъ императору на своего отчима Ганелона, какъ на самаго подходящаго человѣка. Ганелонъ въ гнѣвѣ на пасынка: это его продѣлка, говоритъ онъ Карлу, во всю жизнь не стану дружить ни съ нимъ, ни съ его товарищемъ Оливье, ни съ двѣнадцатью парами, которые такъ его любятъ. Говорю это открыто, при всѣхъ. Отвѣчалъ императоръ: очень ужъ ты злобенъ! ты отправишься, потому что это я приказываю (XXI). Онъ подаетъ ему свою рукавицу (знакъ передачи власти, довѣренности), но Ганелонъ роняетъ ее, и всѣ смущены этимъ знаменіемъ (XXVI); затѣмъ Ганелону вручаютъ жезлъ и грамоту (XXVII).—Я привелъ эту сцену въ объясненіе слѣдующихъ laisses.

Карлъ возвращается побѣдоносно изъ Испаніи, войско идетъ впередъ и (LIX) поднимается вопросъ, кому быть начальникомъ аррьергарда. Ганелонъ указываетъ на своего пасынка Роланда. „Какъ услышалъ это императоръ, гнѣвно на него посмотрѣлъ и говоритъ: Ты истый дьяволъ, у тебя въ сердцѣ смертельная ярость!“ (LX) Когда услышалъ Роландъ, что рѣшено остаться ему, говоритъ, какъ истый рыцарь, *благодаритъ* отчима, что онъ указалъ именно на него; онъ не посрамитъ себя.—Я въ этомъ увѣренъ, то правда, отвѣчаетъ Ганелонъ.—Въ слѣдующей laisse LXI отповѣдь Роланда другая: какъ услышалъ Роландъ, что ему быть въ аррьергардѣ, *гнѣвно* обратился къ своему отчиму: трусъ и негодяй! (Ahi! culvert, malvais hom de put aire), ты полагалъ, что я уроню рукавицу, какъ ты уронилъ жезлъ передъ лицомъ Карла! [1]) (LXII) Онъ проситъ императора вру-

[1]) Въ строфѣ XXVI Ганелонъ роняетъ не посольскій жезлъ, а перчатку. Видѣть въ этомъ противорѣчіи слѣдъ другой версіи нѣтъ основанія: въ представленіи нѣмца или слагателя фактъ „знаменія“ (зловѣщее паденіе) заслонилъ вещественные символы вассальной вѣрности: рукавицы или жезла.

Библиотека "Руниверс"

чить ему рукавицу и жезлъ; Карлъ теребитъ бороду, плачетъ (LXIII), а Нэмонъ говоритъ ему: Слышалъ ты? Расходился Роландъ (Irascut), ему присудили быть въ арьергардѣ, и теперь никто его не отговоритъ.

Въ двухъ отвѣтахъ Роланда видѣли противорѣчіе, въ одномъ изъ нихъ интерполяцію, но преданіе и слушатели соединяли одинъ съ другимъ. Роландъ доволенъ, что на него возложено трудное сторожевое дѣло, и благодаритъ Ганелона, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣжденъ, что замыселъ отчима былъ другой, злостный, и онъ обращается къ нему съ гнѣвною рѣчью. Выражено это въ формѣ координаціи, напоминающей эпитетъ русской былины при Калинѣ: царь — и собака [1]), либо „милую“ Францію въ устахъ Сарацина (Chanson de Roland II); художникъ слагатель явится позже и сплотитъ въ одно цѣлое разбросанные психическіе моменты. Правы ли тѣ (Dietrich), которые видятъ въ первомъ отвѣтѣ Роланда иронію, что дало бы возможность помирить видимую благодарность съ слѣдующей затѣмъ вспышкой гнѣва? Не подсказываемъ ли мы древней поэмѣ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ?

Роландъ умираетъ, 1) пытается раздробить свой мечъ Durendal, дабы онъ не попалъ въ руки невѣрныхъ; 2) приноситъ покаяніе во грѣхахъ. Каждый изъ этихъ моментовъ развитъ въ трехъ послѣдовательныхъ laisses.

CLXXIII. Чувствуетъ *Роландъ*, что смерть близко подступила [2]); передъ нимъ *темный* (brune) *камень*; десять разъ *ударяетъ онъ по немъ* въ тоскѣ и гнѣвѣ; *скрипитъ сталь, не ломается и не зазубрилась* (Cruist li acers, ne freint ne ne s'esgrumet).—Слѣдуетъ обращеніе къ мечу, которымъ витязь побѣдилъ въ столькихъ сраженіяхъ.

CLXXIV. *Роландъ ударяетъ по твердому камню* (sardonie); *скрипитъ сталь, не ломается и не зазубрилась* (Cruist li acers, ne briset ne s'esgraignet). Слѣдуютъ жалобы, эпически развитыя воспоминаніями: самъ Господь сослалъ Durendal Карлу, онъ ополсалъ имъ Роланда; имъ онъ завоевалъ Анжу, Бретань и т. д.

CLXXV. *Роландъ ударилъ по строму* (bise) *камню*, откололъ больше, чѣмъ я съумѣю вамъ разсказать. *Мечъ скрипитъ, не сломался и не разбился* (L'espée cruist, ne fruisset ne ne brise).—Новое обра-

---

[1]) Изъ исторіи эпитета, l. c., стр. 188.

[2]) Переводу согласно съ текстомъ G. Paris l. c.: que la mort fort l'argüe; въ оксфордскомъ спискѣ: la véue a perdue.

Библиотека "Руниверс"

щеніе къ Durendal, въ его головкѣ заключены святыя мощи; многія страны покорилъ имъ Роландъ.

Три раза ударяетъ Роландъ по камню, то темному, то твердому, то сѣрому; если разумѣются три камня, то противорѣчія нѣтъ; такъ могъ попять редакторъ Оксфордскаго списка поэмы, гдѣ Карлъ, явившійся на поле битвы, узнаетъ удары Роланда на трехъ камняхъ (CCVIII). Но другіе списки этого стиха не знаютъ; хроника Псевдо-Турпина говоритъ о трехъ ударахъ (trino ictu), и мы можемъ поставить вопросъ: не разумѣется ли здѣсь одинъ и тотъ-же камень, съ разными обезличенными эпитетами, которыми пѣвцы орудовали свободно, какъ общими мѣстами, не имѣющими ярко-реальнаго значенія и не вызывавшими у нихъ противорѣчія [1]). Замѣтимъ кстати, что одинъ изъ эпитетовъ brune и bise могъ быть подсказанъ и ассонансомъ. Противорѣчіе и слѣды сознательной передѣлки видѣли (Pakscher) въ томъ, что въ строфѣ CLXXIII Роландъ поминаетъ былые подвиги, совершенные имъ съ помощью Durendal'я, что̀ совершенно въ духѣ героя и героической пѣсни, тогда какъ въ CLXXV говорится о мощахъ, заключенныхъ въ мечѣ—и эта черта обличаетъ, будто-бы, руку духовнаго лица, стало быть, рукописный варіантъ. Но вѣдь герои chansons de geste были и боевыми и благочестивыми людьми, одно не исключало другого въ пониманіи пѣвцовъ. Durendal зовется святымъ мечемъ, saintisme, но имъ завоеваны и многія страны; да и въ строфѣ CLXXIV говорится, что самъ Господь сослалъ его Карлу. Все это въ духѣ времени, одинъ изъ пѣвцовъ предпочелъ начать съ воинственныхъ воспоминаній, другой присоединилъ священныя, и то и другое объединилось, съ новыми подробностями, въ третьей строфѣ.

Строфа CLXXVI начинается съ того-же образа, что и первая изъ трехъ, посвященныхъ Durendal'ю (CLXXIII, Ço sont Rollanz la véue a perdue): чувствуетъ Роландъ, что смерть его захватила (Ço sent Rollanz que la mort le tresprent), и это повторяется и въ слѣдующей laisse CLXXVII: чувствуетъ Роландъ, что ему не долго жить (Ço sent Rollanz de sun tens n'i ad plus). Во всѣхъ трехъ строфахъ (CLXXVI — VIII), описывающихъ кончину Роланда, красной нитью проходятъ одни и тѣ-же образы: Роландъ лежитъ подъ сосной, обратился лицемъ къ Испаніи, приноситъ покаяніе въ грѣхахъ, протягиваетъ къ небу свою рукавицу (символъ вассальной вѣрности и преданности Богу). Во второй строфѣ есть движеніе впередъ: ангелы спу-

[1]) Изъ исторіи эпитета l. c., стр. 187 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

скаются къ умирающему, а послѣдняя прибавляетъ, что это былъ Гавріилъ архангелъ, который и принимаетъ рукавицу изъ рукъ умирающаго.

Карлъ, явившійся слишкомъ поздно на выручку, причитаетъ надъ Роландомъ CCXI: Другъ Роландъ, я вернусь во Францію, и когда буду въ Лаонѣ, въ моемъ покоѣ, придутъ иноземцы изъ многихъ царствъ, спросить, гдѣ графъ-предводитель? (Cum jo serai à Loün en ma chambre, De plusurs regnes vendrunt li hume estrange, Demanderunt ù est li quens cataignes?).—CCXII: Другъ Роландъ, красный молодецъ, когда я буду въ Aix, въ часовнѣ, придутъ люди спросить вѣстей (Cum jo serai à Eis en ma chapele, Vendrunt li hume, demanderunt noveles).—Aix былъ резиденціей Карла Великаго, Лаонъ резиденціей послѣднихъ Каролинговъ со времени Карла Простодушнаго; чередованіе того и другаго названія показываетъ только, что въ пѣсенномъ преданіи, изъ котораго вышла поэма о Роландѣ, оба города обобщились къ значенію — столицы; и тамъ и здѣсь Карлъ могъ ожидать одного и того-же вопроса.

Подсказываніемъ изъ общаго эпическаго запаса объясняются различныя заявленія Ганелона передъ его судьями въ двухъ слѣдующихъ laisses, CCLXXVIII—IX. Смерть Роланда — мое дѣло, говоритъ онъ въ CCLXXVIII, ибо Роландъ обидилъ его казной (me forfist en or et en aveir); я искалъ его смерти и гибели, но предательства тутъ не было (Mais traïsun nule n'en i otrei). Отвѣчаютъ французы: объ этомъ мы и станемъ держать теперь совѣтъ (Or en tendrum cunseill). Въ laisse CCLXXIX Ганелонъ по прежнему на судѣ: Роландъ возненавидѣлъ меня (me coillit en haür), объясняетъ онъ, обрекъ на смерть и горе (то-есть, на посольство къ Марсилію); я открыто заявилъ свою вражду къ нему, Оливье и всѣмъ его товарищамъ; я отомстилъ, но предательства тутъ нѣтъ (mais n'i a traïsun). Отвѣчаютъ французы: пойдемъ на совѣтъ (Respundent Francs: A conseill en irums).—Оба объясненія соединимы, могли соединяться и въ преданіи.

Я не утверждаю, чтобы всѣ повторительныя laisses указаннаго типа восходили къ древней пѣсенной амебейности, отразившейся позднѣе въ chansons de geste. Иныя изъ нихъ могутъ быть объяснены интерполяціями слагателей поэмъ, вставками переписчиковъ, пѣсенными варіантами жонглеровъ, попавшими въ запись; строфы XLII—III пѣсни о Роландѣ, каждая по 13 стиховъ, почти дословно повторяютъ другъ друга, лишь на разные ассонансы, и обѣ пред-

Библиотека "Руниверс"

ставляютъ развитіе вопроса, поднятаго въ XLI-й. — Гипотеза, которую я предлагаю, опирается на сравненіи съ тѣми лирическими строфами, которыя, зарождаясь экспромтомъ, въ чередованіи двухъ или нѣсколькихъ пѣвцовъ, могли спѣваться и подъ-рядъ, внѣ момента ихъ амебейнаго происхожденія. Я лишь переношу этотъ пріемъ на эпическія пѣсни; когда антифонизмъ уступилъ мѣсто единоличному исполненію, можетъ быть, и ранѣе, когда пѣвцу приходилось пѣть одному, онъ повторялъ при случаѣ характерныя парныя laisses, зародившіяся въ парномъ-же исполненіи, могъ присочинять и новыя подъ стать, — и это былъ путь, по которому амебейное повтореніе изъ естественнаго стало искусственнымъ, общимъ мѣстомъ, тогда какъ талантливый слагатель могъ воспользоваться имъ въ цѣляхъ психологическаго анализа или эпической ретардаціи.

Явленія припѣва (respos, то-есть, отвѣтъ въ провансальскихъ плясовыхъ пѣсняхъ), анафоры, климакса, палилогіи, захватовъ изъ строфы въ строфу и повтореній—все это объясняется изъ принципа древняго хоризма и амебейности, и все это является уже на почвѣ народной лирики средствомъ подчеркнуть настроеніе. Таково впечатлѣніе refrain въ сѣверныхъ балладахъ и французскихъ пѣсняхъ; именно частое отсутствіе содержательной связи между пѣснею и refrain, иногда заимствованнаго изъ другой пѣсни, указываетъ на его обобщившееся значеніе. И здѣсь не лишнимъ будетъ напомнить, что *наше* эстетическое впечатлѣніе бываетъ обманчиво, и мы часто настраиваемся невпопадъ. Былина о Соловьѣ Будимировичѣ у Кирши вовсе не вызываетъ своимъ содержаніемъ чудеснаго запѣва, въ которомъ чувствуется столько широты и приволья:

Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окіанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Въ основѣ—это развитая формула параллелизма, столь обычнаго въ народной поэзіи: Соловей ѣхалъ въ Кіевъ, Днѣпромъ; оттуда: глубоки омуты Днѣпровскіе, параллель: глубота океанъ-море. Въ варіантѣ у Рыбникова I, 54 = Гильф. № 53 формула запѣва осталась, непонятая, вмѣсто Днѣпра—поморская страна, Бѣлоозеро; и всему данъ комическій оборотъ. — Это бросаетъ свѣтъ на появленіе въ пѣсняхъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ припѣвовъ, внѣ связи съ ихъ содержаніемъ: въ началѣ дѣло могло идти о такой же формулѣ параллелизма. Въ малорусской поэзіи еще прозраченъ символъ воды, которую за-

Библиотека "Руниверс"

мутили гуси, гдѣ купались голуби; на такое-же содержаніе указываетъ refrain французской пѣсни XVII-го вѣка: J'ai vu un cerf du bois sailly—Et boire à la fontaine [1]). Впослѣдствіи значеніе формулы было забыто, а пристрастіе или привычка къ ней осталась и восполнялась случайно, по созвучію съ настроеніемъ.

Въ пору личной, художественной лирики все это очутится стилистическимъ пріемомъ, отвѣчающемъ музыкальному Leitmotiv. Примѣры излишни; припомню хотя-бы Гейневское: Ja, du bist elend und ich grolle nicht (Buch der Lieder), или у Фета I, № XXXVII: И тебѣ не грустно? И тебѣ не томно? И тебѣ не томно? И тебѣ не больно?—То-же и въ прозѣ, въ разказахъ Додэ, у D'Annunzio и др. Я хотѣлъ лишь указать, какъ формы, зародившіяся въ связи съ простѣйшими выраженіями психики (первоначальный refrain, какъ восклицаніе, звукоподражаніе, синтаксическая клординація) и механизмомъ пѣсеннаго исполненія (хоризмъ, амебейность), послѣдовательно переходили къ значенію художественныхъ.

IV.

Древнее амебейное исполненіе или и сложеніе эпическихъ пѣсенъ предположено мною по аналогіи съ лирическими; фактическихъ основаній для этой гипотезы немного, и они разбросаны на далекомъ пространствѣ. Оттого я и не привожу ихъ въ порядкѣ хронологіи, а группирую содержательно, въ примѣненіи къ моему построенію; новый матеріалъ и указанія спеціалистовъ могутъ его измѣнить, или и отмѣнить.

Эпическая пѣсня поется вдвоемъ. Скрс. kuçilava—рапсодъ, актеръ; kauçilavya—профессія рапсода, актера; но kuçilava означаетъ также: Kuça и Lava, братьевъ близнецовъ, сыновей Ситы и Рамы, учениковъ Вальмики. Разказывается въ началѣ Рамаяны, что когда Вальмики ее кончилъ, сталъ раздумывать, кто будетъ ее пѣть по свѣту; тутъ подошли къ нему, въ одеждѣ отшельниковъ, двое прекрасныхъ, благородныхъ юношей, Kuça и Lava, и обняли его колѣни; имъ онъ и передалъ свою поэму, дабы они пѣли ее вмѣстѣ.

Пѣсни на одинъ сюжетъ слагаются и поются другъ за другомъ нѣсколькими пѣвцами. Кабардинскіе гегуако, бродячіе пѣвцы, еще недавно являлись на народныхъ собраніяхъ, праздникахъ и тризнахъ, прославляя современныхъ героевъ, воспѣвая и древнихъ. Умиралъ-ли человѣкъ, уважаемый за мудрость и храбрость, народъ собирался

[1]) Jeanroy, l. c., стр. 162, прим. 3.

Библиотека "Руниверс"

на его могилѣ, приглашалъ нѣсколькихъ гегуако и просилъ ихъ сложить пѣсню про умершаго на память потомству. Въ такихъ случаяхъ одинъ изъ гегуако брался воспѣть одну сторону дѣятельности покойнаго, другой другую и т. д. Послѣ этого гегуако на нѣкоторое время удалялись отъ свѣта въ безлюдныя, уединенныя мѣста и, ведя тамъ самую тихую жизнь, слагали свои пѣсни. По истеченіи нѣкотораго времени они объявляли объ окончаніи своей работы, и тогда народъ стекался со всѣхъ сторонъ на опредѣленное мѣсто, куда являлись и гегуако. Одинъ изъ нихъ всходилъ на возвышеніе среди толпы и пропѣвалъ сначала только голосовой мотивъ пѣсни, ударяя при этомъ харсомъ; настроивъ свой голосъ подъ харсъ, онъ пропѣвалъ свою пѣсню, за нимъ другой, и такъ до послѣдняго [1]).

Эпическія пѣсни исполняются (*и слагаются*) *антифонически.* Ὑποδέχεσθαι μέλος означаетъ: принять отъ пѣвца пѣсню съ цѣлью продолжать ее, подхвативъ (Aesch. Suppl. 1023). См. выше: τὸ δέχεσθαι τὰ σχόλια. Въ этомъ смыслѣ можно понять и Il. IX 189 слѣд.: играя на форминѣ, Ахиллъ

ἄειδε δ' ἄρα κλέα ἀνδρῶν·
Πάτροκλος δέ οἱ οἶος ἐναντίος ἧστο σιωπῇ
δέγμενος Αἰακίδην ὁπότε λήξειεν ἀείδων,

т. е. ожидая, пока онъ допоетъ, чтобы подхватить пѣсню о славныхъ мужахъ.

Интересно въ нашемъ смыслѣ, несмотря на свою отрывочность, показаніе Alberico da Rosciate въ его комментаріи на Божественную комедію [2]): объясняя слово Comedia, онъ говоритъ о комедахъ, то есть жонглёрахъ: они до сихъ поръ водятся у насъ, особенно въ области Ломбардіи, *поютъ въ ритмахъ про дѣянія великихъ властителей*, при чемъ одинъ *поетъ* (ставитъ вопросъ?), *другой отвѣчаетъ* (Isti adhuc sunt in usu nostro, et apparent maxime in partibus Lombardie aliqui cantatores, qui magnorum dominorum in rithmis cantant gesta, unus proponendo, alius respondendo). „Дѣянія великихъ людей", повидимому, исключаютъ лирическое содержаніе пѣсни; можетъ быть, дѣло идетъ о тенцонахъ на современныя политическія событія, — или же имѣются ввиду тѣ франко-итальянскіе cantatores, которые пѣли на площадяхъ о сюжетахъ французскаго эпоса, чередуясь? Они пѣли

[1]) Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. I, отд. 2: Урусбіевъ, Сказанія о нартскихъ богатыряхъ у татаръ-горцевъ Пятигорскаго округа Терской области стр. IV—VI; Разысканія № VII, стр. 218—19.

[2]) Fiammazzo, Il commento dantesco di Alberico da Rosciate (Bergamo 1895). Сл. отчетъ D'Ancona'ы въ Rassegna bibliografica III, № 11—12, стр. 285.

Библиотека "Руниверс"

объ одномъ и томъ же мотивѣ, фактическая сторона пѣсни была общая, но подробности и стилистическія мелочи, развивающія одно и то же положеніе, могли быть разныя; одинъ пѣвецъ восполнялъ другого, отправляясь отъ его положенія или стиха и досказывая по своему. Мы возвращаемся къ гипотезѣ, высказанной выше по вопросу о французскихъ couplets similaires.

Амебейное исполненіе, на этотъ разъ, унаслѣдованныхъ эпическихъ пѣсенъ сохранилось въ пѣпіи финскихъ рунъ, но въ чертахъ архаическаго переживанія. Пѣвцовъ двое; запѣвало и вторящій ему, тотъ, кто крутитъ и вьетъ струну пѣсни, спѣтой первымъ; säistäja отъ säistää: вить веревку или шнуръ, какъ и у грековъ существовало аналогическое выраженіе: σχοινοτενὴς ἀοιδή: длинная, строфическая пѣсня.—Оба пѣвца сидятъ рядомъ или другъ противъ друга; касаясь колѣнями, схватившись руками и слегка покачиваясь, они поютъ; запѣвало пропѣваетъ первый стихъ и нѣсколько болѣе половины втораго; тутъ присоединяется къ нему вторящій и затѣмъ повторяетъ, уже одинъ, первый стихъ.—Такъ поютъ и самоѣдскіе шаманы: первый бьетъ въ барабанъ и поетъ нѣсколько стиховъ, большею частью импровизованныхъ, на мрачную, унылую мелодію; второй подхватываетъ, и они поютъ вмѣстѣ, послѣ чего второй повторяетъ уже одинъ спѣтое первымъ [1]). Финскія руны поются въ запуски для испытанія, у кого память сильнѣе; первый изъ пѣвцовъ, у кого запасъ изслякъ, выпускаетъ руки товарища; никто не былъ въ состояніи схватиться за руки съ Вейнемейненомъ, говорится въ Калевалѣ.

Въ такой амебейности пѣсня могла не только пѣться, но и слагаться при особыхъ обстоятельствахъ, возможныхъ въ героическомъ быту. Происходятъ битвы, идутъ пограничныя стычки, враждуютъ и мирятся, чувство народнаго самосознанія выростаетъ рядомъ съ культомъ героя, витязя, чей бы онъ ни былъ, свой или чужой. Одно и то же событіе вызываетъ въ разныхъ лагеряхъ разную оцѣнку, нерѣдко пораженіе представляется побѣдой. Русскій военный уполномоченный въ Черногоріи, полковникъ Боголюбовъ, въ ночь своей поѣздки въ Цетинье, слышалъ одного гусляра въ передовомъ черногорскомъ шанцѣ въ Тербишѣ, воспѣвавшаго событія изъ осады Никшича черногорцами. И въ то же время изъ турецкаго шанца было слышно, какъ почти тѣ

[1]) *Comparetti*, Der Kalevala, стр. 65—66; *Rillson*, Folk Songs comprised in the Finnisch Kalewala, въ Folk-Lore v. VI, № 4, стр. 320—321; *Steenstrup*, l. c., стр. 72 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

же событія воспѣвались гусляромъ въ Никшичѣ. Одинъ понималъ другого, и по временамъ они отвѣчали другъ другу въ своихъ пѣсняхъ [1]). Изъ такой „войны гусляровъ“ могла выработаться и распространиться одна пѣсня, съ варіантами и повтореніями, въ которой противоположности освѣщенія были не ощутимы или сглажены.

Пѣть и сказывать (singen und sagen, dire et chanter). Можетъ быть, мы вправѣ привлечь къ вопросу и нѣкоторыя пѣсни стихотворной Эдды. Я имѣю въ виду не тѣ пѣсни, гдѣ принципъ діалога опредѣленъ содержаніемъ: преніемъ въ мудрости, напоминающимъ антифонизмъ народной пѣсни съ такимъ же иногда матерьяломъ загадокъ, а пьесы эпическія, гдѣ повѣствовательная канва изложена въ діалогѣ дѣйствующихъ лицъ. Не распредѣлялись-ли эти партіи между отдѣльными пѣвцами? Въ норвежскихъ stef, амебейный характеръ которыхъ отмѣченъ былъ выше, встрѣчаются порой мотивы старыхъ эпическихъ пѣсенъ, напримѣръ, саги о Сигурдѣ.

Къ другому смежному вопросу даетъ поводъ слѣдующая особенность изложенія нѣкоторыхъ пѣсенъ стихотворной Эдды, напримѣръ Skírnisför, Grímnismal, Vǫlundarkviða и др.: онѣ состоятъ изъ коротенькихъ партій въ прозѣ, вводящихъ въ стихотворный діалогъ или перемежающихъ его. Въ началѣ Skírnisför разказывается прозой, какъ однажды Фрей возсѣлъ на престолъ Одина и, обозрѣвая весь міръ, увидѣлъ въ области йотуновъ красавицу Герду и заболѣлъ по ней душой. Его отецъ Нiбрдъ посылаетъ къ нему его служителя Скирни, спросить, что́ съ нимъ. Слѣдуетъ далѣе, ужъ въ стихотворной формѣ: разговоръ Скади (матери Фрея) съ Скирни, бесѣда съ нимъ Фрея; мы узнаемъ, что Скирни сбирается и ѣдетъ въ Йотунгеймъ. Нѣсколько строкъ прозой сообщаютъ намъ, какъ онъ доѣхалъ до двора Гими (отца Герды), до тына, у котораго привязаны были два злыхъ пса, вступилъ въ разговоръ съ пастухомъ. Этотъ разговоръ и слѣдующая бесѣда Скирни съ Гердой изложены въ стихахъ и т. д.

Мюлленгофъ выразилъ мнѣніе [2]), что пѣсни Эдды, которыя послѣдовательно провели стихотворную форму, лишь переложили въ строфы болѣе древнія прозаическія партіи; Schröder [3]) видитъ въ смѣшеніи стиха и прозы признакъ древнѣйшаго, праисторическаго стиля, далеко предшествовавшаго появленію эпоса; Koegel [4]) считаетъ его прагер-

[1]) *Московскія Вѣдомости* 1877 г., Авг. 13, № 201.

[2]) Za. f. deutsch. Alterth. XXIII стр. 151 слѣд.

[3]) *Schröder*, Ueber das Spell, ib. XXXVII, стр. 241 слѣд.

[4]) *Koegel*, Gesch. d. deutschen Litteratur bis zum Ausgange des Mittelalters 1-er B., 1-er Theil, стр. 97 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

манскимъ и даже арійскимъ: наблюденія Ольденберга надъ нѣкоторыми гимнами Ригведы [1]), которые считали фрагментарными, доказали, что они дополнялись разказомъ въ прозѣ; Koegel обобщаетъ это явленіе въ связи съ культомъ: въ поэтическую форму облекались лишь діалогъ и нѣкоторые выдающіеся эпизоды дѣйства, остальное дополнялъ жрецъ въ прозаическомъ изложеніи.

Это чередованіе, напоминающее такое же чередованіе экзарха и хора въ древне-греческомъ дифирамбѣ, могло остаться и позднѣе формой эпическаго изложенія, впѣ связи съ обрядомъ и культомъ. Въ этомъ смыслѣ понимаетъ Шрёдеръ значеніе средневѣковой нѣмецкой формулы для эпическаго сказа: singen und sagen. Иначе Koegel [2]): древне-франкскія пѣсни, говоритъ онъ, были строфическія, воспринявшіяся разказомъ въ прозѣ; готскіе пѣвцы ввели эпическую пѣснь связную, безъ строфъ; ихъ-то изложеніе и характеризуется понятіемъ singen, siggwan, не canere, а recitare, сказывать на распѣвъ. Но что-же дѣлать съ sagen? Тавтологія-ли это съ singen, или отзвукъ стараго чередованія стиховъ и прозы, сохранившейся лишь въ формулѣ?

Такъ или иначе, это чередованіе, засвидѣтельствованное напримѣръ для древне-римской сатуры, является довольно распространенною формой эпическаго изложенія, хотя каждая изъ относящихся сюда группъ фактовъ подлежитъ особому анализу и объясненію, ибо формально сходныя явленія коренятся иногда въ источникахъ совершенно разнородныхъ. Древне-бретонскіе пѣвцы предпосылали своимъ laïs разказъ, объяснявшій ихъ содержаніе [3]); на французской народной свадьбѣ такое же объясненіе предшествуетъ каждому куплету [4]). Съ другой стороны такъ называемыя русскія побывальщины, гдѣ стихотворныя части перемежаются пересказомъ въ прозѣ, представляютъ разложеніе или забвеніе первыхъ, при чемъ запамятованное излагается пѣвцомъ отъ себя, иногда съ обрывками стиха и въ конструкціи, въ которой еще отзываются и размѣръ и формулы былиннаго склада. Не предположитъ ли подобный же процессъ и для нѣкоторыхъ пѣсенъ стихотворной Эдды, что́ удалило бы, по отношенію къ нимъ, гипотезу прагерманской древности?—Сходное, повидимому, явленіе представляетъ ирландскій эпосъ, одинъ изъ древнѣйшихъ европейскихъ—по записи: разказъ идетъ въ прозѣ, перемѣ-

---

[1]) *Oldenberg*, Das altindische Âkhyâna, Zs. d. deutsch. morgenländ. Gesellschaft XXVII, стр. 54; Akhyâna-Hymnen im Rigveda, ib. XXXIX, стр. 52 слѣд.

[2]) l. c. стр. 130, 148.

[3]) *G. Paris*, La littérature française au moyen âge, 2 éd., стр. 91.

[4]) Romania, № 44, стр. 584—585.

Библиотека "Руниверс"

шанный съ эпизодами въ стихахъ; это либо діалогъ, либо отдѣльное стихотвореніе, рѣчь дѣйствующаго лица, введенная въ разказѣ формулой: „тогда сказалъ", или „тогда запѣлъ" такой-то. Въ стихахъ изложены главнымъ образомъ лирическіе и драматическіе элементы легенды, говоритъ Виндишъ, передъ нами какъ бы начало ея поэтической обработки [1]). Если я вѣрно понялъ слова автора, то стихотворныя партіи не пересказъ соотвѣтствовавшихъ прозаическихъ, а тѣ и другіе возникали совмѣстно и разница формы обусловливалась содержаніемъ. Кара-киргизскій Акун (пѣвецъ) выражаетъ ее двумя мелодіями: одна въ скоромъ темпѣ для разказа, другая — медленный, торжественный речитативъ для діалога [2]).

Въ другихъ ирландскихъ текстахъ этотъ распорядокъ производитъ иное впечатлѣніе: поэтическія партіи просто пересказываютъ предшествующія прозаическія. Ирландская пословица: сказъ безъ пѣсни объясняется изъ такого чередованія, какъ обычнаго; Whitley Stokes'y оно напомнило подобный же распорядокъ въ полинезійскихъ сказкахъ и въ памятникахъ буддійской литературы; понджабскія легенды, записанныя Темплемъ [3]), представляютъ такую же смѣсь прозы и стиховъ, при чемъ для нѣкоторыхъ легендъ (напримѣръ, приключенія раджы Расалу) существуютъ двѣ версіи: одна смѣшанная, другая стихотворная; прозаическая часть изложена общимъ литературнымъ языкомъ (урду), стихотворная большею частью на мѣстныхъ діалектахъ, съ архаическими формами. Если, говоря объ аналогическомъ явленіи въ Эддѣ, Мюлленгофъ склонялся на сторону первой, какъ болѣе древней, то Темпль заключаетъ наоборотъ, что прозаическія партіи вышли изъ стихотворныхъ. Онъ, впрочемъ, считаетъ возможнымъ и другое рѣшеніе, котораго я коснулся, говоря о нашихъ побывальщинахъ: пѣвецъ (часто руководящійся записью) не все помнилъ одинаково и прибѣгалъ къ разказу въ прозѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда память стиха измѣняла. Стихотворныя партіи вводятся иногда формулой: онъ такъ сказалъ; сообщаютъ какое-нибудь нравственное изреченіе, либо назначены вызвать смѣхъ; часто ихъ содержаніе ничѣмъ не отличается отъ изложеннаго въ прозѣ, но порой они идутъ съ ней въ разрѣзъ, тѣмъ не менѣе повторяясь изъ поколѣнія въ поколѣніе.

---

[1]) Revue Celtique t. V, стр. 70 слѣд. Ср. о томъ же стилистическомъ явленіи ib. стр. 364; IX, стр. 14, 448; XII, стр. 318, 319; XIII, стр. 32.

[2]) *Radloff*, Proben V, Vorwort, стр. XV—VI.

[3]) *Temple*, Legends of the Panjâb, v. I. Preface, VII; ср. отчетъ Barth'a въ Mélusine II, стр. 364—365.

Библиотека "Руниверс"

Это приготовило насъ къ оцѣнкѣ своеобразной формы Aucassins et Nicolette, поэтической старо-французской сказки начала XIII вѣка. Мѣсто ея дѣйствія—южная Франція и Африка (Карѳагенъ) и еще какое-то тридесятое государство Torelore, гдѣ король держится обряда кувады, царица ходитъ на войну, гдѣ сражаются свѣжимъ сыромъ, печеными яблоками и грибами. Имя главнаго дѣйствующаго лица Aucassins напоминаетъ арабское al-Kâsim; предположить ли для повѣсти византійскія литературныя вліянія—это я оставляю подъ сомнѣніемъ [1]).

Начинается она стихотворнымъ обращеніемъ:

1) „Кто хочетъ послушать хорошей пѣсни, какъ любилъ ее старый плѣнникъ? пѣсни о двухъ прекрасныхъ дѣтяхъ, Николеттѣ и Аквассенѣ, какія великія напасти онъ вынесъ, какіе храбрые подвиги совершилъ для своей милой съ бѣлоснѣжнымъ лицомъ. *Сладкая эта пѣснь, хорошъ разказъ....*

Qui vauroit bons vers oïr
Del deport du viel caitif,
De deux biaux enfans petis,
Nicholete et Aucassins,
Des grans paines qu'il soufri
Et des proueces qu'il fist
Por s'amie o li cler vis?
Dox est li cans, biax li dis...

Послѣдній стихъ указываетъ на распорядокъ изложенія: чередуется разказъ въ прозѣ подъ заглавіемъ: Or dient et content et fablent или: or dient et content (Теперь сказываютъ-разказываютъ)—съ стихотворнымъ отдѣломъ, надписаннымъ: „Or se cante (Теперь поютъ); оттуда и названіе повѣсти: cantefable (въ концѣ: No cantefable prent fin, n'en sai plus dire).

Въ первомъ прозаическомъ отдѣлѣ 2) разказывается о томъ, какъ валенсскій графъ Bougars воевалъ съ Garin, графомъ Бокера. Garin старъ и слабъ; у него сынъ, красавецъ Aucassins; всѣмъ хорошъ, развѣ то не ладно, что онъ поддался всепобѣждающей любви, почему и не хотѣлъ ни стать рыцаремъ, ни взяться за оружіе. Отецъ и мать убѣждаютъ его выйти на защиту своей земли, на помощь своимъ. Къ чему говорить объ этомъ? отвѣчаетъ онъ отцу:

---

[1]) Слѣдующія цитаты сдѣланы по Aucassins und Nicolette, neu nach der Handschrift.... von Hermann Suchier, 2 Aufl.

Библиотека "Руниверс"

когда я стану рыцаремъ на конѣ и выйду на бой или въ битву, гдѣ буду поражать рыцарей, а они меня, пусть Господь не внемлетъ моей молитвѣ, если вы не отдадите за меня Николетту, мою милую, которую я такъ люблю.—Не дѣло это, говоритъ отецъ, оставь Николетту, это полонянка, приведенная изъ чужой земли, купилъ ее виконтъ этого города отъ сарацинъ, воспріялъ ее и крестилъ и удочерилъ и вскорѣ дастъ ей мужа, который будетъ честно доставать ей хлѣбъ. Тутъ тебѣ дѣлать нечего; коли хочешь жениться, я дамъ тебѣ въ жены дочь короля или графа. Увы, отецъ мой! отвѣчаетъ Aucassins, всѣхъ почестей на землѣ мало для Николетты: таково ея благородство и привѣтливость и доброта и всякія хорошія качества!

Примыкающій къ этому эпизоду стихотворный отрывокъ 3) резюмируетъ главное содержаніе предыдущаго: Aucassins былъ изъ Бокера, изъ прекраснаго замка; отъ красавицы Николетты никто не можетъ отвлечь его, а отецъ не пускаетъ, мать грозится: Чего ты хочешь, дурень! Николетта, красивая, веселая, была похищена въ Карѳагенѣ, куплена отъ саксонца. Коли хочешь жениться, возьми жену изъ высокаго рода.—Но Aucassins не можетъ отвязаться отъ Николетты, ея красота освѣщаетъ его сердце; онъ такъ и отвѣчаетъ матери.—Саксонецъ (Saisne) стоитъ вмѣсто сарацина: это обычное смѣшеніе во французскомъ эпосѣ; въ концѣ разказа Николетта дѣйствительно оказывается дочерью карѳагенскаго короля.

Дѣйствіе подвигается въ прозаическомъ эпизодѣ № 4: Garin боится за сына, говоритъ о томъ пріемному отцу Николетты и грозитъ сжечь ее. Отецъ отвѣчаетъ въ выраженіяхъ № 2: я купилъ ее на свои деньги, воспринялъ и крестилъ и удочерилъ и хотѣлъ было дать ей мужа, который честно бы зарабатывалъ ей хлѣбъ. Тѣмъ не менѣе онъ запираетъ ее во дворцѣ, въ комнатѣ, дверь которой запечаталъ. Слѣдующій стихотворный отдѣлъ 5) начинается съ того же напоминанія: Николетта посажена въ тюрьму, въ комнатѣ со сводами; она сѣтуетъ. № 6 открывается тѣмъ же: Николетта была въ тюрьмѣ, въ комнатѣ, какъ вы слышали—уразумѣли. Aucassins приходитъ къ пріемному отцу Николетты, спрашиваетъ: что онъ съ нею сдѣлалъ? Тотъ отвѣчаетъ какъ въ №№ 2 и 4: она полонянка, я привезъ ее изъ чужой земли; купилъ на свои деньги у сарацинъ, воспринялъ и т. д.; Aucassins никогда ее не увидитъ—и юноша удаляется, печальный, отъ вицграфа. „Aucassins вернулся, печальный и убитый„—такъ начинается № 7, стихотворный; слѣдуютъ сѣтованія влюбленнаго (Nicolete, biax ester,—biax venir et biax alers,—biax deduis et dous parler и т. д.), повторяю-

Библиотека "Руниверс"

щіяся, съ измѣненіями, въ № 11.—№ 8: новое нападеніе графа Bougar'a и новыя просьбы отца Aucassins'у—принять участіе въ битвѣ. Сынъ отвѣчаетъ какъ въ № 2 (когда я стану рыцаремъ на конѣ и выйду на бой или битву и т. д.) и соглашается лишь на условіи: если Господь вернетъ меня живымъ и здоровымъ, дайте мнѣ настолько повидать Николетту, мою милую, чтобы мнѣ сказать ей два-три слова и разъ поцѣловать. Отецъ соглашается; № 9 (стихотворный) ведетъ разказъ далѣе: Aucassins вооружается, въ отдѣлѣ 10 (въ прозѣ) на это указано вкратцѣ; Aucassins одержалъ побѣду и напоминаетъ отцу объ его обѣщаніи въ выраженіяхъ № 8.

И далѣе характеръ чередованія разный: стихотворныя партіи служатъ лирическимъ изліяніямъ (№ 13), выходящимъ изъ дѣйствія, либо его продолжаютъ (№ 15, 17); проза подхватываетъ стихи, напримѣръ въ №№ 19 (конецъ) и 20 (начало: Николетта устраиваетъ себѣ навѣсъ изъ цвѣтовъ, травы и вѣтвей), либо наоборотъ, напримѣръ въ описаніи сказочной битвы: № 30 (въ прозѣ): король сѣлъ на коня, Aucassins на своего; поѣхали они, пока не прибыли къ мѣсту, гдѣ находилась королева, и увидѣли битву—борьбу печеными яблоками, яйцами и свѣжимъ сыромъ. Aucassins принялся смотрѣть на тѣхъ людей и дался диву.—№ 31 (стихи): Aucassins остановился, опершя на луку сѣдла и сталъ смотрѣть на общій бой: они принесли много свѣжихъ сыровъ, печеныхъ лѣпныхъ яблоковъ и большихъ полевыхъ грибовъ. Кто изъ нихъ всего больше замутитъ броды, того и провозглашаютъ побѣдителемъ. Храбрый, мужественный Aucassins сталъ глядѣть на нихъ и разсмѣялся.

За вычетомъ тѣхъ обычныхъ эпическихъ повтореній, которыя въ *разныхъ* мѣстахъ разказа отвѣчаютъ повторенію того же дѣйствія, остаются повторенія другаго рода, съ захватами изъ отдѣла въ отдѣлъ, напоминающими пріемы couplets similaires, съ тою разницей, что дѣло идетъ о чередованіи стиховъ и прозы. Интересенъ вопросъ: одни-ли и тѣ же лица сказывали и пѣли, или пѣло одно лицо, сказывало другое; надписаніе: or dient et content et fablent едва-ли говоритъ за многихъ разказчиковъ, тогда какъ or se cante можетъ быть понято и въ единственномъ и во множественномъ числѣ. Приведенные выше примѣры чередованія прозы и стиховъ ничего не разъясняютъ въ этомъ отношеніи, какъ и встрѣчающееся въ старо-французской литературѣ выраженіе: dire et canter=singen und sagen.

Интересно было бы провѣрить фактъ, отмѣченный Barrois, что въ одной рукописи Энеиды X вѣка рѣчи дѣйствующихъ лицъ сопро-

Библиотека "Руниверс"

вождаются музыкальной нотаціей. Предполагали, быть можетъ, что эти части пѣлись, разказъ въ третьемъ лицѣ читался, но и сказывался? [1]).

Для хронологіи эпическихъ повтореній мы намѣтили нѣсколько моментовъ: древнее исполненіе хоромъ, съ чередованіемъ хора и запѣвалы или запѣвалъ; чередованіе двухъ хоровъ; антифонизмъ при двухъ или нѣсколькихъ пѣвцахъ; личное исполненіе. Повторенія французскаго типа развились на стадіи антифонизма, на ней именно и застала ихъ запись и обработка древнихъ chansons de geste; въ Chanson de Roland лиризмъ еще сильно подчеркнутъ. Въ эпоху личнаго исполненія такія повторенія становились лишними, и въ эпической пѣснѣ, отвѣчающей этой порѣ развитія, преобладаютъ повторенія спорадическія, какъ напримѣръ въ греческомъ и славянскомъ эпосахъ; вмѣсто амебейности или парности—loci communes.

Этотъ хронологическій расчетъ, разумѣется, приблизительный, не считающійся съ возможностью историческихъ вліяній, напримѣръ, занесенія пѣсенъ, находящихся на болѣе прогрессивной стадіи развитія, въ среду, застывшую въ древнихъ формахъ пѣсеннаго исполненія.

Древность рукописи или версіи, показанія языка и метрики, историческія и бытовыя подробности текста—вотъ пріемы, служащіе критикѣ средневѣковыхъ эпическихъ и вообще поэтическихъ текстовъ. Не лишнимъ критеріемъ являются, по моему мнѣнію, и наблюденія въ исторіи стиля, тѣмъ болѣе, что здѣсь границы изученія могутъ быть раздвинуты и развитіе поэзіи записанной или литературной провѣрено поэзіей народной, развившейся въ другихъ, болѣе свободныхъ условіяхъ. Я полагаю, что не только исторія эпитета [2]), но и исторія повтореній, поставленная возможно широко, послужитъ хронологіи поэтическаго творчества тамъ, гдѣ другіе критеріи оказались бы недостаточными либо дали сомнительные результаты.

Александръ Веселовскій.

---

[1]) La chevalerie Ogier de Danemarche éd. Barrois, I, Préface, стр. LI (изъ рукописи собранія Libri).

[2]) Сл. Изъ исторіи эпитета, l. c.

Библиотека "Руниверс"

КАШУБСКІЙ „ЯЗЫКЪ", КАШУБСКІЙ НАРОДЪ И „КАШУБСКІЙ ВОПРОСЪ".

СТАТЬЯ I.

Давно мнѣ хотѣлось высказаться по „кашубскому вопросу", и въ особенности подвергнуть обстоятельной оцѣнкѣ вызвавшее этотъ вопросъ сочиненіе львовскаго ученаго, г. Стефана Рамулта, подъ заглавіемъ *Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego* zebrał i opracował Stefan *Ramułt*. Praca, odznaczona nagrodą Akademii umiejętności w Krakowie na konkursie im S. B. Lindego w r. 1889. W Krakowie. Nakładem Akademii umiejętności. Skład główny w księgarni Spółki wydawniczej polskiej. 1893. (Wydawnictwo Akademii umiejętności z zapisu ś. p. Józefa Belzy)—in 4°, стр. XLVIII + 298; но мнѣ все мѣшали въ этомъ до сихъ поръ, съ одной стороны, многочисленныя, не систематически веденныя занятія, съ другой же стороны врожденная мнѣ и всею предшествующею научною жизнью взлелѣянная неповоротливость и привычка откладывать со дня на день. И вотъ, наконецъ, я дождался новаго сочиненія г. Рамулта,—на этотъ разъ уже спеціально по статистикѣ кашубовъ,—которое напомнило мнѣ о взятой на себя обязанности и заставило приступить къ ея исполненію. Статистическое сочиненіе г. Рамулта, *Statystyka ludności kaszubskiej* zebrał Stefan *Ramułt*, представлено въ рукописи Краковской Академіи Наукъ по филологическому отдѣленію, которое въ засѣданіи отъ 8-го іюня 1896 г. рѣшило приступить къ печатанію этого замѣчательнаго труда.

Въ „*Отчетахъ о дѣятельности и засѣданіяхъ Академіи*" (Sprawo-

Библиотека "Руниверс"

zdania z czynności i posiedzeń Akademii umiejętności w Krakowie, Czerwiec, 1896) помѣщено пока обязательное, самимъ же авторомъ составленное извлеченіе. Пользуясь какъ этимъ извлеченіемъ, такъ и самимъ сочиненіемъ (я былъ его референтомъ въ засѣданіи отдѣленія, и поэтому долженъ былъ его прочесть), постараюсь прежде всего ознакомить читателей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* со статистикой кашубскаго народа.

I.

Статистика кашубскаго народонаселенія.

Какъ границы нынѣшняго разселенія кашубовъ, такъ же точно и число лицъ, для которыхъ кашубскій языкъ является языкомъ отечественнымъ, не были до сихъ поръ въ точности извѣстны. Всѣ относящіяся сюда вычисленія основывались на сопоставленіи цифръ, получаемыхъ какъ результатъ офиціальныхъ переписей, при которыхъ впрочемъ въ прежнее время кашубское населеніе не принималось вовсе въ соображеніе, съ цифрами, доставляемыми или школьною, или церковною, или же, наконецъ, избирательною статистикой. Кромѣ того, всѣ эти исчисленія имѣли въ виду только цѣлые уѣзды, не вдаваясь вовсе въ подробности, относящіяся къ отдѣльнымъ мѣстностямъ. Вслѣдствіе всего этого границы осѣдлости кашубскаго народа не могли быть опредѣлены какъ слѣдуетъ, число же кашубовъ колебалось обыкновенно между 60.000 и 200.000; въ одной же нѣмецкой книгѣ считается кашубовъ всего на все 3.000.

Это отсутствіе подробныхъ свѣдѣній, и еще болѣе неточность и несогласіе между собою всѣхъ до сихъ поръ имѣвшихся исчисленій заставили г. Рамулта предпринять самостоятельныя изслѣдованія и составить перепись кашубскаго народонаселенія на собственную руку, тѣмъ болѣе, что офиціальная перепись отъ 1-го декабря 1890 г., долженствовавшая впервые принять въ соображеніе то же населеніе, говорящее по-кашубски, вовсе не достигла цѣли.

Несогласіе данныхъ офиціальной переписи съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей явствуетъ изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Въ Члуховскомъ уѣздѣ показано только 1.109 кашубовъ и 7.605 поляковъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности кашубское насе-

Библиотека "Руниверс"

леніе достигаетъ тамъ 12.000 душъ, лицъ же, говорящихъ по-польски, только нѣсколько десятковъ.

Въ другихъ уѣздахъ кашубское населеніе помѣщено по преимуществу въ графѣ нѣмецкаго языка. Такъ, напримѣръ, въ Слупскомъ уѣздѣ офиціальная перепись насчитываетъ только 432 не-нѣмцевъ, а именно 7 (семь) кашубовъ, 309 поляковъ и 116 двухъ-язычныхъ, хотя однихъ евангеликовъ кашубовъ (кабатковъ и словинцевъ) имѣется тамъ еще до 4.000 душъ.

Вообще же офиціальная перепись, произведенная 1-го декабря 1890 г., насчитываетъ въ предѣлахъ всего Прусскаго королевства только 54.433 кашуба, да, кромѣ того, 2.213 лицъ, назвавшихъ, кромѣ кашубской рѣчи, тоже нѣмецкую рѣчь своимъ отечественнымъ языкомъ. А такъ какъ кашубскаго населенія въ Пруссіи имѣется по крайней мѣрѣ втрое больше, то очевидно большинство кашубовъ помѣщено въ графѣ или польскаго, или же нѣмецкаго языка.

Все это показываетъ, что названная офиціальная перепись, давшая результаты до такой степени несогласные съ фактическимъ положеніемъ вещей, была основана на какомъ-то странномъ недоразумѣніи въ области понятій объ отечественномъ языкѣ населенія.

Неудовлетворительность офиціальной переписи заставила г. Рамулта возобновить пріостановленную работу и продолжать собирать статистическій матеріалъ, то разъѣзжая самому по Кашубскому краю, то прибѣгая къ помощи довольно многочисленныхъ сотрудниковъ. Дѣло, начатое на мѣстѣ и нѣсколько разъ тамъ возобновляемое, онъ продолжалъ вести путемъ переписки, разсылая нужные для этого формуляры и переписные бланки. Для достиженія же возможной достовѣрности онъ посылалъ полученныя данныя другимъ лицамъ для контроля, считаясь съ возможностью невольныхъ ошибокъ, почти неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ имѣемъ дѣло съ цифрами. Подобное веденіе приготовительныхъ работъ было неизбѣжно въ виду того, что г. Рамултъ желалъ, чтобы его статистика была не только подробною и по возможности всесторонней, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ она была безукоризненно точною и составляла нѣчто въ родѣ документа, свидѣтельствующаго съ полною достовѣрностью о численности и языковыхъ предѣлахъ кашубскаго народа въ концѣ XIX столѣтія.

Собравъ такимъ образомъ все возможное и приведя въ порядокъ свои матеріалы, г. Рамултъ замѣтилъ, что, несмотря на обиліе этихъ матеріаловъ, есть въ нихъ пробѣлы, дѣлающіе невозможною удовле-

Библиотека "Руниверс"

творительную обработку цѣлаго. Эти пробѣлы относились главнымъ образомъ къ нѣмецко-евангелическому или нѣмецко-протестантскому населенію въ городахъ или же въ окрестностяхъ съ преобладающимъ нѣмецкимъ элементомъ, гдѣ собираніе статистическаго матеріала являлось слишкомъ затруднительнымъ, въ виду же незначительной численности кашубскаго населенія лишнимъ или, по крайней мѣрѣ, неблагодарнымъ, хотя, съ другой стороны, необходимымъ для округленія цѣлаго и произведенія процентныхъ вычисленій въ области каждаго уѣзда.

Не будучи въ состояніи пріобрѣсти нужныя данныя другимъ путемъ, г. Рамультъ долженъ былъ пополнять упомянутые пробѣлы изъ офиціальныхъ источниковъ. Но такъ какъ офиціальныя данныя не были обнародованы во всѣхъ подробностяхъ, то ему пришлось обратиться къ королевскому статистическому бюро въ Берлинѣ съ просьбою сообщить ему выписки изъ переписныхъ документовъ. Дирекція упомянутаго бюро удовлетворила этому желанію со всею готовностью.

„Статистика кашубскаго населенія“ г. Рамулта преслѣдуетъ двѣ цѣли, одна изъ которыхъ — показаніе „численной *силы*“, другая же — опредѣленіе *границъ* осѣдлости кашубскаго народа. Для достиженія этихъ цѣлей, авторъ старался скопить по возможности болѣе подробностей, то-есть, статистическихъ данныхъ, относящихся къ населенію *каждой отдѣльно взятой населенной мѣстности* въ самомъ Кашубскомъ краѣ, да, кромѣ того, собрать всевозможныя данныя о кашубскомъ населеніи, *разсѣянномъ внѣ предѣловъ Кашубіи*.

Относительно самаго Кашубскаго края г. Рамультъ обращалъ вниманіе единственно на двѣ отличительныя особенности жителей извѣстной мѣстности: 1) на ихъ *отечественный языкъ* (*Muttersprache*), 2) на ихъ *вѣроисповѣданіе*, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о *національности* (*Nationalität*), являющейся у кашубовъ, какъ впрочемъ и во многихъ другихъ странахъ, признакомъ перемѣнчивымъ, неустановившимся и зависящимъ отъ степени политическаго развитія отдѣльныхъ личностей.

На основаніи своихъ столь тщательно и добросовѣстно собранныхъ матеріаловъ г. Рамультъ составилъ весьма подробную и всестороннюю статистику кашубскаго племени, раздѣливъ ее на пять главныхъ частей: 1) Западная Пруссія, 2) Померанія, 3) другія провин-

Библиотека "Руниверс"

ціи Прусскаго государства, 4) другія страны Германской имперіи, 5) кашубское населеніе внѣ предѣловъ Германской имперіи, въ Европѣ и въ Америкѣ. Каждая изъ этихъ частей распадается на болѣе мелкіе отдѣлы, сообразно съ административнымъ дѣленіемъ. Подробно обработаны только тѣ уѣзды (*Bezirke*), въ которыхъ существуютъ еще особыя кашубскія *селенія*, стало быть, только 11 уѣздовъ, изъ которыхъ 8 приходится на Западную Пруссію, 3 же на Померанію. За исключеніемъ Слупскаго уѣзда (*Stolpe*) въ Помераніи, каждый изъ этихъ уѣздовъ обнимаетъ собою подробную статистику каждаго селенія (города, деревни, хутора, поселка) въ отдѣльности, и именно по слѣдующему образцу:

1) очередной номеръ,
2) названіе мѣстности (польское, кашубское и нѣмецкое).
3) число кашубовъ католиковъ,
4) „ евангеликовъ,
5) поляковъ католиковъ,
6) „ евангеликовъ,
6) нѣмцевъ католиковъ,
8) „ геликовъ,
9) евреевъ,
10) „ лицъ другаго языка,
11) общее число жителей селенія.

Статистика каждаго уѣзда снабжена, кромѣ того, объясненіями общаго характера, сводными вычисленіями (вычисленіями итоговъ), примѣчаніями и прибавленіями, относящимися къ административному дѣленію, къ чередованіямъ (варіантамъ) мѣстныхъ названій, къ источникамъ, изъ которыхъ почерпнуты статистическія данныя, и т. п.

За статистикою кашубскихъ уѣздовъ слѣдуетъ вычисленіе кашубскаго населенія, разсѣяннаго внѣ предѣловъ нынѣшней Кашубіи. Само собою разумѣется, что эти вычисленія не могли быть основаны на подробныхъ изслѣдованіяхъ, но основываются единственно на сочетаніи цифръ офиціальной статистики съ данными, которыя удалось автору собрать въ Кашубіи о выселеніи за море и о движеніи мѣстнаго населенія въ Западную Германію съ цѣлью найдти тамъ заработокъ, или о такъ называемомъ „обѣжисаствѣ“ (obiežysastwo).

Статистическій трудъ г. Рамулта оканчивается сопоставленіемъ итоговъ численности кашубскаго населенія во всѣхъ уѣздахъ, реген-

Библиотека "Руниверс"

ціяхъ (регенціонныхъ округахъ), въ различныхъ провинціяхъ и государствахъ. Конечно, всѣ эти итоги основаны на предшествующихъ, болѣе подробныхъ вычисленіяхъ.

Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя, извлеченныя мною изъ пока рукописнаго сочиненія г. Рамулта.

$^1/_{15}$, или около 7%, кашубскаго населенія принадлежитъ, по вѣроисповѣданію, къ евангелической или лютеранской церкви; остальные всѣ католики, за исключеніемъ самаго ничтожнаго количества евреевъ, признавшихъ кашубскій языкъ своимъ отечественнымъ. Кашубы лютеране живутъ главнымъ образомъ въ Померанін, въ уѣздахъ Лемборскомъ (*Lauenburg*—Łęborg) и Слупскомъ (*Stolpe*—Słupsk), но они есть тоже и въ Западной Пруссіи, хотя, вслѣдствіе столь обыкновеннаго, даже у „образованныхъ" людей, смѣшенія понятій, всѣ лютеране („lutrzy") отожествляются съ нѣмцами. Между тѣмъ такихъ „нѣмцевъ", плохо владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ, насчитывается въ западно-прусской Кашубіи, по крайней мѣрѣ, *нѣсколько тысячъ*, и даже официальная статистика показываетъ въ Западной Пруссіи 486 евангеликовъ кашубской народности. Во всей Померанін ихъ насчитали (вмѣстѣ съ двухъ-язычными) только 61, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ тамъ во 100 разъ больше. Въ великомъ княжествѣ Познанскомъ 703 кашуба евангелика. Внѣ предѣловъ настоящаго Кашубскаго края, равно какъ и всей Западной Пруссіи, всей Померанін и даже всего великаго княжества Познанскаго, но только въ предѣлахъ Прусскаго государства 487 лицъ евангелическаго вѣроисповѣданія показали при официальной переписи 1890 г. кашубскій языкъ своимъ отечественнымъ.

Постепенное уменьшеніе относительной численной силы кашубскаго населенія въ отдѣльныхъ уѣздахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Въ *Пуцкомъ* уѣздѣ (*Putzig*, Puck) самый большой процентъ кашубовъ, и именно ихъ тамъ 18.376 душъ, или 75,39% всего населенія;

2) въ *Картузскомъ* уѣздѣ (*Karthaus*, Kartuzy)—43.598 душъ, или 72,62%;

3) въ *Вейгеровскомъ* уѣздѣ (*Neustadt*, Wejherowo)—28.184 души, или 65,33%;

4) въ *Хойницкомъ* уѣздѣ (*Konitz*, Chojnice) — 21.344 души, или 40,26%;

Библиотека "Руниверс"

5) въ *Косцержинскомъ* или *Косцерскомъ* уѣздѣ (*Behrendt*, Kościerzyna)—17.083 души, или 36,82%;

6) въ *Верхнемъ Гданскомъ* (Данцигскомъ) уѣздѣ (*Danziger Höhe*, Gdański górski)—8.209 душъ, или 20,50%;

7) въ *Бытовскомъ* уѣздѣ (*Bütow*, Bytów) — 4.765 душъ, или 20,15%;

8) въ *Члуховскомъ* уѣздѣ (*Schlochau*, Człuchowo) — 11.662 души, или 17,96%;

9) въ *Лемборгскомъ* уѣздѣ (*Lauenburg*, Lęborg)—4.192 души, или 9,63%;

10) въ *Слупскомъ* уѣздѣ (*Stolpe*, Słupsk) — 4.764 души, или 4,82%;

11) въ *Гданскомъ* (Данцигскомъ) городскомъ (*Danziger Stadtkreis*, Gdańsk)—4.904 души, или 4,07% всего населенія уѣзда.

Итого, во всѣхъ одиннадцати уѣздахъ приходится 167.081 душа кашубскаго населенія.

Изъ этихъ уѣздовъ уѣзды 1, 2, 3, 5, 6 и 11, то-есть, Пуцкій, Картузскій, Вейгеровскій, Косцерскій, Верхній Гданскій и Гданскій городской, входятъ въ составъ Гданской регенціи (губерніи) западной Пруссіи, уѣзды 4 и 8, то-есть, Хойницкій и Члуховскій, въ составъ Квидзынской регенціи (*Marienwerder*, Kwidzyn) той же западной Пруссіи, остальные же три уѣзда, 7, 9 и 10, то-есть, Бытовскій, Лемборгскій и Слупскій,—въ составъ Кошалинской регенціи (*Köslin*, Koszalin) въ Померанія.

Къ сѣвернымъ Кашубамъ причисляютъ обыкновенно уѣзды 1, 2, 3, 6, 9, 10 и 11, то-есть, Пуцкій, Картузскій, Вейгеровскій, Верхній Гданскій, Лемборгскій, Слупскій и Гданскій городской, на которые, по приведенному выше исчисленію, приходится 112.227 душъ кашубовъ. Южные же Кашубы состоятъ изъ остальныхъ четырехъ уѣздовъ, 4, 5, 7 и 8, то-есть, изъ уѣздовъ Хойницкаго, Косцерскаго, Бытовскаго и Члуховскаго, въ которыхъ имѣется 54.854 кашуба. Но такъ какъ къ южной Кашубіи принадлежитъ тоже собственно юго-западный уголъ Картузскаго уѣзда, то распредѣленіе кашубскаго населенія между сѣверною и южною Кашубіей нѣсколько измѣняется. Въ круглыхъ числахъ можно считать въ сѣверной Кашубіи болѣе или менѣе 100.000, въ южной же почти 70.000 кашубовъ.

Распредѣленіе народонаселенія по обѣимъ регенціямъ (губерніямъ) западной Пруссіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Библиотека "Руниверс"

А. *Гданская* регенція (въ 6-ти уѣздахъ съ кашубскимъ населеніемъ):

кашубовъ:	католиковъ	116.952
„	евангеликовъ	8.411
поляковъ:	католиковъ	13.117
„	евангеликовъ	318
нѣмцевъ:	католиковъ	50.317
„	евангеликовъ	146.111
евреевъ	„	3.816
остальныхъ (другихъ народностей и вѣроисповѣданій)		307
	итого	334.349.

Б. *Квидзынская* регенція (въ той ея части, гдѣ живутъ кашубы):

кашубовъ:	католиковъ	32.238
„	евангеликовъ	768
поляковъ:	католиковъ	10.109
„	евангеликовъ	236
нѣмцевъ:	католиковъ	27.567
„	евангеликовъ	44.565
евреевъ	„	2.423
	остальныхъ	32
	итого	117.938.

Вообще въ западной Пруссіи

кашубовъ	католиковъ	149.190
„	евангеликовъ	4.179.

Принимая же въ соображеніе обыкновенный приростъ населенія со времени произведенія переписи, можемъ принять

кашубовъ	католиковъ	151.138
„	евангеликовъ	4.231
итого кашубовъ въ западной Пруссіи		155.369.

По переписи 1-го декабря 1890 года приходится на Померанію (*Pommern*, Pomorze) 1.520.889 жителей, на 40 же квадратныхъ миль,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ живетъ населеніе кашубское, вообще 80.000, въ томъ числѣ около 14.000 кашубовъ.

Эта до извѣстной степени кашубская часть Померанія входитъ цѣликомъ въ составъ Кошалинской регенціи (*Köslin*, Koszalin), точнѣе въ составъ трехъ уѣздовъ этой регенціи. На этой территоріи имѣется:

кашубовъ:	католиковъ	8.161
„	евангеликовъ	5.560
поляковъ:	католиковъ	38
„	евангеликовъ	—
нѣмцевъ:	католиковъ	1.302
„	евангеликовъ	149.076
евреевъ:	„	1.808
	остальныхъ	46
	итого	165.991.

По другимъ соображеніямъ было здѣсь въ декабрѣ 1890 г.

кашубовъ:	католиковъ	9.458
„	евангеликовъ	5.154
	итого	14.612.

Въ Штетинской регенціи (*Stettin*, Szczecin) имѣется минимально, то-есть, по крайней мѣрѣ,

кашубовъ:	католиковъ	4.327
„	евангеликовъ	675
	итого	5.002.

Въ Штральсундской же регенціи (*Stralsund*) по меньшей мѣрѣ

кашубовъ:	католиковъ	1.470
„	евангеликовъ	106
	итого	1.576

Во всей поморской провинціи или въ Померанія было въ декабрѣ 1890 г. по крайней мѣрѣ

кашубовъ:	католиковъ	15.255
„	евангеликовъ	5.935
	итого	21.190.

Библиотека "Руниверс"

Въ другихъ провинціяхъ Прусскаго государства и Германской имперіи кашубское народонаселеніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

А. Въ великомъ княжествѣ Познанскомъ было, по офиціальнымъ спискамъ 1-го декабря 1890 г.,

кашубовъ:	католиковъ	23
„	евангеликовъ	613
	итого	636.

Кромѣ того, двухъ-язычныхъ (считающихъ *тоже* нѣмецкій языкъ своимъ отечественнымъ)

	католиковъ	11
	евангеликовъ	90
	итого	101.

Слѣдовательно, обѣихъ категорій

говорившихъ по-кашубски:	католиковъ	34
	евангеликовъ	703
	итого	737.

Б. Въ остальныхъ провинціяхъ Прусскаго государства, по офиціальнымъ даннымъ: считавшихъ исключительно кашубскій языкъ своимъ отечественнымъ

католиковъ	110
евангеликовъ	182
евреевъ	3
итого	295.

Двухъ-язычныхъ, то-есть, считавшихъ другимъ отечественнымъ языкомъ тоже нѣмецкій:

католиковъ	103
евангеликовъ	305
евреевъ	7
итого	415.

Библиотека "Руниверс"

Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ:

католиковъ	213
евангеликовъ	487
евреевъ	10
итого	710.

Но, по нѣкоторымъ даннымъ неофиціальнаго происхожденія, мы имѣемъ право полагать, что людей, говорившихъ по-кашубски и жившихъ въ декабрѣ 1890 г. въ этихъ остальныхъ провинціяхъ Прусскаго государства, было,—не считая ничтожнаго количества евреевъ, признавшихъ своимъ языкъ кашубскій,—

католиковъ около	8.000
евангеликовъ „	2.000
итого около .	10.000.

B. Въ другихъ странахъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи, офиціальная статистика молчитъ о кашубахъ; предположительно же ихъ тамъ, по крайней мѣрѣ, 1.000 человѣкъ, изъ коихъ 90% католиковъ, 10% евангеликовъ.

Внѣ предѣловъ Германской имперіи кашубы живутъ въ Европѣ главнымъ образомъ въ Голландіи, въ Даніи, въ царствѣ Польскомъ (въ Россіи) и спорадически въ Австріи. Въ одной Даніи ихъ нѣсколько сотъ, такъ что вообще въ другихъ европейскихъ государствахъ ихъ будетъ несомнѣнно болѣе 1.000, опять около 90% католиковъ и около 10% евангеликовъ.

Въ Америкѣ кашубы живутъ почти исключительно въ Соединенныхъ Штатахъ, куда они выселяются постоянно уже болѣе четверти столѣтія. Ихъ тамъ будетъ теперь по крайней мѣрѣ 60.000, въ этомъ числѣ около 56.000 католиковъ и около 4.000 евангеликовъ. Незначительное число кашубовъ имѣется тоже въ Бразиліи.

Для большей наглядности сопоставимъ статистическія данныя, касающіяся кашубскаго населенія, въ табелярномъ видѣ.

Библиотека "Руниверс"

№№	Государства, страны и уѣзды.	Католики.	Евангелики.	Итого.
I	*Западная Пруссія.*			
	A. Гданская регенція:			
	1. Пуцкій уѣздъ .	17.936	440	18.376
	2. Вейгеровскій уѣздъ .	27.278	906	28.184
	3. Верхній Гданскій уѣздъ	7.979	230	8.209
	4. Гданскій городской уѣздъ.	4.627	277	4.904
	5. Картузскій уѣздъ .	42.425	1.173	43.598
	6. Косцерскій уѣздъ	16.707	376	17.083
	7. Другіе уѣзды Гданской рег.	974	26	1.000
	B. Квидзынская регенція:			
	1. Хойницкій уѣздъ .	20.861	483	21.344
	2. Члуховскій уѣздъ .	11.377	285	11.662
	3. Другіе уѣзды Квидзынской регенціи .	974	26	1.000
II	*Померанія.*			
	A. Кошалинская регенція:			
	1. Лемборгскій уѣздъ .	3.144	1.048	4.192
	2. Бытовскій уѣздъ	4.253	512	4.765
	3. Слупскій уѣздъ	764	4.000	4.764
	4. Другіе уѣзды Кошалинской регенціи	1.301	94	1.395
	B. Штетинская регенція .	4.327	675	5.002
	C. Штральсундская регенція .	1.470	106	1.576
III	Другія провинціи Прусскаго королевства .	8.000	2.000	10.000
IV	Другія страны Германской имп.	900	100	1.000
V	Другія европейскія государства.	900	100	1.000
VI	Соединенные Штаты Сѣверной Америки . .	56.000	4.000	60.000
	Итого .	232.197	16.857	249.054

Библиотека "Руниверс"

Въ болѣе сжатомъ видѣ:

№№	Государства, страны, регенціи.	Католики.	Евангелики.	Итого.
I	*Западная Пруссія.*			
	A. Гданская регенція . .	117.926	3.428	121.354
	B. Квидзынская регенція .	33.212	794	34.006
II	*Померанія.*			
	A. Кошалинская регенція .	9.462	5.654	15.116
	B. Штетинская регенція . . .	4.327	675	5.002
	C. Штральзундская регенція .	1.470	106	1.576
III	Другія провинціи Прусскаго королевства . . .	8.000	2.000	10.000
IV	Другія страны Германской имп.	900	100	1.000
V	Другія европейскія госуд. . .	900	100	1.000
VI	Соединенные Штаты Сѣверной Америки .	56.000	4.000	60.000
	Итого	232.197	16.857	249.054

№№	Государства, страны, провинціи.	Католики.	Евангелики.	Итого.
I	Западная Пруссія .	151.138	4.222	155.360
II	Померанія	15.259	6.435	21.694
III	Другія провинціи Прусскаго королевства . . .	8.000	2.000	10.000
IV	Другія страны Германской имп.	900	100	1.000
V	Другія европейскія госуд. .	900	100	1.000
VI	Соединенные Штаты Сѣверной Америки .	56.000	4.000	60.000
	Итого .	232.197	16.857	249.054

№№	Государства.	Католики.	Евангелики.	Итого.
I	Прусское королевство . .	174.397	12.657	187.054
II	Другія страны Германской имп.	900	100	1.000
III	Другія европейскія госуд. .	900	100	1.000
IV	Соединенные Штаты Сѣверной Америки .	56.000	4.000	60.000
	Итого	232.197	16.857	249.054

Библиотека "Руниверс"

Изъ этого обозрѣнія видно, между прочимъ, что болѣе $^3/_4$ всего кашубскаго народа живетъ въ Пруссіи и почти $^1/_4$ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

Причиною того, что такой громадный процентъ кашубовъ пребываетъ внѣ предѣловъ собственной Кашубіи, является фактъ, что значительная часть кашубскаго населенія состоитъ изъ безземельнаго люда, который могъ бы, правда, найдти въ концѣ концовъ работу и на родинѣ, но можетъ больше заработать внутри Германіи. Поэтому-то ежегодно происходитъ весною передвиженіе кашубскаго народа на западъ, осенью же возвращеніе на родину. Для обозначенія этого народнаго движенія существуетъ въ кашубской рѣчи даже особый терминъ, а именно *obiežysastwo*. Правда, большинство этихъ „обѣжисасовъ“ (obiežysasy) возвращается домой, но все-таки извѣстный процентъ остается на чужбинѣ, женится и поселяется тамъ окончательно. А такъ какъ этотъ отливъ и приливъ населенія повторяется изъ году въ годъ уже съ давнихъ поръ, то дошло, наконецъ, до того, что число кашубовъ, поселившихся въ западныхъ и срединныхъ провинціяхъ Германіи превосходитъ уже несомнѣнно 10.000.

Самый значительный ущербъ въ рядахъ кашубскаго населенія произошелъ вслѣдствіе выселенія въ Америку. Эмиграціонная лихорадка свирѣпствовала въ кашубскомъ краѣ въ свое время столь сильно, что теперь въ Соединенныхъ Штатахъ насчитываютъ, какъ намъ уже извѣстно, 60.000 кашубовъ. Теперь это теченіе прекратилось чуть ли не совсѣмъ и замѣнилось упомянутымъ выше „обѣжисаствомъ“ (obiežysastwo).

Въ самой Кашубіи кашубская рѣчь является отечественнымъ языкомъ по преимуществу деревенскаго населенія, ибо въ городахъ, за исключеніемъ Косцержины (*Behrendt*, Kościerzyna), живутъ главнымъ образомъ нѣмцы. По деревнямъ употребляютъ кашубскую рѣчь не только бѣднѣйшіе слои общества, то-есть, владѣльцы мелкихъ хозяйствъ и безземельный рабочій людъ, но тоже и средніе слои, такъ называемые „*zburzy*“ (gburzy) и мелкая шляхта, образующая здѣсь иногда цѣлые „застѣнки“ (zaścianki), то-есть, цѣлыя дворянскія деревни.

По совершенно справедливому мнѣнію автора, американскіе кашубы подчинятся со временемъ ассимиляціонному вліянію англосаксонскаго племени. Значительная часть живущихъ въ разбродъ въ нѣмецкой средѣ лишится тоже своего народнаго языка; но за то кашубскій народъ въ коренной Кашубіи, хотя условія его духовной жизни чрез-

Библиотека "Руниверс"

вычайно невыгодны, по всему вѣроятію, не потеряетъ никогда своей этнографической обособленности.

Къ статистикѣ кашубскаго племени, *Statystyka* ludności kaszubskiej zebrał Stefan *Ramult*, приложена прекрасная этнографическая карта, *Mapa etnograficzna Kaszub* opracował Stefan *Ramult*, въ масштабѣ 1 : 472.000. На этой картѣ отмѣчены особыми знаками: 1) деревни, или хуторы (folwark), 2) села, или „церковныя деревни" (wieś kościelna), 3) города, 4) желѣзныя дороги, 5) границы уѣздовъ, 6) границы регенцій, 7) границы провинцій. Синею краской покрыты озера и моря, красная же краска разныхъ оттѣнковъ показываетъ различныя процентныя отношенія кашубовъ и иноплеменниковъ. Авторъ принимаетъ здѣсь 4 категоріи: 1) до 25% кашубовъ, 2) 25—50% кашубовъ, 3) 50—75% кашубовъ, 4) 75—100% кашубовъ.

Вглядываясь въ эту карту и основываясь на своемъ статистическомъ матеріалѣ, г. Рамультъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что нынѣшнее размѣщеніе кашубовъ на ихъ собственной родинѣ производитъ впечатлѣніе не чего-то цѣльнаго и сплошнаго, а какого-то обрывка. „Отъ обширной страны древнихъ поморянъ, заключавшей въ себѣ до 2.000 квадратныхъ миль, остался ихъ потомкамъ небольшой клочекъ земли, поверхность котораго даже трудно опредѣлить, потому что во многихъ окрестностяхъ Кашубіи кашубское населеніе составляетъ только ничтожное меньшинство, отдѣльные же его отпрыски (какъ, напримѣръ, около Лэбы въ Померанія, или же на югѣ по ту сторону Хойницъ) находятся уже внѣ предѣловъ болѣе сплошнаго поселенія кашубскаго народа. Представляя это въ круглыхъ цифрахъ, можно поверхность земли, на которой живетъ кашубское населеніе хотя бы только въ малыхъ процентахъ, опредѣлить на 200 квадратныхъ миль, изъ чего однакожъ около 100 приходится на окрестности, занятыя населеніемъ, большею частью уже нѣмецкимъ или онѣмечившимся".

Кашубы настоящіе „поморцы", и еще теперь принадлежитъ имъ относительно значительная часть морскаго побережья. „Кашубскимъ берегомъ" можно считать всю береговую полосу отъ Новаго Порта (*Neufahrwasser*, Nowy Port), то-есть, отъ устья Вислы, вплоть до деревушки Ровекъ (*Klein Rowe*, Rowek), лежащей при устьѣ рѣки Люпы изъ Гарденскаго озера въ море. Однакожъ и на этой линіи не одни только кашубскія селенія встрѣчаются на побережьѣ Балтійскаго моря, такъ какъ, начиная отъ Бѣлой горы (*Wittenberg*, Biała góra) вплоть до мѣстечка Лэба, населеніе уже онѣмечено, и кашубы живутъ тамъ только въ разсыпную, на подобіе того какъ въ Ровкѣ и Новомъ Портѣ.

Библиотека "Руниверс"

Эти двѣ только что названныя мѣстности являются крайними точками кашубской осѣдлости на западѣ и на востокѣ. Къ сѣверу выдвигается болѣе всего кашубское селеніе Тупадлы (*Tupadel*, Tupadły, по-кашубски Tepadłé) въ Пуцкомъ уѣздѣ, къ югу же — хуторы (folwarki) Блюмфельдъ (Blumfeld) и Меляново (Melanowo) въ Хойницкомъ уѣздѣ, если только нѣтъ уже дѣйствительно ни одного кашубскаго селенія въ сосѣднемъ, еще болѣе южномъ, Воловскомъ уѣздѣ (powiat Wołowski, *Flatow*). Производимыя до сихъ изслѣдованія г. Рамулта не простираются на этотъ уѣздъ.

II.

Кашубскій словарь г. Рамулта [1]).

Если, говоря о статистикѣ кашубовъ, я довольствовался почти дословнымъ переводомъ съ извлеченія, составленнаго самимъ авторомъ, то здѣсь, подвергая словарь г. Рамулта спокойной оцѣнкѣ, я позволю себѣ быть болѣе самостоятельнымъ. Спокойная же оцѣнка этого труда тѣмъ болѣе необходима, что мало, вѣроятно, найдется сочиненій научнаго содержанія, за которыя приходилось бы авторамъ подвергаться столь ожесточеннымъ и несправедливымъ нападкамъ. Изъ соотечественниковъ г. Рамулта, писавшихъ объ его сочиненіи или же по поводу его сочиненія, только немногіе отнеслись къ нему безъ желчи и безъ оскорбительныхъ подозрѣній; всѣ же остальные встрѣтили его дружнымъ хоромъ ничѣмъ незаслуженнаго негодованія Объ этихъ нападкахъ я поговорю въ слѣдующей статьѣ, теперь же представлю собственный взглядъ на словарь г. Рамулта, не щадя вовсе его автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывая на высокія достоинства этого замѣчательнаго труда и не руководствуясь при этомъ ни политическими, ни какими бы то ни было другими предубѣжденіями.

Кромѣ „Предисловія“ (Przedmowa, стр. IX—XII), словарь г. Рамулта распадается на три части:

1) *Введеніе*. Нѣсколько словъ о кашубахъ и ихъ рѣчи (стр. XIII—XLIII),

2) самый словарь, состоящій изъ около 14.000 словъ (стр. 1—278, въ два столбца),

---

[1]) Полное заглавіе этого словаря приведено въ началѣ моей статьи.

Библиотека "Руниверс"

3) *Прибавленіе*: Преданія и сказки кашубскаго народа (стр. 279—298), съ короткимъ объяснительнымъ введеніемъ (стр. 281—282). Тексты (стр. 283—298) напечатаны здѣсь тоже въ два столбца.

Введеніе (стр. XIII—XLIII) состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: I. *Этнографическо-историческій очеркъ* (стр. XV—XVIII). II. *Теперешняя этнографическая территорія* поморскаго племени. *Статистическія свѣдѣнія* (стр. XVIII—XXI). III. *Звуки* поморскаго языка. Количество гласныхъ и слоговъ (*Ilościas*). Удареніе (*Akcent*) (стр. XXI—XXX). IV. *Нарѣчія* поморскаго языка (стр. XXX—XXXI). V. *Сравненіе поморскаю языка съ польскимъ* языкомъ (стр. XXXI—XXXVI). VI. *Мѣсто поморскаю языка* въ средѣ славянскихъ языковъ (стр. XXXVII—XLIV). VII. *Обозрѣніе трудовъ* по поморской лексикографіи (стр. XLV—XLVIII).

Помѣщенные въ прибавленіи разказы на кашубскихъ или поморскихъ говорахъ дѣлятся на: *Преданія и повѣрія* (pœdańô é vjeřeńô) (стр. 283—294); *сказки и анекдоты* (pœvjôśtće é šołobułće) (стр. 295—297); *разказы о дѣйствительныхъ событіяхъ* (wœpœvjôdańô zdařeń prôvdzévéx) (стр. 297—298).

Начинаю съ указанія на недостатки и слабыя стороны труда г. Рамулта.

Изданный пока словарь поморскаго или кашубскаго языка содержитъ только первую часть или первый сборникъ кашубскихъ словъ, числомъ около 14.000. Затѣмъ должна появиться вторая часть, надъ составленіемъ которой нашъ авторъ началъ работать почти одновременно съ приведеніемъ въ порядокъ первой части, и которую представилъ уже въ рукописи въ прошломъ 1895 году Краковской академіи наукъ на соисканіе наградъ имени С. Б. Линде (S. B. Linde). По моему, нельзя никакъ одобрить изданія словаря по частямъ. Лучше было подождать два, три года и издать весь сборникъ за одинъ разъ. А то такое дробленіе навряд ли умѣстно и полезно. Это сознаетъ и самъ авторъ, заявляя (стр. XLVI—XLVII), что при нѣкоторыхъ словахъ его словаря показаны не всѣ ихъ значенія, и что дополненія будутъ помѣщены во второй части. Впрочемъ, подобное отношеніе г. Рамулта къ затѣянному имъ труду до извѣстной степени извинительно въ виду того, что онъ имѣлъ дѣло съ языкомъ, для котораго не было до сихъ поръ полныхъ словарей, и что содержащійся въ словарѣ матеріалъ почерпнутъ не изъ готовыхъ книгъ, но изъ устъ народа. При такихъ условіяхъ, находясь въ зависимости отъ болѣе или менѣе случайныхъ встрѣчъ съ носителями даннаго языка, нельзя никогда разчитывать

Библиотека "Руниверс"

на полноту и на устраненіе самыхъ ощутительныхъ пробѣловъ; принимая же въ соображеніе кратковременность человѣческой жизни, и не будучи увѣреннымъ въ возможности довести до конца весь трудъ, приходится иногда довольствоваться его частью и этою частью дѣлиться съ товарищами по ремеслу. А въ данномъ случаѣ изданная часть столь обильна и столь поучительна во многихъ отношеніяхъ, что и за нее приходится быть благодарнымъ автору-издателю.

За употребленіе названія *поморскій* языкъ, какъ синонимъ *кашубскаю*, г. Рамультъ былъ подвергнутъ большинствомъ критиковъ осмѣянію и разнымъ обвиненіямъ. Я, съ своей стороны, считаю это выраженіе, съ научной точки зрѣнія, вполнѣ умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ. Вѣдь оно исключаетъ всякое недоразумѣніе и является весьма удобнымъ обозначеніемъ всѣхъ тѣхъ славянъ Балтійскаго побережья, которыхъ въ общежитіи принято называть не только кашубами, но тоже кабатками и словинцами. Распространеніе названія „кашубы“ тоже на кабатковъ и словинцевъ произошло вслѣдствіе того, что географически ближайшіе полякамъ представители этого общаго племени „поморцевъ“ носятъ именно это названіе, названіе кашубовъ.

Но если я не имѣю ничего противъ прилагательнаго *поморскій*, то вижу принципіальную ошибку въ соединеніи съ этимъ прилагательнымъ существительнаго *языкъ*. Вообще слѣдуетъ избѣгать въ языковѣдѣніи термина *языкъ*, когда дѣло идетъ о живыхъ языковыхъ явленіяхъ. Этотъ терминъ годится только для обозначенія искусственнаго литературнаго языка, являющагося съ одной стороны какою-то отвлеченностью изъ самыхъ разнообразныхъ фактически существующихъ, индивидуальныхъ языковъ, съ другой же стороны условною нормой, объединяющею въ литературномъ и другихъ отношеніяхъ большее или меньшее количество людей, считающихъ себя и считаемыхъ членами одного и того же языковаго общества. Когда же дѣло идетъ о живыхъ, естественнымъ путемъ развивающихся, проявленіяхъ языковой дѣятельности, то уже гораздо умѣстнѣе вмѣсто термина „языкъ“ употреблять выраженіе *языковая область*, *языковая территорія*, то-есть, область или территорія, которой свойственны такія-то и такія-то языковыя особенности. Въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ говорить о поморской или кашубской языковой области, въ различіи отъ польской. Еслибъ г. Рамультъ придерживался подобнаго взгляда, и еслибъ озаглавилъ свое сочиненіе не „Словарь поморскаго или кашубскаго *языка*“ (Słownik *języka* pomorskiego czyli kaszubskiego), но просто „Поморскій или кашубскій словарь“ (*Słownik pomorski czyli kaszubski*),

Библиотека "Руниверс"

то онъ, вѣроятно, избѣгнулъ бы многихъ непріятностей и несправедливыхъ упрековъ.

Такъ какъ словарь Рамулта есть словарь живой языковой области, являющейся не цѣльною и вездѣ однообразною, но видоизмѣняющейся по многочисленнымъ говорамъ, то мы въ правѣ требовать, чтобы этимъ діалектическимъ разнообразіямъ было отведено подобающее мѣсто въ самомъ словарѣ. Коротенькая глава во введеніи (стр. XXX — XXXI), посвященная обозрѣнію „нарѣчій поморскаго языка", даетъ намъ далеко неудовлетворительное представленіе объ особенностяхъ этихъ „нарѣчій" или, точнѣе, говоровъ; и поэтому мы были бы крайне обязаны автору, еслибъ онъ постарался восполнить этотъ недостатокъ сообщеніемъ достовѣрнаго лексикальнаго матеріала изъ отдѣльныхъ говоровъ. Конечно, въ широкихъ размѣрахъ это было бы чрезвычайно трудно и, пожалуй, даже неисполнимо, такъ какъ навряд ли нашъ авторъ могъ бы сопоставить при каждомъ словѣ всѣ діалектическія параллели; но указаніе хотя бы только при нѣкоторыхъ словахъ на самыя выдающіяся діалектическія различія было бы вполнѣ достижимо. Въ предстоящемъ видѣ словарь г. Рамулта производитъ впечатлѣніе не сборника объективно отмѣченныхъ фактовъ, но чего-то средняго, чего-то являющагося равнодѣйствующею изъ разнообразныхъ фактовъ и результатомъ компромисса, чего-то имѣющаго притязаніе на условную норму. Да вѣдь и самъ г. Рамултъ заявляетъ, что „языкъ его словаря представляетъ обобщеніе особенностей срединныхъ говоровъ, на которыхъ говоритъ большинство кашубовъ" („Język mego słownika jest uogólnieniem właściwości gwar środkowych, którą [*sic!*] mówi przeważna część Kaszubów", стр. XXXI).

Обратимъ теперь вниманіе на непослѣдовательности и вообще недостатки въ принятой г. Рамултомъ письменной передачѣ звуковъ кашубскаго или „поморскаго" „языка".

Такъ, между прочимъ, буква *é* обозначаетъ вообще *e* „краткое, сжатое, нѣсколько какъ будто бы наклоненное къ *i* или *y*" („krótkie, ścieśnione, nieco jakby ku *i* lub *y* pochylone"), но рядомъ съ этимъ „въ нѣкоторыхъ случаяхъ ... *é* звучитъ какъ *ea*, чуть ли не какъ *a*" („brzmi *é* jak *ea*, niemal jak *a*") (стр. XXXI).

„Мягкость" согласныхъ нашъ авторъ обозначаетъ то съ помощью отвѣсной черточки („знака „остраго" ударенія") надъ соотвѣтствующею буквой,—*ć*, *ź*, *ń*, то съ помощью отдѣльной буквы *j*: *bj*, *dj*, *fj*, *gj*, *xj*, *kj*, *mj*, *pj*, *tj*, *vj* (стр. XXV).

Библиотека "Руниверс"

Обозначеніе всѣхъ качественныхъ и другихъ болѣе или менѣе существенныхъ различій гласныхъ (вокаловъ) съ помощью разнообразныхъ значковъ, ˋ, ´, ˆ,—напримѣръ, *é*, *è*, *ê*; *ò*, *ô*; *à* (стр. XXIII — XXV),—едва ли можно признать умѣстнымъ. Было бы гораздо лучше вмѣсто, напримѣръ, *ê*, *ô* ввести какія нибудь особыя буквы.

Большой графическій недостатокъ нашего словаря состоитъ въ необозначеніи ударенія приводимыхъ въ немъ словъ. Если, какъ утверждаютъ знатоки кашубскихъ говоровъ, въ томъ числѣ и самъ г. Рамултъ, свойственное этимъ говорамъ удареніе словъ не приковано къ извѣстному, всегда одному и тому же слогу, но подвижно, то одною изъ первыхъ обязанностей кашубскаго лексикографа является тщательное обозначеніе ударенія всѣхъ безъ исключенія словъ, помѣщенныхъ въ словарѣ. При этомъ, если большинству словъ свойственно удареніе, напримѣръ, на предпослѣднемъ слогѣ, то было бы достаточно, отмѣтивъ во введеніи эту особенность языка, довольствоваться обозначеніемъ ударенія только на другихъ, не предпослѣднихъ, слогахъ. Если же, какъ явствуетъ изъ сообщеній г. Рамулта, удареніе мѣняется по говорамъ, то лексикографу живой языковой области слѣдовало непремѣнно не игнорировать въ словарѣ этихъ діалектическихъ разновидностей.

Точно также нельзя одобрить необозначенія въ самомъ словарѣ долгихъ гласныхъ, и прежде всего гласнаго (вокала) *à* (долгаго *a*), въ различіи отъ краткаго *a*, тѣмъ болѣе что, какъ видно изъ введенія (стр. XXIII), условія появленія гласнаго *à*, равно какъ и другихъ долгихъ гласныхъ, весьма интересны.

Едва ли г. Рамултъ могъ бы указать достаточное основаніе для написанія *mœʒ* (*mœdz*) (мочь), *pœmœʒ* (помочь) и т. п. (стр. 106, 151 и др), а не *mœc*, *pœmœc* и т. д. Вѣдь онъ же старается обозначать кашубскія слова согласно съ выводами сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, а если такъ, то долженъ, конечно, знать, что въ названныхъ словахъ нѣтъ никакого, то-есть, не только „фонетическаго", но и „этимологическаго" *ʒ* (*dz*).

Перечень характеристическихъ для кашубскаго или поморскаго языка особенностей, отличающихъ будто бы этотъ языкъ отъ языка польскаго (стр. XXXII — XXXVI), дается здѣсь въ хаотическомъ и далеко не прозрачномъ видѣ. Вся систематика автора ограничивается при этомъ отдѣленіемъ особенностей, проявляющихся въ гласныхъ (вокалахъ) (стр. XXXII—XXXV), отъ особенностей, касающихся согласныхъ (консонантовъ) (стр. XXXV—XXXVI), и затѣмъ, въ ка-

Библиотека "Руниверс"

ждомъ изъ этихъ отдѣловъ помѣщенныя въ немъ особенности исчисляются въ алфавитномъ порядкѣ буквъ, обозначающихъ звуки, о которыхъ идетъ рѣчь. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны, этимъ неумѣлымъ и лишнимъ дробленіемъ разрѣзаются неестественно особенности, тѣсно другъ съ другомъ связанныя, съ другой же стороны, получается громадное количество мнимыхъ особенностей (и именно 78: 52 въ отдѣлѣ гласныхъ, 24 въ отдѣлѣ согласныхъ и, кромѣ того, 2 въ особомъ отдѣлѣ, на концѣ перечня), которыя необходимо прежде всего кое-какъ упорядочить и распредѣлить по категоріямъ для того, чтобы на ихъ основаніи можно было дѣлать какіе либо выводы.

Поэтому нѣсколько преувеличено, если въ слѣдующей главѣ авторъ оптимистически заявляетъ, что нашелъ „около ста фонетическихъ особенностей срединныхъ кашубскихъ говоровъ, отличающихъ ихъ отъ польскаго языка“ („około stu właściwości środkowych gwar kaszubskich, wyodrębniających je od języka polskiego“), и что этотъ перечень можно бы безъ затрудненія увеличить вдвое и втрое („wykaz ten możnaby bez trudu powiększyć w dwój- i trójnasób“) (стр. XXXIX). Вѣдь однѣ изъ этихъ будто бы исключительно кашубскихъ особенностей повторяются въ сущности въ польской языковой области, другія же должны быть обобщены, такъ что изъ нѣсколькихъ будто бы отдѣльныхъ особенностей получится только одна общая. Впослѣдствіи авторъ заявляетъ, что и въ области *морфологіи* и *синтаксиса*, и даже въ области *словообразованія* найдется столько же отличительныхъ для кашубскаго языка особенностей, въ различіи отъ языка польскаго, сколько и въ фонетикѣ (dotyczmy wreszcie równie znaczny, jak w głosowni, poczet odrębnych właściwości w zakresie *odmienni* i *składni*, nawet w dziedzinie *słowotwórstwa*“) (str. XL); но я полагаю, что авторъ здѣсь нѣсколько увлекся, и что, еслибъ онъ посерьезнѣе обдумалъ извѣстные ему морфологическіе и синтаксическіе факты, то онъ навѣрное отказался бы отъ своихъ, столь опрометчиво высказанныхъ словъ. Къ этому вопросу я еще возвращусь, излагая свое собственное мнѣніе объ отношеніи кашубскаго языка къ польскому.

Въ книгѣ г. Рамулта, какъ и во многихъ другихъ, встрѣчаются сплошь да рядомъ неточныя опредѣленія и, кромѣ того, сравненія, почерпаемыя изъ области фактовъ, недоступныхъ непосредственному наблюденію. Таковы, напримѣръ:

„*i* — звучитъ, какъ польское и обще-славянское *i*“ (стр. XXIV); „*o* звучитъ, какъ польское и обще-славянское *o*“ (стр. XXIV). Спрашивается, гдѣ можно слышать *обще-славянскія i* и *o*?

Библиотека "Руниверс"

„*ą* звучитъ ... несомнѣнно (!) какъ полабское *ā*“ (стр. XXIII). Гдѣ и когда пришлось автору слышать полабское *ā*?

„*a* звучитъ, какъ *a*... въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ“ (стр. XXIII). Развѣ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ *a* произносится одинаково?

„*ê* — долгое, *сдавленное*, звучитъ, какъ нѣмецкое *ö* въ *schön*“ (стр. XXIII). Что такое значитъ здѣсь „сдавленное“ (przytłumione)?

„*ò* есть *темное* и долгое *o* и звучитъ на подобіе того, какъ нѣмецкое *o* въ *Noth*“ (стр. XXIV). „Темнота“ является здѣсь мало понятнымъ терминомъ. Точно такъ же мало понятно, какъ это „на границѣ и вообще тамъ, гдѣ вліяніе польскаго языка сильнѣе, *ò* исподволь переходитъ въ польское *ò*“ (стр. XXIV), при чемъ, вѣроятно, „польское *ò*“ поставлено вмѣсто „польскаго *ó*“.

Если кашубское „*ô* звучитъ, какъ нѣмецкое *ö* въ *schön* или скорѣе какъ французское *eu* въ *bleu*“, то ужъ никоимъ образомъ его нельзя отождествлять съ резьянскимъ *ö* въ *ösan* (стр. XXIV), такъ какъ резьянское *ö* совершенно своеобразно и отличается такимъ уложеніемъ языка, какое вполнѣ чуждо и нѣмецкому и французскому произношенію. При этомъ мы остаемся въ недоумѣніи: если и кашубское *ô* и кашубское *ê* произносятся, какъ нѣмецкое *ö* въ *schön*, то вѣдь это одинаковые звуки, и незачѣмъ устанавливать для нихъ два знака. Впрочемъ, авторъ находитъ только сходство, а не тождество въ произношеніи, съ одной стороны, кашубскихъ *ê* и *ô*, съ другой же, нѣмецкаго *ö* въ *schön*, и различіе между *ê* и *ô* опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: поморскій звукъ *ê* „очень близокъ къ поморскому же звуку *ô*, разница же между ними состоитъ въ томъ, что при произношеніи *ê* языкъ принимаетъ положеніе болѣе плоское, чѣмъ при *ô*; стало быть, въ фонетическомъ отношеніи *ê* ближе къ *e*, а *ô* ближе къ *o*; слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что звукъ *ê* является *исключительно* передъ *l* и въ южно-поморскихъ говорахъ не разнится вовсе отъ *ô*: *dêl* (dał), *brêl* (brał)...“ (стр. XXIII).

Какъ сравненіе кашубскаго *ô* съ резьянскимъ *ö*, точно также и сравненіе кашубскаго *ü* (считаемаго, впрочемъ, діалектическимъ и въ самомъ словарѣ не принятаго въ соображеніе) съ резьянскимъ *ü* (стр. XXV) нельзя считать точнымъ.

И другія указанія на полабскіе и резьянскіе звуки, имѣющія цѣлью пояснить произношеніе кашубскихъ звуковъ, — какъ, напримѣръ, *ć* (стр. XXV), *ź* (стр. XXVI), *w* (стр. XXVIII)...,—не очень поучительны. О произношеніи исчезнувшаго полабскаго языка мы

Библиотека "Руниверс"

имѣемъ весьма смутное и неопредѣленное представленіе; резьянскаго же произношенія нельзя считать настолько выяснившимся, чтобы оно могло служить извѣстною величиною при сравненіяхъ. Прибавка „*вѣроятно*“ („вѣроятно, такъ же, какъ полабское *k*“ стр. XXV; „вѣроятно, такъ же, какъ полабское *ǵ*“ стр. XXVI) лишаетъ сравненіе всякаго поясняющаго значенія.

Для меня не совсѣмъ ясны тоже такія выраженія, какъ „*c* звучитъ, какъ польское *c* (*за исключеніемъ передъ i*)“ (стр. XXV); „въ этомъ *ć* прозвучиваетъ всегда что-то изъ первичнаго *k*“ (стр. XXV). Я по крайней мѣрѣ никакъ не могу себѣ представить, какъ это въ *ć* можетъ звучать *k*.

„Это *l* звучитъ болѣе твердо, чѣмъ польское, не умѣю однакожъ опредѣлить его отношеніе (!) къ чешскому и южнословянскому *l*“ (стр. XXVII).

Неточными опредѣленіями считаю еще слѣдующія:

„*l* звучитъ въ сѣверной Кашубіи, какъ *книжно*-польское, стало быть (?), какъ русское и малорусское *ł*“ (стр. XXVII);

„вставка *ń* между согласнымъ *m* и слѣдующимъ мягкимъ (!) гласнымъ: *mńasto* (miasto), *mńeśać* (mieszać)“ (стр. XXXI);

„*y* ближе поляковъ, на югѣ, переходитъ исподволь въ обыкновенное польское, толстое *y*“ (стр. XXV).

Свойственная автору ясность фонетическихъ понятій сказывается больше всего тамъ, гдѣ онъ говоритъ о кашубскомъ *h* (стр. XXVI).

Это „*h* звучитъ“, вопервыхъ, „сходно съ польскимъ *h* (въ произношеніи интеллигентныхъ людей, а не народныхъ говоровъ), точно такъ же, какъ *h* малорусское, бѣлорусское, чешское и словацкое“. Примѣрами служатъ здѣсь, вопервыхъ, *halva* (польск. *halba*, полъквартъ), *hądel* (торговля), *Heromin* (Іеронимъ), *heta* (польск. *huta*, стеклянный заводъ, плавильня), *hélika* (дикое яблоко), *Hèl* (полуостровъ Геля), *hôkôr* (перепродавецъ), затѣмъ *hi* (польск. wio! восклицаніе на лошадей) и наконецъ *hul* (улей).

Затѣмъ говорится, что рядомъ съ этимъ *h*, усвоеннымъ изъ чужихъ языковъ, имѣется тоже и родное поморское *h*; какъ единственный примѣръ подобнаго „роднаго“ *h*, приводится здѣсь родительный над. ед. ч. мужск. и средн. р. мѣстоименій и прилагательныхъ, равно какъ и существительныхъ средняго рода съ именительнымъ на *-è*. Этотъ падежъ оканчивается, правда, въ большинствѣ кашубскихъ говоровъ на *-egœ* (при мѣстоименіяхъ) и *-ègœ* (при прилагательныхъ

Библиотека "Руниверс"

и существительныхъ): *tegœ*, *twœjegœ*, *dobrègœ*, *bélnègœ*, *zelègœ* (зелья), *ščescègœ* (счастья). Однакожъ въ сѣверной Кашубіи говорятъ: *tewœ*, *dobrèwœ*, *zelèwœ*, въ Славошенѣ же, откуда былъ родомъ Ценова: *teho*, *dobrèho*, *zelèho* или почти *teo*, *dobrèo*, *zelèo*. Это „чисто-поморское *h*“ разнится де отъ польскаго *h*, и болѣе всего напоминаетъ французское „*h* aspiré“.

Здѣсь что ни слово, то смѣшеніе явленій и смѣшеніе понятій. Авторъ самъ себѣ противорѣчитъ и самого себя устраняетъ.

Прежде всего въ произношеніи значительнаго большинства такъ называемыхъ интеллигентныхъ поляковъ нѣтъ никакого особаго согласнаго *h*, и то, что, согласно требованіямъ „этимологіи“, обозначается этою буквою, тождественно съ тѣмъ, для чего въ польскомъ правописаніи принято сочетаніе буквъ *ch*. Только въ извѣстныхъ положеніяхъ, а именно въ концѣ словъ передъ звонкими начальными звуками слѣдующихъ словъ, произносится въ польскомъ нѣчто особое, а именно не глухое *ch*, но соотвѣтствующій звонкій согласный, и произносится безразлично, какъ въ случаяхъ написанія *h* (что, впрочемъ, въ такихъ положеніяхъ почти не встрѣчается), такъ и въ случаяхъ написанія *ch*; такъ, напримѣръ, *naszych* dzieci, *jich* ojca, *duch* mojego domu, *duch* raduje się и т. п. Произносимый въ такихъ условіяхъ звонкій придувной задне-язычный согласный польскаго языка тождественъ съ тѣмъ согласнымъ, который въ чешской и словацкой графикѣ обозначается съ помощью буквы *h*, и который въ малорусскомъ и во многихъ великорусскихъ (въ томъ числѣ и бѣлорусскихъ) говорахъ произносится тогда, когда по-русски пишется буква г. Такой же согласный свойственъ въ фонетически независимыхъ положеніяхъ пограничнымъ польскимъ говорамъ, то-есть, говорамъ, смежнымъ съ говорами другихъ славянскихъ языковыхъ областей: чешской, словацкой, малорусской, бѣлорусской. При этомъ, конечно, нѣтъ никакого различія между произношеніемъ польскихъ „интеллигентовъ“ и польскаго „простонародія“. Если г. Рамультъ констатировалъ такое же *h* въ приведенныхъ имъ кашубскихъ словахъ, большею частью иностраннаго происхожденія, то такое *h* не могло быть никоимъ образомъ усвоено изъ чужихъ языковъ, и прежде всего не могло быть заимствовано изъ нѣмецкаго, ибо извѣстно, что въ нѣмецкомъ нѣтъ ничего подобнаго, нѣмецкая же буква *h* обозначаетъ, кромѣ долготы гласныхъ, такъ называемое придыханіе или, точнѣе говоря, разнообразные глухіе гласные, то-есть, гласные, произносимые безъ музыкальнаго дрожанія голосовыхъ связокъ, Но, можетъ быть, какъ разъ

Библиотека "Руниверс"

такое *h*, то-есть *h* похожее на нѣмецкое, и имѣется въ кашубскомъ „языкѣ".

Затѣмъ, трудно понять, какъ это „иностранное *h*" могло попасть въ исконно-словянское слово *hul* (улей).

Если же „различное отъ польскаго *h*" „чисто-поморское *h*" родительныхъ падежей *teho*, *dobrèho*, *selèho* дѣйствительно напоминаетъ „французское *h* aspiré", то оно есть собственно не особый согласный, а просто отсутствіе согласнаго или нуль, такъ какъ вѣдь въ этомъ именно и состоитъ суть французскаго *h* aspiré.

Очевидно, г. Рамультъ, съ легкой руки своихъ предшественниковъ, смѣшалъ здѣсь нѣсколько звуковыхъ явленій (задне-язычный согласный, придыханіе и отсутствіе всякаго особаго звука) и для обозначенія ихъ всѣхъ употребилъ одну и ту же букву, *h*.

Я думаю, что ясность изложенія фонетическихъ данныхъ чрезвычайно выиграла бы, еслибы мѣсто метафорическихъ выраженій и сравненій съ произношеніемъ другихъ болѣе или менѣе неизвѣстныхъ языковъ заняли точныя описанія физіологическихъ работъ, сопровождающихъ произношеніе отдѣльныхъ кашубскихъ звуковъ и ихъ сочетаній.

Кромѣ неточныхъ описаній кашубскихъ звуковъ, встрѣчаемъ въ сочиненіи г. Рамулта и другіе неточныя или же сомнительныя данныя.

Такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что „на всей польской этнографической территоріи звукъ *rz* не разнится вовсе отъ *ź*, или же *ś*" (стр. XXVII), тогда какъ каждый человѣкъ, маломальски ознакомленный съ польскою діалектологіей, можетъ назвать польскіе говоры, въ которыхъ *ŕ* (*rz*) не смѣшивается вовсе съ *ŕ* и *ś*.

Сомнительнымъ мнѣ кажется сообщеніе, что различіе въ произношеніи между краткимъ *e* и долгимъ *è* сказывается главнымъ образомъ въ чужихъ словахъ, въ особенности же нижне-нѣмецкаго происхожденія (стр. XXVIII).

Въ выраженіяхъ г. Рамулта есть кое-что лишнее, неясное и непонятное.

Въ самомъ началѣ его введенія (стр. XV) мы читаемъ о борьбѣ „славянскаго ученаго міра" и „славянской науки" съ „нѣмецкою наукой", читаемъ о „турнирѣ" между „славянскимъ міромъ" и Mullenhof'омъ, какъ „нѣмецкимъ ученымъ", изъ-за этнографической принадлежности народовъ, жившихъ въ древнее время на Балтійскомъ побережьѣ между нижней Вислой и нижней Лабой (Эльбой). Если кто либо утверждаетъ что либо только потому, что онъ нѣмецъ, или

Библиотека "Руниверс"

потому, что онъ славянинъ, то онъ можетъ быть всѣмъ что угодно, и весьма замѣчательнымъ фокуснпкомъ, и очень способнымъ спорщикомъ и адвокатомъ, и чрезвычайно бойкимъ публицистомъ, и храбрымъ воиномъ, и опаснымъ поддѣльщикомъ и фальсификаторомъ, но ни въ какомъ случаѣ не мыслителемъ и не ученымъ, конечно, понимая слово „ученый“ въ его благородномъ, возвышенномъ смыслѣ. Въ наукѣ нѣтъ ни нѣмцевъ, ни славянъ, ни русскихъ, ни поляковъ, ни семитовъ, ни іафетидовъ, а есть только люди, стремящіеся къ безусловной истинѣ, будь она сладка или горька, пріятна или непріятна. Злоупотребленіе якобы научными пріемами для какихъ бы то ни было постороннихъ, политическихъ, пропагандистическихъ, торговыхъ и тому подобныхъ цѣлей есть, говоря безъ обиняковъ, проституція науки. Г. Рамультъ испыталъ на собственной шкурѣ бичеванія „патріотовъ“ и могъ бы намъ сообщить кое-что интересное про націонализмъ въ наукѣ. Стало быть, ему лучше, чѣмъ кому либо другому, должно быть понятно, что „нѣмцы“, считающіе извѣстный народъ нѣмцами потому только, что они сами нѣмцы, и „славяне“, считающіе тотъ же народъ славянами потому только, что они сами славяне, остаются всегда только нѣмцами или же славянами, но не имѣютъ ничего общаго съ людьми чистой, цѣломудренной, безпристрастной науки.

Заканчиваю этотъ обличительный отдѣлъ моихъ критическихъ замѣтокъ указаніемъ на мелкія ошибки и пропуски.

Въ самомъ словарѣ мы находимъ вовсе необъясненныя цитаты. Такъ, напримѣръ, трудно догадаться, что такое означаетъ *Frischb.*, встрѣчаемое, между прочимъ, два раза на стр. 37 и въ разныхъ другихъ мѣстахъ.

Выраженіе „*gdzie*niektórzy“ (стр. XLII) не совсѣмъ удачно.

Г. Рамультъ пишетъ по-польски вообще правильно и безукоризненно, но, слѣдуя принятому въ Галиціи обычаю, употребляетъ нѣкоторые совершенно лишніе германизмы. Таковы, напримѣръ:

w pierwszym rzędzie (стр. IX, XII, XVI, XXXVII) вм. *przedewszystkim* (прежде всего),

Kto tę zasadę *zaprzecaje* (стр. XXI) (нѣм. verkennt) вм. kto tej zasady *nie uznaje* (кто не признаетъ этого принципа),

z reguły (стр. XXVI, XXVIII, XXXIII) (нѣм. in der Regel) вм. *zwykle* (обыкновенно),

względnie (стр. XXVII, XXXIII) (нѣм. respective, beziehungsweise) вм. *albo też* (или же).

Вліяніемъ нѣмецкаго языковаго мышленія объясняется постановка

Библиотека "Руниверс"

глагола въ предложеніи на второмъ мѣстѣ, вопреки требованіямъ польскаго синтаксиса. Напр., „Podobnie *zajmuje* grupa czeska miejsce środkowe między serbską a polską..." (стр. XLIV) вм. „Podobnie grupa czeska *zajmuje* miejsce ...".

Довольно значительное, хотя вовсе не подавляющее, количество опечатокъ объясняется трудностью корректуры и утомленіемъ автора вслѣдствіе продолжительнаго усидчиваго труда. Я не стану исчислять здѣсь всѣ опечатки; укажу только на нѣкоторыя, по преимуществу изъ введенія.

Въ пагинаціи поставлена цифра LXII вм. XLII. На стр. XXIV, строка 24 снизу вм. „*samogłoskami* nosowemi" слѣдуетъ читать: *spółgłoskami* nosowemi. На стр. XXXII строка 12 снизу стоитъ ошибочно „*jô* po *r*" вм.: *jô* przed *r*. На стр. XXXIII строка 1 сверху поставлено ошибочно „zakończonych na -ьсъ" вм.: zakończonych na -ьсь. На стр. XLV строка 3 снизу вм. „stosunków *narodościowych*" должно стоять: stosunków *narodowościowych*. На стр. XV строка 4 снизу стоитъ „co dopiero" вм.: dopiero co. На встрѣчающіяся въ самомъ словарѣ опечатки я намѣренъ указать лично самому автору, обѣщающему приложить ко второй части словаря списокъ опечатокъ, замѣченныхъ тоже въ первой части (стр. XLVIII, „Uwagi"). Пока же замѣчу только, что довольно часто попадается въ словарѣ просто *e* вм. *é*, *è*, что алфавитный порядокъ словъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ словаря не выдержанъ, что нѣкоторыя ссылки оставляютъ въ недоумѣніи (такъ, напримѣръ, на стр. 70 подъ словомъ *Kidlonści* находимъ ссылку *Ob.* cidlonści", а между тѣмъ этого ожидаемаго *cidlonsci* нѣтъ вовсе въ словарѣ; точно также нѣтъ въ словарѣ слова *kjecka*, на которое указываетъ ссылка подъ словомъ *cecka*), что въ словарѣ не помѣщены нѣкоторыя слова, приводимыя во введеніи, какъ, напримѣръ, *rexcíné* (стр. XXX), *gubac* (стр. XXV), *xælastra* (стр. XXIX) и др. Слово *sibovka* (качель) попало подъ № 75 на стр. XXXVI очевидно по ошибкѣ.

Вотъ перечень грѣховъ и провинностей г. Рамулта, отмѣченныхъ мною при внимательномъ чтеніи его труда, перечень, не слишкомъ длинный, особенно если обратить вниманіе на объемистость этой замѣчательной книги. Это безспорно одно изъ самыхъ выдающихся сочиненій по славянскому языковѣдѣнію за послѣднее время; въ польской же научной литературѣ оно является настоящимъ ея украшеніемъ. По части изслѣдованія кашубской языковой области не было до сихъ поръ ничего подобнаго.

Библиотека "Руниверс"

Заслуга г. Рамулта становится тѣмъ очевиднѣе въ виду того, что у него, собственно говоря, не было предшественниковъ, работавшихъ въ томъ же направленіи и съ тою же цѣлью. Были, правда, разные кашубскіе словарчики и сборники словъ, но ни въ одномъ изъ нихъ мы не замѣчаемъ того стремленія къ фонетической точности, того желанія схватить и обозначить мельчайшіе оттѣнки кашубскаго произношенія, какое украшаетъ образцовый въ этомъ отношеніи трудъ г. Рамулта. Мало того, даже со стороны значенія почти всѣ прежніе кашубскіе словари были составлены болѣе или менѣе поверхностно и неумѣло.

Первымъ по времени кашубскимъ словарчикомъ является „*Сборникъ основныхъ словъ кашубскаго нарѣчія* т. *Цейновы*“, напечатанный въ „*Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики. Изданіе втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Редакторъ ординарный академикъ И. И. Срезневскій. Томъ пятый. С.-Петербургъ. 1861*“, стр. 258—271. Почему собранныя здѣсь слова названы „*основными* словами кашубскаго нарѣчія“, совершенно неизвѣстно. Между ними есть, правда, слова исключительно кашубскія, но гораздо больше общихъ съ языкомъ польскимъ или хотя бы только съ другими славянскими. Затѣмъ, рядомъ со словами первообразными попадается чуть ли не болѣе производныхъ. Не подлежитъ же ни малѣйшему сомнѣнію, что Цейновой пропущено очень много первообразныхъ, стало быть, „основныхъ“ словъ. Слова этого сборника помѣщены подъ отдѣльными буквами въ алфавитномъ порядкѣ, но подъ каждою изъ буквъ царствуетъ полнѣйшій безпорядокъ и слова приводятся какъ попало. Такъ, напримѣръ, подъ буквою C: Cali, Cetka, Czec, Celę, Copac, Cena, Cébula, Cédzedło, Cetno cze lecho, Cęszki, Czobk (kłobuk), Cotka, Czeladnik, Człovjek, Człovjeczk, Cud, Celestni, Chłop, Chłopc (knop), Cemni, Cvjardi, Czorni, Cesnąc, Czarnokszęznjik. Странное правописаніе нѣкоторыхъ словъ (напримѣръ, *bo'si*—босой, *vdovo*—вдовецъ, *žgnilerna*—гнилость и т. п.) можно объяснить только тѣмъ, что ни списывавшій этотъ словарчикъ и переводившій его на русскій языкъ, ни корректоръ не понимали по-кашубски и были убѣждены, что, какъ ни написать, все будетъ хорошо: съ какимъ-то кашубскимъ нарѣчіемъ нечего церемониться. Очевидно, самъ Цейнова снабдилъ свой словарчикъ нѣмецкимъ переводомъ; Академія же рѣшила замѣнить нѣмецкій переводъ русскимъ, но, къ сожалѣнію, поручила исполнить эту задачу человѣку, не только не знавшему кашубскаго языка, но вмѣстѣ

Библиотека "Руниверс"

съ тѣмъ тоже нестарательному и недобросовѣстному. Этотъ господинъ не обращалъ вовсе вниманія на кашубскія слова, а единственно только на нѣмецкій переводъ, который тоже прочитывалъ безъ надлежащаго вниманія. Вслѣдствіе этого получились такіе курьезные и комическіе переводы, какъ, напримѣръ:

Sizen — монастырь [у Цейновы было „sïžeń — Klafter"; написанное нѣмецкими буквами слово Klafter русскій переводчикъ прочиталъ „Kloster" и вмѣсто „сажень" поставилъ „монастырь"];

Rsegac—ломать [у Цейновы было, правда, „brechen", но въ значеніи не „ломать", а „рвать", то-есть, имѣть рвоту];

Zokò'nnjica — звѣзды [у Цейновы было „Nonne", конечно, нѣмецкими буквами; русскій переводчикъ прочиталъ вмѣсто этого Sterne и изъ монашки сочинилъ „звѣзды"];

Znija — выдра [у Цейновы было „Natter"; русскій переводчикъ, не особенно крѣпкій въ нѣмецкомъ языкѣ, смѣшалъ „Natter" съ „Otter" и вмѣсто „змѣя" поставилъ „выдра"];

Zot, brzech — употребленіе [у Цейновы было „žot, brzech—Bauch; русскому переводчику вмѣсто „Bauch" показался „Brauch", и такимъ образомъ „животъ, брюхо" были переименованы въ „употребленіе", хотя даже и это послѣднее слово вовсе не равнозначно съ нѣмецкимъ „Brauch"].

Очевидно, вслѣдствіе подобныхъ же недоразумѣній, кашубское „*jałówjica*—постель" переименовано русскимъ переводчикомъ въ „сила, крѣпость", кашубское же „*rsec* — задница"—въ „*любезнѣйшій*". Въ виду этого приходится сожалѣть, что русскій переводчикъ не удовольствовался при всѣхъ кашубскихъ словахъ простымъ приведеніемъ ихъ безъ всякаго перевода, какъ это мы видимъ при словахъ *Gvisscs*, *Iba*, *Nac*, *Stomjav*, не украшенныхъ никакимъ курьезнымъ переводомъ.

Сборникъ кашубскихъ словъ, приложенный къ „*Остаткамъ славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. А. Гильфердинга.* Санктпетербургъ. 1862", составленъ на скорую руку и, хотя онъ совершенно свободенъ отъ такихъ безсмыслицъ, какими обезобразилъ сборникъ Цейновы злополучный русскій переводчикъ, но все-таки онъ далеко не удовлетворителенъ и даетъ только неполное понятіе какъ о запасѣ словъ, такъ и о фонетическихъ особенностяхъ кашубской языковой области.

„Собраніе кашебскихъ словъ, не употребляющихся въ польскомъ языкѣ", помѣщенное въ „*Фонетикѣ кашебскаго языка.* Изслѣдованіе

Библиотека "Руниверс"

П. Стремлера. Перепечатано изъ *Филологическихъ Записокъ*. Воронежъ. 1874",—немногимъ лучше Сборника Цейновы. Авторъ, мало знакомый съ кашубскою рѣчью и не задавшій себѣ труда вдуматься въ нее на основаніи имѣвшихся въ то время матеріаловъ, ходитъ ощупью какъ въ самой фонетикѣ, такъ и въ собраніи словъ. Послѣдовательной научной передачи кашубскаго произношенія здѣсь и въ поминѣ нѣту.

Такою же непослѣдовательностью и ненаучностью въ передачѣ кашубскаго произношенія отличается довольно обширный „*Сравнительный кашубскій словарь*", помѣщенный въ III-мъ томѣ издаваемаго въ Варшавѣ сборника „Prace filologiczne wydawane przez J. Baudouina de Courtenay, J. Karłowicza, A. A. Kryńskiego i L. Malinowskiego. Warszawa 1890—1891", подъ заглавіемъ „*Słownik kaszubski porównawczy*, napisał *Aleksander Berka*" (псевдонимъ покойнаго Льва Бискупскаго, Leon Biskupski), вышедшій тоже отдѣльнымъ оттискомъ, 8°, стр. 196. Несмотря на болѣе или менѣе удачныя сравненія кашубскихъ словъ со словами другихъ славянскихъ языковъ, словарь Берки въ своей чисто кашубской части является только компиляціей изъ трудовъ предшественниковъ, почти безъ всякой критики, вслѣдствіе чего навязываются кашубамъ слова, или исковерканныя до неузнаваемости, или имѣющія другое значеніе, или же, наконецъ, вовсе не существующія въ кашубскомъ языкѣ (см. Словарь Рамулта, стр. XLVIII).

Маленькій „Słowniczek prowincyonalizmów kaszubskich", заключающій около 230 словъ и приложенный къ поэмѣ „O panu Czorlińscim co do Pucka po sece jachoł. Zełgoł dlo swojech druchow kaszubściech Jarosz Derdowski. Toruń. Włosnosc Igorza. 1880", составленъ, правда, отличнымъ знатокомъ кашубскаго языка, но съ устраненіемъ характерныхъ для кашубскаго произношенія фонетическихъ особенностей.

Точно такъ же лучшій до появленія Рамултова словаря кашубскій словарь отличнаго знатока кашубской рѣчи и природнаго кашубы, ксендза Густава *Поблоцкаго*:

Słownik kaszubski z dodatkiem idyotyzmów chełmińskich i kociewskich, ułożony przez ks. Gustawa *Pobłockiego*. Chełmno. 1887. 8°, стр. XXXVIII и 160,

содержащій въ себѣ 1800 чисто кашубскихъ словъ, хотя въ лексикальномъ отношеніи является произведеніемъ безукоризненнымъ, но за то, съ другой стороны, принимаетъ въ соображеніе только нѣкоторыя, менѣе важныя, фонетическія особенности кашубской языковой области. Помѣщенныя во введеніи „Uwagi gra-

Библиотека "Руниверс"

matyczne czyli mowa kaszubska czym się różni od języka książkowego" не могутъ удовлетворить даже скромныхъ требованій филологовъ и лингвистовъ. Послѣ выхода въ свѣтъ словаря Рамулта ксендзъ Поблоцкій оказался однимъ изъ самыхъ ярыхъ фанатиковъ, устроившихъ противъ Рамулта настоящую травлю за то только, что онъ не захотѣлъ стать въ ряды обезличенныхъ пѣшекъ и дерзнулъ высказать самостоятельный взглядъ на отношеніе „поморскаго" или кашубскаго „языка" къ польскому.

Итакъ, г. Рамултъ является первымъ и единственнымъ лексикографомъ, обратившимъ должное вниманіе на оттѣнки и тонкости кашубскаго произношенія и показавшимъ все его фонетическое богатство. А хотя его заявленіе, что поморскіе говоры самые богатые въ фонетическомъ отношеніи среди всей славянской семьи (стр. XXI), нѣсколько преувеличено и служитъ только доказательствомъ излишней любви къ избранному предмету изслѣдованія, то все-таки нельзя отрицать, что кашубскіе говоры богаче говоровъ польскихъ въ области такихъ тонкихъ фонетическихъ разновидностей, которыя, исчезнувъ или же никогда не развившись въ польской языковой области, сохранились или же развились на почвѣ поморскихъ или кашубскихъ говоровъ. Этихъ фонетическихъ разновидностей прійдется намъ коснуться въ одной изъ слѣдующихъ главъ, когда будетъ рѣчь объ отношеніи кашубскаго „языка" къ польскому.

По точности и послѣдовательности въ обозначеніи звуковыхъ оттѣнковъ г. Рамултъ можетъ быть поставленъ почти въ одномъ ряду съ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ и, затѣмъ, съ изслѣдователями литовской языковой области, съ Куршатомъ, Барановскимъ и Явнисомъ. Но надо замѣтить, что всѣ эти ученые являются автохтонами, а именно, Вукъ Караджичъ природный сербъ, Куршатъ же, Барановскій и Явнисъ природные литовцы, тогда какъ г. Рамултъ ознакомился основательно съ кашубскимъ языкомъ уже только въ зрѣломъ возрастѣ, и все-таки сдѣлалъ для него то, чего не съумѣли сдѣлать природные кашубы, занимавшіеся научнымъ разсмотрѣніемъ своего языка.

Только послѣ труда г. Рамулта возможно приступить къ составленію фонетики и морфологіи кашубскаго языка, построенной на достовѣрномъ и всесторонне подготовленномъ матеріалѣ. Правда, въ отмѣченныхъ г. Рамултомъ особенностяхъ кашубской фонетики имѣется одинъ весьма чувствительный пробѣлъ, именно здѣсь не обозначено вовсе ударніе приводимыхъ въ словарѣ кашубскихъ словъ, и этотъ

Библиотека "Руниверс"

пробѣлъ необходимо пополнить, прежде чѣмъ приступить къ окончательной обработкѣ матеріала для фонетическихъ и морфологическихъ цѣлей; но теперь уже легко работать въ томъ же направленіи, слѣдуя столь выдающемуся предшественнику.

III.

Взглядъ г. Рамулта на отношеніе кашубскаго языка къ польскому и на мѣсто кашубскаго языка въ славянскомъ языковомъ мірѣ вообще.

Какъ мы раньше видѣли, методъ, которому слѣдуетъ г. Рамултъ при исчисленіи характеристическихъ особенностей кашубскаго языка въ различіи отъ польскаго, не можетъ быть названъ образцовымъ. Мѣсто систематическаго обзора занимаетъ здѣсь алфавитный порядокъ, одна и та же въ сущности особенность дробится на нѣсколько мелкихъ, попадающихся то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, особенности безъ всякаго значенія возводятся на степень рѣшающихъ, и т. д.

Не мудрено послѣ этого, что нашъ авторъ приходитъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ оптимистическимъ выводамъ:

„Въ этомъ (то-есть, поморскомъ или кашубскомъ) языкѣ имѣется вдвое больше гласныхъ, нежели въ польскомъ, и вообще болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ словянскомъ языкѣ"; „общеславянскіе гласные *i*, *y*, *u* переходятъ въ поморскихъ говорахъ въ *é*, *e*, съ чѣмъ можно встрѣтиться только въ рѣчи полабянъ"; „развитіе назализма дошло въ этихъ говорахъ до размѣровъ, свойственныхъ развѣ только французскому языку"; „поморскіе говоры обладаютъ неизвѣстнымъ другимъ славянскимъ языкамъ закономъ во флексіи глаголовъ—мы можемъ его назвать удлиненіемъ или усиленіемъ гласныхъ" („wzdłużaniem lub potęgowaniem się samogłosek"). „Достаточно указать на такіе факты языка, какъ, напримѣръ, что польскимъ согласнымъ *ś*, *ź*, *ć*, *dź* соотвѣтствуютъ въ поморскихъ говорахъ *s*, *z*, *c*, *dz*; что польскія и общеславянскія *k*, *g* передъ первично твердыми гласными смягчаются въ *ć*, *dź*, что опять можно бы найдти въ рѣчи полабянъ,—достаточно было бы назвать болѣе десятка такихъ основныхъ различій для того, чтобы рѣшиться высказать положеніе о своеобразности рѣчи кашубовъ и словинцевъ, если гораздо менѣе языковыхъ особенностей считается обыкновенно достаточнымъ для отдѣленія языка словацкаго отъ чешскаго и малорусскаго или бѣлорусскаго отъ русскаго.

„Къ показаннымъ въ предшествующей главѣ особенностямъ при-

Библиотека "Руниверс"

бавимъ еще *долготу и краткость гласныхъ*, чуждую и книжному польскому языку и всѣмъ польскимъ народнымъ говорамъ; прибавимъ совершенно отличныя начала *акцентовки*, основывающіяся въ большинствѣ поморскихъ говоровъ на подвижномъ акцентѣ (ударенія), котораго не знаетъ ни одно польское нарѣчіе, но которое было свойственно полабскому языку; прибавимте наконецъ столь же значительное, какъ въ фонетикѣ, число своеобразныхъ особенностей въ области *морфологіи* и *синтаксиса*, даже въ области *словообразованія*,—и придемъ къ убѣжденію, что языкъ кашубовъ и словинцевъ, въ теперешнемъ его видѣ, стало быть, не смотря на много вѣковъ продолжавшееся и все еще продолжающееся воздѣйствіе польскаго языка, нельзя никоимъ образомъ причислять къ польскимъ нарѣчіямъ, но что слѣдуетъ опредѣлить ему особое мѣсто въ средѣ славянскихъ языковъ" (стр. XL).

Ставя при этомъ „бѣлорусскій языкъ", въ одномъ ряду съ малорусскимъ, и противоставляя ихъ языку великорусскому, г. Рамультъ ошибается именно въ томъ смыслѣ, что, правда, малорусская языковая область составляетъ особый языковой міръ, въ различіе отъ великорусскаго, но за то бѣлорусскіе говоры не могутъ быть противопоставлены всѣмъ великорусскимъ. Всѣ бѣлорусскіе говоры, хотя, по нѣкоторымъ своимъ признакамъ, дѣйствительно своеобразные, принадлежатъ однакожъ только къ южной, такъ называемой „*а*-кающей", полосѣ говоровъ великорусскихъ, которые всѣ вмѣстѣ, слѣдовательно, сообща съ бѣлорусскими, должны быть противопоставлены всѣмъ сообща сѣвернымъ, „*о*-кающимъ", говорамъ общей великорусской языковой территоріи.

Затѣмъ, читаемъ у г. Рамулта слѣдующее: „Кашубы дѣйствительно понимаютъ польскій языкъ, но на это слагались и все еще слагаются различныя обстоятельства, тѣ же самыя обстоятельства, которымъ мы обязаны тѣмъ, что и русинъ" (малоросъ) „хорошо понимаетъ поляка. А однакожъ кто же осмѣлился бы утверждать, что малорусскій языкъ есть польское нарѣчіе?" (стр. XLI).

Здѣсь опять какой-то странный оптимизмъ. Развѣ г. Рамулту неизвѣстно, что нѣкоторые „ученые" причисляли вполнѣ серьезно малорусское нарѣчіе къ польскимъ нарѣчіямъ? Конечно, это были „ученые" не изъ числа настоящихъ лингвистовъ, но или по этой части малограмотные, или же ослѣпленные политическою тенденціозностью. Изъ прежнихъ „авторитетовъ" довольно указать на Духинскаго, на Поля, на Бущинскаго.

Библиотека "Руниверс"

Нѣкоторые изъ приводимыхъ не только другими, но и самимъ г. Рамултомъ (стр. XLI—XLII) мотивовъ, долженствующихъ де говорить или за, или же противъ отожествленія кашубовъ съ поляками, являются мотивами безъ значенія, лишенными всякой убѣдительности.

„Понимаетъ ли кашуба поляка“ и „полякъ кашубу“, или же не понимаетъ, это почти безразлично при рѣшеніи вопроса о взаимномъ родствѣ этихъ двухъ славянскихъ языковыхъ областей. Между языками, носители которыхъ не понимаютъ другъ друга, можетъ иногда существовать, съ лингвистической точки зрѣнія, болѣе тѣсное генетическое родство, нежели между языками, взаимное пониманіе носителей которыхъ происходитъ безъ всякаго затрудненія.

Точно такъ же мало доказательно указаніе на то обстоятельство, что кашубы, если только не подчиняются требованіямъ политики, никогда не называютъ себя поляками, ни своей рѣчи польскою, а всегда только кашубскою (стр. XLI—XLII). Карпатскіе, бескидскіе и татранскіе горцы польскаго происхожденія называютъ себя только „горцами“ (górale), въ различіи отъ „поляковъ“ (polacy), какъ жителей равнинъ, „полей“, и тѣмъ не менѣе никто не можетъ отказать имъ въ принадлежности къ польскому племени, если только подъ именемъ „полякъ“ понимается человѣкъ, говорящій на одномъ изъ говоровъ, обладающихъ такими-то и такими строго опредѣленными особенностями. Польскіе жители Силезіи только съ весьма недавняго времени стали осваиваться съ мыслью, что они тоже поляки; прежде же они были только „силезцами“, названіе же „полякъ“ было, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, обиднымъ ругательствомъ. Словинцы или словенцы въ Крайнѣ были всегда только крайнцами; названіе „словенецъ“ упрочилось въ разныхъ частяхъ Словенской земли, только благодаря усиленной пропагандѣ книгъ, газетъ и „интеллигентовъ“. А развѣ многіе русскіе или же польскіе крестьяне причисляютъ себя къ славянамъ? И развѣ вслѣдствіе этого своего „невѣдѣнія“ они перестаютъ быть славянами въ лингвистическомъ смыслѣ этого слова? Въ народныхъ массахъ подобныя обобщающія названія племенъ и народовъ прививаются постепенно, путемъ литературы, школы и т. д., вообще путемъ пропаганды, вслѣдствіе историческихъ условій, обыкновенно не по лингвистическимъ соображеніямъ, а по совершенно другимъ причинамъ.

Для подтвержденія своего мнѣнія объ отдѣльности кашубовъ отъ поляковъ г. Рамултъ ссылается на то, что кашубы не говорятъ между

Библиотека "Руниверс"

собою иначе, какъ только по-кашубски (стр. XLII). Но что же тутъ удивительнаго?! Развѣ мазуры не говорятъ между собою по-мазурски, курпяки по-курпицки, подлясяки по-подляски, жители любой деревни на говорѣ этой деревни?

Надо, право, сожалѣть, что г. Рамультъ подобными наивными мотивами ослабляетъ силу дѣйствительно научныхъ доводовъ, приводимыхъ имъ въ подтвержденіе общихъ положеній о мѣстѣ, занимаемомъ кашубскимъ языкомъ въ средѣ другихъ славянскихъ языковъ.

Эти положенія сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Рѣчь кашубовъ и словенцевъ не есть вовсе нарѣчіе польскаго языка, но особый славянскій языкъ (XXXIX).

2) Рѣчь кашубовъ и словенцевъ, равно какъ и рѣчь полабянъ, представляютъ нарѣчія одного и того же языка.

3) Группу нарѣчій, представляемыхъ рѣчью полабянъ, словенцевъ и кашубовъ, слѣдуетъ назвать поморскою (стр. XLII).

4) Поморскій языкъ, то-есть, группа поморскихъ нарѣчій, принадлежитъ къ семьѣ западно-славянскихъ языковъ.

5) Семья западно-славянскихъ языковъ дѣлится на четыре группы: a) чешско-словацкую (моравскую), b) сербскую (лужицко-сербскую), c) польскую, d) поморскую (стр. XLIII).

При этомъ высказываются слѣдующія мѣткія соображенія:

„Принимавшееся до сихъ поръ, формулированное Шлейхеромъ дѣленіе западно-славянской языковой семьи на двѣ вѣтви, чешскую и лехицкую, кажется намъ просто неумѣстнымъ, даже въ томъ случаѣ, если этой классификаціи приписывать значеніе единственно только научнаго, чисто теоретическаго обобщенія“ [я думаю, что всякая классификація имѣетъ именно только такое значеніе]. „Ибо, если, по Шлейхеру, рѣшающимъ моментомъ при дѣленіи западно-славянскихъ языковъ должно быть то обстоятельство, что однимъ изъ нихъ свойственны носовые гласные, другимъ же нѣтъ, то въ такомъ случаѣ можно бы съ равнымъ правомъ принять другой критерій того же рода, какъ, напримѣръ, замѣну такъ называемыхъ полугласныхъ гласными полными въ языкахъ польскомъ и чешскомъ, и исчезновеніе ихъ на почвѣ кашубской и сербской (лужицкой), какъ это показываютъ слѣдующіе примѣры: 1) польск. *kupiec*, чешск. *kupec*, кашубск. *kupc*, сербск. *kupc*, 2) польск. *samiec*, чешск. *samec*, кашубск. *samc*, сербск. *samc*, 3) польск. *świadek*, чешск. *svědek*, кашубск. *svjôdk*, сербск. *svjedk*, 4) польск. *synek*, чешск. *synek*, кашубск. *synk*.

Библиотека "Руниверс"

сербск. *synk*. На этомъ основаніи мы могли бы раздѣлить западно-славянскіе языки точно такъ же на двѣ только вѣтви: 1) польско-чешскую и 2) сербско-поморскую. Смягченіе *t* въ *ć*, *d* въ *dź* есть опять особенность только польскихъ и сербскихъ (лужицкихъ) говоровъ. Самое забавное сочетаніе получилось бы тогда, еслибы мы хотѣли создать особую языковую группу, соединенную общностью такъ называемаго „мазуренья“ (*„masursenia“*) (то-есть, произношенія *ц, с, з* вм. *ч, ш, ж*). „Тогда мы бы получили польско-нижнелужицко-полабскую семью, въ которой *č, š, ž* перешли въ *c, s, z*, но въ этой группѣ, которую, слѣдуя принятому обычаю, можно бы тоже назвать „лехицкою“, не помѣстился бы не только языкъ верхне-лужицкій, не только кашубскій, но даже польскій литературный языкъ!

„Эти примѣры, кажется, слишкомъ достаточны не только для того, чтобы отказаться отъ Шлейхерова дѣленія западно-славянскихъ языковъ на основаніи существованія или же несуществованія въ нихъ носовыхъ гласныхъ, но вообще для того, чтобы совершенно оставить этого рода классификаціонный методъ, состоящій въ сцѣпленіи отдѣльныхъ языковъ на основаніи немногочисленныхъ тождествъ или сходствъ (аналогій). Фактъ, что носовые гласные сохранились въ польскихъ и поморскихъ говорахъ, не доказываетъ еще самъ по себѣ ихъ близкаго родства, ибо въ такомъ случаѣ слѣдовало бы причислить къ этой группѣ тоже языкъ древне-болгарскій. Это послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ, что извѣстныя языковыя явленія развиваются или же—какъ въ данномъ случаѣ — сохраняются не непремѣнно на сосѣднихъ территоріяхъ. Отмѣчу здѣсь только тождество нѣкоторыхъ звуковъ въ поморскихъ говорахъ и въ резьянскомъ языкѣ“ (стр. XLIII).

6) Поморскій языкъ занимаетъ среднее мѣсто между польскимъ языкомъ и группою сербскихъ (лужицкихъ) нарѣчій (стр. XLIV).

Это послѣднее положеніе г. Рамулта едва ли можетъ быть поддерживаемо. Напротивъ того, я полагаю, что чуть ли не съ большимъ правомъ польская языковая область можетъ считаться переходною отъ сербо-лужицкой къ „поморской“, что, впрочемъ, признаетъ сейчасъ же и самъ авторъ:

„То же самое относится и къ польскимъ говорамъ, въ которыхъ есть много признаковъ, свойственныхъ единственно только сербскимъ (лужицкимъ) нарѣчіямъ, но чуждыхъ поморскимъ говорамъ. Слѣдовательно, поморскій языкъ стоитъ посерединѣ между языкомъ польскимъ и группою сербскою (лужицкою), эта послѣдняя между груп-

Библиотека "Руниверс"

пою польскою и поморскою, польская же между сербскою (лужицкою) и поморскою. Подобнымъ образомъ чешская группа занимаетъ среднее мѣсто между сербскою и польскою и т. д. Ясно, что наша точка зрѣнія въ этомъ дѣлѣ и методъ Шлейхера исключаютъ другъ друга" (стр. XLIV).

Какъ сейчасъ увидимъ, мой собственный взглядъ на отношеніе „поморскаго" языка къ польскому сходится со взглядомъ г. Рамулта; но этотъ послѣдній заходитъ слишкомъ далеко, составляя, съ одной стороны, изъ всѣхъ чешскихъ и словацкихъ говоровъ только одну общую группу, чешско-словацкую или „моравскую", съ другой же стороны выдѣляя поморскіе говоры въ группу, совершенно отдѣльную отъ польской и равноправную какъ съ этой, такъ и со всей сербо-лужицкой и со всей чешско-словацкой (моравской). По-моему, слѣдуетъ принять въ западно-славянскомъ языковомъ мірѣ или только три группы: а) чешско-словацкую, б) сербо-лужицкую, в) польско-поморскую, или же цѣлыхъ шесть: а) словацкую, б) чешскую, в) верхне-сербо-лужицкую, г) нижне-сербо-лужицкую, д) польскую, е) поморскую.

IV.

Мой собственный взглядъ на взаимное отношеніе языковыхъ областей „поморской" (кашубской) и польской.

Въ сборникѣ „Prace filologiczne", II, 1887, стр. 314, читаемъ, между прочимъ: „Что касается вопроса, принадлежитъ ли этотъ говоръ" (I, то-есть, кашубскій „говоръ") „къ польскимъ говорамъ", [г. Поблоцкій] „отвѣчаетъ на него утвердительно и, кажется, совершенно справедливо, потому что каждый языковѣдъ, ознакомившись съ кашубскою фонетикой, морфологіей и синтаксисомъ, ни одну минуту не поколеблется сказать, что это нарѣчіе есть ни болѣе, ни менѣе, какъ говоръ *велико-польскаго* діалекта" [1]).

Въ журналѣ *Wisła*, VI, 1892, стр. 950, сказано еще сильнѣе: „послѣ трудовъ ксендза Поблоцкаго, д-ра Бискупскаго, г. Донимирскаго и другихъ, рисковалъ бы сдѣлаться *смѣшнымъ* всякій, кто

[1]) „Co się tyczy pytania, czy gwara ta jest polską, odpowiada na nie twierdząco i, zdaje mi się, zupełnie zasadnie, gdyż każdy językoznawca, obeznawszy się z fonetyką, odmienną i słoworodem kaszubskim, ani na chwilę nie zawaha się wyrzec, że narzecze to jest ni mniéj, ni więcéj, jak gwarą dyjalektu wielkopolskiego".

Библиотека "Руниверс"

сталъ бы сомнѣваться въ томъ, что кашубы есть отпрыскъ польскаго племени, *мазурской* вѣтви" [1]).

Хотя здѣсь такъ рѣшительно осуждается всякая попытка считать кашубскую языковую область чѣмъ-то особымъ и хотя эта область окончательно включается въ польскую, съ тѣмъ только различіемъ, что разъ ей приходится фигурировать въ числѣ „великопольскихъ", другой же въ числѣ „мазурскихъ" говоровъ, я же все-таки, рискуя даже быть осмѣяннымъ и освистаннымъ, позволяю себѣ быть другого мнѣнія и утверждать, что *всѣ кашубскіе говоры, вмѣстѣ взятые, составляютъ особое цѣлое, въ противоположность всѣмъ польскимъ говорамъ, вмѣстѣ взятымъ.*

Этимъ, конечно, я еще не рѣшаю вопроса о степени родства польскихъ и кашубскихъ говоровъ, то-есть, объ ихъ большей или меньшей близости.

Д-ръ Надморскій (Dr. Nadmorski) въ своей статьѣ „Urządzenia społeczne, zwyczaje i gwara na Malborskiem" (*Wisła*, III, 1889, стр. 741) считаетъ кашубовъ поляками и все-таки противопоставляетъ всѣ кашубскіе говоры всѣмъ польскимъ, вмѣстѣ взятымъ [2]).

Отношеніе кашубской и польской языковой области опредѣлено лучше всего покойнымъ А. Ѳ. Гильфердингомъ въ его „Остаткахъ славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря", С.-Пб., 1862, стр. 80—81. Здѣсь читаемъ:

„Нарѣчіе, на которомъ говорятъ эти послѣдніе остатки прибалтійскихъ славянъ, имѣетъ наиболѣе сходства съ польскимъ языкомъ. Мы находимъ также въ разныхъ письменныхъ памятникахъ нѣкоторые обломки нарѣчія славянскаго населенія, жившаго въ старину на Эльбѣ и въ западной части Балтійскаго поморья. Обломки эти показываютъ, что языкъ прежнихъ славянскихъ обитателей Мекленбургіи, Бранденбургіи и Люнебургскаго *Вендланда* близокъ былъ къ типу польской рѣчи, но имѣлъ также свои характеристическія особенности.

---

[1]) „po pracach ks. Pobłockiego, d-ra Biskupskiego, p. Donimirskiego i innych, śmieszność by się okrył, ktokolwiek by wątpił, że Kaszubi nie są latorośla plemienia polskiego, gałęzi mazurskiej".

[2]) Вотъ его слова: „Pan Adam Zakrzewski proponuje utworzyć grupę gwar pomorsko-pruską, z podziałem na Kaszubów, Kociewiaków, Borowiaków, Krajniaków, Warmijaków itd. (*Wisła*, II, str. 190). Na ten podział zgodzić się nie mogę, bo naprzód narzecza kaszubskiego nie można żadną miarą stawiać na równi z resztą gwar polskich, więc trzeba dla ludowego języka naszego przyjąć dwa główne działy: A. narzecze kaszubskie, B. gwary polskie".

Библиотека "Руниверс"

Это свидѣтельство признаковъ лингвистическихъ, подкрѣпляемое разными историческими фактами, наводитъ на мысль, что польскій языкъ и языкъ прибалтійскихъ славянъ составляли *одну общую вѣтвь* славянской рѣчи, вѣтвь, которую можно назвать ляшскою, и что вѣтвь эта раздѣлилась на два нарѣчія, польское и прибалтійское, точно такъ же, какъ, напримѣръ, русская вѣтвь раздѣлилась на нарѣчія великорусское и малорусское. Языкъ кашубовъ и померанскихъ словинцевъ есть послѣдній живой остатокъ прибалтійскаго нарѣчія, объемъ котораго въ средніе вѣка былъ, по крайней мѣрѣ, равенъ объему нарѣчія польскаго, но которое несчастныя обстоятельства мало-по-малу стерли и стираютъ съ лица земли. Потому мнѣніе, господствующее въ образованномъ классѣ туземцевъ, будто кашубское нарѣчіе есть лишь искаженный польскій языкъ, совершенно ложно: это то же самое, какъ если бы кто нибудь сталъ увѣрять, что малороссійскій языкъ есть испорченный великорусскій. Но мнѣніе это могло легко составиться и весьма извинительно. Дѣло въ томъ, что прибалтійское нарѣчіе угасло въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оно должно было имѣть всю полноту своего своеобразнаго типа, то-есть, на берегахъ Эльбы и въ западной части Балтійскаго поморья; мы его знаемъ только въ мѣстахъ, гдѣ оно граничитъ съ чистымъ польскимъ языкомъ, и гдѣ, естественно, въ говорѣ народа слышенъ переходъ къ этому языку. Представьте себѣ малороссійскую рѣчь исчезнувшею вездѣ, кромѣ какъ на пограничной чертѣ съ великорусскимъ племенемъ, напримѣръ, на рубежѣ Курской и Черниговской губерніи: въ такомъ случаѣ трудно бы было представить себѣ своеобразный типъ этого языка и освободиться отъ мнѣнія, что тамошняя рѣчь есть только искаженный мѣстный говоръ".

Подъ этимъ сужденіемъ Гильфердинга можно подписаться и теперь почти безъ оговорокъ. Постараюсь подтвердить его подробнымъ разборомъ относящихся сюда фонетическихъ и морфологическихъ фактовъ. При этомъ укажу сначала на явленія, которыми нельзя вовсе пользоваться для діалектологическихъ цѣлей, то-есть, которыя не характеризуютъ вовсе одной языковой области въ различіи отъ другой; и затѣмъ только перейду къ особенностямъ, общимъ всей кашубской территоріи, въ различіи отъ всей совокупности польскихъ говоровъ.

Мѣсто прежняго общеславянскаго „твердаго" *лъ* (*ł*) заняли въ различныхъ кашубскихъ мѣстностяхъ три различныхъ звука: есть кашубы, въ особенности сѣверные, которые произносятъ „чистое" *ł*, на подобіе великорусскаго или же „образцоваго", „нормальнаго"

Библиотека "Руниверс"

польскаго *ł*; у большинства кашубовъ встрѣчаемъ вмѣсто этого неслогообразующее *ў* (*w*) [1]), въ родѣ произносимаго въ концѣ слоговъ *лъ* малорусскаго или скорѣе бѣлорусскаго; наконецъ, у незначительной части кашубовъ слышится „средне“ *л* (*l*), сходное съ нѣмецкимъ или же „нормальнымъ“ чешскимъ *l* (Словарь Рамулта, стр. XXVII). Подобное разнообразіе „произношенія твердаго *л*“ свойственно и другимъ славянскимъ языковымъ областямъ. Оно извѣстно, напримѣръ, изъ словинской (крайно-словенской) діалектологіи (изъ діалектологіи славянъ Крайны, Штиріи, Хорутаніи, Горицы, Истріи, Хорваціи, частички Венгріи и частички сѣверной Италіи): у однихъ тамъ *ł* (*лъ*), у другихъ *w* (*ў*), у третьихъ *l* (*ль*). У чеховъ имѣются говоры съ *l* и говоры съ *ł*. Что касается польской языковой области, то, не говоря о незначительномъ числѣ поляковъ, произносящихъ *l*, можно отмѣтить распаденіе этой области на двѣ части: у меньшинства поляковъ сохранилось *ł* (*лг*), значительное же большинство произноситъ вмѣсто этого неслогообразующее *w* (*ў*). Есть цѣлые польскіе говоры съ этимъ *w*, да, кромѣ того, и среди говоровъ съ *ł* (къ которымъ слѣдуетъ причислить тоже общелитературный польскій языкъ) все чаще попадаются личности, не будущія въ состояніи выговорить *ł* и замѣняющія его вокализованнымъ звукомъ *w*.

Понятно, на такой особенности нельзя основывать діалектологической характеристики цѣлыхъ языковыхъ областей. Можно только замѣтить, что историческій переходъ *ł* въ *w* свойственъ по преимуществу славянскому сѣверо-западу. Здѣсь найдутся всѣ лужичане, большинство кашубовъ и почти всѣ западные поляки, прежде всего же великополяне. Замѣчательно, что и въ словинской (крайно-словенской) языковой области произношеніе *w* вмѣсто *ł* свойственно сѣверо-западу, именно жителямъ Хорутаніи и верхней Крайны.

Г. Рамултъ ошибается, утверждая, что *y* (*ы*) только у кашубовъ звучитъ почти какъ *i*, даже послѣ *ł* и *n*, что польскому уху кажется чѣмъ-то очень чуждымъ и для произношенія невозможнымъ (стр. XXV), и что польскому *y* послѣ *d*, *t*, *x*, *s*, *r*; *š*, *ž*, *ř*, *č*, (*dž*); *c*, *dz* соотвѣтствуетъ де только въ кашубскомъ *i* (стр. XXXIV № 28). Вообще въ произношеніи всѣхъ поляковъ гласная, вокальная сторона звука, обозначаемаго въ польской графикѣ буквою *i*, разнится очень мало отъ гласной, вокальной стороны гласнаго звука, обозначаемаго

[1]) По типографическимъ соображеніямъ звукъ этотъ обозначаю буквою *w*, вмѣсто буквы *ѵ* съ обратной „краткой“ внизу.

Библиотека "Руниверс"

въ польской графикѣ буквою *y*. Главное, существенное различіе между ними въ предшествующемъ согласномъ: передъ *i* согласный „мягкій", передъ *y* же согласный „твердый". Гласное съуженіе полости рта при *i* и при *y* производится въ мѣстахъ очень близкихъ: *i* нѣсколько впереди, *y* же нѣсколько позади, въ полной зависимости отъ природы, то-есть, отъ „мягкости" или же отъ „твердости" предшествующаго согласнаго. Въ значительной части чисто польской территоріи разстояніе мѣстъ приближенія языка къ небу, или мѣстъ гласнаго, вокальнаго съуженія полости рта при *i* и при *y*, столь незначительно, что мы имѣемъ право считать его минимальнымъ, то-есть, для обыкновеннаго, невооруженнаго уха и для обыкновенной наблюдательности несуществующимъ. Въ этихъ польскихъ говорахъ слова *syn*, *ryba*, *łysy* и т. п. звучатъ просто *sin*, *riba*, *łisi* и т. п., съ тою только оговоркой, что предшествующіе согласные остаются „твердыми", *s*, *r*, *ł*, а не *ś*, *ŕ*, *l*, однимъ словомъ какъ есть на „кашубскій" ладъ. Изъ этого явствуетъ, что г. Рамультъ подобное произношеніе *y*, какъ *i*, считаетъ невѣрно признакомъ „поморскаго" или кашубскаго языка, въ различіи отъ польскаго.

Нельзя тоже никоимъ образомъ считать губно-губное *w*, рядомъ съ зубно-губнымъ *v*, признакомъ кашубизма, въ различіи отъ польской языковой области (Словарь Рамулта, стр. XXVIII, XXXVI, № 74). Подобное губно-губное *w* не только возможно въ отдѣльныхъ польскихъ говорахъ, но и дѣйствительно въ нихъ появляется, и какъ замѣнитель зубно-губнаго *v*, и какъ вторичный согласный, появляющійся передъ начальными гласными *o*, *u* (напримѣръ, *wojciec*, *wołko*, *wumieć* вмѣсто *ojciec*, *oko*, *umieć* и т. п.). Интересно только то, что въ кашубскомъ губно-губное *w* встрѣчается передъ губными гласными *o*, *u*, тогда какъ передъ другими гласными остается зубно-губное *v*. Это различеніе напоминаетъ нѣсколько подобное же различеніе въ резьянскихъ говорахъ [1]).

Носовые гласные *ị* и *ụ* (Словарь Рамулта, стр. XXIV, XXV) свойственны тоже нѣкоторымъ польскимъ говорамъ, стало быть, и въ нихъ нельзя видѣть отличительнаго признака кашубской языковой области. Между прочимъ, въ окрестностяхъ Кракова слышится, напримѣръ, ṕiṅć=pję (пять).

Свойственный не всей кашубской территоріи, но только большин-

[1]) Смотри мой „Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава. Петербург. 1875", § 18.

Библиотека "Руниверс"

ству ея говоровъ, гласный *ü*, звучащій де, „какъ резъянское *ü*, полабское *ü*, французское *u*, нѣмецкое *ü*“, и замѣняющій собою общеславянскіе и польскіе гласные *u* и *o* въ закрытыхъ слогахъ“ (Слов. Рамулта, стр. XXV), уже по одному тому не можетъ служить характеристическимъ признакомъ кашубскаго языка, въ различіи отъ польскаго, что онъ является далеко не во всѣхъ кашубскихъ говорахъ.

По сообщенію Рамулта (Словарь, стр. XXVIII—XXIX), въ кашубскомъ „языкѣ“ слѣдуетъ различать гласные краткіе и долгіе. Эти послѣдніе слышатся весьма явственно и произошли большею частью вслѣдствіе стяженія (контракціи) или же, какъ я это формулирую, вслѣдствіе замѣнительнаго растяженія (Ersatzdehnung, *productio suppletoria*). Вотъ нѣкоторые случаи появленія долгихъ гласныхъ:

1) Въ „окончаніи“ 1, 2 и 3 лица ед. ч. ж. р., равно какъ и 1 и 2 лица двойств. ч. прошедшаго времени (собственно причастія, входящаго въ составъ описательной формы) имѣемъ долгія *a* и *ą*, напримѣръ: *jô jem dà* (я дала), *té jes dà* (ты дала), *wœna dà* (она дала), *ma jesma dà* (мы двое дали, мы двѣ дали), *va jesta dà* (вы двое дали, вы двѣ дали), *mabé jesma dà*, *mabjesma dà*, *mabésma dà* (мы двое дали бы), *ze té jes są pœzevà?* (гдѣ ты дѣвалась?), *jô jem vsą* (я взяла), *té jes vsą* (ты взяла), *wœna vsą* (она взяла), *pœčą* (начала), *wują* (схватила), *wušą* (сжала, нажала), *věrną* (вырѣзала), *ma jesma sapœčą* (мы вдвоемъ начали), *vasta sapœčą* (вы вдвоемъ начали) и т. п., гдѣ *dà*, *pœzevà*, *vsą*, *pœčą*, *wują*, *wušą*, *věrną*, *sapœčą* представляютъ сокращенія болѣе полныхъ формъ *dała*, *pœzevała*, *vsąła*, *pœčąła*, *wująła*, *wušąła*, *věrnąła* и т. д.

2) Въ слогахъ, происшедшихъ изъ „стяженія“ двухъ или болѣе слоговъ вслѣдствіе исчезновенія гласнаго, соотвѣтствующаго древнеболгарскимъ (древнецерковнославянскимъ) ъ или ь, общеславянскимъ ŭ и ĭ, имѣется долгое *a*: *dàtk*, *bràtk*, *pœdàtk*, *rdŕànc*. *wœklepànc*, *màtk*. Это *à*, равно какъ и *à* предшествующаго случая, сопровождается удареніемъ.

3) *e* является долгимъ: *a*) во всѣхъ формахъ сложнаго („стяженнаго“) склоненія прилагательныхъ: *dobrè*, *dobrègœ*, *dobrèmu*; *bélnègœ kndpa* (дѣльнаго малаго), *stórèmu pane* (старому господину); *dobrè bjalći* (хорошей жены), *dobrè bjalći* или *bjalće* (хорошія жены), *vjelzè zèckœ* (большой ребенокъ), *léxè kœńe* (плохія лошади), *snášè zèvčéné* (красивыя дѣвушки), *ndpartè zècé* (упрямыя дѣти); *b*) въ склоненіи существительныхъ средняго рода, „оканчивающихся“ на *-ije* (*-è*): *žécè* (жизнь), род. ед. *žecègœ* (жизни), дат. ед. *žécèmu* (жизни), *kòsańè*

Библиотека "Руниверс"

(проповѣдь), род. ед. *kôzańègœ*, дат. ед. *kôzańètu*, *zbœŕè* (хлѣбъ на полѣ), род. *zbœžègœ*, дат. *zbœzètu* и т. д., *c*) во многихъ случаяхъ, когда *e* является кореспондентомъ или „рефлексомъ“ древнецерковно-славянскаго ѣ: *spjèv* (пѣнье), *bjèda* (бѣда), *gńèzęźc sę*; *d*) въ слогѣ *ńè*— въ словахъ *ńèlońi* (въ запрошломъ году), *ńèvitro* (послѣзавтра), *zańèvitro*, *pœzańèvitro* (черезъ три дня), *ńèvčerô* (третьяго дня), *zańèvčerô*, *pœzańèvčerô* (четвертаго дня), *ńèxto* (кто-то), *ńèco* (что-то) и т. п.; *e*) въ словахъ, заимствованныхъ изъ нижненѣмецкихъ нарѣчій, въ которыхъ уже это *e* является долгимъ: *mèst* (обыкновенно), *mèster* (мастеръ), *vèda* (настбище), *krèda* (мѣлъ) и т. п.; *f*) еще въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ.

4) Всегда долгими являются *ê*, *ô*, *ò*.

5) Всегда кратко *é*.

Формулируя эти отношенія долготы и краткости, я придерживаюсь самого г. Рамулта; ибо для другой, болѣе точной и болѣе научной формулировки необходимы были бы подробныя сопоставленія и изслѣдованія, для которыхъ у меня нѣтъ пока времени, да и наврядъ ли можно бы совершить ихъ успѣшно, не ознакомившись съ кашубскими говорами черезъ непосредственное наблюденіе.

[Для надлежащаго пониманія транскрипціи г. Рамулта, сообщаю здѣсь объясненіе употребляемыхъ имъ знаковъ для гласныхъ, руководствуясь при этомъ его же собственными толкованіями.

à—означаетъ долгое *a*, произносимое къ тому же болѣе широкимъ растворомъ рта, нежели при краткомъ *a*;

ą—не носовое *o*, какъ въ польскомъ, но носовое *a*, въ родѣ французскаго *en* въ *enfin*;

é—краткое, сжатое *e*, среднее по раствору между *i* и среднимъ *e*;

è—долгое *e*, къ тому же болѣе широкаго раствора, нежели простое *e*;

ê—долгое, сдавленное *e*, звучащее сходно съ нѣмецкимъ *ö* въ *schön*; этотъ звукъ очень близокъ къ поморскому же *ô*, и вся разница между ними состоитъ въ томъ, что при произношеніи *ô* языкъ принимаетъ болѣе плоское положеніе, нежели при *ô*, такъ что, вслѣдствіе этого *ê* ближе гласнаго *e*, *ô* же ближе гласнаго *o*;

ò — „темное“ (вѣроятно, узкое по раствору) и долгое *o*, похожее на нѣмецкое *o* въ *Noth*, а не на польское *ó* (= *u*);

ô—звучитъ, какъ нѣмецкое *ö* въ *schön*, или какъ французское *eu* въ *bleu*;

œ—двоегласный, въ которомъ слышится и *o*, и *e*, но однакожъ болѣе *e*, чѣмъ *o*, въ скороговоркѣ часто, какъ *we*=*üe*;

ǫ—носовое *o*, какъ польское *ą*.]

Библиотека "Руниверс"

Выше изложенное касается свойственнаго кашубской языковой области различенія долгихъ и краткихъ гласныхъ. Но и этого различенія нельзя считать характеристическимъ признакомъ кашубизма, въ противоположность полонизму, ибо черезъ подобное различеніе проходила тоже и польская языковая область. Однакожъ нельзя отрицать, что въ той мѣрѣ и въ томъ видѣ, какъ еще теперь въ кашубскомъ, различеніе это никогда не было свойственно польской языковой области.

Здѣсь само собою напрашивается указаніе на свойственное кашубской языковой области подвижное удареніе, но объ немъ рѣчь впереди.

Въ числѣ якобы характеристическихъ для „поморскаго“ или кашубскаго языка особенностей г. Рамультъ приводитъ изъявительное наклоненіе глагола *bëc* (быть) въ видѣ *mdą* (буду), *mześ* (будешь), *mze* (будетъ), *mzema* (двойств.: будемъ), *mzeta* (двойств.: будете), *mzemé* (будемъ), *mzece* (будете), *mdą* (будутъ), происшедшихъ вслѣдствіе сокращенія изъ прежнихъ и теперь еще рядомъ существующихъ полныхъ формъ *bądą* или *bądą*, *bązés* или *bąześ*, *bõze* или *bąze* и т. д. (стр. XXXV № 52). Этотъ сокращенный видъ, *mdą*, *mześ* и т. д., появился, какъ мнѣ кажется, въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголъ *буду*, *будешь* и т. д. лишенъ своего полнаго, настоящаго содержанія и сходитъ на степень вспомогательной, прибавочной частицы. Въ значеніи самостоятельнаго глагола употребляются именно только что названныя формы: въ сѣверныхъ и среднихъ говорахъ *bądą*, *bąześ* и т. д., въ говорахъ же южныхъ *bądą*, *bąześ* и т. д. По имѣющимся до сихъ поръ въ нашемъ распоряженіи даннымъ, это сокращеніе *bądą* или *bądą* въ *mdą* и т. д. есть дѣйствительно признакъ кашубской рѣчи, но признакъ столь незначительный и, можно сказать, случайный, что на немъ нельзя вовсе основывать діалектологической классификаціи. И вообще своеобразныя измѣненія словъ обособленныхъ, часто употребляемыхъ, лишенныхъ своего настоящаго содержанія, не годятся для діалектологическихъ цѣлей. За то они очень важны и интересны, какъ матеріалъ для индуктивныхъ выводовъ по общей фонетикѣ, морфологіи и теоріи развитія человѣческаго языка вообще.

Укажу теперь на факты, которые г. Рамультъ старался возвести на степень характеристическихъ признаковъ кашубской рѣчи въ различіи отъ польской, но которые однакожъ лишены всякаго значенія въ этомъ отношеніи, ибо повторяются болѣе или менѣе часто тоже въ польской языковой области. Таковы:

1) Произношеніе окончанія *ej* сравнительной степени нарѣчій, какъ

Библиотека "Руниверс"

i [*lepi* (lepiej, лучше), *nôlepi* (najlepiej, лучше всего), *gœŕi* (gorzej, хуже) и т. п.], замѣна того же сочетанія *ej* въ сравнительной и превосходной степени прилагательныхъ простымъ гласнымъ *e* или *è* [*cepleši*, *cepléši* (cieplejszy, теплѣе), *mješi*, *mjéši* (mniejszy, менѣе), *nômądřeši* или *nômądřéši* (najmądrzejszy, умнѣе всѣхъ) и т. п.] (стр. XXXIII №№ 15 и 16).

2) Сохраненіе прежняго сочетанія *ir*, *iř*: *čvirc* (ćwierć, четверть), *smirc* (śmierć, смерть), *cvirzéc* (twierdzić, твердить). *viřba* (wierzba, верба), *vircéc* (wiercić вертѣть) и т. п. (стр. XXXIII, № 20). Въ прежнее время это сочетаніе было свойственно всей польской языковой области, и только впослѣдствіи оно было замѣнено сочетаніемъ *er*, *eř*; но все-таки и теперь въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ сохраняется *ir*, *iř*.

3) Такъ называемые „придыхательные“ согласные, то-есть, говоря точнѣе, замѣна начальныхъ гласныхъ словъ сочетаніемъ согласнаго съ гласнымъ не составляетъ вовсе исключительной принадлежности „поморскаго языка“, какъ это думаетъ г. Рамультъ (стр. XXXV, №№ 61, 62 и 63). Слова въ родѣ *Jagata* (*Агата*, *Агаѳья*), *Jądŕi* (Андрей) и т. п., *wœna* (она), *wœkæ* (око, глазъ), *wœrac* (орать, пахать), *nôwuka* (наука) и т. п. встрѣчаются сплошь да рядомъ въ разныхъ говорахъ польской территоріи. Эту замѣну я объясняю себѣ фонетическою „аналогіей“, то-есть, стремленіемъ уподобить фонетическое строеніе этихъ чрезвычайно рѣдкихъ слоговъ фонетическому строенію громаднаго большинства слоговъ, въ которыхъ гласному предшествуетъ особый, ясно опредѣленный согласный или даже цѣлое сочетаніе согласныхъ. Что же касается сочетанія *ji* въ началѣ словъ и слоговъ (см. тоже стр. XXVII), то оно представляетъ нормальное произношеніе „гласнаго“ *i* всѣми поляками, и изъ него ужъ никакъ нельзя сочинить характеристическаго признака одной только кашубской рѣчи. Принимая въ словахъ *vitro* (jutro, завтра), *vitreši* (jutrzejszy, завтрашній), *ńevitro* (pojutrze, послѣзавтра) и т. п. тоже такой „придыхательный“ согласный *v*, авторъ невѣрно понимаетъ происхожденіе начальнаго сочетанія этихъ словъ. Здѣсь, съ чисто фонетической точки зрѣнія, произошла перестановка (*metathesis*) составныхъ элементовъ слога: *ju* перешло въ *vi*; но настоящая причина этой перестановки остается невыясненною. Этотъ фонетическій процессъ совершился, вѣроятно, на психической подкладкѣ. Появленіе „придыхательныхъ“ согласныхъ слѣдуетъ разсматривать въ связи съ согласными *h*, *j* и *w*; объ этомъ послѣднемъ было сказано выше.

Библиотека "Руниверс"

4) Появленіе въ кашубскомъ полныхъ гласныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ „нормальномъ“ польскомъ языкѣ имѣется нуль звука, то-есть, нѣтъ никакого особаго звука. Это замѣтно прежде всего въ конечныхъ сочетаніяхъ какого либо согласнаго съ согласнымъ *r*: *Pjotr* (Piotr, Петръ), *vjater* (wiatr, вѣтеръ), *loter* (łotr, мошенникъ) (стр. XXXIII, № 14), да къ тому же, напримѣръ, въ *pèstri* (pstry, пестрый) (стр. XXXVI, № 77). Такія фонетическія формы этихъ словъ встрѣчаются въ разныхъ польскихъ говорахъ, появленіе же *e* передъ конечнымъ *r* въ сочетаніи съ предшествующимъ согласнымъ объясняется стремленіемъ къ избѣжанію глухаго *r*.

5) Описываемое г. Рамултомъ произношеніе согласнаго *ř* (стр. XXVII, XXXVI, № 66) повторяется тоже и въ польскихъ говорахъ. Точно также повторяется въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ слитіе сочетаній *rs* и *rz* въ простой согласный *ř*, равно какъ и сохраненіе *ŕ*, происшедшаго изъ палатализованнаго или „смягченнаго“ *ŕ* въ сочетаніи со слѣдующими палатальными или мягкими согласными: *lekařći* (lekarski, лѣкарскій), *mařći* (morski, морской), *lekařkô* (lekarska, лѣкарская), *pîrćeń* (pierścień, перстень, кольцо) и т. п., *mjařnǫc* (marznąć, мерзнуть), *smjařły* (zmarzły, zmarźnięty, смерзнувшій), *smiřały* (*zmirziały, obmierzły, мерзкій, противный) и т. п., *čeŕvjony* (czerwony, красный), *čeŕvjeńic* (czerwienić, дѣлать краснымъ), *strebŕnik* (srebrnik, серебренникъ), *kařčev* (warzęcha, уполовникъ) и т. п. (стр. XXXVI №№, 67, 68 и 69).

6) Замѣна сочетанія согласныхъ *ć́ć* (изъ древняго čĭt-, чьт-), сочетаніемъ *tć*, по-кашубски *tc*, *tč*—*woutcévy* (uczciwy, честный), *woutcévje* (uczciwie, честно), *woutcéwœsc* (uczciwość, честность), *potcévy* (poczciwy, честный, добродушный), *tcéc* (czcić, чтить), *tcé* (czcij, чти), *tči* (czci, чести) и т. п. (стр. XXXV, № 55),—повторяется тоже и въ польскихъ говорахъ. Замѣчательно при этомъ, что въ кашубскомъ *tć* свойственно односложнымъ формамъ, *tc* же формамъ многосложнымъ. Антропофонически можно объяснить эту замѣну въ слѣдующей формулѣ:

$$\check{c} = t\acute{s}, \quad c = ts, \quad \acute{c} = t\acute{s};$$

стало быть, переходъ

$$\check{c}\acute{c} \text{ въ } t\check{c} \text{ или } tc$$

разлагается на переходъ

$$t\check{s}t\acute{s} \text{ или въ } t\check{s}t\check{s} = tt\check{s} \ (t\check{c}),$$

или же въ $t\acute{s}t\acute{s} = tt\acute{s} \ (t\acute{c})$, то-есть, для кашубскаго *tts* (*tc*).

Библиотека "Руниверс"

7) Безъ всякой нужды г. Рамултъ разбилъ на два номера одно въ сущности явленіе развитія сжатаго или взрывнаго согласнаго, *t* или *d*, между придувнымъ (спирантомъ), *s* или *z*, и *r*- образнымъ согласнымъ, *r* или *ř*. Это №№ 72 и 76 (стр. XXXVI). Въ первомъ изъ нихъ говорится о поморскомъ *stř* вм. польскихъ *sr*, *śr*, напримѣръ, *střoda* (środa, середа), *středny* (średni, средній), *véstřòdk* (środek, середина), *střebro* (srebro, серебро) и т. п.; во второмъ же о поморскихъ *zdr*, *zdř* вм. польскихъ *sr*, *śr*: *zdrąbé* (zręby, wióry, обрубки, стружки, щепки), *zdřec* (**śrzeć*, patrzeć, зрѣть), *zdřeńica* (źrenica, зѣница), *zdřòdło* (źródło, источникъ)... Эту особенность г. Рамултъ выставляетъ тоже, какъ исключительно кашубскую, въ различіи отъ польскаго; между тѣмъ она повторяется въ отдѣльныхъ польскихъ говорахъ. Впрочемъ, этотъ фонетическій процессъ основывается на общечеловѣческихъ стремленіяхъ и повторяется въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, совершенно такъ же, какъ, напримѣръ, измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ носовыхъ согласныхъ.

Своеобразныя отношенія въ области поморскихъ или кашубскихъ носовыхъ гласныхъ г. Рамултъ считаетъ чѣмъ-то исключительно поморскимъ и видитъ въ этомъ особый признакъ этой языковой области, въ различіи отъ польской. Онъ насчитываетъ здѣсь даже не одинъ, но цѣлыхъ четырнадцать отличительныхъ признаковъ, а именно:

1) Общегосподствующимъ на Поморьѣ звукомъ, соотвѣтствующимъ польскому и древне-церковнославянскому *ę* (ѧ), является *ą* (носовое *a*) (стр. XXXIV, № 30).

2) Польскому и др.-церковнославянскому *ą* (ѫ) (носовому *o*) въ неокончательномъ и повелительномъ наклоненіи глаголовъ съ носовымъ гласнымъ въ корнѣ, соотвѣтствуетъ въ поморскомъ *ą* (носовое *a*): *sążéc* (sądzić, судить), *sążé* (sądź, суди), *žądac* (żądać, жадать, требовать), *žądój* (żądaj, требуй), *bążé* (bądź, будь) и т. п. (стр. XXXIV, № 31).

3) Польскому *ą* (носовому *o*), др.-ц.-сл. *ę*, въ именахъ числительныхъ количественныхъ, сложныхъ съ *-dziesiąt* (др.-ц.-сл. -дєсѧтє), соотвѣтствуетъ въ поморскомъ *ą*: *pižesąt* (pięćdziesiąt, 50), *šesczesąt* (sześćdziesiąt, 60), *wœsmézesąt* (osiemdziesiąt, 80); но *zesęti* (dziesiąty, десятый). *zesętka* (dziesiątka, десятокъ) (стр. XXXIV, № 32).

4) Польскому *ą* (носовому *o*) въ суффиксѣ *ęt*, образующемъ существительныя уменьшительныя, и именно въ родит. пад. множ. числа, соотвѣтствуетъ *ą* (носовое *a*): *celąt* (cieląt, телятъ), *dřevíąt* (drzew.

Библиотека "Руниверс"

деревьевъ), *rębjąt* (rybek, рыбокъ), *zgřebǒąt* (źrzebiąt, жеребятъ) (стр. XXXIV, № 33).

5) Польскому ą (носовому *o*) соотвѣтствуетъ въ поморскомъ (кашубскомъ) *i* въ словѣ *dic* (dąć, дуть) (стр. XXXIV, № 34).

6) Польскому (*i*)ę, (*i*)ą въ корняхъ и суффиксахъ соотвѣтствуетъ поморское (*j*)*i*, (*j*)*é*: *źio* (giąć, гнуть), *mjic* (miąć, мять), *pjic* (piąć, -пять), *přisc* (prząść, прясти), *vjisc* (*wiązc, dziergać sieci, вязать сѣти), *třiso* (trząść, трясти), *přédą* (przędę, пряду), *přézé* (prządz, пряди), *vjisą*, *visą* (*więzę, вяжу), *třésą* (trzęsę, трясу), *třéséce* (trząście, трясите), *zękævac* (dziękować, благодарить), *pjisc* (pięść, кулакъ), *zèvčéca* (dziewczęcia, дѣвочки), *èvzčéci* (dziewczęcy, дѣвочкинъ), *krôsńica* (kraśnięcia, карлика), *krôsńicô* (kraśnięca, карликова) (стр. XXXIV, № 35).

7) Польскому (*i*)ę въ числительныхъ pięć, dziewięć и т. д. соотвѣтствуетъ поморское į (носовое *i*): *pjc* (pięć, 5), *pjęssąt* (pięćdziesiąt, 50), *zevjc* (dziewięć, 9), *zevjcnôsce* (dziewiętnaście, 19), *zesjo* (dziesięć, 10) (стр. XXXIV, № 36).

8) Польскому ą въ суфиксѣ *ąt* числительныхъ порядковыхъ, оканчивающихся въ польскомъ на *-ąty*, соотвѣтствуетъ въ поморскомъ нуль звука, или отсутствіе всякаго гласнаго, и именно вслѣдствіе „аналогіи“ къ *dvaęsti* (dwudziesty, двадцатый), *třęęsti* (trzydziesty, тридцатый), *šteręesti* (czterdziesty, сороковой); поэтому и имѣется *pjęesti* (pięćdziesiąty, пятидесятый), *šesczesti* (sześćdziesiąty, шестидесятый), *setmęesti* (siedemdziesiąty, семидесятый), *wæsmęesti* (osiemdziesiąty, восьмидесятый), *zevjęesti* (dziewięćdziesiąty, девяностый) (стр. XXXIV, № 37).

Кромѣ того, есть въ поморскомъ или кашубскомъ производные, вторичные носовые гласные, развившіеся изъ сочетанія чистаго гласнаго съ общеславянскимъ носовымъ согласнымъ. Таковы:

9) Поморское ą (носовое *a*), соотвѣтствующее общепольскимъ *an*, *ań*: *Ąton* (Antoni, Антонъ), *Ądri* (Andrzej, Андрей), *Ągléjô* (Anglija Англія), *ąęlsći* (angielski, англійскій), *tącovac* (tańcować, танцовать), *hądel* (handel, торговля), *tą* (tam, тамъ); кромѣ того, въ заимствованныхъ словахъ новѣйшаго времени (стр. XXXIV, № 38);

10) поморское ą (носовое *a*), соотвѣтствующее латинско-польскому *en*: *testamąt* (testament, завѣщаніе), *įstramąt* (instrument, инструментъ) (стр. XXXIV, № 39);

11) поморское ǫ (носовое *o*), соотвѣтствующее польскому *ńa*, нѣмецкому *an*: *tǫc* (Tanz, taniec, танецъ), *strǫd* (Strand, wybrzeże, побережье) (стр. XXXIV, № 40);

Библиотека "Руниверс"

12) поморское *ę* (носовое *e*), соотвѣтствующее польскому *em* въ творит. над. ед. числа муж. и средн. рода существительныхъ: *panę* (panem, господиномъ), *Bægę* (Bogiem, Богомъ), *bœrę* (borem, боромъ, сосняком̀ъ), *knôpę* (мальчикомъ), *żèckę* (dzieckiem, ребенкомъ), *sgřebicę* (źrzebięciem, жеребенкомъ), *słonyśkę* (słoneczkiem, солнышкомъ) *mœŕę* (morzem, моремъ), *topœŕéśćę* (toporzyskiem, топорищемъ) (стр. XXXIV, № 41);

13) поморское *į* носовое *i*), соотвѣтствующее польскому и чужеземному *in*: *fląta* (flinta, ружье), *įstalacéjô* (instalacyja, опредѣленіе въ чинъ, введеніе въ должность), *įstramąt* (instrument, инструментъ) (стр. XXXIV, № 42);

14) поморское *ų*, соотвѣтствующее польскому и чужеземному *un*, *um*: *bųt* (bunt, бунтъ), *kųšt* (kunszt, нѣм. Kunst, искусство), *Dųčźk* (Duńczyk, датчанинъ). Діалектически *u* появляется вмѣсто обще-поморскаго *ǫ*: *Gdųsk* (Гданскъ, Данцигъ), *mųž* (мужъ), *skųd* (откуда) и т. п. (стр. XXXIV, № 43).

Упомянутое раньше пристрастіе г. Рамулта къ дробленію фактовъ, подходящихъ собственно подъ одно общее понятіе, сказывается и при носовыхъ гласныхъ. Можно было ограничиться двумя-тремя пунктами, а г. Рамультъ сочинилъ цѣлыхъ четырнадцать!

Исключивъ пунктъ 8-й (№ 37), какъ сюда вовсе не подходящій, и указывающій на фактъ не фонетическаго, но психически-морфологическаго характера, остальные 13 пунктовъ можно раздѣлить на три группы: къ первой относятся всѣ номера, трактующіе о соотвѣтствіи поморскихъ носовыхъ гласныхъ польскимъ носовымъ гласнымъ (пункты, 1, 2, 3, 4, 7=№№ 30, 31, 32, 33, 36); ко второй—пункты, гдѣ говорится о соотвѣтствіи поморскихъ чистыхъ гласныхъ *i* и *é* польскимъ носовымъ гласнымъ (пункты 5 и 6 = №№ 34 и 35); наконецъ, въ третью группу войдутъ всѣ соотвѣтствія поморскихъ вторичныхъ носовыхъ гласныхъ польскимъ сочетаніямъ чистыхъ гласныхъ съ носовыми согласными (пункты 9, 10, 11, 12, 13, 14 = №№ 38, 39, 40, 41, 42, 43).

Третья группа соотвѣтствій не заключаетъ въ себѣ ничего специфически поморскаго или кашубскаго. Такіе „вторичные“ носовые гласные встрѣчаются не только въ силезскихъ, но и во многихъ другихъ польскихъ говорахъ; стало быть, незачѣмъ было указывать на нихъ, какъ на нѣчто исключительно кашубское. (См. тоже стр. XXIV и XXV).

Точно также и носовые гласные *ą* (носовое *a*) и *į* (носовое *i*) да-

Библиотека "Руниверс"

леко не чужды разнымъ польскимъ говорамъ, и болѣе или менѣе въ тѣхъ же словахъ, что̀ и въ кашубской рѣчи. Въ кашубскомъ имѣются, правда, своеобразныя взаимныя отношенія носовыхъ гласныхъ, но это или сохраненіе древняго состоянія, черезъ которое проходилъ и польскій языкъ, или же слѣдствіе разныхъ „аналогій", то-есть, психически-морфологическихъ ассимиляцій. Нѣкоторые изъ относящихся сюда вопросовъ будутъ разсмотрѣны впослѣдствіи, когда пойдетъ рѣчь о вліяніи согласныхъ на гласные и объ отношеніяхъ гласныхъ, на сколько въ нихъ отражаются прежнія различія долготы и краткости.

Остается только вторая группа, въ которой помѣщены соотвѣтствія чистыхъ гласныхъ *i* и *é* кашубской рѣчи носовымъ гласнымъ польскаго языка. Это есть дѣйствительно своеобразный признакъ поморской или кашубской территоріи, хотя впрочемъ причина, вызвавшая этотъ процессъ развитія въ кашубскомъ древнихъ носовыхъ въ чистые гласные кроется въ общихъ фонетическихъ условіяхъ и стремленіяхъ какъ польской, такъ и кашубской языковой области: дѣйствовавшими факторами были здѣсь когда-то зависимость гласныхъ отъ сосѣднихъ согласныхъ и свойственное самимъ гласнымъ временное количество, то-есть, долгота или краткость.

О кашубскихъ носовыхъ гласныхъ говорится, между прочимъ, въ сочиненіи *А. А. Крынскаго* „*О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ*", Варшава. 1870, въ главѣ 3-й, „О носовыхъ звукахъ кашубской рѣчи, какъ нарѣчія польскаго языка" (стр. 93 — 102); но авторъ не приходитъ здѣсь ни къ какому опредѣленному выводу. Точно также не узнаемъ ничего яснаго и опредѣленнаго изъ разсужденія покойнаго *И. Гануша*, посвященнаго спеціально этому вопросу, подъ заглавіемъ „O samogłoskach nosowych w narzeczu: Słowińców Pomorskich, Kabatków i Kaszebów. Opracował *Jan Hanusz*. W Krakowie. 1880" (Osobne odbicie z *Rozpraw Wydz. filolog. Akad. umiej.*, t. VIII). Это и не мудрено, въ виду шаткости матеріала, на которомъ строили свои сопоставленія и выводы какъ Крынскій, такъ и Ганушъ. Вѣдь тогда не было еще словаря Рамулта, содержащаго столь тщательно и добросовѣстно обработанный матеріалъ.

Краткій гласный *o*, въ историческомъ развитіи языка не переходившій никогда черезъ фазисъ удлиненія, переродился на кашубской территоріи въ своеобразный гласный дифтонгическаго характера, въ родѣ *oe*, обозначаемый г. Рамултомъ слитною буквою *œ*. Но переходъ этотъ совершился не спонтанеически, то-есть, не во всѣхъ слу-

Библиотека "Руниверс"

чаяхъ появленія подобнаго искони и всегда краткаго *o*, а только въ зависимости отъ сочетанія съ предшествующими согласными губными и задне-язычными, *b*, *p*, *m*, *w*, *f*, *k*, *g*, *x*, *h*, между тѣмъ какъ послѣ передне-язычныхъ, *t*, *d*, *s*, *z*, *r*, *l*, *n*..., *o* осталось безъ измѣненія, за исключеніемъ только незначительной части кашубской территоріи, гдѣ и послѣ передне-язычныхъ слышится это видоизмѣненіе гласнаго *o* (Словарь Рамулта, стр. XXIV, XXXIII, № 24). Можетъ быть, это и есть исключительно кашубская особенность, хотя, въ виду недостаточнаго изслѣдованія всей польской языковой области въ діалектологическомъ отношеніи, нельзя ручаться, что подобное измѣненіе краткаго *o* въ зависимости отъ предшествующихъ согласныхъ совершенно чуждо всѣмъ польскимъ говорамъ. Самъ г. Рамултъ признаетъ аналогичное явленіе въ нѣкоторыхъ польскихъ говорахъ, гдѣ впрочемъ изъ *o* развивается не *oe* (*œ*), но *uo*. Но еслибы даже ни въ одномъ польскомъ говорѣ не было ничего подобнаго, то и такъ въ этой особенности нельзя было бы видѣть что-то принципіально своеобразное, такъ какъ вѣдь она является ни болѣе ни менѣе, какъ однимъ изъ проявленій зависимости вокализма или, точнѣе, сонантизма отъ консонантизма, зависимости, характеризующей всю сѣверо-западную область славянскаго языковаго міра. Нельзя только отрицать, что на кашубской почвѣ эта зависимость доходитъ до крайнихъ предѣловъ.

Этою же зависимостью объясняются, вопервыхъ, кашубская замѣна сочетанія *ra* сочетаніемъ *re*, — напримѣръ, *rek* (rak, ракъ), *redosc* (radość, радость), *reno* (rano, утромъ), *rena* (rana, рана) и т. д. (стр. XXXII. № 5), — замѣна, свойственная тоже нѣкоторымъ польскимъ говорамъ; затѣмъ, приведенные въ №№-хъ 3 и 4 (стр. XXXII), 22, 26 (стр. XXXIII) разные случаи вліянія согласнаго *l* на природу предшествующихъ ему гласныхъ. Номера 3 и 4 раздѣлены безъ всякаго основанія, ибо въ нихъ говорится объ одномъ и томъ же явленіи, а именно объ измѣненіи гласнаго *a* въ *ê* (въ своеобразный кашубскій гласный „долгій, сдавленный, похожій по звуковому впечатлѣнію на нѣмецкое *ö* въ *schön*“, что-то въ родѣ резьянскаго *œ*) передъ согласнымъ *l*, точнѣе, объ измѣненіи сочетанія *al* въ *êl*, напримѣръ: *dêl* (dał, далъ), *gôdêl* (gadał, говорилъ), *mêły* (mały, малый), *jenerêl* (jenerał, генералъ) и т. д., *mjêł* (miał, имѣлъ), *xcêł* (chciał, хотѣлъ), *kupjêł* (*kupiał, kupował, покупалъ), *bjêły* (biały, бѣлый) и т. п. Сюда относится тоже № 26, гдѣ указано соотвѣтствіе поморскаго *ê* въ словахъ природныхъ и заимствованныхъ поль-

Библиотека "Руниверс"

скому *o* или *ó* передъ *ł*, точнѣе соотвѣтствіе поморскаго сочетанія *ół* польскому сочетанію *oł* или *ół* (и даже *eł*, но опять при соотвѣтствіи латинскому *ol*): *półńe* (południe, полдень), *półk* (połknął, проглотилъ), *żółti* (żółty, желтый), *żółtk* (żółtko, желтокъ) и т. п., *djôbół*, *djôxół* (djabeł, лат. *diabolus*, дьяволъ) и т. п. Номеръ же 22 знакомитъ насъ съ соотвѣтствіемъ поморскаго *e* („*je*“) польскому и обще-славянскому *i* въ причастіи дѣйствит. залога на *-ił* послѣ согласныхъ *b*, *p*, *f*, *v*, *j*, *m*, *ń* (точнѣе послѣ согласныхъ „мягкихъ“ или палатальныхъ *b'*. *p'*, *f'*, *v'*, *m̀*, *ń*, *j*), иначе, съ соотвѣтствіемъ поморскаго сочетанія *eł* („*jeł*“) польскому *ił* въ сочетаніи съ предшествующими только что названными согласными: *bjeł* (bił, билъ), *pjeł* (pił, пилъ), *trafjeł* (trafił, попалъ) *zévjeł są* (dziwił się, удивлялся), *brojeł* (broił, чудилъ, пакостилъ), *ćamjeł są* (męczył się, мучился), *reńeł* (ranił, ранилъ) и т. д.

Хотя эти частности, можетъ быть, и исключительно кашубскія, но онѣ подходятъ подъ общее понятіе вліянія согласнаго *ł* на предшествующіе гласные,—вліянія, свойственнаго въ высокой степени тоже польской языковой области, въ болѣе же или менѣе сильной степени разнымъ другимъ, не только славянскимъ, но и иноплеменнымъ языковымъ областямъ. Что касается относящихся сюда польскихъ явленій, довольно указать на измѣненіе *e*, развившагося изъ древняго *ĭ* (ь), передъ *ł* въ *o* (напримѣръ, *kocioł*, котелъ, *kozioł*, козелъ, *osioł*, оселъ, и т. п.), на замѣну *-ił* въ *-uł* въ произношеніи большинства поляковъ (напримѣръ, *b'uł*, *gńuł*, *chodźuł* и т. п. вм. *b'ił*, билъ, *gńił*, гнилъ, *chodźił*, ходилъ, и т. д.), на замѣчаемое въ нѣкоторыхъ говорахъ и отразившееся въ памятникахъ письменности измѣненіе *-ył* въ *-eł* (напримѣръ, *beł* вм. *był*, былъ) и т. д.

М. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДРАМЫ.

Англійская комедія конца XVII и половины XVIII вѣка.

Какъ извѣстно, французскій классицизмъ XVII вѣка допускалъ существованіе только двухъ драматическихъ формъ, строго опредѣленныхъ и обособленныхъ другъ отъ друга—трагедій и комедій. Первой отмежевывалась область слезъ и страданій, но только людей высшаго порядка; второй предоставлялось осмѣяніе человѣческихъ слабостей. Но начиная съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія во Франціи возникаетъ протестъ противъ такого узкаго опредѣленія комедіи и трагедіи, благодаря которому драматурги не могли культивировать трагическаго въ обыденной жизни. Этотъ протестъ проявился въ созданіи новаго типа комедіи, которой ревнители закона Буало дали насмѣшливое названіе „Comédie larmoyante"—слезной комедіи, то-есть такой, въ которой смѣхъ, веселье доведены до минимума, а порой и совершенно отсутствуютъ. Комедія эта вызвала рѣзкое осужденіе со стороны адептовъ классицизма, тогда еще полновластно господствовавшихъ въ области поэзіи; они не могли примириться съ тѣмъ, что это новая комедія нарушала знаменитое наставленіе Буало:

„Le comique, ennemi des soupirs et des pleurs.
N'admet point en ses vers de tragiques douleurs" [1]).

Престижъ классицизма былъ, однако, настолько еще высокъ, что новаторы, создавъ новый типъ комедіи, не рѣшались реформировать трагедію.

---

[1]) *Boileau—Despréaux.* L'art poétique. Chant troisième.

Библиотека "Руниверс"

Храмъ Мельпомены попрежнему былъ закрытъ для обыкновенныхъ людей. Только во второй половинѣ столѣтія, когда всѣ стороны классицизма, наравнѣ со всѣмъ „Старымъ порядкомъ", подверглись критикѣ, когда въ воздухѣ почувствовалось приближеніе великаго переворота, тогда только новаторы дерзнули создать „буржуазную трагедію", въ которой изображались страданія обыкновенныхъ смертныхъ и которая отличалась отъ „слезной комедіи" порою только тѣмъ, что въ первой дѣйствіе оканчивалось какою нибудь трагическою катастрофой, во второй же всѣ страданія дѣйствующихъ лицъ разрѣшались для нихъ благополучно. „La Comédie larmoyante" и „La Tragédie bourgeoise" исчезаютъ въ концѣ XVIII вѣка, но ихъ существованіе не прошло безслѣдно въ исторіи драмы. Не общественное положеніе дѣйствующихъ лицъ опредѣляетъ теперь ту или другую драматическую форму, а характеръ событій (трагическій или комическій), которыми намѣренъ воспользоваться драматургъ для своей пьесы. Но на ряду съ двумя принципіальными формами: трагедіею и комедіею, какъ реминисценція борьбы между классиками и ихъ противниками, существуетъ третья — драма въ тѣсномъ смыслѣ слова, возникшая подъ конецъ XVIII вѣка, на обломкахъ слезной комедіи и буржуазной трагедіи. Въ отличіе отъ трагедіи, предпочитающей изображеніе великихъ историческихъ событій и страданій изъ ряду вонъ выходящихъ людей, и комедіи, отправляющей функціи драматизированной сатиры, драма преимущественно воспроизводитъ жизнь средняго люда съ ея горестями и радостями. Впрочемъ строгая обособленность драматическихъ формъ исчезла съ паденіемъ классицизма. Большинство изслѣдователей согласны въ томъ, что французская буржуазная трагедія обязана своимъ происхожденіемъ автору „Лондонскаго купца" — Георгу Лилло, съ именемъ котораго соединяется возрожденіе англійской буржуазной трагедіи въ XVIII вѣкѣ. Относительно же „Comédie larmoyante" одни историки литературы предполагаютъ, что она возникла благодаря вліянію англійскихъ нравоучительныхъ журналовъ и нравоучительной комедіи, появившейся въ Англіи въ началѣ XVIII вѣка, другіе отрицаютъ это вліяніе. Этотъ споръ заставилъ насъ заняться англійскою комедіею конца XVII и начала XVIII вѣковъ. Изученіе ея привело насъ къ убѣжденію, что до возникновенія „слезной комедіи" во Франціи — въ Англіи существовала уже аналогичная ей „сентиментальная комедія" и что предшественниками творца comédie larmoyante Нивель-де-ла-Шоссе (Nivelle de la Chaussée) были Коллей Сибберъ и Ричардъ

Библиотека "Руниверс"

Стиль. Цѣль настоящаго очерка—познакомить читателя съ эволюціею и характерными чертами англійской сентиментальной комедіи, какъ предшественницы французской „слезной комедіи“. Что же касается вопроса о томъ, возникла ли послѣдняя подъ прямымъ вліяніемъ первой, то въ концѣ нашего очерка мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми фактами, указывающими на вліяніе англійской комедіи на французскую, но подробнымъ выясненіемъ этого вліянія мы надѣемся заняться въ слѣдующемъ очеркѣ, въ которомъ будемъ говорить о французской драмѣ прошлаго столѣтія.

I.

Въ 1642 году заканчивается блестящій періодъ англійской драмы въ которомъ, кромѣ великаго Шекспира, мы находимъ еще цѣлый рядъ талантливыхъ поэтовъ: Марло, Бенъ-Джонсона, Бомона, Флетчера и др. Въ этомъ году, по случаю войны парламента съ Карломъ I, по распоряженію обѣихъ палатъ, всѣ театральныя представленія, какъ несоотвѣтствующія народному настроенію, были прекращены.

Пять лѣтъ спустя послѣдовало новое и весьма суровое подтвержденіе этого запрещенія, при чемъ парламентскимъ биллемъ отъ 11-го февраля 1647 года предписывалось лорду-мэру разрушить всѣ существующія театральныя зданія. Актеры, продолжавшіе не смотря на запрещеніе свою дѣятельность, подлежали тѣлесному наказанію, а зрители подвергались денежному штрафу въ размѣрѣ 5 шиллинговъ съ каждаго лица.

Естественно, что въ виду такого враждебнаго отношенія пуританскаго правительства къ театру большинство актеровъ стало въ ряды войскъ короля и, по словамъ мистера Ловевита, одного изъ дѣйствующихъ лицъ маленькаго діалога, вышедшаго въ свѣтъ въ 1699 г.: „какъ добрые и вѣрные люди, служили своему старому господину хотя и на иномъ, но еще болѣе почетномъ поприщѣ [1])“. По окончаніи войны актеры образовали артистическое общество, которому за годъ до казни короля (1648 года) удалось поставить нѣсколько піесъ, разумѣется, тайно отъ правительства. Но въ одинъ для нихъ злосчастный вечеръ, во время представленія трагедіи „The Bloody Brothers“ (Кровожадные братья), отрядъ пѣ-

[1]) Wright. Historia Histrionica, Fitzgerald—a new History of the English Stage, London. Tinsley brothers 1882 I vol. p. 12—14.

Библиотека "Руниверс"

хотящевъ занялъ то зданіе, въ которомъ шло представленіе, актеры были схвачены и въ театральныхъ костюмахъ препровождены въ тюрьму, гдѣ ихъ продержали нѣкоторое время, а за тѣмъ отпустили на свободу, но театральные костюмы были конфискованы [1]). Какъ, однако, ни были строги мѣры, принимаемыя пуританами противъ ослушниковъ ихъ запрещенія, актеры все-таки по временамъ устраивали спектакли, преимущественно за городскою чертою. Въ 1658 г. предпріимчивому Давенанту, вѣдавшему театральнымъ дѣломъ еще при Карлѣ I, удалось даже заручиться у суроваго протектора разрѣшеніемъ поставить свою оперу „The Cruelty of Spaniards in Peru“ (Жестокость Испанцевъ въ Перу). Интересно при этомъ вспомнить слова Эвелина. Въ своемъ дневникѣ онъ пишетъ, между прочимъ, что ему пришлось быть (5-го мая 1658 г.) на представленіи новой оперы, написанной въ итальянскомъ духѣ, которая, по его мнѣнію, во всѣхъ отношеніяхъ уступаетъ итальянскимъ образцамъ. Хотя Эвелинъ и не сочувствовалъ вовсе образу дѣйствій пуританскаго правительства, однако онъ не одобряетъ подобнаго рода развлеченій въ такое время всеобщаго унынія. Онъ считаетъ даже своимъ долгомъ извиниться передъ читателемъ въ томъ, что не съумѣлъ уклониться отъ приглашенія знакомыхъ идти въ театръ. „Я пошелъ“, замѣчаетъ онъ далѣе, „но сердце упрекало меня за этотъ поступокъ [2])“.

Съ возвращеніемъ Карла II въ Англію начинается новая эра для англійской драмы. Все то, что было уничтожено и запрещено пуританами, теперь съ возстановленіемъ монархическаго режима получаетъ право на существованіе. Театры, офиціально не существовавшіе въ Англіи съ 1642 г., возстановляются тотчасъ же по вступленіи Карла II на престолъ. Вернувшись къ себѣ на родину 29-го мая 1660 г., онъ уже въ августѣ того же года даетъ патентъ Вилліаму Давенанту и Томасу Киллигрю для устройства двухъ театровъ. На основаніи этого патента, всѣмъ остальнымъ лицамъ, занимавшимся театральною антрепризою во время господства пуританъ—тайно, а съ возвращеніемъ короля—открыто, строго запрещалось продолжать прежнюю дѣятельность. Театръ становится любимымъ развлеченіемъ короля. Онъ самъ охотно вмѣшивается въ дѣла его внутренняго

[1]) *Fitzgerald* ibidem I, 14.

[2]) *John Evelyn*, Diary and Correspondence. London. Henry Colburn publisher 1850 г.

Библиотека "Руниверс"

устройства, его интересуютъ мельчайшія подробности постановки піесъ. Онъ лично даетъ совѣты актерамъ, какой надѣть костюмъ, входитъ въ разсмотрѣніе различныхъ пререканій между актерами и актрисами, которыя впервые появляются на подмосткахъ англійскаго театра и тотчасъ же начинаютъ играть видную роль въ высшемъ обществѣ и при дворѣ. Въ прежнее время женскія роли исполнялись мужчинами. Правда, еще до революціи, именно въ 1629 г., англичане могли видѣть женщинъ на театральныхъ подмосткахъ, но то были пріѣзжія французскія актрисы, появленіе которыхъ возбудило негодованіе англійскаго общества. Въ особенности возставалъ противъ нихъ извѣстный врагъ театра Принъ (Prynne)[1]. Съ возвращеніемъ Карла II появляются на сценѣ актрисы [2]) и какъ замѣчаетъ Сибберъ въ своей извѣстной „Апологіи": „Мы можемъ легко представить себѣ, что онѣ были дѣйствительно недурны собою, такъ какъ многія изъ нихъ, какъ извѣстно, обладали чарами въ достаточной мѣрѣ, чтобы въ ихъ часы досуга развлекать монарха („to calm and mollify the cares of Empire" [3]). Намъ извѣстно, что актриса Нелли Гвинъ (Nelly Gwynn) сдѣлалась одною изъ самыхъ вліятельныхъ и любимыхъ метресъ короля. Она жила во дворцѣ Whitehall; „веселый монархъ" пожаловалъ ей титулъ статсъ-дамы королевы; сынъ ея былъ возведенъ въ герцогское достоинство. Разсказываютъ, что послѣдними словами умирающаго короля были: „Не дайте голодать бѣдной Нелли" [4]).

Какія же піесы ставились въ новыхъ театрахъ? Старо-англійскій

---

[1]) *Fitzgerald*, ibidem I, 44; 47—48.

[2]) Кромѣ только что указаннаго нововведенія англійская сцена интересующей насъ эпохи можетъ гордиться еще однимъ новшествомъ. Намъ извѣстно, что піесы старо-англійскаго репертуара исполнялись при самой примитивной обстановкѣ, расчитанной на самый нетребовательный вкусъ зрителей, богатая фантазія которыхъ восполняла разные недочеты въ исполненіи и декораціяхъ. Давенантъ первый познакомилъ англійскую публику съ подвижными декораціями и перспективою на сценѣ. Первый опытъ былъ сдѣланъ имъ въ его операѣ: „Жестокость Испанцевъ въ Перу", поставленной, какъ мы уже знаемъ, во время протекторства Оливера Кромвеля. Со вступленіемъ Карла II на престолъ Давенанту удалось довести такъ называемую mise en scène до высокой степени совершенства. Подробности у Malone, Historical Account of the Rise and Progress of the English stage and of the Economy and Usages of Ancient theaters in England 1800. *Beljame*. Le Publique et les Hommes de Lettres en Angleterre au XVIII s. Paris. Hachette. 1883 г. p. 36—39.

[3]) Apology for the Life of M-r Colley-Cibber. London. 1740 (second ed) p. 77.

[4]) *Гринъ*. Исторія англійскаго народа, пер. Николаева изд. 1892 г., т. IV, стр. 5.

Библиотека "Руниверс"

репертуаръ былъ въ немилости у новаго партера. По мнѣнію Пеписа (Pepys), „Ромео и Юлія"—„самая плохая изъ видѣнныхъ имъ піесъ; „Сонъ въ лѣтнюю ночь"—„самая скучная піеса"; „Генрихъ VIII"—„наивная вещь" (simple thing); „Отелло" сравнительно съ трагикомедіею: „Приключенія пяти часовъ" („Adventures of five hours) нѣкоего Тюка (Tuke)—„a mean thing" (слабая піеса) и т. д. [1]). Современникъ Пеписа, знакомый уже намъ Эвелинъ, судитъ объ этомъ иначе. Въ его словахъ звучитъ грустная нотка. „Я видѣлъ", говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ, „Гамлета", принца Датскаго, но старыя піесы перестали нравиться нынѣшнему раффинированному вѣку, съ тѣхъ поръ какъ его величество прожилъ такъ долго за границею" [2]). Скоро наступитъ время, когда Шекспиръ будетъ совершенно забытъ, когда, по выраженію Фарквара, всякій школьникъ, умѣющій проспрягать глаголъ будетъ считать себя въ правѣ осуждать „великаго Шекспира" за „неприличіе" и „нелѣпости" [3]). Весьма любопытно сужденіе о великомъ англійскомъ драматургѣ Раймера (Rymer), котораго Попъ считалъ лучшимъ англійскимъ критикомъ, а Маколей худшимъ. Въ своихъ сочиненіяхъ: 1) „Трагедіи этого вѣка, разсмотрѣнныя съ точки зрѣнія древнихъ писателей и здраваго смысла всѣхъ вѣковъ" (1678—1692 гг.) и 2) „Краткій обзоръ трагедіи, ея происхожденіе, прежде сходство и извращенность съ нѣкоторыми размышленіями о Шекспирѣ и другихъ сценическихъ дѣятеляхъ" 1693 г. [4])—онъ вооружается противъ всѣхъ произведеній Шекспира вообще и „Отелло" въ частности. По его мнѣнію, эта піеса должна бы называться „трагедіею носоваго платка". Онъ порицаетъ въ ней все, начиная съ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и кончая языкомъ трагедіи. Въ заключительныхъ словахъ о Шекспирѣ Раймеръ доходитъ до неистовства: „въ ржаніи лошади или въ ворчаньи собаки есть смыслъ, есть живое выраженіе", говоритъ онъ, „и я могу сказать больше человѣческаго, чѣмъ зачастую въ трагическомъ полетѣ мыслей у Шекспира". Но этотъ справедливый и тонкій критикъ не закрываетъ

---

[1]) *Pepys.* Diary and Correspondence 5 vol. 3rd. ed. London. Colburn publ. 1848.

[2]) *Evelyn.* Diary etc. 26 Nov. 1661.

[3]) The Dramatic Works of Wycherley, Congreve, Vanbrugh and Farquhar ed. by Leigh Hunt. Biographical and Critical Notes by Hunt, p. LXXVII.

[4]) 1) The Tragedies of the last age consider'd and examin'd by the Practice of the Ancients and by the Common sense of all ages (1678—1692) и 2) A Short View of Tragedy its Original, Excellence and Corruption with some Reflections on Shakespeare and other Practioners of the Stage (1693).

Библиотека "Руниверс"

глазъ передъ достоинствами трагедіи Шекспира. Такъ онъ признаетъ, что въ піесѣ не мало смѣшныхъ сценъ и остроумныхъ положеній, могущихъ доставить зрителю удовольствіе, но въ общемъ Отелло, по его мнѣнію, ни что иное, какъ „кровавый фарсъ безъ соли и вкуса“ [1]). Аддисонъ въ своемъ сочиненіи о великихъ англійскихъ поэтахъ (Account of the Greatest English Poets. 1694) не нашелъ даже нужнымъ упомянуть о Шекспирѣ [2]).

Если порою Шекспировскія піесы и появляются на сценѣ, то не иначе какъ въ передѣлкѣ современныхъ авторовъ, приноровленной къ вкусамъ зрителей этого времени. Такъ Ромео и Юлія передѣлывается Отвэемъ въ „Исторію и паденіе Кая Марія“ (1692), Антоній и Клеопатра—Драйденомъ въ „Все для любви“ (1678). Тэкъ (Nahum Take) исправляетъ короля Лира, а Сибберъ—Ричарда III, Драйденъ съ Давенантомъ—„Бурю“.

Въ угоду новымъ вкусамъ создается новый типъ трагедіи—такъ-называемыя „Heroic Plays“ (Героическія піесы), на которыхъ, по замѣчанію Бельжама, отразилось вліяніе Карла II и женщинъ того времени. „Успѣхъ, которымъ въ настоящее время пользуются „героическія піесы“ въ нашихъ театрахъ“, говоритъ Драйденъ, „основанъ цѣликомъ на поддержкѣ и одобреніи, полученныхъ ими при дворѣ“. Король, какъ извѣстно, долгое время прожилъ во Франціи и имѣлъ случай видѣть на сценѣ произведенія великаго Корнеля, которыя несомнѣнно произвели на него сильное впечатлѣніе. Мы

[1]) There is in this play some burlesk, some humour and ramble of comical wit, some shew and some mimickry, to divert the spectators; but the tragical part is plainly none other, than a bloody farce, without salt and savour“. *Perry.* La littérature anglaise au XVIII siècle trad. et adoptée de l'anglais par Lemarquis. Paris. Cerf. 1885. p. 128—129. *Kawczynski.* Studien zur Literaturgeschichte des XXIII Jahrh. Moralische Zeitschriften. Leipzig. 1880, p. 72—74.

[2]) Шекспиръ снова получилъ болѣе или менѣе правильную оцѣнку въ Англіи только на страницахъ нравоучительныхъ журналовъ Стиля и того же Аддисона, измѣнившаго въ болѣе зрѣломъ возрастѣ свой взглядъ на великаго драматурга. Въ комедіи „The Conscious Lovers („Искренніе Любовники“. 1722) Стиль влагаетъ любопытныя слова въ уста своей героини. Говоря о современной оперѣ, Индіана замѣчаетъ: „Музыка, конечно, хороша, но, по моему мнѣнію, никто изъ вашихъ композиторовъ не поднялся такъ высоко, какъ старый Шекспиръ и Отвэй“. Только тогда, когда классическая драма утратила вполнѣ свое обаяніе и возродилась національная буржуазная трагедія, Шекспиръ былъ снова водворенъ на тотъ же пьедесталъ, съ котораго былъ свергнутъ послѣ реставраціи. При этомъ слѣдуетъ вспомнить заслуги Гаррика, геніальная игра котораго въ піесахъ великаго драматурга возбудила въ англійскомъ обществѣ интересъ къ послѣднему.

Библиотека "Руниверс"

имѣемъ любопытное свидѣтельство современника о симпатіяхъ Карла къ французской драмѣ. „Я только что кончилъ піесу во французскомъ духѣ“ пишетъ графъ Оррери одному изъ своихъ друзей, „потому что“, прибавляетъ онъ, „король предпочитаетъ французскую манеру писать нашей [1]). Особенно поразила короля внѣшняя сторона французской драмы: единства, риѳма, высокое достоинство дѣйствующихъ лицъ. И вотъ въ Англіи появляется новая трагедія въ риѳмованныхъ стихахъ, въ которой, въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, допускаются лишь коронованныя особы и герои. Но эта первая попытка акклиматизировать французскую трагедію на англійской почвѣ представляется въ высшей степени неудачною. Ужъ одни заглавія этихъ героическихъ піесъ: „Индійская царица“, „Индійскій императоръ“, „Тираническая любовь“ или „Царственная мученица“, „Покореніе Гранады“, „Любовь и мщеніе“ и т. д., въ которыхъ герои выступаютъ преимущественно, въ качествѣ несчастныхъ или счастливыхъ любовниковъ, выражая свои чувства на „преціозномъ языкѣ“, гдѣ на ряду съ людьми фигурируютъ духи и привидѣнія—доказываютъ, какая огромная пропасть лежала между ними и ихъ французскими образцами. Эти заглавія указываютъ намъ на источникъ содержанія новыхъ англійскихъ трагедій—героическіе романы г-жи де Скюдери и Ла-Кальпренедъ, которыми зачитывалась тогда женщины высшаго англійскаго общества; въ угоду дамамъ драматурги перенесли этотъ романъ на сцену [2]). „Героическая піеса“, по словамъ Драйдена, „должна быть подражаніемъ въ миніатюрѣ героической поэмы и слѣдовательно предметомъ ея должны быть любовь и храбрость“. Всѣ недостатки героическаго романа на лицо въ „героическихъ піесахъ“. Но уже въ послѣднихъ трагедіяхъ Драйдена, начиная съ Ауренгзеба (1676 г.), послѣдней героической драмы, написанной имъ въ риѳмо-

[1]) Roger Boyle. Earl of Orrery. Dramatic Works. 1739. *Beljame.* Le Public et les Hommes de Lettres au XVIII siècle, p. 40. По мнѣнію Ward'a (A History of English dramatic Literature. London Macmillan 1875. II, 402) и *Holzhausen*'а (Dryden's heroisches Drama. Englische Studien XIII Bd. 3 Heft, p. 428) графа Оррери (1621—1679) слѣдуетъ считать основателемъ новой „героической драмы“, главнымъ мастеромъ которой былъ Драйденъ.

[2]) Clélie. Романъ M-elle de Scudery переведенъ на англійскій языкъ въ 1656 г. въ годъ появленія этого романа во Франціи. 1-я часть „Клеопатры“ La Calprenède—въ 1652 г. *Beljame* ibidem, p. 14—21; 40—48. *Holzhausen*, Dryden's heroisches Drama. Englische Studien. Band XIII. 1889, p. 414—445; XV. 1891, p. 19—53. XVI, 1891, p. 201—229. *Garnett.* The age of Dryden. London. George Bell and sons. 1895.

Библиотека "Руниверс"

ванныхъ стихахъ, мы замѣчаемъ стремленіе автора приблизиться къ истинному типу классической трагедіи французовъ. Піеса Ауренгзебъ, по мнѣнію Holzhausen'a, уже довольна близка къ Расиновскому вкусу. Правда, въ ней онъ разстается навсегда съ риемою, съ его „long-loved mistress", и такимъ образомъ удаляется въ этомъ отношеніи отъ французскихъ образцовъ, но во всемъ остальномъ французскій стиль одерживаетъ побѣду" [1]). Французское вліяніе въ трагедіи достигаетъ кульминаціоннаго пункта развитія въ „Катонѣ" Аддисона (1713); эту піесу, какъ извѣстно, Вольтеръ считалъ первою правильною англійскою трагедіею.

Переходя затѣмъ въ область комедіи, мы замѣчаемъ въ ней тоже французское вліяніе, которое со времени Реставраціи постепенно распространяется на всѣ роды англійской литературы. Во главѣ новаго направленія въ комедіи, по мнѣнію Госса, долженъ быть поставленъ современникъ и соперникъ Драйдена—Этереджъ (George Etheredge 1634—1691 circa) [2]).

Молодость этого писателя протекла во Франціи; онъ имѣлъ, слѣдовательно, возможность лично познакомиться съ геніальными произведеніями Мольера, вліяніе котораго несомнѣнно отразилось уже на первомъ его литературномъ дѣтищѣ — трагикомедіи „The Comical Revenge" (Комическая месть) 1664 г. [3]). Въ комедіяхъ Этереджа, говоритъ Госсъ, не было „ни сумасброднаго юмора Джонсона, ни сложной испанской интриги, но это было вѣрное изображеніе дѣйствительной, повседневной жизни свѣтскаго щеголя" [4]).

Далѣе къ числу авторовъ комедій времени Реставраціи должно отнести Драйдена (1631—1699), Шадвеля (Thomas Shadwell, 1640—1692), Седлея (Charles Sedley, 1639—1728 circa), Кроуна (Iohn Crown), Равенскрофта (Edmund Ravenscroft), Афру Бенъ [5]), (Aphra Behn) и самаго виднаго представителя комедіи этого періода Вичирлея (William Wycherley).

[1]) *Геттнеръ.* Исторія Всеобщей литературы XVIII вѣка т. I. Англійская литература, переводъ Пыпина. 1863, стр. 78—79.

[2]) *Edmund Gosse*, A History of XVIII century Literature London. Macmillan 1891 г., p. 46.

[3]) Кромѣ названной піесы, Этереджъ написалъ еще двѣ піесы, имѣвшія большой успѣхъ: „She would if she could" (Она сдѣлала бы, еслибъ могла) 1668 г. и „The Man of Mode" (Модный человѣкъ) 1676 г.

[4]) *Gosse*, ibidem, p. 46·

[5]) Перечень піесъ этихъ писателей см. Bibliographie у *Beljame*, Le public et les hommes de lettres en Angleterre au XVIII siècle. Paris. Hachette 1883.

Библиотека "Руниверс"

Познакомимся съ характерными чертами комедіи этого времени. Новая англійская комедія, какъ мы уже сказали, возникла подъ французскимъ вліяніемъ. Англійскіе авторы внимательно изучаютъ Мольера, черпаютъ изъ его театра характеры и положенія для своихъ комедій [1]); они стараются даже подчинить ихъ „закону трехъ единствъ". Вспомнимъ слова Конгрива въ посвященіи его комедіи „Double-Dealer" (Лицемѣръ) 1694 г.: „Я создалъ", говоритъ онъ „насколько могъ стройную піесу, потому что въ ней всего одна интрига; ограничился же я одной интригой изъ желанія избѣгнуть запутанности и соблюсти правила трехъ единствъ драмы". Но, сопоставляя англійскую комедію этого періода съ французскими образцами вообще и Мольеровскими піесами въ частности, мы видимъ, что сходство ихъ чисто внѣшнее. Англійская комедія имѣетъ свой отпечатокъ, обусловленный характерными особенностями этого періода.

Къ числу положительныхъ чертъ этой комедіи мы должны отнести богатство содержанія, бойкій, живой, остроумный діалогъ; дѣйствующія лица ея—живые люди, которыхъ авторъ видѣлъ и наблюдалъ въ современномъ ему обществѣ, а не односторонніе представители той или другой человѣческой слабости, которыхъ авторъ вывелъ на позорище съ цѣлью исправить своихъ современниковъ отъ этой слабости; къ числу отрицательныхъ чертъ—необыкновенную наглость и цинизмъ. По словамъ Эвелина (въ письмѣ къ Лорду Корнбюри), нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ не разрѣшаютъ къ представленію такихъ наглыхъ и неприличныхъ піесъ, какъ въ Лондонѣ. Даже Вольтеръ, который въ этомъ отношеніи самъ далеко не безупреченъ, пораженъ безнравственнымъ тономъ англійской комедіи. „Если въ большинствѣ англійскихъ трагедій", замѣчаетъ онъ въ своихъ Lettres philosophiques", „герои — напыщенны, а героини — сумасбродны, то взамѣнъ этого стиль комедіи отличается бо́льшею естественностью, хотя эта естественность показалась бы намъ за частую скорѣе правдивымъ изображеніемъ распущенности, чѣмъ картиною добрыхъ нравовъ. Тамъ все названо своимъ именемъ". Въ предисловіи къ своей комедіи „La Prude" онъ говоритъ по поводу „The Plain Dealer"

[1]) Существуетъ нѣсколько работъ, имѣющихъ цѣлью опредѣлить степень зависимости англійскихъ драматурговъ этого времени отъ Мольера. Намъ извѣстны слѣдующія сочиненія: 1) *Krause*, Wycherley und seine Französische Quellen. Inaug. Diss. Halle. 1883. 2) *Kette*, Wycherley's Leben und Dramatische Werken mit besonderer Berücksichtigung von Wycherley als Plagiator Moliere's. Münster 1883. 3) *Bennewitz*, Congreve und Molière. Leipzig. 1890.

Библиотека "Руниверс"

(„Прямодушный человѣкъ“), одной изъ лучшихъ комедій Вичерлея: „Нравы въ этой піесѣ отличаются такою свободой, что можно было бы водворить дѣйствіе въ неприличное мѣсто, прилегающее къ кордегардіи“. Комедія этого времени была зеркаломъ жизни нѣкоторыхъ слоевъ англійскаго общества, которое только что освободилось отъ тяжелаго гнета пуританъ, сбросило съ себя маску внѣшняго благочестія и съ неудержимою страстностью закружилось въ безумной вакханаліи. Пуритане возставали противъ всякаго, даже самаго невиннаго развлеченія; по словамъ Маколея, они преслѣдовали „медвѣжій бой“, не потому что они находили это развлеченіе жестокимъ и грубымъ, но только изъ-за того, что оно доставляло удовольствіе зрителямъ. Теперь общество старалось разными излишествами вознаградить себя за годы насильственнаго воздержанія [1]). Надо однако помнить, что комедія времени Реставраціи отражала въ себѣ жизнь не всего англійскаго общества этого времени, а только его верхнихъ слоевъ. Буржуазія, „The City“, не принимала участіе въ этомъ разнузданномъ карнавалѣ, которымъ праздновали аристократы и придворные свержение ненавистнаго имъ владычества пуританъ и не посѣщала театра, находившагося въ безконтрольномъ и исключительномъ подчиненіи двору, такъ что повинными въ направленіи, принятомъ новою англійскою комедіею, слѣдуетъ признать самого „веселаго монарха“ и его дворъ. Любопытно при этомъ вспомнить, чѣмъ мотивировалъ Карлъ II выдачу патента Давенанту и Киллигрю. Поводомъ къ выдачѣ означеннаго документа послужили, по словамъ короля, дошедшіе до него слухи о томъ, что лица, до сихъ поръ занимавшіяся театральною антрепризою, зачастую ставили піесы, отличавшіяся крайнимъ неприличіемъ и неуваженіемъ къ религіи, которыя могли только способствовать развращенію зрителей. „Принимая это въ соображеніе“, читаемъ мы въ патентѣ, „но не считая однако необходимымъ совершенно уничтожить театръ, который, если искоренить зло и соблазнъ, можетъ служить невиннымъ и безобиднымъ развлеченіемъ для многихъ изъ нашихъ подданныхъ, и, будучи увѣрены въ знаніи дѣла и добросовѣстности любимыхъ нами, камергера нашего Томаса Киллигрю и сэра Вилліама Давенанта, мы жалуемъ имъ, по выше изложеннымъ причинамъ, право основать два товари-

[1]) Объ этомъ подробно у Маколея въ его „Исторіи“, а также въ его спеціальномъ очеркѣ Comic Dramatists of the Restauration. (Critical and historical essays). Leipzig. Tauchnitz ed. 1850, vol. IV, p. 160.

Библиотека "Руниверс"

щества актеровъ". Въ томъ же патентѣ вмѣнялось въ обязанность названнымъ лицамъ не допускать въ ихъ театрахъ піесъ, могущихъ имѣть деморализирующее вліяніе на зрителей [1]). Разбирая означенный патентъ, Фитцджеральдъ находитъ мотивировку въ выдачѣ его неискренной: „существовавшіе театры, о которыхъ говорится въ патентѣ, были ведены съ должною нравственностью и правильностью, въ особенности The Cockpit, гдѣ разыгрывались піесы Бомона, Флетчера и Шекспира. Наблюдатель-циникъ", говоритъ Фитцджеральдъ далѣе, „могъ бы возразить (на слова короля) и многіе, должно быть, это дѣлали, что распущенность была внушена и вызвана дворомъ". Что же касается до воспрещенія ставить безнравственныя піесы, то едва ли и самъ монархъ смотрѣлъ на это иначе, какъ на простую формальность; оно, по мнѣнію Фитцджеральда, нисколько не препятствовало королю „предписывать и вмѣнять въ обязанность ставить піесы исключительно такого рода" [2]). Въ самомъ дѣлѣ прочтите мемуары Грамона, дневникъ Пеписа, и вы узнаете, въ какой ужасной атмосферѣ разврата и распущенности жилъ король и его дворъ, — вы тогда поймете, что эти люди, будучи единственными хозяевами театра, не могли дать ему иного направленія.

„Когда наслушаешься разговоровъ герцога и короля, да насмотришься на ихъ обращеніе", разказываетъ намъ Пеписъ, „такъ поневолѣ, прости Господи, начинаешь думать, несмотря на все благоговѣніе и всевозможную покорность къ нимъ, что чѣмъ больше наблюдаешь ихъ, тѣмъ меньше находишь разницы между ними и прочими людьми, хотя, благодаря Бога, оба они—принцы самой знатной породы и благороднѣйшей крови". Дальше Пеписъ сообщаетъ намъ, что ему пришлось быть на одномъ придворномъ праздникѣ, гдѣ онъ видѣлъ, какъ Карлъ II отвелъ въ амбразуру окна миссъ Стюартъ и въ виду всѣхъ, въ продолженіе цѣлаго получаса, пожиралъ ее поцѣлуями [3]). Любопытную картинку придворныхъ нравовъ мы находимъ въ запискахъ Грамона. Однажды у той же миссъ Стюартъ зашла рѣчь о прибывшихъ въ Лондонъ послахъ изъ Московіи („la conversation roula sur la figure extraordinaire des ambassadeurs"). „Не знаю, откуда взялъ этотъ сумасшедшій Крофтсъ", замѣтилъ кто то изъ присутствовавшихъ, „что у московитовъ красивыя жены и что

---

[1]) *Fitzgerald*, „A New History of the English Stage", I p. 23—24, прим.

[2]) Ibidem I, 114.

[3]) *Тэнъ*, ист. англ. лит., русск. пер. 1871 г. II т. р. 17.

Библиотека "Руниверс"

у всѣхъ ихъ женъ—красивыя ноги". Король утверждалъ, что ни у кого не можетъ быть такихъ красивыхъ ногъ, какъ у миссъ Стюартъ; а та, чтобъ поддержать его мнѣніе, начала показывать свои ноги, приподнимая платье выше колѣнъ. Всѣ были готовы преклониться въ восхищеніи передъ красотою ея ногъ, но герцогъ Іоркскій началъ критиковать ихъ, находя, что онѣ слишкомъ тонки и что ничего не можетъ быть красивѣе болѣе толстой и менѣе длинной ноги [1]).

Особеннымъ распутствомъ и безстыдствомъ отличались самые близкіе люди къ королю, герцогъ Букингамскій и графъ Рочестеръ, тотъ самый, который такъ мѣтко формулировалъ идеалъ себѣ подобныхъ вивёровъ: „сфера нашей жизни—наслажденіе и тотъ кто думаетъ иначе, тотъ оселъ". Однажды, желая вернуть утраченное расположеніе короля, герцогъ Букингамскій и графъ Рочестеръ придумали слѣдующую милую шутку. Они нанимаютъ постоялый дворъ подорогѣ въ Ньюмаркетъ и здѣсь, въ качествѣ его содержателей, напаиваютъ извощиковъ и, пользуясь ихъ опьяненіемъ, соблазняютъ ихъ женъ и дочерей. Король, лично посѣтившій ихъ, нашелъ эту выходку очень забавною. Въ другой разъ графъ Рочестеръ, переодѣвшись старухою, пробирается въ домъ одного скряги, похищаетъ у него жену и передаетъ ее герцогу Букингамскому. Этотъ случай кончился трагически—мужъ съ горя повѣсился. Такихъ эпизодовъ въ жизни этихъ двухъ знаменитыхъ сподвижниковъ Карла II не мало. По собственному признанію Рочестера, онъ въ теченіи пяти лѣтъ не переставалъ быть пьянымъ; онъ умеръ имѣя отъ роду 33 года [2]). Но Рочестеръ и Букингамъ не составляютъ исключенія изъ общаго правила; они только болѣе видными представителями высшаго общества, прожигавшаго жизнь въ безобразныхъ оргіяхъ. Прекрасная половина аристократическаго общества этого времени не далеко ушла отъ мущинъ въ безнравственности. Любопытно припомнить сужденіе графа Рочестера о современной женщинѣ: „Въ молодости", говоритъ онъ, „она развратничаетъ для собственнаго удовольствія, подъ старость развращаетъ другихъ изъ за куска хлѣба; это живая западня человѣка, орудіе убійства, орудіе разврата. Неблагодарная, вѣроломная, завистливая натура ея до того сумасбродна, что достигаетъ или крайняго предѣла ненависти, или нелѣпой доброты... Если она желаетъ

[1]) Mémoires du comte de Gramont par A. Hamilton. Nouv. éd. précédée d'une notice sur l'auteur par Sainte-Beuve. p 217.

[2]) Тамъ, ibidem II p. 14—15.

Библиотека "Руниверс"

казаться серьезной, то принимаетъ видъ демона; когда же старается быть любезною, то въ ней представляется или развратница, или сумасшедшая. Распущенность, страсть къ спорамъ, стремленіе всѣмъ жертвовать для прихоти и сладострастія, лишаютъ ее всякаго права на довѣріе" [1]). Но обратимся опять къ хроникѣ этого времени. Герцогъ Букингамскій влюбляется въ герцогиню Шрюзбюри, убиваетъ ея мужа на дуэли, во время которой жена, въ костюмѣ пажа, держитъ подъ уздцы лошадь любовника. Преданіе гласитъ, что она отдалась ему, прежде чѣмъ герцогъ Букингамскій успѣлъ сбросить съ себя окровавленное платье [2]).

Вальтеръ Скоттъ въ біографіи Свифта, между прочимъ, сообщаетъ, что одна дама изъ высшаго круга громко въ театрѣ вела съ поэтомъ Конгривомъ такой неприличный разговоръ, какого не позволилъ бы себѣ мужчина въ самой интимной бесѣдѣ [3]). Пеписъ разказываетъ объ одномъ обществѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „ballers", въ которомъ собирались молодые люди обоего пола танцовать in naturalibus [4]).

Естественно, что подобнаго рода люди не могли обладать развитымъ эстетическимъ вкусомъ и оцѣнить по достоинству произведенія старо-англійскаго репертуара съ Шекспиромъ во главѣ. Тэнъ въ своей Исторіи англійской литературы даетъ блестящую характеристику зрителей эпохи Шекспира и эпохи реставраціи. „Но что за публика была у Шекспира и Флетчера!"—восклицаетъ Тэнъ. „Что это были за юныя, привлекательныя души! Не смотря на неудобство вонючей залы, гдѣ необходимо было курить можевельникомъ, несмотря на бѣдную, полуосвѣщенную сцену, съ кабачными декораціями, несмотря на женскія роли, исполняемыя мужчинами—иллюзія ихъ была полна... Въ этихъ свѣжихъ сердцахъ скрывался непочатый уголь страстей и грезъ, глухихъ страстей, блестящихъ грёзъ, рой которыхъ клубился въ тайникахъ души и ждалъ только волшебнаго мановенія поэта, приходившаго раскрыть передъ ними новизну и сіяніе неба"

„На ихъ мѣсто выступили вивёры, понимающіе въ любви только физическое наслажденіе, въ человѣкѣ одну чувственность; короче, пред-

---

[1]) *Тэнъ*, ibidem. p. 16.

[2]) *Spence* Anecdotes, Observations etc. 1820; *Beljame*. p. 9. Mémoires de Gramont p. 391.

[3]) *Геттнеръ*. Ист. англ. лит. XVIII в. стр. 92.

[4]) *Pepys*. Diary, 30 May 1668. *Тэнъ*. II., p. 18—19.

Библиотека "Руниверс"

ставьте Рочестера вмѣсто Меркуціо, и тогда рѣшите, какою частью своей души могъ бы онъ понимать поэзію и фантазію? Романическая комедія выше его понятій; ему доступенъ только міръ дѣйствительный, а въ этомъ мірѣ—только грубая и осязательная оболочка. Ему подавайте точное представленіе обыденной жизни, плоскія и вѣроятныя явленія, буквальное подражаніе тому, что онъ есть, и то, что онъ дѣлаетъ; перенесите сцену въ Лондонъ, изображайте текущій годъ, подражайте грубости современнаго героя, его нахальнымъ шуткамъ, его разговорамъ съ разнощиками апельсиновъ, его свиданіямъ въ паркѣ, его опытамъ во французскихъ словопреніяхъ. Надо, чтобы на сценѣ онъ узналъ себя, призналъ людей и обычаи, только что оставленные въ трактирѣ или въ лакейской, надо, чтобы театръ и улица стояли для него на одномъ уровнѣ. Тогда комедія дастъ ему такое же наслажденіе, какъ и жизнь; онъ потащится туда, несмотря на ея площадной характеръ и грязь“ [1]).

Безъ сомнѣнія, мы найдемъ не мало неприличныхъ выраженій и двухсмысленныхъ положеній въ англійской драмѣ предшествующихъ эпохъ, какъ напримѣръ у Флетчера, Бенъ-Джонсона, у самаго Шекспира, „но въ ихъ піесахъ“, замѣчаетъ Маколей, „невозможно выслѣдить никакаго систематическаго покушенія сочетать порокъ со всѣмъ тѣмъ, что люди всего болѣе цѣнятъ, и чего они всего болѣе желаютъ, а добродѣтель со всѣмъ смѣшнымъ и унизительнымъ“. Маколей беретъ для примѣра—супружескую вѣрность; онъ перебираетъ въ своей памяти всѣ піесы старо-англійскаго репертуара, но тщетно ищетъ онъ тамъ хоть одного случая, гдѣ бы „соблазнитель замужней женщины былъ выставленъ въ выгодномъ свѣтѣ“. „Напротивъ, въ продолженіе сорока лѣтъ, слѣдовавшихъ за Реставраціею, всѣ пріятныя качества придаются волокитѣ. Все презрѣніе и отвращеніе падаютъ на долю несчастнаго супруга“ [2]). „Измѣна мужу“, (cuckoldom) говоритъ Аддисонъ въ 446 номерѣ Spectator'a, составляетъ основаніе большинства современныхъ піесъ. Если появляется на сценѣ членъ городскаго управленія (alderman), то будьте увѣрены, что авторъ только для того вывелъ его на сцену, чтобы сдѣлать его рогоносцемъ. Нѣсколько серьезный и пожилой супругъ обыкновенно удостаивается той же участи... Однимъ словомъ англійскіе писатели также строги къ этому невинному и несчастному существу, извѣст-

[1]) *Тэнъ*—ibidem II, 25—27,

[2]) *Macaulay*, Comic dramatists of the Restauration, p. 149—151.

Библиотека "Руниверс"

ному всѣмъ подъ именемъ рогоносца, какъ древніе комическіе писатели относились къ обжорѣ-паразиту и хвастливому воину". Любопытно при этомъ вспомнить оригинальную попытку извѣстнаго англійскаго литератора Лэмба защитить комедію времени Реставраціи отъ нападокъ на ея безнравственность.

Въ своемъ опытѣ объ „Искусственной комедіи прошлаго столѣтія" (Essays on the artificial Comody of the last century) Лэмбъ утверждаетъ, что авторы комедій конца XVII столѣтія не могутъ быть судимы по законамъ нравственности, существующимъ въ дѣйствительной жизни. Ихъ міръ—условный міръ, ихъ герои принадлежатъ области чистой комедіи, въ которой не царствуетъ холодная мораль. „Мы не должны судить ихъ по нашимъ обычаямъ. Ни одно почтенное учрежденіе не оскорбляется ими, потому что такихъ учрежденій тамъ не имѣется; не нарушается семейный миръ, потому что тамъ нѣтъ семейныхъ узъ, тамъ нѣтъ ни правды, ни неправды, ни признательности, ни противоположнаго ей качества, ни права, ни обязанности". Маколей въ своей статьѣ о комическихъ писателяхъ этого времени блестящимъ образомъ разбиваетъ „искусственные доводы Лэмба".

Въ противоположность послѣднему, Маколей настаиваетъ на томъ, что лица, выведенныя въ комедіи интересующей насъ эпохи, по наружному виду, разговору, образу мыслей, манерамъ вполнѣ схожи съ представителями высшаго общества этого времени. „Герой во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ такой блестящій джентельменъ, на котораго любой молодой человѣкъ изъ партера хотѣлъ бы походить; а героиня—именно такая привлекательная особа, на которой любой зритель охотно бы женился" [1]).

Кто не читалъ этихъ комедій, тотъ не можетъ представить себѣ всего ихъ цинизма. Вы здѣсь не встрѣтите ни одной свѣжей, молодой любви. Любовь обращается здѣсь въ одно физическое отправленіе организма [2]). Авторы этихъ комедій, не стѣсняясь зрителемъ, заставляютъ его порою быть очевидцемъ самыхъ интимныхъ сценъ между дѣйствующими лицами (напримѣръ, въ „Plain-Dealer"—„Пря-

[1]) *Macaulay*—Ibidem, p. 151—153.

[2]) „Give me leave to lie with you"—вотъ какъ выражается одинъ кавалеръ, ухаживающій за дамою. Другой, при первомъ знакомствѣ съ дамой, въ присутствіи мужа послѣдней выражаетъ ей свое сожалѣніе, что нездоровье лишило его возможности „to wrong her honour".

Библиотека "Руниверс"

модушный человѣкъ". IV дѣйст.), а если интимныя сцены происходятъ не на глазахъ зрителей, то заботливый авторъ заставляетъ другихъ дѣйствующихъ лицъ поставить публику въ извѣстность о происходившемъ за кулисами со всѣми возможными подробностями (напримѣръ, въ Troilus and Cressida—Драйдена. III дѣйств. сц. II).

Порою на сценѣ изображаются невѣроятныя непристойности, свидѣтельствующія о томъ, что нервы зрителей до того притупились, что натуралистическое изображеніе интимныхъ сторонъ жизни ихъ уже не удовлетворяло: испорченный вкусъ требовалъ изображенія болѣзненныхъ и отвратительныхъ аномалій [1]).

Но особенно наглымъ цинизмомъ и беззастѣнчивостью отличались прологи и эпилоги комедій. Зрители того времени, по словамъ Маколея, очень любили слышать ихъ изъ устъ хорошенькихъ и молоденькихъ актрисъ, которыя, по ихъ предположенію, не понимали значенія говоримыхъ ими двухсмысленностей. Большая часть прологовъ такова, что перевести ихъ на русскій языкъ нѣтъ никакой возможности. Вполнѣ понятно, почему представительницы прекраснаго пола этого времени являлись въ театръ на первое представленіе не иначе, какъ въ маскахъ. Многіе драматурги подсмѣивались надъ этимъ фарисействомъ, но никто такъ мѣтко не осмѣялъ ихъ мнимую стыдливость, какъ Конгривъ въ своей комедіи „The Double-Dealer" (Лицемѣръ), чѣмъ вызвалъ большое неудовольствіе среди дамъ [2]).

Любопытно при этомъ вспомнить разговоръ двухъ дамъ въ одной комедіи Вапбру, прекрасно характеризующій зрительницъ этого времени:

Белинда. „Но мое зеркало и я, мы никогда не могли рѣшить, какое лицо должна я дѣлать, когда на сценѣ произносятъ какую нибудь непристойность, потому что въ это время всѣ мужчины принимаются смотрѣть на женщинъ, такъ что смѣяться мы не должны, хотя наши корсеты и лопались бы отъ смѣха,—это значило бы обнаружить наше пониманіе двухсмысленной шутки. Принимать же серьезное выраженіе лица, когда весь театръ хохочетъ—такъ глупо.

Леди Брютъ. Къ тому же эта серьезность одинаково выдаетъ

[1]) См. The Virtuoso (Виртуозъ) Шадвеля. Сцена между старымъ Snarl и M-rs Figgup. *Beljame.* Le Public et les Hommes de Lettres en Angleterre au XVIII s., p. 55.

[2]) Маски давали поводъ многимъ безпорядкамъ въ театрѣ, такъ какъ, по словамъ Вичерлея, онѣ лишали возможности отличать порядочную женщину отъ свободной. (Посвященіе комедіи „The Plain-Dealer").

Библиотека "Руниверс"

насъ, потому что, не понимая пошлости, мы послѣдовали бы примѣру другихъ зрителей.

Белинда. Что касается меня, то я въ этихъ случаяхъ имѣю обыкновеніе сморкаться.

Лэди Брютъ. Вамъ пришлось бы, въ такомъ случаѣ оторвать вашъ носъ на представленіяхъ нѣкоторыхъ піесъ“ [1]).

Самымъ крайнимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ талантливымъ представителемъ этого направленія въ комедіи былъ, безъ сомнѣнія, Вилліамъ Вичерлей. Онъ родился въ 1640 г.; раннюю молодость провелъ во Франціи, былъ вхожъ въ домъ герцогини Монтозье, знаменитой Julie de Rambouillet. Въ 1660 г. онъ возвращается въ Англію. Успѣхъ первой комедіи „Love in a Wood“ or „St.-Jame's Park“ (Любовь въ лѣсу или Сентъ-Джемскій паркъ 1669 г.) и его красивая внѣшность заставили обратить на него вниманіе метрессы Карла II лэди Кэстльмэнъ, только что возведенной въ санъ герцогини Клевеландской—онъ дѣлается ея возлюбленнымъ. Черезъ нее онъ знакомится съ выдающимися писателями и меценатами того времени, Рочестеромъ, Сэдлеемъ, двоюроднымъ братомъ герцогини, ея любовникомъ герцогомъ Букингамскимъ. Онъ дѣлается наконецъ лично извѣстнымъ королю. Жизнь его, переполненная приключеніями, какъ нельзя больше подходитъ къ жизни выведенныхъ имъ героевъ. За десять дней до смерти (1715 г.), имѣя семьдесятъ лѣтъ отъ роду, Вичерлей дряхлый и больной женился во второй разъ на молоденькой дѣвушкѣ съ тѣмъ, чтобы досадить своему племяннику. Разказываютъ, что наканунѣ смерти онъ призвалъ свою жену и обратился къ ней съ слѣдующими словами: „Моя милая“, сказалъ онъ, „моя просьба заключается только въ томъ, чтобы ты не вздумала опять выйдти замужъ за старика“ [2]).

Маколей, который вообще строго судитъ нашего писателя, отрицаетъ въ его комедіяхъ всякую самостоятельность. „Одно лишь оригинально у Вичерлея“, говоритъ онъ, одно могъ породить его собственный умъ въ неисчерпаемомъ изобиліи, — это безстыдство. Любопытно наблюдать какъ все, чего бы онъ не коснулся, какъ бы не было оно чисто и благородно, въ одно мгновеніе принимаетъ оттѣнокъ его ума“. „По истинѣ“, замѣчаетъ онъ далѣе „неблагопристой-

[1]) The Provoked Wife III, 3.

[2]) Подробныя біографическія данныя можно найдти у *L. Hunt.*—Biographical and Critical Essay of Wycherley, Congreve, Vanbrough and Farquhar; *Macaulay.* Essay on the Comic Dramatists of the Restauration; *Klette.* Wycherley's Leben und Dramatische Werke. Münster, 1888.

Библиотека "Руниверс"

ность Вичерлея ограждена отъ критиковъ, какъ вонючка-хорёкъ отъ собакъ" [1]).

Тэнъ говоритъ приблизительно то же самое о Вичерлеѣ. Другаго мнѣнія держится Клеттэ. Въ своемъ изслѣдованіи „Жизнь и драматическая дѣятельность Вичерлея", онъ находитъ, что послѣдній былъ не только искуснымъ плагіаторомъ Мольера, но и талантливо изобразилъ общество, которое онъ прекрасно изучилъ, изъ котораго онъ живьемъ бралъ его представителей и переносилъ ихъ въ свои остроумныя и жизненныя комедіи. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Если бы Вичерлей не былъ такъ циниченъ, онъ навѣрное занялъ весьма почетное мѣсто среди англійскихъ драматурговъ, но ему пришлось отдать дань духу времени, и произведенія его позабыты. Защищая Вичерлея отъ нападокъ его недоброжелателей, Клеттэ, однако, переходитъ въ другую крайность. По его мнѣнію, Вичерлей не ограничивался драматизированіемъ современной ему дѣйствительности въ полной наготѣ исключительно для того, чтобы доставлять своей публикѣ раффинированное наслажденіе; вѣруя „въ свое поэтическое призваніе и могущество своей музы, какъ воспитательницы человѣчества", онъ поставилъ себѣ задачу исправлять нравы общества; онъ избралъ только неправильный путь для достиженія своей цѣли. Мнѣніе это представляется на нашъ взглядъ не вполнѣ основательнымъ. Вичерлей не преслѣдовалъ въ своихъ комедіяхъ нравоучительной цѣли. Онъ истощаетъ въ нихъ все свое остроуміе для того, чтобы возможно смѣшнѣе изобразить несчастныхъ простаковъ-мужей, которыхъ обманываютъ ихъ молоденькія жены, чтобы показать всю тщету предосторожностей, принимаемыхъ родителями для сохраненія невинности дочерей, за которыми увиваются опытные соблазнители, всегда играющіе самую видную роль въ піесѣ и которые, благодаря блестящимъ краскамъ, положеннымъ художникомъ для изображенія ихъ, невольно привлекаютъ нашу симпатію.

Правда, соблазнитель изображенъ наглымъ, циничнымъ, не имѣющимъ ni foi, ni loi, но въ то же время онъ такой элегантный, остроумный, интересный, что никакое препятствіе не остановитъ его, если цѣль кажется ему заманчивой, такъ что бѣдная жена, имѣющая правда добраго, но довольно-таки скучнаго мужа, въ мечтахъ уже давно рисовавшая себѣ прелесть адюльтера, не можетъ не отдаться ему, а читатель или зритель съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдитъ за его

[1]) *Macaulay* ibidem 176—177.

Библиотека "Руниверс"

успѣхомъ и негодуетъ, когда несносный супругъ своимъ неумѣстнымъ приходомъ помѣшаетъ свиданію. Затѣмъ, въ комедіяхъ Вичерлея множество циничныхъ деталей, масса непристойныхъ сценъ и неприличныхъ шутокъ, которыя вовсе не нужны для нравоучительной цѣли. Для того, чтобы исправлять нравы общества, надо быть свободнымъ отъ тѣхъ пороковъ и слабостей, въ которые мѣтишь сатирическія стрѣлы, а Вичерлей былъ сыномъ своей эпохи, принадлежалъ именно къ тому слою общества, который отличался невѣроятною безнравственностью. Его жизнь до того полна скандальными исторіями, что она бы сама могла служить прекраснымъ матеріаломъ для самой распущенной комедіи этого періода. Наконецъ младшіе современники Вичерлея, безъ сомнѣнія, болѣе насъ чуткіе, обвиняли его, въ ряду другихъ драматурговъ, въ безнравственности и цинизмѣ. Но предоставимъ читателю самому рѣшить, насколько важную роль играетъ нравоучительный элементъ въ произведеніяхъ нашего писателя. Мы познакомимъ его съ самой оригинальною комедіею его— „The Country Wife“ (Сельская супруга), при чемъ заранѣе просимъ читателя не сѣтовать на насъ за передачу нѣкоторыхъ циническихъ подробностей, которыя легко могутъ шокировать его; на нашъ взглядъ онѣ необходимы для болѣе яснаго уразумѣнія причинъ возникновенія нравоучительно-сентиментальной комедіи, явившейся, въ видѣ реакціи, на смѣну распущенной комедіи времени реставраціи. Вотъ содержаніе этой піесы. Нѣкто Горнеръ, отъявленный волокита и неотразимый сердцеѣдъ, по возвращеніи изъ Франціи, распускаетъ слухъ, что во время путешествія онъ подвергся операціи, сдѣлавшей его, по неволѣ, врагомъ женщинъ [1]). Товарищи Горнера, знавшіе его прежніе подвиги по части ухаживанія, глубоко сожалѣютъ его, другіе подсмѣиваются надъ его несчастіемъ, а третьи, успѣвшіе за время его путешествія жениться, отъ души радуются перемѣнѣ въ немъ. Одинъ изъ мужей, сэръ Фиджетъ приводитъ къ нему свою жену и сестру и убѣдительно проситъ Горнера бывать у него почаще — онъ вѣдь теперь не опасенъ, а дамы все-таки не будутъ имѣть времени думать объ опасныхъ ухаживателяхъ. Горнеръ прекрасно ведетъ свою роль: онъ отказывается отъ лестнаго предложенія быть кавалеромъ лэди Фиджетъ; не стѣсняясь присутствіемъ дамъ, онъ откровенно за-

[1]) Эту мысль Вичерлей заимствовалъ у Теренція, въ піесѣ котораго „Евнухъ“ фигурируетъ молодой человѣкъ, выдающій себя за кастрата съ цѣлью обладанія своею возлюбленною.

Библиотека "Руниверс"

являетъ, что въ былое время онъ ненавидѣлъ добродѣтельныхъ женщинъ, но теперь презираетъ и другихъ. Мужъ, однако, настаиваетъ, чтобы жена приняла его въ свое общество, не смотря на протесты ея и сестры, которыя, узнавъ о причинѣ ненависти Горнера къ женщинамъ, съ отвращеніемъ отворачиваются отъ него. Но сэръ Фиджетъ знаетъ слабость жены поиграть въ картишки и рекомендуетъ ей Горнера, какъ прекраснаго игрока, то-есть такого, котораго можно легко обыграть. Это слишкомъ соблазнительно, и лэди Фиджетъ сдается. Получивъ широкія полномочія отъ супруга, Горнеръ спѣшитъ открыть ей свою тайну. Та сначала недоумѣваетъ, недовѣрчиво относится къ его словамъ, но потомъ восторгъ ея не поддается описанію. Горнеръ становится ея возлюбленнымъ. Дѣло было хорошо задумано — нечего было опасаться ревности и наблюденій со стороны мужа. Впрочемъ однажды чуть не вышелъ скандалъ. Лэди Фиджетъ зашла на квартиру къ Горнеру, и въ самый патетическій моментъ, когда она, сидя у него на колѣняхъ, обвила его шею руками, нежданно-негаданно появляется мужъ. Супруга спѣшитъ объяснить ему, что ей любопытно было знать, боится ли Горнеръ щекотки, и приглашаетъ своего благовѣрнаго сообща убѣдиться въ этомъ. Но тотъ, котораго слова эти не совсѣмъ еще успокоили, уклоняется отъ этого опыта и проситъ ее объяснить, какимъ образомъ она попала сюда, когда въ настоящее время должна была быть въ магазинѣ китайскаго фарфора. Находчивая особа не растерялась; она разсказываетъ мужу, что пріѣхала просить Горнера пойдти съ ней въ магазинъ, но что онъ былъ такъ нелюбезенъ, не только на-отрѣзъ отказался исполнить ея просьбу, но даже не пожелалъ показать ей свои прекрасныя фарфоровыя вазы. Это ее такъ разсердило, что она рѣшила сама идти искать у него, что ей требуется. Сказано-сдѣлано. Она убѣгаетъ въ сосѣднюю комнату и запираетъ дверь на ключъ. Горнеръ тогда начинаетъ симулировать свое негодованіе и такъ натурально играетъ роль, что сэръ Фиджетъ совсѣмъ успокаивается и опять начинаетъ трунить надъ бѣднымъ малымъ. Горнеръ заявляетъ, что безцеремонность лэди Фиджетъ начинаетъ переходить границы и что онъ положитъ ей конецъ. Сказавъ это онъ уходитъ въ другую дверь. Въ это время появляется мистрисъ Сквимишъ; она спрашиваетъ, гдѣ Горнеръ, и узнавъ, что онъ въ сосѣдней комнатѣ съ лэди Фиджетъ, приходитъ въ сильное волненіе, хочетъ идти къ нимъ, находитъ одну дверь запертою, бѣжитъ къ другой, но скоро возвращается назадъ, не найдя никого. Наконецъ появляется прекрасная лэди Фиджетъ съ

Библиотека "Руниверс"

фарфоровой вазой въ рукахъ въ сопровожденіи Горнера. Слѣдуетъ весьма характерный разговоръ между этими лицами, переполненный двусмысленностями.

Скоро лэди Фиджетъ узнаетъ, что не она одна счастливая обладательница тайны Горнера. Однажды она съ сестрою и мистрисъ Сквимишъ приходитъ на квартиру къ Горнеру. Лэди Фиджетъ предлагаетъ хорошенько повеселиться и, съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ, затягиваетъ весьма скабрезную пѣсенку. Подъ вліяніемъ выпитаго вина, дамы сбрасываютъ съ себя напускную личину скромности и въ пылу разговора съ языка одной собесѣдницы срывается словечко, которое выдаетъ ея отношеніе къ Горнеру. Лэди Фиджетъ заявляетъ, что Горнеръ принадлежитъ ей, другія двѣ также сознаются, что онѣ съ нимъ въ связи; происходитъ замѣшательство.

Всѣ дамы подступаютъ къ несчастному Горнеру. Лэди Фиджетъ, какъ наиболѣе опытная и рѣшительная дама, прекращаетъ весь этотъ скандалъ слѣдующимъ замѣчаніемъ; „Довольно, здѣсь нѣтъ исхода, сестры, не будемъ ссориться, но позаботимся о нашей чести. Хотя Горнеръ намъ не даритъ брилліантовъ, за то сохранена наша честь— этотъ цѣнный и полезный брилліантъ, сіяющій всему міру, хотя онъ можетъ быть и поддѣльный". Примирившись съ такою широкою любвеобильною природой Горнера, лэди Фиджетъ имѣетъ основаніе предполагать, что теперь, по крайней мѣрѣ, онъ останется вѣренъ имъ тремъ, но она ошиблась; въ то самое время, когда эти три дамы пировали у него въ одной комнатѣ, въ сосѣдней сидѣла еще одна, четвертая возлюбленная, мужъ которой мистеръ Пинчвайфъ женился на ней, правда молоденькой, но глуповатой и не особенно красивой съ тѣмъ, чтобы не носить рога. „Дуракъ кто женится, но тотъ еще глупѣе, кто не женится на дурѣ" говаривалъ онъ. Живя холостякомъ въ Лондонѣ и хорошо зная, какъ трудно тамъ мужу не сдѣлаться рогоносцемъ, онъ всячески оберегаетъ жену отъ соблазновъ, но это ему плохо удается. Онъ ведетъ жену съ собою въ театръ, но садится съ ней на самыя дешевыя мѣста, думая, что тамъ онъ не встрѣтитъ опасныхъ ухаживателей. Напрасно, — зоркій, опытный глазъ Горнера замѣтилъ деревенскую простушку; ея скромный потупленный взоръ зажегъ въ этомъ пресыщенномъ, испорченномъ человѣкѣ страстное желаніе обладать ею. Другой разъ Пинчвайфъ ведетъ жену на гуляніе въ мужскомъ костюмѣ и выдаетъ ее за брата жены, но не провести ему Горнера, которому препятствія придаютъ еще большую энергію. Улучивъ ми-

Библиотека "Руниверс"

нуту, когда мистрисъ Пинчвайфъ осталась одна, онъ подходитъ, беретъ ее за руку и уводитъ ее въ темную аллею сада. Прогуливаясь съ ней, онъ дѣлаетъ видъ, что вѣритъ словамъ ея мужа и потому проситъ сказать сестрѣ, что онъ безумно и страстно любитъ ее и передать ей поцѣлуй, который онъ тутъ же даетъ ей. Г-жа Пинчвайфъ обо всемъ подробно разсказала своему мужу. Разгнѣванный супругъ велитъ ей написать дерзкому молодому человѣку письмо подъ его диктовку, самаго суроваго содержанія, но жена, успѣвшая полюбить Горнера, пользуется моментомъ, когда мужъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, и пишетъ ему другое письмо. Мы его выписываемъ цѣликомъ—оно въ высшей степени любопытно по циничному тону: „Дорогой, милый, господинъ Горнеръ, мой мужъ хочетъ, чтобы я послала вамъ грубое и невѣжливое письмо, но я не хочу запрещать меня любить; но я не хочу сказать, что я ненавижу васъ мой бѣдный г. Горнеръ; но я не хочу лгать для него, потому что убѣждена, что, если бы мы оба очутились въ деревнѣ, за картами, я не могла бы удержаться коснуться вашихъ колѣней подъ столомъ, наступить вамъ на ногу, смотрѣть на васъ, не отводя глазъ, пока вы замѣтите меня и тогда я бы потупилась и покраснѣла бы на цѣлый часъ, но я должна спѣшить окончить письмо до прихода моего мужа и, такъ какъ онъ научилъ меня вамъ писать, то вы будете впредь получать болѣе длинныя посланія отъ меня, которая, дорогой, дорогой, бѣдный, милый господинъ Горнеръ, ваша покорная слуга до гроба. Маргарита Пинчвайфъ".

Мужъ, не замѣтивъ, что жена подмѣнила письмо, берется самъ отнести его къ Горнеру. Сцена, въ которой мистеръ Пинчвайфъ появляется съ письмомъ къ нашему герою, весьма курьезна и полна пикантными qui pro quo. Но мало того, что мужъ самъ приноситъ любовное письмо жены къ ея любовнику, авторъ, чтобы вдоволь потѣшиться надъ старымъ ревнивцемъ, заставляетъ послѣдняго привести жену къ Горнеру. Г-жа Пинчвайфъ, наученная мужемъ переписываться съ Горнеромъ, снова пишетъ ему, говоритъ, что мужъ сталъ ей противенъ и что она ждетъ—не дождется, когда онъ наконецъ избавитъ ее отъ него. Но она не успѣла докончить письма, какъ входитъ мужъ. Ей удается, при содѣйствіи ловкой субретки, оправдаться передъ нимъ. Не смущаясь, она подписываетъ письмо „Alithea". Alithea—сестра ея мужа. Послѣдній пораженъ и ничего, разумѣется, не понимаетъ. Тогда находчивая жена объявляетъ ему, что сестра его, которая должна выйдти за Спаркиша, любитъ на са-

Библиотека "Руниверс"

момъ дѣлѣ Горнера и просила ее написать послѣднему письмо, чтобы тотъ избавилъ ее отъ ненавистнаго ей брака. Мало того Алитея просила ее уговорить мистера Пинчвайфа свести ее немедленно на квартиру Горнера. Пользуясь наступившими сумерками, она надѣваетъ платье Алитеи, и околпаченный супругъ ведетъ ее къ любовнику. Вы спросите, какъ мистеръ Пинчвайфъ не узналъ жену по голосу, но предусмотрительная плутовка просила мужа не спрашивать сестру ни о чемъ, ей вѣдь совѣстно сознаться въ безумной любви къ Горнеру. Ревнивому супругу эта комбинація очень улыбается—обвѣнчавъ Горнера съ своею сестрою, онъ по крайней мѣрѣ отдѣлается отъ этого опаснаго преслѣдователя жены, и потому онъ требуетъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы Горнеръ немедленно обвѣнчался съ его сестрою; тотъ, разумѣется, не хочетъ и слышать объ этомъ и скромно передаетъ свои права Гаркурту, второму претенденту на руку Алитеи и который, переодѣвшись священникомъ, только что обвѣнчалъ ее съ Спаркишемъ. Поднимается страшный шумъ. Спаркишъ, узнавъ, что онъ обманутъ, негодуетъ, Алитея требуетъ отъ Горнера объясненія, Пинчвайфъ, желая заставить послѣдняго исполнить его требованіе, обнажаетъ шпагу и наступаетъ на него. Въ этотъ моментъ, къ крайнему удивленію всѣхъ присутствующихъ, изъ сосѣдней комнаты выбѣгаетъ г-жа Пинчвайфъ въ платьѣ Алитеи и съ крикомъ бросается между ними; она проситъ пощадить „бѣднаго Горнера", называетъ его „вторымъ супругомъ". Тогда Пинчвайфъ приходитъ въ ярость, но на сцену выступаетъ ловкая субретка и объясняетъ разгнѣванному мужу, что это она заварила кашу съ цѣлью освободить Алитею отъ брака со Спаркишемъ и дать ей возможность выйдти замужъ за Гаркура. Присутствующія дамы стараются также успокоить мистера Пинчвайфа насчетъ невиновности его жены, но наивная деревенская супруга не хочетъ уняться: „Это неправда" кричитъ она, „вы не должны умалять достоинство бѣднаго мистера Горнера, потому что мнѣ хорошо извѣстно"... Дамы сколько могутъ заставить ее молчать. Старому, ревнивому супругу приходится поневолѣ убѣдиться въ вѣрности своей жены. Эта моральная піеса заканчивается танцемъ рогоносцевъ (Danse of Cuckolds) [1]).

Другая знаменитая піеса Вичерлея—„The Plain-Dealer" (Прямо-

[1]) „Эта пьеса", замѣчаетъ Вольтеръ въ своихъ Lettres Philosophiques, если хотите, не—школа добрыхъ нравовъ, но, право, она можетъ быть названа школою остроумія и хорошаго комизма".

Библиотека "Руниверс"

душный Человѣкъ) нисколько не уступаетъ въ цинизмѣ „Деревенской супругѣ“. Большая часть дѣйствующихъ лицъ по внѣшнимъ контурамъ напоминаютъ намъ характеры Мизантропа Мольера, но это только внѣшнее сходство, внутреннее содержаніе—чисто англійское и надо прибавить чисто англійское времени реставраціи [1]). Но мы не будемъ утомлять читателя пересказомъ содержанія этой піесы, перечнемъ разныхъ непристойныхъ сценъ, которыми очень богата эта комедія—приведенныхъ примѣровъ, намъ кажется вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ англійской комедіи времени реставраціи [2]).

II.

Мы уже сказали выше, что нравоучительно-сентиментальное направленіе въ области комедіи явилось на смѣну предшествовавшаго „игриваго“, въ видѣ реакціи. Всѣ печальныя крайности дидактизма и сентиментализма, которыя и привели англійскую комедію XVIII вѣка къ упадку, объясняются крайностями ultra-циничнаго тона господствовавшаго въ комедіи въ царствованіе послѣднихъ Стюартовъ. Какъ въ общественной, такъ и въ литературной исторіи народовъ намъ приходится часто наблюдать этотъ законъ чередованія противоположныхъ направленій. Но реакція, вызванная этимъ направленіемъ, наступила не сразу, не ex abrupto, распущенная комедія времени Реставраціи, эта „школа разврата“, какъ называло ее пуритански настроенное Сити, не сразу превратилась въ сентиментально-нравоучительную драму, въ „школу нравственности“. Какъ природа не допускаетъ скачковъ, такъ и въ исторіи, общественной и литературной, законы, управляющіе ходомъ ея, также не допускаютъ рѣзкихъ, не подготовленныхъ, такъ сказать, переворотовъ и перемѣнъ направленій. Зародыши реакціи въ интересующей насъ сферѣ англійской комедіи слѣдуетъ искать въ послѣдніе уже годы царствованія Карла II и въ царствованіе брата его Якова II. Такъ намъ извѣстно, что Ра-

---

[1]) По мнѣнію Вольтера, „англійскій авторъ исправилъ единственный недостатокъ піесы Мольера. Этотъ недостатокъ заключается въ отсутствіи интриги и интереса. Англійская піеса интересна и интрига ведена въ ней искусно, но, по нашимъ понятіямъ, она слишкомъ смѣла.

[2]) Вичерлей написалъ 4 піесы „Любовь въ Лѣсу“ 1669 г., „Танцовальный Учитель—Джентельменъ“ 1671 г., „Сельская Супруга“ 1671 г. и „Откровенный Человѣкъ“ 1675.

Библиотека "Руниверс"

венскрофтъ, одинъ изъ самыхъ циничныхъ драматурговъ въ прологѣ своей комедіи „The Dame Dobson“ (г-жа Добсонъ) 1684 г. говоритъ, что нѣкоторыя сцены его комедіи, The London Cuckolds (Лондонскіе рогоносцы) 1682 г. оскорбили нравственное чувство дамъ, и что, въ виду этого, онъ уже постарался въ новой піесѣ не допускать ни одной неприличной шутки. Въ томъ же духѣ говоритъ и Шадвель въ прологѣ своей комедіи „The Squire of Alsatia“ (Сквайеръ изъ Эльзаса) 1688 г. Съ теченіемъ времени протесты противъ безнравственнаго тона въ комедіи становятся все чаще и чаще, такъ Даунесъ (Downes) разказываетъ намъ, что комедія Гранвиля „The She-Gallants“ (Кокетки) 1695 г., хотя очень остроумная и прекрасно разыгранная, но оскорбившая уши нѣкоторыхъ скромныхъ дамъ, не имѣла успѣха. Соутернъ, по словамъ Бельжама, дебютировавшій въ качествѣ драматурга въ 1682 г., два года спустя дерзнулъ ввести въ свою комедію „The Disappointement“ („Разочарованіе“) добродѣтельныхъ женщинъ [1]). Все это были симптомы, предвѣщавшіе возникновеніе нравоучительно-сентиментальной комедіи. Чѣмъ же объяснить эту перемѣну вкусовъ, происшедшую въ англійскомъ обществѣ?

Первымъ и самымъ важнымъ мотивомъ, обусловливающимъ эту перемѣну, слѣдуетъ признать — возроставшее съ каждымъ годомъ общественное значеніе буржуазіи. Пуритански настроенное Сити относилось весьма неодобрительно ко всѣмъ безобразіямъ, происходившимъ при дворѣ Карла II.

Знакомый уже намъ Пеппысъ разказываетъ въ своемъ дневникѣ, что въ 1668 г. лондонскіе подмастерья разнесли дома терпимости и при этомъ выражали свое сожалѣніе, что не могли сдѣлать того же самого съ наихудшимъ изъ этихъ домовъ Whitehall [2]). Сити не посѣщало театра, который оно считало колыбелью разврата и всякихъ пороковъ. Объ этомъ говоритъ Вичерлей въ эпилогѣ своей комедіи „The Gentleman—Dancing-master“ (Танцовальный учитель-джентельменъ“) 1672 г. и Шадвель въ эпилогѣ своей комедіи „The Lancashire Witches“ („Ланкаширскія Вѣдьмы“) представленной въ первый разъ въ 1681 г. „Сити не другъ намъ“ замѣчаетъ послѣдній; оно не любитъ ни насъ, ни нашъ юморъ; они (представители буржуазіи) говорятъ, что ихъ жены научаются въ партерѣ дѣлать глазки, что

[1]) *Beljame*, ibidem, 203—204.

[2]) Pepys. Diary, 24, 25 March, 1668.

Библиотека "Руниверс"

въ ложахъ онѣ привыкаютъ кокетничать и отвѣчать на вздохи и наглые взгляды" [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что Сити не сочувствовало господствующему въ театрѣ направленію, но въ царствованіи Карла II оно играло слишкомъ ничтожную роль въ общественной жизни, а потому должно было ограничиться пассивнымъ, такъ сказать, протестомъ, но уже въ послѣдніе годы жизни Карла и въ царствованіи Якова II начинаетъ играть болѣе видную роль, оно желаетъ имѣть свою литературу, которая пропагандировала бы его идеи, отстаивала бы его интересы.

Послѣ революціи 1688 г. въ царствованіе избраннаго націею Вильгельма, Сити получаетъ еще болѣе широкое развитіе. Ростъ буржуазіи продолжается и достигаетъ своего апогея въ первой половинѣ XVIII вѣка. Въ піесѣ Ричарда Стиля „Искренніе любовники" (1722) мы находимъ любопытное разсужденіе одного купца о томъ, что „сословіе, къ которому онъ принадлежитъ, окрѣпнувши въ настоящемъ столѣтіи, на столько же достойно уваженія и такъ же полезно обществу, какъ и земельная аристократія". Естественно, что теперь буржуазія, сдѣлавшись общественною силою, находитъ возможнымъ открыто заявлять о своихъ вкусахъ и литературныхъ запросахъ, которые, разумѣется, ничего не имѣли общаго съ запросами сподвижниковъ Карла II. Но было бы ошибочно думать, что реформа англійской комедіи произошла сразу. „Это фактъ", говоритъ Госсъ, „что революція 1688 года не благопріятствовала развитію нравственности, и піесы, непосредственно слѣдовавшія за восшествіемъ на престолъ Вильгельма III, отличались поразительною распущенностью языка" [2]).

„Прежніе писатели", замѣчаетъ Бельжамъ, „оставались вѣрными старинному направленію: „Амфитріонъ" Драйдена, „The Scowrer's" и „Волонтеры" Шадвеля, „Комическая исторія Донъ Кихота" Д'Урфея—такія же легкомысленныя комедіи, какъ и предшествующія произведенія тѣхъ же авторовъ. Вновь выступившіе писатели достойнымъ образомъ шли по ихъ слѣдамъ, не уступая ни въ чемъ своимъ пред-

---

[1] ..... „The city's not our friend|
The city neither likes us nor our Wit
„They say their Wives learn ogling in the Pit,
They'r from the Boxes taught to make Advances,
To answer stolen sighs and naughty Glances"....

Beljame. Ibidem, p. 57, прим. 1.

[2]) *Gosse.* Life of William Congreve. (Great Writers) 1888 г. p. 98.

Библиотека "Руниверс"

шественникамъ. Чтобъ это понять, достаточно взглянуть на „Сэръ Антони Ловъ" („Sir Anthony Love") Соутерна [1]) или на комическую часть его же трагедіи „Оронооо" („Oronooo"), пробѣжать первое произведеніе Конгрива и Ванбру, въ которыхъ мы находимъ то же натуралистическое изображеніе распущенныхъ нравовъ" [2]), хотя, какъ мы видѣли выше, слишкомъ уже наглыя піесы вызываютъ протестъ со стороны нѣкоторой части публики. „Въ былое время", замѣчаетъ современный поэтъ, „только пошлыя шутки и нравились городу, а теперь (да поможетъ Небо нашему ремеслу) онѣ не въ ходу" [3]). Только въ самомъ концѣ столѣтія авторы комедій начинаютъ принимать въ соображеніе литературные запросы буржуазіи и стараются избѣгать въ своихъ комедіяхъ такихъ сценъ и выраженій, которыя способны оскорбить нравственное чувство представителей Сити. Мало того, они придаютъ своимъ піесамъ дидактическій характеръ. Они хотятъ теперь не только развлекать зрителя, но и поучать его.

Въ числѣ другихъ мотивовъ, оказавшихъ вліяніе на перемѣну литературныхъ вкусовъ въ англійскомъ обществѣ, мы укажемъ еще на слѣдующее обстоятельство: вспомнимъ, что главными виновниками безнравственности англійскаго театра времени Реставраціи былъ самъ король и его дворъ. Яковъ II, вступившій на престолъ въ 1685 г., не былъ такимъ веселымъ и легкомысленнымъ человѣкомъ, какъ братъ его Карлъ II, котораго не даромъ англичане прозвали „the merry monarch". Его вниманіе было поглощено религіозными спорами; его постоянныя распри и недоразумѣнія съ парламентомъ не могли, разумѣется, развить въ немъ то благодушное настроеніе, которымъ отличался его братъ. Затѣмъ онъ вступилъ на престолъ уже тогда, когда молодость его, не отличавшаяся также особенною скромностью, о чемъ свидѣтельствуютъ многія страницы мемуаровъ Грамона, уже прошла. При немъ театръ становится нѣсколько сдержаннѣе. Личный

---

[1]) Соутернъ (1659—1746) Лучшія трагедіи: „The Fatal Mariage" (Роковой бракъ) 1694 г. и „Oronooo" 1696 г., которыя Госсъ въ своей Исторіи Англійской Литературы XVIII вѣка называетъ „сентиментальными трагедіями", намекая на обиліе въ нихъ чувствительныхъ сценъ. Комедіи его крайне циничны („Sir Anthony Love", „The Wive's Excuse") etc.

[2]) *Beljame*, ibidem. p. 239—240.

[3]) „Once only smutty lests would please the Town,
But now (Heaven help our Trade) they'll not go down".

Hopkins, Boadicea Queen of Britain. A tragedy. Epilogue 1697 г. *Beljame*, ibidem. p. 244 прим. 1.

Библиотека "Руниверс"

характеръ Вильгельма III и его супруги Маріи еще менѣе способствовалъ продолженію того тона, который доминировалъ въ театрѣ и обществѣ въ царствованіе Карла II.

Вильгельмъ, прозванный современниками „молчаливымъ", былъ человѣкомъ мало общительнымъ, не любившимъ шумныхъ сборищъ и придворныхъ праздниковъ, до которыхъ былъ такой охотникъ Карлъ II. О его похожденіяхъ, если таковыя были, ничего неизвѣстно, а королева могла служить образцомъ всѣхъ добродѣтелей. Въ посвященіи своей трагедіи „The Mourning Bride" (Горюющая невѣста, 1697 г.) королевѣ, Конгривъ говоритъ, между прочимъ, что „цѣль его піесы представить добродѣтель въ привлекательномъ видѣ, а потому онъ надѣется на покровительство ея королевскаго величества". Намекая на добродѣтель королевы, поэтъ говоритъ, что добродѣтель становится модною въ народѣ, благодаря примѣру государей [1]).

Затѣмъ, первые годы царствованія Карла II были годами сплошнаго ликованія и веселья. Нація, за исключеніемъ небольшаго кружка, оставшагося вѣрнымъ пуританизму, восторженно привѣтствовала короля, освободившаго ихъ отъ гнета ревнителей внѣшняго благочестія, они взирали на монарха съ благодарностью, съ самыми добрыми надеждами. Все то, что происходило при дворѣ, всѣ тѣ оргіи и вакханаліи не нравились, разумѣется, народу, но онъ объяснялъ это веселымъ нравомъ молодаго короля, его желаніемъ вознаградить себя за годы изгнанія, онъ надѣялся, что наступитъ время, когда король, вдоволь навеселившись, займется серьезными государственными дѣлами; народъ однако ошибся. Король продолжалъ вести свою веселую жизнь, совершенно позабывъ о своихъ обязанностяхъ относительно народа, о нуждахъ послѣдняго,—и вотъ тогда, когда народъ замѣтилъ, что король, ради своихъ личныхъ интересовъ, началъ жертвовать интересами государства, когда онъ узналъ, что Карлъ уступилъ Людовику XIV за деньги Дюнкирхенъ, отнятый Кромвелемъ у испанцевъ, когда онъ увидѣлъ, что король щедрою рукою черпалъ изъ казны деньги и раздавалъ ихъ своимъ фавориткамъ, когда онъ увидѣлъ въ водахъ Темзы голландскій флотъ, подступающій къ Лондону, допущенный, благодаря небрежности и бездѣятельности короля,—только тогда народъ убѣдился, какъ жестоко обманулъ его довѣріе

[1]) „...this poem, constituted on a moral whose end is to recommend and to encourage virtue of consequance has recourse to your Royal Highness's patronage. It is from the example of princes that virtue becomes a fashion in the people".

Библиотека "Руниверс"

король. Недовольство народа усилилось еще, благодаря тому, что Карлъ и его братъ явно обнаруживали симпатіи къ католицизму, а также благодаря крайне несправедливымъ и жестокимъ гоненіямъ нонконформистовъ. Отношенія между государемъ и его народомъ становились все болѣе и болѣе натянутыми. Въ это время Англія представляла два враждебныхъ лагеря. Видя въ герцогѣ Іоркскомъ яраго приверженца католицизма и опаснаго противника конституціи и англиканской вѣры, виги не хотѣли допустить его до престола; торіи же, исходя изъ положенія, что право на корону идетъ отъ Бога, находили, что разсужденій о томъ, будетъ ли герцогъ Іоркскій хорошимъ или дурнымъ королемъ для народа, быть не можетъ [1]). Все это не могло пройти безслѣдно для интересующей насъ области театра вообще и въ частности комедіи. Эта оживленная политическая жизнь, эта борьба торій и виговъ отразилась на сценѣ въ цѣломъ рядѣ піесъ политическаго содержанія. Но, безъ сомнѣнія, театръ служилъ болѣе усердно торіямъ, чѣмъ вигамъ, уже по одному тому, что драматурги, какъ мы видѣли выше, были вполнѣ въ зависимомъ положеніи отъ короля и волею-неволею должны были быть самыми крайними роялистами. Піесы же тѣхъ немногихъ драматурговъ, которые рѣшались присоединиться къ лагерю виговъ, въ большинствѣ случаевъ либо не допускались до представленія, либо вызывали гоненія на ихъ авторовъ. Но такъ или иначе пробудившіеся въ обществѣ интересы къ государственнымъ вопросамъ несомнѣнно имѣли вліяніе на перемѣну его вкусовъ, которые съ каждымъ годомъ становятся менѣе фривольными [2]).

III.

Новыя литературныя вѣянія нашли себѣ отраженіе уже въ комедіяхъ Конгрива, къ которымъ мы теперь и перейдемъ. Вспомнимъ отзывъ Вольтера объ этомъ писателѣ. „Изъ всѣхъ англійскихъ писателей“, читаемъ мы въ его „Lettres Philosophiques“, „бо́льшей славы въ области комедіи достигъ покойный Конгривъ. Онъ не много написалъ піесъ, но всѣ онѣ превосходны въ своемъ родѣ. Онѣ полны характерами, оттѣненными съ чрезвычайною тонкостію; въ нихъ васъ не поразитъ ни одна плохая шутка; вы находите въ нихъ повсюду

[1]) *Macaulay*. History of England. I, p. 185—190. *Beljame*, ibidem p. 144—150.
[2]) Объ этомъ подробно въ книгѣ Бельжама, стр. 149—160; 198.

Библиотека "Руниверс"

разговоръ честныхъ людей, поступающихъ какъ мошенники; это доказываетъ, что онъ зналъ своихъ современниковъ и что онъ жилъ въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ". Жизнь этого поэта во многихъ отношеніяхъ похожа на жизнь Вичерлея. Конгривъ принадлежалъ также, какъ и авторъ „Сельской супруги", къ знатному роду, онъ провелъ, подобно ему, очень бурно свою молодость, рано ощутилъ грустныя послѣдствія кутежей и оргій и умеръ на 60 году отъ роду, удрученный всевозможными недугами и слѣпотой. На свою литературную дѣятельность онъ смотрѣлъ какъ на развлеченіе и не придавалъ ей большаго значенія. Разказываютъ, что Вольтеръ въ бытность свою въ Англіи пожелалъ видѣть талантливаго драматурга и лично засвидѣтельствовать ему свое уваженіе. Каково же было его изумленіе, когда этотъ аристократъ-поэтъ, на его привѣтствіе, заявилъ ему самымъ небрежнымъ тономъ, что піесы написаны имъ въ часы досуга, и что ему было бы гораздо пріятнѣе, еслибы Вольтеръ привѣтствовалъ его, не какъ писателя, а только какъ джэнтельмена.

„Если бы вы были только джэнтельменомъ", возразилъ на это Вольтеръ, то я и не подумалъ бы посѣтить васъ" [1]).

Въ основныхъ чертахъ комедіи Конгрива представляютъ изъ себя лишь дальнѣйшее развитіе комедій Драйдена, Этереджа и Вичерлея. Подобно своимъ предшественникамъ, онъ подражалъ въ своихъ комедіяхъ Мольеру, и надо замѣтить, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ подражателей великаго французскаго поэта, не только въ англійской, но и вообще въ европейской литературѣ [2]). Но, какъ талантливый поэтъ и тонкій наблюдатель своего общества, онъ пользовался, разумѣется, Мольеровскими характерами и ситуаціями лишь какъ рамками и наполнялъ ихъ содержаніемъ, выхваченнымъ изъ англійской жизни. Однако сравнительно со своими предшественниками Конгривъ подчиняется больше литературнымъ пріемамъ автора Мизантропа и Тартюфа. Мы уже имѣли случай говорить выше, что Конгривъ старался подчинить свои комедіи „закону трехъ единствъ" и ограничиться возможно менѣе сложною интригою. Ни Этереджъ, ни Вичерлей не стѣсняли себя никакими „единствами". Что касается до цинизма, неприличныхъ шутокъ и т. д., то Конгривъ въ своихъ комедіяхъ не далеко ушелъ отъ своихъ предшественниковъ.

---

[1]) *Macaulay*. Essay on the Comic Dramatists of the Restauration, p. 196.

[2]) Вопросъ о вліяніи Мольера на Конгрива подробно разсмотрѣнъ въ книгѣ Bernevitz'a: Congreve und Moliere. Leipzig. 1890.

Библиотека "Руниверс"

„Конгривъ", говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, „менѣе грубъ чѣмъ Вичерлей и Шадвель [1]), но онъ далеко не нравственнѣе ихъ, и для многихъ читателей раффинированный лоскъ его произведеній не уничтожаетъ ихъ этическаго значенія. Драма Конгрива соединяетъ въ себѣ въ удивительной степени самое тонкое литературное искусство съ самой крайней безнравственностью и легкомысліемъ" [2]).

Другой изслѣдователь тоже осуждаетъ Конгрива за его пристрастіе къ изображенію рискованныхъ положеній и безнравственныхъ характеровъ. „Основная ошибка, которою грѣшатъ Конгривъ и его соперники", говоритъ онъ, „заключается въ томъ, что онъ въ своемъ рвеніи удовлетворить вкусамъ зрителя совершенно упускаетъ изъ виду основную цѣль комедіи—исправлять людей" [3]). И дѣйствительно первая комедія Конгрива „The Old Bachelor" (Старый холостякъ) 1693 года въ высшей степени цинична. Вторая комедія его „The Double Dealer" (Лицемѣръ) 1694 г. тоже не отличается особенною скромностію. Суровый Колліеръ, о которомъ рѣчь впереди, въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, осуждая піесы Конгрива на ряду съ другими комедіями его времени, говоритъ, между прочимъ, о „Double Dealer'ѣ" слѣдующее: „Въ піесѣ всего четыре женщины и три изъ нихъ и самыя значительныя — распутницы; хорошій комплиментъ, сказать, что только четверть всего прекраснаго пола добродѣтельна", Конгривъ счелъ нужнымъ отвѣтить Колліеру, и отвѣтъ его въ высшей степени любопытенъ. Въ своемъ сочиненіи „Исправленіе неправильныхъ и ложныхъ извлеченій Колліера изъ „Стараго Холостяка", „Лицемѣра" и проч. [4]) Конгривъ замѣчаетъ: „сцена — зеркало жизни; мужчины и женщины, которые фигурируютъ тамъ, представляютъ все человѣчество, такъ что, если четыре женщины изображены на сценѣ и три изъ нихъ порочны, — это значитъ, что три четверти женскаго пола никуда не годится. Кто на столько смѣлъ, чтобы противорѣчить этому аргументу, пусть противорѣчитъ. Что касается до меня, то я люблю спорить только съ равными силами—слава Богу, что не всѣ четыре женщины безнравственны". И въ самомъ дѣлѣ три дамы изъ четырехъ, изображенныхъ Конгривомъ въ „Лицемѣрѣ", от-

[1]) Мы уже упоминали о немъ выше въ числѣ другихъ циничныхъ драматурговъ времени Реставраціи.

[2]) *Gosse.* History of XVIII-th cent. Lit. London. Macmillan, 1891, p. 65.

[3]) Bennevita, ibidem, p. 14.

[4]) „Amendments of M-r Collier's false and imperfect citations from the O. B., the D. D. etc.".

Библиотека "Руниверс"

личаются крайнимъ распутствомъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаетъ лэди Татчвудъ; у этой особы чисто африканскія страсти. Она не довольствуется однимъ любовникомъ Масквелемъ, она полюбила еще племянника своего мужа Меллефонта, который. въ свою очередь, влюбленъ въ молодую дѣвушку Цинтію и собирается жениться на ней, а потому отвергаетъ любовь лэди Татчвудъ. Не удовлетворенная страсть и оскорбленное самолюбіе побуждаютъ послѣднюю отомстить молодому человѣку. Съ этой цѣлью она сообща съ Масквелемъ принимаетъ разныя мѣры для того, чтобы не допустить Меллефонта жениться на любимой дѣвушкѣ. Она увѣряетъ мачиху Цинтіи, лэди Пліантъ, еще не старую женщину и охотницу до любовныхъ приключеній, что Меллефонтъ интересуется ею. Мѣра эта, однако. не приводитъ къ желаннымъ результатамъ. Кэрелесъ, узнавъ объ угрожающей другу опасности, самъ начинаетъ ухаживать за лэди Пліантъ и вскорѣ добивается взаимности. Потерпѣвъ неудачу, лэди Татчвудъ рѣшается на слѣдующій поступокъ: подобно женѣ Пентеффрія, она сообщаетъ мужу своему, что Меллефонтъ ухаживаетъ за нею съ самыми преступными намѣреніями.

Молодому человѣку, однако, удается оправдаться передъ своимъ дядею и въ концѣ концовъ онъ женится на Цинтіи. Лэди Пліантъ въ перечнѣ дѣйствующихъ лицъ охарактеризована авторомъ слѣдующими словами: дерзкая съ своимъ мужемъ и весьма доступная ухаживателямъ (insolent to her husband and easy to any pretender). На словахъ она очень добродѣтельна, но стоитъ только любому мужчинѣ сказать ей нѣсколько банальныхъ любовныхъ словъ, и она готова броситься ему на шею. „О, вы побѣдили меня, дорогой, нѣжный сэръ, вы побѣдили меня! Какое мраморное сердце можетъ удержаться отъ слезъ и не сдаться отъ такихъ трогательныхъ рѣчей... Скажите же, дорогой смертный, когда, гдѣ и какъ?“. Лэди Фросъ (lady Froth) въ легкомысленномъ отношеніи къ супружескимъ узамъ не уступаетъ дамамъ, о которыхъ говорено выше.

Слѣдующая піеса „Love for Love“ (Любовь за любовь, 1695), которая считается лучшею комедіею Конгрива, нѣсколько сдержаннѣе предыдущихъ піесъ, хотя и въ ней еще не мало весьма грязныхъ сценъ. Для примѣра укажемъ на 11 сцену II акта.

Но отмѣченныя нами сцены въ піесахъ Конгрива составляютъ только одну сторону его произведеній, которою онѣ соприкасаются съ комедіями Вичерлея и другихъ, но въ его комедіяхъ мы находимъ уже зародыши новаго направленія. Я упомянулъ выше, говоря о

Библиотека "Руниверс"

„Double Dealer", что изъ четырехъ женщинъ, выступающихъ въ этой піесѣ, три, по выраженію Колліера—распутницы (whores), но четвертая—Цинтія на нихъ не похожа. Это молодое, чистое существо полюбило Меллефонта не тою любовью, которою любила его лэди Татчвудъ, и ея возлюбленный, этотъ новый Іосифъ, вполнѣ достоинъ ея любви. Правда, образъ этой дѣвушки очерченъ авторомъ слишкомъ блѣдными штрихами; онъ оттѣсненъ на второй планъ другими болѣе ярко очерченными фигурами. Правда также и то, что авторъ, изображая со всѣми возможными подробностями свиданіе лэди Татчвудъ съ Маскверемъ, лэди Пліантъ съ Кэрелесъ и лэди Фросъ съ сэромъ Брискъ, удѣляетъ въ своей комедіи сравнительно мало мѣста отношеніямъ Цинтіи и Меллефонта. Если авторъ оставляетъ ихъ наединѣ, то они ведутъ бесѣду о предстоящемъ бракѣ, о различныхъ препятствіяхъ къ нему такъ хладнокровно, какъ будто это не влюбленные, какъ будто дѣло идетъ о довольно скучномъ предметѣ, а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ эти молодые люди любятъ другъ друга самымъ искреннимъ образомъ. Конгривъ, какъ и его ближайшіе предшественники, будучи сынами своего вѣка, давно утратили способность понимать этотъ волшебный, поэтическій міръ чистой любви и умѣли въ своихъ комедіяхъ съ неподражаемымъ искусствомъ изображать лишь чувственную и животную любовь. Они сами слишкомъ низко стояли въ нравственномъ отношеніи, чтобы, подобно Шекспиру, давшему человѣчеству безсмертные образы Ромео и Юліи, проникнуть въ этотъ недоступный для нихъ духовный міръ дѣвушки, понять тѣ сладостныя и неопредѣленныя ощущенія, испытываемыя ею, когда невѣдомое чувство охватываетъ все ея существо. Но уже одно то, что Конгривъ ввелъ въ свою комедію такія лица, какъ Цинтія и Меллефонтъ, представляется намъ явленіемъ знаменательнымъ. Въ комедіи „Любовь за Любовь" мы тоже находимъ одну любовную парочку въ pendant Цинтіи и Меллефонта. Валентинъ страстно любитъ Анжелику, но ея холодность приводитъ его въ отчаяніе. Съ горя онъ начинаетъ кутить напропалую, бросаетъ деньги направо и налѣво, дѣлаетъ массу долговъ, чѣмъ навлекаетъ на себя гнѣвъ отца, который соглашается уплатить его долги, съ тѣмъ условіемъ чтобы Валентинъ отказался отъ правъ на наслѣдство въ пользу своего младшаго брата Вена. Валентинъ сначала соглашается, но затѣмъ, изъ боязни окончательно потерять, вмѣстѣ съ наслѣдствомъ, и Анжелику при содѣйствіи своего друга и своего слуги придумываетъ слѣдующій способъ избѣжать, хотя бы на время, подписанія документа, въ

Библиотека "Руниверс"

которомъ онъ отказывается отъ своихъ правъ на наслѣдство — для этого онъ прикидывается сумасшедшимъ и такъ хорошо ведетъ свою роль, что всѣ кромѣ Анжелики, принимаютъ игру за дѣйствительность. Отецъ соглашается отложить дѣло, тѣмъ болѣе, что ему пришла фантазія самому жениться на Анжеликѣ. Послѣдняя, хотя въ глубинѣ своей души и любитъ Валентина, рѣшается воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы испытать любовь послѣдняго. Къ удивленію всѣхъ, она изъявляетъ согласіе выйдти замужъ за стараго сэра Самсона Леджендъ; она сообщаетъ, между прочимъ, своему будущему супругу, что Валентинъ вовсе не сумасшедшій, а прикидывается имъ, чтобъ избѣгнуть подписанія для него непріятнаго документа. Услыхавъ изъ устъ Анжелики, что она дѣйствительно выходитъ замужъ за его отца, Валентинъ безъ всякихъ колебаній соглашается подписать передаточную запись въ пользу своей будущей мачихи. Сцена эта заслуживаетъ быть отмѣченной, благодаря ея нравоучительному и даже въ нѣкоторомъ отношеніи сентиментальному тону.

Сэръ Самсонъ. „Не угодно ли, милостивый государь подписать это и приложить вашу печать?“

Валентинъ. „Охотно, сударь.... Я потерялъ свою единственную надежду, а тотъ кто больше не надѣется, легко разстается съ благами жизни. Я дорожилъ деньгами лишь на столько, на сколько онѣ могли служить моему удовольствію, а единственная моя радость была — нравиться этой особѣ. Я сдѣлалъ много тщетныхъ попытокъ, но наконецъ убѣдился, что только моей гибелью могу этого достигнуть — вотъ почему я готовъ подписать эту бумагу. Дайте мнѣ ее!“

Анжелика (въ сторону). „Благородный Валентинъ!“

Нотаріусъ. „Вотъ она, сэръ“.

Валентинъ. „Но гдѣ же расписка, которую я далъ прежде и которая обязываетъ меня подписать эту бумагу“.

Нотаріусъ. „Она у васъ, сэръ Самсонъ“.

Анжелика. „Нѣтъ, она у меня, и я поступлю съ нею такъ, какъ поступила бы со всѣми врагами Валентина“ (разрываетъ расписку).

Самсонъ. „Какъ такъ?“

Валентинъ. „А!....“

Анжелика (къ Валентину). Если бы я могла вамъ дать цѣлый міръ, то и это не могло бы сдѣлать меня достойною вашей искренней и великодушной любви. Вотъ вамъ моя рука. Сердце же мое всегда принадлежало вамъ и сильно болѣло, когда я рѣшила подвергнуть вашу добродѣтель крайнему испытанію“.

Библиотека "Руниверс"

Валентинъ: „Я теряю голову отъ счастія и удивленія, но на колѣняхъ принимаю это счастіе".

Самсонъ. „Ого, что значитъ это?"

Анжелика. „Разъ, сэръ Самсонъ, я сыграла надъ вами шутку, я дамъ вамъ совѣтъ, какъ ее избѣгнуть въ другой разъ. Научитесь быть хорошимъ отцомъ, иначе вы не найдете себѣ второй жены. Я всегда любила вашего сына и ненавидѣла вашъ крутой нравъ. Я рѣшилась испытать любовь вашего сына; я испытала и васъ и знаю теперь васъ обоихъ. У васъ столько же недостатковъ, какъ у него достоинствъ и, конечно, мнѣ пріятнѣй, что могу его и себя сдѣлать счастливыми, чѣмъ только наказать васъ".

Обращаясь затѣмъ къ Валентину она продолжаетъ: „я покончила теперь съ притворствомъ, Валентинъ, и если та холодность, которую я прежде обнаруживала вамъ, должна была бы превратиться въ крайнюю нѣжность, то вы не должны подозрѣвать меня въ неискренности".

Валентинъ. „Мнѣ нечего бояться этого, потому что я такъ буду обожать васъ, что ваша любовь будетъ казаться слабою сравнительно съ моимъ чувствомъ".

Анжелика. „Не обѣщайте слишкомъ много; вы можете задолжать больше, чѣмъ будете въ состояніи заплатить".

Валентинъ. „Поэтому я отдамъ всего себя въ залогъ и въ ваше полное распоряженіе".

Сцена заканчивается слѣдующимъ діалогомъ между Скэндлемъ и Анжеликою.

Скэндль. „Сударыня, вы произнесли правильный судъ, наказавъ безсердечнаго отца и вознаградивъ вѣрнаго любовника, но вы еще сдѣлали третье доброе дѣло, за которое я въ особенности вамъ благодаренъ. Я не любилъ женщинъ, но вы исцѣлили меня отъ этой ненависти. Я убѣжденъ теперь, что не всѣ женщины слѣпы, какъ фортуна, въ раздачѣ благъ тѣмъ, которые либо недостойны ихъ, либо въ нихъ не нуждаются".

Анжелика: „Вы несправедливо насъ обвиняете: вы строго насъ судите лишь для того, чтобы скрыть свои собственные недостатки. Вы всѣ были бы вознаграждены любовью, если бы имѣли терпѣніе дождаться награды. Мужчины въ большинствѣ случаевъ лицемѣры или измѣнники; они показываютъ видъ, что преклоняются, но не имѣютъ для того ни рвенія, ни искренности. Какъ мало, подобно Валентину, пре-

Библиотека "Руниверс"

слѣдовали свою цѣль до мученичества и жертвовали ради ее своими интересами. Восхищаясь моимъ поступкомъ, вы не должны считать его необыкновеннымъ; чудо въ томъ, что мы нашли вѣрнаго любовника, а не въ томъ, что женщина добра" [1]).

Такія фигуры, какъ Валентинъ и Анжелика, рѣзко выдѣляются среди обычныхъ дѣйствующихъ лицъ англійской комедіи этого времени. Нравоучительный тонъ рѣчей героини въ приведенной сценѣ, ея серьезное отношеніе къ любви и браку, попытка автора заставить говорить молодыхъ людей языкомъ дѣйствительно влюбленныхъ, а не тѣмъ шаблонно-офиціальнымъ языкомъ, на которомъ говорили его же Цинтія и Меллефонтъ, либо на гривуазно-нагломъ нарѣчіи, столь распространенномъ въ комедіяхъ временъ реставраціи—все это представляетъ для насъ особенный интересъ. Суммируя все сказанное о вышеприведенной сценѣ, мы находимъ, что она носитъ на себѣ несомнѣнно нравоучительный и даже отчасти сентиментальный характеръ.

Слѣдующая піеса Конгрива трагедія „The Mourning Bride" (Горюющая невѣста) появилась въ 1697 году. Въ посвященіи королевѣ авторъ заявляетъ, что цѣль его трагедіи — „рекомендовать добродѣтель". Его авторское самолюбіе, говоритъ онъ далѣе, было бы совершенно удовлетворено, если бы это произведеніе могло бы, несмотря на все его несовершенство, убѣдить ея королевское величество, что піесы (вопреки безнравственности современнаго театра) могутъ порою быть невиннымъ и небезполезнымъ развлеченіемъ [2]).

Слова эти, хотя и касаются трагедіи, а не комедіи, весьма характерны въ устахъ Конгрива; они служатъ доказательствомъ того, что въ обществѣ зародились новые запросы, которые, однако, не настолько еще окрѣпли, чтобы совершенно изгнать прежде господствующіе вкусы. Послѣдняя комедія Конгрива „The Way of the World" (Какъ идетъ свѣтъ) была представлена въ первый разъ въ 1700 году и въ нравственномъ отношеніи весьма выгодно отличается отъ всѣхъ произведеній этого писателя.

---

[1]) „Love for Love" V, 12.

[2]) .... „And however imperfect it may be in the whole, through the inexperience or incapacity of the author, yet, if there is so much as to convince your Royal Highness, that a play may be with industry so disposed (in spite of the licentious practice of the modern theatre) as to become sometimes an innocent, and not unprofitable entertainment..."

Библиотека "Руниверс"

IV.

Въ 1698 г. вышла въ свѣтъ знаменитая книга Колліера „A short View of the Immorality and Profaneness of the English Stage together with the sense of Antiquity upon this Argument" (Краткое обозрѣніе безнравственности и богохульства англійской сцены), которая оказала огромное вліяніе на судьбу англійской драмы. Связь ея съ протестами буржуазіи противъ безнравственности, царившей на англійской сценѣ, очевидна. Только, какъ мы видѣли выше, буржуазія въ своихъ антипатіяхъ къ театру не шла далѣе пассивнаго, такъ сказать, протеста,—она избѣгала бывать въ этой „школѣ разврата", какъ она его называла, но подвергнуть безнравственность англійской сцены строгой критикѣ, потребовать ея изгнанія изъ храма Мельпомены и Таліи, она еще не рѣшалась. Любопытно при этомъ вспомнить, что даже церковь не находила нужнымъ поднять своего голоса противъ этой безнравственности. Мы знаемъ нѣсколько случаевъ крайне снисходительнаго отношенія послѣдней къ англійскому театру. Такъ, напримѣръ, докторъ богословія Пейнъ (Payne) въ своей надгробной рѣчи восхвалялъ королеву Марію за ея любовь къ театру, картамъ и тому подобнымъ развлеченіямъ. „Когда мы вспомнимъ", замѣчаетъ по этому поводу Госсъ, какого рода комедіи посѣщались королевою, то элегическія размышленія этого духовнаго лица намъ покажутся весьма странными.... Единственное извиненіе для него въ томъ, что онъ, вѣроятно, не зналъ доподлинно, что говорилось и творилось въ театрѣ. Король апплодировалъ—церковь принуждена была преклоняться. Духовенство не посѣщало театра и не брало на себя труда разбирать увеселенія короля" [1]).

Голоса начинаютъ подниматься противъ безнравственности сцены уже въ концѣ столѣтія. Такъ въ 1695 году появилась героическая поэма „Принцъ Артуръ", въ предисловіи къ которой авторъ ея, Ричардъ Блэкморъ, возстаетъ противъ безнравственности англійской сцены. Онъ выступаетъ вторично въ роли обличителя въ своемъ предисловіи къ поэмѣ „Король Артуръ"—въ 1697 г. [2]). Но, по остроумному замѣчанію Бельжама, легкія Блэкмора не были достаточно сильны, чтобы

[1]) *Gosse.* (Congreve). p. 97, 98.

[2]) О Блэкморѣ см. *Beljame*, p. 245 прим. и *Gosse*, p. 100—101.

Библиотека "Руниверс"

трубить въ іерихонскія трубы. Вскорѣ такія легкія нашлись у Іеремея Колліера и подъ звуки его трубы пали Іерихонскія стѣны.

Въ виду огромнаго значенія книги Колліера для англійской драмы, а также потому, что она представляетъ антикварную рѣдкость, мы остановимся на ней нѣсколько подробнѣе. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о самомъ авторѣ—личности въ высшей степени замѣчательной. Колліеръ родился близъ Кэмбриджа въ 1650 г. и получилъ въ мѣстномъ университетѣ весьма солидное образованіе, послѣ чего сдѣлался священникомъ. По религіознымъ убѣжденіямъ онъ принадлежалъ къ той секціи англиканской церкви, которая, по выраженію Маколея, „ближе всего къ Риму и дальше всего отъ Женевы и которую мы называемъ теперь „Высокая Церковь“ (The High Church“). По политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ крайнимъ торіемъ. Когда совершилась революція 1688 г., и на престолъ, по волѣ народа, вступилъ Вильгельмъ III, Колліеръ не преминулъ высказать свое мнѣніе насчетъ этого политическаго переворота, написавъ трактатъ въ защиту изгнаннаго короля, за что былъ подвергнутъ тюремному заключенію. Но это не остановило неустрашимаго политическаго борца, онъ категорически отказался присягнуть новому монарху и продолжалъ выпускать одинъ памфлетъ за другимъ, въ которыхъ нападалъ на узурпатора. Въ 1692 г. онъ снова былъ арестованъ по подозрѣнію въ прикосновенности къ одному заговору противъ короля. Мало того, онъ присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ сэра Джона Фрэнда и сэра Вилліама Паркинса, приговоренныхъ къ смертной казни за составленіе заговора противъ жизни Вильгельма, и передъ самою казнью, возложивъ на нихъ свои руки, отпустилъ имъ грѣхи (1696 г.). Это вызвало большую бурю противъ него. Виги и торіи одинаково осуждали его поступокъ. Онъ былъ вызванъ въ „Палату королевской Скамьи“ (The Court of King's Bench). Но онъ туда не явился, считая этотъ судъ незаконнымъ, вслѣдствіе чего былъ объявленъ внѣ закона. Вотъ каковъ былъ человѣкъ, который выступилъ съ суровою обличительною рѣчью противъ безнравственности англійской сцены.

Но обратимся къ самой книгѣ. Въ предисловіи Колліеръ объясняетъ читателю цѣль своего труда. Причину развращенности англійскаго общества онъ видитъ въ театрѣ и потому считаетъ своимъ долгомъ возстать противъ его деморализирующаго вліянія. Это первое и основное заблужденіе Колліера красною нитью проходитъ черезъ всю его книгу. Театръ не былъ причиною порчи нравовъ общества времени реставраціи; онъ былъ лишь отраженіемъ его жизни. Драйденъ справедливо

Библиотека "Руниверс"

замѣчаетъ по этому поводу, „что священникъ (Колліеръ), быть можетъ, пошелъ слишкомъ далеко, объявивъ войну театру и увѣряя, что нашъ нравственный вѣкъ обязанъ ему своею порчей. Но вѣдь изгнанный дворъ (Карлъ II), переполненный развратомъ, возвращаясь, принесъ съ собою сѣмена порока, который, гнѣздясь такъ высоко, казался особенно привлекательнымъ, и впервые развратилъ нашихъ женъ и дочерей".

Но, считая англійскую сцену повинною въ развращенности современнаго общества, Колліеръ, однако, находитъ, что театръ вообще можетъ быть вполнѣ безвреднымъ учрежденіемъ, такъ какъ его истинное назначеніе—„поощрять добродѣтель и противодѣйствовать пороку, изображать шаткость человѣческаго величія, внезапныя перемѣны судьбы и пагубныя послѣдствія насилія, несправедливости и гордыни, представить безразсудство, коварство и вообще все дурное въ такомъ свѣтѣ, чтобы они вызывали полное къ нимъ презрѣніе" [1]). Эту цѣль драматурги легко могли бы достигнуть, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя для того средства, но задача англійскихъ драматурговъ ничего общаго съ указанными выше благородными цѣлями не имѣетъ, а потому всѣ тѣ средства, которыми они располагаютъ, становятся въ ихъ рукахъ весьма опасными орудіями для общественной нравственности.

Въ первой главѣ Колліеръ трактуетъ „о нескромности англійской сцены" (Immodesty of the stage). Онъ прежде всего здѣсь останавливается на комедіяхъ Вичерлея „Сельская супруга" и „Прямодушный человѣкъ" и выражаетъ свое сожалѣніе, что этотъ авторъ тратитъ свой талантъ на такія грязныя сцены [2]). Далѣе онъ отмѣчаетъ комедіи Драйдена („Мнимый астрологъ", „Испанскій монахъ", „Торжествующая любовь)", Конгрива („Лицемѣръ", „Старый холостякъ",

---

[1]) „The business of Plays is to recommend Virtue, and discountenance Vice; to show the Uncertainty of Humane Greatness, the suddain Turns of Fate, and the Unhappy Conclusions of Violence and Injustice: 'Tis to expose the Singularities of Pride and Fancy, to make Folly and Falsehood contemptible, and to bring every Thing that is ill under Infamy and Neglect". *Collier* „Short View" p. 1.

[2]) I am sorry the Author should stoop his Wit thus Low, and use his Understanding so unkindly. Some People appear Coarse, and slovenly out of Poverty: They can't well go to the Charge of Sense. They are Offensive like Beggars for want of Necessaries. But this is none of the „Plain Dealer's" case; He can afford his Muse a better Dress when he pleases. But then the Rule is where the Motive is the less, the Fault is the greater. *Collier*, p. 3—4.

Библиотека "Руниверс"

„Любовь за любовь“), Ванбру („Рецидивъ“), которыя не уступаютъ въ цинизмѣ піесамъ Вичерлея. Познакомивъ читателя съ особенно циничными мѣстами, онъ заканчиваетъ сужденіе слѣдующими словами: „Все это“, говоритъ онъ, „пошлость и низость. Все это, по истинѣ, унижаетъ человѣческую природу, превращая разумъ въ животный инстинктъ и уничтожая различіе между человѣкомъ и животнымъ; еслибы козлы и обезьяны могли говорить, то они выражались бы именно такимъ языкомъ“. Большая часть этой главы посвящена обзору піесъ Плавта, Теренція, Сенеки, Эсхила, Софокла, Эврипида, Аристофана, Шекспира, Бенъ-Джонсона, Флетчера, Бомона и Корнеля съ цѣлью доказать, что современная Колліеру англійская сцена превосходитъ цинизмомъ піесы всѣхъ временъ и народовъ. Только два писателя, по мнѣнію Колліера, приближаются нѣсколько распущенностью къ драматургамъ интересующей насъ эпохи—это Аристофанъ и Шекспиръ. Говоря о первомъ, онъ замѣчаетъ, „что его прецедентъ не имѣетъ для насъ никакого значенія, потому что онъ былъ атеистомъ. Что за диво, если атеистъ отличается нескромностію? Что можемъ мы ожидать отъ того, кто насмѣхается надъ существованіемъ Божіимъ, надъ Провидѣніемъ?“ Но даже Аристофанъ, этотъ наиболѣе циничный поэтъ древности, и тотъ, „въ минуты просвѣтленія, когда разумъ и трезвость возвращались къ нему, самъ высказывался противъ своей манеры писать“ [1]). Что касается до Шекспира, то, по мнѣнію Колліера, на него не стоитъ ссылаться, такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи грѣшилъ не мало. „Думаю, однако“, замѣчаетъ онъ далѣе, „что Шекспиръ немного выигрываетъ, благодаря этому цинизму; онъ имѣетъ общую судьбу съ Плавтомъ; гдѣ у него больше грязи, тамъ меньше смысла“ [2]). Интересенъ его взглядъ на Офелію; онъ сравниваетъ ее съ Федрою Эврипида и говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Федра, охваченная преступною страстью всячески старается ее скрыть; она такъ сдержана въ рѣчахъ, какъ вполнѣ честная женщина. Правда, стыдъ, желаніе, ужасъ при мысли о возможности удовлетворить эту преступную страсть, — все это приводитъ ея умъ въ разстройство. Тѣмъ не менѣе сумасшествіе ея не отличается безстыдствомъ; она сохраняетъ свою скромность даже послѣ потери разсудка. Если бы Шекспиръ подумалъ объ этомъ при обрисовкѣ характера своей Офеліи, то піеса его значи-

[1]) *Collier*, p. 42, 48.
[2]) *Collier*, p. 50.

Библиотека "Руниверс"

тельно бы выиграла. Разъ онъ задумалъ утопить свою даму, какъ кошку [1]), то онъ долженъ былъ бы не много раньше надѣть на нее плавательный снарядъ. Оставить же ее въ живыхъ только для того, чтобы загрязнить ея репутацію и обнаружить зловоніе ея дыханія— это было очень жестоко. Но, могутъ возразить, что поступкамъ сумасшедшаго не придаютъ значенія; человѣкъ невмѣняемый можетъ убить, и его поступокъ не будетъ считаться преступленіемъ. Очень вѣроятно, но въ такомъ случаѣ эти люди должны пребывать въ темныхъ казематахъ. Выводить ихъ на сцену и давать имъ свободу очень неблагоразумно".

Вторая глава посвящена злоупотребленіямъ сцены въ области религіи („The Profaneness of the Stage"). Глава эта распадается на двѣ части: „О божбѣ и брани въ піесахъ" (Their cursing and swearing) и „о неуважительномъ отношеніи драматическихъ писателей къ религіи и Священному Писанію". (Their abuse of Religion and Holy Scripture). Вотъ какъ разсуждаетъ авторъ о божбѣ на сценѣ: „божба на сценѣ", замѣчаетъ онъ, „весьма неприличный и противохристіанскій обычай. Дамы составляютъ значительный контингентъ зрителей. Божба въ присутствіи женщинъ представляется неприличною съ точки зрѣнія простой благовоспитанности, а потому даже атеистъ, но только вѣжливый, выскажется противъ этого. Принято думать, что религіозное чувство у женщинъ болѣе развито, чѣмъ у мужчинъ, а потому имъ должно быть особенно непріятно, что съ такимъ малымъ уваженіемъ относятся къ величію Божію.... Къ тому же божба походитъ на начало ссоры, къ которой женщины питаютъ отвращеніе... Женщина также встрепенется отъ ругани солдата, какъ отъ выстрѣла его пистолета, а потому благовоспитанный человѣкъ никогда не будетъ клясться и драться въ присутствіи женщинъ" [2]).

Во второмъ отдѣлѣ этой главы мы встрѣчаемся съ довольно любопытными взглядами нашего писателя. Вмѣсто того, чтобы ограничиться порицаніемъ дѣйствительныхъ насмѣшекъ надъ религіею, которыхъ, разумѣется, не мало въ комедіяхъ его современниковъ, онъ вполнѣ серіозно негодуетъ на самыя невинныя шутки. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ его придирчивости и излишней щепетильности. Въ комедіи Конгрива „Старый Холостякъ" Бельмуръ ухаживаетъ за замужнею женщиною Летиціею. Добившись перваго поцѣлуя, онъ го-

[1]) *Collier*, p. 10.

[2]) *Collier*, p. 59—60.

Библиотека "Руниверс"

ворить: „*Вѣчность* была въ этомъ мгновеніи!“ (Eternity was in that moment). Та же Летиція, когда чуть было не попалась своему мужу, выражаетъ свою надежду обмануть ревниваго супруга слѣдующими словами: „Все мое спасеніе въ его (Бельмура) нахальствѣ, и *слава Богу*, оно у него въ достаточномъ количествѣ“. Возмущенный этою рѣчью, Кольеръ говоритъ: „Это—театральная молитва! И такимъ образомъ развратъ сплотился съ религіею“ [1]). Въ другой комедіи Конгрива „Любовь за любовь“ извѣстная уже намъ Анжелика, между прочимъ, говоритъ: Мужчины въ большинствѣ случаевъ лицемѣры или изувѣрники; они дѣлаютъ видъ, что обожаютъ, но на самомъ дѣлѣ не имѣютъ на то *ни рвенія, ни искренности*; немногіе, подобно Валентину, преслѣдуютъ свою цѣль до *мученичества*“. Эти слова оскорбляютъ религіозное чувство Колліера. „Здѣсь“, замѣчаетъ онъ по этому поводу, „языкъ Священнаго Писанія и самые торжественные моменты религіи примѣнены самымъ наглымъ образомъ къ волокитству. Мы видимъ любовницу, которую сравниваютъ со Всемогущимъ Богомъ, которую обожаютъ съ рвеніемъ и вѣрою, *до мученичества*“. Вотъ еще одно мѣсто въ той же комедіи, весьма не понравившееся нашему строгому критику. Отецъ Валентина, сэръ Самсонъ Ледженъ, говоритъ Анжеликѣ: „Самсонъ—это очень хорошее имя; мы Самсоны, съ самаго начала всегда были здоровыми псами“ (strong dogs), на что Анжелика возражаетъ: „Будьте осторожны, вспомните, что самый сильный Самсонъ подъ конецъ погибъ подъ развалинами имъ же разрушеннаго дома“. Эти слова Конгрива даютъ поводъ Колліеру высказать слѣдующую сентенцію: „Здѣсь мы имѣемъ пародію на Священное Писаніе, и Самсонъ снова приведенъ въ капище Дагона для увеселенія филистимлянъ“ [2]).

Въ третьей главѣ Колліеръ бичуетъ драматурговъ за ихъ насмѣшки надъ духовенствомъ (The Clergy abused by the Stage). По словамъ послѣдняго, священникамъ въ современныхъ ему піесахъ приходится всегда играть либо роль лицемѣра, наружно очень набожнаго, на самомъ же дѣлѣ весьма склоннаго ко всякому разгулу и разврату, либо роль глупца, получающаго со всѣхъ сторонъ побои и оскорбленія. „Я замѣчалъ“, говоритъ онъ далѣе, „когда остроуміе поэтовъ притупляется и они намѣрены говорить глупости, они обыкновенно пользуются устами священника, чтобы ихъ высказывать“. Колліеръ

[1]) *Collier*, p. 63.
[2]) Idem., p. 76.

Библиотека "Руниверс"

беретъ подъ свое покровительство не только священниковъ англиканской церкви, но и служителей всѣхъ вообще вѣроисповѣданій, не исключая даже древне-языческихъ. Его возмущаютъ, напримѣръ, слѣдующія слова, оскорбляющія, по его мнѣнію, египетское божество Аниса и его служителей: „Будь проклятъ ты, травоядный богъ, проклятъ твой храмъ и еще болѣе прокляты твои жрецы“ [1]). Какъ и въ предшествующихъ главахъ, Колліеръ сравниваетъ современную ему комедію съ произведеніями Гомера, Вергилія, Эсхила, Софокла и Эврипида, Сенеки, Корнеля, Расина, Мольера, Шекспира, Бенъ-Джонсона, Флетчера и Бомона и находитъ, что всѣ эти писатели всегда относились съ должнымъ уваженіемъ къ духовенству, за исключеніемъ одного Шекспира. „Онъ“, говоритъ Колліеръ, „позволялъ себѣ во многихъ піесахъ изображать священниковъ, но въ большинствѣ случаевъ, онъ держитъ ихъ знамя высоко и не позволяетъ имъ ни дѣлать, ни терпѣть ничего предосудительнаго. Только въ одной или двухъ піесахъ онъ непочтителенъ къ духовенству. Сэръ Гугъ Эвансъ (Виндзорскія Проказницы) слишкомъ веселаго и легкомысленнаго нрава для священника, хотя онъ понимаетъ свое положеніе и ведетъ себя какъ джентельменъ. Признаюсь, что въ „Напрасныхъ усиліяхъ любви“, викарій—чрезмѣрно играетъ роль шута вмѣстѣ съ самимъ авторомъ, такъ какъ вся піеса безсмысленна“ [2]). По мнѣнію Колліера, Шекспиръ однако выгодно отличается отъ Ванбру и другихъ тѣмъ, что онъ осмѣиваетъ лишь отдѣльныхъ представителей духовенства, а не все званіе, такъ что „въ общемъ Шекспиръ все-таки во многихъ отношеніяхъ наиболѣе почтенный изъ враговъ духовенства“. Глава заканчивается обзоромъ историческихъ данныхъ, касающихся интересующаго автора вопроса. Обращаясь къ исторіи евреевъ, египтянъ, персовъ, грековъ, римлянъ, венгровъ, поляковъ, московитовъ [3]), къ отечественной исторіи, Колліеръ убѣждается, что священники всюду и вездѣ пользовались всеобщимъ уваженіемъ, что высшіе чины духовенства играютъ первенствующую роль въ государственномъ управленіи и что только на англійской сценѣ времени Реставраціи имъ выпала такая позорная участь.

IV-я глава о безнравственности, покровительствуемой сценою (The

---

[1]) Idem., p. 105.

[2]) *Collier*, p. 125, 126.

[3]) „Въ Московіи“, говоритъ Колліеръ, епископы занимаютъ весьма почетное положеніе и нынѣшній царь происходитъ изъ рода патріарховъ“, p. 134—135.

Библиотека "Руниверс"

Immodesty encouraged by the stage)—одна изъ болѣе удачныхъ главъ книги. Съ рѣдкимъ сарказмомъ и находчивостью Колліеръ наноситъ ударъ за ударомъ своимъ противникамъ. Онъ обвиняетъ здѣсь драматурговъ въ томъ, что они особенно симпатизируютъ порочнымъ и безнравственнымъ лицамъ, которыя играютъ въ ихъ комедіяхъ главную роль и награждаются авторами всевозможными житейскими благами. По понятію современныхъ драматурговъ „настоящій джентельменъ тотъ, кто распутничаетъ, богохульствуетъ, кто пошлякъ и атеистъ“ [1]). Дамы, чтобы получить одобреніе этихъ писателей, должны обладать тѣми же качествами, что и ихъ кавалеры. Для образца женской морали, Колліеръ приводитъ слова лэди Брютъ въ комедіи Ванбру „The provoked Wife“ (Оскорбленная супруга). „Добродѣтель—пустяки, любовникъ куда лучше“ [2]).

Далѣе Колліеръ полемизируетъ съ Драйденомъ, который, оправдываясь въ томъ, что въ своихъ комедіяхъ онъ всегда давалъ первое мѣсто безнравственнымъ лицамъ, и раздавалъ имъ, несмотря на ихъ порочность, всякія награды, между прочимъ говоритъ, что главная цѣль комедіи — развлекать и смѣшить зрителя; поучительный же элементъ, по мнѣнію Драйдена, играетъ въ ней второстепенную роль. „Теперь“, говоритъ на это Колліеръ, „мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, причину святотатства и цинизма, адской божбы и проклятій на сценѣ, однимъ словомъ великаго искусства драматурговъ представить Бога и добродѣтель въ смѣшномъ видѣ — все это дѣлается ими для того, чтобы доставить удовольствіе зрителямъ. Нечего сказать, превосходное оправданіе!“ [3]). Оставляя затѣмъ иронію, Колльеръ высказываетъ свой взглядъ на цѣль комедіи. По мнѣнію его, задача комедіи состоитъ въ осмѣяніи разврата. „Такимъ образомъ“, замѣчаетъ онъ, различіе ея отъ трагедіи только въ средствахъ; цѣль же для обѣихъ одна и та же — поученіе. Одна поучаетъ посредствомъ устрашенія, другая посредствомъ осмѣянія“ [4]). Свое мнѣніе Колліеръ подтверждаетъ ссылками на Аристотеля, Рапена, Бенъ-Джонсона и др.

---

[1]) *Collier*, p. 143.

[2]) Мы передаемъ лишь общій смыслъ фразы. Подлинныя слова таковы: „Virtue is an ass and a gallant's worth forty on't.

[3]) *Collier*, p. 162.

[4]) The exposing of Knavery and making Lewdness ridiculous, is a much better occassion for laughter and this with submission I take to be the End of Comedy. And therefore it does not differ from Tragedy in the End but in the Means. Instruction is the principal Design of both. The one works by Terror the other by Infamy. (*Collier*, p. 148——165).

Библиотека "Руниверс"

Въ предшествующихъ четырехъ главахъ нашъ критикъ говорилъ, о безнравственности и кощунствѣ англійскихъ драматурговъ вообще, настоящую главу онъ посвящаетъ характеристикѣ особенно цинич-ныхъ піесъ его времени, а именно „Амфитріона“ и „Короля Артура“ Драйдена, „Донъ-Кихота“ Дурфея, „Рецидивъ“ Ванбру. Мы не будемъ утомлять читателя пересказомъ содержанія этой главы, такъ какъ она представляется, въ сущности, совершенно лишнимъ повтореніемъ сказаннаго имъ въ предшествующихъ главахъ. Мы укажемъ лишь на то, что при разборѣ комедіи Ванбру, онъ, между прочимъ, обвиняетъ автора въ несоблюденіи правила „трехъ единствъ“. Разбору предпо-слано теоретическое разсужденіе объ „единствахъ“.

VI-ая и послѣдняя глава носитъ заглавіе: „Взглядъ язычества, церкви и государства на сцену“. Здѣсь Колліеръ собралъ мнѣнія выдающихся языческихъ писателей, отцовъ церкви, вселенскихъ соборовъ и т. п. о вредѣ театра. Авторъ резюмируетъ все сказанное имъ слѣдующимъ образомъ: „однимъ словомъ, ничто не можетъ быть предпѣе театра для благочестія и религіи; сцена покровительствуетъ такимъ стра-стямъ и награждаетъ такіе пороки, которые долженъ преслѣдовать разумъ“ [1]).

Книга Колліера вызвала множество возраженій. Драматурги рѣ-шили заступиться за попранныя права Мельпомены и Таліи. И дѣйствительно его книга заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ для возраженій. Колліеръ слишкомъ одностороненъ въ своихъ нападкахъ на театръ. Онъ не хотѣлъ понять, что не драма была причиной безнравственности, царившей въ англійскомъ обществѣ, что стоило бы только перемѣниться нравамъ тогдашняго общества и тотчасъ бы произошла аналогичная перемѣна въ области театра. Преслѣдуя цѣль моралиста, онъ закрываетъ глаза передъ тѣми литературными достоинствами, которыми несомнѣнно отличаются лучшія произве-денія Вичерлея и Конгрива — они для этого пристрастнаго критика только упражненія въ порнографическомъ родѣ, пагубно вліяющія на нравы общества. Въ своемъ желаніи уничтожить гидру разврата онъ доходитъ до крайности, зачастую борется съ мельницами, по-добно Донъ-Кихоту. Первымъ поднялъ голову противъ Колліера Джильдонъ (Gildon). Къ своей трагедіи „Фаэтонъ“ (Phaeton) онъ приложилъ „Нѣкоторыя размышленія по поводу книги, озаглавленной „Краткое Обозрѣніе“ (Some reflections on a book, called a Short View).

[1]) *Collier*, p. 287.

Библиотека "Руниверс"

За нимъ послѣдовали Дурфей (D'Urfey) и Моттё (Motteux) въ предисловіяхъ къ своимъ комедіямъ (первый въ The Compagners, а второй въ Beauty in Distress), Фильмеръ („Защита драматической поэзіи и дальнѣйшая защита драматической поэзіи"), Джонъ Деннисъ („Польза сцены"), Ванбру [1]) („Краткая защита Рецидива и Оскорбленной супруги"), Конгривъ („Исправленіе ложныхъ и неточныхъ извлеченій Колліера), Фаркваръ въ эпилогѣ своей первой комедіи „Любовь и бутылка", Сиббе въ прологѣ своей трагедіи „Ксеркъсъ" (1699) [2]). Существуетъ еще анонимная брошюра „Защита сцены", приписываемая Вичерлею. Однимъ словомъ на Колліера посыпался градъ брошюръ, памфлетовъ, прологовъ, эпилоговъ, сатиръ, эпиграммъ и т. п. Но онъ тоже не остался въ долгу у своихъ литературныхъ враговъ—онъ пишетъ противъ нихъ трактаты за трактатомъ.

Разгоряченный споромъ, раздосадованный возраженіями, онъ является въ этихъ трактатахъ гораздо болѣе рѣзкимъ и нетерпимымъ врагомъ театра, чѣмъ въ своей первой книгѣ. Тамъ онъ боролся противъ безнравственности и богохульства англійской сцены, но онъ не высказывался еще тогда категорически за совершенное уничтоженіе театра. Укажемъ, напримѣръ, на его чрезвычайно снисходительное сужденіе объ одной пьесѣ Флетчера „Вѣрная Пастушка" (The faithful Sheperdess), которая на самомъ дѣлѣ приправлена довольно пряными остротами. „Пьеса Флетчера замѣчательно нравственна, говоритъ Колліеръ, она въ нѣкоторомъ отношеніи воззваніе къ нравственной чистотѣ" [3]). Вспомнимъ его вступительныя слова о томъ, что театръ при извѣстныхъ условіяхъ могъ бы быть весьма полезнымъ учрежденіемъ для общества; вспомнимъ также его разсужденіе о томъ, что комедія должна преслѣдовать нравоучительную цѣль—осмѣивать развратъ.

Теперь Колліеръ признаетъ абсолютную безполезность сцены и ратуетъ за ея уничтоженіе. Мы приведемъ любопытное сужденіе Фарквара объ этой полемикѣ. Въ „Приключеніяхъ въ Ковентъ-Гар-

---

[1]) Въ своей брошюрѣ Ванбру говоритъ, между прочимъ, что его комедія The Relapse написана имъ сообща съ однимъ лицомъ, который уѣхалъ съ царемъ и былъ назначенъ „поэтомъ-лауреатомъ Московіи" (*Gosse*. life of Congreve p. 118).

[2]) Эта трагедія не вошла въ собраніе сочиненій Сиббера. О прологѣ ея упоминаетъ *Genest*. Some Account of the English Stage, from the Restauration in 1660 to 1830. London 1832.

[3]) Fletcher's Faithful Sheperdess is remarkably moral and a sort of exhortation to Chastity (*Collier*. p. 51).

Библиотека "Руниверс"

денѣ": онъ говоритъ: Перегринъ (самъ авторъ) идетъ вечеромъ въ театръ, гдѣ встрѣчаетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ выдающихся знакомыхъ, а именно м-ра В. (вѣроятно Вичерлей), М-ра Х. (Хопкинсъ), м-ра М. (Мойль) и другихъ того же клуба. Подымается вопросъ о борьбѣ церкви со сценой и объ ея участникахъ. Между прочимъ собесѣдники нашли, что Колліеръ проявилъ слишкомъ много злобы и ироніи для служителя церкви, а его противники обнаружили слишкомъ мало остроумія для поэтовъ. Слѣдовало бы антагонистамъ поменяться своими недостатками, ибо отсутствіе остроумія болѣе подходитъ къ положенію Колліера, чѣмъ злоба и ирония, болѣе присущія поэтамъ. Лучшій отвѣтъ Колліеру былъ бы ничего не возражать, потому что въ книгѣ было такъ много огня, который разгорѣлся бы и погасъ самъ собой, хотя бы противники и не подбрасывали въ него топлива. Что касается его враговъ, то капитанъ Ва.... (Ванбру) писалъ слишкомъ, какъ джентельменъ, что бы быть признаннымъ хорошимъ казуистомъ, что страстность м-ра К. (Конгрива) ослѣпила его разумъ, всегда присутствующій въ его другихъ произведеніяхъ, и что м-ръ Сеттль нуждался въ остроуміи капитана Ва... настолько тому не доставало серьезности Сеттля".

Какіе же были результаты этой полемики? Несмотря на всѣ слабыя стороны книги Колліера, несмотря также на то, что во враждебномъ ему лагерѣ находились такіе талантливые люди, какъ Конгривъ, Ванбру, Деннисъ, а можетъ быть и Вичерлей, побѣду все-таки одержалъ Колліеръ. Онъ самъ не безъ гордости заявляетъ въ предисловіи къ своей книгѣ „Защита Краткаго Обозрѣнія", что „несмотря на всякія уловки поэтовъ и актеровъ, интересъ къ добродѣтели не совсѣмъ еще погибъ, что совѣсть и скромность держатся еще среди насъ" [1]). Госсъ, со словъ современниковъ, говоритъ, что театры долгое время пустовали—до того сильно было вліяніе книги Колліера на современниковъ [2]). Возникшее въ 1690 г. „Общество для исправленія нравовъ" обнаруживаетъ теперь поразительную энергію въ преслѣдованіи безнравственности на сценѣ. По словамъ Жепэ, королева Анна принуждена была даже остановить однажды ихъ слишкомъ большое

[1]) Notwithstanding the singular Management of the Poets and the Play House I have had the satisfaction to perceive, the interest of Virtue is not altogether sunk, but that Conscience and Modesty have still some footing among us". *Beljame*, le Public et les Hommes de Lettrres en Angleterre au XVIII s. p. 254 II прим.

[2]) *Gosse*. Life of Congreve p. 131.

Библиотека "Руниверс"

рвеніе [1]); Вильгельмъ III спѣшитъ подтвердить изданное имъ въ 1697 г. постановленіе о снятіи съ репертуара всѣхъ безнравственныхъ пьесъ. Королева Анна въ самомъ началѣ своего царствованія особымъ постановленіемъ запрещаетъ ставить безнравственныя пьесы, ходить за кулисы и на сцену во время представленія, а дамамъ носить маски въ зрительномъ залѣ [2]). Драматическіе поэты чувствовали себя побѣжденными Колліеромъ. Извѣстно, что ветеранъ англійской драмы Драйденъ въ предисловіи къ изданнымъ имъ въ 1700 году баснямъ публично повинился во всѣхъ неопрятныхъ и циничныхъ выраженіяхъ, которыми переполнены всѣ его комедіи. „Если онъ (Колліеръ) мой врагъ", говоритъ Драйденъ, „то пусть торжествуетъ, если же онъ другъ, и я не далъ ему повода плохо относиться ко мнѣ, пусть порадуется моему раскаянію". При возобновленіи комедіи „Лицемѣръ" Конгривъ былъ вынужденъ выпустить многія рискованныя выраженія, непонравившіяся Колліеру. Послѣдняя комедія Конгрива The Way of the World („Какъ идетъ свѣтъ"), какъ мы говорили выше, отличается сравнительно съ предшествующими комедіями большею чистотою въ нравственномъ отношеніи. Чѣмъ же объяснить этотъ успѣхъ книги Колліера? Большой панегиристъ Колліера, Маколей полагаетъ, что успѣхомъ своего памфлета Колліеръ обязанъ главнымъ образомъ тому обстоятельству, что онъ былъ торіемъ. Будь онъ вигомъ, говоритъ Маколей, дѣло приняло бы совсѣмъ другой оборотъ—книга не могла бы имѣть такого вліянія. „Если бы вигъ поднялъ свой голосъ, замѣчаетъ онъ далѣе, противъ безнравственности и распущенности модныхъ писателей, то ему моментально заткнули бы ротъ словами: „ты одинъ изъ тѣхъ, которые негодуютъ за малѣйшую цитату изъ Священнаго Писанія, которые обогащаются насчетъ церкви, которые содрагаются отъ двусмысленности и обезглавливаютъ королей... но когда выступалъ въ качествѣ борца за нравственную чистоту человѣкъ, фанатически настроенный въ пользу епископальной церкви и объявленный внѣ закона за преданность престолонаслѣдію, сраженіе уже было выиграно на половину" [3]). Надо однако помнить,

---

[1]) *Genest.* Some Account of the English Stage from the Restoration in 1660 to 1830. II, 124. *Beljame* ibidem, p. 256. Дѣятельность этого общества продолжалась до 1738 г. За это время, согласно его отчетамъ, оно возбудило преслѣдованіе противъ 101683 лица. Courthope-Addison. (English men of letters) London 1889 г. p. 95.

[2]) *Courthope.* Addison. p. 95—96. *Fitsgerald.* A new History of the English Stage I, p. 236—237.

[3]) *Macaulay.* Comic Dramatists of the Restauration p. 186.

Библиотека "Руниверс"

что въ 1698 г. вражда къ пуританамъ не была уже такъ сильна, какъ тотчасъ вслѣдъ за реставраціей Стюартовъ въ 1660 г. Тяжелыя воспоминанія о ненавистномъ игѣ пуританъ были къ этому времени вытѣснены воспоминаніями о другихъ событіяхъ, вызвавшихъ революцію 1688 г. Затѣмъ надо помнить также и то, что въ это время вкусы двора и аристократіи перестали быть единственными стимулами опредѣляющими характеръ театра и литературы, какъ это было въ годы царствованія Карла II. Теперь драматурги должны были принимать въ соображеніе запросы новой общественной силы — буржуазіи, которая хотя и не сочувствовала, быть можетъ, всѣмъ крайностямъ взгляда пуританъ на театръ, литературу и искусство, но относилась съ полнымъ неодобреніемъ къ циничной драмѣ времени Реставраціи, а потому Колліеръ въ своихъ нападкахъ на безнравственность англійской сцены могъ надѣяться на самое живое сочувствіе и поддержку буржуазіи. На нашъ взглядъ успѣхъ книги объясняется главнымъ образомъ этою связью, соединяющею автора ея съ Сити. Несомнѣнно также и то, что политическія убѣжденія Колліера могли вліять на увеличеніе числа почитателей его книги. Какъ бы горяча и убѣдительна не была его рѣчь противъ безнравственности сцены, Колліеръ не успѣлъ бы увлечь въ пользу своихъ взглядовъ торіевъ, еслибы они могли упрекнуть суроваго автора памфлета въ симпатіяхъ къ пуританизму.

А. Чебышевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ ВЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ [1]).

Перейдемъ теперь къ людямъ „старожитнымъ“, не сидѣвшимъ на „волѣ“ и отправлявшимъ обычныя крестьянскія „службы“. Вопросъ о повинностяхъ крестьянъ въ литовско-русскомъ государствѣ въ существенныхъ чертахъ достаточно выясненъ въ литературѣ [2]). Нѣтъ надобности, поэтому, входить во всѣ подробности этого вопроса; детальное изложеніе будетъ сдѣлано лишь по такимъ частностямъ вопроса, которыя вовсе не затронуты или, на нашъ взглядъ, не совсѣмъ вѣрно представлены въ существующихъ изслѣдованіяхъ. Крестьянскія повинности мы разсмотримъ вмѣстѣ съ разнообразными *разрядами* крестьянъ, группировавшихся, какъ замѣчено раньше, въ отдѣльные классы по различію крестьянскихъ службъ и промысловъ.

Какъ видно изъ актовъ, волостное населеніе, тянувшее къ дворамъ-маетностямъ господарскимъ, панскимъ и шляхетскимъ, по своимъ повинностямъ и занятіямъ, разбивалось на двѣ отдѣльныя группы:

а) *людей служилыхъ* („служебныхъ“), бояръ и слугъ, отправлявшихъ ратную, путную и сторожевую службу, также личныя „послуги“ при панахъ-владѣльцахъ и по хозяйственной администраціи имѣній, и

б) *людей тяглыхъ* или *черныхъ*, съ ихъ спеціальными, крестьянскими службами—по работамъ въ панскомъ дворѣ и обработкѣ дворной или фольварочной пашни, по эксплуатаціи разныхъ угодій, въ особенности

---

[1]) *Продолженіе.* См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ.

[2]) См. мое старое изслѣдованіе о „крестьянахъ юго-западной Россіи“ (1863), также упомянутыя выше изслѣдованія Новицкаго и Антоновича. Въ трудѣ г. *Любавскаго* объ „Областномъ дѣленіи“ собранъ изъ Литовской Метрики архивный матеріалъ по тому же вопросу.

Библиотека "Руниверс"

лѣсныхъ, луговыхъ и рѣчныхъ (водныхъ), также по данямъ и разнымъ „поплаткамъ“ натурою и деньгами [1]).

Г. Любавскій не признаетъ подобной группировки литовско-русскихъ крестьянъ на томъ основаніи, что будто бы въ данномъ случаѣ „придается слову *тяглый* не свойственный ему по времени и мѣсту общій смыслъ“. По сужденію г. Любавскаго, не слѣдуетъ *обобщать* значеніе слова тяглый и распространять его на различные разряды крестьянъ: „лучше *держаться въ предѣлахъ словоупотребленія источниковъ*, чтобы не вносить путаницы въ изображеніе различныхъ разрядовъ литовско-русскаго крестьянства“ [2]). Дѣйствительно, держась словоупотребленія термина „тяглый“ по источникамъ (главнымъ образомъ, Литовской Метрикѣ), бывшимъ, какъ видно, въ распоряженіи г. Любавскаго, онъ могъ не знать общаго смысла словъ „тяглый“ и „тяглая служба“ и потому могъ объяснять ихъ лишь въ особомъ, спеціальномъ значеніи издѣльныхъ работъ, „панщины“, въ господарскомъ дворѣ и на дворной пашнѣ (см. объ этомъ ниже). Все дѣло въ томъ, что общее значеніе слова „тяглый“ не есть дѣло произвольнаго „обобщенія“ (какъ думаетъ г. Любавскій), а обосновано на точномъ „словоупотребленіи“ самихъ источниковъ, но всему видно, оставшихся не извѣстными для нашего изслѣдователя. Во всякомъ случаѣ, при изученіи вопроса о различныхъ классахъ и повинностяхъ крестьянства литовско-русскаго, приходится держаться въ предѣлахъ *двойственнаго* словоупотребленія въ источникахъ терминовъ „тяглый“ и „тяглая служба“. Ради разъясненія вопроса, приведу нѣсколько данныхъ касательно значенія слова „тяглый“, по источникамъ частію архивнымъ, частію обнародованнымъ давно въ печати.

„Слуги“ и „тяглые“ или „черные“ люди, какъ основные классы въ волостномъ населеніи Литвы-Руси, представляютъ собою не больше, какъ лишь прямое наслѣдіе отъ древне-русскаго быта. Оба класса издавна были извѣстны во всѣхъ русскихъ земляхъ, въ томъ числѣ и въ земляхъ, вошедшихъ въ составъ литовскаго государства. Древне-русскіе люди служилые и тяглые воспроизводятся въ Литвѣ-Руси во

---

[1]) На такую группировку волостныхъ людей въ Литвѣ-Руси указываетъ проф. С. А. Бершадскій, въ статьѣ: „Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ“ (*Кіевская Старина*, 1888, № 10, стр. 96). Г. Грушевскій также различаетъ особые классы слугъ и тяглыхъ („Барское староство“, стр. 252 и слѣд.). См. также *Новицкаго* „Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи“, стр. 13,—авторъ сопоставляетъ „тяглыхъ“ и „волостныхъ“, какъ понятія тождественныя.

[2]) Областное дѣленіе, стр. 336—337.

Библиотека "Руниверс"

множествѣ актовъ (въ особенности въ привилеяхъ на данину земель и людей) XIV—XVI вѣковъ, подъ общими именами „людей служебныхъ", или же просто „слугъ" (servitores), и „людей тяглыхъ" [1]). Потомки „боярской дружины" Русской Правды [2]), удерживавшіеся въ московскомъ государствѣ еще въ XVII вѣкѣ въ лицѣ „боярскихъ слугъ", „боярскихъ дворовъ" или „служилыхъ боярскихъ людей" [3]), въ литовскомъ государствѣ извѣстны подъ изстариннымъ титуломъ „бояръ" (иногда съ эпитетомъ „боярскихъ") и „боярскихъ слугъ" (см. ниже). Такой же изстарпный, общерусскій генезисъ имѣютъ „тяглые" или „черные" люди, равно извѣстные во всѣхъ русскихъ земляхъ. По памятникамъ древняго восточно-русскаго права „эпитетъ черный значитъ тоже, что и тяглый; эти слова употребляются въ памятникахъ одно вмѣсто другаго. Подъ тяглыми наши памятники разумѣютъ людей, на которыхъ лежатъ общія государевы дани, пошлины и всякія повинности. Къ чернымъ людямъ относится не одно только сельское населеніе; посадскіе тоже черные, тяглые люди [4]).

Такое же словоупотребленіе терминовъ „тяглый" и „черный" находимъ и въ старыхъ литовско-русскихъ актахъ. Такимъ образомъ, въ земскихъ привилеяхъ Полоцкомъ (1456) и Смоленскомъ (1505 г.) подъ именемъ „*черныхъ* людей" разумѣется вообще крестьянское, тяглое населеніе господарскихъ и панскихъ маетностей-дворовъ, въ отличіе отъ классовъ владѣльческихъ — бояръ, пановъ и князей [5]). Въ записяхъ Казимира находимъ регесту слѣдующей данины: „Сенько Ильвовичъ прислалъ данничое *чорное*, а ему бы служили".

Въ общемъ же значеніи „крестьянскаго" (или волостнаго), служебнаго, подлежавшаго „тяглу", не разъ встрѣчается въ западно-русскихъ актахъ терминъ „тяглый". Въ такомъ именно смыслѣ названа тяглою въ одномъ вырокѣ 1515 г. земля обысочниковъ (осочни-

---

[1]) Въ привилеяхъ литовскихъ великихъ и удѣльныхъ князей на данину частнымъ лицамъ населенныхъ имѣній составъ послѣднихъ обыкновенно обозначается двумя главными классами: людей служебныхъ и тяглыхъ (Лит. Метр., Публ. дѣлъ № 28, стр. 80; Судн. дѣлъ № 1, стр. 113,—№ 2, стр. 50. Копіи Лит. Метр., V, стр. 3, 193, 211 и пр.). Иногда „слуги" противопоставляются просто „людямъ" (Копіи Лит. Метр., V, 182). О „servitores" см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, № 1. Лит. Метр., Публ. дѣлъ № 28, стр. 114. Копіи Лит. Метр., V, 63.

[2]) *Карамзинск.* сп. Правды, 104.

[3]) См. проф. *В. И. Сергѣевича*, Юрид. древности, I, стр. 301, 303, 306.

[4]) Ibid., 211—212.

[5]) А. З. Р., I, № 60, 213.

Библиотека "Руниверс"

ковъ)—особаго класса ловцовъ (см. о нихъ ниже), „тягнувшихъ" съ своихъ земель господарскую службу [1]). Села, не тянувшія къ городу никакими повинностями, называются въ актахъ „не тяглыми" [2]). Конюхи сельскіе, старожитные, несшіе обычную службу конюскую, въ отличіе отъ „вольниковъ", называются также „тяглыми" [3]). Въ такомъ же общемъ смыслѣ терминъ „тяглый" употребляется въ южнорусскихъ инвентаряхъ половины XVI вѣка, напримѣръ, замковъ Кременецкаго и Каменецкаго или же староствъ Хмельницкаго и Барскаго. Подъ именемъ людей тяглыхъ (pozciezni, pociegli, pozciezniki) разумѣются данники и люди, исполнявшіе фольварочныя работы; тѣ и другіе противополагаются служкамъ, людямъ свободнымъ и убогимъ [4]). Въ такомъ же смыслѣ въ инвентаряхъ староствъ Ратненскаго и Любомльскаго говорится о людяхъ „потяглыхъ",—подъ ними разумѣются не одни рабочіе, служившіе на фольваркахъ, но и данники. Послѣдніе иногда и называются „данниками потяглыми" [5]). Здѣсь люди тяглые также противополагаются боярамъ, слугамъ и убогимъ [6]).

---

[1]) Обысочники Каменецкіе Гринецъ и Игнатъ Малошевичи жаловались на державцу Каменецкаго, кн. Семена Александровича Чорторыйскаго, владѣвшаго ихъ „дядковщиной"—землей. Какъ оказалось на судѣ, земля эта была „запродана" владѣльцемъ людямъ пана Ильинича Чорнавчицкимъ, а у нихъ выкупилъ князь. По рѣшенію маршалковскаго суда, земля должна быть отдана владѣльцу: „державцѣ тому не годиться земли господарское, *тяглое*, куповати въ людей"; князю предоставлено искать свои деньги на „оччичѣ" земли, — „оччичъ не маетъ земли никому запродавати, абы господарю е. м. служба не гинула" (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 107).

[2]) „Митьку Володковичу, Видблянину, (дано) селцо Лучино, ажъ будетъ не данное, а не *городу не тяглое*, а будетъ ли подобно" (Записн. книга Казимира).

[3]) См. *Любавскаго*, 328. Авторъ полагаетъ, что конюхи назывались тяглыми вслѣдствіе того, что „конюская служба бывала иногда только дополненіемъ къ тяглой", въ тѣсномъ смыслѣ издѣльныхъ работъ въ панскомъ дворѣ и на дворной пашнѣ. Къ сожалѣнію, самый текстъ акта 1511 г., въ которомъ упоминаются тяглые конюхи, не приводится авторомъ, и потому трудно провѣрить точность предлагаемаго имъ объясненія. Въ виду указаннаго нами общаго значенія термина „тяглый" предлагаемое нами въ текстѣ объясненіе кажется намъ проще объясненія Любавскаго, предполагающаго сводку двухъ различныхъ службъ, что едва ли могло существовать на дѣлѣ. О противоположеніи свободныхъ тяглымъ см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 222.

[4]) См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 30 и сл., 140 и сл., 170 и сл., 215 и сл. О данникахъ см. ibid., стр. 201 и пр. Ср. *Грушевскаго*, „Барское староство", стр. 252.

[5]) См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 296.

[6]) Ibid., стр. 270 и сл., 321 и сл.

Библиотека "Руниверс"

Въ актахъ упоминаются также „подачки тяглыя“ и наконецъ „службы тяглыя“, въ общемъ же смыслѣ крестьянскихъ платежей и повинностей, обязательно отправлявшихся тяглымъ населеніемъ, изъ какихъ бы спеціальныхъ службъ и классовъ оно ни состояло [1]). Какъ замѣчено раньше, въ ряду дворищъ, службъ и другихъ мелкихъ сельскихъ поселковъ упоминаются „потуги“ и „тягли“. Крестьяне, жившіе въ такихъ поселкахъ, могли отправлять самыя разнообразныя повинности, подводившіяся во всей ихъ совокупности подъ общій титулъ „потуги“ (потяга), „тягла“, „тягли“ или „потягли“, „тяглой службы“ [2]). Въ инвентаряхъ XVI вѣка подъ именемъ „тяглой службы“ разумѣются иногда не только издѣльныя работы, „панщина“, „пригонъ“ и проч., но и одни платежи денежные или натурою—напримѣръ, дань медовая, дякло, чиншъ и т. п. Въ инвентарѣ (1580 г.) имѣнія Здятла, Городенскаго повѣта, принадлежавшаго князьямъ Острожскимъ, читаемъ: „у сельцы Карачевичахъ остали поддаиныи два — обадва на одной

---

[1]) Въ 1511 г. король Сигизмундъ пожаловалъ бѣльскому земянину Петриковскому господарское имѣніе съ освобожденіемъ жившихъ въ немъ людей отъ „подачекъ тяглыхъ“ и „службъ тяглыхъ“, кромѣ лишь немногихъ повинностей — „порубовъ подворныхъ“ и пр. (Лит. Метр., Записей № 9, стр. 94). Жившіе въ этомъ имѣніи люди, какъ видно, отправляли различныя „службы“: кромѣ собственно тяглыхъ, отправлявшихъ издѣльныя дворныя работы, тутъ жили данники, дякольники и пр. Всѣ ихъ платежи и службы квалифицируются въ привилеѣ 1511 г. общимъ названіемъ „тяглой службы посполъ съ волостью подле давности“, такъ какъ ихъ отцы здавна не тянули съ волостью ни въ чемъ (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 70).

[2]) Значеніе и составъ „тягли“ объясняется, напримѣръ, выпискомъ 1499 г., обязавшимъ людей бояръ Котовичей отправлять всѣ волостныя повинности, — „всякую тягль тянуть“: городъ рубити, ордынщину давать, дубащину платить, пословъ и гонцовъ стаціями и подводами поднимать, недѣлю стеречи подводами у Смилочи на городищи, на р. Березинѣ и на броду, мосты мостить, сѣно косить, житницу до замку возити и „всякую тягль тянуть съ волостію“ (Лит. Метр., Записей № 5, стр. 83). По инвентарю Житомирскаго замка, въ селѣ Бордиковѣ числится 4 слуги и 3 сочника: „новые люди, еще воли не высѣдѣли; а коли волю высѣдятъ, они (слуги) маютъ *служити*, а всачники имуть *тымъ тянути*, какъ и иные люди“ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 2, стр. 3). Въ другихъ актахъ такое же значеніе имѣютъ „потяги“, „потуги“ и „тяглыя службы“ (см., напримѣръ, Копія Лит. Метр., XXXVII, стр. 188). „Тягло“ или „тягль“ знаютъ также инвентари конца XVI вѣка. По инвентарю имѣнія Здятла, въ селѣ Повгари Матюкъ Янутевичъ держитъ „полъ тягла, а полъ пуста“; въ другихъ селахъ тягло замѣняется „волокой“ (А. В. К., XIV, стр. 213). Крестьяне держатъ земли „на тягли“ и пр. (ibid., стр. 625). Иногда „потягль“ состоитъ изъ одной дани грошевой или медовой (Арх. Сборн., III, № 109).

Библиотека "Руниверс"

волоце седять, съ которое службу тяглую служатъ",—платятъ цыншъ и дякло [1]). Въ актахъ есть не мало другихъ указаній на такое же общее значеніе тяглой службы.

Изъ актовъ, затѣмъ, видно, что „тяглыя службы" отправляли, какъ и въ восточной Руси, не только сельскіе жители, но и мѣщане; посему иногда и послѣдніе, подобно людямъ волостнымъ, называются въ актахъ „тяглыми" [2]).

Обозначеніе общимъ названіемъ „тяглыхъ", какъ самихъ крестьянъ, такъ и ихъ земель, дворовъ, службъ и взносовъ натуральныхъ и денежныхъ, находимъ въ актахъ вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ вообще о „службахъ" крестьянъ рядомъ съ службами другихъ не тяглыхъ классовъ,—не только привиллегированныхъ землевладѣльцевъ—князей и пановъ, но и служилой шляхты—бояръ и слугъ или вообще людей „служебныхъ". Для примѣра укажу на выровъ 1515 г. по жалобѣ жившихъ въ Ейшишской волости бояръ Пронковичей и другихъ: въ этомъ выровѣ „земская" (собственно ратная) служба бояръ „конемъ въ зброи" (повинность ходить на войну „конно и збройно") противополагается „тяглой" службѣ другихъ разрядовъ волостныхъ людей. Въ данномъ случаѣ подъ тяглою службой разумѣется вся совокупность волостныхъ платежей и повинностей — дякла, подводы, работы на господарскомъ дворѣ съ топоромъ, сохой и косой, дани и другія волостныя повин-

---

[1]) См. А. В. К., XIV, стр. 212.

[2]) Какъ видно изъ выровa великаго князя Александра, 1494 г., въ составѣ витебскихъ мѣщанъ одни люди отправляли службу тяглую—давали подводы и пр.—другіе же подлежали одной путной службѣ „конемъ" отдѣльно отъ тяглыхъ людей. Въ данномъ случаѣ возникло дѣло на судѣ по жалобѣ мѣщанина Данила Логвиновича, котораго мѣщане самовольно „привернули къ тяглой службѣ", тогда какъ онъ по дѣду и отцу обязанъ одною путною службой. По господарскому приказу, витебскій намѣстникъ „досмотрѣлъ" на мѣстѣ дѣло,—„доѣдалъ и опыталъ старыхъ мѣщанъ, дѣйствительно ли дѣдъ и отецъ привлеченнаго къ тяглой службѣ не отправляли ее, а несли одну путную службу. На основаніи утвердительнаго показанія мѣщанъ, господарь присудилъ: Логвиновичу отправлять одну путную службу по-давному, какъ дѣдъ и отецъ служили (Копія Лит. Метр., VI, стр. 26). Въ 1520 г. волостные люди Здитовскіе жаловались на мѣстныхъ мѣщанъ (Здитова), не помогавшихъ имъ въ платежѣ разныхъ замковыхъ взносовъ (главнымъ образомъ, мезлевы и дякла—даней живностью, хлѣбомъ и пр.),—„пріискивали ихъ (мѣщанъ) въ *тяглую службу* и въ поплатки". Судъ „не казалъ намъ поспол съ ними службы тяглое служити и подачокъ давати, нижли велѣлъ намъ конемъ служити" (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 3, стр. 78). О названіи мѣщанъ *тяглыми* см. проф. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, Населеніе, стр. 107. Ср. Опись Мозырскаго замка, 1552,—Арх. Ю.-З. Р., VII, т. I, стр. 95, 627 и пр.

Библиотека "Руниверс"

ности и „поплатки“ [1]). Сопоставленіе тяглой и земской службы находимъ также въ господарскомъ листѣ 1514 г., данномъ кіевскому слугѣ Лаврину Станкевичу на освобожденіе его отца и братьевъ отъ „тяглой службы“, съ предоставленіемъ имъ „службу земскую заступовать“, наравнѣ съ другими „подданными нашими — шляхтой“ [2]). По описанію войтовства пана Пенскаго, слуги-шляхта служатъ своему пану „конемъ збройне“ и не подлежатъ податкамъ и службамъ „тяглымъ“ другихъ подданныхъ—отчичей [3]). Тяглая служба крестьянъ и мѣщанъ противополагается затѣмъ службѣ „путной“—особому виду спеціальныхъ повинностей людей „служебныхъ“ (путниковъ — см. ниже), жившихъ въ составѣ мѣщанъ и волостныхъ, крестьянскихъ дворовъ [4]). Такое же общее значеніе придается слову „тяглый“ въ актахъ, упоминающихъ объ имѣніяхъ съ людьми тяглыми и служебными или путными. Въ 1503 г. дочь князя Кобринскаго Анна Костевичъ даетъ по завѣщанію мужу своему тысячу копъ грошей, обезпеченныхъ имѣніями Грушевое и Черевачичи „съ людьми служебными и тяглыми“ [5]). Изъ другаго акта 1508 г. видно, что къ стану Бездедовскому тянули два поселка—Сельце и Дубровка „съ слугами путными (служатъ панцыремъ), служебными и людьми тяглыми [6]). Въ обоихъ случаяхъ люди тяглые, противополагающіеся людямъ служебнымъ, означаютъ вообще весь составъ не служилаго, тяглаго населенія, безъ различія между издѣльными или пригонными людьми и данниками, оброчниками и пр.

Сдѣлаемъ сначала общій обзоръ коренныхъ разрядовъ литовскорусскаго крестьянства, въ особенности разсмотримъ мѣстныя и временныя условія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ слуги и тяглые люди въ отдѣльныхъ дворахъ-маетностяхъ господарскихъ, панскихъ и шля-

---

[1]) Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 1, стр. 95.

[2]) См. *Любавскаго*, Областное дѣленіе, 343. Въ приведенной выше цитатѣ изъ инвентаря Житомирскаго замка говорится, что живущіе въ селѣ Бордиковѣ новые люди—слуги и есачники, „коли волю высѣдятъ“, должны первые „служить“, а вторые — „тяглы тягнути“; очевидно, въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о ратной службѣ „конемъ въ зброи“, во второмъ же о службѣ „тяглой“, какую всѣдѣ отправляли селяне (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 2).

[3]) Археогр. Сборн., I, стр. 34—35.

[4]) См. *Любавскаго*, 344. См. также упомянутый выше листъ 1494 г. витебскому мѣщанину Логвиновичу (Копія Лит. Метр., VI, 26).

[5]) Лит. Метр., Публичныхъ дѣлъ № 28, стр. 30.

[6]) Ibid., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 50.

Библиотека "Руниверс"

хетскихъ распадались на болѣе или менѣе сложный рядъ спеціальныхъ классовъ, каждый съ своею „особною“ службой.

Въ основѣ сложной системы разнообразныхъ крестьянскихъ службъ несомнѣнно лежитъ исконная *пошлина*, различно практиковавшаяся въ литовско-русскихъ областяхъ, сообразно съ мѣстными условіями ихъ хозяйственнаго быта. Нельзя также отрицать *внѣшнихъ вліяній* на организацію тягловыхъ отношеній литовско-русскихъ крестьянъ, главнымъ образомъ, со стороны западныхъ сосѣдей, въ особенности со времени первыхъ опытовъ польско-литовской уніи и полонизаціи края, вмѣстѣ съ развитіемъ шляхетскихъ вольностей и распространеніемъ въ Литвѣ-Руси польско-нѣмецкой системы волочной сельскаго хозяйства. На почвѣ мѣстныхъ пошлинъ исконно сложившихся въ народномъ быту, при болѣе или менѣе сильномъ воздѣйствіи польско-нѣмецкихъ вліяній, и формулируются основныя начала тягловыхъ отношеній крестьянъ, какъ въ господарскихъ уставахъ XVI вѣка по хозяйственному управленію великокняжескими экономіями [1]), такъ и въ инвентаряхъ, съ конца XV вѣка составлявшихся по отдѣльнымъ имѣніямъ господарскимъ и шляхетскимъ.

Сдѣлаемъ прежде всего небольшую замѣтку о *польско-нѣмецкихъ вліяніяхъ* на тягловыя отношенія литовско-русскихъ крестьянъ. Какъ извѣстно, вліянія эти сказались на организаціи крестьянскихъ повинностей, главнымъ образомъ, въ русскихъ земляхъ (Галичинѣ, западной Подоліи и пр.), рано присоединенныхъ къ Польшѣ или подвергшихся сильной полонизаціи съ введеніемъ въ нихъ сельскаго нѣмецкаго права. Такъ было въ особенности въ западной Подляхіи, прилегавшей къ Польшѣ, а въ другихъ областяхъ—въ „мѣщанскихъ“ селахъ, приписанныхъ къ городскимъ магдебургіямъ, господарскимъ и владѣльческимъ [2]). Указанія на организацію крестьянскихъ повинностей въ Подляхіи по началамъ польско-нѣмецкаго права нерѣдко находимъ въ мѣстныхъ актахъ. Для примѣра укажу на описаніе господарскихъ имѣній—Гонязскаго, Райгородскаго и др. [3]), гдѣ, между прочимъ, упоминается о томъ, что съ тяглыхъ людей „цыншы и службы идутъ прускимъ обычаемъ“, то-есть, по праву Хелмскому

[1]) См. А. З. Р., II, № 149, 159 и 160; III, № 19. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 11 и слѣд. Сюда же относятся „ухвалы“ о похожихъ людяхъ, составленныя на общихъ сеймахъ шляхты Полоцкой и Витебской 1531 и 1555 г. (А. Ю.-З. Р., I, № 94; Памятн. I, отд. 2, стр. 18).

[2]) См. мой очеркъ—„Сословный типъ“ и пр., стр. 12 и слѣд.

[3]) См. Археограф. Сборн. I, стр. 31.

Библиотека "Руниверс"

(jus Culmense города Хлмнопольской Пруссіи), дѣйствовавшему въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ Подляхіи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, кромѣ общей нивеллировки, или правильнѣе—сосредоточенія въ рукахъ помѣщиковъ старыхъ крестьянскихъ службъ, господарскихъ и частно-владѣльческихъ, внѣшнія вліянія едва ли могли въ самой организаціи служебностей что либо существенно измѣнить, ввести новые порядки въ установившейся изстари основной системѣ крестьянскихъ службъ. У западныхъ сосѣдей, напримѣръ, несомнѣнно взята система „чиншевыхъ“ службъ, какъ и порядокъ обложенія крестьянъ повинностями на основаніи земельнаго кадастра по польско-нѣмецкой системѣ волочнаго хозяйства; могли быть также заимствованы нѣкоторыя спеціальныя службы, не имѣвшія, однако, никакого существенно важнаго значенія въ системѣ сельскаго хозяйства (такова, напримѣръ, служба платнерская, „збройная“ или оружейная).

Но ни чиншевые поплатки, ни волочное хозяйство, ни спеціальныя службы по польско-нѣмецкимъ образцамъ, по мѣстнымъ условіямъ, не могли имѣть общераспространенной практики не только въ шляхетскихъ, но и въ господарскихъ имѣніяхъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ (напримѣръ, въ Пинскомъ Полѣсьи, Жмуди и проч.) волочный кадастръ никогда не примѣнялся на всей территоріи областей, именно въ силу особыхъ мѣстныхъ условій, при какихъ жили нерѣдко обширныя волости (напримѣръ, вся Зарѣчинская половина Пинскаго староства), гдѣ болотистая и песчаная почва не допускала сплошнаго распредѣленія земель между крестьянами по равномѣрнымъ волокамъ. По замѣчанію изслѣдователей, если собственно Литва не могла долго противостоять польско-нѣмецкимъ вліяніямъ, то „Русь настойчивѣе сохраняла свой исконный способъ хозяйства и его послѣдствія, и чѣмъ далѣе на востокъ, къ Украйнѣ, тѣмъ упорнѣе; наконецъ древняя община до конца отстояла свое существованіе въ казацкихъ степяхъ“ [1]).

Дѣло въ томъ, что и въ старой Польшѣ, какъ позже и въ отдѣльныхъ областяхъ Литвы-Руси, введеніе нѣмецкаго сельскаго права могло вліять коренным образомъ лишь на технику сельско-хозяйственной культуры, также на поземельныя и сословно-правовыя отношенія сельскихъ общинъ, но едва ли могло въ корнѣ измѣнить исконныя мѣстныя системы разныхъ служебностей тяглыхъ людей. Служебности эти слагались постепенно, путемъ многовѣковой практики

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1868, ч. 138, стр. 544.

Библиотека "Руниверс"

мѣстныхъ пошлинъ, сообразно съ разнохарактерными условіями культуры въ отдѣльныхъ областяхъ государства. Старыя общины и цѣлыя земли, какъ и само государство, не могли оставлять на положеніи tabula rasa такую жизненную функцію въ своемъ быту, какъ система общественныхъ служебностей: безъ прочной организаціи послѣднихъ по мѣстнымъ условіямъ, не могли бы существовать ни сами общины, ни государство. По типамъ такой же организаціи и на той же неизмѣнной почвѣ мѣстныхъ условій и пошлинъ установлялась постепенно и система вотчинныхъ служебностей сельскаго населенія въ мѣстностяхъ частно-владѣльческихъ. Эта-то старая пошлина, въ дѣлѣ организаціи крестьянскихъ службъ, могла прочно держаться своихъ исконныхъ, коренныхъ устоевъ и въ пору развитія въ Литвѣ-Руси польско-нѣмецкихъ вліяній. Послѣднія могли, въ большей или меньшей степени, отразиться на мелкихъ техническихъ функціяхъ тѣхъ или иныхъ служебностей; общая же ихъ организація несомнѣнно продолжала по-старому держаться мѣстныхъ пошлинъ и потому въ пору внѣшнихъ вліяній едва ли могла потерпѣть какія либо существенныя измѣненія.

Польско-нѣмецкія вліянія сказываются не столько на детальной сторонѣ дѣла, сколько на общей его постановкѣ, именно по весьма существенному вопросу о томъ, *для кого* и *для чего* „служатъ“ тяглые люди, жившіе въ владѣльческихъ имѣніяхъ. Старая тягловая практика Литвы-Руси ставила въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ jus ducale господаря. Подъ прямымъ воздѣйствіемъ польско-нѣмецкимъ это-то право переходитъ полностію къ землевладѣльцамъ, въ „моцы“ которыхъ, такимъ образомъ, сосредоточивается вся сумма крестьянскихъ повинностей, безъ стараго различія между службами господарскими и владѣльческими.

До начала XV вѣка когда стало явственно обнаруживаться воздѣйствіе польско-нѣмецкихъ вліяній на бытъ литовско-русскихъ сословій; крестьяне, жившіе въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ, отправляли тягло двоякаго рода: *господарское*, основанное на jus ducale литовскихъ великихъ и удѣльныхъ князей,—и тягло *помѣщичье*, вытекавшее изъ вотчинныхъ правъ землевладѣльца на службу крестьянъ съ ихъ земель и разныхъ угодій [1]). Такая двойственность крестьян-

[1]) О крестьянскихъ повинностяхъ въ пользу господаря и помѣщика см. мое изслѣдованіе „Крестьяне юго-западной Россіи по Литовскому праву въ XV и XVI вѣкахъ“ (*Кіевскія Университетскія Извѣстія*, 1868, № 11).

Библиотека "Руниверс"

скаго тягла держалась въ Литвѣ-Руси до уравненія вотчинныхъ и другихъ правъ литовско-русскихъ землевладѣльцевъ съ правами польской поземельной шляхты. Земскій привилей Владислава-Ягеллы 1387 года освобождаетъ литовскихъ бояръ, принявшихъ католичество, отъ господарскаго тягла (labores), кромѣ исправленія замковъ и ратной службы (expeditiones, pogonia) [1]; другимъ привилеемъ того же года имѣнія католическаго духовенства въ Литвѣ освобождаются отъ всякихъ господарскихъ платежей и повинностей (angaria et perangaria): подводы, сторожи, путей, станцій, выправъ (военныхъ), податка, серебщизны и проч., какъ и отъ подчиненія суду и наряду господарскихъ врядниковъ [2]. Такое же jus ducale на дани и повинности крестьянъ предоставляется въ 1432 г. землевладѣльцамъ Луцкой земли [3]. Съ земскаго привилея великаго князя Сигизмунда Кейстутовича (1434 г. мая 6-го) [4] населеніе шляхетскихъ имѣній въ Литвѣ освобождается отъ всѣхъ господарскихъ податей и повинностей (кромѣ постройки замковъ и ратныхъ „путей“, — военной службы); съ этихъ поръ jus ducale литовскихъ господарей на подати и повинности владѣльческихъ подданныхъ въ Литвѣ переходитъ къ ихъ панамъ-землевладѣльцамъ [5]. То же самое jus ducale по земскимъ при-

---

[1]) Zbiór pr. Lit., стр. 1.

[2]) *Skarbiec*, № 540; Zbiór pr. Lit., 48.

[3]) Арх. Ю.-З. Р. ч. V, т. I, № 1; ср. *Skarbiec*, № 1429 и 1646.

[4]) „Caeterum omnes et singuli emethones et subditi dictorum praelatorum, ducum, baronum et nobilium terrarum nostrarum Lithvaniae ab omni datione et solutione mensurarum, quae diakla nuncupantur, quos ab antecessoribus nostris dare consueverunt et astricti fuerint simul omnia soluti, liberi et ab eisdem exempti; nihilominus tamen in praedictis ducibus baronibus, nobilibus, et subditis eorundem castrorum aedificationes et reformationes et vias expeditionales in ipsorum propriis expensis, ad quas ab antiquo tenebantur, sine quibus etiam terrae nostrae bene stare non possunt, pro nobis et nostris successoribus reservamus, aliis laboribus curiarum nostrarum a saepe dictorum ducum et boiarorum hominibus omnio exclusis“ (Коп. Лит. Метр., № XLI, стр. 18; другой списокъ—Лит. Метр. Записей № 25, стр. 10; третій — рукоп. Имп. Публичн. Библіотеки, Лит. F. II № 149, л. 2). Тѣ же положенія воспроизводятся во всѣхъ послѣдующихъ земскихъ привилеяхъ (см. мой очеркъ „Источники русско-литовскаго права“, 31).

[5]) Въ привилеѣ Сигизмунда 1434 г. воспроизводится собственно положеніе Кошицкаго Статута 1374 г. о предоставленіи польской шляхтѣ господарскаго jus ducale на подати и повинности владѣльческихъ крестьянъ. По этому Статуту послѣдніе освобождены „ab omnibus et singulis collectis donationibus sive tributis, tam generalibus, quam specialibus, quocunque nomine censeantur, et ab omnibus servitiis, laboribus, vexactionibus, angariis, praeangariis, in rebus et per-

Библиотека "Руниверс"

виленмъ 1457 г. и послѣдующихъ годовъ признается за всею поземельною шляхтой литовскою, жмудьскою и русскою, безъ прежнихъ вѣроисповѣдныхъ различій: владѣльческіе подданные освобождаются отъ всякихъ господарскихъ повинностей и платежей, кромѣ повинностей, стоявшихъ въ связи съ земскою оборономъ — городской и мостовой повинности и проч. [1]).

Нужно впрочемъ замѣтить, что до начала XVI вѣка владѣльческіе крестьяне мѣстами вносили еще по старому порядку въ господарскій „скарбъ“ подымщину, воловщину и нѣкоторые другіе податки и отправляли господарскія службы. Обстоятельство это изслѣдователи объясняютъ тѣмъ, что „западная Русь слишкомъ мало еще была тогда подготовлена къ усвоенію польскихъ порядковъ,—привилегіи Ягелла не вошли въ жизнь и мало-по-малу пришли въ забвеніе“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли уже случай указать на то, что земскіе привилеи ни Ягеллы, ни послѣдующихъ господарей литовскихъ, *никогда* не забывались литовско-русскою шляхтой: она ревниво оберегала всѣ свои libertates et jura, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и добытое ею jus ducale на повинности подвластныхъ ей „подданныхъ“ [3]).

Намъ думается, что вопросъ объ упомянутыхъ выше господарскихъ подымщинахъ и службахъ разрѣшается гораздо проще и правдоподобнѣе, разъ сопоставимъ ихъ съ поплатками и повинностями, отправлявшимися въ старое время владѣльческими крестьянами въ пользу мѣстныхъ господарей—удѣльныхъ князей. Дѣло въ томъ, что путемъ земскихъ привилеевъ литовско-русская шляхта могла получать по крестьянскимъ повинностямъ лишь такія jura regalia, какія принадлежали лично великимъ князьямъ литовскимъ: послѣдніе не могли уступать правъ удѣльныхъ князей, вовсе не принадлежавшихъ великимъ князьямъ. Земскіе привилеи, поэтому, вовсе не касаются вопроса о передачѣ шляхтѣ регальныхъ правъ мѣстныхъ удѣльныхъ князей; до и послѣ изданія земскихъ привилеевъ удѣльные князья пользовались по старой земской пошлинѣ поплатками и повинностями тяглаго на-

---

sonis commitendis, pure et simpliciter solutos et absolutos esse volumus, ac exemptos“ (Vol. leg. I, стр. 56. Ср. также *Bandtkie*, Jus Polonicum, стр. 156. *Горембыкинъ*, Очеркъ исторіи крестьянъ въ Польшѣ, стр. 59 и слѣд.).

[1]) Zbiór pr. Lit., стр. 28; A. З. Р., I, № 61.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., ч. V, т. I, предисловіе (статья Новицкаго о крестьянахъ), стр. 26.

[3]) См. мои „Источники русско-литовскаго права“, стр. 33—35.

Библиотека "Руниверс"

селенія въ своихъ владѣніяхъ, безъ различія между крестьянами, жившими на княжескихъ и частно-владѣльческихъ земляхъ [1]). Регальныя права мѣстныхъ князей держались вплоть до паденія удѣльной независимости ихъ владѣній, напримѣръ, бывшихъ князей Волынскихъ и Подольскихъ (собственно въ Браславщинѣ—литовской части Подоліи) до 1451 года, Кіевскихъ до 1470 г. и проч. [2]). Съ закрытіемъ княжескихъ столовъ весь dominium мѣстныхъ князей, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ имъ jus ducale на повинности тяглаго населенія, переходитъ къ великимъ князьямъ—господарямъ литовскимъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, въ качествѣ преемниковъ бывшихъ удѣльныхъ князей, и въ пору земскихъ привилеевъ продолжали въ нѣкоторыхъ областяхъ пользоваться повинностями мѣстнаго тяглаго населенія.

Таково, какъ намъ кажется, происхожденіе разныхъ господарскихъ платежей—серебщинъ, подымщинъ, воловщинъ, сторожовщинъ и пр., до начала XVI вѣка бравшихся въ нѣкоторыхъ областяхъ съ владѣльческихъ крестьянъ. Это были, нужно полагать, исключительно мѣстные сборы, поступавшіе въ господарскій „скарбъ“ въ видѣ наслѣдія отъ стараго удѣльнаго строя литовско-русскихъ областей; по своему мѣстному происхожденію, сборы эти не подлежали общимъ началамъ, формулированнымъ въ земскихъ привилеяхъ касательно повинностей владѣльческихъ крестьянъ. Отмѣна господарскихъ сборовъ и службъ, лежавшихъ мѣстами на владѣльческихъ крестьянахъ съ удѣльной эпохи, вмѣстѣ съ передачей ихъ въ распоряженіе пановъ-землевладѣльцевъ, была дѣломъ областныхъ (шляхетскихъ) привилеевъ конца XV и начала XVI вѣковъ [3]). Въ статутовое время весь

[1]) Регальными правами на повинности всего тяглаго населенія пользовались въ XV вѣкѣ удѣльные князья, стоявшіе во главѣ не только цѣлыхъ земель (напримѣръ, князья Волынскіе, Кіевскіе и пр.) но и небольшихъ удѣловъ, каковы князья Кобринскіе, Пинскіе, Мстиславскіе и пр. (См. Ревизія пущъ, стр. 255, 282, 285; А. З. Р., II, № 155, 162 и пр., Ср. мои „Очерки Ист. лит.-русск. права“, стр. 116, 118, 127, 129 и пр.).

[2]) См. мои „Очерки ист. лит.-русск. права“, стр. 186, 241—242, 392. Въ нѣкоторыхъ областяхъ регальными правами пользовались мѣстные князья еще въ началѣ XVI вѣка, напримѣръ, князья Гольшанскіе и Мстиславскіе (см. ibid., 46, 116—118). Королева Бона владѣла на удѣльномъ положеніи княжествами Кобринскимъ, Пинскимъ и пр. до 1556 года. (См. ibid., 82); князья Острожскіе не теряли старыхъ регальныхъ правъ до полнаго прекращенія рода этихъ князей (ibid., 294).

[3]) Таковы мѣстные привилеи: 1) *Жмудскій* 1492 г.—отъ стараго времени осталась куничная дань, ратная служба, ремонтъ старыхъ („Витовтовыхъ“) дворовъ (А.

Библиотека "Руниверс"

составъ тяглаго населенія шляхетскихъ дворовъ-маетностей былъ уже совершенно свободенъ отъ всякаго государственнаго тягла; вся совокупность крестьянскихъ службъ и платежей перешла въ полное и безконтрольное распоряженіе самихъ землевладѣльцевъ.

Замѣтимъ наконецъ, что шляхетская экспропріація правъ государственнаго „скарба“ (фиска) на подати и повинности крестьянъ вскорѣ, какъ мы знаемъ, повлекла за собой экспропріацію и другихъ функцій государственной власти. Въ этомъ направленіи дѣлаютъ рѣшительные шаги земскіе привилеи 1457 и 1492 г.: первый усвояетъ шляхтѣ полный вотчинный судъ и нарядъ,—второй санкціонируетъ полноправное участіе литовско-русскихъ магнатовъ (пановъ рады) во всѣхъ функціяхъ господарской власти [1]). На основаніи земскаго привилея 1492 г., подати и другіе доходы государства собираются, хранятся „казною“ (въ господарскомъ скарбѣ) и расходуются не иначе, какъ съ согласія и подъ контролемъ пановъ-рады, — самъ господарь вообще не распоряжается никакими государственными доходами и расходами. Съ Люблинской уніи всякаго рода „królewszczyzny“, то-есть, не только подати и разные налоги, бывшіе въ распоряженіи господарскаго „скарба“, но и всѣ дворы-маетности, приписанные къ господарскимъ столовымъ имѣніямъ, къ замкамъ и староствамъ-державствамъ, входятъ въ общую массу шляхетскихъ маетностей; ими безконтрольно, на своихъ сеймахъ повѣтовыхъ и вальныхъ, распоряжается державная шляхта и никто больше [2]). Наконецъ, съ организаціей въ XVI вѣкѣ шляхетскихъ сеймовъ къ поземельной шляхтѣ переходитъ jus ducale и въ сферѣ законодательной [3]). Съ этихъ же поръ всякій землевладѣлецъ, обладавшій на обще-шляхетскомъ, земскомъ правѣ хотя бы самою незначительною маетностью-дворомъ, ста-

---

З. Р., I, № 103); изъ позднѣйшаго Жмудскаго привилея 1574 г. видно, что въ это время куничная дань, замѣненная чиншемъ, бралась только съ господарскихъ, а не владѣльческихъ крестьянъ (А. З. Р., III, № 59); 2) *Полоцкій* — 1511 г. (ibid., II, № 70); 3) *Витебскій*—1503 г. (ibid., I, № 204); 4) *Смоленскій*—1505 г. (ibid., I, № 213); 5) *Кіевскій* — 1507 г. (ibid., II, № 80), — подымщина существовала до изданія привилея 1529 г. (ibid., II, № 164); 6) *Волынскій*—1501 г. (А. Ю. З. Р., I, № 36), — воловщина держалась до изданія привилея 1509 (ibid., II, № 51) и 7) *Брасласвскій*— 1507 г. (А. З. Р., II, стр. 28). — Объ областныхъ привилеяхъ литовско-русскаго государства см. мои „Источники русско-литовскаго права“, стр. 35—69.

[1]) Zbiór pr. Lit., стр. 28 и 58, А. З. Р.; I, № 61.

[2]) См. „Собраніе сочиненій“ проф. В. Незабитовскаго, стр. 314—315.

[3]) См. мой очеркъ „Сословный типъ“ и пр., стр. 20—21, 27.

Библиотека "Руниверс"

новится de jure полновластнымъ „господаремъ“ своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, былое подданство тяглыхъ сельчанъ литовскому господарю, выражавшееся въ лежавшемъ на нихъ господарскомъ тяглѣ и въ подчиненіи ихъ общему земскому суду и наряду, смѣняется безраздѣльнымъ подданствомъ крестьянъ ихъ непосредственному и единственному „господарю“—помѣщику, сосредоточившему въ своихъ рукахъ всю полноту функцій и правомочій не одной помѣщичьей. но и государственной власти въ техническомъ смыслѣ этого слова.

Составъ крестьянскихъ разрядовъ, понятно, не вездѣ могъ быть одинаковъ. Въ дѣлѣ крестьянскихъ повинностей и обоснованной на нихъ группировкѣ крестьянъ въ отдѣльные разряды все зависѣло отъ бо́льшихъ или меньшихъ размѣровъ и почвенныхъ условій земельныхъ участковъ и характера разныхъ угодій, бывшихъ въ эксплуатаціи самаго двора и тянувшихъ къ нему подданныхъ, также отъ численнаго состава послѣднихъ, какъ и отъ стоявшей съ этимъ въ связи. болѣе или менѣе сложной системы хозяйственныхъ операцій въ имѣніяхъ. Система службъ и классовъ крестьянскихъ опредѣлялась отчасти также характеромъ панскаго землевладѣнія и наконецъ территоріальнымъ положеніемъ имѣній—во внутреннихъ или окраинныхъ областяхъ государства.

Наличность въ панскихъ дворахъ-маетностяхъ возможно полнаго состава спеціальныхъ разрядовъ крестьянъ могла имѣть мѣсто лишь въ бо́льшихъ экономіяхъ, съ значительнымъ личнымъ составомъ служилаго и тяглаго населенія, съ обширною дворною запашкой и разнообразными угодьями лѣсными и рѣчными. Въ такихъ условіяхъ могли находиться лишь главныя экономіи литовскаго господаря. бывшихъ удѣльныхъ князей и крупныхъ пановъ-землевладѣльцевъ. Въ инвентаряхъ такихъ экономій и въ другихъ актахъ встрѣчаются указанія на всѣ спеціальные классы. на какіе обыкновенно дробилось крестьянство въ литовскомъ государствѣ [1]).

---

[1]) Перечень бо́льшихъ экономій, въ которыхъ сосредоточивалось главное господарское хозяйство, полагается въ инструкціи ревизорамъ, 1569 г. Господарскія имѣнія показаны въ собственной Литвѣ, Жмуди, Подляхіи, Черной Руси, затѣмъ въ земляхъ Витебской, Минской и Могилевской (См. Археогр. Сборн., III, Предисл., стр. IX). Большинство сохранившихся до нашего времени инвентарей господарскихъ имѣній помѣщено въ „Актахъ Виленской Археографической Коммиссіи (особенно много въ XIV т.), въ „Археогр. Сборн.“ (напримѣръ, I, стр. 31), Źródła dziejow, V и VI, также въ отдѣльныхъ изданіяхъ инвентарей нѣкоторыхъ

Библиотека "Руниверс"

Въ инвентаряхъ имѣній средней величины обыкновенно намѣчаются лишь главные классы людей служебныхъ и тяглыхъ. Въ такихъ имѣніяхъ, кромѣ бояръ или слугъ и различныхъ ремесленныхъ людей, главный контингентъ крестьянъ слагается изъ людей тяглыхъ въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть, крестьянъ, отправлявшихъ издѣльныя работы на панскомъ дворѣ и дворной пашнѣ. Подобный составъ сельчанъ находимъ въ цѣломъ рядѣ шляхетскихъ имѣній, напримѣръ, Титовянахъ въ Жмуди и Виленскомъ повѣтѣ [1]), Тѣлесницѣ въ Подляхіи [2]), въ нѣкоторыхъ частныхъ имѣніяхъ Слонимскаго повѣта [3]) и пр., также въ господарскихъ экономіяхъ, приписанныхъ, напримѣръ, къ замкамъ Луцкому [4]), Чернобыльскому и Овручскому [5]). Главною,

---

старостъ — Кобринскаго, Пинскаго и др. (см. перечень инвентарей въ моихъ „Очеркахъ исторіи литовско-русскаго права", стр. 15). Инвентари крупныхъ имѣній литовскихъ пановъ и бывшихъ удѣльныхъ князей—Острожскихъ (имѣнія Здитла въ Городенскомъ повѣтѣ), Сангушекъ, Слуцкихъ и др.—См. А. В. К., XIV, стр. 77, 199, 208, 227, 351 и др.; Арх. Сборн., I, стр. 32, 146, 205, 221, 289; Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, 244; Памятники Кіевской комиссіи, т. III и др.

[1]) А. В. К., XIV, стр. 6. Имѣніе Титоняне, принадлежавшее пану Гѣбовичу, по инвентарю 1555 г. состояло изъ 3-хъ частей. Главное имѣніе Титовяне находилось въ Жмуди и состояло изъ 60-ти службъ (112 дымовъ) людей тяглыхъ, обрабатывавшихъ дворную пашню, 4-хъ службъ (7 дымовъ) бояръ путныхъ и 3-хъ бояръ шляхтичей, имѣвшихъ своихъ тяглыхъ людей. Второе имѣніе Ятвезкъ, въ Лидскомъ повѣтѣ, состояло изъ 16 службъ (22 дыма) людей тяглыхъ и 9 службъ (11 дымовъ) бояръ путныхъ. Третье имѣніе Сольшники великіе и малые, въ Виленскомъ повѣтѣ, состояло изъ 26 службъ (40 дымовъ) тяглыхъ людей, одного путного боярина и двухъ бояръ—шляхты (тоже съ своими тяглыми людьми). Въ этомъ имѣніи находились на особомъ положеніи два села—Гѣздиловичи и Войборовичи, состоявшія исключительно изъ однихъ данниковъ. По второму инвентарю, 1581 г. (№ 22), крестьяне имѣнія Титовянъ тоже относятся къ разряду крестьянъ издѣльныхъ.

[2]) Ibid., стр. 187. Имѣніе это состояло изъ панскаго двора—фольварка и одного села изъ 22 семей издѣльныхъ крестьянъ, жившихъ на отдѣльныхъ волокахъ; упоминаются, кромѣ того, одинъ огородникъ и одинъ мельникъ.

[3]) Археографическій Сборникъ, III, № 110.

[4]) Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 177 и слѣд. По инвентарю 1552 г. къ Луцкому замку тянуло два пашенныхъ дворца—фольварка съ 7-ю селами людей тяглыхъ и огородниковъ; тѣ и другіе „пашутъ" дворную землю; упоминается въ селахъ одинъ „служебный". Цѣлый рядъ волостей и отдѣльныхъ селъ Луцкаго замка былъ въ разное время розданъ въ „держанье" мѣстной шляхтѣ, подъ условіемъ „службы"; въ такихъ селахъ жили тоже только люди тяглые.

[5]) Ibid., ч. VII, т. I, стр. 587. По инвентарю 1552 г. къ замку Чернобыльскому (на Припети, недалеко отъ Днѣпра, въ Кіевской землѣ, къ востоку отъ Овруча) тянутъ села господарскіе, земянскіе и монастырскіе (Печерскаго мона-

Библиотека "Руниверс"

а иногда и единственною, сельско-хозяйственною статьей, по мѣстнымъ условіямъ, является въ указанныхъ имѣніяхъ обработка дворной пашни; почему и всѣ повинности сельскаго населенія пріурочиваются, главнымъ образомъ, къ издѣльнымъ работамъ на панскомъ дворѣ и дворной пашнѣ.

Есть, затѣмъ, цѣлые ряды инвентарей и другихъ актовъ, изъ которыхъ видно, что въ Литвѣ-Руси, особенно въ сѣверной половинѣ государства, было не мало имѣній, иногда съ довольно значительнымъ составомъ волостей и отдѣльныхъ селъ, вовсе не знавшихъ издѣльныхъ работъ. Таковы волости и села, состоявшія, напримѣръ, изъ однихъ данниковъ или однихъ дякольниковъ, также изъ людей „урочныхъ", или „осадныхъ", бывшихъ на оброкѣ или чиншѣ. Такимъ образомъ, господарскія волости Поднѣпровскія и Задвинскія, какъ видно изъ актовъ, чуть ли не въ полномъ своемъ составѣ состояли изъ однихъ данниковъ [1]). Такой же составъ имѣли волости, тянувшія къ Мозырскому замку: по инвентарю 1552 г. Мозырскія волости состояли изъ 42 селъ господарскихъ и 28 селъ мѣстныхъ князей, пановъ, бояръ и монастырей (кіевскихъ), — села слагаются, кромѣ бояръ и слугъ, исключительно изъ данниковъ [2]). Въ Полоцкой землѣ такой же составъ имѣла вся волость Борисовская [3]), въ Волковыйскомъ повѣтѣ—волость Бобровская [4]) и пр. Точно также въ Жмуди нерѣдко встрѣчались панскія имѣнія, — напримѣръ, имѣніе пановъ Стабровскихъ [5]), также имѣнія Кретинга [6]), Поневѣжъ [7]) и др., населенныя одними данниками. Есть, затѣмъ, инвентари частныхъ имѣній, населенныхъ слугами и дякольниками (людьми дикольными); таковы, напримѣръ, имѣнія: Любовицкое [8]), Свѣтичовское (въ Под-

стыря въ Кіевѣ) съ живущими въ нихъ земянами, боярами, слугами и осачниками (людьми тяглыми, см. ниже). Ibid., стр. 288; ч. VII, т. II, стр. 413. По инвентарю 1616 г. къ Овручскому замку тянула только одна „весь" изъ 17-ти „rosiędłych" людей; въ люстраціи Овручскаго староства 1629 г. перечисляются 13 селъ боярскихъ и 7 селъ тяглыхъ (издѣльныхъ); упоминаются, кромѣ того, загродники, слободники, рудники (желѣзняки) и пушкаря.

[1]) А. З. Р., II, № 75. Ср. *Любавскаго* „Областное дѣленіе", стр. 342.

[2]) См. Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 611.

[3]) А. Ю. З. Р., I, № 73.

[4]) А. В. К., XIV, стр. 173.

[5]) Ibid., стр. 460.

[6]) Ibid., 101 и 600.

[7]) Ibid., 78.

[8]) Ibid., XIII, стр. 378.

Библиотека "Руниверс"

ляхіи) [1]), Русоты (въ Городенскомъ повѣтѣ) [2]). По инвентарю 1560 г., вся Дубровенская волость (изъ 20-ти селъ) въ Смоленской землѣ слагалась изъ слугъ и крестьянъ, состоявшихъ на грошевой дани [3]) или чиншѣ; на чиншѣ же числились огуломъ иногда и частныя имѣнія, напримѣръ, имѣніе Могилинское въ Минскомъ повѣтѣ [4]) или имѣніе Костенева въ Слонимскомъ повѣтѣ [5]).

Иногда въ имѣніяхъ часть селъ состоитъ изъ крестьянъ, состоявшихъ на издѣльной работѣ, а другая—изъ однихъ данниковъ или людей осадныхъ, состоявшихъ на чиншѣ. Такъ, въ имѣніи Сольшникахъ пана Глѣбовича, въ Виленскомъ повѣтѣ, населеніе двухъ селъ: Гнѣздиловичи и Войборовичи, владѣло бортными угодіями въ пущахъ и лѣсахъ своихъ селъ и потому въ полномъ своемъ составѣ было на особомъ положеніи „данниковъ", а не издѣльныхъ крестьянъ, какъ въ другихъ селахъ того же имѣнія [6]). Такимъ же образомъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ, тянувшихъ къ Житомирскому замку, села иногда состоятъ изъ однихъ слугъ и данниковъ [7]). Въ Гомельскомъ старостві точно также были села издѣльныя и рядомъ съ ними села, состоявшія изъ людей осадныхъ [8]). Подобный же составъ имѣютъ по инвентарю 1580 г. села въ имѣніи Здятла въ Городенскомъ повѣтѣ, принадлежавшемъ князьямъ Острожскимъ [9]), также въ частномъ имѣніи Дубяне въ Жмуди [10]). Въ источникахъ есть также указанія на села, отправлявшія въ цѣломъ своемъ составѣ извѣстныя „особныя" службы и потому называвшіяся, напримѣръ, лейтскими, конюшскими и пр. [11]). Въ волостяхъ порубежныхъ земель (Смоленской, Сѣверской, Кіевской и пр.) существовали цѣлыя села „служебныя", безъ всякаго тяглаго населенія. Такъ, по инвентарю 1492 г., въ Катанской волости (Смоленской земли) упоминается особое „панцырное" село Давыдково съ тянувшими къ нему шестью сельцами, состоявшими ис-

---

[1]) Ibid., XIV, стр. 95.
[2]) Ibid., № 3.
[3]) Археографическій Сборникъ, III, № 109.
[4]) А. К. Р., X, IV, стр. 412.
[5]) Ibid., стр. 192.
[6]) См. А. В. К., XIV, стр. 10—11.
[7]) Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, стр. 148.
[8]) А. В. К., XVII, стр. 343.
[9]) Ibid., XIV, стр. 210.
[10]) Ibid., стр. 502.
[11]) См. *Любавскаго* „Областное дѣленіе", 326.

Библиотека "Руниверс"

ключительно изъ панцырныхъ слугъ [1]). Люстрація Кіевской земли, 1471 г., перечисляетъ цѣлый родъ замковыхъ селъ, состоявшихъ изъ однихъ слугъ [2]). Въ описи Кіевскаго замка, 1552 г., упомянаются села „польныя", отправлявшія службу сторожевую (ради „доведенья вѣстей" о татарскихъ набѣгахъ,—(см. ниже) [3]). Въ Черкасскомъ старостве, по люстраціи 1616 г., существовали пограничныя села (Струково), состоявшія на одной боярской службѣ [4]). Подобнымъ же образомъ въ одномъ изъ восточныхъ порубежій—старостве Гомельскомъ, по инвентарю 1640 г., цѣлыя села состоятъ иногда изъ осадныхъ бояръ [5]).

Указанныя тягловыя особенности въ положеніи крестьянъ, живущихъ въ имѣніяхъ господарскихъ и шляхетскихъ, объясняются разнохарактерными мѣстными условіями сельско-хозяйственной культуры въ различныхъ областяхъ литовско-русскаго государства. Гдѣ весь составъ угодій, находящихся въ распоряженіи панскихъ дворовъ и крестьянъ, слагается изъ одной пашни, тамъ и всѣ службы крестьянъ, понятно, будутъ носить издѣльный, „пашенный" характеръ; въ такихъ имѣніяхъ весь составъ тяглаго населенія будетъ слагаться изъ людей „работныхъ", или „пригонныхъ", отправляющихъ свою службу на панскомъ дворѣ-фольваркѣ и на дворной пашнѣ съ плугомъ, серпомъ, косой, топоромъ. Иной характеръ и составъ получаютъ крестьянскія службы въ имѣніяхъ съ мало или вовсе не развитою фольварочною запашкой, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ (какъ было, напримѣръ, въ Литовскомъ Полѣсьи, Жмуди и пр.) рольничество можетъ вестись лишь по мелкимъ, разбросаннымъ „островамъ", среди сплошныхъ лѣсовъ или рѣчныхъ низинъ, болотъ, песчаниковъ и т. п. Въ такихъ имѣніяхъ рольничество, понятно, не можетъ имѣть характера главной сельско-хозяйственной статьи. Вмѣсто него устанавливается эксплуатація другихъ мѣстныхъ угодій—лѣсныхъ или рѣчныхъ, съ широкимъ развитіемъ бортничества, лововъ звѣриныхъ и рыбныхъ и тому подобныхъ крестьянскихъ промысловъ; здѣсь на первый планъ выступаютъ службы бортниковъ, куничниковъ, бобровниковъ и другихъ данниковъ. Наконецъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ

---

[1]) Археографическій Сборникъ, III, № 2.
[2]) Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, стр. 1.
[3]) Ibid., т. I, стр. 121.
[4]) Ibid., стр. 284.
[5]) А. В. К., XIII, стр. 343.

Библиотека "Руниверс"

затраты на рольничество и на эксплуатацію другихъ угодій лѣсныхъ и водныхъ не вознаграждаются достаточнымъ „прибыткомъ", и потому ни рольничество, ни лѣсные промыслы не могутъ, сами по себѣ, служить рессурсами, обезпечивающими содержаніе дворнаго хозяйства и самихъ владѣльцевъ, тамъ издѣльное и даничье (натурою) хозяйство замѣняется хозяйствомъ оброчнымъ; весь составъ крестьянъ или же только частію переводится на „осаду", или денежный „чиншъ".

На особомъ положеніи стоялъ вопросъ объ организаціи службъ и разрядовъ крестьянскихъ въ окраинныхъ областяхъ, гдѣ въ видахъ земской охраны всегда требовалась наличность ратной службы и отправлявшихъ ее людей „служебныхъ". Здѣсь существовали, какъ замѣчено выше, цѣлыя села съ исключительно „служебнымъ", не тяглымъ населеніемъ. Преобладаніе служилыхъ классовъ въ особенности характеризуетъ составъ городскаго и сельскаго населенія въ южнорусскихъ земляхъ—литовскихъ порубежьяхъ, выносившихъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ всю тяготу татарскаго „разоренія" и „пополоха". При окраинномъ положеніи этихъ земель, не только въ XV и XVI вѣкахъ, но и частію въ XVII вѣкѣ, пока не прекратились татарскіе набѣги на южную Русь, фольварочное хозяйство въ господарскихъ и шляхетскихъ имѣніяхъ далеко не могло достигать такого развитія, какъ во внутреннихъ областяхъ государства. Панскіе дворы на югѣ, въ большинствѣ имѣли значеніе не столько „пашенныхъ" дворовъ, или сельскихъ фольварковъ, сколько дворовъ городскихъ, „осадныхъ", служившихъ убѣжищемъ для населенія на случай „пополоха" татарскаго [1]). Оттого здѣсь составъ повинностей и самихъ разрядовъ крестьянъ вообще не отличался такою сложностью, какъ въ центральныхъ мѣстностяхъ государства. Постоянные набѣги (по выраженію мѣстныхъ актовъ „пополохъ" и „разореніе") татарскихъ хищниковъ нужно считать основною причиной, задерживавшею почти до XVIII вѣка въ южно-русскихъ окраинахъ, при всемъ ихъ плодородіи и богатствѣ культурныхъ условій [2]), прочное развитіе колонизаціи и ши-

---

[1]) См. мой очеркъ „Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ", стр. 13.

[2]) По словамъ *Длугоша* (Hist. Polon. lib. X, p. 150,—rok 1396), Подолія, напримѣръ, въ глазахъ польскихъ пановъ XV вѣка была чуть не земнымъ раемъ, благодатною страной, „изобилующею медомъ, млекомъ и скотомъ" (terram nobilem, melle, lacte et pecore refertam). *Стрыйковскій* (Gwagnin, „Sarmacya Europeyska") въ яркихъ краскахъ рисуетъ плодородіе западной Подоліи и Брацлавщины. „Страна эта чрезвычайно плодородна и изобильна всякими произрастеніями; па-

Библиотека "Руниверс"

рокой сельско-хозяйственной культуры. Въ люстраціяхъ кіевскихъ староствъ второй половины XVI и первой XVII вѣковъ почти вовсе не упоминаются сельскіе фольварки при мѣстныхъ замкахъ. По описанію Кіевскаго замка 1552 г. лишь одна волость Могилевская имѣетъ два монастырскихъ дворца, но безъ тяглыхъ людей, — дворныя работы исполняютъ огородники, жившіе подъ дворцами. Въ селахъ замковыхъ—всего 15-ть тяглыхъ людей; остальные—слуги и данники [1]). Точно также люстрація кіевскихъ староствъ 1616 г. знаетъ небольшой фольваркъ лишь подъ однимъ Кіевомъ; въ большинствѣ староствъ—Бѣлоцерковскомъ, Любечскомъ и особенно въ волости Лойогорской и староствахъ Остерскомъ, Каневскомъ и Переяславскомъ нѣтъ ни дворныхъ фольварковъ, ни тяглыхъ людей. Въ послѣднихъ двухъ староствахъ даже вовсе нѣтъ селъ: въ степныхъ уходахъ разбросаны лишь мѣстами едва замѣтные ловецкіе станы и пасѣки-хутора мѣстныхъ „уходниковъ“, не знавшихъ никакихъ панскихъ поплатковъ и службъ [2]). Еще безотраднѣе представляется сельская жизнь на южныхъ окраинахъ литовскаго государства съ половины XVI вѣка. Изъ описи Житомирскаго замка, 1552 г., видно, что до самой описи сельское населеніе „для пополоху татарскаго“ жило лѣтомъ и зимой въ мѣстѣ и обработывало свои роли-пустыни лишь „полазомъ“ (наѣздомъ); при такомъ положеніи дѣлъ, понятно, не могло быть и рѣчи о какой бы то ни было организаціи постоянныхъ службъ тяглыхъ крестьянъ [3]). Тѣмъ менѣе могли быть сколько нибудь прочные сельскіе поселки, съ постоянной запашкою полей панскихъ и крестьянскихъ, въ волостяхъ окраинныхъ замковъ Каневскаго и Черкаскаго: по описи 1552 г. мѣстные крестьяне, не погибшіе въ постоянные татарскіе „пополохи“, „зимуютъ и литуютъ въ месте при замку“,—всѣ „службы“ ихъ ограничиваются замковою и „полевою“ сторожей отъ набѣговъ татарскихъ хищниковъ. Волости состоятъ изъ

харь кое-какъ зарываетъ въ землю зерно и всегда получаетъ урожай сторицею; степь и луга покрыты роскошною травою, столь высокою, что изъ нея едва видны рога пасущихся быковъ; почва такъ тяжела, что приходится впрягать въ плугъ по 12-ти воловъ, и все-таки они едва могутъ его тащить; лѣса изобильны пасѣками, всюду видны ульи, и выдолблены они съ пчелами; на степяхъ ходятъ многочисленныя стада скота и табуны лошадей, стаи дикихъ птицъ и множество различныхъ звѣрей“ (Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, Предисловіе, стр. 32).

[1]) Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. I, стр. 117.

[2]) Ibid., стр. 284 и слѣд.

[3]) Ibid., стр. 148.

Библиотека "Руниверс"

сплошныхъ селищъ-пустошей; лишь въ далекихъ степныхъ ловахъ и пасѣкахъ временно сидятъ вольные „уходники“, да мѣстами городскіе жители (бояре и мѣщане) „пашутъ на полѣ, гдѣ кто хочетъ“,— наѣздомъ, по большей части трудомъ тѣхъ же уходниковъ и вообще всякихъ вольниковъ-наймитовъ [1]).

Указанное нами различіе между коренными разрядами людей служебныхъ и тяглыхъ, съ преобладаніемъ тѣхъ или другихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, существовало не въ однихъ крупныхъ и среднихъ дворахъ-маетностяхъ, но иногда и въ самыхъ мелкихъ имѣніяхъ рядовой шляхты. Такимъ образомъ, панское имѣніе Войшпаришское, въ Ошменскомъ повѣтѣ, заключало въ себѣ всего лишь пять крестьянскихъ службъ; двѣ изъ нихъ состояли изъ бояръ панцырныхъ, а остальныя отправляли по имѣнію тяглыя повинности [2]). Большею же частію въ небольшихъ имѣніяхъ боярская (путная или листовная) служба сливается съ тяглою,—отправляется людьми „роботными“ или „осадными“ (на оброкѣ или чиншѣ), также данниками или куничниками, иногда и огородниками [3]). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и въ селахъ большихъ имѣній листовная служба нерѣдко отправляется тяглыми людьми, особенно въ селахъ, лежавшихъ вдали отъ панскихъ дворовъ [4]).

Распредѣленіе отдѣльныхъ лицъ по служебнымъ и тяглымъ разрядамъ крестьянъ опредѣлялось — въ господарскихъ имѣніяхъ усмотрѣніемъ управлявшаго ими вряда, въ имѣніяхъ шляхетскихъ — ихъ владѣльцами. Въ этомъ отношеніи стояли на особомъ положеніи владѣльческія имѣнія — данины, жаловавшіяся въ „доживотье“ или „до господарской воли“, въ особенности если жившіе въ такихъ имѣніяхъ люди предоставлялись въ частное „держаніе“ со старыми поплатками и службами, какъ они служили господарю до пожалованія [5]). Условіе это, понятно, должно было ограничивать личное усмотрѣніе владѣль-

---

[1]) Ibid., стр. 89 и 98.

[2]) Археогр. Сборн., III, № 37.

[3]) См., напримѣръ, инвентари имѣній: Лососны въ Слонимскомъ повѣтѣ (А. В. К. XIV, стр. 537), Русоты (ibid., 230), Смолияне въ Могилевскомъ повѣтѣ (ibid., 468 и 472), Засулья въ Минскомъ повѣтѣ (для нѣкоторыхъ осадныхъ людей—„до Вильни одна дорога въ годъ“,—ibid., 446) и др.

[4]) Такъ было, напримѣръ, въ селѣ Ходевичи Гродненскаго имѣнія Здятла князей Острожскихъ (А. В. К. XIV, стр. 223).

[5]) См. выше о данинѣ людей въ вотчину, доживотье и временное владѣніе, съ разными ограниченіями въ правѣ пользованія „службами“ крестьянъ.

Библиотека "Руниверс"

цевъ въ дѣлѣ распредѣленія данныхъ имъ людей по службамъ и вообще въ дѣлѣ обложенія ихъ повинностями. Крестьянская служба, составлявшая въ такихъ случаяхъ главный предметъ данины, могла эксплуатироваться владѣльцемъ не по его личному усмотрѣнію, какъ это имѣло мѣсто въ наслѣдственномъ имѣніи, принадлежавшемъ ему на общемъ вотчинномъ правѣ, но лишь въ границахъ самой данины, предоставлявшей пользоваться службой данныхъ людей такъ, какъ они служили господарю до пожалованія ихъ въ частное владѣніе. Зависимость крестьянскихъ службъ отъ характера и состава панскаго землевладѣнія стала сглаживаться лишь съ половины XVI вѣка (собственно съ Люблинской уніи), когда съ одной стороны исчезло, какъ замѣчено раньше, былое различіе между шляхетскою отчиной и выслугой или даниной, и вся совокупность земскихъ имѣній сосредоточилась въ рукахъ шляхетскаго „народа“, а съ другой — вполнѣ выяснилось воззрѣніе на владѣльцевъ земскихъ имѣній, какъ на полновластныхъ „господарей“, безконтрольно распоряжавшихся личностью и трудомъ жившихъ въ нихъ „подданныхъ“.

Крестьянскіе разряды по общему правилу носили *спеціальный* характеръ. Каждый классъ отправлялъ лишь свою опредѣленную службу. Въ этомъ отношеніи выдѣлялся въ особенности классъ служилой шляхты въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ: до позднѣйшаго времени единственною ея спеціальностью была ратная служба. Лишь въ актахъ XVIII вѣка упоминается шляхта „чиншевая“, платившая за землю чиншъ въ замѣнъ ратной службы или же въ видѣ дополнительнаго платежа [1]). Затѣмъ, есть цѣлый рядъ инвентарей XVI вѣка, изъ которыхъ видно, что въ нѣкоторыхъ дворахъ-маетностяхъ, не только господарскихъ, но и шляхетскихъ, такимъ же строго спеціальнымъ характеромъ отличались и другіе классы: бояре и слуги, люди тяглые (роботные), данные, осадные, ремесленники разныхъ профессій и пр. [2]).

---

[1]) См. А. В. К., XIV, стр. 363, 372, 473, 627 и пр. О чиншевой шляхтѣ говорятся, напримѣръ, въ инвентарѣ панскаго села Волосово въ Житомирскомъ повѣтѣ, 1760 г. (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 108).

[2]) О *боярахъ* и *слугахъ* см. Памятн. Кіевск. Ком., III, отд. 2, стр. 101—104, 123; Археогр. Сборн., III, № 37; А. З. Р., I, № 219; А. В. К., XIV, стр. 226, 375, 385, 456, 469, 505.—О *тяглыхъ* людяхъ см. Арх. Сборн., III, № 30, 37; А. В. К., XIV, стр. 229, 503, 505.—О *данникахъ*, *дякольникахъ* и пр. см. Skarbiec, № 2241; А. В. К., XIV, стр. 224, 502, 600.—Объ *осадныхъ* людяхъ см. А. В. К., XIV 229, 689.—О *ремесленникахъ* Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 10; А. В. К., XIV, 210, 382, 466, 498, 563, 639.

Библиотека "Руниверс"

Есть затѣмъ не мало инвентарей, таксирующихъ для отдѣльныхъ классовъ крестьянъ, сверхъ спеціальныхъ службъ, также нѣкоторыя *дополнительныя* повинности. Такимъ образомъ, спеціальная служба данниковъ, состоявшая въ платежѣ даней грошевыхъ (серебщизны, подымщины, посощины), медовыхъ, купчихъ и пр., отправляется иногда въ видѣ дополнительныхъ платежей и людьми другихъ разрядовъ, напримѣръ, боярами-отчичами и слугами, крестьянами издѣльными (роботными) и нѣкоторыми классами ремесленныхъ людей [1]). Точно также дани хлѣбныя и сѣнныя, извѣстныя подъ именемъ „дякла“ и составлявшія спеціальную службу особаго класса дякольниковъ, въ инвентаряхъ таксируются иногда въ значеніи дополнительной службы бояръ, людей тяглыхъ, конюховъ, дойлидовъ и другихъ разрядовъ [2]). Наконецъ, и издѣльныя работы не вездѣ составляли спеціальную службу людей „роботныхъ“, или „пригонныхъ“; къ обычнымъ тяглымъ службамъ привлекаются иногда и данники, слуги панцырные и пр. [3]).

Кромѣ службъ спеціальныхъ и дополнительныхъ, отправлявшихся отдѣльными классами крестьянъ, въ имѣніяхъ панскихъ и господарскихъ практиковались, по исконной пошлинѣ, извѣстной еще при Витовтѣ [4]), *общія*, такъ сказать, *гуртовыя службы*, обязательныя для всего сельскаго населенія, безъ различія между классами тяглыми и не-тяглыми. Сюда относились такъ называемыя толоки и кгвалты. Это были собственно тѣ же издѣльныя работы, которыя составляли спеціальную службу особаго класса людей собственно „тяглыхъ“ или „роботныхъ“. Отъ этихъ службъ толоки и кгвалты отличались, какъ характеромъ самыхъ работъ, такъ и временемъ и способами ихъ производства.

Толока (иногда и пригонъ) [5]), въ отличіе отъ издѣльныхъ работъ

---

[1]) См. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I. № 2. Археогр. Сборн., I, стр. 239; III, № 2. А. В. К., XIV, стр. 12, 17, 208, 229, 258, 404, 406, 412, 450, 566, 591.

[2]) См. Арх. Сборн., I, стр. 239. А. К., XIV, стр. 12, 17, 466. Ср. *Любавскаго* „Областное дѣленіе,“ стр. 318, 327, 332.

[3]) Такъ, по нѣкоторымъ инвентарямъ панцырные слуги наравнѣ съ людьми тяглыми, сѣютъ рожь и косятъ сѣно (см. Археогр. Сборн., III, № 2), или, напримѣръ, данники возятъ дрова на панскій дворъ и привлекаются иногда къ другимъ тяглымъ работамъ (А. В. К., XIV, стр. 11, 469).

[4]) См. *Любавскаго* „Областное дѣленіе“, стр. 322.

[5]) „Пригонъ“ означаетъ собственно „тяглыя“ или издѣльныя работы спеціальнаго класса тяглыхъ, „роботныхъ“ людей, иногда же пригономъ называются и гуртовыя работы сельчанъ. Такимъ образомъ, въ инвентарѣ (1592 г.) имѣнія Могильной въ Минскомъ повѣтѣ, пановъ Радивилъ, купчихи люди не-тяглые,

Библиотека "Руниверс"

тяглыхъ людей, производившихся въ опредѣленные „тяглые“ дни въ панскомъ дворѣ и на фольварочной пашнѣ, означала гуртовыя работы сельчанъ въ затяглые дни, внѣ общаго порядка отправленія тяглыхъ службъ. Подобныя гуртовыя работы сельскаго люда были въ старое время обычною пошлиной во всѣхъ русскихъ земляхъ. Въ хозяйственномъ обиходѣ сельчанъ восточно-русскихъ земель искони практиковались гуртовыя работы и службы, не только населенія отдѣльныхъ селъ, но и нерѣдко цѣлыхъ волостей, жившихъ на владѣльческихъ и княжескихъ земляхъ. Подобныя гуртовыя службы, производившіяся „помочью“, „потугою“ или подмогою всего села или даже всей волости, унаслѣдованы отъ земской эпохи также сельско-хозяйственною практикой московскаго государства. Таковы гуртовыя работы владѣльческихъ крестьянъ по уборкѣ пашни и сѣножатей, также по рубкѣ строеваго лѣса, по постройкѣ и ремонту строеній въ господскихъ дворахъ и пр. [1]). По исконной пошлинѣ, въ формѣ гуртовыхъ работъ полнились нерѣдко и общественныя, земскія повинности, напримѣръ ремонтъ остроговъ или „рубка“ городскихъ укрѣпленій и мостовая „подѣлка“ [2]). Затѣмъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помочи и толока принадлежатъ къ изстариннымъ общеславянскимъ институтамъ. „Толока“ (thlaca pokaba, convocatio—сгонъ или созывъ сельчанъ на помочи, aratio, aratura и пр.) упоминается, напримѣръ, въ актахъ древняго польскаго права еще въ началѣ XIV вѣка, какъ старина, практиковавшаяся во всѣхъ польскихъ земляхъ съ незапамятныхъ временъ [3]).

Такой же общеславянскій генезисъ, несомнѣнно, имѣетъ и то-

сидѣвшіе „на кунпахъ“, кромѣ грошеваго плата, „на прягонъ повинни ходить, съ чимъ укажутъ“; здѣсь разумѣются не обычныя надѣльныя работы собственно тяглыхъ людей („служатъ“ по 6 дней въ недѣлю), а именно то, что въ другихъ инвентаряхъ извѣстно подъ именемъ толоки—гуртовыхъ работъ людей не-тяглыхъ (см. А. В. К., XIV, стр. 443).

[1]) См., напримѣръ, А. И., IV, 245; V, 171; А. Ю., 834.

[2]) А. А. Э., III, 268 А., И., V, 52. А. Ю., 188 и пр. гуртовыя работы, особенно въ лѣтнее рабочее время, извѣстны доселѣ вездѣ въ велико-русск. губерніяхъ (см. Толковый словарь Даля, sub voce „толока“, „помочи“ и пр.).

[3]) См., напримѣръ, *Rzyszczewski et Muczkowski*, Codex diplom. Poloniae, III, 205; актъ 1339 г. упоминаетъ объ обработкѣ полей, приписанныхъ къ королевскимъ замкамъ: „habuit et movit Abbati... pro decima post aratrum seu araturas agrorum ipsorum (кметей), ubicunque araret propro aratro vetaratris, convocatione kmetonum, que dicitur povaba vel etiam thlaca“.—Ср. также ibid., II, стр. 740 (годъ 1363); *Raczyński*, Cod. dipl. Mag. Polon., 79.

Библиотека "Руниверс"

лока, какъ замѣчено выше, извѣстная литовско-русскимъ актамъ со временъ Витовта. По исконной пошлинѣ пригонъ крестьянъ на толоку практиковался главнымъ образомъ въ имѣніяхъ съ значительною полевою запашкой, когда работы по уборкѣ полей не могутъ быть окончены своевременно въ тяглые дни обычною „страдой“ или „працею“ людей „роботныхъ“, тяглыхъ [1]). Уставъ господарскихъ дворовъ Виленскихъ и Трокскихъ, 1529 г. относитъ къ составу толоки гуртовыя, усиленныя работы, исключительно на дворныхъ пашенныхъ земляхъ: оранку на паръ (паренину) и жито, затѣмъ лѣтнія работы по уборкѣ хлѣба съ полей [2]). Въ такомъ же смыслѣ гуртовыхъ, усиленныхъ лѣтнихъ работъ, въ затяглые дни, главнымъ образомъ по уборкѣ пахати (иногда и одной жатвы) и молотьбѣ хлѣба въ гумнахъ толока упоминается также въ инвентаряхъ княжескихъ и панскихъ имѣній [3]). Подобно тяглымъ работамъ, толока ведется обыкновенно по опредѣленной обычаемъ или инвентарнымъ уставомъ нормѣ пригонныхъ дней, въ теченіе которыхъ крестьяне должны отправлять гуртовыя работы [4]). Толока по общему правилу считается обязательною для всѣхъ наличныхъ подданныхъ тяглыхъ и не-тяглыхъ. Уставы господарскихъ дворовъ, какъ и инвентари панскихъ и княжескихъ имѣній, требуютъ общаго участія въ толокѣ всего населенія селъ, иногда и всей волости, тянувшей къ данному дворцу-фольварку, безъ различія между служебными (за исключеніемъ развѣ бояръ-шляхты) и тяглыми классами подданныхъ [5]).

---

[1]) Памятн. Кіевск. ком., II, отд. 2, стр. 190.

[2]) Арх. З. Р., II, № 159, п. 14.

[3]) См., напримѣръ, инвентарь Городенскаго имѣнія Здятла князей Острожскихъ (А. В. К., XIV, стр. 208, 259). Ср. также ibid., 440, 446. Археогр. Сборн. III, № 111.

[4]) По уставу господарскихъ дворовъ Виленскихъ и Трокскихъ, 1529 г., каждый крестьянинъ во время толоки на пахати долженъ отработать 12 лѣтнихъ дней полностію, именно: орать 3 дня на паренину и 3 дня на жито, жать 3 дня рожь и 3 дня ярину (А. З. Р., II, № 159, п. 14); въ панскихъ имѣніяхъ, напримѣръ, въ Гродненскомъ имѣніи Здятла князей Острожскихъ, практиковались нормы рабочихъ дней на толокѣ вдвое меньше, сравнительно съ господарскими имѣніями,— именно съ каждой волоки по 6-ти дней въ лѣто (А. В. К., XIV, 208)). Упоминается также толока въ 8 и восемь дней (ibid., XIII, 378; XIV, № 22).

[5]) См. А. З. Р., II, № 159, п. 14. Памятн., I, отд. 2, стр. 8—19; II, 2, стр. 43, 190. А. В. К., XIV, 208. Арх. Сборн., III, № 111. Въ частности въ толокѣ участвуютъ путные бояре и слуги (по уставу господарск. дворовъ, 1529 г.), собственно тяглые (А. В. К., XIV, 208, 440, 446, 466), данники (ibid., 10 и 208), бортники (*Любавскаго* Обл. дѣл., 323), куничники (А. В. К., XIV, 448), бобровники (*Любавскій*,

Библиотека "Руниверс"

Та же самая толока, то-есть усиленная, гуртовая обработка пахати и сборъ съ полей хлѣба, называется въ нѣкоторыхъ инвентаряхъ также *гвалтомъ* [1]). Вообще же гвалтъ отличается отъ толоки и по характеру работъ, и по времени ихъ исполненія. Гвалтъ назначается всегда для гуртовыхъ работъ „непашенныхъ"; работы эти производятся не по опредѣленной нормѣ пригонныхъ дней, какъ на толокѣ, но пока работы не будутъ покончены [2]), при чемъ работы гвалтомъ ведутся всегда на панской „стравѣ" (иногда и нивѣ) [3]), а не самихъ крестьянъ, какъ это обыкновенно полагалось на толокахъ. Въ потребныхъ случаяхъ „сгону" на гвалтъ, какъ и на толоку, подлежатъ бояре, люди тяглые и оброчные, данники и вообще все тяглое и не—тяглое населеніе села или цѣлой волости, тянувшей къ двору панскому, гдѣ въ данное время назначаются гуртовыя работы [4]). Къ усиленнымъ работамъ, производящимся въ формѣ сгоновъ подданныхъ на гвалты, относятся: уборка луговъ (сѣножатей) [5]), ремонтъ ставовъ съ гатями (греблями) [6]), ловы звѣриные въ пущахъ (оступы, облавы) и ловы рѣчные и озерные съ панскими неводами [7]). и пр. Сюда же относится усиленная поставка подводъ съ „повозомъ", на путевые станы, съ большою или малою „сторожей"—чергой (оче-

324), оброчные люди (А. В. К., XIV, 440, 442, 446 и пр.), рыболовы (*Любавскій*, 334), осочники и вообще ловцы (уставъ о волокахъ, 1557 г.), ковали и другіе ремеслепные люди (А. З. Р., II, № 159, п. 14).

[1]) Напримѣръ въ инвентарѣ панскаго имѣнія Любовицкаго дикольники, кромѣ конюха дякла, ходятъ еще на „гвалты" весною до оранія и бороповапія по 4 дня и лѣтомъ до жнива по 4 дня (А. В. К. XIII, стр. 378). Точно также въ имѣніи Смольняне подданные должны ходить 3 дня на „гвалтъ"—особенно, „do młocenia do gumna" (ib. XIV, 466). Въ имѣніи Титовяне Вилькомирскаго повѣта всѣ подданные ходятъ на три „гвалты" (то-есть, по 3 дня) въ лѣтнюю пору на своемъ хлѣбѣ, „съ чѣмъ прикажутъ" (ibid. XIV, 252). Здѣсь подъ именемъ гвалта разумѣются гуртовыя работы на дворной пашнѣ, то-есть, собственно толока. И на оборотъ—названіе „tłoki" придается работамъ непашеннымъ, каковы: путевая сторожа (съ подводами) и сгонъ людей „do niewodu", на рыбную ловлю (ibid.).

[2]) А. В. К. XIII, стр. 378.

[3]) А. В. К. XIV, 208, 252 и пр.

[4]) См. А. В. К. XIV, стр. 10, 440, 442, 446, 466, 537 и пр. А. З. Р. II, № 159, п. 14.

[5]) А. З. Р. II, № 159, п. 14. Археогр. сборн. III, № 111. А. В. К. XIII, стр. 378; XIV, 10, 440, 466, 468, 471 и пр.

[6]) Арх. Сборн. III, № 111. А. В. К. XIV, стр. 466, 468.

[7]) Арх. Сборн. II, № 26, стр. 39. А. В. К. XIV, стр. 208. 252, 442, 466, 468, 537.

Библиотека "Руниверс"

редью) по недѣлямъ [1]), напримѣръ въ проѣздъ пановъ или при провозѣ ратныхъ снарядовъ и пр. Путемъ такихъ же гвалтовъ производился усиленный ремонтъ панскихъ замковъ, дворныхъ остроговъ, вежъ и пр., особенно въ имѣніяхъ окраинныхъ, южно-русскихъ областей, въ пору татарскихъ „пополоховъ", чуть только имѣлось „доведанье вѣстей" о движеніи татаръ къ русскимъ рубежамъ [2]). Наконецъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ и ратная служба, особенно на югѣ, полнилась иногда также въ формѣ гвалтовъ,—сгона въ „поле", не только людей служебныхъ, но и вообще всѣхъ подданныхъ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ [3]).

Послѣ изложенныхъ замѣчаній о крестьянскихъ разрядахъ, исполнявшихъ спеціальныя и общія службы, разсмотримъ въ существенныхъ чертахъ данныя касательно „особныхъ" классовъ, изъ какихъ состояло крестьянство въ литовско-русскомъ государствѣ.

I. *Люди служебные.* Какъ раньше замѣчено, въ памятникахъ древне-русскаго права искони упоминаются боярскія дружины и дворы,—отроки и служилые люди большихъ бояръ княжихъ и земскихъ, тысяцкихъ и пр. Ихъ знаетъ Русская Правда, лѣтописи и другіе источники; перечневыя записи служилыхъ людей, принадлежавшихъ къ боярскимъ дворамъ, региструются въ разрядныхъ книгахъ XV—XVII вѣка (напримѣръ еще въ 1674 г.) [4]). „Въ то отдаленное время, когда государственная власть только возникала и полиціи еще не было, каждый долженъ былъ самъ заботиться о своей безопасности. Отчасти съ цѣлью безопасности, а отчасти и въ видахъ войны, богатые люди (бояре) держали дружины" [5]). По тѣмъ же самымъ причинамъ, и въ

---

[1]) См. напримѣръ А. В. К. XIV, стр. 252. См. ниже о путной службѣ.

[2]) См. объ этомъ ниже о службѣ „полевой" и вообще сторожевой.

[3]) Въ такой формѣ исполнялась ратная служба, напримѣръ въ Винницкомъ старостве, какъ видно изъ описанія мѣстнаго замка 1552 г. Но словамъ люстратора, когда люди непріятельскіе приходятъ въ волость, противъ нихъ долженъ выходить съ старостой или его урядникомъ изъ волости всякій, кто имѣетъ коня; при уходѣ непріятеля волощане также должны идти „въ погонь" за нимъ: „лежати безпотребне у поли неповинни" (это—особая служба людей „польныхъ" или „поленицъ"—см. ниже о сторожевой службѣ). Всѣ волощане должны для военной службы держать коней; кто ихъ не держитъ, „животину маючи", того староста „грабить за огурщину" (см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I стр. 602). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь записана мѣстная „пошлина", искони практиковавшаяся въ украйныхъ имѣніяхъ, не только господарскихъ, но и панскихъ.

[4]) Проф. *В. И. Сергѣевичъ*, „Рус. юридич. древности", I, стр. 302—303.

[5]) Ibid., стр. 301.

Библиотека "Руниверс"

Литвѣ-Руси какъ князья великіе и удѣльные, такъ и паны-шляхта, земяне и бояре, владѣвшіе не только крупными, но и мелкими земскими имѣніями, до позднѣйшаго времени всегда и вездѣ имѣли въ своихъ дворахъ-маетностяхъ людей „служебныхъ“ или „służałych“, различавшихся отъ людей „тяглыхъ“ или „простыхъ“ [1]).

Къ служилымъ людямъ, какъ въ восточно-русскихъ земляхъ, такъ и въ Литвѣ-Руси, искони относились *бояре* и *слуги*. По восточно-русскимъ актамъ, тѣ и другіе означали собственно *воиновъ*, жившихъ по волостямъ и поряжавшихся защищать въ нужныхъ случаяхъ своего господина съ оружіемъ въ рукахъ. Слуги—тѣ же бояре, только помельче; права тѣхъ и другихъ одинаковы,—различія были чисто экономическія и потому „терминъ бояринъ и слуга вольный не представляютъ ничего строго опредѣленнаго и могутъ употребляться одинъ вмѣсто другаго“ [2]). Тоже самое словоупотребленіе терминовъ „бояринъ“ и „слуга“ находимъ и въ литовско-русскихъ актахъ. Иногда въ актахъ бояре и слуги стоятъ рядомъ, какъ два отдѣльные класса [3]); иногда же оба названія употребляются безразлично, обозначаютъ одинъ и тотъ же разрядъ людей служебныхъ. Подъ именемъ „слугъ“ (sługi, sługowie, servitores) [4]) разумѣются какъ господарскіе и панскіе бояре-шляхта, получавшіе въ данину населенныя имѣнія и владѣвшіе своими подданными [5]), такъ и низшіе служилые люди, входившіе наравнѣ съ тяглыми людьми въ составъ „подданныхъ“ и „сельчанъ“ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ [6]).

---

[1]) О людяхъ служебныхъ см., напримѣръ, Archiv Sanguszk. III, № 114 и пр. люди „służały“ упоминаются въ люстраціи Остерскаго староства, 1628 г. (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 349). Акты, констатирующіе различіе между служебными и тяглыми людьми, указаны раньше. О людяхъ служебныхъ, выдѣлявшихся отъ людей „простыхъ“, см. *Любавскій*, Област. дѣленіе, стр. 346.

[2]) См. проф. *Сергѣевичъ* „Рус. Юридич. древности“, I, стр. 306, 310, 327.

[3]) Напримѣръ, въ одномъ вырокѣ 1517 г. бояре и слуги путные обозначаютъ различные классы (Лит. Метр. Судн. дѣлъ, № 2, л. 243).

[4]) Sługi, sługowie и servitores, въ общемъ значеніи служебныхъ людей господарскихъ и панскихъ, нерѣдко упоминаются въ актахъ (см., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. II, стр. 134, 142, 175. 218, 222, 276 и пр.; ibid., ч. VIII, т. I, № 1 (servitores). Лит. Метр. Публич. дѣлъ № 28, стр. 114 (servitores).

[5]) Такъ, въ 1386 г. Витовтъ пожаловалъ своему слугѣ (servitori nostro) Василію Корачевскому имѣніе Симяковъ (Арх. Ю.-З. Р. ч. VIII, т. I, № 1); точно также въ 1407 г. Ягелло далъ имѣніе слугѣ своему Ходку (ibid. № 2).

[6]) Въ 1428 г. Витовтъ особымъ привилеемъ предоставилъ Луцкому епископу въ данину имѣніе въ Луцкомъ повѣтѣ съ „cmetones, tributarios, servitores et quosvis incolas“ (Лит. Метр., Публич. дѣлъ № 28, стр. 114). Въ записяхъ данинъ

Библиотека "Руниверс"

Составъ служебныхъ людей въ имѣніяхъ господарскихъ и владѣльческихъ былъ самый разнообразный. Къ нимъ причислялись: шляхта, земяне, бояре и слуги вольные, похожіе, бояре и слуги непохожіе, отчичи, зависимые подданные [1]).

Высшій классъ служилыхъ людей составляетъ *шляхта*. По актамъ служилая шляхта живетъ не только въ экономіяхъ господарскихъ, но и во всѣхъ земскихъ имѣніяхъ литовско-русскихъ пановъ, служитъ господарю, мѣстнымъ князьямъ и панамъ-магнатамъ, повѣтовой (не служилой) шляхтѣ-земянамъ и боярамъ, вообще всякимъ землевладѣльцамъ, владѣвшимъ земскими имѣніями на общемъ шляхетскомъ правѣ; бояре были также въ имѣніяхъ духовныхъ учрежденій и лицъ-владыкъ, монастырей и пр. [2]). Въ этотъ классъ служилыхъ людей входила рядовая шляхта, не владѣвшая самостоятельными земскими имѣніями и сидѣвшая на земляхъ господарскихъ или панскихъ подъ условіемъ отправленія съ нихъ „земской“ (шляхетской или боярской) службы. Рядовая шляхта-бояре и слуги господарскіе, жившіе на такомъ основаніи въ господарскихъ имѣніяхъ, могли переходить въ панское подданство и службу, какъ по собственной волѣ, такъ и по данинѣ въ частное владѣніе имѣній, гдѣ служила рядовая шляхта. Бояре-слуги мѣстныхъ князей также могли поступать въ непосредственную службу къ панамъ-землевладѣльцамъ путемъ наслѣдственнаго перехода къ нимъ княжескихъ имѣній [3]). Эта-то служилая шляхта, жившая въ составѣ волостей господарскихъ и панскихъ имѣ-

---

Казимира зарегистрована данина двора Нѣмчиновскаго, въ Смоленскомъ повѣтѣ, съ слугами, людьми тяглыми и пр. Въ инвентаряхъ XVI и XVII вѣка обозначаются по селамъ то бояре, то слуги, безъ особыхъ различій между ними. См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. I, № 2; Археогр. Сборн. I, стр. 289 и сл. Въ первомъ актѣ всѣ служилые люди называются слугами, во второмъ боярами; къ послѣднимъ причисляются: служилая шляхта, бояре-отчичи и бояре прихожіе, вольные (не шляхта).

[1]) Такой составъ служилыхъ людей, напримѣръ, обозначается въ инвентарѣ имѣнія Деречинскаго, въ Слонимскомъ повѣтѣ, пана Волошича, 1609 г. (Археогр. Сборн. I, стр. 289). Въ имѣніи Крайскъ Ядвиги Номловской было 12 бояръ панцырныхъ, изъ нихъ 5 шляхтичей, одинъ вольный, остальные—отчичи (А. В. К. XIV, стр. 375).

[2]) См. Археогр. Сборн. I, стр. 34 (въ панскомъ имѣніи), 147 (князей Слуцкихъ), 223 (Полоцкаго владыки), 239 (князей Полубенскихъ). А. В. К. XIV, стр. 23 (панск. им.), 226 (им. Острожскихъ), 403 (панск. им.). Лит. Метр. Судн. №ъ № 3, стр. 61 (слуги—шляхта въ земскомъ имѣніи *боярина* Андрея Чижевича) и пр. Ср. *Любавскій*, „Област. дѣленіе“, стр. 614, 621.

[3]) *Любавскій* „Областн. дѣленіе“, стр. 622.

Библиотека "Руниверс"

ній, называется въ актахъ то собственно *шляхтой* [1]), то *панами* [2]), *земянами* [3]), *боярами-шляхтой*, *паны-боярами* или просто *боярами* (съ своими подданными) [4]), то наконецъ *слугами* конными, путными, замковыми и пр. [5]). На южныхъ окраинахъ государства, гдѣ была дорога всякая боевая сила, любой пришлецъ, человѣкъ „безъ роду-племени", вступавшій въ ряды простыхъ слугъ-ратниковъ, могъ съ теченіемъ времени принимать „обличье" шляхтича, примыкать къ рядовому, служилому земянству. Люстраторъ, производившій въ 1545 г. опись Браславскаго замка, между прочимъ, замѣчаетъ различіе, какое на мѣстѣ существовало между замковыми земянами „*старшими*" и земянами, „которыхъ они собе братіею не менуютъ и не знаютъ, отколь есть",—это слуги-земяне „*подлѣйшіе*" [6]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Подоліи (польской) такимъ же путемъ могла образоваться значительная часть мѣстной, непривиллегированной шляхты — изъ замковыхъ слугъ, вышедшихъ изъ сельской „громады" [7]). „Старшіе земяне и бояре, служившіе съ своихъ помѣстій господарю и крупнымъ панамъ-землевладѣльцамъ, затѣмъ могли иногда отправлять службу съ „своими" слугами и боярами, называвшимися въ такихъ случаяхъ „*боярскими боярами*" [8]). „Подданство" послѣднихъ могло установляться обычнымъ путемъ данины боярамъ на вѣчность или въ доживотье господарскихъ или панскихъ имѣній съ служившими въ нихъ боярами и слугами. Владѣльцы пожаловавшихъ имѣній становились для послѣднихъ такими же „господарями", какими до данины былъ для нихъ великій или удѣльный князь или вообще бывшій ихъ „панъ".

---

[1]) Въ инвентаряхъ нерѣдко обозначаются именемъ „шляхты" служилые люди, бывшіе на положеніи конныхъ или панцырныхъ бояръ и слугъ (А. В. К. XIV, стр. 375, 403, 627; Археогр. Сборн., I, 289 и сл.).

[2]) См., напримѣръ, Археогр. Сборн. I, 239 и сл.—инвент. имѣнія Деречинскаго пана Воловича, въ Слонимск. повѣтѣ.

[3]) Археогр. Сборн. I, 239. А. В. К. XIV, 226, 478. 624. Арх. Ю.-З. Р. ч. VI. т. I, стр. 26; ч. VII, т. I, 588; ч. VII, т. II, 76—77.

[4]) А. В. К. XIV, 9, 17, 23 (паны-бояре), 627 (тоже). Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. I, 202 (бояре-шляхта); ч. VII, т. II, 29 (бояре путные съ людьми) и пр.

[5]) Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. I, стр. 281. Археогр. Сборн. I, 84 (слуги конные). Лит. Метр. Судн. дѣлъ, № 3, стр. 61 (слуги-шляхта); № 8, стр. 7 (слуги путные). Ср. *Грушевскій*, „Барск. староство", стр. 257—о шляхтѣ—слугахъ замковыхъ.

[6]) Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. I, стр. 26.

[7]) См. *Грушевскій*, „Барск. староство", 257.

[8]) См. *Любавскій*, „Областн. дѣленіе", 620.

Библиотека "Руниверс"

Путемъ служебнаго „подданства“ установилось въ составѣ литовско-русскаго боярства-шляхты коренное различіе между боярами „*дворными*“, или служебными, тянувшими по своимъ помѣстьямъ—имѣніямъ и службамъ къ дворамъ господарскимъ, княжскимъ и панскимъ, и *повѣтовою* шляхтой—боярами, самостоятельно владѣвшими земскими имѣніями и тянувшими по своей юрисдикціи, какъ выражаются акты, не къ „дворамъ“, а къ „повѣтамъ“. Изъ актовъ первой половины XVI вѣка видно, что шляхтой—„повѣтниками“ считались только князья, паны и мѣстные земяне или бояре-шляхта, владѣвшіе земскими имѣніями [1]). На различіе между повѣтовою и дворною шляхтой-боярами указываетъ категорически инструкція ревизорамъ королевскихъ имѣній, 1569 г. Ревизорамъ, между прочимъ, предписывается смотрѣть за тѣмъ, чтобы мѣстные урядники не выпускали изъ своей юрисдикціи шляхту-бояръ, служившихъ въ королевскихъ имѣніяхъ; ради точной регистровки такихъ бояръ ревизоры должны были „достаточно вывѣдать и записать въ регестры“ всѣ имѣнія боярскія, принадлежавшія не къ „повѣтамъ“, а къ „дворамъ“ господарскимъ [2]). Обозначеніе служилыхъ бояръ эпитетомъ „дворныхъ“ находимъ уже въ актахъ конца XIV вѣка [3]); позже, въ пору широкаго развитія libertates et jura земской, „повѣтовой“ шляхты, могло вполнѣ установиться различіе между ней и боярствомъ служилымъ, „дворнымъ“: послѣдніе владѣли не земскими имѣніями въ повѣтахъ, а „держали“ помѣстья въ господарскихъ и панскихъ дворахъ-маетностяхъ и по своимъ помѣстьямъ—имѣніямъ состояли въ отношеніяхъ служебнаго „подданства“ къ своимъ панамъ—„господарямъ“. Держать имѣнія „подъ господаремъ“ означало владѣть ими не по общему, земскому праву, но по праву помѣстному, обусловленному службой владѣльцамъ такихъ имѣній, будетъ ли то великій князь, или же паны—земляне и бояре-шляхта [4]).

Служилые бояре-шляхта „вживаютъ права земскаго [5])“, шляхет-

---

[1]) См., напримѣръ, „Описъ Волынскихъ земянъ“, 1528 г. (Arch. Sanguszk. III, стр. 323 и слѣд.) и люстрацію Волынскихъ замковъ, 1545 г. (Zródła dziejowe, VI, 20. Памятн. II, отд. 2, стр. 41).

[2]) Археогр. Сборн. III, № 22.

[3]) Сюда относится именно грамота Мстиславскаго князя Лугвенія Ольгердовича, 1395 г. Грамота дана „*дворному* боярину“ Костюшку Валюжиничу на землю, пожалованную „въ вѣчное раденье“,—ради военной службы, отправлявшейся „посполу“ съ другими Мстиславскими боярами (А. В. К., XIII, стр. 3).

[4]) *Любавскій*, „Област. дѣленіе“ 614, 617, 618 и 620.

[5]) См., напримѣръ, Лит. Митр. Судныхъ дѣлъ № 3. стр. 7,—выпокъ 1520 г.

Библиотека "Руниверс"

скаго, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями. Такимъ образомъ, слуги и бояре дворные изъ шляхты, на общемъ основаніи со всѣми служебными людьми, подчиняются панской юрисдикціи; право на общій шляхетскій судъ признается за служилою шляхтой лишь по дѣламъ, влекущимъ за собой лишеніе чести [1]). Кромѣ своей спеціальной службы (военной), шляхта-бояре свободны отъ всякихъ повинностей и „платовъ повиноватыхъ" людей тяглыхъ [2]). Слуги и бояре-шляхта могутъ имѣть своихъ „подданныхъ",—въ отчинахъ на общемъ шляхетскомъ правѣ, въ помѣстьяхъ — вообще въ границахъ условій данины („какъ намъ служили" и пр. [3]). Служилая шляхта-бояре и слуги владѣютъ, подъ условіемъ службы и за службу, панскими землями и цѣлыми имѣніями, дававшимися какъ въ отчину и выслугу на „вѣчность" (вѣчно и непорушно) такъ и въ „доживотье" или „до воли", на положеніи „помѣстья" или простаго, временнаго „держанья" [4]). Владѣніе имѣніями отчинными (не по выслугѣ или данинѣ) иногда въ актахъ просто приравнивается къ „панскому" землевладѣнію [5]) и едва ли подлежало какимъ-либо ограниченіямъ. Что касается выслуженныхъ вотчинъ и данинъ-помѣстій, дававшихся на вѣчность, въ доживотье и пр., то владѣніе ими всегда обусловливалось службой: оставлять службу и переходить къ другому „пану" съ выслугой на вѣчность или съ помѣстьемъ можно было лишь въ такомъ случаѣ, когда право это категорически оговаривалось въ самомъ актѣ на выслугу или данину [6]). Имѣнія съ людьми,

---

[1]) См. Лит. Стат. 1566, I, 4; III, 8. Ст. 1588, III, 11.

[2]) Памятн. II, отд. 2, стр. 174.

[3]) На „подданныхъ" служилой шляхты сохранились многочисленныя указанія въ инвентаряхъ и другихъ актахъ. См. Арх. Сборн. I, стр. 147 (бояре,—люди на нихъ „работаютъ"), 239 (шляхта, земяне, бояре). Арх. Ю. З. Р. ч. VI, т. I, стр. 231 (слуги); ч. VII, т. I, 594 (бояре); ч. VII, т. II, 29 (бояре путные); ч. VIII, т. I, № 1 и 2 (слуги). А. В. К. XIV, стр. 7, 17 (бояре-шляхта), 23 (паны-бояре) и пр.

[4]) См., выше—о данинѣ людей и имѣній.

[5]) См., напримѣръ, копію Лит. Метр. VI, 193,—актъ 1500 г. Иногда слуги владѣютъ, кромѣ земель, данныхъ за службу („на конь" и пр.), также „своими" (очевидно, отчинными) имѣніями и людьми (Археог. Сбор. I, стр. 147).

[6]) Подобное право, напримѣръ, опредѣляется въ листѣ, 1443—1474 г., пана Войцеха Монивидовича его слугѣ-шляхтичу Гримайлу на данину „въ отчину" панскаго двора Юхновскаго съ тремя подданными, съ тѣмъ, что, по смерти пана, Гримайлій можетъ съ своей вотчиной служить, кому хочетъ (см. Лит. Метр. Записей № 2, стр. 219). О данинѣ имѣній слугамъ и боярамъ-шляхтѣ см. А. В. К. XIII, стр. 3; Арх. Ю. З. Р. ч. VIII, т. I, № 1 и 2 (1386 и 1407 г.); Арх. Сборн. I, стр. 147 и пр. Ср. *Любавскій*, „Област. дѣленіе", стр. 614.

Библиотека "Руниверс"

дававшіяся слугамъ на условномъ, помѣстномъ владѣніи, могли отбираться у нихъ по усмотрѣнію владѣльца [1]). Наконецъ, право выхода вольныхъ слугъ и бояръ, практиковавшееся въ видѣ исконной пошлины во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ [2]), неизмѣнно держалось и въ литовско-русскомъ государствѣ. По давнему обычаю, слуги и боярешляхта могли оставлять свои выслуги и помѣстья и служить, кому хотѣли, безъ особыхъ ограниченій [3]).

Въ заключеніе замѣтимъ, что литовско-русская служилая шляхта во многомъ напоминаетъ собой въ особенности мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей московскаго государства. Есть, впрочемъ, и существенная разница между ними. Въ то время, какъ въ Москвѣ преобладали по преимуществу „государевы" помѣщаки, вошедшіе затѣмъ въ общій составъ служилаго дворянства, въ Литвѣ-Руси большинство служилой шляхты очутилось въ „подданствѣ" крупныхъ пановъ—землевладѣльцевъ и въ концѣ концовъ подчинилось чуть ли не такому же владѣльческому „господарству", какъ и вообще всѣ подданные панскихъ имѣній. Остатки стараго, свободнаго боярства, задержавшіеся мѣстами (напримѣръ, въ Полоцкой землѣ — панцырные бояре) до позднѣйшаго времени, послѣ присоединенія Западнаго края къ Россіи были причислены къ свободнымъ разрядамъ государственныхъ крестьянъ [4]).

Средину между служилою шляхтой и слугами-отчичами занимаютъ *бояре и слуги вольные*, *прихожіе* или *похожіе* [5]). По исконной пошлинѣ, вольные, люди (напримѣръ, мѣщане и др.) могли поряжаться вообще какъ въ тяглые люди, такъ и въ люди служебные, могли брать земли на „службу военную", дѣлаться слугами и боярами пан-

---

[1]) Такой случай, повидимому, отмѣченъ въ листѣ, 1482 г., Анны Довгирдовны, записавшей своему мужу, между прочимъ, шесть „земель" съ людьми, бывшими въ „держаньи" панскихъ слугъ (Лит. Метр. Записей № 4, стр. 113).

[2]) См. проф. *Сергѣевича*, „Рус. Юрид. древности", I, стр. 306.

[3]) Иногда право выхода прямо оговаривается въ листахъ на данину помѣстій за службу и пр., См., напримѣръ, приведенный выше листъ папа Монивидовича, 1443—1474 г. Ср. *Любавскій*, 614—615.

[4]) См., напримѣръ, указъ Императрицы Екатерины II, 1788 г., о правахъ полоцкихъ панцырныхъ бояръ (1-е Полн. Собр. Зак., № 16611). Ср. *А. Сементовскій*: Историческая записка о панцырныхъ боярахъ (1868).

[5]) О боярахъ вольныхъ или прихожихъ см. А. В. К., XIV, стр. 403, 456, 591. Археогр. Сборн., I, 289. О слугахъ вольныхъ, похожихъ—А. З. Р., II, № 69; Копія Лит. Метр., V, 158.

Библиотека "Руниверс"

цырными, путными и пр. [1]). Подобно всѣмъ похожимъ людямъ, вольные слуги могутъ быть людьми „новыми“ и въ такомъ значеніи могутъ сидѣть „на жалобѣ“ или „волѣ“; по истеченіи льготнаго срока прихожіе слуги должны служить наравнѣ съ старожитными людьми [2]). Подобно боярамъ-шляхтѣ, вольные слуги и бояре получаютъ во владѣніе „маетности“ подъ условіемъ службы [3]); кто затѣмъ не желалъ служить съ земли, могъ свободно оставить ее и порядиться на службу къ другому пану [4]). Личная свобода вольныхъ слугъ, какъ и всякихъ прихожихъ людей, гарантируется [5]), разъ вольный слуга не засиживалъ на одномъ мѣстѣ земской давности или не былъ „въ молчаньи“ при данинѣ его за „отчича“. Прихожій слуга и боярин, засидѣвшіе давность, своевременно не пользовавшіеся правомъ выхода, на общемъ основаніи съ тяглыми людьми теряютъ это право, обращаются въ отчичей [6]).

Кромѣ служилой шляхты и вольныхъ, похожихъ людей, въ инвентаряхъ и другихъ актахъ упоминаются также *слуги и бояре не похожіе*, *отчичи* или *отчинные люди* [7]), какъ изстаринный и, по всему

---

[1]) О вольныхъ слугахъ и боярахъ панцырныхъ и путныхъ см. Археогр. Сборн., I, стр. 239; А. З. Р., II, № 69; Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 1.

[2]) О такихъ слугахъ говорится, напримѣръ, въ описи Житомирскаго замка 1501 г. (Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, № 2). См. также опись обывателей Смоленскаго замка конца XV вѣка,—въ составѣ волостей Пацынской, Свѣтлановской и др. нѣкоторые слуги сидѣли „на жалобѣ“ (Лит. Метр., Записей № 4, стр. 155 и слѣд.).

[3]) А. В. К., XIV, стр. 456. Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 1.

[4]) Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 1.

[5]) Изъ одного суднаго вырока 1506 г. видно, что владѣлецъ на судѣ искалъ за тяглыхъ людей, служившихъ у него, вольныхъ путныхъ слугъ; отказъ суда на такое притязаніе владѣльца мотивируется такъ: „то не слушная речь абы слуги путные (вольные) мѣли кому въ *невольо* даны быти“ (Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ № 2, стр. 1).

[6]) Въ инвентаряхъ иногда отмѣчаются въ числѣ отчичей бояре, засидѣвшіе земскую давность. См., напримѣръ, А. В. К., XIV, стр. 591. Ср. *Любавскій*: Областн. дѣленіе, стр. 391: здѣсь отмѣченъ изъ Литовской Метрики одинъ судебный случай, когда нѣсколько господарскихъ бояръ Вилькейской волости были неправильно, въ качествѣ тяглыхъ людей, пожалованы королевой Еленой, державшею Вилькею, во владѣніе пану Словику. При жизни пана бояре, изведенные въ тяглыхъ, были „въ молчаньи“, „въ томъ ся не выводили“ и лишь позже, при наслѣдникахъ, задумали искать своей свободы. Судъ отказалъ въ виду истеченія давности.

[7]) Археогр. Сборн. I, стр. 239; III, 39. А. В. К., XIV, стр, 591. Коп. Лит. Метр., V, 158; XXVI, 198 (1468 г.). Лит. Стат. 1588, IX, 27; XII, 11—13.

Библиотека "Руниверс"

видно, наиболѣе многочисленный классъ служебныхъ людей въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ. Сплошныя „служебныя" села, существовавшія, какъ раньше указано, въ особенности на восточныхъ и южныхъ порубежьяхъ литовскаго государства, несомнѣнно слагались, если не исключительно, то въ большинствѣ, изъ слугъ-отничей; села эти имѣли характеръ господарскихъ и панскихъ военныхъ поселеній, заводившихся на рубежахъ государства ради ратной „сторожи" отъ „разоренія" и „пополоха" татаръ и другихъ хищныхъ сосѣдей. Мѣстные старосты-державцы господарскихъ дворовъ-маетностей, какъ и отдѣльные паны, владѣвшіе земскими имѣніями, набирали бояръ и слугъ панцырныхъ и путныхъ, вообще ратную „сторожу" не только изъ людей свободныхъ, похожихъ, но и изъ своихъ „властныхъ подданныхъ-отничей" [1]). Выборъ тяглыхъ людей въ слуги падалъ, какъ видно изъ актовъ, не только на людей съ достаткомъ, но иногда и на людей обѣднѣвшихъ („kołannych", „zubożałych"), не имѣвшихъ возможности по убожеству вести, какъ слѣдуетъ, тяглое хозяйство и потому переводившихся панами на болѣе льготное положеніе слугъ „по полевой сторожѣ", листовной службѣ и пр. [2]). Составъ слугъ отничей въ панскихъ имѣніяхъ пополнялся также путемъ данины господарскихъ слугъ и бояръ въ частное держанье на общемъ положеніи съ даниной тяглыхъ отничей [3]). Слуги-отничи, какъ люди несво-

[1]) О боярахъ и слугахъ панцырныхъ, путныхъ и другихъ изъ состава „отничей" и вообще тяглыхъ поданныхъ см. Археогр. Сборн. I, стр. 239; III, 39. А. В. К., XIV, стр. 591. Коп. Лит. Метр., XXVI, 198. Лит. Стат., 1588, IX; 27; XII, 11 — 13. Ср. *Любавскій*, „Областное дѣленіе", 343, 344, 622. *Грушевскій*. „Барское староство", 257. Въ люстраціи Кременецкаго замка съ волостію, 1552 г., между прочимъ, записано распоряженіе королевы Боны (владѣвшей въ то время Кременецкимъ староствомъ): „обобрано мужиковъ тяглыхъ 24 и вѣчинено ихъ слугами для посыланья и доведанья вестей" и пр. Слуги эти (путные и конные) поименно перечисляются въ семи селахъ (очевидно, пограничныхъ съ татарскою степью); отдѣльно отъ слугъ живутъ особымъ селомъ бояре путные изъ людей прихожихъ, еще не выслужившіе „воли" (Арх. Ю-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 29 и 31). Такія же осады слугъ изъ отничей ради тѣхъ же цѣлей могли имѣть мѣсто и въ панскихъ имѣніяхъ.

[2]) Разъ, такой „zubożały" слуга поправлялся, онъ снова могъ обращаться въ тяглые. Такъ бывало въ особенности въ Подоліи, да и въ другихъ южно-русскихъ областяхъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 222, 243 и пр. *Грушевскій*, Барское староство, 257).

[3]) Такъ, въ 1514 г., княгиня Слуцкая получила въ данину господарскихъ путныхъ слугъ: по привилею они должны служить ей службу путную, какъ прежде служили господарскому двору, „а она волна ими росказывати, какъ сво-

Библиотека "Руниверс"

бодные, не пользовавшіеся правомъ выхода, не могли безъ воли пана оставлять своихъ службъ и переходить къ другимъ владѣльцамъ [1]). Въ этомъ отношеніи бояре и слуги-отчичи ничѣмъ не отличались отъ тяглыхъ людей, бывшихъ въ отчинномъ подданствѣ.

Въ составѣ похожихъ и отчинныхъ бояръ и слугъ выдѣлялся особый классъ служилыхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ слугъ и бояръ-*данниковъ*, также бояръ *осадныхъ*, *платныхъ*, *чиншевыхъ* и *посѣдныхъ*. Одни изъ нихъ оставались на боярской (ратной) службѣ, съ приплатой лишь чинша или даней (натурою или деньгами) по меньшимъ окладамъ сравнительно съ тяглыми людьми; другіе же вовсе отставлялись отъ службы ратной, переводились вполнѣ на „осаду", сидѣли безъ службы—„na golym placie"; старую службу они отправляли лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда въ имѣніи всѣ подданные „гвалтомъ" шли въ ратный путь [2]). Служилые бояре—шляхта и земяне состояли, главнымъ образомъ, на одной шляхетской (военной) службѣ, хотя изрѣдка упоминаются въ актахъ (съ половины XVI вѣка) земяне и бояре, сидѣвшіе на замковыхъ земляхъ на осадѣ или чиншѣ; въ панскихъ имѣніяхъ „чиншевая" шляхта встрѣчается еще въ актахъ XVIII вѣка [3]).

Разсмотримъ теперь самыя *повинности* людей служебныхъ. Спеціальный характеръ такихъ повинностей выражается въ томъ, что главнымъ назначеніемъ бояръ и слугъ, жившихъ въ имѣніяхъ госпо-

---

ими *власными*.. какъ своими *поддаными*",—слуги должны быть послушны княжнѣ и ея пряднику (Лит. Метр. Суд. дѣлъ, № 1, стр. 61). Въ 1511 г. король Сигизмундъ отдалъ въ частное владѣніе, „на вѣчность", два дворища съ служебными людьми: „тыи два человѣка маютъ ей (владѣлицѣ) служити по тому, какъ намъ служили" (Arch. Sangusz., III, 114).

[1]) См., напримѣръ, Лит. Метр. Суд. дѣлъ, № 2, стр. 248. При раздѣлѣ (въ 1571 г.) Глушскаго имѣнія между наслѣдниками-князьями Заславскими, было положено: „слугъ путныхъ и людей волостныхъ—*отчичовъ* въ обу сторонъ одинъ отъ другаго пріймовати не маемъ" (Археогр. Сборн. III, стр. 39).

[2]) О боярахъ-*данникахъ* см. А. В. К., XIV, стр. 255. Памятн. III, 101—104; Арх. Сборн., III, № 37 и пр. О боярахъ *осадныхъ*—А. В. К., XIII, 356 и сл.; XIV, 348, 456, 585 и пр. О *чиншевыхъ*—ibid., XIV, 11, 226; Арх. Сборн., I, 239. О *платныхъ*—Арх. Ю.-З. Р,, ч. VII, т. I, стр. 180. О *посѣдныхъ*—А. В. К., XIV, 17. Ср. *Любавскаго*. „Областное дѣленіе", стр. 542.

[3]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. II, стр. 77, 108. Изъ инвентаря Гомельскаго староства 40-хъ годовъ XVII вѣка видно, что въ этомъ староствѣ было нѣсколько боярскихъ селъ,—нѣкоторыя изъ нихъ оставались по старому на шляхетской или боярской службѣ, другія переведены „на осаду" или „врокъ" (А. В. К., XIII, 348, 356 и сл.).

Библиотека "Руниверс"

дарскихъ и панскихъ, было отправленіе *ратной службы*, лежавшей на имѣніяхъ. Въ старое время вездѣ во всѣхъ древне-русскихъ земляхъ ратная служба отправлялась, кромѣ княжеской дружины, земскими „волми", въ формѣ народнаго ополченія, по вѣчевымъ „разрубамъ" (отсюда „рубленная" рать-ополченіе, созывавшееся вѣчемъ для обороны земли, а иногда и для нападенія) [1]. Та же самая система ратной службы, въ формѣ народнаго ополченія, несомнѣнно практиковалась по старой пошлинѣ и въ западно-русскихъ земляхъ до и послѣ присоединенія ихъ къ литовскому государству. Съ конца XV вѣка, параллельно съ развитіемъ шляхетскихъ libertates et jura, возникаетъ и постепенно усвояется въ Литвѣ-Руси польская система обороны государства въ формѣ „земской", или что то же, шляхетской службы, отправлявшейся *помѣстной милиціей* съ земскихъ имѣній пановъ-землевладѣльцевъ. Первыя начала шляхетско-милиціонной службы полагаются въ литовскомъ государствѣ земскими привилеями 1387 и 1413 г.[2]): съ этихъ поръ оборона государства (expeditiones, pagonia) отправляется ратною службой шляхты, становится „рыцарскимъ долгомъ", или правильнѣе—сословною привиллегіей поземельнаго шляхетства [3]). Въ эпоху земскихъ привилеевъ и Статута „взрушенія" представляютъ собой не старыя народныя ополченія, но лишь шляхетскую милицію, организовавшуюся въ военное время каждый разъ „повѣтовой" шляхтой съ ея земскихъ имѣній. Съ полнымъ развитіемъ и упроченіемъ политическихъ прерогативъ шляхты (главнымъ образомъ, съ Люблинской уніи 1569 г.) организація ратныхъ силъ государства окончательно выходитъ изъ сферы функцій литовскаго господаря; въ лицѣ шляхетскихъ органовъ—повѣтовыхъ сеймиковъ и вальныхъ сеймовъ распоряженіе ратными силами государства становится одною изъ главныхъ прерогативъ той самой шляхты, которая сама же отправляетъ съ своихъ имѣній функцію земской обороны государства. Таже система „помѣстной милиціи" утверждается и въ московскомъ государствѣ; но была глубокая разница, такъ сказать, въ самой природѣ

---

[1]) П. С. Л., I, 34, 41, 61, 73, 212, 232; III, 25, 59; IV, 28, 48, 240, 263, 269. Практиковалась также рать „охвочая", по вызову охотниковъ или „повольниковъ" (ibid., III, 19 78 и др.), иногда и по найму ратн изъ инородцевъ-варяговъ, печенѣговъ, половцевъ, ляховъ и пр. (ibid., I, 10,12, 18, 55, 61, 62, 96, 181; II, 148), наконецъ, рать союзная, по ряду князей (ibid., I, 107; II, 100. Собр. госуд. грамотъ, I. 37, 45 и пр.).

[2]) См. Zbiór praw Litew., стр. 1 и 7.

[3]) См. мои „Источники литовско-русскаго права", стр. 27.

Библиотека "Руниверс"

этой системы по польско-литовскому и московскому праву. Послѣднее знаетъ ратную службу помѣстной милиціи въ видѣ обязательнаго „государственнаго тягла“ помѣщиковъ,—организація и полное распоряженіе всѣми ратными силами государства всецѣло, въ мирное и осадное время, принадлежитъ верховному вождю государства. Въ польско-литовской Рѣчи Посполитой, рядомъ съ шляхетскою экспропріаціей финансовыхъ правъ государственнаго фиска, утверждается также экспропріація тою же шляхтой ратныхъ силъ государства. Силы эти разбиваются по панскимъ дворамъ-маетностямъ [1]); владѣльцы послѣднихъ—единственные распорядители въ своихъ имѣніяхъ ратною службой „подданныхъ“—панскихъ служилыхъ людей какъ изъ помѣстной шляхты, такъ и изъ вольныхъ и отчинныхъ тяглыхъ людей. „Служебные“ люди въ польско-литовской Рѣчи Посполитой, какъ и въ Московскомъ государствѣ, отправляютъ обязательную ратную службу; но „тягло“ это регулировалось не обще-государственными интересами, а исключительно мѣстными условіями и волей владѣльца каждаго панскаго двора—маетности въ отдѣльности. Лишь въ осадное, военное время организуются обще-государственныя „посполитыя рушенія“, но всегда по волѣ и на средства шляхты, отряжавшей каждый разъ на защиту государства своихъ „служебныхъ“ подданныхъ. Разъ прекращается осадное положеніе,—ратная сила, собранная въ посполитое рушеніе, выходитъ изъ вѣдѣнія государства, расходится въ свои „державы“ — панскіе дворы-маетности. Такимъ образомъ, лишь въ осадную пору, по уполномочію и съ соизволенія державной шляхты, государство можетъ располагать ея ратными силами ради своей охраны. Шляхетское государство, по принципу, должно оставаться безъ собственнаго войска, какъ и государственный фискъ—безъ сколько-нибудь устойчивыхъ и достаточныхъ финансовыхъ средствъ.

Главный контингентъ служебныхъ людей отправляетъ *службу*

---

[1]) Раньше замѣчено, что съ Люблинской уніи всѣ „królewszyzny“, въ томъ числѣ и бывшіе господарскіе дворы-маетности, входятъ въ общую массу шляхетскихъ земскихъ имѣній. Служилые люди бывшихъ „господарскихъ“ маетностей отправляли лишь мѣстныя повинности, при своемъ замковомъ старостѣ и по службамъ лишь своего „панскаго“ двора и замка; замковые слуги и бояре, въ существѣ дѣла были такими же панскими слугами, какъ и бояре шляхетскихъ имѣній,—не знали постоянной „государственной“ службы, какъ московскіе служилые люди. „Государству“ служили въ Литвѣ и Польшѣ служилые люди лишь временно, въ пору шляхетскихъ „посполитыхъ рушеній“.

Библиотека "Руниверс"

конную [1]). Конные бояре и конные слуги—общія, такъ сказать, родовыя названія служилыхъ людей въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ [2]). Они „служатъ конемъ" („или конно"), или „на коняхъ", „ѣздятъ верхомъ", „служатъ и ѣздятъ, гдѣ прикажутъ", „ставятъ коня", также служатъ „конемъ въ зброи" („збройне"), или „конно и збройно", отправляютъ „powinność konną z orężem", „ставятъ коней въ панцырѣ" и пр.; слугѣ, состоящему на конной службѣ, отводится волока „на конь" [3]). Конную службу отправляютъ: служилая шляхта, земяне, бояре, слуги и служебники изъ людей похожихъ и отчичей на одинаковыхъ основаніяхъ, какъ въ господарскихъ, такъ и въ панскихъ дворахъ-маетностяхъ [4]). Иногда слуги „коней ставятъ" только на „войну" [5]) или же „ѣздятъ („служатъ конемъ") съ листами",—„въ годъ служатъ три дороги" (пути) и пр. [6]). Затѣмъ подъ конною службой разумѣется также совмѣстный нарядъ служилыхъ людей и на „войну", и въ „дорогу" съ „листами", „до посылокъ" (na posyłce); одни и тѣ же бояре и слуги конные могутъ нарижаться на военную и путную или листовную службу [7]). Такимъ образомъ, подъ конною службой разумѣется нарядъ служебныхъ людей на войну, а въ мирное время на службу путную (въ дорогу съ листами, на посылки и пр.). Каждый изъ этихъ двухъ главныхъ видовъ конной службы, въ свою очередь, имѣетъ „особныя" категоріи сообразно съ различными условіями и задачами службы въ осадную пору и въ розратье. Разсмотримъ въ общихъ чертахъ конную службу по главнымъ ея категоріямъ.

---

[1]) См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, т. II, стр. 78.

[2]) Памятн. III, отд. 2, стр. 188. А. З. Р., I, 219. Археогр. Сборн., I, стр. 34. Лит. Стат., 1588, IX, 27; XII, 11—13. Ср. *Грушевскій*, „Барское староство", стр. 257.

[3]) Археогр. Сборн., I, стр. 34, 147, А. В. К., XIV, 9, 17, 363, 372, 412, 478, 639. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 231; ч. VII. т. I, 117, 306; ч. VII, т. II, 134, 142, 276, 419.

[4]) Археогр. Сборн., I, 34. А. В. К., XIV, 9, 17, 363, 403, 466, 468, 601, 639. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 117; ч. VII, т. II, 78, 134, 142 и пр.

[5]) Памятн., III, отд. 2, стр. 188, А. З. Р., I, № 219. А. В. К., XIV, стр. 403. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 120; ч. VII, т. II, 419.

[6]) А. В. К., XIV, стр. 412. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 419.

[7]) Напримѣръ, служилые люди состоятъ „на службѣ боярской (ходятъ на войну) конно и збройно и до посылокъ"—„na posyłce" (А. В. К., XIV, 466, 468); служатъ „збройно и на посылкахъ" (ibid., 473); „съ листы ѣздятъ и на войну ходятъ", (ibid., 601); „служатъ на службѣ земской и съ листы ѣздятъ верхомъ", (ibid., 639); „служатъ конно,—ѣздятъ на войну и на всякую дорогу" при воеводѣ или его врядникѣ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 117) и пр.

Библиотека "Руниверс"

Нарядъ служебныхъ людей въ осадное время на „войну", выѣздъ „конно и збройно" противъ „непріятельскихъ людей", носитъ по актамъ техническое названіе *военной службы* [1]). Направленная на защиту родной земли и цѣлаго государства („господарства") служба эта обозначается наименованіемъ *земской* или *господарской* службы [2]). Затѣмъ въ значеніи сословной привиллегіи шляхты-бояръ, владѣвшихъ земскими имѣніями, военная служба именуется также *боярскою* или *шляхетскою* [3]). Въ литовско-русскихъ актахъ намѣчается еще иное техническое обозначеніе военной повинности въ смыслѣ *путной службы*. Какъ кажется, служба эта стоитъ въ связи съ древне-русскимъ наименованіемъ войны (въ особенности наступательной) словомъ путь. „Идти въ путь" или „дѣять путь" (иногда и „поѣздьство") въ старину означало идти съ вооруженною силой на войну ради добыванія полона и дани въ вражеской странѣ [4]). Въ общемъ же смыслѣ ратнаго пути говорятъ о войнѣ и западно-русскіе акты. Такъ, Городельскій земскій привилей 1413 г. возлагаетъ на литовское бояр-

---

[1]) См. Археографическій Сборникъ, II, стр. 239. Archiv. Sanguszk., III, 89. А. В. К., XIII, 3. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 594 и пр.

[2]) См. о службѣ *земской* Archiv. Sanguszk., III, 133, 411, 460, 463 и пр. Археографическій Сборникъ, I, 147. А. В. К., XIV, 689. О службѣ *господарской* Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 120.

[3]) См., напримѣръ, А. В. К., XIII, 348, 356; XIV, 290 (servitia bojarina). Arch. Sang., III, 85, 245. Иногда ратная служба называется „службой боярской военной" или „службой боярскою земскою" (Археографическій Сборникъ, III, № 111; Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, 419). Люди наряжавшіеся на военную службу, получали отъ пановъ земля „на боярскую службу" (А. В. К., XIV, 448, 585; Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, 93) или „на боярство" (А. В. К., XIV, 208—210, 338).

[4]) П. С. Л., I, 97, 103; II, 25 и пр. Въ первой главѣ настоящаго очерка указано на старое значеніе „пути" и „путника" въ лѣсномъ хозяйствѣ сѣверно-русскаго рольника: „идти въ путь" значитъ идти на промыслъ лѣсной, охотничій (на пушнаго звѣря и пр.). По былой связи охоты съ войной, послѣдняя также могла квалифицироваться техническимъ именемъ „пути". Организація наступательной войны имѣла въ виду добываніе такого же „полона", какъ и промыслъ лѣснаго охотника, или степнаго хищника. Ратное движеніе въ вражескую землю ради военной добычи въ старину можетъ быть такимъ же промысломъ, какъ и „путь" лѣснаго охотника. Путь могъ обозначать, поэтому, и промыслъ вооруженнаго ратника-воина (напримѣръ, „ушкуйника" Новгородскаго), подобно лѣсному охотнику отправлявшагося въ „путь"—хищническій промыслъ ради добыванія ратнаго полона. „Идти въ путь" иногда замѣняется выраженіемъ: „идти въ дань". Въ начальной лѣтописи подъ 945 годомъ читаемъ: „Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: отроци Свѣнълъ жи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы наги; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы".

Библиотека "Руниверс"

ство повинность „vias expeditiones facere“ [1]); повинность эта въ первомъ земскомъ привилеѣ Владислава Ягеллы (1387 г.) слагается изъ „*expeditio*“ и „*pogonia*“ [2]). Въ записной книгѣ данинъ Казиміра слово „путь“ иногда замѣняется словомъ „война“: „Васку Смолянину *войну не ходити*, а ни подводъ давати, зъ городомъ не тягнути... Онъдріяну Огаѳонову зъ братьею изъ двора и зъ селца также зъ городомъ не тягнути, ни *на путь не ходити*, а съ того имъ давати на годъ по корабелнику“. Отсюда и служебные люди, отправлявшіе въ господарскихъ и панскихъ имѣніяхъ ратную службу, могли называться „путными“ слугами и боярами, ѣздившими въ ратный „путь“ ради земской обороны или наступленія, но латинскимъ источникамъ—„servitores expeditionarii“ (то-есть, слуги, идущіе въ посполитое рушенье),—названіе, удерживавшееся еще въ актахъ XVI вѣка [3]). Дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ актовъ этого времени ясно видно, что подъ именемъ путныхъ слугъ и бояръ разумѣлись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ именно служилые люди, обязанные путною службой во время войны. Такимъ образомъ, въ 1514 г. слуги путные княгини Слуцкой доказывали на судѣ, что они служатъ на господаря, а не на княгиню: „здавна зъ предковъ панцырною службою служивали, на войну ѣжчивали“,—на собственно путную (листовную) службу нѣтъ никакого намека [4]). Въ другомъ случаѣ на судъ (въ 1508 г.) полоцкіе мѣщане показывали, что съ купленныхъ ими земель въ волости они „служатъ путною службою въ панцырехъ“ [5]). По инвентарю имѣнія пана Пенскаго, числилось въ имѣніи три слуги ратные и вотъ какъ опредѣляются ихъ повинности: первый изъ нихъ служитъ господарю (владѣльцу) конемъ; съ волокъ ни однихъ подачокъ не даетъ, только

---

[1]) Выраженіе это различно понимается историками польскими и русскими: „wojny służić“ (*Даниловича* переводъ—въ Zbiór praw Litew 13), также „robienie gościńców“ (hr. *Platter*, Zbiór pamietn., I, 9), „odprawianie podróż“, (*Niemcewicz*, Zbiór pam., I, 343), „проведеніе военныхъ дорогъ“ (пр. *Владимірскій-Будановъ*,—въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1868, т. 139, стр. 522), „прокладывать дороги“ (*Бестужевъ-Рюминъ*, Исторія, II, 63). См. мои „Источники литовско-русскаго права“, 28.

[2]) Zbiór praw Litew., стр. 1 и 7. Expeditio—выходъ на войну ради земской обороны, позднѣйшее „pospolite ruszenie“, обыкновенно противъ наступавшаго непріятеля; pogonia—наступательныя дѣйствія, „погоня“ за непріятелемъ. О „посполитомъ рушеньи“ см. Археографическій Сборникъ, III, № 37.

[3]) См. *Любавскаго*, Областн. дѣленіе, стр. 349.

[4]) Лит. Метр., Суд. дѣлъ, № 1, стр. 61.

[5]) Ibid., № 2, стр. 50. A. З. Р., I, № 185; II, 61.

Библиотека "Руниверс"

всегды на кони сѣдить, а на войну ѣдеть". Другой—„слуга *конный*, служить господарю изъ дѣдизны конемъ збройне, яко прислушить на доброго молодца на шляхту". Здѣсь слуга путный—то же, что и конный; „конный" и „путный"—понятія тождественныя [1]). По справедливому замѣчанію г. Любавскаго „военная служба и была тою путною службой", какую въ Полоцкой землѣ несли сельскіе путники и мѣщане, покупавшіе волостныя земли [2]). Слуги путные „служили панцырною службою", безъ другихъ повинностей (почему иногда и назывались прямо „панцырными" слугами), кромѣ Полоцкой земли, также въ другихъ Кривичскихъ земляхъ (Смоленской и Витебской), какъ и, повидимому, въ собственной Литвѣ; кромѣ панцырной или военной службы, отправлявшейся „ведле можности своее", путные слуги не несли никакихъ другихъ повинностей [3]). Въ Подляхіи и во всей южной половинѣ литовскаго государства (особенно на Волыни, Подоліи и Кіевщинѣ), судя по всѣмъ показаніямъ инвентарей и другихъ актовъ, „путная" служба получила техническое значеніе собственно „листовной" службы и дорожной сторожи; слуги, отправлявшіе здѣсь „особно" военную службу, назывались вообще конными, панцырными и пр. [4]). Г. Любавскій полагаетъ, что и въ Полоцкой землѣ и Литвѣ путные люди „панцырной службы" первоначально также несли одну листовную службу и лишь послѣ перешли на службу панцырную, почему „въ сущности уже переставали быть путными и только по простой традиціи удерживали свое прежнее имя" [5]). Положеніе это, какъ намъ кажется, нельзя признать вполнѣ вѣрнымъ. Въ виду указаннаго выше значенія ратныхъ „путей" (expeditiones, vias exped.) по памятникамъ XIV и XV вѣковъ, есть основаніе полагать, что названію „путными" полоцкихъ слугъ, отправлявшихъ военную службу, нужно придавать значеніе простаго наслѣдія „изначальнаго" обозначенія ратныхъ людей въ древне-русскихъ земляхъ,—наслѣдія, удерживавшагося „по традиціи" съ старымъ значе-

---

[1]) Археографическій Сборникъ, I, стр. 34—35.

[2]) См. *Любавскаго*, „Областное дѣленіе", стр. 351.

[3]) Ibid., стр. 349—352, гдѣ сведены изъ Литовской Метрики данныя о службѣ путныхъ слугъ въ собственной Литвѣ и Кривичскихъ земляхъ,—вездѣ въ смыслѣ „военной" или „панцырной" службы, безъ всякаго намека на собственно путную (листовную) службу.

[4]) См. ниже—о путныхъ слугахъ и боярахъ въ техническомъ смыслѣ. Ср. также *Любавскій*, стр. 354—355.

[5]) См. „Областное дѣленіе", стр. 349

Библиотека "Руниверс"

ніемъ въ Кривичскихъ земляхъ и сосѣдней Литвѣ еще въ актахъ XVI вѣка. Что касается затѣмъ техническаго обозначенія терминомъ „путный" спеціальной службы—листовной, то, по всей вѣроятности, его нужно считать болѣе позднею, производною модификаціей первоначальнаго значенія „пути" въ общемъ смыслѣ вооруженнаго наряда служебныхъ людей на „войну" съ наступавшимъ непріятелемъ.

Затѣмъ, по способамъ ратнаго снаряженія и различію боеваго вооруженія, какъ и вообще въ соотвѣтствіи съ спеціальными функціями ратнаго строя, служебные люди и ихъ военная служба обозначаются иногда въ актахъ особыми спеціальными эпитетами. Служба ратника, снаряжающагося на войну вооруженно, съ „доспѣхами", „конно и збройно", называется вообще „*доспѣшною*"; по болѣе тяжелому или легкому снаряженію, въ панцырѣ или съ однимъ щитомъ, и служба называется „*панцырною*" или „*щитною*". Соотвѣтственно съ этимъ и ратники носятъ особыя названія „слугъ и бояръ доспѣшныхъ и панцырныхъ" или „путныхъ" [1]). Всѣ эти категоріи ратныхъ людей существовали въ господарскихъ и панскихъ имѣніяхъ [2]) и иногда отправляли, кромѣ спеціальныхъ службъ, и нѣкоторыя повинности людей тяглыхъ. Личный составъ ратниковъ слагается изъ слугъ и бояръ, какъ изъ шляхты (особенно въ ряду бояръ панцырныхъ), такъ и изъ людей прихожихъ и отчичей [3]).

---

[1]) Въ актахъ есть прямыя указанія на однородность службы доспѣшной и панцырной или щитной. Напримѣръ, въ листѣ великаго князя Александра, 1497 г., Семку Тереховичу на село Золотовляне читаемъ: „служба съ того сельца идетъ *панцырная*"... а намъ съ того (села) службу *доспѣшную* служить" (Литов. Метр., № 5, стр. 63).

[2]) Иногда цѣлыя села состояли изъ однихъ ратныхъ людей. Напримѣръ, по описи Кіевскаго замка, 1552 г., къ замку принадлежало 7 селъ панцырныхъ слугъ; на службу выходило изъ этихъ селъ 146 панцырныхъ людей. Во время описи села были пусты (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 121).

[3]) А. З. Р., I, № 219. Памятники, III, отд. 2, стр. 188. Археографическій Сборникъ, III, № 2 и 37. А. В. К., XIV, стр. 375 и 622. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 120; ч. VII, т. II, 419. Литов. Метр., Записей, № 3, стр. 89; № 4, стр. 155; № 5 стр. 63. Данныя изъ Литовской Метрики касательно слугъ доспѣшныхъ, панцырныхъ и щитныхъ собраны въ соч. *Любавскаго* „Областное дѣленіе", 349, 356—358. Въ панскихъ имѣніяхъ слуги доспѣшные (главнымъ образомъ, изъ отчичей и людей прихожихъ, не-шляхты) отправляютъ иногда повинность ѣзды съ паномъ и съ листами разъ или два въ годъ (Археографическій Сборникъ, III, № 37). Кромѣ того, слуги платятъ иногда медовую дань, дякло, (овсомъ, житомъ на посѣвъ), посощану и пр. (см., напримѣръ, Археографическій Сборникъ, III, № 2).

Библиотека "Руниверс"

Доспѣшные ратники отправляютъ военную службу подъ разными названіями, смотря по роду „зброи“ и „доспѣховъ“, съ какими каждый ратникъ долженъ былъ являться на войну. Въ источникахъ упоминаются слѣдующія „збройныя“ службы:

а) *Служба стрѣлецкая* [1]) отправляется „стрѣльцами“ или „стрѣльниками [2]), прислухавшими къ дворамъ господарскимъ [3]) и панскимъ“. Въ панскихъ имѣніяхъ сами владѣльцы могли наряжать въ стрѣльцы своихъ подданныхъ; есть также акты о господарской данинѣ отдѣльныхъ стрѣльцовъ [4]) или же въ составѣ жалованныхъ имѣній. Послѣдній случай, напримѣръ, записанъ въ листѣ 1424 г. Черниговскаго князя Болеслава-Свидригайла Максиму Владу на „весь“ Коссовъ въ Снятинской волости, подъ условіемъ службы, „копьемъ и съ двумя стрѣльцами“ [5]). Стрѣльцы, подобно другимъ служилымъ людямъ, получали земли „на особную службу“. Въ господарскомъ листѣ 1586 г. стрѣльцу Пуньскаго двора на данную ему сѣножать съ лѣсомъ такъ опредѣляется „особная“ служба съ данной земли: „маютъ съ того службу стрѣлецкую намъ служить, въ часъ потребный коня оттоль ставить и на службу земскую ѣздити“ [6]). По уставу о волокахъ 1557 г. и другимъ актамъ, стрѣльцы, жившіе въ господарскихъ волостяхъ, должны являться на войну и въ ловы [7]) съ „зброей—ручницами и мечами“ [8]).

б) *Служба копейницкая* составляетъ особую повинность *копейниковъ*, жившихъ подобно стрѣльцамъ въ господарскихъ и панскихъ имѣніяхъ. Какъ видно изъ приведенной выше грамоты черниговскаго князя Свидригайла, 1424 г.. и изъ описи Черкасскаго замка, 1552 г., копейники являлись на войну „въ зброяхъ“—съ копьемъ, также съ „кордами, алябардами и ощепами“ [9]).

в) *Служба пушкарская*. Къ составу слугъ замковыхъ принадле-

---

[1]) О „службѣ стрѣлецкой“ см. А. В. К., XIII, стр. 24.

[2]) О „стрѣльникахъ“ см. Копія Литовской Метрики, V, 190,—1499 годъ.

[3]) См. напримѣръ, А. З. Р., III, № 19, п. 4 (уставъ о волокахъ 1557 г.); Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 90 и пр.

[4]) См. Копія Литовской Метрики, V, 190,—листъ 1499 г. на данину господарскаго стрѣльца въ частное владѣніе.

[5]) Литовская Метрика, Перепись, № 17. В., стр. 160.

[6]) А. В. К., XIII, стр. 24.

[7]) А. З. Р., III, № 19, п. 4.

[8]) Опись Черкасскаго замка 1552 г. (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 90).

[9]) Литовская Метрика Переписей, № 17. В. стр. 160. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 90.

Библиотека "Руниверс"

жатъ „пушкари", жившіе при замкахъ и по селамъ господарскимъ и панскимъ. На „пушкарство", какъ видно изъ актовъ, набираются слуги не только изъ отчичей и людей похожихъ, но и изъ „паробковъ" (невольной челяди) [1]). Пушкари получаютъ „на урядъ", или пушкарство, опредѣленную денежную плату изъ замковаго „скарба" или же имъ дается земля „вольная" отъ всякихъ податковъ и повинностей. Въ военное время пушкари „пильнуютъ" стрѣльбу (стрѣлянье) изъ замковой „арматы" или „гаковницъ" (пушекъ); затѣмъ къ пушкарству относится вообще „дозоръ арматы". Въ обыкновенное время замковые пушкари „робятъ селитру и порохъ" изъ замковаго матеріала, также куютъ и „оправуютъ" всякую „стрѣльбу", то-есть, ручницы и другое „дѣло" (оружіе) [2]).

Въ составѣ крестьянскихъ дворовъ упоминаются изрѣдка въ источникахъ также ратные „служебники", подъ именемъ *драбовъ*, *жолнеровъ* (żołnierz) и *карель* [3]) господарскихъ и панскихъ. По всему видно, здѣсь обозначаются не особые разряды служилыхъ людей, но лишь общія названія рядовыхъ ратниковъ-стрѣльцовъ и др. [4]).

Ратныя „послуги", на какія наряжались служебные люди, различно отправляются въ военное и мирное время.

При вторженіи непріятеля въ страну наступалъ „часъ неспокойный"—„пора военной тревоги и опасности отъ непріятельскихъ людей",—наступалъ „часъ *посполитаго рушенья*", организаціи земской обороны отъ наступавшаго врага, путемъ созыва на военную службу всѣхъ „почтъ" ратныхъ людей, жившихъ при замкахъ и въ селахъ господарскихъ и панскихъ. Служить „на войнѣ конно и збройно", „ставить конь на послугу военную", значило участвовать въ посполитомъ рушеніи и вообще въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ вторгшагося въ страну непріятеля,—ѣздить противъ непріятельскихъ лю-

---

[1]) См. Лит. Метр., Судныхъ дѣлъ, № 3, стр. 61.

[2]) См. А. В. К., XIII, стр. 572. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 80, 594, 601; ч. VII, т. II, 35, 89, 414.

[3]) Карель—литовскій терминъ: „kareiwis" = Krieger,—то же, что драбъ или жолнеръ; „karelis" и „karas" = Krieg, Kampf. См. *Nesselmann*, Wörterbuch, стр. 179.

[4]) По описанію Черкаскаго замка 1552 г. составъ („почты") служебниковъ ратныхъ при замкѣ слагается изъ опредѣленнаго числа „драбовъ", дѣлившихся на десятки, каждый изъ копейниковъ и стрѣльцовъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, 90). О жолнерахъ въ частномъ имѣніи см. А. В. К., XIII, 474. О карелѣ господарскомъ—Коп. Лит. Метр., V, 169 и 172 (1499 годъ), — въ подлин. Метрикѣ, стр. 116 и 118.

Библиотека "Руниверс"

дей „посполу“ со всѣми „почтами“ служебныхъ людей, созванныхъ на войну и пр. Отъ участія въ „войнѣ“, или посполитыхъ рушеніяхъ, освобождались лишь замковые слуги и служки, обязанные безсмѣнно „лежать“ въ замкахъ ради „сторожи“ ихъ отъ непріятельскихъ людей [1]). Въ осадную пору, когда грозила опасность обложенія непріятелемъ укрѣпленныхъ остроговъ и замковъ, „леженіе“ въ нихъ ради обороны отъ непріятеля, особенно въ пору самой осады, было повинностью всѣхъ служебныхъ людей, выходившихъ на войну при первой надобности [2]). Разъ загонъ непріятельскихъ людей вторгался за земскіе рубежи съ вооруженной силой, служебные люди обязаны были идти въ погоню за ними тотчасъ по полученіи „вѣсти“ о вторгшемся загонѣ. Еще по земскому привилею Владислава-Ягелы, 1387 г., бояре должны отправляться въ „pogonia“, то-есть, по замковымъ люстраціямъ XVI вѣка, собираться въ наступленіе, „ѣздить въ погоню за непріятельскими людьми“ [3]).

Ратныя повинности служебныхъ людей не совсѣмъ прекращались и послѣ „розратья“, въ пору, свободную отъ вражескаго „разоренія“ и „пополоха“. Сюда въ особенности относится такъ называемая „*сторожа*“, извѣстная подъ двумя отдѣльными видами—сторожи „польной“ и „замковой“. Сторожа составляла общую повинность всѣхъ „подданыхъ“ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ и отправлялась обыкновенно нарядомъ на „особную“ службу мѣстныхъ ратныхъ людей, „прислухавшихъ“ къ дворамъ панскимъ и господарскимъ. Сторожа польная практиковалась по преимуществу въ значеніи мѣстной повинности населенія окраинныхъ областей государства; сторожа зам-

---

[1]) См. Арх. Сборн., III, № 37. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 2; ч. VII, т. I, стр. 81, 329, 588, 594; ч. VII, т. II, стр. 118, 419. А. В. К., XIV, стр. 226. Подробности—у *Любавскаго*, 526 и слѣд.

[2]) О такой повинности говорится въ особенности въ люстраціяхъ южно-русскихъ замковъ XVI и XVII вѣковъ. Такъ, по люстраціи Черпобыльскаго замка, 1552 г., „въ часъ неспокойный“ служилые люди, тянувшіе къ замку, должны „лежать“ не только въ своемъ замкѣ, но и въ Кіевѣ, при воеводѣ, для замковой сторожи и обороны замка отъ непріятеля (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 588). По люстраціи Кременца, 1563 г., замковые слуги въ военное время должны постоянно находиться въ своемъ замкѣ, при старостѣ замковомъ или его подстаростимъ, „зъѣзжать“ изъ замка противъ подступавшихъ непріятельскихъ людей и вообще „тримать стражу“ отъ послѣднихъ тамъ, гдѣ и раньше стерегли и гдѣ будетъ имъ приказано старостою или его врядниками (ibid., ч. VII, т. II, 118).

[3]) См. Zbiór pr. Lit., стр. 1 и сл. Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 82 и пр. Ср. *Любавскій*, 526.

Библиотека "Руниверс"

ковая держалась, напротивъ, вездѣ, гдѣ только существовали замки и укрѣпленные остроги, въ имѣніяхъ не только господарскихъ, но и панскихъ. Разсмотримъ сначала главнѣйшія данныя, относящіяся къ польной сторожѣ, насколько, конечно, это необходимо ради общей характеристики повинностей различныхъ крестьянскихъ классовъ [1]).

„*Польная сторожа*“ (сторожа „полевая“ или „опольная“, также просто „поле“) [2]) или „служба поленицкая“ [3]), представляетъ собою по литовско-русскимъ актамъ мѣстную форму обще-русскаго и, какъ кажется, общеславянскаго института пограничной сторожевой службы, искони учреждавшейся въ открытыхъ земскихъ порубожьяхъ, ради общаго „дозора“ за „непріятельскими людьми“, въ видахъ своевременнаго принятія мѣръ земской обороны на случай непріятельскаго вторженія въ страну. Въ южно-русскихъ порубежьяхъ, искони подвергавшихся нападеніямъ кочевниковъ сосѣднихъ степей, до конца XI вѣка практиковалась система огражденія земскихъ рубежей непрерывными земляными валами съ сторожей, въ лѣсныхъ мѣстахъ—засѣками. По восточнымъ границамъ русскихъ земель, также ради огражденія ихъ отъ сосѣднихъ хищниковъ, велось „строеніе черты“—порубежной линіи съ острожками, валами, сторожей и пр. [4]). Съ тою же цѣлью по южно-русскимъ окраинамъ, въ XI и XII вѣкахъ, заводятся военныя порубежныя поселенія инородцевъ (черныхъ клобуковъ и козаръ) [5]). Ради своевременнаго отраженія нападавшаго врага искони практикуется на русскихъ порубежьяхъ добываніе „ратныхъ вѣстей“, — институтъ, принадлежавшій въ древней Руси къ главнымъ земскимъ повинностямъ, стоявшимъ въ связи съ ратнымъ дѣломъ [6]).

---

[1]) Данныя касательно польной сторожи почти не разработаны въ существующихъ изслѣдованіяхъ; мы войдемъ, поэтому, въ нѣкоторыя подробности по этому вопросу, стоящему въ близкой связи съ системой мѣстныхъ повинностей крестьянъ.

[2]) См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 81—82, 95; т. II, 22.

[3]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 10 (опись Овручскаго замка, 1545 г.).

[4]) См. проф. *И. Бѣляева* „Сторожевая, станичная и полевая служба на польской украйнѣ Московскаго государства до царя Алексѣя Мих.“ (*Чтенія* въ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1845, I; 1846, IV; отдѣльно — 1846). Проф. *В. Антоновича* „Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли“ (*Кіевская Старина*, 1884, мартъ). *Bielowski*, Monum. Polon. hist., I, 224 (письмо, 1008 г., *Бруна*, архіеп. Мерзебургскаго къ имп. Генриху II—о путешествіи къ печенѣгамъ).

[5]) *Иловайскій*. Исторія, I, 306; II, 17. *К. Бестужевъ-Рюминъ*. Ист., I, 172.

[6]) См., напримѣръ, А. А. З., I, 31, 58, 87. У монголовъ также извѣстенъ былъ институтъ „ратныхъ вѣстей“: всякій, кто узнавалъ о готовящемся набѣгѣ

Библиотека "Руниверс"

Добываніе вѣстей ратныхъ лежало на пограничномъ населеніи; мѣстные правители, получавшіе такія вѣсти, должны были отправлять съ ними ѣздоковъ къ князьямъ въ стольные города; ѣздоки пользовались на пути правомъ „повоза", первоначально и учреждавшагося, главнымъ образомъ, для доставки ратныхъ вѣстей [1]). Въ связи съ ратными вѣстями стоитъ учрежденіе по пограничнымъ путямъ (по какимъ обыкновенно велись набѣги сосѣднихъ хищниковъ) *„сторожи"*, или *„просоки"*. позже *сторожевой* или береговой службы [2]).

Цѣлью такой сторожи было добываніе ратныхъ вѣстей, развѣдки о движеніяхъ въ степи кочевниковъ, охрана пограничной линіи съ острожками и пограничнаго населенія отъ внезапныхъ вражескихъ набѣговъ и пр. „Сторожа" въ этомъ смыслѣ упоминается въ начальной лѣтописи уже въ X вѣкѣ [3]). Посылка дружины и земскихъ воевъ въ сторожу или просоку, въ „поле" (отсюда „полевая" сторожа), по путямъ слѣдовала обыкновенно тотчасъ по полученіи ратныхъ вѣстей [4]). Въ своихъ докончаніяхъ старые земскіе князья нерѣдко уговариваются о совмѣстной сторожѣ противъ общаго ихъ врага [5]). Подобная же полевая сторожа упоминается въ старо-польскихъ актахъ XII и слѣдующихъ вѣковъ подъ разными именами: *stroża*, *pole* или *opole* (oppole, opolie, obole), *vicinia*, *custodia*, то въ значеніи натуральной повинности, главнымъ образомъ, пограничнаго населенія, то денежнаго сбора (exactio), взимавшагося въ замѣнъ повинности натурою съ волостей во внутреннихъ областяхъ государства [6]).

Въ литовско-русскомъ государствѣ польная сторожа, какъ видно

сосѣдняго племени, долженъ былъ сообщать о томъ улусному вождю лично или посылать особыхъ ѣздоковъ съ „ратною вѣстью". Такіе ѣздоки вездѣ по пути имѣли право безпрепятственно брать подводы; для ѣздоковъ съ „вѣстями" и стали впервые заводиться въ Ордѣ татарскіе „ямы" (см. мое соч. „Къ исторіи права русск. инородцевъ. Калмык. право", I, 320).

[1]) Собр. госуд. грамотъ, I, 2. Въ XIV вѣкѣ по татарскимъ порубежьямъ сидѣли люди „охочіе", „доброхоты", добывавшіе „языка" и извѣщавшіе князей о всѣхъ движеніяхъ въ Ордѣ (П. С. Л., IV, 81).

[2]) Въ одномъ актѣ 1360 г. ордынская сторожа названа „карауломъ" (А. И., I, 3).

[3]) П. С. Л., I, 28.

[4]) Ibid., III, 41; IV, 82.

[5]) Собр. госуд. грам., I, 172. А. А. Э., I, 14.

[6]) См. *Rzyszczewski i Muczkowski*, Codex diplom. Poloniae, I, стр. 4, 79, 102 и пр.; II, 142, 616; III, 74, 90, 186. *Raczyński*, Codex dipl. Mag. Poloniae, 14, 22, 75, 80.

Библиотека "Руниверс"

изъ актовъ, составляла „давній обычай", практиковавшійся въ пограничныхъ областяхъ, въ особенности прилегавшихъ на югѣ съ татарской степью, а на востокѣ съ московскими землями [1]). Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что польная сторожа являлась необходимымъ „обычаемъ" и по сѣвернымъ рубежамъ Литвы-Руси, гдѣ издавна шла постоянная борьба съ сосѣдними нѣмцами; „застава", о какой упоминаетъ Полоцкій привилей 1511 г. [2]), несомнѣнно имѣетъ значеніе не одной замковой, но и польной сторожи противъ „почтъ" и загоновъ нѣмецкихъ рыцарей, вторгавшихся по временамъ въ сосѣднія литовскія и кривичскія земли. Польная сторожа по западнымъ границамъ съ Польшей въ актахъ не упоминается; тѣмъ не менѣе можно полагать, что въ старину, особенно до болѣе тѣснаго сближенія Литвы съ Польшей, и на западной границѣ практиковалась та же самая сторожа, какая велась на другихъ порубежьяхъ. Сторожа польная снаряжается вообще „для осторожности" отъ всякихъ „непріятелей" или „непріятельскихъ людей"—татаръ, турокъ, москвичей и др. [3]). Люди „стерегутъ на окраннѣ" или „въ полѣ" прежде всего „для доведенья вѣстей (или „слуховъ") о войску татарскомъ", вѣстей, собиравшихся „по всѣмъ украиннымъ замкамъ" и непосредственно „подъ непріятельскими людьми", — для „wywiedania strony niebezpieczności od nieprzyiaciela",—для „выстереганиванія", „дозора", „отвѣдыванія" и „береженья" шляховъ (путей), по какимъ обыкновенно ходятъ непріятельскіе загоны,—наконецъ, иногда и ради охраны людей, бывшихъ „на пашнѣ" или въ „ловахъ" замковыхъ, отъ внезапнаго нападенія непріятеля и пр. [4]). Какъ видно изъ актовъ, польная сторожа не была лячною повинностью пановъ и вообще повѣтовой шляхты, какъ это прямо оговаривается, напримѣръ, въ Полоцкомъ привилеѣ [5]). „Заступовать" сторожу обязаны были по „давнему обы-

---

[1]) О полной службѣ говорятъ инвентари подольскіе (Барскаго староства, замковъ Винницкаго и Браславскаго), волынскіе (Кременца) и въ особенности кіевскіе (Кіева, Житомира, Овруча, Остра, Черкасъ, Канева). Полевая сторожа учреждалась также по восточной границѣ выше Кіевской земли (напримѣръ, въ Рѣчицкомъ старостве Приднѣпровья)—отъ москвичей съ татарами.

[2]) А. З. Р., II, № 70.

[3]) См., напримѣръ, инструкцію Рѣчицкому державцѣ, 1529 г.,—*Любавскій*, стр. 525.

[4]) См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 617; т. II, 29 — о „доведаньи вѣстей" и пр.

[5]) А. З. Р., II, № 70.

Библиотека "Руниверс"

чаю" всѣ поддапные господарскіе и панскіе; самое же „снаряженье" (сторожи) было „особною" службой сторожей, ѣздившихъ въ „поле" изъ состава, какъ замковыхъ слугъ и бояръ панцырныхъ и путныхъ—по наряду мѣстныхъ старостъ или ихъ урядниковъ, такъ и изъ волостныхъ подданныхъ по наряду самихъ волощанъ.

Нарядъ „мужиковъ" иногда дѣлался и по распоряженію владѣльцевъ, напримѣръ, королевы Боны (владѣвшей Кременцемъ), „обравшей" 24 слуги изъ „тяглыхъ мужиковъ" между прочимъ, „для доведанья вѣстей" [1]).

По инструкціи Рѣчицкому державцѣ, 1529 г., на польную службу наряжаются „люди добрые и годные на добрыхъ коняхъ" [2]). По нѣкоторымъ инвентарямъ волощане наряжаютъ въ полные сторожа особыхъ „ѣздныхъ" съ придачей имъ „возжей" (водчихъ, проводниковъ). Иногда же, вмѣсто снаряженія сторожи натурою, волощане давали ежегодно „сторожовщину" по опредѣленнымъ денежнымъ окладамъ [3]). На южныхъ окраинахъ, напримѣръ, въ Кіевщинѣ, гдѣ была необходима постоянная сторожа отъ татарскихъ загоновъ, существовали иногда цѣлыя села изъ ратныхъ людей, несшихъ на мѣстѣ сторожевую или „поленицкую" службу.

Въ половинѣ XVI вѣка къ Кіевскому замку непосредственно тянули три села (Кривое, Ходоровкова и Сокольчи) „польныя", отправлявшія сторожу на границѣ и дававшія сообща небольшую медовую дань [4]). Нужно полагать, что сплошные ряды „польныхъ" поселковъ и хуторовъ могли быть обычнымъ явленіемъ въ волостяхъ другихъ замковъ, лежавшихъ ниже Кіева, на самомъ порубежьи съ татарскою степью. Въ мѣстахъ, болѣе отдаленныхъ отъ южныхъ рубежей, „польные" люди, или „поланицы", жили въ селахъ обыкновенно съ другими разрядами слугъ и тяглыхъ людей [5]). На южныхъ окраинахъ,

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 29.

[2]) *Любавскій*, 525.

[3]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 111.

[4]) Ibid., стр. 121,—опись Кіевскаго замка, 1552.

[5]) Такъ было, напримѣръ, въ волостяхъ Житомирскаго староства, по люстраціямъ 1471 и 1501 г. Въ селѣ Романово было 27 данниковъ, 1 слуга (путный) и 9 „поланицъ", „што земли не держатъ"; въ с. Крошнѣ съ данниками, ловцами, и колпиными (убогими) жили люди „польные" (въ 1471 г. — 12 челов., въ 1501 г.—20 челов.), „што озле (подъ селомъ) пашутъ"... Польные люди платали подымщину, болковщину (плату съ воловъ) и овсяное дякло (Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, № 2; ч. VII, т. II, стр. 5 — 6). Точно также въ селахъ Овручскаго замка

Библиотека "Руниверс"

подвергавшихся постояннымъ набѣгамъ татарскихъ загоновъ, польная сторожа правится „кождого часу подлѣ давного обычая", какъ это положено, напримѣръ, въ привилеѣ кіевскихъ мѣщанъ, 1514 г. [1]). Въ такихъ случаяхъ польные люди являлись на сторожу обыкновенно „чергами", по недѣлямъ или въ иномъ порядкѣ. Въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ сторожа снаряжалась не „уставичне" (постоянно), а „водлугъ часовъ потребы", въ особенности когда получались „вѣсти" или „слухи" о движеніи къ рубежамъ татарскихъ загоновъ.

Иногда, впрочемъ, хотя бы и не было „слуховъ", мѣстные бояре панцырные и путные съ старостою или его урядникомъ обязаны были въ теченіе лѣта разъ, два и три ѣздить въ польную сторожу для „дозора" шляховъ татарскихъ и пр. По инвентарямъ Мозырскаго и Винницкаго замковъ половины XVI вѣка польная сторожа назначается обыкновенно въ лѣтнее и весеннее время „для пашни" (то-есть, во время полевыхъ работъ) или въ замковые ловы, для „дозора" ихъ отъ непріятельскихъ людей [2]). Гдѣ велась „уставичная" сторожа (какъ, напримѣръ, въ староствахъ Каневскомъ, Черкасскомъ и пр.), тамъ по обычаю намѣчались „урочистые" сторожевые пункты въ извѣстномъ разстояніи отъ замковъ (въ 3-хъ, 5-ти, иногда и въ 12 миляхъ), гдѣ постоянно, по „чергамъ", стояли для дозора польные люди; такіе пункты одновременно назначались въ нѣсколькихъ мѣстахъ на „поли" или по обычнымъ „шляхамъ" татарскихъ загоновъ. Въ ближайшихъ пунктахъ сторожу держали сами жители, а въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ (напримѣръ, въ 12 миляхъ отъ замка) сторожа держится на шляхахъ обыкновенно замковыми служками, по наряду старостъ [3]).

Замковая сторожа принадлежитъ къ ратнымъ повинностямъ, прак-

(по люстр. 1545 г.) были волощане, которые „слывутъ службы поленицкое" (ibid., ч. VI, т. I, № 10); и въ составѣ мѣщанъ были люди „поленицкіе", которые „служатъ конемъ" (на полѣ), а также ѣздятъ при гонцахъ въ Орду (ibid., стр. 118).

[1]) См. *Любавскій*, 526.

[2]) См., напримѣръ, Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 601 и 617.

[3]) По люстраціи Кіевскаго замка, 1552 г., ближайшимъ пунктомъ „сторожи отъ поля" считается „валъ" у Золотыхъ воротъ, гдѣ сторожу держали сами мѣщане; въ пору люстраціи вмѣсто сторожи мѣщане давали воеводѣ „сторожовщину"—15 копъ грошей въ годъ (Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, I, стр. 111). О польной сторожѣ см. Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 118; ч. VII, т. I, стр. 81, 95, 111, 121, 329, 350, 594, 601, 608 и 617; ч. VII, т. II, стр. 5, 22, 118, 134. А. З. Р., I, № 210; II, № 70.

Библиотека "Руниверс"

тиковавшимся изстари во всѣхъ русскихъ земляхъ [1]). Въ древне-русскихъ городахъ, острогахъ и твердяхъ всегда должны были находиться ратные люди ради отправленія городной „сторожи“ („заставы“, „засады“ или „осады городной“). Обязанностью воевъ, сидѣвшихъ въ городахъ, было „стеречися“ отъ внезапныхъ нападеній непріятеля. При „розмирьи“ прежде всего увеличивается городная осада,—посылаются вои отдѣльно въ города и волости „блюсти ихъ отъ поганыхъ“ [2])! Въ мирное время считалось также необходимымъ „сидѣнье“ сторожи по городамъ и по пограничной линіи съ твердями и острожками [3]). По литовско-русскимъ инвентарямъ и другимъ актамъ XVI и XVII вѣковъ, замковая сторожа держится въ военное и мирное время. Люстрація Кременца 1563 года предписываетъ замковымъ служкамъ въ военное время, не отъѣзжая на войну, оставаться въ замкѣ при старостѣ, „зъѣзжать изъ замка и стражу тримать“ противъ наступавшаго непріятеля [4]). Точно также по люстраціи Чернобыльскаго замка, 1552 года, служилые земяне, „въ часъ непокойный“ отъѣзжавшіе съ старостой противъ непріятеля, должны „лежать“ въ Кіевѣ при воеводѣ, ради усиленія замковой сторожи [5]). О такой же сторожѣ ратныхъ „почтъ“ въ осадное время упоминаютъ люстраціи XVII вѣка [6]). Въ „розратье“ замковая сторожа ведется сторожами (straży, strażnicy) дневными—„воротными“ (wrotny) и ночными „кликунами“. Воротные „завѣдаютъ и стерегутъ“ замковые ворота, также „прислугуютъ“ старостѣ; кликуны ведутъ ночное „кликанье“ и „гласанье“,—„стерегутъ и кличутъ“, „лежатъ съ бронями“, ходятъ по бланкамъ“ (стѣнамъ городскимъ) и пр. [7]). Изъ инвентарей видно, что въ старое время замковая сторожа отбывалась обыкновенно самими волостями натурою: села ставили сторожей изъ своихъ служебныхъ

---

[1]) Въ старыхъ памятникахъ польскаго права повинность эта извѣстна подъ именемъ „custodia castri“ или „stroża“ (*Raczynski*, Codex dipl. Mag. Polon., 35,—годъ 1259).

[2]) II. С. .1. III, 168 и пр.

[3]) Ibid., 88.

[4]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 118.

[5]) Ibid., ч. VII, т. I, 588.

[6]) Напримѣръ, по люстраціи Остерскаго замка, 1628 (ibid., стр. 350), болре должны быть на замковой стражѣ во время военной тревоги,—„крѣпко боронить“ замокъ отъ непріятеля.

[7]) Арх. Сборн. I, стр. 188. Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. I, стр. 87; ib. т. II, 22, 26. Arch. Sangusz. IV, 455. А. В. К. XIII, 80 и пр.

Библиотека "Руниверс"

людей, „чергами“, по недѣлямъ [1]). Есть указанія на цѣлыя села сторожей; напримѣръ, по инвентарю Волковыйскаго замка, начала XVI вѣка, для охраны замка наряжались „особые“ сторожа Рудницкіе, жившіе отдѣльнымъ селомъ (изъ 18 службъ) [2]). По инвентарямъ XVI вѣка волости по большей части, въ замѣнъ сторожи патурою, „складаючися“ даютъ замковому уряду денежный сборъ—„сторожовщину“, или „кликовщину“, для найма сторожей, обыкновенно изъ „драбовъ“ [3]).

На такихъ же основаніяхъ наряжалась волостными людьми сторожа „*остроговая*“, или служба „*парканова*я“, для охраны воротъ у „остроговъ“ (паркановъ) — деревянныхъ стѣнъ („тынъ“, „столпье“ и проч.), какими обыкновенно обводились внѣшніе городскіе валы за главными замковыми стѣнами (каменными) [4]).

Въ источникахъ упоминаются, затѣмъ, „особныя“ сторожевыя службы, которыя, подобно польной и замковой сторожѣ, отправлялись волостнымъ нарядомъ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ. Таковы: а, сторожа „*водная*“— изъ „побережниковъ“, охранявшихъ, иногда съ подмогой тяглыхъ людей, рѣчные и озерные ловы отъ „злодѣевъ“ и пр. [5]) б, сторожа *лѣсная*, охрана пущъ отъ порубокъ и истребленія въ нихъ звѣрей — повинность „сторожей лѣсныхъ“ (stróży liesny), гаевниковъ (gaiowin) и мѣстныхъ лѣсничихъ, имѣвшихся въ лѣсныхъ мѣстностяхъ въ имѣніяхъ господарскихъ и панскихъ. Осочники, кромѣ „особной“ службы ловецкой (см. ниже), также берегутъ пущи, чтобы никто самовольно не жегъ въ нихъ золы и не билъ звѣрей, какъ и бортники „бору пильнуютъ“ [6]). Сюда же относится сторожа *ловецкихъ дворовъ* въ пущахъ господарскихъ и пан-

---

[1]) См. напримѣръ, люстраціи Луцкаго и Браславскаго замковъ, половины XVI вѣка (Арх. Ю.-З. Р. ч. XII, т. I, 164.

[2]) *Любавскій*, „Обл. дѣленіе, прилож. № 8.

[3]) О замковой сторожѣ см. Arch. Sangusz. IV, 455—456. А. В. К. XIII, стр. 80, 239; XIV, 177—178. Археогр. Сборн. I, стр. 188; III, № 109. Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. II, стр. 103; ч. VII, т. I, 81, 87, 95, 111, 164, 595; ч. VII, т. II, 22, 26, 35, 414, 601.

[4]) Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. I. стр. 81; ч. VII, т. I, 595, 601, 617 (служба парканова); ч. VII, т. II, 22.

[5]) Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. I, 350; т. II, 170. Въ актахъ упоминаются „*сторожа*“ озеръ, жившіе близъ нихъ домами (*Любавскій*, 325).

[6]) А. З. Р., II, № 149. *Skarb.* № 2234. А. В. К. XIV, стр. 256, 266, 474, 590, 591. Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. I, стр. 205, 483.

Библиотека "Руниверс"

скихъ [1]). в) Сторожа *стадъ* и *табуновъ* конскихъ и рабочаго скота (быдла) въ стайняхъ и на пастбищахъ—повинность пастуховъ и конюховъ стадныхъ [2]); г) сторожа *панскихъ дворовъ*, свирновъ, скарбу и проч. [3]).

Ф. Леонтовичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Археогр. Сборн. I, № 47.

[2]) А. З. Р., II, № 159, п. 30. А. В. К., XIV, 571. Арх. Ю.-З. Р. ч. VII, т. II, 101.

[3]) А. В. К., XIII, стр. 339, 640. Арх. Ю.-З. Р. ч. VI, т. II, 108. Въ одномъ актѣ 1495 г. говорится о повинности волощанъ Жижморскихъ ходить „къ *ставу*“ въ Троки до господарскаго скарба. (Лит. Метр. Записей № 5, стр. 26). Литов. „svirna“=Kammer, Schlafkammer (*Nesselmann*, 510).

Библиотека "Руниверс"

ХРОНОЛОГІЯ ДРЕВНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСНЫХЪ СВОДОВЪ.

Настоящее изслѣдованіе исходитъ изъ нѣкоторыхъ положеній, которыя пока не доказаны. Развитіе этихъ положеній, думаю, равносильно ихъ доказательству. Вотъ почему, оставляя въ сторонѣ всѣ тѣ доводы и соображенія, которые привели меня къ этимъ положеніямъ, я повѣрю здѣсь основательность ихъ въ примѣненіи къ прямой задачѣ настоящаго изслѣдованія—къ истолкованію хронологическихъ данныхъ нашихъ лѣтописей.

1. *Въ основаніи Повѣсти временныхъ лѣтъ лежитъ древнѣйшій лѣтописный сводъ, составленный во второй половинѣ XI столѣтія.* Въ части своей до 1074 года включительно этотъ сводъ сохранился въ спискахъ 2-й редакціи (то-есть, во всѣхъ спискахъ кромѣ Синодальнаго). Новгородской первой лѣтописи. Эта 2-я редакція составлена въ первой четверти XIII вѣка въ Новгородѣ на основаніи рукописи 1-й редакціи, которая уже въ то время потеряла свое начало (первыя 15 тетрадей, недостающихъ въ ней, то-есть, въ теперешнемъ Синодальномъ спискѣ), — для возстановленія этой утраченной части ея. Для этого, я подражая составителю первой редакціи (Синод. сп. до 1200 г.), второй редакторъ изложилъ древнѣйшія событія по найденному имъ не Новгородскому лѣтописному своду, сходному съ Повѣстью временныхъ лѣтъ. Этотъ сводъ, съ которымъ легко познакомиться по 2-му изданію Новгородской лѣтописи Археологической коммиссіи, я назову Начальнымъ сводомъ. *Повѣсть временныхъ лѣтъ представляется распространеніемъ Начальнаго свода.*

2. *Повѣсть временныхъ лѣтъ была извѣстна въ двухъ редакціяхъ. Первая, древнѣйшая, составленная въ 1116 году,* сохрани-

Библиотека "Руниверс"

лась, но далеко не въ первоначальномъ видѣ, въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Академическомъ, Радзивиловскомъ, а также съ позднѣйшими добавленіями въ Никоновскомъ, то-есть, въ тѣхъ спискахъ, гдѣ находится запись игумена Сильвестра. *Вторая редакція составлена на основаніи первой въ 1118 году*: отличается отъ первой въ сохранившихся спискахъ тѣмъ, что доводитъ лѣтописный разказъ не до 1110 года, а до 1118 года, а также нѣкоторыми существенными варіантами въ текстѣ: сюда съ одной стороны относятся списки Ипатьевскій и сходные съ нимъ, съ другой—рядъ списковъ, соединенныхъ съ такъ-называемымъ Софійскимъ временникомъ (= позднѣйшимъ изводомъ 2-й редакціи Новгородской первой лѣтописи): списки Тверской, Софійской 1-й, Новгородской 4-й, Воскресенской и другихъ лѣтописей. Списки первой редакціи (Лаврентьевскій и сход.) и первой категоріи второй редакціи (Ипатьескій и сход.) имѣютъ между собою ближайшее сходство: его можно объяснить только взаимнымъ вліяніемъ. Вспомнивъ, что за Повѣстью временныхъ лѣтъ въ Лаврентьевскомъ и сход. спискахъ слѣдуетъ лѣтопись, ясно обнаруживающая два главныхъ источника Суздальскій и Кіевскій, и что за тою же Повѣстью въ Ипатьевскомъ и сход. спискахъ находимъ лѣтопись, составленную на основаніи тѣхъ же двухъ главныхъ источниковъ, мы поймемъ, что взаимное вліяніе Суздальскаго и Кіевскаго сводовъ отразилось не только на лѣтописномъ разказѣ XII вѣка, но также на предшествующей ему Повѣсти временныхъ лѣтъ. Итакъ, Лаврентьевскій и сход.— это списки первой редакціи, подвергшіеся вліянію списковъ второй редакціи; Ипатьевскій и сход.—это списки второй редакціи, подвергшіеся вліянію списковъ первой редакціи. Софійская 1-я, Воскресенская и сход.—это списки второй редакціи, измѣнившіе много мѣстъ въ первоначальномъ текстѣ подъ вліяніемъ Софійскаго временника, заключавшаго въ себѣ Начальный сводъ.

Изслѣдованіе мое касается хронологическихъ данныхъ до 6453 (945) года, такъ какъ только до этого года замѣчались различія между Начальнымъ сводомъ, 1-ю и 2-ю редакціями Повѣсти временныхъ лѣтъ. Выяснивъ сначала источники хронологіи, которыми пользовался каждый изъ составителей названныхъ трехъ сводовъ, я обращусь затѣмъ къ разсмотрѣнію, на какихъ именно данныхъ основана та или другая дата въ части до 6453 года.

Библиотека "Руниверс"

I. Начальный сводъ.

Составитель Начальнаго свода имѣлъ для хронологическихъ опредѣленій два источника: 1) русскія данныя о числѣ лѣтъ, сколько каждый изъ князей княжилъ, 2) греческую хронику Амартола.

Русскія данныя начинались съ княженія Игоря. Зная сколько лѣтъ княжилъ Святославъ (28 лѣтъ), Ярополкъ (8 лѣтъ), а также что 6496 годъ, годъ крещенія Руси, приходился на восьмой годъ Владимирова княженія, составитель свода, отнявъ отъ 6496—43 года (28 + 8 + 7), получилъ 6453—945 годъ вступленія на столъ Святослава и смерти Игоря. Зная, что Игорь княжилъ 23 года (ибо таково было показаніе русскаго источника), начало его княженія и смерть Олега сводчикъ отнесъ къ 6430 (922) году (6453—23). Дальше въ древность сводчикъ въ своихъ хронологическихъ разысканіяхъ не могъ углубиться—на основаніи данныхъ, представленныхъ русскимъ источникомъ.

Но *греческая хроника Амартола* (въ той части ея, которая принадлежитъ продолжателю Амартола), извѣстная сводчику въ болгарскомъ переводѣ, два раза упоминала о походахъ Руси на Константинополь, первый разъ въ царствованіе Михаила, второй—въ царствованіе Романа. Лѣтописаніе Георгія иниха не дало сводчику прямыхъ указаній на то, къ которому именно году относятся оба эти событія, такъ какъ лѣтописный разказъ не сопровождался въ немъ хронологическими опредѣленіями. Лишь косвенныя данныя дали возможность пріурочить походы Руси къ извѣстнымъ годамъ.

Перехожу къ разсмотрѣнію каждаго года, записаннаго въ Начальный сводъ въ части до 6453 (945) года.

1. Первый походъ, который, замѣтимъ, не приписывается Начальнымъ сводомъ Аскольду и Диру, отнесенъ къ 6362 (854) году. Годъ этотъ выставленъ въ началѣ лѣтописной статьи, озаглавленной „Начало земли русской“, но несомнѣнно относится лишь къ одному изъ событій, описанныхъ въ этой статьѣ; съ увѣренностью можно утверждать, что имъ опредѣляется походъ Руси, такъ какъ для событія не связаннаго съ Византійскою исторіею невозможно было отыскать ближайшаго опредѣленія. „В си же времена бысть въ Грѣчьской земли царь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина (вм. Ѳеодора), иже проповѣдаетъ покланяніе иконамъ въ пръвую недѣлю поста; при семъ придоша Русь на Царьградъ“ и т. д. Изъ этой выдержки видно.

Библиотека "Руниверс"

что время похода опредѣлялось сводчикомъ временемъ царствованія Михаила. Составитель Начальнаго свода обратился къ Амартолу для опредѣленія, когда именно началъ царствовать Михаилъ. Въ болгарскомъ переводѣ Амартола, въ самомъ началѣ описанія Романова царства, онъ нашелъ указаніе на 6428 годъ: „в лѣто 6428 индикта 8 геноуарια мѣсяца въ 6 святыхъ богоявленіяхъ день вѣнчаетъ царь Феодороу женоу его царицею“ [1]). Заключивъ отсюда, что Романъ вступилъ на престолъ въ 6428 году (что согласно съ истиной), составитель Начальнаго свода, высчиталъ по даннымъ Амартола число лѣтъ царствованія предшественниковъ Романа до Михаила включительно, для того чтобы опредѣлить, сколько лѣтъ прошло отъ перваго года Михаилова царствованія до перваго года Романова. Оказалось 78 лѣтъ, а именно: Константиновыхъ 7 лѣтъ, Александровъ 1 годъ, Леововыхъ 25 лѣтъ, Васильевыхъ (19) лѣтъ и Михаиловыхъ 26 лѣтъ. Такимъ образомъ для опредѣленія года вступленія Михаила на престолъ, сводчикъ вычелъ изъ 6428—6478 лѣтъ: въ результатѣ получился 6350 (842) годъ. Остановившись на вопросѣ, въ который годъ Михаилова царствованія случился походъ Руси, сводчикъ замѣтилъ, что противъ описанія его въ рукописи стояла цифра $\overline{\text{ві}}$ (12); она обозначала главу лѣтописнаго разказа, такъ какъ описаніе каждаго царствованія разбивалось въ греческой хроникѣ на главы. Сводчикъ принялъ эту цифру за указаніе того года Михаилова царствованія, когда случилось описываемое событіе. Ту же ошибку повторилъ авторъ этихъ строкъ, когда, встрѣтивъ на поляхъ списка Амартоловой хроники, принадлежавшаго Ундольскому (Румянцевскій музей, № 1289), цифру $\overline{\text{ві}}$, противъ разказа о первомъ нападеніи Руси, заключилъ, что Амартолъ указываетъ на то, что оно относится къ 12-му году Михаилова царствованія. В. Г. Васильевскій указалъ мнѣ, что подобное же смѣшеніе главъ съ годами царствованія замѣчено имъ въ хроникѣ Логооѳета. Двѣнадцатымъ годомъ Михаилова царствованія былъ 6362 (6350 + 12): онъ и выставленъ составителемъ Начальнаго свода въ началѣ его лѣтописнаго разказа.

2. Второй походъ Руси описывается Амартоломъ въ царствованіе Романа: вѣроятно народное преданіе, а можетъ быть и какая-нибудь Повѣсть, связали несчастный походъ на грековъ съ именемъ Игоря. Поэтому, заимствуя разказъ изъ Амартола, составитель Началь-

[1]) Въ изданіи Муральта указанъ одинъ греческій списокъ съ обозначеніемъ 6428 г. (стр. 896, прим.).

Библиотека "Руниверс"

наго свода вставилъ въ него имя Игоря. Но ближайшаго указанія, когда именно, въ какой годъ царствованія Романова, случился походъ, сводчикъ не нашелъ въ текстѣ Амартола: указаніе на главу очевидно было также опущено (ср. отсутствіе цифры на поляхъ въ спискѣ Ундольскаго противъ этого разказа). Вотъ почему годомъ для опредѣленія событія былъ избранъ годъ вступленія Романа на царство, то-есть, 6428 (920) годъ, годъ найденный имъ въ текстѣ Амартола [1]).

3. Слѣдующимъ годомъ въ Начальномъ сводѣ является 6429 (921), подъ которымъ помѣщается извѣстіе о сборахъ Игоря и Олега на новый походъ: извѣстіе это, какъ и самый годъ, сочинены сводчикомъ для связи пораженія 6428 г. съ блестящею побѣдою 6430 г.

4. 6430 (922) годъ основанъ на томъ соображеніи, что съ этого года должно было начаться Игорево княженіе, продолжавшееся по русскимъ даннымъ 23 года, такъ какъ Игорь умеръ въ 6453 году. Подъ тѣмъ же 6430 годомъ описаны славный походъ Олега и смерть его, такъ какъ очевидно въ сказаніи, занесенномъ въ Начальный сводъ, смерть Олега слѣдовала непосредственно за возвращеніемъ его съ похода (Иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Друзіи же сказаютъ, яко идущю ему за море, и уклюну змія в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозѣ).

5. 6448 (940) и 6450 (942) гг., подъ которыми находимъ повтореніе извѣстій уже сообщенныхъ подъ 6430 (922) г.—о войнахъ Игоря съ улучичами и древлянами и о передачѣ дани съ нихъ Свѣнельду, являются вставными годами, сочиненными составителемъ Начальнаго свода для связи разказовъ 6430 и 6453 гг.

Съ 6453 года идетъ счетъ годовъ, согласный съ другими позднѣйшими сводами.

II. Первая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Согласно сдѣланнымъ въ началѣ настоящаго изслѣдованія замѣчаніямъ, матеріаломъ для возстановленія первой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ могутъ служить списки всѣхъ трехъ указанныхъ выше категорій: 1) Лаврентьевскій и сх., 2) Ипатьевскій и сх., 3) Софійская 1-ая лѣтопись и сх. Слѣдуетъ теперь же замѣтить, что въ части до 945

[1]) Заключаю отсюда, что составитель Начальнаго свода не былъ знакомъ со счетомъ по индиктамъ, такъ какъ у Амартола ясно сказано, что походъ случился 14 индикта, а 6428 г. приходился на 8 индикть.

Библиотека "Руниверс"

года *третья* категорія списковъ не представляетъ новыхъ заимствованій изъ греческихъ источниковъ (подобно, напримѣръ, Никоновской лѣтописи); а потому всѣ греческія извѣстія, въ нихъ теперь находимыя, восходятъ ко второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, которая въ свою очередь заимствовала ихъ изъ первой. То обстоятельство, что списки *третьей* категоріи—это такіе списки второй редакціи, которые не подверглись вліянію первой редакціи, объясняетъ намъ, почему нѣкоторыя заимствованія изъ греческихъ хроникъ сохранились здѣсь въ бо́льшей полнотѣ, чѣмъ въ спискахъ *второй* и *первой* категорій. Эти послѣдніе списки, отразивъ на себѣ взаимное вліяніе первой и второй редакцій преимущественно на хронологическихъ датахъ и греческихъ извѣстіяхъ, естественно выпустили и сократили кое-что въ нихъ. Дальнѣйшее изслѣдованіе разъяснитъ высказанное здѣсь предположеніе.

Составитель первой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, для опредѣленія хронологическихъ данныхъ въ части до 6453 (945) г., пользовался: 1) Начальнымъ сводомъ, только что нами разсмотрѣннымъ, 2) сказаніемъ о Кириллѣ и Меѳодіи, къ которому присоединилось извѣстіе о нашествіи угровъ на славянскія земли, 3) договорами съ греками, 4) хроникою Амартола.

Въ *первомъ* источникѣ составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ нашелъ 6362 (854) г., который былъ принятъ имъ не за годъ похода Руси на Царьградъ, а за первый годъ царствованія Михаила и за начало русской земли, и 6428 (920) г.—первый годъ царствованія Романа; другими данными онъ не воспользовался по причинамъ, которыя выяснятся ниже.

Во *второмъ* источникѣ, въ сказаніи о Кириллѣ и Меѳодіи или о переложеніи священнаго писанія на славянскій языкъ, онъ нашелъ 6377 (869) годъ, годъ смерти Кирилла, принятый имъ за годъ крещенія болгаръ, на основаніи извѣстія читаемаго въ этомъ сказаніи: „Костянтинъ же возвратися вспять, и иде учитъ болгарьскаго языка", при чемъ въ подлинномъ сказаніи тутъ же вѣроятно слѣдовало извѣстіе о смерти Константина. То же обстоятельство объясняетъ, почему въ житіи св. Климента „призваніе болгарскаго народа" отнесено къ 6377 г. отъ сотворенія міра. Кромѣ того въ этомъ же сказаніи, по поводу переложенія книгъ на славянскій языкъ Меѳодіемъ († 886 году, согласно похвалѣ; 885, согласно житію), было сказано, что отъ крещенія болгарскаго (разумѣя подъ этимъ крещеніе Бориса въ 859 г., можетъ быть неправильно относимое къ 855 году) до переложенія

Библиотека "Руниверс"

книгъ (884—885 г.) прошло 29 лѣтъ. Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ понялъ, что 29 лѣтъ надо считать съ 6377 года, а потому переложеніе книгъ отнесъ къ 6406 году [1]).

Въ *третьемъ* источникѣ, въ договорахъ съ греками, составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ нашелъ даты, когда они были заключены, а именно 6415, 6420 и 6458 гг.

Наконецъ въ *четвертомъ* источникѣ, въ хроникѣ Амартола, онъ нашелъ данныя для опредѣленія годовъ вступленія императоровъ, слѣдовавшихъ за Михаиломъ—Василія, Леона и Романа, а также для пріуроченія нѣкоторыхъ событій русской и болгарской исторіи, упоминаемыхъ Амартоломъ, къ тому или другому году. Исходною точкою при работахъ надъ этимъ источникомъ былъ 6362 (854) годъ, найденный въ Начальномъ сводѣ и признанный за первый годъ Михаилова царствованія. Зная, напримѣръ, что Михаилъ царствовалъ 25 лѣтъ одинъ, а съ Василіемъ 1 годъ, онъ относитъ начало единодержавія Василія къ 6388 году; а смерть Василія, царствовавшаго 19 лѣтъ, и воцареніе Леона къ 6407 году. Нѣкоторыя греческія событія составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ поставилъ въ связь съ русскими: такъ, желая опредѣлить время вступленія Олега на столъ и смерть Рюрика, онъ, исходя изъ того, что Рюрикъ былъ современникомъ Михаила, опредѣлилъ годъ его смерти годомъ смерти царя Михаила. Михаилъ умеръ по его разчету въ 6388 году — къ тому же году отнесена смерть Рюрика. Такимъ образомъ оказывалось, что Олегъ, умершій въ 6420 г., княжилъ 33 года.

Всѣ эти соображенія дали составителю Повѣсти временныхъ лѣтъ мысль составить хронологическую таблицу съ указаніемъ главныхъ моментовъ послѣдующаго лѣтописнаго разказа. Эту таблицу онъ помѣстилъ подъ 6362 годомъ, годомъ начала русской земли и первымъ годомъ Михаилова царствованія. По этой таблицѣ отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Ольгова прошло 27 лѣтъ (съ 6362 по 6389, когда Олегъ сѣлъ въ Кіевѣ), Олегъ княжилъ всего 33 года (съ 6388 по 6420), Игорь 23 года (по даннымъ Начальнаго свода, не исправленнымъ въ таблицѣ; въ дальнѣйшемъ лѣтописномъ разказѣ находимъ, что Игорь княжилъ отъ 6420 до 6453). „А всего, прибавлялъ сводчикъ, отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Свя-

[1]) Ср. въ Сказаніи черноризца Храбра 6363 (855) г., какъ годъ составленія славянской азбуки, при чемъ упомянутый здѣсь же Борисъ Болгарскій очевидно крестился въ тотъ же годъ или раньше, по смыслу Сказанія.

Библиотека "Руниверс"

тославля 83 года“ [1]). Затѣмъ слѣдовали года княженій Святослава (28), Ярополка (8) и т. д. по даннымъ Начальнаго свода.

Перехожу къ разсмотрѣнію каждаго года, занесеннаго въ 1-ую редакцію Повѣсти временныхъ лѣтъ.

*1 [2]). 6362 (854) годъ заимствованъ изъ Начальнаго свода: онъ означалъ первый годъ царствованія царя Михаила и время, съ котораго началась русская земля; призваніе князей излагалось въ первой редакціи подъ этимъ же годомъ.

2. 6366 (858) годъ: походъ Михаила царя противъ болгаръ, которые просятъ креститься, — крещеніе болгарскаго князя и бояръ. Извѣстіе заимствовано изъ хроники Амартола, при чемъ ясно, что въ болгарскомъ переводѣ находилось опредѣленіе этого событія четвертымъ годомъ царствованія Михаила. Ср. въ одномъ изъ греческихъ списковъ: Τῷ δ' αὐτοῦ ἔτει ἐκστρατεύσει... (изд. Муральта, с. 732, прим. 15). Михаилъ по представленію сводчика вступилъ на престолъ въ 6362 г.; 6366 годъ былъ четвертымъ годомъ его царствованія. На самомъ дѣлѣ это событіе имѣло мѣсто въ 6367 (859) году.

3. 6374 (866) годъ: походъ Аскольда и Дира на Царьградъ. Отнесенъ къ 12-му году царствованія Михаила на томъ же основаніи, что въ Начальномъ сводѣ: въ хроникѣ Амартола о немъ говорилось въ 12-ой главѣ описанія Михаилова царствованія. На самомъ дѣлѣ это событіе имѣло мѣсто въ 860 году.

4. 6377 (869) годъ: крещена бысть вся земля болгарьская. Выше указано, что этотъ годъ смерти св. Константина, учителя болгарскаго народа, заимствованъ изъ сказанія о переложеніи книгъ.

5. 6384 (876) годъ: Михаилова царства лѣта 22-го, скончася великій кругъ. Это извѣстіе сохранилось въ спискахъ третьей категоріи (Соф. 1-ая, Новг. 4-ая, Воскр., Твер., а также Никон.); что оно находилось именно въ первой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ ясно изъ того, что отнесено къ Михаилову царству. Во второй редакціи съ 6378 года начинается Васильево царство; слѣдовательно, будь это извѣстіе вставлено вторымъ редакторомъ или позже него, было бы указано, что кругъ скончался въ 6-ой годъ Васильева царства. Вто-

---

[1]) Эту цифру 83 находимъ въ Академическомъ спискѣ, но не въ томъ мѣстѣ, гдѣ ей слѣдовало бы быть, за пропускомъ итога лѣтъ отъ Михаила до Святослава: „а отъ 1-го лѣта Игорева до 1-го лѣтѣ Святославля лѣтъ 83“.

[2]) Я отмѣчаю звѣздочкой тѣ года, которые измѣнены во второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

рой редакторъ измѣнилъ лишь 22 на 24, такъ какъ за первый годъ царствованія Михаила принималъ не 6362-й, а 6360-й (см. ниже). Извѣстіе это заимствовано изъ Пасхаліи: дѣйствительно, XII индиктіонъ окончился въ 6384 году.

*6. 6388 (880) годъ: смерть Михаила, его убіеніе (ср. Твер.), воцареніе Василія, землетрясеніе въ день св. Полуекта (Соф. 1-ая, Новг. 4-ая, Твер., Воскр., Никон.). Всѣ извѣстія заимствованы изъ Амартола, а годъ получился отъ сложенія 6362 съ 26 (года царствованія Михаила по Амартолу). На самомъ дѣлѣ Василій Македонянинъ вступилъ на престолъ въ 867 году. Подъ тотъ же годъ отнесены смерть Рюрика и начало Олегова княженія (основанія указаны выше).

7. 6389 (881) годъ и послѣдующіе до 6393 или 6394: Олеговы походы, вокняженіе въ Кіевѣ, покореніе древлянъ, сѣверянъ, радимичей. Эти года сочинены составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ по тому соображенію, что описанныя событія слѣдовали за смертью Рюрика и не могли случиться въ одинъ годъ.

8. 6406 (898) годъ: нашествіе угровъ и переложеніе книгъ на славянскій языкъ. Разказъ, какъ указано выше, заимствованъ изъ особаго сказанія, а годъ получился отъ присоединенія къ 6377 (годъ крещенія болгаръ) 29 лѣтъ, протекшихъ, согласно сказанію, между крещеніемъ болгарской земли и переложеніемъ книгъ. На самомъ дѣлѣ мадьяры явились въ Европу раньше 898 года: уже въ 890 году они въ союзѣ съ греками воюютъ противъ болгаръ; переложеніе книгъ имѣло мѣсто до 885 года (смерть Меѳодія).

*9. 6407 (899) годъ: вступленіе на престолъ Леона, сына Васильева; онъ царствовалъ 25 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ; а послѣ него братъ его Александръ царствовалъ 1 годъ и 29 дней (ср. Твер.). Данныя заимствованы изъ Амартола, а годъ явился изъ сложенія 6388 (годъ вступленія на престолъ Василія) и 19 (года его царствованія). На самомъ дѣлѣ Леонъ началъ царствовать въ 886 году, а братъ его Александръ въ 912 году.

10. 6410 (902) годъ: Леонъ царь посылаетъ угровъ на болгаръ; Симеонъ, князь болгарскій, разбитъ уграми и скрывается въ городъ Дерестръ. Извѣстіе заимствовано у Амартола. Тамъ же составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ думалъ найдти указаніе на годъ царствованія Леона, въ который это случилось. На поляхъ противъ этого разказа стояла цифра 4 (обозначеніе главы) [1]). Заключивъ отсюда,

[1]) Мы находимъ эту цифру въ указанномъ мѣстѣ въ сп. Унд. (№ 1289).

Библиотека "Руниверс"

что событіе относится къ четвертому году Леонова царствованія (съ 6407, ср. выше), составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ помѣстилъ его подъ 6410 годъ. На самомъ дѣлѣ оно имѣло мѣсто въ 890 году.

11. 6411 (903) годъ: женитьба Игоря на Ольгѣ. Мнѣ не ясно, почему она отнесена къ этому году, а также почему въ хронологической таблицѣ второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ (ср. Соф. 1-ая, Воскр. и др.) указано, что Игорь жилъ съ Ольгой 43 года (6411—6453). Можетъ быть это основано на какихъ нибудь данныхъ о годахъ Ольги, вышедшей замужъ за Игоря въ десятилѣтнемъ возрастѣ.

12. 6415 (907) годъ: походъ Олега на Царьградъ. Годъ заимствованъ изъ договора, отрывокъ котораго приводится подъ этимъ годомъ. Что мы имѣемъ дѣло съ офиціальнымъ документомъ, ясно изъ того, что греческими царями названы въ *немъ* Леонъ и Александръ, между тѣмъ какъ въ договорѣ 6420 (912) года—Леонъ, Александръ и Константинъ: дѣйствительно, Константинъ коронованъ въ 911 году отцомъ своимъ Леономъ. 6415 годъ замѣнилъ такимъ образомъ 6430 годъ Начальнаго свода (см. выше).

13. 6419 (911) годъ: явленіе кометы на западѣ. Извѣстіе заимствовано изъ Амартола. Но почему оно отнесено къ 6419 году, не ясно. Можетъ быть изъ текста Амартола составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ заключилъ, что звѣзда эта явилась въ концѣ царствованія Леона и Александра (у Амартола въ царствованіе Александра); поэтому извѣстіе о ней помѣщено къ 6419 году, такъ какъ къ 6420 году отнесенъ договоръ съ греками, а подъ 6421 говорится о вступленіи на царство Константина. На самомъ дѣлѣ комета явилась въ 913 году.

14. 6420 (912) годъ: договоръ съ греками. Годъ заимствованъ изъ текста договора, написаннаго 2-го сентября 6420 года индикта (въ Нов. вр. лѣтъ: недѣли) 15. Смерть Олега отнесена къ тому же году на томъ основаніи, что Олегъ умеръ, согласно Начальному своду (ср. выше), вскорѣ послѣ своего похода подъ Царьградъ, то-есть, вскорѣ послѣ 6415 года; но ранѣе 6420 года нельзя было отнести Олегову смерть, ибо онъ упоминается въ договорѣ этого года; вотъ почему описаніе его смерти помѣщено вслѣдъ за договоромъ 6420 года.

15. 6421 (913) годъ: начало царствованія Константина сына Леонова. Извѣстіе заимствовано изъ Амартола и отнесено къ 6421 году на основаніи того, что царь Александръ умеръ 1-го индикта (ср. въ одномъ изъ греческихъ списковъ: μηνὶ Ἰουνίῳ ϛ'. ἐν ἡμέρᾳ χωριακῇ ἰνδικτιῶνος α'. изд. Муральта с. 798, прим.); первый же индиктъ при-

Библиотека "Руниверс"

ходился на 6421 годъ. Съ этого событія составитель Повѣсти вр. лѣтъ имѣлъ еще нѣсколько разъ случай воспользоваться показаніемъ индикта (ср. ниже). — Константинъ Багрянородный дѣйствительно вступилъ на престолъ въ 913 г. Къ тому же году отнесено начало Игорева княженія.

16. 6422 (914) годъ: Симеонъ Болгарскій идетъ войной на Царьградъ, но заключаетъ миръ и возвращается восвояси. Извѣстіе заимствовано у Амартола и помѣщено непосредственно передъ слѣдующимъ извѣстіемъ о вторичномъ походѣ Симеона: изъ текста Амартоловой хроники ясно, что первый походъ имѣлъ мѣсто въ августѣ и сентябрѣ предшествующаго второму походу года.—На самомъ дѣлѣ походъ Симеона относится къ 913 году. Къ тому же 6422 году отнесенъ походъ Игоря на древлянъ, на основаніи того, что въ Начальномъ сводѣ онъ помѣщенъ непосредственно за извѣстіемъ о началѣ Игорева княженія.

17. 6423 (915) годъ: Симеонъ вторгается во Оракію; греки посылаютъ за печенѣгами; несогласія греческихъ полководцевъ побуждаютъ печенѣговъ удалиться. Болгары разбиваютъ грековъ и овладѣваютъ Адріанополемъ. Извѣстіе заимствовано у Амартола, а годъ выставленъ на основаніи индикта, ср. въ сп. Елл. лѣтоп. (Синод., № 280): сентевриа мѣсяца индиктіѡна третиаго панкратъ арменянинъ ѡдринъ градъ Семеѡну предасть. Дѣйствительно это случилось въ сентябрѣ 914 года. Къ этому же 6423 году отнесено извѣстіе о первомъ нашествіи печенѣговъ на русскую землю: ясно, что извѣстіе это явилось вслѣдствіе перваго упоминанія о печенѣгахъ въ греческомъ лѣтописаніи подъ этимъ годомъ.

18. 6428 (920) годъ: поставленъ бысть Романъ старый неудръжимъ царемъ въ Грецѣхъ, Константиномъ царемъ и Николою патріархомъ (Твер., а въ прочихъ короче, ср. греч. сп. Ῥωμανὸς ὁ Ἀβάσταχτος... τῷ τῆς βασιλείας στέφεται διαδήματι παρὰ Κωνσταντίνου βασιλέως καὶ Νικολάου πατριάρχου, изд. Муральта, стр. 816 и прим.). Извѣстіе заимствовано изъ Амартола; оттуда же взятъ годъ, ср. непосредственно за этимъ: в лѣто 6428 индикта 8 генуарія мѣсяца 6 вѣнчаніе Ѳеодоры (см. выше). Подъ тѣмъ же годомъ извѣстіе: „Игорь воеваше на Печенѣги“ вѣроятно явилось подъ вліяніемъ Начальнаго свода, гдѣ подъ этимъ годомъ описанъ походъ Игоря на грековъ, походъ, перенесенный въ Повѣсти вр. лѣтъ на 6449 г.

✓ 19. 6437 (929) годъ: Симеонъ идетъ на Царьградъ, опустошаетъ Оракію и Македонію, но потомъ, заключивъ съ Романомъ миръ, воз-

Библиотека "Руниверс"

вращается во свояси. Извѣстіе заимствовано у Амартола, а годъ выставленъ на основаніи индикта: „септевриа мѣсяца и҃дѣ (вм. индикта, ср. греч. Σεπτεμβρίῳ δε μηνὶ, ἰνδικτιῶνος β′, изд. Муральта, стр. 824). Б҃. Семенъ князь блъгарскыи“ и т. д. (сп. Унд.). На самомъ дѣлѣ это событіе случилось въ 925 году и не во 2-й индиктъ, а въ 12-й (ср. Murait, Essai de Chronographie, p. 502), при чемъ слѣдовательно β′ ошибочно вмѣсто ιβ′ уже въ греч. подлинникѣ болгарскаго перевода. Черезъ три года, а именно 27-го мая 927 г. 15 индикта умираетъ Симеонъ: но составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ, признавъ событіе 925 года относящимся ко второму индикту, помѣстилъ совершенно послѣдовательно (но и ошибочно) смерть Симеона черезъ 13 лѣтъ (инд. 15—2), ср. ниже.

20. 6442 (934) годъ: первый походъ угровъ на Царьградъ; они опустошаютъ Оракію, Романъ заключаетъ съ ними миръ. Извѣстіе заимствовано у Амартола, и годъ выставленъ на основаніи 7-го индикта: бысть же воина пръваа оугръскаа на грекы индикта 7 априля мѣсяца (Синод., № 280), ср. греч.: ἰνδικτιῶνος ζ′ Ἀπριλλίῳ μηνί. Седьмой индиктъ приходился именно на 6422 г. Дѣйствительно, къ этому году относится описываемое событіе.

21. 6449 (941) годъ: походъ Игоря на грековъ. Описаніе заимствовано изъ Житія Василія Новаго (Веселовскій, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889 г. январь), но годъ основывается на хроникѣ Амартола, гдѣ указано, что походъ случился 14-го индикта: „ноуня же мѣсяца. 18 день. 14 индикта приплоу роусь“ и т. д. Четырнадцатый индиктъ дѣйствительно приходился на 6449 годъ.

22. 6450 (942) годъ: походъ Симеона на хорватовъ; пораженіе Симеона и его смерть, вокняженіе сына его Петра. Извѣстіе заимствовано у Амартола, и годъ основанъ на показаніи индикта: „мѣсяца маіа въ 27 индикта 15 Семенъ князь болгарскій на хорваты подвиже воиноу“ и т. д. Но какъ указано выше, этотъ 15-й индиктъ относится къ 6435 (927) году, составителемъ же отнесенъ на 6450, потому что предшествующее событіе — походъ Симеона на Царьградъ, у Амартола ошибочно отнесенъ ко 2-му, вмѣсто того чтобы къ 12 индикту. Ср. выше. На самомъ дѣлѣ Симеонъ умеръ 27-го мая 927 года [1]).

---

[1]) Въ Твер. лѣтописи подъ этимъ годомъ читается извѣстіе о принесеніи епископомъ Зялою пояса св. Богородицы и о положеніи его во Халкопратіи (а также

Библиотека "Руниверс"

23. 6451 (943) годъ: угры снова идутъ на Царьградъ, но заключивъ съ Романомъ миръ, возвращаются во свояси. Извѣстіе заимствовано у Амартола, а годъ опредѣленъ индиктомъ, такъ какъ у Амартола выставленъ 1-й индиктъ: „индикта 1, априля мѣсяца, придоша паки оугри“ и т. д. Первый индиктъ дѣйствительно приходился на 6451 годъ.

24. 6452 (944) годъ: Игорь занятъ приготовленіями къ новому походу противъ грековъ и беретъ въ союзники печенѣговъ. Корсунцы предупреждаютъ Романа, равно и болгары. Игорь доходитъ до Дуная, здѣсь его останавливаютъ мирныя предложенія грековъ. Онъ возвращается въ Кіевъ, а печенѣги нападаютъ на болгаръ. Источники этихъ извѣстій не ясны, но предупрежденіе корсунцевъ заимствовано изъ Житія Василія Новаго (Веселовскій, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1889 г. январь, стр. 89). 6452 годъ вѣроятно сочиненъ составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ для того чтобы связать событіе 6449 г.—несчастный походъ Игоря, съ мирнымъ договоромъ 6453 г.

25. 6453 (945) годъ: договоръ съ греками. Весьма вѣроятно, что годъ этотъ былъ выставленъ на документѣ, ср. у Татищева: „лѣта 6453. индикта 4. апрѣля 20 въ третію седмицу по Пасхѣ“. Правда, Романъ сверженъ съ престола въ 944 году по показанію большинства византійскихъ историковъ, но нѣкоторые изъ нихъ указываютъ на 945 г. (декабрь).—Далѣе находимъ: повтореніе 6453 года и описаніе Игоревой смерти: и годъ, и разказъ заимствованы изъ Начальнаго свода.

Хронологія дальнѣйшихъ событій въ Повѣсти временныхъ лѣтъ согласуется и основывается на Начальномъ сводѣ, который въ свою очередь опирается на русскихъ данныхъ.

III. Вторая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Составитель этой редакціи внесъ въ первую редакцію рядъ дополненій и поправокъ: такъ ему принадлежитъ поправка въ описаніи призванія князей противъ разказа 1-ой редакціи, основаннаго на Начальномъ сводѣ; Начальный сводъ (Новг. 1-ая л.) и 1-ая редакція

рожденіе Святослава). Въ видѣ предположенія выскажу здѣсь, что извѣстіе это внесено въ Повѣсть временныхъ лѣтъ вторымъ редакторомъ изъ памятника сходнаго съ Никифоровымъ лѣтописцемъ. Ср. то же извѣстіе въ царствованіи Юстиніана въ въ одномъ изъ приложеній къ Воскр. лѣтописи.

Библиотека "Руниверс"

Повѣсти временныхъ лѣтъ (ср. сп. Лавр. и Троиц.) говорятъ, что Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ. 2-ая редакція (ср. сп. Акад., Радз., Ипат. и сх.) сообщаетъ о томъ, что Рюрикъ сѣлъ сначала въ Ладогѣ, и уже потомъ основалъ городокъ на Волховѣ — Новгородъ [1]). Начальный сводъ (Новг. 1-ая л.) и 1-ая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ (ср. Лавр. сп.), въ описаніи крещенія Ольги, говорятъ: „бѣ тогда царь имянемъ Цѣмьскій"; 2-ая редакція (ср. сп. Радз., Акад., Ипат. и сх.) исправляетъ: „Костянтинъ сынъ Леонтовъ".

Не стану увеличивать объема статьи указаніемъ ряда другихъ, аналогичныхъ поправокъ: останавлюсь здѣсь лишь на исправленіи хронологическихъ данныхъ. Второй редакторъ исправилъ хронологію первой редакціи на основаніи *Никифорова лѣтописца вскорѣ* (Νικηφόρου πατριάρχου Χρονογραφικὸν σύντομον). Этотъ источникъ былъ неизвѣстенъ ни составителю Начальнаго свода, ни первому редактору Повѣсти временныхъ лѣтъ; напротивъ, нѣтъ указаній на то, чтобы второй редакторъ былъ знакомъ съ хроникой Амартола [2]). Я думаю, что втораго редактора побудило обратиться къ „Никифорову лѣтописцу вскорѣ" то обстоятельство, что въ хронологическихъ данныхъ первой редакціи оказывался рядъ непримиримыхъ противорѣчій. Такъ въ хронологической таблицѣ подъ 6362 годомъ указывалось, что отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Святослава прошло 83 года (ср. выше), между тѣмъ отъ 6362 до 6453 года — 91 годъ; подъ 6407 говорилось, что царь Леонъ царствовалъ 25 лѣтъ, а Александръ 1 годъ, между тѣмъ уже подъ 6421 помѣщено извѣстіе о началѣ царствованія Константина сына Леонова. Такимъ образомъ хронологическая путаница обнаруживалась какъ въ русскихъ, такъ и въ греческихъ событіяхъ.

Для того чтобы внести поправки въ русскія событія, второй редакторъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, основываясь на данныхъ хронологиче-

---

[1]) Въ спискахъ Соф. 1-ой, Воскр., Твер. и др. лѣт. разказъ заимствованъ изъ Соф. временника (Начальнаго свода), почему сходится съ текстомъ 1-ой ред. (Лавр., Троиц.).

[2]) Необходимо однако замѣтить, что второй редакторъ былъ знакомъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ греческихъ сочиненій, откуда онъ внесъ замѣтки и выдержки какъ въ часть 1111—1158 г., такъ и въ предшествующую часть (первую редакцію, напримѣръ, подъ 1096, 1065 (а именно ср. Твер. сп.) и, можетъ быть, еще др. годами. Кромѣ сочиненій Меѳодія Патарскаго, Ипполита папы римскаго, Епифанія Кипрскаго ему былъ извѣстенъ и какой-то греческій хронографъ (ср. Ипат. 1114 г.).

Библиотека "Руниверс"

ской таблицы первой редакціи, опредѣлилъ прежде всего годъ начала Руси. Основываясь на томъ, что отъ перваго лѣта Михаила и года, когда началась Русская земля, согласно таблицѣ, прошло до перваго лѣта Святослава 83 года, онъ вычелъ эти 83 года изъ 6453 года (смерть Игоря): въ результатѣ оказался 6370 (862) годъ, который и признанъ имъ за годъ начала земли русской, за годъ призванія князей. Имъ онъ и замѣнилъ 6362 (854) годъ Начальнаго свода и 1-ой редакціи. Вычитая изъ 6453 — 6420 г. (годъ смерти Олега), второй редакторъ получилъ въ результатѣ, что Игорь княжилъ 33 года, а не 23, какъ, согласно Начальному своду, показывала 1-ая редакція; вычитая изъ 6420—33 года (княженія Олега), второй редакторъ дошелъ до 6387 (879) года, какъ года смерти Рюрика; первая редакція помѣщала смерть Рюрика подъ 6388 годъ, а подъ слѣдующимъ 6389 говорила о вокняженіи Олега въ Кіевѣ; такимъ образомъ оказывалось, что въ Кіевѣ Олегъ княжилъ 31 годъ (6389—6420).

Обращаясь къ греческимъ событіямъ, то-есть, собственно къ опредѣленію царствованій греческихъ императоровъ, второй редакторъ остановился прежде всего на повѣркѣ перваго года царствованія Михаила. На основаніи Никифорова лѣтописца онъ расчиталъ, что отъ Р. Х. до Михаила прошло 860 лѣтъ, слѣдовательно отъ сотворенія міра 6360 лѣтъ (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897, мартъ). Оказывалось, что первый годъ Михаила царя надо перенести съ 6362 на 6360 (852). Исходя отъ этого года, легко было высчитать время вступленія на престолъ слѣдующихъ императоровъ. Въ спискѣ Никифорова лѣтописца, бывшемъ въ распоряженіи втораго редактора, была та особенность (вызванная описко русскаго писца), что года соправительства Михаила съ матерью и сестрою опредѣлялись не 14 (ѲД), а только 4 (Д) [1]: опредѣляя поэтому общее число лѣтъ царствованія Михаилова 16-ю (4 + 12), второй редакторъ начало Васильева царствованія отнесъ къ 6376 году (6360+16); дѣйствительно, Василій съ этого (968) года былъ соправителемъ Михаила въ теченіе одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Василій царствовалъ

[1]) На основаніи такого списка Никифорова лѣтописца очевидно исправлено въ Россіи или Болгаріи число лѣтъ этого соправительства въ хроникѣ Амартола: вмѣсто 15 (какъ въ греческомъ и въ сербскомъ переводѣ) явилось 4 (Въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897, мартъ, ошибочно указано, что поправка сдѣлана на основаніи Повѣсти временныхъ лѣтъ). Пользуюсь случаемъ отмѣтить опечатку, вкравшуюся въ эту же статью: на с. 220, предпосл. строкѣ вм. 6529 чит. 6520, вм. 1021—1012).

Библиотека "Руниверс"

19 лѣтъ; вотъ почему начало царствованія Льва Мудраго съ 6407 г. (первой редакціи) переносится на 6395 (887) г.

Такимъ образомъ во второй редакціи оказывался слѣдующій рядъ годовъ.

*1. [1]) 6360 (852) годъ съ обозначеніемъ 15 индикта: 1-ый годъ Михаилова царствованія; замѣнилъ 6362 годъ первой редакціи (ср. выше). Подъ этимъ годомъ помѣщена хронологическая таблица, о которой скажемъ ниже.

2. 6366 (858) годъ: соотвѣтствуетъ тому же году въ первой редакціи.

*3. 6367 (859) годъ: подъ этимъ годомъ извѣстіе, находившееся въ первой редакціи и въ Начальномъ сводѣ подъ 6362 г.: Имаху дань Варязи на такихъ то славянскихъ и финнскихъ племенахъ, а козари на полянахъ и пр. Мнѣ совершенно не ясно, почему событіе это отнесено вторымъ редакторомъ къ 6367 году, не ясно также, почему Твер. подъ этимъ годомъ помѣщаетъ слѣдующія строки: въ царство же Михаила царя начася прозвати Русская земля; при немъ ходиша Русь на Царьградъ. Ср. Воскр. лѣтопись, которая подъ этимъ же годомъ говоритъ: при сего же Михаила царствѣ, посылаше за море къ варягомъ къ Руси. Замѣчательно, что Твер. подъ 6387 помѣщаетъ указаніе, что отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Ольгова прошло 22 года; Олегъ началъ княжить въ Кіевѣ въ 6390 (а по другимъ 6389 г.), слѣдовательно черезъ 22 года послѣ 6367 года, признаннаго поводомъ въ какомъ то источникѣ Тверской лѣтописи за первый годъ Михаилова царствованія.

*4. 6370 (862) годъ: призваніе князей; замѣнилъ 6362 годъ первой редакціи (ср. выше).

5. 6374 (866) годъ: соотвѣтствуетъ тому же году первой редакціи, но 12-е лѣто Михаила цесаря передѣлано на 14-е (согласно съ измѣненіемъ 6362 на 6360).

*6. 6376 (868) годъ: началъ царствовать Василій и царствовалъ 18 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ: это число (сохранившееся въ сп. третьей категоріи—Соф. 1-ой, Воскр., Твер. лѣтописяхъ), заимствовано вторымъ редакторомъ изъ Никифорова лѣтописца: у Амартола 19 лѣтъ. 6376 годъ замѣнилъ 6388 годъ первой редакціи (ср. выше).

7. 6377 (869) годъ: соотвѣтствуетъ тому же году первой редакціи.

---

[1]) Звѣздочкой отмѣчаю исправленные и вновь введенные года второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

8. 6384 (876) годъ: конецъ великаго круга; соотвѣтствуетъ тому же году первой редакціи; но 22 лѣто Михаилова царствованія замѣнено 24-мъ (ср. Соф. 1-ая, Твер., Воскр. и др.).

*9. 6387 (879) годъ: смерть Рюрика; этотъ годъ замѣнилъ 6388 годъ первой редакціи, какъ указано выше.

*10. 6390 (882) годъ: вокняженіе Олега; этотъ годъ замѣнилъ 6389 (ср. Лавр.) годъ первой редакціи по причинѣ для меня не ясной.

11. 6391—6393 гг.: соотвѣтствуютъ тѣмъ же годамъ первой редакціи.

*12. 6395 (887) годъ: воцареніе Леона сына Васильева „иже Левъ прозвася,—и братъ его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6". Другое имя, то-есть, переводъ Леона на Левъ, заимствовано вторымъ редакторомъ изъ Никифорова лѣтописца. Что до цифры 26 — лѣта царствованія Леона и Александра, то ею замѣнены цифры 25 г. и 8 м. и 1 г. 29 д. (первой редакціи; онѣ сохранились въ Твер.). Въ Никифоровомъ лѣтописцѣ не указывались года Леонова царствованія, такъ какъ онъ въ этомъ мѣстѣ прерывался [1]); 6395 годъ замѣнилъ 6407 г. первой редакціи по указанной выше причинѣ.

13. 6406, 6410, 6411, 6415, 6419, 6420, 6421 — 6423, 6428, 6437, 6442, 6449 — 6453 года соотвѣтствуютъ тѣмъ же годамъ первой редакціи.

Изъ этого обзора ясно, что послѣдняя поправка, которую могъ сдѣлать второй редакторъ касалась царствованія Леона. Это объясняется тѣмъ, что источникъ, на которомъ основаны поправки, „Лѣтописецъ вскорѣ Никифора" прерывался на царствованіи Леона. Но зависимость втораго редактора отъ Никифорова лѣтописца еще яснѣе выступаетъ въ текстѣ, слѣдующемъ за извѣстіемъ о вступленіи Леона на престолъ. Мы находимъ въ спискахъ, ближе всего стоящихъ ко второй редакціи, вслѣдъ за этимъ (Новг. 4-ая, Софейская, Никон.: Леонъ царствова иже и Левъ прозвася и братъ его Александръ. иже царьствоваста лѣтъ 25) [2]): „*Вкупѣ же се лѣта събираются* отъ пер-

[1]) Какъ было замѣчено въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897 г., мартъ, болгарскій переводъ Никифорова лѣтописца сдѣланъ по одному изъ списковъ, обнародованныхъ de Boor'омъ редакціи N'. Между этими списками только одинъ доходитъ до Леона (ср. ниже). Замѣчу, что въ нѣкоторыхъ спискахъ приведенныя выше цифры первой редакціи замѣнены другимъ итогомъ: Новг. 4-ая—25, Переясл.—24, Софійская лѣтопись—25.

[2]) Въ Соф. 1-ой опущено извѣстіе о воцареніи Леона, но хронологическіе итоги помѣщены подъ 6395 годомъ. Въ Твер. итоги перенесены въ статьѣ передъ лѣтописью. Въ Воскр. совсѣмъ опущенъ 6395 годъ.

Библиотека "Руниверс"

ваго лѣта Олгова. понеже сѣде в Кіевѣ до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31" и т. д., то-есть. здѣсь слѣдуютъ итоги лѣтъ княженій русскихъ князей, та хронологическая таблица, которая въ первой редакціи помѣщена подъ 6362 годъ. Подчеркнутыя выше слова ср. у Никифора, гдѣ вслѣдъ за Λέων ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ σοφὸς μῆνα α' ἡμέρας θ' (очевидно списокъ Оксфор., гдѣ читаемъ эту фразу, составленъ въ первый годъ Леонова царствованія) находимъ: „Συνάγονται τὰ ἔτη οὕτως ὡς ὑποτέτακται. Ἀπὸ Ἀδὰμ ἕως τοῦ κατακλυσμοῦ ἔτη βομβ' и т. д. Итакъ, слова „вкупѣ же се лѣта събираются" переведены съ Никифоровыхъ словъ: συνάγονται τὰ ἔτη.

Остановлюсь теперь на двухъ хронологическихъ таблицахъ, замѣнившихъ во второй редакціи хронологическую таблицу 6362 года первой редакціи. Подъ 6360 годомъ, первымъ годомъ Михаилова царствованія, приведена составителемъ второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ краткая таблица изъ данныхъ, заимствованныхъ у Никифора (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897 г., мартъ); изъ нихъ слѣдуетъ, что отъ Р. Х. до Михаила прошло 860 лѣтъ, а отъ сотворенія міра, слѣдовательно, 6360 лѣтъ. Эта таблица замѣнила хронологическія выкладки первой редакціи, о которыхъ мы говорили во II отд. настоящаго изслѣдованія; но выкладки эти не опущены вторымъ редакторомъ, а перенесены имъ подъ 6395 годъ по причинѣ указанной выше (подражаніе Никифорову лѣтописцу). Впрочемъ первое данное этой выкладки — число лѣтъ отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Ольгова князя русскаго — перенесено подъ 6387 годъ (вм. 6389 или 6390—начала Ольгова княженія въ Кіевѣ): ср. въ этомъ мѣстѣ въ Соф. 1-ой, Новг. 4-ой, Воскр.: „а отъ пръваго лѣта Михаилова до пръваго лѣта Олгова Русскаго князя лѣтъ 29" (считая съ 6360 года). Такимъ образомъ вторая хронологическая таблица начинается съ фразы: „отъ перваго лѣта Олгова понеже сѣде в Кіевѣ княжити до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31, и бысть княженіе его лѣтъ 33" и т. д. Я не стану подробно разсматривать измѣненія, внесенныя вторымъ редакторомъ въ таблицу, заимствованную имъ изъ первой редакціи, но укажу, что ему принадлежатъ между прочимъ слѣдующія данныя: отъ Михаила царя до крещенія Болгарскаго 17 лѣтъ (6360—6377), отъ крещенія до преложенія книгъ лѣтъ 29 (6377—6406); отъ преложенія книгъ до крещенія русской земли лѣтъ 92 (6406—6498?); отъ крещенія Русской земли до смерти Владимира и убіенія Бориса и Глѣба (25 лѣтъ, года не указаны въ спискахъ), отъ убіенія Бориса и Глѣба до перенесе-

Библиотека "Руниверс"

нія ихъ мощей 57 лѣтъ (1015 — 1072); отъ перваго до втораго перенесенія (43 г., въ спискахъ ошибочно: 8, 1). Вслѣдъ за этимъ указывались года княженій, слѣдовавшихъ за Владиміромъ: Святополкъ Окаянный 3 года, Ярославъ 40 лѣтъ (заимствовано изъ таблицы первой редакціи), Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ по стольку то (года ихъ княженій опущены во всѣхъ спискахъ), Святополкъ 20 лѣтъ (опущенъ во всѣхъ спискахъ), Владиміръ 4 года (ср. Никон., Софійск., Соф. 1-ая, Новг. 4-ая: а володимеръ ярославичь лѣта 4) [1]). Въ этомъ указаніи на число лѣтъ княженія Владиміра Мономаха я вижу доказательство того, что вторая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ составлена въ 1117 — 1118 году, то-есть, въ четвертый годъ Мономахова княженія, вступившаго на великокняжескій столъ въ 1113 году. Тѣмъ большее значеніе придаю этому доказательству теперь, когда вижу, что это указаніе является въ хронологической таблицѣ именно второй, а не первой редакціи. Я слишкомъ уклонился бы отъ прямой своей задачи, еслибы привелъ теперь же рядъ другихъ данныхъ, приводящихъ къ тому же заключенію, что вторая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ составлена въ 1117—1118 году.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи существующихъ списковъ Повѣсти временныхъ лѣтъ къ основнымъ двумъ спискамъ, до насъ не дошедшимъ — одному первой, другому второй редакціи.

Предложенное выше дѣленіе всѣхъ списковъ Повѣсти временныхъ лѣтъ на три категоріи находитъ подтвержденіе въ настоящемъ изслѣдованіи. Первыя двѣ категоріи списковъ—это 1) списки первой редакціи, исправленные по второй редакціи и 2) списки второй редакціи, исправленные по первой редакціи. Въ спискахъ обѣихъ этихъ категорій (Лавр. и сход.; Ипат. и сход.) находимъ поэтому рядъ отличій отъ списковъ третьей категоріи (Соф. и сход.). Такъ въ нихъ хронологическая таблица русскихъ событій, согласно первой редакціи, сохранена подъ 6360 годомъ; такъ въ нихъ, вслѣдствіе разныхъ исправленій текста, оказываются сокращенія въ извѣстіяхъ, перенесенныхъ, по требованію второй редакціи, съ одного года на другой: опущено убіеніе Михаила, опущено извѣстіе о землетрясеніи подъ 6376 г., опущено извѣстіе объ окончаніи XII индиктіона подъ 6384 г.

[1]) Что владиміръ ярославичъ ошибочно вм. владиміръ (Мономахъ), ясно изъ слѣдующихъ затѣмъ въ Новг. 4-ой, Софійск. 1-ой (кромѣ сп. Цар.) словъ: володимера ярославича сынове: мстиславъ, ярополкъ, вячеславъ, всеволодъ, юрьи, андрей.

Библиотека "Руниверс"

Списки третьей категоріи основаны на исправномъ текстѣ второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ. Поэтому въ этихъ спискахъ мы найдемъ двѣ хронологическія таблицы подъ 6360 и 6395 годами, а также подробности, опущенныя или не внесенныя въ списки первыхъ двухъ категорій въ мѣстахъ, подвергшихся исправленію со стороны втораго редактора: напримѣръ, въ нихъ сохранилось число лѣтъ Васильева царствованія (внесено вторымъ редакторомъ изъ Никифора), точное число лѣтъ Леонова и Александрова царствованій (изъ первой редакціи, по Амартолу) и т. д. Если тѣмъ не менѣе списки этой третьей категоріи въ цѣломъ рядѣ случаевъ совпадаютъ съ особенностями списковъ первой редакціи (частью отразившимися въ спискахъ первой категоріи, каковы Лавр. и сх.), то это объясняется только тѣмъ, что лѣтописный разказъ Повѣсти слился въ нихъ съ лѣтописнымъ разказомъ Начальнаго свода въ изводѣ Софійскаго временника.

Предыдущее изслѣдованіе приводитъ насъ къ заключенію, что въ нашей древней исторіи до 945 года достовѣрными могутъ быть признаны лишь слѣдующіе года, занесенные въ лѣтопись: 907 (договоръ Олега съ греками), 912 (договоръ Олега съ греками), 941 (походъ Игоря на грековъ), 945 (договоръ Игоря съ греками и смерть Игоря).

А. Шахматовъ.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

THE BARLAAM AND JOSAPHAT LEGEND IN THE ANCIENT GEORGIAN AND ARMENIAN LITERATURES BY *F. C. Conybeare* (Folk-Lore. London. 1896. VII, стр. 101—142).

Англійскій ученый, извѣстный своими работами о греческихъ классикахъ и христіанскихъ памятникахъ въ древне-армянской литературѣ, въ предлежащей брошюрѣ старается дать новое освѣщеніе вопросу о грузинскомъ и армянскомъ изводахъ извѣстной душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Въ отношеніи грузинскаго извода — Мудрости Балавара — Conybeare не говоритъ ничего новаго; отъ его вниманія, повидимому, ускользнуло и то, что житіе Евѳимія Святогорца, составленное въ XI вѣкѣ, свидѣтельствуетъ независимо отъ греческихъ списковъ *Варлаама и Іоасафа* о переводѣ этой повѣсти Евѳміемъ Иверомъ съ грузинскаго на греческій языкъ. За то англійскому ученому принадлежитъ заслуга въ признаніи и установленіи за армянскимъ текстомъ [1]) извѣстной

[1]) Въ цитованной работѣ (стр. 113—132) Conybeare даетъ англійскій переводъ большей части армянскаго извода, именно первой его половины цѣликомъ и заключительной части. Въ основѣ этого перевода лежитъ Бодлеянская рукопись 1550-го года (ор. с., стр. 113), которая сличена съ болѣе позднимъ спискомъ по рукоп. Британскаго музея, а также съ Венец. рукописью 1440-го года, но съ послѣднею только въ началѣ и концѣ (ib.). Въ чрезвычайно точномъ переводѣ Conybeare'а намъ бросились въ глаза нѣкоторыя вольности, напримѣръ, усвоенное ноцанэ вчартарутюн артакин гроц *выучился у тихъ мудрости внѣшнихъ* (*свѣтскихъ*) книгъ Conybeare переводитъ „learned all the *use of foreign languages* (ор. с., стр. 114), анти дарнан йоранчюр збаганс *затѣмъ возвращался каждый*

Библиотека "Руниверс"

самостоятельности. Имѣвшіе случай до него высказываться по тому же предмету видѣли въ армянскомъ текстѣ извлеченіе изъ греческаго подлинника, и это главнымъ образомъ со словъ Zotenberg'a (*Notice sur le livre de Barlaam et Iosaphat etc.* Paris 1886). Conybeare утверждаетъ, что армянскій текстъ представляетъ особый изводъ, слишкомъ отличный отъ существующаго греческаго текста, чтобы считать его простымъ, хотя бы и сокращеннымъ переводомъ. Такъ, въ армянскомъ текстѣ сравнительно съ греческимъ много прибавленій и особенностей, которыхъ нельзя признать произвольными или случайными, такъ какъ тѣ же черты наблюдаются въ нехристіанскомъ арабскомъ, а также въ еврейскомъ и даже въ грузинскомъ изводахъ (ор. с., стр. 135—136). Цѣлый рядъ подобныхъ случаевъ, отчасти приведенныхъ тутъ же (ор. с., стр. 136—139), по предположенію Conybeare'a (ор. с., стр. 139), совершенно устраняетъ мнѣніе тѣхъ, которые усматривали въ армянскомъ текстѣ сокращеніе существующаго греческаго текста; тѣмъ не менѣе англійскій ученый не отрицаетъ вовсе, что армянскій текстъ представляетъ сокращеніе какого-то извода, очень близкаго къ извѣстному греческому подлиннику (ор. с., стр. 139). Этотъ близкій изводъ, по его мнѣнію, существовалъ и на греческомъ языкѣ.

Хотя мы предпочли бы предварительно имѣть въ рукахъ пространную редакцію армянскаго текста, недавно открытую въ Эчміадзинской монастырской библіотекѣ о. Месропомъ Тэръ Мосисяномъ (см. Зап. Вост. Отд. Имп. Русс. Арх. Общ., X, стр. 213), все же и теперь можемъ присоединиться къ мнѣнію Conybeare'a въ изложенной нами части [1]). Однако Conybeare идетъ дальше: онъ думаетъ, что армянскій текстъ, восходящій къ несохранившемуся греческому изводу душеполезной *Повѣсти*, переведенъ не прямо съ греческаго, а при посредствѣ сирійскаго. Конечно, ничего невѣроятнаго въ этомъ нѣтъ;

къ *своему занятію* у Conybeare'a after which they return to their several *cities* (ор. с., стр. 123). Неудобно и то, что имя „Арашис", „Аракис" армянскаго текста, въ англійскомъ переводѣ замѣнено девять разъ (ор. с., стр. 126 — 129) нарицательнымъ „the vezier".

[1]) На „отличіе во *многихъ* мѣстахъ" армянскаго текста отъ греческаго указывалъ и о. Зарбханалянъ, называющій армянскій переводъ не лишеннымъ значенія, хотя и „не особенно древнимъ" (Catalogue des anc. traductions arm, Венеція, 1889, стр. 580). О. Зарбханалянъ ссылается на „одну" рукопись, хранящуюся въ библіотекѣ венеціанскихъ мхитаристовъ: не представляетъ ли эта рукопись списокъ полнаго перевода?

Библиотека "Руниверс"

но Conybeare полагаетъ, что это мнѣніе вытекаетъ изъ разсмотрѣнія самаго текста армянскаго, для чего и приводитъ доказательства. Вотъ эти-то доказательства намъ кажутся неубѣдительными.

Въ числѣ признаковъ, устанавливающихъ зависимость армянскаго извода непосредственно отъ сирійскаго подлинника, Conybeare указываетъ (op. c., стр. 135) на „постоянное употребленіе (the constant use) причастія вмѣсто окончательной формы глагола“ въ армянскомъ текстѣ. Но на самомъ дѣлѣ причастія эти встрѣчаются лишь ограниченное число разъ, и всегда въ обстоятельственныхъ предложеніяхъ, конструируемыхъ въ армянскомъ съ причастіемъ независимо отъ того, имѣемъ ли дѣло съ памятникомъ переводнымъ или оригинальнымъ.

Сирійское вліяніе видитъ затѣмъ Conybeare въ выраженіи вордикъ мардкан *сыны человѣческіе*, но въ данномъ явленіи ничего исключительно сирійскаго нѣтъ [1]). Это одно изъ библейскихъ выраженій, усвоенныхъ армянскимъ независимо отъ нашей *Повѣсти*. Да и тутъ, въ *Варлаамѣ и Іоасафѣ*, это выраженіе употреблено единственный разъ въ цитатѣ изъ священнаго писанія, и если признавать все же въ немъ „сиріазмъ“, то имъ характеризуется не оригиналъ *Повѣсти*, а оригиналъ того армянскаго текста *Библіи*, изъ котораго взята данная цитата [2]).

Наконецъ, подтвержденіе своего мнѣнія Conybeare видитъ въ присутствіи двухъ сирійскихъ словъ въ армянскомъ текстѣ, именно: 1) „haramé“ *короткій* (op. c., стр. 116, прим. 1) и 2) „kasliath“ *недостатокъ* (op. c., стр. 117, прим. 1 и стр. 135). Но тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ недоразумѣніемъ.

Слова „haramé“ нѣтъ въ армянскомъ текстѣ, а есть „haram“ [3]); оно употреблено во фразѣ: „ана уреми дари ен haram э кеанкн анхарhис айс“ *слѣдовательно жизнь этого міра горька и проклята*, гдѣ „haram“ означаетъ *проклятый*, а не brief *короткій*. Конечно, и въ сирійскомъ имѣется то же самое слово, но въ древне-армянскихъ

---

[1]) Op. c., стр. 120, прим. 1: „sons of men is a Syriac idiom“.

[2]) Цитата съ этимъ сиріазмомъ представляетъ ничто иное, какъ одинъ стихъ *Псалма* (арм. 118-й, 4), и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ сирійскаго текста *Библіи* (Пешитто: *Пс.* 114, 4) также находимъ выраженіе, обратившее на себя вниманіе Conybeare'а.

[3]) é есть 3-е лицо наст. вр. существ. глагола и означаетъ *есть*. Впрочемъ ни въ формѣ „haramé“, ни въ формѣ „haram“, насколько намъ извѣстно, нѣтъ сирійскаго слова, означающаго *короткій*.

Библиотека "Руниверс"

памятникахъ, куда оно могло проникнуть изъ сирійскаго, его не встрѣчаемъ; слово harам появляется въ средне-вѣковыхъ памятникахъ рядомъ со словомъ halal *законный*. также арабскимъ.

Другое слово „kasliat", собственно хасліат. вовсе не означаетъ *defectus* или *deficientia*, какъ толкуетъ Conybeare, сопоставляющій его съ какимъ-то сирійскимъ словомъ [1]). Напротивъ, это арабское слово, въ формѣ отвлеченныхъ качественныхъ именъ: хасліятун, означающее *свойство, качество*.

Въ Эчміадзинскомъ спискѣ вмѣсто хасліат стоитъ хасіат. то-есть другое, но опять-таки арабское слово: хассіятун, также означающее *особенность, свойство*. Самъ текстъ требуетъ слова съ такимъ именно значеніемъ; армянская фраза съ этимъ словомъ—на йет аменайн зорутянц юроц заис уни хасіат, вор hиванд hогвов зна тесанел воч карэ — въ переводѣ гласитъ: „*помимо всѣхъ* (*прочихъ*) *силъ она* (*жемчужина эта*) *обладаетъ тѣмъ свойствомъ* [2]), *что немощный духомъ не можетъ видѣть ее*".

Въ нашемъ текстѣ мы имѣемъ еще одинъ случай [3]) употребленія слова арабскаго происхожденія: это хлайеац *одарилъ халатомъ* [4]), средне-вѣковый армянскій глаголъ, образованный отъ слова хлай = араб. халатун *халатъ*.

Итакъ то, что Conybeare признаетъ въ нашемъ текстѣ сиріазмами, оказывается или обычными явленіями армянскаго синтаксиса и армянской рѣчи, или арабизмами. Поэтому, пока нѣтъ основанія утверждать, что армянскій текстъ переведенъ непремѣнно съ сирійскаго.

Но не указываютъ ли оказавшіеся въ армянскомъ текстѣ арабизмы на арабское его происхожденіе? Конечно. не было бы ничего

---

[1]) Такое слово въ сирійскомъ намъ неизвѣстно, ибо мы не можемъ предположить, что Conybeare имѣлъ въ виду сир. хасіръ̈тѣ, которое въ армянскомъ такъ и звучало бы.

[2]) Переводъ Conybeare'а неточенъ какъ разъ въ передачѣ этого слова (op. c., стр. 117): „for all its powers, it has this *drawback*, that he who is sick in spirit cannot see it".

[3]) Conybeare (op. c., стр. 120, прим. 2) также указываетъ на одно арабское слово „zatim", будто означающее *страусъ* (ostrich) и встрѣчающееся въ армянскомъ текстѣ, но, насколько намъ извѣстно, такого слова нѣтъ, ни въ арабскомъ, ни въ армянскомъ, а если это опечатка вм. „джайлам", что стоитъ въ имѣющемся у насъ спискѣ *Повести* (рукоп. Эчміадзинскаго монастыря, № 1755), то въ послѣднемъ также нѣтъ возможности усматривать заимствованное арабское слово.

[4]) Но Conybeare'у (op. c., стр. 118): „clad him in royal raiment".

Библиотека "Руниверс"

невѣроятнаго въ томъ, если бы армянскій изводъ *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* оказался переводомъ съ арабскаго. Тѣмъ не менѣе доказательствомъ такого происхожденія армянскаго извода указанные арабизмы отнюдь не могутъ служить. Въ нихъ мы и не имѣемъ собственно арабизмовъ, а лишь слова арабскаго происхожденія, употребительныя и не въ арабскомъ, такъ, напримѣръ, въ персидскомъ и даже въ самомъ армянскомъ, но вульгарномъ. Рядомъ съ арабскими въ вульгарномъ армянскомъ получили гражданственность и чисто персидскія слова; въ настоящемъ памятникѣ находимъ и такого персидскаго происхожденія слова, именно „пошиманел“ *раскаиваться* отъ персидскаго „пешиман“ *раскаяніе* [1]).

Арабскія слова въ данномъ случаѣ могутъ указывать не на арабское происхожденіе армянскаго текста, а на его вульгарную редакцію. Въ памятникахъ, писанныхъ средне-вѣковымъ литературнымъ языкомъ, подобныя арабскія или персидскія слова являются въ качествѣ особенностей, внесенныхъ изъ народнаго армянскаго языка, независимо отъ того, восходятъ ли сами памятники къ арабскому источнику или нѣтъ. (Объ этомъ подробнѣе въ печатающемся нашемъ трудѣ: *Сборники притчъ Вардана*, ч. I, § 49, стр. 59 и pass.).

Что нашъ памятникъ въ доступномъ намъ видѣ носитъ слѣды вульгарнаго языка, едва ли кто будетъ оспаривать. Достаточно указать на слѣдующія явленія:

a) hogi *забота* въ нашемъ памятникѣ употреблено въ вульгарной формѣ hogc (= англ. перев., стр. 115, стр. 19—21); болѣе того, это hogc склоняется, какъ чистая основа, такъ въ одной фразѣ (= англ. пер. стр. 115, стр. 10) мы имѣемъ родительный падежъ „hogcoc“.

b) Винит. пад. множ. числа врдовмункс или змардикк.

c) Глагольныя формы гтав вм. егит въ 7-й притчѣ, арцелой вм. арилой вслѣдъ за этой притчей и т. п.

Подобные вульгаризмы въ нашемъ текстѣ памятника будутъ понятны, если вникнемъ въ условія его происхожденія.

Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ армянамъ была извѣстна, вопреки поспѣшному заключенію Zotenberg'a, *Notice sur le livre de B et J.* стр. 94, какъ намъ кажется, ранѣе XV вѣка и притомъ въ болѣе пространной редакціи. Существованіе древней пространной редакціи

---

[1]) „ансосал“ *каяться* отъ „ансос“ = перс. „афсос“ *увы* также не классическое армянское слово, и оно имѣется въ нашемъ текстѣ.

Библиотека "Руниверс"

вытекаетъ изъ одного мѣста въ *Географіи* Вардана, разобраннаго нами въ Зап. Вост. Отд., IV, стр. 395—397.

Пространная редакція, надо полагать, не исчезала съ появленіемъ краткой [1]). Во всякомъ случаѣ сообщеніемъ объ упомянутой выше Эчміадзинской находкѣ лишь подтверждается мнѣніе о существованіи пространной армянской редакціи, основанное на словахъ цитованнаго географа. Но не смотря на весьма вѣроятное существованіе *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* у армянъ и въ болѣе раннее время, ни Варлаамъ, ни Іоасафъ не проникали въ старину въ армянскіе святцы. Составители старыхъ *Синаксаріевъ* игнорировали нашихъ святыхъ. Лишь писатель XV вѣка—Григорій Хлаʻтскій, онъ же Церенцъ, рѣшился включить житіе ихъ въ свой *Синаксарій*, и то внесъ его въ концѣ труда въ качествѣ добавленія.

Въ *Синаксаріи* статьи входили въ сокращеніяхъ и извлеченіяхъ. Кромѣ того Григорій Хлаʻтскій статьи, даже готовыя, заимствуемыя изъ старыхъ *Синаксаріевъ*, подвергалъ бо́льшей или меньшей переработкѣ и, устраняя архаизмы, по возможности упрощалъ слогъ.

Внося *Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ* впервые въ *Синаксарій*, онъ, понятно, долженъ былъ и сократить ее, и изложить болѣе доступнымъ большинству читателей языкомъ. Вотъ въ этой краткой и вуль-

---

[1]) Мы не рѣшаемся ссылаться въ подтвержденіе этого на своеобразно редактированныя Варлаамовы притчи, проникшія въ позднѣйшіе варданскіе сборники, такъ какъ упомянутыя притчи, напечатанныя нами во II части *Сборниковъ притчъ Вардана*, могли быть почерпнуты изъ другихъ, и не армянскихъ, памятниковъ. Несомнѣнно, Варлаамову притчу о спасающемся отъ единорога (въ переводѣ F. Nève'a *cerf*, надо полагать, въ виду обстоятельства, однороднаго съ тѣмъ, что выяснено нами въ Зап. Вост. Отд. V, стр. 212—213 прим.) человѣкъ цитуетъ Ѳома Меџопскій (+1448), F. Nève, *Exposé des guerres de Tamerlan* etc. Bruxelles 1860, стр. 122, но цитата слишкомъ лаконична, чтобы судить, какою исторіи пользовался редакціею—пространною или краткою. Позже, какой то армянскій проповѣдникъ, извѣстный намъ въ рукописи XVII вѣка, приводитъ Варлаамову притчу о благочестивомъ царѣ, собственно притчу о трубахъ, въ проповѣди о послѣднемъ днѣ на апостольскія слова „труба вострубитъ, и возстанутъ мертвые“ (рп. Азіятскаго музея № 3, тетр. XXI, лл. 1а—2b). Въ изложеніи этого проповѣдника притча отличается отъ той редакціи, которая предложена въ *Синаксаріи* Гр. Хлаʻтскаго (Conybeare, op. c., стр. 118), но мы не можемъ настаивать, что она заимствована непремѣнно изъ пространной редакціи армянскаго извода нашей *Повѣсти*; проповѣдникъ, дѣйствовавшій, насколько мы могли заключить по его произведеніямъ, въ районѣ персидскаго вліянія, могъ взять ее изъ какой либо персидской версіи той же *Повѣсти* или совсѣмъ другого памятника.

Библиотека "Руниверс"

гарной редакціи Григорія Хлат'скаго и извѣстна намъ пока *Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ* на армянскомъ языкѣ.

Въ *Замѣткахъ и извлеченіяхъ изъ армянскихъ рукописей* мы уже имѣли случай указать (Зап. Вост. Отд., V, стр. 213), что „въ концѣ *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* находится запись съ именемъ автора армянскаго извода *Повѣсти*, гласящая:

„Я Асатъ (Асадъ), грѣшный рабъ Божій, съ большимъ тщаніемъ и трудомъ, извлекши малое изъ многаго, перевелъ это (житіе) на армянскій языкъ, по порученію (буквально: *подъ рукою*, то-есть, *властью*) одного знатнаго князя Багратуни".

Эта запись сопровождаетъ редакцію Григорія Хлат'скаго, и потому можно бы заключить, что дошедшая до насъ краткая редакція, сохраненная упомянутымъ *Синаксаріемъ*, принадлежитъ не Григорію Хлат'скому, а Асаду, которому это извлеченіе было заказано Григоріемъ Хлат'скимъ для пополненія его труда. Но такое заключеніе было бы несправедливо:

1) Если бы Асадъ работалъ по заказу Григорія, запись не замолчала бы этой подробности.

2) Асадъ вовсе не современникъ Григорія, писателя XV вѣка: а) Асадъ работалъ надъ иностраннымъ текстомъ, тогда какъ ко времени Григорія Хлат'скаго, какъ мы указывали, существовалъ уже армянскій переводъ *Повѣсти*; b) Асадъ работалъ во время какого-то Багратидскаго князя, а въ XV вѣкѣ, насколько извѣстно, въ Арменіи Багратиды были преданіемъ доброй старины.

Особенно древнимъ писатель Асадъ не можетъ быть; едва-ли онъ переводилъ раньше конца XII-го, или даже начала XIII вѣка: иначе къ XIII вѣку, благодаря его переводу, свв. Варлаамъ и Іоасафъ пользовались бы извѣстностью среди армянъ, а въ такомъ случаѣ Тэръ-Исраэлъ внесъ бы житіе названныхъ святыхъ въ свой *Синаксарій*, составленный въ первой половинѣ XIII вѣка [1]). Само имя переводчика Асадъ, арабское „Асаду", указываетъ скорѣе на тѣ же XII—XIII вѣка, чѣмъ на болѣе раннее время: древне-армянскіе писатели прозвища еще получали арабскія, напримѣръ ученый, Саһакъ, прозванный Аникурэшъ=*Абукурейшъ* (Асогикъ, С.-Пб., стр. 158), но имена они носили, насколько пока извѣстно, всегда христіанскія календарныя, а не арабскія. Имѣя ввиду, что послѣдній извѣстный намъ армянскій

[1]) Тэръ-Исраэлъ принялся за составленіе *Синаксарія* по желанію ученаго Ванакана († 1251, см. Авгерянъ, *Варк сербов*, Венеція, XI, стр. 74 Введ.).

Библиотека "Руниверс"

Багратидскій князь упоминается въ 1260 году, время перевода Асадомъ на армянскій языкъ нашей душеполезной повѣсти приходится искать въ предѣлахъ XII—XIII вѣка.

Что, однако, Григорій Хлатскій воспользовался трудомъ Асада, это не подлежитъ сомнѣнію: этимъ и объясняется появленіе разобранной нами записи въ редакціи Гр. Хлатскаго. который удержалъ ее, очевидно, изъ источника.

Такимъ образомъ исторія армянскаго извода *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* обрисовывается въ слѣдующемъ видѣ:

a) При одномъ Багратидскомъ князѣ XIII вѣка, быть можетъ, конца XII вѣка, Асадъ перевелъ *Повѣсть* съ какого то языка на армянскій, повидимому. съ сокращеніями, если слова Асада „извлекши малое изъ многаго" не есть риторическая фраза, сказанная для краснаго словца. Географъ Варданъ, писатель не позже XIV вѣка, пользовался этою, сравнительно пространною, редакціею *Повѣсти*. Быть можетъ, изъ этой же редакціи черпали своеобразныя редакціи Варлаамовыхъ притчъ составители упомянутыхъ вардановскихъ сборниковъ, а также приведенный выше проповѣдникъ.

b) Въ началѣ XV вѣка Григорій Хлатскій (ум. 1425) сократилъ переводъ Асада [1]), причемъ въ изложеніи вкрались нѣкоторыя черты литературнаго языка его времени, и внесъ въ новую редакцію *Синаксарія*, принадлежащую ему. Теперь-то понятно, почему извѣстная пока краткая прозаическая редакція армянскаго извода *Повѣсти* встрѣчается въ спискахъ лишь XV вѣка и позднѣйшихъ.

До обнародованія работы Асада армянскій изводъ приходится изучать въ редакціи Гр. Хлатскаго. Нѣкоторыя общія соображенія касательно армянскаго извода, конечно, можно выставить и съ помощью названной редакціи, но рискованно на основаніи синаксарной краткой редакціи входить въ детальную оцѣнку значенія армянскаго извода *Варлаама и Іоасафа* въ исторіи этой популярной повѣсти.

Н. Марръ.

---

[1]) Аракелъ Бидлисскій (Багишеци) пользовался этимъ сокращеніемъ въ 1434 г., при переложеніи *Повѣсти* на стихи.

Библиотека "Руниверс"

Julius Lippert. Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. B. I. Prag, Wien, Leipzig. 1896.

Д-ръ Ю. Липпертъ, извѣстный русской читающей публикѣ по его переведенной и по русски „Исторіи первобытной культуры", давно уже занимается спеціальными изслѣдованіями по исторіи Чехіи. Въ прошломъ 1896 году онъ выпустилъ въ свѣтъ — издивеніемъ „Общества споспѣшествованія нѣмецкой наукѣ, искусству и литературѣ въ Чехіи"—первый томъ своей „Соціальной исторіи Чехіи въ предгусситское время". Имъ руководило при этомъ „желаніе испытать правильность взглядовъ, добытыхъ въ соціально-историческихъ работахъ общаго рода, на пробномъ камнѣ отечественной исторіи и ея богатыхъ, а для древнѣйшаго времени и во всей полнотѣ доступныхъ источниковъ". Книга написана „исключительно по источникамъ, хотя это не исключаетъ знакомства съ авторитетами и уваженія къ нимъ, а означаетъ довѣріе автора только къ источникамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда добытые имъ результаты находятся въ противорѣчіи съ признаваемыми доселѣ основными воззрѣніями общей соціальной исторіи или съ современными воззрѣніями чешскихъ историковъ". Изъ разряда источниковъ исключаются Краледворская и Зеленогорская рукописи, безъ спеціальнаго изслѣдованія ихъ годности, на основаніи общаго соображенія о незаполнимой пропасти между ихъ показаніями и сообщеніями грамотъ и хроникъ, что, впрочемъ, многократно удостовѣряется въ ходѣ самаго изслѣдованія при рѣшеніи различныхъ вопросовъ.

Все изслѣдованіе должно умѣститься въ двухъ томахъ; первый, лежащій передъ нами, трактуетъ о томъ, что лежитъ въ основаніи развивающагося въ Чехіи *славянскаго* общественнаго порядка; имѣющій появиться второй томъ представитъ тѣ отношенія, которыя развились подъ вліяніемъ *христіанской церкви и нѣмецкаго приселенія*; разумѣется, фактически авторъ не могъ вполнѣ обособить эти два объекта изслѣдованія.

Хотя читатель можетъ получить полное представленіе о цѣломъ трудѣ Липперта лишь послѣ изданія втораго тома, который прольетъ нѣкоторый свѣтъ и на содержаніе перваго, однако и этотъ послѣдній представляетъ собою въ значительной степени самостоятельную, завершенную работу, съ содержаніемъ которой полезно было-бы познакомить русскихъ ученыхъ изслѣдователей.

Лучшимъ средствомъ для этого намъ представляется подробный рефератъ о книгѣ Липперта.

Библиотека "Руниверс"

Она раздѣляется на двѣ основныя части: въ 1-й Липпертъ изслѣдуетъ внѣшнюю организацію Чехіи и ея поступательное движеніе, а во 2-й—внутреннюю организацію.

Приступая къ изслѣдованію, Липпертъ указываетъ на необходимый исходный пунктъ его—установленіе возможно древнѣйшихъ границъ поселенія извѣстнаго народа—въ данномъ случаѣ чеховъ. Ясныя географическія границы Чехіи и въ значительной степени обусловленныя ими границы политическія еще не опредѣляютъ границъ поселенія народа въ болѣе древнее время. А между тѣмъ необходимо отличать владѣнія 1) внутри этихъ старыхъ границъ и 2) въ промежуточной области между ними и вышеуказанными политико-географическими, ибо этимъ различіемъ объясняются различія соціальныхъ и политическихъ образованій. Но говорить объ единой границѣ поселеній въ древнее время можно лишь пролептически: собственно внутри ея мы наталкиваемся на границы многихъ самостоятельныхъ областей поселенія. Обращаясь къ источникамъ для возстановленія этихъ границъ, слѣдуетъ сказать, что данныя до-историческія, до-славянскія и данныя этнографическія—совершенно ненадежны: первыя—въ виду ихъ оторванности отъ чисто-славянскихъ, вторыя—въ виду старой подвижности населенія на территоріи Чехіи.

По историческимъ документамъ можно, правда, установить область нѣмецкой колонизаціи на незанятой славянами территоріи. Но эта территорія, оказывается, ранѣе была заселена славянами: напримѣръ, мѣста дѣйствія первой чешской саги во времена Козьмы (XI вѣкъ) лежали въ лѣсной области. Перемѣна мѣстъ поселеній обусловливалась измѣненіемъ хозяйственныхъ формъ. Скотоводство (съ рыбною ловлей и охотой) предполагаетъ обширную и мало тронутую территорію. Съ развитіемъ земледѣлія послѣдовало сокращеніе площади эксплоатируемой земли, концентрація населенія и освобожденіе отъ культуры ранѣе занятыхъ земель. Въ связи съ этимъ процессомъ находится болѣе строгое обособленіе постоянныхъ мѣстожительствъ, какъ открытыхъ волостей, отъ окружающихъ ихъ марокъ и развитіе понятія о собственности въ тѣхъ и другихъ. Сначала марка служила защитой волостей (Gau), но, съ соединеніемъ нѣсколькихъ волостей, это служеніе прекращалось—онѣ стали ареною внутренней колонизаціи и расширяющагося земледѣлія. Роль защиты постепенно перешла къ земской маркѣ, лѣсному поясу, окружавшему всю Чехію, какъ политико-географическое цѣлое.

Долженъ былъ наступить моментъ, когда желательна стала и ея

Библиотека "Руниверс"

колонизація, а своего поселенческаго матеріала не доставало (XIII вѣкъ); прибѣгли къ чужому. По отличительному признаку чужой и своей колонизаціи можно приблизительно опредѣлить ту границу, которой достигло славянское поселеніе. Изъ этихъ признаковъ одинъ— топографическая номенклатура, языкъ земли — не надеженъ, ибо: 1) въ XIII — XIV вѣкахъ въ Чехіи давали и славянскимъ поселеніямъ нѣмецкія названія и 2) ранѣе постоянныхъ поселеній земская марка имѣла уже свою номенклатуру вдоль торговыхъ путей — для нуждъ купцовъ и стражей. Болѣе надежный признакъ — устройство деревень: славянская деревня всегда сохраняла свою круглую или подково-образную форму, указывающую на первоначальное хозяйственное единство цѣлаго: нѣмецкая колонія имѣла франко-тюрингскую форму длинной и узкой улицы. Послѣднее вспомогательное средство для опредѣленія старыхъ границъ поселенія — современное состояніе лѣсовъ и болотъ: гдѣ они и доселѣ простираются, тамъ нельзя искать старыхъ поселеній.

Лѣса внутри страны можно принять за промежуточныя между волостями и ихъ союзами марки; но возстановить эти союзы, въ виду ихъ постоянной измѣнчивости, можно только съ приблизительною вѣроятностью.

Руководясь всѣми этими данными, Липпертъ и ведетъ читателя вдоль той пограничной линіи, которая опредѣляетъ область позднѣйшей „франкской“ колонизаціи, эту старую марковую землю, отъ области первоначально-славянскаго постояннаго поселенія. Мы не пойдемъ здѣсь за авторомъ, потратившимъ много труда и ученаго остроумія на возстановленіи этой линіи; укажемъ лишь на то, что авторъ очень облегчилъ читателя, приложивъ къ своему сочиненію карту Чехіи, на которой отмѣчена эта линія. Пограничная марка широкимъ почти непрерывнымъ кольцомъ охватывала Чехію и отдѣляла ее отъ сосѣднихъ странъ.

Но гдѣ-же собственно была граница? Понятіе о границѣ лишь образовывалось. Самый марковый лѣсъ, въ отличіе отъ занятой семьями и союзами земли, какъ res nullius, и былъ границей. Послѣ, съ объединеніемъ всѣхъ племенъ подъ единою княжескою властью, взявшею на себя общественную защиту, марка стала собственостью князя. Пока поселенія въ ней не сталкивались, не было нужды въ матеріальной границѣ. Граница владѣній въ этомъ лѣсу опредѣлялась „срединой“ (идеальной) лѣса. Лишь когда „средина“ имѣла свои природные признаки, только тогда граница получала и матеріальный

Библиотека "Руниверс"

смыслъ. Для Чехіи обычно земская граница совпадала съ водораздѣлами. Единственно для границъ въ открытой мѣстности (у торговыхъ путей) необходимы были соглашенія и третейскія рѣшенія. Начиная съ XII вѣка, понадобилась искусственная пограничная линія, ибо марка стала и хозяйственною цѣнностью: когда Чехія вступила въ государственно-правовыя отношенія къ сосѣдямъ, тогда и марка перестала служить исключительно защитой.

Съ XI вѣка, когда земская марка стала собственностью одного княжескаго дома, происходили надѣленія изъ нея большими и малыми частями. Къ этому вынуждала князей потребность въ пастбищахъ. Но получившіе въ пользованіе часть марки не должны были допускать въ ней поселеній, а лѣсъ могли рубить только для своихъ потребностей. Пользованіе маркой состояло, главнымъ образомъ, въ скотоводствѣ, и поэтому допускались въ ней лишь фермы и мызы; для земледѣлія обращались участки, необходимые для прокормленія только работниковъ. Въ XIII вѣкѣ измѣнился характеръ пользованія маркой: на нее смотрѣли уже какъ на національное достояніе, раздѣляемое для цѣлей земледѣлія; поэтому, Карлъ IV долженъ былъ принять подъ свою защиту остатки марки. Во всякомъ случаѣ, благодаря своей незначительности, поселенія болѣе ранней колонизаціи могутъ быть отличены отъ поселеній позднѣйшей (стр. 3—27).

Тотъ же процессъ, что и съ земскою маркой, прошелъ и съ внутренними марками племенъ и волостей или ихъ союзовъ. Д-ръ Липпертъ, руководясь тѣми же методическими пріемами?, пытается во 2-й главѣ возстановить старое разграниченіе волостей. Приступая къ этому, онъ уже высказываетъ убѣжденіе, что эти волости, вообще подраздѣленія Чехіи, — исконные факты чешской исторіи, а не результатъ позднѣйшаго административнаго дѣленія, какъ это думали Палацкій, Томекъ и другіе чешскіе историки. Изслѣдуя поставленный вопросъ, Липпертъ признаетъ руководящее значеніе списка папскихъ десятинъ по деканатамъ (1344 и 1350 годовъ), которымъ пользовались и чешскіе изслѣдователи; сюда онъ присоединяетъ и данныя грамотъ и хроникъ. Малодоказательность и разнорѣчивость результатовъ изслѣдованій своихъ предшественниковъ Липпертъ объясняетъ ихъ забвеніемъ того обстоятельства, что временно-разсѣянныя указанія источниковъ относятся къ предмету, который издавна былъ въ постоянномъ процессѣ. Своему обзору волостей авторъ предпосылаетъ слѣдующія положенія: старыя волости всего яснѣе тамъ, гдѣ онѣ выступаютъ съ племенными обозначеніями (лучане, хорваты),

Библиотека "Руниверс"

большая часть которыхъ была вытѣснена позднѣе обозначеніями по административнымъ центрамъ; названія племенныя—не патронимическія, а если они не патронимическія, то, слѣдовательно, населеніе волостей—не развившаяся въ родъ (Gens) пра-семья, а фратрія—братство пра-фамилій или союзъ такихъ фратрій; границей волостей является линія, проведенная между пограничными приходами различныхъ деканатовъ и совпадавшая съ линіей лѣсовъ, остатки которыхъ сохранились еще и по наше время, съ старыми внутренними марками; эти марки различной ширины представляютъ намъ населенія Чехіи въ видѣ большаго числа или мало или вовсе не связанныхъ между собою лѣсныхъ оазисовъ.

Послѣ пристальнаго изученія территоріи Чехіи (стр. 31—56) Липпертъ приходитъ къ такимъ результатамъ. Слѣдуетъ различность Culturland чешскихъ племенъ отъ ихъ Markland. Этому различію соотвѣтствуетъ различіе въ правообразованіи. Старое племенное достояніе, поскольку оно было подъ плугомъ, сдѣлалось настоящею собственностью семей, отразившею потомъ на себѣ вліяніе развитія семьи и рода. Марковая земля сдѣлась собственностью племенныхъ князей, гдѣ такіе появились, и всякій, поселившійся здѣсь, не могъ уже стать собственникомъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Поэтому, мы можемъ опредѣлить, произошла-ли извѣстная внутренняя колонизація до развитія княжеской власти или послѣ ея, судя по отношеніямъ владѣльцевъ къ своимъ владѣніямъ. Оказывается, что очень рано княжеская власть вытѣснила племенное устройство во всѣхъ племенахъ и волостяхъ, исключая таковыя между Сазавой и Лужницей, между Молдавой и восточнымъ пограничнымъ лѣсомъ.

Всѣ племена распадаются на двѣ группы. Къ первой принадлежатъ племена, занявшія уже въ сложившемся видѣ постоянныя волостныя территоріи, гдѣ они потомъ, съ цѣлями земледѣлія, можетъ быть и концентрировались.

Племена второй группы организовались уже въ Чехіи не позднѣе X—XI вѣковъ, когда группы переселенцевъ изъ старыхъ племенъ продвинулись въ марки и расчистили ихъ, что обыкновенно происходило въ направленіи торговыхъ путей (стражи и фольварки дѣлались центрами новыхъ поселеній).

Липпертъ даетъ при этомъ перечисленіе волостей племенъ той и другой группы.

Чтобы представить себѣ картину заселенія Чехіи въ еще болѣе раннее время—VII вѣкъ, нужно возстановить земскую марку въ той

Библиотека "Руниверс"

широтѣ, какую она должна была имѣть до проникновенія въ нее внутренней колонизаціи, и причислить къ ней, равно и къ внутреннимъ маркамъ, всѣ тѣ области, которыя, благодаря колонизаціи, являются волостями-дочерьми.

Тогда окажется, что въ широкой лѣсной странѣ Чехіи племена поселились группами различной величины. Самая большая группа — это та, поселенія которой широкимъ поясомъ тянулись вдоль лѣваго берега Эльбы. Колонизаціонныя прирѣзки направлялись по путямъ черезъ лѣсъ: къ востоку по линіи Чаславъ-Ждяръ, по срединѣ — по линіи Хрудимъ-Житава, къ сѣверу, въ Польшу—по линіи Градецъ-Кладско. Это—главная группа. Къ сѣверу отъ этой группы расположилась группа ира-племенъ по Цидлинѣ, Мрлинѣ и верхнему Изеру. На востокѣ, на узловомъ пунктѣ торговыхъ путей, сидѣло обособленно большое племя волости Пльзеня; такъ же уединенно на югѣ жили племена нетоличанъ и дудлебовъ. Всѣ древнія поселенія отличались отъ позднѣйшихъ тѣмъ, что при своемъ способѣ хозяйства они не столько концентрировались въ открытыхъ волостяхъ, сколько растекались по маркамъ; это замѣтно въ большой группѣ племенъ даже въ XI — XII вѣкахъ. Вопреки мнѣнію чешскихъ изслѣдователей (Палацкій), едва-ли можно думать, что чехи, переселяясь въ Чехію, были специфически земледѣльческимъ народомъ (стр. 27—60).

Въ двухъ слѣдующихъ главахъ Липпертъ трактуетъ о торговыхъ путяхъ и пошлинахъ въ Чехіи. Торговые пути, по которымъ шла иностранная торговля, были въ высокой степени организующимъ факторомъ чешской исторіи. Они, вопреки мѣрамъ фискальной финансовой политики даже XIII и XIV вѣковъ, отличались замѣчательною устойчивостью и поддаются легкому возстановленію изслѣдователя, благодаря свойствамъ чешскаго пограничнаго лѣса. Переселившіеся въ Чехію славяне уже имѣли извѣстныя потребности, которыя могли находить удовлетвореніе лишь путемъ заграничной торговли; это потребности: получать оружіе и соль и — отпускать рабовъ, бобровыя шкуры и вообще пушной товаръ. Самыя древнія и опредѣленныя указанія на внѣшнюю торговлю относятся къ торговому пути на Пассау и Регенсбургъ, эти громадныя складочныя мѣста на Дунаѣ (соль). Позднѣе поднялся путь на Нюренбергъ (ткани и напитки). Черезъ Рудныя горы шли пути на Эрфуртъ и Галле-Лейпцигъ (соль, ткани, хлѣбъ). Торговля съ Мейсеномъ шла на Хлумъ (Кульмъ). При бойкой торговлѣ со старо-римскими и собственно нѣмецкими землями замѣтно слабое развитіе ея къ сѣверу и къ сѣверо-востоку. Поэтому,

Библиотека "Руниверс"

марковый лѣсъ между нижнею Эльбой и Изеромъ, равно и страны Изерскихъ и Исполиновыхъ горъ почти совсѣмъ не были расчищены торговлей и сохранились для позднѣйшей чисто-нѣмецкой колонизаціи. Торговый путь въ Польшу шелъ на Бреславль и Краковъ. Изъ нижней Австріи черезъ западную Моравію шли въ Чехію два пути: Зноймъ-Иглава и Брно-Житава и нѣкоторые пути изъ Австріи прямо въ Чехію. Наконецъ издавна существовалъ водный путь по Эльбѣ на Магдебургъ.

Торговые пути оказали организующее вліяніе на Чехію. Замѣчательно уже то, что первымъ организаторомъ чешскихъ племенъ былъ франкскій купецъ Само. Плзень получилъ громадное значеніе благодаря тому, что здѣсь сходилось пять путей. Оживленная торговля въ области средней Молдавы дала перевѣсъ здѣшнимъ племенамъ, главное — Прагѣ. Съ внѣшнею торговлей необходимо связана система пошлинъ, которыя въ то время были просто покупкой защиты и безопасности. Платя деньги и такимъ образомъ вступая въ общественный союзъ, купецъ пріобрѣталъ себѣ миръ среди этого союза. Пошлина распадалась на дорожную (mýto), которую платили при входахъ въ волости, и рыночную (teloneum fori, Marktzoll по терминологіи Липперта). Получалъ ее, собственно, носитель общественной власти, старѣйшина или князь, въ вознагражденіе за надзоръ надъ дорогами, за стражу и конвой. Эти пошлины возвышали его среди его сородичей, такъ-какъ они получались уже не изъ общаго достоянія. Подъ тѣмъ-же вліяніемъ торговли произошла и дифференціація волостей и волостныхъ городовъ (бурговъ). Волости, въ которыхъ сходились значительные торговые пути, пользовались своимъ положеніемъ, чтобы захватить сосѣднія и придвигаться къ границѣ, гдѣ начинались торговые пути (примѣры—лучане, Плзень и Прага).

Съ объединеніемъ всей страны должны были пасть дорожныя пошлины; но рыночная продолжала существовать. Она коренилась въ общихъ условіяхъ торговли. Какъ прежде миръ былъ принадлежностью только извѣстныхъ дорогъ, такъ онъ и теперь сталъ принадлежностью только извѣстныхъ рынковъ, на извѣстное или постоянное время. Явился „рыночный миръ“ и его коррелатъ—„рыночная пошлина“ (Marktzoll). Рынки эти устраивались вблизи волостныхъ градовъ или большихъ лѣсныхъ стражей, гдѣ была обезпечена безопасность. Необходимость поддержанія мира, которое разсматривалось какъ проявленіе княжеской власти, и была основаніемъ „системы привиллегій“. Чешскіе историки ошибаются, приписывая нѣмецкому

Библиотека "Руниверс"

вліянію развитіе этой системы въ Чехіи. Еще до этого вліянія только нѣкоторыя населенныя мѣстности Чехіи имѣли jus forense и рыночный судъ. Всего лучше можетъ быть установлено развитіе торговли, развѣтвленіе ея на внутреннюю и внѣшнюю въ исторіи пражскаго рынка, которую и даетъ Липпертъ: здѣсь онъ описываетъ организацію внѣшней торговли, останавливая вниманіе читателя на пражской нѣмецкой общинѣ, которая сдѣлалась опорнымъ пунктомъ всей внѣшней чешской торговли въ центрѣ страны (стр. 60—100).

Въ слѣдующихъ главахъ Липпертъ, пользуясь добытыми до сихъ поръ результатами, возстановляетъ фактическую исторію постепеннаго образованія единаго чешскаго государства. Прежде всего, въ главѣ V онъ описываетъ организаціонную схему и выясняетъ смыслъ первой чешской саги о Любушѣ. Для установленія схемы онъ пользуется аналогіей общественныхъ отношеній у южныхъ славянъ.

У чеховъ, какъ у южныхъ славянъ, искони существовала домашняя община (Hauscommunion, Hausgemeinschaft), которая первоначально есть родъ (Gens), какъ единство высшей отеческой власти. Какъ только роды, въ силу размноженія и расширенія предѣловъ эксплоатируемой ими земли, сталкивались другъ съ другомъ, они во избѣжаніе войны образовывали высшую соціальную единицу — „братство“ (греч. фратріи; римск. curia). Точно такое же братство могло возникнуть и изъ единаго рода, распавшагося на извѣстное число хозяйственныхъ единицъ, домашнихъ общинъ. Во всякомъ случаѣ единство родоваго происхожденія не является необходимымъ условіемъ существованія „братства“; скорѣе таковымъ является единство культа и его объектовъ. Липпертъ находитъ, что чехи уже до переселенія въ Чехію пережили эту стадію, хотя слѣды ея сказываются въ организаціи приходовъ и въ той судебной роли, которую играла такъ-называемыя „osada“.

Объединительный процессъ продолжается и далѣе: происходитъ, подъ тѣми же условіями, соединеніе „братствъ“ въ племя (нѣм. Stamm, греч. фила и римск. триба). Территорію этого новаго соединенія племени можно назвать волостью (Gau).

Но дѣйствіе выше указанныхъ условій останавливается на этой ступени. Состояніе равновѣсія племенъ нарушается лишь тогда, когда одно изъ сосѣднихъ племенъ, путемъ внѣшней торговли или лучшихъ формъ хозяйства, пріобрѣтаетъ силу и богатство и стремится къ высшей организаціи государства. Изрѣдка происходитъ—на случай внѣшней опасности—соединеніе племенъ въ герцогство, съ характеромъ

Библиотека "Руниверс"

временнымъ; но княжество вырабатывается еще рѣже, именно тогда, когда болѣе слабое племя отдается подъ защиту болѣе сильнаго или принуждается къ тому послѣднимъ. Изучая попытки объединенія племенъ, Липпертъ различаетъ два способа и формы его: одни племена объединились путемъ совмѣстнаго роста и обусловленнаго имъ соприкосновенія; другаго рода соединенія произошли на почвѣ внутренней колонизаціи, когда объединялись волости-матери съ волостями-дочерьми. Между прочимъ авторъ устанавливаетъ для X вѣка существованіе государственнаго объединенія восточныхъ племенъ съ центромъ Либицъ на Цидлинѣ. Но прежде чѣмъ обратиться къ ней, Липпертъ пытается найдти историческое зерно саги о Любушѣ. Характеристика Крока и его дочерей указываетъ на элементы княжеской власти: отеческую власть въ домѣ и богатство, третейскій судъ, колдовство для судебнаго процесса и общественный культъ. Личность супруга Любуши—Пшемысла (praemeditans Козьмы=Прометей), родомъ изъ сѣвернаго союза племенъ, указываетъ на брачный союзъ двухъ племенъ, переходящій потомъ въ объединеніе. Но то обстоятельство, что Пшемыслъ получилъ и достояніе Любуши, намекаетъ на завоеваніе, путемъ котораго объединились двѣ группы племенъ.

Смыслъ другой чешской саги—о лучанахъ—таковъ. Племя лучанъ, вмѣстѣ съ 4 сосѣдними волостями, обнимавшее, въ формѣ государства, верховья Егера и доходившее отъ Рудныхъ горъ до истоковъ Эльбы, разоряло собственно чеховъ, соединеніе племенъ на средней Молдавѣ. Только счастье помогло, наконецъ, чехамъ погубить это владѣніе и его князя Властислава, а послѣ убійства его сына и вполнѣ присоединить къ своимъ владѣніямъ (стр. 100—119).

Глава VI—„начатки исторіи организаціи"—разъясняетъ исторію поселенія славянскаго племени въ Чехіи и древнѣйшее отношеніе его къ франкамъ. Липпертъ отрицаетъ древность этого поселенія: первое указаніе на чеховъ онъ видитъ въ разказѣ Фредегара (VII вѣкъ) о Само и о предшествовавшихъ отношеніяхъ чеховъ къ аварамъ, при чемъ онъ признаетъ достовѣрность и спорныхъ извѣстій этого хрониста. Чехія была занята славянами въ 562—563 гг. по Р. Х., черезъ 100 лѣтъ послѣ нашествія гунновъ, и притомъ вмѣстѣ съ аварами; приблизительно черезъ 50 лѣтъ чехи, подъ предводительствомъ чужеземца Само, изгнали аваровъ. Объединеніе славянъ подъ державою Само поддерживалось враждебными отношеніями къ франкамъ, но исчезло со смертью вождя. Предположеніе Палацкаго о сохраненіи

Библиотека "Руниверс"

государства въ рукахъ наслѣдниковъ Само невѣроятно: Козьма со своими 10 герцогами до 894 г. достигаетъ начала VII вѣка, а между тѣмъ онъ ничего не знаетъ о Само. Имперія и папство служили мощными факторами въ образованіи единаго чешскаго государства. Моравія образовала единое княжество лишь тогда, когда она сдѣлалась леномъ Карла Великаго и приняла христіанство изъ Рима при Моймірѣ. Поэтому первыя попытки государственнаго объединенія Чехіи находятся въ связи съ походами на нее германскихъ королей. Липпертъ изслѣдуетъ извѣстія франкскихъ хронистовъ объ этихъ походахъ и приходитъ къ слѣдующимъ взглядамъ: многочисленные походы приводили Чехію въ покровительственное отношеніе къ имперіи, выражавшееся въ платежѣ дани; соотвѣтственно направленію походовъ въ вышеуказанныя отношенія вступили пока лишь западныя племена Чехіи, герцоги которыхъ, въ числѣ 14, явились въ 845 г. въ Регенсбургъ къ Людовику Нѣмецкому и приняли тамъ крещеніе.

Паденіе государства лучанъ привело къ соприкосновенію съ франками и центральныя племена уже въ 50 — 70 гг. IX вѣка; результаты этого соприкосновенія были тѣ же, что и прежде. Восточныя чешскія племена подпали подъ власть Святополка моравскаго, который и обложилъ ихъ данью. Съ паденіемъ моравскаго государства и появленіемъ мадьяръ, чехи (ихъ герцоги) снова вступили въ ленныя отношенія къ нѣмцамъ: въ 895 г. явились въ Регенсбургъ „всѣ чешскіе герцоги“ и во главѣ ихъ Спитигнѣвъ и Витиславъ. Спитигнѣвъ—первый историческій князь собственно чеховъ (племени на средней Молдавѣ), которые только теперь вступаютъ въ ленныя отношенія къ нѣмцамъ, что вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и обусловливаетъ развитіе единаго княжества; Витиславъ—князь восточной группы, предокъ извѣстнаго Славника (стр. 119—153).

Въ связи съ вопросомъ о первомъ чешскомъ князѣ Липпертъ въ слѣдующей VII главѣ разсматриваетъ извѣстную сагу о чешскомъ князѣ Боривоѣ, который, яко бы, въ 894 г. принялъ крещеніе отъ Меѳодія при дворѣ Святополка моравскаго и былъ отцомъ Спитигнѣва. Хронологическая путаница славянскихъ легендъ въ этомъ вопросѣ побуждаетъ Липперта отказать имъ въ достовѣрности и предпочесть латинскіе источники о жизни св. Вячеслава, возникшіе въ X—XII вѣкахъ. Всѣ эти источники не возводятъ генеалогію Вячеслава къ Боривою, который имъ очень мало извѣстенъ, и то подъ вліяніемъ легендъ о св. Людмиллѣ. Историческое зерно всѣхъ ле-

Библиотека "Руниверс"

гендъ по Липперту таково: въ началѣ X вѣкѣ въ Тетинской волости княженіе перешло къ женщинѣ, а въ Прагѣ за малолѣтняго сына правила тоже женщина; по побужденію этой послѣдней и съ помощью главъ волости первая женщина была убита, и ея княженіе соединилось съ пражскимъ государствомъ; только позднѣе, въ развитіи легендъ, всей этой исторіи была придана окраска христіанскаго мученичества, которому, впрочемъ, еще въ XII вѣкѣ не всѣ вѣрили. Во всякомъ случаѣ и франкскія и туземныя извѣстія сходятся въ одномъ: Спитигнѣвъ былъ основателемъ новой эры для пражскаго княжества; но франки болѣе обращаютъ вниманіе на его данническія отношенія къ имперіи, а туземныя легенды болѣе интересуются его христіанскимъ характеромъ (стр. 153—167).

Въ главѣ 8-й Липпертъ продолжаетъ исторію объединительнаго процесса въ Чехіи въ связи съ исторіей отношеній Чехіи къ франкамъ (нѣмцамъ). Послѣ новаго возстанія чеховъ 928 г. и новаго подчиненія князя Вячеслава Генриху I представителемъ политики независимости является Болеславъ I, убійца своего брата. Борьба за независимость кончается признаніемъ подданическихъ отношеній Болеслава къ Оттону I въ 950 г., но сопровождается истребленіемъ мелкихъ герцоговъ, не желавшихъ подчиняться Болеславу въ его политикѣ независимости. Миръ съ Оттономъ заключаетъ одинъ Болеславъ; о subreguli уже нѣтъ рѣчи. Необходима, впрочемъ, одна оговорка: рядомъ съ западнымъ государствомъ Болеслава продолжаетъ существовать восточное государство Славника, поддерживаемое, кажется, родствомъ съ нѣмецкимъ королевскимъ домомъ. Оба владѣльческіе дома участвуютъ въ основаніи чешскаго епископства, при чемъ сынъ Славника Войтѣхъ (Адальбертъ), въ 982 г. получаетъ и епископскій престолъ; но уже въ 996 г. Болеславъ II погубилъ 4-хъ братьевъ Войтѣха и захватилъ Любицкое княжество. Чехія становится единымъ государствомъ (стр. 167—180).

Но единство собственно не создаетъ еще государства. Самый способъ объединенія угрожалъ тѣмъ, что центральная власть, съ громадными владѣніями землею и людьми, откажется вести впередъ внутреннюю организацію государства, а скорѣе будетъ смотрѣть на послѣднее, какъ на свое дворцовое хозяйство, управляемое дворовыми людьми. IX-я, послѣдняя глава 1-й части книги Липперта и обосновываетъ эту мысль. Вся послѣдующая исторія Чехіи наполнена борьбою за введеніе въ государственную жизнь общественнаго принципа, создавшаго болѣе старыя организаціи, говоря современнымъ

Библиотека "Руниверс"

языкомъ,—борьбою за конституцію (Verfassung). Князья выдвигаютъ на первый планъ не общественное благо, а свой патріархальный интересъ „дохода“ (utilitas). Это выражается въ томъ, что они: 1) дѣлятъ страну между членами своего дома, а 2) остальные волости поручаютъ своимъ чиновникамъ (comites) съ цѣлями хозяйственной эксплоатаціи. Но первые, стремясь къ государственному верховенству, а вторые—къ наслѣдственности должностей, угрожали новымъ распаденіемъ государства. Опасность удѣловъ была устранена тѣмъ, что они давались потомъ только въ Моравіи, и тѣмъ, что Бретиславъ издалъ законъ о сеньоратѣ. Владѣльческіе роды, опасные князю, истреблялись князьями по методѣ Болеслава I; для своихъ цѣлей князья пользовались услугами „прозелитовъ“, то-есть дворцовыхъ слугъ незнатнаго происхожденія. Но при отсутствіи настоящей государственной организаціи, при безконтрольности волостныхъ графовъ, послѣдніе тѣмъ болѣе чувствовали себя волостными князьями, что въ ихъ рукахъ сосредоточивалось управленіе громадными княжескими землями. А дремучія марки на окраинахъ представлялись этимъ княжескимъ правителямъ какъ бы ихъ собственностью: такъ возникли владѣнія Витигоновъ, Гроновъ и др. Оттокаръ II вынужденъ былъ вести упорную хотя и не совсѣмъ удачную войну за свои княжескія права (стр. 180—191).

Переходя къ исторіи внутренней организаціи Чехіи, Липпертъ въ 1-й же главѣ этой части своего труда изслѣдуетъ древнѣйшую форму семьи, каковою является уже упомянутая выше домашняя община. Характеристика ея такова: вся земля есть общее достояніе дома; въ работѣ и потребленіи участвуютъ всѣ сочлены по указанію старѣйшины; если не одна кровля, то одинъ очагъ объединяетъ всѣхъ; плоды общаго труда хранятся въ общественной кладовой, хотя индивидъ не вовсе лишается пекулія, хотя бы въ видѣ украшеній, оружія, подарковъ любви. Но уже въ этомъ устройствѣ, очевидно, имѣлись элементы неравенства и неограниченнаго господства домоваго старѣйшины: старѣйшина выдавался своимъ большимъ пекуліемъ въ видѣ денегъ и оружія за гостепріимство и конвой чужеземцевъ, въ видѣ рабовъ отъ военныхъ предпріятій; онъ былъ освященъ практикой домашняго культа. Богатство и жречество постепенно дѣлали старѣйшинство наслѣдственнымъ. Семейная община могла распадаться и образовывать изъ себя такія же новыя общины. Группой лицъ, считавшихся правоспособными къ образованію новой общины и владѣнію соотвѣтствующей территоріею, являлись дѣдъ съ сыновьями и

Библиотека "Руниверс"

внуками; отсюда земельный собственникъ по чешски называется dědic, а его земля—dědina.

Козьма знаетъ этихъ домовыхъ старѣйшинъ подъ терминами seniores и natu majores; они являются у него политическими представителями народа, исключительными отправителями элементарнаго суда и военными вождями общинныхъ контингентовъ. Что касается власти отца въ древней чешской семьѣ, то жена и дѣти были собственностью отца. Но положеніе ихъ, особенно жены, постепенно смягчалось; этому содѣйствовали: ея положеніе, какъ хозяйки дома, защита ея собственнаго рода—съ водвореніемъ покупнаго и договорнаго брака и вмѣшательство государства—впослѣдствіи. Обычною для Чехіи была и полигамія, засвидѣтельствованная даже для эпохи христіанской.

Хотя еще въ XIV вѣкѣ можно найдти отзвуки сознанія о прежнемъ родствѣ рядовыхъ членовъ общины—Genossen—со старѣйшинами, однако оно почти совсѣмъ замерло (стр. 191—207).

Процессъ внутренней дифференціаціи общины, образованія „господъ", Липпертъ изучаетъ въ слѣдующей II-й главѣ. Общая касса и кладовая общины исчезаетъ, такъ какъ старѣйшина и общинники не въ одинаковой степени пополняютъ ихъ. Общинники должны были зарабатывать средства къ пропитанію на своей собственной землѣ. Произошло раздѣленіе господской земли—Dominicalland—отъ крестьянской—Rusticalland. Первая, выдававшаяся своими качествами, размѣрами и расположеніемъ, не подлежала послѣдующимъ передѣламъ и обработывалась принадлежавшими старѣйшинѣ такъ называемыми servi casati; вторая рядомъ съ участками бывшихъ товарищей (теперь они—originarii, indigenae) заключала въ себѣ и участки hospites, посаженныхъ на эти участки старѣйшиной послѣ вымиранія занимавшихъ ихъ прежде семей общинниковъ: уже старѣйшина, а не община является собственникомъ освободившейся земли. Такимъ образомъ простой составъ старой общины помутился, и еще болѣе подчеркивалось отчужденіе общинниковъ и новыхъ господъ (Herrschaft). Сюда присоединяются новые факторы. Князь становится собственникомъ всей земли и, разъ только вымираетъ старѣйшинская семья, къ нему переходитъ вся общинная земля, какъ „выморочное имущество" (Heimfall). Но эти „выморочныя имущества", то-есть собственно притязанія на извѣстныя повинности общинниковъ, князья обычно передавали другимъ владѣльческимъ фамиліямъ: то-есть окончательно и фактически прекращались старыя общинныя отношенія. Накоплявшіеся въ частныхъ рукахъ денежные капиталы, уже начи-

Библиотека "Руниверс"

ная съ XIII вѣка, находили свое примѣненіе въ куплѣ-продажѣ крестьянскихъ чиншей и повинностей: теперь крестьяне постоянно мѣняютъ своихъ господъ. Что касается положенія свободныхъ (Haeredes, dědinici) въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не развилось наслѣдственное старѣйшинство со всѣми его послѣдствіями, то этихъ свободныхъ угнетало возрастаніе государственныхъ повинностей: они предпочитали въ качествѣ „подданныхъ“ платить опредѣленные чинши и оброки, чѣмъ въ качествѣ „свободныхъ“ сносить чрезмѣрныя притязанія государственной власти—особенно, когда „господа“ добились освобожденія своихъ „подданныхъ“ отъ „земскихъ повинностей“ (Landesfronden). Есть указанія, что въ теченіе второй половины XII вѣка число „свободныхъ“ уменьшилось въ 17 разъ; а тогда еще не было, замѣчаетъ Липпертъ, нѣмецкой иммиграціи. Но не должно думать, что отъ старой Hauscommunion ничего не осталось: всѣ позднѣйшія хозяйственныя ограниченія крестьянства (баналитеты) возникли въ Чехіи не отъ инфекціи феодализма, а изъ того идеализированнаго патріархализма, какъ онъ выступаетъ въ Hauscommunion съ утвердившеюся уже наслѣдственною старѣйшинскою властью. Такова чешская соціальная эволюція, вопреки взглядамъ Палацкаго; достовѣрность ея уясняется и аналогіей другихъ славянскихъ странъ—Польши и Сербіи, гдѣ уже не можетъ быть и рѣчи о нѣмецкомъ вліяніи (стр. 207—218).

Въ III-й главѣ Липпертъ выясняетъ то важное значеніе, которое имѣла въ соціальномъ развитіи Чехіи княжеская земля (Fürstenland). Къ чешскому земскому князю перешло наслѣдство старыхъ волостныхъ князей: волостные грады съ ихъ земельными участками и „подданными“ на нихъ, пространныя марки и выморочныя имущества; все это вмѣстѣ съ громадною земскою маркой сдѣлалось его дворцовою вотчиной. „Народная земля“ (Volksland) въ сравненіи съ нею представляется очень ничтожною по своимъ размѣрамъ. Между тѣмъ княжеская земля была страной „несвободы“. Уже въ XI вѣкѣ въ Чехіи имѣло полную силу общее средневѣковое правило, что несвободная земля влечетъ и свободнаго человѣка въ состояніе несвободы. Это правило имѣло и обратную силу: свободная земля, поступая во владѣніе несвободнаго княжескаго слуги, становилась тоже несвободною, попадала въ верховную собственность земскаго князя. Соединенный съ княжескою резиденціей волостной градъ представлялъ собою вполнѣ большую Hauscommunion. Общество града имѣетъ вполнѣ „подданическій характеръ“: servi, ministeriales. Часть „под-

Библиотека "Руниверс"

данныхъ" живетъ во дворѣ, исправляя дворовую службу въ общихъ рабочихъ помѣщеніяхъ—servi curiales, lusi (дворовая челядь); другая часть—размѣщена на мелкихъ земельныхъ участкахъ и исправляетъ назначенныя ей повинности—servi casati. Всѣмъ хозяйствомъ завѣдуетъ управляющій—villicus. Грамоты позволяютъ возстановить довольно полную картину этого крупнаго хозяйства на княжеской землѣ и значительное уже развѣтвленіе труда. Населеніе княжеской земли было, несомнѣнно, реально (dinglich) несвободно; вѣроятно, было и лично несвободно, если только тогда могло существовать различіе этихъ двухъ видовъ несвободы. Свидѣтельства памятниковъ указываютъ на то, что сосѣдство несвободныхъ было опасно и для судьбы свободныхъ, что первые могли быть согнаны со своихъ участковъ (стр. 218—234).

Глава IV-я даетъ обозрѣніе дворцоваго чиновничества, изъ котораго позднѣе развилась государственная администрація. Высшимъ княжескимъ чиновникомъ для древнѣйшаго времени является выше упомянутый villicus; онъ завѣдуетъ продуктами княжескаго хозяйства вмѣстѣ съ натуральными доходами, имѣетъ отношеніе и къ патріархальной расправѣ по ея utilitas. Villicus'a постепенно оттѣсняетъ на второстепенное мѣсто camerarius, что обусловливалось постепенною замѣной натуральнаго хозяйства денежнымъ; camerarius имѣлъ отношеніе и къ суду по его фискальному характеру. Чисто хозяйственное дворовое значеніе имѣли маршалъ, dapifer и pincerna. Дворовый судья, judex curiae, появляется при дворѣ для суда въ собственныхъ владѣніяхъ князя (вмѣсто виллика) и надъ остатками свободнаго населенія (вмѣсто бургграфовъ). Иное, нехозяйственное значеніе имѣли другіе княжескіе чиновники. Castellanus (prefectus, при Оттокарѣ I бургграфъ) охраняетъ общій миръ въ волости, распоряжается вооруженною силой обитателей послѣдней и отправляетъ волостное правосудіе; чешскіе князья не допускали наслѣдственности этой должности. Должности канцлера и нотарія тѣмъ болѣе имѣли нехозяйственное происхожденіе и значеніе. При Оттокарѣ II и еще нераньше значеніе всѣхъ этихъ чиновниковъ значительно поднимается, и они получаютъ себѣ помощниковъ, сами именуясь summi. Нѣкоторые изъ этихъ чиновниковъ встрѣчаются и внѣ Праги. Общее названіе всѣхъ ихъ—beneficiati. Происходили они сначала изъ „подданныхъ", но съ возвышеніемъ значенія должностей—и изъ высшаго класса (стр. 234—249).

Глава V-ая посвящена исторіи дворянства. Въ чешскомъ дворян-

Библиотека "Руниверс"

ствѣ различаются двѣ основныя группы: патріархальное дворянство и служебное. Первое составилось изъ домашнихъ старѣйшинъ, живущихъ на свободной землѣ родовъ; ко второму — относились всѣ тѣ, которые возвысились посредствомъ должностей и службы. Происхожденіе и служба обычно взаимно помогали другъ другу. Старая чешская историческая школа неправильно ставитъ въ связь позднѣйшее панское сословіе съ первоначальными племенными княжескими фамиліями, ибо послѣднія были истреблены. Всѣ viri nobiles раздѣлялись на—primi и secundi ordinis: первые—это представители стараго патріархальнаго и служебнаго дворянства, а вторые — „прозелиты“ изъ общей народной массы путемъ военной службы. Въ періодъ Люксембурговъ появляется новая номенклатура: бароны обозначаютъ высшее дворянство (паны); nobiles—среднее служилое дворянство; владыки—свободныхъ домашнихъ старѣйшинъ. Можно отмѣтить новую дворянскую разновидность—паношей. Въ XIV вѣкѣ начинается обособленіе дворянства отъ низшихъ сословій. Что касается панскаго сословія, то основами его оказываются: 1) крупное землевладѣніе и 2) занятіе дворцовыхъ должностей; обѣ эти основы взаимно вліяли другъ на друга. Это положеніе Липпертъ доказываетъ исторіей самыхъ крупныхъ и старыхъ панскихъ фамилій — Ризенбурговъ, Розенберговъ, Лихтенбурговъ (Гроновъ) и Марквартовъ (стр. 249—263).

Въ главѣ VI-ой Липпертъ разсматриваетъ состояніе несвободныхъ людей. Несвобода имѣла много своихъ формъ и ступеней. Прежде всего, старый классъ рабовъ значительно уменьшился въ силу прекращенія торговли ими. Нѣкогда свободные люди, садясь на княжескую и выслуженную дворянами землю безъ договора, дѣлались несвободными. Существовала одна форма договора, которая обезпечивала имъ нѣкоторый видъ свободы — это такъ называемая „lhota“; существеннымъ признакомъ ея былъ извѣстный срокъ, въ продолженіе котораго крестьянинъ, поднявши землю, могъ пользоваться ею, не опасаясь насильственнаго удаленія съ нея. При занятіи земель въ княжеской маркѣ необходимо было линеальное разграниченіе; такъ появился circuitus или „уѣздъ“. Образовывались эти „уѣзды“ для награжденія княжескихъ чиновниковъ „выслугами“ и для даренія монастырямъ; въ послѣднемъ случаѣ владѣнія, точнѣе ихъ лѣса съ правомъ охоты, находились въ высшемъ надзорѣ княжеской камеры. Особую группу обитателей марки представляли собою „подданные“, поселенные съ цѣлями защиты границъ и дорогъ, равно какъ и съ цѣлями конвоя—такъ называемые „ходы“. Земская марка колонизовалась панскими

Библиотека "Руниверс"

родами изъ избытковъ населенія на землѣ старыхъ домашнихъ общинъ на основаніи договора „льготы".

Положеніе обитателей старыхъ поселеній было въ высшей степени неблагопріятно: уже въ XIV вѣкѣ Штитный признаетъ господъ единственными и безусловными собственниками земли. Старые оттѣнки оригинаріевъ, госпитей и посаженныхъ на землю рабовъ совершенно смѣшались уже въ XII вѣкѣ. Для свободнаго крестьянина совершенно не было пристанища, за исключеніемъ уже позднѣе развившихся городскихъ общинъ на нѣмецкомъ правѣ. Бывали, правда, но очень рѣдко, случаи, что короли признавали свободу перехода крестьянъ въ королевскія помѣстья, но съ необходимымъ платежомъ помѣщику особой подати „wýhost'". Для самаго начала XV вѣка единственною формулою отношеній господъ къ подданнымъ является: „надъ подданными господствовать, ими пользоваться и взимать съ нихъ установленные чинши" (стр. 263—286).

Исключительнымъ представляется среди выше описанной соціальной эволюціи свободное чешское крестьянство, изучаемое Липпертомъ въ главѣ VII-ой. Такое крестьянство сохранилось въ марковой области между Сазавой и Лужницей. Колонизація этой марки произошла въ то время, когда князь не успѣлъ еще наложить на нее свою руку, и не развилось еще наслѣдственное старѣйшинство въ домашней общинѣ. Чешское названіе этихъ свободныхъ мелкихъ собственниковъ— dědinici. Находясь подъ особою защитой князя, они платили ему особый tributum pacis, по чешски „mir". Этотъ „mir" отличается отъ „берны" тѣмъ, что онъ былъ правильно повторявшеюся податью, взимавшеюся только со „свободныхъ"; а „берна" была податью, сбиравшеюся отъ случая до случая и притомъ съ помѣщичьихъ подданныхъ. „Свободные" несли на себѣ и тяжесть „земскихъ повинностей". Они въ позднѣйшее время удерживали, какъ отличительный признакъ своей свободы, подсудность волостному и земскому суду; но когда „берна" стала правильнымъ налогомъ, отъ котораго свободно было лишь дворянство, то она увлекла за собой „свободныхъ" въ крестьянское сословіе, въ концѣ концовъ почти совсѣмъ и поглотившее ихъ (стр. 286—308).

Затѣмъ въ главѣ VIII-й Липпертъ отмѣчаетъ два юридическіе института, находившіеся въ тѣсной связи между собой и обусловливавшіе подвижность землевладѣльческихъ отношеній вмѣстѣ съ образованіемъ крупной собственности; это—княжеское право на выморочныя имущества и система „выслугъ". Князь, какъ собственникъ всей земли,

Библиотека "Руниверс"

дѣлался послѣ исчезновенія старѣйшинскихъ фамилій единственнымъ наслѣдникомъ ихъ владѣній. Наслѣдственное право собственно и развивалось только въ господской фамиліи, а ходъ этого развитія всего лучше можно видѣть въ исторіи чешскаго княжескаго рода. Насколько строго проводился принципъ княжескаго единонаслѣдія по отношенію ко всей поземельной собственности, видно изъ того, что вплоть до 1348 г. даже сынъ не могъ наслѣдовать послѣ отца безъ согласія князя.

Это княжеское право нельзя разсматривать, какъ то дѣлалъ Палацкій, въ видѣ неправильнаго смѣшенія пожалованныхъ имѣній со свободною собственностью; точно такія же притязанія, какъ князья, предъявляли и господа къ своимъ подданнымъ. Борьбу за это право въ только-что указанныхъ двухъ направленіяхъ и изображаетъ намъ Липпертъ. Масса выморочныхъ имѣній служила для князей неисчерпаемымъ источникомъ награжденія своихъ слугъ „выслугами“. Чешская „выслуга“, вовсе не ленъ, а наслѣдственная собственность, давалась не за имѣющую быть выполненною службу, но за исполненную уже. Сначала „выслуги“ давались министеріаламъ; но послѣ и comites не пренебрегали такимъ вознагражденіемъ (стр. 298—310).

Главы IX, X и XI (стр. 310—397) посвящены Липпертомъ обозрѣнію чешскаго судебнаго устройства и его исторіи, пережиткамъ стараго времени въ судебномъ процессѣ и ордаліямъ вмѣстѣ съ присягой. Въ виду того, что данныхъ объ этихъ предметахъ для стараго времени имѣется очень мало, Липпертъ прибѣгаетъ здѣсь къ реконструкціонному пріему и, пользуясь имъ въ высшей степени широко, даетъ очень смѣлыя, остроумныя построенія, за подробностями которыхъ, однако, онъ и самъ не признаетъ полной достовѣрности. Поэтому и мы, не входя въ подробности, остановимся только на самомъ существенномъ. Древнѣйшій судъ—единоличный судъ отца семейства. Онъ нашелъ свое продолженіе въ господскомъ патріархальномъ судѣ. Для самихъ домашнихъ старѣйшинъ и для членовъ разныхъ общественныхъ союзовъ существовали различныя формы третейскаго суда, къ которымъ принадлежалъ и судъ волостной (Gaugericht). Волостной судъ былъ ослабленъ въ своемъ значеніи судомъ помѣщичьимъ и княжескимъ дворовымъ (Hofgericht). Система суда шёффеновъ въ судахъ волостныхъ (собственно—крайскихъ) и судѣ земскомъ была введена, не безъ вліянія нѣмецкаго, Оттокаромъ II; имъ же была введена „poprawa“—родъ уголовнаго суда. Шёффены не были представителями сейма, тогда еще не существовавшаго; все зависѣло отъ королей,

Библиотека "Руниверс"

которые лишь во время образованія дворянскаго сословія въ XIV—XV вѣкахъ постепенно уступили послѣднему право назначать шёффеновъ. Что касается судебнаго процесса, то Липпертъ устанавливаетъ и описываетъ два вида его: 1) о преступленіяхъ и преступникахъ общеизвѣстныхъ и 2) о преступленіи и преступникахъ еще долженствующихъ быть установленными и доказанными. Въ процессѣ перваго рода онъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ процессъ этотъ изъ рукъ заинтересованныхъ лицъ переходитъ въ руки представителей общественной власти, какъ онъ испытываетъ на себѣ вліяніе христіанства и расширившихся общественныхъ отношеній; устанавливаетъ отдѣльные моменты процесса и разбираетъ систему наказаній. Относительно процесса втораго рода Липпертъ предпринимаетъ рядъ интересныхъ экскурсій въ область тѣхъ языческихъ и христіанскихъ вѣрованій, на которыхъ зиждутся разнаго рода ордаліи и присяга, какъ средства доказать обвиненіе и подозрѣніе; описываетъ ихъ формы и постепенныя видоизмѣненія подъ вліяніемъ усовершенствованія нравственныхъ понятій и большей судебной опытности. Здѣсь интересенъ взглядъ Липперта на тѣснѣйшую связь ордалій и присяги, на значеніе механизма суда въ освобожденіи общества отъ абсолютизма личной патріархальной расправы и многое другое.

Въ XII главѣ, которую съ полнымъ правомъ можно назвать заключительною въ книгѣ, Липпертъ занимается возникновеніемъ дворянскаго правленія, исторіей сейма въ Чехіи. Здѣсь его взгляды рѣзко расходятся съ воззрѣніями, принятыми въ чешской исторіографіи. Въ старой Чехіи онъ признаетъ двоякаго рода политическія собранія; одни собранія происходили около князя по неправильно повторявшимся поводамъ вродѣ концентраціи ополченія, принесенія присяги въ вѣрности, избранія епископовъ и пр.; собранія другаго рода были собственно дворцовыми праздничными съѣздами, устраиваемыми князьями для членовъ своего дома, дворцовыхъ чиновниковъ и жителей соотвѣтствующаго прихода, при чемъ на эти праздники стекались областные княжескіе чиновники и вообще всѣ, кто только хотѣлъ и долженъ былъ получить что-нибудь отъ князя или исполнить для него. Изучая извѣстія о собраніяхъ того и другаго рода, Липпертъ находитъ, что вездѣ князь является со всею полнотою своей патріархально-абсолютной власти, что собранія имѣютъ только совѣщательное, а иногда и просто свидѣтельское значеніе. Когда съ прекращеніемъ династіи Пшемысловцевъ, въ началѣ XIV вѣка, въ Чехіи исчезла патріархальная княжеская власть, изъ этихъ собраній разви-

Библиотека "Руниверс"

лись и настоящіе сеймы съ опредѣленною суммою правъ. Податныя привиллегіи Іоанна Люксембургскаго положили основаніе чешскому конституціонному праву. Во времена Карла IV нарушеніе и возстановленіе земскаго мира являются обстоятельствами, дающими сейму общественное значеніе. Въ XV вѣка сеймъ выступаетъ уже, какъ правообразующій факторъ: дворянство успѣваетъ превратить различныя подданническія отношенія крестьянства въ однородную крѣпостную зависимость и кодифицировать ее въ первомъ земскомъ законникѣ. Наконецъ, въ „Пресбургскомъ соглашеніи“ 1499 года все дворянство было уравнено въ правахъ и получило свободное законодательное право (стр. 397—431).

Послѣдняя, XIII глава книги Липперта, не имѣя тѣсной связи съ предыдущими, является какъ бы приложеніемъ къ всей книгѣ. Здѣсь Липпертъ сообщаетъ, можетъ быть и нѣсколько отрывочныя, данныя о военномъ устройствѣ и веденіи войнъ въ Чехіи. Боясь увеличить и безъ того разросшіеся размѣры нашей статьи, мы небудемъ передавать содержаніе этой главы и здѣсь останавливаемся.

Наше изложеніе, въ которомъ, безъ сомнѣнія, опущены или затерялись многіе важные факты и соображенія Липперта, хотя отчасти обнаруживаетъ выдающійся научный интересъ новаго труда по исторіи Чехіи.

Интересъ этотъ обусловливается двумя особенностями, присущими спеціальной чешской исторической литературѣ: 1) ея количественною незначительностью по предгусситскому времени и 2) ея качественною односторонностью, чтобы не сказать — слабостью (если первая часто равняется второй). Послѣ изданныхъ въ 70-хъ годахъ трудовъ Томка, Иречка, Дудика мы до сихъ поръ не дождемся чешскаго сочиненія, которое бы въ цѣлостномъ обзорѣ, со всѣми пріобрѣтеніями спеціальныхъ монографій, представило намъ внутреннюю исторію догусситской Чехіи. Краткій очеркъ правовой исторіи Чехіи Яр. Челяковскаго, появившійся въ „Ottův Slovník naučný“ не измѣняетъ положенія дѣла. Поэтому, можно лишь привѣтствовать давно желаемую и теперь исполненную попытку закрыть этотъ пробѣлъ. Можетъ быть, еще большаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее обстоятельство: всѣ чешскіе историки, кончая Яр. Челяковскимъ, время до конца XII и начала XIII вѣковъ въ исторіи Чехіи характеризуютъ какъ время господства чисто-славянскихъ началъ, земскаго государственнаго строя, развитіе и жизнь которыхъ были потомъ убиты вліяніемъ западной церкви и нѣмецкой государственности.

Библиотека "Руниверс"

Иное болѣе правильное представленіе о ранней чешской исторіи далъ русскій изслѣдователь А. Н. Ясинскій въ своей книгѣ: „Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ (X—XIII вв.), Кіевъ, 1895", гдѣ доказывается, что „мѣстныя условія и нужды вызвали измѣненіе общественнаго и государственнаго строя Чехіи, что несовершенный земскій строй долженъ былъ подъ вліяніемъ новыхъ государственныхъ подробностей разложиться и уступить свое мѣсто высшей формѣ государственности, государству сословно-привиллегированному".

Въ томъ же кругѣ идей вращается приблизительно и Липпертъ, который еще сильнѣе, чѣмъ Ясинскій, разрываетъ съ чешскою историографическою традиціей. Это послѣднее обстоятельство прежде всего сказывается въ самой постановкѣ предмета изслѣдованія. Ясинскій доказываетъ органичность и самобытную непрерывность государственнаго развитія Чехіи лишь въ предѣлахъ такъ называемаго „земскаго" періода, X—XIII вѣковъ, принимая такимъ образомъ конструкцію той школы, съ воззрѣніями которой онъ борется; принятая отъ противниковъ схема чешской исторіи связала изслѣдованіе Ясинскаго уже въ томъ отношеніи, что не позволила ему прослѣдить развивающіеся ряды общественныхъ явленій до ихъ завершенія. Липпертъ, напротивъ, ставя свое изслѣдованіе въ болѣе широкія хронологическія рамки „догуситскаго" періода, имѣетъ возможность показать читателю и окончательные моменты въ развитіи тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій, послѣдовательно проводя такимъ образомъ начало органической непрерывности чешскаго государственно-общественнаго развитія. Собственно-гуситскую эпоху (XV и XVI вѣка), которую Липпертъ вводитъ въ свое изслѣдованіе, какъ время подведенія итоговъ предыдущаго развитія, очевидно, слѣдуетъ считать, по его воззрѣніямъ, началомъ конца чешской исторіи. Со времени Вестфальскаго мира прекращается государственное бытіе Чехіи, и она оказывается провинціей Габсбургской монархіи; книга Липперта доказываетъ эту справедливую мысль, хотя и невысказанную ея авторомъ въ такой ясной формѣ.

Обращаясь къ иным разногласіямъ Ясинскаго и Липперта съ господствующими въ чешской историографіи взглядами, необходимо отмѣтить, что эти разногласія различаются и по своему содержанію и по характеру, особенно рѣзкому именно у Липперта. И Ясинскій и Липпертъ, напримѣръ, согласно съ воззрѣніями чешскихъ историковъ, принимаютъ, что чешское зависимое крестьянство образова-

Библиотека "Руниверс"

лось изъ народной массы, нѣкогда свободной, что. слѣдовательно, населеніе въ Чехіи, какъ и въ Германіи, шло отъ свободы къ зависимости, а не наоборотъ; полемика Ясинскаго противъ Липперта, навѣянная статьею Пейскера „Knechtschaft in Böhmen", была бы теперь недоразумѣніемъ. Но, несогласно съ Липпертомъ, Ясинскій мягкими чертами характеризуетъ зависимость крестьянства и видитъ ея причину въ. обособленіи высшаго сословія, присвоившаго себѣ исключительно военную. службу со второй половины XII вѣка; но самъ Ясинскій сознаетъ слабость своего объясненія (стр. 168). Высшій классъ, дворянство, обязанъ своимъ происхожденіемъ, по мнѣнію Ясинскаго, спеціализаціи военной службы въ рукахъ этого класса; но при этомъ онъ не разъ говоритъ и вообще о свободномъ населеніи, которое также несло военную службу; это не снятое Ясинскимъ противорѣчіе чуждо Липперту, который видитъ начала общественной дифференціаціи уже въ строѣ домашней общины и службѣ князю. При этомъ кстати будетъ указать на то, что Ясинскій не принялъ во вниманіе такихъ факторовъ, которые оказали могущественное вліяніе на внутреннюю исторію Чехіи: хода колонизаціи страны, торговли, образованія единаго чешскаго государства; между тѣмъ отдѣлы, посвященные этимъ предметамъ въ книгѣ Липперта, составляютъ, кажется, лучшую часть ея. Взамѣнъ того Ясинскій обстоятельно изучаетъ въ особой главѣ своего труда исторію такъ называемой „городовой организаціи", въ надеждѣ которой онъ видитъ симптомъ и одну изъ причинъ паденія земскаго строя вообще; эта сторона вопроса почти совсѣмъ не затронута Липпертомъ. Ясинскій, далѣе. не изучаетъ вовсе исторіи чешскаго судоустройства и судопроизводства, исторіи возникновенія дворянскаго правленія или сейма, хотя въ главѣ о „власти государя и положеніи знати" (V-я) приходитъ къ выводу о полнотѣ власти государя Чехіи и сходится такимъ образомъ въ своемъ воззрѣніи съ Липпертомъ; существованіе сейма въ „земскій періодъ" Ясинскій признаетъ догматически, не ставя вопроса о немъ. Любопытны изслѣдованія Ясинскаго о чешскихъ „выслугахъ" и иммунитетахъ; послѣдніе, на основаніи сравненія съ московскими иммунитетами XV вѣка, признаются имъ чисто-чешскимъ, незаимствованнымъ учрежденіемъ. Историко-сравнительный пріемъ, примѣненный здѣсь Ясинскимъ, примѣняется чаще Липпертомъ: напримѣръ, выясненіе происхожденія системы торговыхъ привиллегій въ Чехіи облегчается для Липперта путемъ сравненія съ ходомъ торговли у некультурныхъ народовъ; такимъ же путемъ обращенія къ данныхъ

Библиотека "Руниверс"

общественнаго развитія другихъ народовъ выясняетъ, напримѣръ, Липпертъ значеніе Sok-a въ старомъ чешскомъ процессѣ; организаціонная схема внутренняго развитія чешскаго государства, по крайней мѣрѣ, на своей низшей ступени — Hauscommunion — устанавливается Липпертомъ на основаніи аналогіи общественныхъ отношеній у южныхъ славянъ. Впрочемъ, изученіе внутренней жизни родственныхъ славянскихъ народовъ было бы желательно въ большей степени, чѣмъ это, напримѣръ, сдѣлалъ Липпертъ на стр. 217 своей книги, гдѣ онъ въ доказательство самобытнаго развитія подданничества въ Чехіи ссылается на примѣръ Польши и Сербіи. Этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе необходимо отмѣтить, что въ своемъ изслѣдованіи Липпертъ въ значительной степени пользуется аналогіей общественныхъ отношеній у германцевъ. Если Липпертъ имѣетъ то преимущество передъ Ясинскимъ, что онъ ведетъ исторію чешскаго общественнаго развитія съ VII вѣка, предполагаемаго имъ времени появленія славянъ въ Чехіи, то все-таки остается пожалѣть, что онъ не ввелъ въ свое изслѣдованіе данныхъ лингвистической палеонтологіи объ общеславянскомъ бытѣ, какъ бы ни были они скудны. Къ основнымъ недостаткамъ книги Липперта слѣдуетъ причислить и второй—характера методологическаго: онъ не даетъ ни предварительнаго изслѣдованія источниковъ, ни обозрѣнія литературы предмета. Если обозрѣніе чешскихъ хроникъ и представляется дѣломъ излишнимъ, особенно въ видѣ повторенія чужой работы—какъ у Ясинскаго,—то, напротивъ, изслѣдованіе грамотъ представляется дѣломъ настоятельнымъ; припомнимъ только слова Палацкаго: „если мы не отличимъ опредѣленно и рѣшительно достовѣрныхъ грамотъ отъ недостовѣрныхъ, то намъ никогда не удастся, напримѣръ, узнать и объяснить тѣ многообразныя перемѣны, которыя совершились въ X—XIII вѣкахъ въ правовой жизни и особенно въ земскомъ строѣ Чехіи“ (Ч. Ч. М., 1836, стр. 340). Если въ магистерской диссертаціи начинающаго русскаго ученаго исполнена до извѣстной степени эта работа, то тѣмъ болѣе были мы вправѣ ожидать ее въ „многолѣтнемъ трудѣ“ д-ра Липперта.

Но при всѣхъ вышеуказанныхъ недочетахъ и иныхъ частныхъ ошибкахъ трудъ Липперта заслуживаетъ внимательнаго изученія историковъ-славистовъ. Если книга Ясинскаго обратила на себя вниманіе чешскихъ ученыхъ новизною своихъ взглядовъ, то тѣмъ болѣе трудъ д-ра Липперта является для нихъ, какъ „ein kopfbrechendes Buch“.

И. Петребовъ.

Библиотека "Руниверс"

Книжныя новости.

П. Новгородцевъ. Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. Опытъ характеристики основъ школы Савиньи въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. М. 1896. Оттискъ изъ „Ученыхъ записокъ Московскаго университета.—Цѣлью своей авторъ поставилъ прослѣдить, съ одной стороны, развитіе „историзма" въ нѣмецкой юриспруденціи, поскольку онъ соприкасается со школой Савиньи, и съ другой, отношеніе историзма къ естественному праву. Излагая судьбу исторической школы, онъ довольно подробно охарактеризовалъ и ея позднѣйшія видоизмѣненія. Обширное знакомство съ нѣмецкою литературой и спокойно-критическое отношеніе къ ней вмѣстѣ съ легкимъ литературнымъ языкомъ придаютъ книгѣ г. Новгородцева цѣнное значеніе. Въ „введеніи" въ общихъ чертахъ авторъ даетъ опредѣленіе естественнаго права, разрушеннаго историческимъ духомъ XIX вѣка, въ смыслѣ „совокупности идеальныхъ, нравственныхъ представленій о правѣ"; указываетъ мотивы, порождавшіе естественно-правовыя „построенія", а именно, научное стремленіе и стремленіе къ нравственной критикѣ; затѣмъ останавливается на „основаніяхъ нравственной критики права" съ изложеніемъ самой критики. Послѣ этого онъ разсматриваетъ послѣдовательно основныя черты, изъ которыхъ слагалась естественноправовая философія прошлаго времени, и затѣмъ уже переходитъ къ „Исторической школѣ", составляющей главное содержаніе книги, состоящей изъ 8 главъ. Но предварительно онъ останавливается на явленіяхъ, предшествовавшихъ этой школѣ, непосредственныхъ предшественникахъ геттингенской школы, на главныхъ представителяхъ послѣдней: Пюттерѣ и Густавѣ Гроціѣ (особенно подробно на ученіи послѣдняго) и на Юстусѣ Мёзерѣ, оснабрюкскомъ историкѣ и публицистѣ. Отмѣчаетъ далѣе и философскія вліянія на школу Савиньи и даже вліяніе идей романтической школы, усматривая послѣднее, во-первыхъ, въ заимствованіи Савиньи и Пухтою національной идеи и въ стремленіи ихъ „подчеркивать значеніе обычнаго права и преимущество первоначальныхъ стадій правообразованія надъ позднѣйшими". Г. Новгородцевъ останавливается на воззрѣніяхъ ученика Канта, Тибо, брошюра котораго о необходимости обще-германскаго гражданскаго кодекса вызвала Савиньи къ формулированію его ученій. „Возражая на брошюру Тибо" (гл. IV, стр. 81), „Савиньи затронулъ основныя положенія исторической философіи XVIII вѣка и отъ практическаго вопроса о кодификаціи перешелъ къ общимъ разсужденіямъ и при этомъ развилъ цѣлую теорію правообразованія, въ духѣ новыхъ историческихъ воззрѣній". Изложеніе этой теоріи и составляетъ содержаніе IV главы труда. г. Новгородцева, сдѣлано оно довольно удачно, хотя и не касается вовсе спеціально-юридическихъ воззрѣній Савиньи. Блестящій продолжатель и преемникъ Савиньи. Пухта, къ которому затѣмъ и переходитъ авторъ, еще полнѣе и рѣзче высказываетъ положенія Савиньи, отъ котораго онъ только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ Шеллинга, нѣсколько отдѣлился и то въ частностяхъ; общія

Библиотека "Руниверс"

же положенія остались тѣ же, вслѣдствіе чего и самое изложеніе воззрѣній Пухты у г. Новгородцева носитъ отчасти характеръ неизбѣжнаго повторенія. Въ слѣдующей VI главѣ: „Судьба исторической школы въ послѣдующей юриспруденціи", авторъ останавливается на юристахъ, способствовавшихъ дальнѣйшему развитію воззрѣній Савиньи и Пухты и особую главу посвящаетъ Іерингу. Разсмотрѣніе взглядовъ этихъ юристовъ привело автора къ выводу, что „представленіе Савиньи и Пухты, будто бы можетъ существовать право, не получившее практической реализаціи, дѣйствительное въ силу одного присутствія своего въ народномъ духѣ, было окончательно покинуто въ данный періодъ" (129 стр.). Своею строгой и блестящею аргументаціею Іерингъ нанесъ окончательный ударъ доктринѣ своихъ предшественниковъ-учителей и ввелъ въ юриспруденцію *прогрессивную* историческую теорію, взамѣнъ консервативной теоріи Савиньи. Въ заключеніи изложенія взглядовъ Іеринга г. Новгородцевъ говоритъ: „изученіе особенностей его историческаго содержанія показало, что оно вполнѣ уживается съ основными предположеніями естественнаго права. Историзмъ служитъ у него опорой для прогрессивныхъ стремленій, вмѣсто того, чтобы быть знаменемъ охранительныхъ началъ, какъ у Савиньи" (стр. 167). Въ послѣдней главѣ трактуется о „Прообразованіи взглядовъ Савиньи на существо положительнаго права"; хотя, говоритъ авторъ, „современная юриспруденція и стоитъ еще до сихъ поръ на перепутьи въ дѣлѣ усовершенствованія взглядовъ Савиньи въ этомъ направленіи", но „перестройка" ихъ идетъ быстро и совершается въ пользу историзма. Здѣсь онъ останавливается на взглядахъ Адикеса, Цительмана, Рюмелина, Шуппе, Меркеля и Бергбома.

Dr. *Zikmund Winter*, Život církevní v Čechách. Kulturně-historický obraz z XV a XVI století. V Praze. Svazek I. 1895. Str. XII a 496. Svazek II. 1896. Str. 497—1026. 8°. Nakladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění.—Чешская академія издала въ 1895—1896 годахъ двухтомное въ 1026 стр., сочиненіе доктора Винтера о церковной жизни Чехіи въ XV—XVI вѣкахъ — подъ только-что выписаннымъ заглавіемъ. Нѣтъ возможности въ короткой журнальной замѣткѣ отмѣтить все богатство содержанія новой книги; мы сдѣлаемъ лишь краткій очеркъ его. Первый томъ раздѣленъ на двѣ книги. Книга первая изображаетъ религіозную борьбу въ Чехіи съ момента отпаденія ея отъ католической церкви до первыхъ проявленій реакціи послѣ Бѣлогорской битвы. Вся книга распадается на шесть главъ. Глава первая трактуетъ о гуситахъ, при чемъ коротко, но хорошо, выяснено значеніе Гуса—противъ гипотезъ Лозерта, обращено большое вниманіе на таборитовъ, изображены судьбы умѣреннаго гуситства и въ связи съ нимъ ярко характеризованъ Юрій Подѣбрадъ. Въ главѣ второй изображаются судьбы общины чешскихъ братьевъ и указывается значеніе Хельчицкаго въ ея возникновеніи. Третья глава даетъ исторію лютеранства въ Чехіи и вліяніе его на судьбы народа. Глава четвертая описываетъ могущественный ростъ католичества въ Чехіи, особенно съ 1556 года, а въ связи съ этимъ — глава пятая обнимаетъ исторію кризиса и быстрой катастрофы въ религіозной борьбѣ чешскаго народа. Въ главѣ шестой Винтеръ даетъ исторію чешскаго сектантства XV и XVII вѣковъ. Вторая книга, распа-

Библиотека "Руниверс"

дается на пять главъ; подъ общимъ заглавіемъ „О церковномъ управленіи", сообщается исторію образованія „нижней" (Калишницкой) консисторіи и ея функцій (1-я и 2-я главы), затѣмъ то же самое относительно „верхней" (католической) консисторіи (3-я глава); въ гл. 4-й описаны затрудненія всѣхъ чешскихъ религіозныхъ партій относительно священниковъ и, наконецъ, 5-я гл. даетъ картину строя братской общины. Второй томъ распадается также на двѣ книги: „О жизни духовенства" и „О богослуженіи". Въ книгѣ о жизни духовенства разсматриваются въ частности: отношенія между патрономъ и приходскимъ священникомъ (1-я гл.), доходы духовенства (2-я гл.), его общественная и моральная жизнь (3-я гл.), монашескіе ордена и монастыри (гл. 4-я), доходы орденовъ и отдѣльныхъ монастырей въ связи съ ихъ хозяйствомъ, равно и внутренняя организація орденовъ (5-я гл.), и, наконецъ, бытъ монастырскій (6-я гл.). Вторая книга даетъ картину богослужебныхъ порядковъ у не католиковъ, то-есть, у таборитовъ, братьевъ чешскихъ, лютеранъ и кальвинистовъ (1-я гл.), потомъ—у католиковъ и подобойевъ вмѣстѣ—отличіе послѣднихъ состояло въ чешскомъ языкѣ богослуженія, праздникѣ Я. Гуса, причастіи подъ обоими видами и причастіи дѣтей—(2-я гл.), изображаетъ проповѣдническую дѣятельность въ различныхъ чешскихъ исповѣданіяхъ (3-я гл.), богослужебные непорядки, особенно усилившіеся съ появленіемъ въ Чехіи протестантизма (4-я гл.), проникавшую всю жизнь религіозность—при всѣхъ страшныхъ религіозныхъ распряхъ (5-я гл.) и, наконецъ, знакомитъ съ такъ-называемыми „литературными братствами", обязанными своимъ происхожденіемъ тогдашней религіозности (6-я гл.). Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько приложеній—о приходскихъ доходахъ, о сектѣ новокрещенцевъ и о сопровожденіи священниками осужденныхъ къ мѣсту казни. Ко всему сочиненію приложенъ указатель именъ и предметовъ. При своемъ громадномъ объемѣ трудъ доктора Винтера отличается замѣчательнымъ богатствомъ содержанія: кромѣ свода результатовъ литературной разработки предмета, авторъ воспользовался чужими изслѣдованіями архивовъ, присоединивъ сюда данныя, добытыя имъ самимъ въ многочисленныхъ архивахъ земель старой „короны чешской". Частое пользованіе архивными документами, со всею свѣжестью и яркостью ихъ содержанія, придаетъ труду Винтера характеръ драматической картины. При своемъ изслѣдованіи авторъ сумѣлъ удержаться въ предѣлахъ научной объективности, особенно трудной и потому цѣнной въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ здѣсь, затрогиваются вѣчно живые общечеловѣческіе и національные вопросы. Если онъ и судитъ людей и событія, то лишь съ точки зрѣнія блага родины и требованій гуманности, отдавая должное, напримѣръ, и іезуитамъ, но особенно цѣня „братскую общину", это, воистину, прекрасное дитя чешской исторіи. Сведенный въ книгѣ доктора Винтера матеріалъ даетъ въ общемъ довольно печальную картину нестроеній въ жизни чешскаго общества за XV — XVI вѣка; но вѣдь обычно таковыми всегда и вездѣ являются картины, рисуемыя по архивнымъ матеріаламъ. При этомъ авторъ не упускаетъ случаевъ указать и примѣры свѣтлыхъ сторонъ тогдашней жизни, предостерегая читателя отъ обобщеній грустныхъ фактовъ, обобщеній, не дѣлаемыхъ и имъ самимъ. Набрасывая свои картины, докторъ Винтеръ, можетъ быть, иногда и погрѣшаетъ, придавая много значенія единичнымъ сообщеніямъ, выходящимъ часто изъ очень пристраст-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ устъ; но, вѣдь, поучасъ прямо невозможно оцѣнить степень ихъ достовѣрности. Недостатокъ критики источниковъ извиняется и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находился авторъ, обработывая свою тему: имѣя для начала своего изслѣдованія подходящую литературу, авторъ скоро былъ предоставленъ однимъ собраніямъ источниковъ, а подъ конецъ остался и безъ таковыхъ. Можно развѣ упрекнуть автора только за то, что, пользуясь архивными данными, онъ слишкомъ глухо ссылается всего—лишь на архивъ и годъ. Въ общемъ, картина чешской религіозной жизни XV—XVI вѣковъ нарисована докторомъ Винтеромъ въ чертахъ довольно яркихъ и надежныхъ: послѣдующіе труды поправятъ лишь частныя ошибки и внесутъ новыя подробности.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія.—Томъ второй.—Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ. 1802—1804. Изданіе *Министерства Народнаго Просвѣщенія*.—С.-Пб. 1897.

— Старина и Новизна.—Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.—Книга первая.—С.-Пб. 1897.

— *Никольскій Николай*.—Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство до второй четверти XVII вѣка (1397—1625). Томъ I. Выпускъ I.—Объ основаніи и строеніи монастыря.—Съ приложеніемъ 52 рисунковъ и хромолитографій.—С.-Пб. 1897.

— *Герасимовъ, И.*—Философія души. Разсужденіе. С.-Пб. 1897.

— *Гидзюкій, Конст.*—Борьба съ голодомъ въ періодѣ XI—XIII вѣковъ русской исторіи. С.-Пб. 1897.

— *Мижуевъ, П. Г.*—Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи.—С.-Пб. 1897.

— *Павловъ-Сильванскій, Н.*—Закладничество—патронатъ.—С.-Пб. 1897.

— *Степовичъ А. І.*—Е. В. Галаганъ. 23-го января 1826 г.—1-го ноября 1896 г.—Кіевъ. 1896.

— *Вильдерманъ, И. А.*—Бесѣды по земледѣлію.—С.-Пб. 1897.

— *Чумаковъ, В. А.*—Современные нѣмецкіе университеты.—С.-Пб. 1897.

— *Фонъ-Штернъ, Э.*—О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи.—С.-Пб. 1897.

— *Неймайръ, М.*, проф.—Исторія земли.—Переводъ со 2-го переработаннаго и дополненнаго проф. *Ульмомъ* изданія съ дополненіями по геологіи

Библиотека "Руниверс"

Россіи и библіографическимъ указателемъ *В. В. Ламанскаго* и *А. П. Нечаева*, подъ редакціей проф. *А. А. Кизеветтера*.—Выпускъ I.—С.-Пб. 1897.

— Joseph du Sorbiers de la Tourasse. Au pays des Wolofs. Souvenirs d'un traitant du Sénégal. Tours. 1897.

— *Петровъ, Н.*—Чему и какъ надо учить въ высшихъ техническихъ школахъ.—С.-Пб. 1897.

— Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской публичной библіотеки. Выпускъ второй.—Вильна. 1897.

— *Adalberg, Samuel*. Historia Trajańska. 1563. (Wydawnictwa Akademii umiejętności w Krakowie. Biblioteka pisarzów polskich).—Kraków. 1896.

— Sprawozdania Komisyi do badania historyi sztuki w Polsce. Tom V.—Zeszyt. IV. (Wydawnictwo Akademii umiejętności w Krakowie). Kraków. 1896.

— Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia. Tomus XV. (Editionum collegii historici Academiae Litterarum Cracoviesis, № 55). Krakow. 1896.

— Указатель къ научнымъ трудамъ Александра Николаевича Весловскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета и академика Императорской Академіи Наукъ. 1859—1895.—Изданіе второе, исправленное и дополненное за 1885—1895 гг., съ приложеніемъ указателя собственныхъ именъ и нѣкоторыхъ предметовъ, а также двухъ фототипій. С.-Пб. 1896.

— Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ *А. И. Соболевскимъ*.—Томъ III. С.-Пб. 1897.

— Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1897 г. Тома II. Книжка I. С.-Пб. 1897.—*Сухомлиновъ, М. И.*—А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья; *Шефферъ, П. Н.*—Замѣтка о сборникѣ Кирши Данилова; *Кирпичниковъ, А. И.*—Къ литературной исторіи русскихъ лѣтописныхъ сказаній; *Никольскій, Н. К.*—Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности; *Гротъ, К. Я.*—Нѣсколько писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ П. А. Плетневу; *Лихачевъ, Н. П.*—Прозвища Великаго князя Ивана III; *Некрасовъ, Н. И.*—Замѣтки о языкѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“; *Истринъ, В. М.*—Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи; *Шахматовъ, А. А.*—„Критическія замѣчанія о новыхъ книгахъ“, „Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ“; *Щепкинъ, В. Н.*—Критическій отзывъ о книгѣ д-ра *Облака* „Macedonische Studien“.

Библиотека "Руниверс"

Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ *Москвѣ* (на углу Воздвиженки и Моховой), продаются—по цѣнамъ, уменьшеннымъ противъ прежнихъ приблизительно на 50% — слѣдующія изданія, принадлежащія учрежденной при архивѣ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ:

1. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, 4 т. и начало 5-го (XLVI + 202 стр.), изд. 1813 — 1841 г., съ гравированными изображеніями 263-хъ печатей, палеографическими снимками нѣсколькихъ грамотъ XIII—XVII вѣка, и fac-simile обоихъ Лже-Дмитріевъ, Марины Мнишекъ, кн. Пожарскаго, Богдана Хмельницкаго и т. п. Первый томъ продается только при пріобрѣтеніи всѣхъ 5 томовъ; 2—5 тома продаются и каждый отдѣльно по цѣнѣ: 2—4 тома по 3 руб. за томъ, начало 5-го 1 руб. Всѣ же 5 томовъ—13 руб.

Томъ первый. Москва, 1813 г. Содержитъ разныя грамоты, относящіяся до внутреннихъ происшествій въ Россіи, съ 1265 по 1613 г.

Томъ второй. Москва, 1819 г. Служитъ дополненіемъ къ первому и содержитъ разныя грамоты съ 1229 года по 1612.

Томъ третій. Москва, 1822 г. Содержитъ также разныя грамоты, относящіяся до внутреннихъ происшествій въ Россіи, съ 1613 по 1655 годъ.

Томъ четвертый. Москва, 1828 г. Заключаетъ въ себѣ грамоты и внутреннія постановленія съ 1656 по 1696 г.

Начало пятаго тома. С.-Петербургъ и Москва, 1841—1894 гг. Содержитъ 141 актъ.

2. Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи, *А. Х. Лерберга*, съ приложеніемъ карты Югорской земли. Изд. на нѣмецкомъ языкѣ, по опредѣленію Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ *Ф. Круго*мъ; перев. *Д. Языкова*. С.-Пб. 1891 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Отъ издателя (Ф. Круга); біографическія извѣстія о А. Х. Лербергѣ. I. О географическомъ положеніи и исторіи Югорскія земли. II. О жилищахъ Еми. III. Объ одной древней Новгородъ-Готландской грамотѣ и о Борхрамѣ, который въ ней называется. IV. Князья Володимиръ Андреевичъ и Володимиръ Мстиславичъ. V. Описаніе Днѣпровскихъ низовій и пороговъ. VI. О географическомъ положеніи Хозарской крѣпости Саркела и называемой въ Русскихъ лѣтописяхъ Бѣлавежи. Въ концѣ приложены алфавитный указатель и карта, изъясняющая положеніе Югорской земли.

3. Исторія Льва діакона Калойскаго и другія сочиненія византійскихъ писателей, изд. въ первый разъ съ рукописей Королевской Парижской библіотеки *К. Б. Гаазе*, пер. *Д. П. Попова*. С.-Пб., 1820 г. Ц. 3 рубля.

4. Софійскій Временникъ или Русская лѣтопись съ 862 по 1534 г. 2 частн. Москва, 1820—1821 г., изд. *И. М. Строевымъ*, съ приложеніемъ трехъ снимковъ со списковъ Софійскаго Временника. Каждая часть по 3 р.; обѣ части 6 руб.

5. Записки о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ Средней Азіи. *Ф. Назарова*, отдѣльнаго сибирскаго корпуса переводчика, посылаемаго въ Коканъ, въ 1813—1814 г. С.-Пб., 1821 г. Ц. 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

6. Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ, изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей. Москва, 1821 г. Ц. 1 р.

7. Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ съ 1463—1768 г.; при многихъ приложены снимки съ разныхъ собственноручныхъ подписей. Москва, 1824 г. Ц. 1 руб.

8. Кириллъ и Меѳодій, Словенскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе *І. Добровскаго*, пер. съ нѣмецкаго *М. П. Погодина*. Москва, 1825 г. Ц. 1 р.

Въ концѣ приложены житія словенскихъ учителей Кирилла и Меѳодія изъ прологовъ и отрывокъ о Кириллѣ изъ одного хронографа.

9. Книга въ лицахъ объ избраніи на царство великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича. Москва, 1856 г. Ц. 15 р.

Содержаніе. Это изданіе состоитъ изъ 3-хъ частей: 1) книги in f°, въ которой церковнымъ шрифтомъ напечатанъ текстъ рукописной книги, составленной въ Посольскомъ приказѣ, объ избраніи на превысочайшій престолъ великаго Россійскаго царствія, великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Великія Россіи самодержца, съ историческимъ предисловіемъ и хромолитографированными: заглавнымъ листомъ и портретомъ царя Михаила Ѳеодоровича, заимствованнымъ изъ архивной рукописи „Титулярникъ“, озаглавленной: „Книга, а въ ней собраніе, откуду произыде корень великихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ и како въ прошлыхъ годѣхъ великіе государи писались въ грамотѣхъ къ окрестнымъ государемъ христіанскимъ и къ мусульманскихъ“; 2) Альбома изъ 20-ти рисунковъ въ форматѣ большаго листа (№№ I IV и VI—XXI), гравированныхъ на мѣди, и 21-го (№ V) хромолитографированнаго;—3) Французскаго объяснительнаго къ рисункамъ, текста in 8°.

10. О вооруженномъ морскомъ нейтралитетѣ. Составлено по документамъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. С.-Пб. 1859 г. Ц. 50 коп.

11. Письма Русскихъ Государей и другихъ особъ царскаго семейства, 5 вып. Москва, 1861 1896 г., каждый выпускъ отдѣльно по 50 к.; а всѣ 5 выпусковъ 2 р.

Выпускъ первый. а) Письма государя Петра I къ Анисьѣ Кирилловнѣ Толстой и государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, в) Письма государыни Екатерины Алексѣевны къ Петру I.

Выпускъ второй. I. Письма царицы Прасковьи Ѳеодоровны, II. Письма къ царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ. III. Письма царевенъ Екатерины, Анны и Прасковьи къ Петру I, IV. Письма герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны, V. Письма къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ, VI. Письма царевны Прасковьи Ивановны, VII. Письмо къ царевнѣ Прасковьѣ Ивановнѣ отъ государыни Екатерины Алексѣевны, VIII. Письмо Ивана Остермана къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Выпускъ третій. I. Письма царевича Алексѣя Петровича, II. Письма къ царевичу Алексѣю, III. Опись бумагамъ и письмамъ царевича Алексѣя Петровича, найденнымъ въ гофъ-интендантской конторѣ въ 1769 г., IV. Письма

Библиотека "Руниверс"

царицы Евдокіи Ѳеодоровны, V. Письма къ царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ, VI. Дѣло о содержаніи въ Шлюссельбургѣ царицы Евдокіи Ѳеодоровны.

Выпускъ четвертый. I. Письма герцогини Курляндской Анны Ивановны, II. Письмо кабинетъ-секретаря Макарова къ П. М. Бестужеву. IV. Донесъ Бестужева на Петра, V. Письмо Бирона (неизвѣстно къ кому).

Выпускъ пятый. Письма царя Алексѣя Михаиловича за 1654 — 1675 гг. къ царицамъ Маріи Ильиничнѣ и Наталіи Кириловнѣ и царевнамъ сестрамъ.

12. Закладка и освященіе палатъ бояръ Романовыхъ. М. 1866 г. Ц. 5 к.

13. Indicateur des cartes géographiques et des plans de différentes parties de l'Asie, appartenant à la collection cartographique de la bibliothèque des Archives principales du ministère des affaires étrangères à Moscou. (Rédigé par A. Ratchinski, employé aux Archives, délégué au 3-e Congrès des Orientalistes à St.-Pétersbourg). 1876 г. Ц. 5 к.

14. Янтарная комната Царскосельскаго дворца. Историческое изслѣдованіе по документамъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ сост. *К. А. Щученко*. Москва, 1881 г. Ц. 10 к.

15. Очеркъ дѣятельности комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва, 1877 г. Ц. 50 к.

16. Законы великаго князя Іоанна III Васильевича и Судебникъ царя Іоанна IV Васильевича, съ дополнительными указами, съ предисловіемъ *К. Ѳ. Калайдовича* и *П. М. Строева* и со снимками двухъ заглавныхъ листовъ. 1-е изд. М. 1819 г. Ц. 2 руб. Изд. 2-е Москва, 1878 г. Цѣна 50 коп.

17. Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами. Изд. 3-е съ предисловіемъ *К. Ѳ. Калайдовича*. Москва, 1878 г. Ц. 50 коп.

18. Посольство въ Англію князя Прозоровскаго, дворянина Желябужскаго и дьяка Давыдова въ 1662 г. съ ихъ современными портретами. *А. Н. Ладыженскаго*. С.-Пб. 1880 г. Ц. 50 к.

19. Подлинные акты, относящіеся къ Иверской иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 г., съ хромолитографированнымъ изображеніемъ иконы. Москва, 1879 г. Ц. 50 к.

20. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, сост. *М. П. Щукина*. Москва, 1879 г. Ц. 50 к.

21. Посольство въ Англію дворянина Григорія Микулина въ 1600 и 1601 г., съ современнымъ его портретомъ (по документамъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). *Н. В. Чарыкова*. Москва. 1878 г. Ц. 50 коп.

22. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи, сост. *В. Д. Левинскимъ* и *И. Ѳ. Токмаковымъ*. Москва, 1881 г. Ц. 15 к.

23. Библіотека Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Реэстръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и ѳеатрамъ войны, составленный въ 1816, испр. и дополн. 1877 г. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 50 к.

Библиотека "Руниверс"

24. Блаженной памяти императрица Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ. Очеркъ и письма сообщилъ *Ѳ. А. Бюлеръ*.—Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ 1797—1802 гг. *В. В. Тимощукъ*. (Оттискъ изъ „Русской Старины"). Съ гравированнымъ портретомъ *Е. А. Нальменбахъ*. С.-Пб. 1890 г. Ц. 50 коп.

25. Каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати, съ 1517 по 1821 г., библіотеки Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. С.-Пб., 1879 г. Ц. 40 коп.

26. Каталогъ книгамъ, относящимся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей съ XVI столѣтія, той же библіотеки. Москва, 1880 г. Ц. 10 коп.

27. Каталогъ книгамъ по юриспруденціи той же библіотеки, съ 1500 г. Москва, 1879 г. Ц. 10 коп.

28. Каталогъ рукописямъ, относящимся до церковной исторіи. Москва, 1880 г. Ц. 10 коп.

29. Каталогъ рукописямъ, книгамъ и проч., относящимся до Владимирской губерніи и ея святыни съ XVI столѣтія. Москва, 1881 г. Ц. 5 к.

30. Состояніе г. Москвы въ 1785 г. Ц. 10 коп.

31. Описаніе выгонной земли города Москвы. Ц. 10 коп.

32. Сборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Вып. 1-й, 2й- и 5-й. Москва, 1880—1892 г. по 50 коп., и вып. 3-й—4-й. Москва, 1883 г. Ц. 1 р. За всѣ 5 выпусковъ 2 руб.

Выпускъ первый. Свѣдѣнія объ устройствѣ архивной части въ Россіи,—*бар. Ѳ. А. Бюлера*.—Одинъ изъ каталоговъ проморъ А. Ѳ. Малиновскаго,—*бар. Ѳ. А. Бюлера*.—Таблица распредѣленія дѣлъ въ 1818 г. въ Московскомъ архивѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.—Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей: статья 1-я—Вопросъ о Прусскомъ союзѣ въ первую половину великой Сѣверной войны,—*А. Д. Путята*; статья 2-я—Янтарная комната Царскосельскаго дворца,—*К. А. Щученко*; статья 3-я—Русскіе великаны въ прусской службѣ,—*М. П. Пунтусъ*, (отдѣльно—10 к.).—Первые русскіе гардемарины за границей въ XVIII столѣтіи,—*А. В. Рачинскаго*.—Участіе Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ съѣздѣ оріенталистовъ въ 1876 году,—*К. А. Щученко*.

Выпускъ второй. Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ. Очерки дипломатической исторіи Восточнаго вопроса,—*В. А. Уланицкаго*.—Неизданныя письма Вольтера, съ предисловіемъ и примѣчаніями бар. *Ѳ. А. Бюлера*.—Пять писемъ князя Д. А. Голицына вице-канцлеру князю А. М. Голицыну. Мысль объ освобожденіи русскихъ крестьянъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ,—съ предисловіями и примѣчаніями *А. В. Рачинскаго*. Приложенія.—Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ 1862 г. *Н. Ѳ. Аммона*.—Иванъ Ѳедоровичъ Аммонъ. (Некрологъ).—Участіе Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ въ 1877 году,—бар. *Ѳ. А. Бюлера*.—Участіе Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ съѣздахъ: V археоло-

Библиотека "Руниверс"

ческомъ и III географическомъ,—*А. М. Выводцева.*—Приложенія къ статьѣ „Дарданеллы, Босфоръ", и проч.

Выпускъ третій и четвертый. Начало сношеній Россіи съ Турціей. Посолъ Іоанна III—Плещеевъ,—*А. В. Неклюдова* (отдѣльно 10 коп.). Московскій главный архивъ и его посѣтители. Посѣтительная книга,- бар. *Ѳ. А. Бюлера.*—Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ, съ приложеніемъ. (*Окончаніе*),—*В. А. Уляницкаго.*—Обозрѣніе библіотеки архива,—*И. Ѳ. Токмакова.*

Выпускъ пятый. Дѣло о присылкѣ шахомъ Аббасомъ Ризы Господней царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1625 г.,—*С. А. Бѣлокурова* (отдѣльно 10 к.). Путешествіе въ Узбекистанъ въ 1671 г.,—*Н. В. Чарыкова.* Статутъ и знакъ ордена Подвязки въ Московской оружейной палатѣ,—бар. *Ѳ. А. Бюлера.* Очеркъ жизни и дѣятельности оріенталиста Кера,—*М. П. Шувалова.* Очеркъ Лесскаго конгресса,—*А. В. Лопухина.* Каталогъ книгъ, пожертвованныхъ Ѳ. В. Вешняковымъ, сост. *И. Ѳ. Токмаковымъ.* Сношенія Россіи съ Мальтійскимъ орденомъ, ч. I (до 1789 г.),—*А. А. Аллбѣева.* Списки дипломатическихъ лицъ русскихъ за границей и иностранныхъ въ Россіи, сост. *С. А. Бѣлокуровымъ.*—Дополненія и поправки къ предыдущимъ статьямъ.—Въ приложеніи: Историческій очеркъ русскихъ консульствъ заграницей,—*В. А. Уляницкаго.*

33. Снимки древнихъ русскихъ печатей: государственныхъ, царскихъ, патріаршихъ, областныхъ, городскихъ и личныхъ, съ 126-ю гравюрами и объяснительнымъ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Вып. I-й. Москва· 1886 г. II. 3 р.

34. Свѣдѣнія о домовой церкви при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ съ 2-мя политипажами, сост. *И. Ѳ. Токмаковымъ.* Москва, 1882 г. Ц. 20 к.

35. Рѣчь, которую произнесъ 24-го января 1890 г. на заключительномъ общемъ собраніи VIII археологическаго съѣзда почетный членъ съѣзда предсѣдатель IX археологическаго отдѣленія съѣзда баронъ *Ѳ. А. Бюлеръ* (изъ „Московскихъ Вѣдомостей"). Ц. 5 к.

36. Архивная выставка въ Марбургѣ. Пер. *А. Лидыженскаго.* С.-Пб., 1880 г. Ц. 5 к.

37. Нѣмецкій архивистъ въ Москвѣ. Перев. *его же.* С.-Пб., 1880 г. Ц. 5 к.

38. О мѣстѣ погребенія Хемницера. Барона *Ѳ. А. Бюлера.* Москва, 1884 г. Ц. 10 к.

39. Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вѣкахъ. *В. А. Уляницкаго.* Москва, 1888 г. Ц. 50 к.

40. Сношенія Россіи съ Среднею Азіею въ XIV — XVII вѣковъ. *В. А. Уляницкаго.* Ц. 20 к.

41. Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся до Казанскаго края и хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.—*И. Ѳ. Токмакова.* Казань, 1890 г. Ц. 5 к.

42. Матеріалы для Русской исторіи. *С. А. Бѣлокурова.* Москва, 1890 г. Ц. 3 руб. Содержаніе: Библіотека и архивъ Соловецкаго монастыря послѣ

Библиотека "Руниверс"

осады (1676 г.). Дѣла свят. Никона патріарха, иначе же рещи чудеса врачебная.—Varia.—Показаніе служки Макарки Ѳедорова, ѣхавшаго изъ Москвы въ Соловецкій монастырь и письма, везенныя имъ туда 7176 года марта 23-го дня.—Запись Новоторжца посадскаго человѣка Кузьмы Павлова Шитарева Нижегородскаго уѣзда патріаршаго домоваго Благовѣщенскаго монастыря оброчному крестьянину Клину Прокофьеву Калмыкову въ томъ, что жить у него въ работникахъ 5 лѣтъ и за то, что онъ его женитъ на дворовой женкѣ, жить ему съ женой у него еще 10 лѣтъ. 201 г. генваря 7-го дня.—Дѣло по челобитью полковниковъ Вилима Ѳанзалева и Юрія Лина о выдачѣ имъ государева жалованья за городовое дѣло и за чертежи, что они дѣлали на Самарѣ въ Новобогородицкой горѣ. Около 7197 г. февраля 9-го д.—Перечень настольныхъ патріаршихъ грамотъ, взятыхъ изъ Посольскаго приказа на соборъ Іоасафу патріарху Московскому. 175 г.—Объ обращеніи лопарей въ христіанство священ. Алекс. Симоновымъ и Колмининомъ Ѳед. Сусловымъ. 190 г. апрѣля 25-го д.—Дѣло о братіи Саввина Сторожевскаго монастыря 196 г. мая 15-го д.—Указъ царей Ивана и Петра и царевны Софьи объ уплатѣ денегъ амбурцу торговому иноземцу Елизарью Избранту за разныя взятыя у него про государевъ верховой обиходъ заморскія вещи. 7196 г. марта 7-го.—Дѣло о лицахъ, говорившихъ непристойныя слова.—Посольство дьяка Ѳедота Елчина и священника Павла Захарьева въ Дадіанскую землю 1639—1640 гг.\.—Челобитная на окольничаго и воеводу Мих. Сем. Волынскаго. 177 г.—Челобитная царю Алексѣю патріарха Іосифа и всего священнаго собора на Благовѣщенскаго протопопа Стефана Иноантьева. 1649 г. Московскій печатный дворъ въ 1649 году.—Подметныя письма Голосова, Посошкова и др. (1700—1705 гг.).—Акты, касающіеся гг. Пскова, Тотьмы и др.; монастырей, о сборѣ различныхъ денегъ, о притѣсненіяхъ воеводъ, о писцахъ и т. п. и др.

43. Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. I, 1568—1613 г. Матеріалы, извлеченные изъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. *Сергѣемъ Бѣлокуровымъ.* Москва, 1889 г. Ц. 3 руб.

44. Грамоты и другіе историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи. Т. I, съ 1768 по 1774 г. съ картой Закавказья 1771 г., подъ редакціей проф. *Цагарели.* С.-Пб., 1891 г. Цѣна 1 р. 50 к.

45. Посольство къ Зюнгарскому Хунъ-Тайчжи Цэванъ Рабтану капитана отъ артиллеріи Ив. Унковскаго и путевой журналъ его за 1722—1724 гг. Документы, изданные съ предисловіемъ и примѣчаніями *Н. И. Веселовскаго.* С.-Пб. 1887 г. Ц. 50 коп.

46. Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изданы подъ редакціей *Н. И. Веселовскаго.* Т. I, С.-Пб., 1890 г.; т. II, С.-Пб., 1892 г. Ц. по 1 р. 50 коп. за томъ.

47. Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вѣкахъ, хранящіеся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. *Ѳ. Лашкова.* (Реестръ грамотъ за 1474 — 1692 гг. соч. въ 1800 г. *А. Ѳ. Малиновскимъ*, и текстъ самыхъ грамотъ за 1535—1692 гг.). Симферополь, 1891 г. Ц. 1 р.

48. Реестръ дѣламъ крымскаго двора съ 1474 по 1779 г., учиненный

Библиотека "Руниверс"

И. М. Бантышемъ-Каменскимъ въ 1806 г. съ предисловіемъ *Ѳ. Ѳ. Лашкова*. Симферополь, 1893 г. Ц. 1 руб.

49. Разборъ сочиненія Собко „Древнія изображенія Русскихъ царей и ихъ посольствъ заграницу въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ", сост. барономъ *Ѳ. А. Бюлеромъ*. Ц. 10 коп.

50. Описаніе Московскаго Успенскаго соборахъ. Со снимками. На французскомъ и русскомъ языкахъ. Ц. 1 руб.

51. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 г.) составленный *Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ* (сокращенное извѣстіе о взаимныхъ между россійскими и европейскими дворами посольствахъ, перепискахъ и договорахъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Московскомъ архивѣ съ 1481 по 1801 годъ, собранное и по алфавиту государствъ расположенное дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бантышемъ-Каменскимъ). Часть первая: Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія, Испанія. М., 1894 г. Ц. 2 рубля. Часть вторая: Германія и Италія. М., 1896 г. Ц. 2 рубля. Часть третья: Курляндія, Лифляндія, Эстляндія, Финляндія, Польша и Португалія. М., 1897 г. Ц. 2 рубля.

52. Всеподданѣйшіе отчеты Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: за 1878 г., ц. 5 коп.; за 1892 г. Ц. 10 коп.

53. Выписка изъ № 23-го „Сѣверной Пчелы" 29-го января 1841 г. статьи: Баронъ А. Я. Бюлеръ, соч. *Н. А. Полеваго*. 4 брошюры по 5 к. за каждую.

54. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, сост. *Г. В. Есиповымъ*. Т. I и II. Ц. за оба тома 2 руб.

Библіографическія рѣдкости:

55. Рустрингія, первоначальное отечество Рюрика и братьевъ его. Москва, 1819 г. Ц. 10 руб.

56. Памятники россійской словесности XII вѣка. М., 1821 г. Ц. 15 руб.

57. Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ Рязанской губерніи. М., 1823 г. Ц. 10 руб.

58. Іоаннъ экзархъ Болгарскій. Изслѣдованіе *К. Калайдовича*. М., 1824 г. Ц. 20 руб.

59. Сборникъ князя М. А. Оболенскаго (неоконченный и невышедшій въ свѣтъ). Ц. 10 руб.

60. Стихотворенія Кирши Данилова, изд. М., 1818 г. Ц. 10 руб.

Кромѣ поименованныхъ выше изданій, въ архивѣ также продаются:

1) Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами европейскими, отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1825 году, изд. министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. С.-Пб., 1823—1825 г. 2 т. Ц. 10 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

2) Слѣдующія изданія бывшаго директора архива князя *М. А. Оболенскаго:*

1. Сборникъ кн. Оболенскаго. Москва, № I—1840 г. до № XII—1859 г., in 8°, ц. 3 р. за всѣ выпуски; отдѣльно продаются только тѣ выпуски, которые имѣются сверхъ полныхъ экземпляровъ Сборника.

2. Иностранные сочиненія и акты, относящіеся до Россіи, собранные кн. *М. А. Оболенскимъ*. Москва, 1847 г. in 8°, четыре выпуска, ц. 1 р.

3. Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1699, zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Fürst *M. A. Obolenski* und Dr. Phil. M. Posselt. Erster Band. Moskau, 1849 г., съ предисловіемъ т. *Поссельта*, съ дополненіями и съ двумя портретами Гордона и его жены. 1-й томъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія до 1684 г.; 2-й и 3-й томы дневника Гордона изданы въ С.-Петербургѣ, т. *Поссельтомъ*. Ц. 6 р.

4. Соборная грамота духовенства православной Восточной церкви, утверждающая санъ царя за великимъ княземъ Іоанномъ IV Васильевичемъ 1561 года, съ Высочайшаго соизволенія изд. кн. *М. А. Оболенскимъ*. Москва, 1850 г., in 4°. Ц. 1 р.

5. Ярлыкъ хана Золотой орды Тохтамыша къ польскому королю Ягайлу 1592—1599 г., изданъ княземъ *М. А. Оболенскимъ*. Казань, 1850 г. въ 8 д. л. Ц. 20 коп.

6. Проектъ устава о служебномъ старшинствѣ бояръ. Москва, 1850 г. Ц. 10 коп.

7. О первоначальной русской лѣтописи. 2-я часть. Ц. 1 р.

8. О греческомъ кодексѣ Георгія Амартола, хранящемся въ Московской синодальной библіотекѣ и о сербскомъ и болгарскомъ переводахъ его хроники. Москва, 1847 г. Ц. 20 к.

9. Прніе Даніила митрополита Московскаго и всея Руси съ старцемъ Васьяномъ, 1531 г. мая 11-го дня. Москва, 1847 г. Ц. 20 к.

10. Историческія сочиненія о Малороссіи и малороссіянахъ *Г. Ф. Миллера*, хранящіяся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва, 1847 г. Ц. 50 коп.

При архивѣ же продаются всѣ изданія Археографической комиссіи.

Правительственнымъ учрежденіямъ, ученымъ обществамъ, казеннымъ заведеніямъ и лицамъ, обращающимся съ своими требованіями прямо въ архивъ пересылка изданій совершается безплатно.

Библиотека "Руниверс"

— У всѣхъ книгопродавцевъ продается (складъ у Глазунова): первый отдѣлъ изданія: „Труды Я. К. Грота". Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. С.-Пб. 1896 въ трехъ томахъ. Цѣна 9 руб. (по 3 р. томъ) подъ редакціей профессора К. Я. Грота. Содержаніе: т. I (XV + 702 стр.). Портреты Грота и Плетнева (въ молодые годы). Отъ издателей. Предисловіе. Письма Грота и Плетнева 1840—1842 гг. (всего 378 писемъ). Примѣчанія и дополненія. Т. II (966 стр.) письма Грота и Плетнева 1843—1846 (всего 585 п.) примѣчанія и дополненія. Т. III (VII+849 стр.). Отъ редактора. Письма Грота и Плетнева 1847—1853 (всего 520 п.). Письма по переселеніи Я. К. Грота изъ Финляндіи 1853—1862 (всего 33 п.). Письма послѣднихъ лѣтъ жизни Плетнева (всего 27 п.) 1863—1865. Примѣчанія и дополненія. Письма Я. К. Грота къ Шевыреву (всего 14 п.). Указатели именъ личныхъ и мѣстныхъ. Всего въ собраніи помѣщено 1557 писемъ Грота и Плетнева. Въ „дополненіяхъ", кромѣ автобіографическихъ и другихъ замѣтокъ Я. К. Грота и разныхъ документовъ, приложенъ рядъ неизданныхъ писемъ: Шевырева, Погодина, кн. Вяземскаго кн. Одоевскаго гр. Растопчиной, А. О. Смирновой, А. О. Ишимовой, бар. М. А. Корфа, К. А. Коссовича, П. В. Берга, К. К. Герца, Д. И. Коптева, гр. А. Армфельта, И. Ленрота и друг. Приступлено къ печатанію слѣдующихъ отдѣловъ „Трудовъ Я. К. Грота", именно II. Изъ скандинавскаго и финскаго міра. Очерки и переводы и III, „Филологическія разысканія" (новое изданіе).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ [1]).

I.

Въ отношеніи народнаго образованія Прибалтійскій край, какъ извѣстно, стоитъ впереди остальной Россіи, исключая Финляндіи. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ директорами и инспекторами народныхъ училищъ въ комиссію по устройству Педагогическаго отдѣла на Нижегородской выставкѣ, въ 1893 году показатель народнаго образованія въ Лифляндской губерніи доходилъ до 6,3, въ Эстляндской губ. до 5.415 и въ Курляндской губ.—до 5.328, тогда какъ въ прилегающихъ къ Прибалтійскому краю губерніяхъ °/₀ учащихся былъ въ нѣсколько разъ ниже: въ С.-Петербургской губерніи 2,26, въ Псковской—1,7, въ Витебской—2,1, въ Ковенской—0.936.

Если обратить вниманіе на °/₀ безграмотныхъ рекрутъ, то превосходство Прибалтійскаго края окажется еще значительнѣе; въ 1886 году безграмотныхъ рекрутъ было: въ Курляндской губерніи 20,9°/₀, въ Лифляндской 4,2°/₀, а въ Эстляндской всего только 1,7°/₀, тогда какъ въ Европейской Россіи, не считая Рижскаго учебнаго округа, °/₀ безграмотныхъ рекрутъ достигалъ 72.

На указанный сравнительно высокій уровень народное образованіе въ Прибалтійскомъ краѣ поднято только въ теченіи нынѣшняго столѣтія, главнымъ образомъ въ послѣдніе пять—десять лѣтъ. Предки нынѣшнихъ бароновъ, завоевавшіе Прибалтійскій край и обратившіе

[1]) Настоящая статья трактуетъ о лютеранскихъ народныхъ училищахъ, что же касается православныхъ школъ Прибалтійскаго края, то имъ посвящена особая статья, напечатанная въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, а 1895 г. въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ.

Библиотека "Руниверс"

въ крѣпостное состояніе латышей и эстовъ, нисколько не заботились о заведеніи школъ и распространеніи народнаго образованія. По свидѣтельству ревельскаго пастора Балтазара Рюссова во всей Ливоніи въ XVI вѣкѣ „не было ни одного университета или хорошей школы, только въ главныхъ городахъ существовали ничтожныя частныя училища. И хотя нѣсколько разъ незадолго до паденія страны небрежнымъ образомъ обсуждался на ландтагахъ вопросъ объ учрежденіи хорошей школы, но на дѣлѣ ничего не состоялось, потому что большая часть ливонскихъ сословій противилась, боясь, что если учрежденіе училища состоится, то на ихъ епископства, аббатства, настоятельства, фохтейства и помѣстья падутъ налоги и убытки". „По недостатку школъ, — говоритъ дальше тотъ же современникъ, — многія церкви внутри страны оставались безъ пасторовъ". При такой бѣдности образовательныхъ средствъ простой народъ не получалъ не только школьнаго, но даже и какого-бы то ни было религіознаго образованія. „Изъ тысячи крестьянъ, — говоритъ Рюссовъ, — едва ли можно было найдти одного знавшаго „Отче нашъ", не говоря о пяти главахъ катехизиса" [1]). „Это не фигуральное выраженіе, но голая, безотрадная истина",—комментируетъ приведенныя слова историкъ Прибалтійскаго края Отто фонъ-Рутенбергъ. По его словамъ вопросъ о народномъ образованіи въ Ливоніи въ періодъ ея самостоятельнаго существованія звучитъ не иначе, какъ ироніей. Взимая особый школьный налогъ, духовенство не только не содѣйствовало, но, напротивъ, противодѣйствовало учрежденію школъ даже въ городахъ [2]). Послѣ паденія Ливонскаго ордена во второй половинѣ XVI вѣка послѣдній магистръ ордена и первый курляндскій герцогъ Кетлеръ составлялъ планы о заведеніи для латышей и эстовъ школъ и даже гимназій съ цѣлью приготовленія хорошихъ пасторовъ, но заботы гуманнаго и просвѣщеннаго правителя не привели ни къ какимъ практическимъ результатамъ.

Впервые вопросъ о народномъ образованіи въ Прибалтійскомъ краѣ былъ поставленъ на практическую почву во время шведскаго владычества. Въ первой половинѣ XVII вѣка появились отдѣльныя школы и странствующіе учителя, а въ 1687 году Карлъ XI издалъ законъ, по которому въ каждомъ приходѣ должна быть построена школа и отведена земля для кистера. Съ своей стороны правительство немед-

---

[1]) Ливонская хроника *Рюссова*. Рус. пер. въ „Сборникѣ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края", т. II, стр. 163—4.

[2]) *Otto v. Rutenberg*. Geschichte der Ostseeprovinzen. II, 300.

Библиотека "Руниверс"

ленно завело школы и опредѣлило учителей въ казенныхъ имѣніяхъ. Благодаря усиліямъ шведскаго правительства явилось много школъ: существуетъ указаніе, что въ концѣ XVII вѣка въ одной только Эстляндіи было около 150 школъ, гдѣ училось до 5 тысячъ дѣтей. Къ сожалѣнію, Великая сѣверная война, страшно опустошившая Прибалтійскій край, стерла съ лица земли почти всѣ школы; не стало не только учителей, но даже пасторовъ, такъ что въ окрестностяхъ Юрьева, напримѣръ, на 30 приходовъ было всего 5 пасторовъ. Въ 1735—1736 году во всей Лифляндіи при ревизіи оказалось всего около тридцати школъ, да и тѣ неохотно посѣщались дѣтьми, родители которыхъ по своей бѣдности не могли снабжать ихъ даже однимъ только хлѣбомъ. Русское правительство при Екатеринѣ II напомнило въ 1765 году, чтобы въ каждомъ приходѣ была школа и чтобы пасторъ посылалъ ежегодные отчеты объ успѣхахъ дѣтей. Для приведенія въ исполненіе перваго требованія понадобилось почти цѣлое столѣтіе; если же въ отдѣльныхъ приходахъ и существовали школы, то онѣ по прежнему неаккуратно посѣщались дѣтьми. Обязательность элементарнаго образованія для лютеранскаго населенія въ Прибалтійскомъ краѣ сводилась къ тому, что дѣти кое-что усваивали дома отъ своихъ родителей. Въ теоріи предполагался контроль домашняго обученія со стороны пасторовъ, но на практикѣ этотъ контроль, по свидѣтельству одного современника (Меркеля), сводился къ тому, что пасторъ зимою назначалъ опредѣленное время и мѣсто для экзамена. Являлись на экзаменъ далеко не всѣ, а только тѣ, кто зналъ что-нибудь. Пасторъ заставлялъ ребенка прочесть пару строкъ, спрашивалъ какую нибудь молитву или заповѣдь, записывалъ его имя и экзаменъ кончался.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при изданіи положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 года, начальное народное образованіе было сдѣлано обязательнымъ: въ каждомъ приходѣ должна быть приходская школа (на 2.000 душъ муж. пола), въ каждой волости-волостная (на 500 душъ муж. пола); всѣ дѣти съ 10 лѣтъ должны посылаться въ школы подъ опасеніемъ штрафа въ размѣрѣ 5 коп. „мѣдною монетою“ за каждый пропущенный день. Какое дѣйствіе произвелъ упомянутый законъ, можно судить по тому факту, что даже приходскія школы явились во всѣхъ приходахъ только сорокъ лѣтъ спустя послѣ изданія положенія 1819 года. Распространеніе же волостныхъ школъ совершалось еще медленнѣе, какъ вслѣдствіе бѣдности крестьянскаго населенія, такъ и по причинѣ недоброжелательнаго

Библиотека "Руниверс"

отношенія прибалтійскаго дворянства къ народному образованію. Такъ продолжалось дѣло до тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ, когда въ воззрѣніяхъ прибалтійскихъ нѣмцевъ на образованіе латышей и эстовъ произошелъ коренной переворотъ. Подъ вліяніемъ тяготѣнія народныхъ массъ къ Россіи, выразившагося особенно ярко въ массовомъ движеніи въ православіе, нѣмецкое дворянство и лютеранское духовенство въ интересахъ собственнаго самосохраненія рѣшили заняться воспитаніемъ народа въ извѣстномъ направленіи и обратили особенное вниманіе на народную школу.

Число народныхъ школъ стало расти съ изумительною быстротою, о чемъ до нѣкоторой степени можно судить по нижеслѣдующимъ статистическимъ даннымъ, за достовѣрность которыхъ, впрочемъ, трудно вполнѣ поручиться.

Въ Эстляндской губ. до 1830 г. было всего только *семнадцать* школъ; въ 1858 г. въ 202 школахъ училось семь тысячъ дѣтей, а въ 1869 г. было уже 388 школъ съ 34 тыс. учащихся [1]). Въ Лифляндской губерніи официальная статистика еще въ 1846 году насчитала 129 приходскихъ и 750 вотчинныхъ и деревенскихъ школъ съ 36 тыс. учащихся [2]). Болѣе точныя изслѣдованія доктора Бульмеринга показываютъ, что въ Лифляндіи въ концѣ сороковыхъ годовъ было 83 приходскихъ школы, а въ концѣ пятидесятыхъ—105 школъ, сельскихъ школъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ было 530, а въ концѣ этого десятилѣтія — 575. Только къ концу шестидесятыхъ годовъ народное образованіе въ Лифляндской губ. поднялось на тотъ уровень, который былъ намѣченъ въ сороковыхъ годахъ: въ 110 приходскихъ и 748 волостныхъ школахъ училось около 35 тысячъ обоего пола.

Въ Курляндской губерніи подъемъ народнаго образованія начался также въ тридцатыхъ-сороковыхъ годахъ истекающаго столѣтія. До того времени школы хотя и существовали, но „въ весьма ограниченномъ числѣ“, а въ 1847 г. официальная статистика показывала уже 262 учебныхъ заведенія, среднихъ, низшихъ и частныхъ. Черезъ десять лѣтъ число всѣхъ учебныхъ заведеній поднялось до 471, въ томъ числѣ однѣхъ народныхъ школъ считалось 310 съ 13 тысяч. учащихся обоего пола [3]).

---

[1]) Прибалтійскій генералъ-губернаторъ Альбединскій во всеподданнѣйшей запискѣ 1868 года понижаетъ число учащихся въ народныхъ школахъ Эстляндской губерніи до *восьми* тысячъ.

[2]) *Мининцъ*. „Военно статистическое обозрѣніе Лифляндской губ“.

[3]) *Ораховскій*. „Курляндская губернія“ въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами Генеральнаго Штаба“.

Библиотека "Руниверс"

Въ „Статистическомъ обозрѣніи Россійской имперіи“ Ливрона высчитано, что въ 1870 г. въ Дерптскомъ учебномъ округѣ было 1946 народныхъ школъ (вѣроятно, вмѣстѣ съ православными) съ 95 тыс. учащихся. Въ 1880 г. общее число народныхъ школъ Прибалтійскаго края поднялось до 2.460, а число учащихся превысило 130 тыс. дѣтей. Въ 1886 году всѣхъ низшихъ училищъ, считая благотворительныя, частныя и другія, было болѣе 3.200, а учащихся болѣе 185 тыс. дѣтей обоего пола.

Приведенныя статистическія данныя, свидѣтельствуя несомнѣнно о быстромъ ростѣ народнаго образованія, въ то же время заставляютъ отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ точности свѣдѣній, собранныхъ прибалтійскими статистиками. Во всѣхъ приведенныхъ данныхъ относительно числа учебныхъ заведеній и особенно относительно общаго количества учащихся можно замѣтить тенденцію показывать не столько фактическое положеніе народнаго образованія, сколько то положеніе, въ какомъ школьное дѣло *должно было быть* въ данное время. Такъ напримѣръ, въ Лифляндской губерніи по закону 1819 года должны были существовать приходская школа въ каждомъ приходѣ и волостная—въ каждой волости,—и мы находимъ въ 1846 году 129 приходскихъ и 750 волостныхъ школъ съ 36 тыс. учащихся, тогда какъ данныя, болѣе близкія къ дѣйствительности, показываютъ, что даже двадцать пять лѣтъ спустя и число школъ и число учащихся еще не достигли того уровня, какой считался законнымъ и желательнымъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Въ Эстляндской губерніи въ шестидесятыхъ годахъ находили нужнымъ, чтобы 10% населенія учились въ школахъ, и вотъ въ 388 школъ помѣщаются 34 тысячи учащихся, то-есть почти 100 чел. въ каждую школу, что покажется абсурдомъ всякому, кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ эстляндскими школами.

На основаніи приведенныхъ данныхъ о состояніи начальнаго народнаго образованія въ 1886 году процентъ учащихся по отношенію къ общему количеству населенія въ прибалтійскомъ краѣ былъ доведенъ до 8, а въ одной только Лифляндской губерніи почти до 10 (9, 87). Но цифры эти нельзя не признать въ значительной степени преувеличенными. Дѣло въ томъ, что въ общемъ количествѣ учащихся показаны не только тѣ дѣти, которыя посѣщаютъ школу въ теченіи всего учебнаго времени, но также и тѣ подростки, которые по окончаніи курса въ теченіе нѣсколькихъ зимъ являются въ школу на извѣстное число дней (по закону не менѣе 12) для повторенія пройденнаго. Въ Лифляндской губерніи такихъ учениковъ повторительнаго курса

Библиотека "Руниверс"

(Repetionsschüler) въ 1881—1882 году было болѣе 36 тысячъ дѣтей обоего пола, въ то время, какъ число постоянныхъ учащихся не превышало 46 тысячъ; значитъ число подростковъ, явившихся для повторенія пройденнаго достигало 44% общаго количества учащихся. Въ 1886 году между постоянными и временными учащимися было приблизительно такое же отношеніе, какъ и въ 1881—1882 году. Только вслѣдствіе соединенія въ одно цѣлое этихъ разнородныхъ категорій учащихся въ народныхъ школахъ могъ получиться такой высокій показатель образованія въ Лифляндской губерніи. Если мы допустимъ что въ восьмидесятыхъ годахъ 10% населенія Лифляндской губерніи училось въ школахъ, то, при трехгодичномъ курсѣ обученія, можно подумать, что всѣ дѣти школьнаго возраста посѣщали училища; на самомъ же дѣлѣ въ 1887 году тридцать пять тысячъ дѣтей школьнаго возраста не посѣщали школъ, а довольствовались домашнимъ обученіемъ.

II.

Таковъ былъ *количественный* ростъ народнаго образованія въ Прибалтійскомъ краѣ до самаго критическаго момента въ исторіи прибалтійской школы, то есть до того времени, когда всѣ евангелическо-лютеранскія сельскія школы были изъяты изъ исключительнаго вѣдѣнія нѣмецкаго дворянства и лютеранскаго духовенства и подчинены начальству Рижскаго учебнаго округа (1886 г.), и когда началось постепенное введеніе преподаванія на русскомъ языкѣ, вызвавшее оппозицію прежнихъ покровителей школы, помѣщиковъ и пасторовъ. Что касается *качественнаго* прогресса въ дѣлѣ народнаго образованія латышей и эстовъ, то относительно этого очень важнаго вопроса почти не существуетъ сколько нибудь точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Нѣкоторое представленіе о внутреннихъ достоинствахъ дореформенной прибалтійской школы можно получить только косвенными путями [1]).

Прежде всего надо замѣтить, что рядомъ съ увеличеніемъ числа школъ населеніе заботилось и о снабженіи ихъ собственными помѣщеніями. Въ Лифляндской губерніи въ 1861—1870 годахъ было построено 263 школьныхъ зданія, а въ слѣдующее десятилѣтіе — помѣщенія для

[1]) Дальнѣйшее изложеніе основано, главнымъ образомъ, на офиціальномъ изданіи Лифляндской ландратской коллегіи „Materialien zur Kenntniss des evangelischlutherischen Landvolkesschulwesens in Livland". (Рига 1884). и на статьяхъ г. Вембера о прибалтійскихъ школахъ (*Народная Школа*, за 1887 и 1888 гг.).

Библиотека "Руниверс"

431 школы, такъ что въ 1881—1882 году 850 волостныхъ школъ изъ общаго числа 959 и 59 приходскихъ училищъ изъ общаго числа 126 имѣли собственныя помѣщенія. Въ Курляндской губерніи въ 1881 году изъ 375 школъ только 219 имѣли удовлетворительныя помѣщенія. Въ болѣе бѣдной Эстляндской губерніи дѣло съ школьными помѣщеніями стояло еще хуже. Итакъ въ передовой, въ отношеніи народнаго образованія, губерніи почти одна пятая общаго числа школъ не имѣла собственныхъ помѣщеній; если же обратить вниманіе на однѣ приходскія школы, то окажется, что болѣе половины этихъ училищъ высшаго типа помѣщались въ наемныхъ домахъ.

„Наемныя помѣщенія, какъ совершенно не приспособленныя къ своему назначенію, безусловно плохи,—писалъ въ 1887 году г. Вемберъ, — главный ихъ недостатокъ — это крайняя тѣснота. Комната, отведенная подъ школу въ какой-нибудь крестьянской избѣ, обыкновенно служитъ въ одно и то же время и классомъ, и столовой и спальней. За цѣлый день ходьбы учениковъ полъ комнаты дѣлается сырымъ, грязнымъ, въ особенности въ сырую погоду. Но несмотря на это, вечеромъ ученики стелютъ на полъ солому или же кладутъ соломой набитые мѣшки и такъ ложатся спать. Здѣсь бываетъ иногда настолько тѣсно, что на каждаго учащагося приходится не болѣе 1/7 куб. саж. воздуха. Можно себѣ представить, каковы должны быть здѣсь духота и смрадъ“.

Спеціально построенныя для школъ зданія, конечно, были лучше, тѣмъ болѣе что отдѣльныя волости соперничали другъ передъ другомъ: „кто лучше, кто красивѣе построитъ себѣ школу“. Но и эти школы имѣли очень существенные недостатки, такъ какъ строились крестьянами по случайнымъ планамъ, безъ всякаго почти руководительства и надзора со стороны школьныхъ управленій. Среди этихъ недостатковъ „самое первое мѣсто занимаетъ отсутствіе чуть ли не всякихъ приспособленій къ правильной вентиляціи. Сами крестьяне мало придаютъ значенія чистотѣ воздуха, а потому почти никакого вниманія не обращаютъ на эту сторону и при постройкѣ школьныхъ домовъ“. (Вемберъ).

Если отъ школьныхъ зданій перенесемъ вниманіе на педагогическій персоналъ народныхъ школъ прибалтійскаго края, то и здѣсь найдемъ мало отраднаго. Не смотря на заботы нѣмецкаго дворянства и лютеранскаго духовенства о приготовленіи сельскихъ учителей, несмотря на то, что первыя учительскія семинаріи возникли въ Лифляндіи и Курляндіи болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ,—воспитан-

Библиотека "Руниверс"

ники семинарій составляли меньшинство среди общаго числа лицъ, занимавшихся обученіемъ въ народныхъ школахъ. Въ Лифляндской губерніи, занимающей въ отношеніи народнаго образованія первое мѣсто во всей Россіи, исключая Финляндіи, въ 1881—1882 году изъ общаго числа 1.342 учителей окончили курсъ учительской семинаріи только 442 человѣка, то-есть, 33%; значитъ, цѣлыхъ *двѣ трети* учителей не имѣли спеціальной педагогической подготовки. Не только волостныя школы, но даже нѣкоторыя изъ приходскихъ училищъ страдали вслѣдствіе отсутствія учителей, приготовленныхъ къ своей дѣятельности надлежащимъ образомъ. Въ указанномъ году изъ 217 приходскихъ учителей только 150 (то-есть, менѣе 70%) окончили курсъ учительской семинаріи.

Недостатокъ спеціально подготовленныхъ учителей восполнялся большею частью лицами, выдержавшими особое испытаніе; но 10% общаго числа учащихъ составляли лица, не имѣвшія никакого свидѣтельства о своихъ педагогическихъ знаніяхъ и способностяхъ. Такіе безденежные педагоги были даже въ приходскихъ училищахъ: 20 человѣкъ изъ 217, то-есть, 9%.

Въ Курляндіи въ 1881 году процентъ учителей съ семинарскимъ образованіемъ былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Лифляндской губерніи, и поднимался до 57; зато въ несравненно болѣе бѣдной Эстляндіи спеціально подготовленныхъ учителей должно было быть еще меньше, чѣмъ въ Лифляндіи.

Итакъ, педагогическимъ персоналомъ дореформенная прибалтійская школа не могла похвалиться. Главная причина недостатка въ хорошихъ учителяхъ заключалась въ крайне скудномъ вознагражденіи за трудъ преподаванія. Цифровыхъ данныхъ относительно вознагражденія учителей „Матеріалы", изданные ландратской коллегіей, не сообщаютъ, ограничиваясь глухимъ указаніемъ, что учительское жалованье было „не совсѣмъ незначительно". Но если мы примемъ во вниманіе незначительные размѣры волостей [1]), обязанныхъ содержать школу, если вспомнимъ, что большинство сельскаго населенія въ прибалтійскомъ краѣ составляютъ безземельные батраки и арендаторы, и что при наймѣ учителя преимущество отдавали не наиболѣе достойному, а наиболѣе дешевому, то станетъ понятно, что вознагражденіе

[1]) „Не рѣдкость видѣть волость, населеніе которой состоитъ чуть ли не изъ одной только сотни душъ мужескаго пола",—писалъ въ 1887 году г. Вемберъ.

Библиотека "Руниверс"

учителя было доведено до возможнаго минимума [1]). Мизерное же вознагражденіе, по свидѣтельству одного изъ лицъ, знающихъ хорошо дореформенную латышскую школу, дѣлало педагогическое поприще „или орудіемъ спекуляціи пройдохъ, извлекающихъ выгоду изъ льготъ по воинской повинности, или же тихимъ пристанищемъ бездарности и невѣжества".

Неудовлетворительность школьныхъ помѣщеній и особенно недостатокъ хорошо подготовленныхъ учителей не могли не отзываться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на школьномъ дѣлѣ, такъ что *качественный* прогрессъ народнаго образованія въ прибалтійскихъ губерніяхъ былъ далеко ниже *количественнаго*. Правда, и требованія къ дореформенной прибалтійской школѣ предъявлялись самыя скромныя. Положеніе 1819 года, вводя обязательность школьнаго обученія въ Лифляндской губерніи, требовало, чтобы въ волостныхъ школахъ учили только „чтенію, катехизису и пѣнію по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ". Писать не учили и до самаго послѣдняго времени это умѣнье считали роскошью и даже опаснымъ знаніемъ, располагавшимъ къ пасквилямъ и кляузамъ. Еще въ 1880-мхъ годахъ лифляндское дворянство официально заявляло, что главная задача волостныхъ школъ—приготовленіе дѣтей къ конфирмаціи. Вслѣдствіе такого узкаго воззрѣнія на народную школу главное вниманіе въ ней было обращено на Законъ Божій и духовное пѣніе въ ущербъ другимъ предметамъ. До чего суживались иногда задачи народной школы, можно судить по тому факту, что въ § 22 инструкціи для курляндскихъ школъ было сказано: „вмѣсто книгъ для чтенія должна употребляться книга новаго завѣта или же воскресныя евангелія и чтенія апостоловъ". Существованіе такого § вело къ тому, что „время, назначенное на уроки роднаго языка,, почти цѣликомъ поглощалось Закономъ Божіимъ" [2]).

Что касается главной задачи, возложенной на дореформенную прибалтійскую школу, то она, судя по официальной нѣмецкой статистикѣ, достигалась почти вполнѣ: изъ подвергшихся конфирмаціи въ 1881 — 1882 году прошли курсъ народной школы 86,7% юношей и 79,6% дѣвицъ. Точныхъ же и опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ, что да-

[1]) Даже въ богатой Курляндіи въ 1881 г. учительское жалованье, въ среднемъ, не доходило до 200 руб. въ годъ, спускаясь въ отдѣльныхъ случаяхъ до 30 рублей.

[2]) *Народная школа*, за 1888 г., № 2, стр. 44.

Библиотека "Руниверс"

вала дореформенная школа своимъ ученикамъ сверхъ элементарной религіозно-нравственной подготовки, не имѣется. Обращаясь къ учебнымъ планамъ, напримѣръ, лифляндскихъ школъ, мы находимъ, что кромѣ Закона Божія и пѣнія, роднаго языка и счета въ волостныхъ школахъ преподавались и географія, и рисованіе, и гимнастика, и рукодѣліе, и даже русскій и нѣмецкій языки. По свѣдѣніямъ, заключеннымъ въ указанныхъ „Матеріалахъ", русскій языкъ въ дореформенной школѣ, по крайней мѣрѣ, въ Лифляндской губерніи, занималъ подобающее ему мѣсто, и преподаваніе его расширялось съ каждымъ годомъ: въ 1874—1875 году изъ 916 волостныхъ школъ русскій языкъ преподавался въ 383 школахъ, а въ 1881—1882 году изъ 959—въ 671 школѣ, тогда какъ нѣмецкій языкъ преподавался только въ 299 школахъ. Такимъ образомъ еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ русскій языкъ преподавался болѣе чѣмъ въ двухъ третяхъ лифляндскихъ школъ (70%), преподаваніе же нѣмецкаго языка было распространено въ два раза менѣе (30%). Таковы свѣдѣнія, заключенныя въ офиціальномъ изданіи Лифляндской ландратской коллегіи. Если повѣрить остзейскимъ статистикамъ, то придется удивляться дерзости латышей и эстовъ, которые осмѣливались безпокоить высшихъ представителей русской власти въ краѣ и даже самого Государя Императора просьбами о заведеніи русскихъ школъ и назначеніи учителей русскаго языка. На самомъ жо дѣлѣ русскій языкъ только значился въ числѣ учебныхъ предметовъ; преподавать же его было некому, потому что учителя получали свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ все преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ и гдѣ на преподаваніе русскаго языка смотрѣли, какъ на „уступку печальной необходимости". Учитель, способный сколько-нибудь сносно преподавать русскій языкъ, былъ исключительнымъ явленіемъ въ дореформенной прибалтійской школѣ. Такихъ учителей не любили господствующія сословія, и извѣстно нѣсколько случаевъ удаленія учителя изъ школы за успѣшное преподаваніе русскаго языка [1]).

Изъ другихъ предметовъ, помѣщенныхъ въ программѣ волостныхъ школъ, гимнастика для мальчиковъ и рукодѣліе для дѣвочекъ также существовали въ большинствѣ случаевъ только на бумагѣ. Для раціональнаго преподаванія гимнастики не было соотвѣтствующаго помѣщенія; преподавать рукодѣліе было некому, потому что сельская учительница—очень рѣдкое явленіе въ Прибалтійскомъ краѣ.

---

[1]) *Народная школа*, за 1886 г., № 8, стр. 26.

Библиотека "Руниверс"

Обратившись къ преподаванію роднаго языка (латышскаго или эстонскаго) и ариѳметики, мы найдемъ и здѣсь существенные недостатки, которые не позволятъ смотрѣть на волостную школу Прибалтійскаго края, какъ на нормальную народную школу. Чтеніе было поставлено до извѣстной степени удовлетворительно: механизмъ чтенія усваивался дѣтьми еще до вступленія въ школу отъ родителей; въ школѣ же заботились о выразительности и сознательности; за то уроки письма сводились, главнымъ образомъ, на каллиграфію (Вемберъ). При обученіи счету учебные планы лифляндскихъ школъ предписывали избѣгать механическихъ пріемовъ; на самомъ же дѣлѣ стоитъ только сколько-нибудь ознакомиться съ математическими познаніями прибалтійскихъ учителей, даже питомцевъ нѣмецкихъ семинарій, чтобы убѣдиться, что уроки ариѳметики страдали именно отсутствіемъ развивающаго вліянія и почти всецѣло сводились къ механическимъ операціямъ надъ числами.

Преподаваніе въ приходскихъ школахъ, курсъ которыхъ былъ продолженіемъ курса волостныхъ училищъ, конечно, было успѣшнѣе; но приходскія училища такого рода существовали почти въ одной только Лифляндской губерніи и составляли немного болѣе 10% общаго числа школъ.

Указанный характеръ преподаванія въ дореформенной прибалтійской школѣ не позволяетъ сдѣлать вывода, что получаемое въ ней образованіе отличалось высокимъ качественнымъ достоинствомъ. Напротивъ, существуютъ указанія, что общеобразовательное значеніе этой школы было очень не велико. „Всѣмъ извѣстно, что, несмотря на обязательность обученія, громадная масса мѣстныхъ крестьянъ почти безграмотна; умѣющіе писать среди нихъ рѣдкость и даже въ числѣ волостныхъ должностныхъ лицъ имѣются такія, которыя не могутъ подписать свое имя". „Какая же это школа, гдѣ учитель получаетъ 10—50 руб. содержанія въ годъ и самъ едва умѣетъ читать... Большая часть мѣстныхъ волостныхъ сельскихъ училищъ дореформеннаго времени были лишь школами грамоты самаго низкаго разряда" [1]). Приведенныя заявленія могутъ показаться не особенно убѣдительными, такъ какъ *Рижскій Вѣстникъ* заподозрѣнъ въ тенденціозномъ отношеніи къ дореформеннымъ балтійскимъ порядкамъ и даже названъ былъ однажды въ печати „органомъ невѣжественныхъ обрусителей". Но вотъ заявленіе со стороны лица, которое хотя и было офиціальнымъ

[1]) *Рижскій Вѣстникъ* за 1895 г. №№ 46, и 87.

Библиотека "Руниверс"

представителемъ русской власти въ краѣ, но въ то же время подвергалось нареканіямъ за излишнее пристрастіе къ балтійскому строю и было провожаемо въ могилу общими сожалѣніями прибалтійской нѣмецкой прессы. „Лифляндскій крестьянинъ,—говоритъ бывшій лифляндскій губернаторъ Зиновьевъ,—привыкъ сосредоточивать всѣ свои силы на матеріальныхъ интересахъ... Уровень его образованія весьма не высокъ". За отсутствіемъ практики крестьяне разучиваются даже писать [1]).

Высказанныя мнѣнія находятъ подтвержденіе и въ результатахъ однодневной переписи, произведенной 29-го декабря 1881 года. Среди латышей Лифляндской губерніи старше 14 лѣтъ не умѣли ни читать, ни писать только 7,3%, но за то умѣли читать и писать только 40%; среди эстовъ той же губерніи совершенно неграмотныхъ было 5,6%, а вполнѣ грамотныхъ 44,6%. Въ Эстляндіи, гдѣ, по свѣдѣніямъ мѣстнаго статистическаго комитета, еще въ шестидесятыхъ годахъ учились въ школахъ 10% населенія, та же перепись показала, что не знали ни читать, ни писать только 6%, а умѣли и читать и писать только 40%. Такимъ образомъ оказывается, что въ наиболѣе образованныхъ прибалтійскихъ губерніяхъ болѣе половины грамотнаго населенія умѣли только читать; писать же или не научились вовсе или научились такъ плохо, что скоро разучились.

Итакъ, дореформенная прибалтійская школа готовила лютеранское населеніе къ конфирмаціи и давала ему элементарное образованіе, въ большинствѣ случаевъ не шедшее далѣе одного только умѣнія читать библію и молитвословъ. Апологеты дореформенной школы, желая сохранить и на будущее время ея строго-конфессіональный характеръ, заявляютъ, что народная школа, несмотря на скромное образовательное значеніе, оказывала „крайне благотворное вліяніе на крестьянъ" [2]). На самомъ же дѣлѣ, не смотря на „преобладающее значеніе обученія Закону Божія" и на „принадлежность учителей къ евангелическо-лютеранской церкви и религіозно-педагогическую подготовку ихъ",—приходится считаться съ фактами, показывающими, что народныя массы не ощущали „благотворнаго вліянія" школы, находившейся въ ближайшемъ и непосредственномъ завѣдываніи лютеранскаго духовенства. Чтобы показать, какъ смотрятъ на дореформенную школу мѣстные патріоты, достаточно привести слѣдующія строки изъ книжки

[1]) *М. А. Зиновьевъ.* Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи. Рига. 1895 г., стр. 43.

[2]) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, за 1896 г., № 336.

Библиотека "Руниверс"

г. Воротина: „Прибалтійская школа—это была язва, нарочно вызванная для зараженія и поглощенія здоровыхъ силъ народа... Уроки знаній въ ней ограничивались чтеніемъ и зазубриваніемъ безсмысленныхъ статей, спеціальныхъ учебниковъ и обученіемъ выводить буквами имя и разбирать цифры на верстовыхъ столбахъ; уроки же нравственности—увѣщаніемъ повиноваться свѣтскимъ и духовнымъ господамъ... Она дала въ руки оружіе *обманывать, выпустила массу негодяевъ, конокрадовъ и т. п. Не даромъ говоритъ народъ, что школа учитъ худому*... Лучше бы было, если бы подобной школы не было, ибо *тогда были бы нравы чище*... Въ общемъ, посредствомъ школы нѣмцы достигли заразъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, уничтоженія мыслительной способности, во-вторыхъ, пробужденія дурныхъ инстинктовъ“ [1]). Конечно, въ приведенныхъ словахъ черезчуръ много несправедливыхъ нападокъ и преувеличенныхъ обвиненій по адресу дореформенной школы, но „нѣтъ дыму безъ огня“—говоритъ русская пословица.

Насколько слабо и недостаточно религіозное просвѣщеніе прибалтійскаго населенія, можно судить уже по тому факту, что всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ среди эстонцевъ было обнаружено настоящее язычество въ формѣ почитанія нѣкоего божества Тыпия, которое представляло изъ себя огарокъ восковой свѣчки, облеченный въ миніатюрный мужской костюмъ. Божество это хранилось въ особомъ лукошкѣ въ амбарѣ, и ему приносились настоящія жертвы. „Въ лукошко Tõnn'a,—говоритъ покойный профессоръ Казанскаго университета докторъ филологіи Веске (эстонецъ по происхожденію),—клалась частица отъ всего: капля свѣжесваренаго пива, крошка перваго хлѣба отъ новаго урожая, въ началѣ молотьбы нѣсколько зеренъ всякихъ хлѣбовъ, кусочекъ мяса отъ всякаго зарѣзаннаго домашняго животнаго, кусочекъ отъ всякой вытканной дома матеріи. Весною, при первомъ выпускѣ скота въ поле, отъ всякой скотины отрѣзывалось немножко шерсти, нѣсколько волосковъ отъ хвоста и кусочки отъ роговъ“ и т. д.

Указаніемъ на недостаточность религіозно-нравственной подготовки прибалтійскаго населенія можетъ до нѣкоторой степени служить и криминальная статистика, которая по количеству преступленій, особенно противъ чужой собственности, отводитъ „культурному“ Остзейскому краю одно изъ первыхъ мѣстъ Россіи. Наконецъ, лучшимъ опроверженіемъ заявленія о благотворномъ вліяніи дореформенной

[1]) *А. Воротинъ* (священникъ Вяратъ). „Принципы прибалтійской жизни“. Ревель. 1891.

Библиотека "Руниверс"

школы на крестьянъ служитъ то обстоятельство, что эстонцы и латыши во время ревизіи Манасеина просили русское правительство объ изъятіи народныхъ школъ изъ рукъ пасторовъ. — желаніе, которое въ свое время было признано вполнѣ справедливымъ, даже со стороны „*Вѣстника Европы*“ [1]).

III.

Прежде чѣмъ говорить о томъ, выиграло ли народное образованіе отъ передачи школъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, умѣстно остановиться на вопросѣ, что̀ ожидало прибалтійскую школу въ будущемъ, если бы она не была изъята изъ рукъ нѣмецкаго дворянства и лютеранскаго духовенства.

Въ „Матеріалахъ“, изданныхъ Лифляндской ландратской коллегіей въ 1884 г., было заявлено, что заботы дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія должны быть направлены не столько на *расширеніе* школьнаго дѣла, сколько на его *углубленіе*, то-есть на улучшеніе въ качественномъ отношеніи. Дѣйствительно, по вычисленіямъ А. Н. Страннолюбскаго, въ 1886 г. одна школа приходилась въ Лифляндской губ. на 654 жителя, въ Эстляндской—на 582 и только въ Курляндской—на 1074 жителя [2]).

Приведенныя данныя позволяютъ сдѣлать выводъ, что еще до начала обрусительныхъ реформъ Прибалтійскій край, за исключеніемъ развѣ одной только Курляндской губерніи, былъ въ достаточной степени снабженъ школами, и что въ будущемъ можно было ожидать только увеличенія числа учащихся, какъ вслѣдствіе болѣе строгаго исполненія закона объ обязательномъ обученіи, такъ и отъ естественнаго прироста населенія.

Перейдя къ вопросу объ „углубленіи“ народнаго образованія, приходится замѣтить, что на качественный прогрессъ въ школьномъ дѣлѣ едва ли можно было разчитывать, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Дѣло въ томъ, что въ восмидесятыхъ годахъ подъ вліяніемъ того движенія среди латышей и эстовъ, которое нѣмцами названо „національною агитаціей“, руководящіе классы прибалтійскаго общества стали проникаться убѣжденіемъ, что народная школа служитъ не столько средствомъ германизаціи туземнаго населенія, сколько орудіемъ и проводникомъ идей, такъ называемыхъ, младо-латышей и младо-эстовъ. Въ 1881 году на съѣздѣ лифляндскихъ пасторовъ

[1]) *Вѣстникъ Европы*, за 1883 г., май, стр. 360.

[2]) *Образованіе*, за 1895 г., № 2, стр. 146.

Библиотека "Руниверс"

пробстъ Купферъ „поднялъ вопросъ о необходимости пониженія народнаго образованія въ Лифляндіи", и предложеніе этого поборника мракобѣсія не только не вызвало протестовъ среди пасторовъ, но даже было поддержано нѣмецкой прессой. Приходскія школы были признаны положительно вредными для народа, а ученіе въ волостной школѣ должно было, по мнѣнію Купфера, ограничиться Закономъ Божіимъ, чтеніемъ, письмомъ, кое-чѣмъ изъ ариѳметики и пѣніемъ. Ревнители народнаго образованія не замедлили перейдти отъ словъ къ дѣлу: началось фактическое закрытіе приходскихъ училищъ, и „въ иныхъ школахъ стали трепать ленъ, а въ другихъ скотъ содержать" [1]).

Принявъ во вниманіе это ретроградное движеніе среди лютеранскаго духовенства, можно думать, что дореформенная прибалтійская школа надолго еще была обречена служить почти исключительно для приготовленія лютеранскихъ дѣтей къ конфирмаціи.

Въ 1886 году по соображеніямъ внутренней политики всѣ евангелическо-лютеранскія школы Прибалтійскаго края были подчинены начальству Рижскаго учебнаго округа, а въ слѣдующемъ году были изданы „временныя правила", въ силу которыхъ въ приходскихъ училищахъ съ перваго года, а въ волостныхъ школахъ въ послѣдній годъ обученія преподаваніе всѣхъ предметовъ, исключая Закона Божія, церковнаго пѣнія и мѣстныхъ языковъ, должно вестись на русскомъ языкѣ. Проведеніе этого закона на практикѣ встрѣтило громадныя затрудненія, потому что учителя лютеранскихъ школъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не знали русскаго языка, а господствующія сословія въ Прибалтійскомъ краѣ, изъ рукъ которыхъ было изъято непосредственное распоряженіе судьбами школы, обнаружили самую ярую оппозицію этой учебной реформѣ. Послѣдніе годы истекшаго десятилѣтія и начало девятидесятыхъ годовъ были смутнымъ періодомъ въ исторіи прибалтійской школы, которая сдѣлалась ареною для борьбы между учебнымъ начальствомъ и прежними безконтрольными вершителями судебъ народнаго образованія. Враги новыхъ порядковъ въ завѣдываніи школами и новыхъ программъ преподаванія доказывали, что школы опустѣли, что результатомъ ученія является одно „отупѣніе" потому что учитель и ученики не въ состояніи понимать другъ друга и т. д. Много „жалкихъ словъ" сказано было по поводу учебной реформы, которую называли самою неудачною изъ всѣхъ преобразованій въ прибалтійскомъ краѣ. много лицемѣрныхъ слезъ было пролито надъ яко-бы „погибающимъ просвѣщеніемъ". Русское обще-

[1]) *Народная школа*, за 1888 г., № 8, стр. 26—28.

Библиотека "Руниверс"

ство не безъ смущенія прислушивалось къ отголоскамъ, доходившимъ изъ Прибалтійскаго края, гдѣ русскихъ дѣятелей на педагогическомъ поприщѣ склонны были отождествлять съ новыми вандалами, явившимися для разрушенія дѣла народнаго образованія и низведенія „культурныхъ“ латышей и эстовъ на степень безграмотнаго русскаго мужика...

Прошло около десяти лѣтъ со времени перехода народныхъ училищъ Прибалтійскихъ губерній въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. При организаціи Всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ были собраны свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія во всей Россіи. На основаніи полученнаго отъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ статистическаго матеріала Прибалтійскій край занялъ то же первое мѣсто, какое онъ занималъ и до обрусительныхъ реформъ. Значитъ, народное образованіе при измѣнившихся условіяхъ своего развитія не погибло, и вопросъ можетъ быть только въ томъ, пострадало ли оно за послѣдніе десять лѣтъ, и если пострадало, то насколько сильно и вслѣдствіе какихъ именно причинъ.

Сгруппируемъ данныя о числѣ всѣхъ начальныхъ школъ и учащихся въ 1886 и 1893 годахъ въ таблицу.

ГУБЕРНІИ.	Годы.	Число школъ.	Число учащихся.			Показатель образованія.
			Мальч.	Дѣвоч.	Всего.	
Лифляндская.	1886	1.893	63.553	58.413	121.966	9,87
	1893	1.795	44.642	36.255	80.897	6,3
Уменьшеніе на	„	98	18.911	22.158	41.069	3,57
Эстляндская.	1886	680	14.789	12.548	27.337	6,9
	1893	637	12.112	10.146	22.258	5.415
Уменьшеніе на	„	43	2.677	2.402	5.079	1,485
Курляндская.	1886	636	21.598	15.340	36.938	5,42
	1893	637	22.054	15.671	37.725	5,328
Увеличеніе на.		1	456	331	787	0,092
Весь прибалтійс. край	1886	3.209	99.940	86.301	186.241	8,05
	1893	3.069	78.808	62.072	140.880	5,86
Уменьшеніе на		140	21.132	24.229	45.361	2.19
Уменьшеніе въ % на.		4,36%	21%	28%	24%	2,7%

Библиотека "Руниверс"

Въ приведенной таблицѣ были взяты числа, показывающія общее количество учащихся во всѣхъ начальныхъ школахъ Прибалтійскаго края,—лютеранскихъ, православныхъ, сельскихъ, городскихъ, частныхъ, благотворительныхъ и т. д. Изъ этихъ категорій учебныхъ заведеній наиболѣе пострадали сельскія лютеранскія школы, о чемъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ относительно Лифляндской губерніи [1]).

ГОДЫ.	Число школъ.	Число учащихся.			Вмѣстѣ съ учащимися повторит. курса.		
		Мальч.	Дѣвоч.	Всего.	Мальч.	Дѣвоч.	Всего.
Въ 1881—1828 году.							
Приходскихъ	126	3.622	1.091	4.713	3.853	1.200	5.053
Волостныхъ	959	20.901	20.283	41.184	37.250	39.619	76.869
Всего.	1.085	24.523	21.374	45.897	41.103	40.819	81.922
Въ 1887 году [2]).							
Приходскихъ	132	—	—	—	3.735	1.284	5.019
Волостныхъ	1.085	—	—	—	38.714	41.243	79.957
Всего.	1.217	—	—		42.449	42.527	84.976
Въ 1893 году.							
Приходскихъ.	114	3.904	980	4.884	—	—	—
Волостныхъ	1.044	23.683	22.502	46.185	—	—	—
Министерскихъ .	9	682	350	1.032	—	—	—
Всего. .	1.167	28.269	23.832	52.101	—	—	—

[1]) Прошу обратить особенное вниманіе на эту таблицу, потому что она наглядно показываетъ и причины сокращенія числа учащихся, заключающіяся въ сравненіи разнородныхъ статистическихъ данныхъ.

[2]) Даннымъ о числѣ наличныхъ учащихся за 1887 годъ не имѣемъ, въ 1886 г. въ волостныхъ и приходскихъ школахъ было 48.776 учащихся, въ томъ числѣ 25.589 мальчиковъ и 23.186 дѣвочекъ.

Библиотека "Руниверс"

Первая изъ приведенныхъ таблицъ показываетъ, что въ теченіе первыхъ семи лѣтъ учебной реформы общее число низшихъ учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края сократилось на четыре процента слишкомъ, въ то время какъ число учащихся понизилось на 24%, а показатель образованія даже на 2,7%. Изъ отдѣльныхъ губерній наиболѣе пострадали Лифляндская, гдѣ число школъ уменьшилось на 98, а число учащихся сократилось на 33%, и Эстляндская, которая лишилась 43 школъ и 18% общаго числа учащихся.

Результаты получились въ высшей степени печальные; но мы впали бы въ грубое заблужденіе, если бы приняли ихъ безъ всякихъ поправокъ. Дѣло въ томъ, что статистическія данныя 80-хъ и 90-хъ годовъ получены совершенно различными путями и выражаютъ далеко не одно и то же. Данныя дореформеннаго періода получены прибалтійскими статистическими комитетами отъ мѣстныхъ школьныхъ управленій, которыя, какъ уже было замѣчено, въ своихъ показаніяхъ болѣе сообразовались съ наличнымъ числомъ дѣтей школьнаго возраста, чѣмъ съ дѣйствительнымъ числомъ учащихся въ школахъ. Чтобы не быть голословнымъ, укажу на тотъ въ высшей степени интересный фактъ, что, если повѣрить мѣстнымъ статистикамъ, учебная реформа, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, нисколько не задержала ростъ народнаго образованія: въ Лифляндской губерніи въ 1887 году было 1.217 сельскихъ лютеранскихъ школъ съ 85 тысячами учащихся обоего пола, а въ 1890 году въ 1.227 школахъ было около 87 тысячъ дѣтей [1]). Такимъ образомъ остзейская статистика показываетъ, что въ первые три года послѣ подчиненія народныхъ школъ начальству Рижскаго учебнаго округа увеличеніе числа учащихся, по крайней мѣрѣ въ Лифляндской губерніи, шло даже быстрѣе, чѣмъ до начала учебной реформы: съ 1881—1882 до 1887 года, то-есть въ 5—6 лѣтъ прибавилось 3 тысячи дѣтей, а съ 1887 до 1890 года—2 тысячи, и это несмотря на то, что число школъ почти не увеличилось. Независимо отъ тенденціи увеличивать изъ года въ годъ контингентъ учащихся сообразно росту населенія, общее количество учащихся, по показаніямъ мѣстныхъ статистическихъ органовъ, доходило до громадныхъ чиселъ еще и потому, что въ общей суммѣ считались какъ постоянные учащіеся, такъ и тѣ подростки, которые являлись на нѣсколько дней для повторенія пройденнаго.

---

[1]) Справочныя книжки по Лифляндской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

Совершенно иной характеръ имѣютъ статистическія данныя 1893 года: во-первыхъ, онѣ собраны инспекторами народныхъ училищъ непосредственно отъ сельскихъ учителей, во-вторыхъ, данныя эти показываютъ *наличное число учащихся* въ школахъ, не считая учениковъ и учениць повторительнаго курса.

Послѣ приведенныхъ соображеній едва-ли кто, на основаніи данныхъ, сгруппированныхъ во второй таблицѣ, рѣшится утверждать, что съ 1887 года по 1894 годъ число учащихся въ сельскихъ школахъ Лифляндской губерніи *дѣйствительно* понизилось съ 85 тысячъ до 52 тысячъ, то-есть почти на 40%[1]).

Итакъ, если въ народныхъ школахъ Прибалтійскаго края и произошло въ первое время обрусительныхъ реформъ сокращеніе числа учащихся, то далеко не въ такой степени, какъ это можетъ пока-

---

[1]) Въ указанное заблужденіе былъ введенъ между прочимъ и А. Н. Страннолюбскій, который въ своей замѣткѣ о народномъ образованіи въ Прибалтійскомъ краѣ привелъ слѣдующія статистическія данныя:

Годы.	Число школъ.	Число учащихся.	Показатель образованія.
1872.	2.831	139.553	7,03
1885.	3.162	205.429	9,01
1886.	3.212	186.756	8,05
1894.	3.069	140.880	5,86

Упустивъ изъ виду разнородность данныхъ за восьмидесятые и девятидесятые года, почтенный педагогъ думаетъ, что показатель образованія въ 1894 г. „опускается гораздо ниже того уровня, на которомъ онъ былъ въ началѣ 70-хъ годовъ и понижается, можетъ быть, до той величины, которую онъ имѣлъ въ шестидесятыхъ и даже пятидесятыхъ годахъ, за тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ“ (*Образованіе* за 1896 г., № 12, стр. 107).

Ближе къ истинѣ слѣдующія статистическія данныя, относительно одной только Лифляндской губерніи, приведенныя въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (1896 г., № 337): въ 1885—1886 г. въ сельскихъ лютеранскихъ школахъ было 48.775 дѣтей, а въ 1893—1894 г. только 44 647 человѣкъ, то-есть меньше на *четыре тысячи*, а не на *тридцать тысячъ слишкомъ*, какъ это оказалось бы при сравненіи по методу А. Н. Страннолюбскаго. Но и данныя *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* возбуждаютъ сомнѣнія, такъ какъ число 44.647 неизвѣстнаго происхожденія; въ брошюрѣ же г. А. Острогорскаго число учащихся въ волостныхъ и приходскихъ училищахъ Лифляндской губерніи къ 1-му января 1894 г. доведено до *пятидесяти одной тысячи* (51069) человѣкъ, а въ 1894 году къ этому числу прибавилось, какъ увидимъ далѣе, еще три тысячи дѣтей. Слѣдовательно, если и произошло сокращеніе числа учащихся въ Лифляндской губерніи, то не *абсолютное*, а *относительное*, то-есть, произошло пониженіе показателя образованія.

Библиотека "Руниверс"

заться при сопоставленіи статистическихъ данныхъ за 1886 и 1893 годы. При этомъ не нужно забывать, что дѣти, не поспѣвшія въ школу, не остаются безъ элементарнаго образованія, необходимаго у лютеранъ для конфирмаціи, и въ большинствѣ случаевъ научаются по крайней мѣрѣ читать на родномъ языкѣ, благодаря домашнему обученію, которое въ Прибалтійскомъ краѣ всегда существовало наряду со школьнымъ. Такъ что если и произошло пониженіе процента учащихся въ школахъ, то соотвѣтственнаго пониженія процента грамотныхъ рекрутъ едва-ли можно ожидать.

Что касается ближайшихъ причинъ указаннаго сокращенія числа учащихся, то главною изъ нихъ является уклоненіе крестьянскихъ дѣтей отъ посѣщенія школъ, обусловленное бѣдностью ихъ родителей. Прежде, когда помѣщики и пасторы были почти единственными господами въ странѣ и въ народной школѣ, такія уклоненія карались тяжелыми для крестьянскаго кошелька штрафами, достигавшими 50 коп. за каждый пропущенный день. Штрафы доводились до указаннаго размѣра незаконно, такъ какъ положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 года ограничивало ихъ 5 копейками мѣди, а временныя правила 1875 года для Курляндской и Эстляндской губерній налагали взысканія отъ 1 до 10 коп. за день. Въ настоящее время налагаются только узаконенные штрафы, да и тѣ взыскиваются крайне неаккуратно, такъ что уклоненіе отъ исполненія закона объ обязательномъ обученіи дѣтей остается безнаказаннымъ. „Такое печальное явленіе,—говорится въ отчетѣ о низшихъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа за 1893 годъ,—объясняется тѣмъ, что съ подчиненіемъ лютеранскихъ школъ министерству народнаго просвѣщенія наблюденіе за правильнымъ посѣщеніемъ дѣтьми школъ и взысканіе штрафовъ за непосѣщеніе школъ безъ уважительныхъ причинъ возложено попрежнему на мѣстные органы школьнаго управленія. Но эти послѣдніе послѣ введенія школьной реформы не только отказываются отъ содѣйствія учебному начальству, но даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказываютъ явное противодѣйствіе, въ виду чего во многихъ мѣстностяхъ законъ объ обязательности обученія, несмотря на неоднократныя заявленія и побужденія правительственныхъ органовъ учебной администраціи, почти совсѣмъ не примѣняется или же примѣняется въ очень слабой мѣрѣ, и самыя взысканія штрафовъ въ иныхъ мѣстахъ въ отчетномъ году вовсе не производились, а въ другихъ мѣстахъ штрафы взыскивались крайне неаккуратно“ [1]). Въ на-

[1]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1895 г., стр. 499.

Библиотека "Руниверс"

чалѣ 1894—1895 учебнаго года были разосланы правила взысканія штрафныхъ денегъ, а комиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ было предписано слѣдить за строгимъ непремѣннымъ взысканіемъ ихъ. Мѣры эти въ отдѣльныхъ случаяхъ оказали свое вліяніе: по заявленіямъ инспекторовъ народныхъ училищъ въ нѣкоторыхъ школахъ уже въ 1894—1895 году было замѣтно увеличеніе числа учащихся сравнительно съ 1893 годомъ, и общее увеличеніе за 1894 годъ достигло 4.750 человѣкъ, изъ коихъ на долю одной Лифляндской губерніи пришлось почти три тысячи дѣтей [1]). Къ сожалѣнію, указанная выше оппозиція продолжается. „Приходскія школьныя управленія бездѣйствуютъ, какъ прежде, неблагопріятно относясь къ школѣ", „пасторы отказываютъ учителямъ даже въ сообщеніи списка дѣтей школьнаго возраста"—таковы были заявленія инспекторовъ народныхъ училищъ на съѣздѣ въ февралѣ 1895 года [2]).

Слѣдовательно, съ одной стороны бѣдность населенія, съ другой,—оппозиція мѣстныхъ школьныхъ управленій, во главѣ которыхъ стоятъ пасторы и приходскіе попечители изъ дворянъ, въ достаточной степени объясняютъ пониженіе числа учащихся въ народныхъ школахъ Прибалтійскаго края. Что же касается мѣръ, направленныхъ къ постепенному введенію въ преподаваніе русскаго языка, то въ виду неоднократно заявленныхъ прибалтійскимъ населеніемъ желаній и просьбъ о преподаваніи русскаго языка въ народныхъ школахъ [3]), въ виду того важнаго значенія, которое получилъ теперь государственный языкъ въ краѣ, сдѣлавшись господствующимъ въ администраціи, судѣ, среднемъ и высшемъ образованіи и т. д., и особенно въ виду переполненія лучшихъ народныхъ школъ съ русскимъ уже языкомъ преподаванія,—въ виду всего этого трудно думать вмѣстѣ съ врагами и недоброжелателями школьной реформы, что обрусеніе школы является главной причиной пониженія общаго числа учащихся.

IV.

На предыдущихъ страницахъ было показано, что переходъ народныхъ школъ Прибалтійскаго края въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія повелъ къ временному сокращенію числа учащихся.

[1]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1896 годъ, стр. 528.

[2]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1895 годъ, стр. 447.

[3]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1895 г., ноябрь, отдѣлъ III, стр. 59—64, и *Русскую Школу* за 1895 годъ, № 9, стр. 54 — 55 и № 10, стр. 36—37.

Библиотека "Руниверс"

Обращаясь къ будущему, можно надѣяться на болѣе сильный приливъ учащихся въ школы, какъ вслѣдствіе естественнаго роста населенія, такъ и вслѣдствіе болѣе аккуратнаго исполненія закона объ обязательномъ обученіи. Правда, число сельскихъ лютеранскихъ школъ съ 1886 по 1894 годъ сократилось съ 2.195 до 2.008 (то-есть на 8,5%), вслѣдствіе закрытія училищъ по недостатку средствъ, по малочисленности учениковъ, вслѣдствіе соединенія волостей и наконецъ вслѣдствіе соединенія небольшихъ школъ въ одну, при чемъ имѣлось въ виду увеличеніе учительскаго содержанія. Но и оставшагося числа школъ, по мнѣнію учебнаго начальства, болѣе чѣмъ достаточно для удовлетворенія потребностей населенія въ образованіи. Дѣйствительно, въ 1893 году въ Эстляндской губерніи одна школа приходилась на 601 жителя, въ Лифляндской — на 673 и только въ Курляндской губерніи — на 1481 жителя [1]). Такимъ образомъ, недостатокъ въ школахъ можетъ ощущаться только въ Курляндіи, значительно отставшей отъ Лифляндской и Эстлянской губерній въ отношеніи народнаго образованія. Въ другихъ же мѣстахъ Прибалтійскаго края, какъ, напримѣръ, на островѣ Эзелѣ, „существующее число сельскихъ школъ превышаетъ въ нѣсколько разъ требуемое закономъ, такъ что въ нѣкоторыхъ волостяхъ школа приходится на 100 и даже менѣе душъ населенія [2])“. Школы въ такихъ мѣстностяхъ отличаются крайнимъ малолюдствомъ (6—10 учащихся) и необычайною бѣдностью, и учебное начальство попрежнему продолжаетъ соединять ихъ въ болѣе многолюдныя и болѣе благоустроенныя училища: въ 1894 году такимъ путемъ закрылось одиннадцать училищъ. Часть мѣстной печати не только не протестуетъ противъ такого сокращенія числа школъ, но относится къ нему даже сочувственно, видя въ этомъ одно изъ средствъ поднять народное образованіе на должную высоту. „Это соединеніе — говоритъ эстонская газета *Olewik* — посомнѣнно дастъ твердое основаніе постановкѣ учебнаго дѣла и улучшитъ бытъ школъ нашего края... Школьныя библіотеки получатъ правильное устройство. Улучшится и бытъ нашихъ сельскихъ народныхъ учителей“.

Итакъ, въ ближайшемъ будущемъ трудно ожидать, чтобы число школъ поднялось до тѣхъ цифръ, которыя были выведены прибалтійскими статистиками для послѣднихъ годовъ дореформеннаго періода: вниманіе мѣстныхъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія обра-

[1]) Производительныя силы Россіи, отд. XIX.

[2]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1895 годъ, стр. 496.

Библиотека "Руниверс"

щено не на открытіе новыхъ волостныхъ училищъ, а на улучшеніе уже существующихъ разсадниковъ просвѣщенія.

Переходя къ разсмотрѣнію тѣхъ измѣненій, которыя внесла учебная реформа въ прибалтійскую народную школу, прежде всего надо замѣтить, что, несмотря на сокращеніе общаго числа учащихся, на первыхъ же порахъ уровень народнаго образованія въ качественномъ отношеніи значительно поднялся, благодаря учрежденію сельскихъ министерскихъ училищъ. Эти образцовыя школы, которыхъ въ настоящее время болѣе тридцати, пользуются особыми симпатіями мѣстнаго населенія вслѣдствіе хорошей постановки учебнаго дѣла и открываются при значительныхъ затратахъ со стороны крестьянскихъ обществъ. Ежегодно поступаютъ ходатайства отъ латышей и эстовъ объ открытіи новыхъ министерскихъ училищъ, для которыхъ крестьяне уступаютъ землю, строятъ зданія и т. д.

Стремленіе къ увеличенію числа „образцовыхъ“ училищъ идетъ наряду съ заботами о поднятіи и волостныхъ лютеранскихъ школъ на степень нормальныхъ народныхъ училищъ. Но, къ крайнему прискорбію, стремленіе это тормозится не только дореформенными школьными учрежденіями, но и тѣмъ печальнымъ наслѣдствомъ, которое досталось министерству народнаго просвѣщенія отъ дореформенной школы: мы говоримъ о школьной обстановкѣ и педагогическомъ персоналѣ лютеранскихъ училищъ.

Если „значительное большинство“ волостныхъ и приходскихъ школъ Лифляндской и Курляндской губерній „помѣщается весьма удовлетворительно“, за то „въ Эстляндской губерніи,—по свидѣтельству отчета за 1894 годъ,—только незначительная часть этихъ училищъ имѣетъ зданія, болѣе или менѣе приспособленныя къ своему назначенію; большая же часть мало чѣмъ отличается отъ крестьянскихъ избъ“ [1]).

Что касается отдѣльныхъ школъ, то не только въ бѣдной Эстляндіи, но и въ болѣе зажиточной Лифляндіи наряду съ прекрасными школьными зданіями, составляющими справедливую гордость крестьянскихъ обществъ, встрѣчаются школы съ земляными полами и до того холодными классами, что въ нихъ приходится заниматься не иначе, какъ въ тепломъ платьѣ. Тѣснота помѣщеній доходитъ до того, что въ классной комнатѣ величиною въ 20 кв. саж. приходится заниматься двумъ учителямъ съ 90 учениками.

Существуютъ и такія волости, которыя по бѣдности не въ состоя-

[1]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1896 г., стр. 521.

Библиотека "Руниверс"

ліи построить даже и неудовлетворительной и тѣсной школы. „Школа,— писали въ *Olewik* въ концѣ того же 1895 г. изъ Перновскаго уѣзда,— въ настоящее время помѣщается въ ригѣ, гдѣ ученики живутъ вмѣстѣ съ учителемъ и его семьей".

Обратившись къ педагогическому персоналу, мы встрѣтимся съ еще болѣе безотрадными фактами. Въ 1894 г. изъ общаго числа 3.415 учителей и учительницъ [1]), преподающихъ въ низшихъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа, 910 лицъ (26,64%) не имѣли права на преподаваніе, при чемъ въ Эстляндской губерніи такихъ бездипломныхъ педагоговъ было болѣе половины (52%). Къ сожалѣнію, и среди лицъ, имѣющихъ право на педагогическую дѣятельность, очень мало учителей, удовлетворяющихъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ. Воспитанники учительскихъ семинарій и въ дореформенной волостной школѣ, какъ мы видѣли, составляли меньшинство; недостатокъ спеціально подготовленныхъ учителей восполнялся прежде, восполняется и нынѣ, лицами, выдержавшими особое испытаніе. Но эти испытанія производились въ дореформенное время, отчасти производятся и теперь, крайне поверхностно, и учительское званіе давалось и дается нерѣдко лицамъ съ недостаточными методическими познаніями и безъ всякой почти педагогической практики.

Послѣ этого неудивительно, что „въ большинствѣ сельскихъ школъ.—по заявленію отчета за 1893 г.,—учителями состоятъ лица мало (знакомыя) или совершенно незнакомыя съ пріемами обученія, а сверхъ сего, во многихъ школахъ учителя слабо владѣютъ русскимъ языкомъ и даже совсѣмъ не владѣютъ имъ" [2]).

Если обратить вниманіе на матеріальное положеніе сельскихъ учителей, то станетъ понятно, что лучшаго педагогическаго персонала въ прибалтійскихъ народныхъ школахъ трудно и ожидать. Въ 1894 году получали:

---

[1]) Среди 3.415 учащихъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, не считая частныхъ, учительницъ было всего только 175, то-есть 5%, несмотря на то, что дѣвочки составляютъ около 44% общаго числа учащихся. Такой незначительный процентъ учащихъ женскаго пола объясняется только недостаточностью учительскаго вознагражденія и тяжелымъ, непосильнымъ для женщины, трудомъ въ прибалтійской школѣ. Во внутренней Россіи, какъ извѣстно, число учительницъ приближается къ числу учителей, несмотря на то, что учащіяся женскаго пола составляютъ гораздо менѣе значительный процентъ, чѣмъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

[2]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1895 г., стр. 496.

Библиотека "Руниверс"

Менѣе 100 руб.	633 учителя	(19,1%).
Отъ 100 до 150 руб.	823	(24,8%).
„ 150 „ 300 „ и болѣе	1864	(56,1%).

Такимъ образомъ болѣе 1.450 учителей, то-есть, большинство учащихъ въ волостныхъ школахъ, получаютъ менѣе 12 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Особенно плохо обезпечены учителя Эстляндской губерніи, гдѣ лица, получавшія менѣе 150 руб. въ годъ, составляли въ 1894 г. 66,8% общаго числа учащихъ.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ учительское жалованье спускается до нѣсколькихъ рублей въ годъ, такъ что недостаточное содержаніе заставляетъ учителей искать посторонніихъ заработковъ и при первой возможности покидать школу и перемѣнять профессію.

„Каждое лѣто,—писалъ недавно одинъ „бывшій сельскій учитель",—можно встрѣтить въ г. Ригѣ, напримѣръ, эзельскихъ волостныхъ учителей, которые мостятъ улицы, работаютъ на заводахъ и фабрикахъ или на Двинѣ; нерѣдко попадаются они и въ разныхъ имѣніяхъ Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ они копаютъ канавы или производятъ мурныя работы. Да и не только эзельскіе учителя, но и многіе изъ волостныхъ учителей на материкѣ занимаются лѣтомъ малярными и мурными работами въ разныхъ мѣстахъ края. И населеніе смотритъ на это, какъ на нормальное явленіе" [1]).

Съ такими-то учебными силами и средствами приходится заботиться о поднятіи прибалтійскихъ школъ на должную высоту. Неудивительно, что „состояніе учебнаго дѣла въ волостныхъ школахъ за весьма рѣдкими исключеніями неудовлетворительно" [2]).

Что же дѣлается для устраненія указанныхъ недостатковъ, и можно ли констатировать хотя какіе нибудь успѣхи въ области народнаго образованія за послѣдніе годы?

Опытъ показалъ, что „гдѣ учитель относится добросовѣстно къ дѣлу и вполнѣ удовлетворительно владѣетъ русскимъ языкомъ, тамъ и школа посѣщается исправно и принудительныя мѣры оказываются въ большинствѣ случаевъ излишними" [3]). Значитъ, достоинство школы и прогрессъ народнаго образованія главнымъ образомъ зависятъ отъ учителя, а для того, чтобы имѣть удовлетворительный педагогическій персоналъ, необходимо возвысить матеріальное содержаніе учащихъ

[1]) *Прибалтійскій Листокъ* за 1894 г., № 6.

[2]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1895 г., стр. 496.

[3]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1896 г., стр. 530.

Библиотека "Руниверс"

до того предѣла, который избавилъ бы „просвѣтителей народа“ отъ необходимости искать средствъ существованія на сторонѣ и покидать школу при первомъ удобномъ случаѣ. Къ этому улучшенію матеріальнаго положенія сельскаго учителя и направлены въ настоящее время заботы учебнаго начальства, и въ теченіе 1894 года число учителей, получавшихъ менѣе 100 руб., понизилось на 3,3%. Въ общемъ, это улучшеніе слишкомъ незначительно для того, чтобы оно могло отразиться на улучшеніи педагогическаго персонала; и дѣйствительно, за тотъ же 1894 г. число бездипломныхъ учителей понизилось всего только на 0,05%. Учебное начальство держится того мнѣнія, что „учителя, преподавательскіе пріемы которыхъ до очевидности негодны и ни съ чѣмъ несообразны,... должны подлежать немедленному увольненію“, и что нельзя также „оставлять на учебной службѣ учителей не знающихъ русскаго языка и, руководясь филантропическими побужденіями, для сохраненія старыхъ учителей назначать имъ помощниковъ“ [1]). Но низкое вознагражденіе мѣшаетъ обновленію педагогическаго персонала, особенно въ болѣе бѣдной эстонской части Прибалтійскаго края, такъ какъ на мѣсто уволеннаго учителя не всегда можно найдти другое лицо за то скромное жалованье, которымъ удовлетворялся прежній учитель. Приходится пока довольствоваться существующимъ педагогическимъ персоналомъ, какъ бы онъ ни былъ плохъ и неудовлетворителенъ.

Для улучшенія наличнаго состава сельскихъ учителей въ Рижскомъ учебномъ округѣ почти съ самаго начала учебной реформы устраиваются лѣтніе курсы русскаго языка, которые оказали и оказываютъ громадныя услуги народнымъ учителямъ, какъ въ дѣлѣ изученія русскаго языка, такъ и въ области методическихъ познаній и педагогической практики. Въ послѣднее время изученіе русскаго языка на курсахъ заняло уже второстепенное мѣсто, а на первый планъ выдвинулись уроки методики и практическое примѣненіе новѣйшихъ методовъ преподаванія русскаго языка и ариѳметики, для чего при курсахъ устраиваются временныя школы по возможности изъ такихъ учениковъ, которые нисколько не владѣютъ русскимъ языкомъ. Далѣе, такъ какъ воспитанники учительскихъ семинарій не могутъ удовлетвориться 100—150 рублевымъ жалованьемъ волостнаго учителя, то при нѣкоторыхъ министерскихъ училищахъ открыты особаго рода

[1]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1893 г., стр. 816 и за 1895 г., стр. 438.

Библиотека "Руниверс"

учительскіе курсы для приготовленія болѣе дешевыхъ учителей, чѣмъ семинаристы.

Не забыты и школьныя помѣщенія. Во избѣжаніе недостатковъ, допущенныхъ при постройкѣ школьныхъ домовъ въ дореформенный періодъ, въ управленіи округомъ составленъ нормальный планъ зданія волостной школы. Инспектора народныхъ училищъ при ревизіяхъ школъ обращаютъ вниманіе крестьянскихъ обществъ, землевладѣльцевъ, школьныхъ управленій и комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ на неотложныя нужды школъ, на необходимость расширенія или исправленія школьныхъ зданій. Къ сожалѣнію, указанія и совѣты инспекторовъ, въ большинствѣ случаевъ, не достигаютъ цѣли, опять таки „главнымъ образомъ вслѣдствіе недоброжелательнаго отношенія къ проводимой въ краѣ школьной реформѣ и нескрываемаго стремленія противодѣйствовать при всякомъ удобномъ случаѣ успѣху учебнаго дѣла со стороны мѣстныхъ органовъ школьнаго образованія“ [1]).

Болѣе успѣшны заботы о заведеніи при сельскихъ школахъ библіотекъ по преимуществу изъ русскихъ книгъ. Возникаютъ эти библіотеки, главнымъ образомъ, при значительномъ пособіи со стороны казны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ на учрежденіе библіотекъ поступаютъ значительныя суммы съ устраиваемыхъ спеціально концертовъ и вечеровъ. Въ 1895 г. въ Митавскомъ районѣ было до 50 училищныхъ библіотекъ, въ Рижскомъ районѣ библіотеки существовали „при большинствѣ сельскихъ школъ“; въ Вольмарскомъ районѣ было 30 учительскихъ и 52 ученическихъ библіотекъ съ 4.600 книгами, на половину русскими; въ Либавскомъ районѣ было 80 библіотекъ и въ нихъ до 4.000 книгъ, частью на русскомъ, частью на латышскомъ языкахъ. Возникаютъ библіотеки и при болѣе бѣдныхъ эстонскихъ школахъ, хотя гораздо медленнѣе, такъ какъ тамъ есть болѣе неотложныя нужды: „нѣтъ учебниковъ для бѣдныхъ учениковъ, нѣтъ во многихъ школахъ ни географическихъ картъ, ни методическихъ руководствъ для учителей“ [2]).

Для болѣе удобнаго и скораго снабженія школъ учебными книгами и пособіями въ 1894 г. при нѣкоторыхъ училищахъ, удаленныхъ отъ городовъ, учреждены были склады, и уже въ началѣ 1895 г. число ихъ дошло до семидесяти.

Какъ отразились всѣ вышеуказанныя мѣры на преуспѣяніи школь-

---

[1]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1895 г., стр. 498.
[2]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1895 г., стр. 443.

Библиотека "Руниверс"

наго дѣла, трудно сказать за отсутствіемъ опредѣленныхъ данныхъ. Сколько-нибудь замѣтныхъ успѣховъ трудно, конечно, и ожидать за какіе-нибудь десять лѣтъ, протекшихъ со времени подчиненія школъ министерству народнаго просвѣщенія, особенно, если принять во вниманіе крайне неблагопріятныя условія существованія реформированной школы.

Кое-какія данныя существуютъ только по наиболѣе интересному вопросу относительно успѣховъ преподаванія русскаго языка. По заявленіямъ инспекторовъ народныхъ училищъ на съѣздѣ 1895 г.,— „на латышской территоріи округа... болѣе 1/4 волостныхъ школъ безспорно съ успѣхомъ перешли къ обученію на русскомъ языкѣ съ первой зимы [1])“; въ остальныхъ же школахъ преподаваніе на русскомъ языкѣ начинается или со втораго или даже съ третьяго года.

Такой болѣе поздній переходъ къ русскому языку наблюдается всего чаще въ эстонской части Прибалтійскаго края, гдѣ гораздо значительнѣе % учителей, которые не въ состояніи сами преподавать по русски и не могутъ нанять изъ своихъ скудныхъ средствъ помощника для преподаванія государственнаго языка.

Идеалъ, который намѣченъ для прибалтійской народной школы, состоитъ въ томъ, чтобы она могла готовить своихъ учениковъ къ экзамену на полученіе льготы по воинской повинности. Для достиженія этой цѣли прибалтійская школа должна сообщить учащимся почти такія же познанія въ русскомъ языкѣ и другихъ учебныхъ предметахъ, какія имѣетъ русскій мальчикъ, оканчивающій земскую школу внутреннихъ губерній. Насколько въ настоящее время прибалтійская школа приблизилась къ этому идеалу, можно судить по тому факту, что въ 1893 г. въ начальныхъ училищахъ Прибалтійскаго края кончили курсъ 18.853 мальчика, изъ нихъ получили свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности 1.395 человѣкъ, то-есть, 7,4%; въ 1894 г. окончили курсъ 25.683 ученика, а льготныя свидѣтельства получили 1.592 лица, то-есть 6,2%.

Такой незначительный % получившихъ льготныя свидѣтельства объясняется тѣмъ, что „изъ общаго числа получившихъ свидѣтельства на льготу по воинской повинности большинство составляютъ окончившіе курсъ въ правительственныхъ и городскихъ начальныхъ, сельскихъ министерскихъ и православныхъ и евангелическо-лютеранскихъ приходскихъ училищахъ и только весьма незначительная часть

[1]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1895 г., стр. 435.

Библиотека "Руниверс"

принадлежитъ къ окончившимъ курсъ въ православныхъ и евангелическо-лютеранскихъ волостныхъ школахъ [1])". Въ Ревельской дирекціи въ 1893 г. изъ 804 волостныхъ школъ получили льготныя свидѣтельства только 22 ученика; въ Рижской дирекціи случаевъ подобнаго рода гораздо больше, но при этомъ надо помнить, что такіе ученики, окончивъ курсъ волостной школы, учатся еще годъ или два подъ руководствомъ учителя за особое вознагражденіе.

Какъ ни скромны приведенныя числа, они не могутъ не свидѣтельствовать, что изученіе русскаго языка въ прибалтійской школѣ подвигается впередъ, хотя медленными, но твердыми шагами. Обращаясь къ будущему, можно надѣяться, что какъ изученіе русскаго языка, такъ и вообще развитіе народнаго образованія не въ одномъ только количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи, будетъ прогрессировать болѣе замѣтнымъ образомъ, чѣмъ въ настоящее время, особенно если давно и нетерпѣливо ожидаемое новое положеніе о прибалтійской школѣ дастъ прочныя гарантіи для исполненія закона объ обязательности обученія и увеличитъ минимумъ вознагражденія сельскихъ учителей настолько, чтобы избавить школу отъ всякаго рода бездипломныхъ педагоговъ.

V.

Въ заключеніи настоящей статьи нельзя не остановиться на тѣхъ обвиненіяхъ, которыя высказываются по адресу учебной реформы въ нѣмецкихъ изданіяхъ и по недоразумѣнію попадаютъ даже на столбцы русскихъ газетъ. Типичнымъ образцомъ подобныхъ обвиненій является статья неизвѣстнаго автора, появившаяся въ концѣ прошлаго года въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* [2]). Авторъ указанной статьи прежде всего является апологетомъ дореформеннаго строя народнаго образованія, при которомъ дворянство и духовенство, — по его словамъ, — „довели сельскую народную школу до цвѣтущаго состоянія, оказывающаго (!) крайне благотворное вліяніе на крестьянъ". Далѣе, въ защиту дореформенной школы отъ взводимыхъ на нее обвиненій, заявляется, что „на обученіе русскому языку... удѣлено было много вниманія" и до 1886 г., и что „*никогда не были предпринимаемы*

[1]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1896 г., стр. 532.

[2]) *С.-Петербургскія Вѣдомости* за 1896 г. №№ 336 и 337. „Преобразованіе сельскихъ народныхъ школъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ".

Библиотека "Руниверс"

какія-либо попытки германизаціи [1])" посредствомъ народной школы. Насколько заслуживаютъ довѣрія заявленія о „цвѣтущемъ состояніи" дореформенной школы и ея „благотворномъ вліяніи на крестьянъ", безпристрастный читатель могъ видѣть изъ предыдущихъ страницъ. Было также показано, что русскому языку „удѣлено было много вниманія", но только не въ школѣ, а на страницахъ остзейской статистики. Въ особомъ возраженіи нуждается только нижеслѣдующее мнѣніе *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* о преподаваніи русскаго языка: „Опытъ показалъ, что въ народной школѣ чтеніе и писаніе (!) на русскомъ языкѣ усваиваются удовлетворительно. Если юноша затѣмъ, благодаря пріобрѣтеннымъ такимъ образомъ въ школѣ основнымъ познаніямъ, во время отбыванія воинской повинности выучится еще сносно говорить по русски, то тѣмъ самымъ знаніе русскаго языка въ средѣ сельскаго населенія распространится въ степени, вполнѣ соотвѣтствующей требованіямъ правительства".

О какомъ „опытѣ" здѣсь говорится, неизвѣстно; если объ „опытѣ" дореформенной прибалтійской школы, то онъ, дѣйствительно, показалъ, что въ лучшихъ случаяхъ прежняя школа научала латыша и эста механизму чтенія и письма по русски; но знанія подобнаго рода для мѣстнаго новобранца были мертвымъ капиталомъ и не освобождали его отъ тяжелой школы практическаго изученія русскаго языка, нерѣдко при самыхъ непедагогическихъ поощреніяхъ со стороны дядьки и унтеръ-офицера. Автору статьи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* кажется, что для прибалтійскаго населенія совершенно достаточно того знанія разговорнаго русскаго языка, которое распространяется посредствомъ отбывшихъ воинскую повинность молодыхъ людей; но сами латыши и эсты смотрѣли и смотрятъ на дѣло совершенно иначе. Подавая просьбы о заведеніи русскихъ школъ и назначеніи учителей русскаго языка, посылая цѣлыя тысячи своихъ дѣтей въ православныя школы, несмотря на денежные штрафы и недовольство пасторовъ, прибалтійскіе крестьяне стремились не къ тому, чтобы ихъ дѣти научились читать и писать по русски, а прежде всего къ тому, чтобы они *научились говорить* на томъ языкѣ, который нуженъ населенію и на случай воинской повинности и на случай переселенія во внутреннія губерніи, а въ настоящее время нуженъ еще и для продолженія образованія, у кого есть средства, и для сношенія съ русскою администраціей и русскими судами.

---

[1]) Курсивъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*.

Библиотека "Руниверс"

Что касается категорическаго заявленія о томъ, что „никогда не были предпринимаемы какія-либо попытки германизаціи“,— то подобное утвержденіе опровергается самыми общеизвѣстными фактами. Еще въ 1852 г. нѣмецкій языкъ преподавался въ 27 приходскихъ училищахъ, а къ концу пятидесятыхъ годовъ, въ нѣкоторыхъ школахъ были „устроены параллельные классы, въ которыхъ всѣ предметы преподавались на нѣмецкомъ языкѣ“. Тогда же для привлеченія латышей и эстонцевъ къ изученію нѣмецкаго языка вводилось на немъ преподаваніе такихъ интересныхъ и полезныхъ для крестьянина предметовъ, какъ сельское хозяйство, садоводство, правила низшей геодезіи и гигіены [1]). Въ шестидесятыхъ годахъ лифляндскій генералъ-суперъ-интендантъ при открытіи ландтага заявилъ, что германизація латышей и эстовъ составляетъ священный долгъ и политическую задачу прибалтійскаго дворянства. И заявленіе это не осталось „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. Въ 1868 г. прибалтійскій генералъ-губернаторъ Альбединскій во всеподданнѣйшей запискѣ заявлялъ, что помѣщики содѣйствуютъ народному образованію только „подъ условіемъ распространенія нѣмецкаго языка“, и что „введеніе нѣмецкаго языка въ народныя училища составляетъ въ послѣднее время особенную заботливость дворянства“. Впослѣдствіи „въ приходской школѣ нѣмецкій языкъ сталъ первымъ и самымъ главнымъ предметомъ обученія; употребленіе дѣтьми роднаго языка стало преслѣдоваться и всякое уклоненіе отъ нѣмецкой рѣчи влекло за собой какое-нибудь наказаніе. Въ иныхъ школахъ на провинившагося навѣшивали дощечку съ надписью „lettisch gesprochen“, а въ другихъ—преступниковъ подвергали даже денежному штрафу, взимая за каждое слово, произнесенное на родномъ языкѣ, по копейкѣ пени“ [2]).

Въ волостныхъ школахъ Лифляндской губерніи, по даннымъ остзейской статистики, преподаваніе нѣмецкаго языка было распространено вдвое меньше въ сравненіи съ русскимъ языкомъ; но достаточно вспомнить, что всѣ дореформенные прибалтійскіе учителя, за весьма рѣдкими исключеніями, знали нѣмецкій языкъ не только теоретически, но и практически, чтобы понять, что языкъ Гете и Шиллера

---

[1]) *П. Вемберъ.* „Роль лютеранской школы въ дѣлѣ онѣмечиванія эстовъ и латышей“ (*Народная школа* за 1888 г. №—7, стр. 65).

[2]) См. „Народныя училища въ Лифляндіи“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CXVI. Статья составлена по изслѣдованію д-ра Бульмеринга. „Livländisches Landschulwesen“, напечатанному въ газетѣ *Inland* за 1862 г.

Библиотека "Руниверс"

дѣйствительно изучался, тогда какъ языкъ Льва Толстаго и Достоевскаго служилъ въ большинствѣ случаевъ только для украшенія программы и отвода глазъ.

Отъ тенденціозной апологіи дореформенной школы обратимся къ нападкамъ на учебную реформу и разберемъ ихъ по порядку.

„Временныя правила“ 1887 г., сохранивъ прежнія мѣстныя школьныя управленія, поставили рядомъ съ ними инспекторовъ народныхъ училищъ, которымъ въ силу послѣдующихъ министерскихъ разъясненій была предоставлена главная роль въ дѣлѣ назначенія и увольненія сельскихъ учителей. До изданія этихъ правилъ школьныя учрежденія, по свидѣтельству *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, „охотно имѣли надзоръ за школами и устанавливали должный порядокъ... они наставляли учителей (!) и въ состояніи были провѣрять обязательное посѣщеніе школъ учениками“. „Созданный же въ 1887 году порядокъ лишилъ эти органы возможности проявлять прежнюю дѣятельность“, которая „совершенно парализуется и становится фиктивною“.

Какъ ни прискорбны разногласія между инспекторами народныхъ училищъ и мѣстными школьными управленіями, во главѣ которыхъ стоятъ лютеранскіе пасторы и приходскіе попечители изъ мѣстныхъ дворянъ, но избѣгнуть столкновеній было трудно на первыхъ порахъ. Въ лицѣ инспекторовъ и школьныхъ управленій лютеранская школа была подвергнута дѣйствію двухъ равныхъ по величинѣ, но противоположныхъ по направленію силъ, и очевидно, для того, чтобы учебное дѣло не стояло на одномъ и томъ же мѣстѣ, нужно было дать перевѣсъ одной изъ указанныхъ силъ. Сомнѣнія въ выборѣ быть не могло, и вполнѣ естественно, что представители государственнаго начала получили перевѣсъ надъ мѣстными элементами, къ тому же еще заподозрѣнными въ разнаго рода нежелательныхъ стремленіяхъ. Можно только жалѣть, что мѣстныя школьныя учрежденія нашли возможнымъ обидѣться тѣмъ, что сельскій учитель ушелъ изъ подъ ихъ непосредственной власти, и не сочли болѣе благоразумнымъ попрежнему заботиться о матеріальномъ благосостояніи школъ и имѣть надзоръ за аккуратнымъ исполненіемъ закона объ обязательномъ обученіи. Въ этомъ заключалась и заключается ихъ прямая обязанность; притязанія же школьныхъ управленій относительно того, чтобы „устанавливать должный порядокъ“ въ школахъ и „наставлять учителей“—совершенно неумѣстно. Среди членовъ этихъ учрежденій сколько-нибудь знакомы съ педагогіей, да и то теоретически, одни только пасторы; а они едва-ли могутъ пожаловаться на умаленіе своей роли въ лютеранскихъ шко-

Библиотека "Руниверс"

лахъ: ихъ непосредственному контролю и руководительству попрежнему предоставлено преподаваніе Закона Божія и духовнаго пѣнія, обязанность вовсе не маловажная и не легкая, такъ какъ на одного пастора въ среднемъ приходится до восьми лютеранскихъ школъ. Что касается „установленія школьнаго порядка", а также назначенія и увольненія учителей и наставленія ихъ въ дѣлѣ преподаванія свѣтскихъ предметовъ, то едва-ли кто станетъ спорить, что эти функціи умѣстнѣе было возложить на инспекторовъ народныхъ училищъ,—лицъ, обладающихъ не только теоретическою подготовкой, но и практическою опытностью въ области учебнаго дѣла и потому являющихся и въ установленіи школьныхъ порядковъ и въ оцѣнкѣ педагогическихъ знаній и способностей учителя болѣе компетентными, чѣмъ всѣ члены школьныхъ управленій вмѣстѣ взятые.

Область народнаго образованія, особенно въ Прибалтійскомъ краѣ, настолько обширна и сложна, что дѣла хватитъ для всѣхъ желающихъ потрудиться въ дѣлѣ просвѣщенія народныхъ массъ, лишь бы были оставлены въ сторонѣ неумѣстныя претензіи на первенство и руководящую роль, которая должна принадлежать государству.

Слѣдующее обвиненіе учебной реформы заключается въ томъ, что „временныя правила почти не предоставляютъ свободы для обученія дѣтей на ихъ родномъ языкѣ", такъ какъ инспекторы народныхъ училищъ вводятъ преподаваніе на русскомъ языкѣ съ первой зимы. Это одно изъ важнѣйшихъ обвиненій, которое можно слышать не только отъ нѣмцевъ, но даже отъ русскихъ, мало знакомыхъ съ положеніемъ учебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ. Дѣйствительно, учебное начальство находитъ, что для успѣшнаго перехода въ третій годъ обученія въ волостной школѣ къ преподаванію на русскомъ языкѣ, согласно закону 1887 г., необходимо начать преподаваніе по русски какъ можно раньше, и на съѣздѣ инспекторовъ, въ 1895 г. „было признано желательнымъ, въ интересахъ усвоенія русскаго языка учащимися, и практически выполнимымъ... требованіе о русскомъ языкѣ преподаванія съ первой зимы" [1]).

Было также упомянуто, что цѣлыя сотни латышскихъ волостныхъ школъ уже „безспорно съ успѣхомъ перешли къ обученію на русскомъ языкѣ съ первой зимы" [2]).

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что родной языкъ изгоняется

[1]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1895 г., стр. 435.
[2]) Тамъ же.

Библиотека "Руниверс"

изъ прибалтійской народной школы. Обратившись къ распредѣленію уроковъ въ волостныхъ училищахъ, мы и видимъ, что изъ 32 учебныхъ часовъ въ недѣлю отведено:

на Законъ Божій	въ 1-й г.	5	ур., во 2-й г.	5	ур., и въ 3-й г.	5	ур. [1])
„ русскій языкъ .	„	8	„	7	„	7	„
„ родной языкъ	„	8		5	„	5	„
„ ариѳметику	„	6		6	„	6	„
„ географію	„	—		2	„	2	„
„ пѣніе.	„	3		3	„	3	„
„ чистописаніе	„	—		2	„	2	„
„ гимнастику для мальч. и рукодѣліе для дѣвочекъ		2	„	2	„	2	„

Изъ указанныхъ предметовъ Законъ Божій, какъ извѣстно, преподается на родномъ языкѣ; уроки чистописанія распредѣляются поровну между чистописаніемъ на русскомъ и на родномъ языкѣ; половина уроковъ пѣнія удѣляется на духовное пѣніе, которое также происходитъ на мѣстныхъ языкахъ: остальная половина посвящается свѣтскому пѣнію, при чемъ разучиваются, большею частью, латышскія и эстонскія пѣсни. Такимъ образомъ, по закону *родной языкъ отнимаетъ половину учебнаго времени*: 15—16 часовъ въ первую зиму, 12—13 уроковъ во вторую и третью и, слѣдовательно, требованіе о преподаваніи на русскомъ языкѣ относится только къ остальной половинѣ учебныхъ часовъ.

На самомъ же дѣлѣ преподаваніе не только ариѳметики, но и русскаго языка исключительно по русски представляетъ затрудненія, почти неодолимыя для безцензурныхъ прибалтійскихъ педагоговъ. Поэтому латышскій и эстонскій языки въ первый и даже во второй годъ обученія слышатся по крайней мѣрѣ въ теченіе *трехъ четвертей* учебнаго времени; и желанія учебнаго начальства усилить преподаваніе на русскомъ языкѣ всегда будутъ до нѣкоторой степени парализоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что учителемъ прибалтійской школы, въ большинствѣ случаевъ, долженъ быть лютеранинъ (для преподаванія Закона Божія), слѣдовательно, латышъ и эстонецъ, которые, естественно, будутъ при всякомъ затруднительномъ случаѣ прибѣгать къ помощи роднаго языка, такъ что не только въ насто-

[1]) Въ Курляндской и Эстляндской губерніяхъ на Законъ Божій отведено по 6 часовъ въ недѣлю въ каждый годъ обученія.

Библиотека "Руниверс"

ящее время, но и въ будущемъ мѣстные языки будутъ слышаться гораздо чаще, чѣмъ русскій.

„Пріобрѣтенныя въ школѣ познанія по русскому языку,—гласитъ дальнѣйшее обвиненіе, въ непродолжительномъ затѣмъ времени послѣ оставленія школы, при отсутствіи практики, вскорѣ опять забываются, и въ дѣйствительности сохраняется лишь нѣсколько твердо заученныхъ выраженій, произносимыхъ при офиціальныхъ ревизіяхъ".

На это можно возразить, что забвеніе—самое обыкновенное психологическое явленіе, которому подвержены всѣ смертные. Самъ авторъ разбираемой статьи многое перезабылъ изъ практики дореформенной прибалтійской школы и, навѣрное, еще меньше помнитъ изъ того, чему его учили на школьной скамьѣ. Ученики прибалтійскихъ школъ по окончаніи курса разучивались писать,—но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что ихъ не нужно было обучать письму. Хорошо, если *при отсутствіи практики* ученики прибалтійской школы сохранятъ хотя нѣсколько обще-употребительнѣйшихъ русскихъ фразъ; но не надо забывать, что русскій языкъ нуженъ мѣстному населенію именно *для практики*.

„До введенія „правилъ", на должности сельскихъ и приходскихъ учителей опредѣлялись лица, получившія соотвѣтственное образованіе въ одной изъ учительскихъ семинарій; если же на эти должности желали поступить лица, не окончившія тамъ курса, то они предварительно должны были сдать установленный экзаменъ при особомъ комитетѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ знаніе русскаго языка стало единственнымъ мѣриломъ для пригодности учителя,—установленное основательное испытаніе его по другимъ предметамъ болѣе не примѣняется; экзамены на должность учителя *произвольно происходятъ* (!) при различныхъ инстанціяхъ, и на должности учителей опредѣлялись уже не разъ даже лица, сдавшія лишь экзаменъ на полученіе льготы по отбыванію воинской повинности".

Мы видѣли, что учителя-семинаристы въ дореформенной школѣ составляли меньшинство, при чемъ нужно еще напомнить, что наряду съ настоящими семинаріями это названіе присваивалось и такимъ разсадникамъ учителей, которые стояли нисколько не выше приходскихъ училищъ. Что это были за „семинаріи" достаточно напомнитъ, что въ Эстляндской губерніи одно такое учебное заведеніе часто оставалось безъ „директора", такъ какъ „директорское" жалованье не превышало *ста пятидесяти рублей въ годъ* [1]). Что касается

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CXV. отд. I. стр. 77.

Библиотека "Руниверс"

лицъ, выдержавшихъ особое испытаніе въ дореформенное время, то о нихъ мы имѣемъ слѣдующій официальный отзывъ: „Изъ общаго числа учителей, имѣющихъ право на преподаваніе, слѣдуетъ выдѣлить въ особую группу учителей, которые получили означенное право по экзамену въ мѣстныхъ училищныхъ совѣтахъ и школьныхъ правленіяхъ, предъявлявшихъ въ прежнее время слабыя требованія, а потому и не отличаются надлежащимъ знаніемъ учебнаго дѣла“ [1]). И такіе учителя въ волостныхъ школахъ Лифляндской губерніи въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ составляли почти 70% [2]). Относительно того, что „экзамены на должность учителя произвольно происходятъ при различныхъ инстанціяхъ“, и что „знаніе русскаго языка стало единственнымъ мѣриломъ для пригодности учителя“, — достаточно напомнить, что эти экзамены происходятъ при управленіи учебнымъ округомъ и въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ не ниже городскихъ по положенію 31 мая 1872 г. училищъ, согласно утвержденнымъ правиламъ, по строго опредѣленнымъ программамъ и подъ контролемъ учебнаго начальства. Извѣстная снисходительность къ молодымъ людямъ, стремящимся на педагогическое поприще, вполнѣ понятна; но уже одинъ фактъ существованія въ Эстляндской губерніи 52% бездипломныхъ учителей, свидѣтельствуетъ, что въ послѣднее время вопреки приведенному голословному заявленію не легче, а гораздо труднѣе выдержать экзаменъ на званіе учителя, чѣмъ въ прежнихъ комитетахъ.

„Несомнѣнно,—продолжаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*.—что нравственная связь между учителемъ и родителями учащихся составляетъ одно изъ весьма цѣнныхъ условій при воспитаніи дѣтей; къ сожалѣнію, эти узы нынѣ исчезли съ тѣхъ поръ, какъ учителя ни по какимъ дѣламъ школы уже не имѣютъ сношеній, какъ прежде, съ родителями учащихся, а исключительно только съ инспекторами народныхъ училищъ... Они постепенно становятся чуждыми той почвы, на которой растутъ и развиваются ихъ ученики“.

Опять голословное и несправедливое заявленіе. Инспекторъ до нѣкоторой степени замѣнялъ для сельскаго учителя пастора и другихъ членовъ школьнаго управленія, но становиться между учителемъ и родителями учащихся ему не представляется никакой надобности и даже возможности. При новыхъ порядкахъ учитель долженъ быть

[1]) Циркуляры по Рижскому учебному округу за 1896 г., стр. 524

[2]) Materialien u. s. w., стр. XII.

Библиотека "Руниверс"

не дальше, а ближе къ населенію, потому что онъ въ большинствѣ случаевъ уже не креатура и не прихвостень пастора и помѣщика. Учитель не можетъ не имѣть сношеній съ родителями учащихся уже по одному тому обстоятельству, что онъ въ большинствѣ случаевъ членъ того же общества, къ которому принадлежатъ и родители учащихся, которое избираетъ его на должность учителя и отъ котораго онъ получаетъ жалованье деньгами и натурой.

„Въ прежніе годы,—продолжаетъ неутомимый обвинитель,—учителя въ лѣтнюю каникулярную пору обработывали свою землю и свои сады, принимая всестороннее участіе въ радостяхъ и печаляхъ окружающей ихъ среды, нынѣ же они въ это время года все болѣе и болѣе разлучаются со ввѣренными имъ школами, между прочимъ для того *даже*, чтобы въ городѣ получать уроки русскаго языка. Собираніе учениковъ въ лѣтнее время для репетицій совершенно прекратилось“.

На это достаточно замѣтить, что каникулы въ сельскихъ школахъ продолжаются полгода, а курсы русскаго языка отнимаютъ не болѣе шести недѣль, и что посѣщенію курсовъ учителями, какъ это ни тяжело для нихъ, нужно только радоваться. Вѣдь это своего рода педагогическіе съѣзды, на которыхъ сельскій учитель знакомиться не столько съ русскимъ языкомъ, сколько съ новѣйшими методами преподаванія. По собственному заявленію учителей курсы дѣйствуютъ на нихъ самымъ благотворнымъ образомъ и приносятъ имъ громадную пользу. Какъ было уже замѣчено, курсы до нѣкоторой степени восполняютъ недостатокъ въ краѣ учительскихъ семинарій и являются однимъ изъ главныхъ средствъ улучшенія наличнаго педагогическаго персонала волостныхъ школъ.—Если „собираніе учениковъ въ лѣтнее время для репетицій совершенно прекратилось“ (что вѣрно только до нѣкоторой степени), то и тутъ виноваты мѣстныя школьныя управленія, а не учебное начальство, которое старается узаконить этотъ полезный обычай и въ новомъ положеніи о народныхъ школахъ.

„Волостнымъ обществамъ,—говорится далѣе,—теперь разрѣшено уменьшать жалованье учителямъ“, вслѣдствіе чего „пагубное ухудшеніе въ составѣ учителей стало встрѣчаться все чаще и чаще.... „Сколько старыхъ опытныхъ, но не соотвѣтствующихъ новымъ требованіямъ учителей смѣщено съ должностей и потеряло свой насущный хлѣбъ, сколько незрѣлыхъ педагоговъ допущено на ихъ мѣсто!... Многіе стремятся получить мѣсто учителя, чтобы избавиться отъ от-

Библиотека "Руниверс"

бываніе воинской повинности, а затѣмъ, спустя нѣсколько лѣтъ, пріискиваютъ себѣ занятія на другомъ поприщѣ".

Очень прискорбно, если волостныя общества стараются сокращать расходы по народному образованію, что имъ впрочемъ не всегда удается вслѣдствіе вмѣшательства комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ. Въ проектѣ новаго положенія о прибалтійской школѣ обращено серьезное вниманіе на этотъ насущный вопросъ школьнаго дѣла и предположено значительно повысить минимумъ учительскаго вознагражденія. Что касается удаленія изъ школы старыхъ и опытныхъ педагоговъ и замѣны ихъ молодыми и неопытными учителями, то это такое зло, съ которымъ приходилось считаться и дореформенной школѣ. Скудное вознагражденіе и раньше заставляло сельскихъ учителей при первой возможности покидать школу и свою профессію перемѣнять на другое занятіе, если не болѣе почтенное, зато болѣе обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи. По даннымъ 1881—1882 года въ Лифляндской губерніи молодыхъ учителей, занимающихся педагогическою практикой менѣе 12 лѣтъ, было болѣе половины (55,1%). Учебная реформа, конечно усилила % молодыхъ учителей, такъ какъ новыя требованія заставили бо́льшее, чѣмъ прежде, число старыхъ учителей пріискивать себѣ другія занятія. Но массоваго и даже сколько-нибудь значительнаго удаленія старыхъ учителей отнюдь не произошло. Напротивъ, сельскимъ учителямъ даны были всѣ средства къ тому, чтобы приноровиться къ новымъ требованіямъ и удержать за собою свои прежнія мѣста. Для нихъ открывались курсы русскаго языка, имъ было дозволено нанимать помощниковъ для преподаванія государственнаго языка въ школахъ и т. д. И до настоящаго времени не мало старыхъ учителей держатся еще на своихъ прежнихъ мѣстахъ, даже при совершенномъ незнаніи русскаго языка.

Совершенно справедливо, что многіе стремятся въ учителя ради избавленія отъ воинской повинности, но то же самое явленіе наблюдалось, какъ мы видѣли, и въ дореформенной школѣ. Если бы учителя не пользовались указанною льготою, то едва-ли бы молодые люди согласились тянуть тяжелую лямку учительскаго труда за какіе-нибудь 100 рублей въ годъ.

Органовъ инспекціи народныхъ училищъ очень мало,—говорятъ „*С.-Петербургскія Вѣдомости*",—на одного инспектора приходится 200—300 школъ, а въ одномъ районѣ даже 490 школъ. Вслѣдствіе этого „учитель хорошо знаетъ, насколько рѣдко является ревизія,

Библиотека "Руниверс"

какъ поверхностно исполняется надзоръ и что дѣло сводится въ сущности къ тому, чтобы при экзаменѣ ревизоровъ оказались бы хотя кое-какіе результаты".

Все это до извѣстной степени вѣрно, но свидѣтельствуетъ только о недостаточности инспекторовъ народныхъ училищъ, замѣнить которыхъ, къ сожалѣнію, не можетъ ни одинъ изъ членовъ мѣстныхъ школьныхъ управленій.

„Каждый ученикъ въ краѣ,—читаемъ далѣе,—знаетъ уже нынѣ, что его отмѣтки не зависятъ отъ поведенія и отъ познаній, а лишь отъ большаго числа механически заученныхъ русскихъ словъ".

Автору приведенныхъ строкъ, вѣроятно, неизвѣстно, что каждая школа выдаетъ своимъ ученикамъ свидѣтельства объ успѣхахъ и поведеніи. Если бы онъ заглянулъ въ эти свидѣтельства, то увидѣлъ бы, что тамъ поставлены отмѣтки не только по русскому языку, но по всѣмъ остальнымъ учебнымъ предметамъ до гимнастики включительно, и что отмѣтки по Закону Божію и родному языку въ большинствѣ случаевъ гораздо выше, чѣмъ отмѣтка по русскому языку, что вполнѣ естественно и понятно.

„Не отмѣненное еще (!) закономъ обязательное посѣщеніе школы тѣмъ не менѣе поразительно (!) уменьшилось, уровень же образованія въ народныхъ школахъ весьма понизился".

Относительно уменьшенія числа учащихся было уже замѣчено, что размѣры его сильно преувеличены вслѣдствіе сопоставленія статистическихъ данныхъ неодинаковаго порядка, что явленіе это было временнымъ, и что отвѣтственность за него падаетъ на школьныя управленія, ставшія въ открытую оппозицію къ учебной реформѣ. Для того же, чтобы судить о пониженіи уровня образованія въ народныхъ школахъ, нѣтъ достаточныхъ основаній. Напротивъ, и учрежденіе министерскихъ училищъ, и усиленныя требованія, предъявляемыя инспекторами народныхъ училищъ, и стремленія самихъ учителей приготовить своихъ учениковъ къ экзамену на льготу по воинской повинности,—все это говоритъ въ пользу улучшенія учебнаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ, если не въ настоящемъ, то въ ближайшемъ будущемъ.

Таковы обвиненія, выставленныя противъ учебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ. Надѣюсь, что всякій безпристрастный читатель убѣдится въ сильномъ преувеличеніи какъ похвалъ по адресу доре-

Библиотека "Руниверс"

форменной школы, такъ и порицаній современнаго положенія учебнаго дѣла. Нормальная народная школа Прибалтійскаго края *не въ прошедшемъ, а въ будущемъ*, и новое положеніе должно, насколько можно, ослабить оппозицію бывшихъ безконтрольныхъ распорядителей лютеранскихъ школъ, которые своими правами дорожатъ болѣе, чѣмъ интересами народнаго образованія.

М. Столяровъ.

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Пособіе для первоначальнаго обученія греческому языку. Съ приложеніемъ „Краткой этимологіи и нѣкоторыхъ главнѣйшихъ синтаксическихъ правилъ". Для третьяго и на первое полугодіе четвертаго класса. Составилъ *А. Присѣлковъ*, преподаватель Тифлисской первой гимназіи. Третье вновь передѣланное изданіе. Тифлисъ. 1894. Стр. 204. Цѣна 85 коп.

Методъ, на которомъ построенъ трудъ г. Присѣлкова, пока еще не успѣлъ пустить корни при изученіи классическихъ языковъ, какъ не соотвѣтствующій требованіямъ утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія программъ и раціональному преподаванію грамматики. Отсутствіе систематическаго изложенія этимологіи въ III и IV классахъ гимназій лишаетъ пособіе г. Присѣлкова сочувствія педагоговъ, руководствующихся раціональною дидактикою. Третье изданіе этого пособія является въ значительно бо́льшемъ объемѣ. Число басенъ увеличено, а также расширены по содержанію греческій и русскій тексты, назначенные для перевода и эвристическаго изученія грамматики; предпосланъ указатель грамматическаго матеріала, какъ руководство для учителя, а отдѣльные вокабулярій, которые въ первыхъ двухъ изданіяхъ были разбиты по статьямъ, нынѣ вошли въ составъ общаго словаря.

Вторая часть труда г. Присѣлкова, въ видѣ приложенія, заключаетъ въ себѣ краткую этимологію и нѣкоторыя главнѣйшія синтаксическія правила. Эта грамматика составлена по общепринятой системѣ и можетъ служить доказательствомъ того, что и самъ г. Присѣлковъ считаетъ невозможнымъ, за предѣлами третьяго полуго-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

дія, къ преподаванію греческой грамматики примѣнять эвристическій способъ обученія. По количеству и распредѣленію сообщаемаго матеріала грамматика оказывается удовлетворительною. Но способъ изложенія и формулированія правилъ во многихъ мѣстахъ не выдерживаютъ даже и снисходительной критики. Напримѣръ:

Стр. 98, прим. 2-е. „Буквы произносятся, какъ онѣ написаны". Что это значитъ? Вѣроятно, составитель хотѣлъ сказать: Буквы произносятся такъ, какъ онѣ обозначены русскими буквами въ таблицѣ алфавита.

Стр. 99, § 4. Г. Присѣлковъ относитъ названіе словъ по ударенію не къ словамъ, но къ самымъ ударепіямъ, говоря въ другомъ мѣстѣ слѣдующее: „Конечно, правильнѣе сказать, слово, имѣющее, положимъ, острое ударепіе на 3-мъ слогѣ (то-есть, отъ конца), называется ргорагохутопоп, но на практикѣ и учителя и ученики говорятъ: на третьемъ слогѣ острое ударепіе называется рагохутопоп. Никто не спрашиваетъ, какое слово по ударенію, но прямо, какое ударепіе и т. д. Для чего же и затруднять ученика, если сущность дѣла не измѣняется отъ нѣсколько неправильнаго выраженія". На это слѣдуетъ возразить: 1. Въ чемъ состоитъ затрудненіе правильнаго выраженія? 2. Никто изъ преподавателей, желающихъ пріучить своихъ учениковъ къ точности понятій, не предложитъ вопроса, предполагаемаго г. Присѣлковымъ, а 3) учебникъ не долженъ спускаться на уровень, хотя и встрѣчающихся на практикѣ, неточныхъ вопросовъ учителей и неточныхъ отвѣтовъ учениковъ, но имѣетъ назначеніе разъяснять понятія учащихся и поднять ихъ на высоту логическаго и научнаго мышленія.

Стр. 99, § 2, прим. „Такой знакъ называется diaeresis". Не diaeresis, но punctum diaereseos. Самое же расторженіе двухгласснои обозначается терминомъ diaeresis.

Стр. 101, § 5. Союзы εἰ (если), ὡς (что), οὐ (не). Въ грамматикѣ слово οὐ считается не союзомъ, а нарѣчіемъ.

Стр. 105, 3). „Передъ ς звуки γ и χ переходятъ въ κ (κ + ς = ξ), β и φ въ π (π + ς = ψ)". Еслибы составитель сказалъ: каждый изъ гортанныхъ звуковъ со звукомъ ς сливается въ ξ, а каждый изъ губныхъ въ ψ, онъ освободилъ бы ученика отъ лишняго труда предварительно превращать въ γ и χ въ κ, а β и φ въ π.

Стр. 106, § 12, 1) „Напримѣръ, основа σωματ—въ имен. падежѣ ед. числа σῶμα, хотя имена средняго рода въ этомъ падежѣ должны имѣть основу". Послѣднее уступительное предложеніе совершенно

Библиотека "Руниверс"

лишнее, такъ какъ выше сказано, что изъ числа согласныхъ лишь ν, ρ, ς могутъ стоять въ концѣ греческихъ словъ, прочія же отбрасываются.

Стр. 109. „Для образованія именъ мужескаго рода приставляется на концѣ ς (ας, ης)". На основаніи такой редакціи правила изъ каждаго имени женскаго рода можно образовать имя мужескаго рода; стоитъ только приставить ς.

Стр. 114, § 23. „Признакомъ именительнаго падежа единственнаго числа именъ мужескаго рода служитъ звукъ ς". Правило въ этомъ видѣ не можетъ не поставить ученика въ полное недоумѣніе, принять ли ἡγεμών, ῥήτωρ, формы, не имѣющія признака ς, за именительные падежи. Не понятно, почему г. Присѣлковъ, вопреки всѣмъ находящимся въ употребленіи грамматикамъ греческаго языка, не сказалъ, что именительные падежи словъ 3-го склоненія мужскаго и женскаго рода образовались черезъ присоединеніе къ основѣ звука ς или безъ этого звука посредствомъ растяженія послѣдняго слога основы (формы сигматическія и асигматическія). Такимъ образомъ онъ обнялъ бы всѣ случаи этой категоріи словъ и, упростивъ изложеніе слѣдующихъ двухъ пунктовъ, не былъ бы принужденъ въ п. 2 непонятнымъ для учениковъ образомъ толковать о звукѣ ς, который прибавляется и въ то же время пропадаетъ, оставивъ своимъ слѣдомъ удлиненіе предыдущаго слога. Кромѣ того, въ п. 1 (стр. 114), говоря о растяженіи слога по исчезновеніи согласныхъ ντ въ долгія α и αι, онъ опустилъ слогъ ου, удлиненный изъ ο (δούς=δόντς). По этому поводу онъ былъ поставленъ въ необходимость правильную форму ὀδούς (ὀδόντς) помѣстить въ числѣ неправильныхъ образованій.

Стр. 125, § 2. „Легче всего нарѣчія образовать изъ родительнаго падежа множественнаго числа". Какимъ же еще другимъ способомъ, болѣе труднымъ, можно образовать нарѣчія на ως?

Стр. 131. „Главныя времена: Indicativus praesentis, perfecti, futuri, conjunctivus и imperativus всѣхъ временъ". Что это значитъ? что conjunctivus и imperativus всѣхъ временъ называются главными временами?

Стр. 132. „Въ этомъ наклоненіи (желательномъ) во всѣхъ лицахъ соединительная гласная остается одна и та же: ο (въ настоящемъ времени), α (въ perfect. и aorist дѣйствительнаго и средняго залога), ε (въ aorist страдательнаго залога)". Относительно perf. activi это невѣрно, такъ какъ желательное наклоненіе этого времени имѣетъ соединительнымъ звукомъ οι, какъ видно изъ таблицы на стр. 153.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 146, § 43. „(для памяти: въ наклоненіяхъ, начинающихся съ i—indicativus, imperativus, infinitivus“). Не наклоненія, а латинскія названія ихъ начинаются съ буквы i.

Стр. 160, c). „Вставка ναν, причемъ первое ν вставляется въ основу послѣ гласной“. Тутъ не одна вставка, но двойное усиленіе основы: въ срединѣ звукомъ ν, а на концѣ приставкою слога αν.

Ibid., d). „вставка νι νε νο“. Въ словахъ βαίνω и τείνω въ основу вставляется не слогъ νι, но слогъ ιν.

Стр. 177, 11, c. „Два отрицанія въ одномъ предложеніи не ставятся“. Развѣ въ предложеніяхъ: περίσσα πράσσειν οὐκ ἔχει νοῦν οὐδένα. Soph. Antig. 68. Σμικρὰ Φύσις οὐδὲν μέγα οὐδέποτε οὐδένα οὔτε ἰδιώτην οὔτε πόλιν δρᾷ. Plat. resp. VI. p. 495.—одно только отрицаніе?

Стр. 190, VII, 13, 2), „для запрещенія (vetisivus)“. Обыкновенно въ этомъ смыслѣ употребляется терминъ prohibitivus.

Стр. 197, XII, 2. „Послѣ главныхъ временъ въ главномъ предложеніи ставится въ придаточномъ предложеніи conjunctivus, послѣ историческихъ—optativus“. Это правило въ такомъ безусловномъ видѣ не имѣетъ никакого смысла и собьетъ съ толка каждаго ученика. Слѣдовало бы указать тѣ категоріи сложныхъ предложеній, въ которыхъ примѣняется вышеозначенная зависимость придаточнаго предложенія отъ главнаго.

Стр. 127, A, „послѣ союзовъ ὅτι или ὡς ставится изъявительное наклоненіе, если въ главномъ предложеніи главное время, optativus, если въ главномъ предложеніи историческое время“. А ἔλεγον, ὅτι Κῦρος μὲν τέθνηκε κ. τ. λ. Xenoph. Anab. II, 1, 3? Тутъ за историческимъ временемъ, вопреки г. Присѣлкову, слѣдуетъ изъявительное наклоненіе и т. д., и т. д.

Г. Браксгеймеръ. Примѣрный изборникъ произведеній для заучиванія наизусть. Одесса. 1896. Стр. II+187+IV. Ц. 35 к.

Г. Браксгеймеръ пользуется уже нѣкоторою извѣстностью какъ составитель учебниковъ по грамматикѣ русской и церковно-славянской, далеко неудовлетворительныхъ. Не удался ему и „Примѣрный изборникъ“.

Отдѣльный сборникъ стихотвореній для заучиванія наизусть, во первыхъ, врядъ ли и нуженъ учащимся. Такой сборникъ не устраняетъ потребности въ христоматіи для занятій по отечественному языку въ младшихъ классахъ, но всякая порядочная христоматія совершенно устраняетъ необходимость въ сборникѣ, посвященномъ

Библиотека "Руниверс"

исключительно стихотвореніямъ, пригоднымъ для заучиванія. Скажемъ болѣе: при внимательномъ просмотрѣ сборника г. Бракенгеймера въ немъ матеріала для заучиванія стихотвореній въ младшихъ классахъ меньше, чѣмъ въ любой общеупотребительной христоматіи. Располагая стихотворенія въ хронологической послѣдовательности ихъ появленія въ свѣтъ, г. Бракенгеймеръ не идетъ далѣе Лермонтова. А въ любой христоматіи есть и стихотворенія послѣдующихъ поэтовъ. Этого недостатка, конечно, не возмѣщаютъ произведенія Ломоносова, Державина, Мерзлякова, такія произведенія Жуковскаго, какъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ", „Теонъ и Эсхинъ", монологи изъ „Горе отъ ума" и такъ далѣе. Для младшихъ классовъ все это врядъ ли пригодно, а не можетъ же г. Бракенгеймеръ предполагать, что „Изборникъ" его способенъ замѣнить „историческія христоматіи" въ тѣхъ классахъ, гдѣ, взамѣнъ прежняго курса исторіи русской словесности, введено ознакомленіе юношества съ образцовыми ея произведеньями въ хронологической послѣдовательности? Для такой замѣны „Изборникъ" непригоденъ уже потому, что образцовъ въ немъ мало, да и потому что такіе образцы, какъ ода „на восшествіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны", „Фелица" и проч. приведены у г. Бракенгеймера въ сокращеніяхъ, и притомъ въ сокращеніяхъ, значительно искажающихъ смыслъ этихъ произведеній.

Уже изъ сказаннаго ясно, что „Изборникъ" г. Бракенгеймера *не нуженъ* школѣ. Но онъ можетъ принести даже вредъ въ школѣ въ виду прямо неграмотныхъ статеекъ, предпосланныхъ стихотвореніямъ каждаго отдѣльнаго поэта, и замѣчаній, помѣщенныхъ въ концѣ каждаго стихотворенія. Содержаніе, строй рѣчи этихъ статеекъ и замѣтокъ, разстановка знаковъ препинанія, своеобразныя реченія, употребляемыя г. Бракенгеймеромъ — все вмѣстѣ представляетъ что-то невозможное. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

„Глубокая увѣренность въ незыблемые уставы Провидѣнія" (стр. 21).

На стр. 23-й. Содержаніе лирики Ломоносова опредѣляется такъ:

„Содержаніе его лирики—воспѣваніе величія Бога, силы царственной и славы военнаго героя". „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ" Ломоносова вызываетъ у г. Бракенгеймера только слѣдующее замѣчаніе: „Обличеніе въ поэтѣ натуралиста!" (стр. 25). „Вечернее размышленіе" сопровождается такою замѣткою (сохраняемъ знаки препинанія подлинника):

„Поэтическая картина на основѣ естествознанія: содержаніе—въ тѣсной связи съ физическими занятіями Ломоносова" (стр. 26).

Библиотека "Руниверс"

Послѣ стихотворенія Пушкина „Къ морю“ читаемъ замѣтку:

„Прощанье съ моремъ—Одессой (при извѣстіи о смерти Байрона, „властителя думъ поэта“) передъ отъѣздомъ въ село Михайловское, пребываніе въ которомъ, столь знаменательное въ развитіи творчества Пушкина, не бѣдно и мелкими лирическими пьесами“ (стр. 126).

Двойныя существительныя въ родѣ „море—Одесса“ встрѣчаются у г. Бракенгеймера очень часто. Такъ на стр. 15-й читаемъ:

„Картина быта русскаго *крестьянина-пахаря*, съ его *трудомъ-работою, надеждами-молитвою*“. Или на стр. 173-й:

„М. Ю. Лермонтовъ—прямой послѣдователь Пушкина-лирика, по сходству источниковъ вдохновенія, по взгляду на *значенье-назначенье* поэта—*носителя-проповѣдника высокаго-изящнаго:* онъ благоговѣетъ передъ памятью поэта-идеалиста; но, и какъ „поэтъ гордости“, онъ—Байронъ съ русскою душой, по родственности поэтическаго таланта, и, можетъ быть, отъ сходства въ личномъ характерѣ“.

Вотъ примѣчаніе къ стихотворенію Пушкина „Ангелъ“:

„Отличительное“ созданіе поэта: идея—презрѣніе къ не-небесному“. (стр. 136)...

Таковы почти всѣ замѣтки г. Бракенгеймера.

Общеполезная библіотека для самообразованія. *Л. Бротъ.* Исторія земли. переводъ съ 8-го французскаго изданія *Литвинова.* 173 стр., 40 рисунковъ, 4 карты. Москва: Изданіе *М. В. Клюкина.* 1896 г. Ц. 50 коп.

Небольшое указанное сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей, рѣзко разнящихся между собою.

Въ 1-й части говорится о прошлой исторіи земли, о доисторической и 12-ти историческихъ эпохахъ, но предварительно этого помѣщена краткая статья о важнѣйшихъ горныхъ породахъ. По изложеніи эпохъ авторъ толкуетъ о переворотахъ на земной поверхности, происходящихъ въ настоящее время, вулканахъ, ключахъ, аллювіѣ, электричествѣ и будущемъ земнаго шара.

Тутъ сообщается не мало точныхъ данныхъ, къ сожалѣнію, часто относящихся только спеціально къ одной Франціи; но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ высказываетъ такіе взгляды, которые далеко не убѣдительны, да притомъ еще нерѣдко отличаются неясностью и туманностью. Чтобы дать понятіе о томъ, въ какія дебри заноситъ автора черезъ чуръ горячее воображеніе, укажемъ на слѣдующія мѣста:

Стр. 13. „Самымъ общимъ закономъ природы является тотъ, что

Библиотека "Руниверс"

каждое живое существо рождается отъ другаго существа.—Почему-же земля должна составлять единственное исключеніе изъ этого всеобщаго закона?" спрашиваетъ авторъ.

Стр. 63. „Мы не находимъ причинъ, почему намъ не смотрѣть на осадочныя вещества, какъ на настоящее выдѣленіе соковъ, напоминающихъ тѣ, посредствомъ которыхъ животныя строятъ себѣ раковины или наружные скелеты"... „Почему кровь или сокъ земли не можетъ обогатиться въ періодъ роста нѣкоторыми элементами, которые она затѣмъ выдѣляетъ"

Стр. 74. „Откуда онъ (человѣкъ) явился? Откуда взялся божественный лучъ, отмѣтившій его чело? Онъ явился оттуда-же, откуда и первая былинка, выросшая на первой иловатой почвѣ. Онъ получилъ даръ любить, мыслить и дѣйствовать изъ того-же источника, изъ какого эта былинка получила способность произрастать и цвѣсти".

Стр. 96. „Вулканическія изверженія—не случайныя явленія, а естественныя отправленія земнаго организма".

Стр 127. „Если признать вмѣстѣ съ нами, что минералы не индивидуумы, а органы... и что всякій органъ принадлежитъ живому организму"... „можно вывести, что въ природѣ нѣтъ ничего мертваго". И далѣе:

Стр. 129. „Вѣра въ жизнь нашей планеты или, вѣрнѣе, во всемірную жизнь, имѣетъ значеніе не только для науки; она важна прежде всего для морали. Тотъ, кто не любитъ природы, никогда не будетъ любить людей" и такъ далѣе.

Стр. 116. „Электрическія явленія, въ которыхъ главнымъ образомъ проявляется жизнь земли—настоящія біологическія явленія, причины которыхъ остаются для насъ непостижимыми".

Можно было бы указать на множество подобныхъ мѣстъ, гдѣ авторъ старается провести взглядъ, что земля живое существо, что она родилась, развилась и переживаетъ пока еще молодость, но настанетъ время, что она и умретъ, а между тѣмъ дѣлаетъ не мало промаховъ въ научномъ отношеніи. Авторъ поклонникъ старой теоріи крутыхъ переворотовъ на землѣ, быстрой смѣны одной геологической эпохи съ свойственною ей флорою и фауною другою и тоже съ свойственнымъ ей органическимъ міромъ. Но въ настоящее время господствуетъ въ наукѣ другой взглядъ, высказанный впервые извѣстнымъ англійскимъ геологомъ Лейелемъ, а именно, что какъ теперь незамѣтно измѣняется земная поверхность, такъ и прежде она испыты-

Библиотека "Руниверс"

вала постепенныя измѣненія, а потому нѣтъ никакой необходимости искусственно прибѣгать къ катаклизмамъ для объясненія прежнихъ эпохъ существованія земли.

Нерѣдко авторъ высказываетъ такія предположенія, которыя ни на чемъ не основаны, напримѣръ, что Карѳагенъ поглощенъ волнами (стр. 87), что будто со времени появленія человѣка не было ни одного сколько нибудь сильнаго потрясенія на землѣ (стр. 77), хотя факты и говорятъ противъ этого (появленіе острова Гіера около 186 г. до Р. Х., острова Тіа въ 19 г. по Р. Х., острова Макро-Каймени въ 1573 и Неа-Каймени въ 1707 г., поднятіе Монте-Нуово въ 1533 г., вулкана Хорулло въ 1795 г., поднятіе Чилійскаго берега въ 1822 и 1833 гг.), что морскія воды находятся на одномъ общемъ уровнѣ (стр. 87), тогда какъ у западнаго берега Южной Америки уровень моря поднятъ на 1,000 метровъ (см. Hann. Mitheil. der geogr. Gesellsschaft in Wien 1878), у сѣверо-восточнаго берега тойже Южной Америки на 500 метровъ выше, а у острова св. Елены на 874 метра ниже нормальной сфероидальной поверхности, наконецъ что послѣ Англіи и Бельгіи Франція богаче всѣхъ залежами каменнаго угля, между тѣмъ по статистическимъ свѣдѣніямъ по количеству добываемаго каменнаго угля за Англіею сначала идетъ Германія, потомъ Франція, Австрія и наконецъ Бельгія и такъ далѣе.

Помимо указаннаго въ 1-й части не мало попадается неточностей, хотя быть можетъ и вслѣдствіе неправильнаго перевода.

Такъ на стр. 5-й читаемъ: „Кремнеземъ есть камень съ раковистымъ изломомъ"; на самомъ дѣлѣ это не минералъ, а соединеніе кремнія съ кислородомъ; по всей вѣроятности переводчикъ смѣшалъ кремнеземъ съ кремнемъ.

Стр. 6-я. „Углекислая известь съ глиноземомъ даетъ мергель"—не съ глиноземомъ, а съ глиною.

Стр. 7-я. „Полевой шпатъ есть кристаллическое вещество"—не вещество, а минералъ.

Стр. 8-я. „Гранитъ состоитъ изъ кварца и слюды не въ видѣ соединенія, а въ видѣ смѣси, въ которой кварцъ и слюда соединены натекомъ изъ полеваго шпата", но послѣдній въ гранитѣ находится ясно замѣтными кристаллами, а совсѣмъ не въ видѣ какого-то натека.

Стр. 28-я. „Водоросли, мхи, животнорастенія, морскіе ежи и моллюски—таковы были первые опыты природы; эти организмы не имѣютъ представителей въ нашихъ настоящихъ моряхъ". Тутъ какая-то

Библиотека "Руниверс"

путаница, всякій знаетъ, что указанныя животныя встрѣчаются въ громадномъ числѣ во всѣхъ моряхъ.

Стр. 63-я. „На Гасконскихъ дюнахъ на пескѣ, въ которомъ химія не откроетъ ни малѣйшаго слѣда известняка“—не известняка, а извести.

Стр. 64-я. „замѣнили дольчатыхъ раковинъ“—не понятно, что это за раковины, такой терминъ не употребляется въ русскихъ зоологіяхъ.

Стр. 87-я. „Зарубки, которыми путешественники отмѣтили на скалахъ уровень моря“—само собою разумѣется дѣлали это ученые, а не путешественники.

Въ заключеніе замѣтимъ, что переводчикъ неправильно употреблялъ вмѣсто Гуанахуато — Гуанаксато, вмѣсто Буссенго—Буссенгольтъ.

Вторая часть сочиненія содержитъ описаніе нѣкоторыхъ минераловъ и самыхъ обыкновенныхъ металловъ. Раньше авторъ пускался во всевозможныя теоріи и гипотезы, тутъ-же онъ успокоивается и просто сообщаетъ вѣрныя фактическія данныя и даже не мало удѣляетъ мѣста практическимъ и техническимъ указаніямъ.

Напечатана книга сносно, но многіе рисунки плоховаты, напримѣръ ф. 37, 39 и 32; на послѣдней изображены развалины храма Сераписа въ Пуццуоли, но такъ, что кажется, будто колонны находятся у самого моря.

Политико-статистическій очеркъ Персіи. (Съ картою). Составилъ *П. А. Ритихъ*. С.-Петербургъ. 1896. Стр. 292. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что настоящее положеніе Персидскаго царства безотрадное и что въ ближайшемъ будущемъ ему угрожаетъ вѣроятное разложеніе и что при такихъ условіяхъ оно невольно должно подпасть подъ вліяніе Россіи и Англіи. Далѣе, авторъ говоритъ, что въ настоящее время все благопріятствуетъ для утвержденія въ немъ преобладающаго вліянія Россіи, но что для этого необходимо русскому правительству „сконцентрировать всѣ наши торгово-политическія силы“ на культурной борьбѣ съ Англіею. Этою политическою идеею и руководился авторъ при составленіи своего сочиненія, на которое, впрочемъ, онъ смотритъ только какъ на конспектъ, могущій послужить нитью и „матеріаломъ для болѣе широкаго и умѣлаго обзора страны“, столь важной для насъ. Сочиненія, которыми пользовался авторъ при составленіи своего труда, до-

Библиотека "Руниверс"

вольно многочисленны и показаны въ текстѣ подъ чертою; основныя сочиненія, давшія наиболѣе матеріала, принадлежатъ англичанамъ, французамъ и нѣмцамъ; по отношенію же къ русской литературѣ авторъ говоритъ, что въ ней за послѣднее время мало обращалось вниманія на Персію, но тѣмъ не менѣе списокъ русскихъ книгъ и журнальныхъ статей въ очеркѣ довольно длиненъ.

Книга г. Риттиха распадается на 8 главъ, именно: физическій очеркъ Персіи, народонаселеніе, религія, народная дѣятельность и богатства края, государственное и административное устройство Персіи, вооруженныя силы Персіи, главнѣйшіе города, наши сношенія съ Персіею и ея политическое положеніе въ XIX столѣтіи. Въ физическомъ очеркѣ Персіи авторъ, кромѣ обстоятельнаго изложенія обычнаго въ такихъ главахъ матеріала, соотвѣтственно главной цѣли труда обращаетъ, между прочимъ, вниманіе на стратегическое значеніе разныхъ мѣстностей, на существующіе въ Персіи пути, на свойственныя разнымъ областямъ болѣзни и въ заключеніе для характеристики климата побережій и портовъ Персидскаго залива представляетъ таблицу атмосферическихъ наблюденій надъ гор. Буширомъ, извлекши ее изъ сочиненія Блейбтрея „Persien".

Въ весьма интересной главѣ о народонаселеніи авторъ, насколько позволяютъ данныя, останавливается какъ на общей численности населенія, такъ и на распредѣленіи его по племенамъ и по провинціямъ и, кромѣ того, даетъ свѣдѣнія антропологическаго, этнографическаго и бытоваго свойства, какъ о самихъ персахъ, такъ и о другихъ племенахъ, особенно о курдахъ, армянахъ и евреяхъ.

Въ главѣ о религіи авторъ, между прочимъ, популяризируетъ свѣдѣнія, заключающіяся въ сочиненіи Каземъ-Бека: „Бабъ и бабиды", главное же что въ этой главѣ составляетъ новинку—это извѣстіе о персидскихъ несторіанахъ, извлеченное, какъ говорится въ примѣчаніи, изъ вполнѣ достовѣрнаго, но неизданнаго источника. На основаніи этого источника г. Риттихъ даетъ историческія свѣдѣнія о появленіи въ Персіи несторіанъ, о судьбѣ ихъ, о численности ихъ въ настоящее время, о географическомъ распредѣленіи ихъ, о церковномъ управленіи и внутреннемъ состояніи несторіанскихъ общинъ, о дѣятельности среди нихъ европейскихъ и американскихъ миссіонеровъ и о стремленіи несторіанъ къ единенію съ православною русскою церковью, недавно фактически выразившемся въ ходатайствѣ супургапскаго епископа предъ русскимъ правительствомъ о принятіи въ лоно православной церкви его епархіи; но ходатайство это до на-

Библиотека "Руниверс"

стоящаго времени остается неудовлетвореннымъ. Заканчивая рѣчь о несторіанахъ, г. Риттихъ говоритъ: „Равнодушіе съ нашей стороны къ несторіанамъ не имѣетъ никакихъ оправданій. Если большинство государствъ, отдаленныхъ нѣсколькими тысячами верстъ отъ Персіи, считаютъ своею нравственною обязанностью посылать своихъ миссіонеровъ, то таковая въ еще бо́льшей мѣрѣ и степени лежитъ на насъ, какъ на ближайшихъ сосѣдяхъ. Независимо отъ этого, необходимо помнить, что, въ виду несомнѣнно близкаго распаденія мухаммеданства, мы путемъ присоединенія пріобрѣтаемъ во вновь обращенной паствѣ надежный и вѣрный оплотъ для борьбы съ католицизмомъ и протестантствомъ и для проведенія и закрѣпленія на Востокѣ идеи православія (стр. 76—77)".

Въ главѣ о дѣятельности населенія сообщаются свѣдѣнія о всѣхъ родахъ промысловъ, существующихъ въ Персіи, о торговлѣ, о банкахъ, свѣдѣнія эти подкрѣпляются подробными обстоятельными статистическими данными, относящимися къ истекшему пятилѣтію; при этомъ въ вопросѣ о торговлѣ г. Риттихъ, сообразно своей главной идеѣ, старательно сравниваетъ нашу торговлю съ англійскою и приходитъ къ заключенію, что русская торговля, хотя по оборотамъ и уступаетъ англійской, но она все болѣе и болѣе возростаетъ, чего нѣтъ у Англіи; но чтобы окончательно укрѣпить перевѣсъ, для этого требуются разныя мѣропріятія дипломатическаго и экономическаго характера, которыя на своемъ мѣстѣ и перечисляются авторомъ.

Глава „О государственномъ и административномъ устройствѣ, о финансахъ, податяхъ и судопроизводствѣ", составленная, главнымъ образомъ, на основаніи англійскихъ сочиненій Керзона и Уильса и на основаніи французскаго—Бренъ-Рено, представляетъ много характерныхъ подробностей, которыя достаточно обрисовываютъ эту сторону быта Персіи.

При обозрѣніи вооруженныхъ силъ Персіи говорится о численности войска, о дислокаціи его, о комплектованіи, о крѣпостяхъ, о военныхъ училищахъ, о разныхъ безпорядкахъ, о злоупотребленіяхъ при войскѣ. Словомъ, глава эта, какъ мы предполагаемъ, небезполезна даже для спѣціалиста-военнаго. Въ главѣ „главнѣйшіе города" описывается собственно 20 городовъ и портовъ, но съ такими историческими, топографическими, этнографическими и гигіеническими подробностями, которыхъ подчасъ трудно найдти въ обстоятельныхъ энциклопедическихъ иностранныхъ словаряхъ.

Наиболѣе обширная глава послѣдняя: „Наши сношенія съ Пер-

Библиотека "Руниверс"

сію и ея политическое положеніе въ XIX столѣтіи". Пособіемъ для нея служили изъ иностранныхъ: Реклю „Общая географія", Lacoin de Villmorin „La politique étrangère en Perse"; но главнымъ образомъ русскія сочиненія, именно: Соловьева, Веселовскаго, Юзефовича, Богдановича, Венюкова и разныя статьи помѣщенныя въ „Русскомъ Инвалидѣ", въ „Русской Старинѣ" и въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Значеніе этой главы самъ авторъ характеризуетъ въ предисловіи такъ: „Она выясняетъ намъ наши права и обязательства къ этой державѣ, уясняетъ намъ нашъ ростъ, наше политическое положеніе въ разные періоды и путемъ сравненія даетъ намъ вѣрное пониманіе нашего современнаго положенія и тѣхъ задачъ, которыя мы можемъ преслѣдовать по совѣсти".

Кстати замѣтимъ, что въ видѣ примѣчанія въ эту главу внесены подробности о причинахъ, вызвавшихъ возмущенія въ Тегеранѣ, слѣдствіемъ которыхъ было убіеніе Грибоѣдова. Многое, изъ сообщаемаго г. Риттихомъ, еще не нашло мѣста въ нашихъ біографіяхъ Грибоѣдова.

Въ общемъ, книга эта составляетъ вкладъ въ нашу географическую литературу и по своей цѣли и по своему назначенію можетъ имѣть весьма полезное практическое примѣненіе, тѣмъ болѣе, что изложена она за незначительными исключеніями вполнѣ литературно и издана вообще хорошо. Къ концу книги приложенъ указатель именъ и названій и, сверхъ того, карта Персіи, составленная по Траубенбергу и Стебницкому и по содержанію примѣненная къ тексту.

Педагогическая библіотека, издаваемая *Тихомировымъ* и *А. Адольфомъ*. Выпускъ X. Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ. Переводъ съ французскаго *В. Недачина*. Съ портретомъ Фенелона и краткой его біографіей. Москва. 1896. стр. 113. Цѣна 75.

Выпускъ X-й Педагогической библіотеки, издаваемой Тихомировымъ и Адольфомъ, содержитъ въ себѣ сочиненіе Фенелона „О воспитаніи дѣвицъ", переведенное съ французскаго В. Недачинымъ.

Изъ исторіи педагогики извѣстно, что французы довольно рано, по крайней мѣрѣ ранѣе, чѣмъ германцы, стали заботиться о воспитаніи дѣвицъ. Книга Фенелона „De l'éducation des filles" представляетъ первую попытку создать систему женскаго воспитанія, основанную, съ одной стороны, на чувствѣ любви къ Богу и ближнему, а съ другой — на началахъ разума по идеѣ Декарта. 10-тилѣтняя педагогическая дѣятельность Фенелона въ одномъ частномъ обществѣ,

Библиотека "Руниверс"

а затѣмъ въ качествѣ воспитателя дѣтей дофина, дала ему много практическаго матеріала для освѣщенія и подкрѣпленія своихъ педагогическихъ началъ. Эти педагогическія начала, особенно тѣ, которыя касаются спеціально религіознаго воспитанія, сохраняютъ свою силу вполнѣ и до настоящаго времени. Но разныя частности и наставленія, касающіяся обученія наукамъ и искусствамъ, въ настоящее время не во всѣхъ подробностяхъ могутъ быть примѣнимы и названы цѣлесообразными. Но во всякомъ случаѣ, книга эта съ пользою можетъ быть прочитана всякимъ педагогомъ и тѣмъ болѣе, что она переведена хорошо, снабжена дѣльными замѣчаніями, заимствованными изъ обстоятельнаго нѣмецкаго сочиненія Саллыюрка: „Fénelon und die Litoratur der weiblichen Bildung in Frankreich von Claude Fleury bis Frau Necker de Saussure". Сверхъ того, къ переводу приложена біографія, которая хорошо знакомитъ читателя съ общественною дѣятельностью Фенелона, какъ человѣка умнаго, благочестиваго, кроткаго и пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и любовью.

Педагогическая библіотека, издаваемая *К. Тихомировымъ* и *А. Адольфомъ*. Выпускъ V. Избранныя педагогическія сочиненія Генриха Песталоцци. Томъ III. Мелкія сочиненія. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Смирнова*. Москва. 1896 г. Стр. 586. Цѣна 2 р. 50 коп.

Въ V-й выпускъ Педагогической библіотеки, издаваемой К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ, вошли слѣдующія сочиненія Песталоцци: 1) Письмо Песталоцци къ одному изъ своихъ друзей о своемъ пребываніи въ Станцѣ, 2) Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей, 3) Взгляды и опыты, касающіеся идеи элементарнаго образованія и 4) Лебединая пѣснь Песталоцци. Всѣ эти сочиненія вмѣстѣ издатель почему-то назвалъ „мелкими сочиненіями", но подъ такое названіе никакъ нельзя подвести двухъ изъ нихъ, именно: „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей" и „Лебединая пѣснь", которыя по своему содержанію весьма важны и безъ которыхъ взгляды Песталоцци на задачи элементарнаго обученія, на способы его осуществленія остались бы не выясненными, и по самому объему эти сочиненія не могутъ быть названы мелкими, такъ какъ „Лебединая пѣснь" обнимаетъ 247 страницъ, и „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей"—218 страницъ.

Переведены всѣ сочиненія почти дословно, такъ что въ сочиненіи „Какъ Гетруда учитъ своихъ дѣтей" нашли мѣсто разные примѣры, которые могли бы быть сокращены. Переводъ можно назвать вполнѣ удовлетворительнымъ. Мѣстами, впрочемъ, встрѣчаются нѣкоторыя

Библиотека "Руниверс"

неудобныя выраженія и неполное соотвѣтствіе подлиннику. Напримѣръ: стр. 164. „Слѣдуетъ удивляться, что хорошая человѣческая природа сохранила еще столько внутренней силы, какъ это вообще еще встрѣчается въ народѣ, не смотря на все *искусство изнаживать*, которое пробуютъ на немъ въ нашихъ школахъ болтливости". Это мѣсто отвѣчаетъ духу подлинника, но въ немъ нѣтъ такого сильнаго выраженія, какъ „*искусство изнаживать*", такъ какъ только при вольномъ переводѣ можно слова „mitten durch alle Verpfuschungskünste" перевести такъ, какъ у нашего переводчика.

Стр. 348. „Отличительныя свойства человѣка развиваются лишь въ спокойствіи. Безъ ися"... (надо сказать: „безъ него"; назовемъ это опечаткою). Далѣе въ русскомъ переводѣ читаемъ: „Волненіе есть въ сущности порожденіе матеріальныхъ страданій или матеріальныхъ удовольствій". Въ подлинникѣ же читаемъ: „Die Unruhe ist in ihrem Wesen das Kind sinnlicher Leiden oder sinnlicher Gelüste". Такимъ образомъ это мѣсто не вполнѣ точно переведено, но все-таки смыслъ его такъ или иначе понятенъ; но иногда встрѣчаются предложенія, смысла которыхъ трудно доискаться. Для примѣра выписываемъ слѣдующее мѣсто:

Стр. 271. „Благодѣтельная сила, которую могъ бы бѣднякъ извлечь изъ своего положенія, становится при обращеніи, лишенномъ любви, пощады и уваженья, свойственномъ всякой болѣе глубокой гражданской или церковной порчѣ, источникомъ грубости и насилія, которое уничтожаетъ въ немъ и всякій признакъ человѣчности". Впрочемъ, необходимо замѣтить, что языкъ Песталоцци не легокъ.

Педагогическая библіотека, издаваемая *К. Тихомировымъ* и *А. Адольфомъ*. Выпускъ IX. Ф. Рабле и М. Монтень. Мысли о воспитаніи и обученіи. Избранныя мѣста изъ „Гаргантуа" и „Пантагрюэля" Рабле и „Опытовъ" Монтеня. Переводъ съ французскаго *В. Смирнова*. Съ приложеніемъ портретовъ и очерковъ жизни Рабле и Монтеня. Москва 1896. Стр. 129 Цѣна 1 рубль.

Переводчикъ В. Смирновъ относительно Рабле указалъ изданія, по которымъ сдѣланъ переводъ; относительно же Монтеня никакихъ указаній не дано.

Каждому изъ поименованныхъ авторовъ посвящены біографіи, хотя и краткія, но заключающія въ себѣ все существенное относительно писателей. Изъ Рабле сдѣланы небольшія извлеченія, именно изъ книги I глава XI, гдѣ говорится объ извращенномъ воспитаніи Гаргантуа и изъ той же книги главы XXIII, XXIV, и XXIX, а изъ

Библиотека "Руниверс"

книги второй глава VIII, посвященныя правильному воспитанію Гаргантуа. Въ исторіи воспитанія и обученія у французовъ педагогическія воззрѣнія Рабле, конечно, имѣютъ значеніе, и ознакомленіе съ ними обязательно требуется даже для инспекторовъ училищъ; но для русскаго читателя эти мысли могутъ составить развѣ только предметъ любопытства, и тѣмъ болѣе, что мысли эти переданы въ сокращенномъ видѣ, лишенномъ поэтической окраски подлинника.—Монтень писатель оригинальный и остроумный, и ознакомленіе съ нимъ не можетъ составить излишняго балласта для интересующагося исторіею педагогики; къ тому же авторы взяли только наиболѣе интересныя главы, какъ-то: „О педантизмѣ", „О привычкѣ", „О лжи", „О лжецахъ", „О праздности", „О высокомѣріи", „О раскаяніи", „О разговорѣ", „Ложная и истинная ученость", „О физіономіи", „Объ опытности", „О родительской любви", и, сверхъ того довольно обстоятельную статью вообще о воспитаніи дѣтей изъ письма къ графинѣ де-Гюрсонъ. Переведенный матеріалъ изъ „Опытовъ" расположенъ нѣсколько иначе противъ подлинника, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть опущенія, но подобныя отступленія не мѣшаютъ читателю ріентироваться въ содержаніи.

Вообще переводъ какъ Рабле, такъ и Монтеня, сдѣланъ старательно. Текстъ Рабле не вполнѣ понятенъ безъ замѣчаній, и переводчикъ снабдилъ свою книжку таковыми, извлеченными изъ французскихъ и нѣмецкихъ сочиненій. Встрѣчающіяся у Монтеня многочисленныя изреченія изъ разныхъ писателей, и особенно классическихъ, напечатаны въ подлинникѣ и переведены на русскій языкъ.

Въ общемъ же, книжка эта сама по себѣ не даетъ ничего новаго и особеннаго по сравненію съ сочиненіями, вышедшими позднѣе Рабле и Монтеня, именно Локка и Руссо, и, слѣдовательно, извлекать изъ нея для практическаго пользованія читателю нечего; но въ исторіи педагогики мысли Рабле и Монтеня, конечно, имѣютъ значеніе, какъ протестъ противъ господствовавшихъ въ школахъ того времени схоластики и формализма.

Краткій очеркъ римскихъ древностей. Согласно съ гимназическими учебными планами и правилами для испытаній (§ 69) составилъ *Н. Санчурскій*, окружной инспекторъ С.-Пб. учебнаго округа, при участіи *А. Гофмана* и *М. Янко*—директоровъ С.-Пб. гимназій, *П. Барсова*, *И. Діомидова* и *І. Сѣдлатаго*—инспекторовъ С.-Пб. гимназій и *Э. Кесслера* и *В. Мардамова*—преподавателей С.-Пб. гимназій.

Составленный г. Санчурскимъ трудъ, въ которомъ принимали участіе гг. Гофманъ и Янко, Барсовъ, Діомидовъ, Сѣдлатый, Кесслеръ

Библиотека "Руниверс"

(нынѣ покойный) и Мардановъ, прекрасно удовлетворяетъ одной изъ потребностей нашихъ гимназистовъ-классиковъ: нынѣ дѣйствующими учебными планами и правилами для испытаній отъ учащихся требуется обращеніе должнаго вниманія на пониманіе переводимаго текста реальное, на объясненія не только грамматическія, но и касающіяся содержанія и содержащихся въ немъ подробностей. Нѣкоторыя попытки дать очеркъ такъ называемыхъ древностей уже были въ учебной литературѣ: у насъ есть книги: Велишскаго: бытъ Грековъ и Римлянъ, Виллемса: римское государственное право, Нетушила: очеркъ римскихъ государственныхъ древностей, Целлера римскія государственныя и правовыя древности и др., но попытки эти частью не обнимаютъ всего комплекта древностей, частью велики по объему, частью не сопровождаются рисунками. Книжка г. Санчурскаго и не велика по объему (170 стр.), и полна прекрасныхъ рисунковъ и обнимаетъ собою: топографію Рима, государственное устройство, государственное управленіе. религію и богослуженіе, военное дѣло, правосудіе, финансы и частную жизнь, слѣдовательно все, что принято называть древностями. Пособіями служили составителямъ наиболѣе авторитетные и новые труды, вродѣ Daremberg et Saglio, Момизена-Марквард, Ив. Мюллера, Баумейстера, Пауля въ новомъ изданіи, не говоря уже о другихъ, болѣе старыхъ. Пособіями этими составители воспользовались вполнѣ добросовѣстно и въ трудѣ ихъ, при множествѣ спорныхъ пунктовъ въ такъ-называемыхъ древностяхъ, мы не нашли такихъ, въ оцѣнкѣ и характеристикѣ которыхъ составители допустили бы неточности или неправильности. Въ видѣ придирки можно указать лишь на то, что въ спискѣ опечатокъ правильная форма Panthēon напрасно исправлена на Panthĕon. Дѣло въ томъ, что въ греческомъ языкѣ существуютъ двѣ формы: Πάνθειον и Πάνθεον, изъ которыхъ первая, кажется наиболѣе распространенная, и потому поставленная въ словарѣ Георгеса на первомъ мѣстѣ, даетъ изъ себя вполнѣ правильную латинскую транскрипцію: Panthēon. Внѣшность книги заслуживаетъ полнаго одобренія.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА.

Февраль 1897 года.

Въ одномъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ я старался обратить ваше вниманіе на дѣйствія Ватикана. Не знаю, интересуетъ ли это васъ, имѣющихъ счастіе не принадлежать къ паствѣ Римскаго папы. Прошу васъ имѣть въ виду, что, не взирая на то, папа считаетъ себя намѣстникомъ Христовымъ на всемъ земномъ шарѣ и смотритъ на православныхъ христіанъ, какъ на подчиненныхъ ему по закону, хотя и не покорныхъ его власти. Константинопольскій патріархъ категорически отвергъ требованіе папы подчиниться его власти, но Ватиканъ все же преслѣдуетъ свою цѣль, — вотъ почему я нахожу полезнымъ возвращаться къ его происканъ и напоминать сынамъ православной церкви о лихорадочной дѣятельности Ватикана, старающагося возвратить утраченное имъ тысячу лѣтъ назадъ значеніе на востокѣ. Сообщаемое мною не лишено интереса съ той точки зрѣнія, что указываетъ, какъ ловко и настойчиво Ватиканъ разставляетъ свои сѣти даже и для тѣхъ, кто умѣетъ не попадать въ нихъ.

Начну съ событія, надѣлавшаго много шума за послѣдніе мѣсяцы. Я уже писалъ вамъ о знаменитой миссіи монсиньора Макаріо, апостольскаго викарія папы въ Египтѣ для Коптской церкви, присоединенной къ Риму. Торжественную неудачу этой миссіи я предвидѣлъ. Прикрываясь высокимъ чувствомъ человѣколюбія и патріотизма, Левъ XIII отправилъ монсиньора Макаріо къ негусу Менелику, съ

Библиотека "Руниверс"

прозьбой освободить италіанскихъ военноплѣнныхъ. Конечно, это былъ поступокъ прекрасный и достойный намѣстника Христова, стало быть, и не слѣдовало стараться проникнуть въ тайныя причины этого неожиданнаго великодушнаго отношенія папы къ его италіанскимъ соотечественникамъ. Правда, либеральная италіанская печать догадывалась о какомъ-то скрытомъ вѣроломствѣ Ватикана противъ Италіи и упорно не довѣряла безкорыстному патріотизму, внушившему будто бы такой образъ дѣйствія, но официальныя газеты такъ старались опровергнуть это подозрѣніе, что полемика окончилась компромиссомъ и замолкла; посмотримъ, на чьей сторонѣ окажется правда.

Между тѣмъ клерикальная пресса казалась до такой степени убѣжденною въ полномъ и громкомъ успѣхѣ миссіи монсиньора Макаріо, что официальный органъ Ватикана *Osservatore Romano* заранѣе восторгался негусомъ Менеликомъ и даже прировнялъ его къ Льву XIII, сказавъ: „Этимъ двумъ великимъ монархамъ суждено было встрѣтиться въ дѣлѣ великаго христіанскаго милосердія“ Осмѣлься оппозиціонная газета провести эту страшную параллель, клерикалы завопили бы объ оскорбленіи священной особы намѣстника Христова. Но на столбцахъ официальной газеты Ватикана слова эти оказались только лестными для еретика негуса, котораго предполагалось привести въ лоно папской церкви.

Послѣ долгихъ ожиданій пришло первое письмо отъ монсиньора Макаріо къ кардиналу Рамполлѣ, секретарю папы, съ отчетомъ о тяжкомъ путешествіи и о лестномъ пріемѣ, оказанномъ ему негусомъ Менеликомъ. Потомокъ царицы Савской удостоилъ сказать монсиньору Макаріо: „Папа, нашъ общій отецъ, въ правѣ писать намъ о своихъ желаніяхъ“. Послѣ того онъ откланялся послу его святѣйшества, не обѣщая ничего утѣшительнаго, о чемъ можно было бы вспомнить въ свое время. Это было очень любезно, но не предвѣщало успѣха. Монсиньоръ Макаріо ждалъ терпѣливо; „благовременіе“ не наступало; онъ не видѣлъ болѣе негуса, и ему оставалось только уѣхать, даже не откланиваясь „льву изъ колѣна Іудина“.

Газета *Osservatore Romano* не замедлила напечатать письмо монсиньора Макаріо и возвѣстить о скоромъ и непремѣнномъ торжествѣ папы надъ „великимъ монархомъ Абиссиніи“ Но Ватиканъ не такъ простодушенъ, а монсиньоръ Макаріо не былъ бы левантинцемъ, если бы не понялъ желанія „царя царей“, и чтобы снять съ себя всякое сомнѣніе въ томъ, что надъ нимъ подшутили присоединилъ

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

скихъ владѣній! Менеликъ хорошо зналъ итальянцевъ и своихъ итальянскихъ плѣнныхъ, но, конечно, не зналъ подданныхъ папы и недоумѣвалъ, кого возвратить папѣ. Не показалось ли ему это требованіе Льва XIII дурною шуткой, которою не стоило и заниматься? Не счелъ ли онъ ея за недостатокъ уваженія къ своей особѣ и къ своему достоинству? Папскій посолъ не имѣлъ даже возможности вступить въ переговоры съ государемъ, къ которому былъ посланъ. Негусъ выказалъ болѣе смысла и такта, нежели его святѣйшество; въ то время, какъ онъ вѣжливо уклонился отъ монсиньора Макаріо, онъ заключилъ договоръ и наконецъ миръ съ итальянскимъ посланникомъ докторомъ Нерацціни, подъ условіемъ освобожденія и возвращенія всѣхъ итальянскихъ плѣнныхъ. Монсиньоръ Макаріо возвратился въ Римъ къ папѣ съ отчетомъ о своей неудавшейся миссіи, и въ *Osservatore Romano* было напечатано о томъ. Монсиньора Макаріо и въ Римѣ и повсюду осаждали корреспонденты. Разумѣется, онъ былъ въ высшей степени сдержанъ, какъ и подобало дипломату Ватикана, но то, что онъ считалъ необходимымъ или удобнымъ высказывать, было такъ сбивчиво, что заставляло думать о невѣроятно слабой его памяти. Одно онъ повторялъ непзмѣнно: еслибъ не досадная и коварная Италія, его миссія была бы величайшимъ тріумфомъ Ватикана. Весьма вѣроятно, и даже навѣрное, если бы папа вмѣсто святынь, особенно чтимыхъ контами, послалъ негусу нѣсколько милліоновъ, которые Менеликъ расчитываетъ получить съ Италіи, какъ выкупъ за плѣнныхъ, то успѣхъ его былъ бы не невозможнымъ. Но не Италія помѣшала религіозной сторонѣ миссіи, то-есть, обращенію негуса въ католическую вѣру, а самъ онъ не пожелалъ подчиниться папѣ. Монсиньоръ Макаріо и не затрогивалъ этой струны; онъ испыталъ двойную неудачу и уѣхалъ въ Александрію, не проронивъ ни единаго слова объ упорствѣ Менелика. Въ Ватиканѣ негусъ впалъ въ немилость, и если изрѣдка какая-нибудь клерикальная газета и упомянетъ о немъ, то только для того, чтобы задѣть итальянскихъ либераловъ.

Въ то время, какъ Левъ XIII старался показать себя негусу Менелику монархомъ, имѣющимъ свѣтскую власть, и хотѣлъ обратить его въ католическую вѣру, быть можетъ, расчитывая на него, какъ на орудіе для возстановленія всѣ той же свѣтской власти папъ,— онъ, въ надеждѣ на дипломатическій успѣхъ своей миссіи въ Абиссиніи, предназначалъ монсиньора Макаріо апостоломъ римско-католическаго вѣроисповѣданія у коптовъ „схизматиковъ“ Египта. Мон-

Библиотека "Руниверс"

синьоръ Макаріо уже предварительно сносился съ конгрегаціей пропаганды о легкости приведенія „заблудшихъ“ коптовъ въ лоно Римской церкви, только бы ихъ не лишали литургіи на коптскомъ языкѣ, а священниковъ—бороды и восточнаго талара. Вставка словъ „filioque“ въ Символъ вѣры и молитва за папу вмѣсто молитвы за ихъ патріарха „схизматика“ не представили бы никакого затрудненія, по мнѣнію монсиньора Макаріо, такъ какъ изъ тысячи коптовъ, быть можетъ, ни одинъ и не замѣтилъ бы этого. А потому монсиньоръ и хвастался тѣмъ, что обратилъ множество этихъ заблудшихъ схизматиковъ къ истинной вѣрѣ. Папа радовался и послалъ въ Египетъ капуцинскаго епископа монсиньора Согаро, стоявшаго во главѣ католической миссіи въ Тунисѣ и изгнаннаго со всѣми миссіонерами капуцинами кардиналомъ Лавижери, который не терпѣлъ италіанскихъ священниковъ въ своей епархіи. Епископъ Согаро, пріѣхавшій тогда въ Римъ жаловаться на этотъ поступокъ, нашелъ всѣ двери запертыми, такъ какъ кардиналъ Лавижери значилъ для Ватикана неизмѣримо болѣе бѣднаго италіанскаго капуцина. Уставъ отъ борьбы, онъ покорился своей участи—забвенію, и съ тѣхъ поръ о немъ не было рѣчи.

Разказы монсиньора Макаріо, по видимому, привлекли вниманіе Ватикана на этого забытаго несчастливца, и папа послалъ его въ Египетъ узнать, не найдется ли средства къ обращенію коптовъ „схизматиковъ“ въ католическую вѣру въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Монсиньоръ Согаро возвратился въ Римъ послѣ долгаго изученія дѣла на мѣстѣ и представилъ въ пропаганду записку, удостоившуюся, какъ увѣряютъ, полнаго одобренія папы. Монсиньоръ Согаро вполнѣ справедливо полагаетъ, что для обращенія коптовъ необходимо прежде всего стараться организовать мѣстное духовенство, болѣе образованное, чѣмъ коптское схизматическое духовенство, и сдѣлать его непоколебимо преданнымъ папской власти. Онъ предлагаетъ основать коллегію для духовнаго образованія юношества изъ коптовъ-уніатовъ не въ Римѣ, чтобы не вызвать подозрѣнія духовенства „схизматиковъ“, а въ Египтѣ, въ Александріи, и думаетъ, что такимъ образомъ соединеніе коптовъ съ Римомъ будетъ имѣть успѣхъ, невозможный при настоящемъ состояніи коптскаго духовенства. Конгрегація пропаганды, по видимому, не раздѣляетъ этого мнѣнія и желаетъ, чтобы коллегія была въ Римѣ, но папа держится взгляда монсиньора Согаро и былъ бы даже не прочь даровать Александрійской коллегіи значительное пособіе изъ средствъ пропаганды.

Неудачное направленіе абиссинской политики сильно взволновало

Библиотека "Руниверс"

папу. Я уже писалъ вамъ о спорѣ по поводу каноническаго права посвященія въ духовный санъ въ Англиканской церкви и сообщалъ, что комиссія, учрежденная папой для изслѣдованія вопроса, ни къ чему не пришла, такъ какъ одни изъ ея членовъ поддерживали, а другіе отрицали законность права посвященія въ санъ епископа Англиканской церкви и его апостольское преемство. Пока папа надѣялся, что англиканскіе іерархи будутъ исполнять его волю относительно подчиненія папскому престолу, большинство членовъ комиссіи казалось расположеннымъ идти противъ отлученій, которымъ папы предавали Англиканскую церковь: но рѣшительный отказъ архіепископа Кентерберійскаго вызвалъ такой гнѣвъ у папы, что это большинство нашло лучшимъ не настаивать и соединилось съ меньшинствомъ, такъ что почти всѣ члены комиссіи высказались противъ апостольскаго преемства англиканскихъ епископовъ. Тогда Левъ XIII издалъ буллу, которою, на основаніи права отлученія его предшественниками, отлучилъ *pro nunc et semper* Англиканскую церковь, какъ еретическую. Въ Римѣ, какъ извѣстно, такого рода буллы не производятъ впечатлѣнія; ихъ не замѣчаютъ; но въ Ватиканѣ думали, что въ Англіи отлученіе отъ церкви разразится молніей надъ англиканскимъ духовенствомъ, — однако ожиданіе это не сбылось: Джонъ Буллъ остался равнодушенъ, а Ватиканъ понесъ убытки.

Чтобы вознаградить себя за всѣ понесенныя непріятности въ Абиссиніи и въ Англіи, Левъ XIII искалъ вознагражденія у австрійскихъ славянъ, обездоленныхъ политикой и католическою церковью. Въ Римѣ существуетъ на Via del Babbuino почти всегда закрытая церковь. Ни одинъ римлянинъ не входитъ въ нее, такъ какъ въ его глазахъ это не христіанскій храмъ, тогда какъ это христіанскій храмъ, даже католическій, но греческаго обряда, построенный во имя св. Аѳанасія. Онъ соединенъ аркой съ большимъ и мрачнымъ зданіемъ, коллегіей русиновъ греческаго обряда, основанною папою Урбаномъ VIII для греческаго духовенства, присоединившагося къ Римской церкви. Въ храмѣ есть иконостасъ, но, вѣроятно для отличія отъ православной церкви, алтарь обращенъ на западъ. Когда Пій IX занялся пропагандою у славянъ, онъ предложилъ австрійскимъ епископамъ уніатамъ и болгарскимъ отцамъ лазаристамъ присылать студентовъ богословія въ Римъ, въ греческую коллегію, которая съ той поры и называется коллегіей русиновъ греческаго обряда. Епископы русины-уніаты изъ Галиціи и Венгріи жаловались на недостатокъ средствъ для посылкѣ этой молодежи въ Римъ, но по ходатайству папы, на

Библиотека "Руниверс"

содержаніе своихъ семинаристовъ въ Римѣ императоръ Францъ-Іосифъ даровалъ коллегіи пособіе въ 100.000 флориновъ, въ видахъ большаго укрѣпленія въ католической вѣрѣ русиновъ-уніатовъ. Въ то время, какъ число греческихъ семинаристовъ все скорѣе уменьшалось, такъ какъ и вообще греко-уніатовъ немного, число учениковъ русиновъ, болгаръ и даже румыновъ ежегодно увеличивается.

Кардиналъ Ледоховскій, префектъ конгрегаціи пропаганды,—полякъ, ожесточенный врагъ русиновъ и славянскаго церковнаго обряда. Онъ стремится латинизировать русиновъ-уніатовъ, чтобы уподобить ихъ полякамъ. Въ этомъ случаѣ онъ на половину сходится съ стремленіями австрійскаго правительства. Вѣрить управленіе и преподаваніе въ коллегіи греко-русиновъ отцамъ іезуитамъ и польскимъ ресурекціонистамъ для него недостаточно; для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ онъ получилъ отъ папы разрѣшеніе раздѣлить коллегію греко-русиновъ на двѣ отдѣльныя коллегіи, греческую—для грековъ, болгаръ и румынъ, и особую—исключительно для русиновъ. Вѣроятно, духовенство русиновъ-уніатовъ, приниженное и запуганное австрійскимъ правительствомъ и Ватиканомъ, будетъ весьма довольно этимъ нововведеніемъ, тѣмъ болѣе, что австрійское правительство не замедлитъ щедро снабдить новую коллегію средствами и тѣмъ сдѣлаетъ излишними денежныя вспоможенія, идущія на нее отъ епархій. Представьте же себѣ теперь, съ какими идеями и съ какими чувствами къ славянской церкви вернутся въ свое отечество ученики русины, и чего должны ждать ихъ соотечественники въ Венгріи и Галиціи отъ этихъ будущихъ священниковъ и епископовъ! Въ Римѣ подготовляютъ учениковъ въ различныхъ существующихъ тамъ коллегіяхъ для всѣхъ католическихъ націй земнаго шара, убивая въ нихъ всякое чувство къ своему отечеству и своему народу; Римская церковь, поддаваясь своему стремленію управлять всею вселенной, становится естественнымъ ея врагомъ, и новое поколѣніе священниковъ, воспитываемое ею въ римскихъ коллегіяхъ, отличается космополитизмомъ крайней партіи соціалистовъ, отвергающей всякую идею отечества и народности. Вотъ почему князь Бисмаркъ называлъ духовенство „черными интернаціоналами“ еще до поѣздки своей въ Каноссу. Преданія Галликанской церкви болѣе не существуютъ; ожесточенная борьба между халдейскими и греческими патріархами мелхитскаго обряда на соборѣ въ Ватиканѣ для спасенія своей литургіи и дисциплины своихъ церквей, на основаніи акта ихъ возсоединенія съ Римскою церковью, окончилась для нихъ полнымъ пораженіемъ. Самый доблест-

Библиотека "Руниверс"

ный защитникъ авторитета вѣры восточныхъ церквей на соборѣ и самый краснорѣчивый противникъ ученія о правѣ папы на прямое и непосредственное управленіе всѣми епархіями міра, монсиньоръ Юссефъ, патріархъ мелхитскаго обряда, сдѣлался самымъ кроткимъ орудіемъ Ватикана, такъ что теперь онъ назначенъ префектомъ греческой коллегіи, отдѣленной отъ коллегіи русиновъ. Но какъ извѣстно, мелхиты не греки, а арабы, и литургія у нихъ арабская. Случится монсиньору Юссефу служить обѣдню на арабскомъ языкѣ, ученики греки, болгаре и румыны не поймутъ его, если онъ не измѣнитъ обряду мелхитовъ и арабской литургіи. Послѣ перемѣны убѣжденій, мужественно имъ отстаиваемыхъ на соборѣ 1870 года, быть можетъ, онъ и приметъ греческій обрядъ. Во всякомъ случаѣ, онъ уже на дорогѣ, ведущей къ кардинальской шапкѣ. Юссефъ—бывшій ученикъ пропаганды, безукоризненный священнослужитель, отличающійся хитростью, рѣдкою даже и среди восточныхъ людей.

Если Ватиканъ не вооружится рѣшительно противъ славянской литургіи, которая наиболѣе связываетъ несчастныхъ русиновъ-уніатовъ съ ихъ православными братьями великороссами, то мадьярскій шовинизмъ лишитъ этого русиновъ, живущихъ въ сѣверной части Венгріи и имѣющихъ тамъ три епархіи. Всѣ знаютъ чудеса официальной статистики Австріи по отношенію къ этнологіи. „Ариѳметика", говоритъ одинъ ученый италіанскій министръ, — „не есть мнѣніе". Правда, цифры остаются цифрами, и дважды два четыре, а не три и не пять; но въ статистикѣ цифры ставятся такъ, что утрачиваютъ все свое численное значеніе и видоизмѣняются по требованіямъ политики. Не смотря на всѣ усилія, официальная статистика не могла доказать, что Австрія—государство нѣмецкое, и что Венгрія—страна мадьярская. Надо было искать и найдти хоть какой-нибудь способъ „смазать" дѣло, чтобы увѣрить всѣхъ, что въ Австріи преобладаетъ нѣмецкое населеніе, а въ Венгріи—мадьярское. Но такъ какъ преобладанія этого не существуетъ, то и надо было его выдумать. Ариѳметика стала мнѣніемъ. Въ народной переписи число славянъ было такъ велико, что съ трудомъ удалось уменьшить цифру ихъ изъ желанія выставить предполагаемое преобладаніе нѣмцевъ и мадьяръ. Вскорѣ хитрость была обнаружена: но нѣтъ ничего легче, какъ замѣнить признакъ существованія одной національности другою, и притомъ весьма невиннымъ способомъ. Чехъ, русинъ, словакъ или румынъ, всѣ, конечно, говорятъ на своемъ родномъ языкѣ, а въ школахъ Венгріи мадьярскій и нѣмецкій языки обязательны, такъ что всѣ уча-

Библиотека "Руниверс"

щіеся худо—хорошо знаютъ ихъ и говорятъ на нихъ. Во время народной переписи нѣмецкій или венгерскій счетчикъ чистосердечно спрашиваетъ, знаетъ ли тотъ или другой житель, кромѣ роднаго языка, также и нѣмецкій или мадьярскій. Тотъ, разумѣется, отвѣчаетъ утвердительно, и тогда въ офиціальной статистикѣ „смазать“ не трудно; его записываютъ нѣмцемъ или мадьяромъ. Такимъ образомъ, по послѣдней народной переписи 1890 года оказалось въ Австріи $8^1/_2$ милліоновъ нѣмцевъ и въ Венгріи $7^1/_2$ милліоновъ мадьяръ. Сравнивая эти цифры съ данными прежнихъ народныхъ переписей, узнаемъ, что нѣмецкое народонаселеніе увеличилось на 30 процентовъ, а мадьярское на 75 процентовъ. Не правда ли это феноменально? Нѣмцы еще принадлежатъ къ расѣ быстро увеличивающейся; но всѣ знаютъ, что мадьяры, какъ и всѣ народы тюркской расы, мало размножаются; отъ брака мадьяръ рѣдко рождается болѣе двухъ дѣтей. И вдругъ такая баснословная плодовитость мадьяръ! Вѣдь это можно считать за чудо, если знать творца его, нѣмецкаго статистика, уроженца Дрездена, измѣнившаго свою нѣмецкую фамилію на мадьярскую и ставшаго во главѣ офиціальной статистики въ Венгріи.

Этотъ человѣкъ сдѣлалъ еще болѣе удивительное открытіе, чѣмъ созданіе мадьяръ помимо ихъ самихъ; онъ открылъ мадьяръ-уніатовъ, о существованіи которыхъ никто и не подозрѣвалъ. Знали мадьяръ католиковъ, кальвинистовъ и унитаріевъ (социніанъ), но никогда не знали мадьяръ православныхъ или уніатовъ. Правду сказать, эти мадьяры—мадьяры временные, но это не умаляетъ значенія чудеснаго ихъ созданія, ни славу самаго создателя, стяжавшаго двойную честь, какъ уменьшившаго число славянъ на 400.000 душъ и на столько же увеличившаго число мадьяръ, такъ какъ новосозданные мадьяры уніаты—все тѣ же угро-руссы.

Само собою разумѣется, мадьярскій шовинизмъ не замедлитъ заявить о великомъ открытіи офиціальной статистики. Заговорили о нетерпимой аномаліи—о служеніи славянской обѣдни для мадьяръ-уніатовъ, о томъ, что слѣдуетъ замѣнить ее національною литургіей, то-есть, мадьярскою. Сдѣлать этого нельзя было только путемъ закона, вотированнаго въ парламентѣ; надо было заинтересовать троихъ епископовъ уніатовъ, епископовъ Пришова, Унгвара и Великаго Вараждина. Епископы уніатскіе въ Венгріи, также какъ и католическіе, назначаются королемъ и считаются членами палаты магнатовъ. Чтобы получить согласіе на какое-либо нововведеніе отъ австрійскаго двора,

Библиотека "Руниверс"

весьма консервативнаго и весьма преданнаго духовенству, необходимо самимъ епископамъ сдѣлать починъ. Епископы уніатскіе не осмѣливались дѣйствовать, но и не отказывались подчиниться требованію венгерскаго правительства, не быть помѣхой въ достиженіи цѣли. Они перевели обѣдню славянскаго обряда на мадьярскій языкъ и въ тихомолку разрѣшили духовенству служить ее, не испрашивая на то разрѣшенія папы. Духовенство подчинилось, понуждаемое къ тому мадьярскою гражданскою властью и ободряемое епископами, дѣлавшими видъ невѣдѣнія. Черезъ нѣсколько лѣтъ мадьярская литургія вошла въ употребленіе въ тѣхъ приходахъ, прихожане которыхъ не противились ей.

Введеніе мадьярской литургіи по восточному обряду можетъ считаться уже совершившимся фактомъ. Невозможно предполагать, чтобы Ватиканъ не зналъ объ этомъ, а все же по причинѣ, пока неизвѣстной, онъ считалъ за лучшее дѣлать видъ, что ничего о томъ не знаетъ. Тѣмъ временемъ мадьярскія власти находили, что мадьяризація русиновъ посредствомъ языка мадьяръ-уніатовъ не будетъ достаточно быстрою, и что причина этой медленности кроется въ славянской литургіи. Слѣдовало прежде всего объявить войну сей послѣдней и съ этою цѣлью оказать сильное давленіе на епископовъ русиновъ. Одинъ ихъ нихъ, епископъ Великаго Вараждина, наотрѣзъ отказался приказать своему духовенству служить исключительно новую мадьярскую литургію; двое другихъ предоставили это на усмотрѣніе самихъ священниковъ. Въ силу застращиванія, угрозъ и придирокъ со стороны мадьярскихъ властей, бо́льшая часть священниковъ уступила, но иные противились и прибѣгали къ папѣ, одни—угрожая принять православіе, другіе сдѣлаться реформатами, если ихъ заставятъ служить литургію на мадьярскомъ языкѣ. Тогда апостольская конгрегація церковныхъ обрядовъ сдѣлала запросъ тремъ епископамъ-уніатамъ и потребовала отъ нихъ объясненія. Не знаю, въ чемъ состоялъ ихъ отвѣтъ Ватикану, но конгрегація совѣщалась, и папа одобрилъ рѣшеніе не допускать мадьярской литургіи. Эта резолюція мотивирована тѣмъ соображеніемъ, что папскій престолъ разрѣшилъ *ab antiquo* славянамъ совершать литургію по восточному и римскому обряду на славянскомъ языкѣ, но никогда не разрѣшалъ служенія ея на живомъ языкѣ, чтобы предохранить универсальный характеръ католической церкви отъ опаснаго созданія національныхъ церквей, которое открыло бы двери распространенію протестантизма. Отдѣльное служеніе мадьярской литургіи объявлено случайнымъ актомъ и не-

Библиотека "Руниверс"

терпимымъ злоупотребленіемъ, а епископамъ строго предписано запретить совершеніе ея на основаніи самыхъ строгихъ правилъ духовной цензуры.

Когда эта резолюція папскаго престола сдѣлалась извѣстна, мадьярская и нѣмецкая печать въ Венгріи громко заговорила противъ покушенія на свободу мадьярской націи. Еслибъ не знать, что вся мадьярская и нѣмецкая печать въ Венгріи, за исключеніемъ духовнаго журнала *Magyar Allam* (*Мадьярскій міръ*), находится въ рукахъ мадьяризированныхъ нѣмецкихъ евреевъ, можно было бы принять это за пробужденіе религіознаго чувства въ странѣ. Но въ данномъ случаѣ это было не религіозное чувство, а просто взрывъ шовинистовъ противъ славянской народности и славянскаго богослуженія. Лозунгомъ шовинистовъ мадьярской прессы было стараніе увѣрить добродушныхъ читателей, что отказъ папы есть месть Ватикана противъ мадьяръ, вытребовавшихъ у набожнаго Австрійскаго императора согласіе на новые политико-церковные законы (гражданскій бракъ, разрѣшеніе браковъ между христіанами и евреями, разрѣшеніе переходить изъ христіанской вѣры въ какую-нибудь другую), слѣдовательно, надо энергически настаивать на введеніи мадьярской литургіи въ богослуженіи мадьяръ греко-уніатовъ. Такъ какъ венгерское министерство, еслибъ даже не было проникнуто мадьярскимъ шовинизмомъ, держало бы сторону власти, склонной покориться этому шовинизму, и такъ какъ, кромѣ того, австрійскій дворъ всегда смотрѣлъ и продолжаетъ недоброжелательно смотрѣть на славянскую литургію, совершаемую даже уніатами, то весьма вѣроятно, и Ватиканъ уступитъ давленію мадьярскаго шовинизма, тѣмъ болѣе, что австрійскій дворъ, конечно, не станетъ покровительствовать русинамъ въ Венгріи послѣ преданія русиновъ Галиціи въ руки поляковъ. Вотъ настоящее положеніе дѣла; будущее развитіе его не слѣдуетъ терять изъ виду.

Монсиньоръ Сатолла, посланный Львомъ XIII въ Соединенные Штаты въ качествѣ комиссара, для образованія между католическимъ священствомъ клерикальной партіи противъ стремленія къ автономіи епископовъ Джиббонса и Айерланда, возвратясь въ Римъ, увѣрялъ, что разъ навсегда установилъ полное торжество требованій апостольскихъ римскихъ конгрегацій, и что ему удалось образовать клерикальную партію, готовую слѣпо исполнять всѣ приказанія Ватикана. Въ данную минуту трудно понять, основательно ли это увѣреніе, и на сколько самолюбіе и усердіе монсиньора Сатолла дѣлаютъ

Библиотека "Руниверс"

его слишкомъ большимъ оптимистомъ. Даже въ Ватиканѣ вѣрятъ его успѣху. По видимому, монсиньоръ Сатолла расположилъ въ свою пользу архіепископа Нью-Іоркскаго, монсиньора Корригана, завидующаго значенію кардинала Джиббонса, архіепископа Бостонскаго, и монсиньора Айерланда, архіепископа Сентъ-Пауля, въ Минезотѣ. Говорятъ, что монсиньору Сатолла разрѣшено было обѣщать монсиньору Корригану кардинальское достоинство въ томъ случаѣ, если онъ сдѣлается главой клерикальной партіи, противной епископамъ Джиббонсу и Айерланду. Между тѣмъ монсиньоръ Корриганъ, по требованію Ватикана, смѣстилъ ректора большой католической семинаріи въ Нью-Іоркѣ, монсиньора Мекъ-Кана, преданнаго друга и сторонника идей монсиньора Айерланда, и замѣнилъ его крайнимъ клерикаломъ. Монсиньоръ Мекъ-Канъ былъ вытребованъ въ Римъ для объясненій. Но, по прибытіи его туда, ничего не было слышно о соглашеніи его съ преобладающими идеями Римской куріи. Напротивъ того, онъ пользуется большимъ вниманіемъ въ Ватиканѣ и даже намѣчается на весьма важный постъ. Быть можетъ, думаютъ лаской скорѣе склонить его въ свою пользу, чѣмъ дисциплинарною строгостью. Отпаденіе монсиньора Мекъ-Кана нанесетъ большой ударъ партіи, стремящейся къ церковному самоуправленію въ Америкѣ.

Всѣ знаютъ, что общественное мнѣніе въ Италіи весьма сочувственно къ критянамъ и грекамъ. Первыя извѣстія о турецкихъ звѣрствахъ на островѣ Критѣ вызвали общее негодованіе всей либеральной печати, а одна изъ газетъ весьма учтиво приглашала папу подать голосъ въ качествѣ христіанскаго первосвященника въ защиту христіанъ, избиваемыхъ турецкими варварами. Ни одна изъ клерикальныхъ газетъ не отвѣтила на этотъ вызовъ. На дняхъ телеграмма изъ Аѳинъ извѣстила, что католическій епископъ въ Аѳинахъ заклиналъ папу употребить свою власть въ защиту несчастныхъ критянъ-христіанъ. Отвѣта не послѣдовало, точно также, какъ и во время избіеній въ Арменіи и въ Константинополѣ. Разумѣется, въ Ватиканѣ глубоко ненавидятъ православныхъ армянъ и грековъ и не посѣтуютъ объ ихъ участи, еслибы даже и всѣ они были истреблены. Офиціальный органъ *Osservatore Romano* приподнялъ однако край завѣсы, скрывавшей политику Ватикана, объяснивъ весьма прозрачно безстрастное отношеніе Ватикана къ христіанамъ на востокѣ. При извѣстіи, что Германскій императоръ укорялъ Грецію за насиліе надъ правами населенія, *Osservatore Romano* восклицалъ: „Такъ что же? Развѣ это не то же насиліе, при помощи котораго Италія полу-

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

I.

26-го прошедшаго февраля, на торжественномъ собраніи общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III-го, довелось всѣмъ собравшимся для чествованія памяти почившаго Царя слышать и, какъ оказалось потомъ, въ послѣдній разъ, голосъ одного изъ даровитѣйшихъ и лучшихъ людей, какихъ когда-либо производила русская земля. На этомъ собраніи Аполлонъ Николаевичъ Майковъ прочиталъ свое извѣстное стихотвореніе „20-го октября 1894 года", и слушатели были поражены той бодрой силой, тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, съ какимъ убѣленный сѣдинами, 76-ти лѣтній старецъ-поэтъ произнесъ свое вѣщее слово; внимая этому слову, никто не могъ подумать, что не далѣе, какъ черезъ нѣсколько дней, этотъ свѣтлый, проницательный взоръ погаснетъ навѣки, этотъ твердый, звучащій глубокимъ убѣжденіемъ голосъ умолкнетъ навсегда; никто не предугадывалъ, что это вдохновенное чтеніе—прощальный русскимъ людямъ завѣтъ Майкова, его лебединая пѣсня!

Черезъ два дня Аполлонъ Николаевичъ зашелъ вечеромъ къ пишущему эти строки, чтобы вмѣстѣ отправиться въ засѣданіе совѣта того же общества.

— Похвалите меня за ревность въ исполненіи моихъ обязанностей по обществу ревнителей,—сказалъ онъ, входя въ дверь.—Я, кажется, простудился, мнѣ бы надо было сидѣть дома и принимать лѣкарство, а, вотъ, я ѣду въ совѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ продолженіе засѣданія Аполлонъ Николаевичъ былъ бодръ и оживленъ, какъ обыкновенно, принималъ живое участіе въ обсужденіи вопросовъ о предстоящей обществу издательской дѣятельности, но передъ уходомъ опять повторилъ, что чувствуетъ себя нехорошо, жаловался на ознобъ и, плотно закутавшись въ шубу, поспѣшилъ домой, чтобы скорѣе лечь въ постель и согрѣться.

Ему уже не суждено было встать съ постели. На слѣдующій же день появились грозные признаки крупознаго воспаленія легкихъ, были призваны врачи, и вѣсть—сначала о тяжкомъ, а затѣмъ и о безнадежномъ положеніи Майкова быстро разнеслась по городу, въ средѣ его друзей и близкихъ знакомыхъ. Многимъ изъ нихъ въ теченіе семи дней болѣзни дорогаго поэта пришлось на самихъ себѣ испытать душевное состояніе, такъ жизненно и ярко имъ изображенное въ словахъ героини поэмы „Два міра“ Лиды:

. . . „Вдругъ, не стало дара
Ни слезъ, ни словъ; душа нѣма.
Что въ ней горѣло, погасаетъ;
Вошла и все ростетъ въ ней тьма!
Два слова: Децій умираетъ,
Одни звучатъ въ ней“ .

Самъ Аполлонъ Николаевичъ до конца, однако, не переставалъ выражать живое участіе въ покидаемой имъ жизни; событія на востокѣ, особенно волновавшія его въ послѣднее время, продолжали приковывать его вниманіе и на смертномъ одрѣ, онъ постоянно просилъ, чтобы ему читали газеты, а наканунѣ смерти потребовалъ принесенный изъ типографіи корректурный листъ помянутаго выше стихотворенія и, несмотря на крайнее истощеніе силъ, прочелъ его вслухъ съ начала до конца. Это было почти послѣднимъ проявленіемъ угасавшаго уже сознанія. Съ пятницы вечера Аполлонъ Николаевичъ впалъ въ безпамятство, а въ 7 часовъ утра въ субботу, 8-го марта, скончался.

II.

Тиха и безмятежна была кончина Майкова—тихо и безмятежно протекла и его долгая, трудовая, плодотворная жизнь, съ дѣтства и до глубокой старости сложившаяся необыкновенно счастливо для развитія, роста и расцвѣта даннаго ему отъ Бога таланта. Исторія семьи Майковыхъ издавна связана съ исторіей русской литературы, искусства и просвѣщенія. Въ біографическомъ очеркѣ, составленномъ

Библиотека "Руниверс"

М. Л. Златковскимъ ко дню юбилея его полувѣковой литературно-поэтической дѣятельности (30-го апрѣля 1888 г.), мы находимъ много весьма интересныхъ біографическихъ свѣдѣній и между прочимъ встрѣчаемъ въ числѣ предковъ поэта имена извѣстнаго подвижника и духовнаго писателя XV вѣка Нила, по прозванію Сорскаго; въ половинѣ XVIII столѣтія—Майкова, помѣщика, основателя въ 1775 году перваго русскаго публичнаго театра въ Ярославлѣ; Василія Ивановича Майкова,—извѣстнаго въ екатерининское время писателя; Аполлона Александровича Майкова—дѣда нашего поэта, бывшаго директоромъ императорскихъ театровъ, и брата его, Михаила Александровича—также писавшихъ стихи. „Отецъ поэта, Николай Аполлоновичъ, замѣчательный живописецъ. былъ академикомъ Императорской Академіи художествъ; Валеріанъ Николаевичъ, второй братъ поэта—талантливымъ критикомъ и философомъ; третій братъ поэта, Владиміръ Николаевичъ—издателемъ прекраснаго дѣтскаго журнала *Подснѣжникъ*; наконецъ, четвертый братъ, Леонидъ Николаевичъ, нынѣшній вице-президентъ Академіи Наукъ, извѣстенъ своими трудами по исторіи русской литературы".

Выросшій посреди такихъ преданій и людей, въ семейной атмосферѣ, гдѣ занятія искусствомъ и наукой всегда были, если не единственнымъ, то главнѣйшимъ содержаніемъ жизни и составляли постоянное и необходимое условіе житейскаго обихода, юноша Майковъ не могъ сбиться съ предначертаннаго ему судьбою пути служенія родной поэзіи; внѣшнія же обстоятельства во время всего дальнѣйшаго прохожденія имъ литературнаго поприща, какъ нельзя болѣе благопріятствовали правильному и всестороннему развитію въ немъ творческихъ силъ. Родившись въ Москвѣ (23-го мая 1821 г.) Майковъ все дѣтство до двѣнадцатилѣтняго возраста провелъ не въ столицѣ, не въ удушающемъ нравственно и физически воздухѣ столичныхъ домовъ и улицъ, не посреди шума и смрада городской толпы, а на ласковомъ, мирномъ лонѣ матери-природы, посреди простоты и правды русскаго народнаго быта, въ привольѣ и тишинѣ подмосковной деревни, въ помѣстьяхъ отца и бабушки. Такимъ образомъ, въ ту пору жизни, когда впечатлѣнія воспринимаются съ наибольшею силой и западаютъ въ душу всего глубже, первыя основы самосознанія и духовной личности въ душѣ будущаго поэта были заложены русской деревней и русскимъ народомъ. Эти основы и остались въ Майковѣ незыблемыми до конца его дней, послуживъ прочнымъ фундаментомъ для всѣхъ позднѣйшихъ душевныхъ наслоеній. Въ годы

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

путешествіе, непосредственно по окончаніи университетскаго курса, какъ нельзя болѣе своевременно дополнило и завершило образованіе Аполлона Николаевича и дало богатѣйшій матеріалъ для дальнѣйшей творческой работы,—матеріалъ, которымъ поэтъ не переставалъ пользоваться въ продолженіе всей своей жизни. Этому и еще другому, нѣсколько лѣтъ спустя, предпринятому Майковымъ путешествію по Европѣ русская литература обязана появленіемъ такихъ высокихъ художественныхъ произведеній, какъ „Очерки Рима", „Неаполитанскій Альбомъ", „Саванорола", „Константскій Соборъ"—да и самая поэма „Два Міра", это крупнѣйшее не только по объему, но „по внутреннему своему значенію созданіе нашего поэта, едва ли могло-бы достигнуть той глубины и жизненности содержанія и вылиться въ такой классически-совершенной формѣ, если бы поэтъ на расцвѣтѣ юношескихъ дней, въ лучшую пору его жизни лично не изучилъ и не позналъ Римъ.

Итакъ, дѣтство, прожитое въ семейномъ гнѣздѣ, въ деревнѣ, среди народа, годы ученія, проведенные въ упорномъ трудѣ изученія исторіи и классической древности подъ руководствомъ высокообразованныхъ учителей и наставниковъ, и, наконецъ, юность, полная живыхъ и разнообразныхъ путевыхъ впечатлѣній,—вотъ главнѣйшіе факторы, которые воспитали въ Майковѣ прежде всего глубоко-русскаго народнаго поэта, а затѣмъ и европейски-всесторонняго, образованнаго человѣка, которому ничего человѣческое не было и не могло быть чуждо. На этихъ двухъ незыблемыхъ основахъ народности и высокой образованности развился и окрѣпъ могучій природный талантъ Майкова, и вся послѣдующая его жизнь была ничѣмъ инымъ, какъ неустанною работой творчества и самообразованія, плодомъ которой является тотъ богатый вкладъ поэтическихъ произведеній, которымъ по справедливости, можетъ гордиться наша отечественная литература.

Казенная служба, сначала въ качествѣ помощника библіотекаря въ Румянцевскомъ музеѣ, затѣмъ цензора въ комитетѣ иностранной цензуры и, наконецъ, предсѣдателя того же комитета, не только не мѣшала писательской дѣятельности Майкова, но, вслѣдствіе особенно счастливо сложившихся обстоятельствъ, даже благотворно содѣйствовала ей, сблизивъ поэта съ такими личностями, какъ кн. Одоевскій и О. И. Тютчевъ. Будучи по службѣ ближайшими начальниками Майкова, они въ то же время были его личными друзьями, просвѣщенными совѣтниками и вполнѣ компетентными цѣнителями и критиками. Умственное и нравственное вліяніе. О. И. Тютчева особен-

Библиотека "Руниверс"

но сильно способствовало окончательной выработкѣ тѣхъ воззрѣній Майкова на русскую исторію и основы русской государственности, которымъ онъ остался вѣренъ до конца. Вообще Аполлонъ Николаевичъ считалъ себя очень счастливымъ въ своихъ личныхъ связяхъ и знакомствахъ и часто, въ дружескихъ бесѣдахъ, въ послѣдніе годы, выражалъ трогательную благодарность судьбѣ за то, что она постоянно сталкивала и сближала его съ людьми, которыхъ онъ съ своей безгранично доброй улыбкой и неотразимой убѣдительностью въ голосѣ называлъ „прекраснѣйшими". При этомъ, кромѣ вышеупомянутыхъ кн. Одоевскаго и Тютчева, онъ называлъ Погодина, Достоевскаго, Гончарова, Каткова, Страхова и многихъ другихъ, менѣе выдающихся личностей, о сношеніяхъ съ которыми, по его словамъ, сохранилъ въ душѣ самыя свѣтлыя воспоминанія.

Мы воздерживаемся отъ упоминанія о семейныхъ отношеніяхъ Аполлона Николаевича: святыни семейнаго счастья не должны касаться современники, хотя будущіе біографы, быть можетъ, найдутъ въ этой сферѣ чистѣйшій источникъ наиболѣе возвышенныхъ вдохновеній поэта и ключъ къ объясненію содержанія многихъ лучшихъ его созданій.

III.

О литературной дѣятельности Майкова было много и разнообразно писано при его жизни. Въ общемъ можно сказать, что отзывы наиболѣе выдающихся представителей русской критики — Бѣлинскаго, Дружинина, Аполлона Григорьева и Страхова—сходятся въ признаніи силы и качествъ его крупнаго дарованія и выдающагося значенія его произведеній въ русской литературѣ; большинство журнальныхъ и газетныхъ рецензентовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ отнеслось къ Майкову либо равнодушно, либо отрицательно, въ виду независимости его отъ господствовавшихъ въ то время общественныхъ теченій и вѣяній. Впослѣдствіи и въ этихъ литературныхъ сферахъ произошелъ нѣкоторый переворотъ, въ смыслѣ признанія таланта и заслугъ Майкова, что особенно ярко выразилось на празднованіи юбилея его пятидесятилѣтней литературной дѣятельности въ 1888 году, когда литераторы и критики самыхъ различныхъ направленій соединились въ дружный хоръ для чествованія маститаго поэта. Но, вообще, время для полной и всесторонней оцѣнки поэзіи А. Н. Майкова, по нашему мнѣнію, еще не настало. Хотя

Библиотека "Руниверс"

личныхъ враговъ у него нѣтъ и не было, но противниковъ его художественныхъ, нравственныхъ и политическихъ воззрѣній было и остается еще много, — несравненно болѣе, чѣмъ друзей. Какъ тѣ, такъ и другіе едва ли могутъ быть вполнѣ безпристрастными критиками. Временныя и случайныя теченія общественной мысли, преходящія злобы дня, наконецъ, личныя пристрастія и предубѣжденія—все это, вмѣстѣ взятое не можетъ до нѣкоторой степени не уклонять мысли современниковъ отъ безусловно объективной, то-есть, единственно-правильной, критической точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, общераспространенное сужденіе объ относительной слабости лирическаго элемента въ поэзіи Майкова намъ кажется хотя и ошибочнымъ, но пока вполнѣ объяснимымъ, съ одной стороны, отсутствіемъ обстоятельныхъ біографическихъ данныхъ о поэтѣ, а съ другой—его природною и мало кому извѣстною склонностью, скромно избѣгать въ своихъ произведеніяхъ употребленія мѣстоименія *я* и выражать свои собственныя мысли и чувства не иначе, какъ влагая ихъ въ уста своихъ героевъ. Если мы пристальнѣе всмотримся въ поэзію Майкова съ этой точки зрѣнія, то, быть можетъ, не найдемъ ни одного эпическаго произведенія, въ которомъ не пробивалась бы сильная лирическая струя—и тогда намъ едва ли не придется остановиться на сужденіи, противуположномъ тому, которое высказывалось большинствомъ современныхъ критиковъ. Цѣлый рядъ стихотвореній, сгруппированныхъ въ послѣднихъ изданіяхъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ Аполлодора Гностика“ и ошибочно принятыхъ нѣкоторыми рецензентами за переводныя, также придется отнести къ перламъ лирической поэзіи, когда станетъ общеизвѣстно, что никакихъ сочиненій Аполлодора Гностика не существуетъ и что поэтъ, вслѣдствіе той же склонности не обращаться къ читателямъ отъ своего имени, употребилъ невинную хитрость, чтобы хотя временно скрыть настоящаго автора этихъ превосходныхъ лирическихъ пьесъ.

По тѣмъ же причинамъ намъ кажутся преждевременными всѣ попытки сравнивать Майкова съ предшествовавшими и современными ему поэтами. Только по истеченіи извѣстнаго періода времени — и даже довольно продолжительнаго — нелицепріятный судъ потомства воздастъ каждому общественному дѣятелю должное и ставитъ его на принадлежащее ему по праву мѣсто, нисколько притомъ не справляясь съ сужденіемъ современниковъ. Геній Шекспира былъ понятъ и оцѣненъ очень поздно и даже сначала не въ его отечествѣ; драматическія же произведенія Вольтера, единодушно признанныя совре-

Библиотека "Руниверс"

менниками, какъ произведенія геніальныя, давно сданы въ архивъ и преданы вполнѣ заслуженному забвенію. Въ виду такихъ разительныхъ примѣровъ, современная критика поступила бы благоразумно, воздержавшись до времени отъ поспѣшныхъ сужденій и мнимо-окончательныхъ приговоровъ. Долгъ ея, равно какъ и всѣхъ друзей покойнаго поэта и истинныхъ любителей русской литературы—заняться подготовительною работой и собраніемъ матеріаловъ для будущихъ критиковъ и біографовъ, отысканіемъ и сбереженіемъ того, что съ теченіемъ времени не только не выясняется, но тускнѣетъ, меркнетъ и даже вовсе утрачивается. Мы говоримъ о фактическихъ данныхъ, касающихся жизни поэта, о чертахъ и свойствахъ его характера, его духовной личности. Въ этомъ отношеніи труды современниковъ могутъ имѣть дѣйствительное и важное значеніе, такъ какъ имя А. Н. Майкова (какъ бы окончательно не опредѣлилось его мѣсто и значеніе посреди русскихъ писателей) не умретъ въ лѣтописяхъ отечественной литературы, и поэтическое творчество его всегда будетъ звучать въ потомствѣ, какъ могучій, стройный и весьма сложный заключительный аккордъ Пушкинскаго періода русской поэзіи. Всѣ пути, во всѣхъ направленіяхъ, намѣченные геніемъ Пушкина, пройдены Майковымъ до конца. Далѣе по этимъ же путямъ и въ тѣхъ же направленіяхъ идти уже некуда, и намъ, осиротѣлымъ эпигонамъ этого періода,—остается только перепѣвать болѣе или менѣе удачныя варіаціи на старыя темы до тѣхъ поръ, пока на померкшемъ нашемъ небѣ не взойдетъ новое свѣтило, новое яркое солнце русской поэзіи.

Каково-бы ни было это солнце и какіе-бы невѣдомые горизонты оно ни озарило своими восходящими лучами—Пушкинъ и Майковъ въ наслѣдіе всѣмъ будущимъ русскимъ поэтамъ, великимъ и малымъ, оставили одинъ общій, безсмертный завѣтъ: въ творчествѣ—оставаться вѣрными историческимъ основамъ русскаго, народнаго міросозерцанія; въ жизни — бодро и неустанно трудиться, имѣя передъ собою одиную цѣль—самоусовершенствованіе.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

„ИМЕНА ЛЮБИМЦЕВЪ“ НА АТТИЧЕСКИХЪ ВАЗАХЪ.

Бываютъ въ наукѣ вопросы, которые, по видимому, не поддаются рѣшенію. Споръ продолжается, сколько бы ни возросталъ матеріалъ. Всѣ догадки остаются безсильными раскрыть прошлое. хотя рѣчь идетъ вовсе не о какихъ-нибудь высокихъ предметахъ. Такимъ вопросомъ до сихъ поръ является вопросъ объ „именахъ любимцевъ“, встрѣчаемыхъ на греческихъ вазахъ. Сдѣлано самое полное собраніе всѣхъ фактовъ съ самою строгою научною точностью, и не смотря на то взгляды остаются противоположными одинъ другому. Это, съ одной стороны, не привлекаетъ къ новымъ попыткамъ рѣшенія вопроса, съ другой стороны, тотъ, кто снова берется за такую задачу, находитъ уже готовый фактическій фундаментъ. Итакъ, не приводя ни одного новаго черепка съ таинственнымъ словомъ καλός—ибо, по моему мнѣнію, вопросъ долженъ разъясниться при помощи собраннаго уже матеріала, если онъ разрѣшимъ вообще [1])—,я попытаюсь предложить новое, до извѣстной степени, объясненіе означенныхъ именъ. Оно, въ сущности, заключается въ попыткѣ развить опредѣленіе одинъ изъ взглядовъ, высказанныхъ уже давно и еще не покинутыхъ совершенно, и дать ему болѣе твердую опору помощью выясненія отношеній, существующихъ между нашими надписями и произ-

[1]) Признаюсь, моя мысль родилась изъ обобщенія немногихъ фактовъ при видѣ ниже разсматриваемаго вазоваго изображенія (см. 5-ую тезу моей диссертаціи Zur Theseussage. Dorpat. 1892). Сличеніе этого изображенія со всѣмъ матеріаломъ я произвелъ только впослѣдствіи, но оно именно убѣдило меня въ вѣрности моей догадки и расширило мой взглядъ.

Библиотека "Руниверс"

водствомъ керамическаго мастерства. Этимъ я надѣюсь устранить другую, невѣрную, по моему мнѣнію, теорію, за которую въ настоящее время стоитъ большинство ученыхъ.

Въ эпоху развитія въ аттической керамикѣ строгаго краснофигурнаго стиля, этого несравненнаго въ искусствѣ примѣра чисто линейнаго рисунка, мы видимъ быстрое увеличеніе надписей на вазахъ. Съ одной стороны, имена или изготовившихъ сосудъ, или разрисовавшихъ его (ἐποίησε или ἔγραψε) мастеровъ указываютъ на то, что въ нихъ усиливается самосознаніе художниковъ [1]). Съ другой стороны, вмѣстѣ съ именами мастеровъ появляются какіе-то прославляемые „прекрасными“ (или вѣрнѣе „милыми“) мальчики, то названные по имени (Λέαγρος — , Μέμνων — , Ἱπποδάμας καλός и др.), то, гораздо чаще, безыменные (ὁ παῖς καλός). Кто эти мальчики? Чѣмъ объясняется этотъ странный обычай?

Припомнимъ вкратцѣ прежнія и въ особенности новѣйшія толкованія на этотъ счетъ [2]). Сначала понимали эти надписи самымъ простымъ образомъ: въ указаніи на красоту видѣли выраженіе сердечнаго расположенія художника къ тому или другому мальчику [3]). И несомнѣнно, въ этомъ сочетаніи слова καλός съ именемъ мальчика имѣется оттѣнокъ нѣжнаго чувства. Что такъ въ Аѳинахъ восхваляли любимыхъ мальчиковъ и что общее восхищеніе красивыми юношами и даже мужчинами выражалось не иначе, какъ эпитетомъ καλός, объ этомъ свидѣтельствуютъ писатели и надписи подобныя нашимъ на камнѣ и всякомъ другомъ матеріалѣ [4]). Однако сложность фактовъ, съ которою мы еще познакомимся, уже въ 1-ой половинѣ нашего вѣка повела къ разнымъ другимъ объясненіямъ. Изъ нихъ, по справедливости, ни толкованіе эпитета καλός въ смыслѣ одобренія своей собственной работы, ни приведеніе въ связь этого слова съ изображеніями на сосудахъ, ни попытка видѣть въ названныхъ юношахъ владѣльцевъ вазъ, не нашли болѣе или менѣе общаго

---

[1]) На сколько это состоятельно см. K. Wernicke: Die griechischen Vasen mit Lieblingsnamen. Berlin. 1890, p. 119.

[2]) Подробный разборъ литературы, за исключеніемъ новѣйшихъ работъ, даетъ Б. Фармаковскій въ Зап. Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древн. 1893. XVI, p. 16 sq

[3]) C. A. Böttiger: Gr. Vasengemälde I, 3, p. 62 sq. — Th. Bergk, Allg. Lit. Zeit.—46, p. 1049 sq.

[4]) Объ этомъ обычаѣ и о культѣ красоты у аѳинянъ см. у Фармаковскаго: l. p. 19 sq. и 21 sq. Wernicke: l. p. 112 и 113 A 2, у нихъ же и свидѣтельства источниковъ.

Библиотека "Руниверс"

согласія [1]). Другую, удовлетворяющую многимъ требованіямъ вопроса, мысль первый высказалъ К. О. Мюллеръ [2]), который видѣлъ въ такъ называемыхъ любимцахъ знатныхъ юношей, славившихся своею красотою во времена мастеровъ вазъ [3]). Студничка, въ недавнее время, опять возвратился къ мнѣнію К. О. Мюллера и отождествилъ нѣсколько именъ любимцевъ съ извѣстными историческими личностями [4]). Онъ нашелъ одно, по крайней мѣрѣ, столь поразительное совпаденіе именъ, что до сихъ поръ еще никто не осмѣлился оспаривать этого отождествленія. На нѣсколькихъ вазахъ Евфронія, по стилю относящихся къ первымъ его произведеніямъ, мы находимъ любимца Леагра (попадающагося и у другихъ, болѣе древнихъ мастеровъ). На полихромной чашѣ фабрики Евфронія, считавшейся дотолѣ послѣднимъ сохранившимся трудомъ его руки, упоминается прекрасный Главконъ. Его же имя съ прибавленіемъ отца — Леагра повторяется на одномъ хранящемся въ Аѳинахъ лекиѳѣ одинаковой техники неизвѣстнаго мастера (ср. ib.). Въ одномъ случаѣ, дѣйствительно, теорія Студнички какъ будто подтверждается извѣстіями историковъ. Нѣкій Главконъ, сынъ Леагра, былъ начальникомъ эскадры, высланной на помощь керкирейцамъ передъ пелопоннисской войною (Thuc. I 51), а какой-то стратигъ Леагръ, сынъ Главкона, палъ въ борьбѣ противъ идоновъ въ 467 г. (Herod. IX 75). Стиль нашихъ вазъ, по времени ихъ изготовленія, скорѣе благопріятствуетъ, чѣмъ противорѣчитъ отождествленію упомянутыхъ лицъ съ любимцами Евфронія, который, такимъ образомъ, по мнѣнію Студнички, обнаруживаетъ явную привязанность къ этому роду. Студничка признаетъ даже портреты обоихъ лицъ, Главкона и Леагра, въ фигурахъ юноши на другомъ лекиѳѣ въ Аѳинахъ и всадника на одной чашѣ фабрики Кахриліона,

---

[1]) Въ пользу перваго объясненія, Италинскаго (у Böttiger: Ib. I, 3, p. 35 и 64), и втораго, Вельккера (Rhein. Mus. I, p. 133), говоритъ слишкомъ мало примѣровъ, хотя есть нѣсколько такихъ случаевъ; третье объясненіе Иннофки, (Die griech. Eigennamen mit καλός. Berlin. 1850 изъ Abhdl. d. Kgl. Pr. Ak. d. W.—49, p. 37) опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что мы, если и находимъ имена владѣльцевъ, то всегда въ граффитти, ср. P. Kretschmer. Die griech. Vaseninschr. Gütersloh. 1894, p. 3.

[2]) K. O. Müller: Gött. gel. Anz. — 31, p. 1831 sq. и Kunstarchäol. Werke, III, p. 64 sq.—Съ нимъ соглашается O. Jahn: Darst. gr. Dichter, p. 742.

[3]) И то, и другое объясненіе признавалъ раньше W. Klein: Euphronios, p. 84 sq. и 260 sq. и Vasen mit Meistersignaturen, p. 23 sq.

[4]) Fr. Studniczka: Jahrb. d. K. deutschen arch. Inst. II, p. 159 sq. и особенно p. 161 sq.

Библиотека "Руниверс"

на которыхъ опять встрѣчаются ихъ имена, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ Студничка не затрудняется отнести эпитетъ καλὸς къ человѣку зрѣлаго возраста. Студничка еще указываетъ на нѣсколько извѣстныхъ намъ личностей VI и V столѣтій, какъ на „любимцевъ", въ томъ числѣ на тиранна Иппарха, на Алкивіада, и находитъ еще нѣсколько подобныхъ портретныхъ изображеній. Но ни одинъ изъ остальныхъ примѣровъ, приводимыхъ Студничкою, самъ по себѣ не подтверждается ничѣмъ, кромѣ приблизительной одновременности вазъ съ существованіемъ этихъ историческихъ лицъ. Не смотря на то, со Студничкою согласилось большинство ученыхъ. Въ 1890-мъ году весь матеріалъ о „любимцахъ" былъ собранъ дважды, Клейномъ и Вернике, работавшими независимо другъ отъ друга и не безъ значительнаго успѣха. Къ заслугамъ Клейна мы еще вернемся. Въ общемъ онъ рѣшительно сталъ на сторону Студнички, отступивъ отъ него только въ отдѣльныхъ случаяхъ отождествленія „любимцевъ" съ тѣми или другими извѣстными намъ лицами и смѣлаго предположенія относительно портретовъ изображенныхъ лицъ [1]). Вернике также отчасти призналъ попытку Студнички удачною и постарался опредѣлить еще нѣсколько любимцевъ, не увлекаясь однако одною этою теоріей. Онъ даже съ слишкомъ нерѣшительною осторожностью сопоставилъ всѣ возможные способы объясненія „именъ любимцевъ", хотя самъ вѣрно замѣтилъ, что обычай писать на вазахъ эти имена практикуется лишь въ теченіе сравнительно короткаго времени и имѣетъ вполнѣ мѣстный характеръ [2]). Развѣ не важно выяснить, какія были главныя причины возникновенія этого обычая? Одна воспріимчивость къ красотѣ еще не уясняетъ, почему этотъ обычай нашелъ распространеніе именно въ средѣ гончарныхъ мастеровъ. Что слѣдуетъ искать „любимцевъ" въ кругу самихъ художниковъ, это высказалъ уже въ 1889-мъ году, на засѣданіи Берлинскаго археологическаго общества, Гартвигъ [3]), въ лицѣ котораго выступилъ новый защитникъ прежняго мнѣнія объ интимномъ значеніи надписей съ именами любимцевъ. Въ своемъ изданіи всѣхъ сопровождаемыхъ именами мастеровъ краснофигурныхъ чашъ Гартвигъ полнѣе изложилъ свои главные тезисы [4]). Вполнѣ справе-

[1]) Klein: Die gr. Vasen mit Lieblingsinschr.—Denkschr. d. K. Ak. d. W. in Wien. 1891, hist. phil. Cl. p. 4 и 15 sq.

[2]) Wernicke: ib. p. 121 и 124, p. 97 sq. и 125.

[3]) См. Deutsche Lit.-Z. 89, p. 36 и Berl. phil. Wochenschr. 89, p. 39.

[4]) P. Hartwig: Die griech. Meisterschalen etc., Berlin 1893, p. p. 7 sq., 3 и 10 A 1, 11 и дальше въ отдѣльныхъ замѣткахъ p. p. 201 A 1. 547. 640.

Библиотека "Руниверс"

дляво онъ ограничиваетъ возрастъ, къ которому можетъ примѣниться похвала красотѣ (въ общей формѣ ὁ παῖς καλός), приблизительно однимъ десятилѣтіемъ юношескаго возраста и видитъ, слѣдовательно, въ именахъ „любимцевъ" средство опредѣлить болѣе или менѣе точно хронологію художниковъ. Послѣ критики Гартвига не только стали весьма сомнительными всѣ крайнія положенія Студнички и его послѣдователей, въ особенности установленіе портретныхъ изображеній, но сильно пошатнулась и вся историческая теорія.

Дѣло въ томъ, что историческая теорія, какъ она ни соблазнительна, еще далеко не доказана. Если ея сторонники ссылались на аристократическій характеръ иныхъ именъ, какъ Мегакла, обычнаго имени въ родѣ Алкмеонидовъ, или на рѣдкость другихъ, какъ Панетія, то Гартвигъ доказываетъ почти для всѣхъ этихъ именъ, что они употреблялись довольно часто и въ простомъ сословіи, гдѣ мы, напримѣръ, встрѣчаемъ, тезокъ другаго Алкмеонида Евриптолема, или извѣстныхъ намъ полководцевъ Лахита и Никострата. Оспаривая такимъ образомъ всѣ предлагаемыя отождествленія именъ [1]). Гартвигъ все-таки не отрицалъ одного—предположенія о Леагрѣ и Главконѣ, непослѣдовательность, которая, по моему мнѣнію, остановила его на полдорогѣ. Если же онъ самъ не рѣшился совсѣмъ оставить историческую теорію, то другіе ученые тѣмъ менѣе отреклись отъ нея. Такъ, послѣ Гартвига согласился съ нею Фуртвенглеръ, видя въ „любимцахъ" славныхъ палестритовъ [2]). Дальше, признала вполнѣ эту тео-

[1]) Не могу убѣдиться въ справедливости догадки Фармаковскаго (ib. p. 15 sq. и 23 sq.), что можно признать на фрагментѣ краснофигурной чаши керченскаго музея портретъ популярнаго красавца Дима, сына Пирилампа и ровесника Алкивіада. Стиль рисунка—главъ, напримѣръ, нарисованъ en face—относится еще къ строгому стилю (въ которомъ уже попадаются всѣ тѣ же палеографическія особенности), хотя и къ его концу. Послѣ переворота, произведеннаго въ хронологіи вазъ, со времени раскопокъ на аѳинскомъ Акрополѣ никакъ нельзя датировать керченскій фрагментъ позднѣе середины V вѣка, то-есть, приблизительно времени рожденія Дима. Но главнымъ образомъ имя любимца мнѣ кажется тутъ неполнымъ, такъ какъ въ другомъ случаѣ отдѣленіе одной Δ висящимъ предметомъ изображенія было бы слишкомъ страннымъ. По моему, оно было длиннѣе и болѣе обыкновенное, въ родѣ встрѣчаемыхъ между „любимцами" Νικόδημος или Τιμόδημος (Wernicke: ib. p. p. 77 и 83). Относительно имени мастера я тоже сомнѣваюсь, было-ли оно такое короткое, какъ предполагаетъ авторъ. Впрочемъ, въ томъ, что осталось отъ него, можетъ быть, сохранилось отчасти имя такъ называемаго у Гартвига мастера съ пальметкою, что придало бы новый интересъ нашему фрагменту, но въ настоящее время я не могу провѣрить этого предположенія сравненіемъ стиля.

[2]) Furtwängler: Berl. phil. Wochenschr. 94, p. 109 sq.

Библиотека "Руниверс"

рію Гаррисонъ и выразилъ ей свое одобреніе Рейнакъ, напоминая для аналогіи, какъ это сдѣлалъ уже Вернике, надписи Iulia bella и т. п. на италіанскихъ майоликахъ XVI вѣка [1]), явленіе, по видимому, еще болѣе схожее, чѣмъ указанныя Студничкою изображенія знаменитыхъ современниковъ на разныхъ мелкихъ предметахъ.

Замѣчательный успѣхъ исторической теоріи въ глазахъ ученыхъ не трудно понять. Только она до сихъ поръ, по видимому, объясняетъ одну важную сторону нашей проблемы, какъ это высказалъ Фуртвенглеръ яснѣе и проще всѣхъ. Одни и тѣ-же „любимцы“ довольно часто встрѣчаются у различныхъ мастеровъ. Съ другой стороны, одинъ и тотъ же мастеръ не рѣдко имѣетъ различныхъ „любимцевъ“, не только отдѣльно, одного за другимъ, но даже въ сочетаніи на одномъ и томъ же сосудѣ. Такъ напримѣръ, на чашѣ Кахриліона съ именемъ портретомъ Леагра является въ то-же время прекрасный Олимпіодоръ, но Студничкѣ изображенный во второмъ всадникѣ ея рисунка. Невѣроятность исторической теоріи тѣмъ не менѣе явствуетъ изъ слѣдующихъ фактовъ. Аристократическія имена, которыя, впрочемъ, какъ сказано, употреблялись не только въ знатныхъ родахъ, немногочисленны въ сравненіи съ остальными, простонародными. И тѣ, и другія сочетаются между собою на вазахъ, напримѣръ, Иппархъ съ Дорооссемъ, Леагръ съ Ликомъ или Эпидромомъ и съ другими именами [2]). Самое вѣрное доказательство, что преобладающая категорія именъ дѣйствительно принадлежитъ простолюдинамъ, заключается въ томъ, что мы находимъ между ними названія, тождественныя съ извѣстными намъ именами мастеровъ. Вернике и Гартвигъ собрали несомнѣнные примѣры тому, и ихъ оказывается не мало [3]). Не имѣетъ ли это явленіе

---

[1]) J. E. Harrison, Greek vase paintings, London. 1894.—Reinach: Rev. arch. 94, p. 71, Wernicke: ib. p. 125.

[2]) См. Klein: ib. p. 12.

[3]) Hartwig ib. p. 11 A 2, кромѣ нѣсколько сомнительнаго Гермогена (ср. Klein: Vasen m. Meistersignaturen p. 160), относитъ сюда Главкита, Андокида, Мегакла и, по весьма вѣроятной догадкѣ, любимца Дуриса Херестрата, имя котораго какъ гончарнаго мастера упоминается въ одномъ фрагментѣ комическаго поэта Фринихя (Com. Att. Fragm. I, p. 374 Kock.). Изъ гораздо большаго числа подобныхъ случаевъ у Wernicke ib. p. 118 мы можемъ принять безъ колебанія еще нѣсколько, какъ Евфронита, Клеофрада и Тлисона (ср. Клейнъ: LieBlingsinschr., p. 36). Другія имена представляютъ нѣкоторыя затрудненія; особенно возникаетъ вопросъ, можно ли считать извѣстныхъ мастеровъ Никосеена, Эпиктета и Кахриліона выходцами изъ числа любимцевъ. Къ именамъ ихъ только одинъ или два раза прилагается эпитетъ καλός, къ тому же обыкновенно послѣ ἔγραφεν или ἐποίησεν.

Библиотека "Руниверс"

въ данномъ случаѣ существеннаго значенія, и нельзя ли намъ, на основаніи его, сдѣлать обобщеніе? Если вмѣстѣ съ Гартвигомъ должно искать любимцевъ въ кругу самихъ мастеровъ, то всего проще будетъ, на основаніи приведенныхъ случаевъ, видѣть въ нихъ начинающихъ ремесло мальчиковъ-рабочихъ въ гончарныхъ мастерскихъ. При чрезвычайной чувствительности къ красотѣ греческаго народа и при извѣстномъ обычаѣ „нѣжнаго обращенія" лицъ зрѣлаго возраста съ юношами легко понять, что при постоянномъ общеніи мастеровъ съ ихъ молодыми помощниками часто могли возникать подобныя отношенія. По моему мнѣнію, основа надписей съ именами любимцевъ на вазахъ заключается именно въ совмѣстности жизни и въ близости отношеній мастеровъ съ работавшими у нихъ мальчиками. Сколько ни оспаривали личную связь между художниками и такъ называемыми любимцами, допуская ее только въ отдѣльныхъ случаяхъ [1]), она слишкомъ часто и слишкомъ явно обнаруживается въ надписяхъ. Не даромъ уже архаическій мастеръ Тимагоръ называетъ себя рядомъ съ своимъ любимцемъ Андокидомъ, извѣстнымъ намъ въ качествѣ мастера ('Ανδοκίδης καλὸς δοκεῖ Τιμαγόρᾳ) [2]). Еще яснѣе говоритъ подобная этой, хотя безличная, надпись о прекрасномъ Эсимидѣ (Αἰσιμίδης καλὸς δοκεῖ σονόντι [3]) или объясненіе въ любви какого-то безыменнаго мастера Антимену (φιλῶ σε) [4]). Просматривая безъ предубѣжденій другіе виды обращенія къ любимцамъ [5]), нельзя не согла-

---

Мысль Верника, что тутъ скорѣе слѣдуетъ читать καλῶς, должна быть принята во вниманіе, въ виду существованія другихъ примѣровъ похвалы собственной работѣ прибавленіемъ нарѣчія εὖ (Klein: Vasen mit Meistersign. pp. 41, 51 и 196). Но тогда можно вмѣстѣ съ Клейномъ (Vasen m. Lieblingsinschr., p. 3) въ упомянутыхъ лицахъ и не признавать любимцевъ. У другаго художника, напротивъ, похвала собственной красотѣ имѣетъ больше вѣроятности; я говорю объ Эпиликѣ, имя котораго обыкновенно сопровождаетъ καλὸς безъ глагола и только разъ послѣ ἔγραφεν (Klein: ib. и V. m. M. S. p. 114). На эти примѣры придется ниже опять обратить вниманіе. Во всякомъ случаѣ, нельзя видѣть въ чтеніи καλῶς общаго объясненія эпитета. Оно, хотя и встрѣчается въ двухъ позднѣйшихъ примѣрахъ (Klein: Vasen mit Lieblingsinschr., pp. 68 и 84), но все-таки представляетъ собою только исключеніе или простую описку. Необходимость обыкновеннаго чтенія καλὸς слѣдуетъ изъ того, что вообще глаголы отсутствуютъ, и изъ разсматриваемыхъ дальше свидѣтельствъ надписей.

[1]) Wernicke ib. pp. 112 и 123, Klein ib. p. 1, Studniczka ib. p. 159.

[2]) Klein V. m. M. S. p. 50.

[3]) Klein ib. p. 52, Wernicke ib. p. 55. По моему надо читать и понимать надпись, какъ выше сказано, а двойное N въ глаголѣ считать за описку.

[4]) Wernicke ib. p. 20.

[5]) Wernicke ib. p. 110.

Библиотека "Руниверс"

ситься, что они отчасти еще яснѣе выражаютъ личное привѣтствіе (χαῖρε, προσαγορεύω. δίκαιος, ἀγαθὸς, χρυσοῦς), и уже никакимъ искусственнымъ образомъ не удастся измѣнить значеніе слова παιδικός, весьма обычнаго въ такъ называемомъ Эпиктетовомъ кругу [1]). Оно прямо свидѣтельствуетъ о существованіи интимнаго отношенія между мастеромъ и его помощникомъ. Правда, о такомъ интимномъ отношеніи не приходится заключить на основаніи общаго обращенія ὁ παῖς καλός, которое появляется почти впервые въ той же средѣ и остается въ употребленіи до появленія вазъ краснаго стиля. Но прибавка члена ὁ всетаки указываетъ на находящееся въ сношеніяхъ съ говорящимъ мастеромъ опредѣленное лицо, а постоянное повтореніе этихъ словъ на вазахъ доказываетъ характерное для гончарнаго мастерства значеніе такихъ отношеній. Мы узнаемъ изъ этого общаго вида похвалы выработавшійся у гончарныхъ мастеровъ обычай, которому вполнѣ соотвѣтствуетъ быстрое умноженіе „именъ любимцевъ“ во время процвѣтанія аттической керамики [2]). Въ главныхъ аттическихъ фабрикахъ установилось обыкновеніе, на хорошемъ товарѣ кромѣ фирмы [3]) и рисовавшихъ художниковъ называть мальчиковъ, участвовавшихъ въ изготовленіи и, какъ мы увидимъ, отчасти также въ орнаментаціи вазъ. Похвала красоты мало по малу приняла значеніе фабричнаго клейма. Изъ этого, конечно, нельзя заключать о существованіи во всѣхъ случаяхъ дѣйствительно „интимныхъ отношеній“ между мастерами и учениками. Эта похвала гораздо скорѣе составляетъ, сообразно греческому воззрѣнію, общую оцѣнку разныхъ преимуществъ, хотя, несомнѣнно, съ этимъ часто шло рука объ руку, какъ раньше, нѣжное обращеніе съ мальчиками. Интересно привести здѣсь тѣ вольные стишки, которыми одинъ неизвѣстный намъ мастеръ восхваляетъ двухъ своихъ любимцевъ, обращаясь къ третьему лицу, вѣроятно, старшему помощнику и, по видимому, обожателю одного изъ нихъ [4]).

Καλὸς, Νικόλα, Δωρόθεος
Καλὸς κἀμοὶ δοκεῖ, ναί·
Χἄτερος παῖς καλὸς Μέμνων
Κἀμοὶ καλὸς φίλος.

---

[1]) Wernicke ib., Klein ib. p. 110 и V. m. L. I. p. 1, Studniczka ib.

[2]) Ср. статистику вазъ у Wernicke: p. 19—96 и у Klein: V. m. L. I. p. 7—12.

[3]) Въ такомъ смыслѣ совершенно основательно толкуетъ надписи ἐποίησεν Furtwängler ib. p. 141 sq.

[4]) Klein V. m. M. S. p. 124 и V. m. L. I. p. 35, Wernicke ib. p. 94.

Библиотека "Руниверс"

Χάτερος καὶς не оставляетъ сомнѣнія, что рѣчь идетъ о двухъ лицахъ, отношенія которыхъ къ мастеру вполнѣ обусловлены обстоятельствами. Совмѣстная похвала и выраженіе ласки двумъ лицамъ легко объяснима съ моей точки зрѣнія, а въ другомъ случаѣ она была бы весьма странна.

Разсмотрѣнный стишокъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ той сложности данныхъ, которая въ особенности требуетъ разъясненія въ нашемъ вопросѣ. Со времени вазъ такъ называемаго Эпиктетова круга и въ продолженіе первоначальной дѣятельности главныхъ мастеровъ краснофигурныхъ вазъ постоянно встрѣчаются на вазахъ по два и даже иногда по три „имени любимцевъ“ [1]). Разъ признавъ въ любимцахъ мальчиковъ-рабочихъ, не трудно угадать причину этого увеличенія числа именъ: развитіе мастерства способствовало умноженію рабочихъ силъ. По этому именно самые выдающіеся художники, какъ Эпиктетъ, Евфроній или Дурисъ въ одно и то же время имѣютъ нѣсколько помощниковъ. Но изъ этихъ мастеровъ еще чаще двое имѣютъ одного и того же любимца. И это явленіе мы можемъ объяснить, безъ помощи исторической теоріи, гораздо проще: мальчики помощники переходятъ изъ одной мастерской въ другую. Главный поводъ къ такому переходу мы конечно будемъ искать не въ красотѣ и личныхъ отношеніяхъ, но въ способности къ дѣлу и конкурренціи мастерства [2]).

Предполагаемая мною основа обычая писать на вазахъ имена любимцевъ выступаетъ еще яснѣе при разборѣ слѣдующихъ фактовъ. Врядъ-ли можно объяснить простою случайностью, что не разъ тѣ же самые любимцы встрѣчаются у различныхъ мастеровъ, между которыми именно существовали, судя по другимъ указаніямъ, дѣловыя отношенія [3]); въ другихъ случаяхъ при переходѣ имена лю-

---

[1]) См. обзоръ всѣхъ встрѣчаемыхъ сочетаній у Клейна V. m. M. S. p. 25 и V. m. L. I. p. 12.

[2]) Такимъ причинамъ обоихъ явленій вполнѣ соотвѣтствуетъ тотъ фактъ, что сравнительно немного именъ образуютъ другъ съ другомъ разныя сочетанія, напримѣръ у Кахриліона Олимпіодоръ съ Леагромъ, у Евфронія Леагръ съ Аѳинодотомъ и т. п., такъ что Клейнъ могъ составить слѣдующую любопытную столько же для хронологіи художниковъ, сколько и относительно движенія въ гончарномъ производствѣ, цѣпь:

Мемнонъ—Дороѳей | Дороѳей — Ипархъ | Дороѳей — Олимпіодоръ | Олимпіодоръ—Леагръ | Леагръ — Ипархъ—Ликъ | Леагръ—Аѳинодотъ (Klein V. m. M. S. p 25).

[3]) Въ такомъ родѣ образуетъ связь имя Мемнона между Холисомъ и Кахрилі-

Библиотека "Руниверс"

бимца отъ одного мастера къ другому замѣчается сближеніе стиля обоихъ мастеровъ [1]). Дальше, если взаимное отношеніе мастеровъ и любимцевъ не было обусловлено самимъ дѣломъ, то можно спросить, почему сосуды съ одинаковымъ именемъ любимца, на которыхъ мастеръ вовсе не обозначенъ, все-таки по стилю являются произведеніемъ одной руки? Еслибъ дѣло было только въ популярности именъ, слѣдовало-бы ожидать больше разнообразія по стилю между такими одноименными вазами. Вообще большое количество именъ любимцевъ, гораздо большее чѣмъ количество извѣстныхъ намъ мастеровъ, не только не позволяетъ сомнѣваться въ частномъ происхожденіи надписей, но доказываетъ также, что самымъ обыкновеннымъ случаемъ была совмѣстная работа одного мастера съ однимъ помощникомъ [2]). Подтвержденіемъ „дѣловой“ основы развившагося обычая служитъ, наконецъ, разборъ именъ любимцевъ по сортамъ вазъ, произведенный Клейномъ. Въ этомъ и состоитъ главная заслуга послѣдняго. Если Клейнъ и увлекся слишкомъ рѣзкимъ раздѣленіемъ и его статистика довольно искусственна, нельзя однако не признать того, что въ краснофигурномъ стилѣ, по крайней мѣрѣ, мастера такъ называемыхъ нолянскихъ амфоръ отдѣляются отъ мастеровъ чашъ. Обѣ группы происходятъ независимо одна отъ другой изъ того же Эпиктетова круга.

Изложивъ свой взглядъ, я долженъ отвѣтить на нѣсколько возможныхъ возраженій и войдти въ нѣкоторыя подробности. Во-первыхъ, я согласенъ, что мое объясненіе тоже не можетъ примѣняться безъ исключенія ко всѣмъ надписямъ съ эпитетомъ καλός. Однако остается сравнительно мало такихъ случаевъ, и они отъ моего взгляда отступаютъ не дальше, чѣмъ отъ исторической теоріи. Кромѣ приведенныхъ уже рѣдкихъ примѣровъ, въ которыхъ, можетъ быть, выражается самовосхваленіе автора рисунка (ср. выше), καλός иногда въ томъ же смыслѣ относится къ самому изображенію. Мы находимъ, между прочимъ, приписанныя къ фигурамъ боговъ имена ихъ съ этимъ эпитетомъ [3]). Все это легко понятно и не представляетъ затрудненій, тѣмъ бо-

---

номъ, которые оба принимаютъ къ Эпиктетову кругу, и особенно имя Леагра между Кахрилиономъ и Ефроніемъ (ср. Klein ib. pp. 25, 116, 124, 139 и V. m. L. N. p. 12).

[1]) Ср. Hartwig ib. p. 223. О другихъ примѣрахъ ниже.

[2]) Это мастера второстепенные (Hartwig ib. p. 582), не находившіе нужнымъ выставлять собственное имя, но подражавшіе общему обыкновенію.

[3]) Примѣры у Wernicke ib. p. 4 sq.

Библиотека "Руниверс"

лѣе что примѣры такіе встрѣчаются чаще только въ краснофигурномъ стилѣ. Несомнѣнно, вліяетъ на это привычка употребленія слова καλὸς въ надписяхъ съ именами любимцевъ. Но есть одинъ случай, гдѣ отношеніе именъ къ изображенію имѣетъ особенную важность; именно, когда къ фигурамъ юношей приписываются извѣстныя намъ имена любимцевъ съ эпитетомъ или безъ эпитета. Тутъ возникаетъ вопросъ, не имѣемъ-ли мы дѣло съ портретами. Оставляя въ сторонѣ отвергнутыя уже Гартвигомъ слишкомъ сомнительныя изображенія Леагра, Главкона и др., разсмотримъ другіе примѣры, не подлежащіе до извѣстной степени сомнѣнію. На двухъ сосудахъ Эпиктетова круга изображено нѣсколько палестритовъ и приписаны ихъ имена [1]). Между ними находятся названія извѣстныхъ намъ любимцевъ, на одномъ—Дороѳея и Амвросія, на другомъ—Эпилика и Сострата. Повтореніе этого факта и стиль обоихъ сосудовъ не оставляютъ сомнѣнія въ тождественности именъ. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что въ нихъ и вообще въ любимцахъ, вмѣстѣ съ Фуртвенглеромъ, должно видѣть пользовавшихся популярностью палестритовъ? Чтобы указать на невѣроятность подобнаго обобщенія, достаточно упомянуть о томъ, что Эпиликъ не разъ пишетъ на вазахъ ἔγραψεν (см. стр. 6 прим. 3). Дѣло тутъ не въ портретахъ или въ реальномъ изображеніи любимцевъ, но въ простой забавѣ мастера. Приискивая имена для своей картинки, онъ беретъ имена довольно простыя изъ своей сферы (напримѣръ, Βάτραχος), между прочимъ наиболѣе привычныя ему имена своихъ помощниковъ. Шутка эта такъ естественна, что навѣрно повторялась гораздо чаще, чѣмъ мы можемъ это прослѣдить [2]). Мы сейчасъ укажемъ на явленіе, очевидно, совершенно аналогичное вышеприведенному.

Имена любимцевъ обозначаютъ не только мальчиковъ, но относятся также и къ женщинамъ, безымянному восклицанію ὁ παῖς καλὸς соотвѣтствуетъ не рѣдко ἡ παῖς καλή. Если этотъ фактъ, съ одной стороны, уже никакъ не согласуется съ историческою теоріею, то съ

---

[1]) Klein V. m. L. N. pp. 56 и 65.

[2]) Другаго рода игру съ именами любимцевъ мы находимъ въ надписяхъ двухъ изображеній гетеръ, забавляющихся такъ наз. κότταβος, на вазахъ Евфронія и Евѳимида (Klein V. m. M. S. pp. 138 и 195). Первый обращается къ Леагру (τὶν τάνδε λατάσσω Λέαγρε), второй къ себѣ самому (τοὶ τήνδε Εὐθύμιδες—καλός). Къ нему-же, очевидно, и относится написанное рядомъ слово καλός. Евѳимидъ такимъ образомъ, подобно Эпилику, самъ восхваляетъ свою красоту. Точно также онъ неоднократно приписываетъ къ фигурамъ то свое собственное имя, то имена другихъ изъ своего круга, какъ напримѣръ, Сострата (ib. p. 196).

Библиотека "Руниверс"

другой— можно его привести и противъ моего объясненія. По разбирая свидѣтельства надписей, я могу сдѣлать послѣдній шагъ, не столь смѣлый, какимъ онъ могъ бы казаться на первый взглядъ.

Почему же въ мастерскихъ не могло быть и женщинъ-рабочихъ разъ мы знаемъ гончарныхъ мастерицъ? А такая, кромѣ давно извѣстной, но до сихъ поръ еще сомнительной Гавриды, появилась въ послѣднее время въ лицѣ Телесеи на чернофигурной чашѣ аѳинскаго музея (Τελεσεὶς ἐποίησεν [1]). Это заставляетъ насъ предполагать, что и женщины учились гончарному ремеслу. Правда, если судить по сравнительно малому числу женскихъ именъ [2]) (по Клейну, всего на 21 сосудѣ, а мужскихъ на 443), то содѣйствіе ихъ было не очень обычнымъ. Дѣло къ тому же усложняется тѣмъ, что надписи относятся къ самой композиціи или имена имѣютъ эротическій характеръ, что, какъ Вернике справедливо замѣтилъ, возбуждаетъ подозрѣніе, не имѣютъ ли эти надписи отношеніе къ гетерамъ. Однако остается достаточное число надписей, гдѣ ничто не мѣшаетъ намъ признавать помощницъ мастеровъ, особенно когда или прибавляется ἡ παῖς καλή, или рядомъ стоитъ имя какого-нибудь любимца [3]). Что касается гетеръ и женскихъ портретовъ, то можно опять сомнѣваться въ реальномъ значеніи подобныхъ изображеній, равно какъ и нѣкоторыхъ приписываемыхъ имена. Напримѣръ, надпись Καλλισθένης καλή [4]) на одной чернофигурной чашѣ врядъ ли относится къ изображенному на ней женскому бюсту. А въ гетерахъ какъ Ѳифронія и Герона съ именами Секлины, Павклеи и Каллисто могли бы быть изображены помощницы этихъ мастеровъ. Первая, встрѣчаясь дважды, кажется существовала въ самомъ дѣлѣ, и всѣ три имени не имѣютъ явно эротическаго характера подобно находящимся на тѣхъ же сосудахъ остальнымъ (напримѣръ, Ἀφροδισία, которыя, по всей вѣроятности, выдуманы [5]). Тогда мы имѣли бы дѣло съ явленіемъ, совершенно соотвѣтствующимъ вышеупомянутымъ любимцамъ палестритамъ [6]). Впрочемъ, я не вполнѣ отрицаю возможность, что

[1]) Klein V. m. M. p. 10, L. Pollak: Arch.-epigr. Mitt. aus Oestr. 95, p. 18.

[2]) Klein ib. p. 1, Wernicke: ib. p. 12 sq.

[3]) Напримѣръ, Клейна V. m. L. l., p. 20 Χαιρεία καλή, p. 21 Ξενοδόκη ἡ καλή, p. 65 Σωσθένης, Δημοστράτη χαῖρε, p. 68 Παντοξένα καλὴ Κορίνθ (стр. надпись Λυδοκλείδη). Возникновеніе любовныхъ отношеній тутъ, конечно, легко понятно.

[4]) Klein. ib., p. 27.

[5]) **Klein V. m. M S. pp. 138 и 166.**

[6]) **Не иначе я сужу о надписяхъ нѣкоторыхъ чернофигурныхъ идрій, на которыхъ мы видимъ собравшихся у колодца женщинъ съ кувшинами. Наиболь-**

Библиотека "Руниверс"

между женскими именами любимицъ есть и такія, которыя могутъ принадлежать гетерамъ. Я соглашаюсь, что точное опредѣленіе каждаго случая въ этомъ разрядѣ именъ любимицъ труднѣе чѣмъ въ разрядѣ именъ любимцевъ. Во всякомъ случаѣ, предполагаемый мною главный фактъ все-таки можно поставить внѣ всякаго сомнѣнія. Лучшее подтвержденіе моему мнѣнію я нахожу въ одной вазовой картинкѣ, которая дополняетъ для насъ свидѣтельства надписей новыми свѣдѣніями о любимцахъ. Эта картинка находится на плечѣ красно-фигурной идріи, найденной въ Руво двадцать лѣтъ тому назадъ и тогда же опубликованной съ основательнымъ толкованіемъ Яттою [1]), Никому еще не пришла въ голову мысль, что тутъ могли быть изображены сами любимцы въ соотвѣтствующей ихъ занятію обстановкѣ. Въ сущности это изображеніе не только подтверждаетъ, что въ мастерскихъ вазъ находились предполагаемые мною мальчики рабочіе, но и вполнѣ соотвѣтствуетъ надписямъ, понимаемымъ по моему объясненію. Мы видимъ самого мастера, еще юнаго, и вокругъ него мальчиковъ, занятыхъ рисованіемъ орнамента на вазахъ, которыя еще не имѣютъ другаго украшенія. Вѣнчаютъ ихъ за успѣшный трудъ сама Аѳина и двѣ Ники. Мастеръ и младшій его помощникъ при усердной работѣ еще не замѣтили ихъ присутствія, между тѣмъ какъ другой мальчикъ обращается съ радостнымъ удивленіемъ къ подлетающей сзади Никѣ. Развѣ этотъ мотивъ не представляетъ собою полнѣйшаго превращенія обычной похвалы въ художественную мысль? То же самое чувство и истинно греческое воззрѣніе сказываются въ именахъ любимцевъ и въ этой композиціи. Мы видимъ на правой сторонѣ картинки дѣвушку, которая занимается тѣмъ же дѣломъ, но она остается безъ награды. Очевидно, авторъ композиціи, который такъ явно отличилъ самого мастера, не особенно цѣнилъ такую по-

шая часть приписанныхъ именъ имѣетъ эпитетъ, не смотря на что они могли бы быть вымышленными. Но повторяющіяся на трехъ или четырехъ изъ этихъ вазъ названія Миниллы, Аѳениллы и Родоны, очевидно, принадлежатъ дѣйствительнымъ лицамъ, тѣмъ болѣе, что послѣднее имя сочетается (на свадебной вазѣ) съ именемъ прекраснаго Лисиппида (Klein: V: m. L. N., p. 24). Уже Вернике признавалъ здѣсь знакомыхъ художника (Wernicke: Ib. pp. 18 и 116), но еще проще видѣть въ этихъ надписяхъ игру съ именами женскихъ рабочихъ мастерской. Скорѣе лишены всякой реальности поименованныя женскія фигуры на болѣе позднихъ по стилю и характеру надписей сосудахъ туалетнаго употребленія (Klein: Ib. p. 71).

[1]) Jatta: Ann. d. Inst. 76, t. d' agg. DE, p. 20 sq, повторенъ у Baumeister: Denkm. d. kl. Alterthums, 1992, fig. 2187.

Библиотека "Руниверс"

мощь. На самомъ же дѣлѣ это указываетъ намъ на то, что женская работа и тогда ставилась ниже мужской и не имѣла въ гончарномъ ремеслѣ большаго значенія.

Наша картинка возбуждаетъ тотъ самый вопросъ, къ которому ведетъ моя догадка: какая собственно часть работы выпадала на долю мальчиковъ и не можемъ ли мы въ иныхъ случаяхъ найти на вазахъ, кромѣ труда художника, слѣды ихъ руки? Обратимся къ этому вопросу, отвѣчая въ то же время на послѣднее возможное возраженіе. Почему, могли-бы мнѣ возразить, такъ мало любимцевъ сдѣлались мастерами? Во первыхъ потому, что всегда рабочихъ много, а мастеровъ гораздо меньше. Дальше, послѣ строгаго стиля, въ которомъ мы находимъ большинство именъ любимцевъ, подписи мастеровъ становятся рѣже и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается возможность встрѣтить прежнихъ любимцевъ въ такой роли. Для болѣе ранней эпохи отъ чернофигурнаго до развитаго краснофигурнаго стиля въ сущности достаточно вполнѣ достовѣрныхъ примѣровъ. Мы уже выше познакомились съ ними (см. стр. 6 прим. 3): это были Главкитъ, Евфилитъ, Глисонъ, Андокидъ, Эпиликъ, Клеофрадъ и Мегаклъ, но сверхъ того остается еще нѣсколько вѣроятныхъ, какъ Херестратъ, Ѳеодоръ и др. (у Вернике). Самый замѣчательный, разобранный уже случай Эпилика (ср. ib.) позволяетъ намъ смотрѣть не иначе на извѣстныхъ мастеровъ: Эниктета, Кахриліона [1]) и Евоимида (см. стр. 11 прим. 2). Послѣ всѣхъ приведенныхъ въ пользу моего взгляда доводовъ я, не колеблясь, отвергну теперь и предлагаемое Вернике въ смыслѣ одобренія собственной работы чтеніе καλῶς. Эти странныя надписи Ἐπίκτητος или Ἐπίλοχος ἔγραφε καλός, въ которыхъ уже Клейнъ видѣлъ сліяніе подписи художника съ похвалою красоты [1]), свидѣтельствуютъ о переходѣ означенныхъ лицъ, изъ состоянія уче-

[1]) На основаніи надписей Καχρυλίων καλὸς и Ἐπίκτητος ἔγραφε καλός (Klein: V. m. M. S. pp. 103 и 129). Сомнѣніе оставляетъ только надпись Νικοσθένης ἐποίησε καλός (Ib. p. 66), хотя я не считаю невозможнымъ, что даже молодой мастеръ могъ восхвалять себя самого. Вообще возможность похвалы собственной красоты доказывается примѣромъ Σώστρατος καλός — εἰμί (Klein V. m. L. N. p. 20), въ которомъ Клейнъ напрасно не рѣшается соединить слова, не видя смысла въ глаголѣ. Еще одну аналогію представляетъ, по всей вѣроятности, надпись ἐνεμάλλετέ καλὸς Ἑρμογένης (Klein: M. S. p. 160), такъ какъ въ первомъ непонятномъ словѣ скрывается глаголъ, выражающій скорѣе какую-нибудь гончарную дѣятельность, чѣмъ придаваемыя ему до сихъ поръ значенія. (Hartwig: Ib. p. 614).

[2]) Klein: V. m. L. N. p. 3.

Библиотека "Руниверс"

никовъ въ высшее положеніе помощниковъ, исполняющихъ художественную часть работы. Занимаясь рисованіемъ, они еще не вышли изъ того возраста и положенія, къ которому пріурочивалась похвальная надпись. Разсмотрѣнное вазовое изображеніе нисколько не противорѣчитъ такому взгляду. Конечно, не должно дѣлать изъ него слишкомъ широкихъ заключеній. Всѣ здѣсь рисуютъ одинъ лишь орнаментъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что другихъ изображеній не будетъ или что они предоставляются какимъ-то невидимымъ здѣсь самостоятельнымъ художникамъ, но только что они будутъ выполнены послѣ, какъ это само собою разумѣется, или самимъ мастеромъ, или однимъ наиболѣе способнымъ помощникомъ. Также никакъ нельзя заключать изъ нашей композиціи, что разрисовка вазъ составляла особое мастерство, отдѣльное отъ гончарнаго, но просто авторъ былъ заинтересованъ этою дѣятельностью и только ее хотѣлъ изобразить [1]). Для вѣрнаго сужденія объ устройствѣ и производствѣ гончарнаго ремесла мы должны обратиться не къ нему, но ко всему эпиграфическому матеріалу вазъ, соображаясь съ стилистическими указаніями. Подробный разборъ послѣдняго вывелъ бы меня за предѣлы моего изслѣдованія, но насколько мнѣ пришлось заняться имъ, дѣло мнѣ представляется слѣдующимъ образомъ.

Изготовленіе и разрисовка сосудовъ съ самаго начала аттической керамики происходитъ въ однѣхъ и тѣхъ-же мастерскихъ. Поэтому главнымъ образомъ на вазахъ значится имя мастера, какъ владѣльца и завѣдующаго мастерской, съ глаголомъ ἐποίησεν, указывающимъ намъ, такъ сказать, на фирму (ср. стр. 8 прим. 3). Двойная надпись такого рода (впрочемъ, рѣдкая), несомнѣнно, обозначаетъ товарищество, напримѣръ Главкита съ Архиклеемъ, или Анакла съ Никосоеномъ [2]). Сигнатура мастера ничего не говоритъ намъ объ авторѣ изображенія. Она довольно часто, особенно въ чернофигурномъ стилѣ, обнимаетъ и художественную часть работы, какъ у Никосоена и Эксекія [3]). Иногда, какъ у послѣдняго, прибавляется ἔγραψεν, притомъ всегда впереди, но обыкновенно самъ мастеръ довольствуется общимъ выраженіемъ ἐποίησε, какъ напримѣръ тотъ же Эксекій [4]). Съ другой стороны такая общая сигнатура допускаетъ возможность, что фигур-

[1]) ср. Jatta: Ib. и Blümner: Technologie u. Terminologie etc. II, p. 81 sq.

[2]) Klein: V. m. M. S. pp. 75 и 76.

[3]) Судя по однообразности стиля на обозначенныхъ ими сосудахъ (Klein: Ib. p. 51—71 и 39—42).

[4]) Ib. p. 39 sq. два раза, др. примѣры Ib. pp. 33, 160 и 127.

Библиотека "Руниверс"

ное изображеніе выполнено особымъ рисовальщикомъ, не говоря уже о томъ, что гончарная работа въ сущности можетъ цѣликомъ принадлежать рабочимъ. О содѣйствіи рисовальщиковъ свидѣтельствуютъ другія имена, приписываемыя съ глаголомъ ἔγραφεν, какъ мы это видимъ уже на вазѣ Франсуа и въ послѣдующее время неоднократно до краснаго краснофигурнаго стиля, а особенно часто въ строгомъ [1]). Подобныя надписи, соединяющія сигнатуру мастера съ подписью художника, возбуждаютъ вопросъ объ отношеніяхъ между тѣми и другими. Спрашивается, находились-ли рисовальщики въ гончарныхъ мастерскихъ въ качествѣ помощниковъ, или получали они оттуда сырой матеріалъ какъ самостоятельные художники? Напрасно Гартвигъ, предполагая второе, отчаивается рѣшить этотъ вопросъ [2]). Надписи, несомнѣнно, говорятъ въ пользу перваго взгляда, котораго придерживается Фуртвенглеръ [3]). Что мастера, какъ сказано, довольно часто рисовали сами и что рисовальщики на иныхъ вазахъ болѣе развитаго стиля пишутъ ἐποίησεν вмѣсто своего прежняго ἔγραφεν, стало быть объявляютъ себя мастерами, все это доказываетъ первенство послѣднихъ какъ предпринимателей въ керамическомъ производствѣ. Тогда и нечего спрашивать, съ кѣмъ ближе связаны любимцы: Они, какъ и рисовальщики, которые, судя по вышеприведеннымъ надписямъ Эпиктета, Эпиника и Евонимида, сами выходили изъ числа ихъ, принадлежатъ къ мастерской [4]). Во время краснофигурнаго стиля значеніе рисовальщиковъ очевидно, очень поднялось, обстоятельство, которое объясняетъ, почему тогда сигнатура ἔγραφεν встрѣчается нерѣдко одна. Разъ такой помощникъ достигъ значенія и извѣстности художника, находясь въ какой-либо мастерской, имя его могло вполнѣ замѣнить обозначеніе фирмы, — тѣмъ болѣе, разъ самъ онъ былъ мастеръ. Такимъ-же образомъ имя любимца служитъ или дополненіемъ, или даже замѣною общей сигнатуры. Съ этимъ согласно наблюденіе Гартвига, что у каждаго художника (мастера или не мастера) такое имя всегда соотвѣтствуетъ опредѣленной степени развитія его стиля [5]). Слѣдя собственно за рисовальщиками, мы видимъ, что имена

[1]) Ib. pp. 34 и 12.

[2]) Hartwig: Ib. pp. 487, 532 и 679.

[3]) Furtwängler: Ib. p. 141 sq.

[4]) Надписи пишутся как надо предполагать и как подтверждается наблюденіемъ почерка (Hartwig: Ib. pp. 460, 532, 679 и Furtwängler Ib.), руковозразрисовавшаго вазу художника.

[5]) Hartwig. Ib. p. sq. и Furtwängler: Ib. p. 109 sq.

Библиотека "Руниверс"

мастеровъ и любимцевъ мѣняются совмѣстно [1]). Что касается, наконецъ, вопроса объ участіи любимцевъ въ исполненіи фигурнаго рисунка, то оно, конечно, исключается, разъ читается имя художника, но въ другихъ случаяхъ оно становится болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Едва-ли случайно лишены единства стиля вазы нѣкоторыхъ мастеровъ, пишущихъ о себѣ всегда ἐποίησεν и имѣющихъ иногда ра-

[1]) Я долженъ ограничиться нѣсколькими замѣтками на счетъ главныхъ художниковъ и любимцевъ. Эти мои заключенія о судьбахъ и дѣятельности отдѣльныхъ мастеровъ отчасти не новы и, главнымъ образомъ, сходятся съ стилистическимъ анализомъ Гартвига, не смотря на его совсѣмъ различный взглядъ. Эпиктета мы встрѣчаемъ только въ качествѣ рисовальщика, работающаго у Исхила, Никосѳена, Памфея, Пиѳона и, кажется, еще у одного, пока неопредѣленнаго мастера, любимецъ котораго Иппархъ восхваляется нашимъ художникомъ какъ единственный (кромѣ того на многихъ необозначенныхъ чашахъ, ср. Klein: V. m. M. S. p. 12 и 100—109). Эпиктету или не удалось сдѣлаться самостоятельнымъ художникомъ, или онъ, какъ истинный художникъ, не былъ предпріимчивъ въ этомъ отношеніи (не такъ смотритъ на него Hartwig: Ib. p. 69). Инымъ былъ Евфроній со всѣмъ своимъ высокимъ дарованіемъ. Въ началѣ своей дѣятельности онъ находится въ мастерской Кахриліона, гдѣ, можетъ быть, имъ были разрисованы, кромѣ обозначеннаго послѣднимъ сосуда, и всѣ остальные съ именемъ Леагра. Или этотъ любимецъ Кахриліона перешелъ къ Евфронію, которому посчастливилось открыть собственную мастерскую. Оба мастера связаны еще именемъ любимца Аѳинодота. (Hartwig: Ib. pp. 111 sq и 114) и, можетъ быть, тоже Эпидрома (Ib. pp. 38 и 43), а имя Кратита читается на чашѣ древнѣйшаго стиля Евфронія. Дальше Евфроній имѣетъ любимцемъ Папетія и затѣмъ Главкона, Эроѳемида и Лика, предоставляя рисованіе уже другимъ, а именно при двухъ послѣднихъ Онезиму (Ib. pp. 445, 460, 466, 505 и 531 sq, но ср. относительно Лика Klein: V. m. M. S. p. 141 и V. m. L. N. p. 59). Изъ всѣхъ названныхъ Аѳинодотъ переходитъ къ Пиѳону, а Папетій къ Дурису, перенося къ нимъ нѣкоторыя особенности Евфронія (Hartwig Ib. p. 223 и 232). Самъ Дурисъ началъ, кажется, работать у Пиѳона, упоминая прекраснаго Ипподама (или какого-то ὁ παῖς καλός). Будучи самостоятельнымъ мастеромъ, онъ соединенъ съ Херестратомъ и съ Папетіемъ, изъ которыхъ нашелъ того или другаго у Клеофрада (ср. Klein: V. m. M. S. p. 153 sq), — вопросъ, съ которымъ связанъ другой, работалъ-ли онъ у послѣдняго до своей самостоятельности или послѣ того, какъ закрылъ свою собственную мастерскую. А что Дурисъ это сдѣлалъ, мы во всякомъ случаѣ должны заключать изъ чаши наиболѣе развитаго стиля, разрисованной у Каллиада съ именемъ любимца Гермогена, представляющей единственный примѣръ, гдѣ художникъ, раньше писавшій ἐποίησε, опять встрѣчается рядомъ съ другимъ мастеромъ какъ рисовальщикъ. Къ неопредѣленному, но тоже къ позднему его періоду относится имя Аристагора, ср. Klein: V. m. M. S. pp. 150—161 и Hartwig: Ib. pp. 223, 225 и 445. Чаши Іерона, который всегда называетъ себя только мастеромъ, имѣютъ характеръ одной руки, но его-ли или Макрона, обозначеннаго на одной изъ нихъ какъ рисовальщика, я не бе-

Библиотека "Руниверс"

домъ названнаго особо рисовальщика. Таковы Памфей и особенно Кахриліонъ [1]). Нельзя дальше упускать изъ вида тѣхъ примѣровъ, когда при обмѣнѣ именъ любимцевъ даже между извѣстными художниками происходитъ нѣкоторое подражаніе одного другому или заимствованіе техническихъ особенностей (ср. стр. 17 прим. 1). Но я долженъ предоставить спеціальнымъ знатокамъ вазъ прослѣдить далѣе указанныя явленія и этимъ окончательно провѣрить мою теорію [2]). Я убѣжденъ, что это изслѣдованіе поможетъ разъяснить исторію вазовой живописи. Располагая въ именахъ любимцевъ гораздо болѣе опредѣленнымъ техническимъ свидѣтельствомъ, нежели думали до сихъ поръ, можно ожидать болѣе положительныхъ результатовъ, чѣмъ ихъ могъ дать одинъ стилистическій анализъ, всегда нѣсколько субъ-

---

русь рѣшать (Hartwig: Ib. p. 308). Замѣчательно по этому преобладающее отсутствіе именъ любимцевъ, кромѣ вѣроятныхъ помощницъ (ст. стр. 15) и Ниподама, съ появленіемъ котораго у него происходитъ сближеніе со стилемъ Дуриса (Klein: V. m. M. S. pp. 162—173 и Hartwig: Ib. pp. 287 и 507). У Брига, хотя онъ также пишетъ одно только ἐποίησεν, стиль остается еще болѣе неизмѣннымъ, а любимцевъ никакихъ нѣтъ. (Klein: V. m. M. S. pp. 175—183). Наконецъ, по всей вѣроятности, долженъ считаться мастеромъ и Евеимидъ, не смотря на то что онъ всегда обозначаетъ вазы однимъ словомъ ἔγραφε (также Дурисъ въ большинствѣ случаевъ). Онъ, очевидно, подчеркиваетъ свое художественное достоинство, соперничая съ Евфроніемъ (Klein: Ib. p. 194). Какъ главный мастеръ другого рода сосудовъ (амфоръ), онъ имѣетъ нѣсколько особенныхъ любимцевъ: Мегакла, Сострата, (Харита?) и Смикиѳа, котораго уже называетъ, восхваляя еще себя самого. (Ib. p. 195). Вообще мы находимъ у него не мало именъ, извѣстныхъ въ средѣ гончарной, а именно на той-же, выше упомянутой вазѣ (ср. стр. 11 прим. 2) имя старшаго мастера Тлиполема и, можетъ быть, еще Содіада, а въ другомъ случаѣ на приписываемомъ ему по стилю сосудѣ безъ сигнатуры Леагра, Лика и Иппарха (Ib. p. 198). Оба раза замѣчается отношеніе именъ къ изображенію.

[1]) Уже въ 1889 г. занимаясь вазами Кахриліона въ семинарныхъ упражненіяхъ К. Роберта въ Берлинѣ, я былъ пораженъ разнообразіемъ рисунка, въ особенности внутреннихъ и наружныхъ изображеній. Ту-же самую параллельность то мелочнаго, то вялаго выполненія указываетъ Гартвигъ, равно какъ и распаденіе по стилю всего производства Кахриліона на разныя группы вазъ (Hartwig: Ib., pp. 28, 62, 89 и 69).

[2]) Самое важное и самое надежное было-бы разобраться помощью наглядного изученія и техники вазъ въ именахъ любимцевъ Иппарха, Меннона, Леагра, Эпидрома и Аеннодота, которыя теперь раздѣляются между такъ называемымъ Эпиктетовымъ кругомъ, Кахриліономъ и Евфроніемъ (Hartwig: Ib., pp. 38, 84, 111, 114, 126). Вѣроятно, большая часть сосудовъ дѣйствительно сработана въ мастерской Кахриліона, но не опредѣляются ли они отчасти какъ работа особенныхъ рукъ, а именно тѣхъ-же самыхъ любимцевъ?

Библиотека "Руниверс"

ективный. Вѣроятно, при этомъ окажутся ровесниками по времени мастера нѣсколько различнаго стиля; такой выводъ соотвѣтствовалъ бы общему закону историческаго развитія, между тѣмъ какъ нынѣшній способъ датированія только по стилистическимъ признакамъ непремѣнно ведетъ къ схематизму.

Этимъ я могъ бы закончить свое разсужденіе, еслибъ мнѣ не предстояло еще рѣшить вопроса относительно Главкона и его отца Леагра, которыхъ я уже не разъ причислялъ къ помощникамъ мастеровъ. Сопоставимъ-же два возможныхъ объясненія родственной связи этихъ именъ. По Студничкѣ, привязанность Евфронія къ одному знатному роду была бы причиною, что онъ самъ въ началѣ своей дѣятельности восхвалялъ юнаго Леагра, и что дальше послѣ многихъ лѣтъ одинъ изъ его сотрудниковъ — ибо Гартвигъ показалъ, что вазы съ именемъ Главкона писаны не его собственною рукою—воздалъ ту-же самую честь Главкону, сыну Леагра. По моему мнѣнію, въ одной мастерской, гдѣ работалъ въ началѣ Евфроній (можетъ быть, въ мастерской Кахриліона, можетъ быть, и въ его собственной), былъ способный и красивый мальчикъ Леагръ, спустя, вѣроятно, нѣкоторое время ставшій старшимъ помощникомъ или гончаромъ. Сынъ этого Леагра Главконъ по древнему обычаю занимался тѣмъ же ремесломъ, примкнувъ къ прославившейся фирмѣ извѣстнаго мастера [1]). Не трудно рѣшить, какой взглядъ проще и вѣроятнѣе. Тотъ фактъ, что къ имени Главкона прибавляется имя отца, соотвѣтствуетъ вполнѣ обычаю греческихъ художниковъ и къ тому же не лишенъ аналогіи въ вазовой живописи. Уже мастера чернофигурнаго стиля Клисонъ и Эрготелъ называютъ отца своего Неарха,—Евеникъ постоянно именуетъ себя сыномъ Полія [2]). Этотъ обычай и родственная связь замѣчается между именами любимцевъ еще и въ другихъ случаяхъ кромѣ Главкона [3]). Въ одномъ изъ

---

[1]) Въ пользу моего соображенія говоритъ замѣчательная техническая особенность сосудовъ съ именемъ Главкона, неоднократное повтореніе полихромной живописи на бѣломъ фонѣ (Studniczka: Ib., p. 162 и Klein: V. m. N., p. 81). Этотъ фактъ врядъ-ли объясняется случайностью, но скорѣе всего тѣмъ, что надо относить къ самому Главкону, по крайней мѣрѣ, приготовленіе такого товара для разрисовки, а вѣроятно даже самую живопись, которая нѣсколько различна лишь вслѣдствіе первоначальнаго вліянія Евфронія (ср. Loeschcke: Jahrb. d. K. d. Inst. 1890, p. 11).

[2]) Klein: V. m. M. S., pp. 78 и 194—196.

[3]) Klein: Ib., p. 119 и Wernicke: Ib., p. 117.

Библиотека "Руниверс"

нихъ Вернике старался прослѣдить родство для цѣлыхъ трехъ поколѣній, я говорю о семьѣ Алкмаха, и Клейнъ, по крайней мѣрѣ, не могъ оспаривать существующихъ здѣсь отношеній [1]). Дѣйствительно, въ виду консервативнаго характера какъ всего древне-греческаго быта, такъ и ремесла, легко понять, что не одни мастера продолжали занятіе своихъ отцовъ.

Но развѣ совпаденіе именъ Леагра и Главкона съ именами извѣстныхъ намъ стратиговъ простая случайность? Я не колебался бы отвѣтить утвердительно, еслибъ это былъ единственный примѣръ такого явленія [2]). Правда, я отрицалъ всѣ отождествленія любимцевъ съ историческими лицами, но нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что между ними есть нѣсколько одноименныхъ знаменитыхъ личностей то отцовъ, то сыновей ихъ [3]). Соотвѣтствующее одному поколѣнію разстояніе по времени не разъ можно установить по отличію стиля вазъ. Поэтому Клейнъ относитъ ихъ всѣхъ къ знатнымъ родамъ и относитъ не меньше трехъ къ роду Алкмеонидовъ: Иппократа, его сына или племянника Мегакла и сына послѣдняго Евриптолема. Къ сожалѣнію, это, по видимому, блестящее доказательство исторической теоріи опровергается тѣмъ, что мы именно Мегакла встрѣчаемъ снова какъ гончарнаго мастера (ср. стр. 6 пр. 3 и стр. 4), и тогда пришлось бы считать это совпаденіе простымъ случаемъ. Къ тому же, его имя на одномъ черепкѣ въ Аѳинахъ вычеркнуто и замѣнено обыкновеннымъ между гончарами именемъ Главкита, что гораздо проще объясняется исправленіемъ ошибочной подписи, чѣмъ, слѣдуя Студничкѣ, вліяніемъ остракизма извѣстнаго Алкмеонида [4]). Но должно согласиться, что разсматриваемое явленіе въ своемъ цѣломъ требуетъ еще объясненія и что тутъ есть какая то непонятная для насъ взаимная связь. Я не могу идти дальше догадки. Мы знаемъ греческій обычай давать внуку имя дѣда, вслѣдствіе котораго тѣ-же самыя имена долго повторялись въ одномъ и томъ же родѣ. Далѣе, всегда, какъ и у насъ, были въ модѣ тѣ или другія имена; этимъ

---

[1]) Wernicke: Ib. и Klein: V. m. L. N., p. 8.

[2]) Такъ, напримѣръ, для всякого объясненія останется простымъ случаемъ, что имена извѣстныхъ изъ Ѳукидида полководцевъ Лахита и Никострата (Thuc. IV 119 и V 61) встрѣчаются вмѣстѣ и на чашахъ строгаго краснофигурнаго стиля (Studniczka: Ib., p. 164 и Hartwig: Ib., p. 580 sq.).

[3]) Klein: Ib., p. 4, кромѣ названныхъ Алкмеонидовъ приводитъ: Стрива и Леократа, Стисагора и Мильтіада, Клинія и Алкивіада.

[4]) Studniczka: Ib., p. 161.

Библиотека "Руниверс"

Гартвигъ совершенно справедливо объясняетъ употребленіе многихъ изъ именъ любимцевъ въ діалогахъ Платона [1]). Уже изъ этихъ двухъ обстоятельствъ понятно, что одинаковое парное сочетаніе именъ могло образоваться въ различныхъ родахъ, знатныхъ и незнатныхъ. Но, по всей вѣроятности, тутъ скрывается фактъ болѣе сложный, а именно распространенность нѣкоторыхъ именъ среди членовъ одной фратріи. Возникаетъ вопросъ, входящій уже въ область политическихъ древностей.

Надѣюсь, что мой взглядъ, хотя онъ и не разрѣшаетъ вопроса объ именахъ любимцевъ окончательно, все-таки передъ исторической теоріей имѣетъ то преимущество, что объясняетъ всѣ главные факты съ одной точки зрѣнія.

Ф. Вульфъ.

---

[1]) Hartwig: Ib., p. 656.

Библиотека "Руниверс"

СЛАВЯНСКАЯ КОНСТРУКЦІЯ ОТРИЦАТЕЛЬНАГО ГЛАГОЛА СЪ РОДИТЕЛЬНЫМЪ ПАДЕЖОМЪ И РОДСТВЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ ДРУГИХЪ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

При изслѣдованіи синтаксическихъ явленій мы должны обращать особенное вниманіе на многія подробности, которыя съ перваго взгляда кажутся мелкими и неважными для толкованія даннаго явленія. Мы привыкли, напримѣръ, говорить о конструкціи какого-нибудь глагола, какъ о чемъ-то постоянномъ и неподвижномъ; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ почти никогда не случается, чтобы глаголъ имѣлъ только одну конструкцію. И, различая эти конструкціи, мы обыкновенно приписываемъ глаголу какой-нибудь особенный оттѣнокъ значенія, которымъ и объясняемъ особенность конструкціи. Между тѣмъ мы не обращаемъ вниманія на то, что и падежъ (съ предлогомъ или безъ предлога) оказываетъ извѣстное вліяніе на значеніе глагола. Отъ этого происходятъ два недоразумѣнія: во-первыхъ, мы приписываемъ часто глаголу то значеніе, котораго онъ въ сущности не имѣетъ; а во-вторыхъ, придавая глаголу доминирующее значеніе, мы лишаемъ себя возможности разобрать данное значеніе „зависящаго отъ глагола“ падежа. Мы привыкли, напримѣръ, къ той нормѣ, что дѣйствительный залогъ глагола соединяется съ винительнымъ падежомъ, а страдательный — съ творительнымъ, и не задаемъ себѣ вопроса, насколько зависящій падежъ игралъ роль въ созданіи категоріи даннаго залога. Нѣкоторые примѣры поясняютъ мою мысль. Греческій глаголъ ἔχω съ винит. пад. значитъ „держать что-нибудь“, ἔχω съ родит. пад. (= первоначальн. ablativus)—„удерживать отъ чего“, ἔχεσθαι съ родит. пад. (= первоначальн. ablativus)—„воздерживаться отъ чего“ и наконецъ ἔχεσθαι съ родит. пад. (= первонач. родит. пад.)—

Библиотека "Руниверс"

„держаться чего“. Какъ можно видѣть изъ этихъ примѣровъ, различные оттѣнки значенія этого глагола прекрасно объясняются изъ первоначальнаго значенія падежей. Санскритск. hā- (jáhāti) „оставлять“ соединяется съ винит. над., страдат. залогъ hīyáte, соединясь съ ablativ'омъ, получаетъ значеніе „отставать отъ чего, недостигать чего“. Такія значенія глаголовъ, какъ санскр. vi-yuj- „раздѣлять“ или sam-bhid- „соединять“, гдѣ вещественное значеніе простыхъ глаголовъ совершенно исчезаетъ (yuj- значитъ „соединять“, а bhid- „разсѣкать“), могли возникнуть только на почвѣ взаимодѣйствія между глаголомъ и соединяемымъ съ нимъ существительнымъ.

Подобнымъ образомъ можетъ дѣйствовать въ предложеніи и отрицаніе. Для иллюстраціи можно указать на различіе конструкціи союза πρίν „прежде чѣмъ“. Отрицаніе глагола главнаго предложенія совершенно измѣняетъ послѣдовательность дѣйствій, и въ зависимости отъ этого, является при πρίν та или другая конструкція: οὐ... πρίν „не прежде... чѣмъ“=„послѣ того какъ“, и въ такомъ случаѣ ставится обыкновенно verbum finitum, между тѣмъ какъ при утвердительномъ главномъ предложеніи является обыкновенно неопредѣленное наклоненіе.

Явленіе, о которомъ я буду говорить, заключается въ слѣдующемъ: во всѣхъ славянскихъ языкахъ глаголъ, соединяющійся безъ отрицанія съ винит. падежомъ, требуетъ родит. падежа, если при немъ есть отрицаніе. Напримѣръ, „дѣлай то-то, не дѣлай того-то“ (Пушкинъ). Миклошичъ различаетъ два типа такихъ предложеній, смотря по тому, имѣетъ ли отрицаемый глаголъ значеніе „быть“, или такъ-называемое переходное значеніе. Примѣромъ перваго рода предложеній можетъ служить црк.-слав. „не бѣ има чада“ (Остр. Ев.), примѣромъ второго—„иже не пріиметъ крьста своего... нѣстъ мене достоинъ“ (Зогр. Мате. X 38).

То же явленіе мы встрѣчаемъ въ литовскомъ (см. Kurschat Gramm. d. litt. Spr. § 1570), латышскомъ (см. Bielenstein Lett. Gramm. стр. 280), готскомъ (см. Ulfilas ed. Gabelenz et Loebe II 228 § 235) и древне-верхне-нѣмецкомъ.

Мнѣ кажется, что употребленіе родит. падежа подъ вліяніемъ отрицанія можно найти и въ греческомъ языкѣ. Конечно, матеріалъ, собранный мною, не можетъ претендовать на полноту, тѣмъ болѣе, что систематически я его не собиралъ, а бралъ только то, что случайно попадалось въ грамматикахъ, словаряхъ и (очень мало) непосредственно изъ авторовъ.

Связь отрицанія съ родит. падежомъ была уже подмѣчена раньше,

Библиотека "Руниверс"

насколько я знаю, двумя учеными: Hentze (Philologus 28, 513), объяснявшими такъ-называемые родительные мѣста въ такихъ случаяхъ, какъ νέφος δ' οὐ φαίνετο πάσης γαίης οὐδ' ὀρέων (Il. 17, 372) „и не видѣлося тучки нигдѣ надъ землей и горами" (пер. Минскаго), ставить его въ связь съ отрицаніемъ и толкуетъ его, какъ родительный раздѣлительный. Другой ученый, Нидерле (см. русскій переводъ его „Синтаксиса греческаго языка" § 84, стр. 61), замѣтилъ, что „родительный времени означаетъ періодъ времени, въ нѣкоторомъ отдѣлѣ котораго какое-нибудь дѣйствіе... *не совершается*... только съ словами, означающими количество". Какъ показываетъ первая часть формулировки этого правила, Нидерле понимаетъ этотъ родит. падежъ тоже, какъ partitivus, чему, по видимому, нѣсколько противорѣчитъ вторая половина: непонятно, почему такой родит. падежъ непремѣнно соединенъ съ количественнымъ опредѣленіемъ.

Своему объясненію этой конструкціи я предпошлю примѣры, которые, мнѣ кажется, убѣдительнѣе всего говорятъ въ пользу существованія и въ греческомъ языкѣ конструкціи отрицательнаго глагола съ родит. падежомъ.

1. Такъ-называемый родительный мѣста: ἦ οὐκ Ἄργεος ἦεν Ἀχαικοῦ, ἀλλά πῃ ἄλλῃ πλάζετ', ἐπ' ἀνθρώπους; (γ 251)—οἵη νῦν οὐκ ἔστι γυνὴ κατ' Ἀχαιΐδα γαῖαν οὔτε Πύλου ἱερῆς οὔτ' Ἄργεος οὔτε Μυκήνης. (φ 107)—οὔ τινι τόσση (ζωὴ) ἀνδρῶν ἠρώων, οὔτ' ἠπείροιο μελαίνης οὔτ' αὐτῆς Ἰθάκης (ξ 96) и выше приведенный примѣръ Il. 17, 372.

2. Такъ-называемый родительный времени: οὐδείς με ἠρώτησε κανὸν οὐδὲν πολλῶν ἐτῶν (Plat. Gorg. 448 A)—ψυχὴ.. οὐκ ἀφικνεῖται ἐτῶν μυρίων (Plat. Phaedr. 248 E). — Εὐμενίδης εἶπεν ὅτι Πέρσαι οὐχ ἧξουσι δέκα ἐτῶν (Plat. Leg. 642 E)—βασιλεὺς οὐ μαχεῖται δέκα ἡμερῶν (Xen. An. 1, 7, 18)—οὔτε τις ξένος ἀφῖκται χρόνου συχνοῦ ἀκεῖθεν (Plat. Phaed. 57 A)—λέγων ὅτι οὔκω δὴ πολλοῦ χρόνου τούτου ἡδίον οἴνῳ ἀπιτύχοι (Xen. An. 1, 9, 25). Эти примѣры особенно интересны тѣмъ, что при утвердительномъ оборотѣ мы ожидали-бы въ нихъ такъ-называемаго винительнаго времени. Слѣдовательно и здѣсь мы имѣемъ винит. падежъ въ утвердительномъ и родит. падежъ въ отрицательномъ предложеніи.

3. Далѣе, просматривая синтаксисъ Крюгера, я наткнулся тамъ на указаніе, что нѣкоторые глаголы имѣютъ при себѣ то винит., то родит. над. Мое вниманіе привлекъ въ особенности глаголъ ἀνίημι, такъ какъ примѣры употребленія его съ родит. падежомъ оказались съ отрицаніемъ. Собравъ все, что было разбросано въ различныхъ словаряхъ, я пришелъ къ слѣдующему выводу: глаголъ безъ отри-

Библиотека "Руниверс"

ланія обыкновенно имѣетъ при себѣ винит. падежъ; мы переводимъ его въ такомъ случаѣ „оставить, бросить что", напримѣръ, ὡς δ' ἀνεῖσαν ἡδονήν (Eur. Ion. 1170) — ἀλλ' ἄνες λόγον (Eur. Hel. 442). Съ родит. пад. большинство примѣровъ имѣетъ отрицаніе, напримѣръ, οὐ δ' οὐκ ἀνίης μοῖρας (Eur. Med. 456)—οὐ μὴν ἀνήσω οὐδὲ νῦν προθυμίας (Eur. Hipp. 285) — πείρας οὐδὲν ἀνήσομεν. (Plat. Reip. 6 p. 498D). Утвердительный глаголъ съ родит. падежомъ я нашелъ только въ двухъ примѣрахъ: Thuc. 5, 32: ἀνεῖσαν τῆς φιλονεικίας и Diog. L. 5, 50: ὀλίγου ἀνῆκε τῶν πόνων... Здѣсь этотъ родит. пад. имѣетъ смыслъ первоначальнаго ablativ'a, а самъ глаголъ имѣетъ непереходное значеніе „отдыхать, переставать". Само собою разумѣется, что встрѣчается и винит. падежъ при отрицаніи—конструкція обычная въ греческомъ языкѣ.

4. Еще поразительнѣе употребленіе глаголовъ ἀλέγω, ἀλεγίζω и ἀλεγύνω у Гомера. Глаголъ ἀλέγω „заботиться" безъ отрицанія имѣетъ винит. падежъ: νηῶν ὅπλα ἀλέγουσιν ξ 268. Одинъ разъ винит. падежъ и при отрицаніи: θεῶν ὅπιν οὐκ ἀλέγοντες Π 388. Съ отрицаніемъ всегда родит. падежъ: οὔ σευ σκυζομένης ἀλέγω Θ 482—οὐδ' ἀλλήλων ἀλέγουσι ι 115—οὐ Διὸς ἀλέγουσι ι 275 — οὐδέ τι παιδὸς ἀλέγουσι υ 214. Мало того, глаголъ ἀλεγίζω, соединяющійся всегда съ отрицаніемъ, всегда имѣетъ при себѣ родит. пад., между тѣмъ какъ глаголъ ἀλεγύνω (всегда безъ отрицанія) всегда имѣетъ винит. падежъ [1]).

5. Наконецъ, употребленіе нарѣчій τὸ λοιπὸν и τοῦ λοιποῦ, насколько я могъ замѣтить, находится въ связи съ отрицаніемъ: въ утвердительномъ предложеніи τὸ λοιπὸν, а въ отрицательномъ τοῦ λοιποῦ. Напримѣръ, τὸ λοιπὸν ὁ μὲν ἦρχεν, οἱ δ' ἐπείθοντο (Xen. An. 2, 2, 5), но: ὃν ἂν προδιδόντα λαμβάνωσι, τούτῳ οὐδεὶς ἂν σπείσαιτο τοῦ λοιποῦ (Xen. Hell. 2, 3, 29) — οὐκέτι τοῦ λοιποῦ πάσχοιμεν ἂν κακῶς. — οὔποτε δειπνήσεις ἔτι τοῦ λοιποῦ ν' πρυτανείῳ (Arist. Pac. 1084)—ἀλλ' οὔ τι μὴν ἔγωγε τοῦ λοιποῦ χρόνου ξύνοικος ἔσομαι (Soph. El. 817).

Нѣкоторые примѣры, случайно замѣченные мною, кажется, допускаютъ такое же толкованіе, хотя во многихъ случаяхъ ихъ возможно толковать и иначе, напримѣръ, аналогіей съ однозначущими глаголами, требующими родит. падежа. Изъ этихъ примѣровъ я приведу только слѣдующіе: οἱ στρατιῶται οὐκ ἔφασαν ἰέναι τοῦ πρόσω (Xen.

[1]) Дельбрюкъ Vergl. Syntax I 313 говоритъ, что при глаголахъ ἀλέγω и ἀλεγίζω ставится род. лица и винит. вещи. Но связь этого явленія съ отрицаніемъ, мнѣ кажется, несомнѣнна.

Библиотека "Руниверс"

Ап. 1, 3, 1)—τὸν ἄνδρ' ἀπαυδῶ τοῦτον, ὅστις ἔστι, γῆς τῆσδε... μὴ εἰσδέχεσθαι (Soph. O. R. 236).

Я указывалъ уже выше, что обыкновенно этотъ родит. падежъ толкуется, какъ раздѣлительный, и ставится въ непосредственную связь съ отрицаніемъ. Говоря объ этой конструкціи въ германскихъ языкахъ, Дельбрюкъ (Vergl. Synt. I стр. 338) выражается слѣдующимъ образомъ: „Замѣчателенъ родит. над. при „nichts", напримѣръ, ei ni vaiht ubilis taujaiþ μὴ ποιῆσαι ὑμᾶς κακὸν μηδέν... Это употребленіе родит. падежа въ средне-верхне-нѣмецкомъ иногда распространяется на такія отрицательныя предложенія, въ которыхъ частица отрицанія не имѣетъ первоначальнаго существительнаго значенія, напримѣръ, mir kom sō lieber geste nie". И далѣе, на стр. 341 онъ говоритъ о той же конструкціи въ балтійско-славянскихъ языкахъ: „Какъ уже было указано, въ германскихъ языкахъ родит. падежъ въ отрицательныхъ предложеніяхъ встрѣчается и тогда, когда его нельзя поставить въ непосредственную зависимость отъ отрицанія.. Въ балтійско-славянскихъ языкахъ это сдѣлалось правиломъ". Такое объясненіе этой конструкціи, по моему мнѣнію, противорѣчитъ даннымъ разсматриваемыхъ языковъ. Во-первыхъ, уже въ готскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ этотъ родит. падежъ не только при ni vaihts „никакая вещь, ничто = nichts", но и при простомъ индо-европейскомъ отрицаніи ni, въ которомъ мы не можемъ найти первоначальнаго существительнаго значенія. Gabelenz и Loebe въ своемъ изданіи Ульфилы (II 228 § 235) приводятъ примѣры такого употребленія род. над. въ готскомъ. Во-вторыхъ, такому объясненію противорѣчитъ теперешній нѣмецкій языкъ. Если конструкція эта не теряла своей жизнеспособности, а распространялась даже на такіе случаи, гдѣ прежде, по мнѣнію Дельбрюка, она была невозможна, то кажется страннымъ ея совершенное исчезновеніе въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ. Наконецъ, для балтійско-славянской группы это прямо невѣрно, такъ какъ и Куршатъ (§ 1570) и Биленштейнъ (стр. 280) говорятъ о позднѣйшемъ съуженіи сферы употребленія этого родит. падежа. Куршатъ, напримѣръ, говоритъ: „*Раньше* и отрицаемый субъектъ ставился въ родит. падежѣ... Правда говорятъ *уже* и girioj jis neĩ jokĩ žmogu ne-mãtė „въ лѣсу онъ не видѣлъ никакого человѣка"; но встрѣчается также и болѣе правильное: neĩ jókio žmogaũs". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ славянскихъ языкахъ сфера этой конструкціи съуживается.

Если, какъ мы попытались показать, остатки этой конструкціи оказы-

Библиотека "Руниверс"

ваются существующими еще и въ греческомъ языкѣ, то нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что наша конструкція встрѣчается именно въ тѣхъ языкахъ, гдѣ родит. падежъ является представителемъ и первоначальнаго родительнаго, и первоначальнаго ablativ'a; между тѣмъ какъ языки, сохранившіе первоначальный ablativ, не знаютъ этой конструкціи. Уже и это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что этотъ родит. падежъ надо возводить къ первоначальному ablativ'y. И мнѣ кажется, что такое предположеніе прекрасно объясняетъ это явленіе. Дѣйствіе утвердительнаго глагола охватываетъ предметъ, являющійся его ближайшимъ объектомъ. Если дѣйствіе отрицается, то, естественно, винит. падежъ объекта является неумѣстнымъ; дѣйствіе глагола не охватываетъ объектъ, оно принимаетъ противоположное направленіе, какъ бы отдаляется отъ предмета, который является объектомъ при утвердительномъ глаголѣ. Таково именно первоначальное значеніе ablativ'a. Напримѣръ, οἱ στρατιῶται οὐκ ἔφασαν ἰέναι τοῦ πρόσω „солдаты сказали, что дальше не пойдутъ = солдаты отказались отъ дальнѣйшаго похода". Съ нашей точки зрѣнія прекрасно объясняется, почему здѣсь употребленъ иначе не понятный родит. падежъ нарѣчія πρόσω. И пушкинское „не дѣлай того-то" = „воздерживайся отъ того-то". Точно также можно толковать и другіе наши примѣры. Нашу мысль прекрасно можетъ иллюстрировать еще и слѣдующій примѣръ изъ Иліады: οἳ δ' ἤτοι δαχέειν μὲν ἀπετρωπῶντο λεόντων (Σ 585). Здѣсь мы не имѣемъ отрицанія, но отрицательное значеніе глагола ἀπετρωπῶντο оказываетъ вліяніе на постановку родит. п. въ зависимости отъ δαχέειν. По крайней мѣрѣ мнѣ кажется невозможнымъ связывать λεόντων непосредственно съ ἀπετρωπῶντο.

Въ языкахъ, сохранившихъ ablativ, не находимъ ablativ'a при отрицательномъ глаголѣ. Однако можно указать нѣкоторыя явленія, въ которыхъ, несомнѣнно, роль играетъ связь отрицанія съ ablativ'омъ. Въ санскритѣ мы имѣемъ ekān na çatam „сто безъ одного", откуда мы получаемъ приблизительно слѣдующее: отрицаніе na съ abl. = русск. предлогу „безъ" = греч. глаголу δέω съ род. (abl.); ср. греч. δοοῖν δέοντα τριάκοντα ἔτη, русск. „тридцать молодцовъ безъ единаго". Кромѣ того, въ санскритѣ ablativ встрѣчается при нѣкоторыхъ словахъ, имѣющихъ отрицательный смыслъ, напримѣръ, при anyas „другой": anyas съ ablat. = „другой, а не..."

Теперь остается только объяснить, почему въ греческомъ удержались, какъ норма, только родительный времени и отчасти мѣста

Библиотека "Руниверс"

при отрицаніи. Проще всего это объясняется тѣмъ, что эти именно типы употребленія принадлежатъ къ такъ-называемымъ самостоятельнымъ падежамъ, то-есть, не стоящимъ въ тѣсной связи съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ словомъ, а относящимся къ смыслу всего предложенія. Естественно, что именно эти типы оказались устойчивѣе типа: отрицательный глаголъ и ablativ, типа, который всегда ассоціировался съ типомъ: утвердительный глаголъ и винит. падежъ. Такимъ образомъ винительный падежъ легко вытѣсняетъ первоначальный ablativ и въ отрицательномъ оборотѣ.

Въ виду такого широкаго, по моему мнѣнію, распространенія нашей конструкціи въ индо-европейскихъ языкахъ, мнѣ кажется возможнымъ предположить существованіе такого типа употребленія ablativ'a при отрицательномъ глаголѣ и въ индо-европейскомъ языкѣ. То обстоятельство, что этотъ типъ сохранился только въ тѣхъ языкахъ, гдѣ родит. пад. = родит. + abl., можно, мнѣ кажется, объяснять тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, когда отрицаніе было сложное съ существительнымъ, какъ готск. ni vaihts, греч. οὐ τι и т. под.) ему оказывалъ поддержку родительный раздѣлительный.

Конечно, многія стороны этого вопроса еще требуютъ болѣе подробнаго историческаго изслѣдованія; но уже и теперь мнѣ кажется несомнѣннымъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ первоначальнымъ ablativ'омъ.

Д. Кудрявскій.

Библиотека "Руниверс"

EXEGETICA [1]).

Scripsit Georgius Schmid.

IIII. *C. Lucilius* in satiris conscribendis num carmen illud Archestrati vel ipsum vel Ennii Hedyphagetica imitatus sit aut certe spectaverit, quaerendum mihi proposui. Qua in re quid effecerim, ut summam rationem subducam, nulla in eis, quae e Lucilii scriptis supersunt, demonstrari posse arbitror vestigia, quibus appareat, eum illa ante oculos habuisse, quamquam nota ei fuisse consentaneum est. Cum autem de piscibus potissimum, qui apud Lucilium inveniuntur, agatur, ita disputabo, ut si quid memoria dignum videatur, etiamsi ad hanc quaestionem ipsam non pertineat, tamen de his quoque rebus disseram atque libellum absolvam quaestione habita de lupo et acipensere piscibus locisque, ubi eorum mentio fit, inprimis Lucilii, Horatii, Iuvenalis, aliorum nonnullis.

Iam ut missis ambagibus ad rem ipsam veniam, apud Archestratum frg. V legitur

> ἔστω δή σοι ἀνὴρ Φοῖνιξ ἢ Λυδὸς ἐν οἴκῳ,
> ὅστις ἐπιστήμων ἔσται σίτοιο κατ' ἦμαρ
> παντοίας ἰδέας τεύχειν, ὡς ἂν σὺ κελεύῃς,

quibus verbis F. Marx in libro qui inscribitur Studia Luciliana, a. MDCCCLXXXII emisso p. 78 arbitratur Lucilium Romano nempe colore inducto dicere (inc. v. 96 ed. Muelleri)

> 'pistricem validam, si nummi suppeditabunt,
> addas empleuron, mamphulas quae sciat omnis'.

[1]) Vid. Comment. Minist. inst. publ. a. 1896. m. Iul.

Библиотека "Руниверс"

quod quidem Syriaci panis genus est. Quod autem apud Lucilium est pistrix, non mirum; nam ipsi panem faciebant Quirites, sicut ait Plinius Nat. Hist. l. XVIII c. 11 § 107, mulierumque id opus erat. Sed cetera quoque apud utrumque poetam adeo diversa sunt, ut alterum alterius verba non spectasse manifestum sit. Quamquam similitudinem quandam vel maiorem esse puto. Vix enim empleuron Lucilii esse existimaverim, cum ἔμπλευρος semel legatur Geopon. l. XVIII c. 9 § 5 atque ita appelletur non homo quispiam corpore validus, sed caper amplissimi corporis, ut est apud Columellam De r. r. l. VII c. 6 § 2. Accedit quod Lucilius, si verbi ἔμπλευρος eadem esset vis quae verbi validus, Latina Graecis verbis explicaret, id quod non solet facere. Itaque eum scripsisse putaverim

'pistricem validam; si nummi suppeditabunt,
addas *empeiron*, mamphulas quae sciat omnis'.

Quae plerumque vilico putant quendam a Lucilio induci mandantem; sed vix tam doctum ille existimat vilicum, ut Graece sciat, sicut ne Varro quidem, qui eos qui praesint manciplis litteris atque aliqua esse imbutos humanitate oportere dicit R. R. l. I c. 17 § 4. Itaque amico videtur consilium dantem aliquem facere.

Deinde Lucilii verba 'anseris herbili' virus' l. V v. 19 ad illa Archestrati referenda Marx arbitratur, quae sunt fragm. LVIII:

'καὶ σιτεστοῦ χηνὸς ὁμοῦ σκεύαζε νεοττὸν
ὀπτὸν ἁπλῶς καὶ τόνδε',

cum apud Photium et Suidam scriptum legatur νεοττὸν τὴν τοῦ φοῦ λέχιθον καὶ τὸ πυρρόν i. e. vitellum, apud Servium autem ad Verg. Georg. l. I v. 129 'nonnunquam pro foetore ponitur virus'; agi autem de cibi praeparatione, cui cum alia tum ovum anseris altilis assum addi iubeatur. At ita intellegenda esse Archestrati verba vix est credibile. Qui cum varias easdemque artificiosas leporis parandi rationes improbaverit, assum et simpliciter sale conspersum eum apponi iusserit, pari modo ut pullus anseris simpliciter assus apponatur praescribere unicuique videbitur, qui sine praeiudicata opinione verba eius leget. Atque apponi solitas esse gallinas assas Philoxenus docet versibus qui apud Athenaeum l. IV p. 147 E sunt his: ἐφθά τ' ἔπειτα κρέ' ὀπτά τ' ἄλλ' ἐρίφων τε καὶ ἀρνῶν... λαγῷά τ' ἔπειτ' ἀλεκτρυόνων τε νεοσσοί, περδίκων φασσῶν τε χύδαν ἤδη παρεβάλλετο θερμὰ πολλά. Anserum autem saginatorum mentio fit apud Athenaeum l. IX c. 32, quibus ad quid aliud usos esse veteres putemus quam ad cibum?

Библиотека "Руниверс"

Deinde ovis quidem eisque gallinaceis eosdem usus esse vulgare est; unum afferam quod apud Athenaeum scriptum legitur l. XIV p. 641 ἐδίδοτο δὲ καὶ ᾠὸν ἐν τῇ δευτέρᾳ τραπέζῃ, ὥσπερ καὶ λαγῷα καὶ κίχλαι κοινῇ μετὰ τῶν μελιπήκτων εἰσεφέρετο. At illa ova certo affirmari potest fuisse sorbilia, ῥοφητά. Hoc enim docet diverbium illud quod apud eundem extat ex Antiphanis comoedia quadam: alter enim interroganti alteri respondet primum οἶνον Θάσιον πίνοις ἄν; εἴ τις ἀγχέοι, deinde πρὸς ἀμυγδάλας δὲ πῶς ἔχεις; εἰρηνικῶς, tum μελίπηκτα δ' εἴ σοι προσφέροι; τρώγοιμι καί, denique ᾠὸν δέ; καταπίνοιμ' ἄν. Quis autem unquam audivit, gallinas vel anseres qui saginarentur ova parere? Nempe cum saginantur, ad ova parienda neque destinati neque apti sunt. At enim nulla apud Lucilium saginatorum mentio fit anserum. Recte enim Festus 'herbilis', inquit, 'est herbis pastus', non altilis, quod idem est quod saginatus, σιτευτός. Varro enim R. R. l. III c. 10 § 5 anseres, inquit, 'pascunt in umidis locis et pabulum serunt, quod aliquem ferat fructum, seruntque his herbam quae vocatur seris', quam earum rerum periti eandem ducunt atque eam quae nunc endivia cichorium vocatur. Quae si non sit, Varro ait dandum hordeum vel frumentum aliud. Ad saginandum autem oligi pullos circiter sesquimensem qui sint nati, inclusisque in saginario polentam et pollinem aqua madefacta dari cibum. Teneram enim aetatem praecipue haberi ad saginandum aptissimam Columella addit l. VIII c. 14 § 11. Quamquam Graecos magni lecinoris causa bimos et maiores natu commendare C. Schneider auctor est adnot. ad Varronis locum. Lucilius igitur disserit de ovo anseris, de asso pullo anserino Archestratus.

Iam si Fr. Marx Archestrati vel ipsius vel Enniani opera factum esse dicit, ut tot piscium apud Lucilium legantur nomina, quorum in Graecia origo sit—utitur enim Varronis verbis—primum quidem multitudo illa non videtur admodum magna; sunt enim ex undeviginti piscium nominibus quindecim Graeca. Deinde ex eo numero quinque iam priscis Romanis nota fuisse paene certum esse demonstrabo. Fuerunt enim apud ipsos Romanos, qui primam sumptuariam quam dicunt legem ad regem Numam Pompilium referrent. Protinus enim a condita Roma pisces marinos in usu fuisse Cassium Heminam, quem vetustissimum auctorem annalium dicit, Plinius Nat. Hist. l. XXXII c. 2 § 20 ait memoriae prodidisse; haec esse eius verba: 'Numa constituit ut piscis qui squamosi non essent ne pollucerent, parsimonia commentus, ut convivia publica et privata cenaeque ad pulvinaria facilius compararentur, ni qui ad polluctum emerent pretio minus parcerent

Библиотека "Руниверс"

caque praemercarentur'. Qui hi pisces fuerint, Aristoteles significat An. Hist. II c. 13 § 57; dicit enim οἱ μὲν πλεῖστοι τῶν ἰχθύων λεπιδωτοί εἰσιν, ὀλίγοι δὲ τραχεῖς, ἐλάχιστον δ' ἐστὶ πλῆθος αὐτῶν τὸ λεῖον· τῶν μὲν οὖν σελαχῶν τὰ μὲν τραχέα ἐστί, τὰ δὲ λεῖα, γόγγροι δὲ καὶ ἐγχέλυες καὶ θύννοι τῶν λείων. Deinde Aelianus De nat. an. l. XI c. 37 καλεῖται, inquit, σελάχια, ὅσα οὐκ ἔχει λεπίδας· εἶεν δ' ἂν μύραινα, γόγγρος, νάρκη, τρυγών, βοῦς, γαλεός· δελφίς. φάλαινα, φώκη. Plinius autem, cum de tegumentis aquatilium agit l. VIIII c. 12 § 40, 'alia' inquit, integuntur corio et pilis ut vituli et hippopotami, alia corio tantum ut delphini, cortice ut testudines, silicum duritia ut ostreae et conchae, crustis ut locustae, crustis et spinis ut echini, squamis ut pisces, aspera cute ut squatina, qua lignum et ebora poliuntur, molli ut murenae, alia nulla ut polypi'. Atque legem illam Numane scripserit necne, nihil ad rem; neque magis quaerimus, fueritne Numa necne; antiquissimis certe temporibus maiores suos piscibus uti solitos esse Romanos credidisse manifestum est et squamosis et non squamosis. In numero autem squamis carentium sunt *delphini* et *murenae*, qui pisces apud Lucilium commemorantur l. VII v. 14 et l. VIII v. 12, quos antiquitus notos fuisse Romanis veri simile est; ne de *thynno* quidem dubitari potest, qui l. I v. 34 et incert. v. 179 legitur; sed hic quidem squamas habet. Neque scarus quidem caret eisdem minusque recte legem illam, de qua supra dictum est, ad hunc piscem retulit W. Rein in Encyclopaediae Paulyanae Vol. VI p. 2 p. 1506. Quem in errorem facile homo doctissimus potuit incidere, cum apud Festum p. 253, qui illam legem spectat, falso legeretur 'scarum'; a librario 'squatum' scriptum esse nunc, cum codicem Farnesianum A. Thewrewk de Ponor phototypice exprimendum curavit, quivis oculis cernit. Squatum autem, cum Plinius Nat. Hist. l. XXXII c. 11 § 150 dicat, 'rhinobatum quem squatum vocamus', veri simile esse auctores sunt Aubert et Wimmer pertinere ad genus quod nunc vocant Rhinidarum, Germanice rochen, Rossice raśplja. Squamis igitur caret.

Idem de conchyliis nonnullis dicendum, quae apud Lucilium commemorantur. Sunt autem haec: ostrea l. III v. 25, l. VIIII v. 8, l. XIII v. 8, inc. v. 46, purpura et peloris l. III v. 25, inc. v. 46 echinus, v. 52 murex marinus. Et *ostrea* quidem quin antiquitus nota fuerint Romanis, vix est dubium, cum in Italia ipsa in Lucrino lacu fuerint, quamquam nomen eorum a Graecis acceperunt, sicut in multis aliis rebus. Postea demum, cum peregrina quoque cognossent, optimum saporem Lucrinis Sergium Oratam, qui aequalis fuit L. Crassi

Библиотека "Руниверс"

oratoris, adiudicasse et in Baiano vivaria earum invenisse testis est Plinius Nat. Hist. l. VIIII c. 54 § 168. *Purpurae* autem usum a Romanis ad antiquissima urbis tempora esse relatum idem testatur l. VIIII c. 39 § 136, cum semper eum Romae fuisse dicit, sed Romulo in trabea; nam toga praetexta et latiore clavo Tullum Hostilium e regibus primum usum Etruscis devictis satis constare. Ceterum purpuram a purpurae maritumae colore appellatam Poenicum vocabulum esse Varro dicit De l. lat. l. V c. 28 § 113, quod a Poenis primum dicatur allata. *Murex* autem latinum est. Haec omnia igitur Lucilium non esse mutuatum a quoquam, nedum ab Archestrato quivis concesserit, qui quae apud hunc sunt fragm. LVI, comparaverit.

Ne *peloris* quidem, qua vocabuli forma Lucilius utitur, sicut ceteri scriptores atque poetae Romanorum, veri simile est redolere imitationem Archestrati, qui πελωριάδας χόγχας dicat fragm. LVI; neque quae de *polypo* dicit l. XXVIIII v. 114

'paulisper comedent iam haec sese ut polypus ipse',

cum Archestratus fragm. LIII ubi optimi inveniantur annotet. Ceterum Aristoteles An. hist. l. VIII c. 2 § 27 eumque secutus Plinius Hist. Nat. l. VIIII c. 29 § 87 ipsum aiunt bracchia sua rodere polypum falsam esse opinionem; id enim a congris ei evenire; sed renasci sicut colotis ac lacertis caudas haud falsum.

Iam ceteros pisces qui proprie dicuntur, qui a Lucilio commemorantur, enumerabo singulaque persequar.

Apud Varronem De L. Lat. l. VII c. 5 § 47 tres Lucilii versus extant hi (inc. v. 179. l. IV v. 7, inc. v. 53):

'qui thynno capto cobium excludunt foras.
occidunt, Lupe, saperdae te et iura siluri.
sume rete atque amian.'

L. I v. 24 leguntur haec:

'ad cenam adducam et primum hisce abdomina thunni
advenientibu' priva dabo cephalaeaque acharnae.'

Inc. v. 51:

'quem praeclarus helops, quem Aegypto sargu' movebit?'

Inc. v. 46:

'luna alit ostrea et implet echinos.'

Atque ex *amiae* quidem commemoratione Archestratus non redolet. Masculino enim genere Lucilius utitur, sicut in Machonis Cenae Att.

Библиотека "Руниверс"

v. 61 ὁ ἀμίας est et Aristotelis An. Hist. l. VIII § 28 οἱ ἀμίαι—sic enim scribe idum, non ἄμιαι; apud Archestratum autem fragm. XXXV ceterisque Aristotelis locis est ἡ ἀμία, sicut amia apud Plinium Nat. Hist. l. VIIII c. 15 § 49.

Qui piscis quo modo sit parandus, Archestratus accurate praescribit atque monet, nempe ἐν σοκῆς φύλλοις καὶ ὀριγάνῳ οὐ μάλα πολλῇ. Deinde hortatur:

μὴ τυρόν, μὴ λῆρον· ἁπλῶς οὕτως θεραπεύσας
ἐν σοκῆς φύλλοις σχοίνῳ κατάδησον ἄνωθεν.

Illud μὴ λῆρον cum ferendum esse negat P. Brandt, μὴ ἔλαιον scripsit. At defenditur λῆρον verbis Amphidis comici, qui maerorem subito homini obortum meliorem esse medicinam crapulae ait quam raphanum; nam οὕτως, inquit,

ἐξελαύνει γὰρ ταχὺ
σφόδρα, λῆρον ὥστε τοὺς ῥαφάνους ὄντως δοκεῖν,

et Alexidos, qui in tabula, inquit,

ἀπέχειτ' οὐ τυρὸς οὐδ' ἐλαῶν γένη,
οὐδὲ παρέχουσαι κνῖσαν ἡμῖν πλείονα
παροψίδες καὶ λῆρος,

quae verba apud Athenaeum sunt l. I p. 34 c. et II p. 60 A. Ceterum amia idem esse existimatur piscis, qui nunc a viris doctis vel thynnus pelamys vel pelamys sarda, vulgo autem bonito appellatur. Qui utrum in mari quod nunc dicunt mediterraneo inveniatur necne, cum Brehm dicat p. 11 incertum esse, idem ei videtur accidisse, quod saepe haud immerito physici exprobrant philologis, quod caeco quodam suarum rerum amore, quid ipsi in indaganda rerum natura effecerint, non curent. Est enim apud Aubertum et Wimmerum vol. I p. 124, saepe eum piscem in mari Cyclades insulas circumfluente inveniri Erhardum esse auctorem in libro qui inscribitur Fauna der Cycladen p. 89.

Iam cum primo et secundo Lucilii versu, qui apud Varronem extant, bini pisces contineantur, non sine veri similitudine possis suspicari, in tertio quoque eum duo piscium nomina commemorasse, quorum alterum librariorum incuria oblitteratum sit; est enim in libris manu scriptis 'sumere te' vel 'sume recte atque' (supra scripto 'aeque') 'amian'. Quod si comprobaveris, in emendando hoc hemistichio id potissimum sequendum, quod Varro nomina illa esse piscium dicit, quorum in Graecia sit origo. Itaque ad id, quod in libris manuscriptis est, pro-

Библиотека "Руниверс"

pius accedere putaverim, si quis Lucilium existimet scripsisse 'smyrum' vel

'smurum eme atque amian'.

Ab Aristotele enim An. Hist. l. V c. 35 σμῦρος piscis commemoratur, quod nomen Athenaeus l. VII p. 312 E scribit μῦρος, Plinius autem Nat. Hist. l. XXXII c. 11 § 53 smyrus. Eodem modo σμαρίς ab Ovidio Hal. v. 120 scribitur smaris.

Contra eodem quem diximus loco Varro 'in conchyliis' inquit 'vernacula nomina ad similitudinem sunt imposita, ut syrenae, pectunculi, ungues'. Hic quoque, cum neque syrena neque surena, sicut nunc scribunt, in universis litteris Latinis inveniatur, suspicio est de librariorum errore. Atque proposuit quidem Groth pernae, quod vocabulum in catalogo piscium, qui apud Plinium est l. XXXII c. 54 § 154, legatur. Sed hoc quin Graecum sit, non est dubium. Itaque *squillae* legendum esse equidem censuerim; quae cum similis sit squillae vel scillae maritimae plantae, appellata est hoc nomine, quod Latinum esse et Plinii verba docent l. XXVII c. 12 § 118 'pancratium aliqui scillam pusillam appellare malunt', et Ciceronis, qui De nat. d. l. II c. 48 § 123, ubi de pina et pinothere agit, illi addit 'sic enim Graece dicitur', hanc simpliciter squillam appellat.

Sed ad Lucilium ut redeam, ne thunni quidem abdomina neque cephalaea *acharnae* demonstrare mihi videntur illum Archestratum sequi. Sunt enim apud hunc quidem thynni fragm. XVIIII, XXXIIII, XXXVIII, et θόννη et θυννίς fragm. XXXVII, sed οὐραῖον θόννης, non ὑπογάστριον, commendat fragm. XXXVII, et τέμαχος fragm. XXXVIII, ὑπογάστριον autem, sicut et κρανία, νεαροῦ μεγάλου τ' αὐλωπία. Quamquam aulopian, certe eum qui ab Aeliano De nat. an. l. XIII c. 17 commemoretur, thynnum alalongum fortasse recte existimare Cuvierum Aubert et Wimmer vol. I p. 125 auctores sunt. Κεφάλαια autem neque apud Archestratum legitur et rarum omnino est vocabulum, quod ex uno Sotade comico Athenaeus adfert l. VII p. 293 B. Archestratus dicit κεφαλὴν γόγγρου fragm. XVIII, γλαύκου fragm. XX, ὑός fragm. XXII, φάγρου fragm.XXVI.

De *sargo* quoque Aegyptio res vix videtur dubia; nam Archestratus quidem unde hunc emendum putet, incertum est, cum fragm. XXXVI id unum moneat, quo modo sit parandus, neque unquam Aegypti mentionem faciat; Ennius autem, Brundisii cum bonus sit, sumendum eum ait.

De *siluro* autem, quamquam neque apud Archestratum neque apud

Библиотека "Руниверс"

Ennium invenitur, aliqua monenda censeo. Hunc enim piscem, cuius mentio fit cum apud Sopatrum parodum et Diodorum Sinopensem, sicut est apud Athenaeum l. VI p. 230 E et 289 E—cuius miram de hoc nomine sententiam invenies l. VII p. 287 B—tum apud Aristotelem et Plinium, Aubert et Wimmer vol. I p. 126 auctores sunt probabiliter eundem dici, qui nunc silurus glanis dicatur, Germanice wels, Russice som. Nam quod Aristoteles An. hist. l. VIII c. 20 § 131 de glani narrat, idem Plinius de siluro l. VIIII c. 16 § 58. Quem fluviatilem piscem esse atque praecipua magnitudine nec minorem thynnis imprimis in Nilo nasci ait l. l. c. 15 § 44 et XXXII c. 10 § 125, moresque eius ita describit: 'Grassatur ubicumque est omne animal adpetens, equos innatantis saepe demergens, praecipue in Moeno Germaniae amne protelis boum et in Danuvio marris extrahitur porculo marino simillimus et in Borysthene memoratur praecipua magnitudo nullis ossibus spinisque intersitis, carne praedulci'.

Iam Ausonius, qui anno p. Chr. n. CCCLXXVIIII consul fuit, in carmine quod inscribitur Mosella cum alios pisces, qui in fluvio cognomine sunt, tum silurum celebrat (a v. usque 135) ut magnum, ut pecus aequoreum, ut amnicolam delphina vel mitem neque periculosam Mosellae balaenam. Nec mirum quod fuerunt qui eundem silurum glanin existimarent, sicut Ed. Boecking, qui illud carmen commentariis instructum primum a. MDCCCXXVIII Berolini foras dedit. Postea cum alii physici, tum Oken, qui tum illorum fere princeps erat, in annalibus qui inscribuntur Isis (a. MDCCCXXXXV p. 39—44) docte et ad persuadendum apte demonstravit, falli illos, apud Ausonium enim esse intellegendum acipenserem sturionem. Itaque suo arbitratu Ausonius illo nomine abusus ad acipenserem idem videtur transtulisse. Okeni sententiam Boecking, sicut alii, secutus est, cum eodem anno, quo ille suum commentariolum emisit, Mosellam foras daret, quae editio supplementum est Annalium societatis hominum in provincia Rhenana antiquitatis studiosorum vol. VII. Minus igitur recte I. Marquardt in libro illo De vita Romanorum privata p. 423 adn. tertia 'silurus' inquit, 'est acipenser sturio'; minus recte p. 419 adn. septima silurum dicit vel acipenserem silurum; qui nullus est. Ne hoc quidem recte idem dicit, Ausonii aetate Romanos illo pisce vesci solitos esse. Nam celebrat quidem ille silurum ut amplissimum omnium qui in illo flumine sint piscium, sed ne verbo quidem commendat ut praestantissimum esu; sicut ne lucium quidem eiusdem fluminis vernaculum, quem v. 128 nullos ait mensarum lectum ad usus fervere fumosis olido

Библиотека "Руниверс"

nitore popinis. Ceterum hic piscis, qui nunc a viris doctis esox lucius vocatur, Germanice hecht, Rossice szczuka, a primo Ausonio lucius nominatur, a Plinio esox vel, ut quidam malunt scribere, isox. Denique cum Ausonius silurum dicit aequoreum pecus, hoc ad unum acipenserem sturionem referri posse Oken existimat, cum hic marinus sit piscis eiusque caput simillimum suillo. Sed fallitur homo ceteroquin doctissimus; res minus est impedita; simpliciter enim imitatur ille Horatii l. I. Carm. 2 v. 7 'omne cum Proteus pecus egit' et Vergilii Georg. l. III v. 243 'genus aequoreum', scitque flumen quoque ab eo dici aequor Aen. l. VIII v. 89 et 96.

Quod autem Plinius, ut supra dixi, siluros praecipua magnitudine in Nilo dicit nasci, de ea re cum nihil a ceteris scriptoribus veteribus neque recentibus memoriae sit proditum, a viris quibusdam doctis dubitatur. Neque enim veteres quidem diversa siluridarum quos nunc vocant genera neque species solent distinguere, sicut plerumque ne in ceteris quidem piscibus. Attamen quaedam apud illos reperiuntur, unde res aliqua ex parte illustretur. Veluti Strabo cum Geogr. l. XVII p. 823 silurum commemorat, illum, quem Plinius dicit, nullo pacto fieri potest ut intellegat; in eorum enim piscium numero eum recenset, qui Nili amnis proprii ἴδιον καὶ ἐπιχώριον χαρακτῆρα ἔχουσιν. Silurum igitur spectat quendam, qui in uno Nilo nascatur, cum ille Plinianus in eis quos supra diximus amnibus inveniatur. Niloticus autem, qui apud Strabonem extat, Romam asportatus et in macello venditatus esse videtur Iuvenalis certe aetate. Hic enim l. V sat. 14 v. 130 dominum quendam sordidissimum ipsum esurientem ait

'differre in tempora coenae
alterius conchem aestivam cum parte lacerti
signatam vel dimidio putrique siluro.'

Hic magnum piscem nullo modo intellegi posse iamdudum viri docti animadverterunt, velut Claudius Salmasius in Plinianis Exercitationibus in C. Solini Polyhistora, emissis Traiecti ad Rhenum a. MDCLXXXVIIII p. 942, cuius ipsius verba, ut hominis prisco et obsoleto sermone plausum captantis, apponam. Dicit enim: 'de Nili siluro helc non pote accipi. De glanide etiam non pote. Sed nec de Siluro, qui Sturio est. Nec enim magnae hoc parsimoniae indicium esset, ingentem piscem qualis est Sturio, dimidium servare in alteram cenam, praesertim in patrefamilias et homine privato. Vetus scholiastes sardinam helc interpretatur'. Sed hic quoque videtur errare. Nunc enim homines docti tria siluridarum, qui in Nilo nascuntur, genera distin-

Библиотека "Руниверс"

gunnt. E quibus bagri qui vocantur, cum unum et dimidium metrum longi esse soleant, vix ab Iuvenale videntur spectari; maiores enim sunt quam pro hominis illius, cuius mores depingit, avaritia et sordibus. Veri igitur similius est illum alterum e duobus reliquis intellegere, aut clarian anguillarem, quem nunc Aegyptii scharmut appellant, qui sex fere decimas metri longus est, aut synodontida macrodonta, qui fere quinque.

Si denique dominum illum servis putrefactum piscem et corruptum non solum apposuisse arbitraremur, sed etiam dimidium ad posteri diei cenam servasse, paene nihil, opinor, esset incredibilius. Itaque probabiliter quispiam dixerit Iuvenalem putrem appellare silurum, quod recens quoque saporis sit putridi. Hoc enim in illos pisces, qui in Nilo et paludibus lacubusque cum eo coniunctis nascuntur, quam maxime valere videtur. Ita Aelianus De nat. an. l. XII c. 29 dicit in Bubasto Aegyptia stagnum esse, quo permulti siluri cicures alantur, eosdem esse in fluviis quoque, velut in Cydno, sed minutos, cum turbida aqua et limosa delectentur atque in ea pinguescant. Limus autem saporem carnis non potest non perdere. Quo fieri videtur, ut claria, certe anguillari nunc vescantur pauperes tantum, quamquam minime eum fastidiunt, ut ait Brehm p. 239.

At reputanti primum, σίλουρον a Graecis semper σαπρὸν dici, deinde in proverbium venisse illud, quod a Clearcho Solensi memoriae proditum est, σαπρὸς τάριχος τὴν ὀρίγανον φιλεῖ, ut est apud Athenaeum l. III p. 116 E et p. 119 E, rectius illa verba mihi videntur, ita intellegi, ut putredinem dicat putridum odorem et saporem salsamentorum fere viliorum proprium. Ita Martialis l. III ep. 65 v. 5 dicit 'putri cepas alece natantes', et Columella l. VIII c. 17 § 12, cum esca iacentium piscium mollior esse debeat quam saxatilium, eis praeberi tabentes haleculas et salibus exesam chalcidem putremque sardinam. Ita apud Athenaeum l. III p. 118 F legitur μήποτ' οὔτις ἐν τούτοις τοὺς παρ' ὑμῖν τοῖς Ἀλεξανδρεῦσι κατέλεξε μενδησίους, ὧν οὐδ' ἂν μαινόμενος κύων γεύσαιτο ἄν ποτε, ἢ τῶν καλῶν σου ἡμινήρων ἢ τῶν ταριχηρῶν σιλούρων. Ita salsamenta e siluro infusa clysterio Plinius l. XXXII c. 9 § 104 dicit ischiadicos liberare. Qui cum alvum emollire dicit § 94 silurum e iure, haud dubie et ipse salsamentum intellegit vel, ut Caelius Aurelianus de morb. chron. l. II c. 1 § 40 dicit apud Marquardtium p. 428 adn. tertia, 'garum, quod appellamus liquamen', ex pisce siluro confectum.

De *saperda* autem videtur quidem Lucilius consentire cum Arche-

Библиотека "Руниверс"

strato, sed etiam cum ceteris, ut nihil inde, quod ad hanc quaestionem pertineat, efficiatur. Hunc enim piscem—ὁ σαπέρδης dicitur ab Athenaeo l. VII p. 308 F ut ab Archestrato et Diogene Laertio—qui ab Ennio non commemoratur, vilem haberi Archestratus testatur, cum dicit fragm. XXXVIII:

σαπέρδῃ δ' ἐνέπω. χλαίειν μακρά, Ποντικῷ ὄψῳ,
καὶ τοῖς κεῖνον ἐπαινοῦσιν· παῦροι γὰρ ἴασιν
ἀνθρώπων, ὅ τι φαῦλον ἔφυ καὶ κεδνὸν ἔδεσμα.

Idem docet illud Diogenis philosophi cynici, quod est apud Diogenem Laertium Vit. phil. l. VI c. 2 § 36, hunc cuidam, qui apud eum philosophari voluisset, illo pisciculo dato sequi ne iussisse; qui cum pisce ὑπ' αἰδοῦς abiecto discessisset, Diogenem dixisse: τὴν σὴν καὶ ἐμὴν φιλίαν σαπέρδης διέλυσεν. Atque hanc huius piscis vilitatem vel magis illustrat, quod idem Dioclem auctorem esse refert non saperdam a Diogene illi ferendam esse traditam, sed ἡμιωβολίου τυρόν. Neque Aristoteles quidem cum illa communi, ut videtur, opinione discrepat, si quidem σαπερδίς, quam in fluviis et paludibus nasci dicit An. h. l. VIII c. 30 § 177, idem est piscis; praegnans enim quando sit, bene eam sapere ait. Male igitur eam existimat sapere reliquo tempore, marem semper. Quae testimonia si respexeris, non est quod negemus, recte scriptum legi apud Festum p. 479 'saperda genus pessimi piscis'. Neque minus recte Varronis verba se habent, quae apud Nonium p. 176 leguntur, haec: 'omnes videmur nobis esse belli, festivi, saperdae cum simus σαπροί'. Salsis enim saperdis usos esse veteres vel inde apparet, quod Euthydemus de hoc pisce egit in libro, quem conscripsit de salsamentis, ut est apud Athenaeum l. VII p. 308 E. Itaque ad Persii Sat. V v. 134 'saperdam advehe Ponto' recte schol. 's. genus est salsamenti quod ex pisce fit'. Lucilius igitur dicere videtur, Lupum perire pravis illis salsamentis, vel ut verbo Martialis l. III ep. 77 utar, σαπροφαγοῦντα.

Sed est, unde alia nascatur controversio. Quatuor enim habemus testes, a multis coracinum piscem appellatum esse etiam saperdam. Dorionem in libro De piscibus, Euthydemum in libro De salsamentis, Heracleonem Ephesium grammaticum, Philotimum in libro De arte coquinaria, ut est apud Athenaeum l. III p. 118 B et VII p. 308 F. Quamquam Aubert et Wimmer hoc recte fieri negant vol. I p. 138, cum coracinus piscis marinus sit. Quae opinio fortasse inde orta est, quod utrumque piscem etiam πλατίσταχον appellatum esse Parmeno

Библиотека "Руниверс"

Rhodius in libro primo Artis coquinariae auctor est apud Athenaeum l. VII p. 308 F.

Sed hoc quoque coracinorum genus, excepto uno qui in Nilo flumine nascitur, a Graecis vile habebatur. Archestratus enim fragm. XVIIII γόγγρος, inquit.

ὅστε τοσοῦτον
τῶν ἄλλων πάντων γόγγρων κρατεῖ αὐτός, ὅσον περ
θύννος ὁ πιότατος τῶν φαυλοτάτων κορακίνων,

et Amphis, ut est apud Athenaeum VII p. 309 A,

ὅστις κορακῖνον ἐσθίει θαλάττιον
γλαυκοῦ παρόντος, οὗτος οὐκ ἔχει φρένας.

Niloticum autem laudat Plinius l. VIIII c. 18 § 68, cum dicit 'est et haec natura ut alii alibi pisces principatum obtineant, coracinus in Aegypto' etc, et Athenaeus vel ipse vel convivarum quidam, qui multos annos in Aegypto degit, cum dicit οἱ ναυλῶται κορακῖνοι ὅτι γλοιεῖς καὶ εὔσαρκοι, ἔτι δὲ ἡδεῖς, οἱ πεπειραμένοι ἴσασιν, l. VII p. 309 A, p. 312 A, et 311 F φέρει ὁ Νεῖλος καὶ ἄλλα γένη πολλὰ ἰχθύων, καὶ πάντα ἥδιστα, μάλιστα δὲ τὰ τῶν κορακίνων. Idem tradit ab Alexandrinis eum appellari πλάταξ a circuitu; l. III p. 121 B ab eisdem proprie ἡμίνηρον, ab aliis πέλτην eum dici Diphilum esse auctorem, cuius de hoc pisce hoc esse iudicium: ὑποπίμελος μέν ἐστι καὶ ἥκιστα κακόχολος, σαρκώδης, τρόφιμος, εὔπεπτος, εὐανάδοτος, κατὰ πάντα τοῦ μύλλου κρείσσων. Xenocrates quoque, ut est apud Oribasium vol. I p. 127 ed. Daremb., quosdam pisces, qui in fluminibus et stagnis nascantur, nihil ait cedere pelagiis, velut coracinum Niloticum. Qui recte videtur Cuviero idem esse atque qui nunc a viris doctis chromis Niloticus, ab Aegyptiis bultó vel bolto vocatur; marinum idem et I. Mueller eundem putant atque chromin castaneam, ut est apud Aubertum et Wimmerum vol. I p. 133.

De *helope* denique, de quo infra dicetur, valde dubito, an Lucilius cum eum uno verbo exornet, Archestratum vel Ennium spectaverit; neque minus de *cobio*, cuius mentio apud utrumque non fit, et de echino, cuius apud unum Ennium.

Cum igitur de eis piscibus, quibus Graeca nomina sunt, disputaverim, nunc priusquam ad eos, quibus Latina, transeam, confiteor me dolere, quod I. G. Schneideri, doctissimi atque diligentissimi harum rerum investigatoris, libro qui inscribitur Historia literaria piscium uti non potui. Nihilo minus quae ipse mihi videor collegisse a veteribus litteris prodita aut accuratiore disquisitione invenisse, spero

Библиотека "Руниверс"

non fore inutilia, cum etiam quae iamdudum inventa sunt, non omnibus videam esse nota.

Cuius rei ut exemplum afferam, I. Marquardt in illo libro quem supra dixi p. 418 *lupum* piscem ait esse esocem, quem ab Ausonio luctum appellari modo memoravi. Quem priusquam falli demonstrem, omnes locos, ubi apud veteres lupi mentio fit, in oculis atque conspectu proponam.

Antiquissimum autem de hoc pisce testimonium est in *C. Titii*, quem virum aetatis Lucilianae Macrobius dicit Sat. l. III c. 16 § 12, oratione, qua legem Fanniam suasit a. u. c. DLXXXXII. Qui heluones ebrios facit dicentes 'quin potius edimus turdum pinguem lonumque piscem, lupum germanum, qui inter duos pontes captus fuit'.

Continuo Macrobius 'sed et *Lucilius*, inquit, acer et violentus poeta, ostendit scire se hunc piscem egregii saporis eumque quasi ligurritorem catillonem appellat, scilicet qui proxime ripas stercus insectaretur. Proprie autem catillones dicebantur qui ad polluctum Herculis ultimi cum veniant, catillos ligurribant' (vide quam superbus praeceptorum disciplinae de temporibus grammaticae contemptor sit Macrobius). Tum 'Lucilii' inquit 'versus hi sunt:

> Fingere praeterea adferri quod quisque valebat.
> illum sumina ducebant atque altilium lanx:
> hunc pontes Tiberinu' duo inter captu' catillo.'

Deinde praecipuam auctoritatem fuisse lupo sicut asellis *Cornelium Nepotem* et *Laberium* poetam mimorum tradidisse auctor est Plinius Nat. Hist. l. VIIII c. 17, § 61.

Horatius autem Sat. l. II secundae v. 34 dicit:

> 'unde datum sentis, lupus hic Tiberinus an alto
> captus hiet, pontisne inter iactatus an amnis
> ostia sub Tusci?'

Deinde *Iuvenalis* l. I Sat. quintae v. 104:

> 'vos anguilla manet longae cognata colubrae,
> aut glacie aspersus maculis Tiberinus, et ipse
> vernula riparum, pinguis torrente cloaca
> et solitus mediae cryptam penetrare Suburae.'

Martialis denique Epigr. l. XIII v. 89:

> 'Laneus Euganei lupus excipit ora Timavi,
> aequoreo dulces cum sale pastus aquas,'

Библиотека "Руниверс"

et l. X v. 21:

'piscina rhombum pascit et lupos vernas.'

Iam qui de piscibus et piscinis scripserunt docent duo genera lupi esse, alterum pelagium vel marinum, quod in flumina quoque subeat, alterum fluviatile a quibusdam prae illo contemptum. Lupos enim pisces, quos a terrestribus nomen accepisse Varro ait De L. Lat. l. V c. 12 § 55, quibus vi quadam similes sint i. e. voracitate, Plinius l. VIIII c. 17 § 61 dicit laudatissimos appellari lanatos a candore mollitiaque carnis, in amne captos praeferri, eiusdemque libri c. 54 § 169 'eadem' inquit 'aquatilium genera aliubi atque aliubi meliora, sicut lupi pisces in Tiberi amne inter duos pontes'. Varro autem R. R. l. III c. 8 § 9 L. Marcium Philippum, qui consul fuit a. u. c. DCLXIII, narrat cum ad Ummidium hospitem Casini devertisset et ei e flumine, quod per villam fluere liquidum et altum marginibus lapideis dicit c. 5 § 9, lupum piscem formosum adposuisset atque ille gustasset et expuisset, dixisse, peream, ni piscem putavi esse. Ipsius autem aetatem piscinas protulisse ad mare et in eas pelagios greges piscium revocasse. Eadem refert Columella l. VIII c. 16. Qui maiores dicit dulcibus aquis marinos clausisse pisces atque eadem cura mugilem squalumque—sic enim legendum ut Varr. R. R. l. III c. 3 § 9, nisi apud utrumque squatum—nutrivisse, qua ipsius aetate murena et lupus educentur. Veterem enim illam Romuli et Numae progeniem non solum piscinas, quas ipsi construxissent, frequentasse, sed etiam quos rerum natura lacus fecisset, convectis marinis seminibus replevisse. Inde Velinum, inde etiam Sabatinum, item Vulsinensem et Ciminium lupos auratasque procreasse et si qua essent alia piscium genera dulcis undae tolerantia. Deinde 'mox' inquit, 'istam curam sequens aetas abolevit et lautitiae locupletum maria ipsa Neptunumque clauserunt, ut iam tum avorum memoria circumferretur Marcii Philippi velut urbanissimum, quod erat luxuriosissimi factum atque dictum. Hic puto in rem fore, si interponam, quae Varro R. R. l. III c. 17 de piscinis scribit. Duo enim earum ait esse genera, dulces, quas easdem plebeias appellat et non infructuosas et mediterraneas, ubi lymphae aquam piscibus villaticis ministrent, atque maritimas, quibus Neptunus et aquam et pisces ministret; quas nobilium piscinas appellat et facete, ut solet, illas dulces, has amaras dicit, magis enim eas ad oculos pertinere quam ad vesicam, et potius marsippium domini exinanire quam implere. Primum enim aedificari magno, secundo impleri magno, tertio ali magno.

Columella autem post illud Philippi haec subicit: 'hoc periurium

Библиотека "Руниверс"

multorum subtiliorem fecit gulam doctaque et erudita palata fastidire docuit fluvialem lupum, nisi quem Tiberis adverso torrente defatigasset. Postea c. 17, ubi de piscinis instituendis agit, in eas quae in litore scopuloso sint factae, aquatile pecus ait inducendum esse. Raro autem unum et alterum de multis milibus mullorum claustra pati. At contra frequenter animadverti pelagios greges inertis mugilis et rapacis lupi. 'Turdi' inquit, 'complura genera et avidas mustelas, tum etiam sine macula — nam sunt et varii—lupos includemus.'

Inde manifesto apparet, varios quos dicit Columella lupos esse fluviatiles, ceteros pelagios, sicut est apud Galenum De alim. facult. l. III, c. 26 ed. Kuehn. vol. VI p. 714: τὸν λάβρακα οὐ τελέαμαι γεννώμενον ἐν γλυκέσιν ὕδασιν, ἐκ μέντοι τῆς θαλάσσης ἐπαναβαίνοντα ποταμοῖς καὶ λίμναις ἐώρακα, Pelagii autem cum in flumina subierint, et ipsos interdum fluviatiles dici statim docebimur.

Si quis enim quaesiverit, possitne tandem qui hic piscis sit, evinci, nihil respondeo posse certius. Xenocrates enim apud Oribasium l. I p. 126 ed. Daremb., cum pelagiis piscibus palmam saporis et salubritatis tribuerit, ποτάμιοι δὲ, inquit, καὶ λιμναῖοι κακοστόμαχοι. παχυμεροῦς ὕλης δραστικοί, δυσδιάκριτοι· ὧν τινες οὐκ ἀποδέουσι τῆς θαλασσίας ὕλης, καθάπερ ὁ Νειλαῖος κορακῖνος καὶ ἐν Ῥήνῳ πέρκη καὶ ἐν Τίβερι λάβραξ, ὃς ἐστιν ἐπεστιγμένος. Hunc autem, quem fluviatilem appellare videtur, re vera eum esse, qui e mari in Tiberim subeat, postea docet, cum dicit (p. 132) λάβραξ ἐξαλλάσσεται, ὅσον αὔξεται, σκληρότερος γενόμενος· ἄριστος ὁ μείων — alii legunt μηνῶν δυεῖν — εὐστόμαχος, τρυφερόσαρκος, γλυκύχυλος, τρόφιμος, εὐδιοίκητος, εὐέκκριτος. τάδε μὲν περὶ πελαγίων· ὁ δὲ ἐν δεξαμεναῖς—l. θ. piscinis—ἐναντίον τούτοις, ὡς καὶ ἐπὶ τῶν ἄλλων ἰχθύων συμβαίνει. ἄστομοι γὰρ οἱ σύγκλειστοι. ὁ δὲ ποτάμιος καταψύχροις ὕδασιν ἐκ τῆς θαλάσσης ὑποδύνων εὔστομος, τρυφερός· ὁ δ' εἰς λίμνας μεθιστάμενος ἰλυώδεις τεναγουμένας πιαινόμενος· ἄστομος.

Uni vero exemplo si deesse quis credat auctoritatem, alterum fortasse additum fidem faciat. Quae enim Ovidius Hal. v. 39 sqq. dicit

> '*Lupus* acri concitus ira
> discursu fertur vario fluctusque ferentes
> prosequitur, quassatque caput, dum vulnere saevus
> laxato cadat hamus et ora patentia linquat',

ea Oppianus Hal. l. III v. 126 sqq. paene in Graecum videtur convertere, cum dicit

> λάβραξ δ' ἀγκίστροιο τυπεὶς εὐκαμπέος αἰχμῇ
> ὑψόσ' ἀναθρῴσκων κεφαλὴν ἀζηχὲς ἐρείδει

Библиотека "Руниверс"

αὐτῇ ἐν ὁρμιῇ βεβιημένος, ὄφρα οἱ ἕλκος
εὐρύτερόν τε γένοιτο καὶ ἐκφυγέῃσιν ὄλεθρον.

Constat igitur lupum eundem esse piscem, qui Graece λάβραξ nominatur, dignumque memoria, eam, quam Ovidius et Oppianus describunt, consuetudinem eius nunc quoque observari, sicut apud Brehmium scriptum legitur p. 40; ob eandem Aristophanes hunc omnium piscium prudentissimum dicit fragm. 489 Dind., quod est apud Athenaeum l. VII p. 310 F.

Hic λάβραξ pelagius quanti sit aestimatus, testis est Archestratus, qui fragm. XXXV eum θεόπαιδα et τὴν ἀρετὴν θαυμαστὸν appellat; quantopere fluviatilem quidam contempserint, illud Philippi demonstrat.

Iam vero hoc quoque constat, λάβρακα pelagium esse eundem qui a viris doctis labrax lupus, fluviatilem eundem, qui perca fluviatilis appellatur, a Graecis πέρκη, velut ab Aristotele An. hist. l. VI c. 14 § 81, a Romanis aut lupus, ut a Varrone et Columella, aut perca, ut ab Ovidio Hal. v. 112; Plinius Nat. Hist. l. XXXII c. 11 § 145 lupum appellat percam. Hic lupus Germanice vocatur seebarsch, Rossice morskój sudak, a Graecis nunc λαβράκιον, ab Italis spigola ragno perca autem fluviatilis barsch et ókuni. Lupus labrax magnitudinem unius quod dicitur metri, porca raro quartam eius partem adaequat.

Hanc de labrace et lupo sententiam veram esse una et consentiens est vox physicorum, ut Caroli L. Principis Bonapartii, qui pulcherrima illa volumina quae Italice inscribuntur Iconografia della fauna italica Romae emisit ab anno huius saeculi XXXII usque ad a. XXXXII, Brehmi, Alberti Guentheri, qui merito princeps existimatur ichthyologorum qui nunc dicuntur, Ichthyologiae in Germanicum sermonem conversae p. 124, al.

Iam videamus, ecquid ex ea re efficiatur ad melius intellegendos, quos supra diximus poetas Romanos. Et catillonem quidem, qui nescio quo pacto in memoriam reduxit ranam λειχοπίναχα, quae in batrachomyomachia est, lupum recte dicit Macrobius propterea appellari, quod proxime ripas esse amet. Hanc enim esse consuetudinem Brehm ait percae fluviatilis, ut ripas et quietam aquam medio flumini et rapidiori praeferat, labracis lupi, ut prope litora et in tenui aqua esse malit. Quod autem stercora insectari eum dicit, hoc nisi ineptire putaveris Macrobium, sicut coquum illum gloriosum in Milite fabula Philemonis, apud Athen. l. VII p. 288 E. dicentem ἰχθῦς ποταμίους ἑψοῦντας βόρβορον, et Galenum de alim. facult. l. III c. 25 ed. Kuehn. vol. VI

Библиотека "Руниверс"

p. 710, ita intellegendum est, ut in stercore quoque bestiolas, quibus alatur, quaerere dicatur. Neque enim stercore illum sicut ne alium quidem piscem ullum ali certo constat, sed pisciculis eorumque ovis, vermiculis, cancris parvis, insectis, et si qua alia praeterea re, algis. Est enim apud Aristotelem An. hist. l. VIII c. 2 § 28, λάβραξ esse e numero piscium, qui σαρκοφάγοι μόνον sint, sed § 33 haec verba corrigit ita: καὶ ἀμία δὲ καὶ θύννος καὶ λάβραξ τὰ μὲν πολλὰ σαρκοφαγοῦσιν, ἅπτονται δὲ καὶ φυκίων.

'Deinde quinam sint illi pontes, quaeritur. Quae res minus impedita esset, si sublicium atque Mulvium pontem liceret intellegere; Aemilium enim, quem L. Princeps Bonaparte vult, temporum ratione vetamur. At H. Iordan, homo summae in his rebus auctoritatis, in libri qui inscribitur Topographie der Stadt Rom im Mittelalter vol. I p. 404 negat posse dubitari, quin illi dicantur pontes, quibus Tiberis ab utroque latere insulae in medio amne sitae iunctus fuerit. Itaque inter duos pontes appellari solita esse illa loca quae circa insulam illam sint. Quod utcunque se habet, hoc tenendum, Tiberim, amnem rapidum, ibi in duas partes fissum citatiorem solito CCC metris infra insulam in unum confluere verticibus turbatum, ut ait Iordan p. 394. Quem locum nando superantes lupi prope ripas fluminis videntur esse versati, quo facilius bestiolas illas caperent, si quae ripis adhaerentes vi fluminis abriperentur.

Horatius deinde diserte tribus locis significat capi pelagium lupum, quem procerum dicit: in Tiberi idque inter duos pontes, in alto mari, sub ostia Tiberis. Itaque cum qui in alto mari capitur, non possit Tiberinus dici, verba eius sunt intellegenda, proinde ac si diceret 'lupusne hic in Tiberi captus hiet an in alto mari', aut si Graece dixeris πότερον οὗτος ὁ λάβραξ Τιβερῖνος ὢν ἁλίσκεται. Tum quod iactatum eum dicit, id optime explicat Columella, qui quasi Horatii verba explanatius definire velit, 'nisi quem' inquit 'Tiberis adverso torrente defatigasset'. Veri enim simillimum est hanc fuisse hominum subtilioris palati opinionem, ut crederent carnem luporum, si magna vi adverso flumine contendissent, teneriorem esse. Hoc iam Daremberg animadvertit ed. Oribasianae p. 591. Omnino autem quam esse causam putaverint suavioris saporis luporum, qui in amne capti erant, apparet ex iis, quae Xenocrates dicit in ed. Oribasii Daremb. p. 131: κεστρεὺς πελάγιος ἄριστος, εὔστομος, δριμύς, οὐκ ἀπολείπων λάβρακος, εὐδιαχώρητος· καὶ οὗτος πρὸς τὸ τρυφερόν, ποταμοῖς διαυγέσι καὶ καθαροῖς νηξάμενος ἀναχαλᾷ τὴν θαλάττιον σκληρότητα ἀπὸ τῆς τοῦ γλυκέος ἐπικράσεως.

Библиотека "Руниверс"

Qui autem circa ostia fluminum versabantur lupi, pessimi saporis esse credebantur. Omnes enim fere pisces, sicut aves εὐχόμοος esse testis est Galenus in libro De alim. facult. III c. 30 ed. Kuehn. vol. VI p. 721 et apud Oribasium vol. I p. 213 ed. Daremb., exceptis iis, qui in stagnis et limosis fluviis degant, praesertim si ex oppido aqua defluens eluat latrinas et balnea et culinas et fullonum officinas cum vestis et lanae sordibus. Nimirum quas ibi reperiunt bestiolas, eae ex sordibus illis iniucundum traxerunt saporem. Quam ob causam semper tutum esse Galenus ait vesci eis, qui in mari aqua dulci non permixto sint capti, sicut pelagiis et saxatilibus; hos enim multo praestare cetéris εἰς εὐχυμίαν καὶ εἰς ἡδονήν. Inde apparet fide esse indignum, quod in quarta Horatii editione Orelliana legitur, in alto mari captos lupos pessimos esse creditos. Oribasius autem monet, si quis captus sit eorum, qui et in mari et in dulci aqua degant, sicut cephalus et lupus, asellus et cobius, murena et cancer et anguillae, prius unde sit captus, esse percontandum, deinde odoratu et gustatu illos discernendos; male enim et olere et sapere eos, qui in aqua impura degant, plus vero adipis habere quam ceteros, sed eosdem celerius putrescere.

Iuvenalem denique omnes consentiunt satira illa quam diximus sordidorum simul et sumptuosorum hominum agitare consuetudinem, in cena sibi et paucis opima quaedam, ut pretiosissimum mullum, praestantissimam murenam, apponendi, clientibus vocatis et minoris census hominibus vilia et minuta, ut anguillam vulgarem et Tiberinum piscem. Hic igitur nullo pacto fieri potest ut lupum intellegat inter duos pontes captum, eoque minus, quod pinguefactum eum ait cloaca maxima. Hanc enim certum est multo infra insulam in amnem effundi. Accedit quod eundem appellat vernulam riparum, cum non solum degat prope ripas sed etiam natus sit; idem enim est verna quod vernaculus, velut apud Varronem De L. Lat. V c. 12 § 23 et Columellam l. VIII c. 2 § 5 al. Quid multa? Illud εἶδος ἰχθύος καταστίκτου quod scholiasta h. l. ait intellegere Iuvenalem, perca fluviatilis est. Haec enim sola maculis distincta est—qua de causa αἰόλη appellatur ab Epicharmo apud Athen. l. VII p. 319 B et E et ἀνθεσίχρως Machonis cenae Att. v. 51—sive ῥάβδος vel ut nunc viri docti dicunt, fasciis, quibus illum carere Princeps Carolus L. Bonaparte diserte testatur. Itaque Xenocrates, ut supra dictum est, eum ἀκαστιγμάνον recte appellat. Perca autem illa, quam dominus ab Iuvenale dicitur apponere, non est sua natura vilis, quippe quam Ausonius Mosellae v. 115 quamquam insolentia quadam verborum usus appellet mensarum delicias,

Библиотека "Руниверс"

amnigenos inter pisces dignandam marinis, sed quod et infra cloacam maximam capta et glacie maculis erat aspersa. Quippe cum hieme caperetur, glacie, qua ripa concreverat, diffracta cutis eius erat secta, ut praeter naturales maculas tales quoque haberet. Ita mordente ioco Iuvenalis dominum destringit, quod non intactum piscem, sed talem iusserit emi, qui minoris veneat. Hoc modo illa verba putaverim esse intellegenda. Quod enim vir quidam doctus dixit hanc inesse illis vim, ut poeta dicat illum piscem frigore esse ulceribus affectum, sicut credo hominum interdum manus ac pedes, id in pisces valere non prius credam, quam talia his quoque accidere aliquis demonstraverit. Pinguescere autem pisces talibus locis, qualis est cloaca maxima, facile credat, qui illa Xenocratis verba quae supra memoravimus, in memoriam sibi reduxerit: ὁ δ' εἰς λίμνας μεθιστάμενος ἰλυώδεις τεναγουμένας πιαινόμενος ἄστομος.

Addo denique quod C. Th. E. de Siebold in libro qui inscribitur Die Suesswasserfische von Mitteleuropa Lipsiae a. MDCCCLXIII emisso p. 46 dicit fascias illas interdum minus apparere, quin etiam evenire, ut prorsus evanescant; cuius modi percae cum praesertim ab Italis sint observatae, fuisse qui singularem speciem esse putarint, quam Italicam appellaverint. Neque vero illorum sententiam posse comprobari.

De *acipensere* nuper A. Marx in Encyclopaediae ed alt. vol. I p. 260 docuit, qui piscis fuerit, ignotum esse. Videamus, verumne dicat. Atque Plinius quidem Nat. Hist. l. VIIII c. 17 § 60 ait eum apud antiquos Romanos piscium nobilissimum habitum esse.

Cuius rei testem non habemus antiquiorem quam *Plautum*, qui in fabula quae inscribitur Bacaria, ut est apud Macrobium Sat. l. III c. 16, parasitum quendam inducat omnium se beatissimum praedicantem, cui scilicet haec ventri portetur pompa:

'nunc qui mihi in mari acipenser latuit antehac,
cuius ego latus in latebras reddam meis dentibus et mandibulis.'

Deinde est C. Laelius ille sapiens in *Lucilii* Sat. l. IV v. 4 commiserans Gallonium praeconem, celebrem illa aetate lurconem, his versibus, qui extant apud Ciceronem De Fin. l. III c. 8 § 24:

'o Publi, o gurges, Galloni: es homo miser, inquit,
cenasti in vita nunquam bene, cum omnia in ista
consumis squilla atque acupensere cum in decumano'.

P. *Scipionis* autem Africani et Numantini aetate quanti acipenser aestimatus sit, testis est Cicero, qui in Dialogi de fato parte quadam, quae

Библиотека "Руниверс"

apud eundem Macrobium extat, narrat, cum acipensere quondam in Lavernio illi allato unum et alterum ex his, qui salutatum venissent, invitasset, Pontium, qui una fuisset, ei in aurem dixisse: vide quid agas, acipenser iste paucorum hominum est. Quae res cum in Lavernio gesta esset, quod praedium Scipionis prope Formias situm fuisse e Ciceronis Ep. ad Atticum l. VII 8 apparet, acipenser ille sine dubio captus erat in mari Tusco; pisces autem esse μετρίους κατὰ τὸν Ἀδρίαν, ἡδοτάτους δὲ κατὰ τὸ Τορρηνικὸν legitur apud Xenocratem ed. Oribasii Daremb. I p. 124. Ceterum Cicero quod de praestantia acipenseris dicit, audita compertum habuit; addit enim: 'admodum raro capitur, sed est piscis, ut ferunt, in primis nobilis'.

Eadem Ciceronis de acipensere sententia est Disput. Tusc. l. III c. 19 § 43, cum quaerit: 'si quem tuorum afflictum maerore videris, huic acipenserem potius quam aliquem Socraticum libellum dabis?'

Horatius deinde, Lucilium sine dubio spectans, l. II Sat. 2 v. 46 non ita pridem, inquit, i. e. ante hos circiter centum annos

> 'Galloni praeconis erat acipensere mensa
> infamis',

ipsius autem aetate homines aliter sentire rhombumque et ciconiam in deliciis habere didicisse. De acipensere idem *Plinius* testatur, cum Nat. Hist. l. VIIII c. 17 § 60 dicit: 'nullo nunc in honore est, quod quidem miror, cum sit rarus inventu.' Quo enim rarior erat, eo pluris eum aestimari ab hominibus gulae deditis consentaneum putavit.

Atque restitutum eum esse in pristinum honorem *Martialis* xenion docet l. XIII 91 hoc:

> 'Ad Palatinas acipensem mittite mensas:
> ambrosias ornent munera rara dapes.'

Centum fere annis post non ad Palatinas quidem, sed tamen ad pontificiales cenas, quibus princeps intererat, adhibitum esse acipenserem *Serenus Samonicus* medicus testatur, aequalis L. Septimii Severi Caesaris, qui a. post Chr. n. CLXXXXVI Byzantium, duobus annis post Ctesiphontem, Parthorum regni caput delevit, et Caracallae filii eius, cuius iussu interfectus est. Hic enim, ut est apud Macrobium Sat. l. III c. 16 § 5, principi suo in epistula quadam cum alia scribit tum haec: Plinium, quem quidem ad usque Traiani imperatoris venisse aetatem ait, de pretio illius piscis temporibus suis verum dicere. Tum

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРІЯ ФИЗИКИ.

ОПЫТЪ ИЗУЧЕНІЯ ЛОГИКИ ОТКРЫТІЙ ВЪ ИХЪ ИСТОРІИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Физика въ XVII вѣкѣ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Приращеніе капитала физическихъ знаній въ XVII вѣкѣ: физика къ концу XVII вѣка.

Книга первая.

Механическая часть физики.

Глава первая

Законы движенія.

I. *Законы природы какъ законы движенія. Три закона движенія, принятые Ньютономъ.* Согласно, созданной великими умами XVII вѣка механической философіи природы, разсматривающей матеріальный міръ какъ механизмъ, всѣ явленія этого міра суть явленія движенія. По выраженію Ньютона, „вся трудность изслѣдованія природы сводится къ тому, чтобы изъ явленій движенія вывести силы природы и потомъ помощію этихъ силъ объяснить остальныя явленія“ [1]). Какъ

[1]) „Omnis enim philosophiae difficultas in eo versari videtur, ut a phaenomenis motuum investigemus vires naturae, deinde ab his viribus demonstremus phaenomena reliqua“. (Въ предисловіи къ „Principia“—Opera. T. II, p. X).

Библиотека "Руниверс"

явленія движенія, явленія природы подчинены нѣкоторымъ опредѣленнымъ законамъ, которые безразлично можно именовать законами природы, или законами движенія. Законы эти постоянны и неизмѣнны: при тѣхъ же данныхъ въ каждомъ случаѣ неотразимы тѣ же послѣдствія. Участіе тайныхъ силъ, повсюду усматривавшееся въ предшествовавшую эпоху, изгоняется изъ научныхъ объясненій. Чудесное въ природѣ представителями научнаго знанія или вовсе отрицается: „o святая природа! вѣчный порядокъ вещей („o sancta Natura! aeterna rerum ordo"), восклицалъ химикъ Бехеръ [1]) и признается лишь какъ относящееся исключительно къ области спасенія; или допускается, такъ думалъ Ньютонъ — въ естественномъ ходѣ вещей какъ продолженіе творческаго акта, потребное въ будущемъ для возстановленія разстройства, къ какому ведетъ естественный ходъ явленій. Во всякомъ случаѣ постоянство законовъ природы составляетъ основное положеніе новаго естествознанія и голландскій профессоръ Гравезандъ, одинъ изъ главныхъ истолкователей „ньютоніанской философіи", задачею новой физики поставлялъ открывать неизмѣнные законы, установленные Создателемъ при образованіи вселенной и которымъ Онъ слѣдуетъ въ управленіи матеріальнымъ міромъ" [2]).

---

[1]) Лейбницъ называетъ выраженіе это молитвою Бехера („Теодицея". Oeuvr. ed. Charpentier, II, 331).

[2]) Такъ училъ Ньютонъ и столь же благочестивый Р. Бойль. Бойль возмущался противъ приписывавшихъ происхожденіе этихъ законовъ „воображаемой причинѣ, которую они выражаютъ смутнымъ словомъ природа; „химерическая природа". „De ipsa natura, desquisitio ad amicum". О сочиненіи этомъ есть рефератъ въ „Biblioth. Univers". Клерка, за 1686 годъ; III, 530.

Галлей въ латинскомъ стихотвореніи въ честь „Началъ" Ньютона — „In viri prestantissimi Isaaci Newtoni opus hocce mathematico-physicum seculi gentisque nostrae decus egregium"—говоритъ:

En tibi norma poli et divae libramina molis,
Computus en Iovis; et quas dum primordia rerum
Pangerot Omniparens leges violare Creator
Noluit atque operum quae fundamenta locarit,
Intime penduntur victi penetralia coeli,
Nec latet extremos quae vis circumrotat orbes...

Библиотека "Руниверс"

Декартъ, первый наименовавшій законы движенія законами природы, выводилъ ихъ постоянство изъ неизмѣнности божества. „Такъ какъ Богъ, писалъ онъ въ своихъ „Началахъ философіи“ (Pars II), неизмѣненъ и дѣйствуетъ всегда одинакимъ образомъ, то мы можемъ достичь знанія нѣкоторыхъ опредѣленныхъ правилъ, которыя и называемъ законами природы и которыя суть ближайшія причины различныхъ движеній, замѣчаемыхъ нами во всѣхъ тѣлахъ“. Такихъ законовъ Декартъ указывалъ три: 1) всякая вещь пребываетъ въ своемъ состояніи, пока ни что состоянія этого не измѣнитъ, 2) всякое тѣло стремится продолжать движеніе по прямой линіи, 3) (ошибочный законъ) если движущееся тѣло встрѣчаетъ другое сильнѣйшее, то не теряетъ ничего изъ своего движенія (измѣняя лишь направленіе), а если встрѣчаетъ слабѣйшее, которое въ состояніи привести въ движеніе, то теряетъ столько, сколько сообщаетъ. Объ этомъ ученіи Декарта мы уже говорили въ первомъ отдѣлѣ (книга III, гл. 3, § 10, стр. 461).

Три закона движенія, и нынѣ составляющіе основаніе всего механическаго ученія, выражены Ньютономъ. Въ началѣ своего великаго сочиненія „Philosophiae naturalis principia mathematica“, послѣ нѣсколькихъ страницъ, посвященныхъ опредѣленію понятій: количество матеріи, количество движенія, сила инерціи, сила центростремительная и различенія абсолютнаго и относительнаго времени, пространства и движенія, Ньютонъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ аксіомы или законы движенія: axiomata sive leges motus, сопровождая каждый нѣсколькими строками поясненія (строки эти приведены будутъ ниже):

Первый законъ: Всякое тѣло, находящееся въ покоѣ или движущееся равномѣрно въ прямомъ направленіи, сохраняетъ свое состояніе, если только нѣтъ силъ, вынуждающихъ его измѣнить это со-

---

„Вотъ тебѣ истина полюса и силы стремленія дивной громады міра; вотъ расчеты Юпитера; вотъ тѣ законы, которые ненарушимо установилъ всепронзводящій Творецъ, когда утверждалъ первыя начала вещей; вотъ фундаменты творенія, которые онъ поставилъ. Глубоко открываются скрытыя нѣдра побѣжденнаго неба и не остается въ тайнѣ сила круговращающая отдаленнѣйшіе шары“.

Библиотека "Руниверс"

стояніе. Corpus omne perseverare in statu suo quiescendi vel movendi uniformiter in directum, nisi quatenus illud a viribus impressis cogitur statum suum mutari.

Второй законъ: Перемѣна въ движеніи пропорціональна производящей ее силѣ и происходитъ по направленію прямой линіи, по которой дѣйствуетъ эта сила. Mutationem motus proportionalem esse vi motrici impressae et fieri secundum lineam rectam qua vis illa imprimitur.

Третій законъ: Дѣйствію всегда равно и противоположно противодѣйствіе; другими словами: дѣйствія двухъ тѣлъ взаимно одного на другое всегда равны и противоположно направлены. Actioni contrariam semper et aequalem esse reactionem: sive corporum duorum actiones in se mutuo semper esse aequales et in partes contrarias dirigi.

Законы приведены и принимаются какъ аксіомы. Узнаны они чрезъ наблюденіе и опытъ. Оправданіе ихъ въ томъ, что безъ нихъ необъяснимъ порядокъ существующихъ вещей; при допущеніи же ихъ порядокъ этотъ уразумѣвается и объясняется. При ихъ всеобщности,—такъ какъ они обнимаютъ безграничный міръ,—ближайшій опытъ рукъ не достаточенъ къ ихъ утвержденію. Опытъ даетъ лишь указанія, позволяетъ догадываться, что было бы въ условіяхъ непосредственному опыту неподчиненныхъ, побуждаетъ признать ихъ аксіомами. Ихъ оправданіе въ развитіи, на основаніи ихъ, системы механики, согласной во всемъ, какъ оказывается, съ опытомъ и наблюденіемъ.

II. *Первый законъ движенія. Значеніе понятія косность или инерція.* Въ своемъ выраженіи перваго закона, получившаго потомъ наименованіе *закона косности*, Ньютонъ пользуется терминомъ *тѣло, corpus.* Въ общеупотребительномъ смыслѣ тѣло есть нѣкоторая часть матеріи,—нѣкоторое ея количество,—разсматриваемая какъ нѣкоторое отдѣльное цѣлое, занимающее извѣстный объемъ. При такомъ представленіи, положеніе перваго закона, говорящее о прямолинейномъ, равномѣрномъ движеніи *тѣла* примѣнимо къ тому лишь случаю движенія тѣла,

Библиотека "Руниверс"

когда всѣ его точки описываютъ прямыя параллельныя между собою линіи. Сохраненіе движенія тѣла, имѣющаго, кромѣ поступательнаго, вращательное движеніе,—напримѣръ, брошеннаго въ пространство и не испытывающаго никакого дѣйствія извнѣ,—не включено въ формулу закона. Ньютонъ, впрочемъ, въ пояснительныхъ къ первому закону строкахъ упоминаетъ и о вращательномъ движеніи. Вотъ эти строки: „пущенное ядро сохраняетъ движеніе, насколько не замедляетъ его сопротивленіе воздуха и не отклоняетъ его отъ его направленія сила тяжести. Волчекъ (trochus), части котораго вслѣдствіе сцѣпленія постоянно отклоняются отъ прямолинейнаго движенія, не перестаетъ вращаться пока не остановитъ его замедленіе отъ сопротивленія воздуха (non cessat rotari, nisi quatenus ab aere retardatur). Но большія тѣла, планеты и кометы, сохраняютъ, въ мало сопротивляющихся средахъ, ихъ поступательное и вращательное движеніе долгайшее время". Такимъ образомъ законъ о сохраненіи движенія, непосредственно примѣнимый, въ той формѣ какъ выраженъ, къ элементарной частицѣ, всю матерію которой можно разсматривать сосредоточенною въ одной точкѣ, распространяется и на цѣлое тѣло. Но для воображенія представленіе о такомъ движеніи тѣла, когда поступаніе соединяется со вращеніемъ, принадлежитъ къ весьма труднымъ задачамъ даже въ случаѣ тѣла, разсматриваемаго какъ неизмѣнная система. (Удовлетворительное рѣшеніе этой задачи лишь въ нынѣшнемъ вѣкѣ далъ Поансо и оно составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ великаго геометра). Употребляя въ своей формулѣ закона нѣсколько неопредѣленное выраженіе тѣло, Ньютонъ, какъ видно изъ послѣдующаго изложенія, имѣлъ въ виду тѣ случаи, когда всю матерію этого тѣла можно разсматривать какъ бы соединенною въ одной точкѣ. Въ этомъ смыслѣ говоритъ онъ, напримѣръ, о тѣлѣ, къ которому приложены всѣ силы подъ угломъ (corpus viribus conjunctis... diagonalem... describere); о тѣлахъ, притягиваемыхъ къ центру и между собою и т. д. Однимъ словомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ впослѣдствіи вводитъ былъ терминъ „матеріальная точка".

Для яснаго пониманія перваго закона существенно различеніе двухъ

Библиотека "Руниверс"

случаевъ: случая движенія матеріальной *точки* и случая движенія матеріальной *системы*, разумѣя подъ именемъ системы совокупность точекъ, или неизмѣнно связанныхъ между собою, или находящихся въ связи, подчиненной опредѣленнымъ условіямъ. Формула закона непосредственно приложима къ случаю точки; законъ распространяется и на систему, насколько ему подчинена каждая изъ матеріальныхъ точекъ систему эту составляющихъ.

Первый законъ принято именовать закономъ косности. Имъ, впрочемъ, не исчерпываются явленія, зависящія отъ того, что принято называть *косностію* или *инерціею* матеріи, какъ характеристическимъ ея отличіемъ. Косность, какъ отличительное свойство матеріи, сказывается во всѣхъ трехъ законахъ движенія и обнаруживается, кромѣ явленій сохраненія движенія, въ обширномъ кругѣ явленія сообщенія движенія чрезъ взаимодѣйствіе тѣлъ.

Въ чемъ состоитъ свойство косности? Понятіе это имѣетъ двоякое значеніе. Терминомъ косность или инерція обозначаются двѣ не одинакія вещи. Косность, во-первыхъ, есть обозначеніе пассивности матеріи. Если бы матеріальная точка или элементарная матеріальная частица была одна, то въ состояніи ея покоя или движенія — прямолинейнаго и равномѣрнаго,—никакой перемѣны отъ нея самой произойдти бы не могло. Въ матеріальной точкѣ или частицѣ, самой по себѣ, нѣтъ никакого условія, которое можно бы было разсматривать какъ побужденіе къ движенію или къ успокоенію. Перемѣна въ состояніи ея покоя или движенія можетъ происходить лишь отъ дѣйствія на нее *силъ*, отъ другихъ матеріальныхъ точекъ или частицъ. Въ значеніи отрицательнаго свойства косность не имѣетъ степеней, не можетъ быть болѣе или менѣе.

Но косность матеріальной точки понимается, во-вторыхъ, и въ положительномъ смыслѣ. То же самое дѣйствіе, извнѣ направленное на матеріальную точку A и на матеріальную точку B можетъ сопровождаться неодинаковыми послѣдствіями. Послѣдствія зависятъ отъ того, какое количество матеріи представляетъ собою точка A сравнительно съ точкою B; какъ велика *масса* той и другой точки. Ньютонъ

Библиотека "Руниверс"

не упоминаетъ о косности, какъ отрицательномъ свойствѣ матеріи и не именуетъ перваго закона закономъ косности. О косности онъ говоритъ въ „опредѣленіяхъ“ какъ и о нѣкоторой силѣ сопротивленія матеріальной точки оказываемому на нее извнѣ дѣйствію и указываетъ, что сопротивленіе это пропорціонально количеству матеріи или массѣ, сосредоточенной въ этой точкѣ. Къ опредѣленію этому мы еще вернемся. Въ вопросахъ о сохраненіи покоя или движенія косность имѣетъ значеніе въ первомъ смыслѣ, въ вопросахъ о сообщеніи движенія во второмъ.

Идея косности какъ сопротивленія тѣсно связана съ идеею о *непроницаемости* матеріи. Какъ происходитъ сообщеніе движенія? Наблюденіе явленій, происходящихъ при встрѣчѣ тѣлъ, ведетъ къ заключенію, что матерія, наполняющая геометрическій объемъ тѣла, обладаетъ непроницаемостію. Матерія одного тѣла не можетъ замѣстить собою матеріи другаго тѣла, не вытѣснивъ ее изъ занимаемаго ею мѣста. Потому, если тѣло, движущееся быстрѣе чѣмъ другое, встрѣчаетъ на пути своемъ это послѣднее, то не можетъ пройдти сквозь него, а производитъ явленіе *удара*. Въ явленіи непроницаемости Эйлеръ видѣлъ истинный источникъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ. „Въ непроницаемости, говорилъ онъ, заключается истинное происхожденіе силъ, постоянно измѣняющихъ состояніе тѣлъ въ этомъ мірѣ; въ ней истинная разгадка великой тайны, такъ мучившей философовъ“ [1]).

Изъ міра тѣлъ понятіе о непроницаемости переносится въ міръ частицъ. И даже болѣе: въ этомъ мірѣ ея настоящее мѣсто, ибо въ мірѣ тѣлъ возможно втѣсненіе въ данный объемъ новаго и новаго количества матеріи — явленіе имѣющее свое объясненіе въ томъ, что не весь геометрическій объемъ тѣла наполненъ матеріею, его составляющей и между частицами его находятся пустые промежутки. Не-

[1]) „Lettres à une princesse d'Allemagne“ (II p., lettre 9; ed. Charpentier 201). „C'est donc l'impenétrabilité des corps, qui renferme la veritable origine des forces, qui changent continuellement l'état des corps en ce monde; et c'est le vrai dénoûement du grand mystère, qui a tant tourmenté les philosophes“.

Библиотека "Руниверс"

проницаемость принадлежитъ этимъ первичнымъ частицамъ. Идея непроницаемости такимъ образомъ ведетъ насъ въ область теоретическихъ представленій и есть принадлежность атомистическаго ученія. Чисто математическое представленіе о частицѣ, какъ матеріальной точкѣ и о тѣлѣ, какъ нѣкоторой системѣ матеріальныхъ точекъ, допускающее, что между матеріальными точками существуютъ притягательныя и отталкивательныя дѣйствія на разстояніи, по линіямъ соединяющимъ эти точки, не нуждается въ идеи непроницаемости, такъ какъ не допускаетъ прикосновеній: матеріальныя точки всегда остаются на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой. Масса матеріальной точки есть то, что отличаетъ одну точку отъ другой. При одинаковомъ дѣйствіи, скорости пріобрѣтаемыя точками A и B (или точнѣе—ускоренія, то-есть, приращенія или ущербы скорости) обратно пропорціональны величинѣ ихъ массъ. Масса есть отношеніе силы къ ускоренію. Изъ изложеннаго видимъ, что начало косности, весьма просто примѣнимое въ вопросахъ о сохраненіи движенія, въ вопросахъ о сообщеніи движенія связано съ трудными и сложными соображеніями. Иногда, какъ прямое подтвержденіе начала косности, приводятъ явленія для объясненія которыхъ одного начала косности далеко не достаточно. Пуля пробиваетъ стекло, производя круглое отверстіе, но стекла не раздробляя. Сильный ударъ разламываетъ палку, лежащую концами на двухъ рюмкахъ съ налитою жидкостью: рюмки не испытываютъ потрясенія и остаются на своемъ мѣстѣ, не расплескавшись. Изъ подъ столбика монетъ можно сильнымъ движеніемъ выдернуть листъ, на которомъ столбикъ стоитъ: столбикъ не распадется и т. д. Для объясненія этихъ явленій не достаточно сказать, что онѣ суть свидѣтельства косности тѣлъ. Слѣдуетъ еще принять—и это главное—что движеніе отъ ударяемой части не передается заразъ всему тѣлу, а требуетъ времени для сообщенія, и при сильномъ кратковременномъ ударѣ часть эта можетъ отдѣлиться отъ остальнаго тѣла прежде чѣмъ передача дошла до него. При чемъ тутъ какое либо спеціальное участіе косности?"

Возвратимся къ закону сохраненія тѣломъ его покоя или движенія.

Библиотека "Руниверс"

Въ эпоху Галилея школьное ученіе, послѣдуя Аристотелю, различало два рода движенія: *естественное*—круговое для однихъ, прямолинейное для другихъ тѣлъ,—тѣламъ этимъ прирожденно и не требуетъ какого либо особаго объясненія, и *насильственное*, длящееся пока дѣйствуетъ производящая его причина. Въ первомъ отдѣлѣ настоящей части, въ Діалогѣ Галилея мы читали въ бесѣдѣ перваго дня внимательную критику школьнаго ученія о движеніи, сдѣланную Галилеемъ и отсылаемъ къ его занимательному изложенію. Здѣсь напомнимъ лишь о томъ, какъ Галилей (стр. 91—96) представлялъ себѣ движеніе шара катящагося, вслѣдствіе данной ему скорости по безграничной плоскости. Галилей говоритъ о горизонтальной поверхности, разсматривая ее не какъ плоскость, а какъ сферическую поверхность, и о шарѣ, имѣющемъ вѣсъ. Представленіе о тѣлѣ какъ массѣ, не имѣющей вѣса и о тяжести, какъ о внѣшней тѣлу физической силѣ, еще отсутствуетъ, какъ мы замѣтили (стр. 96) у Галилея [1]).

Упомянемъ въ заключеніе объ интереснонъ соображеніи, встрѣчающемся въ изложеніи механическаго ученія Ньютона, сдѣланномъ Макъ Лореномъ. „Тѣло, помѣщенное на палубѣ корабля, остается въ покоѣ, когда судно движется равномѣрно и прямолинейно. То же бываетъ съ тѣломъ, которое упосится въ нѣкоторомъ помѣщеніи, имѣющемъ прямолинейное равномѣрное движеніе. Если бы тѣло, находящееся въ движеніи, стремилось придти въ покой, то помѣщенное на палубѣ движущагося судна, оно само собою перемѣщалось бы къ рулю. И это было бы столь же удивительно, какъ если бы на покоющемся кораблѣ тѣло само собою передвигалось".

III. *Второй законъ движенія*: *законъ относительнаго движенія*. Отсылаемъ прежде всего къ замѣчательнымъ разсужденіямъ Галилея о сложеніи движеній по поводу вопроса о движеніи тѣлъ на вращающейся землѣ (бесѣда втораго дня) и къ превосходной страницѣ о

[1]) Cp. Wohlwill, „Die Entdeckung des Beharrungsgezetzes" въ „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft", 1883—1884. ч. XIV и XV.

Библиотека "Руниверс"

явленіяхъ на движущемся кораблѣ (стр. 101 перваго отдѣла настоящей части). Въ трактатѣ Галилея лучше всего можно ознакомиться съ явленіями, разъясненіе которыхъ составляетъ предметъ втораго закона движенія.

Ньютонъ даетъ второму закону чисто математическое выраженіе, усматривая въ физическомъ явленіи независимости движеній необходимое послѣдствіе математическаго закона.

„*Перемѣна въ движеніи*, читаемъ у Ньютона, *пропорціональна производящей эту перемѣну силѣ и происходитъ по направленію прямой линіи, по которой дѣйствуетъ эта сила*. Если какая либо сила производитъ нѣкоторое движеніе, то двойная сила произведетъ двойное, тройная тройное движеніе, будетъ ли дѣйствовать разомъ или постепенно и послѣдовательно. И движеніе это, направляемое всегда въ сторону куда дѣйствуетъ сила—въ случаѣ если тѣло уже находится въ движеніи,—прибавляется къ его движенію въ случаѣ согласія направленій, вычитается изъ него въ противномъ случаѣ, а въ случаѣ, когда сила дѣйствуетъ подъ угломъ къ направленію движенія слагается съ нимъ въ зависимости отъ своего направленія и отъ направленій движенія“ [1]).

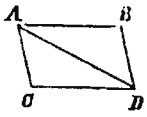
Въ приведенномъ сжатомъ изложеніи можно усмотрѣть двѣ основныя идеи: во-первыхъ, пропорціональность силы производимому ускоренію и во-вторыхъ разложеніе и сложеніе движеній соотвѣтственно разложенію и сложенію силъ. Этотъ важный принципъ развитъ въ первомъ дополненіи (corollarium 1) непосредственно слѣдующемъ за изложеніемъ законовъ движенія. Вотъ этотъ корольрій:

„*Тѣло отъ соединеннаго дѣйствія силъ описываетъ діагональ параллелограмма въ то самое время, въ которое стороны описываются отъ ихъ отдѣльныхъ дѣйствій*. Пусть тѣло (фиг. 1) въ данное время отъ од-

[1]) „Si vis aliqua motum quemvis generet, dupla duplum, tripla triplum generabit sive simul et semel, sive gradatim et successive impressa fuerit. Et hic motus (quoniam in eandem semper plagam cum vi generatrice determinatur) si corpus antea movebatur, motui ejus vel conspiranti additur, vel contrario subducitur, vel obliquo adjicitur et cum eo secundum utriusque determinationem componitur“.

Библиотека "Руниверс"

ной силы M, подѣйствовавшей въ A, переносится равномѣрнымъ движеніемъ отъ A къ B, а отъ одной силы N, въ томъ же мѣстѣ подѣйствовавшей, переносится отъ A къ C. Дополнимъ параллелограммъ $ABCD$. Тѣло отъ соединеннаго дѣйствія силъ въ то же время пройдетъ діагональ AD. Ибо такъ какъ сила дѣйствуетъ по линіи AC, параллельной BD, то сила эта по второму закону ничего не измѣнитъ въ скорости приближенія къ линіи AD, производимаго другою силою. Посему тѣло, дойдетъ до линіи BD въ одинакое время, дѣйствовала ли сила N или нѣтъ, и къ концу этого времени будетъ гдѣ нибудь на линіи BD. Изъ такихъ же соображеній слѣдуетъ, что къ концу того же времени тѣло должно находиться гдѣ нибудь на линіи CD. Необходимо, слѣдовательно, чтобы оно было на пересѣченіи этихъ линій. Согласно первому закону, оно прямолинейно пройдетъ отъ A къ D".

Фиг. 1.

Весьма ясное понятіе о томъ, какъ понималъ Ньютонъ второй законъ движенія, можно получить, если сравнить представленіе Ньютона съ тѣмъ, что выражено было потомъ въ аналитической формѣ, помощію основныхъ уравненій динамики точки. Ньютонъ принимаетъ какъ аксіому или законъ то, что аналитически выражается этими уравненіями. Въ случаѣ силы дѣйствующей по направленію движенія пропорціональность силы производимому ускоренію, какъ извѣстно выражается уравненіемъ $P=m\frac{dv}{dt}=m\frac{d^2s}{dt^2}$, гдѣ P величина силы, m масса, s проходимый путь, v скорость равная $\frac{ds}{dt}$; dv приращеніе скорости, $\frac{dv}{dt}$ ускореніе. Въ случаѣ силы, дѣйствующей подъ угломъ относительно направленія движенія, вмѣсто одного уравненія имѣются три получаемыхъ чрезъ разложеніе силы и движенія точки по тремъ осямъ координатъ. Назвавъ слагающія силы буквами X, Y, Z имѣемъ

$$X=m\frac{d^2x}{dt^2},\quad Y=m\frac{d^2y}{dt^2},\quad Z=m\frac{d^2z}{dt^2}$$

Допустить эти уравненія значитъ допустить, что ускорительное

Библиотека "Руниверс"

дѣйствіе каждой слагающей происходитъ такъ, какъ если бы она не была результатомъ разложенія, а самостоятельною силою дѣйствующею по направленію движенія на соотвѣтствующей оси координатъ и наоборотъ, ускорительное дѣйствіе равнодѣйствующей происходитъ такъ, какъ если бы она не была самостоятельною силою, а лишь геометрическимъ результатомъ сложенія трехъ дѣйствительныхъ силъ, одновременно произведшихъ свои ускоренія.

Ньютонъ не разлагалъ силу по осямъ координатъ (это разложеніе введено Макъ Лореномъ); но начало независимости дѣйствія силы отъ дѣйствія другихъ силъ и отъ первоначальнаго движенія точки принимается имъ какъ аксіома и выражена въ формѣ втораго закона.

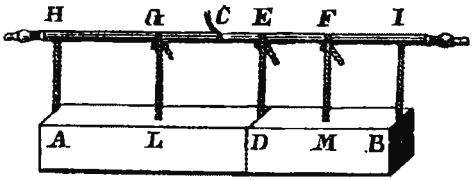
Какъ слѣдствіе такого допущенія, имъ выражено въ корольларіи пятомъ то физическое явленіе, которое такъ изящно описано Галилеемъ, какъ опытъ производимый подъ палубою прямолинейно и равномѣрно-движущагося корабля. „Корольларій V. *Относительныя движенія тѣлъ заключенныхъ въ данномъ пространствѣ происходятъ одинаково, находится-ли это пространство въ покоѣ, или движется равномѣрно по прямому—но не круговому—направленію.* Разности движеній къ одну сторону и сумма движеній противоположнаго направленія (согласно предположенію) тѣ же въ обоихъ случаяхъ; отъ этихъ суммъ или разностей происходятъ соединенія и удары тѣлъ между собою. Потому, по второму закону, послѣдствія столкновенія будутъ одинаковы въ обоихъ случаяхъ; и относительныя движенія въ первомъ случаѣ будутъ таковы же, какъ во второмъ. Это явственно доказывается опытомъ. Всѣ движенія въ кораблѣ происходятъ одинаково, находится-ли онъ въ покоѣ или движется равномѣрно и прямолинейно“ [1]).

---

[1]) „*Corol. V. Corporum dato spatio inclusorum ūdem sunt motus inter se, sive spatium ullud quiescat, sive moveatur idem uniformiter in directum., sine motu circulari.* Nam differentiae motuum tendentium ad eandem partem et summa tendentium ad contrarias, eaedem sunt sub initiō in utroque casu (ex hypothesi) et ex his summis vel differentiis oriuntur congressus et impetus, quibus corpora se mutuo feriunt. Ergo per legem II aequales erunt congressuum effectus in utro-

Библиотека "Руниверс"

IV. *Параллелограммъ силъ какъ основное начало статики по Ньютону.* Со времени Архимеда ученіе о равновѣсіи и о машинахъ основывалось на правилѣ рычага. Обширный трактатъ Гвидо Убальди (Guido Ubaldi, маркизъ Del Monte, Mechanicorum libri VI, 1577 г.) выражающій собою состояніе механики къ концу XVI вѣка и въ которомъ авторъ трактуетъ о пяти орудіяхъ Паппуса—о рычагѣ, блокѣ, воротѣ, клинѣ и винтѣ, все построено на началѣ рычага. Галилей въ своемъ небольшомъ трактатѣ о механикѣ (составленномъ въ 1593 г. и долгое время распространенномъ въ рукописи; въ 1634 году отецъ Мерсенъ перевелъ трактатъ по французски подъ заглавіемъ „Mecaniques de Galilée“) основываетъ сужденіе на правилѣ рычага и случай наклонной плоскости приводитъ къ ломаному рычагу съ равными вѣтвями, изъ которыхъ одна перпендикулярна къ плоскости, другая горизонтальна.

Фиг. 2.

Въ „Discorsi e demostrationi intorno e due nuove scienze“ Галилей даетъ свое доказательство правила рычага, влагая его въ уста Сальвіати (Op. XIII, 113). „*Сальвіати*... Представимъ себѣ (фиг. 2) цилиндръ или призму *AB* повѣшенные на линіи *HI* посредствомъ нитей *HA* и *IB*. Если такой приборъ виситъ на нити, привязан-

---

que casu; et propterea manebunt motus inter se, in uno casu, aequales motibus inter se in altero. Idem comprobatur experimento luculento. Motus omnes codem modo se habent in navi, sive ea quiescat, sive moveatur uniformiter in directum“.

Въ слѣдующемъ корольріи Ньютонъ указываетъ, что и въ случаѣ ускорительнаго движенія системы, одинаковаго для всѣхъ ея точекъ, относительныя движенія происходятъ такъ какъ если-бы общаго движенія не было. Такимъ случай падающей системы. О моихъ опытахъ, относящихся къ явленіямъ въ падающей системѣ, будетъ сказано ниже.

Библиотека "Руниверс"

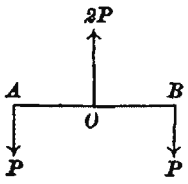
ной къ срединѣ рычага HI въ точкѣ C, то безъ всякаго сомнѣнія призма AB будетъ находиться въ равновѣсіи, потому что одна половина ея тяжести находится по одну сторону точки опоры, а другая по другую, а это согласно съ нашею основною аксіомою. Теперь положимъ, что призма раздѣлена плоскостію D на двѣ неравныя части, изъ коихъ AD есть большая, а DB меньшая. Предполагая, что послѣ этого раздѣленія части призмы остаются на своихъ мѣстахъ, но что для прочности нить ED привязанная къ HI въ точкѣ E, поддерживаетъ части AD и DB, мы убѣждаемся, что равновѣсіе данной призмы, распавшейся на два куска, но не перемѣнившей своего положенія относительно рычага HI, по прежнему сохраняется. Но равновѣсіе сохранилось бы и въ томъ случаѣ, если бы для первой части AB крайнія нити AH и ED были замѣнены одною нитью GL, помѣщенной въ срединѣ, а для второй части DB крайнія нити ED и IB подобнымъ образомъ были замѣнены одною нитью MF. И такъ можно уничтожить нити HA, ED и IB замѣнивъ ихъ новыми LG и FM и равновѣсіе будетъ не нарушено (если только весь приборъ по прежнему повѣшенъ въ C). Такимъ образомъ, мы получили двѣ уравновѣшивающіяся тяжести AD и DB висящія на концахъ G и F рычага GF, въ которомъ точка опоры помѣщена въ C, такъ что линіи GC и FC суть разстоянія, соотвѣтствующія тяжестямъ AD и DB. Остается доказать, что эти разстоянія относятся между собою обратно висящимъ на нихъ тяжестямъ, т.-е., что разстояніе GC во столько разъ меньше CF, во сколько тяжесть DB меньше AD. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ GE составляетъ половину EH и EF половина EI, то вся линія GF есть половина HI и равна CI. Вычитая общую часть CF получимъ, что остатокъ GC равенъ остатку FI или FE. Прибавляя къ GC и къ FE по равному отрѣзку CE получимъ, что GE равно CF. Отсюда имѣетъ пропорцію $FC:CG=GE:EF$: удвоивъ вторые члены этой пропорціи, получимъ новую $FC:CG=HE:EI$. Если первоначальная призма была вполнѣ правильна и вещество ея вездѣ одинаково, то вмѣсто HE и EI, изображающихъ длины отрѣзковъ AD и BD, мы можемъ взять самые от-

Библиотека "Руниверс"

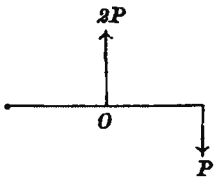
рѣзки; тогда $FC : CG = AD : BD$, что и требовалось доказать... Если бы призмы AD и DB превратились въ кубы, цилиндры или другія какія-либо фигуры (только бы при этомъ точки ихъ привѣса остались въ G и F), то равновѣсіе не нарушилось бы, потому что, безспорно, количество матеріи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣсъ прежнихъ и новыхъ фигуръ, остается одинъ и тотъ-же. Отсюда можемъ вывести заключеніе: вообще два тѣла, каковы бы они ни были, уравновѣшиваются на рычагѣ, коль скоро разстоянія ихъ отъ точки опоры обратно пропорціональны ихъ вѣсу" [1]).

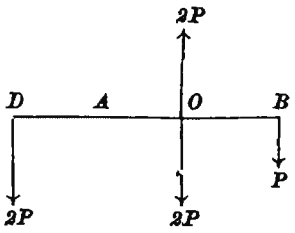
[1]) Можетъ быть не излишне сохранить забытое нынѣ доказательство правила рычага, данное однимъ изъ первыхъ истолкователей Ньютона, Маклореномъ (Expos. des decouvertes philosophiques de M. Newton; trad. par Larivotte Paris 1749). Два равные груза P и P на равноплечемъ рычагѣ (фиг. 3) остаются, очевидно, въ равновѣсіи и давятъ на точку опоры O съ силою равною ихъ

Фиг. 3.

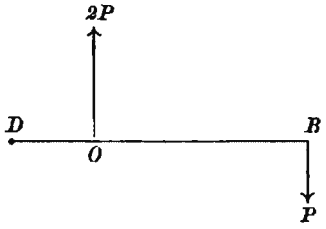

Фиг. 4.

Фиг. 5.

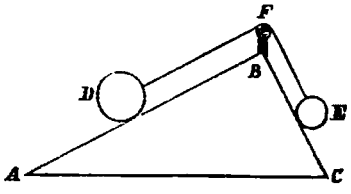
Фиг. 6.

суммѣ, то есть $2P$. Потому, вмѣсто того чтобы подпирать рычагъ, мы можемъ приложить въ точкѣ O силу $2P$ дѣйствующую вверхъ: рычагъ останется въ равновѣсіи. Равновѣсіе сохранится, если вмѣсто одного изъ грузовъ R помѣстимъ надъ концемъ A неподвижное препятствіе. Но въ такомъ случаѣ будемъ имѣть то, что именуется рычагомъ второго рода. Видимъ, что на рычагѣ этого рода

Библиотека "Руниверс"

Вопросъ о равновѣсіи тѣлъ на наклонной плоскости Стевинъ въ „Hypomnemata mathematica“. 1605. Leyde, разрѣшилъ весьма оригинальнымъ пріемомъ [1]).

Имѣемъ треугольникъ ABC поставленный (фиг. 7) въ вертикальной плоскости и основаніе котораго параллельно горизонту. Пусть сторона AB вдвое болѣе стороны BC. На сторонѣ AB помѣстимъ нѣкоторый вѣсъ P, на сторонѣ BC вѣсъ Q соединенные нитью. Вѣса останутся въ равновѣсіи, если относятся между собою какъ стороны AB и BC.

Фиг. 7.

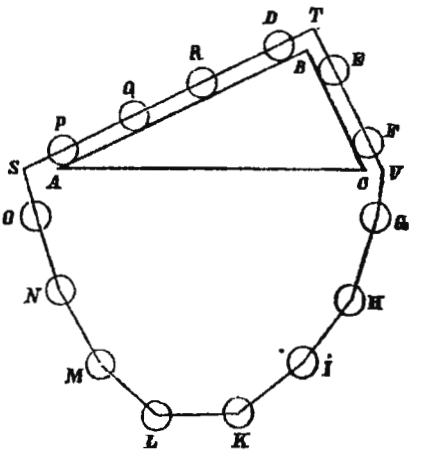
Представимъ себѣ (фиг. 8) четырнадцать шаровъ D, R, Q... G, F, E, соединенныхъ одною нитью, проходящею чрезъ ихъ центры и составляющихъ общую подвижную цѣпь огибающую треугольникъ ABC. На сторонѣ AB помѣщаются четыре шара D, R, Q, P; на сторонѣ

сила, приложенная къ концу, уравновѣшиваетъ двойную силу, приложенную къ срединѣ; силы обратно пропорціональны соотвѣтствующимъ плечамъ. Предполагая рычагъ продолженнымъ, приложимъ (фиг. 4) въ D и O силы $2P$ дѣйствующія внизъ. Равновѣсіе не нарушится, ибо силы эти взаимно уравновѣшиваются около точки A. Но дѣйствующія въ точкѣ O одна противъ другой, двѣ силы $2P$ взаимно уничтожаются и потому могутъ быть удалены безъ нарушенія равновѣсія. Остается рычагъ перваго рода съ двумя уравновѣшивающимися силами P и $2P$ плечи которыхъ суть AB и $AD=\frac{1}{3}AB$. Такимъ образомъ, и на рычагѣ перваго рода сила приложенная къ плечу двойной длины уравновѣшиваетъ двойную силу приложенную къ плечу, длина которой единица. Принявъ въ соображеніе, что въ послѣднемъ изъ разобранныхъ случаевъ точка опоры A испытываетъ давленіе равное вѣсу $3P$ приложимъ въ этой точкѣ силу $3P$ дѣйствующую вверхъ, а точку D, удаливъ грузъ $2P$ удержимъ неподвижнымъ препятствіемъ. Получимъ рычагъ (фиг. 6) второго рода, на которомъ уравновѣшивается сила въ три раза большая силою равною единицѣ, если послѣдняя приложена на разстояніи втрое большемъ отъ точки опоры. Доказательство можно продолжить для случая силы въ 4, 5, 6 и т. д. разъ большей и слѣдовательно сдѣлать общимъ.

[1]) См. въ „Les oeuvres mathematiques de Simon Stevin de Bruges“, par Albert Girard mathematicien. Leyde. 1634. Des elements de statique; стр. 448,

Библиотека "Руниверс"

BC два: E и F. Цѣпь остается въ равновѣсіи. При этомъ восемь шаровъ O, N... H, G уравновѣшиваются сами собою и остались бы въ равновѣсіи если бы шаровъ P, Q, R, D, E, F не было и перекинута была только нить VTS. Слѣдовательно четыре шара P, Q, R, D, на сторонѣ AB должны уравновѣситься двумя шарами E, F расположенными на сторонѣ BC. Если бы шары P, Q, R, D перетянули, то вся цѣпь пришла бы въ движеніе и движеніе это не могло бы остановиться, ибо каждый нисходящій со стороны AB шаръ замѣнялся бы новымъ: условія оставались бы тѣ же. Такое непрерывно продолжающееся движеніе противорѣчитъ опыту, и потому сдѣланное допущеніе должно быть отвергнуто разъ приводящее къ нелѣпому послѣдствію. Четыре шара стороны AB можно замѣнить однимъ грузомъ P, два шара стороны BC грузомъ Q. Равновѣсіе будетъ если $P=\frac{1}{2}Q$, т. е. если грузы относятся между собою какъ длины сторонъ AB и BC, изъ коихъ $AB=2BC$. Если бы сторона BC была вертикальна, то для уравновѣшиванія груза Q свободно висящаго грузомъ P, лежащимъ на наклонѣ AB, требуется чтобы $P=Q\frac{BC}{AB}$, гдѣ BC вертикальная высота, AB длина наклонной плоскости. Назвавъ высоту буквою h, длину буквою l, получимъ $P=Q\frac{h}{l}$.

Фиг. 8.

Прибавимъ, что Галилеемъ въ его Механикѣ указано начало, изъ котораго развилось впослѣдствіи ученіе о возможныхъ скоростяхъ (principe des vitesses virmelles, лежащій въ основаніи Аналитической Механики Лагранжа): если двѣ силы уравновѣшиваются при помощи какой либо машины, то при маломъ нарушеніи равновѣсія пути проходимые точками приложеній этихъ силъ обратно пропорціональны

Библиотека "Руниверс"

величинѣ этихъ силъ. Потому, при употребленіи машины, что выигрывается въ силѣ, то теряется въ величинѣ передвиженія.

Подобное начало высказано было Декартомъ и въ изучаемую нами эпоху именовалось иногда принципомъ Декарта. Въ критическомъ разборѣ сочиненія Вариньона въ „Bibliothèque Universelle“ Клерка (T. VIII, 1688 г.) авторъ разбора, выставляя достоинства этого начала, выражаетъ его въ такой формѣ. Статика, указываетъ онъ, основана на положеніи, что поднять двѣсти фунтовъ на высоту одного фута, въ механическомъ отношеніи то же, что поднять 100 фунтовъ на высоту двухъ футовъ, одинъ фунтъ на высоту двухсотъ футовъ. Двѣ силы уравновѣшиваются помощью машины, если стремятся произвести перемѣщенія обратно пропорціональныя ихъ величинѣ.

Кромѣ приведеннаго разрѣшенія вопроса о наклонной плоскости, Стевинъ открылъ важную теорему о равновѣсіи трехъ силъ, если онѣ будучи приложены къ данной точкѣ, имѣютъ направленія параллельныя сторонамъ какого либо треугольника, а по величинѣ пропорціональны этимъ тремъ сторонамъ. Такимъ образомъ три силы, пропорціональныя по величинѣ своей тремъ сторонамъ какого нибудь треугольника, уравновѣшиваются взаимно, будучи приложены къ одной точкѣ и направлены параллельно этимъ сторонамъ. „Теорема эта, замѣчаетъ Лагранжъ („Mécan. Anal.“) есть непосредственное и необходимое слѣдствіе начала сложенія силъ, или, лучше сказать, это есть самое начало, представленное подъ другою формою“.

Начало *параллелограмма силъ* положено въ основаніе статики въ двухъ сочиненіяхъ, появившихся въ 1687 году: въ „Principia“ Ньютона и въ „Projet de la nouvelle mécanique“ Вариньона (Varignon). Выше былъ приведенъ корольларій, заключающій въ себѣ Ньютоново доказательство параллелограмма силъ чрезъ замѣщеніе сложенія движеній сложеніемъ силъ. Въ слѣдующемъ корольларіи Ньютонъ правило рычага выводитъ какъ слѣдствіе правила параллелограмма силъ. Къ плодовитому началу сложенія и разложенія силъ приводится, по замѣчанію Ньютона, вся механика машинъ, такъ разнообразно трактуемая разными авторами. На основаніи его „легко выводятся силы

Библиотека "Руниверс"

машинъ состоящихъ изъ колесъ, барабановъ, блоковъ, рычаговъ, натянутыхъ веревокъ и грузовъ, прямо или косвенно подымаемыхъ, и изъ другихъ механическихъ средствъ, а также силы мышцъ, движущихъ кости животныхъ“ [1]).

Вариньонъ [2]) въ своемъ „Проектѣ“, и затѣмъ въ обширномъ трактатѣ „Nouvelle mécanique ou statique“, въ двухъ томахъ, выданномъ уже по его смерти въ 1725 году, излагаетъ теорію машинъ на основаніи начала сложенія и разложенія силъ.

V. *Третій законъ движенія.* „Дѣйствіе всегда равно и противоположно противодѣйствію“. Другими словами дѣйствія двухъ тѣлъ взаимно одного на другое всегда равны и направлены противоположно. Если что либо давитъ на другое, то и само претерпѣваетъ давленіе отъ этого другаго или имъ тянется. Палецъ, прижимающій камень, прижимается въ свою очередь камнемъ. Лошадь тянетъ привязанный къ веревкѣ камень и сама равнымъ образомъ тянется къ камню. Веревка претерпѣваетъ натяженіе съ двухъ сторонъ, и стремясь отъ него освободиться (relaxandi se), тянетъ лошадь и камень столько же препятствуя движенію впередъ лошади, сколько содѣйствуя движенію впередъ камня. Тѣло, ударяя другое тѣло, измѣняетъ силою своего удара движеніе этого послѣдняго и въ свою очередь испытываетъ такое же измѣненіе въ противоположную сторону, по причинѣ равенства взаимныхъ давленій. Этимъ дѣйствіямъ соотвѣтствуютъ равныя перемѣны не скоростей, но движеній, предполагая что дѣло идетъ о свободныхъ тѣлахъ. Перемѣны же скоростей въ противныхъ направленіяхъ обратно пропорціональны тѣламъ (corporibus, массамъ тѣлъ) такъ какъ движенія претерпѣваютъ равныя измѣненія. Этотъ же за-

---

[1]) „Facile derivantur vires machinarum, quae ex rotis, tympanis, trochleis, vectibus, nervis tensis et ponderibus, directe vel oblique ascendentibus, caeterisque potentiis machanicis componi solent, ut et vires tendinum ad animalium ossa movenda“.

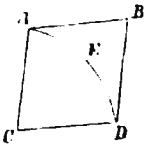
[2]) Вариньонъ (Pierre Varignon) родился въ Кашѣ въ 1654 году, умеръ въ 1722 въ Парижѣ. Былъ профессоромъ математики въ Collège Royal и членомъ Парижской Академіи Наукъ.

Библиотека "Руниверс"

конъ прилагается и къ притяженіямъ, какъ указывается въ ближайшемъ прибавленіи".

Въ прибавленіи этомъ читаемъ: „Между двумя взаимно притягивающимися тѣлами A и B вообразимъ помѣщеннымъ препятствіе, не позволяющее имъ столкнуться между собою. Допустимъ, что A сильнѣе притягиваетъ къ себѣ B, чѣмъ B притягиваетъ A. Равновѣсіе тогда сохраниться не можетъ. Болѣе сильное дѣйствіе воспреобладаетъ и вся система, состоящая изъ двухъ тѣлъ и препятствія, пойдетъ прямолинейно въ сторону B и ускорительнымъ движеніемъ уйдетъ въ безконечность. Это нелѣпо и противно первому закону. Но по первому закону система должна оставаться въ состояніи покоя или равномѣрнаго прямолинейнаго движенія. Потому тѣла одинаково давятъ на препятствія, притягиваясь одно къ другому. Я дѣлалъ опыть съ магнитомъ и желѣзомъ. Если они находятся на плавающихъ рядомъ отдѣльныхъ поплавкахъ, то ни одинъ не прогоняетъ другаго. Обнаруживается лишь стремленіе одного къ другому съ равнымъ притяженіемъ. По установившемся равновѣсіи остаются въ покоѣ" [1]).

Окончивъ введеніе, Ньютонъ говоритъ, что приведенныя имъ начала „приняты математиками и подтверждаются опытами. Помощью двухъ первыхъ законовъ и двухъ къ нимъ дополненій Галилей нашелъ, что пространства, проходимыя при паденіи тѣлъ пропорціональны квадратамъ соотвѣтствующихъ временъ и что движеніе брошенныхъ тѣлъ происходитъ по параболамъ". Самое сужденіе о параболическомъ движеніи брошенныхъ тѣлъ Ньютонъ приводитъ въ такой формѣ. Пусть тѣло A вслѣдствіе только верженія (фиг. 9) описало бы въ данное время прямую AB, а движеніемъ паденія, если бы оно было одно, въ то же время прошло бы высоту AC. Дополнимъ параллелограммъ $ABCD$. Тѣло вслѣдствіе сложенія движеній въ концѣ того же времени будетъ

Фиг

[1]) „Neutrum propellet alterum, sed aequalitate attractionis utrinque sustinebunt conatus in se mutuos, ne tandem in aequilibrio constituta quiescunt".

Библиотека "Руниверс"

въ D и кривая линія будетъ парабола имѣющая AB касательною и которой ордината BD пропорціональна квадрату AB"

„Изъ тѣхъ же двухъ законовъ, прибавляетъ Ньютонъ,—Вренъ, Валлисъ и Гюйгенсъ, первые геометры нашего вѣка, вывели правила удара и отраженія тѣлъ, найдя ихъ каждый независимо отъ другаго и почти въ одно и то же время сообщили ихъ королевскому обществу. Знаменитый Маріотти продолжилъ ихъ изслѣдованія [1]).

Валлисъ изслѣдовалъ центральный ударъ *неупругихъ* тѣлъ и вывелъ законъ заключающійся въ формулѣ:

$$u = \frac{mv + m'v'}{m + m'}$$

гдѣ u общая скорость послѣ удара; v и v' скорости до удара; m и m' ударяющіяся массы.

Вренъ ввелъ способъ изслѣдованія ударовъ шаровъ помощью опыта, вѣшая ихъ какъ маятники на нитяхъ такъ, чтобы въ состояніи покоя они прикасались между собою, имѣя центръ на одной горизонтальной линіи. Если вывести одинъ изъ шаровъ изъ положенія равновѣсія на большую или меньшую дугу и пустить его, то онъ, возвращаясь къ положенію равновѣсія, ударитъ другой шаръ со скоростью, которую легко опредѣлить по закону качанія маятника. Вренъ и Гюйгенсъ разсматривали исключительно ударъ *упругихъ* шаровъ.

Гюйгенсъ развилъ свои изслѣдованія объ ударѣ въ сочиненіи: „De motu corporum ex percussione", изданномъ въ 1703 году, уже по его смерти. Выводы свои Гюйгенсъ основываетъ на весьма оригинальномъ началѣ, заслуживающемъ быть приведеннымъ. (Opera reliqua. Amstelodami. 1828. T. II, 75).

Онъ принимаетъ какъ фактъ опытъ, что два равныя тѣла движущіяся съ одинаковою скоростью одно противъ другаго, послѣ удара отражаются, каждое съ тою же скоростью съ какою пришло. Прини-

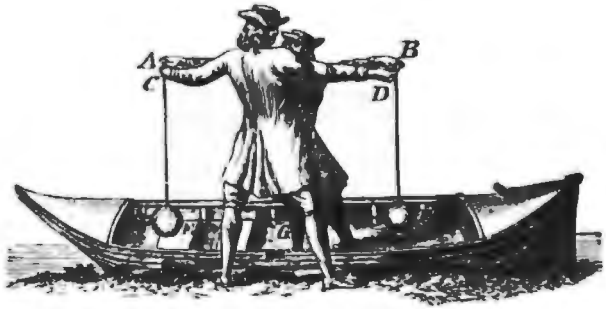
[1]) Валлисъ представилъ свой мемуаръ Королевскому обществу 26-го ноября 1668 г.; Вренъ 17-го декабря 1668 г., а Гюйгенсъ 4-го января 1669 г. Гюйгенсъ, впрочемъ, былъ уже въ обладаніи своихъ законовъ въ 1663 году. Маріоттъ: „Traité de la percussion ou choc des corps". Paris, 1677. Oeuvr. 1740. T. I.

Библиотека "Руниверс"

маетъ также, что, если опытъ производится на равномѣрно движущемся суднѣ, то для находящагося на суднѣ явленія представляется точно, такъ, какъ если бы судно было въ покоѣ.

Принявъ эти два положенія, Гюйгенсъ доказываетъ слѣдующую теорему. Если покоющееся тѣло ударяется другимъ равнымъ тѣломъ, то послѣ удара, ударяющее остается въ покоѣ, и покоившееся пріобрѣтаетъ скорость равную скорости ударяющаго.

Представимъ себѣ лодку (фиг. 10) плывущую по теченію на столько близко отъ берега, что пловецъ, находящійся на суднѣ, можетъ протянуть руку товарищу, находящемуся на берегу. Пловецъ держитъ въ рукахъ A и B два шара E и F повѣшенные на нитяхъ и сближаетъ ихъ

Фиг. 10.

между собою съ равными скоростями. Послѣ столкновенія шары,— по отношенію къ плывущему и къ лодкѣ—отразятся одинъ отъ другаго. Пусть судно движется справа влѣво и съ такою именно скоростью, съ какою пловецъ подвигаетъ руку A слѣва вправо. Ясно, что рука A пловца по отношенію къ берегу и къ стоящему на берегу товарищу останется неподвижною; рука же B по отношенію къ тому же товарищу будетъ двигаться слѣва вправо со скоростью EF двойною сравнительно съ GF. Потому, если товарищъ, стоящій на берегу положитъ руку свою на руку пловца, поддерживал вмѣстѣ съ нимъ верхній конецъ нити несущій шаръ E, а другую руку соединитъ съ рукою B пловца, держащею нить шара F, то для

Библиотека "Руниверс"

стоящихъ на берегу шаръ E будетъ въ состояніи покоя, шаръ же и держащія его руки приближатся со скоростью равной двойной скорости движенія руки пловца... Послѣ удара, шары—какъ сказано—по отношенію къ пловцу и лодкѣ отразятся со скоростями равными той какую имѣли, относительно его, до удара: шаръ E со скоростью GE, шаръ F со скоростію FG. По отношенію же къ товарищу стоящему на берегу (и вообще въ пространствѣ) шаръ F послѣ удара остается въ покоѣ (изъ скорости отраженія вычитается равная скорость теченія и лодки), а шаръ E имѣетъ двойную скорость (къ скорости отраженія присоединяется скорость теченія) то-есть, какую по отношенію къ стоящему на берегу и вообще въ пространствѣ имѣлъ ударяющій шаръ. Такимъ образомъ ударяющій шаръ передаетъ свою скорость ударяемому, самъ приходя въ состояніе покоя. Что и требовалось доказать.

Другіе, болѣе сложные случаи удара упругихъ тѣлъ Гюйгенсъ изучаетъ, выходя изъ тѣхъ же основаній. Относительно неравныхъ массъ Гюйгенсъ начинаетъ съ доказательства, что если такія массы, направленныя одна противъ другой, имѣютъ скорости обратно пропорціональныя ихъ величинамъ, то массы эти отрицаются сохраняя тѣ же скорости.

Гюйгенсъ доказалъ далѣе важную теорему о томъ, что въ случаѣ столкновенія упругихъ тѣлъ, сумма массъ помноженныхъ каждая на квадратъ ея скорости (живая сила по наименованію Лейбница) послѣ удара остается та же, какая была до удара.

Дополнимъ историческій очеркъ ученія объ ударѣ упоминаніемъ о сочиненіи Борелли. Борелли, главный дѣятель Флорентинской академіи, основатель, въ сочиненіи: „De motu animalium“, ученія о механикѣ животнаго тѣла, издалъ довольно обширный, состоящій изъ 34 главъ, трудъ: „De vi percussionis“ (въ 1667 году—по италіански). Въ многословномъ и часто неясномъ изложеніи авторъ разбираетъ разные случаи удара, не доходя впрочемъ до полнаго рѣшенія вопроса. Заслуживаетъ вниманія высказанная мысль, что въ природѣ нѣтъ ни возникновенія движенія, ни уничтоженія, а лишь его преобра-

Библиотека "Руниверс"

зованіе. Наблюдая движеніе и восходя къ причинѣ его усматриваемъ, что причина эта или огонь (теплота) или животное существо, или вообще тѣло, которое само движется. Производимое движеніе не есть что-либо новое. Это есть часть движенія, принадлежащаго движущему тѣлу, сообщаемая тѣлу приводимому въ движеніе. Также движеніе не уничтожается а сообщается другимъ тѣламъ, подобно тому какъ количество воды не уничтожается, раздѣляясь на безконечное число капель [1]).

Прибавимъ, что Галилей въ „Discorsi“ касается въ разговорѣ шестаго дня вопроса объ ударѣ, не приходя къ какому либо опредѣленному и ясному разультату. Онъ сравниваетъ ударъ и давленіе (лежащій на препятствіи грузъ онъ называетъ „мертвымъ вѣсомъ“, „peso morto“), приходя къ заключенію что въ дѣйствіи на препятствіе ударъ несоразмѣримо превосходитъ давленіе; „сила удара имѣетъ безграничный моментъ, ибо нѣтъ такого большаго препятствія, которое не было бы побѣждаемо самымъ малымъ ударомъ“. (La forsa della percossa è d'infinito momento perchè non vi è resistenza benche grandissima, che non venga superator da forza di percossa minimissima“ Op. XIII, 332).

Галилей описываетъ между прочимъ опытъ, какимъ хотѣлъ опредѣлить силу удара, но который далъ неожиданный результатъ. Опытъ передаетъ Апроино (Aproino), слушавшій лекціи „академика“ (Галилея) въ Падуа. Онъ представленъ въ „Discorsi“ какъ собесѣдникъ Сальвіати и Сагредо въ шестой день, когда Симпличіо отсутствовалъ.

„Академикъ на коромыслѣ вѣсовъ, около трехъ локтей длиною повѣсилъ на одной сторонѣ два сосуда одинъ подъ другимъ, а на другой соотвѣтствующій противовѣсъ. Верхній сосудъ наполненъ былъ водою и имѣлъ заткнутое отверстіе, нижній былъ пустой. Грузъ на другомъ концѣ коромысла уравновѣшивалъ вѣсъ и сосудовъ и воды.

---

[1]) См. рефератъ о сочиненіи Борелли въ „Bibl. Univ.“ Клерка за 1686 г., Т. II, 104.

Библиотека "Руниверс"

Мы ожидали, что когда отверстіе верхняго сосуда будетъ открыто и вода потечетъ внизъ во второй сосудъ, приливъ ея произведетъ ударъ, который прибавитъ нѣкоторый импульсъ, такъ что на другой сторонѣ коромысла придется прибавить грузъ, чтобы равновѣсіе возстановилось. Тогда мы ждали, можно будетъ сказать, что моментъ удара эквивалентенъ нѣкоторому вѣсу, напримѣръ 10, 12 фунтамъ.

„*Сагредо*. Очень остроумное расположеніе опыта. Очень желательно узнать какой же былъ результатъ.

„*Апрюино*. Результатомъ былъ совершенно неожиданный и удивительный. Какъ только отверстіе было открыто и вода начала вытекать, вѣсы стали склоняться на противоположную сторону до тѣхъ поръ, пока вода достигла дна втораго сосуда; затѣмъ коромысло стало вновь подыматься во все время пока текла вода, и потомъ пришло въ первоначальное равновѣсіе, ни на волосъ ни выше ни ниже; и такъ осталось". Галилей объясняетъ опытъ тѣмъ, что вода текущая струею между двумя сосудами, не дѣйствуетъ своимъ вѣсомъ на коромысло. Реакцію истеканія Галилей не принимаетъ во вниманіе. Реакція эта ему не была извѣстна.

VI. *Основныя понятія механики по опредѣленіямъ Ньютона.* Въ заключеніе настоящей главы приведемъ „опредѣленія" („Definitiones") Ньютона, которыми онъ начинаетъ свое твореніе. Предыдущее изложеніе облегчитъ намъ уразумѣніе идей великаго ученаго.

„*Опредѣленіе первое. Количество матеріи имѣетъ своею мѣрою совокупно плотность ея и объемъ*[1]). Воздухъ удвоенной плотности при двойномъ объемѣ учетверяется, при тройномъ ушестеряется въ количествѣ. То-же надлежитъ понимать о снѣгѣ и порошкахъ, сгущаемыхъ чрезъ сжатіе или обращеніе въ жидкое состояніе. Подобное же соображеніе простирается на всѣ тѣла въ случаѣ ихъ сгущенія отъ какихъ либо причинъ. Среду проникающую свободно въ могущіе быть промежутки между частицами ни въ какое соображеніе тутъ не при-

[1]) Quantitas materiae est mensura ejusdem orta ex illius densitate et magnitudine conjunctim.

Библиотека "Руниверс"

нимаю. Количество матеріи буду въ послѣдующемъ именовать *тѣломъ* или *массою*. Познается оно черезъ вѣсъ, ибо вѣсу оно пропорціонально, какъ найдено мною помощью точныхъ опытовъ надъ маятникомъ, что будетъ указано ниже.

„*Опредѣленіе второе. Количество движенія имѣетъ мѣрою совокупно скорость тѣла и количество матеріи* [2]). Движеніе цѣлаго есть сумма движеній отдѣльныхъ частей. Потому количество движенія двойное, если тѣло, при той же скорости, вдвое болѣе; четверное, если и скорость двойная.

„*Опредѣленіе третье. Прирожденная матеріи сила есть оказываемое имъ сопротивленіе, вслѣдствіе котораго, тѣло себѣ предоставленное, удерживаетъ свое состояніе покоя или равномѣрнаю прямолинейнаю движенія* [3]). Сила эта всегда пропорціональна тѣлу и отличается отъ инерціи массы лишь способомъ воззрѣнія. Отъ инерціи матеріи происходитъ то, что тѣло съ затрудненіемъ выводится изъ своего состоянія покоя или движенія. Потому прирожденная тѣлу сила наивыразительнѣйше можетъ быть названа *силою инерціи*. Силу эту тѣло обнаруживаетъ лишь, когда состояніе его мѣняется отъ дѣйствія на него другой силы, и обнаруженіе ея, съ разныхъ точекъ зрѣнія, можно разсматривать и какъ сопротивленія, и какъ напоръ (et resistentia et impetus): сопротивленіе насколько оно противится, — чтобы сохранить свое состояніе, — дѣйствующей силѣ; напоръ насколько оно, съ трудомъ уступая силѣ противодѣйствующаго препятствія, стремится измѣнить состояніе самого этого препятствія [4]). Обыкновенно сопротивленіе при-

[1]) Per compressionem vel liquefactionem condensatis.

[2]) Quantitas motus est mensura ejusdem orta ex velocitate et quantitate materiae conjunctim.

[3]) Materiae vis insita est potentia resistendi, qua corpus unumaquodque quantum in se est, perseverat in statu suo vel quiescendi, vel movendi uniformiter in directum.

[4]) Resistentia quatenus corpus ad conservandum statum suum reluctatur vi impressae; impetus quatenus corpus idem vi resistentis obstaculi difficulter cedendo, conatur statum obstaculi illius mutare.

Библиотека "Руниверс"

писываютъ тому что покоится, напоръ тому что движется; но покой и движеніе какъ они обыкновенно понимаются, только относительно разнятся между собою, и не всегда находится въ покоѣ то, что обыкновенно считается покоющимся.

„*Опредѣленіе четвертое. Гонящая сила (vis impressa) есть дѣйствіе на тѣло, стремящееся измѣнить его состояніе покоя или равномѣрнаго прямолинѣйнаго движенія.*

„Сила эта обнаруживаетъ себя лишь пока дѣйствуетъ, послѣ же оказаннаго дѣйствія не остается въ тѣлѣ. Тѣло пребываетъ въ новомъ своемъ состояніи единственно вслѣдствіе силы инерціи. Внѣшняя сила бываетъ разнаго происхожденія: отъ удара, отъ давленія, отъ центростремительной силы [1]).

„*Опредѣленіе пятое. Центростремительная сила есть такая, вслѣдствіе которой тѣло тянется, толкается или иначе какъ либо побуждается къ нѣкоторому пункту какъ центру.* Къ этому роду принадлежатъ тяжесть (gravitas), которою тѣло побуждается къ центру земли; магнитная сила, отъ которой желѣзо стремится къ магниту, и та сила—какая бы ни была,—которою планеты непрерывно отклоняются отъ прямолинейнаго пути и принуждаются вращаться по кривымъ линіямъ. Камень, вращаемый, въ пращѣ, стремится удалиться отъ вращающей руки и стремленіемъ своимъ натягиваетъ пращу тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе вращается, а какъ только выпущенъ, улетаетъ. Силу противную этому стремленію, помощью которой праща постоянно тянетъ камень къ рукѣ и удерживаетъ его на кругѣ, называю центростремительною, такъ какъ она направлена къ рукѣ какъ къ центру. То же разсужденіе приложимо ко всѣмъ тѣламъ вращаемымъ по кругу. Всѣ стремятся удалиться отъ центровъ круговъ; а если нѣтъ силы противной этому стремленію, удерживающей ихъ на

[1]) „Vis impressa est actio in corpus exercita ad mutandum ejus statum vel quiescendi vel movendi uniformiter in directum. Consistit haec vis in actione sola, neque post actionem permanet in corpore. Perseverat enim corpus in statu omni novo per solam vim inertiae. Est autem vis impressa diversarum originum, ut ex ictu, ex pressione et ex vi centripeta".

Библиотека "Руниверс"

кругѣ—которую также зову центростремительной,—уходятъ по прямой линіи равномѣрнымъ движеніемъ. Брошенное тѣло, если бы было лишено тяжести, не отклонялось бы къ землѣ, а ушло бы въ небеса, притомъ равномѣрнымъ движеніемъ, если бы уничтожилось сопротивленіе воздуха. Тяжестью своею отклоняется оно отъ прямолинейнаго пути и склоняется постепенно къ землѣ болѣе или менѣе, въ зависимости отъ этой тяжести [1]) и отъ скорости движенія. Чѣмъ при томъ же количествѣ матеріи тяжесть менѣе или чѣмъ болѣе скорость верженія, тѣмъ менѣе тѣло отклонится отъ прямолинейнаго пути и тѣмъ длиннѣйшій пройдетъ путь (congius perget). Пусть съ высоты горы дѣйствіемъ пороха пущенъ изъ огнестрѣльнаго снаряда свинцовый шаръ съ опредѣленною скоростью по горизонтальному направленію, и пусть проходитъ криволинейнымъ путемъ на разстояніе двухъ миль прежде чѣмъ падаетъ на землю. Если шаръ пущенъ будетъ съ двойною скоростью, то онъ упадетъ вдвое приблизительно дальше, въ десятеро при скорости въ десять разъ большей,—сопротивленіе воздуха принимаемъ устраненнымъ. Увеличивая скорость, мы можемъ такимъ образомъ по произволу увеличивать путь пробѣгаемый до паденія на землю и уменьшать кривизну описываемой линіи, такъ что тѣло упадетъ не ближе какъ на разстояніи 10, 20, 30 даже 90 градусовъ. Оно станетъ, наконецъ, обращаться вокругъ земли никогда на нее не попадая или уйдетъ въ небеса, удаляясь безконечно. Но подобно тому, какъ брошенное тѣло могло бы обращаться вокругъ земли, повинуясь дѣйствію тяжести, возможно что луна, повинуясь, или своей тяжести, буде она тяжела, или другой какой силѣ влекущей ее къ землѣ, всякій моментъ отклоняется отъ прямой линіи, чтобы приблизиться къ землѣ и описываетъ свою криволинейную орбиту. Безъ такой силы она не удержалась бы на своей орбитѣ. Будь эта сила меньше, она не достаточно отклонила бы луну отъ прямо-

[1]) Въ смыслѣ напряженія тяжести, а не въ смыслѣ вѣса. „Per gravitatem suam retrahitur a cursu rectilineo et in terram perpetuo flectitur; idque magis vel minus pro gravitate sua et velocitate motus.

Библиотека "Руниверс"

линейнаго пути, будь она больше—привлекла бы ее на землю. Требуется слѣдовательно, чтобы она была подходящею величины (justae magnitudinis). Математикамъ принадлежитъ опредѣлить силу могущую удержать тѣло на данномъ пути при данной скорости, и наоборотъ, найдя криволинейный путь какой опишетъ тѣло, выходя отъ даннаго мѣста съ данною скоростію.

Величина центростремительной силы трояkаго рода: абсолютная, ускорительная и движущая.

„*Опредѣленіе шестое. Абсолютная величина центростремительной силы измѣряется большимъ или меньшимъ проявленіемъ причины распространяющей ее отъ центра въ окружающую область.* Такъ магнитная сила, по величинѣ магнита и напряженію его магнитной способности, въ одномъ магнитѣ больше чѣмъ въ другомъ [1]).

„*Опредѣленіе седьмое. Ускорительная величина* (quantitas acceleratrix) *центростремительной силы пропорціональна скорости, какую она сообщаетъ въ данное время.*

Такъ сила даннаго магнита больше на меньшемъ, меньше на большемъ разстояніи: сила тяжести больше въ долинахъ, меньше на вершинахъ высокихъ горъ, а также меньше, какъ будетъ показано, на большихъ разстояніяхъ отъ земнаго шара. На равномъ же разстояніи она всегда одинакова, такъ какъ по удаленіи сопротивленія воздуха, всѣ падающія тѣла, тяжелыя и легкія, большія и малыя,—ускоряются одинаково.

„*Опредѣленіе восьмое. Движущая величина* (*quantitas motrix*) *центростремительной силы пропорціональна движенію ею производимому въ данное время.* Такъ вѣсъ большаго тѣла больше, меньшаго меньше; вѣсъ того же тѣла больше вблизи земли, меньше въ небесахъ. Величина эта есть *центростремленіе* (centropetentia) всего тѣла или стрем-

---

[1]) „*Vis centripetae quantitas absoluta est mensura ejusdem major vel minor pro efficacia causae eam propagantis a centro per regiones in circuito.* Ut vis magnetica pro mole magnetis vel intensione virtutis major in uno magnete, minor in alio".

Библиотека "Руниверс"

леніе къ центру — *имъ*, какъ говорится. Существованіе ея узнается чрезъ то, что требуется всегда сила ему равная и противоположная, дабы не допустить спускаться внизъ.

„Три эти величины силъ, для краткости, можно назвать силами движущими, ускорительными и абсолютными и пріурочить ихъ къ тѣламъ стремящимся къ центру, къ мѣсту тѣлъ и къ центру силъ; а именно движущую силу къ тѣлу, какъ стремленіе цѣлаго къ центру; силу ускорительную къ мѣсту тѣла, какъ нѣкоторое дѣйствіе (efficaciam quandam) отъ центра распространяющееся чрезъ всѣ мѣста въ окруженіи, побуждающую къ движенію тѣла тамъ находящіяся; абсолютную—къ центру какъ бы сѣдалищу нѣкоторой причины (ad centrum tamquam causa aliqua praeditum), безъ которой движущаяся сила не распространилась бы въ окруженіи. Причина эта или нѣкоторое центральное тѣло (какъ магнитъ въ центрѣ магнитнаго дѣйствія, земля въ центрѣ тяготительной силы), или иное нѣчто, нами не усматриваемое. Воззрѣніе это чисто математическое, ибо причины силъ и ихъ физическія сѣдалища (sedes physicas) я не разсматриваю.

„Ускорительная сила относится къ движущей какъ скорость относится къ движенію. Количество движенія состоитъ изъ произведенія скорости на количествѣ матеріи (на массу); движущая сила изъ произведенія ускорительной силы и количества матеріи (масса). Ибо сумма дѣйствія ускорительной силы на отдѣльныя части изъ тѣла составляетъ движущую силу цѣлаго [1]). Потому при поверхности земли, гдѣ ускоряющая тяжесть (gravitas acceleratrix) или тяготительная сила (vis gravitans) та же во всѣхъ тѣлахъ, вѣсъ пропорціоналенъ тѣлу (массѣ: pondus est ut corpus). Но если перейдемъ въ область, гдѣ ускоряющая тяжесть менѣе, вѣсъ также уменьшится, но всегда будетъ пропорціоналенъ произведенію массы на ускоряющую тяжесть (semper ut corpus et gravitas acceleratrix conjunctim). Такъ въ областяхъ гдѣ ускоряющая тяжесть вдвое меньше и вѣсъ тѣла — предполагая тѣло это также

[1]) По позднѣйшему обозначенію,—если P есть движущая сила, g ускореніе (ускорительная сила Ньютона), m масса—опредѣленіе Ньютона выражается формулою $P = mg$

Библиотека "Руниверс"

вдвое или втрое меньшимъ — будетъ въ четыре или въ шесть разъ менѣе.

Далѣе, притяженія и толчки я называю въ томъ же смыслѣ ускоряющими и движущими: притяженіе, толчокъ стремленіе къ центру употребляю безразлично, такъ какъ разсматриваю силы не физически, а лишь математически. Потому предостерегаю читателя не думать, что я тѣмъ или другимъ изъ этихъ выраженій хочу опредѣлить родъ и способъ дѣйствія или физическую силу и чтобы я, если случайно скажу о притягивающихъ центрахъ или центральныхъ силахъ, приписывалъ этимъ центрамъ,—которые суть математическія точки—какую нибудь физическую силу.

Глава вторая.

Движеніе тѣлъ падающихъ.

I. *Изслѣдованія Галилея.* Вопросъ о паденіи тѣлъ или, какъ принято было выражаться въ ту эпоху о движеніи естественно ускорительномъ—de motu naturaliter accelerato—былъ предметомъ размышленій и изслѣдованій Галилея во все время его неутомимой научной дѣятельности. Въ числѣ самыхъ раннихъ его трудовъ, озаглавленныхъ въ новомъ начатомъ изданіи его твореній, „Juvenilia", есть записки о движеніи вообще и о движеніи падающихъ тѣлъ, отвергающія школьное ученіе объ этомъ предметѣ. Отъ эпохи профессорства въ Падуа сохранилось свидѣтельство,—письмо къ Паоло Сарпи (Paolo Sarpi) отъ 16 октября 1604 года, доказывающее, что уже въ это время Галилей зналъ истинный законъ паденія тѣлъ: пропорціональность проходимаго тѣломъ пространства квадрату времени, вслѣдствіе чего въ послѣдовательные равные промежутки времени падающее тѣло проходитъ пространства относящіяся между собою какъ рядъ нечетныхъ чиселъ 1, 3, 5, 7, 9... Но относительно закона возрастанія скоростей онъ имѣлъ еще невѣрное представленіе. Вотъ, что читаемъ въ письмѣ.

„Я вновь размышлялъ о явленіяхъ движенія, но для разъясне-

Библиотека "Руниверс"

нія обстоятельствъ, обнаруженныхъ наблюденіемъ, мнѣ недоставало принципа несомнѣннаго, который я могъ бы принять какъ аксіому, такъ что вынужденъ былъ остановиться на предположеніи, весьма естественномъ и почти очевидномъ. Принявъ его, я уже объяснялъ остальное, а именно то, что проходимыя (какъ даетъ наблюденіе) естественнымъ движеніемъ пространства пропорціональны квадрату времени, а слѣдовательно пространства, проходимыя въ послѣдовательные равные промежутки времени, относятся между собою какъ рядъ нечетныхъ чиселъ. Принятый мною принципъ тотъ, что естественно падающее тѣло (mobile naturale) имѣетъ ускоряющееся движеніе, въ которомъ скорость возрастаетъ пропорціонально удаленію отъ начала движенія: пропорціонально проходимому пути. Такимъ образомъ, если тѣло падаетъ съ высоты A по вертикальному направленію $ABCD$ (Фиг. 11), то я предполагаю, что скорость пріобрѣтаемая въ C относится къ скорости, какую тѣло имѣло въ B, какъ разстояніе AC относится къ AB, а слѣдовательно въ точкѣ D скорость будетъ больше чѣмъ въ C насколько разстояніе DA болѣе CA. Мнѣ было бы очень пріятно если бы вы разсмотрѣли предположеніе и высказали свое мнѣніе“. Изъ писемъ явствуетъ, что законъ нечетныхъ чиселъ найденъ былъ чрезъ наблюденіе (очевидно помощію наклонной плоскости) [1]), но основное положеніе, что въ естественно ускорительномъ движеніи скорость возрастаетъ пропорціонально времени, — положеніе, которое потомъ Галилей положилъ въ основаніе опредѣленія движенія равномѣрно-ускореннаго,—не было ему еще извѣстно и онъ принималъ, какъ тогда многія, что скорость падающаго тѣла возрастаетъ пропорціонально пройденному пути.

Фиг. 11.

Къ сказанному Галилей присоединяетъ замѣчаніе, что, наоборотъ,

[1]) Въ изданіи Альбери Op. VI, 24 къ письму приложенъ чертежъ, на которомъ изображены вертикальное AD и два наклонныхъ направленія AB и AC, раздѣленныя на промежутки соотвѣтственно нечетнымъ числамъ. Это относится къ наблюдаемому явленію; линія же A,B,C,D, о которой говоритъ Галилей, есть вертикальная съ послѣдовательными точками A,B,C,D.

Библиотека "Руниверс"

если тѣло брошено по линіи A,B,C,D вверхъ по вертикальному направленію, то, чтобы отъ точки D подняться до высоты A, оно должно быть брошено съ такою скоростію, какую при паденіи пріобрѣтетъ, пройдя отъ A до D. То же относительно другихъ точекъ.

Полное математическое развитіе ученія о паденіи тѣлъ находимъ въ твореніи Галилея „Discorsi intorno a due nuove scienze". Въ „Діалогѣ о двухъ мірахъ" Галилей касается того же предмета въ болѣе популярной формѣ и преимущественно въ связи съ вопросомъ о движеніи земли. Отсылаемъ читателей къ первому отдѣлу настоящей части, въ которомъ сдѣланъ внимательный анализъ Діалога. Здѣсь будемъ пользоваться „Разговорами о двухъ новыхъ наукахъ", въ которыхъ изложены основы новой механики.

Мы останавливаемся съ особымъ вниманіемъ на этихъ сочиненіяхъ Галилея, такъ какъ въ нихъ ярче чѣмъ гдѣ либо можно прослѣдить переходъ отъ пріемовъ средневѣковой учености къ научнымъ пріемамъ новаго времени, создавшимъ то, что нынѣ въ строгомъ смыслѣ именуется *наукою*, разумѣя ее какъ совокупность достовѣрныхъ и положительныхъ знаній, достигаемыхъ чрезъ естественный свѣтъ разума. Кромѣ того изящное соединеніе въ твореніяхъ Галилея элемента научнаго съ элементомъ литературнымъ дѣлаетъ творенія эти образцами изложенія, ознакомиться съ которыми кажется намъ обязательно для каждаго образованнаго человѣка.

Характеръ средневѣковой учености—*диспутный*. Характеръ науки новаго времени—*изслѣдовательный*. Основаніе, цѣль, назначеніе диспутнаго способа ученой производительности, въ сочиненіяхъ и рѣчахъ—*убѣдить другаго* въ справедливости того или инаго положенія, признаваемаго убѣждающимъ за истинное. Какъ убѣждающій самъ достигъ такого признанія, остается при немъ. Основаніе, цѣль, назначеніе изслѣдовательнаго способа научной производительности—*искапіе истины*. Изслѣдователь не только не умалчиваетъ о пути, какому слѣдовалъ, но дѣлаетъ своихъ слушателей своими спутниками, какъ бы участниками въ достиженіи результатовъ, въ предѣлахъ ихъ вѣроятности и достовѣрности. Диспутный способъ предполагаетъ, что

Библиотека "Руниверс"

истина есть нѣчто уже добытое, нѣкоторый хранящійся капиталъ. Требуется истолкованіе истины и введеніе ея въ убѣжденіе другаго, которому она неизвѣстна или которымъ не вполнѣ уразумѣвается. Сокровищница откровенныхъ истинъ есть священное писаніе въ истолкованіи его церковнымъ авторитетомъ. Сокровищница научныхъ истинъ—философія Аристотеля въ школьной схоластической обработкѣ.

Всѣ эти истины не приведены однако въ такія формулы очевидности, которыя устраняли бы возможность недоразумѣній. Если бы это были простыя очевидности, нечего было бы въ нихъ убѣждать. Количество истинъ, внѣ спора стоящихъ или поставленныхъ, весьма ограниченно. Для тезисовъ, подлежащихъ утвержденію и доказательству, остается широкое поле.

При диспутномъ способѣ интересъ убѣждающаго сосредоточивается не столько на истинномъ содержаніи тезиса, сколько на самомъ актѣ убѣжденія, требующемъ искусства. Абсолютная цѣнность тезиса въ смыслѣ безспорной истины не имѣетъ первостепеннаго значенія. Нечего, повторяемъ, убѣждать въ томъ, что безспорно. Верхъ искусства—убѣдить другаго въ томъ, что ему въ началѣ представляется не только сомнительнымъ, но даже противнымъ истинѣ.

Диспутный способъ, о которомъ ведемъ здѣсь рѣчь, есть одна изъ формъ вообще *убѣждательнаго* способа въ учительствѣ и въ ораторствѣ. Авторъ ученаго трактата есть учитель выражающій и поясняющій принятое положеніе, подтверждая его аргументами. Ораторство въ умственныхъ сношеніяхъ людей между собою имѣетъ обширное практическое значеніе. Проповѣдники, ораторы—на судебномъ и на парламентскомъ поприщѣ—главные представители этого способа. А ораторамъ и въ древнемъ мірѣ и въ новомъ образованномъ человѣчествѣ не малая принадлежитъ доля въ правленіи міромъ [1]). И нынѣ самою

[1]) „Когда началась революція,—говоритъ Біо въ небольшой брошюрѣ писан- 1803 году, оныя духи эпоху революціи,—всѣ умы обра- политикѣ. Наука была вдругъ оставлена: она не могла имѣть вѣса въ борьбѣ, которая начиналась занимала всѣ головы. Скоро забыли ея существо-

Библиотека "Руниверс"

существенною задачею общаго образованія полагается владѣть мыслію какъ искусствомъ убѣждать. Искусство изслѣдованія, искапія новыхъ истинъ и осторожной провѣрки достигаемаго—еще задача будущей школы и той экспериментальной науки будущаго, о которой мы не разъ уже говорили.

Чтобы убѣждать другаго, важно самому быть убѣжденнымъ, но это не есть непремѣнное условіе. Вспомнимъ судебное краснорѣчіе. Не то въ изслѣдовательномъ способѣ, гдѣ убѣждающій самъ есть ищущій; убѣжденіе есть результатъ, а не исходный пунктъ. Здѣсь на первомъ планѣ искапіе новыхъ истинъ и обогащеніе ими знанія. Путь направляется къ искомой истинѣ, а не отъ найденной или почитаемой таковою истины ко введенію ее въ убѣжденіе другаго. Новая наука есть именно этотъ духъ изслѣдованія и исканія, и Галилей одинъ изъ первыхъ, можно даже сказать первый его представитель. Признаніе другаго пути, исключительно діалектическаго, чрезъ самоуглубленіе и метафизическое размышленье съ закрытыми окнами чувствъ есть одна изъ великихъ иллюзій.

Она основывается на допущеніи, будто-бы чрезъ акты чистаго разумѣнія, независимаго отъ всякихъ матеріальныхъ условій чувственнаго познанія, умъ себѣ предоставленный можетъ ткать истину изъ самого себя какъ паукъ паутину (сравненіе Бекона). Иллюзія состоитъ въ коренномъ различеніи внѣшняго и внутренняго наблюденія и опыта, въ допущеніи, будто бы предметъ того и другаго наблюденія и опыта совсѣмъ иной. Между тѣмъ, и тотъ и другой опытъ состоитъ въ работѣ того же мозга, по одинъ при разобщеніи съ внѣшнимъ міромъ, другой при сношеніи съ нимъ. Если прибѣгнуть къ фикціи о лучахъ познанія въ томъ смыслѣ въ какомъ прибѣгаемъ въ актѣ зрѣнія къ фикціи лучей зрѣнія, то можно сказать, что въ метафизическомъ размышленіи лучъ познаванія упирается въ мозговой слѣдъ, не продол-

---

ваніе. Свобода сдѣлалась предметомъ всѣхъ сочиненій, всѣхъ рѣчей. Казалось, что одни ораторы могутъ ей служить, и эта ошибка была одною изъ причинъ нашихъ бѣдствій".

Библиотека "Руниверс"

жаясь далѣе, а въ случаѣ размышленія съ открытыми окнами чувствъ онъ простирается до внѣшняго предмета, доставляющаго впечатлѣнія. Это дѣлаетъ безконечно шире сферу познанія. Актъ познанія и въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣетъ дѣло съ впечатлѣніями мозга, но огромная разница простирается ли сообщеніе такъ, что обнимаетъ весь міръ, дѣлая его причастнымъ познанію, или ощущаются только слѣды.

При размышленіи съ открытыми окнами чувствъ вся вселенная становится органомъ и мозгомъ человѣка. Иллюзія діалектическаго размышленія въ томъ что оно кажется имѣющимъ дѣло не съ матеріальною природою. Сознаніе принадлежности самого мозга внѣшней природѣ утрачивается.

II. *Разсужденія Галилея въ „Discorsi“, приводящія къ заключенію, что разница въ паденіи тѣлъ зависитъ отъ сопротивленія среды: безъ него всѣ тѣла падали бы съ одинакою скоростію.*

Бесѣдуютъ тѣ же лица какъ въ „Діалогѣ“—Сальвіати, Сагредо и Симпличіо. Сальвіати привѣтствуетъ „господъ Венеціанцевъ“ по поводу богатаго арсенала въ Венеціи, гдѣ громадное число мастеровъ занимаются изготовленіемъ машинъ и снарядовъ. Арсеналъ представляетъ столько поучительнаго для интересующагося механикою. Сальвіати останавливается на вопросѣ о сопротивленіи матеріаловъ и на томъ обстоятельствѣ, что та же самая машина, будучи построена въ маломъ и въ большомъ масштабѣ, оказывается, по отношенію къ сопротивленію внѣшнимъ дѣйствіямъ, далеко несоотвѣтственною величинѣ. Машина, чѣмъ она больше, тѣмъ слабѣе относительно внѣшняго дѣйствія и можетъ даже грозить разрушеніемъ отъ собственной громадности.

Въ чемъ источникъ взаимнаго сцѣпленія частей твердаго тѣла, почему требуется значительное усиліе, чтобы отдѣлить часть тѣла отъ его цѣлаго? Держась еще общепринятаго тогда мнѣнія, что природа боится пустоты, Галилей влагаетъ въ уста Сальвіати предположеніе, что отвращеніе отъ пустоты есть одна изъ причинъ, почему прикасающіяся между собою части тѣлъ противятся раздѣленію: раздѣлись онѣ, между ними должна бы образоваться пустота. Это стремле-

Библиотека "Руниверс"

ніе замѣстить пустоту не есть, однако, что-либо безграничное. Оно имѣетъ опредѣленную величину и даже не весьма значительную. Въ сцѣпленіи частей тѣлъ оно являются однимъ изъ факторовъ и далеко не важнѣйшимъ. Опытъ флорентинскихъ колодезниковъ, о которомъ разказъ дѣлаетъ Сагредо, далъ Галилею средство опредѣлить самую величину боязни пустоты, какъ физической силы. Повѣствованіе Сагредо и описаніе изслѣдованій Галилея будутъ приведены нами ниже въ изложеніи ученія о давленіи воздуха. Опредѣленіе Галилей дѣлаетъ помощію жидкаго тѣла (воды), малѣйшія частицы которой, по его мнѣнію, подвижны, отдѣлены и не связаны между собою, какъ въ твердомъ тѣлѣ. Но и тотъ цементъ, который сцѣпляетъ между собою малые атомы твердаго тѣла, есть по Галилею также пустота, пустота разсѣянная, грозящая образоваться въ безконечно малыхъ промежуткахъ элементныхъ частицъ тѣла. Частичныя пустоты замѣняли для Галилея частичныя силы позднѣйшей механики. Вопросъ о безконечно малыхъ частицахъ и частичныхъ пустотахъ даетъ поводъ къ довольно длинному математическому отступленію, трактующему о непрерывности величинъ, о колесѣ Аристотеля, объ образованіи циклоиды. Затѣмъ бесѣдующіе возвращаются къ ученію Аристотеля о пустотѣ и движеніи. Симпличіо упоминаетъ (Op. XIII, 63) о законахъ, какія допустилъ Аристотель относительно движенія естественно падающихъ тѣлъ. Это и подаетъ поводъ перейти къ важному вопросу о паденіи тѣлъ. Приведемъ самый разговоръ [1]). Между прочимъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ съ какою трудностью приходится бороться диспутанту, когда онъ остается среди тонкостей діалектическихъ заключеній, не переходя прямо къ провѣркѣ опытомъ съ его неопровержимыми рѣшеніями.

---

[1]) На русскомъ языкѣ есть внимательный переводъ двухъ первыхъ дней „Discorsi“, сдѣланный съ итальянскаго г. Сомовымъ и помѣщенный въ „Журналѣ Путей Сообщенія“, 1860 года (Т. XXXI—XXXIV). Мы пользовались переводомъ, исправивъ замѣченныя неточности. Съ перемѣною редакціи „Журнала“, прекрасная мысль о переводѣ классиковъ естествознанія осталась безъ дальнѣйшаго осуществленія.

Библиотека "Руниверс"

„*Симплиціо.* Аристотель, сколько могу припомнить, возстаетъ противъ нѣкоторыхъ древнихъ, допускающихъ пустоту, какъ необходимое условіе всякаго движенія, противъ мнѣнія, по которому, безъ существованія пустоты, никакое движеніе не возможно. Въ противность тому, Аристотель доказываетъ, что именно фактъ движенія опровергаетъ допущеніе пустоты. Вотъ его доказательство. Онъ разсматриваетъ два случая: движеніе различно тяжелыхъ тѣлъ въ одной и той же средѣ и движеніе одного и того же тѣла въ различно плотныхъ средахъ. Что касается до перваго случая, Аристотель утверждаетъ, что различно тяжелыя тѣла движутся въ одной и той же средѣ съ различными скоростями, прямо пропорціональными вѣсу тѣлъ такъ, что тѣло, напримѣръ въ десять разъ болѣе тяжелое, чѣмъ другое падаетъ въ десять разъ скорѣе. Во второмъ случаѣ онъ прилагаетъ, что скорость одного и того же тѣла въ различныхъ средахъ обратно пропорціональна ихъ плотностямъ; такъ напримѣръ, если положить, что вода въ десять разъ плотнѣе воздуха, то движеніе тѣла въ воздухѣ будетъ совершаться со скоростью въ десять разъ большею, чѣмъ въ водѣ. Второе утвержденіе Аристотель выводитъ слѣдующимъ образомъ: такъ какъ пустота своею тонкостью безконечно превосходитъ всякую рѣдчайшую матеріальную среду, наполняющую данное пространство, то тѣло, движеніе котораго въ такой средѣ совершалось бы въ нѣкоторое время, въ пустотѣ должно двигаться мгновенно; но мгновенное движеніе невозможно, слѣдовательно пустота отнюдь не необходима для движенія.

„*Сальвіати.* Это доказательство чисто *ad hominem*, т. е. направлено противъ людей, убѣжденныхъ въ неразлучности движенія съ пустотою. Если даже считать выводъ Аристотеля справедливымъ и допустить, что въ пустотѣ движеніе невозможно, все же не будетъ доказано, что пустоты совершенно нѣтъ, пустоты безъ всякаго ея отношенія къ движенію. Чтобы вступиться за противниковъ Аристотеля и оцѣнить его доказательство, слѣдуетъ, кажется мнѣ, прежде всего отвергнуть оба его утвержденія. Во первыхъ сомнѣваюсь, чтобы Аристотель повѣрялъ ихъ опытомъ: бросалъ съ высоты, напримѣръ ста

Библиотека "Руниверс"

локтей, два камня, изъ которыхъ одинъ былъ вдесятеро тяжелѣе другаго, и наблюдалъ такую разницу въ скорости ихъ паденія, что первый успѣлъ уже достигнуть земли, между тѣмъ какъ второй пробѣжалъ только десять локтей.

„*Симпличіо.* Изъ словъ Аристотеля слѣдуетъ, что онъ производилъ такіе опыты. Сказано: посмотримъ, что происходитъ съ тяжелѣйшимъ тѣломъ. Развѣ это „посмотримъ" не намекаетъ на сдѣланное наблюденіе?

„*Сагредо.* Съ своей стороны я, синьоръ Симпличіо, и не производя подобнаго опыта, могу васъ увѣрить, что пушечное ядро, вѣсомъ въ сто, двѣсти и болѣе фунтовъ, при движеніи къ землѣ даже на четверть локтя не предупреждаетъ полуфунтовую мушкетную пулю, хотя и то и другое были одновременно пущены съ значительной высоты, напримѣръ двухсотъ локтей.

„*Сальвіати.* Помимо опытовъ, довольно краткаго размышленія, чтобы убѣдиться въ несправедливости утвержденія Аристотеля и показать, на сколько невозможно, чтобы большій вѣсъ двигался быстрѣе чѣмъ меньшій, если оба изъ того же матеріала; и вообще въ случаяхъ указанныхъ Аристотелемъ. Скажите: допускаете-ли вы, что каждое падающее тѣло имѣетъ отъ природы приличествующую ему скорость, которая увеличена или уменьшена можетъ быть не иначе какъ отъ внѣшней силы или отъ препятствія?

Симпличіо. Несомнѣнно, что каждое тѣло, двигаясь въ данной средѣ, обладаетъ постоянною, опредѣленною скоростью, и что эта скорость увеличивается только въ случаѣ дѣйствія внѣшней силы, а уменьшается въ случаѣ внѣшняго противодѣйствія.

Сальвіати. Пусть же даны намъ два тѣла, постоянныя, природныя скорости которыхъ различны. Соединимъ оба тѣла въ одно; тогда очевидно движеніе быстрѣйшаго тѣла будетъ замедляться движеніемъ менѣе быстраго, и наоборотъ, движеніе менѣе быстраго будетъ ускоряться движеніемъ болѣе быстраго. Вы согласны съ этимъ?

Симпличіо. Кажется, иначе быть не можетъ.

Сальвіати. Если такъ, то возьмемъ большой камень, природная

Библиотека "Руниверс"

скорость котораго восемь единицъ, и другой малый, котораго природная скорость только четыре. Соединимъ ихъ вмѣстѣ и заставимъ двигаться: по доказанному, скорость ихъ совокупнаго движенія будетъ менѣе восьми единицъ. Но вѣдь оба камня, сложенные вмѣстѣ, составляютъ одинъ камень, большій того, у котораго природная скорость ровна восьми единицамъ; слѣдовательно большій камень долженъ двигаться медленнѣе малаго, что прямо противно вашимъ законамъ. Вотъ какимъ образомъ изъ предположенія, будто большая тяжесть движется скорѣе, чѣмъ меньшая, я заключаю, что большая тяжесть движется медленнѣе.

Симплиціо. Странное дѣло! И мнѣ кажется, что малый камень, будучи присоединенъ къ большему, неминуемо увеличиваетъ его тяжесть, а увеличеніе тяжести должно сопровождаться увеличеніемъ скорости или покрайней мѣрѣ неуменьшеніемъ ея.

„*Сальвіати.* Вы снова ошибаетесь, г. Симплиціо. Малый камень, будучи соединенъ съ большимъ, отнюдь не увеличиваетъ тяжести послѣдняго.

„*Симплиціо.* Ну, это уже превосходитъ мое пониманіе.

„*Сальвіати.* Нисколько, если выйдете изъ ошибки, въ какой находитесь. Прежде всего замѣтьте большую разницу между тѣломъ уже находящимся въ движеніи и тѣломъ покоющимся. Если къ камню, лежащему на чашкѣ вѣсовъ, прибавить другой, меньшій камень, то вѣсъ перваго увеличится; даже не нужно камня, а довольно клочка пакли, чтобы первоначальную тяжесть увеличить восмью или десятью унціями. Напротивъ, если съ высоты пустить камень и съ нимъ паклю, какъ вы думаете, увеличитъ ли или замедлитъ эта послѣдняя скорость движенія камня? Когда, держа на плечахъ тяжесть, я стою и противлюсь ея движенію, то чувствую ея бремя; напротивъ, если бы съ тою же тяжестью на плечахъ мнѣ пришлось спускаться въ низъ и скорость моего движенія равнялась бы скорости самой тяжести, то какъ вы хотите, чтобы ея бремя было для меня ощутительно? Это все равно, что стараться пронзить мечемъ противника, который убѣгаетъ отъ васъ столь же быстро или еще быстрѣе, какъ

Библиотека "Руниверс"

вы его преслѣдуете. И такъ увѣрьтесь, что при свободномъ и естественномъ паденіи, малый камень, будучи присоединенъ къ большему, не ускоритъ его полета, а слѣдовательно не увеличиваетъ вѣсъ, какъ это бываетъ во время покоя.

„*Симпличіо.* Но если не малый камень положенъ на большой, а обратно, большой на малый?

„*Сальвіати.* Тяжесть увеличится, если скорость большаго камня превосходитъ скорость малаго; въ противномъ случаѣ, если вторая скорость менѣе первой, какъ доказано, движеніе большаго камня замедлится такъ, что оба камня вмѣстѣ будутъ падать тише, хотя падающая масса стала больше прежней, а это противно вашему мнѣнію. И такъ приходимъ къ заключенію, что всѣ тѣла, большія и малыя, состоя изъ равно тяжелаго вещества, падаютъ всегда съ одною и тою же скоростью.

„*Симпличіо.* Хотя ваши разсужденія чрезвычайно убѣдительны, все-таки мнѣ не вѣрится, чтобы капля свинца и пушечное ядро падали съ одною и тою же скоростью.

„*Сальвіати.* Скажите лучше: крошечная песчинка и мельничный жерновъ. Но вы не будете синьоръ Симпличіо, идти по избитой дорогѣ, отклонять разговоръ отъ главнаго предмета и привязываться къ слову, которое развѣ только на волосъ отступаетъ отъ дѣйствительности, тогда какъ вы хотите подъ этимъ волосомъ скрыть заблужденіе, грубое какъ морскій канатъ? Аристотель говоритъ: желѣзный стофунтовый шаръ, падая съ высоты ста локтей достигаетъ до земли прежде, чѣмъ фунтовый желѣзный шаръ, падающій съ той же высоты, пробѣгаетъ одинъ локоть. А я говорю: не правда, шары достигаютъ земли одновременно. Однако, изъ опыта вы находите, что большій шаръ упреждаетъ малый двумя пальцами, то-есть, когда большой шаръ ударяется о землю, малый отстоитъ отъ нея на два пальца. И вотъ, эти два пальца кажутся вамъ равными аристотелевымъ девяносто девяти локтямъ; такимъ образомъ, обнаруживая мою ничтожную ошибку (и то мнимую), вы недобросовѣстно умалчиваете о другой огромной. Аристотель утверждаетъ, что различно тяжелыя

Библиотека "Руниверс"

тѣла въ одной и той же средѣ движутся со скоростями, пропорціональными ихъ вѣсу, и приводитъ въ примѣръ тѣла, въ которыхъ обнаруживается чистое, абсолютное дѣйствіе тяжести и не принимаетъ во вниманіе ни фигуры тѣла, ни расположенія его частицъ и многаго другаго, на что оказываетъ вліяніе среда, осложняя дѣйствіе тяжести. Золото, тяжелѣйшее изъ тѣлъ, когда ему данъ видъ тонкаго листочка, почти не падаетъ, а носится въ воздухѣ; то же самое бываетъ и съ увѣнистыми камнями, обращенными въ мелкій порошокъ. И такъ, если вамъ угодно поддерживать ваше общее положеніе, сперва докажите, что пропорціональность скоростей не нарушима во всѣхъ случаяхъ и что двадцатифунтовый камень падаетъ въ десять разъ скорѣе, чѣмъ двуфунтовый. Но, повторяю, этого вамъ никогда не доказать, потому что оба камня, стремясь съ высоты пятидесяти или ста локтей, ударяются о землю въ одно и то же мгновеніе.

„*Симплиціо.* Можетъ быть разность паденія, незамѣтная при такой высотѣ, становится ощутительною при большой высотѣ, напримѣръ тысячи локтей.

„*Сальвіати.* Если такъ думалъ Аристотель, то обнаруживается новое его заблужденіе, чтобы не сказать обманъ. На землѣ не найдти такой огромной высоты и потому Аристотель не могъ произвести такого опыта. Однако онъ говоритъ объ опытахъ, ибо выражается: видимъ дѣйствіе.

„*Симплиціо.* Аристотель говоритъ не объ этомъ началѣ, а о другомъ, не заключающемъ въ себѣ трудностей.

„*Сальвіати.* И другое утвержденіе Аристотеля не менѣе ложно. Удивительно, какъ вы сами не видите его ошибочности. Если бы было справедливо, что одно и то же тѣло, въ средахъ различно плотныхъ и различно упругихъ, каковы напримѣръ вода и воздухъ, двигается съ различными скоростями: съ большею въ воздухѣ, съ меньшею въ водѣ, то-есть со скоростями, обратно пропорціональными плотностямъ срединъ, то изъ этого слѣдовало бы, что всякое тѣло падающее въ воздухѣ, непремѣнно падаетъ и въ водѣ. Между тѣмъ мы этого не видимъ и существуетъ много тѣлъ, падающихъ въ воздухѣ, а въ водѣ не погружающихся и плавающихъ на ея поверхности.

Библиотека "Руниверс"

„*Симпличіо.* Не понимаю необходимости вашего заключенія. Аристотель говоритъ только о тѣлахъ, падающихъ въ той и другой срединахъ; ему нѣтъ дѣла до веществъ, которыя въ воздухѣ падаютъ, а въ водѣ не погружаются.

„*Сальвіати.* Заступаясь за философа, вы прибѣгаете къ такимъ возраженіямъ, которыми онъ самъ навѣрно не захотѣлъ бы пользоваться, дабы не увеличить первую свою ошибку. Скажите, далѣе, есть ли какое либо опредѣленное отношеніе между плотностью воды и плотностью воздуха? Если есть, означьте его по своему усмотрѣнію.

„*Симпличіо.* Безъ сомнѣнія, есть. Положимъ, что вода въ десять разъ плотнѣе воздуха; слѣдовательно тѣло падаетъ въ водѣ въ десять разъ медленнѣе, чѣмъ въ воздухѣ.

„*Сальвіати.* Теперь, возмемъ какое нибудь тѣло, падающее въ воздухѣ, а въ водѣ плавающее по верху, напримѣръ кусокъ дерева. Прошу назначить ему скорость паденія въ воздухѣ, какую вамъ заблагоразсудится.

„*Симпличіо.* Пусть она равняется двадцати.

„*Сальвіати.* Прекрасно! Не ясно ли, что эта скорость можетъ относиться къ нѣкоторой другой, какъ плотность воды къ плотности воздуха и равняться слѣдовательно двумъ? На основаніи аристотелева правила, слѣдовало бы заключить, что кусокъ дерева, падая въ воздухѣ со скоростью 20, въ водѣ долженъ падать ко дну со скоростью 2, но отнюдь не стремиться со дна на поверхность. Надѣюсь, не станете спорить, что стремленіе куска въ верхъ и паденіе его къ низу со скоростью 2 не одно и то же. Если же дерево не опускается ко дну, то скажите, нельзя ли найдти другаго вещества, отличнаго отъ дерева и такого, которое бы въ водѣ дѣйствительно падало ко дну со скоростью 2?

„*Симпличіо.* Разумѣется можно, но это вещество должно быть значительно тяжелѣе дерева.

„*Сальвіати.* Къ этому я и иду. Теперь скажите: кусокъ этого второго вещества, падая въ водѣ со скоростью 2, съ какою скоростью будетъ падать въ воздухѣ? Держась аристотелева правила, вы непре-

Библиотека "Руниверс"

мѣнно скажете: со скоростью 20. Но не вы ли сами назначили это число для скорости деревяннаго куска, а теперь говорите, что этотъ кусокъ и другой, тяжелѣйшій, движутся въ воздухѣ съ равными скоростями? Какимъ же образомъ вашъ философъ согласуетъ это заключеніе съ теоремою, по которой тѣла различной тяжести движутся въ въ одной и той же срединѣ съ различными, пропорціональными вѣсу, скоростями?

„Излишни подробныя изслѣдованія; неужели вы не обращали вниманія на множество случаевъ, простыхъ и очевидныхъ, въ которыхъ два тѣла, падающія въ водѣ одно въ сто разъ скорѣе другаго, въ воздухѣ падаютъ почти одинаково? Такъ напримѣръ мраморное яйцо въ водѣ стремится ко дну во сто разъ скорѣе куринаго; между тѣмъ, падая въ воздухѣ съ высоты 20 локтей, первое яйцо не опережаетъ втораго и четырьмя дюймами. Такъ одна тяжесть, падая въ водѣ, чтобы достигнуть глубины 10 локтей, употребляетъ три часа, а падая въ воздухѣ, проходитъ то же пространство въ секунду или двѣ; напротивъ, другая тяжесть (напримѣръ кусокъ свинца) во второмъ случаѣ употребляетъ безъ малаго удвоенное время противъ перваго случая. Я увѣренъ, синьоръ Симпличіо, что вы меня поняли и потому не станете возражать и искать исключеній. Однако замѣтимъ, что эти доказательства ничуть не противорѣчатъ гипотезѣ о пустотѣ, а если и противорѣчатъ, то только тѣмъ, что устраняютъ тѣ большія пустоты, образованіе которыхъ и я и—полагаю—древніе допускаемъ не иначе, какъ вслѣдствіе посторонней силы, а не естественнаго порядка вещей. Эту мысль можно оправдать различными опытами; но было бы слишкомъ долго излагать ихъ въ настоящую минуту.

„*Сагредо.* Видя, что синьоръ Симпличіо не говоритъ ни слова, беру смѣлость сказать кое что. Хотя вы довольно ясно доказали несправедливость мнѣнія, будто тѣла различной тяжести падаютъ въ одной и той же средѣ со скоростью пропорціональною ихъ вѣсу, и говорите, что эта скорость одинакова; но мнѣ кажется, все это справедливо только относительно тѣлъ того же матеріала, той же специфической тяжести, а не тѣлъ, различныхъ по внутреннему составу.

Библиотека "Руниверс"

Не думаю, чтобы вы старались насъ убѣдить, что пробка падаетъ такъ же скоро какъ свинецъ. Хотя весьма ясно доказана вами несправедливость мнѣнія, будто скорость одного и того же тѣла въ средахъ различной плотности пропорціональна ихъ сопротивленію. Желательно слышать, какія отношенія замѣчаются въ томъ и другомъ случаяхъ.

„*Сальвіати.* Вашъ вопросъ прекрасенъ и я часто дѣлалъ себѣ подобные. Изложу мои разсужденія по этому предмету и представлю выведенный изъ нихъ результатъ. Увѣрившись въ несправедливости мнѣнія, что одно и то же тѣло, падая въ различныхъ средахъ получаетъ скорости пропорціональныя сопротивляемости этихъ срединъ, равно какъ и узнавъ, что въ одной и той же средѣ тѣла различной матеріи и тяжести падаютъ со скоростями, пропорціональными своему вѣсу, я началъ смотрѣть на совокупность обоихъ случаевъ и разсуждать: что будетъ съ двумя различно тяжелыми тѣлами, падающими въ средахъ неодинаковой плотности. Я замѣтилъ, что неравенство скоростей въ средахъ плотнѣйшихъ всегда больше, чѣмъ въ рѣдчайшихъ, и что при томъ изъ двухъ тѣлъ, съ незамѣтною разностью падающихъ въ воздухѣ, въ водѣ одно падаетъ въ десять разъ скорѣе другаго; случается даже, что тѣло быстро опускающееся въ воздухѣ, въ водѣ не только не опускается, но остается среди нея безъ движенія и, что еще чаще, плаваетъ на ея поверхности. Дѣйствительно, не трудно выбрать волокно или мочку растенія, которая въ любомъ мѣстѣ воды остается въ покоѣ, а въ воздухѣ быстро падаетъ.

„*Сагредо.* Нѣсколько разъ, вооружаясь крайнимъ терпѣніемъ, производилъ я опыты надъ воскомъ, который, какъ извѣстно, самъ собою не погружается въ воду; я хотѣлъ примѣсью песчинокъ сообщить ему такую тяжесть, чтобы во всякомъ мѣстѣ воды онъ приходилъ въ равновѣсіе. Однако, несмотря на всѣ старанія, эти опыты мнѣ не удавались, что заставило меня сомнѣваться, существуетъ ли твердое вещество, по природной своей тяжести одинаковое съ водою и могущее стоять неподвижно въ любомъ ея мѣстѣ.

„*Сальвіати.* Эти опыты, какъ и тысяча подобныхъ, удаются многимъ животнымъ скорѣе, чѣмъ намъ разумнымъ существамъ. Во

Библиотека "Руниверс"

время вашихъ изысканій, напрасно вы не обратились къ рыбамъ и не посмотрѣли, какъ онѣ искусны въ томъ, что вамъ не удавалось. Онѣ безъ малѣйшаго затрудненія приводятъ свое тѣло въ равновѣсіе среди воды, будетъ ли она чиста или мутна и солона, другими словами среди воды различной плотности. Это равновѣсіе такъ правильно, что рыба можетъ остановиться неподвижно, гдѣ ей вздумается. Для этой цѣли, по моему мнѣнію, природа надѣлила это животное особымъ приборомъ, т. е. пузыремъ, помѣщеннымъ въ брюшной полости и посредствомъ узкаго канала сообщающимся со ртомъ. То выпуская часть воздуха, заключеннаго въ этомъ пузырѣ, то впуская на поверхность и набирая новое количество воздуха, рыба сообщаетъ своему тѣлу то большую, то меньшую противъ воды тяжесть и такимъ образомъ уравновѣшивается съ нею въ любомъ мѣстѣ.

„*Сагредо.* Чтобы обмануть друзей, передъ которыми хвалился успѣшнымъ ходомъ моихъ опытовъ, я сообщалъ воску точное равновѣсіе тѣмъ, что налилъ сосудъ сперва соленой, а сверхъ нея прѣсной воды. Такимъ образомъ мнѣ удалось показать имъ кусокъ воска стоящимъ среди жидкости; поддерживаемый снизу и придавливаемый съ верху, онъ не могъ двигаться ни туда, ни сюда, а уравновѣшивался на границѣ прѣсной воды и соляного раствора.

„*Сальвіати.* Этотъ опытъ не безполезенъ, особенно для медиковъ; испытывая различныя свойства воды и прежде всего ея тяжесть или легкость, они съ успѣхомъ могутъ прибѣгать къ вашему пріему и наблюдать на какой высотѣ отъ дна останавливается кусокъ воска, погруженный въ воду.

„Однако вернемся къ предмету нашихъ разсужденій. Мы видѣли, что разность скоростей въ тѣлахъ различной тяжести возрастаетъ съ увеличеніемъ сопротивляемости среды, въ которой происходитъ паденіе. Но что же кромѣ того? Въ ртути золото не только идетъ ко дну скорѣе, чѣмъ свинецъ, но даже представляетъ единственное тѣло, которое тонетъ въ этой жидкости: всѣ другіе металлы и камни держатся на ея поверхности. Между тѣмъ золото, свинецъ, мѣдь, порфиръ и многія иныя тяжести, падая въ воздухѣ, не представляютъ

Библиотека "Руниверс"

замѣтной разности въ скоростяхъ, такъ что кусокъ золота, при паденіи съ высоты ста логтей, достигая земли, не упреждаетъ и четырьмя дюймами кускокъ свинца, падающій съ той же высоты. Замѣтивъ это, я пришелъ къ слѣдующей мысли: если бы вполнѣ устранить сопротивленіе среды, всѣ тѣла съ равныхъ высотъ падали бы съ равными скоростями.

„*Симплиціо.* Синьоръ Сальвіати, подумайте, что вы сказали! Ну можно ли повѣрить, что въ одномъ и томъ же пустомъ пространствѣ прядь льна будетъ падать такъ же скоро, какъ и свинцовая пластинка?

„*Сальвіати.* Тише, тише г. Симплиціо! Ваше возраженіе вовсе не таково, что бы я его не предвидѣлъ и не приготовился на него отвѣтить. Впрочемъ, дабы изчезли всѣ сомнѣнія, выслушайте мое доказательство. Наша задача: изслѣдовать что происходило бы съ тѣлами различной тяжести, если бы они падали въ средѣ, лишенной всякаго сопротивленія, и посмотрѣть приводится ли разность ихъ скоростей къ разности вѣса. Такъ какъ для этого необходима среда, вполнѣ лишенная воздуха и всякаго другаго наирѣдчайшаго тѣла, а такой среди не существуетъ, то мы по неволѣ должны пользоваться срединами тончайшими и тончайшими и сравнивать паденіе въ нихъ съ паденіемъ въ средахъ болѣе плотныхъ. Оказывается, что съ уменьшеніемъ плотности среды уменьшается и разность въ скоростяхъ падающихъ тѣлъ и наконецъ, когда плотность весьма мала, хотя еще далеко не равна нулю, сказанная разность совершенно незамѣтна. Мнѣ кажется, изъ этого возможно заключить съ большою вѣроятностью, что въ пустотѣ тѣла падали бы съ вполнѣ одинаковою скоростью. Для большей вразумительности произведемъ слѣдующій опытъ: возмемъ надутый пузырь; воздухъ, заключающійся въ немъ, въ атмосферѣ не вѣситъ ничего или вѣситъ очень мало (когда воздухъ въ пузырѣ нѣсколько сгущенъ). Такимъ образомъ, вѣсъ пузыря почти не разнится отъ вѣса его оболочки и составляетъ едва ли тысячную часть тяжести свинцоваго слитка, по формѣ и объему равнаго съ пузыремъ. Если за разъ пустить пузырь и слитокъ съ высоты четы-

Библиотека "Руниверс"

рехъ, шести локтей,—какъ вы думаете, синьоръ Симплиціо, во сколько разъ слитокъ придетъ скорѣе пузыря? Будьте увѣрены, что не вдвое, не втрое, тогда какъ, по вашему мнѣнію, ему слѣдовало бы двигаться скорѣе въ тысячу разъ.

„*Симплиціо.* Пожалуй въ началѣ движенія, т. е. на пространствѣ первыхъ четырехъ или шести локтей, и случается то, что вы сказали; но въ послѣдствіи, когда пространство станетъ значительно, свинецъ по моему мнѣнію, непремѣнно обгонитъ пузырь не только на шесть, но даже на восемь и на десять двѣнадцатыхъ всего пути.

„*Сальвіати.* И я того же мнѣнія и не спорю, что при большомъ пространствѣ можетъ случиться, что свинецъ пролетитъ сто тысячъ его частей, между тѣмъ какъ пузырь пробѣжитъ только одну такую же часть. Но вѣдь это, любезный Симплиціо, ничуть не противорѣчитъ моимъ словамъ, а напротивъ служитъ имъ сильнымъ подтвержденіемъ. Повторяю, скорость падающаго тѣла зависитъ не отъ его вѣса, но единственно отъ сопротивленія, оказываемаго средою, такъ что если уничтожить это сопротивленіе, всѣ тѣла, и тяжелыя и легкія, станутъ падать одинаково быстро. Этотъ законъ я основываю именно на томъ, что вы сейчасъ сказали и что несомнѣнно, т. е. на томъ, что тѣла различнаго вѣса падаютъ со скоростями, разность которыхъ увеличивается съ увеличеніемъ проходимаго пространства: явленіе необъяснимое, если искать его причину въ неравенствѣ вѣсовъ. Дѣйствительно, вѣсъ тѣла всегда одинъ и тотъ же; слѣдовательно и отношеніе между пройденными пространствами повидимому должно бы оставаться постояннымъ, а мы видимъ, что это отношеніе возрастаетъ съ возрастаніемъ высоты. Когда высота равна одному локтю, тяжелое тѣло перегоняетъ легкое десятою ея долею; при высотѣ двѣнадцати локтей цѣлою третью, а при высотѣ въ сто локтей на девяносто сотыхъ.

„*Симплиціо.* Прекрасно! Однако, идя по вашимъ слѣдамъ и предполагая, что различіе вѣса въ падающихъ тѣлахъ не измѣняетъ отношенія между ихъ скоростями, приходимъ къ такой мысли: вѣсъ тѣлъ во время паденія одинъ и тотъ же; не измѣняется также и

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИСТА-ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(мартъ и апрѣль 1897 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

СТРАН.

Высочайшій рескриптъ, данный на имя попечителя Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Апухтина 3

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату.

29-го января 1897 года. 4
1-го февраля 1897 года. —
8-го февраля 1897 года. —

Высочайшія повелѣнія.

1. (2-го декабря 1896 года). О преобразованіи Кутаисской четырехклассной прогимназіи въ реальное училище . 4

2. (23-го декабря 1896 года). О предоставленіи преподавателямъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ права на полученіе оклада въ 900 руб. за 12 недѣльныхъ уроковъ по выслугѣ сими лицами пяти лѣтъ, хотя бы и въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія 6

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

3. (23-го декабря 1896 года). О предоставленіи учительницамъ приходскихъ училищъ правъ на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій изъ особаго пенсіоннаго капитала 7

4. (23-го декабря 1896 года). О правахъ лицъ, прошедшихъ полный курсъ наукъ къ Императорскомъ Московскомъ механическомъ училищѣ при дѣйствіи устава 1-го іюня 1868 года 8

5. (6-го января 1897 года). О присвоеніи служащимъ при учреждаемомъ въ г. Шушѣ русско-татарскомъ двухклассномъ училищѣ служебныхъ правъ и преимуществъ . —

6. (6-го января 1897 года). О предоставленіи русскимъ учителямъ русско-туземныхъ школъ и надзирателямъ ученическихъ квартиръ при городскихъ училищахъ Туркестанскаго края служебныхъ правъ и преимуществъ со времени опредѣленія этихъ лицъ въ означенныя должности 9

7. (6-го января 1897 года). О преобразованіи существующей въ гор. Вѣрномъ ученической квартиры для киргизскихъ дѣтей въ пансіонъ при Вѣрненской мужской гимназіи . 10

8. (6-го октября 1897 года). Объ учрежденіи при Ташкентской мужской гимназіи стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ . 51

9. (18-го ноября 1897 года). Объ учрежденіи рисунка медали за труды по критическому разбору сочиненій на премію имени Ю. Ѳ. Самарина . . . . . —

10. (18-го ноября 1897 года). Объ учрежденіи при С.-Петербургскомъ Рождественскомъ городскомъ училищѣ стипендіи въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ . . . 52

11. (3-го февраля 1897 года). О кредитѣ на содержаніе Кахинскаго низшаго механико и химико-техническаго училища съ низшею ремесленною при немъ школою. . . —

12. (3-го февраля 1897 года). Объ учрежденіи при Варшавскомъ казенномъ помологическомъ садѣ школы садоводства . 53

13. (3-го февраля 1897 года) Объ учрежденіи при Златоустовскомъ ремесленномъ училищѣ столярнаго отдѣленія . 54

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

24-го января 1897 года. 12
1-го февраля 1897 года. —
1-го февраля 1897 года. 16
7-го февраля 1897 года. 17
11-го февраля 1897 года —
14-го февраля 1897 года 54
21-го февраля 1897 года 59
21-го февраля 1897 года 61
3-го марта 1897 года —
8-го марта 1897 года 62

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

8-го марта 1897 года 62
15-го марта 1897 года. 65

Министерскія распоряженія.

1. (8-го октября 1896 года). Положеніе о стипендіи имени дочери потомственнаго почетнаго гражданина Екатерины Прохоровой при Московской Петропавловской женской гимназіи. 18

2. (30-го октября 1896 года). Положеніе о стипендіяхъ при Троицкосавской графа Муравьева-Амурскаго женской гимназіи имени бывшей начальницы сей гимназіи Елены Александровны Ошурковой 19

3. (5-го декабря 1896 года). Положеніе о стипендіи имени дочери потомственнаго почетнаго гражданина Нины Баландиной при Енисейской женской гимназіи . . . . . —

4. (5-го декабря 1896 года). Положеніе о стипендіяхъ имени генералъ-маіора Михаила Марковича Маркова и жены его Александры Соломоновны Марковой при Донской Маріинской женской гимназіи 20

5. (5-го декабря 1896 года). Положеніе о стипендіи имени Елисаветы Михайловны Зунделевъ при Черниговской женской гимназіи. 21

6. (24-го декабря 1896 года). Положеніе о стипендіи имени Анны и Моисея Вульфъ при Симферопольской женской гимназіи 22

7. (23-го января 1897 года) О принятіи къ руководству при счетоводствѣ циркулярнаго распоряженія по министерству финансовъ отъ 14-го октября 1896 г. . . 23

8. (29-го января 1897 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о предоставленіи права держать экзаменъ лицамъ домашняго воспитанія въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ . 32

9. (1-го февраля 1897 года). Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія гг. попечителямъ учебныхъ округовъ 35

10. (11-го февраля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Никандра Захарьевича Карпенко при Севастопольской женской гимназіи . 66

11. (27-го февраля 1897 года). Положеніе о стипендіяхъ при Бѣлозерской женской прогимназіи имени бывшаго предсѣдателя попечительнаго совѣта сей прогимназіи Дмитрія Васильевича Поздынина —

12. (27-го февраля 1897 года). Положеніе о стипендіи имени врача Александра Эдуардовича Ландезенъ при Екатеринбургской женской гимназіи 68

13. (61-го марта 1897 года). Положеніе о стипендіи при Императорской Казанской первой гимназіи имени бывшаго директора этого заведенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Генриха Ивановича Крелленберга. 69

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія

36 и 70

Библиотека "Руниверс"

стран.

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 41 и 73

Опредѣленіе отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому образованію 45

Открытіе училищъ 46 и 76

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Д. М. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера (*окончаніе*) 1

В. И. Модестовъ. Поэзія въ римской исторіи. 66

А. С. Лаппо-Данилевскій. Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ царствованіе Екатерины II (*продолженіе*) 132

В. Ѳ. Андреевъ. Ученіе о періодѣ въ русскомъ языкѣ 169

А. А. Шахматовъ. Исходная точка лѣтосчисленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ 217

А. Н. Веселовскій. Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ 271

И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Кашубскій языкъ, кашубскій народъ и „кашубскій вопросъ“ 307

А. А. Чебышевъ. Очерки изъ исторіи европейской драмы. 369

Ѳ. И. Леонтовичъ. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (*продолженіе*) 408

А. А. Шахматовъ. Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ 463

Критика и библіографія.

Н. Я. Марръ. Къ вопросу о вліяніи персидской литературы на грузинскую. 223

Н. Н. Дебольскій. *М. Дьяконовъ*. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. I. Юрьевъ. 1895. Крестьянскія порядныя. Вып. II. Юрьевъ. 1897. Грамоты и Записи. 237

С. П. Шестаковъ. Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina nunc primum edidit *Aug. Heisenberg*. Praecedit dissertatio de vita et scriptis Nicephori Blemmydae. Lipsiae. 1896. 245

П. В.Ястребовъ. Dr. *Niederle*, *Lubor*. O původu slovanů. Studie k Slovanským Starožitnostem. V. Praze. 1896 254

Н. И. Карѣевъ. Примѣчанія къ „отвѣту“ г. Чечулина 257

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

Н. Я. Марръ. The Barlaam and Josaphat Legend in the ancient Georgian and Armenian Literatures by *F. C. Conybeare*. Folk-Lore. London. 1896 483

Н. В. Ястребовъ. *Julius Lippert*. Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit. B. I. Prag, Wien, Leipzig. 1896 . 491

Книжныя новости 260 и 514

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

И. Л. Шаталовъ. Русскій языкъ въ инородческой школы 1

М. Столяровъ. Народныя школы Прибалтійскаго края . 89

Наша учебная литература (разборъ 14 книгъ) 22 и 79

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Наши учебныя заведенія: I. Императорскій Московскій университетъ въ 1896 году 1

II. Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ 1896 году 12

А. Т. Письмо изъ Рима . 33

Романовскій. Н. Г. Витте (*некрологъ*) 23

В. Е. Рудаковъ. П. Г. Лебединцевъ (*некрологъ*) 26

В. Е. Рудаковъ. И. И. Малышевскій (*некрологъ*) . 29

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. А. Н. Майковъ (*некрологъ*). 46

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. І. Маленинъ. Марціалъ о своихъ стихотвореніяхъ (*окончаніе*). 81

Ѳ. Ѳ. Соколовъ. Въ области древней исторіи 92

С. Вульфъ. „Имена любимцевъ" на аттическихъ вазахъ 1

Д. Н. Кудрявскій. Славянская конструкція отрицательнаго глагола съ родительнымъ падежомъ и родственныя явленія другихъ индоевропейскихъ языковъ . . . 22

Schmidt, Georgius. Exegetica 29

Въ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики. 1

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1897 годъ

(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ:

„РУССКАЯ ШКОЛА"

Содержаніе февральской книжки слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Илья Петровичъ Деркачевъ (По поводу 35-тилѣтія его общественно-педагогической и литературной дѣятельности 1861—1896 гг.). (Окончаніе). И. Ѳ. Арсѣньева; 3) Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. (Продолженіе). П. Г. Мижуева; 4) О единой школѣ въ Западной Европѣ. Проф. А. Д. Вейсмана; 5) Нѣсколько словъ о педагогическихъ конгрессахъ въ Женевѣ и Люстинхѣ. М. Страховой; 6) Педагогическіе матеріалы въ сатирахъ М. Е. Салтыкова. (Окончаніе). С. Аниѣсскаго; 7) Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. (Продолженіе). П. Ѳ. Каптерева; 8) Сонтъ-Бэвъ о литературныхъ чтеніяхъ для народа и постановка ихъ у насъ. Ч. Вѣтринскаго; 9) Педагогическіе сельскохозяйственные курсы. М.; 10) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1896 года. (Продолженіе). И. П. Бѣлокопскаго; 11) О современной постановкѣ преподаванія чистописанія въ нашихъ школахъ и о мѣрахъ къ ея улучшенію. И. И. Евсѣева; 12) О значеніи черченія при провожденіи курса геометріи. В. Гебеля; 13) Критика и библіографія (болѣе 10 рецензій); 14) Педагогическая хроника: a) Изъ хроники западно-европейской школы. Е. Р.; b) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова; c) Хроника воскресныхъ школъ; d) Хроника профессіональнаго образованія. Б-ча; e) Дѣятельность Тамбовскаго и народнаго университета въ 1894—1895 г. №№.; f) Русская народная школа въ г. Выборгѣ и т. д. (Всего около 20 статей и замѣтокъ); 15) Разныя извѣстія и сообщенія.

Содержаніе мартовской книжки слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія по учебному вѣдомству; 2) Изъ педагогической автобіографіи. Л. Н. Модзалевскаго; 3) Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. (Продолженіе). П. Г. Мижуева; 4) Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. (Продолженіе). П. Ѳ. Каптерева; 5) Физіологическая теорія воспитанія и обученія проф. Левенталя. Доктора А. С. Вирениуса; 6) Школьное товарищество. (Изъ записокъ народнаго учителя). Я. Карасе;

Библиотека "Руниверс"

— —

7) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи **А. Рашевскаго**; 8) Одинъ день въ сельской школѣ. **И. Пасхалова**; 9) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній за 1896 годъ. (Продолженіе). **М. П. Бѣлокопскаго**; 10) Способы и пріемы обученія правописанію. **В. Г. Зимницкаго**; 11) **Критика и библіографія** (болѣе 10-ти рецензій); 12) **Педагогическая хроника**: a) Изъ хроники образованія въ Германіи. **Е. Р.**; b) Хроника народнаго образованія **Я. В. Абрамова**; c) Хроника народныхъ библіотекъ. **Его-же**; d) Хроника воскресныхъ школъ; e) Хроника профессіональнаго образованія. **В. Б-ча** и др. (всего около 20 статей и замѣтокъ); 13) **Разныя извѣстія и сообщенія**; 14) **Объявленія**.

Журналъ выходитъ ежомѣсячно книжками не менѣе десяти печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою — **ШЕСТЬ** руб. **50** коп.; для иногородныхъ съ пересылкою — **СЕМЬ** руб., за границу — **ДЕВЯТЬ** руб.

Сельскіе учителя пользуются уступкою въ одинъ рубль и правомъ разсрочки. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Литовка 1, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова и „Новаго Времени“.

Редакторъ-издатель ***Я. Г. Гуревичъ.***

Библиотека "Руниверс"

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА".

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе шестнадцатое. 1896 г.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ. Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ".

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ. 1896 г.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ—въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ".

Второй годъ обученія. Изданіе седьмое, безъ перемѣнъ. 1896 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЫШКО".

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое, дополненное, 1895 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящена священной памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"